Литературное наследство

105

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВОДЫ

НАУКА

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВОДЫ

Литературное наследство

105

Материал к биографии

Ракурс к дневнику

Регистрационные записи

Дневники 1930-х годов

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВОДЫ

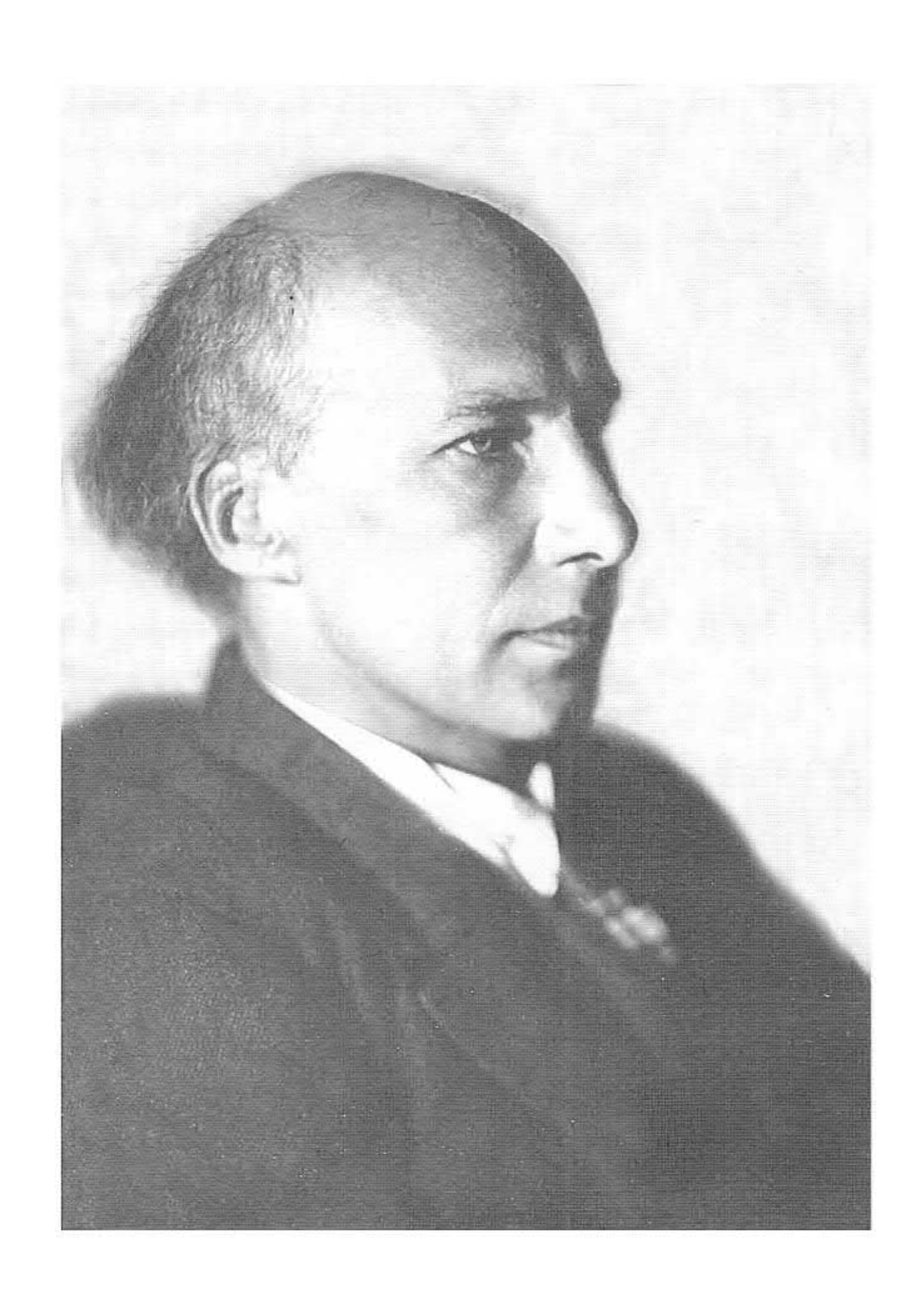
НАУКА
2016

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВОДЫ

Материал к биографии
Ракурс к дневнику
Регистрационные записи
Дневники 1930-х годов

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Фотография М.С. Наппельбаума. Ленинград. 1926
Государственный музей А.С. Пушкина (Москва)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Выходит с 1931 года

ТОМ СТО ПЯТЫЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.З. БЕЛОБРОВЦЕВА, Н.А. БОГОМОЛОВ,
С. ГАРДЗОНИО, Р. ДЭВИС, Н.В. КОРНИЕНКО,
О.А. КОРОСТЕЛЕВ (ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ),
Н.В. КОТРЕЛЕВ, А.Б. КУДЕЛИН (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ),
А.В. ЛАВРОВ, Дж. МАЛМСТАД, В.В. ПОЛОНСКИЙ,
Д. РИЦЦИ, Л.А. СПИРИДОНОВА,
Р.Д. ТИМЕНЧИК, М. ШРУБА

НАУКА
2 • 0 • МОСКВА • 1 • 6

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВОДЫ

Материал к биографии
Ракурс к дневнику
Регистрационные записи
Дневники 1930-х годов

Составители
А.В. ЛАВРОВ и Дж. МАЛМСТАД

Научный редактор
М.Л. СПИВАК

Ответственные редакторы
А.Ю. ГАЛУШКИН, О.А. КОРОСТЕЛЕВ

НАУКА
2 • 0 • МОСКВА • 1 • 6

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л64

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

«Литературное наследство» основано в 1931 году
по инициативе И.С. Зильберштейна
Принципы издания разработаны и осуществлены
И.С. Зильберштейном и С.А. Макашиным

Подготовка текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада и Т.В. Павловой:
Автобиографии (раздел I), «Материал к биографии»,
«Ракурс к дневнику» (раздел II), Регистрационные записи (раздел III)

Комментарии и вступительная статья А.В. Лаврова и Дж. Малмстада:
Автобиографии (раздел I), «Материал к биографии»,
«Ракурс к дневнику» (раздел II), Регистрационные записи (раздел III)

Подготовка текста, комментарии, статья М.Л. Спивак:
Дневники 1930-х годов (раздел IV)

Редакторы *В.В. Нехотин* (раздел IV)
М.А. Фролов (разделы I–III, аннотированный указатель имен)

Рецензенты *Н.А. Богомолов, С.И. Панов*

Подбор иллюстраций *Е.В. Наседкиной, М.Л. Спивак*

ИМЛИ РАН и редакция «Литературного наследства» выражают глубокую благодарность Государственному Литературному музею (директор Д.П. Бак, главный хранитель А.Я. Невский) и Государственному музею А.С. Пушкина (директор Е.А. Богатырев, главный хранитель Е.А. Усова) за предоставленный иллюстративный материал

ГОД ИЗДАНИЯ ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

ISSN 0130-3627
ISBN 978-5-02-039975-4

© Коллектив авторов, 2016
© ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2016
© Государственный литературный музей, Государственный музей А.С Пушкина, иллюстрации, 2016
© ФГУП Издательство «Наука», 2016

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) принадлежит к числу тех писателей, чей биографический опыт служил не только стимулом для творчества, но и непосредственным содержанием этого творчества. Едва ли не все его художественные произведения насквозь автобиографичны; в вымышленных сюжетах скрыта подлинная жизненная основа, узнаются события или коллизии, сыгравшие определенную роль в судьбе Белого.

Огромное творческое наследие Андрея Белого включает несколько книг мемуарного жанра, не имеющих, однако, принципиальных различий с его собственно художественными сочинениями. Элементы автобиографической хроники наличествуют уже в первом опубликованном произведении Белого — «Симфонии (2-й, драматической)» (1901) — и пронизывают всю повествовательную ткань поэмы «Первое свидание» (1921). Картины жизни Москвы в книге воспоминаний «На рубеже двух столетий» дублируются и дополняются эпизодами из романов «Котик Летаев», «Крещеный китаец», «Москва», в основе которых — та же историко-бытовая реальность, пропущенная через личный жизненный опыт автора. Автобиографические мотивы вплетаются в фабулу романов «Серебряный голубь» и «Петербург», а в их персонажах распознаются черты и облики реальных лиц.

Факты биографии Андрея Белого — необходимая основа не только для детального, конкретизированного представления о жизненном пути писателя, но и для понимания и истолкования подавляющего большинства его произведений. В силу этого обстоятельства особую значимость приобретают автобиографические документальные материалы, которых в рукописном наследии Белого отложилось очень много. Само их обилие и степень подробности, тщательности в освещении биографических фактов дополнительно свидетельствуют о том, насколько значительную роль играли те или иные жизненные вехи в мировосприятии Белого, в осознании им себя как личности и художника.

Подобно опубликованным или предназначавшимся для публикации мемуарам, рукописные автобиографические материалы Белого в подавляющем большинстве своем ретроспективны по отношению к описываемым фактам. В общем и целом эти документы уступают в степени подробности и яркости изображения жизненных реалий книгам воспоминаний Белого, однако существенно отличаются от них отсутствием ярко выраженной тенденциозности, специфической окраски пережитого под знаком тех идей и настроений, которыми руководствовался автор в период работы над этими текстами. И ранние версии мемуаров Белого начала 1920-х гг. — «Воспоминания о Блоке», «берлинская» редакция «Начала века», — и в еще большей мере поздние, создававшиеся в конце 1920-х — начале 1930-х гг., — это своего рода «творимая легенда»: авторский субъективизм торжествует во всех описаниях, интерпретациях и оценках. В мемуарных книгах «На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций», писавшихся по договорам с советскими издательствами и, соответственно, с оглядкой на советские идеологические нормы высказывания, этот субъективизм сказывался также и при отборе тем и фактов (напр., в названных книгах ни разу не упомянут Серафим Саровский, сыгравший, как известно по другим документальным источникам, исключительно значимую роль в духовном самоопределении Белого в начале 1900-х гг.; в государстве, пропа-

гандировавшем воинствующий атеизм, имя православного святого могло прозвучать в печати только в негативном контексте).

Об искажении многих фактов и недостоверности оценок и характеристик в позднейших мемуарах Белого писали его современники. Публицист и политический деятель (социал-демократ) Н. Валентинов, отношения с которым Белый затронул в «Между двух революций», заявлял, что писатель «производит огромное, сознательное насилие над фактами, чтобы представить в ином свете свое прошлое», что, в частности, вопреки его мемуарным заявлениям об осознании «глубокой растленности буржуазной прессы», «в 1907 году он не плевал на буржуазные газеты, а старался появляться на страницах почти всех буржуазных московских газет», что нарисованная Белым общая картина «авантюры с газетами» есть «сознательно препарированная ложь»[1]. Сходную оценку воспоминаниям «Между двух революций» дал Владислав Ходасевич. Опровергая ряд высказанных там частных суждений и оценок, он указывает и на полную несостоятельность самой идеологической тенденции, которой принужден был следовать Белый в своей последней мемуарной книге: «Без улыбки (очень мучительной) невозможно читать, как он силится представить себя чуть ли не правоверным марксистом, а символизм — проявлением ненависти к капитализму, как старательно вспоминает и раздувает каждую мелочь, которая может ему зачесться в послужной список “революционера”. И если раньше чуть ли не все окружающие мерещились ему чуть ли не демонами, злоумышляющими против него, почти солнечного героя, <…> то теперь, в соответствии с новым освещением событий, своих личных недругов он был вынужден превратить в акул и наймитов капитализма»[2].

Читатель поздних мемуарных книг Андрея Белого обязан быть настороженным и проницательным читателем, способным воспринять достоверную картину пережитого под густо нанесенным идеологическим гримом и отделить истинные смыслы от фигур речи, которые писатель не слишком умело пытался освоить в эпоху «великого перелома». Содействовать воссозданию достоверной и подлинной истории жизни Андрея Белого могут в первую очередь составленные им самим автобиографические документальные своды.

Существенная особенность автобиографических рукописей Андрея Белого — их предназначенность «для себя», а не «для читателя»: это — копилка фактов и переживаний, извлеченных из памяти, а не систематизированное и художественно обобщенное их описание. В мемуарных книгах Белый касается по преимуществу наиболее важных обстоятельств своей жизни, в записях «для себя» зарегистрировано много не самого «важного» — того, что казалось ему второстепенным, эпизодическим, случайным, либо не укладывалось в авторскую концепцию пережитого, предлагаемую читателю. В этой установке на полноту и беспристрастность в охвате и фиксации жизненного материала — особая значимость рукописных документальных сводов. Еще одна важная особенность большинства этих сводов, бесценная как для специалистов по творчеству Андрея Белого, так и для исследователей истории русской литературы первой трети XX века в целом, — более или менее точная хронологическая привязка сообщаемых фактов. Сопоставление ретроспективных записей с синхронными событиям документами и печатными свидетельствами позволяет убедиться в уникальной точности и «стереоскопичности» памяти Белого: хронологические отклонения в большинстве случаев незначительны (напр., событие, отнесенное к маю, в действительности датируется концом апреля или началом

---

[1] *Валентинов Н.* Два года с символистами / Под ред., с предисл. и примеч. проф. Г.П. Струве. Stanford, California, 1969. С. 24.

[2] *Ходасевич В.* От полуправды к неправде // *Андрей Белый: pro et contra.* С. 870. Впервые: Возрождение (Париж). 1938. № 4133, 27 мая.

июня), единичны примеры анахронизмов, дающих смещение на несколько месяцев, но почти никогда не выходящих за пределы календарного года.

Не следует, однако, считать событийную канву, воспроизводимую в автобиографических сводах Белого, исчерпывающе полной и безукоризненно точной. Многие существенные эпизоды, о которых мы знаем по другим достоверным источникам, видимо, остались на периферии сознания писателя и не актуализировались в его памяти при фиксации пережитого. О том, что забытое, неучтенное, пропущенное могло бы со временем образовать еще один, дополнительный биографический свод, составленный в результате исследовательских изысканий, можно судить хотя бы по сопоставлению сведений о публичных выступлениях Белого в 1921 г., зафиксированных в регистре «Себе на память» и в «Ракурсе к Дневнику», со сведениями, приводимыми в документальной летописи «Литературная жизнь России 1920-х годов». Белый не упоминает: свое выступление с чтением стихов на первом вечере Всероссийского профессионального союза писателей в Политехническом музее (Москва, 27 января), выступление с чтением поэмы «Первое свидание» в Петроградской филармонии (до 16 августа), чтение доклада «Достоевский и Толстой» в Вольной философской ассоциации (Петроград, 9 октября), лекцию «Россия Блока» в Политехническом музее (13 октября)[3]. Вместе с тем огромное количество сведений о публичных выступлениях Белого, содержащихся в автобиографических сводах, уникально, поскольку не подкрепляется другими документальными источниками.

Автобиографические рукописные материалы Белого делятся на две основные группы — собственно регистрационные и регистрационно-описательные. К первой группе относятся документальные своды, в которых только фиксируются по определенному типу сгруппированные факты биографии Белого без какой-либо их аналитической, оценочной или эмоциональной характеристики:

«Себе на память» — список прочитанных лекций, рефератов, бесед и т.п., с начала творческой деятельности до 1932 г.;

«Передвижения за 1910–1918 год» («Жизнь с Асей») — хронологическая канва с указанием мест пребывания (по месяцам);

«Передвижения» — хронологическая канва с 1923 г. по август 1933 г. (аналогичный документ);

«Кружки людей, в которых мне приходилось бывать» (25 позиций, в каждой — перечень лиц, с которыми Белый встречался в указанном объединении) — и т.д.

Регистрационно-описательные документальные своды представляют наиболее значительный интерес в плане реконструкции жизненного пути Белого, поскольку хронологически дискретная, весьма точная и полная фиксация биографических фактов (разумеется, с учетом высказанных выше оговорок) дается в них в контексте цельного описания либо всей жизни, либо какого-то одного ее периода и сопровождается, как правило, достаточно подробными характеристиками упоминаемых событий. Ранние образцы подобных сводов — «Работа и чтение» (январь 1916 г. — январь 1918 г.) и «Жизнь без Аси» (описание пережитого с августа 1916 г. по май 1917 г.). Первая рукопись — опыт творческой и деловой хроники, вторая — пример собственно биографического жанра. Эти два небольших свода — начальные пробы того типа хроникального описания, который представлен в двух крупных и наиболее значительных автобиографических рукописях Белого — «Материале к биографии» и «Ракурсе к Дневнику».

---

[3] Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 16–17, 141, 179, 184.

«Материал к биографии» — опыт «внутренней», «интимной» автобиографии писателя. В этом своде описаны те события его личной жизни, которые в мемуарных книгах либо обойдены вниманием, либо затронуты недостаточно полно и откровенно, в ряде случаев без раскрытия подлинных имен. Начатые как сравнительно лапидарный и суммарный биографический регистр, эти записи по мере их ведения становились все более детальными и конкретными (за исключением описания событий второй половины 1900-х гг., которые Белый изложил вкратце, поскольку они уже были предметом разностороннего освещения в «берлинской» редакции мемуаров «Начало века»). В описании событий 1913—1915 гг., охватывающем по объему более половины всего текста, регистрационные записи превращаются в подробное мемуарное изложение; в нем на первый план выдвигаются события духовной жизни Белого, включая и болезненные невротические переживания, воссоздаваемые с той скрупулезностью и эмоциональной выразительностью, которые присущи его художественной прозе. Поскольку обстоятельства жизни Белого в указанный период затрагиваются лишь в одной его мемуарной книге, «Воспоминаниях о Штейнере», где они не оказываются в центре внимания, исповедальное повествование в «Материале к биографии» приобретает исключительную ценность и значимость. Работа над этим автобиографическим сводом в основном велась в 1923–1924 гг. — записи (по старой орфографии) были доведены до июля 1915 г., последующие записи о событиях и переживаниях 1915 г., уже по новой орфографии, относятся к 1928 г.

В отличие от «Материала к биографии», «Ракурс к Дневнику» охватывает почти весь период творческой деятельности Андрея Белого: описаны события с 1899 г. по 3 июня 1930 г. Другое существенное отличие этого свода от «Материала к биографии» — в том, что в данном случае Белый осуществлял опыт «внешнего» жизнеописания: жизненные обстоятельства охарактеризованы достаточно лаконично, в то время как предметом детального освещения становятся хроника творчества, публичные выступления, перечни прочитанных книг и т.п. Имея много общего и отчасти пересекаясь с «Материалом к биографии», «Ракурс к Дневнику» отличается большей подробностью и тщательностью в отражении культурно-общественной жизни Белого. Основной объем текста «Ракурса к Дневнику» был записан, видимо, незадолго до 1927 г. С января 1927 г. и до конца текста «Ракурс» — уже не ретроспективный регистр, а собственно дневник, состоящий из кратких записей, приуроченных к определенному дню (впрочем, вполне вероятно, что Белый не вел эти записи ежедневно, а заносил их суммарно, освещая сразу более или менее продолжительный отрезок времени).

Первый раздел настоящего тома является вводной частью издания и включает две автобиографии Андрея Белого, написанные в 1927 и 1929 гг. Близкие по времени, они предполагали различную адресацию: «Краткие биографические сведения» (1929) предназначались для комиссии «Научные учреждения и научные работники СССР» при Академии Наук СССР и составлены с акцентом на научную и лекционную деятельность Белого, его работу в различных обществах и учреждениях (преимущественно после 1917 г.). Заметка «К биографии» (1927), по всей видимости, сочинялась как предисловие к не вышедшему в издательстве «Никитинские субботники» сборнику к 25-летию литературной деятельности Белого. В ней «юбиляр» довольно эмоционально полемизирует с неназванными критиками (прежде всего, Л.Д. Троцким), упрощавшими и искажавшими смысл его позиции и литературной работы. (Ср. письмо Белого от 1–3 марта 1927 г. Р.В. Иванову-Разумнику; тоже опыт «автобиографии» — в «схемах»[4]) Данные тексты стоят в ряду автобиографий Белого, начинающемся еще в мае 1905 г., когда он представил справку о себе С.А. Венгерову (использована в статье о Белом в «Малом энциклопе-

---

[4] *Белый – Иванов-Разумник.* С. 481–514.

дическом словаре» Брокгауза и Ефрона: 2-е изд. СПб., 1907. Т. 1. Вып. 1. С. 652). В начале 1908 г. Белый написал аналогичный текст по просьбе Ан. Н. Чеботаревской для готовившегося ею (но не изданного) сборника автобиографий современных писателей[5]. В 1909 г. была опубликована первая краткая автобиография Белого в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» под редакцией М.Л. Гофмана (с. 137, факсимиле рукописи Белого). Более подробная автобиография, составленная в 1912 г., предназначалась для «Критико-биографического словаря» С.А. Венгерова[6].

Второй раздел тома составляют «Материал к биографии» и «Ракурс к Дневнику».

Третий раздел включает «малые» регистрационно-описательные и регистрационные своды. В их числе — небольшой синхронный дневник, который Белый вел в течение одной декады весной 1921 г. Это один из немногих уцелевших фрагментов собственно дневниковой прозы Белого, начало которой было положено еще юношескими заметками 1899–1901 гг.[7] Регистрационные своды, которые в большинстве своем не поддаются точной датировке, объединены в условные тематические группы (доклады и выступления; занятия теософией; списки произведений и рецензий на них; участие в общественной жизни и т.д.).

Завершают настоящий том сохранившиеся дневниковые записи «позднего» Белого, фрагментарно охватывающие период с января 1930 по декабрь 1933 гг. (подробнее о них — в преамбуле к четвертому разделу).

Многие материалы настоящего издания неоднократно использовались биографами и исследователями творчества Андрея Белого (в том числе и составителями данного тома), цитировались и публиковались (большей частью, фрагментами; указания на ранее осуществленные публикации см. в комментариях к текстам). «Материал к биографии» и «Ракурс к Дневнику» служили основными архивными источниками для уточнения и детализации обстоятельств жизни и работы писателя. С опорой на последний еще К.Н. Бугаева составила рукописную «Летопись жизни и творчества А. Белого» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 107). Полная публикация этих документов вместе с многочисленными «малыми» сводами и дневниками 1930-х гг. наконец формирует корпус важнейших автографических материалов к биографии Андрея Белого.

Все тексты печатаются по автографам (за исключением «Выдержек из дневника Андрея Белого за 1930–<19>31 г.», публикующихся по машинописи, сделанной в ОГПУ). Сохранены особенности пунктуации Белого (специфика расстановки тире, двоеточия, точки с запятой и т.п.), двойные выделения слов с помощью кавычек и курсива (у Белого — подчеркивания), индивидуальное употребление прописных букв, искаженное написание фамилий и пр. Исправление немногочисленных явных описок не оговаривается.

---

[5] См.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 6. С. 502 (публ. Л.К. Долгополова); *Лавров А.В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 30–38; Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской / Предисловие, публ. и комментарии О.А. Кузнецовой // Писатели символистского круга: Новые материалы. СПб., 2003. С. 420.

[6] Опубл.: Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С.А. Венгерова. М., 1916. Т. III. (Кн. VII). С. 9–12.

[7] См.: *Лавров А.В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 116–139.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Андрей Белый: pro et contra — Андрей Белый: pro et contra. Личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников. Антология / Издание подготовил А.В. Лавров. СПб.: Изд-во Русского Христиаского гуманитарного института, 2004.

Белый — Блок — Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001.

Белый — Петровский — Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка 1902–1932 / Всуп. статья, сост., коммент. и подготовка текста Джона Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Белый — Иванов-Разумник — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья А.В. Лаврова и Джона Мальмстада. Подготовка текста и коммент. Т.В. Павловой, А.В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998.

Бугаева — *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент. Джона Малмстада. Подготовка текста Е.М. Варенцовой и Джона Малмстада. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.

Взыскующие Града — Взыскующие Града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках К.М. Агтеева, С.А. Аскольдова, Л.Ю. Бердяевой, Н.А. Бердяева, И.П. Брихничева, С.Н. Булгакова и др. / Сост., подготовка текста, вступ. статья и коммент. В.И. Кейдана. М.: Языки русской культуры, 1997.

ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).

ГМП — Государственный музей А.С. Пушкина (Москва).

ГРМ — Сектор рукописей Государственного Русского музея (Санкт-Петербург).

ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы им. М. Горького РАН (Москва).

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург).

Лица 7 — *Бугаева (Васильева) К.Н.* Дневник. 1927–1928 / Предисл., публ. и примеч. Н.С. Малинина // Лица. Биографический альманах. Вып. 7. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1996. С. 191–316.

Лица 9 — *Бугаева (Васильева) К. Н.* Дневник 1929 года / Предисл. Е.В. Наседкиной. Подготовка текста и примеч. Е.В. Наседкиной и Е.Н. Щелоковой // Лица. Биографический альманах. Вып. 9. СПб.: Феникс, 2002. С. 116–261.

ЛН — «Литературное наследство».

МБ — Андрей Белый. Материал к биографии (С. 29–266 наст. изд.).

МДР — Андрей Белый. Между двух революций / Подготовка текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990.

На рубеже — Андрей Белый. На рубеже двух столетий / Вступ. статья, подготовка текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1989.

НВ — Андрей Белый. Начало века / Подготовка текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990.

О Блоке — Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. статья, сост., подготовка текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Автограф, 1997.

ОР — Отдел рукописей.

О Штейнере — Андрей Белый. Собрание сочинений. <Т. 7>: Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Сост. и послесловие И.Н. Лагутиной, подготовка текста и коммент. И.Н. Лагутиной, М.Л. Спивак. М.: Республика, 2000.

Проблемы творчества — Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М.: Сов. писатель, 1988.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РД — Андрей Белый. Ракурс к Дневнику (С. 329–541 наст. изд.).

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

СП–1, 2 — Андрей Белый. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статьи, сост., подготовка текста и примеч. А.В. Лаврова и Джона Малмстада. СПб.; М.: Академический проект; Прогресс-Плеяда, 2006 («Новая Библиотека поэта»).

Lindenberg — Lindenberg Christoph. Rudolf Steiner. Eine Chronik. 1861–1925. Stuttgart: Verlag Freies Geistesleben, 1988.

РАЗДЕЛ I

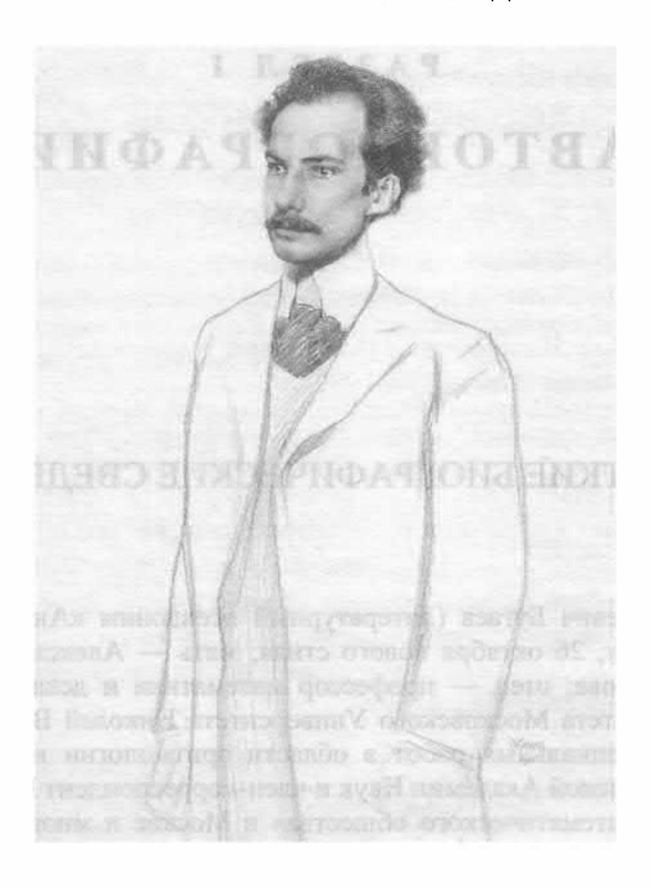
АВТОБИОГРАФИИ

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Борис Николаевич Бугаев (литературный псевдоним «Андрей Белый») родился в 1880 году, 26 октября нового стиля; мать — Александра Дмитриевна, урожденная Егорова; отец — профессор математики и декан физико-математического факультета Московского Университета Николай Васильевич Бугаев, автор многих специальных работ в области аритмологии и математического анализа, член Чешской Академии Наук и член-корреспондент Русской академии, председатель «Математического общества» в Москве и многолетний редактор «Математического вестника»[1].

Среда юности, отрочества и детства — университетская; крестная мать — вдова профессора химии Николая Эрастовича Лясковского[2]; крестный отец — профессор Сергей Алексеевич Усов[3], друг отца, путешественника Северцева, писателя Писемского[4]; в первые годы детства часто видал покойного академика И.И. Янжула, нашего соседа по квартире[5], М.М. Ковалевского, профессора Н.И. Стороженко, в доме которого бывал постоянно с четырехлетнего возраста (друг детей Н.И.) до самой смерти Стороженко; ряд профессоров эпохи восьмидесятых-девяностых годов прошел перед моими глазами; и я отцом с детства был посвящен, так сказать, «точной науке». Отец воспитывал ребенка в духе позитивизма; мать привила с детства любовь к музыке, а гувернантка-немка[6] чтением мне стихов Уланда, Гете и Эйхендорфа привила любовь к поэзии; с немецкой поэзией и с немецкой музыкой (Шуман, Шуберт, Бетховен) я познакомился прежде, чем с русскими классиками.

Художественная линия матери и строго-научная отца с ранних лет сказались как раздвоение ребенка; я переживал эстетику и фантастику как замкнутый в себе мир; и так же переживал научные объяснения отца; увлечения поэзией и естествознанием перебивают друг друга; четырехлетний я увлекаюсь зоологическим атласом; мне читают вслух зоологию Поля Бера[7]; с десяти до двенадцати длится страстное увлечение естествознанием; я читаю Кайгородова, М. Богданова, Диксона («Перелет птиц»)[8]; и мечтаю стать естественником; одновременно: Диккенс и Гоголь поражают мое воображение.

Л.С. Бакст. Портрет Андрея Белого
1906. Бумага, цветные карандаши. ГЛМ
Портрет был опубликован в журнале «Золотое Руно». 1907. № 1

В 1891 году я поступаю в первый класс частной гимназии Л.И. Поливанова; Поливанов становится огромным авторитетом; с первого до 8-го класса гимназии длится восторг мой перед удивительным педагогическим талантом Льва Ивановича Поливанова; он открывает мне тайны грамматики; научает любить Жуковского, Пушкина; и поднимает в душе культ Шекспира и Шиллера; одно время под влиянием того же Поливанова я увлекаюсь поэтикой Аристотеля; учение о драме последнего одно время я знал назубок.

В гимназии я учусь хорошо только первые годы; потом главная учеба — не гимназия, а чтение на стороне; к урокам я отношусь с полной рассеянностью, но много читаю дома; под влиянием отца читаю «Историю философии» Льюиса, а в старших классах «Логику» Милля и «Историю индуктивных наук» Уэвеля[9]; но личные мои философские интересы меня влекут от позитивизма к немецкому идеализму; я изучаю эстетики Шиллера, Гегеля и главным образом Шопенгауэра, философская система которого меня волнует в юности; в восьмом классе читаю «Критику чистого разума», но понимаю едва ее[10].

С седьмого класса гимназии во мне пробуждается огромный интерес к художественной литературе; но и модернистов, и классиков читаю одновременно; так: период знакомства с Толстым и Достоевским есть период увлечения Ибсеном, Гауптманом, Зудерманом; а потом и Маттерлинком, и французскими символистами; а увлечение живописью начинается прямо с левейших течений; мое художественное развитие идет, так сказать, вспять: гимназистом я увлекаюсь французскими импрессионистами, Россетти, Врубелем; потом увлекаюсь итальянским примитивом; позднее старогерманской живописью; и лишь зрелым мужем прихожу к Микель-Анджело и к Рафаэлю. Странно совмещаю я одновременное чтение Рэскина и Белинского.

До личного знакомства с тогдашними «символистами» (Брюсова я помню хорошо гимназистом-поливановцем; когда я был в младших классах, он нашу гимназию кончал)[11]; с седьмого класса гимназии я сам прихожу к символизму; символизм мне является конкретным синтезом двух меня разрывающих линий: моей тезы (мир науки) и моей антитезы (мир фантастики); в символизме ищу я сомкнуть ножницы двух линий жизни, двух противоречивых устремлений.

Поддержку своим художественным стремлениям я нахожу в квартире Михаила Сергеевича Соловьева, сына историка; он, его жена, художница О.М. Соловьева, сильно влияют на меня, расширяя мой кругозор; через Соловьевых я заинтересовываюсь всем новым; с сыном Михаила Сергеевича Сергеем Михайловичем (внуком историка) я дружу; в доме у Соловьевых встречаюсь с философом Владимиром Соловьевым, профессором Сергеем Николаевичем Трубецким, Ключевским, В.Я. Брюсовым, Д.С. Мережковским, поэтессой Allegro; у Соловьевых же я узнаю о Блоке, еще гимназисте, дальнем родственнике С.М. Соловьева (через мать)[12].

М.С. и О.М. Соловьевы остаются мне и старшими друзьями, и руководителями моих эстетических стремлений до самой смерти (в 1903 году); им я, еще гимназист, читаю свои первые стихотворные опыты; они позднее одобряют мои юношеские «Симфонии»; даже М.С. Соловьев печатает под фирмой «Скорпиона» мою «Симфонию» (2-ую, драматическую)[13].

В 1899 году я кончаю гимназию Поливанова и поступаю на естественное отделение физико-математического факультета, который кончаю в 1903 году; я слушаю лекции профессоров: Н.А. Умова (физика), Сабанеева, А.Н. Реформатского, Н.Д. Зелинского (химия), Вернадского (минералогия и кристаллография), Зографа, Мензбира, Тихомирова (зоология), Анучина (антропология и этнография), А.П. Павлова (геология и палеонтология), Лейста (метеорология*), Виноградова (аналитическая геометрия), Харузина (анатомия)[14], Горожанкина, Голенкина, Тимирязева (ботаника), Мороховца (физиология).

Сначала я увлекаюсь зоологией простейших и некоторое время работаю у профессора Зографа; потом главный предмет занятий — химическая лаборатория (качественный, количественный анализ, органическая химия); но кандидатское сочинение пишу проф. Д.Н. Анучину (тема «*Об оврагах*»). За время прохож-

---

* *В оригинале*: метериология.

дения курса естественных наук окончательно определяется мой интерес к философии и к эстетике; и я решаю поступить на филологический факультет[15].

За это время в связи с философией естествознания читаю: Дарвина, Геккеля, Ферворна, Катрфажа, Ива Делажа, Оствальда, Гельмгольца, Вундта и т.д.; и занимаюсь философией (Вундт, Геффдинг, Гартман, Кант, Лейбниц, Гербарт, Вл. Соловьев, Спенсер, Ницше). Слежу за всеми журналами, особенно интересуюсь группой писателей «Мира Искусства», «Скорпиона», «Нового Пути» (читаю Мережковского, Волынского, Минского, Розанова, Шестова, «Проблемы идеализма»[16] и т.д.); с 1901 года знакомлюсь с Брюсовым, Бальмонтом, Гиппиус, Перцовым, Мережковским и т.д.

В 1903 году умирает мой отец, умирают М.С. и О.М. Соловьевы. Я кончаю Университет. В 1902 году выходит первая моя книга «Симфония»; я начинаю сотрудничать в журналах «Новый Путь», «Мир Искусства». С 1903 года начинается усиленная переписка с А.А. Блоком, с которым встречаюсь в 1904 году. С 1904 года и кончая 1909-ым принимаю деятельное участие в журнале «Весы», сперва как постоянный сотрудник, потом как член редакционной коллегии[17]; и наконец, как заведующий отделом теоретических статей (с 1909 года); принимаю деятельное участие в организации московского Религиозно-Философского Общества, «О<бщест>ва Свободной Эстетики» и ряда других обществ; с 1907 до 1910 года состою членом совета «О<бщест>ва Свободной Эстетики»; с 1908 года — член «Общества Любителей Российской Словесности»; с 1909 года — член петербургского «Общества Ревнителей Худ<ожественного> Слова». За этот период определяется круг изучаемых философов (методология, теория знания — Риккерт, Кант, Когэн, Риль и т.д.); сближаюсь с кружком молодых философов (Шпетт, Степпун, Яковенко, Гессен); читаю много публичных лекций; поддерживаю живое общение с группой писателей, организующихся около к<нигоиздательст>ва «Путь» (М.О. Гершензон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой и т.д.).

С 1909 до 1913 годов член Совета и один из редакторов книгоиздательства «Мусагет», а также редактор журнала «Труды и Дни» (с 1912 до 1913 года).

С 1908 до 1912 усиленно работаю в сфере стиховедения и руковожу ритмическим кружком, сгруппированным при к<нигоиздательст>ве «Мусагет».

С 1905 до 1908 изучаю социологическую литературу (Маркс, Меринг, Каутский, Зомбарт, Штаммлер, Форлендер, Бебель и т.д.).

С 1909 года изучаю литературу «мистиков» и много читаю книг по «теософии» (Блаватская, Шюре, Штейнер, Мид, Безант и т.д.).

С 1912 до конца 1916 года живу за границей (в Мюнхене, Штуттгарте, Берлине, Христиании, Базеле, в Дорнахе и т.д.); принимаю участие в постройке «Гетеанума» (Высшая Школа Духовных Наук), строимого[*] около Базеля.

По возвращению в Россию в эпоху 1916–1921 годы занимаюсь усиленно общественно-культурной деятельностью (лекции, доклады, семинарии, ведение кружков по стиховедению, философии языка, философии культуры, чтение лекционных курсов в «Пролет-Культе», в ленинградском «Доме Искусств», в мос-

---

[*] *В оригинале*: строимом.

ковском «Антропософском Обществе», в «Лито» Наркомпроса, в «Вольной Философской Ассоциации» (Ленинград); принимаю участие в организационных делах Союза Писателей.

К этому периоду относится моя работа:

1) в московском, «Пролет-Культе» (лектор, консультант по проблемам, связанным с художественной формою; чтение рукописей, участие на семинариях и т.д.); в 1918–1919 годах читаю здесь курсы: «Стиховедение», «Теория художественного слова»;

2) в «Тео» (Театральный Отдел Наркомпроса), где короткое время был заведующим Научно-теоретической Секции (работа по организации программы «*Театрального Университета*». (Сезон 1918–1919 годов);

3) в «Дворце Искусств» (эпоха 1919–1921 годов), постоянный сотрудник, лектор, одно время член Совета и заведующий Археологическим Отделом (дискуссии, работа со студийцами, курс «Культура мысли» и т.д.);

4) в Отделе охраны памятников (1919 год) как эпизодический сотрудник (по поручению Отдела собирал материал для монографии по истории коллекций в связи с движениями коллекций в эпоху Великой Французской революции: собранный материал остался неиспользованным);

5) в Русском Антропософском Обществе (эпоха 1918–1920 годы): чтение докладов, ведение семинария, чтение курсов: «Духовная культура», «Проблема самопознания» и т.д.;

6) принимал деятельное участие в организации и работе ленинградской «Вольной Философской Ассоциации» как основатель, член Совета и председатель В. Ф. А. (особенно в 1920 и 1921 годах*); лекции, беседы, диспуты, митинги, семинарии, курсы: «Культура мысли», «Культура самопознания»;

7) одно время читал курс в ленинградском «Доме Искусств» (1920 год) под заглавием «Ритмика»;

8) одно время читал курс в «Лито» Наркомпроса: «Стиховедение»;

9) короткое время работал в библиотеке Ленинградского отделения Наркоминдела (как помощник библиотекаря).

Осенью 1921 года уехал за границу, жил в Берлине до конца 1923 года; принимал участие в организации и работе берлинского «Дома Искусств» как член Совета и в организации филиального берлинского отделения Вольно-философской Ассоциации как председатель и член Совета.

С конца 1923 года живу в СССР (в Москве, потом в Кучине, под Москвой); занимаюсь литературной и научно-философской работой (последней — для себя), главным образом чтением и собиранием материала по истории художественной и философской культуры пяти последних столетий (для сочинения, наполовину написанного вчерне)[18]; пишу роман «Москва» (3-ью и 4-ую часть)[19]. За этот период нигде не служу и ни в каких общественных организациях не принимаю деятельного участия, лекции читаю редко. Лишь в 1927 году начал курс лекций для учеников художественных мастерских при театре имени Мейерхольда (6 лекций); но курса не окончил (перегруженность кабинетной работой).

---

* *В оригинале*: годов.

Список моих печатных работ прилагаю при этих кратких биографических сведениях.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев)

Печатается по автографу, хранящемуся в Петербургском филиале архива Российской Академии Наук (ПФА РАН. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 68–80).

Впервые: Новонайденная автобиография Андрея Белого / Вступл., публ. и примеч. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 81–92.

Написано для комиссии «Научные учреждения и научные работники СССР», действовавшей при Академии Наук СССР. Рукопись поступила в Комиссию 9 апреля 1929 г. вместе с заполненным рукой Белого печатным формуляром (воспроизведен фототипически при первой публикации на с. 84).

Большинство сведений, сообщаемых Белым в этой краткой автобиографии, не комментируется, поскольку они более подробно изложены в других автобиографических сводах, помещенных в настоящем издании, и уточнены в примечаниях к ним.

[1] Московское математическое общество при Московском университете было организовано в 1866 г., Н.В. Бугаев был одним из его членов-учредителей, с 1869 г. – секретарь, с 1886 г. – вице-президент, с 1891 г. – президент Общества. Первый том «Математического сборника» – научного органа Общества – был издан в 1866 г. Подробнее о деятельности Н.В. Бугаева см.: *Некрасов П.А., Лахтин Л.К., Лопатин Л.М., Минин А.П.* Николай Васильевич Бугаев. Т. I–II. М., 1904.

[2] М.И. Лясковская.

[3] См. о нем: В память Сергея Алексеевича Усова. Статьи по поводу его кончины. М., 1887; Речь и отчет, читанные в торжественном собрании имп. Московского университета 12-го января 1887 года. М., 1887.

[4] С.А. Усов был одним из наиболее близких друзей А.Ф. Писемского (см. письма Писемского к нему в кн.: *Писемский А.Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 262–263, 272, 369–370, 414, 464, 466, 468, 509).

[5] Квартира профессора Московского университета (не академика) И.И. Янжула находилась на том же этаже дома на углу Арбата и Денежного переулка, что и квартира Бугаевых.

[6] Р.И. Раппопорт.

[7] Видимо, имеется в виду книга П. Бэра «Первые понятия о зоологии» (изд. 2-е. СПб., 1877). Ср. свидетельство Белого в философско-автобиографическом очерке «Почему я стал символистом...»: «...традиция, которую мне в ранних годах старался привить отец, – традиция естествознания; пяти лет я знаю, не умея читать, всю зоологию Поля Бэра почти назубок» (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 424).

[8] См. примеч. 45, 52 к *МБ.* Упоминается книга Чарлза Диксона «Перелет птиц. Опыт установления закона периодических перелетов птиц» (Пер. с английского гр. Е.П. Шереметевой под ред. Дм. Кайгородова. СПб., 1895). Английское издание: London, 1892. В мемуарах Белый свидетельствует (*На рубеже.* С. 225), что «начало скорому увлечению естествознанием» для него положила книга М.Н. Богданова «Мирские захребетники» (СПб., 1884; изд. 2-е: 1888).

[9] См. примеч. 138 к *МБ.*

[10] К чтению «Критики чистого разума» И. Канта Белый впервые обратился весной 1898 г. (см. с. 47–48 наст. изд.).

[11] В.Я. Брюсов окончил гимназию Л.И. Поливанова в 1893 г.

[12] О.М. Соловьева и мать А. Блока А.А. Кублицкая-Пиоттух были двоюродными сестрами.

[13] См. примеч. 240, 253, 273 к *МБ.*

[14] Имеется в виду анатом Петр Иванович Карузин. В автографе ошибка, видимо, по ассоциации с этнографом, приват-доцентом Московского университета Николаем Николаевичем Харузиным.

[15] Андрей Белый поступил на историко-филологический факультет Московского университета летом 1904 г., но курса не окончил (10 сентября 1906 г. подал заявление об увольнении из числа студентов).

[16] См. примеч. 304 к *РД*.

[17] Формально утвержденной редакционной коллегии в журнале «Весы» не существовало. Белый входил с 1907 г. в редакционное бюро «Весов», определявшее литературно-эстетическую и тактическую линию журнала и решавшее различного рода организационные вопросы.

[18] Подразумевается историко-философское исследование «История становления самосознающей души», основная работа над которым осуществлялась в 1926 г. (см. примеч. 1484 к *РД*).

[19] Над продолжением романа «Москва», получившим впоследствии заглавие «Маски», Белый начал работу в середине сентября 1928 г.; возобновил ее уже после написания данного текста – в сентябре 1929 г.

К БИОГРАФИИ

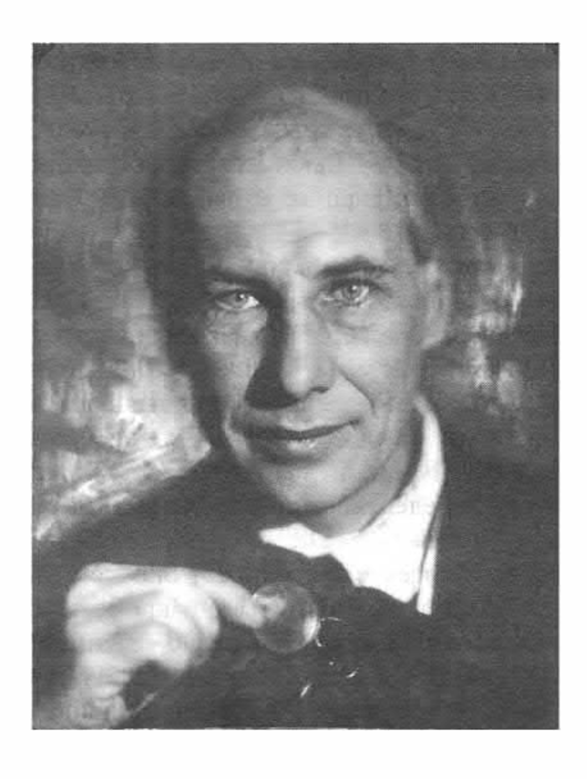
Родился я 27 октября (нового стиля) 1880 года. Мой отец, профессор математики, Н.В. Бугаев, был одним из столбов тогдашнего Московского университета; человек он был весьма разносторонний: глубокий ученый и в значительной мере новатор в области математики, живо связанный с московскими интеллигенческими кружками и течениями своего времени, прекрасно образованный в области юридических наук, живо интересующийся вопросами философии, психологии, — он много способствовал росту во мне интересов к проблемам философии и философии естествознания; с другой стороны моя мать, боготворившая музыку, привила мне с детства любовь к Шопену, Бетховену, Шуману и другим композиторам.

Мои первые детские переживания сильно окрашены музыкой и разговорами отца, а также посещавших его знакомых, на философские, научные и политические темы, в которых я ничего не понимал, но к которым прислушивался внимательно; я рос один (сестер и братьев у меня не было): потому-то и внимал разговорам взрослых; среди лиц, появлявшихся у нас в детстве, я запомнил профессоров: М.М. Ковалевского, И.И. Янжула, И.И. Иванюкова, С.А. Усова, А.Н. Веселовского, позднее Н.Я. Грота, Л.М. Лопатина, М.М. Троицкого, Н.А. Умова, А.П. Павлова; особенно памятен мне покойный Н. И. Стороженко, в доме которого по воскресеньям я бывал с первых лет детства до окончания Университета; у нас бывали и литераторы, среди которых особенно помню П.Д. Боборыкина, которому я, будучи ребенком, однажды принес карикатуру на него, за что был поставлен в угол. Запомнилось мне изредка появление у нас Л.Н. Толстого; помню, как он взял меня к себе на колени; и как его борода щекотала мне щеки[1].

Этот непонятный для меня мир взрослых людей, их каких-то своих дел, споров до хрипоты, занимал сильно мое воображение; я с усилием старался вникнуть в суть *«метафизических»* проблем, которыми занимались эти взрослые, но — нападала одурь, а по ночам делались кошмары, в которых деятельное участие принимал профессор Янжул, живший рядом с нами (стена в стену); мне казалось, что ночью из стены вылезает Янжул и начинает распоряжаться в нашей столовой.

Не то музыка, сказки и стихи: музыка входила в душу, как родной мир; сказки (Афанасьева, Андерсена) и стихи Уланда, Гейне и Гёте, хотя я их тоже не понимал, однако они производили животворное действие; странно, что первые сильно на меня повлиявшие стихи были немецкие; Уланда, Гёте и Гейне читала мне вслух гувернантка, немка[2].

Мой отец скорее мог быть мне дедом, а мать мою позднее не раз считали старшей моей сестрой; и года, и мировоззрение разделяли родителей; отец все хотел из меня сделать ученого; а мать этого боялась; я был, так сказать, яблоком раздора; и эта борьба за меня сильно отразилась на детстве; я рано ушел в себя: независимость, критика окружающей действительности — первые, непроиз-

Андрей Белый
Фотография М.С. Наппельбаума. Москва. 1929. ГМП

вольные жесты самозащиты, во мне появившиеся, как результат недоумения, кого слушаться: отца, или мать.

Но эта эмансипация, начавшаяся во мне уже с 5–6 лет, и окончившаяся позднее, в гимназические годы, откровенным бунтом, долгое время таилась под личиной *тихости* и *видимого послушания*; я был неразговорчив, застенчив; я даже не умел говорить, чувствуя себя во всем связанным; и эта связанность во внешнем обнаружении вводила людей в обман; и товарищи по гимназии, и взрослые, не отличавшиеся проницательностью, неоднократно считали меня исключительно неинтересным, глупым, неразвитым мальчиком; я это видел; и мне от этого было больно; но я упорно молчал; и до 15–16 лет *«замолчал»* складывавшийся во мне внутренний мир, потому что я смутно чувствовал себя неприемлющим быта жизни, меня окружавшего, и знал, что мой *«мир»* до неприличия своеобразен и ни на что не похож.

В сущности с детства я был уже анархистом; и до *символизма* был символистом.

Предоставленный самому себе, я вел, так сказать, двойное существование; одна моя жизнь была показной, неискренной жизнью: я жил для *«хороших отметок»*, которых требовал от меня отец; и выговаривал вслух общеизвестные истины, за которые я знал, что *«похвалят»*; моя другая, тайная, катакомбная

жизнь — мучительное самоопределение; я украдкой читал в библиотеке отца сериознейшие трактаты; моя рука протягивалась не к тем книгам, какие читаются в моем возрасте; так: в ту пору, когда сверстники мои читали Белинского, Чернышевского, Писарева, Бокля и Льюиса, я, прочитавший позднее этих авторов, уже читал Шопенгауэра, Ульрици, отрывки из *«Упанишад»*[3]; и даже — одиноко покушался на Канта.

Долгое время у меня стоял сумбур в голове: зато с 15 лет у меня вынашивалась *своя собственная,* как мне казалось, оригинальная мысль.

Был момент в моей жизни, который оказал влияние на всю последующую мою судьбу; это был момент *себя узнания* в других и в другом; вдруг мой собственный мир, к которому не было еще слов, стал выявляться* в словах и жестах жизни; такова была для меня встреча с Соловьевыми (братом покойного философа, его женой, их маленьким сыном): слова, которыми выражались в этом доме, были *словами,* точно определявшими мои безымянные, чисто музыкальные переживания; в доме у Соловьевых впервые выявилось и заговорило мое, так сказать, второе и доселе от всех скрытое *«Я»*; оно не только получило права гражданства; с ним стали сериозно считаться; и кроме того: *мой* мир предстал мне в великолепных творениях; я познакомился с течением западноевропейского символизма; и сразу схватился за произведения Метерлинка, Верлена, Ницше, Ибсена, как за *свои собственные*; с Ибсеном, например, была для меня *встреча,* как с самим собой; не было ознакомления; то, что в душе стояло без слов с детства, то заговорило, заходило, засмыслилось со страниц тогдашней *«новейшей»* литературы.

И от *«новейшего»* осветилось мне и *«старейшее»*; точно занавес сразу поднялся; и предстал мир, целый мир; и этот мир был *«миром искусств»*: в доме у Соловьевых процветали все виды искусств, кроме музыки; в нашем в высшей степени искусства не процветали, кроме опять-таки музыки, которую любила моя мать. Общение с покойными М.С. и О.М. Соловьевыми — великолепнейший, непрекращавшийся года семинарий на тему *«искусство»*.

Познакомился я с Соловьевыми в 1895 году; и до смерти М.С. и О.М., т. е. до 1903 года, я стал ежедневно бывать у них (они жили в одном подъезде с нами). Здесь я встречался не раз с Владимиром Соловьевым; здесь я позднее познакомился с Брюсовым, с Мережковским, с Гиппиус; через Соловьевых возникла моя переписка с Блоком, вылившаяся поздней в дружбу.

С 1897 года Соловьевы стали мне моей *«второй»* родиной; с этого же года я отдался бешеному чтению; за период 1897—1898 я перечитал столько книг, сколько потом никогда не читал; я читал все, что попадалось мне под руку: философию, эстетику, критику; русских и западноевропейских классиков одновременно с модернистами. В эти года я особенно полюбил Фета, Жуковского, Лермонтова; в области драматургии зачитывался Шиллером, Шекспиром одновременно с Ибсеном, Бьернсоном и Гауптманом; одно время я параллельно увлекался Белинским и Рескиным.

---

* *В автографе*: выявлялся

Все, прочитанное мной в тот период, утрясывалось в сознании в ряде лет; но уже в этом хаотическом, неутрясанном виде все прочитанное перекрещивалось во мне в один лозунг, поднимавшийся вопросом: «Как возможна теория символизма?» Помнится, что в 1897 и 1898 годах я запроповедовал соклассникам *символизм*; про меня с изумлением говорили товарищи: *«Бугаев-то у нас ведь декадент?»* С той поры *зауважали* меня; и стали со мной считаться, как с *«уважаемым декадентом»*.

Учился я в частной гимназии Л.И. Поливанова, которую и окончил в 1899 году. Личность покойного Л.И. Поливанова незабываема; она ярко светит мне сквозь всю жизнь; Поливанов был воистину «*вдохновителем*»: шекспирофил, пушкинист, пылко влюбленный в поэзию, романтик в прекрасном смысле этого слова, почти гениальный педагог с живою моральной фантазией, он был любим всеми, кто приходил с ним в соприкосновение; в нем не было ничего от трафарета; его бранным словом было слово *«казенщина»*. Ему я обязан любовью к Шекспиру, Жуковскому, Пушкину, к поэтике Аристотеля, к драмам Софокла и Эврипида. Но особенно хорошо он умел выгравировать в душе памятники древнерусской словесности; наше чтение с ним *«Слова о Полку Игореве»* было воистину художественным творчеством его: он навеки мне в душе изваял это *«Слово»*. И с ним навсегда изваял любовь к стихии народной речи.

Начал пописывать я с 1895–96 годов; но только с 1897 года стихия поэзии стала меня сериозно захватывать. Первые свои литературные опыты я стал почитывать Соловьевым; и они усиленно помогали мне добрым советом.

В 1899 году я поступил на физико-математический факультет Московского Университета; выбору моему факультета удивлялись и Соловьевы, и гимназические товарищи; философия, литература, эстетика казались моими стихиями, а я предпочел их естествознанию. Выбор факультета определялся сложными мотивами: я не хотел огорчить отца, который считал *научными* предметами лишь естествознание и математику; про другие науки он говорил: «Это — дело наживное: всякий может между делом ознакомиться с любой наукой; не то — естествознание, где лишь в лабораториях усвояешь научно научный предмет». И он был прав; я благодарю судьбу за то, что я прошел курс естественнонаучных дисциплин, который глубоко отразился впоследствии на всем ходе моего мышления. Кроме желания отца мною руководило и личное убеждение; я, будучи *«философом»*, не мог не интересоваться философией естествознания; и не мог не понимать, что овладение методологией этой философии лишь в лабораториях и музеях. Соловьевы этого не понимали; мои естественнонаучные стремления им были чужды; и тут я встречался с отцом, бывшим далеко от моих «*эстетических*» интересов, но утверждавшим мои естественнонаучные и философские мысли; наконец, — склонность к естествознанию во мне проявилась и раньше: 12–13 лет я перечитал все, что было доступно моему возрасту, начиная с книг Кайгородова и М. Богданова[4]; почитывал я и Брэма.

Университетский период распадается для меня на два этапа; в одном естественнонаучные интересы почти перетянули во мне интересы литературно-художественные; это было на первом и на втором курсе; на третьем и четвертом вполне перевесили интересы искусства, ибо я уже был «*автор*», имел литера-

турные связи, литературных друзей, тянувших меня писать; таковыми стали к тому времени: Брюсов и *«Скорпионы»* с одной стороны; Мережковские и *«Новопутейцы»* с другой[5]. Моя двойная, научно-художественная жизнь продолжалась; с одной стороны я читал: Дарвина, Уэвеля (3 тома *«Истории индуктивных наук»*[6]), Оствальда, Вундта, Милля, Спенсера и ряд монументальных пособий, как то: кропотливо одолевал том за томом зоологию Ива Делажа[7] и ряд работ по микробиологии, готовился к студенческим рефератам (*«О задачах и методах физики»*, *«О Mezazoa»* и т. д.). С другой стороны: я с не меньшим жаром зачитывался томами сочинений Влад. Соловьева, Ницше, Розанова, Бургхардта, Мережковского; и опять-таки: покушался на *«Критики»* Канта; одно время я увлекался философией Гартмана (очень кратковременно).

Первое время меня более интересовали проблемы общей биологии; и отсюда уже: мои интересы к микро-биологии; с начала 2-го курса я получил свою *«клетку»* в зоологич<еском> музее[8]; и как знать: усевшись за микроскоп, я, пожалуй, проглядел бы в микроскопе *«искусство»*, если бы не случай: я поссорился с проф. Зографом, моим научным *«патроном»*; мотив ссоры— *«мировоззрение»*, а не наука; поссорившись, остался без *«места»* в Музее; у Мензбира места были уже разобраны; так был я выбит из *«своего»* места; с той поры я стал работать не специально, но академически; более всего работал я в химич<еской> лаборатории у проф. Зелинского, проходя качественный, количественный анализы; и потом получил место для работы по органической химии; писал же кандидатское сочинение проф. Анучину (*«Об оврагах»*).

Если бы не случай, выбивший меня из зоологической *«клетки»*, я мог бы сделаться естественником; помню, что проф. Умов остался доволен моим рефератом *«О задачах и методах физики»*. Встретив меня в 1911 или 1912 годах, он вспомнил про мой реферат 1900 года; и помянул о нем добрым словом. Помнится, как на экзамене Умов остался настолько доволен моим *«философским»* подходом к механической теории тепла, что не стал спрашивать билет; и — поставил *«пятерку»*.

И сейчас, когда пишу эти слова, то вырываюсь к ним из вороха книг по естествознанию; на протяжении всей жизни от времени до времени я протягиваюсь к естествознанию и независимо от своих теперешних заданий, так сказать, бескорыстно стараюсь наверстать те пробелы, которые образовались в моем образовании; теперь меня интересует особенно тема *«Строения вещества»*, потому что с *«веществом»* этим проделывают самые фантастические операции *«вульгарные популяризаторы»*, не нюхавшие никогда подлинной лабораторной работы.

Московский Университет в мое время был блестяще представлен: нам читали лекции такие ученые, как Тимирязев, Горожанкин, Зелинский, Павлов, Вернадский, Мензбир, Умов и др. Лично я работал практически: по анатомии у проф. Карузина, по ботанике у Голенкина и Тимирязева, по зоологии у Зографа, по географии у Анучина, по химии у Зелинского.

Естественно, что в те годы вставала проблема примирить свои *«крайне левые»* устремления в сфере искусства с методикой естественнонаучной философии; и тут-то мне во многом помог своим *«аритмологическим»* мировоззрением

отец, широкий философ и прекрасный ученый[9]; и хотя мы расходились с ним во вкусах при оценке литер<атурных> явлений (он был враг *«декадентства»*, а я с точки зрения его был *«декадент»*), зато мы встречались с ним в сфере философии: Вундт, Оствальд, Лейбниц были, так сказать, мостом между нами; далее мы расходились — там именно, где для него начиналась школа французской психологии, а для меня школа немецкого идеализма, Гартмана и Соловьева.

С 1900 до 1903 года начинается для меня интенсивный период творчества; за этот период я написал *«Северную Симфонию», «Драматическую Симфонию», «Возврат»*, уничтоженный первый вариант будущего *«Кубка Метелей»* и *«Золото в Лазури»*. В 1902 году вышла моя *«Драм<атическая> Симфония»*, с 1903 года я сотрудничаю в *«Мире Искусства»*[10], в *«Новом Пути»*, а с конца года вхожу в кадр формирующихся *«Весов»*. Литературные интересы, участие в различных кружках молодежи, все это привлекает меня на *«фронт»* организующегося символизма. Но и на этом *«фронте»* я стараюсь, где могу, выявить свой *«критицизм»*. Моя статья в первом № *«Весов»* по тону отличается от других *«весовских»* статей; она озаглавлена *«Символизм и Критицизм»*; и посвящена — Канту[11]. Подчеркиваю это, потому что мне надоело ходить безмозглым уродиком, *«мистиком и только мистиком»* в угоду критикам, не трудящимся знать хотя бы историю становления мысли у разбираемых авторов; *«Весы»* ведь в книжных архивах еще существуют. И стало быть: восстановима истина; на протяжении 10 лет я во всех заметках и статьях стараюсь провести лозунг: *«Символизм и Критицизм»*. Т.е. *«символизм»*, как мировоззрение, скрещен для меня с теорией знания, а, следовательно, и с отцом теории знания: с Кантом.

В 1903 году умирают О.М. и М.С. Соловьевы; умирает и мой отец; я кончаю Университет; и оказываюсь в *новом мире*: университетский быт отходит в сторону; и я — один из тогдашних *«вояк»* за *«символизм»*.

Мне более всех влетает от критики; нет, кажется, ни одного русского писателя, над которым бы так издевались, как надо мной; десять лет я писал, говорил и действовал под улюлюканье, свист и вой *«справа»*; с 1910 года я стал лишь *допускаемым*; с 1916 года стал *«маститым»* калифом на час, чтобы с 1921 года опуститься на самое дно *«буржуазной разбитости»*; и мне смешно, когда я встречаю нынче среди хоронящих меня *«коммуноидов»* тех именно *«буржуев»*, которым я больше всего портил кровь в годы моей, так сказать, кратковременной весны; они расквитываются со мной теперь за тогдашние мои слова по адресу их *буржуазного брюха*, пользуясь своим теперешним *«коммуноидальным»* состоянием.

Биография моя не богата событиями внешними; да и кому они интересны? С 1903 года до сих пор моей стихией остаются проблемы культуры и жизни; и внешнее выражение моей деятельности — звание литератора, т. е. участие в многообразных Обществах, Кружках, писание книг художественного или философского содержания, чтение лекций и т. д. Иногда преобладает в душе нота *«искусство»*, и тогда я живу совершенно отрешенно, не читаю отвлеченных книг, смотрю на зори и т. д.; в итоге — *«художественное произведение»*; иногда наоборот; живешь стихией отвлеченной мысли: много читаешь, пополняешь образование (собственно говоря — учусь всю жизнь); иногда выпадает полоса об-

щественности; тогда читаешь лекции, организуешь кружки, ведешь педагогическую работу; такие отдельные полосы жизни обнимают года; например: периоды лет 1902–1904, 1909–1912, 1925 окрашены полосою *«художественных»* переживаний; наоборот: полосы, обнимающие периоды 1904–1908, 1912–1916, 1926–1927 окрашены полосой отвлеченных, познавательных интересов; полосы 1907, 1918–1921 я бы назвал полосами *«общественной»* деятельности по преимуществу; в них весь отдавался людям: организовал кружки, передавал молодежи свой опыт жизни; тогда не до *«искусства»*; и не до *«книг»*.

Но проблема, в которой пересекаются для меня все *полосы* жизни, проблема, вечно стоящая, — проблема, от которой почти все с испугом разбегаются, и за которую всякий тебя старается наградить пинками и представить чудаком, — это проблема *«как жить»*; этой проблемой занимались Сократ, Толстой и многие другие; и за занятиями этой проблемой еще современники Сократа присудили ему выпить яд.

Со времени Сократа ничто не изменилось; и если современники не подают реального яда; все же яд фигуральный отстаивают они для человека, который осмеливается заниматься проблемами Сократа: яд — клевет, насмешек, инсинуаций и передержек.

Излагая свою биографию, невольно останавливаешься на полосах жизни, связанных с исканиями; так период 1904–1908 годов для меня окрашен полосою исканий в области философии, изучением Канта, неокантианцев и других чисто философских течений; а с 1905 года присоединяется полоса моего политического самоопределения; в этот период жизни я читаю Маркса, Штаммлера, Кропоткина, Меринга, Зомбарта и других писателей, затрагивающих вопросы политики, экономики, права.

В период 1904–1909 пишу очень много о символизме; и всюду стараюсь в популярной форме провести лозунг первой своей статьи, посвященной символизму; именно, — *«Символизм и Критицизм»*; в ожесточенной полемике с *«мистическими анархистами»* я зову их к теории знания от *«мистики»*; в статьях *«Принцип формы в эстетике», «Формы искусства»*[12] я стараюсь согласовать принцип сохранения энергии с лозунгами тогдашних символистов. Несмотря на то, что *«Символизм», «Арабески»* и *«Луг Зеленый»* (т. е. около 1500 страниц) переполнены достаточно четко выявленными лозунгами от имени *«символической школы»*, — все, что было доселе написано о символизме, за немногими исключениями, — вздор, отсебятина, показывающая невысокий культурный и умственный уровень очень многих профессоров, историков литературы и полуграмотных критиков. Так ограниченные люди создали о символизме *«миф»*, соответствующий своему уровню; и этим *«мифом»* два десятилетия с лишним кормили доверчивых интеллигентов.

О символизме никто ничего не знает; и следовательно: никто ничего не знает и о моей идеологии. Мифы, которыми меня кормят, мифы обо мне, — мне ведомы; и я знаю, что единственный путь к правильному пониманию меня, — знать текстуально мое мнение о том или другом вопросе жизни, а не мнение критика, который сочинил какую-то ерунду и заставил читателя этой ерунде верить.

Считаю этот основной факт моей биографии, т. е. факт, что меня не знают и я не понят вопреки многим сотням мною написанных, и никем не прочитанных страниц столь важным, что вместо своей биографии в обычном смысле я подставляю категорическое утверждение, что меня исказили; оно — интереснее, чем рассказ о том, когда я был в Африке и когда строил в Дорнахе *«Дом Искусств»*, уже сгоревший[13]; согласно моим критикам, я в это время учился различать по правилам магии хвосты киевских ведьм от не киевских и давил психологических гнид под куполом «*храма*»[14]; чем я интересовался подлинно, явствует из очень объемистой книги моей *«Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности»*, сплошь наполненной рассуждениями о Гёте, Ньютоне, Декарте, механике и материи; смею думать, что так говорить обо всех этих вопросах не сумел бы тот, кто не окончил бы физико-математического факультета.

Биография есть ответ на вопрос: «Как ты жил?» А я жил в исканиях «*правды жизни*», о которой всю жизнь писал и говорил хотя и неумело, но все же достаточно внятно, чтобы всякому непредвзятому критику при определении моего мирочувствия нельзя было бы ошибиться в том, что я, например, *«имманентист»*. И если до сих пор обо мне передают разные благоглупости, то единственным ключом к теме всей моей биографии (*«как жить»*) являются мои книги, а не перечень никому не интересных событий о том, где я чихнул, и о том, — давил или не давил я *«психологических гнид»* под куполом *«храма»*.

Андрей Белый.
Кучино. Март. 27 года.

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде издательства «Никитинские субботники» в РГБ (Ф. 198. Карт. 6. Ед. хр. 5. Л. 1–8).

Этот краткий автобиографический очерк (как и примыкающие к нему «Список произведений» — перечень книг Андрея Белого и отдельных его публикаций в сборниках и периодических изданиях (Л. 9–18) и регистр «К “Указателю” критической литературы обо мне» — с. 779–787 наст. изд.), возможно, предназначался для неосуществленного издания, готовившегося к 25-летию литературной деятельности Андрея Белого. В письме Белого к П.Н. Зайцеву от 30 марта 1927 г. содержалась просьба передать Е.Ф. Никитиной «все нужные материалы», в том числе фотографические карточки (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. М., 2008. С. 383).

[1] См. примеч. 14 к *МБ*.
[2] Раиса Ивановна Раппопорт.
[3] См. примеч. 67 к *МБ*.
[4] См. примеч. 45, 52 к *МБ*.
[5] Подразумеваются литераторы, объединенные вокруг московского модернистского издательства «Скорпион», основанного в конце 1899 г., и петербургского журнала «Новый Путь», издававшегося в 1903–1904 гг.
[6] См. примеч. 138 к *МБ*.
[7] См. примеч. 27 к *РД*.

[8] Имеется в виду Зоологический музей Московского университета (хранитель — Н.Ю. Зограф).

[9] Аритмология — понятие Московской философско-математической школы, обоснованное Н.В. Бугаевым в статье «Математика и научно-философское миросозерцание» (Вопросы Философии и Психологии. 1898. № 45). См.: *Каидзава Х.* Идея прерывности Н.В. Бугаева в ранних теоретических работах А. Белого и П. Флоренского // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С. 29–44; *Каухчишвили Н.М.* Андрей Белый и Николай Васильевич Бугаев // Там же. С. 45–57.

[10] Первые публикации Андрея Белого в журнале «Мир Искусства» относятся к концу 1902 г.: статьи «Певица» (1902. № 11. С. 302–304) и «Формы искусства» (1902. № 12. С. 343–361. Подпись: *Борис Бугаев*).

[11] Упоминаемая статья Андрея Белого («Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта») была опубликована в № 2 журнала «Весы» за 1904 г. (С. 1–13).

[12] См. выше, примеч. 10. Статья Андрея Белого «Принцип формы в эстетике» была опубликована в журнале «Золотое Руно» (1906. № 11/12. С. 88–96), вошла в его книгу «Символизм».

[13] Подразумевается антропософский центр Гетеанум (Иоанново здание), сгоревший в ночь с 31 декабря 1922 г. на 1 января 1923 г. (см. примеч. 1371 к *РД*).

[14] Подразумеваются оценки, данные Л.Д. Троцким в его книге «Литература и революция» (М., 1923) в главе об Андрее Белом — по поводу антропософии: «Считаю себя вообще вправе не интересоваться “философскими” системами, выясняющими отличия хвостов веймарской и киевской ведьмы, поскольку не верю в ведьму вообще»; об «Эпопее» Белого: «При чтении ее каждая следующая страница кажется несносней предыдущей. Это самодовольное отыскивание психологических гнид, это мистическое предание их казни на ногте — не иначе как “под куполом Иоаннова Здания” <…>» (*Андрей Белый: pro et contra.* С. 517, 518).

РАЗДЕЛ II

МАТЕРИАЛ К БИОГРАФИИ*

Материал этот заносился для того, чтобы при случае дать на основании его художественное произведение (роман-автобиографию); автор брал себя, как объект анализа; центром его должны были быть переживания 1912—1916 годов; автор в эпоху 1913—1915 годов был крайне переутомлен; у него был ряд болезненных переживаний, которые он хотел записать сперва так, как они предносились ему в 1915 году. Он начал протокольно записывать эти переживания в 1923 году; но записи оборвались на 1915 годе. Ввиду того, что переживания эти даны здесь без *критики* автора (анализ их, трезвый, должен был их завершить), ввиду интимности их и крайней болезненности, ввиду того, что здесь вскрываются интимные стороны отношения автора к когда-то ему близким людям, —

— автор сдает в архив эти биографические записи лишь с условием, что они станут достоянием работающих в Архиве после смерти автора.

А. Белый.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАТЫ. (К автобиографии Андрея Белого)

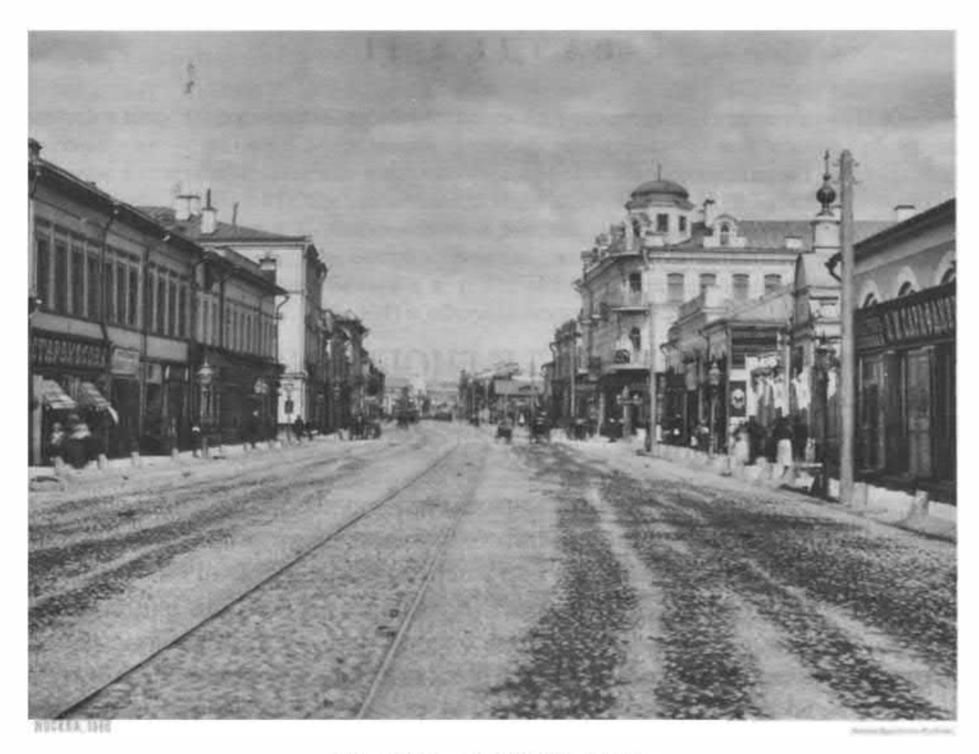
1880 год.

27 октября родился в 9 часов вечера. В понедельник, в день Луны, в час Луны под знаком Скорпиона. Родился на углу Арбата и Денежного переулка в доме Рахманова. Способствовал моему появлению на свет лейб-медик проф. Макеев.

1880 год.

Ноябрь. Крещен в Троице-Арбатской церкви[1] протоиереем Вл<адимиром> Семен<овичем> Марковым (впоследствии прото<пре>свитером Успенского Собора). Крестный отец: проф. Сергей Алексеевич Усов (отец покойного проф<ессора> медика Павла Серг<еевича> Усова); крестная мать: вдова проф<ессора> химии Ник<олая> Ирасовича Лясковского, Мария Иван<овна> Лясковская

* *Первоначальное заглавие:* Материал младенческих лет (от 1880–1899 годов). *Над заглавием — приписка карандашом:* Обнародовать после смерти. 328 страниц.

Вид Арбата от церкви Живоначальной Троицы
Фототипия «Шерер, Набгольц и К° в Москве». С фотографии Д.В. Алексеева. 1888. ГЛМ
Справа — доходный дом Н.И. Рахманова (с 1901 г. П.И. Богданова). В квартире № 7 на третьем этаже жили Бугаевы

(урожд. Варгина). Академик Я. Грот прислал новорожденному том своих сочинений с надписью: *«Борису Николаевичу Бугаеву»*[2].

1881 год.

Произнес первое слово: *«Огонь»*. (Уже потом стал произносить слова *папа, мама, няня*).

1883 год.

Лето. Первый проблеск сознательности. Помню себя на террасе дачки в Химках (около Москвы) на руках у какого-то мужчины (должно быть, — дяди[3]).

Август. Заболел смертельно дизентерией, от которой чуть не умер.

Октябрь. Заболел корью. Воспоминания о бредах и ужасно высокой температуре. Островки сознания (на рубеже 3-его года).

Ноябрь. Заболел скарлатиной.

Декабрь. Отчетливо уже сознание. С этого периода начинается внутренняя

биография. Первая пережитая драма (прогнали нянюшку)[4].

1884 год.

Январь. Появление первой бонны Каролины Карловны, первые упражнения в немецком языке; первое сближение с папой; нечто вроде влюбленности в горничную Дуняшу. Выступает жизнь квартиры, мир родственников, мир прислуги. Танцую польку с Каролиной Карловной.

Февраль. Приезд мамы из Петербурга[5]. Первые ужасы переживаний ссор папы и мамы. Каролина Карловна прогнана[6]: ко мне берут бонну Фанни Андреевну. Первые воспоминания о прогулках по Пречистенскому бульвару.

Март. Первое восприятие весны.

Боря Бугаев
Фотография Г.В. Трунова. Москва
На обороте автограф Белого:
«Не позднее 1884 года». ГЛМ

Май. Первое воспоминание о новой гувернантке, Раисе Ивановне[7]; первое воспоминание о Демьянове[8] (Клинск<ий> Уезд. По Ник<олаевской> жел<езной> дороге), куда стали мы уезжать на лето: Танеевы, купанье, смутные эротические волнения; меня дразнят девочкой и преследуют за длинные волосы.

Лето. Впечатления деревни.

Осень и зима. (Октябрь, ноябрь, декабрь). Первые откровения музыки (Шопен, Бетховен). Первые откровения поэзии при слушании «Schloss am Meer» Уланда[9]. Раиса Ивановна мне читает Уланда, Гете, Гейне и Эйхендорфа. Немецкие романтики окрашивают мир в новый цвет[10]. Первая встреча ёлки; первые ожидания Рупрехта[11].

1885 год.

Январь—февраль. Переживания маминых рассказов Раисе Ивановне о своем детстве, о своих знакомых; мир сказочной поэзии. Папа знакомит с былинами и русскими сказками Афанасьева[12]. Продолжающееся увлечение музыкой. Страхи и бреды по ночам. Раиса Ивановна берет в свою постель (с ней спать): смутные эротические волнения от этого. Я опрокидываю горящую лампу и произвожу пожар (чуть не сгораю).

Март—апрель. Мучительные переживания от сознания, что между папой и мамой что-то есть. Я проглатываю булавку, которая застревает в горле.

Лето. Демьяново. Все то же, что и в предыдущем году, но — ярче.

Боря Бугаев
Фотография Р.Ю. Тиле
Москва, около 1885. ГМП

Осень. Заболевание Раисы Ивановны. Ее уход от нас. Мама боится, что из меня выйдет второй математик. Мучительное переживание этого. Мои игры в несказанное: первые неосознанные мистические переживания иного мира.

Ноябрь—декабрь. Ко мне поступает Генриетта Мартыновна[13]. Начинаются мои частые посещения Стороженок. Мне говорят, что Маруся Стороженко — моя невеста; увлечение Марусей.

1886 <год>.

Январь. Доктора запрещают мне все фантастическое, потому что я кричу по ночам. Папа меня учит Закону Божьему. Сильные первые религиозные переживания.

Период до лета. Слабо отпечатлелся. Ярко впечатление о том, как к нам пришел Лев Толстой, и о том, как я сидел у него на коленях[14].

Лето. Дружба с Верой Владыкиной в Демьянове. У меня вскакивает прыщик; аптекарь дает ядовитой мази; начинается заражение крови; меня спасают. В это лето я тону в реке (яркие воспоминания о том, как под водой я теряю сознание).

Осень. Уход Генриетты Мартыновны. Мамина болезнь дифтеритом. Горничная Елена: дружба с ее племянницами; увлечение миром масок, игры в ряженье. Поступление к нам фреляйн Ноккерт[15].

Ноябрь—декабрь. Мне дарят сказки Андерсена[16]: яркие переживания сказочного мира.

1887 год.

Январь. Поездка мамы в Петроград. Папа учит меня французскому языку; мне трудно учиться. Разговоры с Ноккерт о ведьмах и феях.

Февраль—март. Приезд мамы из Петербурга. Усиленные ссоры папы с мамой крайне болезненно отражаются на мне. Папа продолжает меня учить, мама не позволяет мне учиться: ее нервное заболевание; мама преследует меня за то, что у меня большой лоб. Первые мучительные раздвоения сознания: во мне развиваются — непреодолимая робость и скрытность. Мама меня называет *«тихоней»*; к папе я не смею подходить. Первые приступы одиночества и пессимизма.

Апрель. Мама ссорится с Ноккерт; быстро сменяются одна за другой две гувернантки: Кёниг, Беккер... Весна.

Май. Мне шьют первый костюм со штанишками (до этого времени ходил девочкой)[17]. Я открываю в небе коршуна; мое увлечение коршунами; ко мне поступает первая француженка, m-lle Матильда. И тотчас же уходит…

Лето в Демьянове. Я остаюсь без гувернантки. Лето провожу в Демьянове с кормилицей, Афимьей[18]. Открывается жизнь природы. Дружба с Верой Владыкиной и Лидой Трувелер. Увлечение гимнастикой и трапецией. Боязнь гроз. Смутное воспоминание о Чайковском (кажется, в это лето приезжавшем к комп<озитору> С.И. Танееву, жившему в Демьянове)[19]. Игры в солдаты с танеевскими мальчиками.

Сентябрь—октябрь. Поступление к нам Аннушки (горничной). Моя дружба с ней; ее рассказы мне. Первые размышления о смерти в связи с кончиной крестного отца С.А. Усова[20]. Мне исполнилось семь лет: мама меня учит грамоте.

Ноябрь—декабрь. Аннушка рассказывает мне старообрядческие апокрифы. *Она же рассказывает своими словами Апокалипсис. Я начинаю ждать кончину мира.* Боязнь уроков, которые мне дает мама. Я, плача, учусь грамоте. Жизнь кажется беспросветной: остается одно — пострадать. Первые встречи с Владимиром Соловьевым (сначала у нас, а потом у Стороженок)[21]. Появления у нас Боборыкина; я показываю ему номер юмористического журнала, где он изображен; за это меня наказывают[22]. Я начинаю усиленно наблюдать за профессорами, приходящими к папе; и они мне кажутся то страшными, то смешными (боязнь стать профессором). Случай с домовым.

Боря Бугаев с матерью А.Д. Бугаевой
Фотография Г.В. Трунова
На обороте автограф Андрея Белого:
«84 или 85. 4–5 лет»
Москва. 1884. ГЛМ

1888 год.

Первая встреча нового года.

Январь. Ко мне поступает француженка, m-lle Marie; она обходится со мной очень сурово; читает нравоучительные рассказы и учит читать по-французски.

Февраль. Мама уезжает в Петербург. Папа учит меня чтению и основам грамматики. M-lle Мари меня бьет. Аннушка меня жалеет и рассказывает об Антихристе. Я начинаю ждать появления Антихриста.

Март. Приезд мамы. M-lle Мари прогнана за жестокое обращение со мной; Аннушка проводит со мной все время; я привязываюсь к ней. Мама при мне читает вслух *«Призраки»* Тургенева[23]; я так потрясен слышанным, что со мною делается истерика.

Боря Бугаев
Фотография Р.Ю. Тиле. Москва. 1888
ГМП

Апрель—май. К нам поступает старая француженка, M-me Thérèse; ее веселые рассказы о французской коммуне[24]. Мои первые опыты самостоятельно читать арабские сказки (1001 ночь)[25].

Лето в Демьянове. Дружба M-me Thérèse с Верой Владыкиной. Пение французских песенок с M-me Thérèse. Первые признаки начинающейся астмы у меня (одышки, хрипы). Сильное впечатление от августовских военных маневров под Клином.

Осень (Москва). Прогоняется M-me Thérèse за легкомысленное поведение (оказалась в связи с подозрительной шайкой). Моя дружба с Леней, дочерью нашей горничной; сильное впечатление от фигуры Александра III, которого я впервые увидел. Начинающееся увлечение индейцами. Мама мне читает Диккенса. Ко мне поступает старая, толстая чудачка, M-me Фюмишон.

Ноябрь—декабрь. Бурная, но кратковременная влюбленность в девочку, Соню Гамалей (первые поцелуи с ней).

Рождество. Первое посещение театра (опера «Юдифь»)[26]. Переживание Демона, Лермонтова[27]. Первое посещение детского бала в Благородном Собрании.

1889 год.

Январь. Папа заболел ревматизмом. Мне подарили *«Кожаный Чулок»* Купера[28]. Мои увлечения и игры в индейцы. Я воображаю себя «Кожаным Чулком».

Февраль. Вспышка странных мистических переживаний. Папа учит меня грамматике и арифметике. Я оказываюсь неспособным, папа кричит на меня за то, что я не учусь, а мама за то, что я папе приготовляю уроки (мое ученье втихомолку); M-me Фюмишон заставляет меня играть вслух (по-французски), а я прикидываюсь послушным, но втихомолку играю во все другое.

Март—апрель. Мама заболевает ревматизмом. И больная вслух читает «Князя Серебряного»[29]. Я присутствую при чтении. Мое увлечение «Князем Серебряным». Фюмишон — прогнана. Меня лечат от астмы.

Май. Поступление к нам M-lle Бэллы Радэн и моя дружба с нею[30]. Отъезд в Демьяново.

Июнь—август—сентябрь. Нежная дружба с m-lle Радэн; мне кажется, что только она одна меня понимает. Ее и моя дружба с Верой Владыкиной; наше купанье с Верой; мое легкое, чувственное влечение к ней (что-то слегка эротическое в наших отношениях). Чувственное влечение к горничной Нелиде. M-lle

Радэн мне рассказывает сказки о великанах; мы с ней читаем *Segure* и Жюль Вэрна по-французски; я учусь с ней грамматике французского языка. Ее дружба с мамой.

Осень. Москва. Мы с M-lle Радэн начинаем собирать коллекцию марок. Мы читаем много детских французских книг. Увлечение индейцами все растет. Меня мама начинает учить музыке, кричит на меня, гоняет от рояля, бьет карандашом по пальцам; мой панический ужас перед уроками музыки. Ко мне начинает ходить учительница (диктанты, арифметика, грамматика, закон Божий).

Октябрь. Заболеваю дифтеритом. Во время болезни мама читает мне Гоголя: Гоголь становится для меня подлинным откровением.

Ноябрь—декабрь. Увлечение Купэром[31].

1890 год.

Зима—весна. Жизнь моя тесно связана с M-lle Бэллой Радэн, которая единственно понимает меня; с другими я не умею разговаривать: начинаю ломаться, быть неискренним; меня считают «недалеким». M-lle Бэлла мучается этим. Мне открывается мир греческой мифологии: я начинаю изображать собою Геракла, свершающего подвиги: увлечение всем героическим.

Апрель—май. Мы все едем в Киев, где я знакомлюсь со своими 4 тетями и множеством взрослых двоюр<од>ных братьев и сестер (Кистяковских, Арабажиных, Ильяшенко, Жуковых)[32]; мое легкое увлечение Милочкой Арабажиной (потом женой академика Перетца)[33]; знакомлюсь с К.И. Арабажиным; сильное впечатление от Киева, Днепра и дома Варв<ары> Фед<оровны> Кистяковской (моей тети)[34]. Меня отвозят в имение Городищи, Киевской губернии, к Филлипченкам (Людм<ила> Фед<оровна> Филлипченко — урожденная Кистяковская)[35], где оставляют с M-lle Радэн; родители едут сперва в Одессу, а потом в Крым (папа — председатель экзамен<ационной> комиссии в Одессе[36]). Я сильно грущу, расставаясь с мамой, и сильно заболеваю (воспал<ение> легких).

Май. Болезнь и выздоровление. Меня охватывает одиночество. В Городищах — скука. Филлипченки косятся на нас с M-lle Radin. Сам Филлипченко, человек грубый, объявляет меня идиотиком; меня делают каким-то шутом и призывают меня демонстрировать свою *«глупость»* перед знакомыми Филлипченко. M-lle Bella страдает за меня. Мне открывается новый мир в библиотеке Филлипченок. Я глотаю журнал «Вокруг Света»[37]. И зачитываюсь сочинениями Жаколио, Луи Бусенара и Майн Рида. Читаю историю русско-турецкой кампании и объявляю себя Скобелевым[38].

Июнь—июль. Проходит для меня в странных играх; из игры вырастает миф: я — полководец, гений; миф сплетается с жизнью; с этого периода все, что ни случается со мной, я перекладываю на язык своего мифа: этот *«миф моей жизни»* тянется с лета 1890 года до университетских лет во многом, подготовляя рождение *«Андрея Белого»*; творчество жизни непроизвольно открывается с этого времени. Между тем Филлипченки нас преследуют. M-lle Бэлла в ряде писем жалуется родителям на отношение ко мне Филлипченок; и мы получаем от отца предложение ехать обратно в Москву. По дороге мы останавливаемся на неделю у сестры M-lle Радэн, живущей у дочерей адвоката Куперник[39], в

Боярках, под Киевом; эта неделя оставляет сильное впечатление и окрашена игрою моею в «битвы». Я возвращаюсь в Москву, воображая себя прославленным полководцем, представляя, что гром московских пролеток — приветственный гром пушек; но *«миф»* свой я тщательно прячу от всех (даже от M-lle Радэн).

Август. Весь проходит в играх на Пресне, в саду у бабушки[40]; в конце августа приезжает мама; ярко переживаю ее рассказы о Крыме, о море.

Осень. Учительница усиленно готовит меня в гимназию. Осень окрашена спорами папы и мамы, куда меня отдать: в первую ли гимназию (желание папы), или к Поливанову (желание мамы)[41]. У нас в доме появляется Шишкин (будущий мой учитель физики) и Н. Я. Грот; переживаю рассказы о Психол<огическом> О<бщест>ве[42] и спиритизме. Миф моей жизни продолжается. Начинаю читать *«Давида Копперфильда»*[43] и продолжаю читать романы Жюля Вэрна. Мама много читает мне Гоголя. У нас в доме появляется M-er Жозеф, брат M-lle Radin; и я героизирую его.

Зима протекает в том же темпе.

1891 год. Идет под знаком мифа, чтения книг и усиленной дружбы с M-lle Радэн.

Лето. Особенно ярки воспоминания о Демьянове, об играх в крокет с M-lle Бэллой, о дружбе с мальчиками Сыроечковскими и об играх в индейцы с ними; меня продолжают водить купаться с дамами; наша горничная (хорошенькая девушка 17 лет) смущает мое воображение, но я прячу свое чувство; идти с ней купаться и мучительно, и приятно мне. Очень трудно мне заниматься с папой: он кричит на меня; я кажусь себе совершенно бездарным; в Демьянове живет семейство Лопатиных (К.Л. Лопатина и ее муж вместе с сыновьями Л.М. Лопатиным, доцентом философии, и Николаем Мих<айловичем> Лопатиным, великолепно поющим русские народные песни; каждый вечер у нас в зале — собирается все Демьяново: Лев Мих<айлович> Лопатин рассказывает страшные рассказы. Н.М. поет за полночь. Начинаю дружить с Павлушей Танеевым и с семейством Эртель (Ал<ександром> А<лександровичем> Эртель, офицером, Мих<аилом> Ал<ександровичем> Эртелем, студентом, и с Мар<ией> Алекс<андровной> Эртель). Эртели очень ласковы со мной.

Сентябрь. Мы переезжаем в Москву. Папа неожиданно берет меня в гимназию Поливанова, где меня экзаменуют и принимают в первый класс[44]. Так становлюсь я гимназистом: новый мир открывается для меня; гимназией заслоняется моя дружба с Радэн. Усиленно погружаюсь в латынь.

Октябрь—ноябрь—декабрь. Мое увлечение Львом Ивановичем Поливановым. Я неожиданно для себя самого становлюсь первым учеником; учителя меня любят и даже балуют. Поливанов расхваливает меня, Лопатин расхваливает меня. Папа гордится мною. M-lle Радэн — тоже. Мама не обращает на мои успехи никакого внимания. Она читает мне по вечерам Короленко, Костомарова, Гоголя.

1892 год.

Период зима—весна занимают гимназические интересы. Я получаю в подарок от Анны Сергеевны Гончаровой сочинение Кайгородова «*Птицы России*» (или нечто вроде этого)[45]. Мое увлечение птицами. Весною начало дружбы с одноклассником Николаем Тарновским (кратковременное). В музыке мне начинает говорить Чайковский и Балакирев. Блестяще выдерживаю экзамен во второй класс. Кажется, открывается французская торговая выставка[46]; часто бываем на выставке; меня парадоксально поражают французские импрессионисты (Монэ, Манэ)[47], которых ругает Москва.

Борис Бугаев — гимназист
Фотография П.Н. Барбашова
Москва. 1890-е. ГЛМ

Июнь—август. Летом живем в Перловке (по Ярославской дороге). Мне шьют всякие кокетливые костюмы; впервые себя ощущаю интересным; очень увлекаюсь двумя девочками: сперва Соней Дейбель, потом — Стефенс. Ходим на детские танцы. Дружу с реалистом, Ваней Орбеловым. Много читаю Жаколио, Жюля Верна, Майн Рида и др. Осенью мама заболевает.

Сентябрь—октябрь. M-lle Radin покидает нас. Во втором классе я продолжаю так же хорошо учиться. Влияние Л.И. Поливанова возрастает. Латынь нам начинает преподавать Казимир Клементьевич Павликовский, которого в 1–ой гимназии считают грозой. Он страшно действует мне на нервы; его назойливая придирчивость ко мне мне становится жуткой[48].

Ноябрь—декабрь. Меня часто берут в театр на классические пьесы вроде «Марии Стюарт»[49]. Увлечение артистами Малого театра: Ермоловой, Музилем, Горевым, Садовскими. Ко мне ходит молодая француженка давать уроки языка.

1893 год.

Январь—март—апрель. Этот период окрашен какою-то внутреннею борьбой с Павликовским, который снится и в сне преследует меня, увлечением театром и частым посещением детей Стороженок; у Стороженок мы устраиваем спектакли; я делаюсь режиссером. Вторичное увлечение Марусей Стороженко, теперь Арсеньевской гимназисткой[50]. Общество Стороженок: здесь по воскресеньям среди взрослых часто встречаю: Ермилова, критика И.И. Иванова, Веселовского, проф. Покровского, Фриче, Сакулина, Гамбарова и мн<огих> др<угих> деятелей; наше детское общество того времени: дети Христофоровы (сыновья К.П.

Христофоровой), Варя Бакланова, Женя Иванюкова (дочь проф. Иванюкова), Якушкины, граф<иня> Салиас, Дюбюк и др. Мы все очень любим репетитора Дмитрия Иван<овича> Курского (будущего комиссара юстиции)[51]. Здесь же иногда встречаю Вл. Соловьева, Льва Толстого; покойный проф. Стороженко очень возится с нами, детьми. На наших детских спектаклях однажды присутствовали: Боборыкин и артистка Федотова.

Май. Держу экзамен. Ко мне поступает преподавательницей M-lle Ада Ги.

Июнь. Лето мы проводим в Царицыне (Курская дорога). Воспитательница моя M-me Пейкер; я очень дружу с нею; она развивает во мне интерес ко всему придворному: к орденам, к чинам и т.д. Мне все это очень нужно, потому что фабула моего *«мифа»* усложняется; в ней я занимаю высокую придворную должность, соединяющую обязанности главнокомандующего с обязанностями министра иностранных дел. Но главное мое увлечение — естествознание: я мечтаю стать студентом-естественником (увлечение птицами, растениями); увлекаюсь книгой Модеста Богданова «Из жизни русской природы»[52].

31 июня особенно памятно. В этот день я испытываю первое сильное увлечение; я влюбляюсь в Маню Муромцеву (дочь Сергея Андреевича Муромцева), встретив ее на именинах у Вышеславцевых.

Июнь—июль—август. Увлечение Маней Муромцевой и дружба с детьми Давыдовыми, на даче которых я бываю каждый день.

Сентябрь—декабрь. Я начинаю брать уроки танцев одновременно в двух домах: по субботам у Вышеславцевых (Вышеславцев — товарищ по классу) и у Тарновских (тоже товарищ по классу); весь этот сезон проходит под знаком танцевальной горячки; особенно весело танцевать у Вышеславцевых. Наше детское общество: Вышеславцевы, Петунниковы, Крестовниковы, Муромцевы. У Тарновских я встречаюсь с родственниками Веры Ивановны Тарновской: с Влад<имиром> Иван<овичем> Немировичем-Данченко и с кн. Сумбатовым-Южиным. Очень там люблю старичка, барона Корфа. К концу полугодия я уже танцую до 20 разных танцев (между прочим: лансье[53], разные фигурные вальсы и русскую; особенно хорошо мне удается мазурка и так называемая фигура *«ползунка»* в русской). Между тем гимназические успехи мои ослабевают; я начинаю лениться; Павликовский преследует меня; папа жалуется на него Шишкину, учителю Поливановской гимназии. Кроме того: я как-то теряю свой авторитет среди товарищей; меня считают недалеким, неразвитым; меня преследуют за мое якобы сходство с девочкой; дают кличку мне: «Лиза».

1894 год.

Январь—апрель. Час от часу не легче! С гимназией все труднее: я становлюсь каким-то *«идиотом»* для класса, мишенью шуток и приставаний; обнаруживается мое полное одиночество среди товарищей. Мне все труднее ладить с учителем Павликовским; латынь окончательно не дается мне; математика надоедает; гимназия кажется скучной; только увлекает русский язык; я оказываю успехи у Л.И. Поливанова (директора и учителя русского языка). К этому времени впервые во мне пробуждается сериозная любовь к русской поэзии: Пушкин, особенно Жуковский и Полонский говорят мне. M-lle Ада Ги продолжает бывать у ме-

ня каждый вечер и мы очень дружим с нею; она рассказывает мне бретонские легенды и легенду о Тристане[54]; легенда эта поражает мое воображение. В то же время я как-то отдаляюсь от своих родителей: боюсь отца, с ним неискренен и начинаю про себя остро, резко критиковать свою мать. В этот период мы часто с мамой бываем у Марии Ивановны Бутлер; я дружу с ее сыновьями, гимназистами (Женей и Лелей). Бутлеры приглашают маму и меня на лето в имение их *«Александрию»* (Тамбовской губ<ернии>, Спасского уезда).

Май. Я с восторгом читаю драмы Алексея Толстого и повторяю наизусть монологи из *«Смерть Иоанна Грозного»*[55]. Экзамены.

Июнь—июль. Мы с мамой проводим в имении Бутлер, в «Александрии»; этот период — один из унылейших в моей жизни. С мамой у меня резкие расхождения (о причине их я не могу сказать; могу лишь сказать одно: мама была ко мне жестока, несправедлива; она преследовала и мучила меня; я — озлоблялся); с Бутлерами дружбы не вышло; мы глядели в разные стороны; всем было тягостно в *«Александрии»*. Скрасили только 2 недели, проведенные в гостях у Варвары Семеновны Жилинской, в ее имении *«Липяги»*. Общество в Липягах: семейство Хохловых (артиста), Бутлеров, Ходневых; часто бывали в гостях у князя Дм<итрия> Ник<олаевича> Цертелева, проживавшего рядом в своем имении того же названия[56]; мне нравилась хорошенькая барышня, Маруся Хохлова, и особенно нравилась молодая княгиня Цертелева (урожденная Вонвонлярская)[57].

Июль. В июле мы с мамой попадаем в Москву, берем мою тетю[58] и едем в Либаву.

Июль—август. Либава: скучнейше провожу время здесь. Море не произвело особенно сильного впечатления. Запомнился пляж, курзал; запомнились две маленькие девочки на пляже (впоследствии я с этими девочками познакомился в Москве; они оказались: Асей и Наташей Тургеневыми).

Август—декабрь. Запомнилась смерть Александра III[59]; из гостиницы «Метрополь» мы смотрели на смертный кортеж вместе с семейством проф. Грота). Я окончательно перестаю учиться в гимназии; с Павликовским из рук как плохо. Папа качает на меня головой. За extemporalia[60] получаю исключительно двойки; начинаю забираться тайком к папе в кабинет и прочитывать ряд папиных книжек. Меня угнетает мысль, что товарищи по классу развиваются, а я такой неразвитой. Читаю тайком все, что мама читает: так — проглатываю романы Золя, Бурже, Мопассана. Чтение мое — бессистемно, сумбурно; я решительно таюсь ото всех; разговаривать ни с кем не умею; и очень мучаюсь этим; дух критики по отношению ко всему, что встречает меня у нас в доме, — растет во мне. Мы едем на Рождество в Петербург: яркое впечатление от Петербурга и от дома Е.И. Черновой (жены артиста); общение с ее детьми: Колей и Соней Гамалеями.

1895 год.

Период до весны ничем не окрашен; ни одно воспоминание не вспыхивает во мне; все — серо, обыденно, уныло; мне кажется, что моя жизнь — сплошная, бессмысленная каторга: в гимназии — издевательства товарищей и борьба с учителем Павликовским, дома — чувство страха и затаенности перед отцом,

А.Д. Бугаева (урожденная Егорова)
Мать Андрея Белого
Фотография Р.Ю. Тиле. Москва. 1890-е
ГМП

чувство протеста к матери; друзей — нет у меня; томление пола: я стыжусь своих переживаний и того, что во мне способны вызывать молодые горничные.

Май—июнь. Мы с мамой едем в Кисловодск: я провожу весь день в парке. Мама проводит время с Ек<атериной> Ив<ановной> Черновой, а я — один. Мое увлечение 15-летней девочкой, дочерью известной московской красавицы.

Июль—август. Проводим с мамой в имении генерала Жилинского, в Бобровке (Тамб<овской> губернии), куда нас зовут проводящие там лето Бутлер. Опять поездки в Липяги к Анне Семеновне Жилинской, опять пикники у Цертелевых.

Осень (сентябрь—октябрь). У нас в доме появляется моя кормилица, Афимья; мы с ней дружим. Я начинаю тайно пописывать стихи (весьма убого)[61]. Осенью к нам поступает горничной молодая племянница Аннушки (тоже Аннушка), вдова, очень хорошенькая; она начинает со мною кокетничать; я немного влюбляюсь в нее; Аннушка видимо хочет со мной иметь легкомысленное приключение, но исступленный стыд и чувство порядочности удерживают меня от романа с ней. У нас в классе затеивается журнал, и я пишу для первого № отрывок, который находят талантливым[62].

Октябрь—ноябрь—декабрь. Этот период окрашен для меня впечатлением от посещения дома Толстых (в Хамовниках); графиня С.А. Толстая делает маме визит и просит возобновить знакомство домами ввиду того, что ее сын, Михаил Львович, учится со мной в одном классе гимназии; мои родители отвечают визитом; и я начинаю бывать в доме у Толстых по субботам, когда у них журфиксы, а у Мих<аила> Львовича и Александры Львовны собирается молодежь[63]. Здесь я неоднократно встречаюсь с Львом Толстым, приезжающим из Ясной Поляны; у Толстых в это время я вижу: Сухотина (будущего мужа Татьяны Львовны), молодого Ге, Сергея Иван<овича> Танеева и др. Среди поливановской молодежи, кроме меня, бывают: Коля Стороженко, братья Дьяковы, Сухотин Лев, Берс и др. Мы страшно проказим: к нам присоединяется Марья Львовна, впоследствии скончавшаяся[64].

Вторым очень крупным событием в моей жизни есть мое знакомство с Сережей Соловьевым, еще маленьким мальчиком, проживающим в нашем доме; скоро я начинаю посещать часто квартиру Соловьевых[65].

1896 год.

Весь период от января до лета окрашен для меня знакомством и растущей близостью с семейством Соловьевых, оказывающих на меня большое моральное влияние; здесь, в этом доме подчеркиваются мои устремления, я все более и более привыкаю вслух выражать свои мысли. У Соловьевых встречаюсь с новыми людьми (между прочим с Ключевским, Владимиром Соловьевым, Марконетами, Огневыми, Коваленскими, кн. С.Н. Трубецким, Унковской, Поликс<еной> Серг<еевной> Соловьевой (Allegro), генералом Деннет, Владимиром Мих<айловичем> Лопатиным, Екатер<иной> Мих<айловной> Лопатиной). Подчеркивается мое увлечение литературой; читаю много: Тургенева, Диккенса, Шекспира; намечается огромный нутряной интерес к проблемам философии; уже тайком от папы забираюсь к нему в кабинет и читаю доступные моему пониманию философские книги, *«Вопросы философии и психологии»*[66]; начинают интересовать проблемы гипнотизма, спиритизма и оккультизма; производят потрясающее впечатление *«Отрывки из Упанишад»* и *«Тао»* Лао-дзы[67]. Бываю часто у Стороженок, где мы продолжаем ставить спектакли. Начинаю бывать у дочерей профессора Зубкова. Бываю и у Толстых.

Весна. Весь этот период окрашен для меня коронацией: вижу торжественный въезд государя, толкаюсь по улицам, потрясаюсь Ходынкой[68]. Продолжается легкое увлечение Аннушкой. Аннушка от нас уходит. Мы с мамой едем после моих экзаменов за границу.

Май—июнь. Заграничные впечатления: живем (немного) в Берлине с семейством проф. Млодзиевского, в Париже, где нас встречает проф. Поль Буайе, у которого мы часто бываем; собираемся ехать в Бретань, но, встретясь с проф. Умовым в Париже, едем вместе с семейством Умовых в Швейцарию, две недели проводим в Туне; и — возвращаемся в Россию; по дороге знакомимся с едущим в Россию Габриэлем Ожэ, учеником Буайе и католическим аббатом; он появляется у нас в доме, знакомится с папой; и мы все вместе отправляемся на 2-ую половину лета в санаторий доктора Ограновича (имение Аляухово около Звенигорода)[69].

Июль–август. Проводим в санатории Ограновича. Среди общества запомнились, кроме молодежи: часто приезжающий сюда И.И. Иванюков, д-р Огранович, проф<ессор> анатомии Петров, Дроздов и отдыхающий здесь Н.К. Михайловский, которого вижу изредка (он живет уединенно). С нами Габриэль Ожэ, с которым я провожу очень много времени и который меня усиленно развивает, рассказывая о французской литературе, критике и новейших течениях французской поэзии. Меня начинают интересовать символисты. Прочитываю впервые здесь *«Войну и мир».* Роман не производит особенно сильного впечатления[70].

Одно время влюбляюсь в дочь д-ра Ограновича, но она уезжает в Крым; я с отчаяния сперва хочу броситься в воду, но потом быстро утешаюсь.

Осень (сентябрь). Окрашена сильным проявлением пола; частое эротическое возбуждение; и первое сознательное томление о физическом обладании женщиной. Радостна встреча с Соловьевыми. М.С. и О.М. Соловьевы уезжают за границу, а я бываю у Сережи Соловьева и сближаюсь с его бабушкой, Александрой Григорьевной Коваленской. Начинаю тайком писать первую свою повесть[71].

Прочитываю книгу Блавадской *«Из пещер и дебрей Индостана»* и совершенно ею увлекаюсь[72]. Начинаю усиленно интересоваться Теософическим Обществом[73]. Тут заболеваю (воспалением легких). Выздоровление связано для меня с сильным проявлением мистической жизни. Я начинаю искать литературу по тайным наукам; прочитываю «Голубые Горы» Блавадской[74]. Начинаю вести дневники и делать выписки из интересующей меня литературы.

Ноябрь—декабрь. Возвращаются из-за границы Соловьевы; я делюсь с ними своими новыми интересами; начинаю усиленно интересоваться прерафаэлитами и французскими символистами. Впервые читаю «Serres chaudes» Маттерлинка и драму «Тайны Души», которая производит на меня потрясающее впечатление[75].

С С.М. Соловьевым мы начинаем увлекаться театром. Собираем труппу (я, Сережа Соловьев, Маруся Коваленская, Коля Марков, Ваня Величкин, Огневы[76]). Мы ставим сцены из «Макбета», из *«Бориса Годунова»*; и на Рождестве ставим переработку мою для сцены «Капитанской Дочки»[77]. Я увлекаюсь декламацией. Начинаются посещения мои «Передвижной Выставки»[78], «Третьяковской Галереи». Впервые знакомлюсь с будущим художником Владимировым (товарищем по классу) и сближаюсь с ним на почве общих интересов искусства. Начинаю усиленно читать Белинского и знакомиться с Рэскиным; почему-то заочно не люблю мне еще неизвестных Ибсена, Уальда, Ницше.

Так наступает для меня полоса всезахватывающего увлечения искусством.

1897 год.

Январь—февраль. Общение с Соловьевыми крепнет; почти каждый день у меня бывает Сережа. Я начинаю усиленно интересоваться всем новым искусством и декадентами. В гимназии я начинаю проповедовать новое искусство; очень запала в памяти постановка отрывков из Шекспира и «Камоэнса» Жуковского учениками 7-8 класса Поливановской гимназии[79]. Я не пропускаю ни одной репетиции и жадно вслушиваюсь во всякое указание Л.И. Поливанова, режиссирующего. На репетициях бывают Л.И. Поливанов, Л.П. Бельский (учитель русского языка), В.Г. Гиацинтов (учитель истории, бывший поливановец), Л.М. Лопатин (бывший поливановец); роли распределены так: Гамлет — кн. Голицын (воспит<анник> 7 класса), Полонио (Фохт, воспит<анник> 8 класса), Камоэнс (Бочков, воспит<анник> 7 класса), Розенкранц и Гильденштерн (Сухотин и Перфильев) и т.д. Фальстафа играет Вл<адимир> Мих<айлович> Лопатин (бывший воспитанник и член шекспировского кружка). Спектакль производит на меня сильнейшее впечатление; С.М. Соловьев на нем присутствует; под впечатлением спектакля мы задумываем к Пасхе сериознейшую постановку: ставим «Два мира» Майкова. Я играю Деция, Маруся Коваленская христианку, С.М. Соловьев соответствующую роль; М.С. Соловьев сам режиссирует нас. Я беру на себя обязанности костюмера[80].

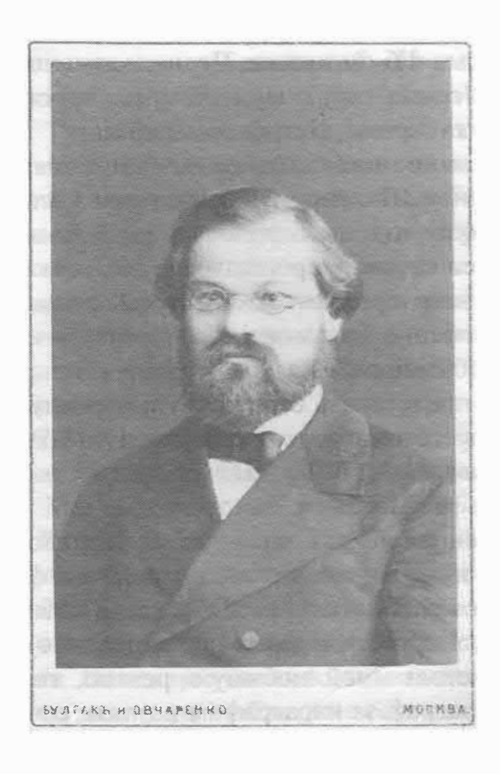
Март–апрель. Заняты постановкой; спектакль проходит с большим успехом; нас смотрит Вл<адимир> Мих<айлович> Лопатин; и весьма одобряет. В это же время я пишу множество весьма плохих стихов[81].

Май. Занят экзаменами, весьма трудными в 6-ом классе. После экзаменов мы едем на все лето в *«Даниловку»,* имение Усовых (жены и детей моего крестного отца; это — большое имение Саратовской губернии, Петровского уезда).

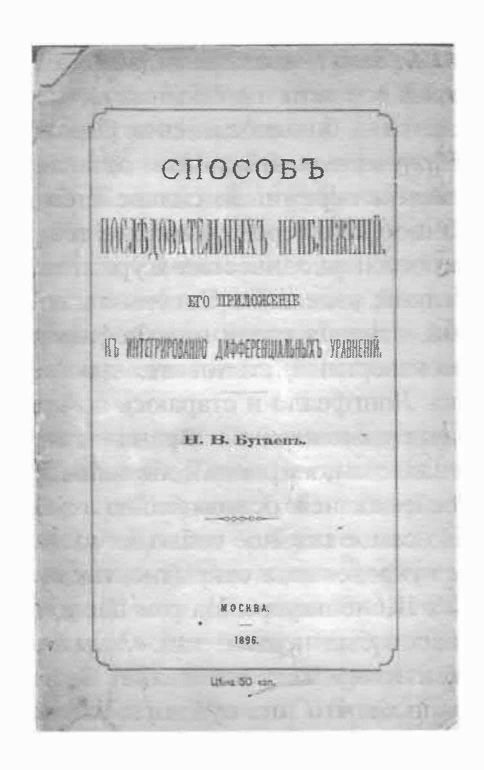
Июнь—сентябрь. Лето оставляет во мне неизгладимое впечатление; во-первых: я переживаю сильнейшее увлечение Шиллером; перечитываю все, написанное Шиллером, вникаю в его драматургию и в его философию. В Даниловке много периодических журналов; я с бешенством проглатываю их, слежу за критикой, увлекаюсь Чеховым и впервые заинтересовываюсь современными поэтами, отмечая среди них Фофанова и особенно Бальмонта. Бальмонт, мне еще мало известный, становится для меня любимейшим поэтом. Кроме того: увлекаюсь Лонгфелло и стараюсь по критике представить себе точную картину развития символизма во Франции; некоторые стихотворения Вэрлена и Бодлера мне знакомы; я ставлю себе задачей: основательно ознакомиться с ними; и ставлю себе задачей: основательно ознакомиться с Ибсеном.

Но самое главное событие моей внутренней жизни, это — даже не философское откровение, а открытие, так сказать, пути жизни, которым мне стала философия Шопенгауэра. На том Шопенгауэра я еще наткнулся в Москве, в кабинете отца; это был первый том *«Мир как воля и представление»*[82]. Увидев, что эпиграф к этому тому восхваляет Веданту[83], столь мной любимую, решаю, что это именно то, что мне нужно; и начинаю параграф за параграфом изучать сочинение — так, как будто оно — учебник; сначала мне трудно; но преодолевая трудности я отчетливо представляю себе и основную позицию Шопенгауэра, противоположение между волей и представлением, закон основания, господствующий в мире представлений, его 4 формы, насквозь понимаю, что причинность есть соединение пространства с временем. Пессимизм и аскетизм шопенгауэровской позиции вполне соответствует моему мироощущению; кроме того: частые ссылки Шопенгауэра на Платона и Канта впервые рисуют мне ландшафт философий этих последних, и я решаю, что изучение Канта — ближайшая задача моего философского будущего. Уезжая в Даниловку, я не могу расстаться с томом Шопенгауэра, и в Даниловке, на природе, постигаю 3 часть *«Мира, как воли и представления»*, эстетику Шопенгауэра, которая мне кажется центральной для всей его философии и которая мне объясняет мой уклон к символизму и к новым, мистическим веяниям искусства; мое недавнее тяготение к востоку, к Веданте и к теософии, мое увлечение литературой о спиритизме опять-таки объяснено мне; в Шопенгауэре вижу я соединение востока и запада; зачем теософия, буддизм, Индия, когда все учености востока влиты в Запад Шопенгауэром. Откровения шопенгауэровской философии совершаются для меня в торжественной обстановке природы, в степи, на вечерних закатах; я каждый день верхом уезжаю в степь и переживаю на заре нечто вроде мистического экстаза; природа впервые в это лето начинает говорить со мною духовным языком.

Кроме того: как-то особенно ярко переживаю музыку благодаря Сергею Сергеевичу Усову (сыну крестного отца), проводящему с нами время; С.С. Усов великолепно поет песни Шуберта и Шумана, играет, верней, импровизирует сонаты Бетховена, играет Мендельсона, так что мои художественные, философские и эстетические откровения как бы залиты мне волной музыки

Н.В. Бугаев
Отец Андрея Белого
Фотография И.Г. Дьяговченко
Москва. 1876–1877. ГМП

Н.В. Бугаев
Способ последовательных приближений
М., 1896.

и озарены зорями природы. Моя старинная любовь к музыке получает теперь свое философское оправдание; музыка как бы вторично открывается мне, и я весь отдаюсь ей.

Общество «Даниловки»: Анна Павловна Усова, умная, толстая помещица, очень ко мне расположенная, ее подруга, бывшая балерина, занимающаяся хозяйством, Алексей Сергеевич Усов, химик, лаборант, семейство Павла Сергеевича Усова (старшего брата), состоящее из жены (Анны Ивановны) и детей, и, наконец, Сергей Сергеевич Усов (Сережа Усов), только что окончивший Университет, ныне вольноопределяющийся, блестящий, тонкий, умный, хотя и поверхностный человек, ведущий рассеянную жизнь, но ей недовольный; он соединяет в себе заразительное веселье и грусть; проповедует иронию и философию *«трынтравизма»*, но я прозираю за этой личиной беспечности байроническую трагедию; он мне кажется персонажем *«Разбойников»* Шиллера[84]; я страшно ценю его ласковое отношение ко мне, тем более, что он, душа общества, покоритель дамских сердец, великолепный рассказчик, гитарист и певец — всегда окружен; он много мне играет Шуберта, и я весь протягиваюсь к нему; я сам себе кажусь Давидом Копперфильдом, а он мне кажется Стирфорсом[85]. Так лето для меня окрашено пафосом моего отношения к *«Сереже Усо-*

ву». «Сережа» меня учит верховой езде (учит держаться по-кавалерийски); ему я обязан тем, что во все последующие годы меня считали прекрасным кавалеристом; я умею брать препятствия, барьеры и держаться без поводов на полном скаку.

К нам в Даниловку часто приезжают окрестные помещики, Ермолаевы (известные народники и либералы)[86], братья Ознобишины (лидеры консервативной партии)[87], земский начальник Де Ливрон[88], доктор Спиндлер (так, кажется); часто бывают выпивки; в июне я впервые напиваюсь почти до потери сознания, и на другой день пишу первый свой прозаический отрывок *«Волосатик»* (впоследствии переделанный)[89]. Мы тоже часто бываем у помещиков. Я особенно начинаю дружить с братом М.С. Ермолаева, горбатеньким сельским учителем (по убеждению)[90], не раз ночую у Ермолаевых; мне нравится и молодежь Ермолаевых, и народные песни, распеваемые там. *«Ключи»* (имение Ермолаевых) остается в памяти.

К осени Сережа Усов уезжает в Москву и там заболевает брюшным тифом. Скоро и мы с мамой едем в Москву, довольные проведенным летом.

Октябрь—декабрь. В Москве обнаруживается, что я страшно разленился; Соловьевы находят, что я очень поумнел и развился; с той поры я провожу главным образом время уже не с Сережей, а с родителями Соловьева, М.С. и Ольгой Михайловной. У Соловьевых складывается обычный кружок посетителей, наш кружок; в это время я прочитываю «Потонувший колокол» Гауптмана и мечтаю его поставить на сцене, прочитываю «Ганнелэ»[91], начинаю интересоваться и увлекаться Верлэном, Рэскиным, читаю Белинского; в моей голове складываются первые смутные очерки моей эстетики, эстетики «Символизма». Я пишу мою первую драму, прочитываю Сереже, он приходит в совершенный восторг[92]; начинаются мои систематические чтения стихов Сереже; то, что я пишу стихи есть тайна для всех, кроме Сережи.

В гимназии дело мое обстоит отвратительно: уроков я не учу, даже перестаю посещать классы, но целыми днями просиживаю в городской читальне имени Островского[93]; здесь читаю классиков: Гончарова, Тургенева и других. В моей жизни совершается откровение: я начинаю проглатывать целиком Ибсена и Достоевского — одновременно; Ибсен и Достоевский становятся с той поры для меня каноном жизни; *«Преступление и наказание»* — точно удар грома; другой такой удар грома — *«Северные богатыри»* и *«Гедда Габлер»*[94]. Третьим моим любимцем делается Бальмонт, которого книга *«В безбрежности»* становится моею любимою книгою[95]; с этого времени я уже не пропускаю ни одной строчки Бальмонта. Мои философские устремления отчетливо заостряются в проблему эстетики.

Вместе с тем растет моя отъединенность от папы, который, не считаясь с моею жаждой к литературе, только журит меня за дурные отметки в гимназии; я чувствую полное разъединение между напором идей и моральных узнаний, которые составляют содержание моей внутренней жизни, и теми формальными требованиями быть «образцовым воспитанником», которые мне ставит папа.

С ноября месяца мы затеиваем у Соловьевых постановку некоторых сцен из *«Мессинской Невесты»* Шиллера[96]; теперь наш режиссер Влад<имир> Мих<ай-

лович> Лопатин. Спектакль на рождестве проходит менее удачно: на этот раз в спектакле принимают участие: я, Сережа, Маруся Коваленская, братья Огневы, Левина[97]; на спектакле мой папа нападает на мой выбор печальных драм; происходит спор его об этом с Александрой Григорьевной Коваленской[98].

Непосредственно после спектакля мы мечтаем поставить сцены из *«Орлеанской Девы»*[99]; Орлеанскую деву должна играть Маруся Стороженко; в это время я опять учащаю свои посещения Стороженок, где начинает бывать и Сережа; он — поливановец 2-го класса гимназии; но постановка расстраивается; вообще расстраиваются наши спектакли у Соловьевых.

1898 год.

Январь—февраль. Тот напор идей, который скопился во мне, прорывается наружу. Я из тихого молчаливого гимназиста делаюсь очень бойким и говорливым. Товарищам я начинаю проповедовать новое искусство; они подсмеиваются надо мною сперва; потом прислушиваются не без уважения ко мне; мой престиж среди них крепнет; и скоро я делаюсь своего рода лидером символического и идеалистического направления среди подрастающей поливановской молодежи; меня называют *«декадентом»* и метафизиком сторонники писаревской эстетики, читатели Бокля, Льюиса и Глеба Успенского; вместо всего этого на знамени я выдвигаю: Шопенгауэр, Рэскин, Ибсен, Достоевский, Бальмонт, Верлэн, Маттерлинк, Гауптман. Особенно я схожусь с одноклассником Василием Васильевичем Владимировым, выказывающим большие способности к живописи, поклонником Васнецова, Нестерова, Коровина, Врубеля. Мы с ним переживаем бешеное увлечение живописью. Я в этот период раза по два в неделю, пропустив уроки, отправляюсь в «Третьяковскую галерею»; скоро каждая картина там мною изучена. К нам с Владимировым примыкает скоро Д.И. Янчин, наш коллега по классу.

Это время помнится мне сближением с группою одноклассников: вот мои товарищи по классу: Верещагин, Котельников, Готье (брат историка, профессора Готье), Подолинский (внучок князя Кудашева)[100], Сатин (его сестра вышла замуж за композитора Рахманинова[101]), Карцев (сын книготорговца), Горяев (сын сибирского промышленника), Завадский, Китайский, Суслов, Линденбаум, Владимиров, Янчин, Рукин, Карпов Юрий; особенно я близок с Владимировым, Янчиным; дружен с Готье; образуется кружок: Подолинский, Готье, Сатин, Котельников, я. Мы бываем у Готье; с матерью его у меня складываются дружеские отношения; этот кружок начинает брать уроки фехтования у Тарасова; весь сезон зимний 1898 года окрашен для меня уроками фехтования у Тарасова.

Учителя наши: свящ. Добронравов, Николай Павлович, преподает Закон Божий; Лев Иванович Поливанов преподает русский язык. Уроки Добронравова интересны: он умеет нас заинтересовать историей церкви своим культурным изложением предмета; Поливанова мы все согласно боготворим; его уроки — художественные явления; но и боимся его вспыльчивости. Учитель греческого языка Алексей Семенович Владимирский — очень строгий учитель; его мы боимся, но — уважаем; учитель латыни, Казимир Клементьевич Павликовский, — страшный путаник; в младших классах мы его боялись, а теперь отчасти трети-

руем; у меня какая-то особенная борьба с ним; латынь он преподает нелепо; он же преподает немецкий язык нам; и — гораздо удачнее; учитель логики — профессор Лев Михайлович Лопатин: ставит всем пятерки, опаздывает на уроки; учитель математики Евгений Никанорович Кедрин; учитель истории — Владимир Егорович Гиацинтов; учитель физики и космографии физик-философ Шишкин, член «Психологического Общества»: желчный, неприятный старик; но — умница; учитель французского языка, Юрий Владимирович Готье, брат моего товарища по классу, Володи Готье: добродушный, чуть подтрунивающий над своей ролью *«француза»*; он держится с нами полутоварищески. Наш надзиратель — Михаил Ростиславович Чулков.

Останавливаюсь в этот период на Поливановской гимназии; она снова выплывает передо мною уже по-иному; состав преподавателей в это время в других классах такой: Сливицкий (русский язык), писатель, автор детских книг «Разоренное Гнездо» и «Волчья дубрава»[102], Л.П. Бельский (русский, греческий), переводчик «Калевалы»[103]; Копосов Петр Петрович (греческий), Готье преподает в других классах историю, Леонид Влад<имирович> Геника (французский), свящ. Иванцов (Закон Божий), Иван Львович Поливанов (сын директора) преподает греческий и латынь, проф. Н.Г. Зубков (латынь)[104] и др.

Сергей Михайлович Соловьев, в это время уже поливановец, тоже увлекается Поливановской гимназией; у него образуется кружок гимназических товарищей; среди них помню: Лунин, Саша Стороженко (сын профессора), Бенкендорф, Венкстерн (сын пушкиниста и цензора), Поспелов (сын профессора), Охотников, Богданов и др. В это время мы усиленно бываем у Стороженок, куда вносится горячка домашних спектаклей; я стою за то, чтобы мы ставили классические пьесы, но проф. Н.И. Стороженко рекомендует нам иной репертуар: мы пробуем ставить одну из пьес Легувэ, один из водевилей Щепкиной-Куперник, где я должен играть главную роль; слащавость пьесы меня отталкивает; я отказываюсь играть свою роль; и она передается Фриче, тогда молодому критику, постоянно бывающему у Стороженок. Проходит легкое увлечение Марусей Стороженко.

Март—апрель. Проходят те же ноты: непосещение гимназии, увлечение Ибсеном, новой литературой, Бальмонтом, Нестеровым; я начинаю систематически посещать все художественные выставки; а также: часто бывать на симфонических концертах (у нас — абонемент); начинается у меня сильное увлечение Чайковским; меня очень интересуют опыты композитора Ребикова, и я подбиваю маму покупать его произведения; вместе с тем: оба мы, мама и я, начинаем серьозно входить в музыку Вагнера; Вагнер появляется в поле моего зрения.

В это время я иногда бываю с мамой у жены профессора Зубкова и проповедую что-то очень возвышенное дочерям его; раз, столкнувшись с профессором Корсаковым здесь, я крупно поспорил с ним на ту тему, что нет границы между безумием и здравостью, за что получил выговор от отца. С этого времени начинаются мои идеологические ссоры с отцом; но в основном ядре своей жизни, в *«символизме»,* я замкнут в себя. Папа советует мне читать историю греческой философии Льюиса[105], что я с неохотой делаю, ибо Льюис мне не нравится; вместе с тем: обнаруживается моя попытка с негодными средствами одолеть «Кри-

тику Чистого Разума» Канта; я едва доплетаюсь до аналитики, на которой ломаю себе голову («эстетика» мне понятнее сквозь призму Шопенгауэра); к Шопенгауэру я прибегаю опять и опять.

В эти дни я пишу свою вторую одноактную драму (обе драмы не сохранились) и читаю ее С.М. Соловьеву[106].

Апрель—май. Папа уезжает в командировку (председателем экзаменационной комиссии); я держу экзамены в 8-ой класс; но сказываются итоги моего годового «лентяйничества»: я проваливаюсь, получая переэкзаменовку по греческому, которую скрываю от родителей, что меня сильно угнетает; я настроен пессимистически; более того: мой пессимизм переходит в какую-то зловещую тревогу; за несколько недель до экзаменов со мной происходит очень сильное мистическое переживание на Страстной неделе[107], в церкви Троицы, что на Арбате. Во время великопостного богослужения развертывается картина, как бы пророческая, — огромного будущего: я вижу 2 купола *«Храма Славы»,* к которому возойдет человечество; мне начинает казаться, что в этот Храм придет Антихрист; и как молния, разрезает мысль, что все неясное и зловеще смутное, что живет в душе, — налет смутного ощущенья пришествия Антихриста; предстает впервые отчетливо мысль о Конце всемирной истории (до Владимира Соловьева)[108]; потрясенный, я выбегаю из церкви, бегу на Воронухину гору (над Крымским Мостом)*, и проносится передо мною ряд ослепительных картин ненаписанной драмы-мистерии *«Пришедший»* (т.е. Антихрист); вечером этого дня я записываю план сцен «мистерии», а в ближайшие дни набрасываю сцену, которая впоследствии (в испорченном виде) была напечатана в сборнике 3-ьем *«Северные Цветы»*[109]. С той поры я часто ухожу на Воронухину гору, смотрю оттуда на весенние закаты; и думаю о грядущих судьбах человечества и искусства; в эти миги во мне начинает вынашиваться отчетливо моя линия будущей *«проповеди символизма»*; первый сдвиг от пессимизма чрез катастрофизм (конец мира) к религиозному символизму и христианству я пережил в эту грустную весну, удрученный переэкзаменовкой.

Сережа Соловьев зовет меня в Дедово[110]; я еду к нему гостить; здесь пишу свои стихотворения в прозе *«Черный поп», «Мать»* (оба не сохранились)[111]; дедовские дни окрашены важными для меня разговорами с Соловьевыми; и тем, что впервые мне открылась поэзия Фета; до этого времени Лермонтов, Бальмонт, Жуковский, Полонский мне нравились больше Фета; к Фету я относился холодно; вдруг Фет открылся и на 2 года оттеснил всех других поэтов: и Бальмонта, и Верлэна, и Лонгфелло, которого я очень любил. Фет стал песней моей души, особенно отдел «Мелодии»[112]; не забуду я, как я ушел с книгой Фета в сад с Сережей; мы взлезли высоко на дерево; я расположился среди ветвей, над прудом; был сильный ветер; и дерево сильно раскачивалось; в голубом небе плыли легкие облачки; и, как эти облачки, в душе моей проходило стихотворение за стихотворением.

С дерева я спустился с новым откровением в руках; это был том стихотворений Фета.

Возвратившись в Москву, я узнаю от матери, что мы опять едем в Даниловку, имение Усовых; это известие меня сильно обрадовало: я любил Анну Павловну

---

* *Ошибка Белого. Правильно*: Бородинским мостом

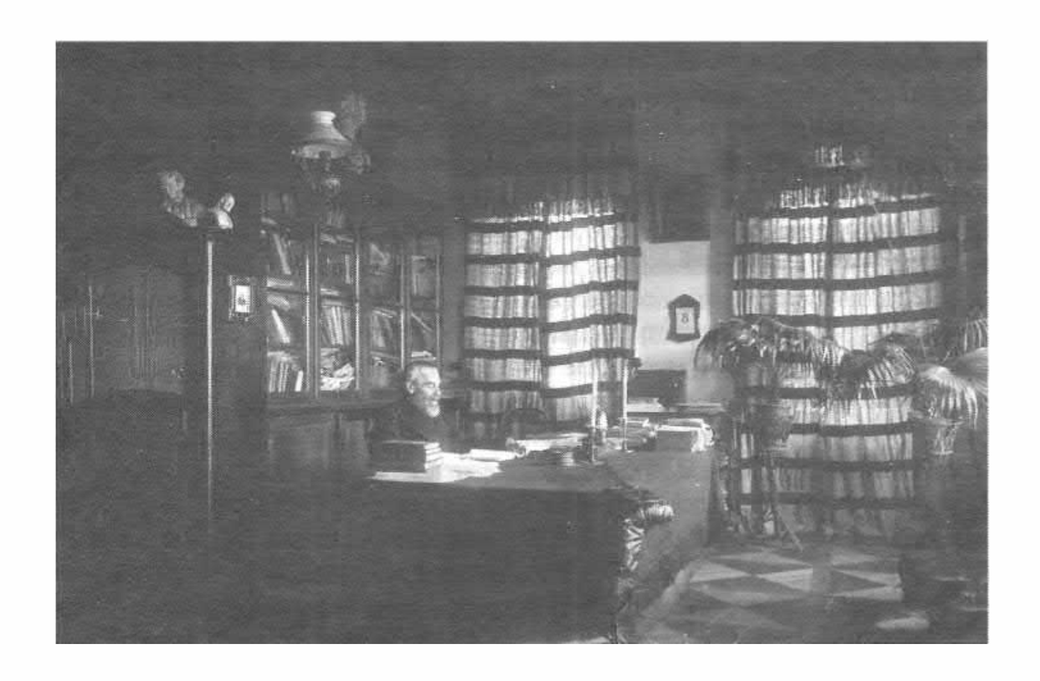
Усову; и главное: мысль лето провести с Сережей Усовым, который очень мне импонировал, — мне улыбалась.

Июнь—сентябрь. Опять потекли вольные «даниловские» дни: пикники, поездки на хутора, верховая езда, ночевки у Ермолаевых, приезды к нам окрестных помещиков и деятелей (Ермолаевых, Кожиных, баронесс Симолиных, Ознобишиных, Деливрона, Мошинского, Спиндлера и др.), пение и музыка Сережи Усова, увлечение роем барышень, наезжавшим к нам, короткое, но сильное увлечение Анной Ивановной Усовой (женой Павла Сергеича), поездки с Сережей Усовым в Петровск, — все это заполнило лето, которое пронеслось быстро: свободное от веселья время я проводил в писании стихов (написал очень много), в чтении Шопенгауэра (в это лето особенно я штудировал 4-ую часть *«Мира, как воли и представления»*) и в чтении стихов Фета; смело скажу, что поэзией Фета окрашено это лето мне. Я застаю себя уже не немым *«полудурачком»*, а — *«странной натурой»,* пускающимся с барышнями в разговоры, напоминающие диалоги из ибсеновских драм; одна барышня мне сказала: «Вы хотите всех удивлять своими позами». Но «позы» эти были во мне совершенно искренними жестами; должен сказать, что *«даниловская»* среда в эти месяцы не понимала меня; и я с удивлением видел, что уже эмансипируюсь от влияния на меня Сережи Усова (который, все же, меня любил) и от влияния на меня горбатенького Ермолаева: *«народничество»* Ермолаевых — для меня, шопенгауэрианца и *«символиста»,* уже казалось чем-то скучным и примитивным; между тем: приближалась осень, переэкзаменовка, — всё события неприятные.

Я ехал в Москву с грустным чувством.

Переэкзаменовку я выдержал, но — открылося для отца, и утаенная от него переэкзаменовка, и то, что в предыдущем году я большую часть времени провел в читальне имени Островского, а не в гимназии. Это его поразило, разбило. Начало сентября окрашено для меня гневом отца на меня, меня удручавшим, и моим собственным стыдом за свое поведение прошлого года; я открываю отцу, что уже давно пишу я стихи; он выслушивает их с хохотом и объявляет, что все стихи мои — *«вздор и чушь»,* что у меня нет таланта; я даю зарок не писать больше стихов, но не выдерживаю; и — продолжаю писать втихомолку; так же втихомолку я начинаю импровизировать на рояли: у меня появляются музыкальные композиции (но я их не записываю); и, сочинив, через некоторое время забываю. Тут отцу сообщают, что продается имение в Тульской губернии, в Ефремовском уезде; и он уезжает туда его осмотреть; так завязываются разговоры о покупке имения (к ноябрю уже имение было куплено; имение это — *«Серебряный Колодезь»*). Вернувшись из Тульской губернии, отец относится ко мне добрее, и я начинаю забывать неприятные переживания «сентября».

Октябрь—декабрь. Эти месяцы окрашены для меня начинающимся увлечением Григом, которое тянется два года; первая мамой купленная тетрадка *«Lyrische Stücke»*[113] производит на меня такое сильное впечатление, что я с этого времени все свои деньги трачу на приобретение произведений Грига; скоро у нас весь Григ; и мы с мамой вполне отдаемся новому увлечению; открывается, что и В.В. Владимиров поклонник Грига. Так осень—зима 1898 года окрашена Григом; в эту пору я вижусь чаще, чем в другие года, с Вл. Соловьевым (у Со-

Л.И. Поливанов в своем кабинете
Москва. 1890-е. ГЛМ

ловьевых), кажется, в это время вернувшимся из своего 2-го путешествия по Египту[114]; в эту пору, если память не изменяет, он часто бывал в Москве; и часто показывался у Соловьевых; с ним там встречался и раньше я; но теперь весь облик его мне является окрашенным в ином свете.

Я продолжаю чрезвычайно много читать, внимательно слежу за всеми новинками книжного рынка; начинается мое увлечение Чеховым и Горьким; в гимназии я оказываюсь более прилежным; нас постигает там большое разочарование: Л.И. Поливанов, которого здоровье окончательно расстраивается, передает наш класс Л.П. Бельскому; теперь Бельский преподает нам русский язык. К концу года (в декабре) в жизни моей — большое событие: я впервые читаю свои прозаические отрывки и стихи О.М. и М.С. Соловьевым, которые очень меня одобряют и признают во мне талант. С той поры начинаются мои чтения у Соловьевых.

1899 год.

Январь—февраль. Этот период окрашен для меня: 1) Общением с Соловьевыми. 2) Выходом первых №№ *«Мира Искусства»*[115]. 3) Болезнью и смертью Льва Ивановича Поливанова.

Еще в конце 1898 года покойный Вл<адимир> Серг<еевич> Соловьев, будучи в гостях у М.С. Соловьева, сказал, усмехаясь, при мне: «А декаденты собираются издавать свой журнал». Мы ждали с нетерпением первого № «Мира Искусства». В 1899 году «Мир Искусства» начинает выходить; с тех пор я слежу за

этим журналом от первого № до последнего. Текст меня не слишком удовлетворяет, за исключением статей Розанова и Мережковского, зато с наслаждением я отдаюсь созерцанию №№, посвященных Якунчиковой, Врубелю; особенно меня пленяет Сомов[116]. До сих пор я увлекался главным образом английскими прерафаэлитами и следил за журналом английским *«Studio»*[117]; теперь во мне развивается интерес к современным французам; я становлюсь постоянным читателем всего того, что пишут А. Бенуа и И. Грабарь; кроме того: я внимательно читаю историю живописи Мутера[118]; у Соловьевых мы обсуждаем каждый штрих того или иного художника; у меня растет склонность к Галлену, к Цорну, к Сегантини, к импрессионистам, а у О.М. Соловьевой больше тяготения к Нестерову и к Росетти. О.М. Соловьева заинтересовывает меня Оскаром Уайльдом и Гюисмансом, но я определенно предпочитаю немцев и скандинавов: Гейерстрама[119], Ибсена, Бьернсона, Гауптмана. Мы с О.М. сходимся на признании Рэскина.

В это время заболевает Л.И. Поливанов; и — умирает[120]; его смерть переживаем мы с Сережей Соловьевым, как большой для нас удар; под влиянием кончины Поливанова я пишу нечто очень смутное, что впоследствии легло в основу формы *«Симфоний»,* нечто космическое и одновременно симфоническое[121]; С.М. Соловьев не понимает меня. У Соловьевых я читаю мой отрывок из драмы-мистерии «Пришедший», который нравится Соловьевым (особенно О.М. Соловьевой); мы говорим о «конце всемирной истории». Апокалиптическая нота начинает звучать во мне (очень смутно).

Март—апрель. Этот период для меня окрашен тем, что я усиленно проповедую символизм в Поливановской гимназии, читаю *«Шедевры»* Валерия Брюсова[122] (это имя чаще все подымается в наших беседах с Соловьевыми; помнится, — именно в это время Соловьевы знакомятся у Шестеркиных с Брюсовым и рассказывают мне о нем); выходит «Тишина» Бальмонта[123]; и я — зачитываюсь ею; но уже нахожу в Бальмонте ряд дефектов (мой кумир — Фет); я предпринимаю длиннейшее критическое исследование о драмах Генрика Ибсена и начинаю вести свой идейно-литературный дневник (все — пропало). В гимназии я удивляю учителя русского языка, Бельского, тем, что в моем сочинении-экспромте (классном) я высказываю глубокие по его мнению философские мысли; он с удивлением спрашивает меня: «Бугаев, — да вы, может быть, и Канта читали?». Сочинение носило заглавие: «О назначении поэзии».

К этому времени относится моя кратковременная дружба с поливановцем В. Иковым, юным марксистом (впоследствии меньшевиком Мировым)[124]; он впервые меня заинтересовывает Туган-Барановским и Струве.

Май. Этот период занимают экзамены (выпускные), которые я сдаю блестяще[125]; в перерыве экзаменов я присутствую на пушкинском торжестве (столетие со дня рождения Пушкина) в качестве гимназического делегата[126]. Всю весну очень много импровизирую на рояли. Между тем: отец — в командировке; мать — в *«Серебряном Колодце»,* имении, только что купленном нами. После экзаменов еду туда.

Июнь—август. Первые впечатления от «Серебряного Колодца». Я стараюсь войти в понимание сельского хозяйства. Папа приезжает в июне и привозит мне ряд книг по естествознанию (я выбрал себе естественный факультет); естество-

знанию я отдаюсь с увлечением все лето; изучаю с особенным вниманием сравнительную анатомию, читаю *«Новую Химию»* Кука, *«Общую физиологию»* Ферворна[127], зачитываюсь сочинениями Фаминцына[128] и осознаю себя *«неовиталистом»* (вскоре я от витализма отказываюсь); читаю и «Философию бессознательного» Гартмана[129]; во мне уже намечается тенденция к волюнтаризму, как попытке соединить философию Шопенгауэра с данными естествознания; кроме того: усиленно читаю всякие руководства по плодоводству, ибо мы разводим в имении новый яблочный сад с папой, с мамой разбиваем аллеи; каждый день верхом с управляющим объезжаю поля и задумываюсь над вопросом об укреплении оврагов в нашем имении; очень часто у нас бывают барышни Пьяновы, соседи по имению; и мы бываем там; я немного увлекаюсь одною из барышень, Лидией Михайловной (впоследствии вышедшей замуж за Губонина); что касается до внутренних, моральных переживаний моих, то они как-то в это лето пригашены (сказывается утомление после экзаменов).

Если память не изменяет, то в это именно лето начинается между мною и С.М. Соловьевым весьма длительная и обильная переписка по вопросу о национализме[130]: Сережа высказывается, как убежденнейший западник, в моих ответах ему сильная славянофильская нотка; переписка наша принимает весьма бурный характер и оканчивается только нашей осенней встречей в Москве. Папа интересуется нашей перепиской; и весьма одобряет содержание моих ответных писем; в это лето происходит мое сближение с папой; он в полях развивает мне свою монадологию[131], я приемлю его концепцию и стараюсь связать ее с моими взглядами на изучаемое естествознание.

В это лето я переделываю свой сумбурный симфонический отрывок в произведение, предшествовавшее *«Симфониям»*: получается нечто вроде повествования о Вечном Жиде (эта *«Симфония»* уничтожена мною)[132].

В середине августа мы с папой едем в Москву, где я одновременно поступаю в Университет[133] и лечу зубы (все начало августа страдаю сильною зубною болью). Мама остается до октября в деревне. А мы с папой каждый по-своему готовимся к Университету.

Сентябрь—октябрь. Университет поглощает меня. Я слушаю курс «*Введения в сравн<ительную> анатомию*» у Мензбира, «*Введение в зоологию*» у Тихомирова, «*Зоологию беспозвоночных*» у Зографа, «*Ботанику*» у Голенкина, «*Анатомию*» у Харузина, «*Физику*» у Умова, «Химию» у Сабанеева, изучаю «Основы химии» Менделеева[134] и слушаю курс Реформатского «Периодическая система». Практически занимаюсь по химии у лаборанта А.С. Усова (брат Сережи Усова), по физике у Брюсова[135], по ботанике у Голенкина; особенно меня интересуют общие проблемы зоологии, гистологии и микробиологии; я читаю реферат на тему «*Mezozoa*»[136] в зоологическом кружке проф. Зографа, основательно изучив литературу по «*Mezozoa*»; кроме того: читаю свой реферат в физическом кружке на тему «*О задачах и методах физики*»; проф. Умов очень доволен моим рефератом и якобы смелыми философскими мыслями, которые я провожу здесь; после этого реферата ко мне подходят знакомиться 2 студента — сын проф. Зографа и А.С. Петровский (однокурсники); так начинаются мои теоретические разговоры с Петровским (в то время химиком и скептиком), пере-

шедшие постепенно в дружбу с ним[137]; около Зографа, меня и Петровского подбирается кружок студентов: в этом кружке помню: Сомова, Аршинова, Суслова, Вячеслова, Печковского, Гинце, Воронкова, Погожева, Владимирова, который, как я, стал естественником; дома читаю логику Милля, историю физики Розенберга, историю индуктивных наук Уэвеля и историю материализма Ланге[138]; обо всех этих предметах мы долго беседуем с А.С. Петровским, а также о проблемах эстетики; он рекомендует моему вниманию книги Розанова, Говорухи-Отрока и Аполлона Григорьева; в Розанова я вчитываюсь несколько позднее. С Зографом мы усиленно готовимся к зачету по остеологии и занимаемся в зоологическом музее под руководством лаборанта Богоявленского (впоследствии профессора) зоологическими препаратами; я начинаю бывать на журфиксах у проф. Зографа, где поднимаю споры в защиту нового искусства; все удивлены моими «*декадентскими*» вкусами, кроме Богоявленского, который становится на мою защиту.

Естествознание до такой степени поглощает меня, что я и у Соловьевых проповедую мной продумываемую философию естествознания; Соловьевы удивлены пафосом моего неофитства.

Ноябрь—декабрь. Мы с Петровским организуем ядро студентов-естественников, желающих изучать высшую математику; при содействии отца (декана факультета) это устраивается; прив<ат->доц<ент> Виноградов начинает нам читать аналитическую геометрию и дифференциальное исчисление. Я сдаю зачет по остеологии и начинаю заниматься миологией на трупе в анатомическом театре. В декабре устраивается Ван-Зандт концерт в пользу студентов; субинспектор Калиновский, организующий концерт, приглашает меня в число устроителей, и я просиживаю в канцелярии по устройству концерта; на концерте я распорядитель; после мы едем благодарить Ван-Зандт (вышедшую замуж за профессора Черинова); проф. Черинов и Ван-Зандт со мною очень любезны[139]. Между тем: я обрезаюсь трупным ножиком, но заражения крови не наступает; и дело ограничивается лишь нарывом.

Параллельно с Университетом продолжается мое увлечение Григом, к которому присоединяется и увлечение (кратковременное) Римским-Корсаковым. Я посещаю регулярно все симфонические концерты; и делаюсь упорным посетителем начинающего функционировать Общедоступно-Художественного театра[140]; мама делается тоже сторонницею театра; продолжаю следить за *«Миром Искусства»*. Углубляются мои разговоры с А.С. Петровским, доходящие до ярых споров; нас обоих захватывает Ницше и Розанов. В Ницше и в Розанова погружаюсь я одновременно. Но Ницше влечет меня все сильней и сильней; «Заратустра»[141] производит теперь лишь головокружительное впечатление (я и прежде читал его, но он не действовал).

В таких напряженных разнообразных переживаниях застает меня переломный 1900 год.

1900 год.

Январь—март. Чувствую некоторое утомление от усиленных занятий университетом; много читаю зоологию Ива Делажа[142], Дарвина; интересуюсь работами Бючли. Углубляются разговоры с Петровским, чувствую особенное сбли-

жение с Соловьевыми, с Сережей особенно; мы с ним начинаем углублять наши разговоры; фон их мистический; у нас вырабатывается особый жаргон речи друг с другом, который мы называем *«каковский язык»*; очень часто разговор возвращается к гимназии Поливановской, и Сережа начинает рассказывать мне события поливановской жизни, мифизируя их; обращаем у Соловьевых все большее и большее внимание на работу Мережковского «Толстой и Достоевский», которая начинает печататься в «Мире Искусства»[143]. Дома ежедневно слушаю Грига; Григ берет меня все глубже; исполнение мамой романса «Королевна» внушает мне чисто музыкально тему Северной Симфонии; романс «Королевна» сплетается с лейтмотивом баллады Грига (opus 24)[144]; когда дома нет никого, я подкрадываюсь к роялю и импровизирую мотивы «Симфонии»; во мне складывается нечто вроде «сюиты», текстом которой являются первые наброски 1-ой части «Северной Симфонии»; тема их — *«северная весна»*. Стиль симфонии обусловливается Ницше, который для меня в то время — недосягаемое совершенство. Между тем: проносится слух, что Владимир Соловьев прочел в Петербурге лекцию *«О конце всемирной истории»*[145]. Папа с интересом говорит об этой лекции; Мих<аил> Серг<еевич> Соловьев откликается на нее и говорит мне: «Видите, Боря, — и Володя взял вашу тему», разумея тему моего отрывка из ненаписанной *«мистерии»*; это меня поражает; мы начинаем все внимательно вчитываться в стихотворения Вл. Соловьева; меня особенно задевает одно: «Лазурное око, опять потонуло в тумане». Оно кончается словами: «И голос все тот же звучит в тишине без укора: конец уже близок, желанное сбудется скоро»[146]. Эти слова твержу я на прогулках мягкой февральской весной и в первых днях марта.

Открывается мягкая, грустная весна, в которой, как бы сквозь сурдинку, звучит мне внутренний голос: «Конец уже близок».

Апрель—май. Это время отметилось весенними мистическими зовами; весна наступила ранняя; и какая-то романтическая; музыкой Грига, настроением моей *«Симфонии»* (первая часть уже была закончена) и все звучней выступающими апокалиптическими нотами окрашена эта весна; к университетским экзаменам я готовился, как к шутке. В это время (в конце апреля, в начале мая) произошла встреча моя внутренняя с Вл. Соловьевым и разговор мой с ним в день, когда он читал у Соловьевых свой третий разговор с *«повестью об Антихристе»*; в этом разговоре мне стало ясно, что мои гимназические *«откровения»* в троицеарбатской церкви в 1898 году, приведшие к написанию сцены из «Пришедшего», — правда, что конец — *«близится»*; и надо готовиться к бою с Антихристом и ко встрече с Христом; я должен был в этот же вечер прочесть Влад. Соловьеву мой отрывок, но за поздним часом мы отложили чтение до осени, когда Соловьев должен был быть в Москве[147]. М.С. Соловьев после говорил мне, что мой отрывок ему более нравится, чем «повесть об Антихристе».

С той поры я хожу как бы перерожденный; и к событиям жизни и переживаний своих я начинаю относиться строго: с точки зрения борьбы в себе начал Христа и Антихриста; в этот май я переживал настроения, родственные настроениям рыцаря 2-ой части «Северной Симфонии»; вместе с тем этою же весною на меня нахлынули старинные детские переживания: кошмары и сказки; но

тогда они были снами, а теперь они обступали в яви; как будто сквозь *явь* я увидел конкретно вернувшиеся *«стародавние были»*, которые подстерегали меня на Арбате, на *«Девичьем Поле»*; мое состояние сознания уподобляемо строкам Блока: *«Всему я стал удивляться, на всем уловил печать»*[148]; и эта *«печать»*, или, вернее, печати казались мне *«печатями»* Христа и Антихриста, накладываемыми на нас в виду скорого появления Антихриста в мир; об этом я имел углубленнейшие беседы с Соловьевым, с Петровским, с В.В. Владимировым, с которым я сходился все ближе и ближе. Обо всем этом я готовился переговорить осенью с Владимиром Соловьевым, к которому после нашего с ним разговора я стал относиться как к учителю; в одном пункте лишь я был глубоко не согласен с Вл. Соловьевым: в пункте его отношения к Ницше[149]; мне Ницше казался «белым ребенком», мучимым диаволами; и самую болезнь Ницше объяснял я себе тем, что он был замучен бесами именно оттого, что в последнем ядре души своей он не предал силы света.

Церковь Живоначальной Троицы на Арбате. Фотогравюра «Шерер, Набгольц и К° в Москве». 1881. ГЛМ

Июнь—август. В таких переживаниях протекали для меня экзамены, после которых я уехал в «Серебряный Колодезь»; никогда не забуду я первой половины июня, проведенной в одиночестве (ни папы, ни мамы не было там) за роялем; наша экономка, Мария Федоровна Вучетич, дама относительно культурная, была единственным моим собеседником; я ей развивал сложные мистические теории; все же прочее время сочинял за роялем мелодии; мне казалось, что я в потоке мелодий, из которого я осаждаю отрывки медленно записываемой 2-ой части «Северной Симфонии». Тут-то разразились китайские события (бунт боксеров, осада посольств в Пекине, поход союзных войск на Пекин)[150]; конечно, к событиям я относился сквозь строки Вл. Соловьева: «Панмонголизм, хоть имя дико, но мне смущает слух оно, как бы предвестием великой судьбины Божией полно»[151]. Мне казалось, что мы уже вступили в зону первой части «повести об Антихристе», в события, долженствующие повести к монгольскому завоеванию Европы.

Папа тоже относился страстно к дальневосточным событиям. Сережа прислал мне новое стихотворение Вл. Соловьева: «Из-за кругов небес незримых дракон явил свое чело»[152]. И оно только укрепило меня в моей позиции отношения к востоку.

В таких переживаниях подкрался конец лета; и пришла роковая для меня весть о кончине Вл. Соловьева вместе с последними его стихами: «Белые колокольчики»[153]. Я был целую неделю убит; мне казалось, что вместе с кончиною Соловьева обрывается и мой путь: ведь он стал мне учителем пути. Конец лета (август) окрашен для меня взятием Пекина русскими войсками и моей ссорою с М.Ф. Вучетич, которая стала мне казаться символом каких-то сомнительных сил; в *«горбатом дворецком»* рыцаря[154] отразилась М.Ф.

Сентябрь—октябрь—ноябрь. Встреча с Соловьевыми для меня окрашена переживаниями недавнего времени, когда B.C. Соловьев появлялся среди нас в Москве; покойный философ невидимо присутствовал при наших застольных вечерних беседах; я каждый день после обеда и после вечернего чая отправлялся к Соловьевым даже тогда, когда не было с нами Сергея Михайловича (Сережи): он часто удалялся к своим товарищам по классу; очень часто при мне М.С. Соловьев вытаскивал рукописи покойного; и разбирал их; обнаружились записи на полях черновиков Соловьева с подписью «S»[155]; стихотворение «Три свидания»[156] и учение Вл. Соловьева о Софии стало предметом нашей мысли; с этого времени я начинаю упорнейше изучать философию Соловьева, прочитываю статьи «О смысле любви», особенно штудирую «Кризис западной философии», «Критику отвлеченных начал» и «Философские начала цельного знания»[157]. С этого же времени я начинаю упорно штудировать ряд статей в *«Вопросах философии и психологии»* (между прочим статьи С.Н. Трубецкого «О конкретном идеализме»[158]). Стихотворения Вл. Соловьева становятся для меня излюбленнейшими стихотворениями этого периода, заслоняя даже поэзию Фета; Владимира Соловьева я вижу часто во сне; мне кажется, что дух его приходит беседовать с нами; Сережа и М.С. Соловьев переживают то же самое; к нам присоединяется и Ольга Мих<айловна> Соловьева; так мы еще теснее сближаемся вокруг тени философа; с той поры начинается наше частое посещение с Сергеем Михайловичем Соловьевым «Девичьего Монастыря». Мы обходим могилы покойных Л.И. Поливанова и B.C. Соловьева; оба для нас играли огромную роль в жизни; оба для меня — «учителя»; обоих их сплетает память в нечто фантастическое; мы мифизируем их могилы; чем более я отдаюсь «мистицизму», тем более обостренно беседую я с Петровским, противопоставляющим культу Соловьева культ Розанова; осенью 1900 года я начинаю внимательней вчитываться в произведения Розанова; и нас всех захватывает все больше печатающееся произведение Мережковского «О Толстом и Достоевском»[159].

Вместе с тем я не отрываюсь и от своих естественно-научных интересов; на 2-ом курсе нам читают: Голенкин — ботанику; проф. Горожанкин — «мхи и грибы»; Зограф — зоологию беспозвоночных; Вернадский — минералогию; проф. Зелинский — «Качественный и количественный анализ», проф. Умов — «Физику», проф. Мензбир читает тоже зоологию (я посещаю и его); среди других курсов я слушаю и прив<ат->доц<ента> Вагнера, читающего курс «О насекомых»; все время занимают практические занятия в лаборатории по качественному анализу; также я получаю самостоятельную клетку в Зоологическом Музее у проф. Зографа, собираясь внимательно заняться какою-нибудь самостоятельною микробиологическою работой; но вскоре по получению клетки у меня про-

исходит ссора с проф. Зографом на почве его отношения к новому искусству; и я прекращаю свои посещения Зоологического Музея; вместе с тем я узнаю, что у проф. Мензбира — нельзя уже получить самостоятельной работы; так мой исключительный интерес к зоологии встречает чисто механический отпор; я сосредоточиваю всю свою работу в сфере химии; в лаборатории я провожу все дни; и пока кипятятся растворы, я собираю вокруг себя кружок студентов, начиная им проповедовать вынашиваемую мной эстетику. Начинаются студенческие волнения[160]; я, чувствуя себя анархистом, почти не реагирую на них; и оттого мой абсентеизм встречается многими студентами-однокурсниками, как снобизм и как ретроградство; я — принимаю вызов; и держусь по отношению к ним надменно.

Вместе с тем: помнится, в ноябре месяце я вторично пытаюсь осилить *«Критику чистого разума»;* кое-как доплетаюсь до диалектики; и — решительно отвергаю Канта; среди книг, прочитанных в это время, запомнились мне: *«О четвероякие корне закона достат<очного> основания»* Шопенгауэра, «История философии» Виндельбанда[161]. Этот период — период весьма напряженной моральной жизни и умственных интересов.

Декабрь. В декабре я охвачен умственным переутомлением; вместе с тем во мне подымается усиленная мистическая и эстетическая жизнь; мы с Сережей углубляемся в толкование Евангелия; мы подглядываем действие благодати в современности; наш мистический опыт этого времени — узнание апокалиптических переживаний в связи с *«белым»* цветом; смеясь, мы говорим друг другу, что мы исследуем *«белые начала»* жизни; в них — веяние наступающей великой эры пришествия Софии Премудрости и Духа Утешителя; в таком настроении пишу последнюю, 4-ую часть «Северной Симфонии», являющуюся переходом к 2-ой Симфонии, вполне апокалиптической.

1901 год.

Этот год переживался мною, как единственный год в своем роде: переживался он максимальнейшим напряжением; первая часть его мною переживалась, как исключительно благая: это был первый год нового столетия, так сказать новой эры; впоследствии Рудольф Штейнер сказал, что в начале столетия даже зори переменилися; этот год стал для целой группы людей, разрозненных в то время и друг друга не знавших, — *эпохой зари*; вместе с тем: этот год был началом осознания себя символической школы искусства; Александр Блок писал впоследствии об этом годе, что уже первые дни его протекали под другим знаком, чем дни 900 года[162]; для меня этот год был годом максимального мистического напряжения и мистического откровения; все лето 901 года меня посещали благие откровения и экстазы; в этот год осознал я вполне веяние Невидимой Подруги, Софии Премудрости. Кроме того: весь этот год для меня окрашен первой глубокой, мистическою, единственной своего рода любовью к М.К.М.[163], которую однако не смешивал я с Подругой Небесною; *М.К.М.* в иные минуты являлася для меня лишь *иконою, символом* лика Той, от Которой до меня долетели веянья.

Для С.М. Соловьева этот год был годом такого же максимального мистического напряжения; и тоже годом первой, глубокой, мистической любви к М. Д. Ш.[164]; для М.С. Соловьева и О.М. Соловьевой этот год был годом мистических упований. Для А.С. Петровского этот год был годом огромного духовного переворота, происшедшего с ним в несколько дней: из атеиста, скептика, немного циника он превратился в молитвенника, прислушивающегося к голосу Дивеева и Сарова[165]; он стал столбом православия, погрузился в чтение Добротолюбия и Четьи-Миней[166]; с тех пор он стал думать о монашестве; для В.В. Владимирова этот год стал годом художественных озарений; для Н.К. Метнера (композитора) этот год был годом улавливания какого-то особого лейт-мотива эпохи, который пытался он закрепить в теме его *первой сонаты*[167]; А.А. Блок пишет в этом году свое стихотворение *«Предчувствую Тебя... Весь горизонт в огне»*[168]. Им открывается цикл стихов о Прекрасной Даме. Для Мережковского, Гиппиус, Розанова этот год был годом окончательного осознания своего пути, как неорелигиозного; весной этого года начались напряженнейшие и огромные по затрагиваемым темам заседания в Петербурге будущего религиозно-философского О<бщест>ва[169]; в этот год наметилось отчетливо разделение группы писателей *«Мира Искусства»* на эстетов, декадентов и на ищущих нового религиозного пути; так зарождался кружок *«Нового Пути»*[170]; значительность этого года предчувствовалась мною уже в последних днях декабря 900 года и отразилась в заключительных словах *«Северной Симфонии»,* написанных мною в эти дни (около нового года, на Рождестве), чуть ли не в сочельник: *«Он (т.е. Христос) им шептал: "Белые дети..." И голос его грустно дрожал. — "Белые дети... Мы не умрем, но изменимся вскоре, во мгновение ока, лишь только взойдет солнце... Уже заря... Белые дети!" И они очнулись... И увидели, что сон их не сон, потому что Он стоял, раздвигая стебли камышей, и шептал им все то, что они видели во сне... А уж вдали слышался голос странного старца, призывающий всех к белой радости... Ударил серебряный колокол... Это был знак того, что с востока уже блеснула звезда — Утренница. Денница»*[171]. Главенствующие осознания этого года: 1) Откровение Софии, 2) Духа Иоанновой, *белой* зари, 3) Осознание, что *«уже — заря»*, 4) Ожидание Денницы[172]; кроме того: завязываются в этот год встречи с рядом людей, глубоко влиявших на меня около десятилетия и более: я встречаюсь впервые с Львом Львовичем Кобылинским (Эллисом), с М.А. Эртелем, с теософами (с Батюшковым, Гончаровой), с Минцловой, игравшей впоследствии такую важную роль в моей жизни, с Мережковским, с Гиппиус, с Валерием Брюсовым; первое, хотя и шапочное знакомство с Метнером (Эмилием) происходит в этом же году; в этом же году я впервые вижу Рачинского и посещаю первый концерт М.А. Олениной-д'Альгейм[173]; в этот же год происходит моя встреча с поэзией Александра Блока; появление странной фигуры Анны Николаевны Шмидт происходит опять-таки в этом году. В этом же году складываются основные ноты моего творчества; и самое крещение меня моим псевдонимом *«Андрей Белый»* происходит в этом году; отсюда, из этого года, протягиваются нити, складывающие мое будущее; опять-таки: первое падение мое с *женщиной* происходит в этом году. 1901 год отрезывает меня от моего теневого отрочества и юности; и предо мной открывается перспектива шумных лет; в этот

же год я осознаю впервые отчетливо, что мой путь — не путь науки и что естественный факультет — лишь случайная веха моего развития. *Этот год есть год моего совершеннолетия: мне — 21 год.*

Январь. Весь охвачен метелями; мне в метелях слышится шум восстания мертвых; и нота Вл. Соловьева: *«Конец уже близок: желанное сбудется скоро»*[174]. Мы с Сережей углубляем наши теории о *«белых началах»,* о духе Утешителе; мы отыскиваем в Москве места, которые нам кажутся овеянными благодатью (сюда «белый тракт» — Дев<ичий> Монастырь, Дев<ичье> Поле, Пречистенка, Храм Спаситель)[175]; в то же время углубляются мои разговоры с Петровским, который мобилизирует против моей мистики всю силу своей иронии и скепсиса. В этот же месяц я особенно переживаю музыку, особенно часто посещая концерты и частную оперу (увлечение Римским-Корсаковым); с этого месяца и весь последующий сезон я посещаю Художественный театр[176]; у Соловьевых мы продолжаем обсуждать детально Мережковского; О.М. Соловьева переписывается с Гиппиус, с Ал<ександрой> Андр<еевной> Кублицкой-Пиоттух, матерью Блока. Дома я в это время попутно принимаюсь за изучение Герберта Спенсера («Основные начала», «Основание биологии»[177]); кажется, к этому времени выходит «Учение о Логосе» С. Трубецкого[178]; если так, то мы с Сережей начинаем внимательно изучать это сочинение.

Февраль. Метели еще бурней; весь этот месяц овеян для меня метельным вихрем; наши ожидания какого-то преображения светом максимальны; мне начинает казаться, что уже мы на рубеже, где кончается история, где за историей начинается «восстание мертвых»; и тут-то по газетам на небе вспыхивает новая звезда (она вскоре погасла); печатается сенсационное известие, будто эта звезда — та самая, которая сопровождала рождение Иисуса младенца[179]; Сережа прибегает ко мне возбужденный, со словами: «Уже началось». Нам 3 дня кажется, что уже начались события огромной апокалиптической важности; мы формулируем нашу мистическую символику приблизительно в таких терминах: *Дух Утешитель* будет иметь в истории такое же воплощение, как Христос; он родится младенцем; его мать — женщина, которая будет символом Церкви (*Жены Облеченной в Солнце*[180]), рождающей новые слова, Третий Завет; «Жена Облеченная в Солнце» — София; Мария родила младенца Иисуса; София родит Духа Истины; Дух Истины — трактовался мною, как «белый всадник» Апокалипсиса, открывающий эпоху кратковременного сияния Истины пред началом окончательного гонения на нее. Воссияние звезды было знаком для нас с Сережей, что *«младенец»* уже родился; *«белые начала»* — печати Духа: венцы его окружения; мы делим людей на *«белых»* и не «белых»; мы исследуем «белизну». Оказывается по Сереже: в семействе Поливановых (покойного Л.И.) много *«белых начал»*; (я не подозревал еще, что Сережа влюблен в М.Д.Ш., внучку Поливанова).

Вторым важным событием этого месяца — моя встреча глазами с М.К.М. на симфоническом концерте во время исполнения бетховенской Симфонии[181]; и отсюда мгновенный вихрь переживаний, мной описанный в поэме *«Первое Свидание»*[182]. С той поры совершенно конкретно открывается мне: все учение о Софии Премудрости Вл. Соловьева, весь цикл его стихов к Ней; и моя глубокая и чистая любовь к М.К.М., с которой я даже не знаком и которую я вижу издали на

симфонических концертах, становится символом сверхчеловеческих отношений; мне становится ясным, что *«мистерия новой любви»* есть мистерия, образующая новую Иоаннову Церковь «детей любви»; открывается внутренне и статья «Смысл Любви» Владимира Соловьева, который в эти дни как бы невидимо присутствует с нами, который вмешивается своею благою рукою *«оттуда»* во все события моей мистической и «эротической» жизни. Метель, музыка, Она, М.К.М., Откровение Иоанна, — вот лейт-мотивы этого месяца; они вытесняют из моей души все прочее; Университет, естествознание — все отлетело куда-то, хотя я механически продолжаю работать в химич<еской> лаборатории.

Третьим большим для меня событием этого месяца есть неожиданное, даже пугающее меня обращение Петровского к истокам Православия; совершенно потрясенный, он приходит ко мне и говорит, что какая-то благая рука его ведет к Богу; этот стремительный поворот его к Богу и к Церкви после месяцев максимального бунта и розановских, демонических подмигиваний даже пугает меня; как до этого Петровский показывал мне свой «диаволов» язычок, так теперь, обращенный к Богу, он весьма интенсивно переживает нападение на себя *«темной силы»*; даже в моих словах ему чуется привкус *«антихристовщины»*; он подозревает в людях одержание бесами; и его жест — покаяние, смиренная молитва и боязнь заглядываться в «бездны»; а — *«бездны ужаса»* роятся вокруг него; он приходит ко мне в этих настроениях, просиживает до 2-х часов ночи, и наши разговоры о Боге и диаволе переходят порою в какие-то мистические сеансы, когда мне начинает казаться, что *«бесы»,* его окружающие, прилипают ко мне; в нем для меня явная нота *«гюисмансовщины»*[183]. Он поднимает во мне всегда лейтмотив беса, Антихриста.

Так в этот месяц и в следующий я переживал то именно, что переживает герой моей второй *«Симфонии»,* Мусатов; вторая «Симфония» — случайный отрывок, почти протокольная запись той подлинной, огромной симфонии, которая переживалась мной ряд месяцев в этом году.

Март. Все лейт-мотивы предыдущего месяца и января развиваются; но параллельно с ними вырастает и начинает все покрывать лейт-мотив моей мистической любви к М.К.М.; поэзия Фета и Лермонтова мне звучит прообразовательно; во всех любовных стихотворениях Фета — отблеск одной любви: любви Мировой Души к рыцарю; я ощущаю себя этим рыцарем — одновременно рыцарем Небесного Видения и земной иконой Ее; эта земная икона — М.К.М. Кроме концертов я начинаю видеть ее на Арбате и в Денежном переулке — в часы, когда она возвращается домой[184]; лошадей ее, кучера ее я знаю в лицо; с этой поры я ежедневно после обеда начинаю бродить вдоль Арбата, вдоль Денежного переулка, вдоль Воздвиженки[185] в надежде встретить М.К.М. Она уже знает меня в лицо; и мне кажется, что взгляд ее, на меня обращенный, — взгляд добрый и ласковый; лейт-мотив этого времени — еще ненаписанная строчка Блока, с которой я встречусь уже через 7 месяцев: *«Я озарен: я жду твоих шагов»*[186]. С.М. Соловьев часто присоединяется к моим прогулкам, и мы часами бродим по улицам; я все стаскиваю его на Арбат; он имеет тенденцию влечь меня на Пречистенку, потому что он тоже гуляет, чтобы встретиться с М.Д.Ш., живущей на Пречистенке. У него к ней такое же отношение, какое у меня к

М.К.М.: одновременно — и мистическое, и эротическое. Мы оба — в волнах любви, в волнах зари; и это текстуально, потому что время наших прогулок — закат; мы особенно отдаемся вечерней заре; а зори в эту весну — раннюю, теплую, благодатную — изумительны: ярки, зовущи. Мы не подозреваем, что в это же время в Петербурге студент, А.А. Блок, встречает зо́ри этой удивительной *весны*, что Э.К. Метнер, о котором мне уже много говорит Петровский, так же встречает зорю и ощущает эту зорю совершенно особенной, небывалой; март 901 года — наступление для всех нас эпохи зари. Соловьевы (М.С. и О.М.) знают, что я и Сережа охвачены платонической любовью, лукаво и ласково поглядывают на нас; и как бы покровительствуют нашему заревому состоянию; в совершенном мистическом озарении я пишу М.К.М. длинное письмо, в котором я посвящаю ее в предмет моего культа; в нем я пишу о Ницше, о Вл. Соловьеве и о том, что мы ждем свершений огромного будущего; я подписываюсь *«Ваш рыцарь»*[187]; и со страхом я жду встречи с ней на одном из симфонических концертов; на концерте М.К.М. бросает на меня взгляд, из которого мне становится ясным, что она знает, что автор письма — *«я»* и что она — не сердится на меня.

Андрей Белый в гостиной своей квартиры (Арбат, 55)
Москва. 1900–1901. ГМП

Кажется, в это именно время за чайным столом Соловьевых появляется кн. С.Н. Трубецкой; мы много говорим о Мережковском; Мережковский, Розанов и вообще «петербургские мистики» для всех нас — проводники *«антихристова»* начала под флагом христианства; учреждается в Университете Филологическое О<бщест>во имени Трубецкого; и я начинаю бывать в нем[188]; С.М. Соловьев рассказывает мне о своем новом знакомом Л.Л. Кобылинском, яром марксисте и одновременно ницшеанце, деятельно работающим в рабочих организациях и одновременно сходящим с ума при чтении Ницше; он начинает меня сильно интересовать.

Страстная неделя[189] для нас с С.М. Соловьевым совершенно необычна; вся она залита весной, солнцем, зарею, обетованиями Апокалипсиса и *«встречами»* на Арбате и на Пречистенке; не Арбат, не Пречистенка места наших прогулок, а — Вечность, как я писал: *«Выходим в Вечность — на Арбат»*[190]. Иногда я провожу С.М. Соловьева к его репетитору Д.С. Новскому, католику, поклоннику Вл. Соловьева, который часто присутствует за чайным столом Соловьевых[191].

Ранняя Пасха проходит для меня во встречах с М.К.М. на Арбате, на выставках, в симф<оническом> концерте; я продолжаю писать ей письма, я хожу мимо ее дома, и однажды в окне дома вижу изумительной красоты мальчика; сообра-

жаю: «Это ее сын»[192]; С.М. Соловьев шутит со мною: *«Это и есть младенец, которому надлежит пасти народы жезлом железным»*[193]. Между нами развивается стиль пародии над священнейшими нашими переживаниями; и этот стиль пародии внушает мне тему 2-ой «Симфонии»; на святой неделе[194] я спешно, в 2-3 дня, набрасываю 1-ую часть «Симфонии»; и прочитываю ее Соловьевым, за чайным столом; М.С. Соловьев неожиданно для меня говорит: «Вот это я понимаю: Чехов и вы — современная литература; все остальное пустяки». Я — изумлен: *«пародию»* называют художественным произведением!

В этот же месяц происходит первое знакомство А.С. Петровского с Соловьевыми; А.С. производит на О.М. Соловьеву огромное впечатление; она начинает ему верить во всем; в этот же месяц с А.С. Петровским мы чаще и чаще беседуем о Серафиме, Сарове, Серафимо-Дивеевской обители, где у него в монашках сестра[195]; я читаю биографию Серафима[196] и все более и более проникаю в дух апокалиптический Дивеева; А.С. переписывается с Дивеевым; так традиция Дивеева начинает входить в мою душу; одновременно: я читаю все, что можно прочесть об Оптиной Пустыни и о старце Амвросии, перечитываю «Братьев Карамазовых»[197]: «Алеша» мне видится *«белым»*; я читаю и биографию, написанную К. Леонтьевым, «Отец Зедергольм»[198]. Монастырь, затвор представляется мне желанною тихою пристанью; так А.С. все более и более влияет на меня в нем развивающимися монашескими нотами.

Апрель. В апреле как-то на время ломается линия 1901 года, которая до сей поры шла *«crescendo»* (январь—февраль—март!); погода портится; льют дожди; дом М.К.М. — покинут; окна — завешены; я переживаю разлуку с ее образом, как разлуку вечную; мне кажется, что более мы никогда не увидимся, что до осени мы не доживем; вместе с тем: вместо благих и светлых нот начинают подыматься темные апокалиптические ноты: ноты врага и Антихриста; Москва мне кажется жуткой; на улицах встречаешь какие-то рожи; все восприятия и все темы дня звучат для меня в тональности: «Держись, *враг* собирается оборвать ноты света»; я ощущаю нечто вроде долга: держаться и в чистоте нести завет служенья Непостижной[199]; Соловьевы очень рано уезжают в Дедово; папа уезжает председателем экзам<енационной> комиссии куда-то (кажется, в Казань); мама к первому маю уезжает в деревню; мы с А.С. Петровским часто видаемся (он живет около Остоженки в Дурнове переулке, в доме Осетрынькина); мы с ним углубляемся в гностические бездны; меня интересует теософия цветов; я делаю открытие, что *красный* цвет — феноменален, призрачен; *пурпур* — ноуменален, ибо он соединяет линию спектра в круг; во мне складывается та концепция цветов, которую я впоследствии изложил в статье: «Священные цвета»[200]. А.С. меня заинтересовывает религиозно-философским кружком Новоселова[201]; он собирается ехать к последнему в Вышний Волочек; там ожидается Мережковский; мы с ним интересуемся простыми газетными известиями, провидя в фактах русской действительности некие апокалиптические персты; между тем надвигаются университетские экзамены, которые в этом году для меня гораздо ответственнее, ибо все 2-ое полугодие я почти не посещал лекций.

Май. В этот месяц проходят мои университетские экзамены, которые неожиданно весьма благополучны для меня: я получаю по всем предметам — «5», за

исключением «минералогии» (4); на экзамене физики проф. Умов, удивленный моим философским подходом к механической теории тепла, даже не спрашивает меня подробности билета (опыты Джоуля, механический эквивалент теплà и т.д.). Экзамены протекают неожиданно легко, почти не задевая за душу; иными событиями я весь переполнен в течение этого месяца.

Во-первых, когда после дождливого и холодного апреля вдруг наступили жаркие, майские дни, то мы с А.С. Петровским переживали незабываемые вечера грозных предчувствий какого-то огромного будущего; А.С. в эти годы всегда поднимал во мне переживания грозного, над нами нависшего «конца»; гром апокалиптических событий из будущего ясно чувствовался; просидев вечер у Петровского, я возвращался домой Мертвым переулком и переживал Москву совсем по-особенному; целые ночи я проводил в моей арбатской квартире без сна, пугаясь тишины и мрака углов неосвещенных комнат; иногда со мной просиживал А.С. Тогда мы забирались на балкон (третьего этажа) и сидели, повисая над темным Арбатом в ожидании рассвета; А.С., шутя, говорил, что в нашей пустой квартире по ночам в комнате заводится некое злобное, астральное существо, *«Козерог»,* распадающееся прахом к рассвету; и шутя, фантазировал, что у нашей кухарки, Дарьи, имеющей очень длинные уши и находящейся в тайных сношениях с *«Козерогом»,* — растут уши; выходило, что Дарья — медиум; и как только вечером она уляжется спать, так тотчас же ее освободившиеся астральные силы материализуют в пустой гостиной, среди чехлов, — «Козерога»; я прибавлял соли к шуткам Петровского, в результате чего мы друг друга приводили в очень взвинченное настроение; и пустая квартира казалась наполненной шорохами; *«Козерог»* — появлялся: мы забирались на балкон, озирали сонный Арбат, и смотрели, как начиналось на востоке порозовение; это белое утро описано мною в последних отрывках второй части *«Симфонии»*[202]. В одну из таких майских ночей после успешно сданного экзамена физики, когда в один день распустилась сирень и в некоторых частях Москвы разливался аромат сирени, — я почувствовал сильное вдохновение: я выставил рабочий столик на балкон, поставил свечку и всю ночь напролет писал: была написана почти вся 2-ая часть 2-ой «Симфонии» в эту ночь; и эта ночь отразилась в этой части; все то, что разливалось для меня в заревом воздухе ночи, то вылилось в образах 2-ой «Симфонии»; я чувствовал определенно, как пером моим водит чья-то рука; никогда я не писал так безотчетно, как в эту ночь; и странно: многие факты 2-ой «Симфонии» имели место в Москве, но позднее: в 904, 903, 905 годах; я считаю, что в некоторых фразах этой *«Симфонии»* есть предвидение; Вл. Соловьев, изображенный бродящим на крышах и подающим рогом знак, что «Зло позабытое тонет в крови: всходит омытое солнце любви»[203], — осадился на страницы, как лейт-мотив настроения, разлитого в эти ночи над Москвой; для меня это были какие-то *священные ночи*; старец Иоанн, появляющийся на страницах *«Симфонии»,* сложился во мне под впечатлением наших разговоров с Петровским о Серафиме, Дивееве; в нем отразился взгляд Петровского того времени на Православие; некто же *«пассивный и знающий»,* А.С. Петковский, просовывающийся в *«Симфонии»*, есть та сторона в А.С. Петровском, которая в то время влияла на меня в моем самооп-

ределении в сторону ортодоксального православия; таким *«знающим»* виделся в те дни Петровский О.М. Соловьевой; а в Поповском отобразилась та сторона в А.С., с которой я в те дни боролся: своего рода *«esprit mal tourné»,** всюду видящий только соблазны диавола; А.С. не доверял учению Вл. Соловьева о Софии; ему виделся тут эротизм и *«халдейство»*; он говаривал: *«Соловьев был халдей»*; в подозрении этом мне чувствовалось оскорбление, наносимое и стихам Соловьева, и, косвенно, моим отношениям к *М.К.М.*; оттого-то *«Поповскому»* от меня и досталось в *«Симфонии»*. Сергей Мусатов, герой *«Симфонии»,* — проекция Сережи Соловьева того времени в будущее; таким Сергеем Мусатовым он был для меня в 1904 году, когда ему казалось, что в *Л.Д. Блок* выявляются силы Софии; ошибка Мусатова, смешавшего *«Жену, Облеченную в Солнце»* со *«сказкой»,* московскою дамой, есть как бы *«шарж»* на будущее отношение Сережи к Любовь Дмитриевне (впрочем, очень кратковременное); *«сказка»* — М.К.М.; *«полусказка»* — сестра ее, *Е.К.В.*[204]; *«старичок»,* в доме которого происходит встреча *«мечтателя»* со *«сказкой»* — профессор Разцветов; художник, изобразивший на большом полотне *«Чудо»,* — М.В. Нестеров[205]; *«философ»,* сошедший с ума, — Б.А. Фохт, которого я в те дни не знал, но которого тотчас узнал, когда в 1902 году познакомился с ним; *«Дрожжиковский»* — вымышленный тип; *«жаровые собрания»,* происходившие в Первом Зачатьевском Переулке, — вымышлены; но странно: они в этом переулке происходили через 4 года (в 1905 году), когда здесь собирались деятели религиозно-философского Общества в мае 1905-го года[206].

Написав ночью 2/3 второй части *«Симфонии»*, я с утра принялся за продолжение; характерно: эта часть написана в ночь с Троицына дня на Духов день[207]; в Духов день она была закончена к 5 часам дня; едва я успел окончить — звонок: Сережа, приехавший из Дедова; я ему тотчас же прочел эту 2-ую часть, окончившуюся сценой в Девичьем Монастыре; эта сцена поразила Сережу, и он высказал желание тотчас же отправиться в Монастырь на могилу Владимира Соловьева; мы — отправились; нас поражала Москва: мной описанный *«золотой Духов день»*[208] еще длился; он был точно такой, каким я его описал; и Монастырь — был таким же точно; мы посмотрели на красный домик, перед которым *«монашка сгорала в закатном блеске»*[209] (он перекрашен, а сцена с монашкой — списана с натуры), и пошли к могиле Вл. Соловьева, перед которой долго стояли в молчании, как бы испрашивая у него благословение на *«подвиг нашего будущего служения»*; на другой день Сережа увез меня в Дедово, где прочел 2-ую часть М.С. и О.М. Соловьевым; М.С. тогда же решил, что *«Симфония»* должна быть напечатана. Дни в Дедове — продолжение незабываемых московских *«священных»* дней; они полны разговорами огромной важности и овеяны тенью Владимира Соловьева; помнится ночь, накануне моего отъезда, проведенная в лодке на пруде, когда мы с Сережей, зажегши свечу, читали *«Апокалипсис»*; к нам потом присоединился покойный М.С. Соловьев.

---

* «Ум, направленный на дурное» (*франц.*).

Окончание мая помнится мне под знаком усталости, разбитости после страшного напряжения душевных сил *«прочесть тайну зари 901 года»*; в дни этой душевной усталости совершилось первое мое падение с женщиной, оставившее в душе весьма болезненный след[210]; впрочем, этот след быстро прошел, когда я после экзаменов уехал в деревню, в *«Серебряный Колодезь»*; и — новая волна огромных переживаний мистических на меня налетела.

Июнь. Последние дни мая и начало июня окрашены мне новыми узнаниями; все восприятия природы «Серебр<яного> Колодца» — иные; с этих дней не пропускаю ни одного заката; я изучаю все оттенки закатов; я их беру себе в душу; закаты со мной говорят; я стараюсь осадить в душе их речь; и духовный голос внятно выговаривает мне многое, чему рассудок мой не дает мне объяснения; общий тон узнаний — узнания о Софии Премудрости, о Ее действии на душу людей сквозь Душу Мира; в закатах каждого дня я получаю какие-то нужные мне известия; я уподобляюсь телеграфисту, получающему прямо из аппарата шифрованные знаки; место моей *«телеграфной»* службы — место за новым плодовым садом, откуда открывается закат; каждый вечер я отправляюсь туда прочитывать на заре *(вычитывать из Зари)* злобы дня «духовного мира». Вся природа в эти минуты мне говорит внятными языками; и — более того: я чувствую, как на крыльях мистического экстаза я выхожу из ограниченных рамок индивидуального сознания и сам начинаю отвечать на зовы Ее какими-то мне не до конца внятными жестами; между нами (Ею и мной) устанавливается какой-то особый чин службы и отношений (все это подробней описано в I-ом томе *«Начала Века»*[211]); вместе с тем: часто передо мной возникает и образ *М.К.М.*; и мы душами соединяемся; я глубоко убежден в эти дни, что письма мои к *М.К.М.*, написанные в воздушной атмосфере, на закатах передаются *М.К.М.*; я глубоко убежден, что *М.К.М.* пишет мне свои воздушные письма; и я их вычитываю из воздуха; во мне складывается убеждение, что *М.К.М.* глубиною своей индивидуальной души соединена с Душой Мира; закаты и зори я воспринимаю, как улыбки Мировой Души мне; и отвечая на зовы зари, я отвечаю не только Душе Мира, но и с Душой Мира соединенной *М.К.М.* Эта связь *М.К.М.* с *Душой Мира* становится для меня рассудку неясным фактом; и смутно чувствуется, что новые, космические отношения между людьми (мною и *М.К.М.*) становятся возможным<и> из нового откровения Души Мира, как Человечества (идея Соловьева в связи с его статьями о Конте[212]); это откровение обусловлено воплощением Софии Премудрости в жизнь; ясное душе мироощущение о наступлении новой эры не имеет еще ясно выраженных философских формул; надо сделать мировоззрительные выводы из накопившихся материалов мистического опыта; это — дело будущего: на то призваны мы — я и С.М. Соловьев[213]; весь этот цикл мыслей сказывается в ½ 3-ей части *«Симфонии»,* которую я с легкостью набрасываю в несколько дней 2-го, 3-го, 4-го и 5-го июня; Мусатов едет в деревню сделать *«выводы из накопившихся материалов»*[214]; это — я, или умопостигаемый С.М. Соловьев; усадьба брата Мусатова — наша усадьба; поля, через которые он проезжает, — точная запись поездки моей из города Ефремова в Серебряный Колодезь (Ефремовского уезда, Старогальской волости). Брат Павла Мусатова — взят с одного из братьев Ознобишиных (помещиков Саратовск<ой> губернии),

которого я встречал в бытность мою в Даниловке, у Усовых; мои личные переживания *Закатов* переданы в отрывке, изображающем, как Вечность (т. е. Жена, Облеч<енная> в Солнце) шутила со своим *«баловником»*[215]; я каждый день переживал экстазы, подобные описанному там, на прогулках (верхом), или на возвышенности за нашим новым плодовым садом (эта возвышенность описана в *«Записках Чудака»*[216]); мои мистические встречи с душой *М.К.М.* описаны позднее, в *«4-ой Симфонии»*, в главе *«Зацветающий ветр»*[217]. Слова *«Уже аскет знал, что великая роковая тайна несется на них из неисследованных созвездий»*[218] есть тайна о приближении Софии, о воплощении Ее в Земной образ, о возможности рождения Духа Утешителя в мир (*«белого ребенка»*); вся эта сцена написана, насколько память мне подсказывает, 3-го, 4-го или 5-го июня, а 4-го июня в этом же году написано Александром Блоком стихотворение: *«Предчувствую Тебя... Года проходят мимо...»*[219].

Да, вот — совсем позабыл (и в *«Начале Века»* этот факт, к досаде моей, не записан: сейчас только вспомнил); со мною в *«Серебряный Колодезь»* из Москвы приехал Сережа всего на несколько дней (вероятно, прожил от 28-го—29-го мая до 2-го июня); мы катались с ним много в полях и отмечали особенности *зорь*, необычно ярких в этом году[220]; С.М., глядя на закат, вслух сочинял одно из своих стихотворений, которое мне очень нравилось; оно начиналось словами: *«Гаснет на западе шар раскаленный, красный, как кровь... Это всемирный пожар воспаленный, это (не помню слов)... любовь»*[221]. В *«Серебряном Колодце»* в эти дни жили: мама, экономка, Мария Федоровна, мы с Сережей, моя тетя и Фанни Андреевна Брун, бывшая некогда моей гувернанткой.

Тотчас же по отъезде С.М. Соловьева я написал первую половину второй «Симфонии»[222].

Мои мистические экстазы, написанье *«Симфонии»* — все было прервано тревожным известием: папа, вернувшийся в Москву из командировки, упал с конки и сломал себе руку. Мы с мамой тотчас же отправились в Москву, где нашли папу относительно веселым и бодрым с рукой в гипсовой повязке; и при нем — сестру милосердия; в Москве мы пробыли недели две около папы, пока не выяснилось, что он быстро поправляется.

Это время опять-таки мне отметилось очень интересною встречею с вернувшейся из Парижа, где она жила много лет, Анной Сергеевной Гончаровой. А.С. Гончарова (из семьи «пушкинских» Гончаровых[223]) была одна из первых эмансипированных русских женщин; давние разговоры ее с папой пробудили в ней интерес к философии; она окончила в свое время Сорбонну и стала первым *«доктором философии»* (из русских женщин); с той поры она годы жила исключительно интересами философии, психологии, будучи лично знакома с Ришэ, Бутру и Шарко; она потом вся ушла в интересы экспериментальной психологии, изучала книги по гипнотизму; вместе с тем она первая из русских взошла на вершину Монблана; я и в отрочестве помнил Анну Сергеевну, которая всегда мне импонировала умом, живостью, блеском разговоров; между прочим некогда своими подарками книг Кайгородова, Богданова и др. мне, ребенку, она зажгла во мне интерес к естествознанию, впоследствии она долго занималась проблемами эстетики; несколько лет она безвыездно жила в Париже, а теперь вдруг

вернулась в Москву — убежденнейшей *теософкою,* лично знакомой с Анни Безант, Ледбиттером и Паскалем (парижским теософом); в этот период она бывала у нас почти каждый день, разговаривая с папой и главным образом со мною о теософии и снабжая папу и меня брошюрками Безант и Паскаля. Папа относился терпимо к главным догматам теософии (карма[224], перевоплощение), находя, что в его брошюре «Основы эвол<юционной> монадологии»[225] эти выводы теософии философски обоснованы; к мистицизму же теософии он относился отрицательно; я оказывал к теософии огромный интерес именно по линии, папе чуждой; и весь пафос общения между нами троими сосредоточился на мне. А.С. Гончарова стала явно мне проповедовать теософию и восхвалять Блавадскую; с этой последней и с теософ<ским> движением я был в общем знаком еще с 1896 года; но теперь, в эпоху максимума моей мистической жизни этого периода встреча с *теософией* была конкретнее для меня; с одной стороны, я с жадностью выспрашивал у А.С. Гончаровой детали доктрины, во многом с ней соглашаяся (в проблеме эсотеризма, учении о строении человека, в гнозисе); с другой стороны, резко отталкивался от нот буддизма и востока, видя здесь опасное утопление христианского эсотеризма в обще-восточном. В 4-ой части *«Симфонии»* отображено это мое тогдашнее отношение к *теософии.* Проблема *«пути посвящения»* и работы над собой встает передо мной; но мне нужна *«христианская теософия»*, а не восточная; *«гнозис»* Вл. Соловьева мне кажется еще абстрактным.

В таких мыслях я прощаюсь до осени с А.С. Гончаровой и возвращаюсь с мамой в конце июня в *«Серебряный Колодезь»*, куда через две недели должен был приехать уже поправляющийся папа (с фельдшерицею).

Июль. Этот месяц проходит для меня под знаком обычных для меня летом мистических переживаний (те же встречи с М.К.М.; с Душой Мира на зоре); поездки верхом, поездки к соседям (батюшке села Старогальского), Быковым, Пьяновым и Тржаковским как-то скользят по поверхности моей жизни; в этот месяц я оканчиваю 3-ю часть московской *«Симфонии»*[226]; и принимаюсь за 4-ую; если память мне не изменяет, то весь месяц я внимательно изучаю сочинения Константина Леонтьева, перечитываю дневник Достоевского[227], перечитываю и некоторые из книг Вл. Соловьева; в общем во мне намечается изменение в моей безусловной позиции по отношению к философии Соловьева; во-первых: Соловьев, как философ, мне кажется абстрактным; во-вторых, К. Леонтьев с его строгим взглядом на *«путь монашеский»* несколько сдвигает мою позицию в сторону церкви и старчества; необходим строгий путь, путь подлинного *эзотерического опыта*; мне еще не ясно, есть ли это путь теософского *«гнозиса»*, или *«умное деланье»* православного старчества, но ясно одно: «путь» — нужен; а Вл. Соловьев еще не дает *«пути»* (в смысле пути молитв, или духовных размышлений); кроме того: нужно точное толкование *«Апокалипсиса»,* а не одно только невнятно-мистическое изживание его текстов; кроме того: труды Розанова и исследование Мережковского[228] кажутся мне *«гностически»* конкретнее Вл. Соловьева в разрушении основ подлинного пути; и Розанов, и Мережковский мне кажутся врагами, которых не отразишь одной отвлеченной концепцией Вл. Соловьева; Соловьев *«опыт»* имел, но унес его с собой в могилу; и нам нужно ре-

шать наши новые религиозно-философские проблемы по-своему. Этими внутренне усиливающимися доводами я переполнен; и они отражаются в 4-ой части *«Симфонии»*, где выясняется крах героев *«Симфонии»*; конец *«Симфонии»* — превращается в пародию на крайности наших же мистических переживаний весны 901 года. *«Скепсис»* Петровского по отношению к *«неохристианской»* романтике крепнет во мне.

Во второй части июля приезжает папа; мы читаем с ним *«Воскресшие боги»* Мережковского[229] и много беседуем на темы возрождения язычества, гуманизма; папа — враг всего церковного; он подходит к религии рационалистически.

Август. В августе во мне окончательно созревает план: *«сорвать»* апокалиптическую романтику *«Симфонии»*. Я ее кончаю сперва нотою максимального пессимизма, картиною вымирания всего человечества (в этом смысле *«губастый негр»*, появляющийся на страницах 4-ой части[230], есть в то время для меня неосознанный образ всеобщего одичания и вырождения; не только *«панмонголизм»*[231] грозит Европе, но и внутренне в нас живущий — человек-зверь, человек-негр); вся апокалиптическая идеология Мусатова есть *«первый блин комом»*[232]. Безнадежную последнюю сцену *«Симфонии»* я заменяю сценой в «Девичьем Монастыре», где ясно, что ничего не погибло, что *«много светлых радостей осталось для людей»*[233]; выясняется, что погиб лишь Мусатов и *«присные»,* скороспелые апокалиптики: батюшка Иоанн, символ Иоаннова начала и старчества, один знал заранее об ошибках в гнозисе Мусатова, но — таил про себя свое знание; некто *«знающий»*, старушка Мертваго (ортодоксальная православная) и батюшка Иоанн (начало эсотеризма в Православии) утверждают: «И разве вы не видите, что *близко...* Что *уже висит над нами... Что недолго осталось терпеть... Что нежданное близится»* («Симфония», 4-ая часть). Что же близится? На это отвечают дерева в палисаднике за окном; они *«под напором свежего ветерка ликовали и кричали нараспев»*: «Се жених грядет в полунощи» (Idem)[234]. Жених — Христос. *Близится 2-ое Пришествие — вот неясно сознанием оформленный итог всех внутренних узнаний этого года.* Тайны Софии, Ее Пришествия суть лишь — вестники главного события: *II-го Пришествия Христа.* В этой ноте, которая отныне крепнет во мне, весь стиль моей идеологии уже в нюансе отличается от идеологии Блока, мне еще незнакомого; для Блока — альфа и омега его узнаний — ожидание Пришествия Софии; для меня же с этой осени самая София — риза Христова; пришествие Ее — знак главного события: Пришествия Христа. В «Симфонии» старец Иоанн это знает, а Мусатову это неотчетливо; оттого-то он и гибнет.

В начале августа (или в конце июля, — не помню) я получаю от С.М. Соловьева письмо, описывающее пребывание А.А. Блока (студента, его тро-юр<од>ного брата) в Дедове; для Сережи выяснилось, что *«Саша Блок»* имеет такие же мистические переживания, как и мы[235]; далее следовал панегирик его стихам; в этом же месяце из переписки с Сережей я узнаю о появлении на горизонте Соловьевых Анны Николаевны Шмидт, автора III-го завета, смущающей М.С. Соловьева своими признаниями, что Вл<адимир> Серг<еевич> Соловьев — воплощение Христа, а она — Души Мира, и что мистические стихотворения Соловьева к Ней — обращены к А.Н. Шмидт[236]; все это укрепляет меня в мысли

о необходимости нам иметь строгий путь под руководством духовно опытного лица.

В начале сентября я возвращаюсь в Москву, преисполненный нового для меня лейт-мотива из моей же «Симфонии»: «Ждали Утешителя, а надвигался Мститель»[237].

Сентябрь. Этот месяц для меня очень сложен и суетлив; во-первых: в доме Соловьевых мы обсуждаем странные письма А.Н. Шмидт к М.С. Соловьеву (где они — неужели погибли?)[238]. Во-вторых: я знакомлюсь со стихами Блока и делаюсь убежденным поклонником и распространителем его стихов в Москве[239]; в-третьих: я читаю 2-ую половину моей *«Симфонии»* Соловьевым в присутствии П.С. Соловьевой (Allegro), с которой я знакомлюсь; она считает, что моя *«Симфония»* чертовски талантлива, а М.С. Соловьев отбирает у меня рукопись и относит ее Валерию Брюсову, который уже изредка бывает у Соловьевых, с тем, чтобы тогда начавшийся уже *«Скорпион»* ее напечатал[240].

В это же время моя встреча с Петровским как-то особенно действенна; мы окончательно сближаемся в теме Православия, в желании искать пути; я погружаюсь в толкования Апокалипсиса (между прочим Оберлена)[241], читаю кое-что из томов Сведенборга «L'Apocalipse éxpliqué»[242]; А.С. меня все более и более посвящает в Саров и в Дивеево; дарит образок Серафима и биографию его, написанную Чичаговым (арх<имандритом> Серафимом)[243]; однажды на прогулке мы встречаемся с Э.К. Метнером; и Петровский меня знакомит с ним; с той поры он много и долго говорит о Метнере, подготовляя мою прочную встречу с ним в 1902 году. С этого месяца в нашем доме часто начинает появляться Пав<ел> Ник<олаевич> Батюшков (внучок поэта)[244] и двоюр<од>ный брат А.С. Гончаровой; мы просиживаем с ним долгими вечерами и разговариваем о теософии, с которой я уже недурно знаком по книгам Безант и Ледбитера; он мне рассказывает о Миде, о злобах дня теософ<ского> О<бщест>ва; я раза 2 в неделю бываю у А.С. Гончаровой, с которой все более и более связывают меня ноты внутреннего развития; *«Путь Посвящения»* становится зовом души: сильнейшее впечатление производит *«Свет на пути»*[245]; и все то, что мне рассказывает Гончарова, как комментарий к Бхагават-Гите[246]. Вместе с тем я опять появляюсь в доме у проф. Стороженко, как один из руководителей кружка для самообразования молодежи, сгруппированной вокруг Маруси Стороженко; здесь я впервые сталкиваюсь с Кобылинским (Эллисом), с которым происходит живейший обмен мнений; первый реферат кружка — мой, посвященный разбору сочинения Мережковского «Лев Толстой и Достоевский»; в этом кружке я знакомлюсь с Бороздиным, М.С. Фельдштейном, Мельгуновым (он тоже читал реферат в этом кружке); в кружке я принимал участие весь сентябрь и октябрь, все более и более сближаясь там с Кобылинским, но потом перестал бывать, когда в линию интересов кружка стал вмешиваться проф. Стороженко, явно боявшийся моего *«декадентского»* влияния на молодежь.

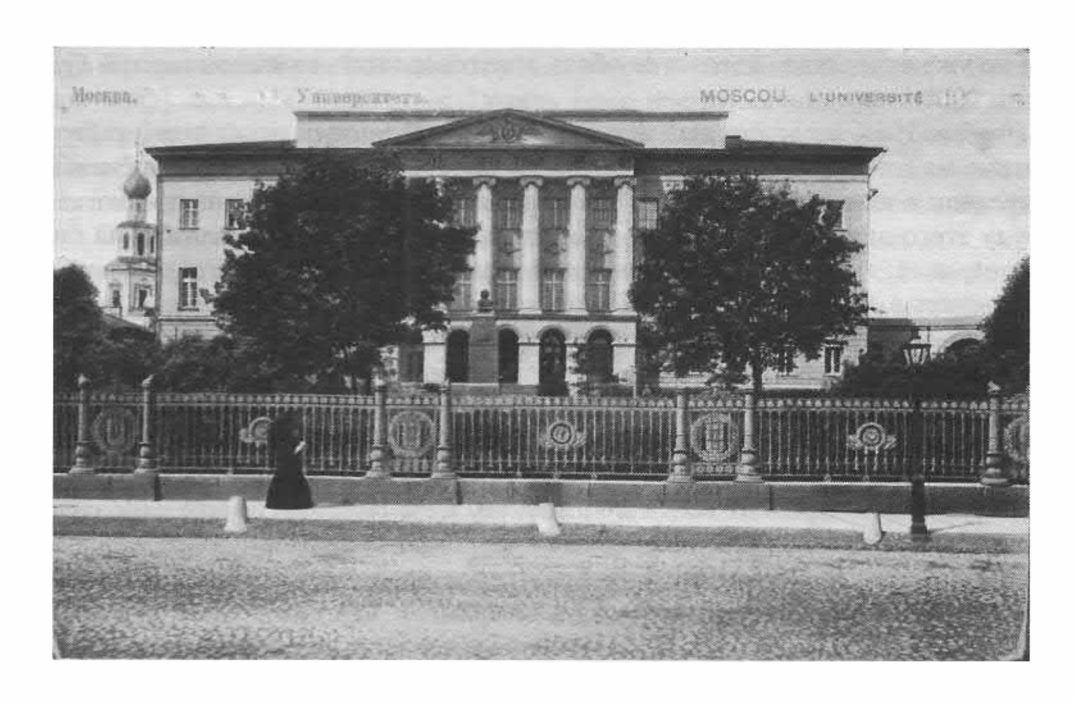
В этот же месяц мне предстояло выбрать тему для кандидатского сочинения, что представляло для меня затруднение: я когда-то специализировался по микробиологии и мог бы с интересом работать в этой сфере; философия зоологии меня интересовала; но ссора с проф. Зографом и неумение устроиться при Мен-

збире в предыдущем году отвела от меня зоологию; во-вторых: мне стало ясно, что по окончанию естественн<ого> факультета я поступлю на филологический; и стало быть: при Университете не останусь; *«специализация»* для меня была условной; я хотел было остановиться на «этнографии» и предложил проф. Анучину писать сочинение об орнаменте; но Анучин меня запугал отсутствием научного материала по этому вопросу; почему-то превратно поняв мое появление у него, как мой интерес к этнографии, он предложил мне пристальнее работать в области физической географии; однажды он предложил вместо себя мне повторить лекцию, им сказанную в предыдущий раз, *«о представлении древних о земле»*; я, к изумлению своему, блестяще справился с темой; и Анучин с этого времени обратил на меня особенное внимание. Так он убедил меня писать именно ему кандидатское сочинение; я выбрал тему сочинения *«Об оврагах»*, представляющую для нас и практический интерес (в нашем имении было много действующих оврагов); так с этого месяца я прочно засел в «Румянцевском Музее» над изучением материалов по борьбе с оврагами проф. Докучаева (материалы Нижегородского и Полтавского Земства)[247]; но скоро от материалов этих я перешел к чтению в Музее отцов церкви <так!>; и главное — к изучению творений Исаака Сириянина[248], оставлявших в душе моей сильнейшее впечатление.

Последние дни этого месяца окрашены появлением в Москве А.Н. Шмидт, с которой я несколько раз имел встречи у Соловьевых, и разговоры на рискованные темы ее «Третьего Завета»[249].

С замиранием сердца ожидал я возобновления симфон<ических> концертов, чтобы встретиться с *М.К.М.* Я всюду искал встреч с ней на Арбате, как прошлой весною; но нигде не встречал.

Октябрь. В Университете я слушаю следующие курсы: проф. Мензбир: «Зоология позвоночных»; проф. Мензбир: «Сравнительная зоология»; проф. Горожанкин: «Мхи и лишаи»; проф. Тимирязев: «Анатомия растений»; проф. Зелинский: «Количественный анализ»; проф. Зелинский: «Органическая химия»; проф. Павлов: «Динамическая геология»; проф. Анучин: «Антропология и этнография»; проф. Анучин: «Физич<еская> география»; проф. Лейст: «Метериология» <так!>. Я сосредоточиваюсь на практических занятиях по метереологии, по физич<еской> географии, по анатомии растений (у Строганова), по количественному анализу у прив<ат->доц<ента> Дорошевского; работ в этом году очень много. Погода какая-то зловещая; в душе — темно; в нашем доме душно и сиро; мама заболевает болезнью чувствительных нервов на почве женской болезни; весь дом наполнен беспокойствами за нее; мне очень тяжело и мрачно; на этом фоне подымается нота моей Симфонии: *«Ждали Утешителя, а надвигался Мститель»*[250]; А.С. Петровский подкладывает Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря[251]; и с той поры эта книга становится моей настольною книгою; образ Серафима, весь чин молитв его, оживает в душе моей; с той поры я начинаю молиться Серафиму; и мне кажется, что он — тайно ведет меня[252]; образ Серафима, как невидимого помощника, вытесняет во мне образ покойного Вл. Соловьева; я весь живу Дивеевым и сообщениями из Дивеева сестры А.С. Петровского, монашенки этой обители.

Московский университет
Почтовая открытка. Конец XIX в. ГМП

Получается ответ Брюсова на запрос М.С. Соловьева о моей *«Симфонии»*; Брюсов считает *«Симфонию»* прекрасным произведением и уведомляет, что *«Скорпион»* печатает ее, но только через год, ибо *«Скорпион»* уже на год завален работой; тогда М.С. Соловьев решается лично спешно печатать *«Симфонию»* под маркой *«Скорпиона»* (который на это соглашается)[253]; я не хочу печатать *«Симфонию»* под моим именем; мы выдумываем псевдоним мне; я предлагаю: *«Буревой»*, но М.С. смеется: «Нет, когда узнают, что автор — вы, то будут смеяться: «Это не Буревой, а *Бори вой*»...». М.С. придумывает мне псевдоним: «Андрей Белый» и делается моим крестным отцом в литературном крещении; так в год моего совершеннолетия (мне — 21 год) я рождаюсь в литературе, как «*Андрей Белый*».

В эти дни я чаще и чаще слышу от М.С. Соловьева о Г.А. Рачинском, с которым он познакомился; Г.А. уже начинает бывать у Соловьевых, но я с ним еще не встречаюсь; часто бываю у А.С. Гончаровой; Батюшков все чаще ко мне заходит.

В этот же месяц я знакомлюсь с Л.А. Тихомировым, знатоком толкования Апокалипсиса; и начинаю бывать у него: мы беседуем на тему Апокалипсиса[254]; А.С. Петровский знакомится с В.А. Тернавцевым, видается с Новоселовым; и — рассказывает мне об исканиях новоселовского кружка.

В этот месяц на симфоническом концерте я встречаюсь с *М.К.М.*; внутренне мое отношение к ней — неизменно; я жду свидания с ней (от концерта к концер-

ту), но уже отчетливо отделяю ее образ, мне говорящий, от *«мистической бури»* весны 1901 года.

Ноябрь. Наиболее грустный и, я бы сказал, переломный месяц этого года; состояние маминых нервов стало ужасно; по предложению проф. Снегирева маму поместили в клинику Снегирева; одно время ей угрожала операция; никогда не забуду этого дня; мама вернулась из клиник, сообщая нам, что неизбежна опасная операция; это меня так поразило, что я не мог найти себе места; вечером, затворившись в своей комнате и затеплив свечу перед образом Серафима, я начал молиться ему; молился я подряд несколько часов, прося Серафима помочь маме; и вдруг повеяло ясной тишиной; мне почуялось, будто святой старец со мной рядом; и ясно повеяло от него на меня, что молитва моя услышана и что маме операция не угрожает; на другой день, вернувшись в клинику, мама выслушала от Снегирева решение: *операции не быть, потому что настало сильное облегчение болезни*; я скрыл от всех свою молитву Серафиму, но во мне отложилась уверенность, что молитва моя *действительно была услышана Серафимом*; с той поры я во всех случаях жизни стал мысленно обращаться к святому. И иногда перед образком его подолгу молился по вечерам.

В этот же месяц мне помнятся мои усиленные занятия в химической лаборатории количественным анализом: сперва весовым, а потом — объемным; в ноябре я должен был сдать зачет Дорошевскому, чтобы уже к декабрю поспеть записаться на стол для занятий практических по органической химии; никогда не забуду я долгих сидений перед чувствительными весами для измерения каких-нибудь крупинок анализируемого вещества; измерение крупинки, потом разведение ее чуть ли не в ведрах воды, потом выпаривание раствора, высушивание осадка и опять взвешивание, — все это было достаточно скучно; во время этих занятий я начал в свободные часы (пока осаждались осадки) в гистологической чайной писать 1-ую часть Симфонии *«Возврат»;* потом наступила неделя, когда я должен был с утра до семи часов вечера работать в лаборатории, чтобы вовремя получить зачет у Дорошевского; проф. Зелинский, который стал заинтересовываться моей работой, думая, что я у него буду писать сочинение по химии, представился мне преследующим меня; стояли морозы; и я вечером возвращался в наш грустный дом (грустный, потому что болела мама) совершенно опустошенный; после зачета Дорошевскому я засел дома и быстро набросал 2-ую часть Симфонии *«Возврата»*, где в изображении покинутости лаборанта Хандрикова и его преследования проф<ессором> Ценхом отразились мои занятия в лаборатории; несколько черт Ценха взяты мной у проф. Н.Д. Зелинского (чисто внешние: Ценх изображен дьяволом; проф<ессор> же Зелинский был человек мягкий, симпатичный, гуманный, хотя и строгий).

В этот же месяц на некоторое время вспыхнула опять очень сильно моя любовь к *М.К.М.* И я опять написал ей письмо[255] (мы продолжали встречаться на симфон<ических> концертах).

В этот месяц укрепилась моя дружба с Гончаровой и Батюшковым; теософские разговоры с последними отразились на симфонии «Возврат» (идея *спиральности* путей). В этот же месяц возобновилось мое знакомство с М.А. Эртелем, которого я знал когда-то студентом, когда был еще ребенком, — в Демьянове;

теперь Эртель стал часто появляться у нас, встретился с Батюшковым; и быстро с ним подружился; я, Батюшков, Эртель одно время составили как бы *трио*; другой группой была группа: Соловьевы, Петровский, я; наконец, в Университете я все более сходился с моим гимназическим товарищем В.В. Владимировым; около него группировались: Печковский и С.Л. Иванов, впоследствии профессор[256]. Этот месяц я читал *«Учение о слуховых ощущениях»* Гельмгольца[257].

Декабрь. 5-го декабря произошла моя встреча у Соловьевых с В.Я. Брюсовым; мы были с Петровским у Соловьевых (встреча эта описана в 1-ом томе *«Начала Века»*)[258]. *6-го декабря* (на другой день): у Соловьевых же произошло знакомство мое с Мережковскими (тоже описано в «Начале Века», I т.); опять были: Петровский и Брюсов[259].

7-го декабря состоялась лекция Мережковского в Психол<огическом> О<бщест>ве о Льве Толстом; я был на ней (о лекции этой см. в I т. «Начала Века»)[260]. Мережковские исключительно мне не понравились; Соловьевым — еще более; и мы решили, что они — от Антихриста.

8 декабря. Встреча у Мережковских с З.Н. Гиппиус; во время разговора с ней мне она уже стала нравиться.

В этот период я очень внимательно изучаю поэзию Брюсова, Гиппиус, Сологуба, Минского, Мережковского, Балтрушайтиса. Брюсов и Гиппиус (особенно Гиппиус) мне говорят; прочие — нет; М.С. Соловьев считает Брюсова настоящим поэтом; но более всех мне нравится Блок, который присылает Соловьевым свои новые стихи; все эти стихи мной переписываются и прочитываются: Петровскому, Владимирову, Печковскому, Эртелю, маме, Эллису, Батюшкову, Гончаровой; стихи имеют огромный успех; уже образуется в Москве кружок *«блокистов»*[261]; в Петербурге еще не знают Блока.

Последние дни года для меня стоят под знаком бесед с Соловьевыми и под знаком моих отношений к *М.К.М.* Читаю Платона, изучаю древнегреческую философию; увлекаюсь Эдгаром По. Попутно сдаю экзамен проф. Горожанкину и проф. Зелинскому (по органич<еской> химии) на право работать в лаборатории.

Так кончается для меня этот напряженный изумительный год, открывающий вместе с новым столетием — новую эру: образуется уже символическое течение, согласно последующему определению Блока: *как только обладающий тайным знанием осознает, что есть и другие обладатели этого знания, — начинается перекличка между ними, начинается символизм.* Символизм для меня начался именно в 1901 году, — начался, как идейное течение. Кстати: кажется, в конце этого же года я впервые попадаю на концерт Олениной-д'Альгейм; певица производит на меня огромное впечатление; это Соловьевы меня заставили пойти на этот концерт; они были раньше; и были потрясены Олениной; их же направил Рачинский, лично с певицей знакомый; Оленина-д'Альгейм для меня, опять-таки, знак, что — *«нас много»*.

В этом же году для меня полоса увлечения Никишем, которым я увлекался и раньше; но теперь Никиш меня все более и более увлекает; также начинается для меня культ Шуберта.

1902 год.

Январь—февраль. Перерабатываю обе части *«Возврата»;* прочитываю Соловьевым *«Северную Симфонию»*, которая им нравится, но — менее *«московской»*[262]; эти месяцы я усиленно полемизирую с Мережковскими; Соловьевы переписываются с ними; я, окончательно убежденный в неправоте их позиции, пишу длинное письмо Мережковским за подписью *«Студент-естественник»*. Письмо производит сильнейшее впечатление на Мережковских; Гиппиус спрашивает О.М. Соловьеву в письме, — кто автор послания им? она пишет, что в нем — первый отклик на призыв Мережковского со стороны, что письмо замечательно, что они показывали его Розанову и он де нашел письмо гениальным (впоследствии часть письма с выпущением центральных, так сказать, эзотерических мест было напечатано в *«Новом Пути»*[263]); Гиппиус вопрошает: Неужели же автор письма тот *«Боря Бугаев»,* который де в Москве по дошедшим до Мережковских слухам ругает их; во всяком случае они должны встретиться с автором письма в Москве, где они скоро будут; и действительно встреча эта произошла на лекции Мережковского о Гоголе, читанной в Историческом Музее[264]; на лекции (мы были на ней с Петровским) ко мне подходит П.П. Перцов, редактор задуманного журнала *«Новый Путь»*[265], и знакомится со мною; меня ведут в лекторскую к Мережковскому, который со мной любезен до крайности; Брюсов меня приглашает на вечер к себе (с Мережковскими); меня зовут ужинать с Мережковскими в «Славянский Базар»[266] (после лекции); зовут и Петровского; я — не попадаю; попадает Петровский; и рассказывает мне об ужине и о курском городском голове Алехине (хлысте), ужинавшем с Мережковскими[267]. На следующий день мы встречаемся с Мережковскими у Брюсова; Мережковский говорит со мной целый вечер на темы о пути, об Отце и Христе, о воле, о новом делании и приглашает меня на свидание с ним и с женой — в Славянский Базар на следующий день. Брюсову не нравится, что Мережковские слишком возятся со мной, и он переводит разговор на стихи; читаются стихи: Брюсова, Гиппиус; тут же у Брюсовых я знакомлюсь с А.Р. Минцловой, присутствующей на вечере; на следующий день происходит мой разговор решающий с Мережковскими[268], где обнаруживается, что все мои подозрения против них — иллюзия, что мы — братья во Христе; мы прощаемся, обменявшись поцелуями; Гиппиус особенно говорит мне.

Мой разговор с Мережковскими воспринимается Соловьевыми, как переход в их стан, а О.М. Соловьевой, как измена всему делу Соловьева; с той поры начинаются мои нескончаемые споры с О.М. Соловьевой о Мережковских; я их отстаиваю, М.С. Соловьев — помалкивает, О.М. Соловьева начинает порою чуть ли не кричать на меня; не раз я встаю и, разобиженный, ухожу; но после мы обмениваемся письмами; и союз наш вновь заключается.

Между тем Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус начинают присылать мне письма; я им отвечаю; так завязывается переписка между нами[269].

В это время в Университете я начинаю заниматься органической химией, приготовляю бензол, нитробензол, анилин и др<угие> препараты; у меня — частые столкновения с прив<ат>-доц<ентом> Крапивиным, не любящим меня и делающим мне всяческие неприятности.

Март—апрель. Переписка моя с Мережковскими, главным образом с З.Н. Гиппиус, стоит в центре всех моих интересов; эта переписка окончательно сближает нас; Мережковские меня зовут в Петербург, прося остановиться у них.

Я бросаю работать в лаборатории, потому что я не могу Крапивину приготовить какого-то едкого эфира, выделяющего ядовитый газ, разъедающий слизистую оболочку; Крапивин отказывается мне дать другую работу; и я, видя нерасположение к себе Крапивина, бросаю лабораторию; в эти месяцы я обрабатываю свое кандидатское сочинение *«Об оврагах»*[270] и подаю его проф. Анучину. Эти месяцы я часто бываю в концертах; на генеральной репетиции концерта Никиша[271] я встречаюсь с Метнером (Эмилием) и имею с ним долгий разговор, который меня сближает с ним[272]; мое увлечение *М.К.М.* принимает спокойные формы; переписка с Мережковскими — вот что стоит в центре души моей.

М.С. Соловьев
1901. ГЛМ

Эти месяцы я правлю корректуры *«Симфонии»*, которая выходит на страстной неделе[273]; я скрываю ото всех, что я автор *«Симфонии»;* даже родители мои этого не знают.

Вот как реагируют знакомые на появление этой странной в то время книги: большинство ругает, не понимая «Симфонии»; говорят, что это — «дичь и бред»; мама, которой я книгу дал почитать, говорит: «А, должно быть, умница этот Андрей Белый». Старушка Коваленская очень хвалит «Симфонию»; Рачинский от нее в восторге; Эллис глубоко изумлен ею; он подозревает, что автор — я; он начинает появляться у нас в доме; я начинаю бывать у него; апрель окрашен мне прогулками по Москве с Эллисом и нескончаемыми разговорами с ним (крепнет наша дружба). Петровский покашивается на *«Симфонию»*[274]; Печковский в восторге от нее; Мережковские из Петербурга присылают письмо, в котором расхваливают *«Симфонию»*[275].

Май. Этой весною я не держу экзаменов: экзаменов — нет; май — свободен. К маю папа едет в Петербург (председателем экзаменационной комиссии); мама уезжает с ним на некоторое время; я остаюсь один в квартире и пишу 3-ью часть Симфонии *«Возврат»*, впоследствии уничтоженную; в ней я изображаю конец мира в Москве под впечатлением рассказанных друг другу (мною и С.М. Соловьевым) мифов и главным образом под впечатлением мартиникской катастрофы[276]; я потрясен этою катастрофою. Конец апреля и начало мая захвачен я перепиской с З.Н. Гиппиус, которая меня усиленно зовет в Петербург на не-

сколько дней, прося остановиться у них на дому и быть инкогнито[277] (я хотел съездить к ним тайно от родителей: переписку с Мережковскими я скрыл от родителей); я чуть было не поехал, но потом сообразил всю неловкость для меня этого *incognito* в Петербурге; в этот период я пишу много стихотворений, между прочим *«Все тот же раскинулся свод»*; здесь — начало целого цикла, вошедшего уже потом в «Золото в лазури»[278]. В этом цикле впервые начинается для меня культ *«солнечного золота»* и настроений, связанных с ним; нота женственной зари сменяется нотою мужественности.

В начале мая мама уже возвращается из Петербурга и с удивлением спрашивает меня: правда ли, что я переписываюсь с Мережковскими? Тайна моей переписки — узнана; я признаюсь, что я действительно переписываюсь с Мережковскими; оказывается, К.И. Арабажин, папин племянник, встречаясь с Гиппиус и Мережковским, постоянно слышал от них обо мне: Мережковские расхваливали ему меня.

Эту весну мы очень обсуждаем с Соловьевыми *«Северные Цветы»*, уже выходящие в «Скорпионе»; выходит № 2-ой «Северных Цветов»[279]. В *«Северных Цветах»* первого выпуска мне более всего говорит отрывок из прозы Александра Добролюбова[280]. Я внимательно читаю *«Tertia Vigilia»* Брюсова[281] и многое мне очень нравится в этой книге.

В этом же месяце начало моего сближения с Эмилием Метнером, который неожиданно приходит ко мне с Петровским; он признается, что, прочтя *«Симфонию»*, сразу узнал, что автор я[282]; *«Симфония»* ему очень говорит, и он собирается дать о ней отзыв в газеты[283]; мы уславливаемся, что летом будем переписываться, а с осени — прочно встретимся.

В этот же месяц происходит мое сближение с Л.Л. Кобылинским (Эллисом) на почве *«Симфонии»*; он меня начинает посвящать в «марксизм»; памятны прогулки с ним.

В этот же месяц я читал свои стихи у Валерия Брюсова; и Брюсов очень строго их разбирает; разбор дает мне очень много[284].

Тогда же происходит знакомство домами с семейством Владимировых (мать и сестры В.В. Владимирова); у Владимировых я начинаю часто бывать; у них начинают появляться: А.С. Петровский, Эллис, П.Н. Батюшков; мы все переживаем увлечение живописью Владимирова, в эту вёсну выставившего 2 картины на выставке московских художников[285]; обе картины оказались распроданными; в доме у Владимировых много музыки: Анна Вас<ильевна> Владимирова поет романсы Грига, Глинки, арии из Римского-Корсакова, а молодой композитор (студент-математик) Челищев музицирует; у Владимировых я встречаюсь со студентом Леоновым; там бывает и мой гимназический товарищ — Янчин; Владимировы живут на Смоленском бульваре, в доме, смежном с домом *М.К.М.*; в окнах их квартиры видны окна дома *М.К.М.*

Этою весною мне по-особенному открывается поэзия Лермонтова; я переживаю ее сквозь призму поэзии Фета, Вл. Соловьева и Блока; и начинает впервые глубоко звучать Тютчев.

Пушкин еще мне далек.

Июнь—июль—август. Этот период весьма значителен для меня, но по какому-то он является полной антитезою предыдущего лета; я открываю, что *тон* зари разительно переменился; *«зóри»* остались, даже усилились (зори периода целого), но в них явственно проступили другие ноты; тон *«зорь»* лета 901 года — розовый; тон зорь 902 года — ослепительно золотой: *«Зачем этот воздух лучист, зачем светозарен до боли»*[286] — вот лейт-мотив этого лета; светозарность до боли.

Лето для меня начинается вторичным увлечением Ницше; я впервые читаю «Заратустру» в подлиннике; и — упиваюсь ритмами его; эти ритмы сливаются для меня с ветром времен; а этот ветер с ветром вообще; в этом году дуют сильные ветра; в отрывке из 4-ой «Симфонии» есть фраза: «*Это был день Большого Ветра*»[287]. *«День Большого Ветра»* — весь этот период (особенно, июнь его); каждый день я на зоре переживаю какие-то странные экстазы; я свершаю в полях особый чин своей службы; эта служба обращена к грядущему; грядущее уже не видится мне лишь в теме поэзии Блока, а в теме *«второго Христова пришествия»*; переписка с Мережковскими, мои молитвы и внутренне ощущаемая связь со св. Серафимом, — все это меняет тональность моего религиозного опыта — от инспирации Ею, к интуиции в... Христе. *«Чувство Христа»* — вот что прорезывается сквозь экстаз слияния с мировой душою; я внутри себя осознаю, что сквозь экстаз надо пройти, как сквозь врата, чтобы встретиться с Ним у себя в сердце — в за-экстазной тишине; за-экстазная, потусторонняя даль становится мне имманентным откровением о Христе; я постигаю не иконописный Лик Христов, а Лик, встающий в средине своего собственного сердца; эта новая, неожиданная встреча, встреча со Христом, переполняет все дни мои; мне начинает казаться, что Апокалипсис есть нечто, разыгрываемое в душе у каждого; второе пришествие есть не исторический, а сверх-исторический факт: восхождение из мира в зá-мирное возможно в любую минуту жизни — в тишине, в голосе Христа, поднимающемся из глубины моего существа; все *«апока<ли>птическое»*, понятое исторично, как *«конец всемирной истории»,* начинает быть для меня лишь символическим восхожденьем молитв ко Христу; *«Апокалипсис»* есть *«Апокалипсис»* души: путь посвящения в тайну Христова Имени; «Она» становится лишь вратами ко внутреннему Христу во мне: София становится Христософией: ризой Христовой.

Эти внутренние узнания в душе производят как бы отбой от *«апокалиптики»* 1901 года; 1902 год для меня по сравнению с 1900 и 1901 годами — *антиапокалиптический* год в смысле внутреннего преодоления в себе внешней апокалиптичности; в этой внешней *«апокалиптичности»* я вижу нечто соблазнительное; это — «бес»; это — подкрадывающийся к сердцу «антихрист»; сфера чаяний 1901 года есть теперь для меня сфера соблазнов, преодолеваемых найденной точкою за-апокалиптического, вне-апокалиптического покоя, связанного с сошествием Христа в сердца и с возможностью вне-церковного общения с ним с глазу на глаз.

Никогда не забуду, как на прогулке в полях (на вечернем, ослепительно-золотом закате) меня обдул ветер, как бы приподнявший в душе тайну 2-го сошествия: *«Оно уже началось!»*. Потрясенный этим узнанием, отменяющим для

О.М. Соловьева
Фотография В. Либовича и Е. Гончаровой
Рязань. 1902 (?). ГЛМ

меня всю внешнюю апокалиптику, я вернулся домой; в эти же дни я уплотнил голос Вечности в словах 4-ой *«Симфонии»:* «Дни текут... Времена накопляются... Надвигается — незакатное, бессрочное... Просится: пора мне в этот старый мир... Пора сдернуть покровы... Развить пелены... Налететь ветром... Засвистать в уши о довременном...»[288]. *Довременное во временном* — то, что впоследствии Рудольф Штейнер назвал *Христовым Импульсом.*

Впервые *Христов Импульс* мне стал ведом в 1902 году. И в связи с этим ведением сами *зо́ри* времен переменили для меня свой колорит: *стали светозарны до... боли*; боль утраты чего-то в самой радости конца — утрата конца в конце; эта боль — ликвидация всякой детской мистики и наивной экстатичности; эта боль — боль начала самосознания: она-то и высекает новое знание о том, что *«Не я, а — Христос во мне»*[289].

В это лето по-новому мне открылся смысл моих отношений к *М.К.М.* и смысл моего *«соловьевства»*; я переживаю *sui generis** отбой от философии Вл. Соловьева и нота язычества, долженствующего быть введенным в христианство, начинает явно звучать во мне: в новое откровение Христа в душе должно быть введено и язычество; я впервые переживаю Юлиана, как христианина; мы с папой вместе перечитываем «Юлиана» Мережковского[290]; и много беседуем с ним на тему о христианстве и язычестве.

Под впечатлением фактов моей внутренней жизни я пишу первую редакцию «4-ой Симфонии» (не сохранилась); 4-ая «Симфония» должна была дать новую, мистически правильную, транскрипцию 2-ой: раскрыть подлинную ноту времени: второе пришествие уже происходит; оно не в громе апокалиптических событий истории, а в тишине сердец, откуда появляется Христос; я позднее 3 раза переправлял редакцию этой «Симфонии»; в *«Кубке Мятелей»*[291] ничего почти не осталось от этой версии, где еще не было ни Адама Петровича, ни Светловой, ни полковника Светозарова, ни золотобородого мистика, а действующими лицами был юноша Лавров, мистик Саврасов, переживающий тайну 2-го Пришествия, и Тугарина, которую платонически любит Лавров; но появляется *«прыщавый бородач»*, редактор журнала *«Пафос»*, который искажает в оргиазме и в культе Астарты христианские веяния журнала *«Патмос»*[292]; я считаю эту первую редакцию 4-ой Симфонии наиболее удачной; отрывки из нее были напечатаны в

* своего рода (*лат.*).

1-м Альманахе «Грифа» в 1903 году; в *«Кубке Мятелей»* сохранились лишь куски от первой редакции во второй части (всё об обители и о видении Тугариной-Светловой Христа; то же в отрывках «Пена колосистая», «Золотая Осень»[293]); эта редакция Симфонии не писалась, а записывалась фразами; фразы же я подслушивал; они мне как бы подавались из ветра.

Июль и август этого года были необыкновенно жаркими; во время этих жарких дней меня посещали неоднократно мои новые, мне открывшиеся переживания.

Этот период окрашен мне еще все большим и большим проникновением в Бетховена; весь июнь и июль мама разыгрывала симфонии Бетховена; и они углублялись во мне; особенно солнечная 2-ая Симфония отразилась в этой редакции «Симфонии».

Летом мы очень дружили с папой, гуляли с ним много в полях; папа посвящал меня в свою «монадологию»; и я все более и более становился поклонником этой монадологии; с удивлением я стал замечать, что он — задыхается после ходьбы, часто останавливается; и — берется за пульс.

Август месяц был холодный; в этот месяц я уничтожил первую версию 3-ей части *«Возврата»*; и вместо нее написал ту часть, которая появилась в печати (Хандриков в санатории д-ра Орлова)[294]: *«апокалиптическая»* 3-ья часть была выброшена, как внешняя; музыкально в новой 3-ей части отразилась *«Grande sonate»* Чайковского[295], которую мама играла августом.

Летом я писал мою статью *«О формах искусства»*, как готовимый мною реферат для общества имени Сергея Трубецкого; отрывки из этого реферата я читал отцу; не будучи согласен с шопенгауэрианством статьи, он все же ценил ее мысли; был доволен мною; он сам давал мне стилистические указания; отрывистость фраз этой статьи — влияние папиной стилистики (он не любил длинных фраз и обилия придаточных предложений).

Этим летом я читал «Энергетику» Оствальда, «Психологию» Джемса и «Психо-физиологию» Вундта[296]; о Вундте, Джемсе и Оствальде мы много беседовали с папой.

Сентябрь—октябрь. Начинается последний год университетской жизни; я продолжаю слушать тех же профессоров (Мензбира, Тимирязева, Лейста, Павлова, Зелинского, Анучина и других); среди новых курсов — следующие: проф. Павлов: «Историческая геология и палеонтология», проф. Тимирязев: «Физиология растений», проф. Мороховец: «Физиология». Я записываюсь на практические занятия у Лейста и у Анучина: по этнографии, по физич<еской> географии, по метериологии; но Университет уже отступил куда-то; я определенно осознаю, что моя цель — окончить филологический факультет; естественный факультет — проходной двор; с естествознанием я достаточно ознакомился: довольно с меня естествознания! Это я высказываю и дома: папа удивлен моей настойчивостью в желании поступить на филол<огический> факультет; он с неохотою уступает мне; эти месяцы провожу я в сплошных идеологических спорах с папою; я становлюсь остер на язык и не спускаю папе ни одной выходки против нового искусства; часто за обедом разгораются споры: я отстаиваю Гамсуна, Ибсена, Ницше и новую живопись; папа нападает на меня;

очень часто у нас обедает мой дядя, Георгий Васильевич Бугаев; тогда оба брата соединяются в нападении на меня; я, атакованный с обеих сторон (и отец, и дядя — едкие спорщики), разрываюсь на части и выхожу из себя; папа, вынимая часы, саркастически замечает: «Ну вот, Боренька, вместо того, чтобы кипятиться, попробуй доказать в 5 минут нам, что Гамсун великий писатель...». И начинает, глядя на часы, выслушивать* мою защиту; мама заступается за меня; в сентябре этого года приезжает моя тетя, Анна Васильевна, из Киева с двумя дочерьми, Верой и Лёлей[297]; Вера и Лёля — на моей стороне; мы — ладим; и дружно восстаем на *«отцов»*, отстаивая все *«новое»*; тетя Анюта нам сочувствует.

В эти месяцы с папой происходит первый сильнейший припадок *«ангины»*; доктор рекомендует папе покой, но он не бережется; над нашим домом нависает предчувствие *«кончины»* папы.

И тот же, но только еще в бóльшей степени сгущенный, мрак нависает над домом Соловьевых; М.С. Соловьев все прихварывает; О.М. Соловьева страдает нервами; над нею висят просто тучи какие-то; мы с А.С. Петровским говорим, что у Соловьевых просто бывать невозможно; у нас с О.М. бывают частые ссоры из-за Мережковских: я — верен последним; и за это мне сильно достается от О.М. Соловьевой; мрачное настроение соловьевской квартиры для меня связано с мрачными стихотворениями Блока, присылаемыми из Петербурга[298]; мы все согласно устанавливаем, что с Блоком что-то произошло, что линия света в нем подменилась линией тьмы, что Блок — в одержании; М.С. Соловьев говорит: «Я всегда говорил, что мне стихи Блока подозрительны: нет, решительно я предпочитаю Брюсова». Раз мы с ним отправляемся на брюсовские «среды»[299]; у Брюсова я бываю от времени до времени; на «средах» его я встречаюсь с Гофманом, братьями Койранскими, с Курсинским, Лангом-Миропольским, Балтрушайтисом, Поляковым, Яворским, Н.Я. Брюсовой, Черногубовым, Саводником и др.; «среды» Брюсова не производят на меня впечатления (весь сезон я бываю у Брюсова).

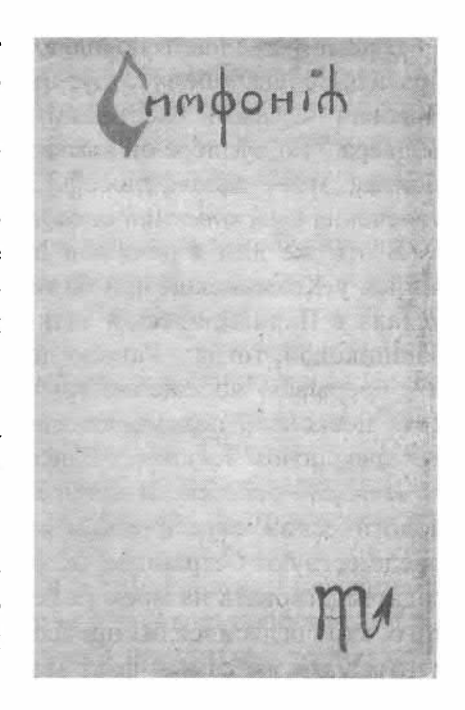
Осенью обнаруживается, что «Симфония» моя имеет успех в известных кругах Москвы; но и обнаруживается, что псевдоним мой раскрылся и что я — *«притча во языцех»*; в профессорских кругах говорят: «А у Николая Васильевича — сын декадент». Я вижу, что не сегодня-завтра родители узнают, что я — «Андрей Белый». О существовании какого-то нового декадента, *«Андрея Белого»*, они уже слышали, но не знают, что этот *«Белый»* — я; отношение профессоров резко меняется по отношению ко мне; резко меняет свое отношенье ко мне и С.Н. Трубецкой, прежде такой внимательный; на заседаниях Филологического О<бщест>ва, где я бываю, он со мной — неприятен дóнельзя; М.С. Соловьев мне передает, что особенно негодует на появление «Симфонии» проф. Л.М. Лопатин; *«московские устои»* — Лопатин, Венкштерн, Гиацинтовы, Шишкин, д-р Петровский, Трубецкой, Огневы и др. — ругают меня на всех перекрест-

* *В автографе:* выслушивает

ках; между тем: мне предстоит читать реферат в студенческом О<бщест>ве; и я знаю, что меня там готовятся *«съесть»*.

Обо всем этом мне рассказывает М.С. Соловьев.

У Соловьевых я как-то реже бываю этою осенью; в их квартире — *мрак и тоска*. Все почти вечера провожу я у Метнеров в непрерывных беседах с Эмилием Метнером; эти дни — новое откровение музыки для меня; Метнер углубляет мне отношение к музыке, иллюстрирует свои мысли при помощи брата своего, пьяниста (впоследствии известного композитора), исполняющего ряд сонат Бетховена и Шумана; Бетховен и Шуман впервые раскрываются для меня во всей их единственности, особенно Бетховен; Метнер впервые колеблет во мне шопенгауэрианский подход к Канту, и сосредоточивает мое внимание на Канте; он впервые мне приоткрывает подлинного Гёте; так своим подходом к Бетховену, к Гёте и к Канту я обязан Метнеру; на Ницше — мы сходимся; вместе пытаемся мы определить сущность того невыразимого состояния, которое для меня связано с *«Христовым импульсом»*; Метнер называет это чувство *«христовством»* в противоположность *«христианству»*. Тут же мне открывается все значение музыки его брата; при мне (за стеной кабинета Э.К. Метнера) он сочиняет свою *сонату* и играет мне *«Stimmungsbilder»*[300].

Андрей Белый. Симфония (2-я, драматическая)
М.: Скорпион, 1902

Под влиянием разговоров с Метнером и растущей не по дням, а по часам дружбы с ним я переделываю 4-ую «Симфонию»: пишу 2-ую редакцию ее (тоже не сохранилась); героиня — раздваивается в ней на 2 сестры (Тугарина и Светлова); каждая имеет свою тему; в контрапункте 2-х тем — контрапункт «Симфонии»; герой не знает, которую из 2-х сестер любит он; появляется полковник Светозаров, который подглядывает его сомнения.

Метнер неожиданно женится (в начале ноября) и уезжает цензором в Нижний Новгород[301]; с той поры начинается наша частая переписка.

В эти же месяцы происходит мое знакомство и начавшееся сближение с домом Рачинских, где я заражаюсь культом Олениной-д'Альгейм; я знакомлюсь у Рачинских с певицей и высказываю свои воззрения мужу певицы, барону д'Альгейму; у Рачинских же я знакомлюсь с Мюратом, с Рукавишниковым, с художницей Олениной, с Серовым, с Первухиным, с Остроуховым, с Поленовыми, с Якунчиковой, со студентом Поццо, с граф<ом> С.Л. Толстым, с проф. Плетневым, кажется с Тарасевичами (а может быть, — позднее).

В доме у нас часто появляются: Батюшков, М.А. Эртель и Эллис; последний нравится очень моему отцу; отец мне говорит: «Из всех твоих товарищей Лев Львович — самый блестящий». Папа одобряет стихи Эллиса, его переводы из Бодлера[302]; о Бодлере он высказывает: «Это — не чета твоим Брюсовым и Бальмонтам; это — поэт-философ…». Папа с Эллисом заключают союз против моего увлечения *«московскими декадентами»*.

В эти же дни я начинаю посещать первый теософский кружок, собирающийся у Кохманской при ближайшем участии Батюшкова (А.С. Гончарова — уехала в Париж); здесь я знакомлюсь между прочим с Писаревой и М.В. Сабашниковой, тогда — юною девушкой; *«теософы»* отталкивают меня от себя; и я прерываю посещение кружка, но с Батюшковым — продолжаю дружить, хотя несколько подсмеиваюсь над теософией; читаю *«Метафизику»* Вундта, *«О прекрасном в музыке»* Ганслика[303]; увлекаюсь Дю-буа-Реймоном.

Ноябрь—декабрь. В ноябре я читаю реферат *«О формах искусства»* в филологическом студенческом обществе; чтение разделено на два вечера; ему предшествуют странные слухи, будто С.Н. Трубецкой отказался председательствовать на моем реферате, отказался и Лопатин; долгое время искали того, кто согласился бы председательствовать; и всё — потому, что я — «декадент»; так уже самый факт моего выступления в академическом О<бщест>ве был скандалом; мне передавали, что Б.А. Фохт, философ-неокантианец, собирается меня загрызть; на реферат я шел не без волнения, смешанного с досадой; но прения были отложены до второго чтения (через неделю); на этом чтении председательствовал — прив<ат>-доцент Викторов; в прении принимали участие: Кубицкий, Эрн, Фохт, Борис Койранский и Топорков; Фохт таки потрепал меня, ловя на незнании деталей неокантианских подходов к понятию форма. Самолюбие мое было задето; я решил твердо — преодолеть кантианскую схоластику: специально заняться Кантом.

Этот инцидент с рефератом компенсируется другим, для меня весьма приятным событием; на открытии выставки *«Мира Искусства»*[304] я подошел к Дягилеву и представился; Дягилев, узнавши, что я *«Андрей Белый»*, вдруг стал со мной невероятно вежлив; и тотчас же познакомил меня с Александром Бенуа; оба сказали, что слышали обо мне весьма много от Мережковских; и — просят меня сотрудничать в «Мире Искусства»; я предложил им статью свою *«О формах искусства»*, прося напечатать ее не под псевдонимом *«Белый»*, а — под моей настоящею фамилией[305]. Эта выставка мне впервые открыла огромность Врубеля; над картиной его «Фауст и Маргарита»[306] я простоял около часу; с той поры — любимейший мой художник Врубель.

Статью свою я отослал в «Мир Искусства»; с той поры я стал получать журнал; редакция прислала мне очень любезное приглашение за подписью Философова ознакомлять ее со всеми рукописями и стихами моими, дабы сотрудники «Мира Искусства» были в курсе моего творчества[307]. В конце ноября я, увлеченный искусством Олениной, послал в *«Мир Искусства»* лирическую заметку о ней за подписью «Андрей Белый»; заметка была напечатана в ближайшем номере[308].

С этого времени у меня устанавливаются прочные связи с Петербургом: 1) через редакцию «Мира Искусства», 2) через имеющий возникнуть журнал Мережковских «Новый Путь». Кроме того: Валерий Брюсов просит меня подготовить для 3-го сборника *«Северные Цветы»* стихов и чего-нибудь еще: я составляю цикл стихов для Брюсова и переделываю гимназический отрывок *«Пришедший»* для *«Сев<ерных> Цветов»*[309].

В конце ноября и в начале декабря как будто разрежается тяжелая атмосфера в соловьевской квартире; и мы снова, уютно заседаем за круглым столом, — под лампою, переживая веянье недавнего прошлого — о еще не случившемся; и все еще — чаемом; я часто бываю на могиле Вл. Соловьева (в *«Новодевичьем Монастыре»*); под впечатлением одного из посещений пишу я стихи, посвященные философу: *«Пусть вьюга снежная венок с твоей могилы с протяжным стоном рвет»*[310]. Стихотворение это очень нравится Михаилу Сергеевичу; Ольга Мих<айловна> говорит мне: «А Миша возлагает на вас большие надежды». Наши споры с Ольгой Мих<айловной> из-за Мережковских как будто ослабевают.

Наша дружба с Метнером, начавшаяся в Москве, только усиливается с его отъездом в Нижний; мы еженедельно обмениваемся длиннейшими посланиями; под влиянием бесед с Метнером и его писем ко мне я начинаю пробовать писать в стиле старогерманской живописи; и пишу отрывок из стихотворения, оконченного лишь в 903 году: «Старинный друг»[311].

Соловьевым я читаю Симфонию *«Возврат»*, которая им менее нравится первых двух *Симфоний*; читаю им и первую редакцию 4-ой «Симфонии»; это произведение кажется М.С. подозрительным по субстанции; я чувствую, что мой отход от ноты *«Апокалипсиса»* не нравится Соловьевым; моего *«христовства»* вместо христианства не понимают они.

Во внутренней моей жизни, как никогда, звучат ноты Сарова и *«Дивеева заветный сон»*[312]; почти каждый день, когда всё в доме спит, я поднимаюсь на молитву, зажигаю свечечку перед образом Серафима; и — часами молюсь ему; эти часовые моления часто кончаются минутами невыразимого блаженства и тишины; только Петровский смутно догадывается о моих молитвах, но — деликатно не заговаривает со мной о них. Перечитываю *«Братьев Карамазовых»*.

Ставят *«Когда мы мертвые пробуждаемся»*[313], и я посещаю чуть ли не каждое представление одной из любимейших моих ибсеновских драм; в связи с нею переживаю вторичное увлечение Ибсеном; перечитываю вновь все его драмы; более всего говорит мне *«Джордж Габриэль Боркман»,* потом — *«Строитель Сольнесс»,* потом — *«Когда мы мертвые пробуждаемся»*, потом — *«Маленький Эйольф»,* потом — *«Женщина с моря»,* потом — *«Дикая Утка»,* потом — *«Привидение»*; *«Нора»*, *«Враг народа»*, *«Бранд»*, *«Пер Гюнт»*[314] и др<угие> драмы — менее говорят моему сознанию. Из произведений Достоевского, кроме любимейших *«Братьев Карамазовых»* и *«Идиота»*, в эту зиму особенно мне говорит *«Подросток»*.

1903 год.

Этот год стоит в сознании моем переломным; как 1900 год есть год, ведущий к *заре,* 1901 год — год максимальной зари, 1902 год — год перемены тонально-

сти зари, так 1903 год есть год начала внутреннего угасания *зорь*; и потом он весь овеян мне несчастиями, трудными переживаниями, и — суетою; *«общественность»* выдвигается для меня впервые лишь в этом году; *«Борис Бугаев»* окончательно стушевывается и заслоняется писателем, *«Андреем Белым»*.

Январь. Тяжелый месяц; открывается он приятным для меня выходом в свет того номера *«Мира Искусства»*, где напечатана моя статья за подписью «Борис Бугаев»[315]; отец доволен появлением этой статьи, ее слогом. В эти же числа я пишу Александру Блоку письмо, вызванное тем, что у меня нарастает потребность поделиться с ним мыслями о его стихах; и тотчас же получаю его письмо, адресованное ко мне и вызванное появлением моей статьи *«О формах искусства»* (наши письма — скрестились в дороге; написаны они — в один день); я читаю с восторгом его письмо Соловьевым и пишу ему длинный ответ; письмо Блока получено мною, вероятно, 3—4-го января[316].

3—4-го января со мной происходит трагикомическое приключение; я приглашен на свадьбу Сережи Усова, который женится на графине Нессельроде; на свадьбе меня подпаивают Усовы и Сергей Нилыч Попов; я, едва держась на ногах, провожаю молодых на Николаевский вокзал, говорю им блестящую речь; потом меня отвозят к Тестову[317] на мальчишник, устроенный отцом невесты, графом Нессельроде, но я лишаюсь сознания (говорят, я очень весело обливал шампанским шаферов невесты); меня привозят домой, приводят в сознание; отец шутливо корит меня; мне — невыразимо стыдно; я иду к Соловьевым и узнаю, что М.С. Соловьев неожиданно опасно заболел; я — встревожен.

5-го или 6-го января: выясняется, что М.С. Соловьеву — хуже; я не нахожу себе места; всю ночь я молюсь Серафиму, твердо уповая, что он поможет М.С.; но вдруг я понимаю, что — молиться нельзя, что исход — предрешен; силы молитвы — покидают меня; и нечто вроде ропота подымается во мне против Серафима (с тех пор я перестаю молиться).

7-го и 8-го положение М.С. Соловьева вполне безнадежно; 8-го я имею разговор с Сережей, который мне заявляет, что, по его глубокому убеждению, надежды на выздоровление нет; он объясняет мне, что черпает силу из *«Чтений о богочеловечестве»* Вл. С. Соловьева[318]; О.М. Соловьева в эти дни ужасает меня.

9-го. М.С. — кончается[319]; О.М. удаляет Сережу из дому; днем я имею с ней разговор; она — вся дрожит, глаза — лихорадочно блестят; она умоляет меня не покидать в течение всей моей жизни Сережу, быть с ним; я не понимаю, какой ужасный намек заключается в этом ее обращении ко мне (выяснилось потом, что весь этот день она травила себя краской; и говорила со мной, уже отравленная); вечер этого дня я тупо и безнадежно сижу у себя, ожидая всего худшего; в 3 часа ночи нас будят известием, что М.С. Соловьев — скончался, а О.М. тотчас же застрелилась; меня зовут в квартиру Соловьевых (мама — в истерике: папа — утешает ее); в квартире Соловьевых я нахожу проф. П.С. Усова и В.С. Попову, совершенно растерянных; оба меня посылают к Рачинскому, занимающему ответственное место в Губернском Правлении[320], чтобы он повлиял на полицию затушевать самоубийство; в 4 часа ночи мы обсуждаем с Рачинским, что делать; в 5 возвращаюсь к Соловьевым; меня просят предупредить ничего не подозревающего Сережу о том, что произошло.

10-го утром в 8 ½ часов я уже у Поповых перед дверью комнаты, в которой ночует Сережа; я исполняю свой страшный долг[321]; вместо того, чтобы вести его на панихиду, мы целый день с ним катаемся по Москве; мне страшно за Сережу; он — не плачет.

11-го с папой случается 2-ой припадок грудной жабы; в доме у нас суматоха и тревога; я растроен — между папой, Сережей и квартирой Соловьевых.

12-го папе не лучше. В этот день происходят похороны Соловьевых в Новодевичьем Монастыре[322].

13-го папе слегка лучше; в этот день Сережа, если не ошибаюсь, уезжает из Москвы[323]; я получаю короткую записку от Блока, касающуюся несчастия[324].

Андрей Белый — студент Московского университета
Фотография О. Ренара. Москва. 1903. ГМП

Лишь к 15-му начинает слегка восстанавливаться здоровье папы; но уже ясно, что он — не жилец. Но он не обращает никакого внимания на предупреждения врачей: читает лекции, ходит на заседания; только становится все раздражительнее и раздражительнее; тень тревоги и нависающей смерти окрашивает весь этот период до лета; и горечь утраты Соловьевых.

Так проходит этот несчастный месяц.

Выходит первый № *«Нового Пути»*. А.С. Петровский мне сообщает, что твердо решил идти в монахи; и по окончании Университета поступает в Духовную Академию[325].

Февраль. Впечатления от этого месяца какие-то тусклые; над душой висит тревога за папу; вижусь с Рачинскими, Кобылинским, Петровским, Владимировыми, Эртелями; бываю у Брюсова; переписываюсь с Метнером, Гиппиус; возобновляется переписка с Блоком. Начинает жизнь принимать отпечаток суеты; нет уже прежних, еще недавних углубленных переживаний; надо всем — словно тень; в прошлом — кончина Соловьевых; в будущем — государственные экзамены; в настоящем — вечное беспокойство за папу, который, хотя и поправился, но — стал выглядеть плохо: часто задыхаться. Меня удручает то, что я от него продолжаю скрывать псевдоним *«Андрей Белый»*, но открыть ему псевдоним, показать ему *«Симфонию»*, которую он понять не сможет, — на это у меня не хватает сил: я боюсь слишком огорчить его, повредить его здоровью; мне ясно, что мы стоим на противоположных полюсах в наших миропониманиях; он же понимает, что мое *«увлечение декадентами»* — не увлечение, а присягновение

какому-то миру, которого он боится, и он чувствует: мир этот со всех сторон наступает на него; в его глазах, обращенных ко мне, я улавливаю тревогу.

Кажется, в это время (если не раньше) у *М.К.М.* умирает муж[326]; я ее не вижу нигде; вообще, — она от меня уплывает куда-то.

Март—апрель. Начинается весна; с весной я ощущаю необычный прилив жизненности; я пишу много стихов (между прочим из цикла *«Прежде и теперь»*[327]); я не знаю как, но у нас в доме водворяется обычай читать стихи вслух: часто у нас обедает Кобылинский, Лев Львович; читает свои стихи и переводы из Бодлера, Дантэ, Стекетти; папа одобряет его стихи; когда читаю я, то он молчит.

В эти месяцы я начинаю вести необыкновенно рассеянную жизнь; каждый вечер я у кого-нибудь в гостях; у Брюсова я знакомлюсь с Бальмонтом; и начинаю посещать бальмонтовские вторники; знакомлюсь и с Максом Волошиным[328], который приезжает ко мне; он имеет разговор с папой; папа ему проповедует мо́надологию; Волошин читает свои стихи папе; стихи очень нравятся ему. Часто я захожу к Кобылинским и много беседую и спорю с Сергеем Львовичем Кобылинским, философом, особенно изучающим Лотце; он мне часами проповедует свои мысли о Лотце. В это же время я в Литературно-Художественном Кружке знакомлюсь с Соколовым-*«Грифом»*[329], его женою, писательницей Ниной Петровской; начинаю бывать у них в доме довольно часто; здесь образуется кружок поэтов «Грифа». В марте месяце Соколов у меня забирает материал для 1-го альманаха *«Гриф»*, который выходит в апреле уже[330].

К этому времени я под влиянием непрерывных споров о новых путях жизни и творчества пишу в *«Художественную Летопись»* журнала *«Мир Искусства»* очень бойкую и резкую статью, озаглавленную *«Открытое письмо к либералам и консерваторам»*, в котором достается от меня и тем, и другим[331]. Статья обращает на себя внимание прессы[332]; за нее на меня обрушиваются все; она — опять-таки производит впечатление скандала; если *«Симфония»* моя — уже была фактом скандала (профессорский сын открыто примкнул к декадентам), то *«Открытое письмо»* — обнаружило, что я нисколько не смущен толками обо мне и имею наглость активно напасть на *«столбов общества»*[333]; помнится, именно это письмо окончательно взбесило многих публицистов, критиков и профессоров; так: до сих пор к моему «декадентству» относились на естественном факультете вполне благодушно: проф. Анучин посмеивался, упоминая о моей статье *«О формах искусства»*, а проф. Кирпичников считал ее очень удачной; Айхенвальд в «Русской Мысли» напечатал довольно благоприятную для меня рецензию о «Симфонии»[334], в «Приднепровском Крае» было два фельетона Метнера о *«Симфонии»* — почти хвалебные[335]; после опубликования *«Письма»* — картина меняется; у проф. Стороженко, где я продолжаю бывать, меня встречают кисло; в Университете я приобретаю врагов, с которыми приходится очень и очень считаться, как, например, прив<ат>-доц<ента> Сушкина; некоторые из профессоров едва мне кланяются; в газетах начинаются подхихикиванья, резкая брань по моему адресу; я чувствую, что *«среда»*, вчера готовая всем мне содействовать, меня изгоняет; особенно больно я задет статьей Мих<аила> Ник<олаевича> Коваленского (сына Ник<олая> Мих<айловича> Коваленского,

дяди С.М. Соловьева); в ней он обвиняет меня культурным дикарем, ретроградом; и призывает общественные громы на мою голову; статья напечатана в газете *«Курьер»*[336]; я тем был задет, что с Мих<аилом> Ник<олаевичем> Коваленским мы еще так недавно сообща переживали утрату Соловьевых, ехали с ним в одной карете с похорон и он объяснялся мне в сочувствии и в том, что могила Соловьевых нас соединяет; я с ним года встречался за мне родным круглым столом соловьевской квартиры; и теперь из газеты перед лицом всей Москвы он на меня науськивает московское общество. Ко мне приезжает взволнованный Курсинский, сотрудник *«Курьера»*[337], и заверяет, что он не при чем в этой статье, не он ее писал (статья была написана под псевдонимом). Папе очевидно в клубе рассказали и про мою статью, и про *«Симфонию»,* потому что он вдруг обращается ко мне с вопросом: «А ты, говорят, написал книгу?» — «Да, написал...» — «Дай же ее мне»... Я передаю папе «Симфонию». Он прочитывает ее; и возвращает с очень веселым и благодушным видом: «Вот-с, прочел». Ни характеристики, ни похвал, ни нападок на *«Симфонию»* я не слышал от папы; с тех пор, как он узнал, что я писатель, с тех пор, как началась травля меня в московском обществе, он стал со мной удивителен: чуток, деликатен. Очевидно, та грубая брань, которою нас осыпали, была не по душе его благородной, независимой натуре; и потом, — во многих спорах со мною он должен был все-таки признать, что я не тот *«идиот»,* каким меня рисовали в газетах; несмотря на разность наших убеждений, он уважал во мне оригинальность мыслей, а статью *«О формах искусства»* даже ценил.

О *«Симфонии»*, как я узнал потом, папа имел разговор с мамой, расспрашивал ее, есть ли она «выдумка», или существуют люди, подобные изображенным; а Л.Л. Кобылинскому он заявляет (без меня): «Да, знаете ли, у Бореньки есть наблюдательность». Моя догадка: «Симфония» произвела на папу двойственное впечатление; задела чем-то его; но еще более за меня испугала; он понял, что я стою на путях, ему непонятных, опасных; но также он понял, что эти пути существуют, что нельзя говорить о моем шарлатанстве, гримасничанье; с той поры я замечаю в нем все усиливающийся интерес к поэзии Брюсова, Бальмонта; в Брюсове он уже начинает разбираться, кое-что ему сериозно нравится (например, стихотворение *«Наполеон»*[338]); Бальмонта он признает откровенно талантливым.

К этому времени относятся мои первые выступления в Литературно-Художественном Кружке; одно — на реферате Бальмонта о Кальдероне, другое — на реферате Сергея Яблоновского (кажется, о Бодлере)[339]; меня насильно выталкивают говорить «Скорпионы» (Семенов, Поляков, Балтрушайтис); и — удивительно: публика встречает мои слова довольно громкими аплодисментами, подогреваемыми неистовыми хлопками группы моих *«почитателей»*, к удивлению для меня обнаружившихся здесь; мама тоже удивлена: моей смелостью, гладкостью моей речи с эстрады (первой в жизни) и успехом ее; она об этом рассказывает папе; кроме меня говорили: Брюсов, Курсинский, Борис Койранский, Рославлев, Любошиц и старик Баснин. Думаю, что успех первого моего выступления в *«Кружке»* обусловлен тем обстоятельством, что я говорил как Борис Бугаев, а не как *«Андрей Белый»*; во время второго моего выступления

очевидно уже здесь знали, что Бугаев и есть *«Белый»*, потому что отнеслись ко мне более чем сдержанно, кроме, опять-таки, определенного кружка *«грифо-скорпионовских»* сторонников.

Приблизительно в это время стал ко мне проявлять большой интерес профессор астрономии Витольд Карлович Церасский; встречаясь со мной, он очень ласково со мной заговаривал; но вдруг, на что-то обидевшись, стал едва раскланиваться. Как внимание это ко мне, так и впоследствии неприязнь — мне непонятны.

Стал все более и более обнаруживаться фронт сторонников всего «нового» именно этой весною; и стало складываться довольно большое общество, в котором я вращался уже не как *«Боря Бугаев»*, а как *«Андрей Белый»*, к слову которого прислушивались; это общество для меня складывалось из университетского кружка товарищей и ряда домов (Рачинские, д'Альгеймы, Владимировы, кружок Бальмонта, кружок «Скорпиона», кружок «Грифа»); некоторые газетчики стали со мной льстиво любезны; Гиляровский крепко меня потрепал в одном из своих фельетонов[340]; но мои стихотворения уже переписывались и распространялись из рук в руки.

Прошла Пасха[341], протекал апрель, надвигались государственные экзамены. С марта месяца мы составили группу (я, Петровский, Печковский, Владимиров, Погожев, Аршинов, С.Л. Иванов) и готовились совместно к экзамену, читая то *«Сравнительную анатомию»*, то *«Органическую химию»*; мы избрали весною место подготовки к экзаменам — крышу химической лаборатории (плоскую крышу) и на ней усаживались; потом там же кипятился чай; занятие нарушалось шутками, прибаутками, начиналось хождение по перилам, лазанье по крыше[342]; иногда я прямо с крыши отправлялся куда-нибудь в гости: так, помню — отсюда я шел на бальмонтовский чай (в 2 часа); у Бальмонтов в то время я постоянно встречался: с Балтрушайтисами, с Андреевыми, с Сабашниковыми, с В.Ф. Джунковским (будущим губернатором Москвы); или я шел к Рачинским, где встречался с Олениными, с Поццо, с Плетневым, с Поленовыми, с Досекиными (Сергеем и Николаем), с Серовым. Рачинский сделал папе визит; папа ему тотчас же ответил: папа был доволен моим посещением дома Рачинских.

Или мы шли с В.В. Владимировым и С.Л. Ивановым к Девичьему Монастырю, забирались за монастырь, там дурачились, изображая собою кентавров и фавнов; почти все вечера я стал проводить у Владимировых, переехавших в один из переулков около Пречистенского бульвара и Арбата; у Владимировых собиралось много молодежи; много пели, много смеялись; Батюшков, Эртель, Петровский там постоянно бывали.

Помнится, — именно в это время я читал «Макрокосм» Лотце[343]; кстати: весь этот период я внимательнейше читал том за томом *«Историю Новейшей Философии»* Куно Фишера, стараясь на основании ее составить себе отчетливое представление о философии Спинозы, Фихте, Шеллинга; Лейбница я читал еще прежде — в подлиннике[344].

К этому времени вернулся из Киева несколько оправившийся от кончины родителей Сергей Михайлович Соловьев, сильно возмужавший и сосредоточенный; его родственники ликвидировали соловьевскую квартиру (в нашем доме) и

устроили его в маленькой квартирке на Поварской с кухаркой Варей (соловьевской прислугою); к нему каждый день приходила и проводила все время его бабушка, А.Г. Коваленская (детская писательница), жившая поблизости (на Спиридоновке); я, разумеется, часто бывал у Сережи и жаловался ему и А.Г. Коваленской на поступок М.Н. Коваленского (внука А.Г.), ошельмовавшего меня статьей в *«Курьере»*. А.Г., очень меня любившая и понимавшая все, что я пишу, резко критиковала своего внука. Опекуном С.М. Соловьева был назначен соловьевской роднею Г.А. Рачинский, которого я тоже часто встречал у С.М. Здесь же встречался я с товарищами С.М.: Венкстерном, Бенкендорфом, с барышнями Гиацинтовыми, Шуцкими, с П.В. Безобразовым и с его дочерью, Лизой Безобразовой.

В.Я. Брюсов
Фототипия «Д. Хромов и М. Бахрах»
Москва. 1914. ГЛМ

С.М. Соловьев был переполнен своими харьковскими и киевскими впечатлениями — пребыванием у родственников Селевиных в Харькове и в доме князя Е.Н. Трубецкого (тогда — профессора в Киеве)[345]; он мне жаловался на вторичное появление Анны Николаевны Шмидт в Москву, досаждавшей ему маниакальными проектами организовать секту *«соловьевцев»* (на самом деле — *«шмидтистов»*).

Уже в конце апреля состоялась у меня первая вечеринка, на которую я пригласил новых своих «литературных» знакомых; у меня были: Бальмонт, Брюсов, Балтрушайтис, Соколов, Поляков, П.П. Перцов (из Петербурга), Алекс<андр> Койранский, писатель Пантюхов, Петровский, Л.Л. и С.Л. Кобылинские, В.В. Владимиров; с папы мама взяла обещание, что он не станет вступать в спор с *«декадентами»* (он был очень горяч, а *«декаденты»* держали себя вызывающе); я был весь вечер как на ножах; но Брюсов и Бальмонт были внимательны к папе, а папа сдержал слово (вечер этот описан в воспоминаниях покойного Пантюхова)[346]; произошла только бурная ссора между Брюсовым и братьями Кобылинскими, после которой Л.Л. Кобылинский (Эллис) грозился прибить Брюсова, а Брюсов написал маме извинительное письмо, в котором сожалел, что был резок с *«несносными братьями»* в ее присутствии[347]. На папу Брюсов произвел скорее благоприятное впечатление; он после ухода Брюсова сказал: «Однако, — умная шельма этот Брюсов!»

В эти дни получил я от А.А. Блока приглашение быть шафером его на его свадьбе, долженствующей произойти в Боблове в августе; я — дал согласие[348].

Май. Весь этот месяц поглощают государственные экзамены, которые в этом году для меня особенно трудны; год я почти не работал в Университете, а вес-

ною вместо того, чтобы готовиться к экзамену, главным образом вращался в литературных кружках; успех мой в них опьянял; об экзаменах я как-то совершенно забыл; я видел, как папа беспокоится за успешность моих экзаменов; я знал, что мой неуспех его безмерно огорчит; к маю опять появились тревожные признаки в его здоровье; он стал задыхаться, уставать, хвататься за пульс; я решил не подводить его и экзамены выдержать, а это было не легко: по одной геологии надо было одолеть до 1000 страниц мелкого печатного текста; по метереологии <так!> — 500 страниц *(«Метериология»* Лачинова), по органической химии — 500 страниц («Химия» Меньшуткина), по сравнительной анатомии (Паркер)[349] — столько же; и т.д. К маю — все почти поразъехались; остались лишь Кобылинский да С. Соловьев; мама уехала в *«Серебряный Колодезь»*. Мы с папой остались вдвоем: наступили жаркие, душные дни.

Папа был председателем экзаменационной комиссии; мне было тем более неловко плохо отвечать, что на поддержку *«председателя»* я не мог рассчитывать. С утра до ночи я зарывался в книги; и должен сказать: с своей задачею я относительно удачно справился; папа был удивлен; после экзаменов мне признавался, что не ожидал такой удачной сдачи экзаменов. Вот отметки моего университетского диплома:

За кандидатское сочинение: 5; *за письменный ответ по физической географии:* 5; *за физиологию растений:* 5; *за минералогию и кристаллографию:* 4; *за зоологию позвоночных:* 5; *за физиологию:* 5; *за геологию и палеонтологию:* 5; *за органическую химию:* 5; *за сравнительную анатомию:* 3; *за физическую географию:* 5; *за метереологию:* 3; *за аналитическую химию:* 5[350].

На экзамене я ощутил ясно, что иные из экзаменаторов сознательно и определенно топили меня, не как Бориса Бугаева, а как Андрея Белого; вовсе этого ощущения не было от профессоров Зелинского, Тимирязева, Павлова, Мороховца, Тихомирова; те спрашивали без всяких тенденций; а проф. Лейст с какою-то определенной злостью давил меня; от Анучина несло ветерком *«Русских Ведомостей»*[351], допрашивающих *«декадента»*; но вполне возмутителен был приват-доцент Сушкин, меня экзаменовавший по сравнительной анатомии; я совершенно уверен, что если бы я попал к проф. Мензбиру, строгому экзаменатору, то я получил бы «4», или даже «5»; у Сушкина я натянул лишь на «3–»; и то считаю, что эти «3–» (вместо «2») — чудо; мне попался билет об органах обоняния у позвоночных; билет этот знал я; и — уверенно начал свой ответ; но Сушкин, увидевши, что я знаю билет, начал сбивать меня вопросами, вовсе не входящими в программу; в программе значились лишь сравнительно-анатомические, а не гистологические и эмбриологические подробности; Сушкин с места в карьер задавил меня рядом вопросов по эмбриологии; стал расспрашивать историю развития ноздрей у лягушки; я знал, что меня спрашивают то, чего я знать не обязан; и в то же время знал, что я в руках Сушкина, который, явно наслаждаясь моей беспомощностью, позволял себе все время язвительные замечания, вроде: «Выражайтесь членораздельно: здесь мы на экзамене; и не обязаны понимать невнятицу» (намек на мою *«Симфонию»*); наконец он соблаговолил меня спрашивать по программе; он ставил мне всё труднейшие и запутаннейшие вопросы, например: отношение органов кровообращения и дыхания у матери и ребенка (в ут-

робном периоде) друг к другу; и — чудо, что я ни разу не сбился, ответив на все вопросы; Сушкин при всем желании не мог мне поставить двойки, как ни жаждал этого; с кислой гримасою он поставил мне «3–».

А Лейст придрался к тому, что я оговорился, сказав *«вода кипит при 0°»*, и на этом *«lapsus'e»* языка построил свое мнение о моем знании билета. Мой отец был искренне возмущен поступком Сушкина и Лейста — нарочно топить. Вообще, — он был образцовым председателем: бодрил студентов, где нужно заступался за них и кого нужно из профессоров осаживал (так, он осадил профессора химии И.А. Каблукова, явно придиравшегося к студентам); вообще, — он был не председателем, а нашим другом; и студенты с доверием обращались к нему; приходил он на экзамен раньше других, уходил последним; и все время он находился среди студентов, а не среди преподавателей; с тем — философствовал; этого — бодрил.

Но я видел, какого напряжения стоили ему эти экзамены; возвращаясь с них, он начинал задыхаться; я с томительной грустью видел, как угасает его здоровье. И к усталости от экзаменов примешивалась все растущая тревога за него: я уже понимал, что жизнь его на волоске, но не мог воздействовать на него; беречь себя не хотел он.

Вечерами я продолжал бывать у Владимировых; и заходил перед экзаменом к ним же — за В.В. Владимировым.

В промежутке между экзаменом сравнит<ельной> анатомии и метериологией я узнал, что в Москве проездом Мережковские: два дня я провел с ними в *«Славянском Базаре»*[352]; помнится, что это свидание ничего не прибавило к нашему общению; оно как-то слабо скользнуло по мне; у них я познакомился с В.А. Хлудовым, интересовавшимся вопросами религиозно-философскими.

Мой отец собирался по окончанию экзаменов ехать со мной на Кавказ (на Черноморское побережье), чтобы посетить свой участок земли (между Сочами и Гаграми), собираясь продать его[353]; меня он брал с собой, очевидно, из боязни, что с ним может что-нибудь случиться.

Уже подходили отъездные дни, но — тут произошло, наконец, то событие, которого я так боялся и которое все время предчувствовал.

28 мая у меня собрались случайно: Балтрушайтис и еще кто-то; отец был на университетском заседании (он подписывал нам дипломы); вернулся он поздно; и, застав у меня гостей, тихо посидел с нами (я удивился, что он не отправился в клуб, как всегда); он казался чрезвычайно тихим, усталым, грустным; мы с ним мирно и ласково поговорили — о предстоящей поездке, о моем поступлении на филологический факультет; между прочим, — он мне сказал: «Боренька, — литература литературой; только надо иметь какое-нибудь постоянное дело, чтобы не быть в зависимости от литературного заработка; это — каторга; тебя же не будут читать многие; твой род литературы для немногих; трудно тебе придется...». Это были последние почти слова, сказанные мне; после этого мы простились; я пошел спать, он сидел в качалке; и — грустно смотрел мне вслед.

Помнится, — не спалось эту ночь: я проснулся рано; и пошел в столовую посмотреть на часы; было 4 часа утра; папа не спал; я слышал его шаги в кабинете; скоро я крепко заснул: вдруг во сне слышу: кто-то мучительно хрипит; мне ка-

залось, что это продолжалось долго; вдруг во сне же меня осеняет, что это — не сон; я с усилием стараюсь сбросить с себя сон; наконец, — мне это удается; я привскакиваю на постели; и с ужасом слышу, что отец хрипит за стеной; я срываюсь с постели в его комнату, и вижу, что он лежит на постели — полуодетый, в халате, упав головой на подушку и свесивши ногу с постели; я понимаю, что он — кончается; тогда я бросаюсь в кухню, бужу кухарку, срываю ее с постели и почти выталкиваю к доктору М.В. Попову, лечившему отца; когда я вернулся в кабинет, то он лежал в том же положении с остановившимися глазами: два хрипа; и — все кончилось[354].

Никогда не забуду этой тишины у изголовья покойника, моей молитвы над ним. Появившийся М.В. Попов констатировал смерть от паралича сердца; это было в начале восьмого.

С этой минуты начался вихрь: телеграмма маме, появление гробовщиков, друзей, дяди Жоржа (Г.В. Бугаева), тети; мои беганья по Москве (в Университет, в Новодевичий Монастырь); словом — лишь на панихидах я отдыхал.

Так же прошло 30 мая: ряд профессоров у гроба отца, хлопоты; все мелочи похорон прошли через меня; я оказался необычайно распорядителен; мой дядя очень удивился моей находчивости и выдержке; от мамы получилась телеграмма, что она выехала.

Утром 31 мая во время выноса тела показалась мама — с вокзала; гроб папы утопал в венках различных обществ и организаций; у гроба оказалась почти ½ Университета; папа лежал в гробу — просветленный, спокойный, ясный, не тронутый тлением; у ворот Новодевичьего Монастыря встречал хор монашек; над гробом были речи; помнится, что попечитель Учебного Округа, ученик отца (П.А. Некрасов) плакал, произнося надгробное слово[355]. После похорон Г.В. Бугаев устроил поминовение в ресторане «Прага».

Вернувшись оттуда, я застал у себя Леонида Дмитриевича Семенова, поэта, писателя, еще студента; он приехал из Петербурга передать мне что-то от Мережковских; и — хотел было уйти; но я оставил его у себя[356].

Вообще утрата во мне отразилась какой-то повышенной общительностью с людьми; я как будто боялся остаться один с своим горем.

Июнь. Недели две мы проводим с мамой в Москве; в нашей квартире — тихо и грустно; будущая наша жизнь предносится; не зная хорошо наших материальных дел, я решаю, что поступление на филологический факультет есть роскошь, что надо искать заработка и обращаюсь к ректору Университета А.А. Тихомирову и попечителю Округа Некра<сову> с просьбой содействовать мне в нахождении преподавательского места; пишу соответствующее заявление в Округ[357]; утомление экзаменами сильно сказывается; я решаю долго просидеть в *«Серебряном Колодце»*, никуда не выезжать и пишу Блоку отказ от шаферства[358]; все уже мои товарищи поразъехались, за исключением Петровского, Владимировых, у которых я часто просиживаю вечера; почти каждый день ко мне приходил Леонид Дмитриевич Семенов; мы с ним совершали длинные прогулки по Москве, чаще всего оканчивающиеся сидением на лавочке в Новодевичьем Монастыре; мы посещали могилы Соловьевых, отца, Поливанова, Владимира Соловьева; и у этих могил происходили горячие и оживленнейшие

разговоры наши о Боге, о России, о самодержавии и революции, о стихах, о Блоке, о Мережковских.

Между тем подготовлялся наш отъезд в *«Серебряный Колодезь»*; мама пригласила к нам Владимирова и Петровского; все вместе мы тронулись в деревню; и моя тетя (Е.Д. Егорова) с нами.

Вторую половину июня мы провели все вместе. Я много писал стихотворений; во всех стихотворениях этого периода звучит явственно нота *«срыва»* надежд, например: в стихотворении *«Не тот»*[359]. Да, — лейт-мотив этого лета — *«не то», «не те»*; я уже не ощущаю в себе того живительного тока духовности, который окрылял меня эти два года; мы с А.С. Петровским пребываем в тоске и в томлении; у меня — надрыв, разочарование в себе самом; даже переживания, связанные с *«Христовым импульсом»,* обертываются мне переживаниями соблазнительными; мне начинает порою казаться, что наша предызбранность есть *sui generis* самозванство; вспоминаются «Бесы»[360]: не ясные соколы, а — «сычи» мы. Тема *самозванства* открывается мне все яснее и яснее. Я не помню, что я говорил Петровскому, но у Петровского осталось впечатление, что я собираюсь *«объявиться»*, что на его словах означало: *«объявить себя ложным пророком»*. Владимиров, который в эти дни был бодрее нас, пожимал на нас плечами и говорил: «Что вы, в самом деле, киснете...»

Нота самозванства звучит в стихотворениях этого периода:

Пронизала вершины дерев
Желто-бархатным светом заря.
И звучит этот вечный напев
«Объявись — зацелую тебя»[361].

Или:

Будь проклят Вельзевул,
Лукавый соблазнитель!
Не ты ли мне шепнул,
Что новый я Спаситель?[362]

Или:

Ну что ж? На закате холодного дня
Целуйте мои онемевшие руки; —
Ведите меня
На крестные муки[363].

Или:

Проповедуя скорый конец,
Я предстал, словно новый Христос[364].

Всюду в стихах этого периода торжествующая тема 902 года (тема 2-го Пришествия) проходит в искаженном виде: переживающий эту тему — переживает себя новым мессией (Антихристом); но ему открывается, что в этом — его болезнь: «Потащили в смирительный дом, погоняя пинками меня»[365]. Или: «Тихо падает на пол из рук сумасшедший колпак»[366]. Или: «Ты запуган и жалок»...[367].

Между тем готовится открытие мощей Серафима: Владимиров и Петровский собираются на торжество в Саров — прямо от нас[368]; странно: я отношусь сравнительно равнодушно к этому событию; так недавно еще культ Серафима был моим культом; теперь — я уже не могу молиться Серафиму, как вообще не могу никому молиться; в моих переживаниях — боль, боль и боль.

Июль. Владимиров и Петровский уезжают в Саров[369]; я остаюсь с мамой и тетей в деревне; мама — музицирует; я начинаю подготовлять обещанный *«Скорпиону»* сборник своих стихов[370]; но подготовление сборника переходит в написание сборника; почти весь том *«Золота в Лазури»* написан в это лето; каждым вновь написанным стихотворением я вытесняю какое-либо из прежнего, предназначенного для сборника (эти прежние стихи — погибли, должно быть); вместо предыдущих лет, которые я назвал бы *«мистическими»,* это лето для меня проходит, как чисто лирическое; я весь — в лирической волне; но лирическое настроение мое питается болью утраты.

В дни саровских торжеств (6-го, 7-го, 8-го июля)[371] я наблюдаю закаты, но они мне кажутся какими-то официальными, церковными, очень пышными и торжественными, но — холодными.

Меня охватывает резкая скорбь: только теперь я ощущаю отсутствие отца; но чувства свои я утаиваю.

С этого месяца начинается усиленное изучение мной Канта: я штудирую *«Пролегомены»*[372], *«Критику чистого разума»,* делаю конспекты; и — рассказываю себе главу за главой *«Критику»*; впервые мной до конца разобрана *«Диалектика»* этой «Критики».

Август. Август проходит так же, как и июль: в писании стихов, в добросовестном штудиуме *«Критики чистого разума»* и *«Учения о методе»*[373]. Кроме того: я намереваюсь прочесть в Москве публичную лекцию *«Символизм, как мировоззрение»* и обдумываю ее содержание; в этот месяц я пишу статью *«О теургии»* для *«Нового Пути»* и отсылаю в редакцию[374] (а может быть, пишу эту статью месяцем раньше).

Сентябрь. Пишу очень мало стихов: всецело ухожу в штудиум *«Критики практического разума»,* читаю *«Науку о духе»* Троицкого[375], а также пишу предполагаемую лекцию, состоящую из трех частей (1-ая часть появилась впоследствии под заглавием *«Критицизм и символизм»* в *«Весах»*[376], 2-ая часть была напечатана в *«Мире Искусства»* за 1904 год под названием *«Символизм, как миросозерцание»*; ее окончанием была статья *«Священные цвета»*[377]).

В начале сентября или в конце августа я получаю письмо, извещающее меня о свадьбе Блока (от С.М. Соловьева); оно — поражает меня какими-то недоговоренностями[378]; из письма С.М. мне ясно, что он переживает волну какого-то странного мистицизма, мне в данную минуту чуждого; мое настроение — определенно богоборческое; вот строчки стихов, характеризующих переживание себя самого в этом периоде:

Ведь ты, убийца, —
Себя убил:
Убийца —
Себя убил!..[379]

Между тем к сентябрю я окреп: помню себя в неизменной красной рубахе, верхом на лошади, скачущим карьером в полях и напевающим что-то; между прочим: я отпустил себе в это лето длинную, лопатообразную бороду; мне нравился мой разбойничий вид.

Валерий Брюсов. Urbi et orbi
Стихи. 1900–1903
М.: Скорпион, 1903

Октябрь. В начале октября мы переезжаем в Москву; у нас в квартире — перемещение; я поселяюсь жить в кабинете отца; к нам жить переезжает моя тетка (Е.Д. Егорова) и поселяется в моей бывшей комнате; профессор Лахтин появляется у нас и уведомляет меня, что мне приготовлено место преподавателя естествознания в женском Александровском Институте; но я уже вновь передумал: я окончательно решил поступить через год на филологический факультет, что я и объявляю Лахтину, спрашивая его: имеет ли смысл мне брать место на один год? Он — соглашается: не имеет. Лахтин обращается с просьбой к маме: отдать математическую библиотеку отца в Университет; мама соглашается; я принимаюсь за составление описи библиотеки.

В этот же месяц происходят частые и продолжительные встречи всех товарищей; возникает кружок *«Аргонавтов»*[380], идеологами которого являемся мы с Кобылинским (уже выбравшим псевдоним *«Эллис»*[381]); собираются: главным образом на моих воскресеньях, у Владимировых, у Эртелей, у Соколовых *(«Грифа»),* у С.М. Соловьева, у Рачинских, с которыми я все более и более дружу (этот период бытия описан в 1-ом томе *«Начало века»*[382]); новым является: моя начинающаяся все более и более тесная дружба с Ниной Ивановной Соколовой-Петровской[383], и наши поездки с А.С. Петровским к епископу Антонию[384] (см. I-ый том *«Начало Века»*).

Но на душе все более и более сгущается сумрак: недоумение, неясность будущего; и — отчетливое ощущение, что *«зори»* — гаснут.

В это время я продаю свою Симфонию *«Возврат»* Грифу, *«Северную Симфонию»* — «Скорпиону»[385]. Начинает печататься мой сборник стихов в *«Скорпионе»*[386].

Я бываю в редакции *«Скорпиона»* еженедельно; подготовляется наш журнал *«Весы»*[387]; я уже пишу кое-что туда. В это время я почему-то интересуюсь проблемами психиатрии, читаю Мейнерта, Корсакова, Викторова[388] и усиленно читаю *«Вопросы Философии и Психологии»*. Бываю в Литературно-Художественном Кружке, принимаю участие в диспутах, бываю у Бальмонта. Пишу свой рассказ *«Единороги»* (не сохранился).

У нас в доме начинают часто появляться только что приехавший с женою мой отдаленный свойственник И.А. Кистяковский, который мне очень не нравится, но с женой которого мама все более и более дружит; он с женой почему-то не пропускает ни одного моего воскресенья; появляется у нас в доме (у мамы) весьма часто Владимир Иванович Танеев, в имении которого мы года снимали дачу когда-то; но он избегает мои воскресенья; воскресенья эти очень шумны и веселы; они — длятся 3 года; из лиц, посещавших эти воскресенья, мне запомнились: Евдокия Ивановна Владимирова, Екатерина Васильевна Владимирова, Василий Васильевич Владимиров, Анна Васильевна Владимирова, Дмитрий Иванович Янчин, Николай Михайлович Малафеев, Александр Сергеевич Челищев (музыкант), пьянист Буюкли, Николай Карлович Метнер, Николай Иванович Сизов, Михаил Иванович Сизов, Виктор Викторович Гофман (поэт), Поярков (поэт), Абрамович (критик), Алексей Сергеевич Петровский, Михаил Александрович Эртель, Мария Александровна Эртель, Элеонора Адольфовна Зубкова, Игорь Александрович Кистяковский, Мария Николаевна Кистяковская, студент Леонов, студент Боголепов, Белов, Богословский (вскоре умер), Александр Петрович Печковский, Александра Владимировна Часовникова, Павел Николаевич Батюшков, Сергей Михайлович Соловьев, Сергей Львович Кобылинский, Лев Львович Кобылинский (Эллис), Пантюхов (писатель), Рославлев (поэт), Александр Арнольдович Койранский, Борис Арнольдович Койранский, Григорий Алексеевич Рачинский, студент Сильверсван, Валерий Яковлевич Брюсов, Сергей Алексеевич Соколов («Гриф»), Нина Ивановна Петровская (писательница), Константин Дмитриевич Бальмонт, Курсинский (поэт), Борис Александрович Фохт (философ), художник Липкин, Россинский (художник), Борисов-Мусатов (художник), проф. И.А. Каблуков, проф. А.П. Павлов (геолог), А.И. Бачинский (будущий профессор)[389], К.П. Христофорова, Н.П. Киселев, С.Я. Рубанович (поэт), Владимир Павлович Поливанов, Юргис Казимирович Балтрушайтис, Михаил Федорович Ликиардопуло, Сергей Александрович Поляков, Николай Николаевич Черногубов (знаток Фета)[390], жена профессора Павлова, проф. Шамбинаго, С.И. Танеев (композитор), П.И. д'Альгейм (муж певицы), Татьяна Анатолиевна Рачинская, двою<ро>дный брат Челищева, Александр Александрович Ланг (Миропольский) и ряд других лиц, фамилии которых не упомню.

Скоро к упомянутым лицам присоединились: Владимир Францевич Эрн (философ), Павел Александрович Флоренский (философ), Валентин Павлович Свенцицкий, Лев Андреевич Оленин, Иван Александрович Астафьев (художник), Павел Иванович Астров, Александра Михайловна Астрова, Марья Николаевна Климентова-Муромцева, Вячеслав Иванович Иванов, Зиновьева-Аннибал (жена его) и ряд других лиц.

Воскресенья носили непритязательный, шумный характер; за столом сидело всегда не менее 20-25 человек до глубокой ночи: спорили, шутили, пели, читали стихи, музицировали, исполнялись пародии: Эллис (Кобылинский) обыкновенно заставлял умирать от хохоту своими импровизациями[391].

У меня бывали и *«Скорпионы»*, и *«Грифы»*; но специфически вечера эти окрашивали *«аргонавты»*; так назывался наш кружок; к *«аргонавтам»* особенно причислялись: В.В. Владимиров, его сестры, я, Эллис, Батюшков, Петровский,

Сизовы, С.М. Соловьев, Челищев, Эртель, Н.П. Киселев, Н.И. Петровская. Среди них поднимались вопросы, касающиеся, так сказать, эсотеризма символического течения; *«аргонавты»* себя ощущали не только символистами, но символистами-практиками, теургами. Я старался, как мог, гармонизировать *«аргонавтов»*; возникала попытка: дать социальное выражение индивидуальным переживаниям отдельных людей; и — найдено было мной слово: и это слово — «мистерия». Мы — стремились к *«мистерии»*, к творчеству жизни, к конкретному перевороту; всем нам Брюсов был несколько чужд; Александр Блок ощущался своим, родным. Петровский оформливал это стремление к действию, как — монастырский подвиг, Эртель и Батюшков оформливали в теософическом праксисе, я — в создании *sui generis* чина *«элевзинских мистерий»*[392] нашего времени; я в себе ощущал в то время потенции к творчеству *«ритуала»*, обряда; но мне нужен был помощник, или, вернее говоря, помощница — *sui generis* гиерофантида; ее надо было найти; и соответственно подготовить; мне стало казаться, что такая родственная душа — есть: Нина Ивановна Петровская. Она с какой-то особою чуткостью относилась ко мне. Я часто к ней стал приходить; и — поучать ее.

Ноябрь. Моя тяга к Петровской окончательно определяется; она становится мне самым близким человеком, но я начинаю подозревать, что она в меня влюблена; я самое чувство влюбленности в меня стараюсь претворить в мистерию; мы ее везем с Петровским к епископу Антонию. *«Аргонавты»* начинают особенно часто посещать *«Грифа»*; я не знаю, что мне делать с Ниной Ивановной; вместе с тем: я ощущаю, что и она мне нравится как женщина; трудные отношения образуются между нами.

Все это время переписываюсь с Блоком, который намеревается посетить Москву; черная кошка пробегает между *«Скорпионом»* и *«Грифом»*; я определенно становлюсь на сторону *«Грифа»*[393]; Блок из Петербурга присоединяется ко мне[394].

Ко мне заходит находящийся проездом в Москве Д.В. Философов; мы с ним знакомимся[395]; скоро в Москве оказываются и Мережковские (опять на краткое время)[396]. Бываю в это время у В.А. Хлудова.

В этот месяц под впечатлением концерта Олениной-д'Альгейм пишу для *«Весов»* статью *«Окно в будущее»* (статья была напечатана только через год)[397], пишу небольшую заметку *«О Герберте Спенсере»* (по поводу его кончины)[398].

Видаюсь очень часто с С.М. Соловьевым, который переживает полосу мистического подъема: он мне рассказывает о странных обстоятельствах, сопровождавших свадьбу А.А. Блока[399]; он много мне рассказывает о Л.Д. Блок; и возбуждает мое любопытство.

Декабрь. Этот месяц не прибавляет ничего нового к моей жизни; еще более чувствую связь с Н.И. Петровской; продолжаются наши собрания; пишу для 2-го альманаха «Гриф» рассказ *«Световая Сказка»*[400]; пишу стихотворение *«Sanctus Amor»*, навеянное отношениями с Н.И. Петровской[401]; чувствую явное охлаждение к Брюсову; черная кошка пробежала между Бальмонтом и мною.

«Скорпион» печатает книгу В.И. Иванова, которого «Кормчие Звезды» уже вышли[402]; мы все интересуемся Ивановым; Брюсов расхваливает его стихи; никто Иванова не знает лично.

Все это время выходят новые книги стихов: к лету вышла *«Будем как Солнце»* Бальмонта, осенью и зимою выходят: *«Urbi et orbi»*, стихотворения Сологуба, Гиппиус[403], печатается *«Золото в Лазури»* и *«Прозрачность»* Иванова, Блок подготовляет к изданию *«Стихи о Прекрасной Даме»*[404], выходят *«Жало смерти»* Сологуба, *«Гоголь и Черт»* Мережковского[405], подготовляются к печати две мои *«Симфонии»*[406], выходит *«Только любовь»*[407] Бальмонта и *«Кормчие Звезды»* Вячеслава Иванова. Этот год весьма урожаен для русского символизма.

Падение *мистической* волны и поднятие *лирической волны,* — так бы я охарактеризовал этот год.

Мы с удивлением встречаем *«Urbi et orbi»* Валерия Брюсова: для нас с С.М. Соловьевым Брюсов становится чуть ли не великим поэтом[408].

1904 год.

Ввиду того, что с 1904 года ряд моих воспоминаний о себе занесен в Ш тома «Начало Века»[409], то я буду останавливаться здесь лишь главным образом на фактах, не отмеченных в «Начало Века».

Январь. Этот месяц живет в моем воспоминании месяцем, проведенным с Блоками; в самом начале января мы встретились с Блоками в Москве[410]; произошло наше знакомство (смотри «Начало Века», том 1-ый); конец месяца оживает другим: произошло то, что назревало уже в ряде месяцев — мое падение с Ниной Ивановной; вместо грез о мистерии, братстве и сестринстве оказался просто роман. Я был в недоумении: более того, — я был ошеломлен; не могу сказать, что Нина Ивановна мне не нравилась; я ее любил братски; но глубокой, истинной любви к ней не чувствовал; мне было ясно, что все, происшедшее между нами, — есть с моей стороны дань чувственности. Вот почему роман с Ниной Ивановной я рассматриваю, как падение; я видел, что у нее ко мне — глубокое чувство, у меня же — братское отношение преобладало; к нему примешалась чувственность; не сразу мне это стало ясно, поэтому не сразу все это я мог поставить на вид Нине Ивановне; чувствовалось — недоумение, вопрос; и главным образом, — чувствовался срыв: я ведь так старался пояснить Нине Ивановне, что между нами — Христос; она — соглашалась; и — потом, вдруг, — *«такое»*.

Мои порывания к мистерии, к *«теургии»* потерпели поражение.

Блоки все это чувствовали, искренне вникали в состояние моего духа, но, разумеется, не могли мне ничем помочь.

В конце месяца С.М. Соловьев заболел скарлатиной[411].

В этот месяц стали завязываться мои отношения с будущим христианским кружком Свенцицкого[412].

Однажды, еще в декабре 1903 года, ко мне явилось три студента и завязали со мной знакомство: этими студентами были П.А. Флоренский (будущий священник), В.П. Свенцицкий (тоже — будущий священник)[413] и В.Ф. Эрн (философ); они пришли приглашать меня в их группу «христиан»; их задание было

организовать при Университете, при Обществе имени Трубецкого — секцию истории религий, которая, если память не изменяет, и возникла уже в феврале—марте 1904 года, возглавляемая С.А. Котляревским; они звали меня работать с ними; Свенцицкий в некоторых кругах был известен как пламенный оратор, увлекающий сердца, Эрн считался знатоком первых веков христианства и сильным философом, находившимся в оппозиции к кружку чистых логиков (Фохт, Кубицкий, Трембовельский, Поливанов, Тростянский, Совальский и др.); Флоренский кончал математический факультет, был учеником моего отца[414]. Он был наиболее умный и тонко понимающий искусство из всех трех; и с ним протянулись сразу же отношения; он стал в этот период довольно часто появляться у меня.

Андрей Белый. Северная симфония (1-я, героическая)
М.: Скорпион, 1904
Обложка по рисунку О. Бердслея

Февраль. В первых числах месяца я читаю в кружке «христиан» мой реферат *«Символизм, как миропонимание»,* знакомлюсь с некоторыми членами кружка и возобновляю свои отношения с братьями Сыроечковскими, с которыми мы мальчиками игрывали в Демьянове. Блоки уезжают в Петербург[415]. В этот месяц я пишу несколько стихотворений и прозаический отрывок *«Аргонавты»*[416], в котором чувствуется срыв аргонавтизма; этот срыв есть срыв аргонавтизма в моей душе.

Да, что-то срывается в моей душе; и этот срыв от запутанных отношений с Ниной Ивановной; они приобретают явно чувственный характер; я чувствую, как все лучшее в моей душе, направленное к свету и истине, подменяется медиумизмом и эстетизмом; мне стыдно порой глядеть в глаза друзьям, которые начинают понимать суть моих переживаний. Нина Ивановна, наоборот, вполне счастлива нашими отношениями и ведет себя так, что я начинаю думать: она хочет навсегда соединить свою жизнь с моею; я ставлю себе вопрос, могу ли я отдать свою жизнь ей; и — вижу, что — нет: подлинной, всезахватывающей любви к ней я не испытываю; кроме того, я совершенно ясно понимаю, что некоторые черты в ней меня шокируют, почти оскорбляют.

В этот месяц я пишу заметку о поэзии Бальмонта в *«Весы»* и о *«Вишневом саде»* Чехова (туда же)[417]; с Брюсовым устанавливаются холодные, жуткие отношения; кроме того: я чувствую, что какая-то дверь, доселе отделявшая меня от преисподней — распахнулась: точно между мной и адом образовался коридор: и — вот: по коридору кто-то бежит, настигая меня; чувствую: этот бегущий — враг; меня осенило: враг — Брюсов. Почему, — на это я не мог дать себе ответа.

Об этих странных переживаниях Брюсова я докладываю С.М. Соловьеву, выздоравливающему от скарлатины; и он укрепляет меня в мысли, что в Брюсове есть нечто *«магическое»* (в это время Брюсов увлекается спиритизмом, дурного сорта магией, телепатией и т.д.); С.М. находится в периоде крайнего увлечения Брюсовым; он смакует его рифмы, его строчки и сильно подражает ему в стихотворных опытах, сбивая и меня на подражание ему. Я чувствую, что что-то ломается в моих ритмах, что *«Золото в Лазури»* отлетает от меня. Я пишу несколько отрывков стихотворных, посвященных Брюсову, и с удивлением вижу по ним, что от ритмов «Золота в Лазури» и следа не осталось; влияние поэзии Брюсова на себе я ощущаю болезненно; в этом влиянии точно сламывается во мне что-то; февраль могу назвать перегоранием *«Золота в Лазури»* в *«Пепел»*[418].

Март. Внутренняя дисгармония во мне достигает крайних пределов; я весь во власти какой-то душевной пыли; и мне становится ясным, что эта пыль от все запутывающихся отношений между мною и Ниной Ивановной; в ней я открываю — крайний, безответственный медиумизм, через который в сердце мое проникает копье Клингзора[419]; для меня становится ясным, что подмена мистерии эротикой не осталась без влияния на мою внутреннюю жизнь. Мое состояние выражается в стихотворении *«Безумец»*, которое на всех сильно действует:

Вы шумите — табачная гарь
Дымносиние стелет волокна[420].

В этот месяц происходит мое ближайшее знакомство с Зайцевыми (Борисом Константиновичем и Верой); хотя мы и раньше познакомились на Арбате, но ближе встретились только теперь[421].

Разражается японская война[422], которая производит на всех нас сильнейшее впечатление; первый отклик на войну — желание идти братом милосердия; кроме альтруизма здесь еще нечто другое: желание вообще бежать из Москвы и ликвидировать запутанные отношения с Ниной Ивановной. Непосредственно за *«Безумцем»* пишу уже стихотворение, открывающее *«Пепел»*; стихотворение это впоследствии было переделано; но приводимые ниже строчки написаны в марте 1904 года.

Мне жить в застенке суждено,
О, да — застенок мой прекрасен.
Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен[423].

Это как бы ответ на строки предыдущего стихотворения:

Здесь безумец живет
Среди белых сиреней.

И далее:

Так сказав, наклонил
Он свой лик многодумный...
Я в тоске возопил:
«Он — безумный»...

И далее:

Да, ты — здесь.
Да, ты — болен[424].

В предыдущем стихотворении ощущение оков 3-х измерений, оков жизни, оков плоти еще ощущается как безумие, из которого рвется душа того, кто говорит людям:

Золотой мой фонарь
Освещает лучом ваши окна[425].

Но люди приковали этого осветителя сердец золотым лучом (*«Золотой луч»* — аргонавтизм, луч света Христова) к трем измерениям, посадили его в застенок чувственности; и — *«золотой фонарь»* (сердце) разбился; луч — погас;

И вот опять в стенах сижу.
В очах — нет слез, в груди — нет вздохов.
Мне жить в застенке суждено[426].

В предыдущем стихотворении «безумец» из застенка вырывается и бросается в воду:

Всплеск, круги... И смеясь
Утопаешь закрытый туманом...[427]

В стихотворении смежном уже нет вырыва хотя бы в смерть, а холодная сосредоточенная злость покорившегося:

Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен.

Безумие сменяется ясностью, порыв — расчетливой хитростью сознательного конспиратора; романтизм — реализмом; сердечный луч, освещающий внутреннюю жизнь, — внешним лучом, реалистической наблюдательностью. Стихотворение *«Безумец»* вполне относимо к циклу *«Золото в Лазури»*; стихотворение *«В темнице»* — стихотворение, начинающее путь *«Пепла»;* всё их разделяет: стиль, отношение к форме и т.д. Расстояние же между этими стихотворениями — *«maxîmum»* дней десять.

В эти десять дней произошла большая переоценка путей, жизни; окончательно осознан надлом; поставлена точка на прошлом; в рецензии на *«Вишневый Сад»* уже все признаки перелома от романтики, мистики символизма к реализму; мне открывается, что в Чехове истиннее внутренний символизм под формою реализма; в этой заметке уже бросается лозунг: от мистической неопределенности Маттерлинка к четкости чеховских образов[428]. Стихотворение *«В темнице»* оканчивается строчками:

Уйду я раннею весной
В линючей, в пламенной порфире
Воздвигнуть в дали ледяной
Двузвездный, блещущий дикирий[429].

Это обещание *«уйти»* неожиданно быстро осуществляется для меня. Я действительно весной *«убегаю»* из Москвы к Метнеру, в Нижний Новгород.

Апрель. Обстоятельство совсем непредвиденное: между Ниной Ивановной и мамой происходит столкновение, в котором и мама, и Н.И., каждая по-своему и правы, и не правы; конфликт между ними ставит меня в необходимость или поставить точку на *«i»* в наших отношениях с Ниной Ивановной, или мне отойти от нее; все предыдущие недели я осознавал ясно, что Н.И. не люблю и что я длю отношения с ней только из боязни, что она наделает глупостей (покончит с собой, или что-нибудь в этом роде); тогда я решаю остаться на несколько дней сам с собой и, пользуясь зовом Метнера приехать к нему в Нижний Новгород, уезжаю из Москвы[430].

Метнер меня встречает на вокзале. Мы с ним проводим около двух недель[431]; я сближаюсь с его женою, Анной Михайловной, и знакомлюсь близко с навещающим Метнера чуть ли не каждый вечер Андреем Павловичем Мельниковым, сыном Мельникова-Печерского; он, как и отец его, знаток раскола; он много рассказывает нам с Метнером о жизни сектантов Семеновского уезда. С Метнером у меня происходит ряд крупных разговоров; я отчасти намекаю ему на трудности своего личного положения; он дает мне понять, что надо мне с Н.И. решительно разорвать, что я и делаю, ибо и сам пришел уже давно к этому решению; я пишу ей соответственного рода письмо; в ответ от нее получаю кричащие записки. Мы много говорим о Врубеле и о том, что Блок называл *«лиловыми мирами»*[432]; Метнер мне говорит: «Врубелизм грозит и вам, и Блоку».

За это время я пишу статью в *«Новый Путь»* о Валерии Брюсове[433] (она не вошла в книги). По возвращению в Москву, около Пасхи (кажется, в начале страстной) я застаю Москву неузнаваемой: весна, голубые цветочки продают на улицах; сразу, на всех путях меня настигают разговоры о приехавшем в Москву Вячеславе Иванове[434]; большинство его хвалят; иные — бранят, находя, что он совмещает в себе тип поэта, немецкого провинциального профессора и карьериста (последнее относительно Иванова — ложь); Петровский и С.М. Соловьев меня извещают, что с Ниной Ивановной творится нечто неизъяснимое; ее отхаживают, ее возят к Антонию (епископу); она — грозит лишить себя жизни; я вынужден ее посещать, урезонивать, ей доказывать, что нам необходимо оборвать наши интимные отношения, что дружба у меня к ней останется навсегда.

В эти дни, как раз перед Пасхой[435], выходит моя книга *«Золото в Лазури»* вместе с ивановской *«Прозрачностью»*[436] (еще прежде, зимою вышла в «Скорпионе» — *«Северная Симфония»,* о которой Флоренский написал рецензию в *«Новом Пути»*[437]).

На пасхе ко мне является с визитом Вячеслав Иванов, и мы проводим с ним в разговоре несколько часов; с тех пор я часто с ним вижусь — у Бальмонта, у Брюсова, у *«Грифов»,* у себя (он вместе с приехавшим в Москву Волошиным появляется на моих воскресеньях); я знакомлюсь с его женою, Зиновьевой-Аннибал, начинаю часто у них бывать (в меблированных комнатах Троицкой, в доме, в который упирается Тверской бульвар); Зиновьева мне читает отрывки из своей драмы *«Кольца»*[438]. С Вячеславом Ивановым я быстро перехожу на *«ты»*; он мне чрезвычайно нравится как собеседник; в *«Новом Пути»* печатается уже его *«Религия страдающего Бога»*[439]. Особенно дружу с А.С. Челищевым.

Май. В этот месяц у меня одно время почти каждый день появляется пьянист, Всеволод Буюкли, играет мне Листа, посещает мои воскресенья, водит меня гулять, — словом: не дает мне проходу; он — тяготит меня: я начинаю видеть, что он явно ненормальный человек; он проживает у графини Бобринской, куда заводит раз меня; к нам выходит графиня Бобринская, с которой у меня происходит бурная ссора; в негодовании я вылетаю из ее дома. В мае происходят особенно бурные воскресенья у нас; на одном из них появляется Сергей Иванович Танеев; с тех пор мы возобновляем знакомство; и я начинаю бывать у Танеева; я дружу это время как-то особенно — с Челищевым и с М.А. Эртелем, часто бываю у Эртелей в доме; и у них импровизирую на рояли, Мария А<лександровна> Эртель находит, что я — не осознавший себя композитор, а вовсе не поэт (она, кажется, — права). Вижусь все это время часто с А.С. Петровским, который окончательно самоопределяется: он — поступает в Духовную Академию[440]; я — решаюсь поступить на филологический факультет; профессора Лопатин и Трубецкой доводят до моего сведения, что лучше бы я оставил это намерение; но такое нежелание видеть меня студентом лишь делает меня особенно настойчивым. С.М. Соловьев в Дедове встречается с Блоками[441]; и возвращается совершенно очарованный ими; мы с ним решаем в июне—июле ехать гостить в Шахматово. Все время часто бываю у Владимировых (они живут в Филипповском переулке), там встречаюсь с теми же: с Янчиным, с Леоновым, с братьями Челищевыми, с Батюшковым, с Эртелем; кроме того, с Фохтом, с проф. Шамбинаго, с Василенко (композитором), с Буюкли, с Н.М. Малафеевым, живущим у Владимировых; с этим последним очень дружу; Эрн, Флоренский и Свенцицкий подносят мне фотографию Девичьего Монастыря в знак дружбы. Эллис бывает всюду, где и я; помнится, — в этом месяце мы устраиваем у К.П. Христофоровой литературный вечер; я начинаю бывать часто у Христофоровой.

Бываю у *«Грифов»*; в это время Н.И. начинает дружить с Брюсовым, который сильно в нее влюбляется; в доме у *«Грифов»* начинаются спиритические сеансы; Н.И. оказывается сильным медиумом; в спиритическом кружке принимают участие Соколовы, Ланг, Брюсов[442], композитор Ребиков, с которым я знакомлюсь; я отношусь чрезвычайно враждебно к этому кружку, как и вообще к спиритизму[443]. Мои отношения с *Н.И.* очень сложны; я действительно испытываю дружбу к ней и стараюсь не сделать ей больно, а она, уверив меня, что между нами отныне будут лишь братские отношения, — опять вовлекает меня в *«грех»* с нею; я — поддаюсь соблазну; но — знаю, что с этим будет покончено.

В Москве появляется Леонид Семенов, опять, как и в предыдущем году, мы с ним часто видимся; в этот период он переживает настроение *«Стихов о Прекрасной Даме».* Мне это настроение чуждо; стихотворения мои этого периода полны лейт-мотива *«бегства»* от старых настроений; и — освобождения от душной пряности городской жизни:

> Мы — свободу лелеяли:
> Убежали в пустынное поле[444].

У меня — тяга в поля; и я уезжаю с мамой и тетей Катей в «Серебряный Колодезь»[445].

Последние дни мая окрашены для меня освобождающим воздухом тульских полей.

Июнь. В ряде лет июнь—июль—август — время моего самоопределения; или я начинаю усиленно писать, или же усиленно читать; так: июнь 1904 года для меня пролетает совсем незаметно за усидчивым изучением психологии; я штудирую различные психологии; возвращаюсь к *«Основаниям физиологической психологии»* Вундта[446], перечитывая «Психологию» Джемса; читаю Липпса и натыкаюсь на *«Психологию»* Геффдинга, которая мне особенно нравится[447]; Геффдинг становится одним из моих любимейших психологов; проблемами психологии я занимаюсь весь июнь, июль, август (в Серебряном Колодце, в Москве, в Шахматове); ко мне приезжает Алексей Сергеевич Петровский и проводит дней десять[448] (если память не изменяет); мы много катаемся; я его учу верховой езде; мама приглашает фотографа из Ефремова, который снимает нашу усадьбу; и нас всех. Мы с А.С. много беседуем о разнообразных проблемах; и расстаемся в самых дружественных чувствах; этот июнь для меня характерен, главным образом, теоретическими интересами; природа не запечатлевается никак; она — поверхностно скользит; и — даже: утомляет меня; утомление, недоумение — вот лейт-мотивы моих медитаций; утомление шумной, *«литературной»* зимой, утомление разговорами, утомление аргонавтами; и главное: утомление *«романом»* с Н.И. Петровской, с которой я состою в деятельной переписке[449]; я стараюсь в письмах обращаться к ней, как к ребенку, стараюсь бережнее с ней обходиться, а сам только и думаю о том, как бы положить окончательный предел *«эротическому»* моменту в наших отношениях; к *«эротизму»* она сама как бы приводит меня: я — молод; и, естественно, что у меня есть потребности пола; она знает это и как бы невзначай бередит мой пол; и братские отношения наши при частых встречах кончаются моментами, которые я называю *«падением»*; этим летом я ощущаю последствия *«падений»*; духовный язык природы как бы закрылся для меня. Отношение к протекшему сезону 1903–1904 годов — резко отрицательное; я хочу бежать прошлого; все это отражается в моих стихотворениях этого периода:

Покинув город, мглой объятый,
Пугаюсь шума я и грохота.
Еще вдали гремят раскаты
Насмешливого, злого хохота.
Там я года твердил о вечном,
В меня бросали вы каменьями.
Вы в исступленьи скоротечном
Моими тешились мученьями.
Я покидаю вас, изгнанник, —
Моей свободы вы не свяжете.
Бегу — согбенный, бледный странник —
Меж золотистых, хлебных пажитей[450].

Если душевный лейт-мотив прежнего года — мотив *«самозванства»,* то теперь тот, кто хотел объявиться в 1903 году (*«Объявись — зацелую тебя»*[451]), ставши *«безумцем»* и будучи заключен в тюрьму, весной 1904 года бежит из тюрьмы:

Бегу — согбенный, бледный странник...

Лейт-мотив бегства — подготовляется, бегства из уз «плоти», *«чувственности»*, городской пыли московской болтовни и нестроицы; в таком состоянии я пишу стихотворение *«Арестанты»*.

Как с убийцем, с босяком,
С вором,
Распевали вечерком
Хором[452].

Вместо *«мистиков», «аргонавтов»* я тянусь к арестантам, к бывшим людям: *«самозванец-пророк»*, осознавший свою арлекинаду, становится полевым бродягою, бунтарем, революционером; здесь перелом в личных переживаниях совпадает с переломом в общественном настроении России, уже потрясенной неудачами войны; поэты этого моего периода суть Тютчев и Некрасов; июнь живу я тютчевскими настроениями, своеобразно преломленными народничеством; в этот месяц пишу свою статью *«Маски»,* навеянную Тютчевым и Вячеславом Ивановым[453], а также стараюсь символизм обосновать психологическими теориями.

Мы списываемся с С.М. Соловьевым, назначаем друг другу встречу в Москве, чтобы из Москвы ехать к Блокам.

В июне со мной происходит странное событие: как-то в полях вдруг мысленно увидел два прекрасных, лазурных глаза, глянувших мне в душу с любовью; я — потрясен, я — почти влюблен в глаза; я спрашиваю себя: «Чьи они? Я их где-то уж видел...». И вдруг — мне ясно: это — глаза Л.Д. Блок; я — смущен: я — ничего не понимаю. Так глубокая любовь, которая вскоре вспыхнула у меня к Л.Д., предощутилась в июне, когда я, не думая нисколько о ней, увидел ее глаза.

Конец июня захватывает меня в Москве, где я встречаюсь с Н.И. Петровской; и опять — начинается старый, меня тяготящий, знойный *«плен»*; я бываю почти каждый день у нее.

Июль. Умирает Чехов[454]; я пишу спешно для *«Весов»* статью *«О Чехове»*[455]. Когда его хоронят в Новодевичьем Монастыре, то посещаю его могилку; в Москве я очень часто бываю у Владимировых, где все более и более схожусь с Н.М. Малафеевым, народником, приветствующим во мне обращение к темам Некрасова; мы много с ним говорим о Салтыкове-Щедрине, о Глебе Успенском; в этот период я читаю Успенского, Салтыкова, продолжаю читать своих *«психологов»* (между прочим — прочитываю «Проблему восприятия пространства» (I том) Челпанова[456]).

Я все поджидаю С.М. Соловьева, чтобы ехать в Шахматово к Блокам, но он — застревает в имении у товарищей[457], и я решаюсь ехать один; я часто просиживаю днями в ресторане *«Петергоф»*;[458] здесь посещают меня прежние переживания тишины и внутренний голос как бы указывает на то, что приближается что-то большое в событиях моей жизни.

В это время в *«Мире Искусства»* выходит моя статья *«Символизм, как миропонимание»*[459]. Газета *«Правда»* посвящает 2 фельетона этой статье, очень сочувственных для меня[460]; я почему-то часто встречаюсь с критиком И.И. Ивано-

вым (будущим проф<ессором>[461]), и он пресочувственно отзывается о моей литературной деятельности. Миролюбов приглашает меня в *«Журнал для всех»;* я посылаю туда свое новое стихотворение *«Тройка»*[462].

Наконец я решаюсь ехать к Блокам без С.М. Соловьева; А.С. Петровский, оказавшийся в Москве, выражает желание со мной ехать в Шахматово; мы — едем[463].

Пребывание у Блоков мною описано подробно в I-ом томе *«Начало Века»*[464]. Я прибавлю к этому описанию лишь то, что по условиям времени мне пришлось скрыть; мы все трое: <С.М. Соловьев>, А.С. Петровский, я* — по уши влюбились в Л.Д. Блок, но не осознали этого чувства в себе; С.М. Соловьев теоретизировал и догматизировал, А.С. Петровский удивлялся каждому жесту Л.Д., а я — я действительно глубже прочих переживал душевный мир Л.Д. Это пребывание для меня — *«заря»* большой любви к Л.Д., осознаваемой мучительно весь 1904 и 1905 год. Александр Александрович Блок, думается мне, первый понял корень моего отношения к Л.Д., он увидел глубину моего чувства, огорчился, но *«принял»* его, предвидя все будущие трудности, которые должны были встать между нами. По-моему, Л.Д. Блок отчаянно кокетничала с нами, заставляя переживать нас недоумение относительно жестов своих: не то они — выражение ее *«космической», «вселенской»* сущности, не то они — легкомысленная игра с нами; она буквально играла роль *«Прекрасной Дамы»*, этим вгоняя нас в роль рыцарей ее.

Как бы то ни было, мы все переживали какое-то озарение в Шахматове; для меня оно было тем значительнее, что теперь я уже не мог длить своих прежних отношений с *Н.И.*; я как бы дал обет прервать с ней *все*; и Л.Д. намеком мне дала понять, что она этот обет принимает; так я стал действительно рыцарем Л.Д.; она стала для меня символом стремления к чистоте; но эта чистота была лишь *«зарей»* огромной, восходящей любви, долженствующей в будущем стать страстью; С.М. Соловьев переживал ее Теократией, символом Женского Первосвященства; подоснова отношений к *Л.Д.* была иная у нас с ним; но мы сходились на том, что Л.Д. — единственная в своем роде. С.М. Соловьев в этот год окончил гимназию, и мы с ним поступали одновременно на филологический факультет[465].

В Москве я резко рву все с Ниной Ивановной и возвращаюсь в Серебряный Колодезь[466].

Август. Август я провожу в озарении воспоминания о Л.Д.; у меня возникает концепция философии символизма; в этой концепции теория символизма должна сочетаться с учением о Софии Владимира Соловьева; я пишу эскизы к этой концепции, усиленно штудирую психологов, Вундта, Джемса и главным образом Геффдинга; читаю *«Esquise d'une classification systématique»* Renouvier[467], возвращаюсь к Канту и принимаюсь за изучение Огюста Конта; попутно пишу я статью *«О целесообразности»* для *«Нового Пути»*[468] и *«Границы Психологии»*[469]; в полях снова я созерцаю *зори;* но эти зори мне говорят исключительно о Л.Д.; переживания образа Л.Д. в полях отразились в стихотворении моем «Прогулка».

Колосистый поток

---

* *В автографе:* я, А.С. Петровский, я

Пролетал золотым водометом.
Завернулась в платок
Ты, любуясь пролетом.
Я сказал: «Не забудь»,
Подавая лазурный букетик.
Ты — головку склонивши на грудь,
Целовала за цветиком цветик[470].

«Ты» — Любовь Дмитриевна. Это отношение мое к Л.Д. отразилось в успокоении и в отыскании момента гармонии, утраченной в сезон 1903–1904 года: я пишу:

К небу из душных гробов
Головы выше закинем;
Видишь — седых облачков
Бледные пятна на синем.
Ринемся к ним
Сквозь это марево пыли:
Плавно взлетим
Взмахом серебряных крылий[471].

Так легкие, нежные ноты в душе моей извлекла Л.Д. С той поры я иногда пишу ей отдельно.

Совершенно не помню, как я напал на Риля и Риккерта; но август и начало сентября для меня — новая эра; интерес к психологии сменяется интересом к Рилю и Риккерту; я проглатываю двухтомное сочинение Риля[472] и вгрызаюсь в *«Gegenstand der Erkenntniss»* Риккерта[473], исписываю ряд листов конспектов по Рилю и Риккерту; пишу с бешеной быстротой свою теоретико-познавательную систему (она — исчезла; но из отрывков ее сложилась *«Эмблематика Смысла»*[474]).

Мама задумывает поездку в Саров и Дивеево, зовет меня с собою; мне слышится зов саровских сосен; мы решаем ехать в Саров в сентябре; в августе я еду в Москву (до мамы), останавливаюсь в Ефремове и пишу стихотворение «Шоссе» (*«Я бросил грохочущий город»*[475]: здесь — тот же мотив; разрыв с прошлым).

Этот разрыв санкционирован в августе же, когда я заявляю Н.И. Петровской, что я — *неумолим*; у нас происходит пренеприятная сцена объяснения; она прямо мне бросает, что я — влюблен в Л.Д. Блок; ее проницательность удручает меня: я сам от себя стараюсь спрятать свое чувство.

Сентябрь. В начале этого месяца мы с мамой едем в Саров через Нижний и Арзамас[476]; в дороге начинаются холода; между Нижним и Арзамасом мы встречаем старенького священника; мама берет его с нами в коляску (от Арзамаса до Сарова верст 60 на лошадях); всю дорогу он странно кутается в плед (с головой); в дороге маме начинает казаться, что он странно походит лицом на Серафима. По приезде в Саров священник, поблагодарив маму, скрылся в толпе богомольцев; Саров производит на меня странное, почти тягостное впечатление; всю первую ночь в Сарове я прочитал «Философию религии» Геффдинга[477]; и мне казалось, что впечатление от книги Геффдинга превысило настроение от обители; очень мне не понравились монахи; на другой день мы отправились к источнику св. Серафима, мама там выкупалась; меня поразили больные, бесноватые, в

большом количестве встречавшиеся по дороге к источнику; после мы к вечеру уже поехали в Дивеево; Дивеево, наоборот, произвело на меня сильнейшее впечатление; особенно отметил: отсутствие стены у обители и канавка, вырытая Серафимом, обсаженная цветами; вечером у нас в номере сидела сестра А.С. Петровского, Елена Сергеевна, монашка, — со своею подругой; обе нам чрезвычайно понравились. На следующий день мы вернулись в Арзамас, откуда, переночевав, поехали в Нижний; день провели с Метнером; и вернулись в Москву. Поездка в Саров не оставила слишком глубокого впечатления.

Сразу же осень сказалась мучительно: трудности с Н.И. Петровской, натянутые отношения с Соколовым-«Грифом», натянутые отношения с Брюсовым.

Я поступил в Университет на филологический факультет; посещал лекции проф. Любавского по русской истории, Соболевского (латинский язык), Брандта (языкознание), С.Н. Трубецкого (история древней философии) и т.д. Записался я на семинарий у Трубецкого и на семинарий у Лопатина (чтение «Монадологии» Лейбница). Среди университетских товарищей помню: Петри, Гордона, Нилендера, Бориса Садовского, Ходасевича, Малевича, Грифцова, Бердникова и др. С.М. Соловьев был моим товарищем по курсу. А.С. Петровский переселился в Троицу[478], поступив в Духовную Академию; он жил в одной комнате с Флоренским, с которым очень дружил в это время; молодые академики очень часто приезжали из Лавры в Москву; переселение Петровского в Лавру не нарушило наших встреч; мы с ним постоянно встречались.

В этот месяц сразу возникло несколько кружков: во-первых — кружок по изучению Вл. Соловьева, состоящий из Бердникова, С.М. Соловьева, меня, Эрна, Свенцицкого, Сыроечковского, Галанина, Шерра и др. Во-вторых: кружок христианский при обществе имени Соловьева[479], под председательством С.А. Котляревского (Грифцов, Эрн, Свенцицкий, Флоренский, я, Петровский, Алекс<андр> Койранский, Сизов М.И., Соловьев и др.); кружок моих воскресений продолжал функционировать; возник кружок Астровых *«Свободная совесть»*[480], где началось чтение рефератов, где происходили беседы и т.д. Этот кружок сильно окрасил мою моральную атмосферу; из постоянных членов астровского кружка мне запомнились: Павел Иванович Астров, Александра Ивановна Астрова, Николай Иванович Астров, Александр Ив<анович> Астров, Владимир Иванович Астров, Мих<аил> Ив<анович> Сизов, Ник<олай> Петр<ович> Киселев, Вл<адимир> Павл<ович> Поливанов, с которым я особенно сближаюсь, Иван Алекс<андрович> Астафьев, К.П. Христофорова, Мария Виктор<овна> Шперлинг, С.М, Соловьев, Эллис (Кобылинскии), С.Л. Кобылинский, М.А. Эртель, Мария Алекс<андровна> Эртель, П.Н. Батюшков, Г.А. Рачинский, Т.А. Рачинская, барышня Мамонтова, Астафьева, я, Эрн, Свенцицкий, Флоренский, жены братьев Астровых и ряд астровских знакомых, которых я не помню (подробности см. I том *«Начало Века»*). В сентябре я читал в этом кружке свой реферат «О границах психологии». В секции истории религии я читал реферат «О целесообразности».

С этого месяца я начинаю подробно изучать неокантианскую литературу и пользоваться указаниями ставшего ко мне дружественно относиться Б.А. Фохта; я бываю у Фохта и он у меня; я штудирую Канта, приобретаю Штанге[481], загля-

дываю в *«Kommentar zu Kant»* Файгингера[482], которого вообще принимаюсь изучать; но особенно меня интересует Риккерт; меня впервые заинтересовывает проблема смысла и я Флоренскому высказываю идею о *нарастании смысла*; мы с ним горячо обсуждаем эту проблему; он развивает математически мою идею (впоследствии эти наши разговоры легли в основу его работы *«О нарастании Смысла»*[483]). Вскоре Эрн уезжает за границу, где он встречается с В.И. Ивановым и тесно дружит с ним[484].

Общая тональность этого времени — тревожная и мрачная; ощущение, что *враг* невидимый подступает ко мне, все усиливается; оно началось еще с февраля 1904 года; теперь — оно усиливается; и опять ощущение: *враг* этот — Брюсов. Я от Брюсова скрываю свое отношение к нему; но он словно чует его; и внимательно вглядывается в меня.

С.М. Соловьев теперь живет на другой квартире — между Арбатом и Поварской; к нему поселяется бывший его репетитор, Новский; и смущает его своими демоническими разговорами; С.М. увлекается Брюсовым, стремится его возвести в перл создания, но признается, что это увлечение — одержание, слабость, sui generis медиумизм; светлое настроение конца лета обволакивается тяжелою атмосферою какого-то наваждения; образ Л.Д. Блок закрыт от меня какою-то темною и липкою тучею; я ощущаю в душе черный хаос, который извне стараюсь закрыть от себя щитом теории знания; я прочитываю внимательно второй том *«Проблем восприятия пространства»* Челпанова[485]; Эллис заражает меня социологическими интересами: я интересуюсь Дюрингом, Рикардо, Марксом, почитываю кое-какие работы, рекомендованные мне Эллисом; в душе растет бунтарство и возмущение правительством; оппозиционное настроение мое питается разговорами с Эллисом и Свенцицким; в стихотворении, написанном в этот период, отразилась моя душевная тоска; вот его строчки:

Вам отдал свои я напевы —
Грохочущий грохот машин,
Печей раскаленные зевы!
Все отдал: и вот — я один.
Пронзительный хохот пролетки
На мерзлой гремит мостовой.
Прижался к железной решетке —
Прижался: поник головой...[486]

У меня начинает бывать Вл<адимир> Отт<онович> Нилендер; он читает мне свои стихотворения; начинает особенно часто бывать М.И. Сизов; я — дружу с ним.

С.М. Соловьев дружит с И.С. Щукиным; он начинает бывать в его доме, дружит с его матерью, знакомится с вернувшейся из-за границы Маргаритой Кирилловной Морозовой, с которой встречается у Щукиных; и рассказывает мне о ней.

Мама покупает новый инструмент, много играет; покупает мне всю обстановку для кабинета; эта обстановка имеет богатый вид; но — какая-то гнетущая, мне неуютно в моем кабинете; наступает ранняя осень.

Октябрь.

Сгибаются, пляшут, закрыли
Окрестности с воплем мольбы —
Холодной, отравленной пыли
Взлетают сухие столбы[487].

Вот — лейт-мотив для меня этого месяца: внутреннее одиночество при внешнем шуме кружков, в одиночестве — мрак, безнадежность, которую я в себе прячу под сухими формами логики: я принимаюсь за изучение «Логики» Зигварта[488]; но под логикой Зигварта — звучат строчки стихотворения, написанного в этот месяц:

Вот ночь своей грудью прильнула
К семье облетевших кустов.
Во мраке ночном утонула
Там сеть телеграфных столбов.

Застыла холодная лужа
В размытых краях колеи.
Целует октябрьская стужа
Обмерзшие пальцы мои.

Привязанность, молодость, дружба
Промчались, развеялись сном.
Один. Многолетняя служба
Мне душу сдавила ярмом[489].

Между тем: я все время в людской сутолоке; Христианский кружок, кружок Астрова, наши воскресенья, семинарий Трубецкого по Платону, изучение истории греческой философии, Дильса[490] и др<угих> авторов, общение с Эллисом; постоянные посещения *«Скорпиона»*, острейшие разговоры с Брюсовым, будто клещами впившегося в мой внутренний мир; меня осеняет вдруг мысль: состояние мрака, в котором я нахожусь, — гипноз; Брюсов меня гипнотизирует; всеми своими разговорами он меня поворачивает на мрак моей жизни; я не подозреваю подлинных причин такого странного внимания ко мне Брюсова: причина — проста; Брюсов влюблен в Н.И. Петровскую и добивается ее взаимности[491]; Н.И. — любит меня и заявляет ему это; более того: она заставляет его выслушивать истерические преувеличения моих *«светлых»* черт; Брюсов испытывает ко мне острое чувство ненависти и любопытства; он ставит себе целью: доказать Н.И., что я — сорвусь в бездну порока; ему хотелось бы меня развратить; и этим *«отмстить»* мне за невольное унижение его; вместе с тем: любовь к сомнительному психологическому эксперименту невольно поворачивает его на *гипноз*; он не удовольствуется разговорами со мной на интересующую меня тему; он старается силой гипноза внушить мне любовь к разврату, мраку[492].

Все это стало для меня ясно лишь впоследствии, а пока я переживаю состояние человека, выбарахтывающегося из тьмы, его обступившей.

В этот месяц я читаю у Астрова 2 реферата на тему *«О пессимизме»* и *«О научном догматизме»*[493].

Андрей Белый
Фотография на бланке открытого письма. Москва. 1904. ГМП

Часто бываю у Бальмонтов, у Христофоровой, начинаю посещать вечера Каменских[494]. С.М. Соловьев говорит мне: «Ужасно, душно в воздухе — наваждение!».

Ноябрь. Наваждение усиливается. Лейт-мотив этого месяца опять отразился в строках:

Двойник мой гонится за мной,
Он на заборе промелькает,
Скользнет вдоль хладной мостовой
И, удлинившись, вдруг истает[495].

Или:

Там — в зеркале стоит двойник;
Там — вырезанным силуэтом, —
Приблизится, кивает мне,
Ломает в безысходной муке
В зеркальной, в ясной глубине
Свои протянутые руки[496].

Я начинаю ощущать своего *«темного двойника»,* пронизанного улицей, отданного на растерзание страстям и темной похоти, во мне проснувшейся с неудержимою силою; и чувствую, что эта *«темная похоть»* присуща мне, что это и есть *«я подлинное»*; все остальное — мистическая вуаль, в которую я облекся; когда *«вуаль»* слетела с меня — обнаружилась моя подлинная натура; и я таю свое страшное знание о себе: это второе *«я»* подсмотрел во мне Брюсов; со странной настойчивостью он продолжает свои разговоры со мной на эту тему; и я — влекусь к нему; он мне импонирует, как бы говоря: «Борис Николаевич, оставьте ребяческие бредни о свете; в мире господствуют — мрак и ужас». И я ослеплен и пронзен этим лейт-мотивом наваждения:

Душа, остановись — замри!
Слепите, снеговые хлопья!
Вонзайте в небо, фонари,
Лучей наточенные копья![497]

«Фонарь» ассоциируется с Брюсовым, со строками его стихов: «Фонарь, безвестный друг, — ты близок!»[498]. Брюсов становится для меня темным, безвестным другом-врагом, пронзающим *копьями* гипноза. То я начинаю осознавать, что все *«это»* есть наваждение; борюсь с обессиливающим меня *«сном смертной ленности»*; и — с Брюсовым; эта борьба выражается странно; она доходит до видимости каких-то *«магических»* сеансов между нами; в это во все я посвящаю Петровского, Флоренского и С.М. Соловьева. С.М. сам — в *«наваждении»*: он — превозносит Брюсова. Брюсов посвящает мне стихотворение *«Бальдеру Локки»*, где я — *«Бальдер»*, он — *«Локки»*; он в нем грозит мне:

Я слепцу стрелу вручу:
Вскрикнешь ты от жгучей боли,
Вдруг низринутый во мглу[499].

И когда я восклицаю — *«вонзайте в небо, фонари, лучей наточенные копья»*, то я как бы уступаю действию гипноза Брюсова. В эти дни Брюсов пишет свой роман *«Огненный Ангел»*[500]; очень странно, что многое из изображенного там соответствует стилю наших отношений; автор рассказа — Брюсов; граф Генрих — лучшая часть меня, борющаяся *«светом»* с мраком; Рената — точная копия с Нины Ивановны Петровской. Странные спиритические явления и внутренняя борьба с Брюсовым, захватившая октябрь, ноябрь и декабрь, подробнее описана в I-ом томе *«Начало Века»*.

Начинаются студенческие волнения; я сильно захвачен ими; избиение студентов казаками вызывает взрыв возмущения в нашем обществе[501]; я много вращаюсь в московских кругах модернистов; и они начинают меня тяготить.

Декабрь. Моя борьба с Брюсовым достигает кульминационного напряжения; я пишу Брюсову ответ на стихотворение его *«Бальдеру—Локки»,* где есть строки:

Моя броня горит пожаром:
Копье мне — молнья; солнце — щит.
Не приближайся, в гневе яром
Тебя гроза испепелит[502].

Получив это стихотворение, он видит во сне, что между нами дуэль на рапирах и что я проткнул его шпагой; просыпается — с болью в груди (это я узнал от Н.И. Петровской)[503]. Я чувствую, что силами молитв, обращенных к Серафиму, я стряхнул с себя наваждение; впоследствии этот бой *света* с *тьмою* и образы этой борьбы, жившие в моей душе, точно записаны в отрывке IV-ой *«Симфонии»* под заглавием *«Синева Господня»*[504]: переживания мои отобразились в образе змееборца, трезубцем света пронзившего *«гада»*; эту борьбу я ощущал — так: сквозь Брюсова, как сквозь медиума, на меня действовали силы *«Древнего Дракона»*; я должен был воззвать к силам Архангела Михаила и этими силами уничтожил действие в себе *«гада»*.

Борьба — измучила меня; я едва волочил ноги в конце года; праздники наступили невесело; на праздниках произошла ссора мамы с С.А. Соколовым, явившимся ее поздравлять; он сказал ей что-то бестактное; она — указала ему на дверь. Меня, к счастию, не было при этой сцене[505].

Так — отчаянной усталостью, полной нервной прострацией кончается для меня этот тяжелый 1904 год. Единственный светлый момент его — жизнь в Шахматове. Это — год моего падения с Ниной Ивановной, год заката *«зорь»*, год борьбы с своим собственным двойником, *«бродягой»* из *«Пепла»*, год военных поражений и сгущающейся предреволюционной тучи; семилетие 1898—1904 видится мне семилетием огромного перевала через кряж, отделяющий долины двух эр; в 1896 году кончается ясная, долинная жизнь старого столетия; в 1897 году чувствуется смутный сдвиг вверх; 1898 — начало поднятия на кручи, откуда должны открыться горизонты новой, огромной эры; 1899 год — продолжение этого поднятия; 1900 год — смутные прорези новых горизонтов; 1901 год — ослепительные прорези к далекому еще и ныне не достигнутому свету; 1902 год — осознание, что мы *«свет из грядущего»* приблизили и этим приближением впали в ошибку; 1903 год — начало спуска в долину будущей эры, которую должно пройти; 1904 год — вступление в полосу туманов и ужасов далекого пути к «свету».

Так бы я оформил это семилетие; так оно стоит в моей душе.

1905 год.

События этого года описаны в сочинении *«Начало Века»* (в I-ом томе)[506]. Я здесь записываю лишь то, что пропущено в «Начало Века».

Январь. Поездка с мамой в Петербург. События 9-го января.* Моя жизнь у Мережковских, раздвоение между квартирами Мережковских и Блоков** [507].

В *«Начале Века»* не указаны причины, особенно соединившие меня с Мережковскими. Они приняли меня на свои тайные моления[508]; их малая община имела свои молитвы, общие; было 2 чина; 1-ый: чин ежедневной вечерней молитвы; и 2-ой — чин служб: этот чин свершался приблизительно раз в 2 недели, по *«четвергам»*; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором были поставлены плоды и вино; горели светильники; на Мережковском

---

* *В автографе описка:* ноября.

** *В автографе:* Блоками.

и Философове были одеты широкие, пурпурные ленты, напоминающие епитрахили. В числе участников *«четвергов»* в это время были: Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташев, я, Татьяна Николаевна Гиппиус, Наталья Николаевна Гиппиус; вот и все: Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяева и Волжского; но те скоро отошли от них.

К Блокам меня тянула все усиливающаяся моя любовь к Л.Д. и ласковость, которую я видел от Л.Д.

Этот приезд в Петербург сильно расширяет мои горизонты; я определенно сознаю себя революционно настроенным; за этот приезд в Петербург я познакомился с Лундбергом, Андриевским, З.А. Венгеровой, Н.М. Минским, В.А. Тернавцевым, Смирновым, Сомовым, Бакстом, Лансере, Добужинским, Нувэлем, А.В. Карташевым, проф. Успенским, Г.И. Чулковым, С.М. Городецким, Пястом, супругами Бердяевыми, Булгаковым, Аскольдовым, Волжским, Егоровым, Протейкинским, Федором Сологубом, Кондратьевым и рядом других литераторов.

Февраль. Часть февраля я провожу в Петербурге; к середине февраля возвращаюсь в Москву[509]; событие этого времени: ссора с Брюсовым; его вызов на дуэль меня[510]. Продолжаются те же московские собрания. Л.Д. царит над моею душой.

Март. Ряд собраний; в марте я пишу статью: *«Апокалипсис в русской поэзии»*[511]. В воздухе стоит атмосфера революции; всюду — ряд митингов, банкетов, собраний, лекций. Пишу мало стихотворений; из написанного за это время: «Поповна»[512]. Читаю у Астровых реферат: «Апокалипсис в русской поэзии». Астровские среды очень шумны. Я знакомлюсь с семейством Олениных; Лев Андреевич Оленин часто бывает в нашем кругу; у С.М. Соловьева начинаются собрания.

Апрель. Этот месяц для меня отмечен знакомством с Маргаритой Кирилловной Морозовой[513]; я посещал лекции у нее на дому; мадам Оленина нас познакомила; М.К. пригласила меня бывать у нее; с той поры я часто просиживаю у нее вечерами.

Май. Посещения Морозовой, приезд Мережковских[514]; мама заболевает воспалением легких; мы с Е.А. Бальмонт устраиваем лекцию Мережковского в доме Морозовой[515]; в это время организуется Московское религиозно-философское О<бщест>во[516]. Функционирует Христианское братство борьбы[517], к которому я отрицательно отношусь.

Июнь. Я переезжаю в Дедово; живу это лето с С.М. Соловьевым; пишу статью: *«Химеры»* для *«Золотого Руна»*[518], пишу поэму *«Дитя Солнце»* (поэма потеряна)[519].

Июль. Пишу статью «Сфинкс» для «Весов»[520]. Наступает поездка в Шахматово (описана в «Начало Века»).

Август—декабрь. Весь этот период описан в *«Начало Века»*.

1906 год.

Этот год также описан подробно во II-м томе *«Начала Века»*.

Январь. Приготовляюсь к переезду в *Петербург.* Выходит моя статья *«Достоевский и Ибсен».* За статью мою мне достается от Мережковского: он присылает мне письмо, отрешающее меня от Христа[521]. Пишу статью о Мережковском для «Золотого Руна»[522]. Пишу стихотворение *«Горе»*[523].

Февраль. Прощаюсь с Москвой, ликвидирую свои дела: думаю, что проживу всю зиму и весну этого года в Петербурге. Приехав в Петербург[524], имею тяжелые объяснения с Мережковскими, после которых мирюсь с ними. Трудная ситуация создается с Блоками: Л.Д. Блок влюбляется в меня; я уже ясно сознаю, что сильно люблю ее (с 1905 года); мы имеем с ней в конце этого месяца ряд объяснений[525]. Мережковские уезжают за границу. Я снимаю себе комнату на Шпалерной: Л.Д. бывает у меня.

Март. Выясняется окончательно ситуация моя с Блоками. Л.Д. мне объясняет, что Ал<ександр> Алекс<андрович> ей не муж; они не живут, как муж и жена; она его любит братски, а меня — подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен ее развести с Ал<ександром> Алек<сандровичем> и на ней жениться; я предлагаю ей это; она — колеблется, предлагая, в свою очередь, мне нечто вроде *ménage en trois*[526], что мне не симпатично; мы имеем разговор с Ал<ександром> Ал<ександровичем> и ею, где ставим вопрос, как нам быть; Ал. Ал. — молчит, уклоняясь от решительного ответа, но как бы давая нам с Л.Д. свободу[527]. Я все же настаиваю на том, что при создавшемся положении честнее Л.Д. разойтись с Ал. Ал. и выйти замуж за меня, так как мне ясно, что она меня любит; она говорит, что — да: меня она полюбила вовсе не так, как Ал. Ал. (цельно); сестринское же чувство у нее останется навсегда к Ал. Ал. Она просит меня временно уехать в Москву и оставить ее одну, — дать ей разобраться в себе; при этом она заранее говорит, что она любит больше меня, чем Ал. Ал. и чтобы я боролся с ней же за то, чтобы она выбрала путь наш с ней. Я даю ей нечто вроде клятвы, что отныне я считаю нас соединенными в Духе и что не позволю ей остаться с Ал<ександром> Алекс<андровичем>. С этим обещанием я еду в Москву[528]; мы переписываемся каждый день, но в письмах Л.Д.[529] — раздвоение: она де любит и меня, и Ал. Ал. одинаково; она не знает, кого она любит больше; я борюсь с этими ее настроениями; чувствую себя тревожно и неопределенно. В этот месяц я пишу в Москве статью *«Феникс»*[530].

Апрель. Тревога нарастает. Л.Д. заболевает, я хочу броситься в Петербург, но Алекс<андра> Андреевна Кублицкая, Ал. Ал. Блок и Л.Д. Блок заклинают меня не приезжать[531]. Я тем не менее еду, но меня почти не принимают[532]; Л.Д. мне объявляет, что между нами все кончено, что она — ошиблась в своих чувствах; я напоминаю ей то обещание, которое она же у меня вырвала; а именно, чтобы я боролся с нею за нее. Положение мое — отчаянно трудное; Ал. Ал. Блок, как бы давши нам с Л.Д. свободу отношений, теперь по просьбе Л.Д., испугавшейся решительного шага, пытается встать между нами; я все время его отстраняю; наконец Л.Д. таки признается мне, что все осталось по-старому, что она — любит меня, но что Ал<ександра> Андр<еевна> и Ал. Ал. Блок воздействуют на ее волю.

Май. Морально я одерживаю победу над Л.Д.; она дает мне обещание, что осенью мы с ней едем в Италию и что с этого времени как бы начинается наш путь с ней; она просит меня дать ей провести с Ал. Ал. последнее лето; я, уверенный в том, что на этот раз она сдержит свое слово, еду в Москву в ужасном состоянии духа.

В этот период открылась 1-ая Гос<ударственная> Дума[533]: я примыкаю к левейшим партиям по своему умонастроению; все это время я читаю книги по социальным вопросам: Кропоткина, Бакунина, Маркса, Энгельса, Каутского, изучаю *«Эрфуртскую программу»,* читаю *«Историю социал-демократии»* Меринга[534], изучаю Штаммлера *«Хозяйство и право»*[535], читаю Вернера Зомбарта[536]; освободительное движение в сознании моем переплетается с борьбой за освобождение Л.Д. Блок; ноты ее сплетаются для меня с нотами России; С.М. Соловьев переживает тоже резко революционное настроение; он увозит меня в Дедово, где мы проводим дни в крупных спорах с семействами Коваленских, настроенных несравненно умеренней; в это время я получаю от Л.Д. Блок письмо, без всякой мотивировки приглашающее сызнова порвать все между нами; и на этот раз считаю ее поступок уже настоящим предательством (письмо это мною получено между 10 и 15 маем)[537]; с этого времени начинается непрекращающаяся мучительная переписка между нею и мною, где выясняется мне, что она меня вынуждает к бурным поступкам. Ценой своей смерти, смерти ее или Ал. Ал. Блока, я, исполняя данную ей клятву, *должен разрушить средостение* между нами троими. В этом настроении у меня вырывается рассказ *«Куст»*[538], который я прочитываю С.М. Соловьеву и гостящей в Дедове Лизе Безобразовой, нашей поверенной и другу[*] в те дни.

Июнь. Весь этот месяц провожу ужасно: та же мучительная ситуация с Л.Д.; разгон Думы[539], действующий на меня подавляюще; всею силой души я на стороне крестьянских волнений; опять тема России, народа и тема Л.Д. Блок сливаются в моем сознании (это настроение отразилось в романе «Серебряный Голубь», написанном впоследствии). С.М. Соловьев, как и я, настроен революционно: он хочет жениться на крестьянской девушке, чтобы реализовать свою связь с народом[540]; мы оппозиционно относимся к Дедову и каждый день ходим отводить душу с сестрами Любимовыми в село Надовражино.

Июль. Еду в деревню к себе (в *«Серебряный Колодезь»*)[541], имею беседы с крестьянами, после которых на меня земскому начальнику поступают доносы (доносит наш староста); я уезжаю и возвращаюсь в Дедово[542]; за это время мною написаны *«Бурьян»*[543], 1-ая часть 4-ой Симфонии в последней транск<р>ипции[544], *«Панихида»* и *«Осинка»*[545]; в этих стихотворениях отразилась тоска моя; с Л.Д. Блок — все так же неблагополучно; теперь мне ясно, что Ал. Ал. Блок есть подлинный виновник нашего разрыва; я собираюсь вызвать его на дуэль.

Весь этот месяц я жил под впечатлением Гоголя; Гоголь вырастает в моем сознании, как огромная величина; я внимательно вчитываюсь в Баратынского; и понимаю его значение.

---

[*] *В автографе*: другом

Август. Ссора с Коваленскими (из-за политических причин); наш быстрый отъезд с С.М. Соловьевым в Москву; вызываю на дуэль Ал. А. Блока; секундант, Л.Л. Кобылинский (Эллис) едет в Шахматово[546]; Ал. Ал. Блок имеет с ним долгий разговор, в результате которого установлено, что я осенью переезжаю в Петербург; происходит моя ссора с Рачинскими (на политические темы); я — лев до последней степени; зол — до последней степени; история с Блоками меня восстанавливает против всего литературного Петербурга; особенно ненавидим мы с Эллисом и с С.М. Соловьевым то течение, которое себя объявляет как мистический анархизм; в *«Весах»* Брюсов и Ликиардопуло меня подуськивают против этого течения; я пишу убийственно-злую рецензию на книгу Чулкова *«О мистическом анархизме»*[547].

Сентябрь. Еду в Петербург[548], но Л.Д. меня не принимает 10 дней[549], во время которых я приглядываюсь к новым петербургским нравам, к новой моде на «модернизм»; знакомлюсь с Волынским, Шестовым, Ивановым-Разумником, Кузминым, Ауслендером, Мейером, Куприным, Ходотовым, Найденовым, Косоворотовым[550], Муйжелем, Батюшковым (редактором «Божьего мира»[551]), Осипом Дымовым, может быть, — с Чуковским; видаюсь с В. Ивановым, Аничковым, Сергеем Городецким, Пястом, Е.П. Ивановым, Сологубом, Арабажиным, художником Билибиным и мн<огими> другими. Не вижу только Блоков, которые явно прячутся от меня. Имею значительный разговор с Чулковым, старающимся мне объяснить, что такое мистический анархизм.

Наконец Блоки принимают меня; у нас происходит разговор, после которого я решаю покончить с жизнью; но Л.Д. присылает записку, просит меня приехать; еду: после объяснения решаемся дружески расстаться на год; Блоки мне советуют ехать за границу[552].

Возвращаюсь в Москву, собираюсь в Мюнхен.

Октябрь. Последние дни в Москве нервничаю; еду в Мюнхен[553]. В Мюнхене отдыхаю после невероятного напряжения 7 месяцев; у меня завязывается здесь круг знакомств; в Мюнхене вижусь каждый день с В.В. Владимировым, учащимся в Художественной Академии у Габермана. Тем временем выходит № *«Руна»* с рассказом *«Куст»*[554]; рассказ этот бесит Л.Д.; она присылает мне письмо, в котором отказывается от знакомства со мною за напечатание мною *«Куста»*; в *«Кусте»* де высмеян Ал. Ал. Блок[555].

Разрыв с Л.Д. опять повергает меня в дикое отчаяние; я бросаюсь, было, в Россию, но вспоминаю, что дал слово Блокам не видеться с ними ровно год; скрепя сердце, перемогаю свое одиночество, но — схожу с ума от внутренней боли; и — начинаю пить; стихотворение *«Арлекинада»* выражает настроение этого периода: изображен мертвец, мстительно встающий из гроба; *«мертвеца»* замучили люди.

«Вы думали, что умер я —
Вы думали? Я снова с вами.
Иду на вас, кляня, грозя
Моими мертвыми руками»[556].

Вся моя деятельность этого периода есть *месть*: 1) за попрание святынь душевной жизни, 2) за растление жизни литературным модернизмом. И заметки

мои «На перевале» (*«О мистерии», «Против музыки», «Литератор прежде и теперь»*[557]) полны этой местью; *«безумец»,* убежавший и ставший *«бродягою»*, теперь становится *«мстителем»* и *«мертвецом»;* я задыхаюсь от желания броситься в бой; моя вражда к *«модернизму»* и *«мистическому анархизму»* безгранична; Г.И. Чулков становится для меня символом всяческой профанации.

Ноябрь. Провожу в том же темном, грызущем сердце отчаянии. За этот месяц доканчиваю 2-ую часть Симфонии *«Кубок Метелей»* (в окончательной редакции). Часто вижусь с В.В. Владимировым, Вулихом, Дидерихс (сестрой и братом); часто бываю в кабачке *«Simplicissimus»*[558], где у меня образуется свой кружок знакомых (среди них Paulsen, Grabowsky, Zutt и ряд других); знакомлюсь с Мюзамом, Шарфом, Пшибышевским, Ашем, Ведекиндом и др<угими> писателями. Вдруг, 30 ноября, уезжаю в Париж[559].

Декабрь. Парижские впечатления — впечатления той же душевной боли, которая не рассеялась от общения с Мережковскими; вижусь в Париже: с проф. Кричевским, с Ал. Бенуа, Философовым, А.С. Гончаровой, Александровым (анархист), Книжником, Бугсгевденом, историком Валишевским, Бальмонтом, Львовым-Рогачевским, Евгенией Юдифовной, сестрой Лидии Юдифовны Бердяевой, Минским, Аничковой (Иваном Странником); здесь знакомлюсь с юношей Гумилевым[560]; знакомлюсь с Жоресом, с которым каждый день завтракаю[561], знакомлюсь с Аладьиным.

Но вообще этот год кончается для меня печально: у меня делается нарыв; и последние дни старого года я едва таскаю ноги.

1907 год.

Январь. Начинается болезнь (флегмона); меня перевозят в больницу, где делают операцию[562]: больной пишу ряд стихотворений, в которых впервые встает лейт-мотив сборника *«Урна».* Вот лейт-мотив этого времени:

Покоя не найдут они:
Пред ними протекут отныне
Мои засыпанные дни
В холодной, в неживой пустыне[563].

«Они» — Блоки. Пишу рецензию на *«Нечаянную Радость»* Блока для «Перевала»[564]. Пишу статью *«Социал-демократия и религия».* Читаю первую свою публичную лекцию: «Социал-демократия и религия»[565].

Февраль. Весна. Мережковские уговаривают меня уехать. Оканчиваю III часть симфонии *«Кубок Метелей»* (окончательная редакция). В последних числах февраля еду в Москву[566]. Первое известие, сражающее меня окончательно: Л.Д. в связи с Г.И.Ч.[567]; в Петербурге господствует страшная профанация символизма. Нота мести за попранную любовь и за профанацию символизма — углубляется.

Март. Сильно отдаюсь литературной общественности; посещаю кружок «Весов», кружок «Грифа», кружок «Золотого Руна», постоянно бываю в О<бщест>ве *«Свободной эстетики»*[568]. С.М. Соловьев и Эллис близко входят в «Весы»[569]. Посещаю религиозно-философское О<бщест>во[570], где ближе схожусь с Булгаковым, Бердяевым, Трубецким, Эрном, Свенцицким; весьма часто бываю у М.К. Морозовой; читаю в Религиозно-Философском О<бщест>ве реферат: *«Социал-демократия и религия»*[571]; читаю в *«Свободной Эстетике»* реферат «О формах искусства»[572]. Сплачивается скорпионовский кружок; с Астровым — в холодных, натянутых отношениях (так наши когда-то дружественные отношения и не возобновлялись с тех пор); бываю у д'Альгеймов, бываю в Литературно-Художественном Кружке, выступаю там на диспутах. В *«Свободной Эстетике»* встречаюсь с Сапуновым, Судейкиным, Араповым, Павлом Кузнецовым, Дриттенпрейс, В.А. Серовым, Переплетчиковым, Пашуканисом, поэтом Гурьевым, Адой Корвин (танцовщица), Меркурьевой, Брюсовыми, Гиршман, Трояновскими, Арсением Корещенко, Кочетовым, Мейчиком, Феофилактовым, Балтрушайтисом, Поляковым, артистами и артистками Худ<ожественного> Театра, А.А. Морозовым, С.И. Щукиным и др. У меня по воскресеньям собирается много народу. Но общественная жизнь меня утомляет; на душе — рана: Блоки, измена Л.Д., невыразимо запутанные отношения с Ал. Ал. Блок; им не пишу ничего[573]; начинается также борьба с петербургскими «Орами»[574]; весь этот период до осени есть главным образом период едких рецензий и фельетонов в газетах.

Г.И. Чулков
Фотография Д.С. Здобнова
Санкт-Петербург. 1910. ГМП

Апрель. Читаю публичную лекцию *«О символизме»* (со средним успехом)[575]; читаю лекцию *«Искусство будущего»* (с большим успехом); повторяю эту же лекцию[576] (все три лекции — в пользу нелегальных); часто встречаюсь с Зайцевыми, со Стражевым. Пишу рассказ *«Адам»* (для *«Весов»*)[577]; выступаю на вечере в *«Художественном Кружке»*[578] и на выставке «Голубая Роза»[579] (с А.М. Ремизовым, приехавшим в Москву). На пасху еду в Надовражино с С.М. Соловьевым[580]. Там теряю поэму *«Дитя Солнце»*, написанную в 1905 году[581].

Май. Короткое время дружу с Адой Корвин; все это время особенно дружу с Эллисом; с С.М. Соловьевым снимаем дачу в Петровском[582]; в мае же переезжаем туда; там оканчиваю 4-ую Симфонию *«Кубок Метелей»*[583]. Время написания этой *«Симфонии»*, вернее, 4-ая переработка 3-х порч первой редакции (1902 года), — лето 1906 — до лета 1907 года, т.е. самый болезненный период

моей жизни, когда я чувствовал угасание жизни в себе; и этою болезненностью пропечатаны образы «Симфонии»; мое задание — пропустить 2 плана один сквозь другой (духовный сквозь материальный) — не удалось; в 4-ой Симфонии есть хорошие куски, но целого — нет; тенденция соединить безвременное с временным потерпела крушение.

Июнь. Пишу много стихов в Петровском; мне впервые открывается во всем величии единственность поэзии Пушкина; к концу месяца С.М. Соловьев уезжает в Крым (лечиться от ревматизма), а у себя на московской квартире я застаю Эллиса.

Июль. Жизнь на квартире с Эллисом, полемика с Петербургом[584], ссора с «Руном», полемика с Метнером[585]; мое сближение с Ходасевичем и Муни, частые сидения в *«Перевале»*: в *«Перевале»* встречаюсь с Муратовым, Стражевым, Грифцовым, Муни, Ходасевичем, Боровым, Соколовым, Н.И. Петровской, Киселевым, Поповым (Мизгирем), Янтаревым, М.М. Духовским, И.А. Буниным, Зайцевым; в этот же месяц встречи с Л.Н. Андреевым. Пишу Блоку резкое письмо. Получаю вызов на дуэль: отказываюсь[586]. Начинаю писать в газетах. Пишу рассказ «В горах» для «Перевала»[587].

Август. Посещение Блоком меня: наше примирение[588]. Писание в газетах. Гастроли театра Коммиссаржевской[589]. Знакомство с А.М. Эфросом, с Н.Н. Русовым, знакомство с приехавшим в Москву Шпеттом; кажется, в этом году А.С. Петровский бросает Академию[590]; и — навсегда отталкивается от православия.

Сентябрь. Поездка в Киев, выступление на вечере нового искусства, чтение лекции *«Искусство будущего»*[591]; еду в Петербург[592]: мирюсь с Л.Д. Блок (ненадолго). Продаю *«Шиповнику»* 2-ую книгу стихов[593].

Октябрь. Увлекаюсь газетною деятельностью и организацией *«Дома Песни»*[594]; пишу для *«Дома Песни»* статью «Песнь жизни»[595]. Изучаю *«Theorie der Erfahrung»* Когэна и внимательно вчитываюсь в *«Границы естественнонаучного образования понятий»* Риккерта[596]. Читаю на открытии *«Дома Песни»* лекцию «Песнь Жизни». Постоянно бываю у д'Альгеймов. Вижусь там со Шпеттом, Лурье, Брюсовым, С.Л. Толстым, Тарасевичами, Рачинскими, Петровскими, Н.А. Тургеневой, Поццо, Рукавишниковой и др. Читаю реферат в *«Свободной Эстетике»*: «Современная русская литература»[597]. В конце октября еду в Петербург[598].

Ноябрь. Мучительные переживания с Л.Д. Блок; пишу статью «Театр и современная драма»[599]. Ссора с Л.Д.; приезжаю в Москву[600]: читаю лекцию в Лит-ер<атурно->Худ<ожественном> Кружке: «Театр и совр<еменная> драма»[601], читаю в Политехническом музее лекцию *«Фридрих Ницше»*[602], выступаю в «Доме Песни» с беседой на тему «О символизме»[603].

Декабрь. Утверждаюсь в Москве; еду в Петербург на лекцию «Искусство будущего»[604]; и тотчас же возвращаюсь.

Так мучительно кончается мучительный 1907 год, чтобы дать место еще более для меня тяжелому 1908 году.

1908 год.

События этого года описаны во II-ом томе *«Начала Века»;* тут только внешняя запись.

Январь. Читаю реферат в философском кружке Морозовой[605] и читаю публичную лекцию в Петербурге «Фридрих Ницше» (в Петербург еду лишь на 2-3 дня)[606]. Появление Метнера в Москве (с ноября) по-особенному сближает меня с ним. Шум производит моя статья *«Обозная сволочь»* в *«Весах»*[607]. Бываю постоянно у д'Альгеймов.

Февраль. Вижусь с приехавшей Асей Тургеневой у Рачинских. Бываю часто в «Свободной Эстетике». Дружу с Эллисом, часто вижусь со Шпеттом. Бываю у Бердяева. Начинается период утомления; я отказываюсь выступать на публичных лекциях.

Март. Читаю в «Свободной Эстетике» реферат о Федоре Сологубе[608]; особенно дружу с Метнерами и Морозовой; часто вижусь со Шпеттом; пишу стихи на тему «Урны»; вижусь с Ходасевичем, много говорим о Пушкине; изучаю Юма.

Апрель. Этот месяц припоминается, как особенно тяжелый; читаю реферат в Московском религиозно-философском О<бщест>ве на тему *«Эмблематика Смысла»* (забыл точное заглавие)[609]; весь период окрашен полемикой с В. Ивановым на тему «A realibus ad realiora»[610]. Пишу заметку *«Обломки миров»*[611].

Май. Крайнее переутомление; часто вижу Метнера. В конце мая с Метнером еду в *«Серебряный Колодезь»*.

Июнь. Начало июня провожу с Метнером в *«Серебряном Колодце»*; сюда приезжает и С.М. Соловьев; после оба уезжают; весь июнь пишу много стихов из *«Пепла»*; между прочим поэму *«Деревня», «Довольно: не жди, не надейся», «Маскарад»* и др.[612]

Июль. Живу в Дедове у С.М. Соловьева, много занимаемся поэзией; начинаю изучение ритмов[613]; углубляюсь в Баратынского и в Батюшкова; пишу стихи из *«Урны»*.

Август. Стоят жары: мы теперь дружим с Коваленскими; в середине августа я еду к приехавшим из-за границы Мережковским, живущим в Суйде, под Петербургом; там пишу статью *«Каменная исповедь»* (против Бердяева)[614]. Еду обратно, застреваю в Петербурге; пишу стихи для *«Урны»*. Сдаю *«Пепел»* Шиповнику[615]. Начинается холера: возвращаюсь в Москву.

Сентябрь. Те же *«Весы», «Св<ободная> Эстетика», «Кружок»*[616], *«Религиозн<о->Филос<офское>» О<бщест>во, «Дом Песни»*; читаю реферат в Студенческом Литературном О<бщест>ве. К.П. Христофорова мне дарит «Doctrine Secrète» Блавадской; углубляюсь в стансы Дзиан[617].

Октябрь. Начинаю посещать теософический кружок К.П. Христофоровой; еду в Петербург к Мережковским, читаю в театре Коммиссаржевской «Пророк безличия»[618]. Возвращаюсь в Москву. Знакомство с Гершенсоном; сотрудничество в «Критическом Обозрении»[619].

Ноябрь. Приезд в Москву Мережковских[620], ряд прений, докладов; читаю публичную лекцию: «Настоящее и будущее русской литературы»[621].

А.А. Тургенева. Портрет Андрея Белого
1909. Офорт. ГМП

Декабрь. Охлаждение с Мережковскими; читаю лекцию: «Искусство». В конце месяца сближение с Минцловой; мое заболевание[622]; странные переживания, о которых подробно в III томе *«Начала Века».*

Весь этот год описан подробно в III томе «Начала Века».

1909 год.

Январь. Поездка в Петербург для чтения лекции *«Настоящее и будущее русской литературы»*;[623] возвращение; скандал в кружке на лекции В. Иванова[624]. Поездка в «Бобровку» к А.А. Рачинской[625].

Февраль. Жизнь в Бобровке: написание 1-ой главы *«Серебряного Голубя»*[626]; занятие ритмом, усиленное чтение книг по оккультизму и астрологии.

Март. Живу в Бобровке: составляю гороскопы; пишу предисловие к *«Урне»*[627]; возвращаюсь в Москву; еду в Киев и читаю там публичную лекцию (забыл о чем)[628], пишу для «Киевской Мысли»[629], возвращаюсь в Москву и встречаюсь с Асей; Ася пишет мой портрет[630].

Апрель. Возникающая любовь между мною и Асей; пишу 2-ую главу «Серебряного Голубя» и пишу статью *«Гоголь»*[631], которую читаю в *«Эстетике».* Поездка в «Звенигород» (я, Ася, Наташа, Поццо, Петровский); мы с Асей сговариваемся, что должны ближе узнать друг друга.

Май. Асин отъезд. Встреча с Минцловой. Еду в Дедово. Пишу 3-ью главу «Серебряного Голубя».

Июнь. Живу в Дедове: пишу 4-ую главу «Серебряного Голубя».

Июль. Живу в Дедове: пишу 5-ую главу «Серебряного Голубя».

Август. Разражается музейский инцидент Эллиса[632]. Пишу 6-ую главу «Сер<ебряного> Голубя».

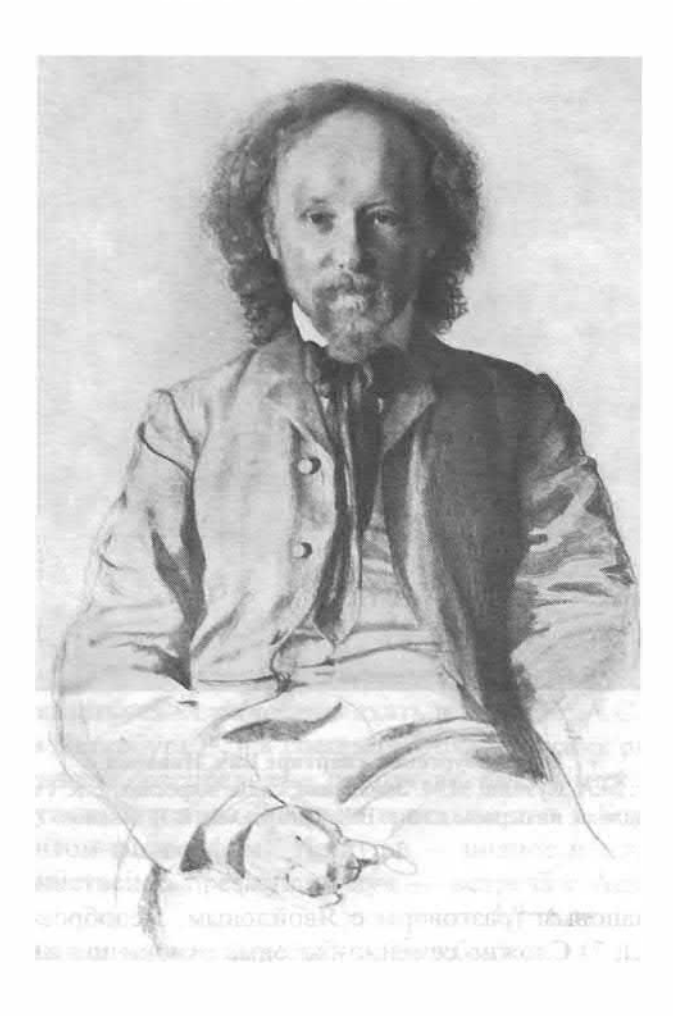
Сентябрь. Ссора с д'Альгеймами; возникновение Мусагета[633]. Изучаю Потебню.

Октябрь. Усиленно готовлю к выпуску «Символизм»: пишу «Эмблематику Смысла» и статьи по поэтике: «Лирика и эксперимент» и другие[634].

Ноябрь. Минцлова: ее фантазии. Пишу комментарий к «Символизму». Читаю в *«Эстетике»* реферат: «Магия слов»[635].

Декабрь. Отправляюсь в Бобровку: пишу статью: «Морфология русского 4-<стопно>го ямба»[636]; изучаю Фехнера, Бинэ, Бутру; прочитываю «Падение западной римской империи» Гиббона[637]. Дописываю «Серебряный Голубь». Перед Рождеством возвращаюсь в Москву. Медитации, данные Минцловой.

Подробнее см. III том *«Начало Века».*

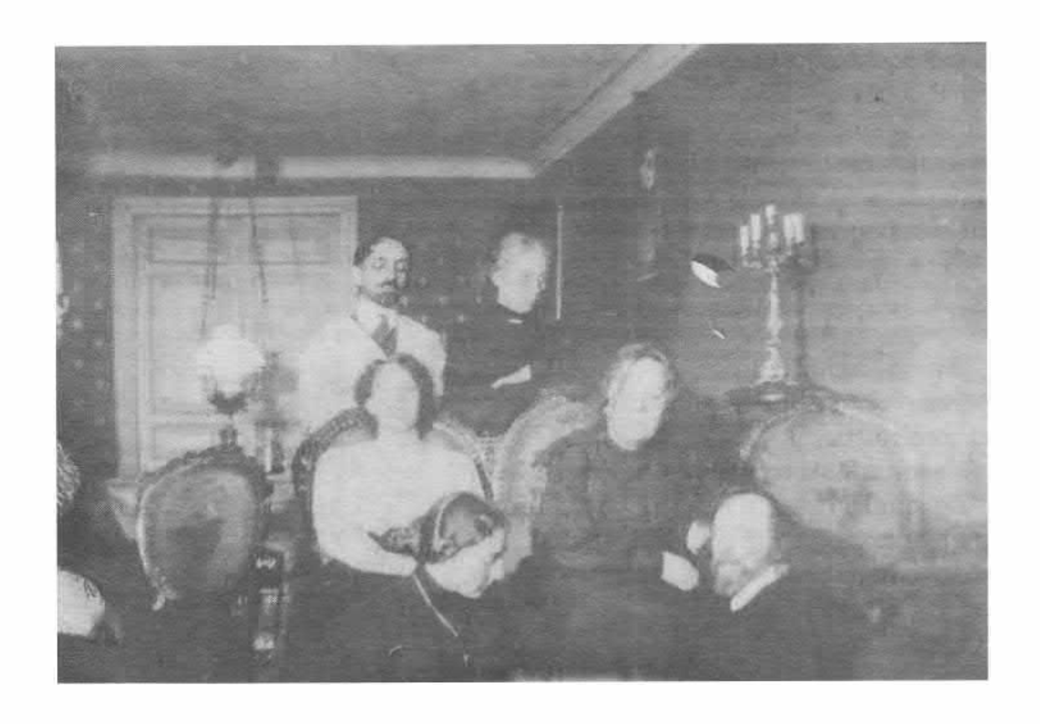

К.А. Сомов. Портрет Вяч. И. Иванова
«Золотое Руно». 1907. № 3

1910 год.

Январь. Сложная перепутанная жизнь. Открытие Мусагета[638]. Встречи с Минцловой. В конце января отъезд в Петербург к Иванову.

Февраль. Жизнь в квартире у Иванова: всяческая деятельность (Петерб<ургское> Рел<игиозно>-фил<ософское> О<бщест>во, «О<бщест>во Ревнителей Худ<ожественного> Слова»)[639], дебаты о символизме: но — главное контрапункт разговоров на тему о братстве с Минцловой и другими, подходящими к ней: 1) я + Минцлова, 2) я + Иванов (о теме Розы и Креста), 3) я + Минцлова + Иванов — наш *«мистический треугольник»*, в который я всунут насильно Минцловой с чувством отрыва от московского коллектива; 4) (Минцлова + Иванов + я) + Метнер, приехавший в Петербург и договаривающийся с Ивановым; его дружба с Сабашниковой, 5) «Метнер + я» — о Минцловой, Иванове, Сабашниковой, 6) Мое усилие присмотреться к будущему коллективу из ☩,[640]

В петербургской квартире Вяч. Иванова
Стоят: М.А. Кузмин, М.М. Замятнина; сидят в креслах: Е.К. Герцык, А.Р. Минцлова; на первом плане: В.К. Шварсалон, В.И. Иванов. 1908. ГЛМ

намеченному Ивановым (разговоры с Явойловым, Недоброво, Бородаевским, Скалдиным и др.); 7) Сложно семейно-бытовые отношения в ивановской квартире, в которые я введен (Чеботаревская, Вера Константиновна, Кузмин); 8) *«При»* с «акмеистами», главным образом с Гумилевым[641]. 9) Мучительный разговор с приехавшей в Петербург Наташей Тургеневой (приехавшей к Минцловой). Вот сложный контрапункт отношений, в котором я не могу ни *морально найтись*, ни медитативно работать (Минцлова дала новые медитации), ни разобраться в версии Минцловой об учителях, ни разобраться в отношениях М<инцловой> к Иванову, ни, наконец, работать в сфере литературы.

Этот месяц подсек энергию.

Март. Отъезд Минцловой в Москву после бурных и тяжелых сцен между ней и Ивановым[642]. Наша жизнь с Вячеславом Ив<ановым> вдвоем в обсуждении *«братства»* и во всяких *«прях»* и кружках, через которые меня тащит Иванов; я все более измучиваюсь и все более сомневаюсь в братстве. Метнер и особенно Минцлова зовут нас в Москву и для мусагетских дел, и для «коллектива». Едем в Москву[643]. Конец месяца полный бред и неразбериха.

Апрель. Угар в «Мусагете»: в помещении редакции живет Иванов, устраивая вихри: душа — проходной двор, в который врываются декаденты, *«братья»,* философы, когенианцы, теософские тетки, критики, «коньячок» с Кожебаткиным и Шпеттом: черт знает что; *«между водкой и селедкой»* всюду пля-

шущего Рачинского; тут и Бердяев, и Морозова, и Гершенсон, и ритм[644], и *«Путь»*[645], и «беспутица», и сладкий Эртель, и истеричная Христофорова; я — лопнул: на вечеринке у Христофоровой мой открытый бунт против Иванова и Минцловой. Метнер ставит ультиматум: если я соглашусь на треугольник (я—Минцлова—Иванов), он — не войдет в *«братство»*. Месяц кончается выходом *«Символизма»*, открытием *«Мусагета»*, разгромом *«братства»*, уездом Иванова и Минцловой[646]; и нашим уездом с А.С. в Бобровку, куда приезжает на сутки Минцлова, устроив вихрь *«фантазий»* о том же братстве[647]; переживание в Бобровке весны: по ночам кричат филины. Мое окончательное решение в первую голову встретиться с Асей и бросить *«выжидание»* около Минцловой.

Грустная Пасха[648]: ожидание кометы.

Май. Встреча кометы[649]. Ряд фактов с Минцловой, исчерпывающих мое терпение; уехала в Петербург и молчит, а в Москве от данной ей через меня медитации случается нервное заболевание. Между тем: Минцлова требует, чтобы я в мае ехал в Италию, в Ассизи, куда должен приехать Иванов; там, <в> Ассизи де, должна произойти наша встреча с розенкрейцерами и «посвящение»; но я, измученный уже год длящимся без разрешения мифом, принимающим все более зловеще-фантастический характер после совета с Метнером, решаю отказать<ся> от *«чести»* ехать в Италию; А.С. везет это решение Минцловой в Петербург[650], а я спешно готовлю кружок ритмистов, читаю лекции им в Мусагете, распределяю работу по ритму меж ними[651], прею в философском кружке Степпуна (встреча и знакомство с Борисом Пастернаком, тогда студентом-философом). На душе — полное недоумение и полное опустошение; единственно брезжущий луч — встреча с Асей летом в Боголюбах.

Выходит отдельным томом «Серебряный Голубь»[652].

Мама снимает дачу в Демьянове[653]; в последних числах мы едем туда.

Июнь. Жизнь в «Демьянове»; странное восприятие мест, где я ребенком рос; брожу по парку и полям и вспоминаю клумбы, кустики, лужайки, с которыми некогда столькое было связано; парк, казавшийся ребенку гигантским, кажется маленьким; весь месяц упорно работаю: 1) Пишу статью «Кризис сознания и Генрих Ибсен»[654]. 2) Собираю материал на тему: «Солнце, луна, воздух, вода, небо» у Пушкина, Тютчева, Баратынского[655]. 3) Отрабатываю свою летнюю порцию по ритму: анализ пятистопного ямба в лирике Тютчева, Пушкина, Баратынского (материал остался в Дорнахе)[656]. Осталось впечатление от многочасовых блужданий в демьяновском парке и несносных, потому что безнадежных, разговоров об эмпирио-критицизме с Давидовым и прис<яжным> пов<еренным> Часовниковым и нудных разговоров с Владим<иром> Иванов<ичем> Танеевым на тему: почему я пишу такие непонятные стихи; встречи с Клим<ентом> Аркад<ьевичем> Тимирязевым, тоже живущим в Демьянове, его пустым и никчемным сыном, *«Аркашей»* (будущий коммунистич<еский> профессор), с художником Аполлинарием Васнецовым, старающимся меня подколоть; эти разговоры в парке действуют удушающе; от них спасаюсь в усиленную работу. Переписываюсь с Асей Тургеневой.

Сестры Тургеневы: Наташа, Таня, Ася
Фотография Ф. Опитца
Москва. 1910, 25 ноября. ГМП

В последние дни июня уезжаю в Москву, где, кажется, ночую в *«Мусагете»*. А.С. Петровский сообщает мне, что едет в Швейцарию, в Берн, на курс Штейнера[657].

Июль. С первых чисел еду через Киев в Луцк, к Кампиони, где встречаюсь с Асей Тургеневой и где окончательно вырешается наша судьба; живу в полешукском домике, за лесом от Боголюб, где живут Кампиони и Тургеневы[658]; поздней ночью, с фонариком хожу через гущу к себе домой. Леса, охоты на вепрей Кампиони; дикая, веселая, странная жизнь, на фоне которой происходит мое сближение с Асей и решение уехать в Италию осенью; выясняются тяжелые отношения с Наташей. Примирение с Блоком (в письмах)[659].

Август. Решение о пути с Асей бесповоротно; Наташа упрекает, что этим решением я как бы переступаю через *«коллектив»,* ибо я из-за Аси не поехал в Ассизи. Я доказываю, что не поехал оттого, что у меня нет веры уже в «миф» Минцловой; она — подорвана рядом нечетких поступков. Приезд в Боголюбы Поццо, потом А.С. Петровского, едущего за границу и заехавшего по дороге в Луцк. Тяжелые разговоры с Асей; и сквозь них еще раз решение: быть нам вместе.

С некоторым недоумением еду в Москву, где с места в карьер сваливается тяжелая проблема *«исчезновения»* Минцловой, с которой с неделю мы возимся с М.И. Сизовым[660].

Она — исчезает, дав мне кольцо и лозунг и обещав, что *кто-то* к нам придет в сентябре 11 года. Тяжелая встреча с Наташей в *«Мусагете»*; я сообщаю ей *все* о Минцловой; в то же время я с Кожебаткиным отыскиваю квартирку для Тургеневых (Аси, Наташи, Тани); мы меблируем ее: тяжелые вопросы о финансах.

С тяжелым недоумением в душе о Минцловой и новой обузе *«ждать кого-то»*, с тяжелыми заботами, откуда достать деньги для уезда за границу с Асей, я еду в Демьяново, прихватив Нилендера и Эллиса. В *Демьянове* же происходит вот что: Танеев прочел *«Голубя»,* узнал себя в сенаторе и сердится на меня[661]; дачники оглядывают меня с опаской (ведь Танеев *«тиран»* и дачники у него под *посохом*: он ходит с *посохом*); *«Аркаша»* Тимирязев надулся на меня; из всего заключаю, что мне в Демьянове не отдых, а — растрава нервов; происшедший инцидент между Танеевым с одной стороны, Эллисом и Нилендером с другой, решает мой спешный отъезд с ними. Последние дни августа — томление в Москве.

Сентябрь. Усиленная редакционная деятельность в *«Мусагете»,* ритмический кружок, ряд заседаний, вопросы номенклатуры; приезд Тургеневых и С.Н. Кампиони в Москву; я, так сказать, водворяю их на квартире; тяжелые разговоры с Метнером о деньгах на поездку и с мамой о том, что я отныне с Асей, и что с мамой я уже не буду жить. Кажется, в этот месяц пишу для «Логоса» статью о Потебне[662].

Октябрь. Подготовление к отъезду. Выход *«Луга Зеленого»*[663]. Редакционные *при*. Заседания у Крахта[664]. Работа ритмического кружка. Сидения с Асей. Примирение с Соловьевым. Трудности «мусагетского» положения. Эсотерические собрания нашей *«пятерки»* с молчанием (я, Метнер, Сизов, Киселев, Петровский), которые, кажется, в обузу всем, но во имя прихода *«кого-то»* для *«чего-то» («бред»* исчезнувшей Минцловой ею навязан нам в наследство, так сказать).

Трудный месяц, тяжелые недоумения: о *«Мусагете»*, о *«пути»*, в частности о *«пути»* нашем с Асей; одно время в душе вспыхивает просто боязнь за *«наше будущее»*; но Ася форсирует необходимость нашу уехать; *«Мусагет»*, Метнер и вся московская ситуация, включая денежный вопрос и мама вцепляются в меня; я в перманентном обессилении и даже почти в отчаянии.

К концу месяца я в душном тумане.

Ноябрь. Близится отъезд. Но он выглядит катастрофично: 1) трагедии с мамой, 2) трагедии с Асей, 3) подозрения о Кожебаткине, 4) пишу спешно брошюру *«Трагедия творчества»*[665], которая, кажется, есть вскрик мой о моей ситуации больше, чем рассказ о Толстом и Достоевском, 5) уход Толстого[666], 6) приезд Блока в день моей лекции и вся суматоха под заглавием *«Блок в Москве»*; о его приезде см. *«Начало Века»*[667].

Просто *вырыв* из Москвы[668].

Декабрь. Первые дни жизни с Асей вдвоем; впечатления Италии, Сицилии, встреча Рождества в Монреале и тут же отъезд в Тунисию[669]. Первые впечатления от Туниса. (Смотр<и>: «Путевые заметки»)[670]. Чувство отдыха. Строчу фельетоны в *«Речь»*. (Путевые впечатления).[671]

1911 год.

(Даю лишь каталог, ибо этот год рассказан в III томе *«Начала Века»*.

Январь. Жизнь в Радесе[672], усиленное чтение по арабской истории и мусульманству, поездки по окрестностям. Тяжелая переписка с Москвой.

Февраль. Жизнь в Радесе. Поездка в Кайруан[673]. Выход в Москве *«Арабесок»*[674]; углубляющийся интерес к истории берберов.

Март. Знакомство с Джалули[675]. Протестующее письмо к Метнеру[676]. Финансовые трудности. Отъезд в Египет[677]. Тяжелый удар от письма Метнера в ответ на мое[678]; мне ясно, что с *«Мусагетом»* все кончено, что будущее нашего *«коллектива»* есть лишь агония, не больше. Усиленный осмотр Каира. (Смотри «Путевые заметки»: «II-ой том», не напечатанный)[679].

Апрель. Каир становится страдой. Моя болезнь и почти вырыв из Порт-Саида в Палестину. Впечатление от Иерусалима[680]. Опять *«Москва»* со своими неприятностями; я смотрю на неизбежность возвращения в Москву, как на ничем не

прикрытый, меня ожидающий ужас: мои тревоги за Асю (*ее* не принимает Москва).

Между тем и в Иерусалиме приходится выносить трудности от двусмысленности нашего положения с Асей; ее подчеркнутый ультиматум *«я — не жена тебе»*[681] создает мне ряд неприятностей, вплоть до демонстрации против меня фешенебельных русских отэля *«Сергиевского Подворья»*[682], где выявляется, что Ася мне *«не жена»*. Выручили мадам Олив и ее дочь, установившие стиль отношения к нам, пристойный для меня[683].

Инцидент с мечетью Омара[684]. Отъезд[685].

Май. Плавание вдоль азиатского побережья. Константинополь, Одесса, Киев, Боголюбы[686]. Мой спешный отъезд в Москву[687]: ряд встреч, ряд трудных тяжелых разговоров; лишь формальная ликвидация *ссоры* с Метнером; я вижу, что до... следующей ссоры; впечатление от *«Мусагета»*: моль съела кресла; но я вижу: *«моль»* съела все фикции мои о работе с друзьями. В это время происходит мое сближение с Булгаковым, подбивающим меня писать роман для *«Русской Мысли»*; он ведет переговоры со Струве обо мне[688].

Деся<ти>дневная жизнь в Москве кончается роем недоразумений с мамой, не желающей денежно мне помочь (между тем как я ей отдал когда-то все деньги, оставшиеся от папы, и ей же пошли деньги от продажи имения[689]); у меня 3000 долга *«Мусагету»*, плюс нежелание *«Мусагета»* печатать уже напечатанные и исчерпанные книги[690], а денег — никаких: а надо поставить осенью жизнь с Асей в Москве; мама же жестоко бросает мне, что я желаю ее обобрать, тогда как я прошу по человечеству лишь 1000 рублей на устройство жизни с Асей; тут бросается мне: *Тургеневы эксплуатируют меня*; *Ася — интриганка.*

Отъезд в Боголюбы есть ссора с мамой[691], страх перед ставшей мне чуждой Москвой. Со мной из Москвы едет Наташа.

Июнь. Жизнь в Боголюбах. Живем в отдельном домике, вне главного. Обнаруживается: переутомление нервное Аси, ряд медиумических явлений в домике по ночам[692]. В Асе развивается *мистицизм* и тяга к проблемам духовной культуры.

Я пишу *«Путевые Заметки»*, главным образом «Радес».

Июль. Приезжает Поццо. Медиум<ические> явления продолжаются; я борюсь с ними. Тревожное настроение; переписка с Морозовой, зовущей к себе; недоразумения с Москвой; страх перед ней. Пишу «Египет» (II том «Пут<евых> Зам<еток>»)[693].

Август. Грустная, предотъездная жизнь в Боголюбах. Наш отъезд с Асей в Москву: негде остановиться, не на что опереться. Живем в меблированн<ых> комнатах[694]; ищем квартиру Наташе и дачу под Москвой себе. Наконец, кое-как, это все налаживается; квартира — найдена: 6-ой Ростовский пер.; дача — тоже: Расторгуево[695].

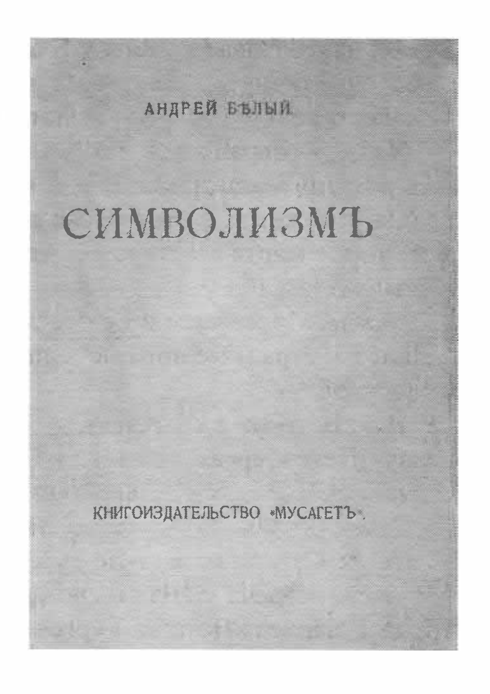
Сентябрь. Месяц открывается гощением у Морозовой; проводим у нее в Калужской губернии 2 недели[696]; там пишу ряд статеечек для *«Трудов и Дней»*[697], до выхода в свет уже мертвых для меня. Получаю заказ официальный от *«Р<усской> М<ысли>»* на роман[698]. Переезжаем с Асей в Расторгуево; мечтаем вырваться; оканчиваю «Путевые Зам<етки>».

Октябрь. Жизнь в Расторгуеве. Отъезд Эллиса за границу[699]. Мечты сбежать. Асино: *так жить нельзя*. Полный развал надежд о братстве в Москве: *никто не пришел*[700]. Денег — нет. Строчу «Петербург».

Ноябрь. Ужасные холода на даче. Жить невозможно. Ввалились в квартиру к Поццо[701]. Там — толчея, неуютица, холод. Писать — все трудней. Выручил Блок присылкой денег[702]. Состояние мое: хоть повеситься.

Декабрь. Не выдержали: бежали из Москвы в Бобровку[703]; спешно работаю над *«Петербургом»*. Всё те же грустные мысли: жить нельзя. Возвращаемся к рождеству в Москву.

Грянул мой инцидент с *«Русской Мыслью»*[704].

Андрей Белый. Символизм
Книга статей
М.: Мусагет, 1910

1912 год.

Январь. Первое января встретили на квартирке у Поццо: в 6-ом Ростовском переулке, близ Плющихи; кажется, зажгли елочку; присутствовали: С.Н. Кампиони, Ася, Наташа, Таня, Поццо, я. Мне открылся текст, что мы пройдем под облаком, что будет: все-таки свет из грядущего.

Помнится — в это время еще длилась история с «Петербургом» в «Русской Мысли». От В.И. Иванова я получил приглашение приехать в Петербург. Я поехал в начале января в Бобровку[705], — дописывать 4-ую главу «Петербурга». В Бобровке был Г.А. Рачинский, — усталый, переутомленный; вдруг получаю от мамы пренеприятное письмо, в котором она высказывает неприятные вещи об Асе и С.Н. Кампиони; я, совершенно расстроенный, жалуюсь Г.А. Рачинскому на свои семейные неприятности, чувствую, что не могу работать; и — уезжаю быстро из деревни в Москву.

Январь этого года — сплошное томление: недоразумения с Метнером, внутреннее разложение *«Мусагета»*, некоторое отдаление от Петровского, Киселева, Сизова, Метнеров; неприятные отношения с Кожебаткиным; хорошие отношения сохраняются лишь с Ахрамовичем, Нилендером, *«Логосами»*[706], Морозовой.

В таком состоянии с Асей попадаем в конце месяца в *Петербург*[707]; и поселяемся у В. Иванова — на «Башне»[708].

Февраль. Весь проведен у В. Иванова; жизнь на *«Башне»* описана в III томе *«Начала Века»*. Мы с Асей бывали в эти дни у Городецких, у Аничковых, у Федора Сологуба, у С.И. Гессена (ныне профессора философии)[709]; читаю рефераты в «Аполлоне» *«О русском пятистопном ямбе»*, *«Стихии природные у поэтов»*, *«О символизме»*[710]; обсуждаем с Ивановым организацию «Трудов и

дней»; часто бываем с ним у Недоброво; очень дружим с проф. Аничковым. Читаю публичную лекцию в Петербургском Религиозно-Философском О<бщест>ве и публичную лекцию в Соляном Городке[711]: «О новом человеке»[712].

Март. Возвращаюсь в Москву[713]. Продаю *«Петербург»* Некрасову[714]; обязуюсь «Пути» написать книгу о Фете, достаю деньги[715]; и собираюсь уехать за границу; кажется, в этот месяц пишу статью *«Лев Толстой и культура»*[716]. В самом конце марта выезжаем с Асей за границу; последние дни месяца связаны с Кёльном[717].

Апрель. Приезжаем в Брюссель[718], заболеваем; знакомство с Дестрэ, с де-Гру, с Дансом; странные приключения, описанные в III томе «Начала Века»[719]. Ссора с Москвой[720].

Май. Встреча с Штейнером[721], приезд в Брюссель Эллиса[722]; оканчиваю 4-ую главу «Петербурга». Поездка в Брюгге, поездка в Шарлеруа к д'Эстрэ. Мой отъезд в Буа-Ле-Руа, к д'Альгеймам[723].

Июнь. Жизнь у д'Альгеймов в Буа-Ле-Руа. Пишу 5-ую главу «Петербурга».

Июль. Отъезд из Буа-Ле-Руа. Страсбург, впечатление от собора[724]. Приезд в Мюнхен, встреча с Штейнером, Эллисом, Поольман-Мой, Рихтером. Занятия с Шоль[725]. Приезд Наташи Тургеневой в Мюнхен; наши посещения Штейнера.

Август. Работа над мистериями. Постановка мистерий[726], мюнхенский курс «О вечности и мгновении»[727]. Отъезд Наташи. Переезд в Базель.

Сентябрь. Базельский курс: «Евангелие от Марка»[728]. Приезд В. Иванова в Базель, к нам[729]. Разговоры с Эллисом; наш отъезд в Фицнау.

Октябрь. Жизнь в Фицнау[730]. Моя работа над циклами[731]. Пишу статью в «Труды и дни»[732]. Медитации.

Ноябрь. Переезд в Дегерлох (под Штутгартом); разговоры и дружба с Эллисом и с Поольман-Мой; моя переработка начала «Петербурга»[733]. Отъезд в Мюнхен на лекции Штейнера[734]. Посещение Аугсбурга. Посещение Нюренберга. 30 ноября приезжаем в Берлин.

Декабрь. Жизнь в Берлине. Денежные затруднения. Значительные внутренние переживания. Отъезд в Кельн на цикл: «Послания апостола Павла и Бхагават-Гита»[735]. Новый год встречаем в Кельне: последняя дружественная встреча с Эллисом и Поольман-Мой.

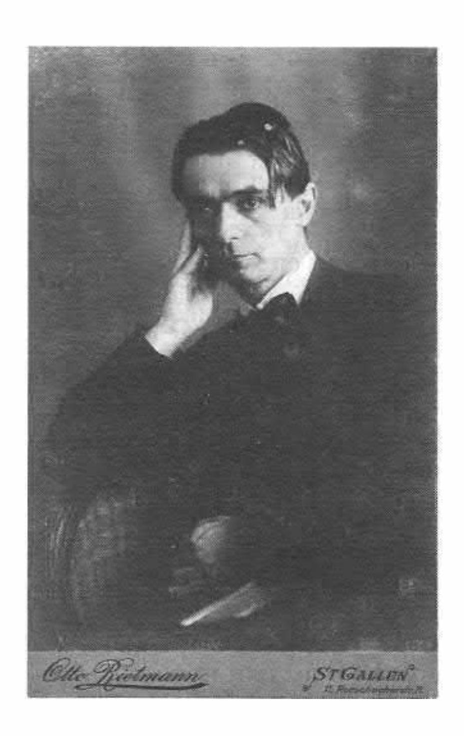
1913 год

Январь.

Новый год встретили с Асей в Кельне, в отеле St. Paul, против Кельнского собора; в этом же отеле мы жили в дни, когда произошла первая встреча наша с доктором Штейнером; помнится: мы вернулись с лекции Штейнера; и — помнится: у нас вечером сидели: Эллис и Поольман-Мой; я показывал Поольман-Мой мои схемы, в красках (Человек-Храм); мы незадолго записались все в образовавшееся А<нтропософское> О<бщество>, выйдя из Т<еософского> О<бщества> вместе с Штейнером[736]; помнится, этот период отложился внутренними узнаниями о Храме тела, о Куполе, как голове; три идеи Храма: Храм — подземный (тело);

Храм — солнечный (построенный на сердце); Храм космический (весь человек); в моих имагинациях того времени есть многое, что выявилось впоследствии в плане Гетеанума. Помнится, в эти дни особое впечатление произвела лекция Штейнера из курса, где он говорит о Человеке-змее (что значит дойти до змеи).

Через несколько дней мы вернулись в Берлин.

Р. Штейнер
Фотография «Otto Rietmann». 1905
ГМП

Январь этого года (как и декабрь предыдущего) стоит мне под знаком моих все усиливающихся медитаций и узнаний (внутренних); еще в ноябре, в Штутгарте я приготовил Штейнеру нечто вроде доклада, с рядом схем о моей внутренней работе и о тех медитациях, которые он мне дал; в Мюнхене я передал Штейнеру эту тетрадь (на свидании, где мы были у него с Поольман-Мой)[737]; в декабре Штейнер вернул мне тетрадь с рядом указаний (было длительное свидание с ним)[738]; вместе с тем он переменил мне работу; новые медитации вызвали во мне ряд странных состояний сознания; переменилось отношение между сном и бодрствованием; в декабре было два случая со мной выхождения из себя (когда я, не засыпая, чувствовал, как выхожу из тела и нахожусь в астральном пространстве); весь этот период я был в состоянии потрясения под впечатлением этого огромного события моей внутренней жизни; дни проходили в чтении циклов, а утром, среди дня и вечером в медитациях, концентрациях, контемплациях. Я читал кроме того внимательно «Добротолюбие» (2 тома)[739].

В январе состоялось новое свидание со Штейнером[740], в котором я представил ему новые схемы (в красках) и отчеты о моих работах и передал о случаях выхождения из себя в декабре и о третьем случае выхождения в январе (вскоре по возвращению из Кёльна); Штейнер сказал мне: «Ja, es ist so; es ist schwer zu ertragen, aber man muss dulden...»*. Но все-таки: он сказал мне, что некоторые узнания мои о духовной действительности преждевременны (они позднее по-новому прояснятся); он дал мне еще ряд указаний внутреннего порядка; помнится, что мы с Асей с начала 13 года перешли на вегетарианство.

За этот период мы слушаем лекции в А.О.; каждую неделю читает Штейнер лекцию по вторникам в помещении О-ва на тему: *«Жизнь человека между смертью и новым рождением»*: в декабре, январе, феврале и в марте он прочел до 12 лекций на эту тему[741]; весь этот период слушаю лекции Штейнера (публичные) в Ar-

---

* «Да, это так; это трудно выносить, но надо переносить» (*нем.*).

chitektenhaus на Wilhelmstrasse[742], образующие тоже sui generis курс (из 6 лекций) на тему: *«Естествознание и духовная наука»*[743]. Внимательно читаю выходящие *«Mitteilungen»** О-ва. За этот период раз М.Я. Сиверс (впоследствии жена Штейнера) приглашает нас с Асей на кофе в квартиру Штейнера; к кофе выходит доктор, и у нас происходит за столом разговор о Рожэре Бэконе и о Бэконе Веруламском. Он указывает на то, что у некоторых схоластиков удивительная тонкость логической спекуляции, утраченная в наше время.

Кроме того: слушаю лекции Курта Вальтера в А.О. о *«Я»* человека[744], а также проф. Бекка (члена О-ва) — там же. Из антропософов-русских, проживающих в Берлине, часто вижусь с Т.А. Бергенгрюн (сестрой Е.А. Бальмонт), с Ганной, с племянником Бергенгрюн, с семейством Поповых (муж музыкант), с семейством Ван-дер-Паальс; вижусь и с приехавшей из Петрограда к доктору Форсман, знакомлюсь с сестрой М.Я. Сиверс — О.Я. Сиверс; из немецких антропософов знакомлюсь с графом Лерхенфельд, с Зейлингом, с д-р<ом> Гёшем, с Валлер (живущей в доме доктора), с сестрами Леман, с Мюллер, с бароном и баронессой Галлен (шведские антропософы) и с рядом других лиц.

К концу месяца открывается генеральное собрание вновь открывшегося А.О., продолжающееся более недели[745]; на это время снимается Architektenhaus, где заседания и лекции происходят с 9 часов утра до 3-4-х: на заседаниях разрешается ряд дел, а в прочие часы происходит ряд докладов и рефератов съехавшихся членов О-ва; среди докладов мне запомнились: доклад Аронсона о 10 заповедях[746], доклад Деглау (из Бреславля) о законах Ньютона в антропософском освещении[747], доклад д-ра Пайперса[748], доклад д-ра Унгера. По вечерам же — лекции курса Штейнера: *«Мистерии Востока и Запада»,* а также лекция *«О сущности Антропософии»* и какая-то другая[749].

В это время происходит переписка с Москвой и Петербургом: для московских антропософов я пишу подробный конспект двух последних прослушанных курсов Штейнера, перерабатываю заново начало *«Петербурга»*; обнаруживается все бóльшее оттолкновение от Москвы (от Морозовой, Рачинского, Метнера, Булгакова); я связуюсь в письмах с формирующимся издательством *«Сирин»*[750]. В январе ко мне заезжает в Берлине издатель *«Сирина»* М.И. Терещенко (будущий министр временного правительства)[751] и мы условливаемся о том, что мог бы я дать для издательства *«Сирин».* В январе же в Берлине встречаюсь с товарищем детства П.В. Танеевым.

Февраль.

Этот месяц продолжаю слушать лекции Штейнера и Вальтера; начинаю чувствовать все бóльшее и бóльшее тяготение и любовь к М.Я. Сиверс; ее доброе, внимательное отношение к нам проявляется все больше и больше; приезжает в Берлин К.П. Христофорова, с которой происходят частые встречи; наступает весна; мои внутренние упражнения приобретают новый оттенок: я испытываю чувство растущей и разливающейся любви к М.Я. Сиверс, к доктору и к целому ряду лиц в нашем О-ве; я не мыслю себе возможности оторваться от доктора;

---

* «Вестники» (*нем.*).

чувствую, что не могу от него уехать хотя бы потому, что изменения в моей внутренней жизни и работа, им данная мне, требуют постоянных указаний от доктора; между тем: денег у меня нет; на что жить в будущем — неизвестно, приходится думать об отъезде. Я переживаю мучительное раздвоение и страшную тревогу, что придется мне уехать из Берлина. Вместе с тем А.А. Блок сватает мой роман *«Петербург»* для альманахов К<нигоиздательст>ва *«Сирин»* и пишет мне письма[752] о том, что, может быть, удастся провести его через редакционный совет (Терещенко, его сестра, Блок, Ремизов, Иванов-Разумник, еще кто-то). Я спешно доканчиваю переработку первых 5-ти глав и отсылаю в Петербург[753]; если роман принят, то я обеспечен: могу остаться при Штейнере и год, и больше; если же не принят, то — придется ехать в Россию; но уже мы с Асей решаем: в Москву не возвращаться ни в коем случае, а ехать к Софии Ник<олаевне> Кампиони, в Боголюбы (под Луцк); и там переждать трудные времена.

В такой неопределенности я томлюсь весь февраль; между тем — обнаруживается: в марте Штейнер читает в Гааге курс: *«Влияние оккультного развития на тела»*[754]. Мы рвемся в Гаагу, заказываем себе билеты на курс в надежде, что *«Сирин»* примет «Петербург»... а *«Сирин»* молчит. Мы идем советоваться с д-ром Штейнером, что нам делать; он как бы благословляет нас ехать в деревню в случае, если дела не устроятся.

Одновременно мы переписываемся с С.М. Соловьевым и с Таней, сестрой Аси, ставшей женой С.М. Соловьева; они — в Италии, в Риме[755]; вращаются в кругах католических, видятся с кардиналом Рамполлой, с В.И. Ивановым, уехавшим в Италию из Петербурга и женившемся на своей падчерице (В.К. Шварцалон)[756].

Штейнер дает мне новые медитации.

Март.

Начало месяца протекает все в той же неопределенности: деньги приходят к концу, а ответа от *«Сирина»* — нет; в полном отчаянии мы укладываемся, но что делать с огромным сундуком? Тащить его в Боголюбы? Тут мы решаемся поставить сундук на хранение в Берлине, как залог нашего скорого возвращения к Штейнеру: я решаю — умереть, или найти средства для жизни при Штейнере; в таком состоянии мы уже берем билеты в Луцк и идем прощаться с доктором[757]; он ласково успокаивает нас; и говорит, чтобы мы стремились мысленно вернуться; и тогда все препятствия падут; и мы — вернемся; Штейнер мне между прочим говорит: «За эти месяцы вы вашей медитативной работой и вашими оккультными узнаниями заложили себе прочный фундамент для будущего развития; смотрите на опыт этих месяцев как на введение к тому, чтобы стать внутри *пути.* Когда вы снова ко мне вернетесь, то мы прочно поработаем с вами»... Мы прощаемся с доктором, с антропософами; и — вот: накануне отъезда получаем телеграмму от *«Сирина»: «Роман — принят»*[758]. А это значило для меня: ежемесячное получение аванса в 300 рублей, т.е. 1 ½ — 2 года безбедного существования. Мы — ликуем; но — все-таки: решаем на весну и лето уехать в Боголюбы, чтобы в мае-июне быть в Гельсингфорсе на курсе Штейнера, а в конце июля вернуться в Мюнхен на курс и мистерии, чтобы прочно зажить при Штейнере.

С такою мыслью мы уезжаем в Боголюбы[759].

В Луцке нас встречает распутица и метель; по дороге от Луцка к Боголюбам наша пролетка увязает в грязи; возница отпрягает одну лошадь и скачет в Боголюбы, чтобы В.К. Кампиони с работниками прислали за нами лошадей; мы с Асей остаемся в поле, заносимые снегом и пронизываемые ледяным ветром; спускается ночь, а из Боголюб нас никто не выручает; делается в ночи жутко; наконец за нами приезжает Кампиони; мы пересаживаемся и таким образом едва-едва попадаем в Боголюбы уже ночью; здесь находим С.Н. Кампиони, ее мужа, лесничего Торчинской волости, его помощника, детей (Варю, Мишу), нянюшку; и к нашему великому изумлению находим Наташу Поццо с нянюшкой и маленькой дочкой, Машей; нас устраивают в маленьком домике, отстоящем от дома лесничего на расстоянии 300 шагов, где мы и живем весь этот месяц, пока достраивается большой дом, предназначенный для семейства В.К.

Скоро проездом из Италии в Москву приезжают С.М. Соловьев и его жена Таня, наполняя весь дом весельем и впечатлениями от Италии. Помнится мне наступление весны и наши прогулки с С.М. Соловьевым в боголюбских рощах, остатки снега, лужи и подснежники. Скоро Соловьевы уезжают. В конце месяца из Москвы приезжает А.М. Поццо. Мы с Асей живем в нашем домике довольно замкнуто: отношения с Поццами (Наташей и А.М.) как-то странно не ладятся; чувствуется какое-то взаимное отчуждение, которого прежде не было, когда Наташа жила с нами в Мюнхене; мы с Асей полагаем, что то, что нас отделяет, есть жизнь при Штейнере, мир медитаций и новых духовных узнаний: о них — не расскажешь; и они-то, как видим мы, образуют вкруг нас точно круг, отделяющий нас от всех.

Этот месяц запомнился мне в одном отношении: Ася объявила мне, что в антропософии она окончательно осознала свой путь, как аскетизм, что ей трудно быть мне женой, что мы отныне будем лишь братом и сестрой. С грустью я подчиняюсь решению Аси.

Весь месяц усиленно работаю над шестой главой *«Петербурга»*; пишу ее заново; начинается у меня переписка с Р.В. Ивановым о *«Петербурге»*[760], получаю письма и от Блока и от Эллиса; от последнего приходит много писем[761]; в них — явно уже звучит нота отхождения от А.О.; члены его ему видятся карикатурно; звучат ноты недоумения по отношению к Штейнеру; эти письма Эллиса мне очень мучительны; особенно мучительно мне, что и Поольман-Мой разделяет недоумения Эллиса: Эллис, Поольман-Мой, я и Ася мне казались тесной, интимной антропософской группой. Теперь вижу: эта группа обречена распасться.

Апрель.

Безвыездно сижу в Боголюбах; теперь мы с Асей переехали в большой дом; Поццо с Наташей переехали тоже; мы живем неподалеку друг от друга, но, помнится, мы очень мало вместе; Наташа очень уединяется от нас; мы с Асей держимся вдвоем; иногда бываем в Луцке; там бываем у Положенцевых; я заканчиваю 6-ю главу *«Петербурга»*; после очень напряженной и проникнутой узнаньями зимы какое-то нервное утомление. Получаю письмо от Н.А. Бердяева; этот

последний просит меня, чтобы я написал Штейнеру вопрос, может ли он прослушать курс лекций его в Гельсингфорсе, не будучи членом А.О.; я пишу в Берлин об этом М.Я. Сиверс; и получаю от нее разрешение от доктора Бердяеву слушать лекции в Гельсингфорсе; пишу соответственное письмо Бердяеву[762]; с Эллисом тоже интенсивная переписка; от Эллиса получаю письмо за письмом, в котором он подвергает О-во убийственной критике; узнаю из чьего-то письма, что *Вау* в Мюнхене не будет строиться[763], но будет строиться в Швейцарии на земле, пожертвованной О-ву доктором Гросхайнцем. Впервые узнаю о том, что доктор со Смитс разрабатывает принципы передавать движение в слове[764].

Нервы мои — в убийственном состоянии: у меня происходит очень странное объяснение с Поццо; из этого объяснения мне становится ясным, насколько я переутомлен.

Май.

Первую половину месяца мы проводим в Боголюбах; я набрасываю вчерне первую половину 7-ой главы *«Петербурга»*; помнится пышная природа Боголюб; медитации мои идут интенсивней и интенсивней (новые, об ангелах, архангелах и началах); мы с Асей готовимся к поездке в Гельсингфорс; Наташа и Поццо уезжают в Москву, чтобы из Москвы уже ехать в Финляндию.

Мы с Асей трогаемся в Петербург[765]; останавливаемся на Пушкинской в гостинице, кажется, *Палэ-Рояль,* где некогда жил Перцев[766]; я иду в *«Сирин»,* где встречаюсь с Разумником Васильевичем Ивановым, который рассказывает мне о своей полемике с Мережковскими[767]; мы с Асей делаем визит Мережковским, получаем приглашение обедать у них; у Мережковских встречаемся с Н.А. Бердяевым, приехавшим из Москвы в Петербург, чтобы ехать в Гельсингфорс на курс Штейнера; у меня происходит спор с Мережковским и объяснение с Философовым об антропософии. Вижусь с Блоком[768]. Приезжают из Москвы Поццо и в тот же день едут в Гельсингфорс с пароходом.

Отправляемся в Гельсингфорс; оказываемся в одном поезде с Бердяевым и с В.В. Бородаевским[769]; оказывается: Бородаевский стал членом А.О.; и тоже едет на курс Штейнера; в Гельсингфорсе мы встречаемся с рядом русских из Москвы и Петербурга, приехавшим на курс: из Петербурга приехали между прочим: О.Я. Сиверс, Форсман, Леман, Е.И. Васильева (Черубина де Габриак), Н.Н. Белоцветов, Брюллова, К.Н. Васильева, П.Н. Васильев, В.Н. Васильев, сестра Ван-дер-Паальса с мужем и ряд других; из Москвы приехали: А.С. Петровский, М.И. Сизов, Наташа Поццо, А.М. Поццо, Григоровы, Христофорова, Машковцев, В.Ф. Ахрамович, Шенрок и др.

На другой день по приезде русские приехавшие встречают д-ра Штейнера и М.Я. Сиверс на вокзале и подносят им цветы; я сообщаю доктору о том, что летом приезжаю в Мюнхен: «Вот видите, — говорит он мне, — с приездом-то и устроилось...». Большинство русских остановились в отеле *Фенниа,* где остановился и доктор с М.Я...

Со следующего дня начинается курс лекций (10 лекций): *«Оккультные основы Бхагават-Гиты»*[770]; по вечерам я прочитываю свой конспект лекции группе москвичей; Бердяев относится двойственно к слышимому; Бородаевский же потря-

К.Н. Васильева (с 1931 г. Бугаева)
1911. ГМП

сен курсом. Кроме курса д-р прочитывает специально русским лекцию для русских в номере *«Фенниа»* (в григоровском)[771]; происходит первая встреча А.М. Поццо с доктором: А.М. записывается тут же в члены Общества. Мы с Асей получаем свидание (длительное) у доктора[772]; я сдаю ему отчет в своих медитациях и получаю от него указания с дополнительными медитациями; запомнился мне чай у Григоровых с антропософами немецкими (Сиверс, Штинде, гр<афиня> Калькрейт и др.). Среди приехавших с доктором в Гельсингфорс запомнились: гр. Калькрейт, Штинде, фон-Чирская, д-р Гёш, барон Галлен с женой, Райф, которая, узнавши, что я знаком с Мережковскими, просит меня передать Гиппиус привет (они когда-то встречались в Сицилии). Большим событием для меня было принятие нас с Асей в E.S. (*«Esoterische Stunde»* — собрания для учеников, приме-

няющих методы к себе духовной науки; здесь все указания д-ра специальны, техничны; в *«E.S.»* допущены были не все члены *А.О.*).

Помнится день отъезда д-ра; мы провожали его на вокзале: я, Ася, Наташа и Поццо купили М.Я. белых колокольчиков в дорогу ей; она приняла очень ласково цветы.

Вернулись с Асей в Петербург, где прожили несколько дней; были у Мережковских, у А.Н. Чеботаревской, где встретились с Н.А. Бердяевым; обедали у А.А. Блока (Л.Д. была в отъезде); виделся, если память не изменяет, с А.А. Кублицкой-Пиоттух; обедали с Асей у Таты Гиппиус с Карташевым; виделся с Р.В. Ивановым.

После мы поехали с Асей к маме, в Демьяново (под Клином)[773], где я принялся отрабатывать свой конспект курса.

Июнь.

Начало июня провели в Демьянове, держались очень уединенно; в парке встречались с Танеевыми, с К.А. Тимирязевым; мама не ужилась с Асей; и скоро мы собрались и поехали в Дедово, к Соловьевым, чтобы оттуда через Москву вернуться в Боголюбы; у меня в Дедове вышло сериозное столкновение с С.М. Соловьевым на идеологической почве; и мы, крупно поговорив, расстались[774]; так мы, совершенно разбитые после Гельсингфорса (ссорою с мамой и ссорою с С.М. Соловьевым), попали на несколько лишь часов в Москву (с поезда на поезд), повидавшись с А.С. Петровским и М.И. Сизовым.

К середине июня мы вернулись в Боголюбы (Наташа и Поццо остались в Москве); в Боголюбах же мы встретились с Л.Н. Черновой (женой брата В.М. Чернова), приехавшей гостить в Боголюбы. Весь этот остаток месяца я сериозно работаю над 7-ой главой *«Петербурга».*

Июль.

Этот месяц я хлопочу о получении заграничного паспорта; в Боголюбах становится жарко и душно; С.Н. Кампиони едет в Москву; боголюбское о<бщест>во составляем: я, Л.Н. Чернова, Ася, В.К. Кампиони и его помощник; я усиленно интересуюсь проблемой истории в связи с духовной наукой; составляю таблицы, графические схемы, диаграммы; отделываю 7-ую главу *«Петербурга»* и отправляю 6-ю и 7-ую главы «Сирину». В конце месяца мы отправляемся в Мюнхен[775].

Август.

Мы в Мюнхене. Приезжаем дней за десять до курса и представлений мистерии; бываем у Ильиной, Екатерины Александровны, у Киселевых; знакомимся с семейством Дубах, с Кемпером, с Киселевыми (художником и его женой); из Москвы приезжают: М.И. Сизов, М.В. Волошина, Н.Н. Белоцветов, А. Сидоров[776] (позднее профессор), Григоровы, Христофорова, из Петербурга — Е.И. Васильева; приезжает Т.Г. Трапезников, который только что женился, с С.П. Ремизовой (женой писателя); приезжает жена Бородаевского, сестра Ван-дер-Паальса с мужем. Узнаем подробности о подготовлении закладки *«Ваи»* в Дорнахе, об эв-

ритмии[777] и об основании А.О. в Москве в октябре предстоящего года (от Григоровых); узнаем печальную новость: Эллис вышел из А.О.

С середины августа начинается курс Штейнера *«О мистериях»* (8 лекций); происходит постановка всех 4-х мистерий Штейнера на сцене[778]; среди съехавшихся антропософов — Шюрэ. Во время курса в Мюнхен приезжает М.С. Шагинян, очень дружащая с Метнером; и через нее налаживается смягчение отношений между мной и Метнером; с Метнером мы обмениваемся письмами; Метнер зовет меня в Дрезден после курса, где он живет.

Обнаруживается, что в октябре Штейнер читает курс лекций в Христиании *«Пятое Евангелие»*; мы с Асей решаем отправиться на курс, а уж попутно: провести осень где-нибудь на норвежском фьорде.

Мы усиленно посещаем все антропософские лекции и представления эвритмические[779]; вместе с тем: Рихтер нас подстрекает приехать в Дорнах на работы по постройке *«Ваи»;* уже намечается, что мы к весне переедем в Дорнах.

Сентябрь.

Первые числа сентября для меня памятны два или три собрания *E.S.*, на которых мы присутствуем; антропософы разъезжаются из Мюнхена; доктор едет в Дорнах; мы едем в Дрезден, где встречаемся с Э.К. Метнером и его хорошей знакомой Людвиг[780]; с ними проводим несколько дней, осматриваем Дрезден, присутствуем на представлении *«Тристана и Изольды»*[781], дружески прощаемся с Метнером и отправляемся через Берлин в Христианию[782]; находим около Христиании (на фьорде) в Льяне виллу и усиленно отдаемся медитациям; за этот месяц я делаю значительные успехи и космические узнания (о сфере старой луны, солнца, Сатурна) осеняют меня; Ася тоже целыми днями занята упражнениями и плохо себя чувствует; попутно я перевожу отрывок из первой мистерии д-ра Штейнера[783]. Мы бываем иногда в Христианийской ложе для членов, знакомимся кое с кем из норвежцев и между прочим с фрау Гельмгойден, председательницей Христианийской ложи; приближается время курса; в нашем пансионе останавливается приехавшая фрау фон-Чирская и рассказывает нам о закладке *«Ваи»* в Швейцарии[784]; к концу месяца приезжает в Христианию доктор.

Последние дни этого месяца заняты Христианийским курсом Штейнера: *«Пятое Евангелие»*[785]. Впечатление этого курса до того огромно, что мы теряем голову; и — решаем: вся наша жизнь отныне должна принадлежать Обществу, о чем мы с Асей пишем д-ру Штейнеру письмо, но не решаемся его передать в руки доктору[786].

Октябрь.

Заканчивается курс Штейнера; из русских на курсе кроме нас лишь Христофорова да Форсман; знакомимся за это время с Седлецкой, председательницей польской фракции А.О.; обедаем с д-ром Гёшем и с молодым Митчером. Мы совершенно потрясены курсом: после последней лекции курса к нам подходит д-р Штейнер и спрашивает нас: «Ну что? Можете вы принять в душу этот курс?». Ответ на этот вопрос у меня в кармане: письмо, в котором мы отдаем Штейнеру нашу жизнь; вместо ответа я отдаю д-ру это письмо. Д-р ласково жмет руки мне и Асе.

После курса мы присутствуем на E.S. (два собрания) и на публичных лекциях в Христиании.

Далее: мы едем за д-ром в Берген, в одном поезде; во время пути, когда поезд пересекает ледники, к нам с Асей в вагон входит М.Я. Сиверс и между нами происходит разговор, который решает нашу судьбу[787]; мы с доктором поедем в Дорнах. С этого момента до весны я переживаю неимоверный взлет; события ежедневные приобретают для меня какой-то прообразовательный смысл. В таком озарении проходят дни в Бергене (лекции, публичная лекция, E.S.)[788]; из Бергена через Христианию мы попадаем с доктором в Копенгаген[789], где проводим несколько дней (опять лекции, публичные лекции, E.S., на которых теперь присутствует К.П. Христофорова); на одной из лекций ко мне подходит М.Я. Сиверс, очень ласково берет меня за руку и говорит: «Доктор читал ваше письмо; оно очень важно; столь важно, что словами на него доктор вам не ответит: берегите свое здоровье; в будущем вы можете много поработать для антропософии». М.Я. ласково глядит мне в глаза. С той поры я чувствую совсем новое отношение к доктору и к М.Я.: чувствую нечто вроде усыновления; чувствую, что я не только ученик доктора, но что я и *сын* его; М.Я. с той поры становится в моем внутреннем мире чем-то вроде матери: она является мне в снах; в бодрственном состоянии я часто слышу ее в сердце своем; она как бы во мне живет; и наставляет меня.

В таком возбужденном состоянии я еду с Асей в Берлин (в одном поезде с доктором)[790]; за обедом, в вагоне-ресторане мы сидим рядом с доктором; М.Я. говорит со мной об Эллисе, о его отпадении, о Поольман-Мой, которая по мнению М.Я. пребывает в духе гордыни.

За норвежскую поездку мы очень сходимся с К.П. Христофоровой, которая зовет нас жить вместе, в пансионе Begg-Klau на Augsburgerstrasse, куда мы и переезжаем с вокзала и где водворяемся.

Я хожу по Берлину озаренным, не будучи в состоянии прийти в себя; наступает день моего рождения 27 октября: мне исполняется 33 года[791]; я чувствую: возраст мой — ответственный. В эти дни мне очень много открывается во внутреннем пути; я учусь гармонизировать свои состояния сознания; вдруг: проезжающая из Москвы в Париж О.Н. Анненкова с Е.А. Бальмонт приносят известие, что в Москве, в *«Мусагете»* выходит пасквиль на д-ра, написанный Эллисом[792]. Мы бежим к М.Я. Сиверс и спрашиваем совета: что делать? М.Я. пожимает плечами и говорит: «Оставьте». Но мы решаем ехать к Эллису и Поольман-Мой в Штутгарт, чтобы иметь объяснения с Эллисом и потребовать у него обратно циклы доктора и тетрадки его с заметками д-ра на полях. Едем в Штутгарт, отправляемся в Дегерлох; Эллис прячется от нас; мы имеем объяснение с Поольман-Мой, забираем почти насильно тетрадки у Эллиса; я передаю Поольман: «Если Эллис ко мне не выйдет сию минуту, чтобы объясниться, то пусть знает: я с ним на всю жизнь разрываю все...». Он — не вышел: с этого дня я все отношения с Эллисом прекратил. В совершенном расстройстве мы возвращаемся в Берлин; откуда я пишу в К-во *«Мусагет»* о своем выходе из издательства и о прекращении всех отношений с Метнером[793].

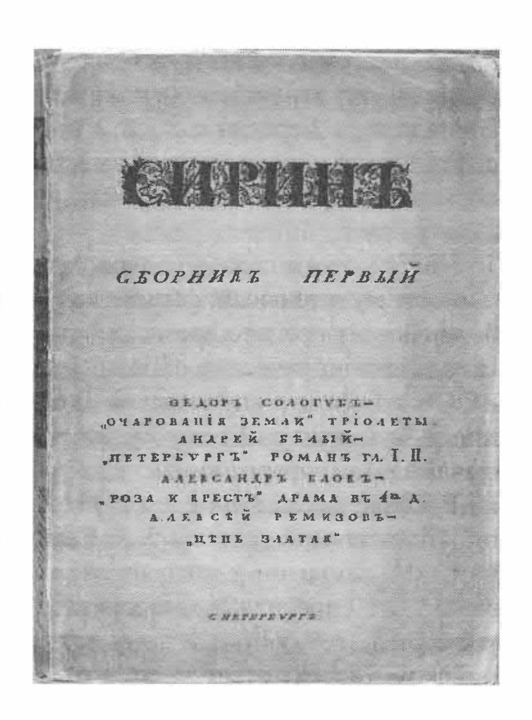
Ноябрь.

В первых числах ноября в Берлин приезжает Наташа и А.М. Поццо; они устраиваются неподалеку от нас, около Motzstrasse[794]; мы же в первых числах ноября едем с Асей в Нюренберг на лекции д-ра, бывшие в ложе, а также публичные[795]; были и на *E.S.*; в Нюренберге встретились с Трапезниковыми, с графом Лерхенфельд, с которым установились очень хорошие отношения, и с рядом других членов; граф Лерхенфельд обнаруживает себя поклонником философии Владимира Соловьева; он мечтает о переводах Соловьева на немецкий язык[796] и расспрашивает меня о Е.Н. Трубецком, как философе; оказывается, с Трубецким он встречался в прежние годы; Лерхенфельд в эти дни пребывания в Нюренберге довольно часто бывает у нас; мы встречаемся en trois: я, Трапезников, Лерхенфельд.

По возвращению из Нюренберга я продолжаю усиленно духовную работу; но обнаруживается ряд трудностей; мне приходится сильно бороться с чувственной природою; аскетизм меня давит; и эта борьба накладывает довольно мрачный отпечаток на состояние моего сознания; однако, с Христиании я продолжаю жить исключительно одним: надвигается II-ое пришествие Христа; ко второму пришествию надо себя готовить; мы вступаем в полосу гигантских кризисов; Европа несется в пропасть; все, что не будет озарено Христовым ведением, будет разрушено; люди и не подозревают, какое варварство, одичание нас ждет. Эти мысли — лейт-мотив Копенгагенской лекции Штейнера; но эти же ноты и мой лейт-мотив; с Христиании зазвучала для меня нота Христова Пришествия; *Христов Импульс стал ведом*; в Бергене у меня были удивительные, необъяснимые переживания, связанные с встречей со Христом; мне объяснились теперь впервые отчетливо и мои юношеские, апокалиптические переживания 1898 года, и впечатление от разговора с Влад. Соловьевым в 1900 году; и узнания лета 1902 года о том, что 2-ое пришествие началось. Я глубоко взволнован: все мистические переживания моей жизни синтезированы теперь; я обрел мистику юношеских лет; но эта мистика во мне теперь уже не мистика, не экстаз, а — верное ведение; и вместе с тем: мне ясно, что А.О. подготовляет в человечестве импульс Христов; мы не просто антропософы; мы — *христиане*; нас непосредственно ведет Христос к свету; роль д-ра — огромна: он есть тот, кто подготовляет в душах 2-ое пришествие; его связь с Христом — особенная связь; этот новый облик доктора ослепителен; я знаю, что не все члены А.О. видят доктора и понимают его миссию; в обществе есть посвященные во внутреннюю миссию Штейнера: подготовить путь приближающемуся Христу; я чувствую, что я принят в тесное ядро посвященных; и я понимаю, что это принятие не есть принятие словом; д-р Штейнер и М.Я. Сиверс все время особенно учат меня: не словами, а жестами: оба ведут меня по снам, участвуют во всех событиях моей внутренней жизни; я понимаю, что мне нечего искать свидания у доктора, когда я внутренне как бы принят в дом доктора; я живу в странном знании, что мы с Асей *дети* доктора и М.Я., живем в одном духовном доме; и доступ к доктору всегда открыт; стоит мне внутренне о чем-либо вопросить д-ра, как я получаю от него непосредственный ответ; мне открываются теперь слова членов о том, что есть ученики, которые непосредственно связаны с д-ром; им нечего видаться даже с ним, ибо он в Духе посещает их, а они его; таким внутренне принятым в *святое-святых* нашего движения я себя ощущаю в этот период; мне

открывается значение слов об умении читать оккультные письмена; этими письменами являются мои поступки и жесты меня обстающих и посвященных в Христову тайну членов А.О.: мы — братство в братстве; мы — подлинные эзотерики.

М.Я. Сиверс в духовном плане открывается мне во всей ее огромности; она все дни и все часы со мною; она учит меня, посещает меня в снах; и когда я встречаюсь с ней и с доктором на собраниях А.О., то меня охватывает любовь, страх и неловкость, что физический план не соответствует форме наших встреч на плане духовном; я начинаю понимать, что какая-то *тайна* существует между мной, д-ром и М.Я.; и доктор без слов, одним иногда вскользь брошенным взглядом на меня укрепляет меня в этой мысли; мне кажется, что я сам не знаю тайну своего бытия, а доктор прочел ее; и знает: в будущем, в близком со мной произойдет нечто огромное; будет надо мною сошествие Св. Духа, после которого я неимоверно выросту; и голос Божий зазвучит из меня; я этого не знаю, а д-р это знает; и оттого-то: в духовной действительности я, как Иоанн, — его любимейший ученик: возлежу на его плече; оттого-то так нежно любит меня М.Я... Все эти мысли и ощущения невероятно волнуют меня, — тем более, что на физическом плане ничто не соответствует этому; на физическом плане я лишь Herr Bugaeff, *«unser Mitglied»**, не более. Вся прошлая жизнь, ставшая мне вполне прозрачной, лишь приготовление к какой-то чрезвычайной миссии; весь опыт медитаций и оккультных упражнений — преддверие, очищение перед невероятным прояснением сознания и меня ожидающим ясновидением. Д-р и М.Я. от меня ждут совершенного пути ученичества, ибо на нем ждут меня величайшие озарения; бессознательно укореняется во мне мысль, что меня сознательно ведут к посвящению, что я специально для посвящения готовимый ученик; отсюда ужас и боязнь перед огромным страданием, почти распятием, к которому ведут меня; я, как Иоанн (Лазарь), должен сперва умереть, чтобы на третий день воскреснуть; мне начинает казаться, что ко мне подкрадывается какая-то посвятительная болезнь (падучая ли, летаргический сон ли), что скоро я паду на свой одр, буду умирать; и д-р произведет надо мною опасную операцию. Я пытаюсь порой в разговорах с Асей намеками касаться этой темы, мне не ясной; и вижу, что Ася что-то знает обо мне, о миссии, мне назначенной; но об этом словами нельзя говорить; и Ася объявляет мне, чтобы мы не говорили друг с

Сирин. Сборник первый
СПб., 1913

* Господин Бугаев, «наш участник» = «наш член» (*нем.*).

другом на темы наших путей; я ощущаю, что в точке священнейшей Ася покидает меня, отъединяется, ускользает; до сих пор наши окк<ультные> узнания совпадали; с Бергена мы идем порознь: Ася бросает меня; не говорит ничего о себе; и меня просит молчать: я чувствую первую грань, разделяющую наши пути; с этого времени грань росла; и в годах выросла в непереступаемую бездну между нами.

Ноябрь этого года — роковой, жуткий, головокружительный для меня месяц; и вместе мучительный; физическая моя оболочка притянута к земле, а дух мой, как бы выйдя из нее, все время парит в сфере, где его обступают огромные, космические, апокалиптические образы (в этот период во мне подымается тема большого *«Я»,* о котором я впоследствии говорю в «Записках Чудака»[797]). В этот месяц я пишу 8-ую главу *«Петербурга»* и эпилог; и отсылаю рукопись в *«Сирин».* Чрезвычайно мне говорит книжечка Коллинс *«Krone der Liebe»*[798].

В конце месяца мы едем с Асей в Мюнхен на лекции д-ра в А.О.[799]; здесь на одной из лекций на тему 5-го Евангелия д-р Штейнер ставит вдруг вопрос членам: «Неужели ни у кого из вас нет ко мне вопроса?». Собрание растеряно; не знают, что спросить; а мне кажется, что я знаю, о каком вопросе говорит д-р; и знаю, что этот вопрос к нему есть вопрос, поставленный мною в моем христианийском письме; ответ на этот мой вопрос — отеческая любовь д-ра ко мне, как бы предызбравшая меня на какой-то мне самому еще не известный подвиг; помолчав, д-р строго говорит: *«Хорошо, — так я и запомню, что сегодня здесь никто меня ни о чем не спросил...».* Члены О-ва — недоумевают; и вместе — удручены: о каком вопросе говорил д-р? И — почему он гневается? Мне жутко: мне кажется, что я все знаю; знаю и то, какой должен бы подняться вопрос; и знаю, что вопрос этот был поднят мною в Христиании, полтора месяца назад. Гнев д-ра роковым образом для меня сближает с д-ром. И я внутренне восклицаю: «Какая же связь соединяет нас?».

В Мюнхене присутствую на публичных лекциях д-ра; и на *E.S.* Лерхенфельд особенно близок с нами; он приглашает меня и Асю отобедать с ним; почему-то мне кажется, что д-ру не нравится наше общение с Лерхенфельдом; в Мюнхене часто бываю у Трапезниковых: здесь встречаюсь с Белоцветовым, живущим в Мюнхене, с Сидоровым, с Юлэ, с Лерхенфельдом и с Бауэром; с Бауэром мы знакомимся; он производит на меня огромнейшее впечатление[800].

К началу декабря мы возвращаемся в Берлин и здесь продолжаем слушать д-ра по вторникам, на Geisbergstrasse и по четвергам (раз в две недели) в Architektenhaus, где по примеру прошлого года доктор читает *sui generis* цикл лекций[801].

Часто с Асей мы говорим, что нам очень трудно с Наташей и Поццо, что будто связь с ними порвалась.

Декабрь.

Продолжается все то же; в начале декабря мы едем в Штутгарт на лекции д-ра (в ложе, публичные и *E.S.*); в Штутгарте проводим дней 5 или 6[802]. Всюду нас сопровождает К.П. Христофорова и Форсман.

Этот месяц проходит в той же тональности; одновременно: мучительные переживания борьбы с своими недостатками и как бы *idée fixe,* что надо лезть на

какие-то кручи, ибо мне предстоит какая-то миссия; я усиленно подготовляю д-ру отчет о медитациях, развертывающийся в дневник эскизов, живописующих жизнь ангельских иерархий на луне, солнце, Сатурне в связи с человеком; этот человек — я, а иерархии — мне звучащие образы (именно *«звучащие»)*; я прибегаю к Асе, как художнице; и прошу ее мне помочь; целыми днями раскрашиваю я образы, мной зарисованные (символы моих духовных узнаний); два-три рисунка я показываю Наташе однажды: увидев их, она воскликнула: «Аа!.. Боря, — не показывай: спрячь это!». Я увидел, что она чем-то потрясена во мне, точно она меня впервые увидела; я понял, что она поняла, что рисунки архангелов не рисунки, а копии с духовно узренного; и я тотчас понял, что она поняла, что я понял... С того времени странные отношения устанавливаются между мной и Наташей; мне начинает казаться, что она как бы духовно следит за мной, подглядывает; и начинает понимать во мне то, чего Ася не видит: мне кажется, что она понимает тайну, связующую меня с д-ром и с М.Я. Я без слов перекликаюсь с Наташей; порой встречаю ее недоумевающий взгляд; то она нежно подходит ко мне с оттенком удивления и восторга перед миром Духа, мне открывающимся; то она как бы начинает бороться со мною.

К.П. Христофорова как будто тоже что-то начинает понимать; и иные из членов О-ва странно покашиваются на меня; мне начинает казаться, что обо мне, о моих отношениях к д-ру и к М.Я. в А.О. начинают циркулировать какие-то слухи, и что во взгляде на меня мнения раскалываются; одни как бы особенно начинают любить нас с Асей и намекать о каких-то нам предназначенных судьбах; другие с завистью и негодованием на нас смотрят, как бы говоря: «Выскочка, карьерист...». Мне даже начинает казаться, что кто-то ропщет и негодует на д-ра и М.Я. за слабость ко мне. Однажды после лекции д-ра в Ложе около меня раздается презрительно-саркастическое: «А! Die heilige Familie!». И — ясно: *«святое семейство»* — доктор, М.Я., я; наоборот, близкие к д-ру в берлинской ложе — Валлер, Зейлинг и две Леман — относятся к нам с особенной нежностью.

Приближается Рождество; в обществе готовят старо-германские рождественские мистерии; М.Я. и д-р уезжают на несколько дней в Дорнах[803], где уже идут работы по возведению фундамента и скелета *«Bau»*; в Берлин приезжает О.Н. Анненкова и как-то странно со мной говорит, как-то странно поглядывает на меня; я думаю: «Знает она или не знает обо мне?». И сам не могу себе ответить, что она должна знать обо мне; это *«что»* — тайна моей судьбы, связанной с судьбой *«Bau»*. И Т.А. Бергенгрюн на меня косится (отношения наши — превосходные).

Перед самым Рождеством переживаю тяжелые минуты недоумения, сомнения; опять низменная чувственность мучит меня, и я чувствую, что после событий, со мной бывших, чувственность эта должна бы отпасть от меня; М.Я. Сиверс начинает на меня сердиться: мне кажется, что она отворачивается от меня; мне душно и тяжко; Ася мне говорит: «Боря, — ты и меня измучил: успокойся, смирись...». Только Наташа продолжает глядеть на меня огромными удивленными глазами и точно хочет намекнуть, что что-то мне предстоит.

Мы готовимся к поездке в Лейпциг на курс д-ра *«Христос и духовные миры»*, который должен начаться 28 декабря[804]; приезжает из Москвы А.С. Петровский,

из Петербурга Е.И. Васильева с мужем; Петровский привозит из Москвы с собой А.Н. Киселеву.

Мы встречаем Рождество в Берлинской Ложе (лекция д-ра, рождественские мистерии)[805] и 27-го уезжаем в Лейпциг.

В Лейпциге оказывается много русских; все почти останавливаются в одной гостинице и собираются в общем салоне, который становится чем-то вроде русского клуба; помню тут: нас, Наташу, А.М. Поццо, К.П. Христофорову, Н.Н. Белоцветова, Т.Г. Трапезникова, Л.И. Трапезникову, Форсман, Фридкину, Петровского, А.Н. Киселеву, О.Н. Анненкову, Е.И. Васильеву, В.Н. Васильева, М.В. Волошину, может быть Б.П. Григорова с женой и др. С трепетом готовлюсь к Лейпцигскому циклу; почему-то мне кажется, что этот цикл имеет какое-то особое касание меня; все дни провожу в посте, медитациях и молитве; у меня слагается какой-то особый чин; так в известный час я ощущаю потребность разуться и замереть; мне почему-то кажется, что надо, чтобы на лбу у меня кто-то провел ножом крест; во мне оживает тысяча прихотей; я себя ощущаю точно беременной женщиной, которой надлежит родить младенца; я ощущаю, что этот, рождаемый мною младенец — *«Я»* большое. К нам начинает захаживать Т.Г. Трапезников и вести какие-то странные разговоры, точно приготавливающие меня к чему-то.

С 28-го начинается Лейпцигский курс; я не могу описать его действие на меня; каждая фраза курса имеет для меня двойное и тройное значение; буквально: я переживаю каждую лекцию не лекцией, а посвящением в тайны; со мной все время что-то делается; все кажется прообразом; так например: на одной лекции ко мне подходит баронесса Галлен; и говорит мне: «Вы понимаете меня: надо уметь произносить вам известные слова, не двигая ни губами, ни языком, ни гортанью; тогда слова опускаются в сердце; и приобретают огромную силу!». Сказав это, бар<онесса> Галлен отошла от меня; мне сказалось: Да, да — то смутное действие, которого я жаждал, оно мне открыто; *«слова»* же относятся к словам о Христе в моей медитации; и все это имеет отношение ко 2-му пришествию; с той поры я знал: когда мне надо было вооружиться Христовой Силой, надо было поступать так, как сказала бар<онесса> Галлен; я стал непрерывно вооружаться; и *вооружения* эти приводили меня в такое состояние, что я в бодрственном состоянии научился выходить из себя духовно, а не физиологически; с той поры я понял, что такое выходить из себя 2-м, более тонким способом (выходить — не выходя, не впадая в каталепсию); выход из себя первым, более грубым, физиологическим образом стал ведом мне еще в 1912 году (в декабре); теперь, через год: я научился выходу из себя 2-м способом.

30-го декабря доктор читал ту лекцию курса, где говорится об Аполлоновом свете; во время слов д-ра о свете со мной произошло странное явление; вдруг в зале перед моими глазами, вернее из моих глаз, вспыхнул свет, в свете которого вся зала померкла, исчезла из глаз; мне показалось, что сорвался не то мой череп, не то потолок зала и открылось непосредственно царство Духа: это было, как если бы произошло Сошествие Св. Духа; все было — Свет, только свет; и этот свет — трепетал; скоро проступили из света: свет люстр, мне показавшийся темным, контуры сидящих, доктор, стены; д-р кончил; когда я двинулся с места,

я почувствовал как бы продолжение моей головы над своей головою метра на 1 ½; и я чуть не упал в эпилепсию: я схватился рукою за Асю; и на несколько секунд замер; когда я вторично двинулся, то явление исчезло; это явление даже не удивило меня; оно было лишь отражение моего приподнятого состояния; я ходил в Духе: был в Духе; и мне казалось: иные из членов О-ва тоже были в Духе: Духовные миры как бы опустились на нас; и из лекционного зала сопровождали нас в наши комнаты; весь день и всю ночь длились для меня духовные озарения, действие лекций на членов было так сильно, что каждая лекция кончалась обмороками; то и дело кого-нибудь выносили из зала: кто-нибудь падал в обморок; однажды вынесли и Т.Г. Трапезникова.

В один из этих дней 29 или 30-го я видел — не знаю что: сон или продолжение вечерней медитации; я медитировал: и вдруг: внутренне передо мной открылся ряд комнат (не во сне); появился д-р в странном, розово-красном одеянии; и сам он был — розовокрест; он схватил меня и повлек через ряд комнат (это было как бы не во сне); тут наступил перерыв сознания, от которого я очнулся тотчас же; и застал себя как бы перед круглым столом (не то аналоем); на столе-аналое стояла чаша; и я понял, что это — Грааль; справа от меня сидел д-р, слева М.Я. Доктор отчетливо спросил меня: «Так вы согласны идти на это?». И я застал себя отвечающим: «Да, согласен!». И тут мелькнуло мне, что я отвечаю на какой-то вопрос, связанный с роковою тайною миссии, мне предназначенной; мне показалось, что я отдал свою жизнь делу доктора и что это дело требовало от меня огромной, мучительной жертвы: несосвятимого страдания (может быть, реального распятия на кресте); я понял, что я, или мое бодрственное *«я»* вопрос д-ра проспало, но высшее *«Я»* дало положительный ответ. Тогда д-р и М.Я. взяли чашу, Грааль и как бы подставили мне под голову; кто-то (кажется, д-р) не то ножичком сделал крестообразный, какой-то сладкий разрез на моем лбу, не то помазал меня благодатным елеем, отчего не то капля крови со лба, не то капля елея, не то мое *«я»* капнуло в чашу, в Грааль; но эта чаша была уже не чашей, а моим сердцем, а капля была моим сознанием, канувшим в сердце: в меня сквозь меня; и когда капля коснулась Чаши, то Христос соединился со мной: и из меня, во мне, сквозь меня брызнули струи любви несказанной и Христова Импульса; тут я проснулся: вернее, очнулся; и спросил себя: «Что это было? Был ли это сон?» Мне стало ясно: нет, не сон, а подлинное посвящение.

С той поры мне стало казаться: совершилось мое посвящение в какое-то светлое рыцарство, никем не установленное на физическом плане; и вместе с тем: сколько раз потом меня тревожило: «Твое высшее *"Я"* дало высшему *"Я"* доктора клятвенный обет: послужить какому-то делу; и перенести вытекающие из этого дела страшные, нечеловеческие страдания, а ты — проспал твою клятву; и не знаешь, чему ты поклялся...».

31 декабря перед новым годом лекция д-ра была огромна по содержанию; и опять-таки: она во мне разыгрывалась невероятною силою; я сгорал от невыразимой любви ко Христу, к д-ру, к М.Я. и ко всем братьям и сестрам во Христе в нашем Обществе; некоторые из слов д-ра мне прозвучали так: «Ну вот: ты, дикая маслина, привита к Божественному Древу Жизни: помни, что силы света,

струящиеся ныне сквозь тебя, не тебе принадлежат, а Духу; иди, не греши!». Я понял, что посвящение мое в рыцари — духовный факт, и что в сердце моем родился младенец; мне, как роженице, надлежит его выносить во чреве ветхого сознания моего; через 9 месяцев *«младенец»* родится в жизнь. Разумеется, я эти странные, невероятные переживания скрыл от всех; но я вернулся с лекции с сознанием, что Св. Дух зачат в моем ветхом *«я»*; теперь это ветхое *«я»* будет распадаться, и меня постигнет какая-то странная, священная болезнь.

Забыл сказать: после лекции М.Я. прочла стихотворения Моргенштерна, которые меня поразили; Моргенштерн, уже больной, сидел в задних рядах; д-р сошел с кафедры, через весь зал прошел к Моргенштерну и расцеловал его. Мне почему-то показалось, что Моргенштерн и я в чем-то связаны друг с другом и с судьбами духовного движения, ведущего к тайнам II-го пришествия. Через день или два нас представили друг другу: Моргенштерн посмотрел на меня своими невыразимыми глазами, улыбнулся и сказал: «Я так рад». Говорить ему уже было трудно: он — задыхался[806].

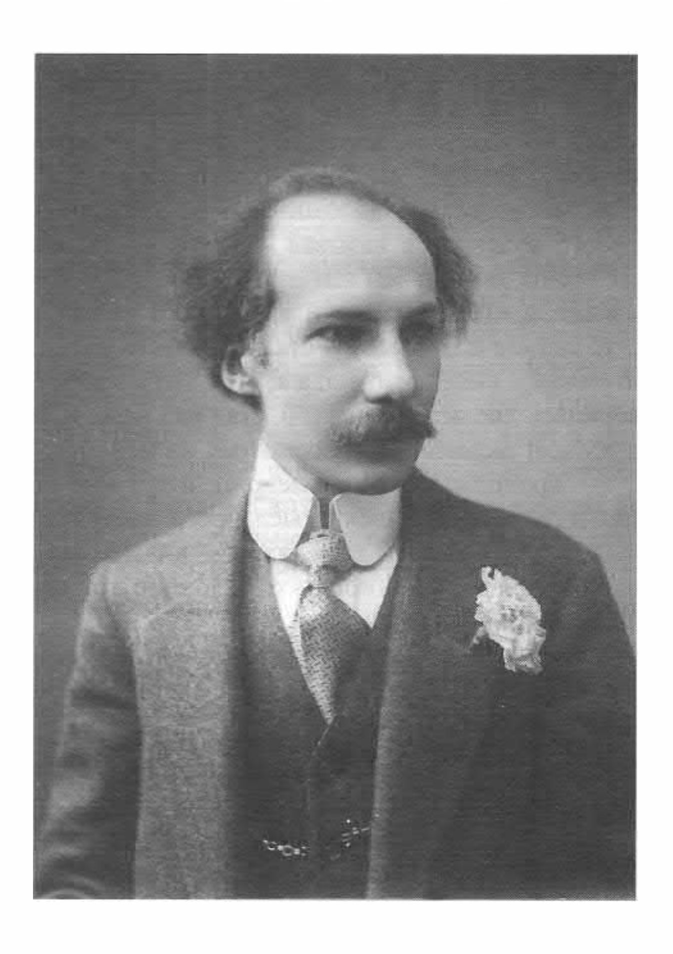
Новый год встретили мы, колония русских в Лейпциге, светло и дружно.

1914 год

Январь.

1-го января, кажется, была лекция Штейнера, в которой он говорит изумительные вещи о Парсифале; опять-таки, как и все лекции этого курса, она пала в сознание мое совершенно особенно; мне показалось, что я, один я, понял самую подоплеку лекции; вообще: я стал замечать в себе странную способность: впадать в состояния, во время которых все, что ни происходило вокруг, разыгрывалось во мне как шифр; я вычитывал из каждой, случайно слышимой фразы за ней стоящий духовный смысл; не удивительно, что в лекциях д-ра мне вычитывались смыслы, которые прямо не вынимались из текста. Состояние это сопровождалось особым состоянием физиологическим: в минуту, когда для меня прояснялось все, тело чувствовало напор как бы жаркого, сжигающего света; и — отказывалось служить: мне казалось — вот оборвется сердце; и я — упаду; для того, чтобы прийти в себя, я должен был останавливать совершавшийся во мне духовный процесс и не доводить до конца своих духовных узнаний; если бы я его довел до конца, то я упал бы в припадке падучей.

В этот день, если память не изменяет мне, к нам в гостиницу заходил Трапезников; и говорил как-то странно: он говорил о том, что в мир идет новый учитель, который узнается по тому, что он будет внятно говорить о 2-ом пришествии, что он как бы уже с нами; но еще не вышел на проповедническую арену; это тот, кто в одном из прошлых воплощений был *Jesus'ом ben Pandira,* начальником иессейского ордена[807]; обращаясь ко мне, Трапезников как-то странно говорил о том, что надо держаться скромнее и тише; а то — возгордиться можно; говорил он еще о возможностях каких-то болезней; и о том, что человечество вступает в громовую полосу жизни; кроме того: он вспоминал,

Андрей Белый
Фотоателье «Benjamin Couprie». Брюссель. 1912. ГМП

что Гете здесь, в Лейпциге, во время своей болезни получил посвящение[808]. Слова его странно сплетались с моим состояньем сознания; мне отдавалось: ну — да; и я, вот, — здесь тоже получил свое духовное посвящение; в том же городе, где и Гете. Трапезников кроме того говорил: «Здесь, под Лейпцигом родина Ницше; и здесь же — могила его[809]: вам надо бы поклониться его могиле». Слова эти опять-таки странно отозвались во мне; мне представилось: паломничество на могилу Ницше есть прощание мое с моим прошлым, прощание со своею историей, в которой Ницше был для меня последним крупным звеном; и — кроме того: весь ноябрь и декабрь ежедневно по вечерам я прочитывал для Ницше (т.е. мысленно подавая Ницше читаемое в духовный мир) *«Christentum als mystische Tatsache»*[810] Штейнера (эту же книгу я читал для отца: приблизительно в то же время). Мы с Асей и Трапезниковым тотчас же решили: на днях отправиться к могиле Ницше...

2-го января вечером д-р Штейнер читал одну из своих лекций (уже не курсовую); я был преисполнен такой силой любви к доктору и ко Христу, что опять

наступил момент, когда я чувствовал, что этой силы переживания не выдержит мое тело; и мне хотелось упасть на землю; тут д-р оборвал лекцию (сделал перерыв); вдруг мой сосед — толстый, плотный мужчина — камнем грохнулся на меня в эпилепсическом припадке; мы его подхватили с одним мужчиной (длиннобородым, с длинными волосами, напоминающим традиционное изображение Времени с косой; этого мужчину я называл «Время» — он впоследствии играл роль в моей жизни); припадочного мы вынесли в соседнюю комнату: у него изо рта шла пена и он шептал: «Heil, Heil!»*. Я уложил его на пол, расстегнул воротник, подложил что-то мягкое под голову и стал смачивать виски принесенной водою; *«Время»* село рядом и сидело молча; а я, стоя на коленях, все возился с припадочным; тут отворилась дверь; и вошел д-р, стал над нами и, посмотрев на припадочного, сказал: «Macht nichts!»**. Он посмотрел на меня как-то особенно пристально; и вышел, — продолжать чтение лекции; и тут мне опять странно отозвался в душе взгляд д-ра: и прояснился смысл моего поступка; передо мной лежал не припадочный, а я сам — мой двойник, мое низшее *«я»*, которое приняло Дух, и которое должно теперь, ломимое духом, так же вот пасть и болеть, как этот передо мной лежащий припадочный.

С этой мыслью о предстоящей мне очень тяжелой болезни, связанной с посвящением, ходил я; и порой мне делалось жутко; казалось: «Вот ты вернешься в Берлин; и — возляжешь на одр».

На следующий день, 3-го, мы отправились (я, Ася, Наташа, Поццо, Петровский, Трапезников) в ту деревушку под Лейпцигом, где родился Ницше, где он провел свое детство (тут был приход его отца, пастора Ницше)[811]; с жадностью вглядывался я в маленькие желтые домики деревушки; мы приблизились к церкви с кладбищем, нашли могилу Ницше и возложили на нее цветы; когда я склонил колени перед могилой его, со мной случилось нечто странное: мне показалось, что конус истории от меня отвалился; я — вышел из истории в надисторическое: время само стало кругом; над этим кругом — купол Духовного Храма; и одновременно: этот Храм — моя голова, *«я»* мое стало *«Я»* («я» большим); из человека я стал Челом Века; и вместе с тем: я почувствовал, что со мною вместе из истории вышла история; история — кончилась; кончились ее понятные времена; мы проросли в непонятное; и стоим у грани колоссальнейших, политических и космических переворотов, долженствующих в 30-х годах завершиться Вторым Пришествием, которое уже началось в индивидуальных сознаниях отдельных людей (и в моем сознании); в ту минуту, когда я стоял перед гробницею Ницше, молнийно пронесся во мне ряд мыслей, позднее легших в мои четыре кризиса (*«Кризис Жизни», «Кризис Мысли», «Кризис Культуры»* и *«Кризис Сознания»)*[812]; я сам в эту минуту был своим собственным кризисом, ибо кончена, разрушена моя былая жизнь, ее прежние интересы; и вот — я не знаю: чем буду завтра. Мне казалось, — Трапезников, Ася, Поццо и Наташа понимают, что посещение гробницы Ницше есть *sui generis* обряд в днях моего посвящения: они были

* «Свят, свят!» (*нем.*).
** «Ничего страшного!» (*нем.*).

как-то неслучайно чутки и осторожны со мной. Не понимал ничего лишь А.С. Петровский.

Так мне казалось в ту минуту, когда я сорвал веточку плюща от могилы Ницше (эта веточка и до сих пор где-то хранится в моих вещах, в Дорнахе)[813]. Тут подошел к нам пастор церкви, повел показывать церковь и много рассказывал о пасторе Ницше, который тоже был замечательной личностью. Помнится мне на возвратном пути от могилы огромное, красное, закатывающееся солнце; и опять прозвучало: «Конус истории от тебя отвалился: история кончилась!».

В этот вечер была последняя лекция д-ра, который мягко, любовно говорил о Ницше; и меня удивило: «Почему говорит он о Ницше? Точно он знает, что я сегодня был на могиле Ницше...». Перед лекцией, у входа в зал меня вдруг останавливает седой старичок, пастор и член нашего О-ва, которого недавно перед тем мне представили в Берлине как школьного товарища Ницше (он сидел с Ницше и Дейссеном на одной школьной парте)[814], — останавливает и говорит: «Ich habe jetzt die *"Silberne Taube"* gelesen; die ostliche Mystik ist schrecklich»*... (в эти годы уже был переведен на немецкий язык *«Серебряный голубь»)*[815].

В эти же дни, днем были и собрания *E.S.*

Я подробно так останавливаюсь на днях Лейпцига: они стоят в моих воспоминаниях, как что-то огромное.

Когда мы вернулись в Берлин (числа 5-го), то мне казалось: мы вернулись не из Лейпцига, а из некоего духовного мира ниспали в берлинские комнаты; мне казалось, что пережитое напряжение теперь отразится болезнью; несколько дней я жил в ожидании: «Когда же я слягу».

Если память не изменяет, — 6-го января д-р читал в ложе лекцию *«О Парсифале»*[816]. В ней указывалось, что в настоящее время возможны новые мистерии: соединение мистерий Озириса и Изиды с мистерией Грааля. Мне казалось, что Петровский должен особенно внятно расслышать голос д-ра; и вот — не расслышал. На этой лекции я попрощался с Петровским, уезжавшим в Москву.

Подготовлялось *«Generalversammlung»***, второе по отделению от Теософического О-ва; оно должно было начаться приблизительно января около 20-го (может быть, и несколько ранее)[817]. Время между лейпцигским курсом и генеральным собранием было время столь же для меня исключительное, как и лейпцигский курс. Каждый день этого периода был преисполнен для меня все новыми и новыми узнаниями: о духовном мире, о своей исключительной связи с д-ром и с М.Я., о событиях огромной важности, подготовлявшихся во всем мире; и как-то выходило, что моя связь с д-ром, с Обществом оказывалась в цепи мировых событий, ибо провиденциальность фигуры д-ра в этот период была особенно ярка. Я не стану касаться наиболее интимных событий в моей духовной жизни: их гораздо более трудно обложить словами, чем переживания лейпцигского цикла; скажу только: если события лейпцигского курса развернулись для меня как мистерия посвящения меня в тайны духа, то весь период от 6-го января до генерального собрания стоит в памяти как опять-таки *sui generis* мистерия моего посвящения в судьбы

---

* «Я только что прочел "Серебряного голубя"; восточная мистика ужасна» (*нем.*).

** «Генеральное собрание» (*нем.*).

нашего духовного движения; в этот период также мне казалось, что д-р и окружающие д-ра эсотерики приоткрывают мне тайну моего предыдущего воплощения; и это воплощение, столь головокружительное, становится передо мною как соблазн; принять его, значит: о себе возомнить; я себя вспоминаю как бы борющимся с самим д-ром: д-р навязывает мне — поверить в свое воплощение; я же — не принимаю его*[818]. В свою очередь: генеральное собрание, опять-таки, — новая мистерия: мистерия посвящения в страдание, мистерия жертвы, без которой не может быть никакого бескорыстного служения Духу; и эти три мистерии относятся друг к другу, как 3 акта одной мистерии; вот все, что я могу сказать об этом времени; для того, чтобы конкретно вскрыть суть *«мистерий»*, надо бы мне написать толстый том, описать день за днем, встреча за встречей, ибо все, даже мелкие события этого времени, — опрозрачнены: и слагаются в единую цепь событий. Поэтому я отмечу лишь совершенно внешние по отношению к ядру моей жизни факты нашего бытия.

Мне помнится ряд лекций д-ра, между прочим: две публичных (одна из них была посвящена *«Микель Анджело»*)[819]. Помнится музыкально-поэтический вечер, на котором читался немецкий перевод Росетти и исполнялся ряд музыкальных номеров; на этом вечере М.Я. подозвала нас и развернула нам с Асей план будущего Гетеанума и участков земли, которые члены О-ва могут приобрести (из земли, пожертвованной Гросхайнцем). М.Я. показала нам маленький участок, около будущего *«Bau»* и проектируемого домика д-ра, и сказала, что этот участок принадлежит к части земли, которую она приобрела в собственность; она сказала: «Этот участок я уступаю вам»... Так в принципе мы еще до появления в Дорнахе оказались в потенции уже дорнахцами; мы разочли с Асей, что участок этот мы вполне можем приобрести.

В это время разразился инцидент Больта в О-ве (о нем долго рассказывать)[820]; и под знаком этого инцидента мы вступили в генеральное собрание; опять, как и в прошлом году, генеральное собрание длилось более недели; оно было полно докладами, музыкальными вечерами, деловыми инцидентами, заседаниями ферейна, образованного вокруг *«Bau»* (Johannesbau-Verein)[821]; мы стали членами этого ферейна[822]. Общее настроение этого времени — какая-то тревога, точно где-то, в глубине Общества, стала возникать оппозиция некоторым начинаниям д-ра; и я переживал эту оппозицию необычайно мучительно; мне она казалась выражением другой борьбы: темных оккультных сил, вооружившихся против великого Света из грядущего; чувствовались вихри какой-то грандиозной катастрофы, сгущавшейся над целым миром; и в частности: над строимым *«Bau»*. Я переживал какие-то нападения на то светлое, что жило во мне: *«младенцу»*, которого я в себе вынашивал с Лейпцига, стала угрожать опасность. Два сна запомнились мне в это время; один сон: я вижу себя в подвале здания, как бы *«Bau»*: я должен себя заживо похоронить в этом подвале, как *«грундштейн»* самого *Johannesbau*[823]. Мне жутко живому ложиться в могилу; но надо мной стоит д-р; и пальцем указывает на яму: «Ложись». И я покорно укладываюсь. Другой сон: какое-то шумное собрание, на котором меня заушают, пинают ногами, оплевыва-

* Воплощение Микел-Анджело (?!?) – *примеч. Белого* (вставлено позднее).

ют[824]; я — подхожу к окну; в окне — восходящее солнце, которое я увидел первый из всех; но это не солнце, а — Христос Грядущий; луч солнца падает мне на лоб, проницает голову и опускается в сердце; это — Христов Импульс.

Среди ряда лекций мне почему-то особенно запомнились: лекция одного венского антропософа (забыл фамилию), лекция об Альбрехте Дюрере венского художника, Вагнера, лекция директора Зеллинга, лекция д-ра Нолля, автобиография д-ра, им рассказанная; и лекция Михаила Бауэра, который был со мной очень ласков на этом собрании; лекция Бауэра касалась Христовой Любви; во время лекции со мной произошло нечто, подобное происшествию во время лекции об Аполлоновом Свете; будто исчез потолок, раскрылся мой череп; сердце — стало чашей; и луч Христова Сошествия пронизал меня.

По вечерам д-р читал свой курс лекций: «О *макрокосмическом и микрокосмическом мышлении»*[825]; этот курс потряс меня тем, что он явился как бы для меня транскрипцией моей *«Эмблематики Смысла»*[826] на антропософский лад.

Все события этого времени мне кажутся невероятными; и самое наше переселение с Асей в Базель, чтобы работать при *«Bau»,* казалось нам важной эпохой жизни. Тотчас же после *«Generalversammlung»* д-р уехал с М.Я. в Дорнах[827], а мы поехали туда же через несколько дней; Наташа и Поццо должны были за нами следовать. Помнится: мы двинулись из Берлина 31-го января. И утром 1-го февраля были в Базеле.

Февраль.

В первый же день приезда в Базель Ася была в Дорнахе, осмотрела строящийся *«Bau»* и вернулась ко мне из Дорнаха с Рихтером, звавшим нас усиленно работать при *«Bau».* Остановились мы в *«Hôtel <zum> Bären»* на Aeschenvorstadt; так как в Дорнахе и в Арлесгейме еще не было для нас подходящих комнат (мы условились, что получим комнаты у Е.А. Ильиной, которая нам комнаты сдаст, но комнат она еще не получала). 3 февраля я первый раз увидел «Bau», поехавши в Дорнах; была возведена лишь часть бетонного фундамента, скелет стен (деревянных); начинали еще возводить остов будущего купола; все работы сосредоточились в столярнях, в трех громадных, деревянных сараях, где пилили дерево, спрессовывали его, заготовляя будущие толщи для деревянного ваяния; в те дни столярня *«Bau»* считалась первой столярней в Швейцарии и работало здесь до 300 столяров; художественные работы должны были начаться еще только через 1½ месяца; из антропософов, съехавшихся для работы, была еще только небольшая группа, человек 20; большинство молодежи пока чертили планы для *«Bau»,* разрабатывали планы будущих архитравов, или работали при столярне; чертежная помещалась пока в одном из зданий Дорнаха, а контора столярни при *«Bau»*; в первый же день Рихтер устроил меня при столярне; моя должность заключалась в том, что я записывал в книги нанимавшихся на работу столяров, а также высчитывал заработную плату, а Ася пока пристроилась при чертежной; в 12 часов работающие антропософы сходились у Дубах, Клавдии Александровны, где их кормили обедом (в Арлесгейме); работали от 9 до 4 (с перерывом для обеда); вот кого из антропософов я помню в этой основной группе: доктор Штейнер, М.Я. Сиверс; архитектор

«Вau» Шмидт, инженер Энглерт (потом сменивший Шмидта); заведующий столярами Лихтфогель; наезжающий еженедельно из Штутгарта д-р Унгер, ведавший финансовыми расчетами; Лисау, заведовавший конторою, Зейфельт, мой непосредственный, так сказать, начальник; далее — чертежники: фон-Гейдебрандт, Кемпер, Дубах, Ася, Фридкина, Лилль; далее распоряжавшийся Рихтер; далее Томас; кроме того: находились в Дорнахе в этой первичной семье антропософов: голландец Ледебур, Ильина, К.А. Дубах, Н.Н. Богоявленская[828], работающая над моделями (гипсовыми) англичанка Мэрион и художник Н.Н. Киселев; вот та группа, которую я застал при приезде в Дорнахе; через 2-3 дня к этой группе присоединилась Наташа и А.М. Поццо, попавшие в чертежную.

Первое время каждый день мы с Асей в 8 часов отправлялись из Базеля с трамом в Дорнах и уже в начале десятого были на работах; в 12 часов — обедали; в 4 возвращались в Базель: в 5 или в 6 были дома; дни текли монотонно; после праздничных, бурных январских дней наступили будни.

Ася и Наташа прочно устроились в чертежной, как художницы, а у меня скоро начались недоразумения с Зейфельтом (по-моему, он был не вполне чист по счетной части) и я перестал ездить в Дорнах. Проработал я с Зейфельтом около двух недель.

Весь этот месяц чувствую себя утомленным и как бы несколько разочарованным; все те переживания, которые так бурно налетели на меня в Христиании и росли непрерывно до февраля, не осадились никакими ощутительными последствиями для меня: ни реализации *«посвящения»,* ни *«болезни»,* которую я в себе вообразил; встречаясь в Дорнахе с д-ром и с М.Я., я чувствовал у них ноты некоторой сдержанной отдаленности по отношению ко мне; приходилось часто видеться с д-ром Гросхайнцем и с его женой, жившими в своей вилле около *«Вau»*; в этой же вилле жил и д-р с М.Я. (уже позднее д-р приобрел себе villa Hansi — под холмом, на котором строился *«Вau»*)[829]; особенно тоскливы были мне дни моего сидения в Базеле; Ася с утра уезжала в Дорнах, а я оставался дома; я тоскливо бродил по улицам, заходил в зоологический сад и обедал в убогом вегетарианском ресторанчике. В эти дни я написал стихотворение *«Самосознание»*; в нем отразилась грусть этих дней[830].

В этот месяц мы с Асей два раза ездили в Берн по делу о гражданском браке (Ася решилась вступить со мной в гражданский брак ввиду того, что нам предстояло долго жить в швейцарской деревне; если бы у нас не оказалось бумаг, доказывающих, что мы муж и жена, то крестьяне стали бы на нас коситься: уже обнаружилось подозрительное отношение к антропософам со стороны швейцарцев; в газетах ругали их)[831]; раз из Берна мы заехали в Тун; более чем с другими антропософами дружили мы с Рихтером. В конце месяца, после масленицы мы поехали с д-ром на его лекции в Штутгарт, где обнаружилось, что у О-ва нет почти денег на продолжение постройки *«Вau»*; все очень волновались; наконец кто-то пожертвовал деньги; в Штутгарте было *E.S.* Из Штутгарта мы поехали в Пфорцгейм (с д-ром же)[832]; но в Пфорцгейме Ася простудилась и мы дня на три застряли там; в эти дни скончался поэт Моргенштерн; похороны были под Базелем; здесь сожгли его прах[833].

Март.

Вернулись мы уже не в Базель, а в Дорнах, где сняли комнату в небольшой таверне (временную); в день возвращения попали на первые пробные художественные работы по обработке капителей будущих колонн[834]; 3 дня работал д-р Штейнер сам, вооружившись стамескою, а мы толпой окружали его; он подавал нам советы, как работать; потом разобрали капители колонн и начали их обрабатывать; нам с Асей досталась капитель Сатурновой колонны, а Наташе, кажется, досталась Луна; к этому времени начался усиленный съезд антропософов; появились: Митчер, его сестра, Классен, бар<онесса> фон-Эккартштейн, Штраус, Вольфюгель, Людвиг, Бай, фрейлейн Май; появились Перальте, Линде, химик Шмидель; стали съежаться художники и резчики из Мюнхена, Скандинавии и Голландии; была уже группа до 70-80 человек. Приехала Катчер, Кучерова, Гюнтер, Хольцлейтер, приехала Форсман, граф<иня> Гамильтон и др<угие> будущие работницы и работники; мы в это время списывались с мамой, которая собиралась приехать к нам из Москвы.

Андрей Белый и А.А. Тургенева
Фотоателье «Benjamin Couprie»
Брюссель. 1912. ГМП

В эти дни, помнится, в Дорнахе оказался В.В. Бородаевский, которому здесь не понравилось; он все жаждал умственных разговоров, дебатов и споров об антропософии, а мы были заняты главным образом вопросами техническими: как держать стамеску, как резать по дереву; помню, что лили дожди, дороги превратились в грязь; в эти дни появился в Дорнахе приват-доцент Самсонов, знакомый Е.А. Ильиной, часто бывал у нас; держал он себя странно: много пил; и наконец мы просили Ильину, чтобы он к нам не появлялся. В эти дни мы съездили с Асей в Берн в тот же день, в который были там Наташа и Поццо; и там, в Берне, обвенчались гражданским браком[835].

Чувствовал я себя все время очень странно: физическая работа, утомительная и непривычная, шла вразрез с моими медитациями; полоса внутренней сосредоточенности кончилась; в душе осталась — боль. Я стал замечать, что Ася все более и более замыкалась в себя, все более и более уходила в работу, и между нами стало образовываться нечто вроде средостения, пока еще почти незаметного; в годах это средостение углубилось; считаю, что причины этого средостения в нежелании Аси войти в чрезвычайно бурные и интенсивные переживания, которые развились во мне с Бергена. Наоборот: с Наташей у меня стали нащупываться очень странные отношения; они начались с декабря 1913 года, прозвучали в Лейпциге; и

теперь, в Дорнахе, вновь обнаружились, но как-то нелепо для меня; мне казалось, что между нами вспыхивать стала искорка эротизма, и что Наташа, в себе осознав эту искорку, стала видимо от меня сторониться; порой в ней мелькало даже что-то враждебное по отношению ко мне. В этот период Наташа и Поццо держались изолированно; мы их сравнительно мало видали; более всего мы общались с Рихтером; он приходил к нам в наш отельчик *«Zum Ochsen»*, водил вечером на прогулки, говорил с нами о том, чтобы мы навсегда поселились в Дорнахе при будущем *«Bau»,* купив землю и построив на ней домик. Штейнер ему поручил все работы по стеклам; стекла надо было изготовить особенным образом и потом вырезать на них те рисунки, которые Рихтер должен был приготовить по эскизам д-ра; он иногда приносил к нам эскизы, только что данные ему доктором, и предлагал Асе их разработать; вообще он мечтал меня, Асю, Наташу и Поццо взять для работы на стеклах; мастерскую для стекол, целый оборудованный домик, весьма странной формы, предполагали спешно выстроить под *«Bau»*[836]; Рихтер водил нас к возводимому домику; мы часто с ним сидели на стройке; и разговаривали — о *«Bau»*, о стеклах, о пути; еще мы дружили с голландцем Ледебуром, который тоже должен был сосредоточиться на стеклах. Кажется, — в эти дни Рихтер на несколько дней уезжал в Париж, иметь переговоры с фабрикою, долженствующей заготовить стекла; между тем: в здании возводились купола.

Скоро выяснилось, что комната наша неудобна; мы получили письмо от мамы, извещающей нас, что она едет в Базель; по расчету она должна была приехать через 4 дня; мы стали подыскивать помещение для нее; и остановились на отеле *«Zum Löwe»* в Арлесгейме (на площади перед церковью); да и кстати: мы решили временно перебраться <в> *«Zum Löwe»* до нашего постоянного водворения на *«Mattweg»*[837] в Арлесгейме (у Ильиной); помню, что я ездил в Базель встречать маму; но она не приехала; на другой день опять мы отправились в Базель в отель *«Zum Bären»* чтобы узнать, приехала ли мама; и нашли ее там: произошла путаница; мы переселили маму в Арлесгейм; и тут же обнаружилось ее очень враждебное отношение к Асе; мама приехала меня спасать от моего, якобы, безумия; ей хотелось отвезти меня в Москву; и, как кажется: развести с Асей; разумеется: она наткнулась на сильнейшее сопротивление — мое и Асино; тогда она всю вину моего, якобы, отдаления от нее и от России взвалила на Асю; выяснилось в первые же дни ее приезда в Дорнах, что ей здесь просто нечего делать; кроме того: Дорнахом она тяготилась; с антропософами (с немцами) ей было не о чем говорить; и мы уговорились, что все вместе поедем в Мюнхен на лекции д-ра; оттуда же, к Пасхе, в Вену на курс д-ра.

В дни пребывания мамы в Дорнахе значительно потеплело; зазеленели деревья; проливались теплые ливни; мы водили маму на работу; и она даже взяла стамеску; стала пробовать работать на той капители, на которой работали мы (на Марсе: Сатурн мы уже кончили); ей очень хотелось увидеть д-ра; и желание ее осуществилось; во время работы пришел доктор, стал обходить работающих и подавать советы; подошел к нашей капители; Ася представила доктору маму; он очень внимательно на нее посмотрел и был очень ласков с ней; помнится, что он взял стамеску, и стал работать на смежной капители. Валлер и баронесса фон Эккартштейн были тоже очень любезны с мамой.

В эти дни впервые открылась вновь отстроенная *кантина,* т.е. столовая для антропософов; она была наскоро построена под *«Ваи»,* на зеленом лугу, среди вишенных деревьев; мы впервые собрались обедать в кантине с мамой; пришли сюда и отобедали с работающими доктор и Мария Яковлевна; доктор был какой-то лучезарный, веселый; он много смеялся за обедом.

Мама стала высказывать желание вступить в члены *А.О.*, ставя нас в затруднительное положение; мы считали ее неготовой; и кроме того: мы считали, что отношение ее к Обществу неотчетливое. И мы старались отговорить ее от этого шага; между тем: и доктор, и М.Я. были согласны принять ее в члены хоть сию же минуту. Тут мы с Асей получили письмо от Асиной матери, С.Н. Кампиони; она тоже собиралась приехать в Дорнах; мы должны были ее встретить в Вене.

Надвигались лекции в Мюнхене: мы поехали в Мюнхен впятером (я, Ася, мама, Наташа, Поццо); в Мюнхене д-р прочел 4 лекции[838]; кроме того: были *E.S.* Мюнхенское пребывание не отпечатлелось ничем особенным; помнятся наши прогулки по английскому парку[839] да разговор с Трапезниковым, проводившим жену в Россию и теперь собирающимся переселиться в Дорнах; главное впечатление от Мюнхена: ужасная ссора Аси с мамой, в которой Ася была ни в чем не виновата, а мама была вопиюще несправедлива к Асе; в мое отсутствие она ей наговорила таких вещей, что Ася была вынуждена ей указать на дверь; я, конечно, принял сторону Аси и решил в Вене поселить маму отдельно от нас, чтобы из Вены отправить ее в Москву. Ссора эта произошла как раз в день отъезда в Вену.

В таком, крайне удрученном состоянии мы приехали в Вену, завезли маму в гостиницу и остановились в другой гостинице с мыслью, что будем ее видеть как можно реже.

Оставалось несколько дней до начала курса; в Вене все цвело; была весна; мы общались часто с Форсман; появился В.В. Бородаевский, приехавший на курс. Мы раз с ним отправились в окрестности Вены. Приехали Нейшеллеры (муж и жена), с которыми мы часто виделись; мы с Асей много бродили по Вене; в самом конце марта открылся курс доктора (6 лекций)[840], построенный так, что первые две лекции брали мотто *«Ex Deo nascimur»**, вторые две — *«In Christo morimur»***, две последние — *«Per Spiritum Sanctum reviviscimus»****; к 3-ьей лекции приехала С.Н. Кампиони и остановилась в той же гостинице, где и мы.

Апрель.

Пасха пала на последнюю лекцию д-ра[841]. Пасху мы встретили в Вене; и потом проводили маму в Москву (она примирилась с Асей); перед отъездом мама имела свидание с М.Я. Сиверс; доктор произвел на маму сильнейшее впечатление.

После отъезда мамы мы через день уехали в Прагу (я, Ася, С.Н. Кампиони); по дороге в Прагу мы сошлись ближе с Седлецкой, приехавшей с мужем на вен-

---

* «В Боге рождаемся» (*лат.*).

** «Во Христе умираем» (*лат.*).

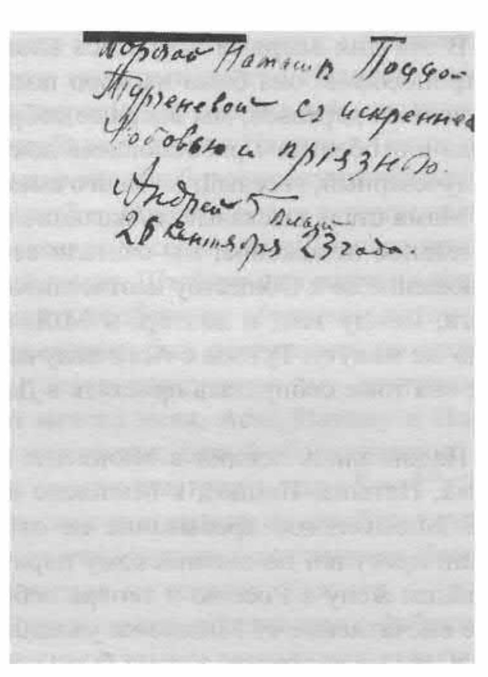
*** «Воскресаем в Святом Духе» (*лат.*).

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

ЗАПИСКИ ЧУДАКА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕЛИКОНЪ
МОСКВА / БЕРЛИНЪ
1 9 2 2

Дорогой Наташе Поццо-Тургеневой с искренней любовью и приязнью.
Андрей Белый
26 сентября 23 года.

Андрей Белый. Записки чудака. Т. 1. М.; Берлин: Геликон, 1922. ГМП
На шмуцтитуле дарственная надпись Андрея Белого Н.А. Поццо: «Дорогой Наташе Поццо-Тургеневой с искренней любовью и приязнью. Андрей Белый. 26 сентября 23 года»

ский курс и отсюда ехавшей в Дорнах, чтобы там поселиться; в Праге мы прожили всего дня два и все время держались вместе с Форсман и Седлецкой; в Праге были 2 лекции доктора[842]; и *E.S.* Из Праги мы отправились обратно в Дорнах, заехавши предварительно в Нюренберг. Если память не изменяет, доктор поехал опять в Мюнхен, оттуда в Париж; и из Парижа вернулся в Дорнах[843].

Вернулись мы в нашу новую квартирку в две комнаты; комнаты сдавала нам Е.А. Ильина; поселились мы в Арлесгейме на *Mattweg,* отстоящей от *«Bau»* довольно далеко (<в> 20 минутах ходьбы)[844]; все в Дорнахе и в Арлесгейме цвело; цвели яблони; и купол *«Bau»* возвышался среди белеющего цвета; через несколько домиков от нас поселился Трапезников, у которого я стал часто бывать, а еще через несколько домиков поселились Поццо, у которых остановилась С.Н. Кампиони; Рихтер некоторое время жил под нами, пока кончали ему стекольную мастерскую, где было и художественное его ателье и где были также комнаты, в которых впоследствии он стал жить; к этому времени съехалось очень много антропософской молодежи; съехались и другие антропософы; среди них к этому времени мне запомнились: фон Мутах, братья фон-Май, Седлецкая, Дюбанек, баронесса Фитингоф, фон-Чирская, M-me Райф, M-me Рихтер, Шпренгель, художник Вегелин, М.В. Волошина, муж и жена Дриттенпрейс, композитор Стютен, Луна Дрекслер, Розенбер, и др.; появились в Дорнахе Калькрейт и Штинде.

Через несколько дней после нашего возвращения из Праги приехал и д-р. На всех капителях работали, а два огромных сарая уже полнились огромными архитравными формами; но на этих формах еще не работали; руководство над архитравами поручили чешке, fräulein Katscher; однажды д-р пришел в капительную и сказал: «Кто хочет работать на архитравах, того прошу следовать за мной». Все работали на капителях; и потому-то за доктором пошла только Ася; он подвел ее к громадной, необработанной глыбе, будущему архитраву между колоннами Марса; и — указал на него; так Ася, можно сказать, завладела Марсом, взяв меня подсоблять ей в работе; скоро к нам присоединились Наташа и Поццо; появилась на несколько дней М.В. Волошина; помогала и С.Н. Кампиони; наша группа была первой группой, работающей на архитравах; в скором времени в архитравном сарае появилось много работающих; первое время мы были поставлены в тупик; как справиться с огромною архитравною формой? Катчер давала туманные указания: «Снесите эту вот плоскость на столько-то сантиметров...». Мы и сносили: смысла, признаться, не видели мы в нашей работе; но цель работы казалась нам далека; и — потом: ответственность ведь не лежала на нас, а на Катчер; в таком неопределенном состоянии мы работали 2 недели; доктор не появлялся на архитравах; он больше появлялся в мастерской, где отрабатывали капители; там, в капительной появились уже, так сказать, квалифицированные резчики: Дубах, Митчер, Штраус, Кемпер, Людвиг; мы работали с 9 до 12; в двенадцать шли обедать в кантину, обедали под открытым небом за столиками; группа основных резчиков не спускалась с *«Bau»*, а, так сказать, маршировала; это были всё крепкие, мускулистые молодые люди; они много шумели за едой, веселились, дурачились; к ним присоединялись антропософские барышни (Хольцлейтер, Гюнтер, Дюбанек, Кучерова); после обеда лежали вытянувшись в траве; в 2 поднимались к работе; опять работали с 2-х до 4-х; в 4 шли пить кофе; около пяти опять поднимались на работу; в 7 в 8-ом шли с работы домой.

Скоро д-р Штейнер по воскресеньям стал читать лекции во 2-ом сарае для архитравов; мы слушали его, сидя на досках, на деревянных обрубках; появились к концу апреля в Дорнахе: Шолль с двумя подругами, американками (одна — мистрис Гаррис), появился норвежец Фадум, приехала Т.А. Бергенгрюн с племянником Гаэром, приехал из Парижа инженер Бразоль, приехал норвежец, старик Херр Лёв с двумя дочерьми, приехала мисс Чильс, приехала Киселева, жена художника, посвятившая себя изучению эвритмии; под ее руководством мы стали заниматься по вечерам эвритмией (в нашей группе оказались: д-р Гросхайнц, его жена, фон Мутах); в кантине вместо кухарок работали: графиня Гамильтон, Форсман и фрейляйн Митчер; баронесса фон Эккартштейн производила опыты с красками, а также работала на архитравах; Рихтер разрабатывал рисунки для стекол; нам выдали инструменты: огромные стамески и тяжелые колотушки (пятифунтовые); стамески нам оттачивала Эльрам, бывшая начальница какого-то петербургского Института; в ту пору в Дорнах приехала О.Н. Анненкова.

Этот период был очень труден для меня: все продолжающееся отхождение от меня Аси и..., как мне стало казаться, моя влюбленность в Наташу, с которой я все время страшно боролся; нам трудно было с Наташей встречаться; эта влюбленность в Наташу была для меня настоящим ударом после декабря и января:

«Как? — думал я, — вместо пути посвящения, вместо духовных откровений, — просто самая элементарная влюбленность?». Мне стало казаться, что я пал: пал бесповоротно в глазах доктора. С доктором мне стало трудно встречаться; я стал избегать его; кроме того: в эти именно числа впервые в душе моей стало закрадываться сомнение в благости тех путей, которыми ведет доктор; я мысленно окидывал два года, проведенные с ним, и подводил итоги моей духовной работы; и — видел: в первые месяцы моего вхождения в антропософию (май — декабрь 1912 года и январь — октябрь 1913 года) я проделал нечто очень трудное для себя: усумнился во всех прежних путях, смирился до... подчас самоуничижения, разорвал из-за доктора с рядом друзей (с Метнером, с Эллисом, с С.М. Соловьевым, с Рачинским, с Морозовой и рядом других лиц), бросил Россию, в которой я мог все время действовать в своей сфере, ушел из издательства *(«Мусагета»)*, бытие которого считал очень важным культурным делом, вышел фактически из литературы; кроме того: под влиянием работы у доктора Ася перестала быть моей женой, что при моей исключительной жизненности и потребности иметь физическое отношение с женщиной — означало: или иметь *«роман»* с другой (что при моей любви к Асе было для меня невозможно), или — прибегать к проституткам, что при моих антропософских воззрениях и при интенсивной духовной работе было тоже невозможным; итак: кроме потери родины, родной среды, литературной деятельности, друзей я должен был лишиться и жизни, т.е. должен был вопреки моему убеждению стать на путь аскетизма; я и стал на этот путь; но этот путь стал мне *«терновым»*; я не ощущал чувственности, пока я был мужем Аси; но когда я стал *«аскетом»* вопреки убеждению, то со всех сторон стали вставать *«искушения Св. Антония»*; образ женщины, как таковой, стал преследовать мое воображение (так: прислуга Наташи, Катя, стала мне внушать нечистые помыслы летом 1913 года; в Мюнхене те же помыслы мне внушала горничная; теперь же — Наташа стала меня преследовать в снах); чтобы не *«пасть»* и победить чувственность, я должен был ее убивать усиленными упражнениями; но они производили лишь временную анестезию чувственности; плоть я бичевал: она — корчилась под бичом, но не смирялась; я усиливал дозы медитаций; я медитировал ежедневно часами в ряде месяцев; и эти медитации меня довели до экстазов, восторгов и таких странных состояний сознания, что внутри их мне открывались пути посвящения, а когда я выходил из них, то эти состояния стояли передо мной, как состояния болезненные; и я был обречен на все ту же чувственность; кроме того: именно эти экстазы *«посвящения»* отдалили от меня Асю (она испугалась их); а между тем, они были порождением ее поступка со мною (отказа быть моей женой); и, стало быть: в антропософии я стал терять Асю, самое дорогое мне в мире существо; а вместо Аси стала на всех путях мне подвертываться Наташа; мои чувства к Наташе я переживал злым наваждением; но почему-то закралась мысль, что это *«наваждение»* подстроено доктором; что Наташа — *«Кундри»*[845]. И вот в душе отлагалось: «Нет, это — слишком: я весь ограблен антропософией: у меня отнята родина, поэзия, друзья, жизнь, слава, жена, отнято положение в жизни». Вместо всего я болтаюсь здесь, в Дорнахе, на побегушках у Аси, никем не знаемый, большинством счи-

таемый каким-то *«naive Herr Bugaeff»*[*]; мне стало казаться, что при моем литературном имени, при моем возрасте, при всех моих работах могли бы больше мной интересоваться...

Что получил я взамен отданного? Те внутренние достижения, которые привели меня к странному состоянию посвящения: за плечами были — незабываемые дни Христиании, Бергена, Берлина, Лейпцига, имагинация *«любимого ученика»* доктора; но это была лишь *«имагинация»*; внешне доктор не высказывал мне того отношения ко мне *(«исключительного»)*, на которое намекали лишь так мной прочитанные его жесты *(«отцовские»)*; внешне доктор был далек, иногда — суров, холоден; и потом: я страшно конфузился его. Но и эта единственная имагинация *«пути посвящения в рыцари»* была сорвана *«наважденьем»* с Наташей; делу доктора я отдал всю свою жизнь, отдал самого себя, отдал Асю, и — вот: взамен я получил *«путь посвящения»*; но теперь срывался и этот *«путь»*; оказывается: я мог идти этим путем лишь в условиях непрерывной *«медитации»*, вгонявшей меня в экзальтацию; лишь внутри моей *«экзальтации»* мне открывалась картина моего посвящения; но *«экзальтация»* и утрировка *«упражнений»* приводили меня к болезненному расстройству сердечной деятельности, дыхания и подступу падучей; явно — тело отказывалось служить Духу; но — стоило мне ослабить темп духовной работы — нападала *«чувственность»*, долго сдерживаемая, — нападала с удесятеренной силой. Здесь же, на воздухе, когда с утра до вечера мы стучали пятифунтовым молотком по стамеске и скалывали с твердейшего дуба или бука деревянные слои, когда росли мускулы, то — рвалась сеть утонченных духовных переживаний; и *«тело»* проступало сквозь разорванные упражнения; и — требовало настойчиво себе пищи.

Так я стоял перед собой и говорил себе: *«Куда ни кинь, везде — клин!»*. Почему же я не обратился к доктору и не попросил у него духовного совета? И тут путь внутренно был для меня отрезан. Когда мы приехали в Мюнхен в июле 1912 года, то доктор нас принимал каждую неделю; он сам поставил меня в положение думать, что усиленно желает заняться мной, как учитель; и — далее: каждый месяц с ноября до марта в период 1912–1913 годов он просматривал мои отчеты, подробно расспрашивал меня о моих достижениях; далее: звал в Гельсингфорсе меня работать духовно около него; я имел все основания думать, когда в июле 13 года возвращался к нему, что он усиленно займется мной, как учитель; но с тех пор я не был у доктора, как ученик; окружающие доктора стали мне внушать, что доктор занят *«духовными исследованиями»* огромной важности, что ему не надо мешать просьбою отдельных свиданий; что *«эсотерические уроки»* (E.S.), на которых мы были приняты в Гельсингфорсе, заменяют свидания, что когда имеешь внутреннюю встречу с доктором, то он учит уже иначе: не внешней беседою, а — духовно; и — да: все жесты доктора по отношению ко мне от Христиании до Дорнаха были именно этой *«учебой»*, где я должен был читать оккультные знаки, которые он чертил передо мной в ряде мной пережитых *«мистерий»*, где открывалось, что я — *«сын возлюбленный»* его; именно в эти месяцы мне звучало: *«Боже тебя сохрани внешне спрашивать доктора о том, что*

---

[*] «Наивным господином Бугаевым» (*нем.*).

он рисует перед тобою»; и я знал: пока доктор сам меня не призовет на внешний урок, нельзя добиваться его внешним образом; если станешь добиваться свидания и разговора с доктором, то *«обет молчания»* будет нарушен; и ты не выдержишь испытания. Так я сам себе закупорил путь к объяснению с доктором; и — кроме того: в атмосфере дорнахской жизни явно переместился центр жизни; вместо медитаций, свиданий с доктором выступила всевозможная работа при *«Ваи»*. Все дни д-р чертил планы, совещался с архитекторами, художниками, обходил резчиков и т.д. Вся атмосфера жизни не способствовала свиданию с доктором; доктора мы видели каждый день, привыкли к нему; но эти разговоры, встречи не затрагивали личных интимных бесед, а затрагивали интересы постройки *«Ваи»*: *«Ваи»* должен был по первоначальному плану быть окончен к октябрю 1914 года; доктор работы гнал; между тем: работы в процессе работы разрастались; задания — сложнели; и уже сомневались, чтобы *«Ваи»* был готов до 1915 года.

Мне было не легче от всего этого: физическая работа вывела меня из духовной; образы духовные, меня посещавшие, разбились; разбилась имагинация *«лейпцигского посвящения»*; вместо него выступила Наташа: она стала являться мне в снах, преследовать мои мысли; мне казалось, что она отчаянно кокетничает со мной, распаляя во мне чувственность; и я увидел, что я беззащитен от нее.

Тут-то я усумнился в пути: мне привиделся страшный сон, будто доктор в образе какого-то отвратительного существа разрезал мне грудь и смазал разрез каким-то ядом, отчего загорелось мое сердце; когда я проснулся, то мне этот сон отдался так: доктор сознательно мне привил Люцифера[846], чтобы искусственно ввести меня в люциферические переживания (с Наташей); и я протестовал: «Я не кролик для оккультических экспериментов». Разумеется, с этими переживаниями я старался бороться; но — тщетно.

Тут-то и началась во мне одна странная имагинация: всюду передо мной вырастает баронесса фон Эккартштейн (художница, любимица доктора, про которую говорили, что она — ясновидящая); я ее встречаю на прогулках, в кантине; она работает недалеко от моего архитрава; оборачиваясь на нее, я вижу ослепительный взгляд ее зелено-синих глаз; и мне звучит: «Она играет роль Люцифера в мистерии моей жизни; и этот Люцифер мне показывает на Наташу, как на Прекрасную Елену, которую я должен похитить...». Дело в том, что Эккартштейн играла Люцифера в 4-х мистериях Штейнера; ее костюм был — ярко-красный; и — странно: в ярко-красном костюме разгуливала она по Дорнаху, ярко выделяясь на зеленой траве; в нем же работала; и рукоятка ее рабочей стамески была выкрашена в ярко-красный цвет; в описываемое время всюду вырастал ее ярко-красный силуэт передо мною; и отовсюду наблюдали меня ее зелено-синие глаза; я безвластно влекся к ней; мы почти не были знакомы, но мне казалось, что она пронизывает меня насквозь. И по мере того, как вырастал ее образ во мне, гас и умалялся солнечный образ Марии Яковлевны Сиверс; а на физическом плане М.Я. стала со мной холодна.

Во второй половине апреля (в 20-х числах) д-р Штейнер читал лекцию в Базеле (в базельской ложе)[847]; лекция была какая-то грозная: казалось, что д-р предостерегает нас от каких-то внутренних опасностей и тяжестей, на нас навалившихся; порою его голос гремел; и что-то в нас он пытался испепелить с корнем (тогда от-

крылась некрасивая история с одним норвежцем, которого наши дамы объявили ясновидящим и которого пришлось удалить из Общества за некрасивые эротические поступки). Во время лекции в Базеле над Дорнахом пронесся ураган; и сарай над архитравами, где мы работали, был сломан; когда мы вернулись в Дорнах, мы узнали, что сарай с неделю надо чинить; работы над архитравами колонн для большого купола пришлось на неделю прекратить; нас переместили в другой сарай, где д-р читал нам лекции; и мы стали работать над архитравами малого купола; Наташа все время, как мне казалось, возбуждала нарочно во мне грешные мысли.

Эккартштейн работала в этом сарае над архитравом колонны Марса (малого купола); Катчер не вмешивалась в ее работу, считая Эккартштейн опытною художницей; Эккартштейн однажды подошла ко мне и, взяв меня за руку, увела на свой архитрав, дала мне в руку стамеску свою (с красною рукояткою); и — сказала: «Работайте со мною!». Три дня мы с ней целыми днями работали; ее красный силуэт вырастал за моей спиной; она выдумала странный метод работы; мы с ней работали одним молотком и одной стамеской; то она держала стамеску, а меня заставляла бить по ней; то, наоборот, я держал стамеску, а она била по ней; это похищение меня с Асиного архитрава Эккартштейн отобразилось в моих имагинациях, как факт моего пленения Люцифером, внушавшим мне грешное чувство к Наташе; все поведение Эккартштейн в это время по отношению ко мне мне казалось странным; через три дня Эккартштейн поручила мне ваять огромную форму на ее архитраве, а сама исчезла в свою мастерскую; Катчер не вмешивалась в работу Эккартштейн, а сама Эккартштейн не вмешивалась в мою работу; она лишь изредка приходила любоваться ею; так в эти дни я вообразил себя скульптором; с беззастенчивой отвагой и с лютой какой-то энергией я высекал огромную форму; приезжавшие из Берлина антропософы собирались в кучки и любовались моею работою; так в несколько дней я высек всю форму.

Но моим художническим иллюзиям пришел конец, когда <в> воскресенье была назначена лекция д-ра Штейнера как раз на тему: «Архитравы, деревянная скульптура». Кафедра д-ра была поставлена как раз у формы, мной высеченной; и я вообразил, что это — неспроста, что д-р покажет всем: «Вот так надо работать». Каково же было мое разочарование, когда вся лекция д-ра свелась к тому, как не надо работать; ежеминутно он поворачивался к высеченной мной форме и с каким-то гневом указывал на нее: «Вот так ***не надо*** работать». Тут же выяснилось нам впервые, что формы должны быть сложены из пересечения плоскостей под углами (система гранников), что формы, иссекаемые нами, боятся округлостей; моя же форма была сплошь округлой. Мне казалось: неспроста громит д-р мою работу; он громит весь мой внутренний мир, плененный Люцифером; я сердился на себя, на д-ра, на Эккартштейн, насильственно затащившую меня на этот архитрав и провоцировавшую меня на работу, которую так громил д-р.

В эти дни уехала из Дорнаха С.Н. Кампиони. М.В. Волошина стала сильно дружить с инженером Энглертом, познакомила меня с ним; и с той поры начинаются наши частые встречи и разговоры с Энглертом; он оказался замечательно умным, весьма начитанным человеком: прекрасный математик, талантливый инженер, астроном, астролог и глубокий знаток исторической мистики, он быст-

ро выдвинулся в ряду строителей, оттеснил первоначального архитектора Шмидта и, в сущности говоря, один руководил всеми инженерными и строительными работами; он разрешил весьма остроумно проблему соединения куполов *«Bau»*; доктор ежедневно являлся в его комнату при *«Bau»* и просиживал с ним часами; беседы с Энглертом мне очень многое дали.

Май.

Антропософская публика продолжает все прибывать в *«Bau»*; появляются англичане Смитс, муж и жена; появляется русский египтолог Колпакчи из Лондона и проходится бурей по всем архитравам; его заставляют сшибать лишнее дерево; он сшибает все, что может; впоследствии, годами считались с работою Колпакчи; всюду, где он ни работал, он напортил, срезав излишнее; появляются художники Полляк (муж и жена) из Праги; появляется английский художник (фамилию забыл), расписывавший впоследствии купол; появляется из Парижа писатель Леви, антропософ, впоследствии вышедший из Общества, появляется m-lle Зауэрвейн, приезжает 70-летняя старушка Китель; наконец: приезжает из Москвы сперва А.С. Петровский с годовым отпуском, чтобы работать при *«Bau»;* приезжает М.И. Сизов (тоже — надолго); приезжают очень многие иные антропософы; в Дорнахе собирается не менее 200 антропософов; всем теперь есть место для художественной работы; менее опытные поступают под руководство к «спецам»; Сизов и Петровский пристроиваются при архитравах; Трапезников, перевязанный фартуком, бегает по постройке; он все что-то мажет; горячка работы охватывает нас всех настолько, что внутренние переживания отступают перед заботами дня; умолкает мой бунт против д-ра Штейнера (я теперь сознаю, что апрельские переживания, в сущности говоря, были бунтом моим против пути).

Я не помню, почему случилось так, что мы по восстановлению сарая очутились на другом архитраве; но Катчер почему-то решила, что надо пока оставить нам архитрав Марса; она предоставила нам громадный архитрав Сатурна, на котором мы вчетвером и стали работать; архитрав этот был из белого бука, т.е. твердейшего дерева; работать на нем было чрезвычайно мучительно; у меня все ладони превратились в незаживающие раны; стамеска ломалась; сколько раз мне казалось, что это не дерево, а кость (дуб казался просто воском по сравнению с белым буком); несколько дней мы упорно работали, отстучали руки (по утрам я не мог разогнуть себе пальцы от боли), а работа — не подвигалась.

Эти дни отметились тяжелым инцидентом с Катчер; уже давно среди резчиков стало складываться убеждение, что Катчер, которой доктор поручил архитравы, не сумеет справиться с ответственным поручением; она все более и более растеривалась, не будучи в состоянии измерить все 24 архитравных формы, ни тем более конкретно следить, как проводится работа на архитравах; она давала нам противоречивые указания; вместе с тем не позволяла резчикам взять работу на свою ответственность; кроме того: ее неуравновешенный характер оказался источником многих недоразумений; постоянно выходили ссоры между ней и группами работающих; и наконец: она, как скульпторша, оказалась менее опытной, чем можно было думать. Уже с апреля обнаружилась сильнейшая оппозиция среди антропософской молодежи; указывали, что подлинные резчики-художники, на деле пока-

завшие себя (отработавшие капители) суть Митчер, Дубах, Штраус, Кемпер, фон Гейдебрандт, Вольфюгель, Людвиг, Хольцлейтер и другие; им и следует-де поручить организацию резной работы на архитравах; работающая молодежь выбрала комиссию; комиссия произвела самочинный инспекторский смотр, обнаруживший непродуктивность и бессистемность работ, руководимых Катчер; состоялось собрание, на котором работающие вынесли резолюцию такого характера: д-р Штейнер поручил в сущности не Катчер, а всем нам архитравы; и следовательно: мы должны быть ответственны за работы; перелагать ответственность на одну Катчер несправедливо; это была формула подготовляемой перемены власти; и — формула удаления Катчер; предварительно молодежь снеслась с высшим управлением по постройке *«Bau»* и с *«Johannesbauverein»,* во главе которого стояли Гросхайнц, Энглерт, архитектор Шмидт, д-р Унгер и прочие; управление ответило, что признает вполне контроль коллегии резчиков над Катчер; и — высказалось, что на бунт против Катчер оно посмотрит нейтрально, предоставляя нам разрешение вопроса о Катчер; тогда молодежь организовала группы работающих на архитравах; каждая группа должна была взять себе по архитраву; в каждой группе должен быть *«Gruppenführer»**, т.е. лицо, ответственное за архитрав; оно должно измерить архитрав, изучить модель, вымерить по основной модели *«Bau»,* стоящей в Доме Гросхайнцев, вычислить размеры и понять, где сколько надо снять сантиметров дерева; и потом, составив план работы, распределить работу между участниками группы; таким образом каждый руководитель группы был вполне ответственен за свой архитрав; общий руководитель в сущности лишь координировал работу групп, но не входил в детали работы; таким руководителем был избран Митчер, брат Митчер, заведующей кантиною. Катчер страшно обиделась, узнавши, что переворот совершился и что ей следует уйти с архитравов (ей предложили другую работу); за Катчер никто не заступился, кроме Аси и меня; мы почему-то страшно ратовали за нее; по существу мы соглашались, что новая организация работы рациональнее прежней, что в этой организации — выход из тупика, в который мы попали; но нас возмущала грубость, с которой свергали Катчер Митчер, Дубах и прочие; помнится, по этому поводу я имел очень резкое объяснение с Митчером, после которого я сказал в кантине фреляйн Митчер: «Ваш брат ведет себя не как антропософ, а как прусский капрал...». Тем не менее — факт совершился: появились группы и их руководители; Ася оказалась в числе руководителей; с той поры начинаются ее почти ежедневные путешествия на виллу Гросхайнц — вымеривать модель; помню Асю в эти периоды, вечно вычисляющей, с карандашиком в руке и с записною книжечкою; наш архитрав покрылся масштабами, отметками углем: 20, 30, 7, 5, т.е. 20 сантиметров снять, 30 сантиметров снять и т.д. Думаю, что в отместку за мое нападение Митчер выбрал меня руководителем на архитраве *«Венера»,* дав мне помощницами двух опытных художниц и резчиц — Кучерову (чешка) и Гюнтер (немка); мне же сказали, что у меня есть вкус, а это — главное (надо было по малой гипсовой модели, где форма была в округлостях, представить себе эту форму, сложенную гранником, т.е. из пересекающихся плоскостей: количество плоскостей и способ их пересечения за-

---

* «Руководитель» (*нем.*).

висел от моей фантазии); я представил себе форму, изложил свои представления Кучеровой и Гюнтер, а когда дело дошло до измерения архитрава и точного расчисления в сантиметрах, то я запутался; Кучерова и Гюнтер быстро отобрали у меня карандашик и книжечку и стали производить вычисление без меня; мне особенно бросилась карикатурность моего положения: быть руководителем ответственной работы, не будучи ни художником профессионалом, ни резчиком; и я понял тогда, что выбор меня руководителем есть насмешка надо мной Митчера; тогда я обиделся, отказался от архитрава «Венеры» и засел у себя дома дней на 10.

Эти десять дней я употребил на подготовку собрания стихотворений для *«Сирина»*[848]; а также: в эти дни я написал несколько стихотворений, между прочим: *«Открылось: весть весенняя»*, *«В волнах золотистого хлеба»*, *«Я засыпал...»* и др.[849] В эти дни я не показывался ни в *«Вau»,* ни в кантине; с последней я чувствовал себя в ссоре; Ася уходила на работы одна; обедал я главным образом у Трапезникова; или же в *«Zum Löwe»*. В эти дни д-р уезжал в Берлин[850]. Во время отъезда М.Я. Сиверс пригласила нас с Асей к себе на чай в новую виллу (villa Hansi)[851], в которой поселились она, доктор и фреляйн Валлер; я читал М.Я. отрывок из перевода «Мистерии» доктора; и новые, мной написанные стихотворения; она мне сказала: «В ваших стихах — отражение антропософии». Я был этим очень польщен.

Приблизительно к середине мая домик Рихтера уже был отстроен; днем открытия домика и как бы его освящением я считаю лекцию вернувшегося из Берлина д-ра Штейнера в этом домике[852]; лекция была на тему о живописи; всех лекция сильно задела; во время нее разразилась гроза.

Во второй половине мая я снова появляюсь на архитраве; и застаю Асю работающей с Наташей и с Поццо вновь на Марсе; сказалось рациональное распределение работы; переложение ответственности с одного руководителя на многих привело к быстрому темпу работы; в сущности ответственны были все работающие; Ася берет меня себе помощником; и задает порции работы; сперва я лишь подсобляю ей; потом веду самостоятельную работу уже вполне сознательно; целыми днями проводим мы на Марсе; работаем мы на мостках, громоздя на мостки груды ящиков и вскарабкиваясь на них; особенно трудна была порученная мне Асей работа внизу, под архитравом; чтобы работать, я должен был лечь на дощатом полу, накрыться бумагой и сшибать дерево в лежачем положении; помнится, — в эти дни доктор Штейнер лично совершал обход работы раз, а то и два раза в день (обычно часов около двенадцати, а если второй раз, то около 4½); он останавливался перед формой, обмеривал ее глазами и отмечал лично углем, как надо вести плоскости; иногда он взлезал на мостки, карабкался на ящики, брал в руку стамеску и делал отметки, зарубки и т.д. Более всего он вступал в разговоры с руководителем группы; Асе пришлось много иметь дело с доктором; она привыкла к нему; и иногда, увидевши его в сарае для работающих, подходила и тащила его к нашему архитраву, советуясь с ним о работе. Из Аси вышла отличная руководительница; она прекрасно понимала плоскости, линии, их координацию и прекрасно вычисляла, где сколько надо снять дерева; кроме того: она умело и нас втягивала в работу; эти дни работы на Марсе — прекрасное время; в наш архитрав мы почти влюбились; Наташа оказалась тоже

прекрасной работницей; она взяла себе определенный угол архитрава и отрабатывала его с большой художественностью; я — работал недурно; менее успешно работал Поццо; но все же: мы оказались хорошим, спевшимся в работе коллективом; работа нас так увлекла, что мои отношения с Наташей исправились; мы относились вновь с доверием друг к другу.

Дома мы почти не жили; приходили к 10 часам на работу, в 12 часов обедали, обыкновенно на воздухе; за наш столик, поставленный среди травы, садились русские (Волошина, Анненкова, Сизов, Петровский); с последними двумя мы почти не видались; оба дружили с участниками своих рабочих коллективов; после обеда лежали в траве, а иногда поднимались на *«Ваи»*: обходили его; при нас на огромных цепях поднимали огромные части колонн; уже отстраивались порталы; выходили из бетонных форм всё новые и новые бетонные части первого этажа; *«Ваи»,* бывший, так сказать, скелетом в дни нашего приезда, — обрастал формами; внутри его появились бетонные комнаты, переходы, коридоры; купола были выведены; поражала нас линия соединения куполов; но купола не были еще покрыты черепицею; камень для черепицы еще не был привезен из Норвегии: он оказался тем самым камнем, оттенок которого нас с Асей когда-то поразил между Христианией и Бергеном; к 2 часам *«Ваи»* наполнялся множеством рабочих, стукотней молотков, гомоном голосов; работало здесь несколько сот рабочих; рабочие делились на 3 группы; одну группу составляли гамбургские рабочие; другую группу итальянцы; третьей группой, самой немногочисленной, были местные швейцарцы. Одно время рабочие, не договорившись с конторою, т.е. с Лисау, с Лихтфогелем и др., устроили забастовку, предъявив администрации *«Ваи»* ряд требований; в администрации голоса разделились: Энглерт повел линию рабочих, настаивая на удовлетворении требований; а д-р Гросхайнц настаивал на том, что на требования рабочих согласиться нельзя; с той поры Гросхайнц и Энглерт постоянно вели борьбу друг с другом; была партия Гросхайнца (более буржуазные элементы среди антропософов) и была партия Энглерта (более радикальные элементы, антропософская молодежь); мне кажется, что доктор был в то время более с Энглертом.

В два часа мы поднимались на работы; в 4 шли пить кофе; в 4 ½ становились опять на работы, а в 7 спускались к кантине в ожидании ужина: ужинали в 7 ½. Это вечернее время мне особенно памятно: *«Ваи»* был особенно красив в вечернем освещении; в эти часы по лесам мы часто карабкались под купол; существовало в то время отверстие купола; из этого отверстия мы вылезали наружу и стояли на самой вершине купола, смотря на расстилавшиеся под ногами дальние окрестности; были даже смельчаки, которые взлезали на купол снаружи по веревочным лестницам; скоро управление *«Ваи»* строго запретило эти гимнастические упражнения. Часу в девятом лишь мы возвращались с Асей домой; проходя по Арлесгейму, мы закупали к вечернему чаю сластей и, придя домой, кипятили на спиртовке чай; обыкновенно к этому времени нас так страшно тянуло спать, что мы едва дожидались чаю (сколько раз Ася засыпала, прикурнув на диванчике, и я ее не мог никак уже поднять к чаю); укладываясь в постель и раздеваясь, я обнаруживал всюду щепки: щепки оказывались в кармане, за воротом рубаш-

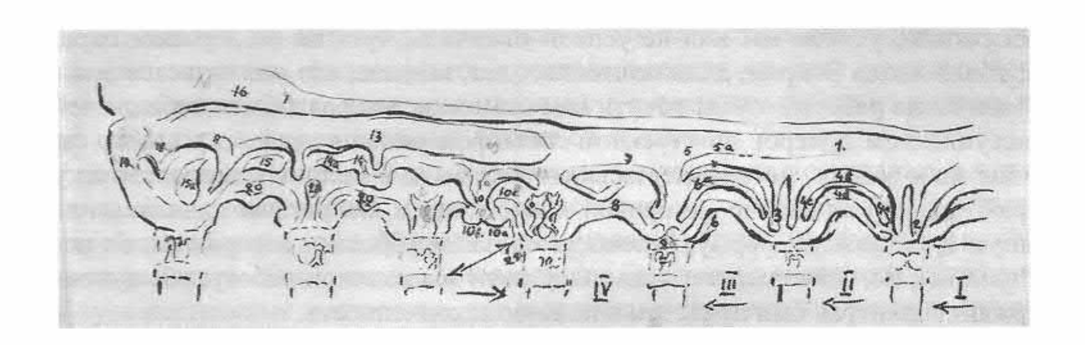
ки; дерево было — пахучее, свежее; в 11 часов мы уже погружались в сон, чтобы на другой день вовремя поспеть на работу (вечерние и утренние медитации в эти дни трудно давались).

По праздникам работ не было, но в теле чувствовалась большая разбитость и как бы развинченность (все тело болело); обыкновенно к нам тогда приходили в гости: Рихтер, Ледебур, Поццо, Трапезников или Петровский; иногда мы устраивали прогулки в окрестности Дорнаха, поднимаясь к старым развалинам рыцарских замков (над *«Ваи»* вокруг Дорнаха, в амфитеатре гор сидело 3 замка; и нам казалось, что они враждебно покашиваются на *«Ваи»*).

В это время я переписывался с некоей *«Надей Штрассер»,* живущей в Мюнхене; *«Надя Штрассер»* предлагала мне перевести *«Петербург»* на немецкий язык[853]; впоследствии я узнал, что на мысль о переводе ее натолкнула фрау Моргенштерн (вдова поэта).

Июнь.

Все усиливающийся темп работы выдвигает вопрос о сдаче архитравов; оказывается, что инженерные работы по сооружению *«Johannesbau»* требуют, чтобы к известному сроку все архитравы, над которыми мы работали в сараях, были бы подняты под купол и своевременно укреплены между колоннами; поэтому Энглерт и Шмидт объявляют коллегии резчиков, что последний срок сдачи архитравов — такое-то число; выясняется, что впоследствии возведутся леса и окончательная отделка архитравов нами уже будет производиться на лесах, под большим куполом; и все же: нужна минимальная отработка архитравов в сарае; нужно прежде поднятия придать им законченный вид (все это касается архитравов большого купола); среди резчиков поднимается переполох; у большинства групп архитравы оказываются в таком положении, что они не будут готовы к моменту инспекторского осмотра (к такому-то числу); многие руководители групп заранее отказываются привести свои архитравы к полной готовности; мы находимся в таком же положении: работы уйма, а срок — короткий; тем не менее мы даем совершенно безумное обещание: к назначенному сроку привести наш архитрав к полной законченности; я не помню числа, в которое мы должны были сдать архитрав, но помню, что в субботу архитрав должен был быть сдан администрации[854]; обещание сдать его мы даем в среду; следовательно: нам остается лишь два дня; наши соседи по архитраву (тоже по Марсу; все архитравы, кроме Сатурнова архитрава, — парные) решительно отказываются закончить архитрав свой к субботе; и — стало быть: он будет поднят к куполу в незаконченном виде; они смеются над нами, утверждая, что мы дали совершенно неосмысленное обещание: все равно его не выполнить, потому что работы еще много на нашем архитраве; в группе наших соседей сильные работники (рубка требует физической силы); нам указывается, что мы все сравнительно слабосильны; не говоря уже о художественной законченности, у нас просто не хватит силы, чтобы физически вынести работу; мы и сами это понимаем, но не отступаем от плана; мы берем себе в подмогу художника Розенберга и с четверга уже с семи часов утра мы на работе; никогда не забуду бешеного темпа работы этих последних двух дней; наш архитрав с семи часов

А.А. Тургенева. Резные детали интерьера Гетеанума
Эскиз. Бумага, тушь, перо. ГМП

утра до восьми часов вечера буквально трещал под ударами пяти молотков, ударяющих по пяти стамескам; здесь приходилось вырубать непочатые деревянные массы, там приводить к окончательной отработке плоскости; здесь — домеривать; там — выравнивать фон; там — заострять грани; помню, что мне с Розенбергом приходилось выбивать дерево из углов: дерево здесь оказывалось ссохшимся, перетвердевшим, напоминающим кость; вдобавок в дерево здесь были рабочими всажены гвозди (вопреки запрещению); стамеска налетала на гвоздь, кончик ее ломался; и она поступала в точильню к Эльрам; мы запаслись целым ассортиментом стамесок от огромных до малюсеньких, которые мы прозвали *«козьими ножками»*; в одном месте приходилось работать полукруглой стамеской, в другом — плоской (в зависимости от характера работы и внешнего вида, который надо было придать плоскости); к обеду мы сбежали лишь к часу и уже <в> 1½ стояли опять за работой; к кофе вовсе не сходили, а работу кончили не к семи, а к восьми, проработав до 12 часов в сутки (а труд был тяжел); порою я впадал просто в какое-то одеревенение; рука отказывалась вовсе служить; то со мной, то с Асей, то с Поццо делались какие-то особые припадки злобной раздражительности совершенно иррациональной (мы потом назвали этот род мускульно-нервной усталости *«архитравною лихорадкой»*: многие болели ей периодически): несколько раз я бросал работу и усаживался на деревянный обрубок в совершенной оцепенелости; и потом, минут через 5, вновь принимался за работу; к концу первого дня выяснилось, что в один день работы все же не окончить; унылые и измученные мы вернулись домой. На другой день, в пятницу, с шести часов утра мы уже были все на местах; и с тем же бешенством стучали стамесками, хотя руки были так натерты, что при ударах колотушки по стамеске приходилось чуть ли не вскрикивать от боли. Пятницу провели мы в том же бешеном темпе; и к шести часам вечера выяснилось, что мы можем закончить работу при условии, что нам администрация в виде исключения разрешит работать и ночью при свечах (с наступлением сумерок запрещалось внутри места, отведенного постройке, зажигать свет ввиду громадного скопления дерева, стружек, щепок и ввиду сухой погоды: курить мы сбегали за ограду, к кантине); с трудом мы добились разрешения; к нам подходили группы антропософов

и обсуждали, успеем мы или не успеем окончить, чуть ли не держали пари на нас; точильщица Эльрам, дама почтенных лет, заявила, что она остается при нас до окончания работы, чтобы точить нам стамески; мы раздобыли себе свечей; и с наступлением сумерок при тусклом свете фонариков в мраке огромного сарая продолжали работу; последние часы мы уже были в полном изнеможении; уже не работали, а с какой-то истерикой стамесками и молотками кидались на огромную архитравную форму; Розенберг оказался хорошим товарищем; он помогал нам, как мог. Наконец в первом часу ночи мы кончили работу: обещание мы сдержали; архитрав был приведен в полную законченность.

На другой день мы все проспали часов до трех дня и появились в *«Вау»* уже к вечеру; мы видели, что архитравы рабочие перевезли в *«Вау»* и некоторые на цепях были уже приподняты на огромную высоту под купол: нам сказали, что утром в сарае появился доктор Штейнер и прямо направился к нашему архитраву; он долго его разглядывал, отошел от него, сел на деревянный обрубок перед ним; и задумчиво, долго продолжал разглядывать нашу работу (уже впоследствии, характеризуя работу, он выразился о нашем архитраве так: «Это наиболее изящно сработанный архитрав среди всех других». И еще он сказал, что в этом архитраве вполне отразился творческий замысел его).

Так закончился первый крупный этап в резной работе: архитравы большого купола, числом 13, были вырублены; и вчерне готовы; теперь нам предстояла такая же работа относительно архитравов малого купола, числом 10; одиннадцатой была огромная форма, синтезирующая все мотивы архитравных форм; она сбегалась к гигантской пентаграмме, которую надлежало вырезать; некоторое время для отдыха мы работали в смежном сарае на так называемых фонах, т.е. на формах, которые соединяли потолок от колонн к округлой стене; работа для нас, уже опытных резчиков, после работы на архитравах была пустяшная; надо было снимать лишь внешний слой дерева; тут важна была не форма, а особая штриховка стамесочных срезов; характер штриховки дал доктор; мы прозвали эту штриховку штриховкой *«в ёлочку»*; к этому времени кроме основных работников съехалось множество временных гостей антропософов; они приехали на летние месяцы: появились берлинцы, мюнхенцы, штутгартцы, венцы, голландцы, скандинавы, чехи, англичане, швейцарцы; в Дорнахе оказывалось уже до 400 антропософов; доктор Штейнер читал теперь по субботам лекции в сарае; на эти лекции приезжали на день ряд швейцарских антропософов из Берна, Люцерна, Цюриха и из французской Швейцарии; на субботних лекциях присутствовало в сарае до 500 человек; из России на побывку приехала Т.А. Полиевктова и Григоровы (муж и жена); многие из приехавших рвались к работе; но подпускать их к ответственной архитравной работе было нельзя; вот их и пускали на *«фоны»*; эта работа на *«фонах»* считалась нами одним баловством, почти не нужным строителям *«Вау»* (все равно эта работа впоследствии была заново переработана): а работающим гостям казалось, что они действительно приносят пользу; мы же считали, что работа эта поставлена для утешения *«гостей»*; было смешно смотреть, с какой важной миной снимали легкие слои дерева старушка Калькрейт, Григоровы и другие приезжие.

В этот период д-р Штейнер разительно переменил стиль своих лекций: вместо тем мистических, философских, христологических он брал темы исключительно художественные, имеющие отношение к текущим работам; к этому периоду относится его замечательная лекция об орнаменте[855].

Уже отстроилась около *«Ваи»* деревянная контора, где помещалась администрация *«Ваи»*, инженерная, чертежная комната и комната моделей; сбоку в пристройке работала мисс Мэрион, лепя модели различных форм, долженствующих украсить *«Ваи»*; внизу, в подвальном бетонном помещении расположились художественные мастерские, где разрабатывались эскизы доктора для расписания купола; здесь были мастерские Эккартштейн, Волошиной, Перальтэ, Линде, супругов Полляк, Валлер и Классен; баронесса фон Эккартштейн должна была приготовить эскиз огромной головы Человека, ведомого к посвящению; она несколько раз приводила меня в свою мастерскую и копировала мои глаза; *«глаза»* для Посвящаемого она хотела взять у меня; эти сеансы у Эккартштейн скоро превратились для меня в живые и занимательные беседы с ней; мы много говорили о поэзии; она читала мне вслух Уланда; скоро она задружила с М.И. Сизовым; у нее также была своя лабораторийка, где она делала опыты над красками, добываемыми из цветов; краски получались интересные, но нужно было уметь их закреплять; для этого требовался химик-специалист; его она искала; лейб-химик *«Ваи»* был д-р Шмидель; вся лабораторная работа сосредоточилась у него; но Эккартштейн враждовала со Шмиделем; ей непременно нужна была своя лаборатория; поэтому она схватилась за талантливого молодого русского студента, приехавшего из Германии на побывку к сестре, за Н.А. Маликова; он был химик по специальности; на нас, антропософов, он косился; но Эккартштейн почему-то ему импонировала; она забрала его в свою лабораторию и целые дни они возились над изготовлением каких-то веществ, нужных для закрепления красок; через нее Маликов принял антропософию и стал членом О-ва (это было уже месяца три спустя).

В эти дни д-р Штейнер дал нам *E.S.* На *E.S.* впервые были допущены Наташа и А.М. Поццо.

Со второй половины июня были распределены работы над архитравами малого купола; Ася была назначена руководительницей на архитраве Юпитера (клен); опять начался период вымеривания и разметок; потом мы принялись за работу; клен оказался очень твердым и непокладистым деревом; мы привыкли к дубу, и чтобы привыкнуть к клену, надо было потратить несколько дней на ознакомление с техникой работы; я деятельно помогал Асе; Наташа и Поццо не работали с нами: Наташа была назначена руководительницей на другом архитраве (кажется, — на Марсе же); кто с нами работал в ту пору на клене — не помню: не то Луна Дрекслер, не то О.Н. Анненкова. Мы начали с верху: работали на лесах, очень высоко над землей; надо было к нам взбираться по шаткой лесенке; ритм дня был все тот же; так же около 12 часов, перед обедом, появлялся доктор и осматривал наши работы, давал указания, делал отметки углем; иногда М.Я. Сиверс сопровождала его; однажды они появились втроем, с писателем Леви: М.Я. позвала меня и представила Леви; Леви рассыпался в любезностях и сказал, что он много слышал обо мне. Другой раз произошла за-

бавная картина; увидав доктора и М.Я. с своих лесов, я так стремительно высунулся вперед (мне нужно было позвать доктора, чтобы спросить его о какой-то детали работы), что потерял равновесие и со стамеской в руке и с огромною колотушкой в другой руке рухнул с высоких лесов прямо под ноги М.Я. и чуть не сшиб ее с ног; она страшно перепугалась; д-р же не обратил никакого внимания на мое падение.

В это время чаще и чаще стал появляться около нас Рихтер; он стал доказывать, что нам следует работать в его мастерской над стеклами и бросить работу на архитравах; уже заказанные стекла пришли из Парижа; они были вылиты из разноцветного, цельного стекла (одно окно — красное; два — синих; два — розовых; два — зеленых; два — желтых и т.д.); толщиною они были не менее дюйма; каждое окно состояло из трех огромнейших стекол; их надо было вырезывать особыми сверлильными аппаратами, соединенными электрическим проводом с бор-машиною; работа должна была производиться на площадках, перемещающихся на рельсах; чтобы стекла не трескались от нагревания во время сверления, они поливались все время холодной струею воды; работать надо было в каучуковых балахонах и в каучуковых перчатках, чтобы не промокнуть. Сперва надо было на пробных кусках стекла учиться технике ведения линий по стеклу, углублению их, срезанию стекольных слоев; надо было учиться держать аппарат; когда он начинал действовать под влиянием электричества, то все тело сотрясалось и резец ежеминутно выскакивал из руки и ударял по стеклу: стекло — разбивалось; надо было сперва научиться твердо держать в руке сверлильный аппарат; разбить цельное стекло — значило: уничтожить 20000 франков (каждое стекло стоило до 20000 франков). Мы в этот период иногда заходили к Рихтеру и упражнялись на пробных осколках стекол. Я сразу решил, что эта работа — не для меня, что я никогда не буду умело держать сверлильный прибор; и стало быть: непременно разобью стекло; Рихтер убеждал меня в противном; проба стекол у Аси шла удачней, но и ей не очень хотелось переходить в мастерскую к Рихтеру; работа на архитравах у нее шла блистательно; там она была полезна, а здесь — надо было еще всему заново учиться. Так вопрос о стеклах еще все висел в воздухе; мы решили отложить до осени вопрос о нашей специализации по стекольному делу.

Вместе с тем Рихтер нам стал говорить, что кроме *E.S.* есть еще интимнейшие собрания у доктора для избранных членов, посвятивших себя духовной работе, и что нам следует проситься у М.Я. на эти собрания; мы с Асей отвечали не раз Рихтеру, что проситься мы не хотим, ибо не считаем себя достойными попасть на такие собрания; но Рихтер сказал, что мы проситься обязаны: такова форма; что оттого он нам и говорит об этих собраниях, что мы созрели для того, чтобы быть допущенными на них; тогда Ася отправилась к М.Я. и поставила ей прямо вопрос о допущении нас на собрания; М.Я. сказала, что передаст наши слова доктору; через некоторое время она подходит к нам и говорит: доктор согласен нас допустить на собрания, но они бывают очень редко; в Дорнахе, например, они не предвидятся; но вот в начале июля д-р едет в Швецию и в городе Норд-Чёпинге читает шведам курс лекций; там будут и *E.S.* и эти, более интимные, собрания; если мы хотим попасть на них поскорее, то мы можем поехать в Шве-

цию; мы с Асей решаем, что после усиленной работы трех месяцев нам не мешало бы отдохнуть и освежиться поездкой; мы решаем в начале июля двинуться в Норд-Чёпинг; туда же собираются ехать: Форсман, Петровский, Сизов и Григоровы.

В последних числах июня все зацветает розами: Дорнах и Арлесгейм превращаются в какие-то *«розовники»*; в воздухе стоит пряное благоухание роз; и странно: с расцветанием этим с огромной, интенсивною силой пробуждается вновь моя влюбленность в Наташу, с которой я уже не борюсь.

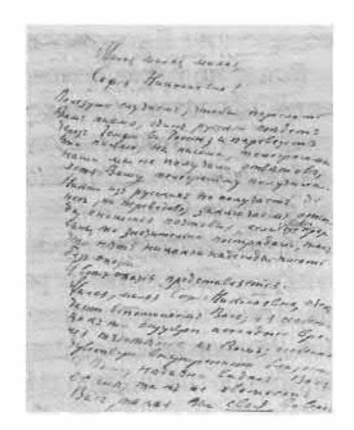
Июль.

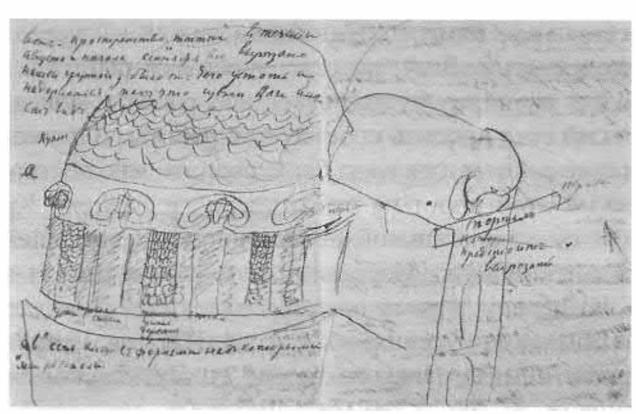
В этой влюбленности много теперь переживаю я чистого и непосредственного; но много накручивается вокруг нее и больного; я думаю о том, что судьба точно нарочно отстранила от меня Асю с Бергена; все мои усилия протянуться к Асе и поведать ей мой внутренний мир разбиваются о какую-то кору ледяной холодности, равнодушия; при попытках разбить на ней эту видимость отдаления от меня, доходящего до безучастия, я наталкиваюсь на почти испуг; Ася съеживается; и не то, чтобы у нас не было умных, интересных разговоров, и не то, чтобы Ася не заботилась обо мне; она мне оказывает много внимания, — но не там именно, где я таю свои наиболее огненные вопросы, связанные с путем, с ощущением себя в антропософии, с ощущением в тайне моего пути с доктором; тут обнаруживается удивительная, я бы сказал, холодность, переходящая в жестокость; и потом: я невольно замечаю, что я во всем завишу от Аси; я не мыслю себе недели, проведенной без нее, а она — как будто вовсе не нуждается во мне; это создает в наших отношениях мою полную зависимость от нее; все наши передвижения, весь стиль нашей жизни, обусловлен ею; не было случая, чтобы она мне уступила в чем-нибудь; это чувство привязанности к ней тем более апеллирует к большой общительности между нами в *последнем,* в *центровом*; но именно тут она молчит, как могила. И в этой-то точке вынужденной отдаленности от нее появляется опять Наташа, и я, не желая, все поворачиваюсь на нее; весной этот поворот на Наташу переживаю я, как падение и как грех: я все жду, что доктор разгромит меня за эти грешные чувства; но доктор вовсе не обращает внимание на мои отношения с Наташей, а к самой Наташе относится с все большей внимательностью, подчас даже с нежностью; мне начинает казаться, что доктор очень интересуется внутренним миром Наташи; так Рихтер, в мастерскую которого иногда заходит доктор и с ним сидит, однажды прибегает к нам и, выпуская клубы дыма из трубки, говорит: *«А у Natascha — четыре крыла...»*. Я — недоумеваю. Рихтер — поясняет: «Сегодня ко мне приходит доктор; и — говорит: «Знаете ли, Рихтер, у Frau Pozzo-то: не два крыла, а — четыре крыла...» (доктор иногда любит выпаливать гротески, парадоксальные вещи; иногда он ни с того ни с сего скажет такую *«дикость»*, от которой способен на землю грянуться бык); этот разговор Рихтера с доктором о Наташе и другие мелочи отношения доктора к ней повышают мой интерес к Наташе; однажды, когда мы с Наташей шли по лугу и встретили на повороте дорог доктора, он очень пристально и, как мне показалось, с любопытством оглядел меня и потом глазами остановился на Наташе; мне показалось, что он *все* знает о моих чувствах к Наташе; и зная, — странно не осуждает меня. Это посте-

пенно укореняющееся убеждение в том, что таинственное отдаление от меня Аси именно с момента моего духовного взлета и столь же таинственное появленье Наташи в моем внутреннем мире в момент появления меня на земле после духовного странствия — не случаен: в нем — судьба, рок; а тут — расцветают розы; а тут — Наташа странно, невероятно хорошеет и, как мне кажется, в свою очередь влюбляется в меня, борется со своим чувством; но непреодолимая сила начинающейся страсти между нами, вспыхнувшая из внутреннейшей переклички нас, — бросает нас друг к другу; никогда не забуду: розовый вечер; мы сидим на балкончике кафе (я, Ася, Григоровы и Наташа) в Арлесгейме; кругом — сплошные розы; розы — на домах, розы — на лугах, розы — вокруг нас; Наташа вся в белом, с букетом роз в руке; она — невыразимо хороша; и нас — тянет друг <к> другу; так во мне разыгралось это сидение в кафе; с этого момента — я перестал бороться со своим чувством, но я переживал себя совершенно несчастным и разбитым.

В эти дни обнаружилось, что на Mattweg жить нам всем неудобно: и Е.А. Ильиной, и нам с Асей; Е.А. сняла для нас всех общую квартиру, в Арлесгейме же, но у самой окраины, выходящей на луг, ведущий к *«Ваи»*[856]; в расстоянии 10 минут ходьбы от стройки находился домик, изолированный, весь в зелени, у остановки трамвая, ведущего в Базель; в будущей нашей квартире (о пяти комнатах, с кухней — 2 комнаты брали мы, а 3 — Е.А. с братом, Н.А. Маликовым, остающимся в Дорнахе) — в будущей нашей квартире была дверь, ведущая на плоскую крышу; мы спешно перебрались с *Mattweg*: Е.А., кажется, временно перебралась к сестре, к К.А. Дубах, а мы перебрались пока в единственную, чердачную комнатушку в каком-то домике, пока нам отделывали квартиру; квартира должна была быть готова к первому августу; ввиду нашего скорого отъезда в Норд-Чёпинг мы не слишком тяготились нашей единственной чердачной комнатушкой; Ася целыми днями пропадала на *«Ваи»*, а я с июля принялся за сокращение *«Петербурга»* для немецкого издания; через мою переводчицу мы договорились с издателем, Георгом Мюллером.

Никогда не забуду эти предотъездные дни, когда мы собирались в Норд-Чёпинг; я сидел дома, или заходил в арлесгеймское кафе и усиленно правил текст *«Петербурга»,* иногда бросая работу и отдаваясь мыслям о Наташе; на наш отъезд я смотрел с надеждою, как на последнюю попытку забыть Наташу (о, как был бы я счастлив, если бы она не жила здесь, при *«Ваи»*!). Дни стояли бессолнечные, душные, грозные; на *«Ваи»* обнаружилась тяжелая история: архитектор Шмидт произвел какие-то неверные вычисления, в результате которых огромные формы, заготовленные для ваяния, надо было сызнова сделать; и кроме того: обнаружились какие-то злоупотребления с поставкой дерева; в счета ставилось дерево первого сорта, а оказалось, что для многих изготовляемых деревянных форм для ваяния ставилось дерево второго сорта; при работе наталкивались на гнилые участки дерева, которые надо было вырезать из уже приготовленных форм и заменять новыми, соответственными частями, что отнимало много времени; во всем винили архитектора Шмидта, оказавшегося кроме того малодеятельным, ненаходчивым; наоборот: Энглерт своим талантом, умением, вкусом и математическими способностями все более и более выдвигал-

Андрей Белый. Письмо к С.Н. Кампиони с изображением строящегося первого Гетеанума
Дорнах. 1914, сентябрь. Автограф. ГМП

ся в среде дорнахских антропософов. Таким образом, все складывалось к тому, что надо было по возможности мягко отстранить Шмидта от руководства постройками и отдать это руководство Энглерту; этот процесс смены правления мучительно переживался участниками работы.

Уже отстраивались три громадных портала; и стены *«Ваи»* обкладывались гигантскими заготовленными формами из сплошного американского дуба (разрезанного на тонкие пласты, спрессованные друг с другом, вследствие чего достигалась деревянная толща каких угодно размеров); вокруг полукруга, образованного будущим зрительным залом, увенчанным большим куполом, уже была отстроена бетонная веранда, с которой открывался дивный вид на окрестности: в ясную погоду оттуда ясно был виден Эльзас: торчали гребни Вогез; а несколько правее всегда виделись холмы Бадена; и казалось, что их — рукой подать; *«Ваи»*, обложенный еще не отработанными глыбами, казался чудовищным животным, забронированный порталами и оконными формами; резную работу на внешних стенах и порталах мы как-то упустили из виду; и вот теперь обнаружилось: нам же придется изваивать эти деревянные горы глыб.

К началу июля начали обкладывать купола норвежским камнем, пришедшим к концу июня; и теперь уже целый участок одного из куполов лазурел в пространство.

В эти дни из Италии приехал к Е.А. Ильиной ее хороший знакомый и друг, социалист-революционер, некогда сосланный на каторгу, оттуда бежавший и живший эти последние года в Италии репетитором у детей Амфитеатрова — хороший знакомый Виктора Чернова, Савинкова и прочих революционеров; ему надоела успокоенная жизнь в Италии; он слышал о Дорнахе; и приехал посмотреть, как живут и работают антропософы; этот приезжий был Константин Андреевич Лигский; он всем нам очень понравился; понравился его приезд сюда, неизвестно зачем, на велосипеде, без гроша денег, без легальных документов; надо было его как-нибудь устроить; Энглерт стал хлопотать за него перед швей-

царскими властями, поручился за него; и — даже: внес залог; но Лигскому надо было достать работу; он стал проситься работать на *«Ваu»*; но было положено твердое правило: художественные работы могли вести только антропософы; Лигский стал просить себе черной работы; и даже: согласился гнуть железо (были такие работы, где надо было согнуть множество железных полос); с той поры Лигский стал простым работником при *«Ваu»*. Кроме того: к Н.А. Богоявленской (тоже нелегальной революционерке, ставшей антропософкой) приехал ее гражданский муж, Мордовин; и тоже помышлял вступить в Общество и работать по дереву; к тому времени русских в Дорнахе набралась целая группа; вот кого помню из русских: мы с Асей, Наташа, Поццо, Н.А. Богоявленская, Эльрам (русская немка), Пясковская (не то Лутковская, — фамилию не помню), Е.А. Ильина, К.А. Дубах, ее муж Дубах (полурусский, полушвейцарец — швейцарский подданный), Кемпер, баронесса Фитингоф, Мордовин, Лигский, Н.А. Маликов, Б.П. Григоров, Н.А. Григорова, Т.А. Бергенгрюн, Т.В. Киселева, М.В. Волошина, О.Н. Анненкова, Т.А. Полиевктова, Бразоль, А.С. Петровский, М.И. Сизов, Форсман, О.П. Костычева, Фридкина, Т.Г. Трапезников; к Ильиной иногда приезжал в гости социалист-революционер Руднев.

Наконец мы с Асей отправились в Норд-Чёпинг; вместе с нами поехали: Григоровы, Форсман, Петровский, Сизов и Волошина.

Я не помню деталей пути; помню лишь, что проездом через Берлин нас поразила ужасная атмосфера города; стояла страшная жара; на лицах у людей была какая-то гримаса томления и бреда; едва вынесли мы берлинский день; и вздохнули свободно лишь тогда, когда оказались на Stettiner Bahnhof* с билетом в кармане[857]; помню прекрасный переезд по морю от Стральзунда до Мальмэ; потом мы помчались берегом Швеции; Григоровы, кажется, попутно заехали в Стокгольм; в дороге выяснилось, что в сентябре доктор читает курс в 12 лекций в Мюнхене; и мы, разумеется, метили на этот курс.

В Норд-Чёпинге мы остановились с Григоровыми в одном отеле; и помнится, дружили с ними очень в эти дни; мы обратили внимание на то, что шведская полиция всюду вырастает перед нами; оказывается: шведы боялись русских шпионов; и появление нас, русских, в маленьком, весьма не посещаемом городке встревожило шведских городовых; но мы, признаться, не обращали никакого внимания на это; мы обратили внимание лишь на сообщения газет о покушении на Распутина[858].

Более всего были охвачены мы переживаниями норд-чёпингского курса, устроенного при участии графини Гамильтон, тетки нашей дорнахской Гамильтон; я не помню точного заглавия этого курса[859]; но его основная идея: закон кармы в христианском взятии в связи с идеей искупления Христом; доктор удивительно показал, что идеи кармы, перевоплощения и ответственности не только не противоречат идее искупления, но прямо вытекают из нее, если эту идею углубить и выпрямить из неправильных исторических и житейских искривлений ее; опять в волнах курса переживал я как бы омытие от всего грешного и земного, чем я оброс в Дорнахе; Наташа не стояла на моем горизонте в эти дни; с Асей чувствовал я при-

---

* Штеттинском вокзале (*нем.*).

мирение; и мы гармонически переживали курс; никогда я не любил доктора такой сыновней и благодарной любовью, как в эти дни; никогда не было у меня такой благодарности к Обществу, включившему нас в свою жизнь; вообще курс связался для меня с переживанием тепла, благодарности, подлинного смирения и любви; эта любовь как бы заливала все мое существо, переполняла меня; и я заставал себя — счастливо рыдающим, неизвестно почему.

Наше повышенное настроение, вероятно, объяснялось тем, что мы были приняты на интимнейшие собрания доктором, происходившие за городом, в доме старого шведского помещика, окруженном парком (в его имении); помнится, что Форсман, которая тоже добивалась принятия на эти собрания, — принята, однако, не была; мы с Асей чувствовали неловкость перед Сизовым и Петровским, которых мы видели каждый день и которые еще приняты не были. Были в Норд-Чёпинге еще и *E.S.* И, кажется, была публичная лекция[860]. На курс из Москвы приехала и К.П. Христофорова, чтобы тотчас же после курса уехать обратно в Россию; мы говорили с ней о том, что вероятно увидимся скоро в Дорнахе (она собиралась надолго туда приехать); увы, мы не подозревали, что события мира, скоро ворвавшиеся в жизнь каждого из нас, нас разделят; больше я К.П. Христофоровой не видел (прошло уже десять лет). После курса мы двинулись с М.В. обратно с мыслью провести день-два в Засснице, на берегу моря, и разобраться в уединении в впечатлениях курса и интимных собраний; с нами до Мальмэ ехали Григоровы, хотевшие провести несколько дней под Копенгагеном, чтобы потом вернуться в Москву; помнится мне длинный разговор с Григоровым в поезде, весьма меня утомивший; я думал: «Чего это он силится меня вразумлять: у меня иные учителя, иные руководители; непрошенного вмешательства в мой внутренний мир я не потерплю ни от кого»... Мы простились с Григоровыми несколько суше, чем следовало.

Не забуду ночного переезда из Мальмэ в Стральзунд[861]; море было великолепно; взошла луна: мы сидели втроем (с Волошиной) на корме и тихо говорили о тайнах мистерий; не понравилось лишь одно: какой-то человек с неприятным иезуитским лицом все подсаживался рядом; и старался расслышать наши слова.

Весь следующий день мы провели в Засснице; окна наших комнат выходили на море; море было невыразимого, фиалкового цвета; в небе — ни единого облачка; мы сидели на балкончике и тихо говорили о тайнах жизни; стояла невыразимая, какая-то неестественная тишина, нарушаемая только глухим рокотом орудий; это вдали происходили маневры германского флота; рокот орудий нам не понравился; что-то угрожающее слышалось в нем... Знали ли мы?..

На следующий день мы поехали на маленьком пароходике на Рюген; и посетили Аркону, место древнего славянского поселка; по словам д-ра, здесь был некогда центр славянских мистерий, а ныне — здесь стоят огромные столбы для радио-депеш; Аркона висит на громадных, белых гололобых скалах; под ней отвесно почва обрывается; это место образует мыс; кругом — зелень; граница древнего поселка отмечена зеленым, явственным валом; за ним — засеянные поля; мы забрались на самый высокий выступ над морем, сели в траву; и — както странно замолчали; точно далекое прошлое обступило нас; и тут передо мною отчетливо развернулся ряд ярких и совершенно невероятных образов, неизвест-

но откуда появившихся; мне казалось, что образы встали из земли; вот что мне привиделось: мне показалось, что странные, могучие силы вырываются из недр земли; и эти силы принадлежат когда-то здесь жившим арконцам, истребленным норманнами; они, арконцы, — ушли под землю; и ныне, там, под землей, заваленные наслоениями позднейшей германской культуры, они продолжают развивать свои страшные подземные, вулканические силы, рвущиеся наружу, чтобы опрокинуть все, смести работу веков, отмстить за свою гибель и лавой разлиться по Европе; я подслушал как бы голоса: «Мы еще — придем: мы — вернемся; мы — уже возвращаемся: отмстить за нашу гибель!». И тут какая-то дикая сила, исходящая из недр земли, охватила меня, вошла в меня; и — я как бы внутренне сказал то, что по существу не принадлежало к миру моего сознания; я — сказал себе: «*Карта Европы изменится: все перевернется вверх дном*». И тут мне мелькнуло место будущих страшных боев, где на одной стороне сражались выходцы из недр земли, вновь воплощенные в жизнь, а на другой — представители древней, норманнской и тевтонской культуры, как бы перевоплощенные рыцари; местом боя представилась — Польша, Литва (знал ли я, что бои тут закипят уже через месяц?); и эти слова: «*Все перевернется вверх дном*» — соединились для меня с Польшей, Литвой, и с образами выпирающих из-под земли древних, некогда загубленных арконцев; тогда я попытался сознанием понять обуявшие меня предчувствия; и я сказал себе: «Это будет вероятно в далеком будущем: через сто, двести лет». Далее: я увидел, что подземные силы вырвавшихся теней прошлого из будущего грозят Европе мощным нашествием, в котором погибнет теперешний европейский мир; и тут встал передо мной совершенно отчетливо странный, как бы калмыцкий образ; это был старик, с острыми прищуренными глазами, с большими скулами, с седенькою бородкою, сутулый, с несколько приподнятыми плечами; он был в какой-то восточной шляпе и кутался в пестрый бухарский халат; он вперял в меня свои пронзительные глаза и как бы говорил: «*Я — из прошлого: но я еще приду*». И я тут понял, что образ этого мстителя за прошлое скоро воплотится, что он, этот образ, в новом своем воплощении поведет на Европу подземные силы, ныне затиснутые под землю европейским миром; он будет виновником того, что «*карта Европы изменится*»; я приник головой к траве; мне послышался как бы гул подземного города, я увидел как бы площадь; и множество народу, кричащего и бьющего в барабаны; на ложе лежал зарезанный некогда славянский, чернобородый витязь; теперь он очнулся, чтобы повести из-под земли на бой эти толпы диких теней и отмстить за свое прошлое поругание; и раздался крик: «Приведите белого коня...». И — привели коня; и зарезанный витязь сел на коня и повел полки против всего запада с востока России; тут я ощутил, что утес, на котором мы сидим, как бы весь разлетается под напором сил, пронизывающих его; невольно я поднял из травы голову, едва понимая, где я и что со мною; мы всё так же сидели на выступе; под нами был отвесный, крутой обрыв; с трех сторон бежало фиалковое море; Ася и М.В. Волошина сидели рядом со мной в полном оцепенении; и, казалось, переживали что-то. — «Как странно, как невероятно» — вырвалось у М.В. Волошиной. — «Да» — подтвердила Ася. Тогда я попытался передать им мне непонятные образы: древнего города, калмыка, витязя, белого коня; и слов: «Все перевернется вверх

дном...». — «Неспроста: это — место древних славянских посвящений» — сказала М.В. — «Хорошо бы здесь, на утесе, провести ночь» — предложил я. — «Хорошо» — согласилась М.В.; но потом мы решили, что, пожалуй, лучше всего уехать, потому что невесть что может привидеться здесь[862].

Мы — уехали обратно в Сассниц; и в тот же вечер выехали в Берлин; стояла невероятная духота; Берлин казался еще чудовищней; все лица были точно оскалены[863], а когда мы приехали на следующий день в Базель и вернулись в Дорнах, то нашли кантину в страшном волнении; все кричали, спорили, выхватывали из рук друг у друга вечерние выпуски газет; мы узнали об ультиматуме Австрии, предъявленном Сербии[864].

Так неожиданно в нашей дорнахской жизни встал призрак мировой войны; он казался столь невероятным, что мы ему отказывались верить: войны, конечно, не будет; Европа не допустит войны; так мы утешали друг друга: русские — немцев, немцы — русских.

Эти последние дни июля мне запомнились двумя событиями; переездом нас на новую квартиру к Ильиной; хозяин Шмидт (однофамилец архитектора) казался и приличен, и вежлив; к Ильиной переселился и К.А. Лигский, снискавший средства к жизни в это время своим тяжелым трудом: он гнул железо; второе событие: все резчики стали работать над оконными формами; работа была сложна и трудна; эти формы были по размеру раза в полтора больше архитравных форм; они кончались соединением с куполом; мы составили новую группу, которой руководителем оказался баварец Штраус, весьма милый, сердечный и умный человек; кроме Штрауса на нашей форме мне помнится белокурая шведка (забыл фамилию), Кемпер и еще кто-то; мы с Асей получили левую сторону надоконной формы; работали мы на боковой стороне, на втором от начала окне; были построены высокие леса над боковою верандою; на лесах уже начинались подмостки; с лесов открывался вид на кантину, на леса и горы; сбоку виделись пространства полей; в иные дни, когда воздух был ясен, оттуда проступали лиловые гребни Вогез; дни стояли жаркие и безоблачные; мы оказывались на работе уже с 9 часов утра и работали до восьмого часа; перерывом служил лишь обед, кофе, ужин.

Август.

Первые числа этого месяца протекали в бешеной работе; с такой интенсивностью еще никогда не работали, точно понимали, что скоро лучшие рабочие силы от нас отберутся; в рабочее настроение стали врываться отовсюду тревожные разговоры; на лесах появлялись листки газет; все бросались к ним: «Что нового?». Международное положение омрачалось со дня на день; за обедом работающие собирались группами; поднимались бесконечные споры о том, будет или не будет война; доктор ходил какой-то растерянный, сумрачный; иногда он подходил и, мне казалось, как-то беспомощно спрашивал: «Ну что вы думаете? Что ответит ваше правительство?». Раз он спросил нас: «Как вы думаете, — в случае объявления войны, будет или не будет в России революция?». Чтобы спастись от этого многоголосого антропософского гула о войне, мы с Асей с какой-то удвоенной энергией рубили нашу форму. Но положение становилось все более угрожающим; была объявлена в Базеле лекция д-ра (в Базельской ложе) и вскоре после нее ин-

тимное собрание того типа, на который мы попали в Швеции; лекции доктора не забуду; она прозвучала нам, как удар грома, потому что в ней проскользнули такие мысли: по-видимому, война — неотвратна; нашему движению следует запастись всеми силами и всем мужеством, чтобы с достоинством выйти из тяжелейших испытаний, в которые нас ставит судьба; через день было интимное собрание (кажется, — последнее этого типа в жизни Общества)[865].

Мы все еще не верили, что война будет: с бешенством продолжали нашу работу; не прошло и десяти дней с начала нашей работы над оконной формой, а уже форма была сильно продвинута; с особенной яростью рубились Штраус и Кемпер; шведка тоже не отставала. И вот: помню золотеющий вечер, склоняющееся к горизонту солнце; мы после кофе с особым самозабвением работали; вдруг на лесах произошло волнение; кто-то к нам подбежал с газетным листком; Штраус протянулся за ним; прочел и, обернувшись, сказал нам: «Все — кончено: война объявлена!»[866]. Мы опустили молотки и молча поглядели друг на друга; потом Штраус с грустной улыбкою на меня посмотрел и сказал: «Ну, *Herr Bugaeff*, вот мы с вами и стали врагами...». Я вместо ответа протянул ему руку, которую он крепко пожал; к ужину мы спустились в кантину; там царило лихорадочное возбуждение, но ни одной фальшивой ноты империализма и шовинизма я не мог подметить (шовинизм вспыхнул позже); первое известие о войне, наоборот, вызвало в нас всех желание схватиться еще крепче за *«Вau»*, за доктора, друг за друга. В таком состоянии мы разошлись домой; вставал вопрос, что нам делать: оставаться ли в Дорнахе, или уезжать в Россию; этот вопрос мы в тот же вечер обсуждали с Наташей и Поццо; но — куда уедешь: Германия — отрезана; остается обходный путь: либо через Англию, либо через Грецию; думалось: удачно Полиевктова за несколько дней до объявления войны успела проскочить в Россию через Германию; вместе с тем нас все уверяли: война не может продлиться более шести недель; Европа не выдержит напряжения; через шесть недель все будет кончено; стало быть: лучше это время переждать в Дорнахе.

В день объявления войны, до него, или днем позднее (не помню) какою-то бурею появился в Дорнахе Макс Волошин, заявивший, что он едва успел проскочить в Швейцарию через Австрию и теперь является последним нечистым животным, которое в дни европейского потопа должно быть принято на ковчег *«Вau»*[867]; так он зажил в нашей дорнахской группе; скоро его можно было видеть вооруженным молотком и идущим на работу: он стал членом О-ва.

В первые же дни после объявления войны мы заметили во всем перемену; хозяин наш, Шмидт, оказавшийся немцем, стал возмутительно относиться к нам; в Арлесгейме и в Дорнахе, находящихся на границе Эльзаса и Бадена, началась паника; границы швейцарские не укреплены; войско — не мобилизовано; нарушение бельгийского нейтралитета[868] поразило, как громом, швейцарцев; говорилось, что неминуемо: либо французы, либо немцы перейдут границу Швейцарии, чтобы обходным движением прорваться: первые — в Баден; вторые — к Бельфору; дорога тех и других проходит прямо через нас; если сюда ворвутся французы, то вся местность эта будет обстреляна из Бадена тяжелыми орудиями; при этом показывали на цепь Баденских высот, отстоящих от нас в нескольких километрах; и — говорили: вся эта гряда — в пушках; от

Дорнаха и Арлесгейма не останется и следов; все будет смятено орудиями; мы нисколько не думали о том, насколько наш дом находится под обстрелом баденских пушек; но мы думали о *«Ваи»*: уцелеет ли *«Ваи»*? Жители деревушек распространяли невероятную панику; они спешно закупали припасы, утверждая, что скоро будет голод, что Швейцария отрезана от продуктов и что на все время войны надо запастись провиантом; тяжелую картину представляла собой мобилизация; четверть населения Базеля и окрестностей Базеля — немецкие подданные; мужья множества семейств шли в первую очередь на войну; они ехали мобилизоваться в прибазельский поселок Лоррах, стоявший на границе Швейцарии (в Бадене), возвращались оттуда грустные: они шли на войну; еще более грустную картину представляла собою стройка; оттуда все немецкие рабочие шли немедленно на войну; и наши лучшие силы, наши резчики — Вольфюгель, Гайер, Митчер, Штраус забирались тоже; многие старались бодриться, с веселыми шутками прощались они с нами; но под этими шутками чувствовалась грусть; брали и Шмиделя; Штрауса брали братом милосердия и он спешно записывал у нас русские слова на случай, если бы его отправили на восточный фронт и ему пришлось иметь дело с русскими ранеными; из русских пока никто не был взят; под угрозою был один Бразоль, через 2 месяца забранный и отправившийся отбывать военную службу во Францию.

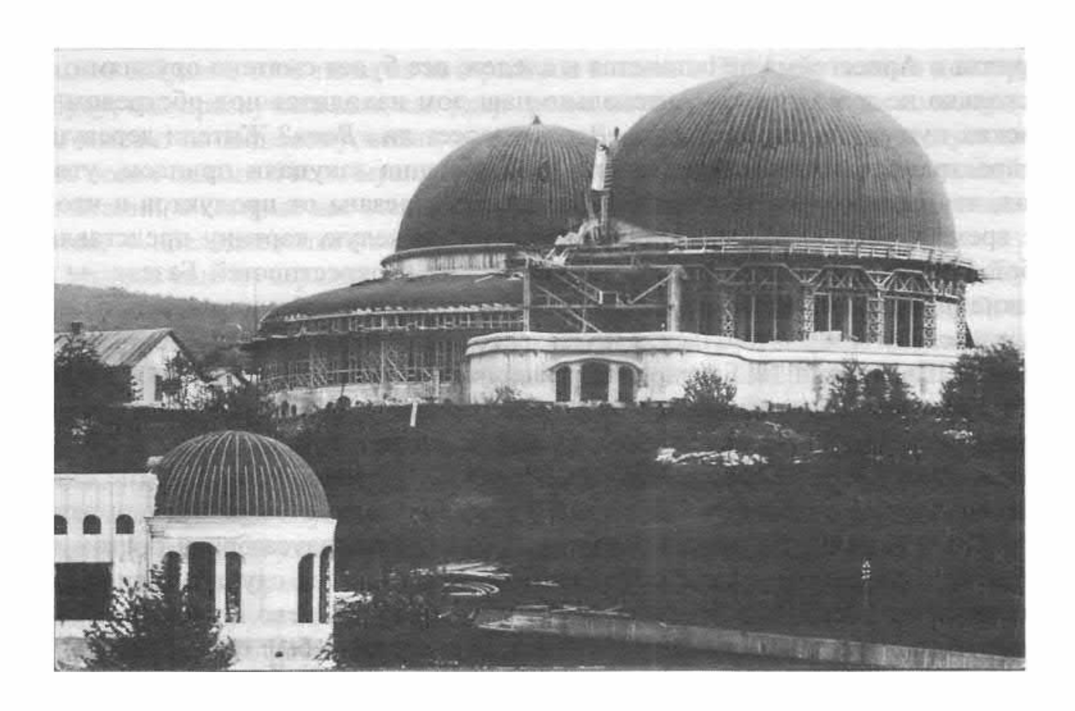
У всех отправляющихся на войну я подметил одну черту: глубокую грусть; повторяю: о шовинизме не было и помину в эти дни.

Несмотря на суету первых дней войны мы удвоили с Асей нашу работу на оконных формах; и это чувство повышенной работы охватило всех присутствующих; мы сознавали: лучшие рабочие силы уходили от нас; и в будущем предстоял отлив мужчин; стало быть: вся работа падала на слабых женщин и барышень; поэтому мы, немногие мужчины, особенно старались рубиться на оконных формах; Петровский и Сизов работали с невероятной интенсивностью; появился со стамескою в руке на лесах и Трапезников; с того времени он стал заправским рубакой до своего отъезда в Россию (в 1917 году); Наташа в эти дни специализировалась у Рихтера на цветном стекле; кажется, она работала на красном стекле; его разбила и ходила совершенно подавленная и удрученная (а, может быть, это случилось и позднее). В те дни в Дорнахе вырастает как-то фигура покойной Штинде; всюду она оказывается распорядительницей, всех поддерживает и умно вмешивается во все внутренние дела *«Ваи»*.

Через несколько дней после объявления войны, — помню, мы окончили работу ранее сроку (часа в 4); и спускались со стройки, — прислушиваюсь к странному явлению: к грому (короткому и глухому) без туч; звуки исходили со стороны Эльзаса; там даль казалась в легкой, темной дымке; под собою мы увидели стоящего на дороге доктора; он — тоже прислушивался к грому; что-то осенило нас, мы поглядели друг на друга и ничего не сказали друг другу; доктор нас остановил: «Hören Sie?»* — спросил он нас. — «Ja, Herr Doktor»...

---

* «Вы слышите?» (*нем.*).

Иоанново здание (Гетеанум) в процессе строительства
Середина 1910-х гг. Почтовая открытка. ГМП

— «Das ist Kanonendonner»** — сказал он; и мы втроем стояли и смотрели вдаль, по направлению к Эльзасу; теперь оказывалось, что, может быть, легкая, темная дымка у горизонта — орудийный дым. Это вторжение звуков войны в нашу мирную долину показалось мне безумием; до этого момента мне думалось: «Война — где-то там». А она — придвинулась к нам; казалось, — мы охвачены ею. Всю дорогу дó дому мы прислушивались к усиливающейся канонаде; Арлесгейм был охвачен паникою; на улицах стояли кучки и возбужденно обсуждали положение вещей; дома мы узнали, что французы ворвались в Эльзас и взяли Мюльгаузен[869]; бой теперь происходил у Дюнкирха[870], отстоящего от нас весьма недалеко.

На следующий день Арлесгейм, Дорнах и даже стройка были охвачены настоящею паникою; выяснилось военное положение; французский корпус, занявший Дюнкирх, был выбит из него, отрезан от армии и приперт к самому Базелю; он окружен со всех сторон немецкими войсками; французов видели в прибазельском поселке S. Louis; и — явствовало, что этому отрезанному корпусу остается или сложить оружие, или перейти швейцарскую границу, совершенно неукрепленную и без войск, занять Базель и идти нашей дорогою (Базель-Арлесгейм-Дорнах), чтобы западнее пройти к Бельфору; в газетах стояли заголовки: *«Бой под Базелем»*; канонада гремела; власти известили население, что в случае нарушения нейтралитета все трамвайное и железнодорожное сообщение прекращает-

** «Да, господин доктор». – «Это гром пушек» (*нем.*).

ся; железные дороги и трамваи должны были эвакуировать казенное имущество; жителям же предлагалось спасаться в горы, обступавшие Дорнах и Арлесгейм, через высоты Гёмпена, нависавшие над *«Ваи»*; говорили, что на Гёмпене появилась тяжелая артиллерия швейцарцев; отсюда начнется швейцарское сопротивление; вся же территория до Гёмпена (Дорнах, Арлесгейм, Эш) должна быть эвакуирована при первых звуках набата; мы узнали, что Энглерт, как инженер, был спешно вызван минировать швейцарскую границу; Дубах, как швейцарский подданный, был спешно мобилизован; Швейцария объявила мобилизацию.

Весь этот день казался нам просто бредом; на улицах голосили швейцарки и немки; из сараев выкатывались тележки, на них складывалось имущество, чтобы все это тащить в горы в случае необходимости; помню, что я был по какому-то делу в этот день в Обер-Дорнахе[871]; и помню, что какая-то костлявая женщина совершенно бессмысленно вопила: «Французы — травят колодцы с водой» (очевидно эти слухи распускались немцами); в кантине господствовала та же сутолока; туда сбежались все старые антропософские тетки, растревоженные своими хозяевами; стоял гвалт; передавался миф об отравленных колодцах; наконец, среди этой возбужденной толпы появился Гросхайнц; и почти прикрикнул на теток словами: «Вы находитесь на швейцарской территории и находитесь под законами этой территории: читали ли вы о том, что кто сеет панику, тот подвергнется суровой ответственности?». Окрик Гросхайнца несколько смирил теток; скоро среди нас появился доктор; он расхаживал среди столиков и успокаивал теток, но был грустен; а канонада гремела; положение оставалось невыясненным; никто в этот день не работал на стройке; к вечеру нам объявили, чтобы мы на ночь приготовили дорожные сумочки, приготовили документы, деньги и самое необходимое в дорогу; если ночью будет набат, то мы должны были все собраться в кантину и оттуда вместе с доктором двинуться в горы; вечером мы стояли на нашей крыше и прислушивались к все усиливающейся канонаде; стекла дребезжали в окнах; одна сторона неба была подернута отчетливой дымкою: говорилось, что это — пушечный дым; мы пили чай на плоской крыше; кажется, в гостях у нас была Анненкова.

Спали же не раздеваясь в ту ночь.

На следующий день население несколько успокоилось; появились в окрестности первые отряды швейцарских войск; они расположились в полях; в Арлесгейме солдаты заняли здание детской школы; появились всюду лошади; солдаты их чистили скребницами; забил барабан; со всех сторон Швейцарии гнали в наш угол войска; канонада к вечеру стихла.

А на другое утро узнали мы, что непосредственная опасность прошла[872]; французский корпус, прижатый немцами к Базелю, прорвался и соединился с французскими войсками; пушечный гром глухо гудел уже в глубине горизонта; появился с границы Энглерт и сказал, что граница минирована и что опасность нарушения нейтралитета прошла. Мы уже знали, что от нас непосредственно граница Эльзаса находится в 15-ти километрах.

В ближайшие дни мы опять появились на лесах и с прежней энергией принялись за работу; мне досталось выравнивать слегка выгнутую плоскость, соединяющую оконную форму с куполом, а потом перейти к низу оконной формы и производить то же равнение; на соседней форме работала О.Н. Анненкова; и к

вечеру мы, сидя на досках и озирая окрестности, мирно разговаривали о событиях нашей жизни; погода стояла прекрасная; вечера были прозрачны; иногда лишь глухою угрозой врывалась в тишину отдаленная канонада; взойдя выше «*Bau*» на высоты, ведущие к Гёмпену, говорят, по вечерам можно было видеть шрапнельные огоньки; и базельская публика приезжала вечером на них смотреть; со всех сторон нагнали войска; войска стояли на постое и в Арлесгейме, и в Дорнахе; порою по улицам Арлесгейма и по дороге мимо «*Bau*» проходили нескончаемые вереницы швейцарской пехоты; на лугах за Дорнахом по направлению к эльзасской границе были расставлены пушки; всюду можно было видеть отряды швейцарских кавалеристов с высокими, белыми султанами; в долине между «*Bau*» и Арлесгеймом несколько месяцев были расставлены повозки и фуры военно-телеграфного парка; всюду летали солдаты-велосипедисты, развозя приказы; а над «Bau», на гребнистых высотах Гёмпена, в расстоянии получасового подъема в горы, была расставлена тяжелая артиллерия; и оттуда, с гор, опускаясь к Дорнаху по вечерам, валили толпы солдат-артиллеристов, — мимо кантины, где мы собирались к ужину; вечерами на улицах Арлесгейма разгуливали толпы солдат, задевая прохожих девушек; словом, — мы оказались в самом центре военной полосы; в эти дни в присутствии доктора наши докторши (Фридкина, Костычева и другие) учили всех желающих делать перевязки; мы сперва косились на солдат, с удивлением озирающих «*Bau*» и толпящихся у загородок пространства, отведенного постройкам; здесь были груды щепок и легкого, воспламеняющегося материала; солдаты же всюду разбрасывали окурки; от одной искры при такой суши мог вспыхнуть пожар; поэтому, — мужчины-резчики, мы собрались на специальное собрание в кантину и обсуждали меры к охранению «*Bau*» на случай пожара, и для предотвращения всех возможных хулиганских выходок; помнится, что очень много ораторствовал и кипятился старик Вегеллин; на собрании было решено: не удовольствоваться сторожем, охраняющим «*Bau*», но разделить все мужское население антропософское на соответствующие смены, человек по 10 для охраны «*Bau*» по ночам, а также выставить дневную антропософскую охрану к двум входам на постройки (около виллы Гросхайнца), а также со стороны кантины. Был выбран комендант (я забыл, кто именно); «Bau» был осмотрен со стратегической точки зрения, в случае нападения на него ночью хулиганов; установились вахты; каждую ночь известное количество мужчин ночевали в «*Bau*» (ежедневно список «*вахтеров*» был вывешен в кантине); в 8 часов партия вахтеров являлась на «*Bau*» и дежурила там до 6 часов утра, — час, в который появлялись рабочие; в партии вахтеров имелось несколько револьверов; начальник партии пребывал в конторе, около телефона; партия же разбивалась на две смены; пока одна смена спала, другая смена рассыпалась по разным сторонам пространства, занимаемого строениями; один сторож ходил по веранде «*Bau*», озирая окрестности; другой, с фонарем, обходил бесконечно большие пространства «*Bau*» внутри, т.е. лабиринт комнат подвального этажа, где помещались художественные мастерские, переходы, коридоры и комнаты первого этажа, будущие кулисы, где стояли декорации к 4-м мистериям доктора, шкафы с костюмами, бутафорией и инструментами, обходил второй этаж, т.е. сцену и зрительный зал, комнаты боковых порталов, под-

нимался на леса к большому и малому куполу; третий вахтер обходил пространства сараев, мастерских, где хранился ряд машин и деревянных форм; четвертый вахтер сторожил ту часть отгороженного пространства, которое начиналось от дома Гросхайнца, шло мимо домика Рихтера и приводило к правому, северному порталу; пятый вахтер пребывал на большом отгороженном пространстве за сараями, где были свалены громадные пирамиды деревянных щепок, которыми впоследствии мы отапливали всю зиму наши печурки; у вахтеров были свистки; каждый день выбирали свой пароль и лозунг; антропософская молодежь вносила в эти вахты нечто вроде игры в солдаты; не забуду первой вахты: в ней было так много фантастического; я сидел на громадной горе щепок в пространстве за сараями; передо мной луной лазурели и фосфорели два громадных купола (я забыл сказать, что купола уже к тому времени были обложены камнем, отражающим цвет атмосферы: солнечным днем они были лазурно-зелеными, в туманные дни — темно-свинцовыми; на луне — фосфорическими); была чудная летняя ночь; спать было невозможно; и когда наша партия отдежурила, то, разумеется, мы не пошли спать, а всю ночь, собравшись кучкой, проговорили, не давая покоя ни Гросхайнцам, ни Рихтеру; ночи были мирны; вахтера производили шум на всю окрестность; поэтому количество их стали быстро сокращать: с десяти до пяти; с пяти до двух; двух вахтеров из антропософов при третьем, т.е. при постоянном стороже, оказалось вполне достаточно для охраны «*Ваи*»; денные вахты, особенно по праздникам, казались более целесообразными, потому что наплыв солдат и их праздная циркуляция была непрерывна около «*Ваи*»; постоянно подходили кучи солдат и просили, чтобы им показали стройку; раз чуть было не произошел инцидент на этой почве, который мне пришлось случайно предотвратить; я только что был в кантине, где после работ роилась антропософская публика; сюда пришел доктор (со времени объявления войны он часто стал появляться в кантине) и с кем-то разговаривал; зачем-то я пошел на стройку и у входа застал следующую картину: толпа солдат, человек до ста, настойчиво просила показать «*Ваи*», а Гейдебрандт, стоявший на вахте у входа, категорически отказывал и, как мне казалось, в резкой форме; солдаты же требовали впуска и уже начали напирать на загородку; количество их все прибывало, и я подумал, что если не принять тотчас же мер к ликвидации инцидента, вызванного бестактностью Гейдебрандта, то толпа насильно ворвется; поэтому я весьма решительно отстранил Гейдебрандта и, распахнув калитку перед солдатами, сказал им: «Пожалуйте, — только подождите минутку: я позову человека, который вас проведет по стройке». Я увидел, что Гейдебрандт возмутился моим самочинством и стал перечить, но — поздно: толпа уже врывалась в пространство стройки; я еще раз крикнул ей: «Ein Moment», а сам со всех ног бросился вниз, — по дороге в кантину, к доктору; доктор, завидев меня, бегущего со всех ног, быстро пошел ко мне навстречу со словами: «Was ist geschehen?»*. Я, запыхавшись, объяснил ему быстро, что надо немедленно послать кого-нибудь сопровождать солдат, кто бы был с ними любезнее, а то может произойти инцидент, могущий в будущем привести к печальным последствиям; д-р сразу понял, в чем дело, и,

---

* «Что случилось?» (*нем.*).

поблагодарив меня за «*самоуправство*», быстро пошел сам к толпе солдат, ласково заговорил с ними и повел их показывать все детали постройки; он долго водил их, водил по лесам, объяснял формы; мы с Гейдебрандтом сопровождали его; солдаты, которые сперва были возбуждены упорством Гейдебрандта, скоро просияли, вели себя подчеркнуто осторожно, не курили, восхищались «*Ваи*»; было что-то детское в этой толпе, с разинутыми ртами смотрящей на гигантские колонны и отовсюду протягивающей головы к доктору; они ушли довольные; тогда решили, что 2 раза в неделю в определенные часы все желающие могут осматривать «*Ваи*» под руководством антропософов; в эти часы собирались кучи солдат, и их водили; неоднократно водил я; «*Ваи*» производил сильнейшее впечатление на солдатскую публику; и эта публика держала себя с большим тактом. Так с квартирующими в окрестностях войсками установились прекраснейшие отношения. Антропософы хвалили меня за мое «*самоуправство*», в первую минуту столь раздражившее Гейдебрандта.

Когда улеглось первое возбуждение, вызванное войной в нашем дорнахском быте, и стали доходить известия с фронта о действиях немцев в Бельгии, о разрушении жилищ, обстреле соборов, то начали разгораться страсти в нашей дорнахской группе; русские возмущались поступками немцев, а немцы, опьяненные своей прессой, находили этим поступкам оправдание; на этой почве происходили непрерывные, все крепнущие споры, начавшие уже переходить в ссоры; немцы точно сбесились; особенно — женщины; нам, русским, они начали доказывать, что для нас, русских, выгоднее, чтобы победила Германия, что корень войны — Англия; нас, как русских, конечно, такие речи глубоко возмущали, и мы выдвигали против немцев тот аргумент, что они, представители *«Ich-Bewusstsein»***, должны бы восстать против ужасов войны, а они их оправдывают; на это следовали ответы, что «Not hat keine Gebot»[873]; это особенно возмущало меня, и я начинал указывать, что не антропософам оправдывать насильственный захват Бельгии; присутствующие при спорах этих поляки, Седлецкая, ее муж, художник, приехавший недавно в Дорнах, поддерживали меня; тогда немцы стали меня уверять, что во мне действует самый элементарный, биологический шовинизм, что вся Россия отравлена славянофильством и учением Данилевского; я доходил до белого каления и кричал, что это неверно, что это — досужий вымысел; но немцы были убеждены, что Herr Bugaeff поддался грубому шовинизму; меня же более всего бесило то обстоятельство, что немцы, видя *«сучок»* шовинизма во мне, не видят *«бревна»* своего собственного атавизма. Маликов, Волошин, Анненкова, Поццо принимали участие в этих спорах; Ася же с поразительной для меня холодностью относилась к словам немцев, меня столь возмущавших; уже в кантине явственно отметились национальные столики; немцы держались вместе, поляки — вместе, русские — вместе, англичане — вместе; прежде не было этого разделения на нации в кантине; теперь оно началось; и оно — углублялось.

Три инцидента, свидетельствующие о немецкой бестактности, совершенно взбесили меня; один заключался в том, что почтенная кроткая в обычное время старушка-немка, которую я любил всей душой и которая прежде отличалась ан-

** «Само-сознание» (*нем.*).

тропософской выдержкой, однажды пробегая мимо меня, с радостной доверчивостью мне бросила, забыв, что я русский: «Наши цеппелины летали над Парижем», на что я, свирепо нахмурившись, ей отрезал: «Жалею, что в варварстве войны погибнет Notre-Dame!». Она покраснела и сказала мне: «Ах, простите, Herr Bugaeff: я забыла, что вы — русский». Я ей ничего не ответил, подумав: «В данном случае я говорю не как русский, а как, хотя бы, немецкий пассифист». В другой раз я пришел в совершенное бешенство, узнавши, что при Волошиной один из наших, тупой и грубый малый, бросил такую фразу: *«Пойду на войну, убивать этих русских свиней»*. Я огласил этот факт в кантине и кричал публично: «Покажите-ка мне эту грубую свинью: я покажу ему, как оскорблять русских дам». *«Свинья»* действительно испугалась меня; и обходила при встречах; третий инцидент заключался в следующем: в кантине стали продавать в пользу Красного креста какую-то немецкую шовинистическую брошюру; меня возмутило, что в нейтральном месте, где встречались русские, французы, англичане, поляки, австрийцы и немцы, продаются брошюры, пропагандирующие немецкую военщину: я подошел к столику, взял брошюру, прочел ее заглавие и швырнул ее обратно австрийцу-антропософу со словами: «Удивляюсь, что здесь, в нейтральном месте, в А.О., ведется немецкая агитация». Австриец злобно покосился на меня; но брошюра была немедленно убрана.

Я действовал так сознательно, ибо я хотел добиться одного: чтобы о войне или вовсе не говорилось, или говорилось в духе подлинного пассифизма; мой пассифизм был налицо — в факте моей ежедневной работы вместе с немцами-резчиками; я продолжал отработывать нашу оконную форму, поступившую в безответственное распоряжение Аси после отъезда Штрауса на войну; с немцами я охранял *«Вau»*, с немцами принимал участие в выработке деталей жизни при *«Вau»*; я мог требовать от них братской деликатности по отношению к нам, русским, во имя доктора, *«Вau»* и антропософии; мы, русские, были оторваны в этот миг от России, а они находились на границе Германии; и могли каждую минуту по желанию вернуться на родину; меня удивляло, что этого Ася не понимает: мое поведение — просто элементарное поддержание чувства собственного достоинства, не позволяющего, чтобы тебе наступали на ноги; Ася упрекала меня в шовинизме, не уважала во мне русского и, как мне казалось, унижалась до согласия с немецкими бреднями; в эти дни я сильно страдал от сознания, что Ася душевно и духовно предала Россию прусскому милитаризму; это было не так, конечно; но выходило, что — так, раз она откровенно желала России поражения.

Доктор в эти дни уехал в Германию[874]; М.Я. Сиверс нас пригласила на чай; и за чаем высказывалась за Германию; во мне это свидание оставило горький след; я увидел, что и она заразилась прусским милитаризмом (доктор держался по отношению к всем нациям с безукоризненной корректностью, но я подозревал, что и он в глубине души задет общим угаром). Мое положение в Дорнахе становилось нестерпимо-мучительным: я тосковал по России, ненавидел не самих немцев, а отвратительный налет шовинизма на них; я страдал, что меня так не понимают, считают шовинистом; страдал за Асю и от Аси; к этому мучительному состоянию присоединялись странные поступки Наташи (до сих пор не знаю, прав ли я, или это все пригрезилось: Наташа впоследствии уверяла, что пригрезилось; но я сильно

сомневаюсь, чтобы это было так); Наташа буквально нападала на меня в те дни со своим очень низменным кокетством, умело, рассчитанно растравляющим мою чувственность, которая под влиянием этого нападения вдруг снова вспыхнула во мне; я боролся с нею, как мог, а она точно нарочно: появлялась у нас каждый вечер и отчаянно кокетничала со мной; я спрашивал себя: «Неужели Ася не видит происходящего? Не может быть: видит, но — равнодушна. Ей нет дела до моих переживаний; она — бросила меня на произвол судьбы». И я впадал в мрачную угрюмость и в замкнутость.

Вечерами, вернувшись после работы, я чувствовал холод и одиночество; Ася замыкалась в себя, а я выходил в общую кухоньку (нашу и Ильиной) и присутствовал при сборище русских; за ужином у Ильиной собирались: Н.А. Маликов, К.А. Лигский (живший с нами), К.А. Дубах; часто забегали: Фридкина, Мордовин, Фитингоф, Богоявленская и Костычева; и поднимались нескончаемые разговоры; я громил шовинизм антропософов; во время этих разговоров я близко сошелся с К.А. Лигским.

Иногда на нашу половину с Асей заходили: Петровский, Сизов или Трапезников; стали заходить Седлецкие; часто бывали: О.Н. Анненкова и Волошин, приносивший свои эскизы; чаще всего бывали Поццо. И это было источником моих мучений; я не выносил Асю и Наташу вместе; мне казалось, что обе они, завладевши, каждая, половиной моей души, измучивали душу.

Так мрачно окончился август.

Сентябрь.

Продолжается та же странная жизнь. Мы начинаем привыкать к быту военного времени; я с Асей работаю на внешних стенах (около входа в правый портал); но в общем я мало бываю в *«Ваи»*; более сижу дома; концентрируются мои странные отношения с Наташей; я часто бываю у нее; и между нами крепнет дружба; стоят теплые золотые дни; д-р уезжает в Германию; Мария Яковлевна по субботам читает нам курс: «Миссия отдельных народов». По-прежнему хожу на вахты; очень много занимаюсь схемами и раскраскою их; ко мне часто приходит Максимилиан Волошин, знакомится с моими схемами и учит растирать краски; появляется в Дорнахе фрау Поольман-Мой, бывает у нас; обнаруживается наше несогласие во взгляде на д-ра Штейнера; оказывается, что она с Эллисом поселилась где-то под Базелем; оба они уехали из Германии; к концу месяца мне особенно тягостно, неуютно; я начинаю писать дневник, из которого впоследствии вышел материал моих кризисов[875].

Начинает выясняться мое положение материальное: «Сирин» находит возможность, несмотря на войну, посылать мне деньги за предположенное издание моих сочинений[876].

Погода портится; наступает туманная и дождливая осень; на сердце грустно; страсть к Наташе усиливается: я проклинаю свое чувство к Наташе, мучаюсь угрызением совести; со мной происходит страшный сердечный припадок; я думаю, что это — ангина; меня начинает лечить Фридкина; выясняется, что это сердечный невроз.

Октябрь.

Первая половина октября проходит под знаком все повторяющихся сердечно-нервных припадков, мучительных переживаний, связанных с Наташей, разговоров о войне и впечатления от лекций вернувшегося из Германии д-ра Штейнера, который прочитывает нам о культурах Франции, Италии, Англии, Германии, России[877]; он старается говорить положительно о каждой из культур; и эти лекции вносят значительное умиротворение в настроение различных национальных групп, соединенных вокруг *«Ваи»*. Шовинистическая лихорадка в нашей среде начинает ослабевать; я снова выползаю на *«Ваи»*; Ася усиленно начинает работу на стеклах в рихтеровском домике, продолжая свою работу на дереве; она покидает меня на целые дни; целыми днями я работаю у себя: пишу схемы, готовлю отчеты д-ру и разрабатываю тему *«Кризиса жизни»* вчерне. По вечерам очень часто у нас бывают Седлецкие (муж и жена); они сильно настроены против немцев; особенно он; у нас бывают: Сизов, Петровский, Волошин, Поццо, Фридкина, О.Н. Анненкова; и другие; вечерами в кухне нашей собираются все обитатели нашей квартиры (я, Ася, Е.А. Ильина, Н.А. Маликов, К.А. Лигский) и происходят длиннейшие разговоры о войне, о России и Германии, об антропософии, о докторе; к нам в кухню очень часто заходят: К.А. Дубах, Н.Н. Богоявленская, Фридкина, бар. Фитингоф, Петровский, Костычева, присоединяясь к разговору; образуется своего рода клуб; Асю утомляют эти «клубные» разговоры; она удаляется к себе; между нею и Е.А. Ильиной намечается некоторое охлаждение.

После напряженнейшей летней и осенней работы при *«Ваи»* наступает некоторое затишье в работе (у работающих сказывается переутомление); внутри отстраиваемого зала воздвигают леса; перед этим леса были сняты; и мы увидели архитравы, над которыми мы работали летом, — под куполом; д-р нас, резчиков, собрал и дал характеристику каждой архитравной формы, указав на дефекты работы; нами отработанный архитрав (Марса) он хвалил; когда леса были поставлены, мы должны были приняться вновь за работу: отделывать *начисто* архитравы под куполом. Эта работа и началась с ноября. В октябре О.Н. Анненкова внезапно уехала в Россию.

В течение октября месяца мы дважды были у доктора, на его Villa *«Hansi»*[878]; он принял меня и Асю как учеников; я пришел к нему с целой папкою раскрашенных схем, которые готовил ему в течение всей зимы 13-14 года и осени; д-р очень хвалил меня за схемы, вообще был невероятно кроток и добр, подбодрял меня, улыбался и говорил про мое сердце, что оно — совершенно здорово, что мои сердечные припадки есть показатель не органической болезни, а внутреннего развития; другой раз нас с Асей позвали к д-ру и М.Я. пить чай и ужинать; доктор и на этот раз был крайне любезен со мною; мы просидели у него целый вечер; я рассказывал о России, о Мережковских; д-р принес к столу гравюры Кунрата и объяснял некоторые из них[879].

В этот месяц случилось несчастие: воз с кладью, направлявшийся в *«Ваи»*, опрокинулся, задавив ребенка, сына одной антропософки, в тот самый момент, когда д-р читал нам лекцию[880].

Между тем: среди нас стали появляться фигуры в черных платьях[881]; это были матери, сестры и жены уже убитых на войне; появилась вся в черном жена ого-

родника (антропософы развели на склоне *«Bau»* свой собственный огород); появилась вся в черном Freulein von Heidebrandt (впоследствии учительница Вальдорфской школы); война бесшумно шныряла среди нас; то и дело мобилизацией вырывались работники при «Bau»: тот ехал в Германию, этот — во Францию; уехал Лихтфогель, стал исчезать д-р Унгер, работавший в Штутгарте по мобилизации промышленности; взяли инженера Бразоля (на французский фронт); война напоминала о себе пушечными перекатами, глухо раздававшимися с горизонта. Я с жадностью зачитывался газетами[882]: начавшиеся успехи русских, взятие Львова[883] меня крайне возбуждали; и я удивлялся равнодушию Аси к войне; вообще: равнодушие, холодность Аси меня угнетали; расхождение наше с ней, столь углубившееся в годах и приведшее к разрыву, сильно подчеркнулось в ту именно осень.

Иногда, совершенно удрученный, я отправлялся в Базель; и начинал там сиротливо бродить по улицам, в холодном осеннем тумане, бесцельно забирался в *«Кино»* и тупо созерцал мелодрамы и фильмы с фронта; какое-то гнетущее чувство преследования охватывало меня; мне казалось: за мною кто-то следит; однажды подойдя к окну <у> себя дома и рассеянно вглядываясь в заоконный туман, я увидел человека с седой бородой, остановившегося перед нашим окном; он заметил меня за оконным стеклом, ехидно улыбнулся и, подмигивая, поклонился; потом он, не оборачиваясь, пошел в туман; в его улыбке, в кивке было что-то нехорошее; точно он подмигивал мне на мои душевные сомнения; это появление неизвестного человека воспринял я, как знак какого-то надвигавшегося на меня несчастия.

Ноябрь.

В первых числах ноября Наташа Поццо получила неожиданно письмо от Метнера; он оказался в Цюрихе; война застигла его в Германии; не знаю, каким путем он выкарабкался из Германии; в Россию он не захотел вернуться и выбрал местом жительства нейтральную Швейцарию; с Метнером соединяли нас всех старинные отношения; меня особенно соединяла дружба 1901—1910 годов, совместная работа в *«Мусагете»*; и — встреча с Минцловой; разъединяла ссора с *«Мусагетом»* (по поводу эллисовской брошюры *«Vigilemus»*); лично я разорвал с ним все с осени 1913 года. Наташа, получив письмо Метнера, отозвалась горячо на это письмо; она сказала: «Еду в Цюрих к Эмилию Карловичу». Вернулась она из Цюриха возбужденная и радостная от встречи с Метнером; она стала между мною и ним, как примирительница; скоро Метнер приехал к Поццо (в конце концов — ко всем нам); я, Сизов, Петровский, Ася — встретились дружелюбно с ним; он казался очень милым, хотя и сконфуженным, признаваясь, что им написана книга против доктора, именно: против освещения Штейнером гетеанства[884]. Я заявил, что мы не фанатики и что если понадобится, мы ответим печатно же на его книгу и эта наша идеологическая полемика не помешает нашим личным отношениям. Весь ноябрь и декабрь окрашен частыми появлениями из Цюриха Метнера; мы встречались миролюбиво и весело; много спорили о докторе, вспоминали прошлые годы, общих друзей. Метнер много нам рассказывал об Эллисе и frau Поольман, живших под

Базелем (с Эллисом я не встречался); и мы удивлялись, что волей судьбы в час мировой войны мы, три бывших соредактора *«Мусагета»*, оказались в одном пункте почти (Цюрих от Базеля в расстоянии двух часов езды)[885]. Между тем: из Москвы нам прислали книгу Метнера и я принялся старательно ее изучать; меня потряс тон книги: желчный, злой, нападательный; я видел, что первая книга в России о докторе Штейнере рисует доктора в ужасном, искаженном виде; и я понял, что оставлять такую книгу без ответа нельзя; я поставил это на вид Сизову, Петровскому, Волошиной; говорил, что я был бы счастлив не писать ответа Метнеру, если бы кто-нибудь (например Сизов) взялся за ответ; но никто не взялся; и я понял, что ответ придется писать мне; я посоветовался с Марьей Яковлевной (помню, что был на Villa «Hansi» по этому поводу); М.Я. советовала мне взяться за ответ; но взяться за ответ было особенно трудно: я никогда не штудировал естественно-научных сочинений Гёте; вообще не был гётистом (Метнер же был старинный гётист); кроме того: я не читал книг доктора о Гёте, ни — вводительных статей к Гётеву тексту. С ноября я раздобываю все, написанное доктором о Гёте, раздобываю томы Кюршнеровского издания «Naturwissenschaftliche Schriften» Гёте[886]; принимаюсь изучать Гётев текст, примечания доктора, вводительные статьи и его книги, посвященные Гёте[887]; между тем Метнер надо мною посмеивается: «Пишите, пишите: вы можете со мной полемизировать в смысле опровержения моих антропософских экскурсов, но лучше не касайтесь моего понимания Гёте; предупреждаю вас, — вам не справиться». Между тем по мере моего углубления в текст Гёте и в примечания доктора, по мере сличения этого материала с высказыванием Метнера мне выясняется, что Метнер при критике штейнеровского гётеанства не использовал более $^3/_4$ материала, написанного доктором о Гёте; легкомысленность книги Метнера меня начинает просто потрясать. Вместе с тем передо мною развертывается впервые грандиозная картина миром еще не понятого Гётева естествознания; и еще более меня потрясает углубленное взятие Гёте доктором; я начинаю впервые понимать гетеанские корни антропософии и упираюсь в проблемы «Философии Антропософии». Весь ноябрь и декабрь проходят в глубоком познавательном восторге перед новой, развертывающейся передо мною картиною: гносеологической правоты позиции Штейнера; моя мысль напряженно, усиленно работает: я перечитываю книги доктора: *«Rätsel der Philosophie»*, *«Philosophie der Freiheit»*, *«Wahrheit und Wissenschaft»*[888], *«Grundlinien der Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung»* и другие. Временно книга Метнера отступает на второй план; я усиленно разрабатываю свой собственный подход к философии антропософии, к гетеанству, к гетеанству Штейнера, и передо мною начинает вырисовываться связная картина воззрений; но я знаю, что эту картину воззрений я поверну на Метнера, как таран.

При встречах с Метнером я чувствую некоторую неловкость, ибо я знаю, что я оттачиваю сильное оружие против него; о моей будущей книге мы с ним посмеиваемся; он шутит: «Пишите, пишите!». Но в этом тоне взаимной шутливости чувствуется напряжение и отсутствие взаимного доверия; отношения наши остаются лишь внешне дружескими; я ощущаю, что наша дружба с ним подорвана и что не хватает лишь внешнего повода к тому, чтобы она рухнула окончательно.

Между тем: Метнер как-то протянут к антропософам в этот период; он удивляется нашему правильному отношению к войне (неприятию ее) и к *«союзникам»*; мы ведем с ним долгие, философские разговоры, водим на *«Ваи»*, собираемся даже его познакомить с Штейнером.

Я вновь начинаю работать при *«Ваи»*, под куполом, на архитравах; мы *«начисто»* отрабатываем формы, отработанные летом (наш *«Марс»*); кажется, в этот месяц заканчиваются вчерне три огромных деревянных формы над тремя порталами; на главном портале работает главным образом группа немцев; на правом портале работает Сизов; на левом группа, состоящая из Петровского, Трапезникова, Гюнтер, Хольцляйтер и Кучеровой. Ася много уделяет времени работе на стеклах; и прилежно занимается эвритмией под руководством Киселевой, ставшей теперь учительницей эвритмии в Дорнахе; в ее группе мне помнятся, кроме Аси: Наташа, Богоявленская, Гроосс, Айзентрейс, две барышни Лёв и другие. С Асей продолжается мое расхождение. С Наташей у меня стиль влюбленной дружбы.

Этот месяц мне гораздо легче: работа на архитраве и сериозные познавательные переживания (изучение Гёте и философии Штейнера) оттягивают мое внимание от многого тяжелого, что живет в моей душе.

Мордовин уезжает в Россию; Волошин начинает тяготиться Дорнахом; его тянет в Париж; он разрабатывает проект будущей занавеси, долженствующей отделять стену от зрительного зала при *«Ваи»*.

Декабрь.

В декабре начинает как будто крепнуть стиль дорнахской жизни военного времени; люди приспособляются к войне; мы уже вполне привыкаем к расквартированным войскам в Дорнахе и Арлесгейме, привыкаем к ежедневной канонаде, слышной с границы; жители Арлесгейма и Дорнаха успокаиваются: нейтралитет Швейцарии не будет нарушен; мобилизированные швейцарцы, наши члены, появляются среди нас опять; антропософы начинают развивать свою деятельность; поднимается интенсивность работ; начинаются репетиции эвритмической группы, собирающейся к Рождеству поставить в одном из лесопильных сараев, освобожденном от машин (столярные работы закончены) и превращенном в постоянную аудиторию, — эвритмические номера; в сарае строится подиум, появляются скамьи для зрителей и занавес; русские в свою очередь готовят д-ру рождественский номер: прославление звезды; хор и эвритмические фигуры, живописующие рождественское: «Христос рождается»; приготовляется огромная бумажная форма звезды (изнутри зажженная), на большой палке; происходят спевки хора и репетиции эвритмисток; вся группа участников — русские; в хоре приняли участие между прочим Трапезников, Маликов, Лигский, Сизов, Кемпер, Поццо; в эвритмической группе: Ася, Наташа, Богоявленская, Фридкина, Киселева, Волошина; мы с Асей задолго до рождества добываем елочку; я привожу из Базеля разнообразные елочные украшения (шары и серебряную канитель); задолго до рождества наша комната прибрана и украшена елкой.

Я продолжаю упорнейше заниматься Гёте и комментариями к Гёте доктора; и все более удивляюсь тому, что вся книга Метнера построена на разносе книги Штейнера *«Goethes Weltanschauung»*, являющейся лишь внешней экспозицией его взгляда, внутренне обоснованного огромным количеством детальнейших комментариев, длиннейшими вводительными статьями (вводительная статья к Гётевой биологии одна — превышает размерами все «*Goethes Weltanschauung*»); я выдвигаю Метнеру вопрос, как он мог не ознакомиться с таким ценным материалом; Метнер отвечает легкомысленно, что он это сделал сознательно; во мне крепнет решение не пощадить его в своей книге — тем более, что я натыкаюсь в его книге на ряд грубейших промахов и относительно понимания Гёте; так, он превратно толкует идею у Гёте, грубейше смешивает учение о прототипе с учением о протофеномене; все это я решаю отметить в своей книге, т.е.: решаю не только оборонять гётизм Штейнера от его наскоков, но и уничтожить Метнерово понимание Гёте; знаю, что этого Метнер мне не простит никогда; тем труднее мне с ним дружески встречаться; точно предчувствуя мои намерения, Метнер мне неоднократно говорит: *«Если вы в книге затронете мое гетеанство, то имейте в виду, что выступит в Москве на мою защиту Иван Александрович Ильин»* (впоследствии профессор)[889]; он много мне говорит о своей дружбе с Ильиным; и как будто даже угрожает Ильиным; все это лишь разжигает во мне пафос к атаке основных мировоззрительных твердынь Метнера.

М.Я. Сиверс
1906. ГМП

Между тем: мы в Метнере замечаем явное подобрение; и даже ноты досады на себя за то, что он преждевременно выпустил в свет свою книгу; в его тоне мелькают сочувственные ноты по отношению к доктору; мы выхлопатываем разрешение ему посетить одну из лекций доктора; после лекции я подвожу его к доктору и знакомлю с ним; доктор, который знает, что Метнер выпустил книгу против него, тем не менее очень любезен с Метнером; помнится, они обмениваются какою-то фразой о Бергсоне; Метнер во время этого краткого разговора мне кажется растерянным и смущенным, как провинившийся школьник.

Метнер чаще всего бывает у Наташи Поццо и М.В. Волошиной (Сабашниковой); с Наташей он явно дружит; и во мне поднимается смутная ревность к Метнеру (много лет спустя, уже в Берлине, в 1923 году, Наташа, отрицая свою вину, т.е. кокетство со мной, мне призналась, что в ту пору она любила Метнера, — стало быть: моя ревность имела почву); ближе вглядываясь в Метнера, я вижу,

что он разительно изменился: постарел, стал внутренне угрюм; искристый блеск его речей покрылся каким-то угрюмым налетом; он неоднократно заявлял, что становится завзятым поклонником теорий Фрейда и Юнга[890], что *«психо-анализ»* в него прямо вписан; этот *«фрейдизм»* отталкивает решительно от меня Метнера; я воспринимаю эти увлечения Метнера враждебно. Вместе с тем, я удивляюсь некоторым *«внутренним знаниям»* Метнера, соответствующим моим *«узнаниям»*, полученным из опыта медитаций, который я развил в себе за 1912, 1913 и 1914 годы; Метнер мне намекает, что и у него есть нечто, вполне соответствующее медитации; я полагаю, что это старые медитации Минцловой, данные нам еще в 1909 году. Впоследствии кто-то мне сказал, что Метнер в то время был близок с представителями какой-то линии персидского оккультизма; члены одного оккультного общества (название забыл), проводящие в жизнь эту линию, были в Цюрихе; наверное, Метнер с ними общался; кроме того: он в то время был близок с Эллисом и с Frau Поольман-Мой, около которой витала всегда *«оккультная»* атмосфера. Как бы то ни было, Метнер в эту эпоху мне кажется каким-то *«подглядывателем»* быта нашей жизни; и у меня откладывается некоторое опасение, как бы я в *«дружеских»* разговорах с ним не сказал бы чего-нибудь лишнего; это отношение к Метнеру во мне укрепляет М.В. Волошина, в прежние годы весьма дружившая с Метнером (в ту пору она дружила с Энглертом, фактически строителем *«Ваи»*), и Т.Г. Трапезников, с которым с конца 1914 года у меня начали складываться очень тесные отношения; одновременно: я стал все более и более заходить к Татьяне Алексеевне Бергенгрюн, переселившейся из Берлина в Дорнах; Т.А. видела мое все растущее одиночество и чуткой душой понимала, как мне тяжело в Дорнахе; она говорила мне, что ценит мою скромность, что видит, как я задыхаюсь среди внешних и внутренних *«немцев»*; она намекала мне, что видит, как Ася отходит от меня, бросая меня в одиночество; говорила, что не сочувствует Асе; мне казалось, — она понимает, что я вступил в полосу тягчайших испытаний души; это же мне говорил и Трапезников. Так в беседах с Трапезниковым и с Т.А. Бергенгрюн черпал я некоторую моральную силу; и кроме того: в этих беседах я выходил из той густой атмосферы «тургеневщины», в которую погружали меня по-разному сестры *«Тургеневы»*, т.е. Наташа и Ася, каждая по-своему; Трапезников как бы мне говорил: «Будьте свободны и независимы: не висите душевно на Анне Алексеевне: она — человек холодный и сдержанный; вы разобьетесь о ее холод». А у Т.А. Бергенгрюн прорывались ноты чисто женского раздражения на Наташу и Асю; она как бы говорила мне: «Безобразие, — вами вертят *"девчонки"*, которые умственно и морально стоят гораздо ниже вас: ведь вы — писатель, незаурядная личность; а вас ваша *"Ася"* хочет держать под башмаком». У нее прорывались ноты явной досады на А.М. Поццо; она говорила: «Александр Михайлович с своим культом *"Наташи"* — просто смешон; умный, интересный человек, а выглядит какою-то *"фитюлькою"*; эта *"Наташа"* им вертит, как хочет...».

В ту пору беседы с Трапезниковым и с Бергенгрюн давали мне многое; в этих беседах впервые наметилась мне моя будущая эмансипация от *«Наташи»* и *«Аси»*, кончившаяся свержением навсегда *«татарского ига»* моей души (род Тургеневых — татарского происхождения).

Наряду с этим в это время осуществляется мой отрыв от другого *«ига»*, от ига М.Я. Сиверс, ставшей «д-р Штейнер»; это *«иго»* длилось год; вся огромность Марии Яковлевны открылась мне с Бергена, т.е. с октября 1913 года; с этого времени я почувствовал, что между нами возникла особая, непередаваемая связь; М.Я. стала являться в моих снах, в моих медитациях; она всегда стояла в центре моей души; я спрашивал советов у образа ее, возникавшего из моих медитаций; и этот образ показывал мне ослепительные духовные горизонты, тяготенье к которым подстегивало мою духовную работу; она постоянно стояла в центре моей души и как бы указывала мне на возможные достижения; и я бросался на эти твердыни духа; но чувствуя, что мне их не одолеть, я удваивал, учетверял, удесятерял духовные упражнения, чтобы, так сказать, подвинтить свои (астральное, эфирное и физическое) тела до гармонии их с миром духа; период от октября 1913 года до появления в Дорнахе был для меня периодом сплошной медитации; я духовно видел то, что лежало выше меня; я чувствовал себя приподнятым над самим собою; и я знал, что эта приподнятость есть «оккультная» помощь, посылаемая мне Марией Яковлевной, которую я боготворил; она стала для меня одно время всем: сестрой, матерью, другом и символом Софии; ее лейт-мотив в душе вызывал во мне звук, оплотняемый словами:

«Сияй же, указывай путь,
Веди к недоступному счастью
Того, кто надежды не знал.
И сердце утонет в восторге
При виде тебя...»[891]

Разумеется, в этом мне непонятном обоготворении М.Я. не звучали ноты «влюбленности»; и все же: образ ее был для меня символом Софии; иногда этот образ мне говорил: «Вот теперь я тебя оставляю: опирайся на оккультную помощь, которую я тебе дала и уже без меня держись на духовной высоте»... И образ меня покидал; и я в моих переживаниях духовной высоты чувствовал себя точно выброшенным с аэроплана; я немедленно падал, разбиваясь об условия жизни в чувственном теле; я начинал бичевать это тело, бороться с собой, а тело, как конь без узды, влекло меня туда, где на меня нападали люциферические и ариманические искусы: я — падал; и тогда образ духовный М.Я. глядел на меня с укоризною, а на физическом плане Мария Яковлевна становилась по отношению ко мне неприятной, враждебной; так на физическом плане между нами начинались размолвки и споры без слов; потом — наступало примирение: М.Я., я чувствовал, опять давала мне свою помощь; и на крыльях этой помощи я вновь чувствовал себя вознесенным в «*мир духа*» до... следующего падения.

В этих «*ссорах*» и «*примирениях*», «*взлетах*» и «*падениях*» протекла для меня вся зима и весна 1913—1914 годов. Я себя чувствовал к осени 1914 года совершенно физически измученным, хотя и чувствовал, что духовно за этот период я узнал столь много истин, что с этими «истинами» я бы мог прожить не одно, а много воплощений. Каждый взлет после падения был высшим взлетом; но каждое следующее падение было еще более ужасным; прямая линия развития стала зигзагообразной /\/\◄; в результате роста диапазона падений и взлетов в душе стало оживать все большее раздвоение; с лета 1914 года, когда я влюбился в На-

ташу, во мне произошел внутренне как бы разрыв «*Я*» на два «*Я*»; жизнь высшего «*Я*» во мне убивало мое физическое здоровье; требования этого здоровья как бы вычеркивали из меня жизнь духа во мне. Наконец, последний конфликт двух борющихся «*Я*» во мне окончился моим сильнейшим сердечным припадком, во время которого я чувствовал чисто физиологически, что «нечто» вырвалось из моего сердца, физически разбив его; и — унеслось, покинув меня, в духовную высоту; я переживал этот вырыв высшего «*Я*» из меня как свою духовную смерть; жизнь медитативная затормозилась во мне: медитация во мне, когда я ее напрягал до прежней силы, вызывала лишь сердечный припадок, во время которого меня охватывал страх смерти; и этот страх диктовал мне замедление всего ритма душевной работы; замедление ж ритма взрывало во мне рост чисто физических потребностей; чувственность с непобедимой силой вставала во мне; а кокетство Наташи притягивало эту чувственность к ней. До сердечных припадков я с нею боролся; но мысль, что самая эта борьба вызвала сердечные припадки, выдернула из-под ног самую почву борьбы; и я, упавший в свое тело, внешне брошенный Асей, всею силою душевного эротизма как бы прилепился к Наташе; и самую грешность подобного «*прилепления*» я приподнял, как нечто нормальное; на М.Я. я посматривал с озорством «бунта»; «*ссора*» с нею вела меня не к «*примирению*», как прежде, а к внутреннему наступлению на нее: отношение к ней выразилось во мне своеобразным чувством, которое я нес в своей душе, как «*озорство*». Да, я стал по отношению к М.Я. «*озорником*» и «*бунтарем*»; она сперва сердилась на меня, потом как бы махнула на меня рукой; я знал, что где-то отношение ее ко мне осталось неизменным, что она верит, что затянувшийся во мне конфликт света с тьмой окончится победой света, но что на время этой перепутанности раздвоенных половинок души моей она внутренно покидает меня; как в верхних сферах сознания моего в предыдущий период жила М.Я., так после октября в низших сферах сознания моего зажил образ «*Наташи*». Иногда я вспоминал с тоскою о духовных сферах, меня покинувших; и тяжелое недоумение над «*крахом*» своим жило во мне; я удивлялся, что сердечную болезнь мою (продукт борьбы Софии с Наташей) доктор называл шагом вперед; самый ласковый, сердечный тон доктора по отношению ко мне (а он в этот период сильно ко мне подобрел) вызывал во мне грустное недоумение; я себе говорил: «Или доктор не понимает, что происходит во мне? Почему же он называет "*Fortschritt*"ом* то, что я в себе несу, как падение?..». Словом: чувствовал себя лишенным почвы, физически ослабевшим, духовно угасшим, потерявшим критерии между злом и добром; а условия военной жизни и грохот мировой войны, слышимый с границы Эльзаса, был внешним выражением катастрофы, пережитой мною: катастрофой пути. Словом: если 1913 год в сознании оживает стремительным, изумительным взлетом вверх, не соответствующим моим духовным усилиям и приписанным мною действию Божией благодати и молитвенной помощи доктора и Марии Яковлевны, то линия моей жизни от февраля 1914 года до октября (1914-го же) есть линия стремительного падения; в октябре толчок падения этого выразился сердечной болезнью; в декабре я как

* «Шагом вперед» (*нем.*).

бы начинаю свыкаться с своей участью: с безблагодатной, слепой и глухой, погрязшей в соблазны жизнью моей; и даже: по отношению ко всей прежней линии, линии Марии Яковлевны, я ощущал своего рода бунт; и странно: все антропософы, внутренне связанные с М.Я., в моем сознании встают передо мной, как враги; я ощущаю круг людей, которыми дирижирует М.Я.; этот круг людей воспринимаю я, как «*двор*» М.Я.; в Антр<опософском> О-ве впервые меня тяготит мной ощущаемая «*придворная атмосфера*», которой я объявляю войну; я говорю себе: «Э, да это — Байрейт». Мое положение при этом дворе я ощущаю, как положение Ницше при Вагнере; доктора я не приравниваю к Вагнеру, но М.Я. я приравниваю к «*Байрейту*»; многие из ее проявлений мне кажутся — фальшиво-приподнятыми; я начинаю ее критиковать, перечитываю сочинение Ницше «*Вагнер в Байрейте*» и обращаю аргументы Ницше против Вагнера в аргументы против Марии Яковлевны[892]; я чувствую, что лица, которыми руководит М.Я. (Рихтер, Валлер, Митчер, Классен и ряд других) поворачиваются ко мне враждебно; я с удивлением вижу, что «Наташа» и «Ася» (особенно «*Ася*») тоже внутренне как бы приняты в этот придворный штат; и в этом смысле находятся в другой линии антропософии, которую я называю «*антропософией догматической*»; во мне происходит крах всей «*антропософской догмы*»; и впервые слагается новый очерк «*антропософии*», как путь свободы и критицизма; мои усиленные занятия Гёте и гётизмом доктора укрепляют во мне эту новую концепцию антропософии; если до сей поры я шел под знаком мироощущения «*оккультизма*», то теперь я стою под знаком мироощущения чистого «*логизма*»; я ощущаю в себе новое познавательное восприятие антропософии, как переход из средневековья в эпоху возрождения; мне впервые становится близким «*ренессанс*» и вся эпоха италианского возрождения; и на этой почве у нас возникают оживленные беседы с Т.Г. Трапезниковым, знатоком эпохи «*ренессанса*»; он укрепляет во мне интерес к «*ренессансу*» и на этой почве крепнет наше общение с ним. Все это в себе я называю «*свержением ига М.Я.*», т.е. свержением средневекового, оккультически-догматического ига антропософии, возглавляемого М.Я., и рождением в душе свободной, гетеански оформленной антропософии; занятия усиленные гетеанством и философией антропософии оплодотворили во мне впервые познавательный подход к антропософской доктрине; я как бы переживаю упадок в себе «*оккультного*» пути, т.е. антропософии, как пути жизни; и одновременно: переживаю ренессанс в себе антропософской философии; и часто спрашиваю: «Если я мировоззрительно окреп, то — какою ценою? Ценою падения своего...». Так на рубеже нового 1915 года я стою в тяжком кризисе.

Приблизительно в это время в жизни доктора произошло событие: он обвенчался гражданским браком с Марией Яковлевной[893]; еще летом 1914 года М.Я., отведя однажды нас с Асей в сторону, спрашивала, что мы предприняли для гражданского брака (наш гражданский брак произошел в Берне, в марте 1914-го года); оказывается, ей нужны были эти сведения для брака с доктором; этот брак, конечно, был чисто духовный; М.Я., многолетний секретарь доктора, обитала в квартире доктора; в Берлине это не вызывало нареканий; но совместная жизнь доктора с М.Я. на вилле *«Hansi»* в Дорнахе вызвала нарекания со стороны швейцарских мещан. Чтобы заткнуть глотку этим мещанам, доктор и М.Я. обвенча-

лись; тем не менее, этот *«брак»*, мотивы которого ясны для всех мало-мальски сознательных антропософов, вызвал негодование в целой части Общества, по преимуществу в среде того карикатурного и «quasi»-оккультного элемента, который мы называли *«тетками»*; *«оккультные тетки»*, не любившие М.Я., зашипели на этот брак; с той поры в Дорнахе стали гнездиться всякие сплетни по адресу М.Я., распространяемые тетками; разумеется, к этим *«шипам»* мы относились с негодованием; и *«бунтуя»* внутренне против М.Я., внешне я всегда придерживался *«партии М.Я.»*, — против *«теток»*, ее ненавидевших за близость ее к доктору; причина ненависти, как обнаружилось это позднее, — нездоровая, *«мистическая влюбленность»* в доктора энного количества «теток», устроивших осенью 1915 года настоящий бунт против нее; М.Я. со смехом называла этот бунт *«бунтом ведьм»*; к впоследствии обнаруженным ведьмам, начавшим развивать атмосферу сплетен в Дорнахе уже с конца 1914 года, следует отнести: Madame Райф (из Вены), Штраус (из Мюнхена), Шпренгель, мадам фон Чирскую и ряд других теток; Штраус, фон Чирская со скандалом вылетели из Общества в конце 1915 года во время того периода, который я называю *«великой чисткою авгиевых конюшен»*.

Все последнее время перед Рождеством Ася усиленно занималась работой над стеклами под руководством Рихтера; работа эта была очень тяжелой; громадные стекла надо было вырезывать особым сверлильным аппаратом, очень тяжелым, и соединенным с бор-машиною; аппарат под действием электрического тока начинал вертеться; и надо было с силой держать его в руках, чтобы он не вырвался и не разбил стекла, стоившего баснословных денег; кроме того: стекло, поставленное перпендикулярно, находилось под током холодной воды, охлаждавшей накал стекла; вода разбрызгивалась во все стороны; работавшие надевали гуттаперчевую одежду и гуттаперчевые перчатки, чтобы не промокнуть; ледяная вода холодила руки, скрежетание сверлильного аппарата по стеклу раздражало нервы; физически-тяжелая, ответственная, раздражающая нервы работа! Перед самым Рождеством Ася промокла однажды насквозь во время этой работы; и вместо того, чтобы посушиться, она, мокрой же, отправилась на репетицию эвритмии в холодное, каменное помещение *«Ваu»*; последние дни перед Рождеством она уже ходила простуженной.

Встреча Рождества произошла в сарае, приспособленном для лекций и эвритмии[894]; съехалось множество народу; все дамы были в белых платьях; приехал и Метнер[895], которому мы выхлопотали разрешение присутствовать на нашем празднике; сначала состоялась лекция доктора, очень мрачная (он говорил о событиях войны); потом зажгли елку: антропософский хор исполнял рождественские песни; после прошла эвритмия; прославление *«звезды»* (хор и эвритмия), исполненное русскою группой, имело огромный успех среди немцев и очень понравилось доктору: Ася и Наташа в белых платьях были очень хороши; старые чувствительные немки называли их: *«Zwei Ängelein»**. Это прозвище с той поры укоренилось за ними. М.В. Волошина тоже была недурна в эвритмии. Киселева исполнила но-

* «Два ангелочка» (*нем.*).

мер соло — стихотворение доктора: *«Die Sonne schaut um mitternächtige Stunde***»[896]. Метнер был — мягкий, умиротворенный, даже как бы побежденный доктором.

Но когда мы вернулись домой, обнаружилось, что у Аси жар до 40 градусов; печально зажгли мы рождественскую елку; на следующий день свалился в сильнейшем бронхите и я; беспомощно пролежали мы с Асей в постелях все праздники; через день обнаружилось, что и Наташа, и Поццо — тоже лежат в бронхитах (в Дорнахе открылась сильнейшая эпидемия бронхитов); ряд рождественских собраний и лекций доктора в Дорнахе и в Базеле мы пропустили; Метнер был на некоторых из этих лекций; после он уехал к себе в Цюрих.

Так внутренний разгром, которым отметился этот тяжелый год, окончился и внешним разгромом: мы четверо — я, Ася, Наташа и А.М. Поццо, — связанные тяжелейшими личными отношениями весь 1915 год, встретили этот год на одре болезни. Нас лечила Фридкина (доктор медицины), антропософским методом, который она применяла к своим пациентам (она в своей практике постоянно советовалась с доктором): лечение это заключалось в изгнании болезни искусственным вызыванием испарины; нас окутывали мокрыми, горячими простынями, закутывали одеялами; и заставляли лежать так до 1 ½ часа. Я уже к новому году справился с болезнью; но болезнь Аси затянулась надолго[897]; еще в феврале она едва ходила; а приподнятая температура длилась у нее до самого лета.

1915 год

Январь.

Весь январь переживаю я крайне подавленное настроение; затянувшаяся болезнь Аси внушает мне сериозное опасение; у нее — страшная слабость и ежедневно к вечеру — жар; тем не менее: на лекциях доктора она бывает; иногда для этого приходится выписывать из Базеля экипаж (по телефону); Наташа тоже очень ослаблена бронхитом; Наташа и Поццо теперь оказываются в Дорнахе, в неудобном помещении; Фридкина рекомендует Асе усиленное питание; за разнообразными пищевыми продуктами я 2 раза в неделю отправляюсь в Базель; январь стоит холодный и снежный; обнаруживается, что в наших комнатах всюду — холодный сквозняк; сколько ни топи комнаты, они — выстуживаются; помещение оказывается в высшей степени неуютным; надо думать о приискании другого обиталища; отношение к нам Е.А. Ильиной портится; она заявляет, что наши комнаты ей нужны; между нею и Асей устанавливаются плохие отношения; мне приходится приискивать другое помещение; в Арлесгейме и в Дорнахе обнаруживается мало комнат; наконец мне указывают помещение, которое должно освободиться к первому февралю; это — домик, стоящий на перекрестке дорог, ведущих из Арлесгейма в Обер-Дорнах и из Нижнего Дорнаха к *«Bau»*; прежде, идя к *«Bau»*, я не замечал вовсе этого домика; он прятался в яблоневых деревьях; этот домик — изолирован; его окружает зелень; он стоит как раз против Villa *«Hansi»*,

** «Солнце глядит в полночный час» (*нем.*).

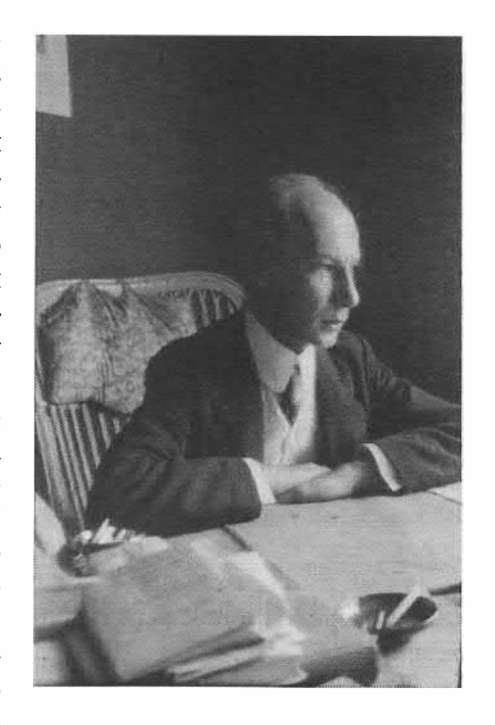
принадлежащей доктору (окна в окна); второй этаж домика сдается; в нем 3 комнаты, коридор и чистая удобная кухня с террасой, открывающей вид на зелень, домик доктора, холм и *«Bau»*; владелица домика милая старушка, Frau Thomann, отдает его нам за сравнительно дешевую цену; у нее для нас оказывается приходящая прислуга, которая с 9 до 12-ти должна нам убирать комнаты, мыть посуду и заготовлять что-нибудь для ужина; с обедом мы устраиваемся с кантиной; нам берутся доставлять обед из кантины, находящейся в расстоянии 7-минутной ходьбы до домика; *«Bau»* оказывается от нас в расстоянии ходьбы не более 3-4-5 минут, т.е. — рядом[898]; меня смущает лишь то, что домик может оказаться сырым и холодным; но Frau Thomann указывает, что в 3-х комнатах имеются две теплых печки; и что можно всегда иметь запасы брикетов. Все это успокаивает меня. Я снимаю помещение; и с нетерпением ожидаю момента, когда можно покинуть неуютное помещение Ильиной; в это время появляется в Дорнахе семейство Ван-дер-Паальса из Берлина; с Ван-дер-Паальсом мы уже встречались в Берлине; теперь это знакомство возобновляется; и переходит скоро в дружбу; Ван-дер-Паальс начинает часто бывать у нас; появляется к этому времени в Дорнахе и Михаил Бауэр, ближайший ученик доктора, очень замечательный антропософ, один из 3-х глав нашего Общества; он болен туберкулезом; за ним ухаживает Frau Morgenstern, вдова покойного поэта; она поселяется с Бауэром в одной квартире; Бауэр сперва снимает верхний этаж дома, в котором живет Трапезников; с этой поры устанавливается частое посещение Бауэра Трапезниковым; у Трапезникова поселяется А.С. Петровский; он тоже видится с Бауэром; с Бауэром близка и М.В. Сабашникова; так Бауэр в Дорнахе очень скоро становится естественным патроном русских; с Бауэром устанавливаются у меня с января месяца очень хорошие отношения; и странно: чем более я внутренне отдаляюсь от М.Я. Штейнер, тем более для меня вырастает значение Бауэра, как своего рода духовного руководителя, естественно вырастающего вслед за доктором[899]. Приблизительно в это же время в Дорнах приезжает д-р Гёш, молодой философ и архитектор, мечтающий написать книгу по философии антропософии; это очень культурный человек; он начинает часто заходить ко мне; мы с ним гуляем по окрестностям и рассуждаем о проблемах гетеанства. Я теперь пристально разбираю книгу Метнера и готовлю эскизы для первых глав моей ответной книги. Появлением Ван-дер-Паальса, д-ра Гёша и Бауэра, ростом дружбы с Трапезниковым и с Т.А. Бергенгрюн отмечено для меня начало 1915 года.

К этому времени в Париж уезжает Максимилиан Волошин[900], К.А. Лигский знакомится с доктором и готов вступить в А.О. Мои хорошие отношения с последним — укореняются. Метнер исчезает с нашего горизонта; он сидит в Цюрихе; и не показывается в Дорнахе.

Февраль.

Первого февраля мы перебираемся с Асей в новое помещение, к Frau Thomann и чувствуем себя здесь внешне недурно; комнаты оказываются уютными и теплыми; на зиму мы сосредоточиваемся в двух комнатах, отделенных коридо-

ром от третьей; эту третью сдаем мы американке, мисс Чильс — на время[901]; здесь, в этих двух комнатах, как-то по-новому концентрируется наша жизнь с Асей, которая медленно начинает поправляться; я погружен с утра и до вечера в мою работу: пишу книгу против Метнера, составляю регистр по различным вопросам методологии и теории знания из комментариев к Гётеву тексту доктора и из всех его высказываний о Гёте; у меня уже имеется огромный материал против Метнера; связывая различные высказывания доктора воедину, я вынимâю из этих высказываний оригинальнейшие мысли; такой же регистр я составляю к книге Метнера; вооруженный этими регистрами, я начинаю писать; так написывается вводительная глава, написывается последняя глава, которую я впоследствии назвал *«приложение к книге»*, но которая по первоначальному заданию должна была стать ядром книги; написывается глава, разбирающая методологию и теорию знания у Метнера и Штейнера[902]; одновременно: я усиленно работаю над усвоением световой теории Гёте и изучаю ретушь к ней Штейнера; работаю я без устали — буквально с утра до ночи; работаю до двух часов ночи; и после не могу заснуть; постепенно я заболеваю бессонницей, которая длится весь февраль, март, апрель и которая страшно измучивает мои нервы. Во время этой работы я механически накаливаю нашу печь; температура в наших комнатах взлетает до 20 градусов. Иногда, измученный бессонницей и мозговым переутомлением, я уезжаю в Базель; и печально брожу по сырым и печальным улицам Базеля; однажды я был в Базеле с Асей; когда мы с ней возвращались в Дорнах в трамвае, то я заметил, что рядом со мной сидела костлявая, страшно безобразная и кривобокая женщина с фосфорически горящими, безумными глазами и с красным шрамом на шее; она сидела со мной рядом; и мне казалось, что она с особенным вниманием поглядывала на меня; что-то было отчаянно-жуткое в ее черном, тощем, кривобоком силуэте; мне стало не по себе; но я поборол себя, ничего не сказав Асе. Отмечаю этот факт, потому что *«черная женщина»* появилась впоследствии передо мною опять в гораздо более странной и жуткой атмосфере.

Андрей Белый
Дорнах. 1915. ГМП

В этот же месяц, во время мучительной бессонницы, вызванной переутомлением, меня стали посещать эротические кошмары: я чувствовал, как невидимо ко мне появляется Наташа и зовет меня за собой на какие-то страшные шабаши; сладострастие во мне разыгрывалось до крайности; совершенно обезумев, я стал сериозно мечтать об обладании Наташей и стремился в моем грешном чувстве признаться Асе; но Фридкина, лечившая Асю, постоянно предупреждала меня:

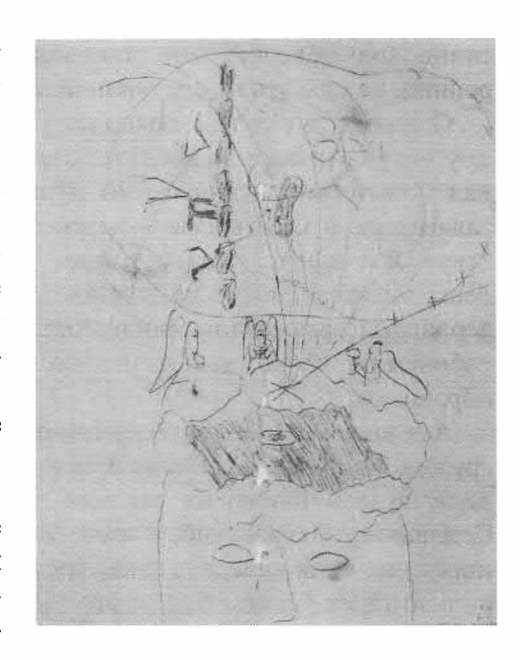
«Не говорите с Анной Алексеевной ни о чем сериозном: это может отразиться на ходе ее болезни». И я молчал о своих переживаниях Наташи, ожидая выздоровления Аси; затянувшаяся болезнь Аси меня крайне удручала; ведь я ее любил всею глубиною своей души; и признавался себе, что страсть к Наташе, принимающая формы совершенно чудовищного чувственного влечения, есть злая болезнь; и тем не менее: я чувствовал, — болезнь слишком запущена; я не могу уже вырваться; эта болезнь, осложнявшаяся ночными невидимыми появлениями Наташи около меня, приняла столь сериозные формы, что я стал порою воображать, будто Наташа — суккуб, посещающий меня; и тем не менее, — я влекся к Наташе, я все хотел остаться с нею с глазу на глаз; но — Наташа, искавшая со мною общения и tête à tête эту осень, тут нарочно стала ускользать от всякого объяснения; я не мог найти повода остаться с нею с глазу на глаз; мы с нею встречались или в кантине, или на *«Вau»*, или при Асе, или при А.М. Поццо; иногда она, как бы за спиною их, кокетничала со мною, жестами; и — никогда не кокетничала словами; в словах она стала, наоборот, очень сдержанна со мной; очень часто бывало: она уходила от нас вечером, и тогда ночью она появлялась около моего изголовья, как суккуб; и звала меня на жуткие, страшные шабаши; самый образ Наташи явился для меня олицетворением *«черной, демонической женщины»*.

Я жил в странном, тревожном настроении, ежедневно ожидая каких-то несчастий; однажды, забывшись под утро, я проснулся как бы от некоего электрического удара и почувствовал, что сижу на постели и хриплю на всю комнату; это был припадок удушья; но мне казалось, что какая-то *«черная женщина»*, невидимо прильнувши ко мне, выпивает, как вампир, мою кровь; я соскочил с постели и побежал будить Асю; но объяснить ей мои переживания страха не сумел.

В это время к нам стала часто забегать Т.А. Бергенгрюн, вся какая-то встревоженная; в ее словах раздавались невнятные намеки на то, что нам всем угрожают сильнейшие оккультные нападения, что мы здесь, около *«Вau»*, как бы в своего рода траншеях, обстреливаемые астральными снарядами, посылаемыми всеми черными оккультистами; лейт-мотив ее слов как бы говорил мне и Асе: «Держитесь, сильнейшие темные нападения на вас имеют место». Иногда в ее словах звучали намеки на то, что ее слова о *нападениях* на нас *черных магов* не ее лишь субъективное мнение, но что эти слова исходят из опыта подлинно внутренних антропософов, обитающих в Дорнахе; и слова эти совпадали со странным, весьма тревожным состоянием моей души.

Однажды Ася видела сон, который ее странно поразил и взволновал: она видела, что она проникла во сне в какое-то запретное место, где гнездятся враги, нападающие на нас и насылающие на нас душевный морок; враги оказались несколькими страшными женщинами, с которыми она вступила в оккультный бой; во время этого боя с ней рядом появился Трапезников; и сражался против темных женщин; сон этот меня поразил; он совпадал с моим настроением; ведь Наташа, или оборотень, принявший вид Наташи, нападал своей страшной чувственностью на меня по ночам. В этот же день или на другой день вечером к нам пришел Трапезников; и рассказал свой сон; и этот сон совпал со сном Аси: он —

тоже во сне боролся с темными женщинами. «Да, — сказал он, отряхивая пепел папиросы, — было уже несколько случаев здесь в Дорнахе, когда в астрале видели этих женщин; по-видимому, где-то они есть; но дело не в них: а в каком-то толстом, страшном мужчине, который руководит ими». Не знаю, о каком мужчине говорил Трапезников: видел ли он его во сне, или что-либо о нем слышал от других, производивших духовное исследование; больше мы с Асей ничего от него не могли добиться; но впечатление вставало: мы окружены кольцом тайных сил, нападающих в астрале на нас; самое жуткое было то, что на физическом плане нельзя было защититься от этих астральных нападений; так создалось во мне представление о том, что и моя абракадабра с Наташей — результат порчи нас, чуть ли не глаза; этот *черный глаз* объясняли Бергенгрюн и Трапезников наваждением темных оккультистов, работающих над тем, чтобы внутренне деморализировать строителей *«Ваи»*; недаром еще прежде, в бытность нашу в Мюнхене, Штинде предупреждала, что в Дорнахе будет очень трудно; теперь эти трудности объяснялись: оккультными нападениями; передавали, что что-то в этом роде говорил недавно и доктор. Мне думалось: «Что же доктор не защищает нас? Что же он молчит?». И доктор Гёш, такой радостный в первые дни своего пребывания в Дорнахе, появлялся в нашем домике хмурый и словно отягченный какою-то думой; иногда и он заводил разговоры с нами о каких-то навождениях; но говорил он намеками: чувствовалось, — он что-то скрывает от нас.

Андрей Белый. Медитативный рисунок
1910-е. Бумага, чернила. ГМП

Установился обычай, что доктор читал нам лекции по субботам (вечером) и по воскресеньям (утром от 10 до 12-ти); однажды после лекции доктора, когда я проходил мимо него, он незаметно подошел ко мне, потрепал меня по плечу и сказал с лаской: «Nun, Herr Bugaeff, man muss doch Mut haben: es macht nichts...»*. Я подумал: «О чем говорит доктор? Стало быть, — действительно есть причины для страха...».

Эта странная тревога, внутренне сотрясавшая меня, усиливалась моими упорными многочасовыми умственными занятиями, одолевавшей бессонницей, всей обстановкой затягивающейся войны; по ночам я с тоскою прислушивался к громыхавшим орудиям на западном фронте; погода стояла унылая, непереносная; после снега делалась слякоть и сырость; туман нависал беспросветной,

* «Теперь, господин Бугаев, нужно иметь мужество; ничего страшного» (*нем.*).

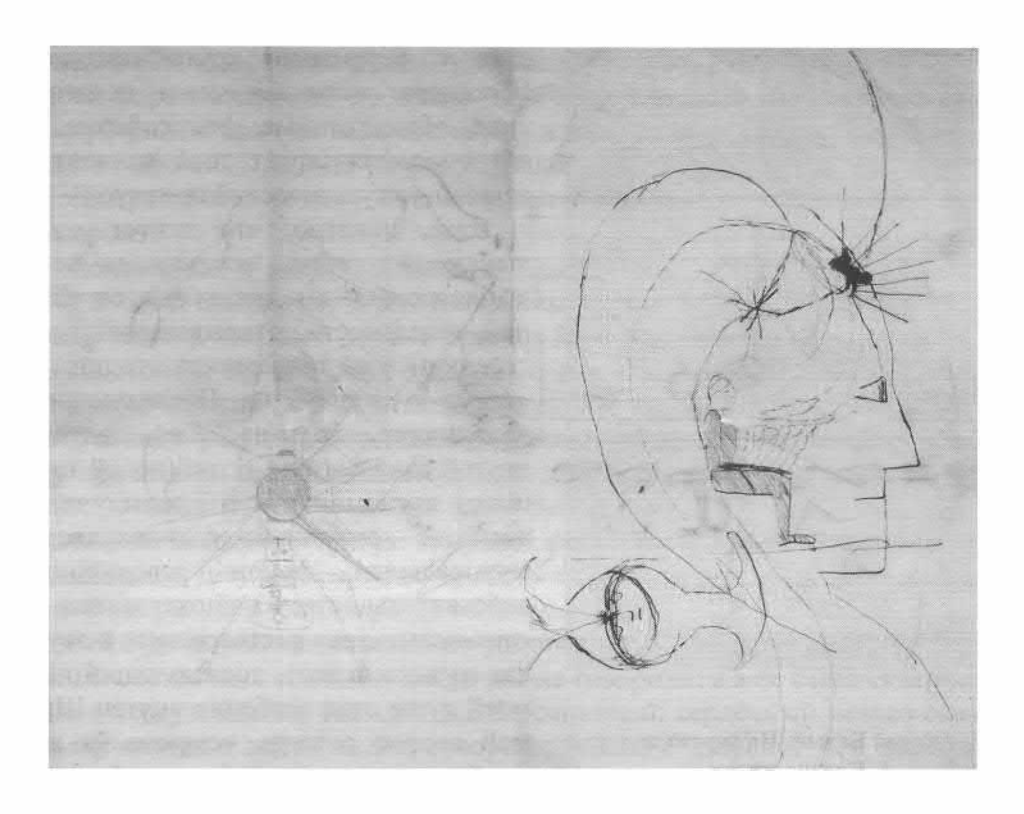
свинцовою пеленой; нам становилось душно и тесно в двух комнатках; и мы решили не сдавать на следующий месяц нашу третью комнату мисс Чильс.

Однажды в феврале появился у нас Э.К. Метнер, приехавший из Цюриха; я ему читал отрывки из вводительной главы, написанной против него; он хохотал над моими юмористическими выпадами и сказал: «Да, да, — написано весьма талантливо и хлестко; но — посмотрим, что вы напишете против меня по существу». Я подумал: «Ладно, ладно, — написанное только цветочки; как-то ты будешь смеяться, когда дело дойдет до ягодок». А этих «*ягодок*» в виде неопровержимых аргументов, свидетельствующих о его легкомыслии, было у меня в рабочем портфеле сколько угодно; они лишь еще не поступили в окончательную обработку.

Ася весь этот месяц вследствие слабости не ходила на работу; я же был погружен в писание моей книги; мы почти не бывали на *«Ваи»*; связь с *«Ваи»* поддерживалась только на лекциях доктора; нас посещали Трапезников, Рихтер, Седлецкие, Петровский, Сизов. Жили мы этот месяц уединенно и замкнуто; иногда на меня нападала такая тоска по России, что я признавался Асе, что меня сильно тянет уехать. Ася на это отвечала с огромным раздражением: «Ну что ж, уезжай, но я останусь здесь...». Я, конечно, не мог добровольно бросить Асю; и покорялся ей; но я думал с тревогою: «Когда же кончится это наше отсиживание и до чего оно нас доведет?»...

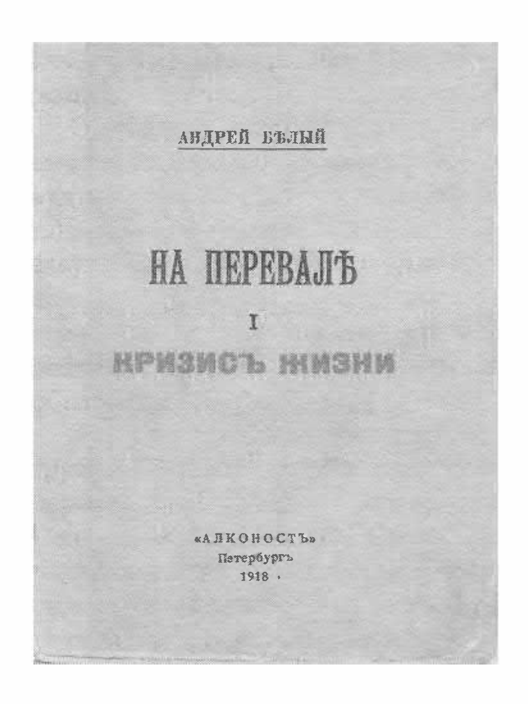
Март.

Здесь подхожу к описанию страннейших событий, разрезавших точно молния и без того неприглядную жизнь того времени; впрочем, эпитет *«страннейший»*, *«страннейшая»*, *«страннейшее»* должен собой испестрить все страницы записываемого хода жизни эпохи 1912—1916 годов; все здесь — «страннейшее»; самая моя жизнь того времени — удивительный парадокс, богатейшая пища для общества психических исследований; вот ведь теперь не скажу, чтоб моя жизнь доставляла мне материал разных *«странностей»*; с 1917 и до 1924 года так мало мне жизнь доставляет поводов к склонению прилагательного *«странный»* во всех падежах; моя жизнь настоящего времени — трудная, напряженная, полная всевозможных забот, интересов; но события этой жизни нисколько не странны; между тем период от 1912 года до 1917-го *очень странен*; стоит предо мною он, как *жизнь в жизни*; и эта *жизнь в жизни* имела свое рождение, рост и смерть; теперь, озираясь, себя я могу вопрошать: принадлежала ли эта жизнь моей жизни? Или кто-то, во мне поселившись, изжил себя и меня безвозвратно покинул? Если бы я проследил рождение этого *«некто»*, который, просунувшись в мои органы восприятия, ими воспользовался, поглядел на действительность, в ней увидел все в *«странном»* свете, оставил в душе свои *«странные»* записи и излетел из меня, — если б я проследил рождение во мне этого *«некто»*, то, пожалуй, не мог бы я фиксировать 1912 год как год начала *«странных»* происшествий в моей жизни; *«странности»* этого года, пожалуй, лишь разразились в *«престранности»*; *«странности»* начались со мной раньше; пожалуй, эпоха их открывается с 1909-го года, а не с 1912-го. И тогда период остраннения длится дольше: он захватывает эпоху с 1909 года до 1917-го; но тогда эпоха эта совпадает с годами

Андрей Белый. Медитативный рисунок
1910-е. Бумага, чернила. ГМП

встречи с Асей Тургеневой; не в жизни ли с ней *«остраннения»*? Так я одно время и склонен был думать. Действительно: Ася человек *«странный»* во всех отношениях, до антропософии подверженный всяким медиумическим влияниям (так, вступление в жизнь с ней для меня ознаменовывалось всевозможными явлениями — вплоть до спиритических стуков); но, вглядываясь еще пристальнее, я устанавливаю, что самое появление в моей жизни этой *«странной»* женщины подготовилось *«остраннением»* моей судьбы и моими переживаниями на рубеже меж 1908 и 1909 годами; в ту пору я значительно *«постраннел»*; и результатом *«странностей»* моих уже явление передо мной *«странной»* Аси. Собственно говоря, *«странный»* период открылся сближением с Анной Рудольфовной Минцловой, меня заразившей своими розенкрейцерскими мечтами; я бы назвал этот период погружением в *«оккультизм»*. В самом деле: 1909 год открывается для меня: сближением с Минцловой, чтением оккультических книг, занятиями астрологией; и из всего этого, как из тумана заря, проступает Ася; наш путь с Асей начинается исканием *«внутреннего пути»*, томлением среди просто *«литературной среды»*, углубляется событиями в Брюсселе 1912 года, встречей с Штейнером, поездками вслед за ним; и появлением в Дорнахе; кстати сказать: лекции Штейнера эпохи 1912-1916 годов главным образом лекции на оккультные темы и темы эсотерические. Позднее самое расширение антропософии свя-

Андрей Белый. На перевале
I. Кризис жизни
Пб.: Алконост, 1918

зано с переменою круга тем лекций Штейнера: вступают темы педагогические, общественные, философские, сама антропософия теряет свой концентрированный, оккультический привкус.

Итак, понятно, что эпитет *«странный»*, *«странная»*, *«странное»* пестрит эти воспоминания, как значок определенной тональности, открывающий нотную строчку; вся тональность годин была *«странная»* для меня. Последующие революционные годы протекали под знаком другой тональности; в этой новой тональности воспоминания о предыдущих годинах, о *«странных»* годинах являлись музыкальным фоном революционной действительности; в ней оккультная *«действительность»* растворилась; и звучала, как музыка; в этот, последующий период моей душе стал особенно внятен Шуман; мой вопрос о годах *«странной»* жизни моей, не получая ответа, как бы растворился в глубиннейшем изживании музыки Шумана. Соната, посвященная Кларе Вик, *«Крейслериана»*, *«Фантазия»*, *«In der Nacht»* и другие произведения Шумана[903] стали для меня любимейшими, *моими* в полном смысле слова; от всех *«странных»* лет во мне осталась, доселе живет недоуменная *меланхолия*.

Итак, после этого разъяснения, возвращаюсь к краткому описанию жизни моей того времени: март месяц весь был повит для меня флёром жуткой тоски и недоумения, связанных с переживанием моих отношений к Наташе и к Асе, к доктору Штейнеру, к антропософии даже; мисс Чильс от нас переехала; освободилась третья комната, в которой мы устроили одновременно: и мою приемную, и кабинет; в эту пору я усиленно занимался разработкою своей книги; писалась глава: *«Световая теория Гёте»*; она давалась мне особенно трудно; нужно было пропустить через себя оба тома Гёте; том теории и том *«Geschichte der Farbenlehre»*[904]; далее надо было свести к единству сложнейший комментарий доктора; и внятно изложить книгу доктора *«Goethes Weltanschauung»* сквозь призму составившегося представления: *«Световая теория в свете антропософии»*. Помнится, что у меня вставал ряд сомнений по поводу многих вопросов, связанных с гетизмом; сомнения свои я высказывал доктору Гёшу; и он посильно мне отвечал на мои вопросы; но меня далеко не все удовлетворяло; и я стал спрашивать, с кем из гетистов-антропософов мне можно было бы встретиться; мне указали на Шолль как на хорошую гетистку; она жила в Арлесгейме с двумя подругами американками (Шолль когда-то встретила нас при вступлении нашем в А.О.; она занималась с

Наташей и Асей немецким языком); помню, как я отправился к Шолль, приготовив ей ворох вопросов; но после двух-трех вопросов, поставленных ей, я вполне убедился, что она некомпетентна, и на философские проблемы мои она не ответит мне никогда; она только хорошая начетчица по вводительным статьям Штейнера к Гётеву тексту. Она откровенно сказала мне: «Поговорите с д-ром Штейнером».

Не помню, как я искал свидания с Штейнером, но вскоре же оно состоялось[905]; и было длительно; д-р весьма внимательно выслушал мою концепцию световой теории, входил в детали, отвечал на мои вопросы, связанные с Декартом и Ньютоном; мы говорили о новой теории строения материи; д-р рекомендовал мне сочинения физика Планка; и совершенно поразил своею осведомленностью в ходе развития естественно-научных вопросов последнего времени; между прочим: он мне сказал, что общая линия моей позиции взята верно: *«Я прежде*, — заметил он, — *хотел дать философское обоснование антропософии, а потом отвлекся в другую сторону: философией антропософии мало кто интересовался; разумеется, всем проблемам, затрагиваемым на курсах моих, можно было бы дать философское обоснование...»*.

Беседа с доктором познавательно удовлетворила меня весьма; обо мне и о странных состояниях сознания моего мы не говорили; а мне было скверно: умственное переутомление сказывалось бессонницей; сердечный невроз сказался удушьем; иногда я почти не мог говорить; боязнь о здоровье Аси обострялась (вечерами продолжалась повышенная температура у ней); отношения к Наташе, принявшие форму болезненного эротизма, меня удручали (примешивались припадки ревности к Метнеру); отношения с Поццо приняли натянутый характер; я старался отвлечься от Наташи, и тогда страсть моя к ней разражалась *припадками чувственности* вообще; я стал испытывать чувственность к *женщине* вообще; в это время многие женщины, попадавшиеся мне, возбуждали во мне чувственность; и я испытывал чувство *стыда*, что я, антропософ, не умею побороть в себе этой чувственности. Эти припадки чувственности сопровождались ощущением гонения и навождения; мне начинало казаться, что кто-то образом женщины (то образом Наташи, то первой встречной) преследует меня. Подготовлялось нечто вроде мании преследования. Очень помнятся мне мои путешествия в Базель; и бесцельные, одинокие блужданья по улицам, в сыром тумане; по-прежнему я забирался в кинематограф; и сонно просиживал перед развернутой панорамой картин. Эти поездки в Базель оставляли в душе какой-то мутный след; мне почему-то делалось в Базеле жутко; и все-таки: я стал часто уезжать в Базель, чтобы хотя на день оторваться от сидячей жизни.

Помнится, что символом моей судьбы стал мне образ дюреровской гравюры: *«Рыцарь и Смерть»*[906]; эта гравюра висела над моим рабочим креслом; я подолгу вглядывался в гравюру; она казалась мне вещей: я как бы говорил себе: «Это ты мрачный рыцарь, поехавший в смерть». Иногда возникал в сознании моем образ роковой, черной женщины; и я порою сближал ее с образом Наташи; чаще же мне казалось, что Наташа лишь проводник этой женщины; что *какая-то черная женщина есть* — это мне чаще и чаще казалось: и она-то губит меня, возбуждая во мне чувственность к женщине вообще.

Андрей Белый. Путевые заметки
Т. 1. Сицилия – Тунис
М.; Берлин: Геликон, 1922
Обложка В.Н. Масютина

В это время под холмом, на котором стоял *«Ваu»*, было отстроено бетонное отопление весьма странной формы; оно напоминало дикое существо с рогатой головою; рога — разветвлялись; это были — трубы; отопление соединялось с *«Ваu»* подземным коридором; было жутко на вахтах спускаться в это отопление подземным ходом; отопление бывало заперто; выйти из него — значило: пройти коридором; охватывало чувство: вдруг этим коридором пойдет кто-нибудь.

Уже стояла весна: мы выставили окна; гром орудий слышался сильнее; и как-то особенно мучил меня. Как-то у нас состоялось мое чтение одной из глав книги против Метнера; присутствовали: Наташа, А.М. Поццо, Петровский, Сизов, Трапезников. Сизов был смущен резкостью моего тона; скоро он поехал в Цюрих; и, должно быть, рассказал Метнеру о моих нападках на него, потому что в Дорнахе появился Метнер, какой-то раздраженный и злой; он пришел ко мне с Сизовым и с первых же слов начал явно придираться ко мне; речь зашла о нашей былой деятельности в *«Мусагете»*. Я сказал, что в инциденте со мной *«Мусагет»* был неправ; он — вспылил; тогда Ася спокойно повторила мои слова: «Да, все-таки *"Мусагет"* был неправ». В ответ на это со стороны Метнера последовал взрыв дикого крика; он выскочил из нашего дома, не простившись; Сизов побежал за ним; впоследствии Метнер сказал Поццо: «Конечно, я погорячился: мне очень грустно, что я не извинился перед Анной Алексеевной». Несколько дней я ждал, что он пришлет извинительное письмо Асе; он его не прислал; тогда я послал ему короткую, но спокойную записку, в которой просил его не бывать у нас и не адресоваться ко мне письмами, пока он находится в состоянии, не могущем нас гарантировать от подобных вспышек.

Так оборвались навсегда мои отношения с Метнером, бывшие некогда столь близкими (с 1902 года до 1911-го).

В это же время я очень тяжело воспринял одну из лекций д-ра Штейнера, в которой он говорил против *«символизма»*, причем под *«символизмом»* д-р разумел *«аллегоризм»*; мне показалось, что выпад этот был выпадом против моей книги *«Символизм»*, которую я когда-то поднес Марии Яковлевне; по окончанию лекции я вскочил и громко сказал (чуть ли не вскричал): «Мы, символисты, года твердили, что между символом и аллегорией дистанция громадных размеров: под символизмом мы разумеем нечто другое...». И я демонстративно убежал с лекции; мою вспышку заметили Мария Яковлевна и графиня Кальк-

рейт, сидевшая за моей спиной; когда я убежал, она сказала Асе: «Это — ничего: это барометр падает; когда падает барометр, со мной бывают такие же вспышки...». А Мария Яковлевна, встретившись со мной через несколько дней, улыбаясь, сказала: «Я слышала, что вы сердились на доктора за его слова о символизме; так ведь он говорил не о символизме в вашем смысле, а о том символизме, который имел место в Германии».

Вообще я ощущаю себя крайне нервным в этот период; и испытываю огромную тоску по России; однажды Сизов мне говорит (это было на портале): «Знаешь, Боря, Дорнах — не для нас, русских: сюда можно будет впоследствии приехать на курс и провести несколько праздничных дней; но жить всегда — нет и нет!». В это время Сизов и Петровский стали задумываться о том, что пора им двигаться в Россию; Сизов уехал в начале мая, с Форсман (петербурженкою); Петровского я провожал в июне.

Дорнахская атмосфера становилась мне порой поперечь горла; дух догматизма и глупого педантизма множества *«теток»*, расселившихся в Арлесгейме, меня раздражал; особенно раздражали сплетни, распространяемые «тетками»; я говорил себе, что вот уже 3 года как я вращаюсь среди антропософов; и в конце концов я *«не узнан»*; мои моральные устремления, мои литературные труды абсолютно никого не интересуют, а сложнейшие душевные переживания мои — «нуль»; как был я для всей этой массы «unser, lieber naiwe Herr Bugaïeff»*, так и остался; кроме того: я стал замечать, что некоторые из наших членов точно косятся на меня; между мною и ими будто пробегает *«черная кошка»*; так: Энглерт, прежде такой внимательный ко мне, стал явно меня сторониться; охладели мои отношения с Рихтером; Седлецкие тоже неприязненно оглядывали меня; Валлер и Митчер выказывали холодность; Классен и Эккартштейн — тоже; холодок в отношении к себе я подмечал и у Шолль. Кто особенно меня не любил, так это — Вольфрам (председательница Лейпцигского отделения, в то время жившая в Дорнахе: ее дочь занималась усердно эвритмией); чаще я виделся с д-ром Гёшем, относившимся к нам с большою симпатией; ближе сходились мы с мужем и женою Полляк (оба занимались живописью); Полляк был интересен между прочим тем, что еще до антропософии годы шел мистическим путем; и имел «стигматы». В это время появились в Дорнахе муж и жена Стракош (из Вены); она была художница, а он — инженер, интересовавшийся естествознанием (впоследствии Стракош стал преподавателем Вальдорфской школы)[907]. Оба у нас бывали.

Более сближались мы с Ван-дер-Паальсом, который появлялся у нас чаще и чаще.

И вычертился русский кружок, с которым встречались мы почти постоянно: Ильина, Дубах, Фридкина, Н.А. Маликов, К.А. Лигский, ставший антропософом и усердно работавший над стеклами в мастерской Рихтера. (Т.А. Бергенгрюн и Т.Г. Трапезников были моими особенными, личными друзьями в то время). Кажется, в то самое время к Трапезникову начал наезжать Мих<аил> Петр<ович> Кристи из Лозанны, где он жил вместе с Луначарскими; он с интересом рас-

* «Наш дорогой наивный господин Бугаев» (*нем.*).

спрашивал о постройке *«Вау»* и брал от Трапезникова книги доктора (которые, кажется, ему переводил Луначарский); к Ильиной стал из Берна приезжать Гавронский (философ-когэнианец и социалист-революционер); Ильина познакомила его со мной; он однажды явился ко мне и попросил меня рассказать ему основы теории знания Штейнера; его водили на *«Вау»* и хотели испросить разрешение на лекцию доктора. Но впуск посторонних был очень строг; Гавронского не пустили; он очень обиделся; и, кажется, перестал появляться в Дорнахе.

Наташа в это время усиленно занималась у Рихтера в мастерской на стеклах; ей поручили красное стекло, на котором должна была быть вырезана огромная голова *«посвящаемого»*, сделанная с наброска доктора Эккартштейн (помнится, когда Эккартштейн работала над рисунком своим, она рисовала *«глаза»* с меня); в группе резчиков по стеклу, сгруппированных в домике Рихтера, помню: братьев фон-Май, мужа и жену Седлецких, Лигского, Ледебура (с которым мы мало стали видаться); скоро к этой группе присоединилась молоденькая художница фон-Орт, ставшая в 16-ом году невестою Ледебура, а потом вышедшая замуж за Лигского (уже после моего отъезда).

В это время начались интенсивные работы художников по подготовке к раскраске куполов *«Вау»*. М.В. Сабашникова работала над картиной *«Египетского Посвящения»*; Перальтэ разрабатывала один из мотивов большого купола; Линде и Полляки (муж и жена) работали над эскизами малого купола; Асе поручил Рихтер разработать один из мотивов для стекла. К тому времени д-р вылепил голову Христа, а англичанка Мэрион с этой модели разрабатывала огромную статую Христа (из пластилина): статуя впоследствии должна была быть вырезана из дерева[908].

Апрель.

Приближалась Пасха; начались усиленные репетиции эвритмических номеров, долженствующих фигурировать на пасхальном празднестве: Ася и Наташа принимали деятельное участие в репетициях; страстную неделю я просто задыхался от тоски, от мутности, от какой-то загрязненности атмосферы вокруг; в довершение всего меня волновал и мучил обозначившийся прорыв западного фронта; я, как пассифист, хотел бы, чтобы война вовсе окончилась; и окончилась вничью; я готов был даже на то, чтоб стать на точку зрения пораженчества при условии, что окружающие нас немцы-антропософы станут на такую же точку зрения; но видеть довольство этих немцев тем, что наши солдаты гибнут, чувствовать самоуверенное потирание рук у тебя за спиной, — нет: на это я был несогласен.

Кроме того: атмосфера, сгустившаяся над нашей колонией, была просто ужасна; впоследствии Энглерт признавался М.В. Сабашниковой, вспоминая об этом времени: «Тогда, действительно, в Дорнахе пахло каким-то козлом». (Разумел он козла шабаша.) Чему приписать эту странную атмосферу, не знаю. Помню лишь, что пасхальная лекция д-ра была печальна; я вернулся с лекции и встретил отчаянием пасхальную ночь[909].

Скоро доктор и Мария Яковлевна уехали в Германию, — недели на две[910]; в домике доктора проживала одна Валлер.

Вот тут-то и произошел со мною незабываемый по странности (опять это слово!) случай; я внутренно в последний раз разорвал все с Наташей; и тотчас почувствовал около себя чье-то жуткое присутствие; состоянье сознания моего, истощенного уже двухмесячной с лишним бессонницей, было ужасно: днем я спал наяву (события жизни протекали в каком-то сплошном тумане); а ночью не мог сомкнуть глаз до зари, забываясь слегка на рассвете.

И вот (помнится, это было в четверг, на Фоминой неделе)[911] однажды, находясь в таком сонном состоянии, я взял бумагу и пером стал царапать какие-то закорючки; из закорючек сложилось до ужаса жуткое, женское лицо; в лице была печать сатанизма; я показал Асе это лицо; и она отстранила его от себя, сказав: «Фу, какая гадость!». А ночью произошло со мной следующее: я, по обыкновению, не спал; и томился; Ася спала; свет в моей комнате был зажжен; вдруг, плотно притворенная дверь, ведущая в коридорчик, сама собой растворилась; в обычных условиях она не могла раствориться; я вскочил с постели и притворил ее; но едва я лег, как дверь опять растворилась; я чувствовал, что что-то, невидимое (верней, кто-то *невидимая*) наполнило комнату; я почувствовал, — кто-то страшный стоит у моего изголовья; верней, — кто-то *страшная*, потому что было явно, что это — *страшная женщина*; я вскочил с постели, разбудил Асю, рассказал ей о явлении с дверью; Ася не обратила на это внимание; и заснула. Я, по обыкновению, провел ночь в бессоннице.

На следующее утро меня охватила тяжелая тоска; и точно невидимая сила вытянула из дому; совершенно безвольно я стал бродить по окрестностям, не помню как очутился у трамвайной остановки в Нижнем Дорнахе; не знаю почему неожиданно для себя сел в трамвай и удивился, что еду в Базель: «Зачем?» — подумалось мне; в Арлесгейме в трамвай села одна из американок; Шолль ее провожала на станции; мне показалось, что Шолль посмотрела на меня особенно значительно. Очутившись в Базеле, я бесцельно забродил по улицам; остановился у домика Эразма, пошел обратно, забрел в какой-то неуютный и мрачный кинематограф; почему-то мне показалось, что ряда за два за мной сидит фрау Поольман-Мой; но я не вгляделся: я даже не знаю, почему мне это показалось: видел ли я ее, или приснилось, что видел, — не знаю; я был точно в трансе; помнится, около меня были свободные места; что показывали на экране, не видел; вдруг, во время представления, раздвинулась черная занавеска и женское существо, все в черном, странной, шмыгающей походкою прямо направилось ко мне, село рядом со мной, хотя почти весь ряд был пустой; существо прижалось ко мне; я не знаю, почему я не отодвинулся: руки и ноги мои оцепенели, а черная женщина продолжала ко мне прижиматься, отчего мне делалось жутко; ужас меня охватил, а я не мог двинуться; так сидели мы в пустом почти ряду, странно прижатые друг к другу; в антракте вспыхнул свет; я сделал попытку взглянуть в лицо странной соседки, но она как-то гадко повернулась ко мне спиной; я мельком увидел неприятно-странные черты ее лица и как будто красный шрам на худой, тонкой шее; свет погас, и *черная женщина* опять прижалась ко мне; меня охватило отвращение; преодолевая тяжесть, сковавшую руки и ноги, я поднялся с места, взглянув в лицо своей соседке; во тьме неясно я увидал безобразные черты ее, — она опять повернула от меня лицо; я бросился прочь из *«Кино»*...; в страхе, наполненный

точно туманом, я сел в трамвай, уносясь в Дорнах; как во сне по дороге запомнились лица мне нескольких из наших; помнится, что когда я бежал из Нижнего Дорнаха к нам, на холм, мне казалось, меня кто-то преследует; я чувствовал внутренний запрет говорить с Асей о непонятном для меня происшествии в *«Кинематографе»*. Едва я пришел домой (Аси не было дома) — стук в дверь: «Herein...»*. Входит Шолль; я удивился ее появлению; обычно она никогда не бывала у нас; лицо Шолль меня опять поразило, как и на станции в Арлесгейме; она смотрела на меня с напряженным вниманием; и точно взглядом испытывала; она спросила, прищурив глаза, точно она знала об охватившей меня лихорадке, — последствии встречи в кинематографе: «Ну, как вы себя чувствуете?..». Я принужденно ответил: «Да ничего...». Шолль с недоверием на меня посмотрела; и с неопределенным выражением сказала: «Ну, вот и хорошо». Она вернула мне взятый у меня томик Гёте. Мне показалось, что ее появление у нас только предлог — посмотреть на меня; я подумал: «Для чего ей надо знать мое самочувствие?..». Помнится, — с тяжелой грустью, под вечер, я вышел на луг перед нашим домиком; встретил Наташу; у нее были в руках цветы; у меня вырвалось что-то горькое; я сказал: «Ну вот, начинается весна, а я тут, точно скот бессловесный...». Почему я это сказал, не знаю. Помнится, как в тумане: встретил Ильину с приехавшим к ней Гавронским.

На другой день, в субботу, меня охватила тревога, переходящая в страх пред чем-то неумолимым, что должно стрястись со мной; с утра Ася отправилась в домик Рихтера работать на стеклах; я остался один в трех пустых комнатах; и меня опять охватил страх; я вышел на балкончик и бросил взгляд на дорогу, проходившую мимо домика доктора; дорога вела в кантину; я увидел баронессу Фитингоф, быстро шедшую к кантине; эту Фитингоф я не любил; она казалась мне странно болезненной, медиумичной, порой даже подозрительной; были моменты, когда мне казалось, что она — *«шпионка»* из темных оккультических обществ, подосланная к нам; однажды эта Фитингоф говорила со мной о каком-то оккультическом обществе *«маздаистов»*, участников которого она знала; эти *«маздаисты»* действовали внутренним насилием над волей человека; и вот мне показалось, что сама она *«маздаистка»* и что она мне чем-то угрожает; что она трется среди нас, рассеивая дурную атмосферу вокруг... Итак: я увидел шедшую Фитингоф (ее звали *«стрижкой»* в русском кружке); с ней рядом хромало отвратительнейшее жуткое существо в черном: это была кривобокая, страшная, худая женщина; я не видел ясно лица этой женщины; но в походке и в жестах ее было что-то угрожающее, сатанинское; и будто ведомое мне из кошмаров; точно существо из мира Гойи и Брегеля воплотилось в этот солнечный день; одно мгновение мне показалось, что *«черная женщина»*, ковылявшая за Фитингоф и что-то ей отвратительно рассказывавшая, была моя вчерашняя соседка по кинематографу; и тут, неизвестно почему, мой страх превратился в панический ужас; но я сказал себе: «Вздор, надо быть трезвым: это — случайное совпадение...».

Тем не менее, — мне стало не по себе; я почувствовал, что не могу спокойно оставаться в комнатах; я взял томик Гёте и отправился гулять; не знаю почему,

* «Войдите...» (*нем.*).

меня с неудержимою силою потянуло в домик Рихтера; Рихтер встретил меня как-то особенно; он взглянул на меня с какою-то вещею, испытующею улыбкой и очень сердечно потрепал по плечу: «Ничего, не надо бояться: надо быть мужественным!». Я — вздрогнул: мне показалось, что в тоне Рихтера есть что-то, приготавливающее меня к потрясению, которое должно вот-вот надо мной разразиться; Рихтер говорил со мной так, как говорит оператор с тем, кого он собирается оперировать; к нам присоединилась Ася; Рихтер сказал нам очень властно: «Ну теперь пойдемте за мной: я вам — покажу кое-что...». Взял меня за руку и так же властно вывел из домика; с нами шла Ася; я все время соображал, случайна или не случайна странная интонация Рихтера; но я привык по прежним встречам с Рихтером видеть в нем какое-то двойное существо; то это был простой, веселый балагур, то — будто ведающий что-то, посвященный во что-то; так, — в дни моей внутренней мистерии на берлинском генеральном собрании 1914 года он точно знал о событиях внутренней жизни моей; в моих имагинациях он всегда играл очень странную роль: вводящего меня в какие-то внутренние обряды моей души; в его интонации, в жестах его проявлялось тогда нечто ритуальное; и нельзя было решить, сознает ли он то, что его жесты выглядят ритуальными жестами, или это совершенно непроизвольно в нем. Ту же ноту двойственного отношения к действительности я подметил в нем в момент, когда он, взяв меня за руку, повел из своего домика к отоплению; помещение отопления, имеющее вид странного рогатого существа, называли мы, антропософы, условно *«Ариманом»*, потому что в общей концепции плана *«Ваи»* отопление было именно ариманическим началом в *«Ваи»*; Ася шла за нами; Рихтер привел нас во внутреннее помещение отопления, спустился с нами вниз; и сказал тем же странным обрядовым голосом: «Мы теперь — в недрах Аримана: вот как может человек пасть!». Я стал внутренне прислушиваться к словам Рихтера. Он же, снова взяв меня за руку, повел подземным коридором, соединяющим *«Аримана»* с Гетеанумом; это шествие нас троих вверх, к Гетеануму по подземному коридору напоминало мне какой-то обряд; попав внутрь Гетеанума, мы стали подниматься по лесам — вверх, к куполу; Рихтер продолжал держать меня за руку; став под куполом, он сказал: «Так, после падения может человек вверх подняться...». Я был охвачен внутренним волнением; мне казалось, что Рихтер говорит о событиях моей внутренней жизни... Мы трое постояли под куполом. Рихтер опять мне сказал: «Не надо бояться...». И повел вниз; я спокойно ждал, что будет дальше; Рихтер вывел нас на веранду, окружавшую Гетеанум; внизу, под верандой, увидел я семидесятилетнюю старушку Киттель, разговаривающую с семидесятилетним старичком Вагнером, нашим членом, приехавшим только что из Германии; я его еще не видел и обрадовался ему; и Киттель, и Вагнера я любил; они стояли у ограды Гетеанума, откуда спускалась дорога в кантину, разговаривали, поглядывали на Гетеанум; и точно поджидали кого-то; Рихтер повел нас к ним; увидев, что мы идем, они пошли вниз, нам предшествуя. Рихтер значительно на меня посмотрел; и мне показалось под действием его взгляда, что меня ведут вниз, точно под конвоем, состоящим из Рихтера и двух самых старых и очень чтимых членов О<бщест>ва. «Что это значит» — молнией мелькнуло во мне; у конторы, мимо которой мы прошли, стояло несколько членов Общества,

относившихся, кажется, ко мне неприязненно; когда мы проходили мимо них, мне показалось, что они крикнули что-то неприязненное по моему адресу; все это прошло, как во сне. В кучке стояла Зонненклар.

Спускаясь к кантине, я видел, что на пустой лавочке сидит Валлер; и точно поджидает нас; увидев нас, она со всех ног бросилась к кантине, точно предупреждая кого-то, находящегося внутри кантины, о нашем появлении: «Куда она?» — мелькнуло во мне. Как во сне помню, что мы с Асей заняли место за пустым столиком снаружи (был час кофе); с нами сел, кажется, Кемпер; Ася принесла кофе себе и мне; не помню, куда девался Рихтер; когда я уже кончал кофе, я увидел фрейлейн Митчер, всю в черном; она подходила к нам какими-то торжественными шагами; за ней шла та самая ужасная, кривобокая женщина в черном прихрамывающею походкою; ее лицо было мертвенно бледно, огромные губы расплывались в цинично-мерзкой улыбке в то время как злые, ослепительно фосфорические глаза пронизывали меня, как электричеством; Митчер подвела ко мне *ужасное* существо и, встав между нею и мною в ритуальной (как показалось мне) позе, значительно поглядывала то на меня, то на женщину в черном и спросила: «Не знаете ли вы, где баронесса Фитингоф: вот эта дама ее ищет». И тут мне стало ясно, что хромая *женщина в черном* с ужасным лицом, отвратительно улыбающаяся мне, была тем самым существом, которую я видел час назад, идущей с баронессою Фитингоф к кантине; я привстал и ответил, что не знаю, где Фитингоф. Митчер бросила: «Как жалко». И пронзительно посмотрела на меня; а кривобокая *женщина в черном* повернула свое лицо; и тут на тощей шее ее я увидел кровавый шрам, — тот самый кровавый шрам, который я увидел в *«Кино»*; это была ужасная вчерашняя моя соседка по *«Кино»*; тут меня охватила дрожь, страх, недоумение, почти ужас; а Митчер, значительно улыбнувшись мне, отошла; черное *«существо»* село на лавочку, наискось от нас, отвратительно улыбаясь и ослепительно блистая на меня своими зелеными, фосфорическими, не то безумными, не то сатанинскими глазами; я не знаю, что во мне поднялось; тут я увидел бегущую ко мне с холма Наташу; Наташа тоже была вся в черном; и мне показалось, что черная женщина могла бы быть противообразом *Наташи*; если бы Наташа была уродлива до последних пределов, если бы она стала ведьмой и участвовала бы в черных шабашах, то лицо ее могло бы приобрести этот отвратительный отпечаток... Я встал и не слыша под собой ног пошел вверх от кантины. Наташа твердо сказала: «Я пойду с тобой». И в словах ее мне почудилось опять что-то ритуальное. Точно она в минуту моей брошенности и смертельного ужаса оказалась рядом со мною; Ася же ничего не видела, ничего не понимала, что происходит. Пока мы поднимались кверху, Наташа мне говорила невнятное о том, что около Гетеанума видели каких-то сомнительных людей, что готовится оккультное нападение на всех нас, что кто-то у входа в Гетеанум видел змею, что все чем-то встревожены и перепуганы и что к входам, ведущим на стройку, с сегодняшнего дня приставлена стража, что у всех без исключения членов при входе в Гетеанум будут спрашивать членские билеты; я едва слушал Наташу, потрясенный появлением передо мной образа черной женщины; погода хмурилась; поднялся ветер: он свистал и подвывал, крутя пылью; в моем же сознанье вертелось: «Где я прежде видел это страшное лицо и красный шрам на шее?..». И вдруг — вспомнилось: в

феврале мы с Асей возвращались в трамвае из Базеля в Дорнах; рядом со мною сидела эта костлявая, безобразная, бледная как мертвец, кривобокая женщина с красным шрамом на шее; и сумасшедшими, фосфорическими глазами покашивалась на меня; а когда я пришел домой, то мне бросилось в глаза непроизвольно нарисованное страшное женское лицо, накануне встречи в *Кинематографе*; это лицо глядело на меня с клочка бумаги и странно напоминало лицо черной женщины; вспомнил и происшествие с дверью: дверь отворилась сама собой и в комнату мою вошло женское, невидимое существо, наполняя душу страхом. Тут я чуть не вскричал от ужаса. Как? Мой кошмар воплотился? Ужасная Недотыкомка[912] получила плоть и кровь, стала преследующим меня двуногим существом? Сперва я ощутил невидимое присутствие какой-то *черной женщины*, суккуба, в моих переживаниях принимавшего иной раз вид Наташи; потом Ася и Трапезников стали в снах бороться с какими-то черными женщинами; потом заговорили о невидимых оккультных врагах, нападавших на нас; наконец я в каком-то трансе воплотил на бумаге сатанинскую женщину; она, невидимая, вошла ко мне ночью, отворив дверь; наконец она, инкогнито, подсела ко мне в Кинематографе, ко мне прижималась; и наконец появилась в кантине, как бы представленная мне Митчер.

Когда все это встало предо мной, меня охватил такой ужас, что я, помнится, вскрикнул вслух. Что это значило? Существо астрального мира встало передо мною? Кто оно? Есть ли это мой двойник? Или — Наташин двойник? Или — Страж Порога[913]? Если последнее, то, значит, встреча со Стражем Порога происходит на физическом плане? Нет, этого не бывает! Это слишком ужасно! Да, в лице неизвестной *черной женщины* воплотилось все самое гадкое, подлое, низменное, что жило в моем сознании и бессознании: и вот это все, как оплеуха, мне брошено в лицо; я испытывал леденящий страх, гадливость и одновременно ненависть к *этой женщине*: и как бы желание ее уничтожить; но я чувствовал вместе с тем, что глаза этой женщины грозили мне стародавнею яростью и как бы желанием в свою очередь уничтожить меня; стало ясно, что физическое воплощение моих же темнот и скверн в виде появившегося среди нашей колонии отвратительного существа будет всюду появляться передо мною, дискредитировать меня, выдумывать на меня небылицы; и в этом смысле мое вчерашнее сидение с ней в *«Кино»* (где она прижималась ко мне, а я не противился ей в каком-то трансе) она повернет против меня, распространяя про меня гадости; что произошло со мною тут, я отказываюсь передать. Уже вернулась Ася из кантины, а я сидел в ужасе, бормоча что-то невнятное (я чувствовал, что Асю я не могу пока посвятить в мое несчастие).

Предстояло вечером идти на лекцию д-ра Унгера об антропософской морали, а я знал, что опять увижусь с... но с кем? С сумасшедшей, но — как появилась она среди нас? С своим видением?.. И вместе с тем: я знал, что должен преодолеть свой ужас; и — пойти на лекцию; или — бежать навсегда, куда глаза глядят, из Дорнаха.

И я пошел: что мне стоило это, видит один Бог.

У входа в сарай, где читались лекции, Энглерт весьма сухо мне сообщил, что надо иметь членский билет; кажется, Ася пошла за билетами, а я остался в каком-то глупом положении сидеть около сарая, на лавочке; и вот, к ужасу моему,

я увидел — то самое, чего боялся: ужасное кривобокое существо вела за руку вверх из кантины нарядно одетая графиня Калькрейт; проходя мимо меня с *черной женщиной*, она значительно поклонилась мне; мне показалось, что ведение *ужасной незнакомки* на лекции обставлено, точно обряд *введения* чёрта в антропософский храм; *женщина*, проходя мимо меня, блеснула на меня глазами и опять на широких, животных губах этого мертвобелого лица появилась отвратительная улыбка. Случилось так, что мы с Асей прошли в помещение для лекции вслед за нею; проходя, я поклонился знакомой шведке (антропософке); но шведка, обычно любезная со мной вплоть до заискивания, дерзко посмотрела на меня, демонстративно отдернув голову в сторону; и не ответив на поклон; я увидел, что иные из членов как бы сторонятся меня; а в душе отдалось: «Ага, — вот уже начало действия какой-то неведомой мне клеветы на меня со стороны появившегося отвратительного создания...». В чем заключается эта клевета, я не знаю, но знаю, что она — ужасна для меня (мне представилось, что неведомая *черная женщина* могла рассказать обо мне гадости по поводу непонятного моего поведения в *«Кино»*, когда я, будто в гипнозе застывший, не мог отсесть от нее, когда она прижалась ко мне); самым ужасным было то, что *черная женщина*, — физическое воплощение всех скверн моей души во всех моих воплощениях; и вот теперь эти невыносимые для меня самого скверны все рассматривают.

В помещении для чтения лекций в первом ряду, посередине, перед эстрадою Унгера было поставлено нарочно принесенное, как бы почетное кресло: и туда, в это кресло, усадили *женщину в черном*; я рассматривал это, как поругание себе; и страдал безмерно; Валлер и Митчер сидели сбоку; обе опустили головы в руки; и не глядели на меня; я чувствовал, что обе сопереживают мои страдания; Ася сидела рядом со мной и *ничего не замечала*; я же не мог, разумеется, ни у кого спросить, что это за женщина появилась среди нас; наконец, мне могли ответить: «О ком вы спрашиваете?». Я указал бы на «*нее*»; и мне ответили бы: «Да там никого и нет». Действительно: несколько дней я думал, что просто сошел с ума и что *«существо»*, повергающее меня в панический ужас, моя галлюцинация.

Доктор Унгер читал в этот вечер о теософской морали; как надо не отделываться от ариманического начала в себе, но его внутренне переплавлять в себе; попутно он коснулся того факта в жизни постройки, что окончено помещение для отопления *«Ваи»*, так называемый *«Ариман»*, что это символ того, что мы включили в себя ариманических существ и должны теперь нести их в себе, перерабатывая; слова его двоились во мне; мне казалось, что его намек на введение *«ариманических сил»* в наше Общество и *«введение»* торжественное Калькрейт *«черной женщины»* в помещенье для лекций — события одного порядка; и вместе с тем, — какою-то нездешнею логикой я догадывался, что я — виновник введения *«черной женщины»* в нашу среду; после лекции д-р Унгер, который всегда был далек от меня, подошел ко мне и с сериозною грустью, даже с каким-то внутренним вздохом спросил меня, принимаю ли я слова его лекции; я сказал: «Принимаю». Он пожал мне руку; и сказал: «Я очень рад». Явную поддержку в тот вечер я испытал со стороны Бауэра и Моргенштерн; и он, и она были

со мной очень нежны; эта поддержка со стороны Унгера, Бауэра, Моргенштерн и ощущаемая внутренне поддержка Валлер — были причиной того, что я мог вынести явно враждебные взгляды большинства наших членов; и главное: мог вынести присутствие *«черной женщины»* на лекции, ее наглые улыбки и злые взгляды, бросаемые на меня.

На следующий день, воскресенье, опять вечером была лекция Унгера; опять я с ужасом потащился на встречу с *«черной женщиной»*, не будучи в состоянии понять, что все это значит.

Эти два дня настолько сломили меня, что всю следующую неделю я был явно болен.

А.А. Тургенева
«Grohmannfoto». 1930-е (?). ГМП

Всю последующую неделю я ощущал полную невозможность появиться на стройке; я говорил себе: «Перед полною абракадаброй судьбы, перед ужасом без названия не отступил ты; ты, мужественно преодолевая отвращенье и страх, появился на лекциях, ожидая неведомого позора. Довольно: теперь ты имеешь моральное право засесть у себя на дому». Всю последующую неделю я потрясался *непонятностью* выступления передо мной странной женщины; откуда она появилася на физическом плане и кто она, на это не мог я ответить себе; почему она выступила передо мною так именно, как выступила, почему все ее с точки зрения внешней вполне непонятные жесты (в Кино, в кантине, на лекции Унгера) вполне гармонировали со смутнейшими от всех таимыми моими переживаньями, — этого не мог я понять; и я стал рассуждать: это явление выступления передо мной моей кармы; теперь выражение «созревание кармы» получило для меня новый смысл: подобно тому как в сознании моем *черная женщина* сложилась внутри моих собственных переживаний (переживаний низшего *«Я»*) и потом как бы выступила из меня самого так точно, как луна некогда отделилась от организма земли, — так каждое житейское переживание, если бы мы могли проследить зарождение его оком духовной науки, складывается сперва внутри нашего морального мира; теперь, горьким опытом я узнал, что такое *созревание кармы* и что такое выступление ее изнутри во вне; но объяснение странного события общими обсуждениями о карме не удовлетворяло меня; я хотел более его конкретизировать; я понимал, что это явление связано с переживанием порога; вместе с тем, *женщина* стояла передо мной одновременно и как двойник моего низшего *«Я»*; стало быть: эта женщина ничто иное, как мой «двойник»; тогда — как объяснить ее биографию? Ведь она где-то родилась, имела какую-то свою жизнь прежде чем выступить передо мной в та-

ком ужасном для меня виде; в-третьих: мне представлялась *«она»* одновременно: то двойником Наташи, то ее противообразом. Чем же она была в самом деле? Или всё, чем она являлась мне, мои субъективные иллюзии; или же, наконец, ее и нет вовсе: она моя галлюцинация (несколько дней после странной встречи я так именно думал); в таком случае я сошел с ума. Но почему же часть членов нашего Общества начала на меня коситься, а Эккартштейн и шведка перестали даже со мной кланяться; стало быть, *«она»* — есть; и она распространяет обо мне какие-то меня порочащие слухи; тут охватывало меня просто бешенство: за что она порочит меня? Ведь она же сама вела себя странно со мною в «*Кино*»; и как опровергнуть клеветы на себя, когда не знаешь, какого они рода; если бы обратились ко мне прямо и спросили: «Правда ли, что вы то-то и то-то?», то можно было бы опровергнуть; лучше даже признаться в совершенном преступлении, если бы такое было совершено, чем эта двусмысленная неопределенность, эти взгляды, полные укоризны и даже брезгливости; я чувствовал, что меня в Обществе иные из членов считают чуть ли не преступником, хотя я не знал, в чем мое преступление; быть опороченным в ответ на мой глубочайший порыв, заставивший меня бросить Россию, где все меня знали и многие любили, — нет: это слишком ужасно! Но меня не обвиняли ни в чем: *меня только обходили*. Тут поднималась новая догадка для объяснения бывшего: это *какая-то черная магия* злых оккультистов, проникших в наше Общество; надо бы поднять тревогу и указать всем на двусмысленное поведение «*существа*» (так я называл про себя мою страшную незнакомку); с другой стороны: значительные предупреждения Рихтера (*«Не бойтесь»*), какой-то обряд, через который он меня проводил до встречи с «*существом*», намеки Шолль, намеки лекции Унгера о том, что мы ввели в свою среду ариманические существа, явно доказывали, что есть группа членов, знавших что-то обо мне и о восприятии моем «*черной женщины*»; стало быть, — думал я, — эта встреча есть действительно встреча, продиктованная тайнами духовного знания; в таком случае надо вооружиться мужеством и терпением: ждать духовно-научного разрешения этих переживаний; скажу откровенно: переживания этих дней были самыми тяжелыми переживаниями моей жизни; скажу еще: душа моя испытывала все эти дни такой страх, о существовании которого я даже не подозревал; но едва я себя настраивал на необходимости терпеливо все это пережить в себе, как в душе вставала догадка: «А не подстроен ли нарочно весь этот инцидент с *черной женщиною?*». В таком случае — думал я — в нашем Обществе вместо подлинной мистерии фигурирует бутафория застращивания тех, чью самостоятельность надо сломить во что бы то ни стало! Тут я вспоминал все то светлое, что было мной пережито у доктора; и говорил себе: «Нет: это не так: если бы, например, проведение Рихтером меня через "*Аримана*" к куполу и сведение к кантине, где ждала "она", было подстроено ранее, то за мной бы ранее пришли от Рихтера; ведь сам же я к нему пришел». И — далее: ведь никто не мог знать, что я еду в Базель и зайду в такой-то «*Кино*»... И — далее: ведь не могли же подстроить, чтобы я накануне встречи нарисовал у себя на листе бумаги *ее* лицо... Все объяснимые версии, которые я строил в дни, следующие за встречей, — разбивались; оставалось одно объяснение: странное событие, переживаемое мною, имеет отношение к духов-

ной действительности; и стало быть: от этой действительности не убежишь; стало быть: надо оставаться на своем месте и терпеливо превозмогать страх, негодование, тоску, гадливость.

Но одного я не мог: оставаться в закупоренном молчании; ведь каждый следующий миг надо было ожидать самых неожиданных и ужасных для меня продолжений «*инцидента*»; надо вовремя предупредить кого-либо из близких; кого? Разумеется, Асю, самого близкого мне человека. Но как нарочно, Ася была слаба и Фридкина мне запретила чем-либо ее тревожить; я сознавал, что, приобщая Асю моему ужасному миру, не обойдешься и без разговора о Наташе; а все это могло больно ушибить Асю и углубить в ней ее болезнь, довести до «*чахотки*».

Я пошел к Фридкиной и имел с ней длинное объяснение, в котором признался ей, что мне необходимо иметь сериозный разговор с Асей. Фридкина отвечала уклончиво; мне почудилось, что она нечто знает обо мне (ведь она была приятельницей Фитингоф, а Фитингоф водилась с «*существом*»); попутно я жаловался Фридкиной на бессонницу, на переживания страха, на умственное переутомление и на тоску по России; Фридкина слушала меня внимательно, говорила со мной сериозно; мы пошли от нее по одной дороге (она шла в «*Ваи*», а я шел домой); невзначай я повернулся и поймал на лице Фридкиной лукаво-хитрую улыбку, брошенную мне в спину: «Опять, — подумал я, — тот же смешок; значит, и она что-то знает, что знают все обо мне: только я ничего не знаю...». И я решил — скорее, скорей все рассказать Асе: какою угодно ценою облегчить свою душу. Аси не было дома: она была на «*Ваи*»; я стал молиться, чтобы разговор этот облегчил меня, чтобы Бог помог нам всем. Я открыл Евангелие, загадавши, сказать или не сказать все: вышло — *сказать*. Я — принял решение; и когда я принял решение, я мгновенно почувствовал, что вся атмосфера вокруг меня наполнилась какими-то угрожающими мне змеями; и они все обратили на меня головы и зашипели; и этот шип гласил: «Не смей говорить, — молчи, молчи, молчи...». В это мгновение я услышал отчетливо внешним слухом, как в пространстве комнаты раздалось явственное шипение; но душа ответила на шипение: «Я все равно все-все-все расскажу Асе...». И шипение оборвалось; и — змеи распались. Несомненно, тут я наткнулся на галлюцинацию слуха.

Я стал ждать Асю.

Вот она отворила дверь. Сразу поняла она, что я в страшном волнении; она ласково улыбнулась мне; я усадил ее на диван, стал перед ней на колени и, запрятав голову в ее коленях, несвязными, прерывающимися фразами все рассказал ей; она ровно ничего не понимала: «Ты рассказываешь какой-то сумбур? Какая женщина? Какое "*Кино*"? Что за вздор». Вникнув внимательнее, она стала утверждать, что никакого «*существа*» нет в Обществе, а женщина, подсевшая ко мне в «*Кино*», была, вероятно, проститутка; я ее смешал с кем-нибудь из членов; и этот вздор надо скорей ликвидировать: «Все это твои имагинации» — прибавила она. Впрочем, она отнеслась ко мне с кротким участием, как к больному; я ей все рассказал о Наташе, прося ее защитить меня от кокетства Наташи, прося ее уехать со мной из Дорнаха и кончить муку нашего пребывания здесь; к моему

изумлению, она с огромною легкостью отнеслась к моим словам о Наташе: «Просто все о Наташе тебе привиделось: если тебе интересно играть в то, что ты влюблен в Наташу, ну подноси ей цветы, что ли» — ответила она, улыбаясь мне и гладя меня по голове. Она тут же стала упорно защищать Наташу: «Наташа сестра моя и я знаю ее лучше тебя: все, что ты говоришь о кокетстве ее, — выдумка твоего больного воображения...». Эти слова одновременно и успокоили, и огорчили меня; успокоили, — потому что Ася легко выдержала этот тяжелый для меня разговор, как бы отведя его от себя и не впустив его в глубину своего сознания; вместе с тем: легкость, с которой она предложила мне «*увлекаться*» Наташей, не соответствовала ни моему серьезному взгляду на мою жизнь с Асей, ни на глубину моей болезни в отношении к Наташе. Я показал Асе на *гангрену* моей души, предложил ей совместными усилиями оперировать эту гангрену; а вместо этого она кидала меня от себя — опять-таки к Наташе. Впоследствии я рассматривал это легкое отношение Аси к моим словам как окончательно данную мне ею *«carte blanche»** увлекаться Наташею; «Если б она сериозно любила меня, — говорил я себе, — она поняла бы трагичность нашего положения и согласилась бы на мою просьбу уехать с нею из Дорнаха, чтобы не иметь Наташу вечно перед глазами»...

И все-таки: я облегчил свою душу в разговоре с Асей. Она уговорила меня пойти с ней на лекцию (чья была это лекция, не помню); мне было легко уже с Асей вместе перемогать ужас моего положения; я ей указал на «*существо*», оказавшееся тоже на лекции. *«Неприятное, болезненное существо»* — сказала Ася. Эти слова Аси были подтверждением для меня того факта, что *«черная женщина»* действительно существует, а не есть плод моего воображения. Через два дня, когда у нас была Наташа, Ася сказала мне: «А твое "*существо*" называется *так-то* (она назвала фамилию, которую я плохо помню, — не то "*Knecht*", не то "*Schwarz*", кажется — "*Schwarz*"); она приехала из Цюриха, ведет себя очень странно и по-видимому она — нервно больная; с нею в Цюрихе водилась Фитингоф; ее никто близко не знает; она теперь член нашего Общества и поселилась в Дорнахе... Боря в самом деле думает, — сказала она с улыбкой Наташе, — что эта "*Schwarz*" какое-то нематериализованное, астральное существо...». — «Брр!» — отозвалась Наташа. — Я ее немного видела: она — странная, страшная и злая: говорят, что она очень лжива...». Больше я ничего не расспрашивал: я не верил никогда Фитингоф; между тем: только Фитингоф, сама медиумичная и больная, знает ее; никто другой не знает... И опять, — версия моя о том, что из каких-то темных оккультных обществ в нашу среду вводят шпионов и шпионок, — укоренилась во мне.

Доктор все не приезжал: я опять стал изредка просовываться на стройку; часть наших членов продолжала на меня коситься; но наша рабочая молодежь (Гейдебрандт, Кемпер, Бай, Людвиг, Стютен, Кучерова, Хольцлейтер, Гюнтер, Айзентряйсы и ряд других) относилась ко мне хорошо; «*существо*» как-то стушевалось; на лекциях я «*ее*» видел, сидящую где-то в задних рядах.

---

* «Чистый листок» (*франц.*) — здесь в значении: свобода действий.

Я стал оправляться от своего ужаса; в это время я много молился и в душе моей начиналось какое-то очищение; в конце апреля появился доктор и Мария Яковлевна; оба были ко мне ласковы; расцвели цветы; яблони покрылись цветом; погода стояла чудная.

Раз после лекции доктора, когда я стоял у выхода и ждал Асю, передо мной, в толпе членов вышло мое «*существо*», такое же мертвенно-бледное и такое же страшное; оно шло под руку со своею подругою, появившейся за нею вслед в нашем Обществе (подруга была тоже в черном); проходя мимо меня, она выразительно толкнула свою подругу локтем и глазами указала на меня. Этот жест мне напомнил, что ничто по существу не разъяснено для меня во всей этой темной истории; но я уже имел мужество терпеливо ждать разрешения всей этой загадки.

В скором времени Ильина принесла нам с Асей тетрадку — конспект одной из интимных лекций доктора; она сказала со значительным видом мне и Асе: «Вам это непременно надо прочесть...». По тону, с которым она передавала тетрадку, я понял, что тетрадка мне послана от Марии Яковлевны. В лекции описывались три встречи со Стражем Порога; первая имеет техническое название: «Встреча со смертью и с ангелическим существом»; вторая — *«Встреча со Львом»*; и третья: «Встреча с Драконом». Описание второй встречи меня потрясло; здесь Страж является *Львом*: как будто лев проникает в пространство, где ты замкнут; он бросается на тебя, а ты должен безбоязненно его приручить; «*лев*» — *существо женское*; встреча со Львом имеет вид встречи *со страшным женским существом*.

С трепетом схватился я за эту лекцию: она вполне объясняла мне события, мной только что пережитые: «Надо бороться со львом, — говорил я себе, — надо его укротить»; на лекциях доктора я не без озорства старался встречаться с *черной женщиной*; и тут стал замечать, что она как бы ускользает от меня. Я, до некоторой степени, успокоился: чувствовалось, что успокоение это временное; смутная тревога продолжала жить в моей душе (я знал, — «*лев*» еще восстанет на меня): будет пережито еще что-то острое, странное и страшное; эти переживания и настигли меня в конце лета.

Пока давалась отсрочка.

В это время я получил письмо от Иванова-Разумника[914]; он кое-что спрашивал меня о моих литературных работах; письмо его было проникнуто теплотою и признанием моих литературных заслуг; оно показалось мне точно написанным из другого мира, где меня помнят, любят и ценят; здесь, в Дорнахе, никто меня не любил как писателя; многие <на> меня косились, неизвестно за что; я был окружен страшными, мне непонятными знаками судьбы. И мне опять захотелось бежать от всей дорнахской абракадабры, порой столь оскорбительно для меня звучащей.

Май.

Май этого года стоит предо мною какой-то цветущий; и в нем звучит нота отдыха; пропадает бессонница, исчезает одышка; я чувствую себя спокойней и легче; мы с Асей, как бы условившись, не говорим о Наташе; Наташа часто по-

является у нас: я теперь смотрю гораздо проще на мои отношения к Наташе; мне кажется, что не избегать Наташу я должен, а искать с ней встреч, чтобы в этих встречах изжилась моя мрачная страсть к ней. У нас с Наташей водворяется более друг к другу доверчивый стиль отношений; мы предпринимаем прогулки в окрестности Дорнаха, например, по направлению к Ангенштейну, за Эш; в этих прогулках, устраиваемых обыкновенно по воскресеньям, принимают участие кроме нас четырех то Рихтер, то А.С. Петровский, то Т.Г. Трапезников, с которым мы много говорим на темы итальянского искусства. Мне становится уютно с Поццами; они переселяются в милую виллу, недалеко от трамвайного тракта; вилла называется *«Sans Souci»*[915]; и действительно: что-то в Наташе этой весной подлинно веселое и беззаботное.

В мае доктор прочитывает интереснейшую лекцию о второй части Фауста; на подиуме представляют сцену, открывающую вторую часть и кончающуюся длинным монологом Фауста, которого играет Валлер; по поводу последней фразы *«In farbig Abglanz haben wir das Leben»* доктор говорит очень глубокомысленные слова[916]; Ася опять начинает работать на «*Bau*», вечерами же упражняется в эвритмии и продолжает развивать свой эскиз для стекол; в этом эскизе нарисованы черепа; у нас появляется череп, нужный Асе, как модель.

Наташа, разбив красное стекло в мастерской Рихтера, более не работает у него; Ася же часто бывает в этой мастерской; опять у нас часто появляется Рихтер, который жалуется на Седлецких, мешающих ему развернуть художественную работу; доктор поручил ему стекла; он выписал из Польши Седлецкого как опытного работника, ввел его в свою мастерскую; а теперь вот Седлецкий ведет всяческие интриги против Рихтера и мешает ему работать; Рихтер высказывает нам опасение, что его скоро призовут отбывать войну; он бросит порученную ему доктором стекольную мастерскую; и всею работою будет заправлять Седлецкий, которому он, Рихтер, не верит; поэтому он просит Асю разрешить ему ходатайствовать перед доктором о том, чтобы она стала заведующей работами по стеклу; Ася отговаривается отсутствием опытности, но Рихтер настаивает, утверждая, что он будет уверен в этом случае за то, что эскизы доктора к стеклам будут разработываться в том именно направлении, какого хочет доктор; Седлецкий же, который мнит себя великим художником, не обязанным следовать эскизам доктора, загубит весь стиль стекол; в опасениях Рихтера было много правды; они подтвердились впоследствии; но Ася все-таки уклонялась от ответственности руководить стеклами; между тем: Седлецкий узнал о переговорах Рихтера с Асей; с той поры он и его жена (руководительница польской фракции А.О.) сильно невзлюбили меня и Асю (они оказались натурами мелочными и мстительными); однажды мы с Асей налетели на неприличный скандал, разразившийся у Рихтера в мастерской между Седлецкой и Рихтером; Седлецкая, застав Рихтера у себя на стекле показывающим Асе что-то, повела себя неприлично и грубо: Рихтер вспылил и наговорил ей много дерзостей; формально он был неправ, но *de facto* прав, ибо он восставал против всей линии поведения Седлецкой у него в мастерской; а эта линия заключалась в сети интриг против Рихтера. Этот инцидент в мастерской тяжело разыгрался; Седлецкие обвинили Рихтера в грубости перед Марией Яковлевной; Рихтер нас

назвал свидетелями инцидента; Мария Яковлевна вызвала нас к себе. Мы старались быть объективными; и все-таки: пришлось говорить в защиту бедного Рихтера, которого обвиняли все, начиная с Гросхайнцев; этого Седлецкие нам опять-таки не могли простить.

В это время в Дорнахе появился французский антропософ Леви, друг Шюрэ; он всем интересовался; и многое ему чрезвычайно не нравилось в Дорнахе; однажды, обедая с нами в кантине, он громко с подчеркиванием сказал мне: «Ведь вы известный писатель, которого книги ценятся в России, — сидите здесь в такое ответственное время; для этого нужно большое самопожертвование»... При этом он поглядел на сидящего рядом д-ра Унгера, как бы бросая ему упрек в том, что ко мне недостаточно внимательны здешние антропософы; Унгер, который действительно никогда не удостоивал меня разговора, с каким-то утрированным легкомыслием засвистел; Леви посмотрел на него с явным раздражением и с еще большей подчеркнутой любезностью обратился ко мне. Вскоре Леви появился у нас, просидел вечер и все старался узнать мое мнение о поведении немцев-антропософов по отношению к русским, а также старался узнать наше мнение о войне; увы, в словах Леви было много справедливого: во многом немцы срывались в такте по отношению к нам, русским, ведшим себя безукоризненно в трудных условиях международного положения; на это немцы отвечали далеко не с тем тактом; эта бестактность вызывала во мне взрывы негодования; но я многое прощал иным немцам ввиду действительной сердечности, проявляемой по отношению к нам в иное время; а некоторые из наших с особой любовию относились к русским (как-то Штинде, Бауэр, Моргенштерн, Калькрейт, Митчер, Киттель и ряд других лиц); этого всего нельзя было объяснить Леви, видевшему в немцах бросающуюся грубоватость и не видевшему внутренне хорошего отношения к нам немцев; кроме того: Леви для нас был *чужой*, случайно залетевший из Парижа, а с многими из дорнахцев мы, как говорят, «*съели три пуда соли*», работали плечо в плечо над нашим любимым «*Ваи*», его сторожили, видели много прекрасного и много горького; поэтому я был с Леви особенно осторожен; он ждал, что я буду ругать немцев, а я старался быть умеренным; и отмалчивался от его слов; скоро Леви перестал появляться на «*Ваи*»; про него говорили, что он бунтует; скоро он исчез, а потом и ушел из Общества, вместе с Шюрэ обвиняя антропософов в немецком шовинизме, что было глубокой неправдою. Вскоре появились за границей слухи «антантистского» источника о каких-то русских ренегатах, предателях своей страны, сидящих в Дорнахе и позабывших Россию; письма подобного характера присылались из Англии и Франции дорнахским антропософам, циркулируя через границу, где письма перлюстрировались контр-разведкою; во французской Швейцарии эти слухи передавались; росла какая-то темная сплетня (уже вне Общества) о том, что в Дорнахе выращиваются предатели своих стран (между прочим: то же говорилось в Берлине о немцах, оставшихся в Дорнахе); говорилось, что здесь сидит какой-то русский, забывший свое отечество, которого де немцы собираются использовать для немецкой пропаганды в России; боюсь, что этим «*ренегатом*» в подлых сплетнях оказывался я; и боюсь, что Леви, которому я не угодил своей сдержанностью, постарался во Франции меня чернить; мне казалось, что иные из поля-

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

РУДОЛЬФЪ ШТЕЙНЕРЪ И ГЕТЕ

ВЪ

МІРОВОЗЗРѢНІИ СОВРЕМЕННОСТИ

„ДУХОВНОЕ ЗНАНІЕ"

Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности
Дарственная надпись
на титульном листе:
«Дорогому и глубокоуважаемому
Григорию Алексеевичу Рачинскому
с глубокой любовью и осознанием
своей правоты. Андрей Белый».
М.: Духовное знание, 1917. ГЛМ

ков, бывших в Дорнахе, были в контакте с этими *«антантистскими»* сплетнями; не сомневаюсь, что Седлецкие постарались нас с Асей называть ренегатами.

Все эти слухи о Дорнахе и непонятный факт общения во время войны представителей воюющих стран создавали о нас легенды; в Германии косились на немцев-антропософов; во Франции и Англии утверждалось, что Штейнер — немецкий агент, работающий в Швейцарии чуть ли не по поручению немецкого штаба, а его ученики чуть ли не шпионы; верили и иные из швейцарцев этим нелепым басням, распространяемым о нас; на нас, разумеется, обратили внимание контр-разведки всех стран; несомненно, что в нашу среду затесывались и сыщики, вплоть до швейцарских сыщиков; именно в мае обнаружились первые признаки того, что за нами следят; в июне же я впервые стал замечать слежку за собой лично.

В мае месяце я с особенным жаром принялся за окончательную обработку и переписку моей книги, которую я озаглавил так: «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности»[917]. Работа налаживалась; я отделывал стиль и очень увлекался деталями текста. День обыкновенно проходил так: мы вставали часов в 9; в 10 Ася была уже на «*Bau*», а я садился за письменный стол; и работал до обеда; к обеду возвращалась Ася, иногда с Ван-дер-Паальсом, который стал работать под малым куполом, над архитравом Юпитера, под руководством Аси; мы обедали (обед приносили из кантины) на террасе, которая выходила в яблони, занавесившие нас; сквозь зелень виделся против нас домик доктора; и очень часто мы видели доктора, возвращающегося со стройки к себе; мы жили от доктора в таком близком расстоянии, что часто слышали голоса его и М.Я. из открытых окон виллы «*Hansi*»; после обеда Ася шла до вечера в «*Bau*»; я же работал часов до 4—4½; потом я шел либо в кантину, где Ася пила кофе, усаживался за чей-нибудь столик и разговаривал с часок с тем или другим; или же я шел за покупками в Арлесгейм, возвращался и приготовлял ужин для себя и Аси; я умел приготовлять жареный картофель с томатами, макароны-спагетти; особенно мне удавался салат. Было весело поджидать Асю и мечтать об ужине; обыкновенно к вечернему чаю кто-нибудь заходил (чаще всего Трапезников); иногда бывал доктор Гёш; вечером мы провожали Трапезникова или Гёша; я очень полюбил эти прогулки перед сном.

К концу мая я стал замечать, что с д-ром Гёшем творится что-то неладное; он стал очень угрюм и хмур; стали поражать меня некоторые из его вопросов; он

как бы с осторожностью нащупывал мое святое святых, предлагал мне странные вопросы о моем отношении к доктору, к членам Общества; я стал замечать, что он будто ждет от меня каких-то жалоб на доктора и недоумений, связанных с моим путем; сам он не высказывался; потом, убедившись, что от меня не услышишь жалоб на доктора (а недоумения мои в связи с проблемой *«пути»* всё росли, но я их инстинктивно закрывал от Гёша), он стал реже бывать у нас. Скоро я всюду стал его встречать с фрёляйн Шпренгель, которая никогда не была мне симпатична и которая держала себя *«оккультной»* теткой; хотя я знал, что ее считают *далеко ушедшей* в эзотерических слоях нашего Общества, у меня не было доверия к ней: все в ней мне казалось нарочитым и приподнятым; я удивлялся этой растущей на глазах у всех дружбой д-ра Гёша, тонкого философа, с *«оккультной»* и фанатически настроенной теткой; Гёша мы встречали на прогулках с Шпренгель; вместе они сидели в кантине, о чем-то упорно и долго разговаривая; от нас Гёш стал отходить: стал суше кланяться нам.

Июнь.

Если май 1915 года вспоминается мне оазисом покоя среди вереницы мрачных месяцев, в которую вступила моя жизнь, <то в июне> опять вокруг меня начинается невнятица, неразбериха, сумбур; опять в сердце растет тревога; и эта тревога складывается из очень многих обстоятельств; во-первых: начинается ряд поражений на русских фронтах; наша армия отступает; обнаруживается полный крах государственной системы России; и уже ясно мне, что война окончится революцией; все это волнует меня; мне хочется быть в России в эти ответственные моменты; внутренне я начинаю склоняться к точке зрения *«пораженцев»*; но это склонение стоит мне долгой внутренней борьбы; легкость, с которой Наташа и Ася стоят за поражение России, порой меня возмущает; мне это кажется вовсе не выстраданным убеждением в том, что революция необходима России, а влиянием на них немецкой среды; а в этой среде желание видеть Россию разбитой вытекает из естественных, чисто животных аппетитов; я чувствую в вопросе о войне свое расхождение со всеми; и с русскими, и с немцами; во-вторых: я чувствую, что в нашем Обществе назревает что-то неладное; опять поднимается рой каких-то странных сплетен; шушукаются, что среди нас есть члены Общества, весьма подозрительно себя ведущие в моральном отношении; они позволяют себе какие-то скверные поступки в Базеле; швейцарцы называют антропософов фарисеями и рассказывают о неприличном поведении антропософов вне Арлесгейма и Дорнаха; некоторые из теток начинают требовать, чтобы за поведением мужчин антропософов следили; начинают что-то шептать про Седлецкого; и мне кажется, что в чем-то подозревают меня. В чем? Я не чувствую за собой никакой вины, а между тем опять многие члены Общества на меня косятся; при встречах с *«существом»* я вижу, что *«существо»* опять наглеет в отношении ко мне; *«оно»* появляется теперь в обществе уже нескольких своих подруг, довольно сомнительного вида; и эти подруги смотрят с насмешкою на меня; во мне складывается убеждение, что смутное обвинение меня (у меня за спиной) в каких-то скверных поступках имеет источником клевету на меня той группы лиц, с которой вступило в общение *«существо»*; опять выступает со всею силою иррацио-

нальность ее появления передо мною; в-третьих: я начинаю явственно замечать, что некоторые из членов нашего Общества начинают за мной следить; признаки этой слежки я подмечаю всюду; так: я замечаю, что фон-Мутах, родственник Гросхайнца, постоянно вертится около нашего домика; раз я его застал около нашего домика распрашивающего о чем-то мою хозяйку, Frau Thomann; увидев меня, он точно сконфузился и быстро отошел; я почему-то был уверен, что он расспрашивал хозяйку о моем времяпрепровождении; наконец: всякий раз, когда я отправлялся в Базель, мне попадался (или в траме, или в месте трамвайной остановки, или на улицах Базеля) все тот же блондин в лиловом галстухе; этого блондина я стал встречать и на лекциях доктора (он оказался членом базельской ложи); мне стало непереносно тяжело от этой слежки; «Зачем следят, — думал я, — разве я преступник какой?». И во мне стала складываться догадка, что эта слежка есть результат какой-то клеветы на меня, распространяемой «*существом*» и группой лиц, весьма сомнительных, с которыми я встречал «*существо*»; все эти лица были не дорнахцы, а приезжающие из Цюриха.

В это время А.С. Петровский уезжал в Россию; я поехал его проводить в Берн; и опять: на станции встретился с фон-Мутахом; проводив Петровского, я остался на дебаркадере бернского вокзала; и опять-таки: в Берне я встретился с фон-Мутахом; эта вторичная встреча окончательно убедила меня, что в нашем О-ве установлен сыск: за мною следят; я был уверен, что это выслеживание меня не идет от доктора и М.Я., а от какой-то группы наших членов, меня в чем-то подозревающей; это я думал в вагоне, возвращаясь из Берна в Базель; на базельском вокзале мне снова попался на глаза безбородый блондин в лиловом галстухе, которого я всегда видел на лекциях д-ра; и опять встал обиднейший вопрос: «Зачем они за мною следят? Что я сделал такого преступного?». Во всех проявлениях своих я стал вовсе скован.

Мои догадки о том, что за мною следят, подтвердились однажды намеками доктора на лекции; доктор намекал на то, что о некоторых из уважаемых наших членов распространяют Бог весть какие слухи; он называл эти слухи безумием; он просил не сеять сплетен, громил тех, которые от нечего делать занимаются подглядыванием; он говорил об опасности болтовни; ведь мы, антропософы, живем среди мещан по духу, относящихся с недоверием к антропософам; и болтовня с этими мещанами о внутренних делах Общества и об отдельных членах Общества грозит большими неприятностями и этим членам, да и всему Обществу; он предупреждал, что мы живем как бы среди стеклянных стен; и каждый наш шаг обслежен; поэтому всякая болтовня друг о друге обрушивается на Общество; и — все тщетно: точно внутри Общества забил вулкан сплетен; все ходили, подозрительно озираясь и не веря друг другу.

Кроме того: передавали, что несколько раз около «*Вau*» видели прогуливающимся известного базельского сыщика, который появляется только там, где совершается крупное преступление; передавалось, что около «*Вau*» появилось много сыщиков; однажды, выйдя на балкон, я увидел человека, сидящего наискось от нашего дома на лавочке; он следил за нашим домом; я в свою очередь начал за ним следить; и окончательно убедился, что это — сыщик; лавочка, находящаяся наискось нашего дома, была всегда занята теперь; всегда на ней кто-

нибудь сидел и смотрел на наш домик; я стал отмечать даже смену очередей. Явное дело: за нами следили; скоро я убедился, что следили лично за мной; всюду мне стал подвертываться брюнет в котелке с небольшими черными усиками; я его видел в Базеле; он гулял на перекрестке дорог в Дорнахе; он никогда не глядел на меня; когда я проходил мимо, он отворачивался; кроме того: я стал замечать, что в нижний этаж к Frau Thomann стал захаживать какой-то простолюдин швейцарец; я слышал у себя в комнате под ногами его гортанный, настойчивый, выспрашивающий голос; Frau Thomann в чем-то его разубеждала всегда (это слышалось в интонации ее голоса, в восклицаниях, долетавших до меня: «Aber nein...»*). Но гортанный голос на нее прикрикивал, к чему-то ее склонял, чего-то от нее добивался; мне всегда делалось неприятно и жутко от этого голоса; казался неприятен захожий швейцарец; когда я проходил мимо него и Frau Thomann, то эта последняя делалась со мной особенно любезной, точно стыдилась передо мной, а швейцарец с жадным любопытством вглядывался в меня; наконец я стал замечать, что наша прислуга, являвшаяся по утрам, с каким-то особенным любопытством вглядывается в меня и порой предлагает мне странные вопросы, точно ей что-то нарассказали обо мне; и теперь, приняв к сведению чьи-то инструкции, она приглядывается ко всем моим жестам.

Итак: я наблюдал, так сказать, три рода разных ощупываний своей персоны; во-первых, со стороны «*существа*» и группы лиц, с которыми я видел «*существо*»; это ощупыванье меня казалось мне самым неприятным, ибо оно было самое иррациональное; в моем ощущении эта слежка связывалась с выслеживанием меня каких-то темных оккультистов, которые имели шпионов в нашем Обществе; вторую слежку я относил к слежке меня со стороны группы наших членов, в чем-то меня подозревавших (фон-Мутах, блондин в лиловом галстухе, сопровождавший меня в Базеле) и все желавших меня поймать с поличным (в чем должно было заключаться это «*поличное*», я не знал); я убеждался, что у меня в Обществе есть враги, и я не мог понять, что, собственно говоря, они имеют против меня; выросло ли их предубеждение из неведомой мне клеветы на меня «*существа*»; в таком случае это — провокация темных сил, меня губящих внутри нашего Общества (источник же сил находился — вне Общества); или же — думал я — просто есть группа моих врагов, не понимающих доброго отношения ко мне доктора и завидующих мне: они, вероятно, старались скомпрометировать меня перед доктором; мне казалось, что в центре этой группы стояла Вольфрам; против меня агитировали фон-Чирская и Штраус, как против «*любимца*» Марии Яковлевны, которую они ненавидели; к ним присоединялись Седлецкие; и эта интрига сплеталась с очернением меня из Франции Леви, выставлявшим меня ренегатом своей страны; третья же слежка, представителем которой был брюнет в котелке, захаживающий к Thomann подозрительный швейцарец и агент его, наша прислуга, — третья слежка не имела источником ни «*оккультистов*», ни членов нашего Общества, а присоединилась извне: я думал, что это была слежка швейцарского уголовного розыска; и я опять не понимал, в чем меня обвиняют; лишь гораздо позднее я

* «Но нет...» (*нем.*).

убедился, что это была, вероятно, «*контр-разведка*» одной из держав «*Антанты*».

Порой эти три слежки представлялись мне раздельными, порой они для меня сливались в одну; источник же слежки убегал в глубокие и страшные, мне неведомые пласты *«темного царства»*.

Так или иначе: положение мое казалось мне незавидным; пойдешь на «*Ваи*» — там, как недотыкомка, мелькает *«черная женщина»*, косятся на тебя многие члены; идешь гулять по окрестностям, и тебя встречает то фон-Мутах, то подозрительный швейцарец; поедешь в Базель — натыкаешься то на блондина в лиловом галстухе, то на брюнета в котелке; сидишь дома, под ногами твоими гудит подозрительный швейцарец, заглядывает в твою комнату то Frau Thomann, то прислуга.

Так, в июне я себя почувствовал затравленным зверем; я заключился у себя в комнате и даже не любил появляться на балконе: ведь с лавочки наискось на тебя уставлялся любопытный взгляд.

Все это я пытался высказать Асе, но наткнулся на ее непонимание; она — ничего не видела. Лишь позднее она поняла, что слежка — была: и в этом я был прав.

Так в угрюмом перемогании сыщиков протек для меня июнь.

За это время я окончил свою книгу; как-то раз мы опять были приглашены к доктору, и я развивал ему свои взгляды, связанные с написанной книгою[918]; доктор был очень мил, сам ходил покупать клубнику, чтобы угостить нас к чаю; он читал нам вслух стихотворение Гёте «*Röslein*»[919], которое в ближайшее воскресенье должна была исполнять Ася (в ту пору каждое воскресенье исполнялась новая эвритмическая программа); кстати: какие-то сплетницы нашли в исполнении Аси и Киселевой что-то эротическое; стали ходить неприятные слова о том, что доктор и М.Я. уделяют слишком большое внимание эвритмии; доктор опять на публичной лекции громил «*сплетников*» и «*сплетниц*».

Вообще в его последних лекциях стали раздаваться какие-то угрозы по адресу невидимой, подпольной оппозиции, — на этот раз уже против доктора и Марии Яковлевны; чувствовалось, что все задыхаются в атмосфере надвигающейся на нашу колонию грозы; эта гроза разразилась скоро потом в том явлении, которое М.Я. охарактеризовала, как *«бунт ведьм»*.

С конца месяца я начинаю преодолевать настроение гонения и преследования; по окончанию книги я стал работать каждый день под малым куполом над чистовою отделкою нашего архитрава, «*Юпитера*»; и там, под куполом, среди милой, крепкой, здоровой антропософской молодежи я забываю душную интригу внутри Общества и неприятные дозоры шпиков вокруг нашего дома.

Июль[920].

Июль не вносит каких-нибудь объяснений в ситуацию моей жизни; ремингтонируется текст моей книги; продолжается работа в «*Ваи*»; продолжаются двусмысленные отношения с Наташей; я, махнув рукой на необычность их, добиваюсь лишь одного: довести их до конца. Помнится, что к этому времени подчеркиваются мне частые разговоры мои с Т.Г. Трапезниковым, — обо мне, об

Обществе, о моих отношениях с Наташей и с Асей; в нем нахожу я если не объяснителя, то хоть успокоителя; о главных путаницах моего сознания мы с ним молчим; к главным путаницам я отношу: необъяснимая мне самому *тайная* близость моя с доктором и Марией Яковлевной, из которой вытекает кармическая роль моя в Обществе (для кармы Общества); и отсюда: особо тяжкие бремена, которые взваливаются на мои плечи: я не то обреченный, не то увенчанный; я одновременно невероятно возвеличен приближением меня к тайнам посвящения; но эта возвеличенность и становится источником совершенно особого рода нападений на меня: 1) темной силы, 2) темных оккультистов, 3) тех из членов нашего Общества, которые, не понимая моей роли при докторе, не понимают меня, извращая все мои поступки; кроме того: во мне самом происходит схватка светлых сил с темными; и всё на почве этой моей провиденциальной роли при «деле Доктора»; на этой почве и развертывается серия странных ситуаций в моей жизни вплоть до... Наташи, вплоть до действительно странных совпадений и сочетания этих совпадений: внутренних событий жизни с их внешними выражениями в виде встреч с людьми и разговоров неспроста, рисующих вокруг меня в мне данном мире второй какой-то мир; отношение между внешним бытом дорнахской жизни того времени со всеми случайностями этого быта и бытом моих имагинаций (а может быть, — инспираций) таково же, каково отношение между текстом *«Медного Всадника»*, прочитанным просто, и тем же текстом, прочитанным по кривой жеста ритма[921]; внешний текст — внешние знаки быта жизни; кривая — мой внутренний мир, в котором я запечатан и о котором ничего не могу сказать; а остраннение рельефа быта внутренними имагинациями, а может быть, инспирациями, — то странное *неспроста, не случайно*, которое я прочитываю из будто бы случайного узора событий, развертывающегося вокруг меня, где и разговоры, и встречи, и явления природы, и переживания других людей — будто ответы мне извне на ритмы моей внутренней жизни; эта жизнь излучает от доктора ко мне и из меня какие-то силы, подобные силам магнита, и уже по ритмам этих сил ткется жизнь Дорнаха, где, опять-таки, люди, события подобны железным опилкам, располагаемым в узоры силовых линий моего безо́бразного внутреннего мира.

Странное, измучивающее состояние: чувствовать себя всем и ничем и ходить как бы в насильно надетом венце посвящения, который, не узнанный другими, выглядит просто шутовским колпаком.

В разговорах с Трапезниковым меня волнует вот что: мы с ним точно нарочно избегаем касаться моего опечатанного молчанием *заветного, тайного*; но поскольку оно-то и есть центр сил, излетающих из меня и вокруг меня конфигурирующих мелочи обычного «разговорчика», встречи, романы очередной приязни и неприязни, постольку в разговоре об этом *внешнем быте* он — отражение внутреннего, постольку и касания этого внутреннего сквозь внешнее Трапезниковым меня поражает удивительною ритмичностью; создается впечатление, что Трапезников что-то знает о моих состояниях, знает *то*, о чем нельзя говорить, как и доктор; и говоря о *внешнем*, внешним языком *символизирует* внутреннему. Мы говорим о том, что я страшно пылок, что надо проще относиться к путанице с Наташей; Трапезников советует мне поступить в этом случае — так-то, а в том —

Т.Г. Трапезников
1915. ГМП

так-то. А на самом деле мы говорим *иносказаниями* о моем удивительном, странном, не то священном, не то ужасном положении в судьбах *дела* Доктора и всего духовного движения. Странные разговоры! Меня тянет к Трапезникову с этого времени особенно: в разговорах с ним издалека, обиняками протягивается от него ко мне *сквозной смысл*; он в них встает мне, как заговорщик какой-то тайной кучки друзей, выдвигающих мою кандидатуру в каком-то великом оккультном деле, к которому я предизбран и в котором руководим; эта *тайная кучка* — Доктор, Мария Яковлевна, Рихтер, Бауэр, все более протягивающийся ко мне, София Штинде; Трапезников посвящен в какое-то дело, к которому я призван; я себя ощущаю человеком, из любви к доктору давшим согласие на страшно рискованный и опасный акт, подобный бросанию *бомбы* во что-то, смысл чего мне не ясен; из свободы и доверия к доктору я обрекаю себя на опыт неясного действия; и вследствие этого я — изолирован, как изолирован *бомбист* от Ц.К. революционной партии[922]; Доктор, Бауэр, Штинде и другие, тайно любя меня, вынуждены из конспирации не протягивать мне явно руки и делать вид, что они не знают, кто я, собственно, потому что где-то я уже узнан: враги за мною следят; и порученный мне *акт* сорвется с гибельными последствиями для меня, «*Ваи*», дела доктора; Трапезников *тайно* послан ко мне от меня любящих людей, как направляющий инструктор. Я ощущаю себя *sui generis* Каляевым; я ощущаю Доктора, Штинде, Бауэра *sui generis «Ц.К.»*; я ощущаю при себе Трапезникова *sui generis* Савинковым при Каляеве, ставящим его с бомбой туда, где надлежит бомбу бросить[923]; где это будет, когда, — мне неизвестно; но бомба мне будет дана и я поставлен: ее бросить.

Так серия разговоров с Трапезниковым, серия иносказаний о бомбе; мы, точно, оба в масках; на нем маска любителя ренессанса; он говорит мне об эпохе Возрождения, о Медичи[924], о живописи, о Германе Гримме, написавшем книгу на тему «*Микель-Анджело*»[925]; он слишком часто, слишком особенно, с подчерком говорит мне о «Микель-Анджело»; и я вздрагиваю: *это — пароль о бомбе*. Ведь в имагинациях 1914 года (на лекции Доктора в Берлине о Микель-Анджело) мне показалось, что Доктор старается мне дать понять, что я перевоплощение его[926]. Я с ужасом этот «*бред*» отверг, как ложную имагинацию. Теперь, через полтора года, в странном обострении судьбы, в странном ощущении, что мне нечто поручено, опять появляется тема «*Микель-Анджело*»: с подчерком; что-то подчеркивает мне обо мне же, на этот раз — Трапезников, не подозревающий, *что* он задевает

во мне; так — во всем: в разговоре о мелочах быта им задеваются не мелочи этого быта, а *тайны моей души*; и нас влечет друг ко другу, как заговорщиков; но это влечение и шифр иносказаний меж нами происходит под формою просто заходов Трапезникова к нам на чашку чаю; и под формою наших с ним прогулок вечером, после работы, по дорнахским окрестностям.

Безукоризненно одетый, в серой паре, в английской мягкой шляпе, в лиловом галстухе, помахивая своей палкой, Трапезников водит меня по полям и развивает мне мысли о ренессансе или урезонивает: «Потише, голубчик: не обращайте внимание ни на что... Держитесь мужественно... Смотрите на вещи проще: вся эта история с Наташей не стоит вашего спокойствия... Если Наташа так уж необходима вам, опять говорю: смотрите проще...». Иногда же он говорит: «Вы бы уехали на время отсюда: поезжайте в горы, или в Цюрих... Развлекитесь... И потом, скинув <с> себя эту нервность, возвращайтесь сюда».

А мне это его *«держитесь мужественно»* отдается, как: «Да, да, да: *бомба* будет дана; вы свершите *это*: наши судьбы здесь — *сама Невероятность*; и вы, и я — мы издалека пришли, далеко уйдем: все стало сквозным: читайте шифры небесной судьбы, вас обставшей маленькими будто бы дрязгами жизни». Так наш разговор с Трапезниковым для меня разговор сквозь слова в *туда*, где «символы не говорят, но кивают без слов»[927]. А педаль с «*Микель-Анджело*» лишь намек на то, что ему ведомо: под маской личности «*Бориса Николаевича*» до времени притаилось *нечто совсем иное*.

Я не во всем понимаю Трапезникова, но мне ясно, что он вкладывает в ясные с виду слова темный бездонный смысл; и что послан стоять при мне в эти страшные роковые для меня месяцы. Все чаще ко мне, как бы из-за плеча Трапезникова, просовывается лик Михаила Бауэра, который где-то меня ждет к себе и издали *тайно помогает*.

Дружественный оттенок некоторого старшинства в Трапезникове мне понятен и его внешним положением; он — *гарант* русской группы в Дорнахе и выбран в совет *старших*, собирающийся в Дорнахе при докторе. Когда шла речь об избрании среди русских гаранта, то София Штинде предложила Асе, чтобы русские избрали меня, но Ася, не поговорив со мной, отказала; конечно, — и я отказался бы (не мне в том душевном смятенье, в каком я находился, — гарантствовать), но все же симптоматично, как обращались со мной близкие: не только не считались, не только не советовались, но игнорировали и в эмпирических случаях жизни обращались, как с неодушевленным предметом; у Поццо водворилось такое отношение ко мне: «*Боря*» — это то, что не смеет иметь своего мнения; он — «*наш*»: что хотим, то и сделаем с ним. А у Аси это доходило уже до отношения ко мне, как... к *туфле*, которой то швыряются, <то> которую носят; Ася меня во внешнем быте носила, как туфлю. Я это видел и мне это было глубоко безразлично, потому что в *«Я»* я был свободен и такие пустяки, как внешнее ношение меня на Асиной «*ноге*», не занимали.

Но Трапезников, частью и Бергенгрюн постоянно намекали мне на беспардонное со мной обхождение со стороны сестер Тургеневых и отчасти Поццо, развивавшим чрезмерную развязность на почве родственности.

Так в Трапезникове намечалась партия друзей лично меня, но не Аси, Наташи, Поццо (Бауэр, мадам Моргенштерн, Бергенгрюн); и была партия Тургеневых *«par excellence»*; я чувствовал в ней Марию Яковлевну, которая, точно в ответ на мое некоторое разочарование в ней, ответила подчеркнутым покровительством (покровительством «*в пику мне*»), которое она оказывала Асе: последнюю все более и более обласкивали; Ася попала в группу эвритмисток, постоянно репетировавших при докторе; быт ее жизни все более сливался с бытом *студии*; а это был быт Марии Яковлевны, рядом с которой постоянно появлялся доктор. Я, отрезанный от этого быта, все более отрезывался и от Марии Яковлевны и через Трапезникова все более прорезывался к атмосфере Бауэра, которая веяла мне в лицо и, так сказать, охраняла меня от страшных *мистических* гонений со стороны.

Эти последние не прекращались вовсе, то ослабевая, то — вспыхивая: отсюда и оттуда под разными формами; следы разных форм слежек открывал вкруг себя; самое тягостное было то, что источник слежек мне был неясен; если бы меня окружали просто шпики русской, антантистской и швейцарской контр-разведок, я был бы спокоен так же, как, в конечном, спокоен человек, отмахивающийся от мух; но я подозревал преследования от *врагов*; я видел нить этого преследования, тянувшуюся в недра нашего Общества и *уже из него* меня допекавшего; это было страшнее всего: думать, что замкнутость Общества пробита тайными входами и выходами в него и из него врагов дела доктора: самый «*Вау*» виделся мне уже минированным *Черною Силою*.

Иногда ощущение реального преследования лично меня достигало такой интенсивности, что я катастрофически пугался: я ощущал *сатанинскую злобу*, откуда-то направленную прямо на меня (уже даже не на доктора); и эта сила, режущая, как нож, вонзалась в меня, как нож, иногда неожиданно без того, что я думал о ней. Не забуду двух эпизодов, бывших со мной, кажется, в июле.

Один эпизод: однажды, жаркою ночью, часов в 11, я пошел погулять; никого не было; я стал кружить по пустым и безлюдным дорожкам, обсаженным деревьями, того квадрата, который образовался между Арлесгеймом, Верхним Дорнахом, Нижним Дорнахом и трамвайным трактом; квадрат был на склоне холма. Как сейчас помню: тихая, лунная ночь — ни души; проходя мимо домика, смежного с виллой доктора (наискось от нас), — домика, в котором обитал *кто-то*, кто участвовал в слежке, на меня пахнул знакомый, злой ветерок, который мне был хорошо известен: ветерок ненависти; но я, привыкший к ненависти, излучаемой на меня 1) весьма многочисленной, антропософской партией (с Вольфрам, Чирской, Штраус, шведкой, Эккартштейн, рядом «*французских*» швейцарцев, Фитингоф, «*существом*», Зауэрвейн и т.д.), 2) какими-то неведомыми мне черными оккультистами, проживавшими в Дорнахе, 3) просто обывателями Арлесгейма и Дорнаха, кем-то науськанными против моей для них безразличной фигуры, 4) агентами «*Антанты*» и т.д. — привыкший к *ненависти*, я не обратил внимание на это переживание и шел от дома среди кустов; помнится, — тень моя перерезала ослепительную дорожку. Вдруг, как нож, всадился в душу страх; и сердце — подпрыгнуло:

— «Они *так тебя* ненавидят, что способны убить: они — убьют; фортель с *существом* — отражена доктором: не выгорело! Пуще за это они тебя ненавидят».

И тут же мелькнуло:

— «Ты — один: в одну из таких минут, когда ты затеряешься в лесу или среди кустов, рука предателя тебя прикончит *ножом в спину*».

И тотчас отозвалось:

— «В сущности, если бы тебя убили здесь нападением из-за кустов, — никто не смог бы прийти на помощь; твой крик раздался бы среди мертвого сна. Пока прибегут, убийцы скроются».

Ощущение, что *убийца уж здесь*, что, может быть, *он* высматривает, было до такой степени отчетливо, что я быстро пошел домой; и все время сопровождало ощущение: ненавидящая тебя сила крадется рядом, вооруженная физическим или оккультным ножом.

Стыдно сознаться, что я едва дошел до дому: ощущение *страха* было реально; и шло не из меня, а на меня: точно *меня одели в страх.*

— «Что с тобой» — спросила меня Ася.

— «Ничего».

Переживания этой ночной прогулки я скрыл от нее: она — слепа, она — не верит, что за мною следят: я никому не могу передать это совершенно реальное восприятие себя, *нарочно одетого в ужас*; меня им покрывали извне, как Геракла одеждой им убитого Несса; одежда прирастала и проедалась сквозь кожу в сердце: и сердце ёкало страхом; я пугался, так сказать, механически.

Меня пугали, заставляя заранее отступить от того, к чему меня предназначили (эта мысль уже разыгрывалась во мне имагинативно, как попытка понять причину столь ощутимой ненависти).

Другой случай.

Та же тихая, июльская, лунная ночь (вероятно, и второй случай *случился* в те же дни); жара; окна и дверь на террасу открыты; мы одни с Асей; Ася рисует модель для стекол: мелом на черной бумаге. Я вышел на террасу; сел под луной; в домике доктора темнота. Скоро в мое сознание ворвался шум и гвалт какой-то подозрительной кучки дорнахских «*мужиков*» от *злого* домика, торчавшего наискось: там по вечерам собиралась кучка; оттуда — галдели; некоторое время я не обращал никакого внимания на гвалт, пока громкие вскрики не стали биться о барабанную перепонку:

— «Мы *ему* покажем... Он думает, что...» — и дальше неясно.

Я — нуль внимания.

— «Завел себе череп и смотрит на него: хаха — Гамлет!» — совершенно отчетливо гаркал злой гортанный голос; и — угрожающий взрыв по адресу кого-то.

Я — соображаю: *череп*-то у нас; Ася давно принесла *череп* для модели своей (на рисунке доктора — ряд черепов); *череп* стоял в моем кабинете у стопочки циклов доктора, рядом с цветами. Несомненно: все детали нашей жизни передавались *кому следует* подозрительною прислугою, приходившей убирать наши комнаты, дорнахской крестьянкой. Мне стало ясно, о каком *черепе* говорят; говорящие не знают, что *череп* не мой, а Асин; он стоит в моей комнате: «*он*», «*Гамлет*» — я.

Я, внутренне вздрогнув, стал внятно втягивать в себя угрожающие выкрики: грозили *кому-то*, за *что-то*; за что, — я не понимал, но понял, что «*он*» — я; и — понял, что меня прекрасно видят сидящим на террасе, ибо я освещен луной; и *нарочно по моему адресу* бросают угрозы.

Одна фраза особенно громко разрезала тишину ночи:

— «Если так, то — его можно и застрелить».

И — злой, гортанный взрыв голосов.

Что это такое «*если так, то*», — разумеется, я не понимал; но я понял, что «*его*» — относится ко мне: очевидно эта злая, тупая кучка натравлена кем-то против меня; и стало быть: у меня за спиной кто-то распространяет обо мне такие вещи, за которые швейцарские мужики убивают. Я одновременно и испугался, и несколько успокоился. *Успокоился*: кто грозит вслух угрозой *застрела*, никогда не *застрелит*; стало быть: *меня опять одевают в страх*. Но я *испугался*: падала успокаивающая меня версия о том, что *преследования* — плод моей фантазии; я, безобидное, немое существо, «*статист*» в Обществе, до крайности вежливый со всеми швейцарцами, — ни в ком не мог возбудить ненависти, заставляющей мне кричать, что меня застрелят; стало быть: *меня подозревали в чем-то ужасном*; не в том ли, что я шпион? Но — позвольте: я мог в *их* представлении быть *шпионом* немцев против *Антанты*, *шпионом* Антанты против немцев, — Швейцария при чем же? Будь я даже *шпионом*, эти мещане, с их *«хата с краю»*, — не могли бы кричать такие вещи обо мне. Стало быть: меня обвиняют... — в чем же? В убийстве, — что ли? В изнасиловании, — что ли? Но жизнь моя на виду: кроме «*Ваи*» я нигде не бываю, все прочее время сижу дома, каждый мой час в ряде месяцев протекал на виду ряда людей и хозяйки Thomann: поездки в Базель (раз в месяц) за необходимыми покупками ограничивались моим блужданием по магазинам двух людных улиц и продолжались не более двух-трех часов; а все прочее время протекало перед глазами хозяйки, Аси, антропософов; вот уж, можно сказать, во внешнем быту я *жил на глазах у всех*.

Стало быть: пугают.

Все это вихрем пронеслось, когда я прислушивался к поганым, хриплым голосам кучки. Я — не встал: продолжал сидеть в той же позе... Гамлета. Но хотелось плакать:

— «За что?»

Встал и вошел в дом:

— «Что с тобой» — спросила Ася.

— «Ничего».

— «Ты что-то скрываешь».

— «Нет: скажи, — почему в наших окнах сняты занавески сегодня?».

— «Фрау Томан для чего-то их стащила: сказала, что вычистить надо, а ведь только что чистили».

— «Так!».

— «У нее был виноватый вид, когда она говорила о том, что занавески сегодня надо снять: не смотрела в глаза».

— «Так!».

Я — подошел к окну, чтобы осмотреть дерево под окном (мы жили во втором этаже); как раз на уровне моей спальни удобнейший сук, на котором можно провести ночь: мне уже было ясно, что этой ночью я буду спать под оком любопытного наблюдателя, с удобством примостившегося на суку; *им* для чего-то нужно увидеть *intérieur* нашей жизни с Асей: Томан *приказано* снять занавески; ее смущение в том, что она — должна; и без того «*старухе*», видящей нашу овечью безобидность, надоели приставанья *шпиков*, расспрашивавших о нас.

Ну, — что ж: буду объектом разгляда.

— «Ты бы, Ася, занавесила свои окна на ночь».

— «Зачем?».

— «Так лучше».

— «А ты?».

— «Ну, — я нет».

И — подумалось: милости просим, разглядывайте! В этом вызове и презрении к *наблюдателю* из окна сказалась злость; а в душе кричало:

— «За что меня унижают!».

Взрыв гортанных голосов раздался в открытое окно: там, наискось, продолжала горланить поганая кучка.

Асе я, разумеется, ничего не сказал: я лишь настоял, чтобы она занавесила окна в своей комнате; сам же со *спокойствием из гордости* подставил себя под *злой* глаз из окна; помнится: в эту ночь я читал в постели какой-то толстый том: «История монашеских орденов»[928]. Я читал о Братстве Иисуса[929]; и — думал: не без «*братства*» это мое лежание под глазом.

Перед тем, как загасить свечу, я хотел вскочить и, подбежав к окну, его распахнуть, спугнув *сидящего* на дереве; но хотелось спать; подумалось: «Пусть его глазеет».

Презрение к *глазу* было столь сильно, что он даже мне не мешал.

Объяснялось мне чувство за несколько дней перед этим, когда показалось, что за мною кто-то крадется в кустах; *кто-то*, вероятно, крался; у меня удивительно развито кожное ощущение *вшей* и «*глáза*»; и тех, и *этот* я ощущаю безошибочно.

Я думал: «Они пустили воистину сильные средства напуга; *пугают выстрелом*». И тут же отдавалось: если бы *они* и достигли своей цели и был бы я *допуган*, то — все же: я вынужден бы был вести себя так, как я веду, ибо я же *не знаю того, от чего они меня отпугивают*; никакого эмпирического поступка я не совершал и не намереваюсь совершить; *некий акт*, *бомба*, о которой подмигивает Трапезников, не есть эмпирическое, как-нибудь квалифицируемое действие; это мое «*да*» — Свету, Христу, делу доктора; это моя верность символу Иоанновой любви, осуществляемая *символически* же в верности Гетеануму, в особом жесте работы под Малым Куполом, в вахтах; и это — мое лютое «*нет*»: бойне народов.

Мне иногда начинало казаться, что *сила медитативной мысли моей о деле доктора* есть *меч*, *уже духовно разящий*; в мыслях я бью по врагу; и вот, желая выбить из головы моей этот меч *мысли моей, влияющей на судьбы О<бщест>ва*, войны, даже судьбы России, «*они*» и угрожают мне смертью.

Но тут я неумолим: я готов даже... пасть... под ножами убийц, действительными, а не только ножами-языками, язвящими меня у меня за спиною.

Впоследствии, в 1920 году, в России мне рассказывал Лигский, как с дерева заглядывали к нему в комнату; и как он, подойдя к окну, накрыл шпика: шпик, спрыгнув с дерева, пустился в бегство.

В эти дни произошел разговор между мною и Поццо, когда мы вдвоем проводили время на *вахте* при «*Вау*». Поццо сказал мне:

— «Боря, — надо беречь девочек», — «*девочками*» называл он Наташу и Асю, — «какой-то дурной глаз их глазит».

— «А что?».

И тут Поццо стал мне рассказывать о ряде своих наблюдений над окрестностью виллы «*Sans Souci*», где Поццо жили; выяснилось, что какие-то весьма подозрительные незнакомцы кружили вокруг, интересуясь Наташей; по словам Поццо выходило, что это не простые шпики, а — почище. Мне отдалось слишком знакомое и таимое:

— «*Они!*».

Июль оканчивался не только уныло, но и тревожно; тревога переходила: в густой мрак!

Рихтера брали на войну; он с грустью прощался с нами и все приставал к Асе, чтобы она согласилась принять заведование стекольной мастерской из рук в руки, потому что Седлецкий, выписанный Рихтером, вообразил себя гением и калечит рисунки доктора; кроме того: Седлецкий, по его словам, оказался подозрительным интриганом. Доктор не может вмешаться и *не допустить* Седлецкого до заведования; из намеков Рихтера выходило, будто доктор ничего не имеет против того, что Ася возьмется за заведование.

Асю пугали интриги, ответственность и неопытность ее: за Седлецкими — все права: старшинство лет, имя «*художника*» Седлецкого, сан «*председательницы польской секции*» его жены; я поддерживал Асю в решении не браться за стекла. Рихтер с досадой махал руками:

— «Пустяки: дело идет о спасении рисунков доктора; в вашей неопытности вам помогут, *Ашиа*», — так звал он ее, — «в сущности будет заведовать весь коллектив, а вы лишь формально возглавлять: надо не дать Седлецким мастерской».

Ася все же отказалась.

С грустью прощались с Рихтером: выбывал из нашей фаланги «*друг*», затащивший нас сюда; «*друзья*» — выбывали; «*враги*» — как нарочно, стягивались: из французской Швейцарии, из Германии. Над Дорнахом носились тучи. Политическое положение напрягалось; прорыв русского фронта, бегство русских, полный разгром армии жутью отдавался в моей душе, ибо я продолжал говорить «*нет*» войне; и это мое «*нет*» точно прочитывалось кем-то; с ростом русских поражений росла *ненависть*, бросаемая на меня из глаз швейцаро-французской партии; клевреты Леви и Шюрэ, распространявшие сплетни о том, что в Дорнахе выращивается русский, предатель своего отечества, шныряли по Дорнаху; не осмеливаясь открыто выступать против доктора, шипели на «*германофильство*» Марии Яковлевны; выходило: ближайший к доктору человек разводит в Дорнахе «*шпионов*»; «*шпион*», я, ходил, как оплеванный; самая моя любовь к доктору уличала

меня, как русского, в глазах иных... *антропософов* (!?). Были такие! Среди них — Фитингоф, «*существо*», опять понаглевшее, Седлецкие, узнавшие о намерении Рихтера отдать Асе мастерскую и вдвойне возненавидевшие нас за это, Зауэрвейн и ряд наехавших французских швейцарцев.

Но странно: с ростом «*лютой*» ненависти ко мне со стороны антропософов-*антантистов* увеличивалась и ненависть ко мне и «*немцев*»-шовинистов; в «*немецкой*» партии Вольфрам, Чирская и другие ненавидели меня, как «*русского*», которого балует доктор, и «*эта русская*», frau Doktor.

Против последней уже начинался открытый бунт; и доктор, отражая его, все грознее и грознее гремел на лекциях.

Лопнуло несколько грязных историй, вскрывался змеиный комок сплетен; выяснилось открыто, что Шпренгель, соединившись с Гёшем, объявили доктора чуть не черным магом; уже они вышли из О-ва, но жили в Дорнахе и сеяли в нем, среди антропософов и неантропософов густые, темные легенды.

Чирская, Штраус и бразилийская немка (забыл фамилию) открыто повели кампанию против доктора. Сами Гросхайнцы держались от «*Villa Hansi*» в стороне.

Отовсюду, как коршуны на падаль, съезжались *критиканы*, приехавшие контролировать «*странные*» действия дорнахского Совета, работавшего с доктором, и уличать «*дорнахскую сволочь*» (так называли группу строителей) в богеме, распутности, которой... не было.

Создавалось впечатление: над Бауэром, доктором, Марией Яковлевной, Штинде и молодежью, которую полюбил доктор, собирался «*суд*».

Вставала странная картина. Доктора не смели трогать, но *немой ропот* непонимания его действий окружал его; Марию Яковлевну окружало кольцо из шипящей открытой клеветы, в которой немецкие сумасшедшие тетки, кандидатки на ее место при докторе (таких оказалось вдруг десятки) подавали руку *антантистской* партии, открыто называющей ее чуть ли не предательницей; к этому присоединились странные *психические* заболевания среди безработных бездельниц, окружавших «*Bau*» и мешавших нам; сказывалась чья-то темная провокация.

Весь этот внутренний *ад*, вскрывшийся в Обществе, был обложен шпиками всех контр-разведок и темных сил, чьи агенты сидели в Обществе, среди нас, суя носы во все квартиры; пропадали «*циклы*» со стола; иезуиты выкрадывали материалы интимных лекций чуть ли не из запертых сундуков.

В этой «*обстановочке*» доктор объявил, что к такому-то числу августа *Малый Купол* должен быть сдан инженеру Энглерту. Эвритмистки спешно репетировали заключительную сцену из Фауста, ненавидимые роем бесноватых теток, завидовавших им и распространявших о них гнусные сплетни.

Так ужасно кончался июль: август не предвещал ничего хорошего: ни в каком отношении.

В июле я сдал доктору мою рукопись; она поступила на его просмотр.

Мария Яковлевна, встретив меня перед домом и прогуливаясь со мною по дорожке, со странной усмешкой сказала: «Да, — разлагается личная жизнь».

Мне отдалось: «*Ваша* личная жизнь».

И душа рванулась в протесте: «Она точно издевается надо мною».

Будучи общественно *за нее* против клевет, на нее возводимых, лично я на всех парах уходил от нее; былого *восторженного* отношения не было и помину; и все более и более меня тянуло к Бауэру.

Я видел, что Ася уже просто в каком-то гипнотическом подчинении у М.Я.; это подчинение безвозвратно отрывало меня от Аси; к Бауэру последняя относилась холодно.

Трапезников мне сказал: «Анна Алексеевна, — удивительно холодная натура».

Т.А. Бергенгрюн возмущалась, глядя на меня: «Ведь вы же в России — имя: во что вас *превратили* здесь». Она разумела отношение многих немцев ко мне, как к «*вахтеру*» Бугаеву, и тот факт, что в сущности «*девчонка*» (Ася) меня рассматривает, как туфлю свою, которую или надевают, или ставят... себе под постель.

— «Вы выказали удивительную скромность, граничащую с самоуничижением. Вы достойны огромного уважения».

Но меня... *не уважали*; скорей, — *презирали*: и дома, и на холме, и в кантине ко мне скорей относились презрительно.

О том, что я написал труднейшую книгу в защиту доктора и произвел гигантскую работу над текстами, не только не говорили, но наоборот: будто нарочно замалчивали, чтобы... не... возгордился.

Уж какая там гордость, когда... грозили... *пристрелить, как собаку.*

Август 1915 года.

Я подбираюсь к труднейшему моменту: август 1915 года, пожалуй, острие моей жизни, но — острие трагическое; по всем данным сознания заключаю: встреча со *Стражем порога* у меня была. Но если была, то была в периоде от Лейпцига до отъезда в Россию в 1916 году. В интимной лекции доктора встреча с *порогом* (с малым порогом) имеет 3 кульминационные точки: первая — встреча с ангелическим существом и переживания смерти; несомненно: *встреча,* если была, то была от Христиании до Дорнаха; переживание смерти, если было, то осенью 1914 года, когда в припадках невроза я *умирал*; в Лейпциге подкрадывалось сознание, что могу заболеть и умереть; это *случилось* с конца сентября 1914-го и длилось весь октябрь. Второй акт порога доктор называет *встречей со львом*, как со страшной женщиной, которую нужно *покорить*, которая грозит гибелью. Если такая встреча была, то она была в апреле 1915 года; и длилась все время.

Третий момент порога доктор называет встречей *с Драконом*, когда появляется *губящий враг*; уже тема *врага* стояла надо мной весь май, июнь, июль. В августе 1915 года все, что я ощущал, как *вражеское*, — соединилось для меня в один яркий, острый момент, сплетясь в *миф,* как бы развернутый передо мною; и это разыгралось в *августе*. Но вместе с тем: и все светлые миги посвящения, мерцавшие мне в 13 и 14-ом годах (Христиания-Берген-Лейпциг-Берлин) с их мифами, мыслями, переживаньями, снами, соединились в новую *вариацию* темы посвящения; в погибельные для меня минуты блеснул яркий свет надо мною; онто и спас меня от гибели.

Необычайная трудность коснуться мне августа 1915 года в том, что, говоря о днях жизни, я вижу каждый день окрашенным не светом или тьмою, а как бы ви-

Здание Гетеанума. Юго-западная сторона
Фотография «Otto Rietman». Дорнах. 1922
Почтовая открытка. ГМП

жу его в противоречивейших, всегда потрясающих вспышках света и тьмы, ужаса и радости, низости и высокого благородства; «*Я*» стоит передо мною весь август двулико: низшее «*Я*» обнажено до самых гнусных корней своих; высшее «*Я*» помимо всего свершает некий акт в некоем символическом действии. То, что стояло, как долг («Мне надо *свершить*»), в августе я *свершил*; но самое странное, пугающее меня, в том, что я не знаю, что я свершил: я свершал некий поступок, который разыгрывался в моих глубинах так: я в символическом обряде сламываю гидру войны; я убиваю самого *дракона* войны, или ту государственность, которая вызвала войну со всеми ее шпиками и со всеми ее темными, тайными организациями во имя 2-го Пришествия и неведомых мне форм любви и братства народов; от правильного выполнения обряда зависит самая судьба мировой истории, ибо обряд — светло магический обряд. Темные силы в дни обряда обступают меня, чтобы погубить: они работают над тем, чтобы обряд свершен не был; люта их ненависть; около меня рыщет Враг, чтоб уничтожить; передо мной разверзаются все бездны, но я закрыт от тьмы кольцом светлых сил; доктор меня накрыл своим рыцарским плащом и дал мне меч; от любой оплошности с моей стороны и со стороны охраняющих меня я могу погибнуть и прахом рассыпется в линии истории то, чему в данный этап свершиться *должно*.

Так это все разыгрывается во мне в августе.

Ужас мой в том, что я не знаю, правильно ли я прочел *миссию*, мне порученную; такие миссии не дают в словах, но дают в *знаках*, которые надо не только увидеть, но и прочесть; не только прочесть, но и поступить сообразно с прочтенным в ритме и в такте; тут уже апеллируешь не к имагинации, а к инспирации; и поскольку прочтение инспирации зависит от правильного изживания кармических моментов, то *карма* появляется перед тобой так, что она в некоем инспиративном центре пластична, как воск; она послушно вылепит тебе твое будущее в полном соответствии с проведенным тобой поступком; если он в *ритме*, будущее — разыграет в тебе этот ритм; если в ритме дефект, — он с железной необходимостью выявится в будущих годинах и в личном, и в социальном. Наконец: поскольку самые картины кармы *прошлой*, и этой, кармы *поступка*, правильно прочтенного, сплетены узлом в решающем моменте жизни, так сказать, перевальном, — увиденный узел в Лике целого есть Страж Порога.

Вся ситуация моей жизни в августе 1915 года такова, что она прочитываема мне из 1928 года, как ситуация перевального подъема от ущелий прошлых лет через плоскогорья ближайших, чрез кряж годин 1912—1915, к моменту, за которым — обрыв в неизвестность, ибо неизвестность выявится известностью лишь в длинной веренице будущих лет; но это будущее в дни *поступка* — в твоих руках: тебе брошены кармою вожжи, которыми ты управляешь конями жизни.

Все это разыгрывалось в переживаниях с могучей, непобедимой силой в дни августа 1915 года; переживания заслоняли абстрактно прочитываемые письмена; все прочитывалось в безóбразных, инспиративных ритмах; и тотчас же ставилось *образами*, но не образами фантазии, а образами так-то перед тобой стоящей ситуации внешних событий, из которых каждое, не разрывая внешней причинности, стояло перед тобой своею громадною глубиною. Попытаюсь передать это ощущение так: ты играешь в шахматы с сильным игроком; перед тобою шахматная доска; сделали шах твоему королю; от ближайших двух-трех ходов зависит: превратится ли шах твоему королю в *мат* или, наоборот, ты, вывернувшись, увидишь промах противника и в свою очередь сделаешь ему мат; образ ситуации фигур ярко отпечатлеется перед тобою. Теперь представь, что *игрок* в шахматы — король, стоящий на шахматной доске, на которого напали со всех сторон; это личность Бориса Бугаева в дорнахской ситуации с такими-то трагедиями и с такой-то миссией социальной, — например: в Мáлом Куполе «*Гетеанума*» в такой-то день произвести стамеской борозду на архитраве; от правильного или неправильного проведения борозды зависит победа или гибель всего «*Иоаннова Здания*», которое лишь символ будущей культуры любви в братстве Человечества; ведь правильная борозда, если она светло магична, — победа; если борозда неправильна, гибель — культуре и гибель тебе. И вот тебя под руку пугают картиною ужаснейших нападений на тебя, угрожающих тебе смертью; ты — фигура короля, которому сделали *шах*; чтобы вывернуться, ты должен забыть свою личность, преодолеть страх, увидеть себя деревянной фигурою вне себя, выйти из фигуры и стать вне ее лишь шахматным игроком: твоя судьба, судьба будущего, Дорнах, мировая война, «*Гетеанум*», даже сам доктор в нем, — фигурки, не более: фигурки, которыми ты защищаешься: белые; а ужасы, враги, — лишь черные

пешки, черная дама и черный король, нападающие на тебя; ты отразишь их лишь представлением, что они деревянные фигурки на шахматной доске.

Так бы я выразил ощущение себя в *августе* в дни моего *хода*, обдумывание которого — не мысли, а поступки, проведенные в жесте тобой услышанного ритма; а перед этим обдумыванием я застаю себя в состоянии сознания ужаса: на тебя нападает *черный король* своей *черной дамой* и прочими фигурами: *черными* офицерами и рядом *черных* пешек. Ты — обстан *черными*, а доктор не защищает: отступился; ты должен защититься сам, ибо *судьба* твоя тебе отдана в руки.

С апреля до августа я видел определенно ход *черной дамы* на меня, но не было картины, вдруг открывшейся в августе, в начале его: картина эта: *черная дама* и *черные пешки* (например, энного рода шпики) не связывались еще с такой отчетливостью в *черную партию*, которую ты лишь предполагал, но не до конца видел. Вдруг за *черной дамой* и пешками появился ряд очень крупных новых фигур: офицеры, туры, кони; и все — *черные*; и за всеми ними на горизонте появился: сам *черный король*.

Осознание, что это лишь *партия шахмат*, — выход из нестерпимого положения и сознание, что если ты так не отнесешься ко всему рою ужасов, то ты погибнешь; так инстинкт самосохранения должен тебе подсказать; где-то ты знаешь, что самый миф о *партии шахмат* лишь спасительный покров над бездной действительности; но покров этот и есть твой ковер-самолет: пролететь над собственной гибелью и гибелью светлого дела, как над... *партией в шахматы* с Кемто. В этом головокружительном взлете над личностью или вынужденном вылете над «*гибнущим*», — первое ощущение помощи; в минуты безумных действий, продиктованных ужасом, внутри них тебе вскроются и ослепительные моменты *помощи*, отражающие от тебя гибель; в схватках их и протечет твой символический, кармический акт, где двойник, Страж Порога, враги и друзья-охранители и будут действовать в жестикуляционных фигурах имагинации, так сказать, вписанных в самое обстание дорнахского быта до последних пустяков этого быта.

Осознание партии (схваток *черных* с *белыми*) — вторая половина августа, окрашенная: 1) окончанием работ под Малым Куполом, 2) постановкою последней сцены «*Фауста*», в которой описано, как *ангелы*, вырвав «*Фауста*» из когтей смерти, принесли его в небо, 3) взрыв скандалов в Дорнахе и начало чистки «авгиевых конюшен». Первая половина августа — дикий ужас от сознания, что ты — погиб; ты — в когтях Чёрта; тебе — нет спасения; и вот уже появились вокруг тебя убийцы, губители, клеветники, оплевывающие и заушающие тебя.

Образно говоря: в первой половине августа я, жалкая деревянная фигурка *белого* короля, поставленная на шахматной доске рукой кого-то (не доктора ли?), ощутил шах и мат себе: игрок противной партии — убил меня; не было даже ощущения, что это *шах* королю; было ощущение: *мат, мат, мат* — вопреки всем усилиям; и почти вопль на того, кто мной играет: «Что же это они проиграли меня!».

Все то, что я говорю, есть, так сказать, лишь внутренний фон, на котором мне виделись: 1) *имагинации* моего сознания, 2) действительные *факты*, смысл кото-

рых, *здравый смысл*, мне и по сию пору непонятен; и я вынужден их читать в символическом смысле, чтобы они не выглядели сплошною абракадаброю.

Абракадабра, но гениальная, — так определил бы я клубок противоречий, который вскрылся на дне, или, верней, в *бездне* моей души. Но в этой бездне, над которой имагинации плели мне мой *ковер-самолет*, я различаю две группы явлений *не душевных*; я различаю то, что в течение 12 лет стояло передо мною, как картина воспоминаний, когда я душевно вылез из абракадабры, оказался уже за пределом ее, — вне Дорнаха, доктора, Бауэра, «*существа*», черных фигур, Аси, Наташи и прочих персонажей моих путанных мифов; сквозь них в 12-летии моих трезвых духовно-научных дум об августе 1915 года выпечаталось: 1) было изживание прошлой кармы, 2) была встреча со Стражем Порога, 3) была поволена карма всех будущих лет, включающая жизнь в России, «*нет*» Дорнаху, разрыв с Асей и т.д.

Сквозь душевную абракадабру была продернута мысль огромная: мысль духовных миров; душевная абракадабра была дымом моей душевности, неизжитости, в момент, когда *молньей* упало нечто в глаза мои из сферы Духа, ибо глаза мои в эти дни иной раз бывали молньями, выхватывающимися из меня и мне озарявшими *то*, к чему у меня еще не было разумения: *я видел* и кое в чем *поступал* мудрее, чем это все отдавалось мне в смятенном рассудке.

И — кроме всего: душевная абракадабра ведь строилась на фактах эмпирической, внешней действительности, которую я разглядывал пристально; и чисто внешне я лучше видел в эти роковые дни; я был наблюдательнее, чем обычно; вся моя писательская наблюдательность была мобилизирована.

Кроме того: были объективные факты, отрицать которые при всем желании нельзя, ибо они — либо факты истории войны, либо факты истории «А.О.». В августе события восточного фронта пошли воистину бешеным темпом; немецкий фронт несся вглубь России; русские отступали в паническом беспорядке: падали — Варшава, Ивангород, Брест; со дня на день ждали падения Минска; судьбы России висели на волоске: выходить из войны, ретировать армии вглубь страны, пресечь наступление немцев? Позднее стабилизировался восточный фронт; в августе он совершенно расплавился; казалось, что Россия из войны выбыла; и русские, и немцы не могли не быть взвинченными этим ускорением военного темпа; поскольку тема *войны* вплетена в мои имагинации августа, я отмечаю эти факты; в самом деле: не я же выдумал, что был разгром императорской армии. И не я выдумал, что именно в этот период настроение солотурнских властей[930] было к нам, антропософам, резко отрицательное; под давлением *Антанты*, требующей, чтобы работы в «*Ваи*» были остановлены, в солотурнском совете дебатировался вопрос о закрытии работ и высылке антропософов; 3 голоса потом оказалось за высылку нас против 3 голосов против, наше дорнахское бытие висело на волоске, ибо выдумывались *Антантой* легенды о том, что неспроста гнездо немецких шпионов под формой их участия в «А.О.» приютилось рядом с западным фронтом (в 15 километрах); английская миссия в Берне делала ряд представлений по этому поводу в Швейцарский Союзный Совет[931]. Это — тоже: факт, а не имагинация; разумеется: мы все волновались такими фактами.

И — тоже факт исторический в жизни «А.О.». Именно в августе месяце вскрылся гнойник многих бунтов, болезней, ненормальностей, до этого в месяцах и даже в годах нарывавший в молчании; сюда входит: разбор ряда оккультных заболеваний и инцидентов на этой почве, вплоть до подозрения больными «*тетками*» некоторых из молодежи в ряде гадостей, которых не было; было вскрыто, что Чирская, Штраус и бразилианская немка учредили нечто вроде сыскного бюро, состоящего из таких же душевнобольных, психопатологических существ, занимавшихся подглядываниями и распространениями клевет на некоторых (случай с женихом m-lle Лёв) из антропософов даже среди дорнахских мещан, непричастных Обществу; эти последние со слов *антропософок* раздували клеветы и тащили их к католикам, ненавидевшим нас и писавшим, что «*мусорную кучу*» («*Bau*») надо разрушить; среди последних действовали иезуиты; иезуиты наводнили Швейцарию в эти дни; и даже самый черный папа, кардинал Ледоховский, избрал своей резиденцией Швейцарию в это время[932]; *наскок* иезуитов на нас в те дни, — факт, как и приезд в Дорнах польского оккультиста Лютославского, в те же дни, не принятого доктором; Лютославский, принадлежавший к какому-то темному оккультному обществу, рыскал по Дорнаху и даже видался с Седлецким; доктор же говорил на лекциях — в те же дни, что нам надо держаться, потому что мы *на виду*; мы — мишень для обстрела нас всеми тайными, *черными* братствами, среди которых иные — очень и очень могущественны (не этим ли обстрелом объясним взрыв оккультных «*эпидемий*» среди антропософов). Отмечаю *факт* слов доктора, потому что мои душевные восприятия этого времени полны ощущением оккультных преследований.

Не выдумка моя и резкая атака со стороны нескольких десятков больных «*теток*» Марии Яковлевны, ибо это разоблачило расследование особой комиссии антропософов в *сентябре* и *октябре* (во время разбора инцидентов); факт и то обстоятельство, что съезжавшиеся в большом количестве в августе из Лозанны и Женевы антропософы-антантисты, раздраженные успехами немцев, обвиняли немецких членов, работавших в Дорнахе, в шовинизме, и обвиняли русских, друживших с немцами, в предательстве своего отечества (тут влетало особенно мне, как «*любимцу*» М.Я.: такая сплетня ходила); не выдумка и огромная декларация д-ра Гёша (в 200 ремингт<онированных> страниц), посланная «*А.О.*» и обвинявшая «*А.О.*» и доктора в ряде «*оккультных*» темных деяний и в том, что доктор сводит с ума, обезличивает волю и т.д.; приводился случай со Шпренгель, как якобы обманутой доктором. Этот 200-страничный фолиант изучали и в ряде собраний обсуждали: как реагировать на поступок Гёша и Шпренгель, продолжавших жить в Дорнахе и *даже* общаться с рядом членов[933]: Гёш и Шпренгель имели ряд тайных сообщников среди нас.

Совершенно объективным фактом было и то обстоятельство, что в августе-сентябре 1915 года весь быт дорнахских антропософов был обложен кольцом *шпионов* всех стран и их *контр-разведками*, о чем открыто намекали доктор и М.Я.[934]; многие в августе 15 года еще не знали в наивности, до какой *степени это так* (я же с мая, апреля постоянно подчеркивал Асе, что за нами установлена слежка); впоследствии, когда меня уже не было в Дорнахе, эти *факты были точно установлены*.

Факт несомненный: доктор в августе ходил среди нас *мрачней тучи*; мрачность, страдание и подавленность каким-то страшным знанием бросались в глаза; и мы ходили, подавленные этой его мрачностью; факт: сошлюсь на свидетелей.

Наконец, — факт, что к дням окончания Малого Купола и к постановке «Фауста» был приурочен ряд деловых собраний; некое фактическое *генеральное собрание* имело место (его нельзя было объявить публично ввиду *войны*: воюющие по закону не могли открыто, публично заседать вместе); на это собрание явился ряд делегатов, настроенный сплетнями о нас весьма враждебно, с целью произвести ревизию дорнахским делам и быту; косвенно эта ревизия относилась к ревизии президиума: Унгера, Бауэра, М.Я. Штейнер; с президиумом был солидарен доктор в те дни; косвенно: *ревизовали доктора* (было тайное недоверие... *и к нему*), ревизовали его якобы потворство молодежи: дорнахский Совет, президиум Общества, доктор и дорнахская молодежь, — составляли в августе меньшинство: большинство — *гаранты* лож, отовсюду съехавшиеся (из Финляндии, Австрии, Норвегии, Швеции, Англии, Голландии, Германии и т.д.); они смотрели *косо на нас*, дорнахцев; и этим: непроизвольно косились и на доктора.

Соедините все это вместе; и представьте, что градация этих неприятностей, назревавшая в месяцах (иные — в годах), так сказать, под шумок, *в августе катастрофически разразилась громко*, как некая лопнувшая над холмом бомба, — именно в праздничные дни: сдачи нами, работниками, Малого Купола, резьба которого, по доктору, имела огромное и символическое, и оккультное значение, ибо она говорила о судьбах прошлых, настоящей и будущих культур; в правильной связи настоящей, германской, с будущей, славянской, культурою решалась судьба будущего. Малый Купол в архитравных сплетениях и *выражал эту связь*; сдача Купола *в августе* волилась доктором, как *ритмический жест момента*: *в такой-то день, в такой-то час* все работы должны были кончиться; купол — сдавался; мы — сходили с него. Перед сдачей разыгрывалась мистерия «*Фауст*».

В эти по доктору *большие дни* в судьбах Общества и «Гетеанума», — в *большие дни*, совпадающие с *большими днями* истории войны между Россией и Германией, и *лопнула бомба* гадостей: внизу, под Куполом.

Но в эти же дни мы, строители Малого Купола, — все — вдруг осознали, так сказать, провиденциальность нашей резьбы: и символизм ритмического жеста наших стамесок; в противовес всему гадкому, что начиналось уже под колоннами Храма, в зале Храма (сплетни, клеветы, борьба партий), мы поднимались по лесам к Куполу над всем *гадким*, в праздничных костюмах, заканчивая *связь культур*: прошлых с будущими.

И — тоже факт, а — не вымысел: доктор полагал в линиях связей культур особенно важною ту связь, которая совпадала со связью культур данного исторического момента; архитрав *вяза* в Малом Куполе был архитравом германской культуры, а с ним рядом находящийся архитрав *клена*, на котором работали мы с Асей, изображал архитрав славянской культуры; я же работал у того куска клена, где он в линии орнамента переходил в *вяз*; и я предчувствовал, что промежуточные штрихи, которые падают на линию обоих архитравов, суждено мне провести: эти штрихи — спайка культур славянской с германской, спайка — настоящего исторического *момента*, в котором именно эти культуры на физическом плане катастро-

фически сшиблись, — штрихи судьбы, мне посланные. Над бомбой разорвавшихся мерзостей, в обстании катастроф, на фоне важного исторического момента я должен был соединить то, что разрывали на части все: *вопреки всем* — по воле сюда меня посылавшего доктора.

Вот точка пересечения двух внятиц (духовной и физической) с невнятицею моей личности, в это время перетрясенной и переполненной саморазрывами.

Все то, что я здесь говорю, загрунтовывает лишь фон, на который я хочу поставить несколько переживаний, столь роковых для меня в этом месяце[935].

Август в Дорнахе и грозен, и душен; в 15 году грозовая духота как нельзя лучше соответствовала грозовому ожиданию всяких трагедий, долженствовавших разразиться над судьбами отдельных людей, человеческих отношений, «*Гетеанумом*», Антроп<ософским> Обществом, Германией, Россией. Все ходили, точно прислушиваясь к чему-то; между людьми, вчера дружившими, вставала тень недоверия друг к другу и ничем не мотивированного недоброжелательства; никогда не было столько пустых ссор, никчемных сплетен, даже просто... глупых, нетактичных поступков; американка, мисс Чильс, вдруг одурев, ездила по Базелю и покупала за счет своих знакомых ненужные вещи, которые и посылала им к их ужасу; наконец она была ночью поймана антропософскими вахтерами с *поличным* (в помещении «*Ваu*» ночью нельзя было оставаться); с вечера она пряталась в «*Ваu*», а ночью тайком от вахты отдавалась *мистическим* переживаниям; стали распространяться слухи, что у антропософов существует обычай обнажаться, потому что две почтенного возраста тетки вздумали в леску отдаваться солнечным ваннам, и в костюме праматери Евы были накрыты дорнахскими мужиками; подозрительно вел себя в Базеле пан Седлецкий, и по этому поводу распространились сплетни: о безнравственном поведении антропософов... на стороне; какую-то глупость выкинул милый финляндец, Лилль; супруги Полляк повели недостойную интригу против баронессы Эккартштейн, обвиняя ее в произволе, неумении вести худож<ественные> мастерские и чуть ли не в растрате; д-р Унгер обозвал почтенную Т.А. Бергенгрюн дурой; шипели доносчики на нас с Асей, что мы дружили с «*ренегатом*» д-ром Гёшем, который засиживался у нас до 2-х часов ночи; жених барышни Лёв был обвинен в распущенности по доносу подглядывавшей за ним из кустов тетки; он обвинялся в совращении девиц; дело дошло до доктора; о соблазнении девиц антропософами гудели дорнахские окрестности; и при попытке расследовать, откуда слухи пошли, обнаруживалось: причина сплетен — молодой человек; когда же расплели комок сплетен, то оказалось: единственный корень порочащих слухов — факт поцелуя женихом своей невесты (свадьба была назначена осенью); отец невесты, почтенный старик Лёв, взбешенный клеветой на жениха дочери, забрав жениха и дочерей, в негодовании уехал из Дорнаха.

Не перечислить мелких, глупых, раздуваемых до «*ужаса*» инцидентиков, которыми вдруг процвели первые дни августа и которые вместе с *сериозными* инцидентами и невыносимо тяжелым фоном общего положения *портили воздух* Дорнаха; иногда казалось, что дышишь миазмами; к этому присоединялись эпидемия страшных снов и мании преследования, которой страдал значительный % нашей колонии: с августа до... ноября-декабря; Энглерт впоследствии признавался М.В. Волошиной, вспоминая дни августа: «*Мне казалось, что пахнет серой и*

козлом». А Энглерт был розовощеким, трезвым, весьма не фантастично выглядящим... настоящим мужиком: с крепкой волею строителя и без всякой мистической нарочитости.

Я потому вспоминаю эти слова Энглерта, что именно в эти дни *вонь серой и козлом* стала мне отравлять дыхание; и я без видимой причины опять заболел приступами 1) страха, 2) бунта, 3) диких фантазий, 4) почти галлюцинаций среди бела дня, подступы которых испытывал и в июле еще.

Началось это с взрыва вызывающих жестов без слов Наташи, поведшей просто атаку на меня весьма грубым и, как мне казалось, ужасно циничным кокетством, бередящим чувственность; все усилия мои не поддаться на ее приглашения отнестись к ней, как... к... проститутке, в моем воображении разбивались ею; она умела атаковать меня, не стесняясь присутствием Аси, точно нарочно не видящей ее поведения; впрочем и то сказать: поведение Наташи в ее откровенных жестах было всегда задрапировано нотой сестрински-товарищеского «*sans façon*»*, которое она завела меж нами: чуть шуткой, чуть насмешкой и грубоватым «*со своими не церемонятся*»; но это и было утонченной провокацией меня, ибо этим «*не церемонятся*» она знала, что безнаказанно бередит мои больные ею же полтора года неустанно растравляемые раны.

Я рванулся к Асе, как к последнему прибежищу; и попросил ее настойчиво обратить внимание на Наташу, принять меры к тому, чтобы меня освободить от постоянного ее присутствия, на что Ася расхохоталась: «Дари ей хоть цветы, что ли?». И попросила меня о Наташе не говорить с ней; кроме того: она отказалась принимать меры к изоляции нас друг от друга. Я без слов обращался к доктору; но доктор, как нарочно, делал вид, что *это его не касается*. Я бросался к Трапезникову и получал ответ: «Да глядите проще на вещи!». Я знал, что Поццо — не муж Наташи; мы с Асей давно не были мужем и женой. И в моем полубреду вспыхнула ассоциация: «Все сделано так, что Наташа и я, — суждены друг другу; это — карма; бороться тут нельзя». Кроме того: Наташа избегала разговора со мной вдвоем, мне бросая одновременно намеки, что разговор будет после того, как... *это* случится; мне стало казаться, что она подстрекает меня к тому, чтобы я ее... *взял, как мужчина*: *взял насильно*! И даже подтрунивала: над моей трусостью... ее *взять*!

Эта навязчивая идея укреплялась навождением ночи; я знал уже, сидя с Наташей и Асей вечером, у нас: если Наташа *такая*, какой она иногда умеет быть, жди ночью ее как бы прихода вне тела, когда она, в моей ночной бессоннице, делалась нападающим на меня *суккубом*; и в этих прилетах ее *на помеле* было что-то столь ужасное, демонское, что я, хотя и был пассивной стороной этих нападений, я тем не менее чувствовал на душе какой-то тяжкий грех.

В этом, втором лике своем, Наташа в иные минуты виделась мне тем, чем выглядела «*черная женщина*», которая продолжала, как летучая мышь, шнырять на холме; стоило мне отдаться припадку страсти к Наташе, как эта, мне неведомая *женщина*, точно в ответ на мои переживания, глядела на меня с наглеющей улыбкой, сверкая своими зелеными, как молньи, угрожающими глазами: *лев приближался ко мне, собираясь меня пожрать*; страннее всего: эта мадам «*Шварц*» (так, ка-

---

* «Без церемоний», «запросто» (*франц.*).

жется) с недвусмысленной наглостью переводила глаза с меня на Наташу; и даже: на лекциях, в людских роях, оказывалась с ней рядом; подкравшись к ней, она поворачивалась на меня и своими ужасными, кровавыми, толстыми, как у вампира, губами кривила преотвратительно.

Меня же била лихорадка гадливости, ужаса и гнева; однажды я увидел, как после лекции доктора, подкравшись к Наташе, *черная* прилипла к ней, а та стояла, глядела на подиум и будто не замечала этого более чем странного поведения; волна ярости, пересилив страх и отвращение, поднялась во мне: мне казалось, что черная «*глазит*» Наташу; я быстро подошел к ним и буквально плечами спихнул с Наташи «*черную*», не обращая внимания на то, *как это выглядит*; мое плечо ушло, как мне показалось, во что-то отвратительное студенисто-мягкое, бессильное; мадам «*Шварц*» сшлепнулась с Наташи, мягко скачнулась с нее; и, опустив плечи, не глядя на меня, заковыляла прочь (ведь она — «*хромоножка*»!).

До сих пор не могу объяснить себе того, как эта женщина осмелилась ни с того ни с сего прижаться к Наташе, как Наташа этого не услышала или, услышав, не реагировала, как я мог с недопустимой грубостью подойти и шибануть плечом незнакомую даму; как, наконец, это вопиющее нарушение всех приличий снесла «*мадам*» Шварц. Переживания могут быть субъективны; но *факты* остаются *фактами*.

Я их — не понимаю!

В эти же дни, в соответствии с взрывом невнятиц с Наташей и с обнаглением вновь в июне-июле было притихшего «*существа*», появились и *черные*: во всех видах; на прогулке в Дорнахе я стал встречать невыразимых уродов, точно выбегавших из всех кустов при виде меня, чтобы пройтись по дорожке — мне навстречу; почему я, живя полтора года в Дорнахе, не замечал, что он населен уродами, монстрами в духе Босха? Их и не было; они исчезли потом; в августе Дорнах переполнился уродами, из которых каждый — редчайшее явление; появлялась чудовищно распухшая мегера в бородавках с такими манерами, что можно было думать: она — не только содержательница публичного дома, но... так сказать, «*патрон*» всех на свете публичных домов; однажды, в те дни, я ее встретил на базельском железнодорожном вокзале, куда я попал с покупками и где в ожидании поезда пил чай; она уселась перед моим столиком с неприличной девицей, намазанной под ангела; третий с ними сидел... тот самый член базельской ложи в лиловом галстухе, который с июня всюду мне попадался вне Дорнаха, точно следя за мною (что он член, явствовало его появление на лекциях доктора в столярне); все трое дружески беседовали: нарочито дружески, точно этим бросая мне вызов. Другим из запомнившихся монстров тех дней — идиотичного вида прыщавый малый, выносившийся мне навстречу и при виде меня разрывавший беззубие своего гнилого рта; было что-то отвратительное в этом идиоте; стоило мне прогуляться по Дорнаху, он — тут как тут: летит навстречу. Третий монстр, мне запомнившийся, — ужасный старик с сизо-лиловым гигантским, ненормально утолщенным носом, скрюченный, обросший сединами, с маленькими злыми кабаньими, вниз устремленными и моргающими себе в усы глазками; самое страшное, что он несся вприпрыжку, не глядя на меня, мимо меня; и — часто вылетал из-за кустов, у по-

ворота дорожек. Четвертый *ужас* — гигантский толстяк, с усищами, сосущий огромную сигару и ею делающий движения; увидав меня, сигара его начинала прыгать во рту вверх и вниз; что сие значило, — не знаю; но я понимал, что жест сигары относился ко мне.

«*Много еще ужасов бывало*»[936], — вернее: все эти монстры высыпали на дорожки Дорнаха и Арлесгейма в первой половине августа, как жабы и черви... после дождя; к концу августа все они — бесследно исчезли.

Эти *черные* пешки, присоединенные к шпикам, к следу *шпиков* и к *черной даме* в *черных днях*, нависавших над всеми нами и особенно надо мной, были лишь бордюром к черному фону, который скоро предстал предо мною во всем величии, как развернутое покрывало, готовое пасть на меня и окутать меня; пешки доказывали, что есть *черная* партия в игре со мной, или даже с *нашей партией*, игроком которой я считал доктора; он ходил как в воду опущенный среди нас; его вид — дручил; он видом показывал точно, что об ужасных *минах*, подведенных под «*Гетеанум*» и под все его дело, он знает, но — говорить не может.

Это было одним из мотивов, почему я не решался обратиться к нему из *чернот* моих восприятий: ему не до меня, даже не до нас; он отражает какие-нибудь невероятные ужасы, о которых говорить невозможно; и вспомнились его слова в Швеции, сказанные в замке, где я получил посвящение в *M.E.*[937]: «Если бы оккультист сказал вслух о страшных вещах, которые ведомы ему, никто бы не выдержал: есть вещи, упоминание о которых способно разорвать землю».

Я думал: *нечто* в этом роде приблизилось; мои переживания и наблюдения — наблюдение *симптомов*, только *симптомов*, под которыми — вящий ужас.

В это время Ася себе заказала белую суконную накидку к праздничным дням, накрывавшую ее с плеч до земли; накидка выглядела белым рыцарским плащом; я поглядывал на нее; и думал: «До чего этот плащ не соответствует истине нашего положения!». Я и не подозревал, что в имагинациях, которые мне скоро подстроются, *белый плащ*, который окажется у меня на руках, будет мне символом посылаемой защиты и помощи.

К ряду восприятий присоединилось еще одно: в моей бессоннице на почве невроза, тоски и мозгового переутомления (я ведь проделал гигантскую работу над текстами доктора, Гёте, Метнера и написал книгу в 400 страниц) присоединилось поганое восприятие: прямо под полом моей постели — там, где в первом этаже у старушки Томан была *пустая комната*, в которую стали последнее время заходить какие-то неизвестные мещане и в которой временами кто-то, неизвестный, стал ночевать, — прямо под полом из пустой комнаты начинали доноситься странные звуки; кто-то приходил; под моей головой раздавались: шепот мужского голоса, потом возня, — и заглушённые женские стоны; ну, словом: мне казалось — кто-то насиловал женщину; возня длилась часами, сквозь нее раздавались явные стоны женского существа; какую-то женщину часами мучали; я вскакивал с постели и не знал, что мне делать; раздайся *все это* громче, я имел бы право разбудить Асю, спуститься в нижний этаж и самому удостовериться, в чем же дело; но смесь из поганых и страшных звуков под моей головой была на той границе, которую переступить я боялся: «Что если — кажется? И я останусь в дураках».

Ночные звуки, присоединенные к дневным восприятиям, к Наташе, существу, на фоне Дорнаха, на фоне *всего прочего* доканывали меня, вырывая сон; относительно этих звуков я не знал точно: относимы ли они к расстройству слуха или к действительности.

Как-то раз я заметил у старухи Томан девочку лет 12-ти, с черными как смоль волосами, болезненно-острыми глазами, обведенными синевой, и смертельно бледную. Девочка появлялась часто, и я не знал, откуда она взялась: может быть, старуха Томан ее взяла в дом (наша квартира была с отдельным ходом наверх, и я никогда не знал, когда гостят сыны Томан, приезжавшие откуда-то, когда их нет). Но появление странной, *черной* девочки как-то ассоциировалось в моем сознании со всею градацией *черных* знаков; явления *черного крапа* многообразны были; и отмечались мной механически: отметишь и забудешь, но все же отметилось: «Девочка эта... к худу».

Однажды ночью, когда обычные стоны и вздохи, соединенные с возней под моей головой, были особенно настойчивы, — ужасная мысль резнула меня: «Неужели эта девочка, Томан, как будто ее взявшая в дом, приход неизвестного ночью...» — словом: ужасное, гадкое подозрение мелькнуло в голове, что Томан продает девочку какой-нибудь скотине; я тотчас отвергнул мысль: Томан казалась честной старухой; думать *так* о ней гнусно: но мысль — застряла.

Однажды кажется Ася спросила: «Кто эта девочка?».

— «Я взяла ее, почти отняв у родителей, которые девочку истязали; она пока — тут».

Что-то в тоне Томан, обычно прямом, было неискренно; но я не смел ничего думать.

Однажды, когда я шел на *«Bau»* и спускался с лестницы, у выхода я наткнулся на нашу весьма подозрительную прислугу, иногда куда-то исчезавшую и потом опять появлявшуюся у нас, на Томан и еще кого-то (не помню кого); прислуга неискренно обнимала девочку, которую точно нарочно поставили (она стояла в искусственной позе); когда я проходил мимо, прислуга бросила громко в пространство, точно нарочно:

«Das Kind»*.

Что — «das Kind?». И — почему? Пронеслась летучая ассоциация: и связалась с еще одним странным наблюдением дней; в хорошие, светлые минуты мне попадались маленькие белокурые дети; и образ *ребенка*, как символ духа в нас, меня утешал; а в темные минуты появлялись какие-то *черные*, неприятные, точно дефективные дети, и они связывались моим сознанием с возможными духовными искажениями.

С августа в кантине, где мы пили кофе, появилось несколько неприятных, дефективных ребятишек вместе с приехавшими из французской Швейцарии членами; они как-то скверно кривились среди нас; и мне отметилось: «Да, — одна из энных черт *черного крапа*, который кем-то обильно сеется перед моими глазами». Теперь, думая над странным возгласом: «*Das Kind*», я подумал: появление неприятной, бледной черной девочки у фрау Томан — явление *этого* порядка.

* «Дитя» (*нем.*).

Не помню когда, в этот ли день, на другой ли, — но я прочел в базельской газете: в окрестностях Дорнаха совершено преступление; найден труп изнасилованной девочки; полиция разыскивает негодяя.

Ночью, когда опять под моей головою началась возня, — вдруг все черточки моих наблюдений над Томан, прислугой, девочкой, подозрительными взглядами, которыми провожали меня, наконец иррациональными припадками страха и угрозами, мне посылавшимися кучкою мужиков с их «*если так, то — можно и застрелить*», — все это молниеносно сложилось в химеру: ищут неизвестного убийцу-насильника, скрывшего следы преступления, о котором я и не подозревал (я — редко читал базельские газеты); я оказался в числе подозреваемых, или, лучше сказать, «*они*», губящие, бросили на меня тень подозрения; и тут же ответилось: что за нелепица; ведь каждый мой шаг протекал под глазами. Но не мысль о подозрении резнула меня, а то, что я хожу в *тени*, брошенной на меня теми, кто вышли губить доктора, Гетеанум, кто бросили на меня «*существо*», кто превратили Наташу в медиума черных сил, кто усеяли мою дорогу монстрами. Все множество необъяснимых, фактических, гнетущих наблюдений двух-трех последних месяцев мгновенно соединилось в невероятном мифе, все же дико объясняющем мне необъяснимые, но трезво наблюденные мелочи, — и голова моя закружилась; я был охвачен ужасом; я понял, что мне не справиться с роем разнородных нападений, ничем не связанных; *черные* пешки, *черный* крап, *черные* переживания, *черная* дама, — извне, изнутри — прирезывали меня; единственно, что я *мог бы* противопоставить этому рою — душевная сила и чистота; но я считал, что в навождении с Наташей, от страсти к которой я сгорал в эти дни, и что безумное решение — «*будь что будет между нами*» лишили меня последней твердыни; камень, на котором я стоял над бездной — моя уверенность в *пути Духа*, — этот камень был вынут из-под ног моих.

Я понял: *мат, мат* и *мат*!

Помнится, — утром я выскочил из постели, как встрепанный; посмотрел на свое тело и увидел у себя на ноге: четкое, сине-красное, круглое пятнышко, которого не было; и уже в полном безумии, безо всякой логики, не я сказал, а злобный голос, чужой, во мне раздался:

— «Отметка дьявола: ты у него во власти».

Представилось: мною играли, меня проиграли!

И тогда-то на горизонте сознания передо мною отчетливо встал *Черный король, Ариман*, теперь своею персоною на меня наступавший: черные пешки, фигуры, сама *черная дама*, — все отступило: сквозь все я увидел один лик.

Ариман и я, брошенные друг на друга; я — безоружный, не знающий чем отразить нападение; он — вооруженный смертельным копьем, не дающим пощады; копье направлено; я — во власти; я сам уже не могу себя защитить; если от меня *не отразят*, я — умер, а то, от чего я умру, — неважно: от оккультной ли болезни, от клеветы ли, от простого ль ножа в спину, — убийство будет: не сегодня так завтра; и главное: нельзя никому ни в чем признаться; признайся я хотя б Асе, она сказала б: «Ты сошел с ума».

Но я не чувствовал себя сумасшедшим, хотя бы в росте того самообладания, которое я выказывал внешним образом; никто, даже Ася, не видел меня в ужасе;

я выглядел трезвее, спокойнее даже; такое спокойствие ведь оказывают обреченные на расстрел: перед расстрелом; томление неопределенности — кончилось; в сердце отдалось:

— «Ну вот и прекрасно: думай об одном, — мужественно встретить удар, падающий на твою ничем не защищенную грудь».

Помнится: я вскочил и вышел на лужайку; к нашему дому откуда-то прибежал громадный, тонкий, тигровый, темно-оливковый дог и весьма неприятно метался передо мною, чертя круги и что-то вынюхивая; дога этого нигде не было прежде; с той поры он изредка появлялся передо мной: всегда в самую жуткую минуту, ассоциируясь с образом чёрта, принявшего вид пуделя.

Странно: ассоциация эта вызвала во мне образ *Фауста*, который продал душу чёрту; чёрт приходил за душой, но ангелы отбили *Фауста*; Фауст слышал молитву: «Christ ist erstanden»[938]. Образ Фауста не раз мною ассоциировался с собою; мои отношения с Наташей и Асей чем-то напоминали отношения Фауста к Гретхен и Елене; кто Елена, кто Гретхен — не знал; и не знал даже, в чем аналогия; но — аналогия была.

Я, как и Фауст, — павший мудрец; Лемуры и Мефистофель меня окружили; но ведь есть ангелы, вынесшие душу Фауста, и есть Патер Серафикус, окруженный чистыми младенцами. Я вспомнил: Ася и Наташа в мистерии «*Фауст*» возглавляют два ряда ангелов, несущих Фауста в царство духа; самая постановка в теме спасения Фауста связалась с ситуацией того, что разыгрывалось в душе моей; как я не понял: миг черной мистерии, разыгрывающийся во мне, и постановка мистерии спасения Фауста, которой должны были открыться важные дни, — одно и то же; подлинное хождение души по мытарствам здесь и отражение этого на сцене, как спасение из мытарств, есть единственная спасительная соломинка, за которую оставалось схватиться; и я — схватился.

Вскоре после этого, разбирая дно сундука своего, я наткнулся на сверточек; развернул и увидел: образок Св. Серафима, о котором я забыл и который путешествовал со мной с 12<-го> года[939]; странно: мне подкинулся Св. Серафим, а в мистерии доктор придавал особое значение Патеру Серафикусу; Фауст и Серафикус, я и Серафим: вспомнились 1901-1903 годы, когда я долго и жарко молился святому. Я повесил образок у себя над постелью.

И жарко помолился святому: стало легче.

С той поры я как-то особенно интересуюсь подготовляемой мистерией «*Фауст*»; и скоро получаю право на посещение репетиций под руководством доктора[940]; образок, репетиции *«Фауста»,* мои молитвы, чтение Евангелия — все это к 10-ым числам августа входит в душу мою надеждой на помощь.

Но нападения на меня не ослабевают, а усиливаются, ведутся со всех флангов — сразу; мрачнеет военный фон, мрачнеет быт Дорнаха, учащаются ссоры, скандалы, безумия, но... точно с отчаяния сквозь это все пробиваются героические ноты самопожертвования, работы и ответственности со стороны нас, резчиков Купола, которые, поднявшись на леса, забывают все темное, чем мы окружены в пафосе работы, а снизу, из сараев, аккомпанируя работе, чаще раздаются красивые, трагические звуки написанной Стютеном музыки к «Фаусту», которую репетирует импровизированный оркестр. Так в веренице черных дней, которыми

открылся август, появляются вспышки странных надежд на почти «*Чудо*», долженствующее ликвидировать зло; для меня же эта надежда на «*чудо*» есть надежда: молитвою Серафима, помощью *светлых* и медитативным чтением Библии я сумею, быть может, прорвать роковое кольцо тьмы, которое обступило меня.

В этих днях мне от времени до времени стал попадаться доктор и, минуя все то темное, в чем я находился, он стал заговаривать о моей книге, которую в ремингтоне я передал М.Я. Штейнер.

Встретившись со мной, он сказал: «Всю книгу трудно перевести мне, но назовите те главы, которые вы считаете наиболее написанными от себя, чтобы мне перевели их». Я назвал две главы, в которых я был менее уверен, потому что в них формулировалась философия антропософии оригинально и в которых наиболее связывались четыре моно-дуо-плюральных, мировоззрительных установки: 1) учение доктора о 12 мировоззрениях, 2) учение Гёте о 9 кругах объяснения, 3) световая теория в ее физическом, химическом, физиологическом аспекте и аспекте субъективного зрения, 4) идея градации, моя, вынутая мною из «Эмблематики смысла»[941]. Я указал доктору, что в первую очередь я хотел бы, чтобы ему перевели главу «*Световая теория Гёте в моно-дуо-плюральных эмблемах*»; во-вторых: не вполне уверен в том, что моя установка проблемы сознания во введении точно согласовалась с его учением о сознании. «Ну вот и прекрасно, — сказал он, — фрау доктор будет мне переводить эти главы». Через дней пять, при встрече с доктором, он опять подошел ко мне с дружеской любовью; и, точно просияв лаской, пробормотал баском: «Знаете, чем мы занимаемся с фрау доктор по вечерам? Мы читаем вашу световую теорию. Фрау доктор ничего не понимает, а я — понимаю и растолковываю ей вашу мысль». И — поглядел дружески на меня. Я — просиял. Тогда он, дотронувшись до пуговицы моего пиджака, с конфиденциальным подбодром сказал мне: «Ваша световая теория очень хороша!».

Не помню, по какому поводу (были ли мы в домике доктора, или это было на холме, — не знаю), но я рассказал доктору сон, который я видел в эти дни и который поразил меня: сон заключался в следующем: я вижу себя спорящим с Метнером о книге его против доктора; мы сидим за столом; я — разбил Метнера; он — покраснел от конфуза перед своим отцом, Карлом Петровичем, разгуливающим у стола, внимательно слушающим мои доводы и обласкивающим меня прекрасными глазами; странно, что Карл Петрович, — совсем другой: прекрасный, безбородый, в старомодном костюме; я не удивляюсь, что «отец» Метнера стал иным; и даже мелькает: я считаю его Карлом Петровичем, потому что он — «*отец*». Просыпаюсь, — и тут только понимаю, что это был Гёте, сошедший с одного из портретов, с моего любимого. Этот сон я и рассказал доктору; доктор посмотрел на меня с лукавой улыбкой и сказал: «*А знаете ли, что значит "Гёте" по-немецки? Это нарицательное слово*; *и значит оно*: *приемный отец!*». Так сказав, доктор прищурился.

Эти встречи с доктором, его исключительно нежный тон ко мне, меня успокаивали; его потрясающая мрачность не относилась ко мне; он меня явно выделял, войдя в аудиторию, отыскивал глазами и еле заметно бросал через головы его окружавших людей то кивки, то лишь мне заметные улыбки; но все это внима-

ние на людях ко мне было... точно украдкой; точно он хотел, чтобы люди не видели его разговора без слов со мною; и большинство не видели; иные *видели*; и увидав, не все понимали, что заставляло доктора в этот период подбадривать меня; он знал о невероятных личных трагедиях моей жизни (скоро это обнаружилось); он знал, что меня *терпеть не могут*... из-за него; он знал, что я разорвал из-за него с близкими (как Эллис, Метнер); он читал мою книгу и действительно радовался, что я книгу написал; радовала его кропотливая моя работа над подстрочным его петитом к Гётевым текстам; он видел, что из этого петита я, сопоставлением текстов, извлекал новые теории. Так раз он громко заявил на лекции: «Знаете ли, что ведь у меня есть теория объяснения». И при этом метнул взгляд с кафедры на меня; а у меня сердце забилось от удовольствия: эту его *теорию* я извлек из сопоставления подстрочного петита, из 3-х, 5-ти, 10-строчий, разбросанных под Гёте на протяжении четырех толстых томов (работа убийственная регистра комментариев: по вопросам); сопоставив цитаты, я вынул меж них гнездящуюся стройную *теорию объяснения*, принадлежавшую отчасти и мне в том отношении, что сам-то доктор о ней не говорил нигде, как не говорил он о *многом*, что он нам подарил в материалах своих текстов, указывая, что нам самим надо уметь *извлекать* из антропософии то, о чем он еще не успел сказать. Кое-что, вместе с *теорией объяснения*, я извлек из контекстов моего регистра. Взгляд, брошенный на меня, относился ко мне, к моей работе извлечения *его теории объяснения*, о которой, быть может, и он не подозревал и на важность которой я ему в его прочтении моей работы указал. Такая апробация «*его*» теории была мне потому радостна, что она *апробировала* мне ряд других очень смелых для меня выводов, ибо я, отражая Метнера, был вынужден отражать его постоянным извлечением из материалов по *гетизму положений*, Штейнером не платформированных; усыновляя нашу с ним теорию объяснения и называя ее своей с подчеркиванием, что другие не знают, что эта *теория есть* у него, ибо он о ней не говорил нигде, он, так сказать, прививал мой подход к антропософии к своему; на многое я бы не осмеливался впоследствии, если бы не получил от доктора санкций *по-своему* говорить об антропософии; это *по-своему* мыслить, *по-своему* поступать мне нужно было особенно в те дни.

Так, незаметным подбодром, доктор меня приучал к владению *мечом* и в том странном *жесте поступка*, о котором — ниже.

Повторяю, — иные перехватывали стиль отношения доктора ко мне, так сказать, по дороге; и линия его жеста ко мне порой воровалась другими: обнюхивалась и обсуждалась у меня за спиною; такие люди, как Штинде, Калькрейт, Бауэр, Валлер, понимали и разделяли отношение доктора ко мне; но такие были единицами; прочие же — ничего не понимали; большинство считало, что я втираюсь в доверие, как темный прохвост; они видели меня Молчалиным[942], таящим нечто худшее. По моему адресу раз была пущена стрела, что я «Verbesserte Verbrecher»*. В чем моя *преступность*, которую *улучшил* доктор, — не знаю. Были и доброжелатели — из *стадного чувства*: раз доктор мне улыбнулся, надо... заискивать ко мне. Эти последние относили симпатию доктора ко мне за якобы

* «Исправившийся преступник» (*нем.*). Verbesserte *(нем.)* – буквально: улучшенный.

«*простецкость*» непритязательно-ограниченной натуры; для этих я был нечто вроде «*юродивого*» (опять-таки без внешних поводов!).

Как бы то ни было, подбодр доктора меня, комплименты за книгу и переданные мне слова обо мне, что я де *тонко мыслю*, символически были клочком помощи, за которую я стал цепляться в ужасах дней моих, которые — продолжались и о которых не пишу, ибо в описании нельзя объять необъятного, а дни августа по насыщенности контрастами воистину неохватны в описании.

Я стал чаще думать о фаустовской натуре своей, посещая репетиции сцены спасения Фауста от Чёрта: я стал перелагать и на себя текст жестикуляции ангелов, принесших душу Фауста: «Кто вечно подвижен в *усилиях*, того мы можем освободить»[943]. «*В усилиях*» — понималось мною: в усилиях себя спасти; «*освободить*» — понималось мной: освободить себя от сетей тьмы; а эти сети все острее ощущались мной после мигов «*надежды*» на репетициях, или в работе под Куполом; только забывая себя в созерцании эвритмии Фауста или в работе на общее дело, я не ощущал нападательных ожесточенных ударов на себя.

Эти удары то появлялись знаками, то врывались Наташей в мой внутренний мир, то стояли погано-страшными звуками по ночам, то подчеркивались какими-то ужимками нескрываемой злобы, которой меня обливали иные из наших членов, опять-таки, — не знаю за что; если бы не было какой-то сплетни обо мне, или если бы я заблуждался в том, что меня ненавидят и внутри «*А.О.*», то вот несколько фактов из бесконечной вереницы: Эккартштейн, когда-то меня тащившая к себе работать, почти лебезившая, зазывавшая к себе в мастерскую рисовать мои «*удивительные*» глаза для эскиза к красному центральному стеклу, изображавшему голову посвящаемого в Чело Века, читавшая мне стихи, — вдруг, без единого повода не только изменилась ко мне, но перестала отвечать на поклон мне; я ей поклонился, она же, заложив руки за спину, зло и презрительно расхохоталась мне в лицо; странно изменилась опять ко мне лебезившая некогда шведка, потом не кланявшаяся, потом несколько раз кланявшаяся униженно (я — не отвечал); когда же я стал ей отвечать на поклоны, она в эти дни, как и Эккартштейн, на поклон мой стала заворачивать голову; Вольфрам, с которой я не был знаком, но которая с Лейпцига прекрасно знала, кто я, при встречах со мной от злости передергивала свое лицо, лицо мегеры; так же относились Чирская, Штраус и некогда до сладости нежная Райф; едва кланялись Седлецкие; вообще: большинство *старших теток* из категории «*крестоносиц*» и «*столоносиц*»[944] точно по уговору едва кланялись; и провожали саркастическим взглядом; в иные дни пятиминутный проход от нашего домика на холм, проход по стройке до спасительных лесов на Малый Купол, был мне проходом сквозь строй ненависти, непонятно косых взглядов, подглядов, шипа в спину; мне в иные дни чуть не делалось дурно от всего, что я наблюдал по своему адресу. Не будь моих молитв Серафиму и чтений Евангелия, я бы не вынес этого незаслуженного позора, которым покрыли меня за *что-то*; я не говорю о шпиках, которые торчали у дома; эти «*мухи*» уже почти не досаждали; но проход к холму по дорожке, на которой скапливались сотни наехавших «*чужих*» антропософов, где вечно стояли кучки, болтая и шушукаясь, был проходом сквозь меня ненавидящий строй; особенно запомнилась мне отвратительная брюнетка с зеленым, ху-

дым, злым лицом мегеры; это была сестра ушедшего из «*А.О.*» д-ра Гёша; она отказалась от брата, но приехала наспех из Берлина вместе с разнюхивателями что-то пронюхать; и «*нюх*» ее в чем-то уткнул в меня; эта дрянь уже не только не отвечала на поклон (я не знал ее), но взглядами, активными жестами выражая лютую ненависть к Асе и Наташе, по отношению ко мне выражала уже даже не злость, а гадливость; эта дрянь, увидав меня, издали неслась, чтобы попасться навстречу мне, встать передо мной, чтобы на лице своем выразить... тошноту, точно я был... помойной ямой, а не человеком; раз она, представив Фридрихераус[945] отчетливо, громко с непристойным жестом сплюнула, когда я проходил мимо нее; что этот плевок относился ко мне, я не мог сомневаться; я — вздрогнул, точно плевок попал мне в лицо: так был он красноречив.

Вы представьте мое положение: если бы не экзальтированная медитация над темами *оплевания*, *заушения*, *тернового венца*, которыми я поддерживал в себе мужество торчать на людях с утра до вечера, — я бы свалился в нервной болезни; мне казалось, что стихи мои, написанные в 1903 году, провиденциально отметили мое будущее: будущее в Дорнахе, где каждый первый встречный голландец, немец, норвежец или еще кто, только потому что я и он в одном многотысячном коллективе, будет иметь право оскорблять меня, но так, что я не смогу отвечать на оскорбление: докажите-ка, что девица сплюнула по моему адресу, а не так вообще, хотя... немецкие девицы так громко не харкают при сплёве, да и вообще не харкают, а обтирают рот платком; тут же меня оплевали: плевали в душу, в лицо, и я *ничего* не мог изменить: оставалось бежать, но это означало бы: сбежать от миссии: именно в эти дни быть при Малом Куполе, о чем — ниже. Оставалось утешаться стихами, мной написанными 11 лет назад:

Ведите меня
На крестные муки[946].

Среди этой немой пантомимы расплёва меня за... верность положенному решенью умножались и жесты оккультных угроз, о которых я говорил выше; жесты этих угроз особенно трудно зарисовать в фактах, меня обстававших; но — вот один, например: среди массы съезжавшихся к деловым дням были какие-то во всех отношениях подозрительные фигуры, которых никто из дорнахцев не знал, но которые *где-то* были членами; среди этой кучки выделялся особенно один; худой, как глиста, зеленый, с маленькой козьей бородкой, с совершенно сумасшедшими глазами и с неприятным тиком дергающегося лица, с разъятиями набок сведенного в нервной зевоте рта; он выглядел не то идиотическим уродом, не то нервным больным, не то отъявленным мерзавцем, способным и ограбить, и зарезать; я сразу же обратил на него внимание: «Откуда... этот?». Он был в pendant к черной женщине: та же злость, лютость, истерика, лживость; и при этом: в иные минуты он делался похожим на козлоногого чёрта, дико прибежавшего с шабаша; уже один вид его — *вид монстра*: во мне вызывал вздрог; делалось стыдно, что *такие* — антропософы; но не это его делало ужасным для меня, а то, что он так и влип в меня: со смесью исступленного любопытства, злости, невыразимой наглости, он не то что преследовал меня, а втыкал в меня свой взгляд в спину; этот взгляд я узнавал спиной: по мурашкам; я обертывался и

видел издали, что монстр стоит, влипнув в меня взглядом, отупело-козлиным и лютым от свершаемого в эту минуту «*гла́за*»; он меня «*гла́зил*»; за этим делом его и приволокли в Дорнах; самое ужасное, что он даже не ненавидел меня: он был искусственно составленный чёртом, или кем-то, аппарат: два дула пулеметов мне в спину — жарить в меня пулями, не им отлитыми; таков был этот взгляд, брошенный украдкою на меня; а когда я ловил его с поличным, он делал вид, что у него тик; лицо его дергалось в сторону, как у душевно-больного; два раза он напал на меня, разъяв свою пасть и застыв в этом угрожающем оскале; жест означал: «Вот я как тебя: ам-ам, — и ничего не останется!». Придраться же нельзя было: это в нервном тике сводилась челюсть.

Чувства ужаса и гадливости, которою я был охвачен при этих наскоках притащенного против меня уже просто *механического аппарата*, а не человека, были неимоверны; но все преодолевало презрение мое: таким подлым приемом угрожать; раз даже я пошел на него, а он смутился, задергался; и поспешил уйти.

Впоследствии, через 2 месяца, о сем господине, оказавшемся доктором, я узнал вот что: его накрыли с поличным; он производил аборт самым отвратительным способом и был в 24 часа изгнан из Общества.

Думаю, что это еще было мѐньшим: я его накрыл за 2 недели до изгнания на том, что он крался за мной и Маликовым по безлюдным улицам, когда Маликов завел меня в Базеле к двум русским студентам эс-эрам, заведовавшим русскою библиотечкой: он был еще и просто филёр.

Чем был он еще, или чем *мог быть*: не знаю; в эти дни черные братства и нити разведок переплелись в моем восприятии. Да, — кажется: он был коротко знаком с мадам Шварц.

Куда бы я ни шел: в кантину, на прогулку, на стройку, мне устраивали достойные встречи зарядом злобы и фетировали оплеванием. Лемуры подступали ко мне, оспаривая свои права над моею душою у светлых сил.

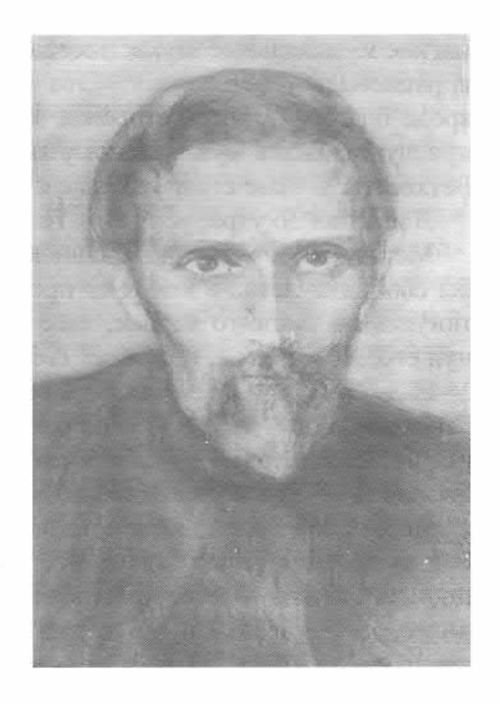
Но стоило мне подняться на леса, — все кончалось: среди молодежи, работающей под куполом, не было ни одного подозрительного лица; там господствовала удивительно чистая атмосфера; все, как на подбор, были — свои: товарищи, даже братья и сестры; и помнится: все были удручены каскадом гнили, бившим под их ногами: внизу (мы же работали наверху, — выше всего).

В эти дни была странная солидарность и неповторимый ритм работы, перешедший к дням сдачи Купола и в ритм особо бережного и чуткого отношенья друг к другу.

Светлый круг строителей Купола меня поддерживал: я держался не собою самим, а — кругом, коллективом, «*мы*», вдруг ставшим всех нас превышавшим «*Я*».

К середине августа меня тревожащие ночные звуки стали покрываться другим тихим, мягко-музыкальным звуком, точно звуком тончайшей свирели или какой-то особенно музыкальной цикады; в угловатостях моего сознания, привыкшего в те дни связывать несвязуемое и делать обобщения уже не по недостаточным, а по *вовсе недостаточным* признакам, отмечается мне связь Трапезникова и меня по ночам успокаивающего звука; связь моя с Трапезниковым,

в свою очередь, была странною связью меня и со Штинде, мадам Моргенштерн и Бауэром; появление Трапезникова у нас мне выглядело появлением этого квартета людей в те дни; он — представитель группы, мне помогающих; в его вопросах и словах, адресованных к Асе и даже к Наташе в моем присутствии, я расслышивал нечто юридически-ритуальное; точно он еще и нотариус, заключающий доверенность на что-то и при заключении ее ставящий мне, Асе и Наташе ряд вопросов: «Согласны ли?», «Призываю вас в свидетели». Причем содержание их и моего согласия на что-то в рассудочном смысле мне было глубоко неясно; но в жесте ясно: «Призываю вас в свидетели» — означало: «Он берется от вас для некого акта». «Согласны ли?» — в ритме обращалось ко всем нам. Точно составлялся некий акт, подобный купле-продаже или свидетельству, что я, ни к чему не принуждаемый, беру на себя некую «*миссию*»; появления Трапезникова у нас имели 2 смысла для меня: 1) составление как бы некоей бумаги о моей будущности, 2) личная помощь мне от себя и от группы людей, выше его стоящих.

М. Бауэр
Фотография «E. Van Bomel Dlünchen» с несохранившегося портрета М.В. Сабашниковой (Волошиной) Брейтбрунн на Аммерзее. 1926. ГМП

Странно: именно в эти дни мне стало ясно, что наш путь с Асей отныне разорван; мы, оставаясь в духовной близости, на путях жизни, разведены не только как муж и жена, но и как *пара*, проходящая по жизни; в эти дни ощущение было особенно ярко; скоро оно забылось; оно стало действительностью 1) в миг моего отъезда в Россию[947], 2) в миг моей встречи с К.Н. в Москве[948], 3) в миг моей встречи с Асей в 1921 году[949]. Вспоминаю теперь, что Трапезников в *те именно дни стоял перед Асей с вопросом обо мне*; и за ним — Бауэр.

Что касается до помощи мне, то кроме морального постоянного подбодра, выражавшегося в чуть шуточном тоне («Ничего, ничего, — держитесь: ничего не поделаешь, так — надо»), я заметил странное явление; после ухода Трапезникова раз тотчас же раздался стук об угловой желоб нашего дома: стук палкой; помнится, я, высунувшись из окна, увидел в лунной ночи только что бывшего у нас и опять очутившегося у дома Трапезникова; увидав меня, он несколько смутился и стал объяснять мотив своего возвращения к нашему дому; я, признаться, не помню этого объяснения; оно показалось мне неубедительным. В сознании стояло: зачем Т<рапезников> возвращался к дому? Не он ли стучал о желоб? И отдалось: он. Для чего? Но много жестов Т<рапезникова> в те дни я не понимал; я понял: он что-то тайно делает для меня; и это — к помощи. В эту же ночь у дома, около желоба и раздался музыкальный звук. С той поры по ночам иногда раздавались

мягкие музыкальные звуки; иногда им предшествовал: стук палки о желоб. В душе иррационально отдавалось: «Это приходит Трапезников: постучать. Он — нечто вроде благого ночного сторожа: отпугивает от меня страхи». Я лежал в постели, прислушивался к музыкальному звуку; мне делалось легко, точно я слушал звуки Бетховена; в окне стояла звезда; я тихо засыпал.

Я не спал до утра: все лето. Теперь сон стал слетать ко мне.

Между сном и бодрствованием делались странные состояния со мной: я как бы свободно летал в каких-то пространствах; и — озирал окрестности; раз я наткнулся на какое-то черное, злое существо; оно бросилось на меня, но я отпугнул его: *я отпугивал его не от себя, а от нашего дела*; оно было — враг.

В другой раз, не засыпая, я сознанием ухнул в сон без перерыва сознания; было так: вдруг точно у меня раскрылись пятки и я, как вода из отверстия, через пятки выскочил из себя и свободно понесся по швейцарским ландшафтам; был день — вот я, невидимый, несусь через дорогу; по дороге повозка, запряженная белой лошадью; в повозке швейцарец; я лечу прямо на лошадь, но свободно просвистываю сквозь нее и несусь дальше, к какой-то цели; наконец я пронесся в какой-то город и в нем инкорпорированный, но не в свое обличие, долго разыскиваю какую-то даму вдоль малых уличек; наконец — всхожу на крыльцо, звонюсь, вхожу; меня встречает дама (я мог бы ее описать до мельчайших подробностей); по-видимому, это какая-то очень крупная оккультистка, ведущая огромную интригу против доктора: я ее выследил и посетил; она доверчиво мне разъясняет свои планы; я — выслушиваю, выведываю, чтобы их сообщить доктору; открывается лютая ее ненависть к нему; она думает, что я — свой; каждую минуту она при своих очень больших оккультных способностях может меня накрыть с поличным и тут же уничтожить; но — ей невдомек; мои жесты скрывают меня; в этом умении нести мимикри сказывается *тренировка* этих последних, ужасных месяцев; я понимаю, что мое поведение — эксперимент в правилах уже совершенно оккультного поведения: умение в астральном мире нащупать врага; и, приблизившись к нему, остаться им неоткрытым.

Тут я проснулся с чувством, что не все в этом сне «*сон*»; у меня было чувство верно исполненного поручения.

Мне думается, что *дама* одна из немногих крупнейших оккультисток-теософок при Безант, живущая в Германии; в каком городе я ее посетил, не знаю; городок был невелик.

В другом «*сне—не сне*» этого периода я что-то напутал, защищая Гетеанум, в результате чего Ариман вспыхнул в нем; Ариман был пожаром; и я видел образ его, вставший из дымка над пламенем пролитого чего-то на бетонном полу; он был в персидском одеянии, высокой шапке, с жезлом и длинной седой бородой; он свободно несся с дымами и пламенами по бетонным коридорам подземного этажа среди суетящихся в ужасе антропософов; и кто-то сказал мне: «Это — ваша оплошность». Пожар изолировали; выходило, что я чуть-чуть было не спалил «Гетеанум».

Такого рода сны часто посещали меня во второй половине августа; и я многому в них учился.

В эти дни появление одного лица в Дорнахе остановило особое внимание; появился тот именно странный антропософ — молчаливый, с длинной белокурой бородой и с длинными волосами, который соединился со мной в одном моем поступке, казавшемся мне поступком огромной символической важности; в Лейпциге, в дни, казавшиеся мне днями «*моего посвящения*», когда я увидел физическими глазами «*невидимый свет*» и когда в эти минуты выхода из себя физически мне казалось, что я упаду в эпилепсии, во время лекции мне на руки упал эпилептик; мы его вынесли со странным блондином; я расстегивал одежду на эпилептике, он кричал «исцеление», а белокурый бородач сидел передо мною в глубоком и безучастном молчании; и почему-то напомнил мне *время с косой*, или — рок; эпилептик, павший мне в руки, казался мне павшей мне в руки судьбой моего низшего «*Я*», которое я должен волочить по жизни с его болезнью; или же: я должен принять какую-то болезнь посвящения; мне казалось, что бесстрастно сидящий антропософ, «*время*», понимал свою роль, как участника некоего акта мистерии моей жизни; ему было лет 45; у него был вид «*знающего*»; тут вошел доктор и посмотрел на нас троих, на меня, поддерживавшего голову припадочному, распростертому на полу в соседней с аудиторией пустой комнате, и на «*время*», сидевшее неподвижно над нами; доктор строго, веще обмерил глазами нас, сказал: «Ничего»; и — вышел.

Потом я вспоминал свидетеля моего решения взять в себя болезнь этого человека, который — корчащееся в муках посвящения «*Я*»; но я его больше нигде не видел; не видел — «*до*» этого случая, не видел и после; я знал в лицо сотни антропософов; я знал всех сколько-нибудь выдающихся членов; мое «*время*» имело очень значительный вид; и главное: мы с ним были участники в огромном для меня акте вынесения больного на себе; он — исчез, нигде не появляясь.

И вот он появился в дни, когда я находился в глубине моей болезни, в днях решений судьбы; я был тем именно припадочным больным, в которого вцепились и тащащие его в бездну черти, и злые, кусающие страсти (моя страсть к Наташе), а «*он*», павший мне в руки и раздираемый, корчащийся в предсмертном припадке, все же видел «святыню», и бормотал, как тот больной: «*Heil*» («Исцеление»).

Появление на лекциях доктора и в кантине этого человека, которого я прозвал «*время*», напоминало мне: «Ты сам в Лейпциге поволил взять в руки свой рок, свою болезнь; и тащить ее на себе. Ну, и — тащи».

— «Ну и тащи. Я, время, появилось в днях рока перед тобою; я иду с тобой: помнишь ли ты, как мы волокли твой тяжелый рок; ты задыхался под тяжестью упавшего себя самого в “*Я*”; я тебе помогал. Да будет помощью мое появление сюда перед тобой, в дни принятия тобой своей кармы»[950].

Странно: с таким вещим, помнящим *все* выражением он поглядывал на меня своими глубокими, умными глазами, сидя на лекции, или проходя мимо меня. Раз я встал и нарочно прошелся раза два перед ним: это — означало: «Я — приемлю твое появление»; в те дни у меня был дар жестов; кто-то приказывал мне сделать то или другое, необъяснимое никак; я делал и наблюдал: ответные ритмы; часто я получал тотчас ответный жест обстания; так я движениями, поворотами, выбором дорожек для прохода, опережением или пропусканием мимо себя тех или иных людей, сплетенных в жесты ритма, ставил вопросы и получал внятные

ответные жестикуляционные фразы. Жест моего прохода 2 раза мимо «*времени*» был тою азбукою для немых, которой я в те дни учился; к моему изумлению: задумчивое «время», обычно сериозное и нарочито не глядящее на меня, *слишком* не глядящее, но явно помнящее, — откровенно усмехнулось и, как бы подмигнув, кивнуло мне чуть-чуть, — опираясь руками на палку и покрывая руки свои длинною, белокурою бородою. Конечно, никто не увидел этой нашей переклички о Лейпциге, кроме... Марии Яковлевны, стоявшей перед нами: она строго посмотрела на меня, как бы говоря: «Вы это что: играете с судьбой? А это — сериозно».

В связи с *судьбой* и временем в эти дни встало решенье: моя судьба — уехать; с Асей путь — кончен (странно, это чувство держалось лишь дней 10; потом его забыл); Наташа мне — мука; я уеду в Россию, оставив все: не это ли мне подсказывает вставшее передо мной «*время*», усмехнувшееся на мое предложение и далее волочить с ним «*его*», тяжко больного: волочить в Россию.

В этом смысле у меня был разговор с Асей и с Поццо, очень сериозный, около замка Бирзек, над «*Bau*»; но Поццо сказал: «Нет, Боря, — тебе уезжать нечего». И значительно посмотрел: я принял этот взгляд: «Быть тебе с Наташей». Понял одно: не *ритм* уехать теперь, но когда события жизни сами поведут в Россию.

Так в те дни был миг решительного поворота: взгляд на Россию; и — знание: я там буду; вместе с тем я понял: «Мы с “*временем*” будем “его” волочить еще некоторое время здесь».

Возвращаясь домой с Поццо, мы, ну конечно, на одинокой дорожке встретили «время»; оно, проходя, посмотрело сериозно на меня; странно: «*оно*», после моего подхода к нему, всякий раз при встрече давало понять, что «оно» — откликнулось; *и — идет со мною.*

Кажется, в этот же день, я, встретившись с Марией Яковлевной, прогуливался с ней перед «*Villa Hansi*» и неожиданно для себя стал ей говорить, что хотел бы в этой жизни зарисовать портрет доктора; и, может быть, в форме романа-автобиографии; тут же, на лужайке, пронеслись первые абрисы той серии книг, которые я хотел озаглавить *«Моя жизнь» («Котик Летаев», «Записки Чудака», «Крещеный Китаец», «Начало Века»,* «Воспоминания о докторе» суть разные эскизные пробы пера очертить это неподспудное задание)[951].

М.Я. сказала доверчиво:

— «Что же, — попробуйте: теперь надо смело действовать».

В этот же, или в ближайший, день, в связи с прислушиванием к ритму «*времени*», в связи с растущей нотой приближения кармы, я, не уехавший в Россию, понял, что момент «*некоего акта*» приближается; и вспомнился лейпцигский выход из себя перед сном, но не в сон, а в картины комнат, по которым меня влек доктор; я лишь на миг забылся и тотчас очнулся за столом, перед чашей между доктором и М.Я. Доктор спрашивал меня: «Согласны ли вы на это?» — на что, я не знал; и я услышал свой голос, — тихий, как бы в полузабытье: «Согласен». Много я думал потом: «На что же я дал согласие?». «*Некий акт*» стоял в днях Лейпцига; потом стушевался; теперь он — вспыхнул опять: навязчивая тема ритма, как некоей инспирации («Должен, должен»), ведь и была темой дней; теперь-то мне дадут нечто опасное, как «*бомба*», в руки; и я руками нечто совершу; об этом-то приходил спрашивать нотариус-Трапезников; на это наме-

кает и «*время*», появившееся передо мной, как и в дни Лейпцига; уже некая странная индукция о содержании «*акта*» была при дверях.

В следующих днях мой «*акт*» осознался (об этом — ниже).

Здесь лишь скажу. Меня могут спросить: какою логикой я связывал людей, мелочи быта, переживания так, что связь остранняла мне рельеф быта и в этом быту, не нарушая законов его, революционизировала самое содержание в ритмических жестах и символических обрядах, производимых мной отчетливо, внятно, иногда дерзостно, но — так, что под поступки мои нельзя было подкопаться со стороны, ибо их как бы и не было (а они были *дико смелы*, за что меня враги и собирались убить — так отдавалось в имагинациях)? На этот вопрос отвечу: я вслушивался в звук ритма, в инспирацию; и к середине августа слух утончился; я с утра раскрывал «*Библию*»; и всякий открытый текст внятно отвечал на поставленный вопрос о *теме ритма*; из него я уже знал: чего в смысле ритма мне держаться сегодня; и взяв это *что*, как тему дня, во всех встречах, событиях и разговорах я встречал лишь вариации *темы*; их узнавал и поступал сообразно правилам какого-то музыкально-эзотерического контрапункта; в обычной логике уплотнения контрапункта казались бы бредом, а в ответах ритма мне извне бред получал глубочайшее осмысление; весь вопрос был в том, чтобы духовный смысл был прочтен, духовный ответ на него в жестах дан; но жесты не должны были зацепляться за быт, мелочи обыденной жизни; зацепись, и — или ты сойдешь с ума, или случится нечто непоправимое для тебя, в результате чего ты будешь врагами пойман с поличным.

Так я нес «*бомбу*» моего знания среди роев людей, могущих меня толкнуть и вызвать взрыв; нес к некоему «*акту*», смысл которого уразумевался в отдельных актах *неимагинативной* логики, всякая ошибка в которой должна была оплотнеть: *моею личною судьбой*.

К постановке мистерии «*Фауст*» я готовился с волнением, как будто что-то от моей судьбы решалось в ней; заключительная сцена рисует спасение Фауста, а я ведь все предшествующие дни переживал гигантское раздвоение сознания; моя душа была разорвана пополам: светлая ее часть была как бы выхвачена мукой из тела и откуда-то издали глядела, как другая ее половина, обстанная тьмой, — добивалась; так часть души стала выше себя — вне себя: она училась быть бесстрастным игроком в партии «*белых*» против «*черных*»; другая ее часть стала деревянной фигуркой короля, которой сделали шах и мат.

Отсюда мысли о двойной душе; связь в них с Фаустом; доктор Фауст — фигура ренессанса, борющаяся со средневековьем; мой ренессанс был — в вырыве из всех традиций; неспроста мне Трапезников говорил о ренессансе в те дни; «*средневековье*», «*ведьмы*», «*тьма*» — быт тех слоев «*А.О.*», которые были охвачены уже скандалом. *Я* ощущал свое право на какой-то бунт; но в чем заключалась моя, так сказать, *легальность* в бунте, это стало мне проясняться впоследствии; и прояснялось с 16-го до 21-го года: уже в России, в деятельности, в позиции моей философии культуры; в 1915 году за 5 лет до деятельности в Вольно-Филос<офской> Ассоциации я был уже, так сказать, «*вольфилец*» до «*Вольфилы*»[952]; и таковым бродил в Обществе; меня понимали отдельные души: но еще не было, так сказать, хартии вольности для этого понимания; она выра-

батывалась в социальных кризисах, в которые «*А.О.*» было стремительно брошено; в самом Обществе уже шел бой двух начал; с одним был доктор; с другим — «общественное мнение»; надо было в этом общественном мнении пробить брешь.

Я нес в себе Фауста, борящегося со всеми «*Вагнерами*», блуждающими среди нас[953].

Повторяю: никогда образы драмы «*Фауст*» не стояли так близко к моей душе, как в эти дни; точно Гёте мне впервые открылся; только что перед тем он мне открылся в своих естественно-научных домыслах; теперь открылся и как художник. И доктор появляется в эти дни передо мной; и я слышу его «*Да*» этому моему увлечению Гёте.

До сих пор я зарисовывал факты моего сознания, сортируя их по группам: 1) личная жизнь, 2) мысль о «сверхличном», 3) помощь, 4) нападения, 5) странные совпадения и тема «*Судьбы*» и т.д. Эти группы явлений разыгрывались одновременно; все, что я силюсь зарисовать, вихреносно проносилось на протяжении каких-нибудь 10 дней: и каждый день состоял из ряда вихревых моментов: вихрь света; через час: вихрь погибельной тьмы; через час: высокая приподнятость над собой и преисполненность жертвенностью; через час: горение низших чувств; потом — горечь и бунт; потом: поток любви к доктору, к Асе, к Наташе, к Бауэру. И весь этот бурно-противоречивый рой несся в пространстве 24-х часов; не удивительно, что когда кончался день, мне казалось, что год отделяет меня от того, что было вчера; но наступало утро: и начиналась такая же буря. Я стал переживать текст: «*Довлеет дневи злоба его*»[954]. Но «*довлеет*» стояло перед душой не как беззаботность, а как перегруженность огромностями забот одного дня.

Хотя я держался скромно; и на физическом плане не делал никаких глупостей (все усилия были направлены к тому, чтобы казаться, *как все*), однако переживания мои все же отпечатлевались, вероятно, и на моей внешности; позднее уже Волошина нарисовала наш с Асей портрет[955]; с него на меня посмотрел некто, весьма странный: либо сумасшедший, либо посвящаемый; не сомневаюсь, что этот портрет был фантазией Волошиной; но не сомневаюсь и в том: что «*фантазия*» ее во мне отметила что-то от сути моих тогдашних переживаний; тот, кто ходил по Дорнаху в 1915 году, в августе, был не Б.Н. Бугаев 16 года в России; он не был даже «*чудаком*» моих «*Записок Чудака*»[956]; «чудак» — это Бугаев лета 1916 года, т.е. тот, в ком до некоторой степени угасли уже, заросли способности к тем восприятиям, которые имели место в августе 1915 года.

Поэтому весьма естественно: мой вид останавливал многих, меня не знавших в те дни; мне передавали, что я выгляжу *чем-то* взволнованным, смятенным, как бы потерявшим себя; в том, что меня спрашивали «*да что с вами?*», я вижу победу над собой: если бы хоть четверть действительно переживаемого открылась спрашивающим*, они сказали бы:

«Вот человек сошел с ума».

Никто этого не сказал.

---

* *В автографе*: спрашиваемым.

Совершенно ясно, что я переживал «*мистерию*», одну из очередных «*мистерий*», которые ставил передо мной мой путь в духовной науке; такою «*мистерией*» было путешествие в Скандинавию, потом — время от Лейпцига до генерального собрания в 1914 году; и наконец: вершиной «*мистерии*», обнимавшей апрель-октябрь 15 года, был август; я подходил к кардинальной точке этой мистерии; и знал: *нечто* свершится в дни, открываемые постановкой *мистерии* «*Фауст*».

Вот еще мотив, почему я пристально схватился за постановку: я в образах ее старался прочесть *знаки* переживаний своих; как в древних мистериях Египта посвящаемый обучался гиероглифическому письму, так несколько *письмян* ставил передо мною доктор последнею сценой «*Фауста*»; отсюда неслучайность моих посещений репетиций «*Фауста*»; мне надо было пристально разучить все знаки письмян; так: неслучайно, что два ряда «*ангелов*», сплетенных гирляндами роз и выносящих на сцену изображение Фауста в «кукольном состоянии», отбитого у Чёрта, возглавляли две души, мне особо близкие, между которыми я в личной жизни разорвался; во главе одного ряда, левого, шла Ася, как хорэг ряда; во главе другого, правого, — Наташа. Эти ряды ангелов «*спасали*» Фауста; характерно, что эвритмистки, исполнявшие этих ангелов, хорошо относились ко мне; хор же из «*старших ангелов*», подчеркивающий недостатки Фауста, исполняли те из членок, среди которых господствовало сдержанное или порицательное отношение ко мне; так: сами участники изображаемой мистерии и в жизни стояли *передо мной* так, как они были поставлены *передо мной* на сцене.

Так разгляд репетиций еще до постановки меня убедил в полном соответствии образов Фауста с ритмами переживаний *мистерии моей жизни*. Только мне было ясно, что образы, проходившие на сцене, не *эпиграф*, предшествующий *тексту*, а *конечная концовка* происходящего со мной; то, что со мной только что произошло в ужасе ощущения, что я погиб безвозвратно, и потом, что прояснилось надеждою на помощь, — оно-то и помогало мне прочесть в «*Фаусте*» то, что мною в иных условиях не было бы прочитано: ни-ког-да!

Но вместе с тем: в одном пункте разрешенное на сцене, как спасение *Фауста*, в событиях моей жизни еще не было разрешено; шел лютый бой сил тьмы и света за мое свободное, самосознающее, с такой мукой в дух рождаемое «*Я*»; и этому «*Я*» мог быть нанесен удар в любую минуту; в этом смысле *факт спасения* Фауста был мне упованием, что и проблема моей жизни разрешится в какое-то «*да*»; вместе с тем: я полагал, что самая нота спасения Фауста — помощь доктора мне: символическим знаком; но чувствовалось, что, в случае неумения опереться на знак, штурм злых сил меня окончится моей гибелью.

В том-то и трепет мистерий, что опасности, переживаемые в них, будучи поданы в символическом жесте, *совершенно реальны, а не аллегоричны*; то, что сегодня увиделось символом и что вызвало символ ответный, завтра выявится воплощением в жизнь; и поскольку в эти дни вся жизнь моя, без остатка, расплавилась в символ, как восковая фигурка, — все красноречиво гласило, что завтра этот текучий символами воск отвердеет в неплавимую и косную судьбу *железных обстоятельств*, в которых я буду жить годы.

Отсюда — трепет мой перед событиями тех дней — в те дни: и трепет к мистерии «*Фауст*», этому гиероглифическому обозначению чего-то, со мной происходящего*.

А со мной продолжали стрясываться факты, не подводимые ни под какую категорию; изменилось лишь к дню постановки мистерии вот что: все то, что беспорядочно врывалось во внешнюю ткань жизни вспышкой света или тьмы, ритмизировалось в две темы: все черные явления архитектонически связались между собой и проходили в вариациях темы; но и светлые явления между собою схватились; эта связь разнородных сперва нападений в организованную систему нападений сказывалась в том, что я стал видеть, так сказать, геометризм различных нападательных точек: они рисовали фигуры; как три точки связуемы в треугольнике, а четыре — в квадрате, пересеченном крестом, так и градации из трех, четырех нападений, или группа из *трех*, *четырех* мне темных людей развивала разные нападательные ходы, аналогичные разным свойствам фигур, построенных на разных числах точек; очень странно: я стал именно в эти дни видеть появление передо мною уже не одной фигуры, а группы их. Так, недавно еще: выйдешь на террасу, увидишь: сидит шпик; пойдешь по дорожке, тебе навстречу бежит — монстр; поедешь в Базель, а на вокзале тебя кто<-то> уже ждет из приставленных к слежке; теперь совсем так, как в нападении на короля шахматной партии участвует группа фигур, фигурно обстающая короля облавой, и я стал замечать как бы облавы на себя. Так: идешь по дорожке, — за тобой следует «*соглядатай*», тебе навстречу бежит монстр; а в это время издали сбоку показывается тебя ненавидящий антропософ; что общего между шпиком, обывателем-уродом и антропософом? Они — не знают друг друга; а между тем в ритме встречи их нападений на меня, разнородных, в том же моменте времени, они — *тройка*; они — черный *треугольник*, из которого уже труднее вывернуться; нужна мгновенная, молниеносная инспирация, чтобы тотчас найтись и знать, где замедлить шаг, где свернуть, кому пойти навстречу — со взглядом, брошенным на него, или, наоборот, без взгляда; таких фигурных нападений на меня было столько в те дни, что я уже не имею никакой возможности их перечислить, как факты, потому что я должен уже отмечать их группу, их «*со*»-фактие, где отдельный факт улетучивается, и где все внимание устремлено на неуловимейшее «*Со*» в неуловимейшем, молниеносном жесте. Легко помнить первый гриб в лесу, но нет никакой возможности запомнить грибы в грибном месте; ползаешь и механически собираешь их; так и я: многие факты групп фигурных нападений в тех днях я забывал, ибо я, так сказать, врубался в них; жестикуляция моя была маханием «*меча*» и туда, и сюда; уже даже я не обращал внимания на отдельные лица, а на ландшафт фигуры, составленной из них.

Особенно запомнилась мне одна фигура, как первый гриб, мной отмеченный, и как постоянно слагавшаяся; я называл этот нападательный ход *черным треугольником*, составленным из людей.

Представьте: вы идете на лужайке; впереди вас бежит монстр, один из тех, которые уже *неспроста* вам попадались навстречу, а за ним идет пара одетых в

---

* *В автографе*: происходящему.

черное злых ненавидящих «*теток*», из числа ведьм, с бледными лицами, и ест вас глазами; идущая навстречу группа образует треугольник, вершина которого — старик с сизо-лилово-багровым носом и кабаньими глазками; прежде он один, как кабан, выбегал на вас, вас пырять оккультным клыком; теперь он подкреплен парой за ним идущих теток; совсем как в шахматах, где на одну фигуру нападают три сразу.

И вот этот *черный треугольник* стал слагаться передо мной всюду в самых разнообразных сочетаниях и в самых разнообразных движениях; не помню ритмов движений, — но, к примеру: навстречу идет Штейнер и взгляд его добр, — но: вдруг по боковой дорожке наперерез летит черный треугольник, стремясь разрезать пополам линию взгляда от меня к Штейнеру; если он скорей меня достигнет перекрестка дорог, помощь, мне посланная доктором, действием черных сил будет отрезана; такт подсказывает, что надо мне, или Штейнеру, упредить разрез: поспеть к перекрестку; но бежать, сломя голову, — *нельзя*, ибо нельзя нарушить «*быт*» обыденного поведения; что предпринять, — подскажет ритм, но он будет в наличии, если ты в дне укреплен ритмом. Далее: я, скажем, достиг перекрестка, — победа в этой минуте на стороне защищающей меня партии, но... доктор, не дойдя до меня, повернулся и уходит; я обертываюсь и вижу, что за мной гонится новая черная пара, глазя в спину меня; вдруг из боковой дорожки за мною выходит гуляющий по Дорнаху Бауэр, отрезая меня от тех, кто за мной; я иду защищенный спереди доктором, а сзади Бауэром. Опять, как и в шахматах: чтобы защитить фигуру от двух на нее нападающих фигур, двигается ей на помощь новая фигура: в виде... Бауэра.

Вот эти-то фигуры нападений и помощей в ритме их отражений, в ритме схваток друг с другом их, и обстали меня в дни постановки мистерии «*Фауст*»: можно сказать, что я воспринимал самый узор людей, меня обстающих в странной схватке эв- и како-ритмий, втягивающей и меня в эвритмическую жестикуляционную перебежку; в эти дни я понял, что такое текучая с молниеносною быстротой представляемость, переходящая в предприимчивость.

В иные дни я себя помню канатным плясуном, балансирующим над бездной; так в схватке *восторга* и *ужаса* складывалось невольное удивление перед ловкостью иных никем не видимых акробатических прыжков; их видел доктор, знаками глаз ставя отметки мне; неизжитость моя налагала на это удивление флер «самолюбования»; я называл себя «*он*»; и иногда этот «он» во мне стоял передо мной… как бы с большой буквой, за что не раз мне влетало — и от судьбы, и от доктора.

Думаю, что этот оттенок самолюбования и питал путаницу моих отношений с Наташей — в ноте, что судьбой она мне суждена; судьба моя — совершенно исключительна; и отношения с близкими — так же исключительны, как исключительна моя роль при докторе и «*Гетеануме*». Кроме того; мне, отразившему столько ударов, возможно завоевать у судьбы право и на то, в чем отказано многим.

Это думал я уж после, к началу 16-го года; пока же я учился *отражать*; и даже: наносить удары.

Что борьба вокруг меня связана с моей «*миссией*» в деле доктора, — мне казалось в те дни установленным фактом; ведь шла атака на доктора; начиналась волна ежедневных скандалов, разбирательств, тяжб и нападений извне на всех нас; что нападения эти были ужасны, явствует из вида доктора; только на репетициях цвел он улыбкой; в прочие же часы он имел порой просто раздавленный вид.

Как-то раз он напугал меня; я вышел на наш балкончик, выходивший на виллу доктора, и вздрогнул, увидавши, что доктор в развевающемся сюртуке, низко опустив голову, сердитый, разбитый и бледный, не бежит, а ураганно несется, точно убегая от кого-то, или только что получив весть об ужасной, непоправимой беде, которую нельзя отразить; мне он показался Бенедиктом, у которого Ариман погасил зрение[957]; я остановился; он не отпер калитки виллы, а сорвал ее, пронесся по своему садику; одним прыжком впрыгнув на крыльцо (через 3 ступеньки), он хлопнул на всю окрестность входною дверью; тотчас раздался другой хлоп (во втором этаже) из виллы; я знал, что хлопнула дверь его рабочего кабинета.

Я стоял и думал: «С чем он захлопнулся? Какой новый ужас угрожает нам?».

Что что-то обострялось для всего «*А.О.*», стало ясно уже к концу месяца, когда сам доктор поставил вопрос о том, что при таком развале сознания у членов надо поставить знак вопроса над самой постройкой: не лучше ли разъехаться? «*А.О.*» в таком виде — немыслимо.

Этот-то крах нас всех и виделся мне в эти дни победой клевет, пущенных против нас *темными силами*. Растерянность доктора, бегущего с холма, меня взволновала.

И кажется: в эти дни меня взволновал один факт, относящийся уже только ко мне: как-то после кофе в кантине я встал и пошел по пыльной дороге, огибающей холм и пересекающей нашу дорогу; недалеко от кантины, там, где к дороге подходил Верхний Дорнах, стояли, ожидая явно кого-то, три толстейших не то мегеры, не то Парки, не то *Матери* мистерии Фауста; три толстолицых, толстозадых, толстогрудых бабищи с ужасно мрачными от любопытства и суровости бледносизыми какими-то лицами, в огромных траурных черных шляпах и в черных платьях; мне показалось: они были в глубочайшем трауре; когда я подходил к ним, кто-то, с ними бывший, показал на меня кивком головы с жестом, могущим означать:

— «Этот».

— «Вот он».

А может быть в жесте был вопрос:

— «Не этот ли?».

— «Не он ли?».

И три черных бабищи сурово и сосредоточенно впились в меня глазами; ни звука не произнесли, оглядывая меня с ног до головы, как будто от их узнания или неузнания меня зависела моя или их жизнь; когда же я вполне приблизился к ним, одна из них чуть кивнула головой; и этот кивок мог означать: «*Запомнили*», или «*удостоверились*», или же: «Ну так, теперь можем идти: цель наша достигнута».

И тотчас все три повернулись и медленно поплыли назад, в Верхний Дорнах, откуда они выплыли к дороге — стоять и ждать меня, долженствовавшего пройти; так мне отозвалось появление их; они исполнили свою миссию: увидели меня; и теперь возвращались к себе.

Не было в их взглядах злости, но ужасная мрачность и сосредоточенность, — убедиться: «Тот, или не тот».

Много раз я думал в бессонных моих ночах, что значило это стояние при дороге трех черных матрон, сурово ожидавших меня; и разные гипотезы стояли вплоть до... самых ужасных, связанных с подозрением меня в преступлении, мне неведомом: так глядят на исключительных мерзавцев, или обреченных, или на чудеса природы, показываемые в кунсткамере; но потом, не проницая завесы, которой они окутаны для меня, я старался их прочесть в их символическом жесте.

В дни Дорнаха они стояли в памяти, как подстерегающие Эриннии[958]; теперь, отделенный 12-летием от них, я скорее склонен прочесть появление их перед собой, как… самих таинственных «*Матерей*», пребывающих в центре земли: к ним сходит Фауст и отсюда он выносит часть *силы*, которой Мефистофель не может ничто противопоставить[959].

Эриннии дышали бы неугасимою злобою: эти же были ужасно суровы, сосредоточенно мрачны и дико упорны в разгляде меня; ненависти я не видел; но пока я подходил к ним, я ждал: вот-вот эта ярая ненависть вспыхнет; они узнают во мне лишь... «*преступника*»; и от этого я погибну.

Или они были самой судьбой в лице трех Парок? Но «*Матери*», принявшие Фауста, были и... судьбой Фауста.

В эти дни на лекциях, репетициях Ася стала ходить в своем белом плаще; на ней была стола из тунисской шали, сложенной из чешуек серебра; она сверкала серебряной чешуей из-под белой своей мантии; чаще всего мантию нес я, как некий плащ; когда мы шли с ней, нас все оглядывали; странно, что в минуты, когда я находился под обстрелом нападающих глаз, плащ бросался мне на руки; или даже: появлялся передо мной, когда Аси не было со мной; так помню: перед мистерией «Фауст», когда Ася была за сценой, а я сидел в первых рядах, стояла ужасная духота; надвигалась черная туча; зловеще гремел гром; лица сидящих перед сценой казались зелеными, задыхающимися; на меня косились многие со злобой; все *враги*, так сказать, были мобилизированы; шныряла *черная*... мадам Шварц.

Вдруг, — знакомые мурашки побежали по затылку; я обернулся и увидал: у входа в зал стоит тот подозрительный «*доктор*» (скоро прогнанный), который в моем восприятии был *аппаратом* для выкидывания *пуль* против меня; он дергался лицом и, кажется, разинул свой перекошенный рот, съедая меня зеленоватыми глазками; и тут он открылся мне в своей роли дней до дна: я — умерший Фауст; толпа лемуров меня обступила; он же — сам чёрт, требующий моей души: весь вид «*поганца*» говорил:

— «Ты — в моей власти: никакая сила тебя не спасет».

Все это резнуло меня в то мгновение; но, обрывая линию взглядов от поганца ко мне и меня к нему, в воздухе метнулось что-то белое, закрывая меня от него; и я услышал голос, кажется мадам Эйзенпрейс (а может быть и нет), — голос

кого-то из тех, кто сердечно ко мне относился и кто работал вместе на Малом Куполе:

— «Херр Бугаев, это — вам!»

И плащ Аси оказался у меня в руке, — плащ, благое действие которого я ощущал не раз; я почувствовал притекающую силу и, принимая плащ, махнул им с вызовом в зеленую маску моего «мефистофеля»; я увидел, что лицо его закорчилось, точно отдернувшись от плаща; и он тотчас исчез; в дверях его уже не было.

Двери затворились; и начались звуки музыкальной интродукции Фауста́, сопровождаемые молньями из окон подошедшей грозы.

Все это произошло во мгновение ока: мурашки, оборот, глаза в глаза, плащ меж нами, «*это — вам*», мой взмах плащом в «*его*» глаза, его исчезновение, звуки музыки, молньи, закрытые двери.

И — доктор, усаживающийся в первом ряду.

Так миг начала мистерии спасения Фауста совпал с мигом нападения на меня того, кто был мне в этих днях символом Чёрта.

Впоследствии выяснилось: Ася, облекаясь в наряд ангела и не зная, куда деть пышный плащ, просила за кулисами передать мне его в партер; напомню: Ася возглавляла один из двух рядов Ангелов, отбивших Фауста от Чёрта и приносящих его в обитель, где стояли три гиерофанта: патер Экстатикус, патер Профундус и патер «*Серафикус*», мне уже связавшийся с Серафимом в предыдущих днях; Серафикус был весь белый; он стоял в центре треугольника, образованного тремя патерами: в глубине сцены, посередине ее.

С этого момента мне открылось: Ася для того сшила этот плащ, чтобы носить цвет моего святого, Серафима, около меня; она в ближайших днях виделась мне как бы оруженосцем моим; и она инстинктивно с великолепным тактом эту роль выдерживала.

Разумеется, я ей ни звуком не выразил, что я в ней подметил: *об этих вещах мы не говорили друг с другом*.

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 3).

Предполагаемая датировка текста — октябрь 1924 г. (на основании отнесенной к этому хронологическому периоду записи в РД: «Пишу свои воспоминания, биографического характера» — С. 484 наст. изд.).

Тексту Андрея Белого предпослано его описание, составленное Р.В. Ивановым-Разумником в ходе обработки им во второй половине 1930-х гг. материалов архива Белого, поступивших в ГЛМ (позднее переданных в РГАЛИ). Описание – на листе-обложке (автограф Иванова-Разумника):

«34/ № 2476
Материал биографический интимный (1880–1915 гг.).
Автограф. 163 л., в конверте.
Архив А. Белого.

Рукопись-автограф поступила в ЦМЛ заклеенной в большой черного цвета конверт с этикеткой, надписанной рукой А. Белого: “Обнародовать после смерти. 328 страниц. Материал к био-

графии...” (В описи А. Белого она значится во II квартале под № 16б – как “Материал биографический, интимный”.

Внешне, по расположению материала по месяцам, рукопись сходна с предыдущим № 2475-м “Ракурсом к дневнику”, но внутренне всюду иная, чем тот.

Записи охватывают период 1880–1915 годов. Первые записи 1880–1896 очень сжатые, подробнее становятся начиная с 1897 г., еще детальнее, полнее с 1901 г. Очень детально описаны годы 1913–1915. Сжато записаны 1905–1912 гг. (чуть полнее среди них 1906-ой год) – годы, описанные подробнее в “Начале века”.

Написана рукопись сплошь, на обеих сторонах листа, исключая лл. 146 и 149, обороты коих – чистые.

Занумерована рукопись красным карандашом (лл. 1–164) *мною*. Прежняя нумерация при вскрытии конверта была такова (нумеровались листы в 4 страницы): 1–4, снова 4, 5–27, два листа (по моей нумерации 57–60-ые лл.) – не занумерованы, 28–68, у 69–75 пронумерованы листы по 2 стр. каждый, снова по четыре стр. 76–82.

“1910–1911 годы” вписаны в средину рукописи позднее, по почерку и чернилам сходны с концом рукописи (см. лл. 56 (оборот) – 60 и листы 130 и дальнейшие)».

Выборочные записи, охватывающие 1911–1912 гг., и записи в полном объеме, охватывающие 1913–1915 гг., составили основу публикации «Андрей Белый и антропософия», осуществленной Дж. Малмстадом (см.: Минувшее: Исторический альманах. Paris: Atheneum. Вып. 6. 1998. С. 344–415; Вып. 8. 1989. С. 409–471; Вып. 9. 1990. С. 409–449). Для настоящего издания эти тексты выверены и исправлены по автографу.

[1] Имеется в виду Церковь Троицы Живоначальной на Арбате на углу Арбата и Денежного переулка. Разрушена в 1931 г.

[2] Имеется в виду, скорее всего, сборник трудов Я.К. Грота «Филологические разыскания» (СПб., 1873), выдержавший 4 издания.

Среди личных документов Н.В. Бугаева имеется «Выписка из метрической книги Московской Троицкой, что на Арбате, церкви о рождении сына в 1880 г.»: «В доме Рахманова октября 14 дня родился, а ноября 20 дня крещен Борис. Восприемниками при крещении были: статский советник Сергий Алексеев Усов и вдова действительного статского советника Мария Иванова Лясковская. Таинство крещения совершил местный священник Владимир Марков с причетом» (*Тарумова Н.Т.*, *Уланова А.В.* Николай Васильевич Бугаев. Новые архивные материалы // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 202).

[3] Один из братьев отца Белого – Владимир Васильевич Бугаев или Георгий Васильевич Бугаев (дядя Жорж), присяжный поверенный. См.: *На рубеже*. С. 144–152.

[4] В мемуарах Белый поясняет: «...няня вернулась из гостей пьяная; она, говорят, непристойно кричала в детской; отец ее из детской извлек; няня была удалена; я ее так и не увидел; потрясение было ужасно» (*На рубеже*. С. 184).

[5] Ср.: «... мать каждую зиму уезжала месяца на полтора в Петербург к подруге, вышедшей замуж за оперного певца, А.Я. Чернова» (*На рубеже*. С. 216).

[6] Ср.: «... очень долгая жизнь с бонной, Каролиной Карловной (от двадцатых чисел декабря 1883 года до... масленицы 1884 года), то есть около трех месяцев» (*На рубеже*. С. 184).

[7] Р.И. Раппопорт.

[8] В Демьянове (в трех верстах от Клина) Бугаевы снимали дачу при усадьбе семьи Танеевых.

[9] «Замок у моря» – баллада Людвига Уланда из его книги «Баллады и романсы» (1807). Образы этого стихотворения (король и королева, замок, красная мантия и др.) отразились в 1-й части «Северной симфонии» Белого (1900).

[10] Ср. признания Белого в письме к А.А. Блоку (18 или 19 декабря 1904 г.): «... начинаю сознавать себя маленьким мальчиком, влюбленным в уютную беспредметность и ласковую грусть. Гувернантка немка читает о королях, легендах, феях, читает из Гёте, из Уланда, а я у нее на коленях засыпаю. Вот моя музыкальная тема» (*Белый – Блок.* С. 187).

[11] В поверьях, распространенных в Германии, Австрии и Швейцарии, слуга и спутник Святого Николая, Кнехт Рупрехт приходит в День Святого Николая (6 декабря) и наказывает непослушных и неблагочестивых детей.

[12] Вероятно, имеется в виду сборник А.Н. Афанасьева «Русские детские сказки» (Т. 1–2. М., 1870), составленный на базе основного собрания Афанасьева «Народные русские сказки» (Вып. 1–8. М., 1855–1863) и обработанный с педагогическими и образовательными целями.

[13] Гувернантка (см.: *На рубеже.* С. 104–105, 212).

[14] В дневниках Толстого зафиксированы встречи с отцом Белого Н.В. Бугаевым весной 1884 г. (27 марта: «Встретил Бугаева и позвал к себе»; 11 мая: «Пошел к Стороженко, Олсуф<ьевым>, Бугаеву» // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 49. М., 1952. С. 74, 92). В мемуарном очерке о своих детских встречах с Толстым Белый писал: «Первое мое впечатление от Льва Николаевича крайне туманно и смутно <...> Вряд ли мне было пять лет в описываемую пору. Может быть, мне было четыре года, а может, три, конечно, я не знал, кто такой Толстой, но я знал, что это Толстой; я запомнил... не Толстого, а сырые колени, на которых сидел и детской рукой снимал пылинки» (*Андрей Белый.* Воспоминания о Л.Н. Толстом / Предисл. и публ. Л. Озерова // *Проблемы творчества.* С. 639). См. также: *На рубеже.* С. 132–133.

[15] Гувернантка (см.: *На рубеже.* С. 212–214).

[16] Нет возможности со всей определенностью сказать, какое именно издание здесь подразумевается; наиболее близкие к описываемому времени: Полное собрание сказок. В 4 т. М.: Шамов, 1884; Избранные сказки. М.: Маракуев, 1886.

[17] В мемуарах Белый, упоминая о своей детской одежде («нарядные платьица»), признается, что она порождала в нем переживания неловкости и стыда (*На рубеже.* С. 194).

[18] Афимья Ивановна Лаврова, «хитроватая крестьянка, со странной чуткостью» (*На рубеже.* С. 342). На обороте ее фотографии Белый написал: «Кормилица Афимья Ивановна Лаврова, мой друг, участник детских игр. Ей первой читал свои стихи» (ОР ГЛМ).

[19] П.И. Чайковский, постоянно проживавший в Клину, регулярно встречался с С.И. Танеевым, жившем по соседству в Демьянове, однако летом 1887 г. упоминаемая встреча маловероятна: это время Чайковский провел в разъездах (Поволжье, Тифлис, пребывание за границей).

[20] Анахронизм: С.А. Усов скончался годом ранее, 27 октября 1886 г.

[21] Детские впечатления от первых встреч с Вл. Соловьевым Белый подробно описал в очерке «Владимир Соловьев. Из воспоминаний» (1907), вошедшем в его книгу «Арабески» (1911). См.: *Андрей Белый.* Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 350.

[22] В воспоминаниях, описывая этот эпизод, Белый уточняет, что карикатура была помещена в журнале «Будильник» (*На рубеже.* С. 90). В комплекте этого юмористического журнала за 1886–1888 гг. карикатура на П.И. Боборыкина не обнаружена.

[23] «Призраки» – фантастико-аллегорическая повесть И.С. Тургенева (1863). В автобиографическом очерке «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928) Белый упоминает: «...ярчайшие переживанья: подслушанное чтение вслух “*Призраков*” Тургенева <...>» (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 426). Ср. в мемуарах: «... огромным событием было мне подслушивание чтения взрослыми “Призраков” Тургенева; я ничего не понимал, кроме одного: прекрасно <...>» (*На рубеже.* С. 214).

[24] Подразумевается Парижская коммуна (18 марта – 28 мая 1871 г.) – законодательный и исполнительный орган временного революционного правительства, провозглашенный после свержения правительства Третьей республики.

[25] «Тысяча и одна ночь» – памятник средневековой арабской литературы, сборник сказок, окончательно сложившийся, по-видимому, к XV в. Русские переводы сказок этого свода в XVIII–XIX вв. делались с французского перевода А. Галлана (1704–1717).

[26] «Юдифь» – опера А.Н. Серова по пьесе Паоло Джакометти (1863; либретто Д.И. Лобанова, К.И. Званцова и А.Н. Майкова), ставилась в Москве в Большом театре в 1881 и 1884 гг.

[27] В очерке «Почему я стал символистом...» Белый упоминает поэму М. Ю. Лермонтова «Демон» (1839) как одно из «ярчайших переживаний» детства (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 426). Ср.: «Религиозный момент был мною воспринят этически и стилистически; действовали: Уланд, подслушанный “Демон” Лермонтова, Андерсен и образ заветов» (*На рубеже.* С. 192).

[28] См.: «Кожаный Чулок: Пять рассказов Фенимора Купера в переделке для юношества О.И. Шмидт-Москвитиновой» (СПб.: А.Ф. Девриен, 1885) – выполненная детской писательницей О.И. Роговой (О. Шмидт-Москвитиновой) сокращенная переделка романов американского прозаика Джеймса Фенимора Купера о Натаниэле Бампо, выступающем под именами Кожаный Чулок, Соколиный Глаз, Длинный Карабин, Следопыт, Зверобой – соответственно, в романах «Пионеры, или Истоки Сусквеханны» (1823), «Последний из могикан» (1826), «Прерия» (1827), «Следопыт, или Озеро-море» (1840), «Зверобой, или Первая тропа войны» (1841).

[29] «Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного» (1862) – исторический роман А.К. Толстого. Ср.: «В 1889 году я с наслаждением прослушал “Князя Серебряного” <...>» (*На рубеже.* С. 219).

[30] В воспоминаниях Белый посвятил этой гувернантке отдельную главку – «Избавительница» (*На рубеже.* С. 219–229). Сохранились ее письма (по-французски) к родителям Белого (лето 1890 г. // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 356). В автобиографическом письме к Р.В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. Белый отметил определяющее воздействие m-lle Radin на него в период от 1888 до 1891 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 483).

[31] Подробнее об этом см.: *На рубеже.* С. 222.

[32] Семьи сестер Н.В. Бугаева – Варвары Васильевны Кистяковской, Марианны Васильевны Арабажиной, Александры Васильевны Ильяшенко, Анны Васильевны Жуковой.

[33] Двоюродная сестра Белого Л.И. Арабажина была первой женой В.Н. Перетца.

[34] Отчество Варвары Васильевны Кистяковской указано неверно (видимо, по аналогии с ее мужем, Федором Федоровичем Кистяковским).

[35] Дочь В.В. и Ф.Ф. Кистяковских, племянница Н.В. Бугаева.

[36] Подразумевается Новороссийский университет в Одессе.

[37] «Вокруг света» – научно-художественный журнал, издававшийся в Петербурге в 1861–1868 гг. и в Москве с 1885 г. (еженедельный «журнал путешествий и приключений на суше и на море»).

[38] Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг., в ходе которой успешно проявил свой полководческий талант генерал М.Д. Скобелев («Белый генерал»).

[39] Имеются в виду дочери Л.А. Куперника от первого брака (с Ольгой Петровной Щепкиной (1851–1893), пианисткой, внучкой актера М.С. Щепкина): Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952), впоследствии поэтесса, драматург, прозаик, переводчица, и Александра Львовна Куперник (сценический псевдоним Щепкина; 1880–1955, Польша), актриса Малого театра.

[40] Мать А.Д. Бугаевой, Елизавета Федоровна Егорова (урожд. Желвунова).

[41] Первая Московская гимназия располагалась по адресу: ул. Волхонка, д. 16; Частная гимназия Л.И. Поливанова – ул. Пречистенка, д. 32.

[42] Московское психологическое общество было организовано при Московском университете в 1885 г., с 1889 г. издавало журнал «Вопросы Философии и Психологии». Основатель Общества и его первый председатель – М.М. Троицкий, председатель с 1888 г. – Н.Я. Грот, с 1899 по 1920 г. – Л.М. Лопатин.

[43] «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» («The Personal History of David Copperfield», 1849–1850) – роман Ч. Диккенса. Ср.: «... сильное впечатление на меня произвел

“Давид Копперфильд” Диккенса, первый роман, прослушанный при чтении его вслух мамой, прекрасной чтицей <…> первый раз прослушал в 1887-м <…>» (*На рубеже*. С. 215).

[44] В Московскую частную гимназию, учрежденную Л.И. Поливановым, Белый был зачислен в августе 1891 г.

[45] Подразумевается книга Д.Н. Кайгородова «Из царства пернатых» (СПб., 1893) с красочными таблицами. Ср.: *На рубеже*. С. 250.

[46] Анахронизм: Большая французская промышленная и художественная выставка была открыта в Москве с 29 апреля по 6 октября 1891 г. в специальных павильонах на Ходынском поле.

[47] В Художественном отделе выставки демонстрировалось работы 350 художников. Среди них – «Стог сена» К. Моне из серии «Стога» (1888–1891). В мемуарах «На рубеже двух столетий» Белый указывал, что на выставке его, помимо Моне, поразил Дега (*На рубеже*. С. 69).

[48] В письме к А. Блоку от 18 или 19 декабря 1904 г. Белый вспоминал об этом преподавателе: «Он семь лет мучил каким-то несказанным ужасом, вызывая меня на истерические припадки исступленности, которые он смирял единицей» (*Белый – Блок*. С. 187–188). Запись рассказа Белого о Павликовском (29 декабря 1904 г.) М. Волошин занес в «Историю моей души» (см.: *Волошин М.* Собр. соч. / Под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова при участии Р.П. Хрулевой. Т. 7, кн. 1. М., 2006. С. 186–187). В «Записки чудака» Белый ввел пространный фантасмагорический рассказ об учителе латыни «Казимир-Кузмиче» (*Андрей Белый*. Записки чудака. Т. 2. М.; Берлин, 1922. С. 165–185). См. также: *На рубеже*. С. 292–298.

[49] «Мария Стюарт» – драма Фр. Шиллера (1800). Была поставлена в Малом театре в 1886 г. для бенефиса М.Н. Ермоловой.

[50] Имеется в виду московская женская гимназия С.А. Арсеньевой (Пречистенка, д. 17).

[51] Д.И. Курский был народным комиссаром юстиции РСФСР с августа 1918 г. В автобиографии он сообщал о времени своего обучения на юридическом факультете Московского университета: «В первые годы студенчества близко познакомился с семьей известного в Москве профессора западной литературы Стороженко <…>» (Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 472 (сквозная пагинация). Ср.: *На рубеже*. С. 140–141.

[52] Имеется в виду книга М.Н. Богданова «Из жизни русской природы. Зоологические очерки и рассказы» (СПб., 1889; впоследствии многократно переиздавалась). Ср.: *На рубеже*. С. 225.

[53] Лансье – английская кадриль. Как бальный танец известен с середины XIX века.

[54] Средневековая легенда о любви юноши Тристана из Леонуа и королевы корнуэльской Изольды Белокурой – один из наиболее популярных сюжетов западноевропейской литературы, имеющая множество фиксаций на валлийском, французском, немецком и других языках. См.: Легенда о Тристане и Изольде / Изд. подгот. А.Д. Михайлов. М., 1976 («Литературные памятники»).

[55] Трагедия в пяти действиях А.К. Толстого (1866).

[56] Имение Д.Н. Цертелева – Липяги Спасского уезда Тамбовской губернии.

[57] Девичья фамилия княгини Екатерины Федоровны Цертелевой – Вонлярская.

[58] Екатерина Дмитриевна Егорова – сестра А. Д. Бугаевой (тетя Катя). См. о ней: *МДР*. С. 429–432.

[59] Император Александр III умер 20 октября 1894 г.

[60] Extemporalia (*лат.*) – учебные упражнения, состоящие в переводе продиктованного текста (обычно на родном для учащихся языке) на латинский или греческий язык; также – искусственно составленные отрывки, предназначенные для перевода на древний язык.

[61] В автобиографическом письме к Р.В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. Белый датирует свои первые попытки художественного творчества 1896 годом: «… помнится: какая-то несуразная поэма белыми стихами на тему “*Крестоносцы*”, навеянная “*Освобожденным Иерусалимом*” <…>» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 486).

[62] Ср. сообщение в том же письме: «…помнится: отрывок прозы для гимназического журнала, удививший товарищей “*художественностью*” <…>» (Там же). См. также: *На рубеже*. С. 337.

[63] Подробнее см.: *Андрей Белый.* Воспоминания о Л.Н. Толстом. С. 642–644; *На рубеже.* С. 328–333.

[64] Дочь Л. Толстого Мария Львовна, в замужестве Оболенская, скончалась в 1906 г.

[65] Семья Соловьевых (М.С. Соловьев, О.М. Соловьева и их сын Сергей Соловьев) поселилась в квартире на 2-м этаже дома Николая Ивановича Рахманова на углу Арбата и Денежного переулка, в котором на 3-м этаже проживали Бугаевы, в 1893 г. См.: *Соловьев С.* Воспоминания / Сост., подгот. текста и коммент. С.М. Мисочник и В.В. Нехотина; вступ. статья А.В.Лаврова. М., 2003. С. 122.

[66] «Вопросы философии и психологии» – первый философский журнал в России, издававшийся в Москве с ноября 1889 г. по апрель 1918 г.; всего вышло 142 книжки журнала. Редактор журнала в 1889–1893 гг. – Н.Я. Грот, в 1894–1895 гг. он вместе с Л.М. Лопатиным, в 1896–1897 гг. редакторы – Лопатин и В.П. Преображенский, в 1900–1905 гг. – Лопатин и С.Н. Трубецкой, затем – Лопатин.

[67] См.: *Джонстон Вера.* Отрывки из Упанишад // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 31 (1). С. 1–34; «Тао-те-кинг» Лаоси. Пер. с китайского Д.П. Конисси // Там же. 1894. Кн. 23 (3). С. 380–408.

[68] Коронация в Москве 18 мая 1896 г. императора Николая II, завершившаяся трагедией на Ходынском поле: во время раздачи народу царских подарков по случаю коронации произошла давка, погибло (по официальным данным) 1389 человек, изувечено 1300.

[69] Имеется в виду «Санитарная колония д-ра М.П. Ограновича» в селе Аляухово Звенигородского уезда Московской губернии.

[70] В воспоминаниях Белый совсем иначе характеризует свои впечатления от первого знакомства с романом Л.Н. Толстого: «В Аляухове я впервые прочел "Войну и мир", переживая потрясения <...>» (*На рубеже.* С. 336).

[71] Ср. свидетельства Белого о своих первых творческих опытах этого времени в письме к Р.В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «... пишу неоконченную поэму под названием "*Тристан*" (5-стопный ямб). И какую-то ужасную философскую галиматью с претензией на Гете и на "*Дон Жуана*" Алексея Толстого <...>» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 486).

[72] «Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину» (М., 1883) – опубликованная под псевдонимом Радда-Бай книга Е.П. Блаватской, содержащая путевые заметки, сведения о Теософском обществе, об индийской культуре, религии, истории, современном индийском бытовом и социальном укладе, разъясняющая основы буддизма и индуизма.

[73] Имеется в виду Теософское общество, основанное в 1875 г. Е.П. Блаватской и Г. Олкоттом в Нью-Йорке, в 1879 г. учрежденное в Бомбее, а с 1881 г. – в предместье Мадраса Адьяр.

[74] Подразумевается книга Блаватской «Загадочные племена. Три месяца на "Голубых горах" Мадраса» (СПб., 1893).

[75] «Serres chaudes» («Теплицы», 1889) – сборник стихов Мориса Метерлинка. «Тайны души» – его же драма «Intérieur» (1894); это заглавие она получила в переводе А.С. Суворина, опубликованном в приложении к «Новому Времени» (1895. № 6890, 6 мая. Приложение № 225) и вышедшем в свет отдельной брошюрой: Тайны души. Драма Мориса Метерлинка / Пер. и предисл. А.С. Суворина. СПб.: Изд. А.С. Суворина, <1895> (Дешевая библиотека. № 120).

[76] Имеются в виду дети проф. И.Ф. Огнёва Александр и Сергей Огнёвы. Младший сын, Владимир Иванович Огнев (1894 – после 1931) не мог участвовать в театральных постановках по малолетству.

[77] С. Соловьев сообщает в воспоминаниях, что эти представления устраивались в его квартире: «Осенью, когда мои родители были за границей, мы сыграли сцену из "Макбета": Макбет был Боря, а я – леди Макбет. Затем следовала сцена явления мертвой графини Германну, по либретто "Пиковой дамы". Спектакль был этот очень плох, и играли мы в моем темном коридоре, почти без публики. Потом я пригласил с церковного двора Колю и Ваню, мы играли сцену трех ведьм. Боря учил нас жестикуляции, сам великолепно играл третью ведьму <...> Грандиозный спектакль зате-

вался на Рождество. Боря подал мне мысль инсценировать “Капитанскую дочку” Пушкина. Первый и третий акт написал он сам, второй и четвертый он поручил мне. Первый акт был в доме Гриневых, второй – у капитана Миронова, третий – в ставке у Пугачева, четвертый – во дворе Екатерины. Актеров не хватало: я играл мать Гринева в первом действии, капитана Миронова во втором, разбойника Хлопушу в третьем и Потемкина в четвертом» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 171–172). Белый в этой домашней постановке играл Пугачева (см.: Там же. С. 177–178). Четыре сцены из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, согласно свидетельству Соловьева, были поставлены в 1897 г. на масленице (10–16 февраля): «Боря играл старика Пимена и Бориса, я – Лжедмитрия и Басманова» (Там же. С. 182).

[78] XXIV выставка Товарищества передвижных художественных выставок демонстрировалась в Москве в залах Московского Училища живописи, ваяния и зодчества в марте – мае 1896 г.; XXV, юбилейная, выставка – там же в апреле – мае 1897 г.

[79] «Камоэнс» – драматическая поэма В.А. Жуковского (1839; переложение одноименной драматической поэмы Ф. Гальма). Ставились также отрывки из трагедии Шекспира «Гамлет» и его исторической хроники «Генрих IV». См.: *На рубеже.* С. 283; *Соловьев С.* Воспоминания. С. 181–182.

[80] Об этом домашнем спектакле по стихотворной трагедии А.Н. Майкова «Два мира» (1881) вспоминает С. Соловьев: «Пьеса была из римской жизни, следовательно, с костюмами дело обстояло просто: достаточно было надеть простыни. Патриция Деция играл Боря, я играл христианина Марцелла, Маруся – христианку Лидию, и все были в белых простынях. Устроили и хор христиан, ведомых на растерзание львам, для этого пригласили несколько мальчиков с церковного двора. Боре пришла мысль ввести роль черного раба с опахалом, и он вымазал Коле <Н.В. Марков – *Ред.*> все лицо жженой пробкой. Спектакль вышел самый удачный и веселый <…> Игра Бори вызвала бурные аплодисменты» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 182). Пасха в 1897 г. – 13 апреля.

[81] Ср. свидетельства в письме Белого к Р.В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «В 1898 году я уже автор целого сборника стихов, совершенно беспомощных, если их сравнить с “*Ante Lucem*” Блока, но сквозь всю беспомощность, помнится, в иных строках есть “*что-то*”… Остатки этого периода, переписанные в тетрадь, путешествовали со мною; и, кажется, оставлены в груде вещей – в Дорнахе» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 486–487).

[82] Этот главный философский труд Артура Шопенгауэра («Die Welt als Wille und Vorstellung», 1819) Белый читал, видимо, в переводе А. Фета (Изд. 2-е. М., 1888).

[83] Неточность: эпиграф к труду Шопенгауэра «Ob nicht Natur zuletzt sich doch ergründe?» («И не раскроется ли, наконец, природа?») – из стихотворного послания Гете «Herrn Staatsminister von Voight. Zum Feier des 27 Septembers 1816» («Von Berges Luft, dem Äther gleich zu achten…»); о Веданте – системе древнеиндийской религиозно-философской мысли – идет речь в § 1 кн. 1-й.

[84] Драма Фр. Шиллера («Die Räuber», 1781).

[85] Стирфорс (Стирфорт) – персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда», старший товарищ юного главного героя, объект обожания и подражания. Та же параллель – в мемуарах Белого: «С.С. Усов, молодой человек с истинно художественным темпераментом и с “надрывом”, искренним в те годы, одно время виделся мне, юному Давиду Копперфильду, некиим Стирфорсом (у каждого юноши есть свой “Стирфорс”!); он выглядел “выпадышем” из нашей скучной среды <…>» (*На рубеже.* С. 120).

[86] Помещики и земские деятели К.С., М.С., Н.С. Ермолаевы были владельцами имения в селе Ключи Петровского уезда Саратовской губернии

[87] Имеются в виду Владимир Нилович Ознобишин, хозяин большого родового имения в Петровском уезде Саратовской губернии, и его брат Николай Нилович Ознобишин, основатель и председатель Московского союза русского народа.

[88] А.Р. де Ливрон (Деливрон), зоолог и охотовед, был земским начальником в Пензе, за что получил орден Святого Станислава III степени и бронзовую медаль «В память 300-летия Дома Романовых».

[89] В переработанном виде этот прозаический этюд вошел в книгу Андрея Белого «Золото в лазури», в раздел «Лирические отрывки в прозе» (М., 1904. С. 179–183. Датировка: 1900. Репринтное переиздание: М., 2004). См. также: *Андрей Белый*. Симфонии / Сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. Л., 1991. С. 443–444.

[90] Имеется в виду Николай Сергеевич Ермолаев, на средства которого содержалась земская школа в селе Ключи.

[91] Символические драмы Г. Гауптмана – «Потонувший колокол» («Die versunkene Glocke», 1896) и «Вознесение Ганнеле» («Hanneles Himmelfahrt», 1894).

[92] Об этом Белый сообщает подобнее в письме к Р.В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «В 1897 году я написал 2-актную драму (название не помню), навеянную Ибсеном, Метерлинком и "*Ганнеле*" Гауптмана; "*драма*" ужасно понравилась С.М. Соловьеву, который, кажется, помнит ее содержание лучше, чем я; кажется, что главное действующее лицо, некто Колосов, банкир, в молодости кого-то обобравший, кому-то сломавший жизнь, под действием встречи с некоим мистиком, "*Преображенским*", напомнившим ему его былое преступление, заболевает нервной горячкой; 2-ой акт изображает не то "*бред*" горячки, не то явление всякой мистической "*флоры и фауны*" <…> Рукопись утратилась; вероятно, ее устыдившись, сам же ее уничтожил» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 487).

[93] Читальня имени А.Н. Островского была открыта в 1888 г. на Никитском бульваре. С 1893 г. размещалась во флигеле Рукавишниковского приюта на Смоленском бульваре.

[94] Драмы Г. Ибсена «Воители в Хельгеланде» (1857), под названием «Северные богатыри» поставленная в Малом театре (премьера 14 января 1892 г.), и «Гедда Габлер» – в Московском Художественном театре (премьера 19 февраля 1899 г.). Ср.: *На рубеже*. С. 318–319.

[95] Книга стихов К.Д. Бальмонта (М., 1895). Ср. свидетельства о Белом этой поры в мемуарах С. Соловьева: «Он посвящал меня в своего любимого поэта Бальмонта, доказывал, что он лучше Пушкина» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 210).

[96] «Мессинская невеста» («Die Braut von Messina», 1803) – трагедия Фр. Шиллера.

[97] Подразумевается Эльза Левик, подруга М.В. Коваленской (двоюродной сестры С. Соловьева). С. Соловьев вспоминает: «На Рождестве мы поставили наш последний спектакль "Мессинскую невесту" Шиллера. Эльза играла королеву-мать, Маруся – невесту, я и Остроленко <Огнев. – *Ред.*> – двух принцев. Боря Бугаев и Боря Остроленко <Огнев. – *Ред.*> изображали хор <…> несмотря на то, что костюмы и постановка были лучше прежних, спектакль прошел невесело и, естественно, остался последним» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 210). Домашний спектакль состоялся 3 января 1898 г. (см.: Там же. С. 442–443, коммент. С.М. Мисочник). С. Соловьев ряд лиц в мемуарах выводил под вымышленными именами.

[98] С. Соловьев характеризует происшедшее как «небольшой скандал», устроенный Н.В. Бугаевым: «Николай Васильевич находился в крайнем бешенстве: "Эолова арфа", заклание от любви – все это окончательно убедило его, что наш дом отравлен нездоровьем, романтизмом, и корень зла он усматривал в моей бабушке Александре Григорьевне <…> за чаем он снова начал свои филиппики. Этим окончательно было сорвано хорошее настроение» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 210–211). 10 января 1898 г. О.М. Соловьева писала А.А. Кублицкой-Пиоттух: «Все праздники прошли в суматохе со спектаклем, который, наконец, сошел благополучно <…> Все было бы прекрасно, если бы не Бугаев, он рассвирепел, бросался на людей, кричал, что понятие чести не христианское и что Шиллер каналья» (Там же. С. 443, коммент. С.М. Мисочник).

[99] «Романтическая трагедия» Фр. Шиллера («Die Jungfrau von Orleans», 1801).

[100] Скорее всего, имеется в виду Сергей Сергеевич Подолинский, сын известного украинского ученого-энциклопедиста Сергея Андреевича Подолинского, внук Андрея Ивановича Подолинского, женатого на Марии Сергеевне Кудашевой, старшей дочери киевского губернатора князя С.Д. Кудашева.

[101] Наталья Александровна Рахманинова (урожд. Сатина) – двоюродная сестра, с 1902 г. жена С.В. Рахманинова.

[102] «Разоренное гнездо. Рассказ для детей» (М., 1882), «Волчья дубрава. Рассказ для детей младшего возраста» (М., 1894, серия «Избранное чтение для юношества. Издания Льва Поливанова») – книги А.М. Сливицкого (первая – о жизни медвежонка в лесу и о семействе медведей, вторая – о волчонке и волках).

[103] Карело-финский эпос «Калевала», обработанный Э. Лённротом, был опубликован в переводе Л.П. Бельского в «Пантеоне литературы» в 1888 г. (№ 1–12) и в том же году вышел в свет отдельным изданием с предисловием и примечаниями переводчика, в 1889 г. отмечен Пушкинской премией Академии наук. Перевод Бельского переиздается по сей день.

[104] Правильно: В.Г. Зубков.

[105] Имеется в виду «История философии в биографиях» (1845–1846) — труд философа-позитивиста Дж. Г. Льюиса, неоднократно издававшийся в русском переводе (в 1865, 1889, 1892 и 1897 гг.) под заглавием «История философии от начала ее в Греции до настоящего времени».

[106] Ср. свидетельство в письме Белого к Р.В. Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «В 98 году <…> написал драму уже под явным влиянием одноактных “*пьесок*” Метерлинка; и – тоже уничтожил» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 487).

[107] 29 марта – 4 апреля 1898 г.

[108] Подразумевается «Краткая повесть об антихристе», входящая в последнюю книгу Вл. Соловьева «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», завершенную зимой 1899–1900 г. Впервые опубликовано: СПб., 1900.

[109] См.: *Андрей Белый*. Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии // Северные Цветы. 3-й альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903. С. 2–25. Еще один фрагмент, относящийся к тому же замыслу («Пасть ночи. Отрывок из задуманной мистерии») Белый опубликовал в журнале «Золотое Руно» (1906. № 1. С. 62–71). Черновые фрагменты, сохранившиеся в архиве Белого («Антихрист. Конспект и детский набросок к ненаписанной мистерии»), опубликованы Даниелой Рицци вместе с ее развернутой вступительной статьей, посвященной анализу этого незавершенного замысла: *Andrej Belyj*. Antichrist / Edizione e commento di Daniela Rizzi. Università di Trento, 1990.

[110] Имеется в виду имение Дедово в 8-ми верстах от станции Крюково Николаевской ж. д. под Москвой.

[111] Об этих опытах Белый писал Р.В. Иванову-Разумнику 1–3 марта 1927 г.: «Был отрывок “*Черный поп*”! Был отрывок “*Мать*”! Была поэма на тему “*Мать-вампир*”. Лирика этих отрывков – невероятна; жаль, что исчезли, а то можно было бы похохотать» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 487). Некоторые из этих произведений переписаны в рабочей тетради Белого под рубрикой «Лирические отрывки (в прозе)» – в частности, отрывок «Мать» (РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 1. Л. 7 об.–12 об.).

[112] Заглавие раздела в книгах А. Фета «Вечерние огни. Собрание неизданных стихотворений» (М., 1883) и «Лирические стихотворения» (В 2-х ч. СПб., 1894).

[113] «Лирические пьесы» – большой цикл Э. Грига для ф-но в 10 тетрадях (1867–1901). Ср.: *На рубеже*. С. 368.

[114] Второе путешествие в Египет Вл. Соловьев предпринял в марте–апреле 1898 г. в сопровождении Э.Л. Радлова.

[115] Первый номер художественного (с 1900 г. – литературно-художественного) журнала «Мир Искусства» вышел в свет в ноябре 1898 г., в 1899 и 1900 гг. журнал выходил два раза в месяц, с 1901 г. – ежемесячно. См. статью И.В. Корецкой «Мир Искусства» (Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 129–178; см. также: *Корецкая И.* Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 270–323).

[116] Подборки иллюстраций с работ М.В. Якунчиковой были помещены в «Мире Искусства» в 1900 г. (Т. IV. С. 74–85), М.А. Врубеля – в 1901 г. (Т. V. № 2/3. Отд. I. С. 73–90). Работами К.А. Сомова проиллюстрирована статья Александра Бенуа «К. Сомов» (Мир Искусства. 1899. Т. II. С. 127–140).

[117] Художественный журнал «The Studio» выходил в Лондоне с 1893 г.

[118] Имеется в виду издание: *Мутер Р.* История живописи в XIX веке. Пер. З.А. Венгеровой. Т. 1–3. СПб., 1899–1901.

[119] Правильно: Г. Гейерстам.

[120] Л.И. Поливанов скончался в Москве 11 февраля 1899 г., похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря (останки перезахоронены на Новодевичьем кладбище).

[121] Об этой «странной, дикой, туманной космической эпопее в прозе» Белый писал Р.В. Иванову-Разумнику 1–3 марта 1927 г.: «... в небесах этой поэмы постоянно проносится "*облачко крыл херувимов, несущих некий престол*", а под небесами от времени до времени открываются панорамы жизни некоего "*вечного жида*", бывшего ребенком в раю, потом ставшим царем мира и наконец палимым молниями небесной ярости и т. д. Над формой этой поэмы я работал в "*поте лица*" с зимы до осени 1899 года; потом "*поэма*" несколько лет лежала у меня, потом я ее уничтожил» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 488). Черновая редакция этого произведения сохранилась в архиве Белого, ныне опубликована под условным обозначением «Предсимфония» (так ее называет Белый в мемуарах: *На рубеже.* С. 381). См.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 420–441.

[122] Книга стихов В. Брюсова «Chefs d'œuvre. Сборник стихотворений (Осень 1894 – весна 1895)» (М., 1895; Изд. 2-е, с изменениями и дополнениями: М., 1896).

[123] Книга К.Д. Бальмонта «Тишина. Лирические поэмы» (СПб., 1898) вышла в свет позднее – в середине августа 1898 г.

[124] В. Миров – псевдоним, под которым В.К. Иков печатался в периодических изданиях 1900–1910-х гг. («Наше дело», «Новая книга», «Дело жизни», «Живое дело», «Луч», «Наш голос» и др.).

[125] В аттестате зрелости, выданном Белому по окончании гимназии, проставлены следующие оценки, полученные на экзаменах (28 апреля – 29 мая 1899 г.): 5 – Закон Божий, Русский язык и словесность, Логика, Математическая география, Физика, История, География, Французский язык; 4 – Греческий язык, Математика, Немецкий язык; 3 – Латинский язык (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 304).

[126] К 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина приурочено гимназическое сочинение Белого «Почему так торжественно предполагается чествовать столетие со дня рождения А.С. Пушкина?», напечатанное в составе публикации: «В пушкинские дни 1899 года... (Страничка из истории московской Поливановской гимназии)» / Публ. М.В. Рыбина // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1978. С. 65–71.

[127] См.: *Кук Дж. П.* Новая химия. М., 1897; *Ферворн М.* Общая физиология. Вып. 1–2. М., 1897.

[128] Имеется в виду книга А.С. Фаминцына «Современное естествознание и психология» (СПб., 1898).

[129] «Философия бессознательного» («Philosophie des Unbewußten», 1869) – основной труд Эдуарда фон Гартмана; в русском переводе: Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. По 2-му нем. изд. полное изложение с присоединением предисловия, введения и критической оценки системы А.А. Козлова. Вып. 1–2. М., 1873–1875.

[130] Письма Белого к С.М. Соловьеву, относящиеся к описываемому времени, по всей вероятности, не сохранились. В архиве Белого сохранилось лишь одно письмо Соловьева, датированное 1 августа 1899 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 26. Ед. хр. 1), в нем указанная тема не затрагивается.

[131] Философская теория Н.В. Бугаева, основанная на учении Лейбница о монадах, изложена в работе «Основные начала эволюционной монадологии» (Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 2 (17)).

[132] См. выше, примеч. 121.

[133] В студенческом деле Белого имеется прошение «потомственного дворянина Бориса Николаевича Бугаева» о принятии на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л. 1), куда он был зачислен в июле 1899 г.

[134] «Основы химии» (СПб.: Типография тов-ва «Общественная Польза». Ч. 1–2. 1869–1871) – классический труд Д.И. Менделеева, в котором излагается периодический закон; при жизни ученого издавался 8 раз.

[135] Очевидная описка в автографе. Вероятно, имеется в виду Н.А. Умов.

[136] Mezozoa (мезозои) – класс животных подтипа плоских червей, ранее считавшийся промежуточной группой между простейшими и многоклеточными. См.: также: *На рубеже*. С. 383.

[137] О взаимоотношениях Белого и А.С. Петровского см.: *Малмстад Дж.* «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А.С. Петровского: хроника дружбы // *Белый – Петровский.* С. 5–48. Сохранились в записи позднейшие суждения А.С. Петровского о Белом-студенте: «Обращал на себя внимание с первого же взгляда. Очень интересное, необычайное лицо, необычное выражение лица. Чувствовалась большая внутренняя работа мысли. Натура не только рецептивная, но и натура, которая все впечатления очень интенсивно внутри себя перерабатывает. Сосредоточенный взгляд. Несколько подтянутая наружность, хорошо одет, платье хорошего покроя. Богатая шевелюра, слегка вьющаяся. В поведении была замкнутость, застенчивость, сдержанность, не легко сходился с товарищами. Не был в то время экспансивным и открытым. В дальнейшем стал общительнее, когда освоился с обстановкой в университете. Сначала немного дичился других студентов. Сдержанность во всем, в жестикуляции, некоторая скупость в движениях, в речи» (*Спивак М.* Посмертная диагностика гениальности. Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г.И. Полякова). М., 2001. С. 219–220).

[138] Имеются в виду книги: «Система логики» (1843) Джона Стюарта Милля – главный труд ученого, неоднократно издававшийся в русском переводе; «Очерк истории физики» Фердинанда Розенбергера в трех частях (Пер. с нем. под ред. И.М. Сеченова. СПб., 1883–1886); «История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени» (1837) Вильяма Уэвеля в русском переводе М.А. Антоновича и А.Н. Пыпина (Т. 1–3. СПб., 1867–1869); «История материализма и критика его значения в настоящее время» Фридриха Альберта Ланге (Пер. Н.Н. Страхова. Т. 1–2. СПб., 1899).

[139] Ср.: *НВ*. С. 25.

[140] Московский Художественно-Общедоступный театр открылся 14 октября 1898 г. постановкой трагедии А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Среди последующих постановок 1898–1899 гг.: «Чайка» и «Дядя Ваня» А.П. Чехова, «Потонувший колокол» и «Одинокие» Г. Гауптмана, «Смерть Иоанна Грозного» А.К. Толстого.

[141] Философская поэма Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» («Also sprach Zarathustra», 1883–1885) была опубликована в переводе Ю.М. Антоновского (СПб., 1898) приложением к «Новому журналу иностранной литературы».

[142] См. примеч. 27 к *РД*.

[143] Философско-критическое исследование Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» было начато печатанием в журнале «Мир Искусства» в 1900 г. (Т. III. № 1–22), продолжено на протяжении 1901 г. и завершено там же в 1902 г. (Т. VII. № 2).

[144] «Северная симфония (1-я героическая)» Андрея Белого (М.: Скорпион, 1904). Op. 24 Э. Грига – «Баллада в форме вариаций на норвежские народные мотивы» (1875).

[145] Вл. Соловьев прочитал в Петербурге публичную лекцию «Конец всемирной истории» 27 февраля 1900 г. Выступление вызвало сильный резонанс, о чем можно судить по ряду печатных откликов: *В.Д.* Великопостные развлечения // Россия. 1900, 9 марта; *Розанов В.* К лекции г. Вл. Соловьева // Мир Искусства. 1900. № 9/10. Художественная хроника. С. 192–195; *Чуносов М.* <*И.И. Ясинский*>. Новорожденный антихрист // Ежемесячные сочинения. 1900. № 2/3, апрель. С. 195–207; *Андреевич* <*Е.А. Соловьев*>. Очерки текущей русской литературы // Жизнь. 1900. Т. 3. С. 302–311. См. также: *Розанов В.В.* Собр. соч.: Во дворе язычников. М., 1999. С. 99–105, 414–415 (коммент. А.В. Ломоносова).

[146] Цитаты из стихотворения «Сон наяву» (1895); в оригинале последняя строка: «Конец уже близок, нежданное сбудется скоро» (*Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 110. («Библиотека поэта». Большая серия)).

[147] Эту встречу с Вл. Соловьевым Белый описал в очерке «Владимир Соловьев. Из воспоминаний» (1907). См.: *Андрей Белый.* Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. Т. 2. С. 355–356. Ср. свидетельства С.М. Соловьева: «Соловьев пришел к нам вечером с корректурными гранками “Повести об антихристе”. Мы решили пригласить на чтение Б.Н. Бугаева <…> Этот поэт, теперь известный под именем Андрея Белого, был весь охвачен идеями Соловьева и только что написал мистерию в стихах об антихристе, озаглавленную “Пришедший” <…> Андрей Белый находился в экстазе. Соловьев с радостным удивлением следил за этим молодым человеком, разделявшим его идеи, которые для всех в то время казались безумием. Поднимался разговор о том, чтобы прочитать мистерию “Пришедший”. Но было уже поздно, все устали. “До осени, Борис Николаевич”, ласково простился Соловьев с Белым» (*Соловьев С.М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 396).

[148] Неточная цитата из стихотворения «Мне страшно с Тобой встречаться…» (5 ноября 1902 г.). См.: *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 1. М., 1997. С. 131.

[149] Элементы полемики с Ницше обнаруживаются в ряде поздних произведений Вл. Соловьева, учение о сверхчеловеке критически оценивается им в статье «Идея сверхчеловека» (Мир Искусства. 1899. № 9. С. 87–91), а также в статье 1897 г. «Словесность или истина?» (*Соловьев В.С.* Полн. собр. соч. Т. 10. СПб.: Просвещение, 1914. С. 29–35). См.: Ницше: pro et contra. Антология. СПб., 2001. С. 290–302, 1032–1033 (примеч. Ю.В. Синеокой, включающие список литературы по теме «Ницше и Соловьев»).

[150] Восстание в Северном Китае (1899–1901), начатое тайным обществом Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»; отсюда распространенное в Европе название восстания – «боксёрское»). В июне 1900 г. восставшие вступили в Пекин. Восстание было подавлено войсками Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии.

[151] Неточно (в оригинале: «мне ласкает слух оно») приводится эпиграф к «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева (см.: *Соловьев В.С.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 736) – вариант первой строфы его стихотворения «Панмонголизм» («Панмонголизм! Хоть слово дико…», 1894).

[152] Первые строки стихотворения «Дракон. Зигфриду», написанного 24 июня 1900 г. (*Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. С. 136).

[153] Последнее стихотворение Вл. Соловьева – «Вновь белые колокольчики» («В грозные, знойные…», 8 июля 1900 г.). Вл. Соловьев скончался в подмосковном имении Узкое 31 июля 1900 г., похоронен в Новодевичьем монастыре.

[154] Горбатый дворецкий – персонаж второй и третьей частей «Северной симфонии». См.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 57–61, 66–67, 69–72.

[155] Т.е.: Sophia (София).

[156] Поэма Вл. Соловьева «Три свидания (Москва – Лондон – Египет. 1862–75–76)» (1898); в ее подзаголовке обозначены время и место трех мистических встреч автора с «Подругой вечной».

[157] Статья Вл. Соловьева «Смысл любви» была впервые опубликована в «Вопросах философии и психологии» (1892. №№ 14–15; 1893. № 16; 1894. № 1). Отдельными изданиями были выпущены в свет его труды «Кризис западной философии (Против позитивистов)» (М., 1874) и «Критика отвлеченных начал» (М., 1880). Книга Соловьева «Философские начала цельного знания» была впервые опубликована в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в 1877 г. (Март. Апрель. Июнь. Октябрь. Ноябрь).

[158] Принципы учения, характеризуемого как «конкретный идеализм», изложен в работе С.Н. Трубецкого «Основания идеализма», опубликованной в «Вопросах философии и психологии» в 1896 г. (№№ 31–35).

[159] См. выше, примеч. 143.

[160] Анахронизм: осенью 1900 г. заметных студенческих волнений не наблюдалось, в значительной степени вследствие карательных правительственных действий в отношении студенческого съезда в Одессе (лето 1900 г.) и студенческого «Исполнительного Комитета»: «... к началу 1901 г. московское студенчество оказалось не только обессиленным, благодаря погрому 1899 г. <...>, но и обезглавленным» (*Орлов В.И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 374).

[161] См.: *Шопенгауэр А.* О четвертом корне закона достаточного основания. Философские рассуждения / Пер. А. Фета. Изд. 2-е. М., 1891; *Виндельбанд В.* История древней философии с приложением истории философии средних веков и эпохи Возрождения / Пер. слушательниц Высших женских курсов под ред. проф. А.И. Введенского. 2-е изд. СПб., 1898.

[162] Имеются в виду признания А. Блока в статье «Владимир Соловьев и наши дни» (Записки мечтателей. 1921. № 2/3): «Я позволяю себе сегодня чисто догматически, без всякого критического анализа, в качестве свидетеля, не вовсе лишенного слуха и зрения и не совсем косного, указать на то, что уже январь 1901 года стоял под знаком совершенно иным, чем декабрь 1900 года, что самое начало столетия было исполнено существенно новых знамений и предчувствий» (*Блок А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 154–155).

[163] Имеется в виду Маргарита Кирилловна Морозова. О ней и ее взаимоотношениях с Белым см.: *Морозова М.К.* Андрей Белый / Предисл. и примеч. В.П. Енишерлова; публ. Е.М. Буромской-Морозовой и В.П. Енишерлова // *Проблемы творчества.* С. 522–545; *Лавров А.В.*, *Малмстад Дж.* «Прекрасная Дама» Андрея Белого // «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. 1901–1928 / Публ. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. М., 2006. С. 3–32.

[164] Имеется в виду Мария Дмитриевна Шепелева (в замужестве Нефедова) О своей юношеской любви к ней С. Соловьев рассказал в «Воспоминаниях».

[165] Места подвижничества и затворничества Серафима Саровского – Дивеевский женский монастырь в Нижегородской губернии и Саровская пустынь в Тамбовской губернии.

[166] «Добротолюбие» – собрание святоотеческих писаний о духовной жизни в 5 томах, неоднократно издавалось в русском переводе. «Великие Четьи-Минеи» – собрание библейских книг, патериков, житий святых, сочинений отцов Церкви и других церковных писателей, кормчих книг и др.; составлены в 12 томах в 1530–1540 гг. под руководством митрополита Макария.

[167] Имеется в виду Соната f-moll (op. 5), над которой Н.К. Метнер работал в 1902–1903 гг.

[168] Стихотворение А. Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» датировано 4 июня 1901 г.

[169] Религиозно-философские собрания открылись в Петербурге 29 ноября 1901 г. Совет Собраний состоял из 5 членов: епископ Ямбургский Сергий (Страгородский) – постоянный председатель Собраний, В.А. Тернавцев, В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, В.С. Миролюбов.

[170] «Новый Путь» – подготовленный в кругу инициаторов Религиозно-философских собраний ежемесячный литературно-публицистический и религиозно-философский журнал, издававшийся в Петербурге в 1903–1904 гг. (официальный редактор – П.П. Перцов, с середины 1904 г. – Д.В. Философов); в 1903 г. в нем были напечатаны стенограммы 20 заседаний Религиозно-философских собраний. См.: *Максимов Д.* «Новый Путь» // *Евгеньев-Максимов В.*, *Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 129–253; *Корецкая И.В.* «Новый Путь». Вопросы Жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 179–233; Журнал «Новый Путь» и «Вопросы Жизни». 1903–1905 гг. Указатель содержания / Сост. Е.Б. Летенкова. СПб., 1996.

[171] Цитируется (с сокращениями и незначительными неточностями) заключительный фрагмент четвертой части «Северной симфонии». См.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 88.

[172] Денница – в славянской мифологии образ полуденной зари (или звезды), мать, дочь или сестра солнца, возлюбленная месяца, к которому ее ревнует солнце. Также Денница – славянское имя Люцифера (*лат.* Lucifer, «утренняя звезда»), в христианской традиции одно из обозначений сатаны как горделивого и бессильного подражателя божественному свету.

[173] Оленина-д'Альгейм впервые выступила в Москве 26 октября 1901 г. на вечере московского «Кружка любителей русской музыки». После него она гастролировала в Москве часто.

[174] См. выше, примеч. 146.

[175] Подразумевается маршрут с юго-запада к центру Москвы – от Новодевичьего монастыря к храму Христа Спасителя.

[176] См. развернутые отзывы Белого о поставленных в Московском Художественном театре осенью 1901 г. драмах «Дикая утка» Г. Ибсена, «Микаэль Крамер» Г. Гауптмана и «Три сестры» А.П. Чехова (*Лавров А.В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 128–131).

[177] См. примеч. 64 к *РД*. Упоминается также издание: *Спенсер Г.* Основания биологии. Пер. с англ. изд. 1898 г. В.А. Герд. Т. 1–2. СПб., 1899.

[178] Анахронизм: докторская диссертация С.Н. Трубецкого «Учение о Логосе в его истории», защищенная в Московском университете в 1900 г., была впервые опубликована уже после смерти автора, в его Собрании сочинений, составив четвертый том этого издания (М., 1906).

[179] Ср. сообщение со слов директора Московской обсерватории В.К. Цераского («Новая звезда»): «В настоящее время видно на небе в высшей степени редкое и замечательное явление, а именно новая звезда, появившаяся в созвездии Персея, между звездами дельта и бета. Впервые она была усмотрена в Англии в ночь с четверга на пятницу <8–9/21–22 февраля> <…> В настоящее время звезда эта первой величины и по вечерам стоит высоко на юго-западе, в весьма удобном положении для наблюдений» (Московские Ведомости. 1901. № 44, 14 февраля). См. также: *Цераский В., проф.* Новая звезда // Курьер. 1901. № 43, 13 февраля. С. 3.

[180] Евангельский образ (Откр. 12: 1-17), венчающий картину соединения церквей в «Краткой повести об антихристе» Вл. Соловьева: «… темнота ночная вдруг озарилась ярким блеском, и явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд» (*Соловьев В.С.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. С. 759).

[181] В первые месяцы 1901 г. произведения Бетховена (но не его симфонии) исполнялись в Москве на собраниях Русского Музыкального общества дважды – 20 января (Концерт для скрипки с оркестром D-dur, op. 61) и 8 февраля (квартетное собрание с исполнением трех бетховенских сочинений). 9-я симфония Бетховена (D-moll, op. 125) была исполнена там лишь 7 апреля 1901 г. (см.: Отчет Московского отделения Императорского Музыкального Общества. 1900–1901. М., 1902. С. 6–8, 11).

[182] См. главу 3 поэмы «Первое свидание» (1921) (*СП–2*. С. 43–53).

[183] Здесь подразумевается Жорис Карл Гюисманс как, прежде всего, автор романа «Без дна» или «Там, внизу» («Là-bas», 1891), в котором освещаются воззрения и практика французских оккультистов и сатанистов.

[184] Особняк М.К. Морозовой находился на Смоленском бульваре д. 26/9 (угол Глазовского переулка).

[185] На Воздвиженке (д. 14) жила В.А. Морозова, свекровь М.К. Морозовой.

[186] Заключительная строка стихотворения А. Блока «Бегут неверные дневные тени…» (4 января 1902 г.). Автограф стихотворения был послан Блоком в январе или 1-й половине февраля 1902 г. в письме к Соловьевым, тогда же Белый сделал копию с автографа (см.: *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 1. М., 1997. С. 511, примеч. З.Г. Минц).

[187] В этом недатированном письме, относящемся к марту 1901 г. (приписка над текстом: «Первое письмо 1901 года. М. Морозова»), о Ницше и Вл. Соловьеве не говорится (отражен лишь образ из поэмы Ницше «Так говорил Заратустра»). См.: «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 35–38. Эпиграф из Вл. Соловьева предпослан более позднему письму Белого к Морозовой, отосланному не ранее середины февраля 1902 г. (Там же. С. 39).

[188] См. примеч. 41 к *РД*.

[189] 25–31 марта 1901 г.

[190] Строка из поэмы «Первое свидание»: «Выходишь в Вечность… на Арбат»; авторское примечание к ней: «Улица в Москве» (*СП–2*. С. 37). Ср. воспоминания С.М. Соловьева об этой поре: «С одним только Борей я делился тогда моими тайными переживаниями, и он сам переживал нечто подобное. Он любил одну даму, с которой не был знаком и видел ее только на концертах и когда она проезжала по Арбату в своем экипаже» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 296).

[191] См. свидетельство С.М. Соловьева: «<…> Дмитрий Сергеевич Новский, молодой человек, тайно приявший католичество и получивший в Галиции сан иподиакона. Новский окончил два факультета: математический и филологический по классическому отделению, мечтал посвятить себя древней философии, но С.Н. Трубецкой отнесся к нему холодно и не оставил при университете. Новский окончил жизнь учителем латинского языка в Ярославле» (*Соловьев С.М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. С. 346–347). Новский служил псаломщиком в домашней часовне, устроенной католиком-униатом, священником Николаем Алексеевичем Толстым, и участвовал в обряде присоединения в 1896 г. Вл. Соловьева к католичеству. Акт, свидетельствующий об этом и предназначенный прекратить «все сомнения по вышеозначенному поводу», был опубликован священником Н.А. Толстым, кн. О.В. Долгоруковой и Д.С. Новским и неоднократно перепечатывался. См.: *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 186.

[192] Сыновья М.К. Морозовой и М.А. Морозова – Георгий (Юрий) Михайлович Морозов, впоследствии выпускник юнкерского училища, и Михаил Михайлович Морозов, впоследствии историк литературы, переводчик, шекспировед.

[193] Образ из Апокалипсиса: «И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным» (Откр. XII, 5).

[194] 1–7 апреля 1901 г.

[195] Сестра А.С. Петровского Елена Сергеевна Петровская после окончания с золотой медалью Московской женской классической гимназии С.Н. Фишер стала монахиней Серафимо-Дивеевского монастыря, в 1920-е гг. перешла в Оптину пустынь.

[196] Возможно, имеется в виду одна из многочисленных биографий Серафима. Напр.: [*Елагин Н.В.*]. Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. С приложением его наставлений и келейного правила. М., 1884 (То же: М., 1901); [*Игумен Георгий*]. Сказание о жизни и подвигах старца Серафима , иеромонаха Саровской пустыни и затворника, с изображением его в пустынножительстве. Казань, 1898 (То же: 1900); *Поселянин Е.Н.* Старец Серафим Саровский: Его жизнь, подвиги и чудеса по его молитве. М., 1901, и др.

[197] Иеросхимонах Амвросий Оптинский – один из вероятных прообразов старца Зосимы, героя романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880). См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 15. Л., 1976. С. 456–457, примеч. Г.М. Фридлендера.

[198] Имеется в виду очерк К.Н. Леонтьева «Отец Климент Зедергольм, Иеромонах Оптиной Пустыни» (Варшава, 1880).

[199] «Завет служенья Непостижной» – заключительная строка стихотворения А. Блока «Religio» («2. Безмолвный призрак в терему…», 18 октября 1902 г.).

[200] «Священные цвета» – фрагмент из программной статьи «Символизм как миропонимание» (Мир Искусства. 1904. № 5. С. 173–196), выделенный в самостоятельную статью под указанным заглавием при формировании книги Андрея Белого «Арабески» (М.: Мусагет, 1911. С. 115–129). Анализу «теософии цветов» посвящена также статья Белого «О религиозных переживаниях», представленная в марте 1903 г. в редакцию журнала «Новый Путь» и оставшаяся неопубликованной; напечатана ныне по автографу из архива А.А. Блока: Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 4–9 (Публ. А.В. Лаврова).

[201] Имеется в виду кружок М.А. Новоселова в Вышнем Волочке, на базе которого позже в Москве он учредил «Кружок ищущих христианского просвещения» (1907 – 1918) и инициировал в 1902 г. издание «Религиозно-философской библиотеки» (вышло 39 брошюр); об этом начинании идет речь в первом по времени сохранившемся письме А.С. Петровского к Белому, относящемся к январю 1902 г. (см.: *Белый – Петровский.* С. 53–54).

[202] Подразумеваются заключительные фрагменты части второй «Симфонии (2-й, драматической)» (*Андрей Белый*. Симфонии. С. 144–146).

[203] См.: Там же. С. 135. Цитата — из стихотворения Вл. Соловьева «Вновь белые колокольчики» (1900); в оригинале первый из цитируемых стихов: «Зло пережитое» (*Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. С. 137).

[204] Елена Кирилловна Вострякова (урожд. Мамонтова), сестра М.К. Морозовой.

[205] Ср.: «Талантливый художник на большом полотне изобразил “чудо” <...>» (*Андрей Белый*. Симфонии. С. 91). Подразумевается картина М.В. Нестерова «Чудо» (1895–1897), изображающая коленопреклоненную великомученицу Варвару с «усеченной главой», лежащей перед нею; экспонировалась на Всемирной парижской выставке в 1900 г. Впоследствии Нестеров уничтожил картину.

[206] Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева в Москве организовалось весной 1905 г. по инициативе ряда участников Религиозно-философской секции Студенческого Историко-филологического общества при Московском университете, возглавлявшегося кн. С.Н. Трубецким, и открылось явочным порядком после манифеста 17 октября 1905 г. В 1-м Зачатьевском переулке (д. 6. кв. 1) находилась канцелярия Общества, там же проходили первые заседания.

[207] 20–21 мая 1901 г.

[208] В «Симфонии (2-й, драматической)» — «золотой, Троицын день» и «белый Духов день» (*Андрей Белый*. Симфонии. С. 140, 146).

[209] В тексте «Симфонии»: «... монашка бесцельно сгорала в закатном блеске» (Там же. С. 142).

[210] Более определенных сведений о своем первом «грехопадении» Белый, по всей вероятности, нигде не зафиксировал.

[211] 1-й том воспоминаний «Начало века» (так наз. «берлинская» редакция 1923 г.), переданный для опубликования в издательство «Эпоха», не был напечатан, рукопись его утрачена.

[212] Имеется в виду прежде всего статья Вл. Соловьева «Идея человечества у Августа Конта» (Cosmopolis. 1898. Апрель. С. 60–73; Декабрь. С. 179–187). Книга Соловьева «Кризис западной философии (Против позитивистов)» (М., 1874) завершается приложением «Теория Огюста Конта о трех фазисах в умственном развитии человечества». См.: *Соловьев В.С.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. С. 122–138, 562–581.

[213] Ср. воспоминания С.М. Соловьева о переживаниях, относящихся к весне 1901 г.: «По вечерам мы ездили с Борей в Новодевичий монастырь <...> Там мы, после жаркого дня и выпитого самовара, наслаждались вечерней свежестью и росой, говоря все об одном: о любви небесной. Мы ждали каких-то необыкновенных событий и с наивностью мальчиков придавали историческое и мировое значение нашим субъективным переживаниям» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 296).

[214] Цитата из части третьей «Симфонии (2-й, драматической)» (*Андрей Белый*. Симфонии. С. 149).

[215] См.: Там же. С. 155–156.

[216] Подразумеваются пейзажные зарисовки в главе «Памир: крыша света» (*Андрей Белый*. Записки чудака. Т. 1. М.; Берлин: Геликон, 1922. С. 49–51).

[217] Глава из части второй 4-й «симфонии» «Кубок метелей» (*Андрей Белый*. Симфонии. С. 303–309).

[218] Цитата из части третьей «Симфонии (2-й, драматической)» (Там же. С. 155).

[219] См. выше, примеч. 168. Точная дата написания стихотворения указана Блоком во всех его авторских книгах, начиная с «Собрания стихотворений. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904)» (М.: Мусагет, 1911. С. 59).

[220] Эту совместную с Белым поездку в Серебряный Колодезь С. Соловьев вкратце описал в мемуарах (см.: *Соловьев С.* Воспоминания. С. 296–297).

[221] Это стихотворение С. Соловьева не было опубликовано. Маем 1901 г. датировано стихотворение «Ответ Б.Н. Бугаеву на его стихотворение “Не признали мы кумира”»:

Храня один завет священный,
Идем без трепета вперед!

Идем в тот край благословенный,
Где смерть старинная умрет.

Забудем прежние стремленья,
Тоску и счастье прежних лет.
Идем туда, где Воскресенья
Нам дан торжественный Завет.

(РГАЛИ. Ф. 475. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9).

[222] Имеется в виду первая половина 3-й части.

[223] А.С. Гончарова была племянницей Н.Н. Пушкиной (урожд. Гончаровой) – дочерью ее младшего брата С.Н. Гончарова.

[224] Согласно толкованию Е.П. Блаватской, карма (*санскр.*) – «физически – действие; метафизически – *Закон Воздаяния* – Закон причины и следствия, или Нравственная Причинность <…> Карма ни наказывает, ни награждает, она есть просто *единый* Всеобщий *Закон*, безошибочно и, так сказать, слепо направляющий все другие законы, производящие определенные результаты в направлениях, определенных соответствующими им причинностями» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь / Пер. Е.П. Инге под ред. С.А. Белковского М., 1994. С. 215–216).

[225] См. выше, примеч. 131.

[226] Подразумевается «Симфония (2-я, драматическая)».

[227] Подразумевается «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского.

[228] «Л. Толстой и Достоевский» – первая публикация в «Мире Искусства» (см. выше, примеч. 143).

[229] См. примеч. 38 к *РД*.

[230] Имеются в виду слова, которые изрекает «сущность вещей»: «Негр, негр! Конечно, негр!.. Черномазый, красногубый негр – вот грядущий владыка мира!» (*Андрей Белый.* Симфонии. С. 185). Ср. стихотворение Белого «Луна засияла туманным пятном…» (июль 1901 г.), написанное «по поводу грядущего "паннегризма"» (*СП–2.* С. 439).

[231] См. одноименное стихотворение Вл. Соловьева («Панмонголизм! Хоть слово дико…», 1894) (*Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. С. 104–105).

[232] Ср. фрагмент из части четвертой «Симфонии (2-й, драматической)»:

«1. "Первый блин, да комом", – сказал повар в белом колпаке, глядя на неудавшийся блин.

2. "Ну ничего, авось другие выйдут…" И с этими словами он бросил блин жадному псу» (*Андрей Белый.* Симфонии. С. 179).

[233] Неточная цитата; в оригинале: «…еще много святых радостей осталось для людей…» (Там же. С. 193).

[234] Неточные цитаты. См.: Там же. С. 192.

[235] Имеется в виду письмо С. Соловьева к Белому из Дедова от 11 августа 1901 г., в котором, в частности, сообщалось: «Теперь у меня гостит мой родственник, студент Петербургского университета – Блок, стихи которого я вам читал. Он теперь весь ушел в стихотворения моего дяди и пишет сам религиозно-мистические стихотворенья, которые мне очень нравятся. Мы с ним ведем такого рода разговоры: "имеет ли стихотворение В.С. Соловьева "Вся в лазури сегодня явилась" непосредственную связь с "Тремя свиданиями"? – "Имеет" и т.д. Я нахожусь, следовательно, в своей природной стихии» (*ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 173).

[236] Религиозно-мистические сочинения А.Н. Шмидт собраны в книге: Из рукописей А.Н. Шмидт. <М.>, 1916 (новейшее переиздание: *Шмидт А.* Третий Завет. СПб., 1993); в ней опубликованы 7 писем Вл. Соловьева к Шмидт, отправленных с 8 марта по 22 июня 1900 г. (С. 281–288; в переизд.: С. 193–198). Шмидт отправила Вл. Соловьеву 26 писем и 5 телеграмм.

[237] Цитата из части четвертой «Симфонии (2-й, драматической)» (*Андрей Белый.* Симфонии. С. 181).

[238] Эти письма А.Н. Шмидт, видимо, не сохранились.

[239] Ср. сообщение в письме О.М. Соловьевой к матери А. Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух, от 3 сентября 1901 г.: «Сашины стихи произвели необыкновенное, трудно-описуемое, удивительное, громадное впечатление на Борю Бугаева, мнением которого все мы очень дорожим и которого я считаю самым понимающим из всех, кого мы знаем. Боря показал стихи своему другу Петровскому <…> и на Петровского впечатление было такое же. Что говорил по поводу стихов Боря – лучше не передавать, потому что звучит слишком преувеличенно, но мне это приятно и тебе я думаю будет тоже» (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 174–175). Сохранилось около 30 списков ранних стихотворений Блока, сделанных Белым (см. их подробное описание: *Котрелев Н.В.* Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока // Там же. Кн. 1. М., 1980. С. 241–246).

[240] Ср. дневниковую запись В.Я. Брюсова (сентябрь 1901 г.): «Был у меня Мих. С. Соловьев, благодарил за статью о Вл. Соловьеве и привез первые томы собрания его сочинений; кроме того предлагал что-то для “Северных Цветов”. После я был у него. Жена его, Ольга Михайловна, “поклонница и жрица красоты”, мило болтала о Фете и Вергилии <…> Сын Соловьевых, юный Сергей Михайлович, тоже мило беседовал о Корнеле и Расине. – Ждали сына проф. Бугаева, декадентствующего юношу, жаждавшего меня видеть, но случилось, что его не было дома (он живет рядом)» (*Брюсов В.* Дневники. 1891–1910 / Приготовила к печати И.М. Брюсова. Примеч. Н.С. Ашукина. <М.>, 1927. С. 106). Весьма вероятно, что М.С. Соловьев предлагал для «Северных Цветов» (первого альманаха издательства «Скорпион») «Симфонию (2-ю, драматическую)» – возможно, отрывок из нее.

[241] См. примеч. 70 к *РД*.

[242] Имеется в виду издание: L'Apocalypse expliquée selon le sens spirituel, où sont révélés les arcanes qui y sont prédits. Ouvrage posthume d'Emmanuel Swedenborg, traduit du latin par J.-F.-E. Le Boys des Guays. Saint-Amand (Cher), Porte, 1855–1859 (7 vol. in 8).

[243] Возможно, имеется в виду издание: *Серафим (Чичагов)*. Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца. 2-е изд., Серафимо-Дивеевский монастырь, 1903.

[244] П.Н. Батюшков не был внуком К.Н. Батюшкова (у поэта не было потомства), а принадлежал к другой ветви рода Батюшковых, восходившей к прадеду поэта Андрею Ильичу Батюшкову (см.: *Кошелев Вяч.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 9).

[245] «Свет на Пути» («Light on the Path: a Treatise Written for the Personal Use of Those Who Are Ignorant of the Eastern Wisdom and Who Desire to Enter Within Its Influence», 1885) – теософский трактат Мейбл Коллинз, представленный как отрывок из древнейшей индусской «Книги Золотых Правил». См. его текст в русском переводе Е.Ф. Писаревой (М., 1905; первая теософская книга, изданная в России) и с комментариями Е.П. Блаватской, М. Коллинз и Рамачараки: Свет на Пути / Сост. Д.Н. Попов. М., 1997.

[246] «Бхагавадгита» (середина 1-го тысячелетия до н. э.) – памятник религиозно-философской мысли Древней Индии, часть 6-й книги «Махабхараты», философская основа индуизма.

[247] Имеются в виду подготовленные В.В. Докучаевым «Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Естественноисторическая часть» (Вып. 1–14. СПб., 1884–1886) и «Материалы к оценке земель Полтавской губернии. Естественноисторическая часть» (Вып. 1–13. СПб., 1889–1894). Ср.: *На рубеже*. С. 428–429.

[248] См. примеч. 75 к *РД*.

[249] См. подробное описание этих встреч: *НВ*. С. 142–145.

[250] См. выше, примеч. 237.

[251] См.: *Священник Л.М. Чичагов*. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии Ардатовского уезда с жизнеописанием основателей его схимонахини Александры, урожденной А.С. Мельгуновой, и блаженного старца иеромонаха Серафима и его сотрудников: М. Мантурова, протоиерея о. Садовского, блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой, Н.А. Мотовилова, сподвижниц обители и других. М, 1896; *Священник Л.М. Чичагов*. Краткое содержание

«Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» с жизнеописанием основателей А.С. Мельгуновой и о. Серафима Саровского и подвижниц обители. М., 1896.

[252] Подробнее см.: *Malmstad John E.* Andrey Bely and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review. 1990. Vol. 14. P. 21–59; Vol. 15. P. 59–102.

[253] Письмо Брюсова к М.С. Соловьеву с отзывом о «Симфонии (2-й, драматической)», вероятно, не сохранилось. В недатированном письме М.С. Соловьев отвечал Брюсову: «Спасибо Вам за письмо и за предложение “Скорпиона”. Ваш отзыв о поэме меня очень обрадовал. Самое главное, что Вы нашли ее “говоря вообще прекрасной”, а недостатки, Вами указанные, я признаю почти все. Вот относительно отсутствия напева, мелодии – я что-то не понимаю. Мне кажется, мелодия есть, поет все время, только часто фальшивит, и чем мелодия яснее и приятнее, тем резче поражают неверные ноты. Послушаюсь Вашего совета и издам эту вещь. Впрочем, и не могу поступить иначе, потому что обещал, что будет издано, а если “Скорпион” отказывается, то, кажется, некуда больше обратиться» (РГБ. Ф. 386. Карт. 103. Ед. хр. 22).

[254] Подробнее о встречах с Л.А. Тихомировым см.: *НВ*. С. 155–163.

[255] Вероятно, подразумевается одно из трех недатированных писем, относящихся к раннему периоду, до личного знакомства Белого и Морозовой. См.: «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 41–43.

[256] Ботаник С.Л. Иванов стал профессором Московского педагогического института им. А.О. Бубнова.

[257] См. примеч. 65 к *РД*.

[258] Речь идет об утраченном томе I «берлинской» редакции (1923) воспоминаний «Начало века». См. главу «Знакомство с Брюсовым» в позднейших воспоминаниях Белого того же заглавия (*НВ*. С. 172–175).

[259] Обстоятельства знакомства с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус в этот день Белый осветил в отдельной главе («Встреча с Мережковским и Зинаидой Гиппиус») в тех же воспоминаниях (*НВ*. С. 192–197). Описывая встречу с Мережковскими у Соловьевых, Брюсов отметил: «Были там еще два наших студента-декадента: Бугаев, Борис Николаевич (автор “Симфоний” и сын проф. Бугаева) и Петровский, чуть-чуть заикающийся: Бугаев старался говорить вещи очень декадентские. Оба благоговели перед Мережковским и Зиночкой» (*Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. С. 110).

[260] Лекция Мережковского «Русская культура и религия» состоялась в Московском психологическом обществе 8 декабря 1901 г.; после перерыва «происходили прения по поводу выслушанного реферата, в которых принимали участие Н.В. Бугаев, В.И. Герье, кн. С.Н. Трубецкой, Г.А. Рачинский и сторонний посетитель С.Ф. Шарапов» (Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 1 (61). С. 633). Ход собрания охарактеризован в «Дневниках» Брюсова (С. 111–112). См. также: *НВ*. С. 197–201.

[261] О распространении в узком московском кругу автографов и списков стихотворений А. Блока в период, предшествовавший его дебюту в печати в 1903 г., см.: *Котрелев Н.В.* Неизвестные автографы ранних стихотворений Блока. С. 222–232.

[262] Под «московской» подразумевается «Симфония (2-я, драматическая)».

[263] См.: *Студент-естественник*. По поводу книги Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский». Отрывок из письма // Новый Путь. 1903. № 1. С. 155–159.

[264] Доклад Мережковского о Гоголе был прочитан в Историческом музее 17 февраля 1902 г. В этот приезд Мережковские находились в Москве с 17 по 19 февраля.

[265] Хлопоты об издании журнала «Новый Путь» (см. выше, примеч. 170) были начаты в первой половине 1902 г., разрешение от Главного управления по делам печати было получено 3 июля 1902 г. (см.: *Максимов Д.* «Новый Путь». С. 149–150).

[266] «Славянский Базар» – гостиница и ресторан в Москве на Никольской ул., в доме Синодальной типографии.

[267] А.В. Алёхин, сначала пламенный толстовец, потом один из лидеров евангельских христиан (баптистов), был городским головой Курска с 1897 г. по 1908 г, потом в 1917 г. В 1901 г. он был избран на эту должность во второй раз. Об этом ужине см. также: *НВ*. С. 208.

[268] Этот разговор состоялся во вторник 19 февраля 1902 г.; ср. запись Брюсова: «Во вторник у Мережковских был Боря Бугаев, и они просили никого не приходить» (*Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. С. 118).

[269] Первое из сохранившихся в архиве Андрея Белого писем З.Н. Гиппиус к нему датировано 3 марта 1902 г.: «У вас много сил, но последнюю силу – силу для *воплощения* сил, вы найдете не один (нельзя одному), а только с другими <...> Я думаю о том, как вы нам нужны, – и о том, что мы вам нужны той же мерою, хотя с иной стороны. Вы – то в дремоте, то в "энтузиазме", даже не в дремоте, а в "грезах" <...>, у вас еще есть какой-то неопределенный эстетизм, еще брызги декадентства на вас; а мы часто – в тупой безмысленности, тело тяжелеет и на мгновенье все равно, точно ничего нет. Отчаянье – и то, и другое!» (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6).

[270] Рукопись этой университетской работы Белого не выявлена.

[271] Два симфонических концерта под управлением Артура Никиша состоялись в Московском Филармоническом обществе 1 и 4 апреля 1902 г.

[272] Ср. свидетельство Э.К. Метнера (дневниковая запись от 16 сентября 1902 г. о Белом): «В первый раз я виделся с ним на заседании Психологического общества в память Вл. Соловьева. Это было мимолетно. Нынешнею весною Алеша (А.С. Петровский. – *Ред.*) затащил его ко мне, после того как узнал, что мы быстро сошлись на репетиции концерта Никиша <...>» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 50 об.–51). 16 апреля 1902 г. Петровский писал Метнеру: «Не зайдете ли ко мне в пятницу вечером? У меня будет Бугаев <...> Конечно, если Вам интересно поближе с ним познакомиться» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24. «Пятница» – 19 апреля).

[273] Литературный дебют Андрея Белого — «Симфония (2-я драматическая)» (<М.>: Скорпион, <1902>). Страстная неделя – 7–13 апреля.

[274] Ср. недатированное письмо Петровского к Э.К. Метнеру: «Не приобретете ли себе одну книжку: Андрея Белого: Симфония, цена 1 р. Она доставит Вам несколько с удовольствием проведенных часов. Если возникнут догадки относительно автора, пожалуйста *держите их про себя*. Если встретите в 1 и 4 части два лица, напоминающих меня, то помните, что это *не я*, и у автора не было намерения изобразить меня. Вообще, эта вещь – шутка, не предназначавшаяся для печати, шутка, подчас доходящая до буффонады» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 24).

[275] Это письмо в архиве Белого не сохранилось.

[276] Имеется в виду катастрофическое извержение вулкана на острове Мартиника в мае 1902 г., повлекшее за собой многочисленные разрушения и человеческие жертвы.

[277] Письмо Гиппиус к Белому с приглашением приехать в Петербург и с разъяснениями, как добраться до квартиры, было отправлено 3 мая 1902 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6).

[278] «Все тот же раскинулся свод...» — первое стихотворение цикла «Три стихотворения», входящего в первый раздел («Золото в лазури») книги стихов и лирической прозы Андрея Белого «Золото в лазури» (М.: Скорпион, 1904). См.: *СП–1*. С. 88.

[279] Альманах «Северные Цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством "Скорпион"» (М., 1902) вышел в свет в марте 1902 г.

[280] Имеется в виду прозаический цикл «Образы» (опубликован за подписью: *А.М.Д.*) в «Северных Цветах на 1902 год» (С. 89–96). В первом альманахе «Северные Цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством "Скорпион"» (М., 1901) было опубликовано стихотворение А. Добролюбова «Отодвиганье смерти» (С. 75).

[281] См. примеч. 50 к *РД*.

[282] См. выше, примеч. 273, 274. 16 сентября 1902 г. Э.К. Метнер записал в дневнике: «... вышла в свет книжка А. Белого "Симфония", которую я начал читать, не зная, что она принадлежит перу Бугаева, но среди чтения догадался, кто автор. Я ответил на визит, и мы сблизились еще больше» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 51).

[283] Оценку «Симфонии (2-й, драматической)» Метнер дал в статье «Симфонии Андрея Белого» (Приднепровский Край. 1903. № 2023, 2024, 15 и 16 декабря. Подпись: Э.). См.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 39–53.

[284] Белый подробнее пишет об этом в мемуарно-некрологическом очерке «Валерий Брюсов»: «Никогда не забуду я первого разбора стихов моих Брюсовым; эти стихи уже были им приняты: но на конкретном разборе он явственно мне показал, что они еще – *общее место*, которое в будущем лишь наполнится поэтическим содержанием; вместе с тем: я от Брюсова вышел совсем не раздавленным; наоборот: охватила огромная радость познания; я понял впервые тогда, что собой представляет конкретный и грамотно сложенный стих; урок Брюсова не пропал; я впервые стал крепко работать над собственной формой <…>» (Россия. 1925. № 4 (13). С. 278).

[285] Речь идет о IX выставке Московского Товарищества Художников, открывшейся в залах Исторического музея в марте 1902 г.

[286] Заключительные строки стихотворения Белого «Все тот же раскинулся свод…» (1902; *СП–1.* С. 88).

[287] Цитата из «Отрывков из 4-й симфонии» («из 2-й части»), опубликованных в «Альманахе книгоиздательства “Гриф”» (М., 1903). См.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 457.

[288] Неточная цитата из того же произведения (Там же. С. 457).

[289] Ср.: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2: 20).

[290] Имеется в виду исторический роман Мережковского «Смерть богов. (Юлиан Отступник)» (1895; отд. изд.: СПб., 1896; 2-е изд.: СПб., 1902).

[291] «Кубок метелей. Четвертая симфония» Андрея Белого (М.: Скорпион, 1908) – окончательная версия текста, о первоначальной редакции которого можно судить по «Отрывкам из 4-й симфонии» (см. выше, примеч. 287).

[292] Патмос – остров к западу от побережья Малой Азии, к юго-западу от Самоса; место ссылки апостола Иоанна Богослова, где ему предстало Откровение.

[293] Названные фрагменты входят в состав части второй «Кубка метелей» (см.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 327–330, 333–335).

[294] С написанием новой версии 3-й части «Возврат. III симфония» Андрея Белого была завершена; опубликована отдельным изданием в середине ноября 1904 г. (М.: Гриф, 1905).

[295] «Большая соната» G-dur П. И. Чайковского (ор. 37, 1878).

[296] См. примеч. 56, 195 к *РД.* См. издания: *Джэмс У.* Психология / Пер. с англ. И.И. Лапшина. СПб., 1896; также: СПб., 1898 (2-е изд.); СПб., 1901 (3-е изд.); СПб., 1902 (4-е изд.); или: *Джемс В.* Научные основы психологии / Пер. с последнего англ. изд. под ред. Л.Е. Оболенского. СПб., 1902.

[297] Дочери тетки Белого А.В. Жуковой.

[298] Ср. упоминания в письмах О.М. Соловьевой к А.А. Кублицкой-Пиоттух о «страшных» стихах Блока (17 октября 1902 г.): «Я перечла Сашины страшные стихи, и опять они показались мне ужасны» (20 октября 1902 г.) (*ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 186, 187). Белый вспоминает: «Все осенние стихотворения Блока – не радовали своим бредом, и Ольга Михайловна разболевалась от них» (*НВ.* С. 222).

[299] Ср. запись Брюсова, относящуюся к сентябрю 1902 г.: «Я устроил у себя jours-fix<es>. Бывает всегда Курсинский, часто Гофман, затем Балтрушайтис, С.А. Поляков, Ланг, Черногубов, Садовник, Каллаш… (позднее Пантюхов, Койранские)» (*Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. С. 122). 8 ноября 1902 г. Белый писал Брюсову: «… мы с Михаилом Сергеевичем собираемся к вам в середу (ближайшую)» (*ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 350. «Среда» – 13 ноября).

[300] Произведения Николая Метнера – соната для ф-но f-moll (ор. 5; 1902–1903) и «Восемь картин настроений» («Acht Stimmungsbilder») для ф-но (ор. 1; 1896–1897). См. также примеч. 167.

[301] Э.К. Метнер обвенчался с Анной Михайловной Братенши 25 октября 1902 г. (см.: *Метнер Н.К.* Письма / Сост. и ред. З.А. Апетян. М., 1973. С. 40–41). 1 августа 1902 г. он сообщал А.С. Петровскому: «Назначен я в Нижний Новгород отдельным (т. е. единственным) цензором, так что мне придется возиться с газетами и водиться с Горькими, Дорошевичами etc. – Пока я прикомандиро-

ван со вчерашнего дня к Московскому Цензурному Комитету на правах цензора, вследствие чего и буду довольно сильно занят эти два месяца» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 6). См. также: *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. СПб., 2001. С. 18–19.

[302] Ранние переводы Эллиса из Ш. Бодлера были изданы отдельной книгой. См.: *Эллис.* Иммортели. Вып. I-й. Ш. Бодлэр. М., 1904.

[303] Видимо, имеется в виду книга Вильгельма Вундта «Система философии» (Пер. с нем. А.М. Водена. СПб., 1902); или его же «Введение в философию» (Полный пер. с 2-го нем. изд. Г.А. Котляра, под ред. проф. Моск. ун-та кн. С.Н. Трубецкого. М., 1902). См. также примеч. 66 к *РД*.

[304] Выставка картин объединения «Мир Искусства» открылась в Москве 16 ноября 1902 г. в доходном доме А.С. Грачевой на углу Петровки и Столешникова переулка (д. 15/13).

[305] См.: *Бугаев Борис.* Формы искусства // Мир Искусства. 1902. № 12. С. 343–361.

[306] Декоративное панно М.А. Врубеля «Фауст и Маргарита в саду» (1896; принадлежало М.К. Морозовой, настоящее местонахождение неизвестно). См.: Врубель: Переписка. Воспоминания о художнике. Л., 1976. С. 318–319. Репродукцию картины см. в кн.: *Яремич С.* Михаил Александрович Врубель. Жизнь и творчество. М.: Изд. И. Кнебель, <1911>. С. 101. Всего на выставке было выставлено 60 работ Врубеля.

[307] Подразумевается письмо Д.В. Философова (заведовавшего в «Мире Искусства» литературным отделом) от 25 января 1903 г.: «Не написали ли Вы чего-ниб<удь> нового? Если то, что Вы написали, и *не* подходит к нашему журналу, может быть, Вы все-таки не откажете нас ознакомить с Вашими рукописями, так как мы все в редакции интересуемся развитием вашего литературного дарования. По прочтении, рукописи будут возвращены» (РГБ. Ф. 25. Карт. 24. Ед. хр. 16).

[308] Статья Белого о М.А. Олениной-д'Альгейм «Певица», напечатанная в «Мире Искусства» (1902. № 11. С. 302–304), была представлена в журнал раньше, чем статья «Формы искусства». 3 декабря 1902 г. Философов писал Белому: «Ваша заметка об Олениной идет в № 11. С.П. Дягилев говорил мне, что Вы выразили желание напечатать в “Мире Иск<усства>” статью Вашу “об искусстве с точки зрения формы”. Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой выслать означенную статью по возможности скорей». В цитированном выше письме от 25 января 1903 г. он сообщал: «Ваша заметка об Олениной вызвала довольно много нападок. У нас в редакции с ней не согласны и по существу» (РГБ. Ф. 25. Карт. 24. Ед. хр. 16).

[309] В «Северных Цветах. III альманахе книгоиздательства “Скорпион”» (М., 1903) были опубликованы «Пришедший. Отрывок из ненаписанной мистерии» Андрея Белого (С. 2–25) и его стихотворный цикл «Призывы» (С. 26–38).

[310] Цитата из стихотворения «Владимир Соловьев» («Задохлись мы от пошлости привычной...», 1903), посвященного М.С. Соловьеву (*СП–1.* С. 158).

[311] «Старинный друг» – стихотворение в 5 частях, посвященное Э.К. Метнеру и в полном объеме впервые опубликованное в книге Белого «Золото в лазури» (М., 1904. С. 138–144). Автограф 2-й его части («Янтарный луч озолотил пещеры...») под заглавием «Встреча» был отправлен в письме к Э.К. Метнеру от 11 декабря 1902 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 5) с датировкой: «1902 года. Ноябрь»; та же 2-я часть под заглавием «Старинный друг» была опубликована в составе цикла «Возврат» в «Альманахе книгоиздательства “Гриф”» (М., 1903. С. 46–47). См.: *СП–1.* С. 138, 530.

[312] Строка из стихотворения Белого «Сергею Соловьеву» («Соединил нас рок недаром...», 1909). См.: *СП–1.* С. 355.

[313] Последняя драма Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899) была поставлена на сцене Московского Художественного театра (премьера 28 ноября 1900 г.; режиссер – Вл. И. Немирович-Данченко, в главных ролях: Рубек – В.И. Качалов, Майя – О.Л. Книппер, Ирена – М.Г. Савицкая).

[314] Драмы Ибсена: «Йун Габриэль Боркман» («Джон Габриэль Боркман»; 1896), «Строитель Сольнес» (1892), «Маленький Эйольф» (1894), «Женщина с моря» (1888), «Дикая утка» (1884),

«Привидения» (1881), «Кукольный дом» («Нора», 1879), «Враг народа» (1882), «Бранд» (1865), «Пер Гюнт» (1867).

[315] См. выше, примеч. 305.

[316] Первое письмо А. Блока к Белому датировано 3 января 1903 г., первое письмо Белого к Блоку, отправленное до его получения, – 4 января 1903 г. См. их текст с позднейшим комментарием Белого: *Белый – Блок*. С. 15–23. О «разрешении» написать Блоку О.М. Соловьева спрашивала (по просьбе Белого) мать Блока А.А. Кублицкую-Пиоттух в письмах от 22 и 31 декабря 1902 г. (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 193, 194). Ср. «Воспоминания о Блоке» Белого (*О Блоке*. С. 43–44).

[317] Подразумевается трактир, позднее ресторан И.Я. Тестова на углу Воскресенской и Театральной площадей (здание не сохранилось).

[318] «Чтения о Богочеловечестве» (1878–1881) – цикл лекций Вл. Соловьева (отд. изд.: М., 1881). С.М. Соловьев вспоминает о тех же днях: «О том, что будет с матерью, когда отец умрет, я старался не думать. В гимназию я ходить перестал и ежедневно прочитывал по главе "Чтений о богочеловечестве" Вл. Соловьева, погружаясь в глубины метафизики» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 346).

[319] Приводимые точные даты в описании предсмертной болезни М.С. Соловьева не соответствуют действительности: день кончины М.С. Соловьева – 16 января.

[320] Г.А. Рачинский состоял делопроизводителем и секретарем Московского губернского правления в 1889–1907 гг.

[321] См.: *Соловьев С.* Воспоминания. С. 347.

[322] Описание похорон (18 января 1903 г.) см.: Там же. С. 349–351. М.С. и О.М. Соловьевы были погребены в одной могиле на кладбище Новодевичьего монастыря за храмом Успения Пресвятой Богородицы. На сегодняшний день могила не сохранилась.

[323] С.Н. Трубецкой предложил С. Соловьеву после похорон поехать в Киев к своему брату Е.Н. Трубецкому. О своем прибытии в Киев Соловьев сообщил Г.А. Рачинскому 28 января 1903 г. (РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Ед. хр. 2903). 27 января 1903 г. Белый писал Брюсову о С. Соловьеве: «Он уехал в Киев, где и останется недели две. Самочувствие его великолепно. Я на него возлагаю большие надежды. Он из закаленных <…> В Киеве за ним будет следить брат московского Трубецкого и профессор Сикорский» (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 352).

[324] См. письмо Блока к Белому от 17 января 1903 г. (*Белый – Блок*. С. 34). Белый посвятил «незабвенной памяти М.С. и О.М. Соловьевых» стихотворение «Могилу их украсили венками…» (*СП–1*. С. 156–157), Блок – стихотворение «Отшедшим» («Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду…», 22 января 1903 г.) (*Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 4. М., 1999. С. 174, 568–569).

[325] Ср. сообщение в письме А.С. Петровского к Белому от 7 августа 1903 г.: «1 сент<ября> начало лекций в академии: надо теперь окончательно решать свой дальнейший путь» (*Белый – Петровский*. С. 63). Петровский поступил в Московскую Духовную Академию осенью 1903 г., но не закончил ее.

[326] Михаил Абрамович Морозов (1870–1903) – представитель богатой купеческой семьи, промышленник, коллекционер новейшей русской и западноевропейской живописи, прозаик и художественный критик – скончался 12 октября 1903 г.

[327] «Прежде и теперь» – второй раздел книги Белого «Золото в лазури».

[328] Знакомство Белого и М.А. Волошина состоялось 5 февраля 1903 г. на званом ужине у Брюсова (*Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 107). Ср.: *НВ*. С. 252–253.

[329] Гриф – обиходное в литературной среде прозвище С.А. Соколова (Кречетова), создателя и руководителя одноименного московского модернистского издательства.

[330] В «Альманахе книгоиздательства “Гриф”» (М., 1903), вышедшем в свет во второй половине апреля 1903 г., были опубликованы 8 стихотворений Андрея Белого и его «Отрывки из 4-й симфонии» (С. 43–61).

[331] Имеется в виду статья Андрея Белого «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам» (Хроника журнала «Мир Искусства». 1903. № 7. С. 65--67).

[332] Перечень выявленных печатных откликов см. в библиографии Андрея Белого, составленной Н.Г. Захаренко и В.В. Серебряковой (Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. Т. 3, ч. 1. М., 1979. С. 140).

[333] Обыгрывается заглавие драмы Генрика Ибсена «Столпы общества» (1877).

[334] Отзыв о «симфониях» Белого за подписью Ю.И. Айхенвальда не выявлен (ср.: «К “Указателю” критической литературы обо мне». С. 779 наст. изд.). В журнале «Русская Мысль» была опубликована анонимная рецензия на «Симфонию (2-ю драматическую)» (1902. № 7. Отд. III. С. 216–219).

[335] См. выше, примеч. 283.

[336] Имеется в виду статья «Наброски», напечатанная в московской газете «Курьер» 3 мая 1903 г. за подписью *К–ий* (отклик на статью Белого «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам»). Ср.: *НВ*. С. 616.

[337] А.А. Курсинский был постоянным сотрудником «Курьера» с 1903 г. вплоть до закрытия газеты в июне 1904 г.

[338] Стихотворение «Наполеон» («Да, на дороге поколений…» 1901) было впервые опубликовано в «Альманахе книгоиздательства “Гриф”» (М., 1903), затем вошло в книгу В. Брюсова «Urbi et orbi» (М.: Скорпион, 1903), позднее перенесено в книгу «Tertia vigilia». См.: *Брюсов В.* Собр. соч. В 7 т. Т. 1. М., 1973. С. 160–161.

[339] Имеются в виду заседания Московского Литературно-художественного кружка 11 марта 1903 г. с выступлением К.Д. Бальмонта «Кальдероновская драма личности» (см.: Новости Дня. 1903. № 7097, 11 марта. С. 2) и 18 марта 1903 г. с выступлением С.В. Потресова (Яблоновского) на тему «Оригиналы и копии в новой поэзии» (в программе лекции: «Характерные особенности символизма и породившие его факторы. Русский символизм как разновидность западного. Черты, объединяющие западных символистов с русскими. Эстетические и этические основы этой поэзии» // Там же. № 7104, 18 марта. С. 2). В репортаже об этом вечере сообщалось: «В ответ г. Потресову говорили целых девять героев или энтузиастов “новой поэзии”, самой различной складки» (*Али* <*Эфрос Н.Е.*>. Случайные заметки // Там же. № 7106, 20 марта. С. 3). Ср. анонимное свидетельство: «В высшей степени своевременным докладом <о> новой поэзии открыл вчерашний вторник С.В. Потресов-Яблоновский. Он дал возможность своим обстоятельным докладом на тему: “Оригиналы и копии” высказаться и московским представителям новой поэзии гг. Волошину, Шубину, Шику, Рославлеву, Соколову, Хессину, Курсинскому, Брюсову, Бугаеву и представителям искусства вообще гг. Баженову, Баснину и Быховскому» («В литературном кружке» // Русское Слово. 1903. № 77, 19 марта. С. 3).

[340] Имеется в виду фельетон В.А. Гиляровского, представлявший собой отклик на указанное выше (примеч. 339) заседание с выступлением С.В. Потресова. В нем насмешливо обозревались выступления по поводу прочитанного реферата семи «новых поэтов», семи «подбрюсков», в частности:

«– Очередь г. Бугаева! Заявляет председатель!

Что-то худенькое, истощенное поднимается из стульев, и уныло, как голос из оврага, умоляюще вещает:

– Я отказываюсь!» (*Дядя Гиляй* <*Гиляровский В.А.*>. Люди четвертого измерения (Вечер смеха и забавы) // Русское Слово. 1903. № 78, 20 марта. С. 3).

[341] Пасха – 6 апреля.

[342] Ср. сведения из характерологического очерка о Белом, составленного Г.И. Поляковым: «Высоты не боялся совершенно. В студенческие годы, когда работал в химической лаборатории,

любил, балансируя, прохаживаться по балюстраде крыши здания, часто со стаканом чая в руках. В другой раз вместе с товарищем пробрался по карнизам одного дома, на высоте второго этажа, для того чтобы продемонстрировать, каким образом воры могут залезть в дом» (*Спивак М.* Посмертная диагностика гениальности. С. 253).

[343] Книга Рудольфа Германа Лотце «Макрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии» (Пер. с нем. Е. Корша. Ч. 1–3. М., 1866–1867).

[344] См.: *Фишер К.* История новой философии / Пер. с нем. юбилейного изд. Т. 2. Спиноза, его жизнь, сочинения и учение / Пер. с 4-го нем. изд. С.Л. Франка. СПб., 1906; Т. 3. Лейбниц, его жизнь, сочинения и учение / Пер. Н.Н. Полилова. СПб., 1905; Т. 6. Фихте, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1909. См. также примеч. 126 к *РД*. Возможно, Белый пользовался изданием «Истории новой философии» Куно Фишера в переводе Н. Страхова (Т. 1–4. СПб., 1862–1865).

[345] О пребывании С.М. Соловьева в Киеве и Харькове см.: *Соловьев С.* Воспоминания. С. 353–364. Е.Н. Трубецкой преподавал в должности профессора философии в университете Св. Владимира (Киев) в 1897–1905 гг.

[346] М.И. Пантюхов описал этот вечер в своем дневнике (ретроспективная запись от 23 февраля 1906 г.); см.: Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести «Тишина и старик». 1880–1910. Киев, 1911. С. 15. См. также главку «Декаденты» в воспоминаниях Белого (*НВ*. С. 257–263).

[347] Это письмо Брюсова (конец апреля 1903 г.) было адресовано Белому: «Я очень извиняюсь перед Вами и особенно перед Александрой Дмитриевной за мои излишне злобные слова братьям Кобылинским. Но правда и то, что эти братья (хотя Вы их и любите и цените) одни из самых пустых, вздорных и несносных болтунов в Москве» (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 357).

[348] См. письмо Блока Белому от 28 апреля 1903 г. и ответное письмо Белого от 9 мая (*Белый – Блок*. С. 61–62). Согласие Белого не было твердым и безусловным: «С удовольствием согласился бы, но я должен сопровождать папу на Кавказ и не знаю, вернусь ли к сроку. Во всяком случае мне хотелось бы быть у Вас шафером и поэтому я не отказываюсь от Вашего предложения. Я предупреждаю только, что вдруг мог бы и *не быть им* по обстоятельствам посторонним».

[349] «Курс метеорологии». Д.А. Лачинова издавался в 1889 г. и 1895 г. (см.: *Лачинов Д.А.* Курс метеорологии и климатологии. СПб., 1889 (на обложке: «Метеорология и климатология»); *Лачинов Д.А.* Основы метеорологии и климатологии. Второе вполне переделанное издание СПб, 1895); учебник «Аналитической химии» Н.А. Меншуткина был впервые издан в 1871 г., выдержал 9 прижизненных изданий. Подразумевается, видимо, также книга Томаса Джефри Паркера «Лекции по элементарной биологии» (Пер. В.Н. Львова. М., 1898; 2-е изд.: М., 1901).

[350] Свидетельство об окончании естественного отделения физико-математического факультета Московского университета было выдано Белому 22 мая 1903 г., диплома 1-й степени он был удостоен 28 мая 1903 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 305. Л. 9, 10).

[351] Московская ежедневная газета либерального направления, популярная в среде интеллигенции; в эстетическом плане в ней доминировали традиционалистские установки. Издавалась в 1863–1918 гг. Анучин был одним из учредителей паевого товарищества «Русских ведомостей» и печатался в газете.

[352] Два дня – вероятно, 11 и 12 мая. Ср. письмо З.Н. Гиппиус к Брюсову от 7 мая 1903 г.: «Мы надеемся выехать в субботу, 10-го, и в воскресенье видеть вас в “Славянском базаре”» (Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 298 (Публ. М.В. Толмачева)).

[353] Позднее, в 1911–1912 гг. Белый также предпринимал попытки продать этот участок земли, но они не дали желаемого результата.

[354] Н.В. Бугаев скончался 29 мая 1903 г.

[355] Н.В. Бугаев был похоронен 31 мая на территории Новодевичьего монастыря. Могила сохранилась (см.: *Кипнис С.* Новодевичий мемориал. Некрополь монастыря и кладбища. М., 1998. С. 26).

[356] 12 июня 1903 г. Белый сообщал В.Я. Брюсову: «Последние дни у меня часто бывал Семенов из “Нового Пути”. В конце концов он мне очень понравился» (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 358). См. главку «Леонид Семенов» в воспоминаниях Белого (*НВ*. С. 277–281).

[357] Положительного результата попытки устроиться на службу не дали. Белый был особенно озабочен этим в связи с кончиной отца и, как следствие, изменением своего материального положения; 6 июля 1903 г. он признавался в письме к Брюсову: «По крайней мере на несколько лет я обязан сам зарабатывать <для> себя средства к существованию. Так как получить место преподавателя в Москве очень трудно, а сразу и невозможно, а в акциз идти (куда попадают почти все естественники, не знаю – почему) как-то… больно (хочется пока повременить), я не знаю, что мне делать» (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 358).

[358] 14 июля 1903 г. Белый писал Блоку: «… к моему прискорбию некоторые обстоятельства не позволяют мне покинуть мою маму, которая после кончины отца очень скучает, и я не могу быть у Вас на свадьбе. От души поздравляю Вас и желаю Вам счастия – Христос да будет с Вами» (*Белый – Блок*. С. 82).

[359] Стихотворный цикл в 6 частях, посвященный В.Я. Брюсову (*СП–1*. С. 90–94).

[360] Неясно, подразумевается здесь стихотворение А.С. Пушкина (1830) или роман Ф.М. Достоевского (1872).

[361] Первая строфа 1-го стихотворения цикла «Вечный зов», посвященного Д. С. Мережковскому (*СП–1*. С. 85).

[362] Цитата из стихотворения «Жертва вечерняя» («Стоял я дураком…») (*СП–1*. С. 165).

[363] Заключительная строфа стихотворения «Мания» («Из царских дверей выхожу…», 1903) (*СП–1*. С. 166).

[364] Начальные строки 2-го стихотворения цикла «Вечный зов» (*СП–1*. С. 86).

[365] Заключительные строки того же стихотворения (*СП–1*. С. 86).

[366] Заключительные строки 3-го стихотворения цикла «Вечный зов» (*СП–1*. С. 87).

[367] Строка из 6-го стихотворения цикла «Не тот» (*СП–1*. С. 93).

[368] О предстоящем приезде А.С. Петровского в Серебряный Колодезь идет речь в его письме к Белому от 7 июня 1903 г. и в ответном письме Белого от 10 июня (*Белый – Петровский*. С. 60–61). Открытие мощей Серафима состоялось в Сарове 19 июля 1903 г.

[369] В письме от 7 августа 1903 г. Петровский сообщал Белому: «Из Сарова вернулись мы с В<асилием> В<асильевичем> 4 авг<уста>, отправившись туда 8-го июля и проведя на месте ровно 2 недели <…> Мы, а с нами и вся масса богомольцев провела дни 17–19 июля вокруг стен Саровской пустыни, ни разу не проникнув за ограду, я не говорю уже в собор <…> Очень значительна по бездонно глубокой символичности была ночь на 19 июля. В соборе совершалось открытие мощей. Шла всенощная – торжественнейший момент» (Там же. С. 62).

[370] Предложение издать в «Скорпионе» сборник своих стихов Белому передал Брюсов в недатированном письме (около 20 июля 1903 г.), Белый ответил согласием в письме от 24 июля (см.: *ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 359–360).

[371] Датировки неточны (см. выше, примеч. 368, 369).

[372] Имеется в виду издание: *Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / Пер. Вл. Соловьева. М., 1889 (изд. 2-е: М., 1893).

[373] «Трансцендентальное учение о методе» – раздел «Критики чистого разума» И. Канта.

[374] Статья Андрея Белого «О теургии» была опубликована в № 9 «Нового Пути» за 1903 г. (С. 100–123).

[375] Труд М.М. Троицкого «Наука о духе. Общие свойства и законы человеческого духа» (Т. 1–2. М., 1882).

[376] См.: *Андрей Белый*. Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта // Весы. 1904. № 2. С. 1–13.

[377] Статья Андрея Белого «Символизм как миропонимание» в первой публикации (Мир Искусства. 1904. № 5. С. 173–196) включала в себя тот текст, который позднее при формировании книги

статей Белого «Арабески» (М., 1911) был выделен в самостоятельную статью под заглавием «Священные цвета» (С. 115–129).

[378] О свадьбе Блока и Л.Д. Менделеевой (17 августа 1903 г. в церкви села Тараканово) С. Соловьев, бывший на ней шафером, писал Белому 2 сентября 1903 г.: «Мистичу я здорово, хотя не так, как на свадьбе Блока, где дело близилось к *реальному откровению*» (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 206).

[379] Цитата из 2-й части стихотворения «Осень» («Огромное стекло…», 1903) (*СП–1*. С. 171).

[380] Подробнее об этом объединении см.: *НВ*. С. 20–132; *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 103–148.

[381] Л.Л. Кобылинский дебютировал в печати книгой: *Эллис*. Иммортели. Вып. I-й. Ш. Бодлэр. М., 1904.

[382] Имеется в виду утраченный 1-й том «берлинской редакции» воспоминаний «Начало века» (1922–1923).

[383] См. публ. писем Андрея Белого к Н.И. Петровской (*Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. М., 2007. С. 381–396. Впервые: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 198–214).

[384] См. описание совместного с Белым посещения епископа Антония (Михаила Флоренсова) в письме Петровского к Э.К. Метнеру от 5 октября 1903 г. (*Малмстад Дж.* «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А.С. Петровского: хроника дружбы // *Белый – Петровский*. С. 22–23). О епископе Антонии см.: Там же. С. 86.

[385] Договоренность об опубликовании в издательстве «Гриф» 3-й «симфонии» «Возврат» была достигнута еще весной 1903 г.; 9 апреля 1903 г. Белый сообщал Э.К. Метнеру: «*"Грифы"* <…> просили напечатать мою 3-ю симфонию – "*Возврат*", к изданию которой приступят осенью» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 13). Рукопись «Северной симфонии (1-й, героической)» Белый выслал В.Я. Брюсову для напечатания в издательстве «Скорпион» 8 ноября 1902 г. (см.: *ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 350), в набор она была отправлена лишь в августе 1903 г. (см.: Там же. С. 365–368). Руководитель конкурировавшего со «Скорпионом» «Грифа» С.А. Соколов просил Белого (в письме от 14 августа 1903 г.) отложить выход в свет 1-й «симфонии» – во избежание одновременного появления трех книг одного автора: «… если "Скорпион" выпустит этой же осенью *разом* и 1 Симфонию и стихи, то по условиям книжного рынка я уже буду вынужден оттянуть очень надолго печатание "Возврата", *чего мне очень не хотелось бы*» (РГБ. Ф. 25. Карт. 23. Ед. хр. 2). «Скорпион» не пошел навстречу этому пожеланию («Северная симфония» вышла в свет в середине октября 1903 г.; на титульном листе: М.: Скорпион, 1904), и публикация «Возврата» состоялась лишь в середине ноября 1904 г. (на титульном листе: М.: Гриф, 1905), не без дополнительных осложнений: после оповещения Соколовым условий публикации 3-й «симфонии» Белый забрал ее рукопись из «Грифа» и передал в «Скорпион», затем возвратил ее обратно в «Гриф».

[386] О скором представлении Белому корректур сборника его стихов («Золото в лазури») Брюсов оповещал его 18 сентября 1903 г. (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 368).

[387] Официальное разрешение на издание «Весов» было дано 4 ноября 1903 г.; журнал стал выходить ежемесячно с января 1904 г.

[388] Рецензия Белого на книгу П.П. Викторова «Учение о личности и настроениях» (Вып. 1, изд. 2-е. М., 1903) была опубликована в «Весах» (1904. № 1. С. 73–75. Подпись: *2Б*). Упоминаются также книги «Психиатрия. Клиника заболеваний переднего мозга, основанная на его строении, отправлениях и питании» Т. Мейнерта (Пер. М.Е. Лиона. Харьков, 1885) и «Курс психиатрии» С. Корсакова (М., 1893).

[389] А.И. Бачинский – приват-доцент Московского университета с 1907 г., профессор того же университета в 1920–1930-е гг.

[390] Н.Н. Черногубов – автор статей «Происхождение А.А. Фета» (Русский Архив. 1900. № 8. С. 523–536), «К хронологии стихов Фета» (см.: Северные Цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1902. С. 215–225).

[391] Подразумеваются пародийные мимические сценки, которые демонстрировал Эллис перед публикой: «… открылось в нем подлинное амплуа: передразнивать интонации, ужимки, жесты, смешные стороны; своими показами карикатур на Андреева, Брюсова, Иванова, профессора химии Каблукова, профессора Хвостова он укладывал в лоск и стариков и молодежь; в этом и заключалась суть его: заражать показом жеста <…>» (*НВ*. С. 42).

[392] Элевсинские мистерии в Древней Греции – ежегодные религиозные празднества в честь Деметры и Персефоны в городе Элевсин (в 22 км к западу от Афин), центре культа Деметры.

[393] Речь идет о конфликтной ситуации, возникшей в конце ноября – начале декабря 1903 г. в связи с попыткой Брюсова размежевать участников «скорпионовских» изданий и авторов «Грифа»; в изложении Брюсова: «Одно время Белый взял все свои рукописи из “Грифа” и отдал нам. (Я тогда же писал Соколову, что участвовать в “Грифе” не могу). Но после, внезапно, Белый заявил, что участвовать в “Грифе” будет, и потребовал рукописи обратно. Я так рассердился, что наговорил ему довольно-таки неприятных вещей. Он обиделся, написал, что вовсе не будет участвовать в “Скорпионе” и “Весах”. После были у него, и мы умилительно примирились» (*Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. С. 134). См. направленное к разрешению этого конфликта письмо Брюсова к Белому от 5 декабря 1903 г. (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 371–374).

[394] В письме Блока к Белому от 12 декабря 1903 г. (*Белый – Блок*. С. 128–129), отправленном по получении известий от Белого о затронутой выше ситуации, его отношение к конфликту между «Скорпионом» и «Грифом» никак не выражено.

[395] В недатированном письме к Блоку, относящемся к концу ноября 1903 г., Белый сообщал: «В 3 часа придет проездом появившийся Философов и мы с ним отправимся в “*Гриф*”, а потом в “*Скорпион*”» (*Белый – Блок*. С. 127).

[396] Ср. запись Брюсова: «Мережковские в Москве. 26 окт. – 31 окт. М–ские приезжали искать денег, 30000 р. думали получить от Хлудова. Он долго “водил” их, наконец, сказал, что денег нет <…> В пятницу пошел к М<ережковски>м. Сидит Белый, толкует о священстве по чину Мельхиседека» (*Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. С. 134. «Пятница» – 31 октября). Мережковские пытались изыскать дополнительные средства на издание журнала «Новый Путь».

[397] См.: *Андрей Белый.* Окно в будущее (Оленина-д’Альгейм) // Весы. 1904. № 12. С. 1–11. С просьбой «не задержать статьи о д’Альгейм» Брюсов обращался к Белому в недатированном письме, относящемся к декабрю 1903 г. (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 374).

[398] Имеется в виду статья Белого «Герберт Спенсер» (Весы. 1904. № 1. С. 52–54).

[399] Переживания С. Соловьева, связанные со свадьбой Блока, Белый подробно излагает в «Воспоминаниях о Блоке» (*О Блоке*. С. 52). См. также описание свадьбы в «Воспоминаниях об Александре Блоке» (1925) С. Соловьева (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 388–389).

[400] Рассказ опубликован в «Альманахе “Гриф”» (М., 1904. С. 11–18). См.: *Андрей Белый*. Симфонии. С. 467–474.

[401] Имеется в виду стихотворение «Преданье» («Он был пророк…», 1903), впервые опубликованное в «Альманахе “Гриф”» (М., 1904. С. 5–8). См.: *СП–1*. С. 144–147, 531–532. «Sanctus amor» («Святая любовь» – *лат.*) – «старинный лозунг», приводимый в его тексте. О биографическом подтексте этого стихотворения и полемическом стихотворном отклике на него В. Брюсова см. в статье С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова «Биографические источники романа Брюсова “Огненный Ангел”» (*Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 14–15, 23–27).

[402] Речь идет о книге Вячеслава Иванова «Прозрачность. Вторая книга лирики» (М.: Скорпион, 1904), вышедшей в свет в конце марта 1904 г.; рукопись ее была отправлена в издательство в октябре 1903 г. Первый сборник стихотворений Иванова «Кормчие звезды. Книга лирики» (СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903) вышла в свет на рубеже 1902 и 1903 г.

[403] Эти книги были опубликованы издательством «Скорпион»: *Бальмонт К.Д.* Будем как Солнце. Книга символов (М., 1903) – в конце марта – апреле 1903 г.; *Брюсов В.* Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 г. (М., 1903) – в октябре 1903 г.; *Сологуб Ф.* Собрание стихов. Кн. 3 и 4. 1897–1903 г.

(М., 1904) – в октябре 1903 г.; *Гиппиус З.Н.* Собрание стихов 1889–1903 г. (М., 1904) – в октябре 1903 г.

[404] Первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М.: Гриф, 1905) вышла в свет в конце октября 1904 г.

[405] Вышедшие позднее в издательстве «Скорпион» книга рассказов Федора Сологуба «Жало смерти» (М., 1904) и исследование Д.С. Мережковского «Гоголь и чёрт» (М., 1906).

[406] См. выше, примеч. 385.

[407] Книга К.Д. Бальмонта «Только любовь. Семицветник» (М.: Гриф, 1904) вышла в свет в начале ноября 1903 г.

[408] Белый дал восторженную оценку этой книги в письме к Э.К. Метнеру (ноябрь 1903 г.): «*Брюсов по этому сборнику оказывается единственным современным поэтом, держащим в руках судьбы будущей русской поэзии. Все иные (включая сюда и Бальмонта) мелкие величины сравнительно с Брюсовым <...> мое глубочайшее убеждение, что отныне к именам Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Дельвига, Тютчева, Майкова, Полонского, Ал. Толстого должно присоединять имя Брюсова!..*» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 27). Ср. письмо Белого к Блоку, относящееся к началу ноября 1903 г. (*Белый – Блок.* С. 109).

[409] Подразумевается «берлинская редакция» воспоминаний «Начало века» (1922–1923).

[410] А. Блок и Л.Д. Блок пробыли в Москве с 10 по 24 января 1904 г. Встречи с ними в подробностях освещены в воспоминаниях Белого (*О Блоке.* С. 58–79; *НВ.* С. 317–336); см. также письма Блока к матери от 14–15 января и 19 января 1904 г., представляющие собой своего рода дневник его пребывания в Москве (*Блок А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 81–88).

[411] Ср. запись Блока от 24 января 1904 г.: «У Сережи – скарлатина» (*Блок А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 60). 26 января 1904 г. Белый сообщал А.С. Петровскому: «... в день отъезда Блоков мы все сидели у больного Сережи, которого схватила скарлатина» (*Белый – Петровский.* Переписка. С. 83).

[412] См. примеч. 214 к *РД.*

[413] П.А. Флоренский принял священный сан в апреле 1911 г., В.П. Свенцицкий – в сентябре 1917 г.

[414] Флоренский окончил физико-математический факультет Московского университета с дипломом I степени весной 1904 г. О развитии им математических идей Н.В. Бугаева см.: *Половинкин С.М.* П.А. Флоренский: Логос против Хаоса. М., 1989. С. 18–41; *Каидзава Х.* Идея прерывности Н.В. Бугаева в ранних теоретических работах А. Белого и П. Флоренского // Москва и «Москва» Андрея Белого: Сб. статей. М., 1999. С. 29–44.

[415] Блок с женой возвратились в Петербург ранее – 25 января.

[416] Этот отрывок был опубликован в разделе «Лирические отрывки в прозе» книги Белого «Золото в лазури» (С. 197–210). См.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 450–455.

[417] См.: *Андрей Белый.* Вишневый сад // Весы. 1904. № 2. С. 45–48. См. также примеч. 204 к *РД.*

[418] Книга Андрея Белого «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909) включает часть его стихотворений, написанных в 1904–1908 гг.

[419] Клингзор – персонаж оперы-мистерии Р. Вагнера «Парсифаль» (1882); чародей, завладевший священным копьем и ранивший им Амфортаса, короля Грааля.

[420] Начальные строки стихотворения «Безумец», входящего в «Золото в лазури» (*СП–1.* С. 163).

[421] О начале своего знакомства с Белым Б.К. Зайцев написал в мемуарном очерке о нем, вошедшем в его книгу «Далекое» (Вашингтон, 1965). См.: *Зайцев Б.К.* Соч. В 3 т. Т. 3. М., 1993. С. 354–355.

[422] Военные действия начались в ночь на 27 января / 9 февраля 1904 г., когда японский флот атаковал Порт-Артур и блокировал Тихоокеанскую эскадру.

[423] Строфа из стихотворения «В темнице» («Пришли и видят – я брожу...», 1904), входящего в «Пепел» (*СП–1.* С. 259).

[424] Цитаты из стихотворения «Безумец» (*СП–1*. С. 164).

[425] Неточная цитата из того же стихотворения (*СП–1*. С. 163).

[426] Цитата из стихотворения «В темнице» (*СП–1*. С. 259).

[427] Неточная цитата из стихотворения «Безумец» (*СП–1*. С. 165).

[428] Ср. положения статьи «Вишневый сад»: «Символизм Чехова отличается от символизма Метерлинка весьма существенно. Метерлинк делает героев драм сосудами своего собственного мистического содержания <…> Чехов, истончая реальность, неожиданно нападает на символы <…> Его символы <…> непроизвольно врастают в действительность. Нигде не разорвется паутинная ткань явлений. Благодаря этому ему удается глубже раскрыть звучащие на фоне мелочей символы» (*Андрей Белый*. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. Т. 2. С. 364). См. также: *Полоцкая Э.А.* «Пролет в Вечность» (Андрей Белый о Чехове) // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 95–105; *Лосиевский И.Я.* «Чеховский» миф Андрея Белого // Там же. С. 106–115.

[429] См.: *СП–1*. С. 259.

[430] Ср. дневниковую запись Брюсова: «Нина Петровская предалась мистике <…> А Белого мать, спасая от “развратной женщины”, послала на страстную неделю в Нижн<ий> Новг<ород>. Сам он исхудал и серьезно поговаривает, как хорошо бы поступить в монастырь» (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16). Некоторые детали этого конфликта освещаются в позднейших записях В.Ф. Ходасевича: «В 1903 или 1904 г. разыгрался роман Белого с Ниной Петровской. Белый держался ангелом и пророком, но не забывал и насчет “мясного”. Нины он не любил. Осенью 1922, в Берлине, он говорил: “Она была мне нужна как женщина. Я же жизненный мужчина. Я ходил к ней, как к проститутке” (т.е. дешево и гигиенично). Кречетов рад был отделаться от Нины. Он отправился к матери Белого и сказал, что, дескать, “теперь Бор<ис> Ник<олаевич> должен жениться на моей жене”. – “Но мамочка его прогнала”, – говорит Белый. (Возможно, впрочем, что Нина сама послала Кр<ечето>ва: по тем временам и тогдашним истерикам это вполне допустимо) <…> Примечательно, что в это время боголюбивые друзья Белого бегали по Москве и рассказывали, что Нина покушалась на белоснежную девственность Бор<иса> Ник<олаевича> (Петровский сам это говорил тогда мне, мальчишке. Я верил)» (приведено Дж. Малмстадом в издании: *Белый – Петровский*. С. 25). Со слов К.Н. Бугаевой записано, что с Петровской у Белого «впервые в жизни произошло интимное сближение. Как передавал сам Б.Н. <…>, это случилось совершенно для него неожиданно, так как никакого чувства он к этой писательнице не питал. Инициатива исходила с ее стороны. Чтобы прекратить эту связь, он в ближайшие дни уехал внезапно из Москвы в Нижний, где пробыл месяц» (*Спивак М.* Посмертная диагностика гениальности. С. 223).

[431] 17 апреля 1904 г. Э.К. Метнер записал: «Гостил у меня на Страстной Бугаев. <…> Целую неделю мы с ним захлебывались. Не передать, о чем мы с ним переговорили» (РГБ. Ф. 167. Карт. 23. Ед. хр. 9. Л. 103–103 об. Страстная неделя в 1904 г. – 21–27 марта). 1 апреля 1904 г. Метнер писал из Нижнего Новгорода А.С. Петровскому: «Бугаева я поберег. Он у нас поправился. Говорили мы с ним без умолку с утра до ночи (иногда очень поздней). Его гений начинает принимать в моих глазах очертания довольно определенные» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 8).

[432] Образ из статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910), символизирующий стадию «антитезы русского символизма» и соотносящийся с живописью М.А. Врубеля: «… врывается сине-лиловый мировой сумрак (лучшее изображение всех этих цветов – у Врубеля)»; «… дьявольский сплав из многих миров, преимущественно синего и лилового. Если бы я обладал средствами Врубеля, я бы создал Демона <…>» (*Блок А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 428, 430).

[433] См.: *Андрей Белый*. Поэзия Валерия Брюсова // Новый Путь. 1904. № 7. С. 133–139.

[434] Вяч. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал прибыли из Швейцарии в Москву 16/29 марта 1904 г., остановились в меблированных комнатах Ю.А. Троицкой по адресу: ул. Большая Никитская, д. 28 на углу Тверского бульвара, или: «у Никитских ворот, проезд Тверского бульвара» (см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 93).

[435] Пасха в 1904 г. – 28 марта.

[436] «Прозрачность» Вяч. Иванова была отпечатана ко времени приезда автора в Москву, поступила в продажу по получении цензурного разрешения на пасхальной неделе, в конце марта (см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 96). Цензурное разрешение «Золота в лазури» датировано 15 марта 1904 г., книга вышла в свет в конце марта.

[437] «Северная симфония (1-я, героическая)» вышла в свет в октябре 1903 г. (см. выше, примеч. 385). Имеется в виду статья П. Флоренского «Спиритизм как антихристианство» (Новый Путь. 1904. № 3. С. 158–167. Переизд.: *Флоренский П., священник.* Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 129–145, 714–715, примеч. игумена Андроника и С.Л. Кравца; *Андрей Белый: pro et contra.* С. 54–68, 910–912 (примеч. А.В. Лаврова)).

[438] См.: *Зиновьева-Аннибал Л.* Кольца. Драма в 3-х действиях. Предисл. Вячеслава Иванова. М.: Скорпион, 1904. Книга вышла в свет в сентябре 1904 г.

[439] Книга Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога. Опыт религиозно-исторической характеристики» печаталась в №№ 1, 2, 3, 5, 8, 9 «Нового Пути» за 1904 г.

[440] А.С. Петровский стал студентом Духовной академии еще в сентябре 1903 г.

[441] Вероятно, эти встречи происходили не в имении А.Г. Коваленской Дедово, а в усадьбе Шахматово, приобретенной дедом Блока А.Н. Бекетовым (Блок с 1881 по 1916 г. бывал в Шахматове каждое лето). С. Соловьев вспоминает: «Весной 1904 года Блоки рано, в апреле, переехали в Шахматово <…> Я держал экзамен зрелости и между трудными для меня экзаменами по математике успевал приезжать в Шахматово <…>» (*Соловьев С.* Воспоминания. С. 394–395).

[442] См. работу Н.А. Богомолова «Спиритизм Валерия Брюсова. Материалы и наблюдения» (*Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 279–310). Н.И. Петровская в «Воспоминаниях» упоминает, как участников этих спиритических сеансов, также А.А. Койранского, студента Б. Попова и «забеглого аргонавта» А.П. Печковского (Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 8. Paris, 1989. С. 61).

[443] Критический анализ спиритизма Белый предпринял в письме к Н.И. Петровской от 21 июня 1904 г. (см.: *Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 388–395).

[444] Фрагменты из стихотворения «Странники» («Как дитя, мы свободу лелеяли…», 1904) (*СП–1.* С. 271).

[445] Белый уехал в Серебряный Колодезь 4 мая 1904 г. («Я в деревню уезжаю сегодня», – сообщал он в этот день А.С. Петровскому; см.: *Белый – Петровский.* С. 85).

[446] См.: *Вундт В.* Основания физиологической психологии. Т. 1–2. СПб., 1880–1881.

[447] См. примеч. 196 к *РД.* Имеется в виду также, видимо, книга Т. Липпса «Самосознание» (Пер. с нем. М. Лихарева. СПб., 1903). Развернутые характеристики Вундта, Джемса, Липпса, Геффдинга с перечнем их трудов см. в авторском комментарии к статье «О границах психологии» (*Андрей Белый.* Символизм. Книга статей. М.: Мусагет, 1910. С. 469, 471–472, 474–477).

[448] Ср. сообщение в письме А.С. Петровского к Э.К. Метнеру от 3 июня 1904 г.: «Покамест еду отдыхать (едва ли!) к Бор<ису> Ник<олаевичу> недели на 2» (РГБ. Ф. 167. Карт. 16. Ед. хр. 27). «Летом прогостил две недели у Бор<иса> Ник<олаевича> <…>», – писал Петровский ему же 29 июля 1904 г. (Там же).

[449] Н.И. Петровская свидетельствует в «Воспоминаниях»: «А. Белый писал мне длинные письма (часто, как потом убедилась, отрывки из готовящихся к печати статей). К сожалению, ни одного я не сохранила. После нашего разрыва, весной 1905 года, мы с В. Брюсовым привязали к этим письмам камень и торжественно их погрузили на дно Саймы. Так хотел В. Брюсов» (Жизнь и смерть Нины Петровской. С. 36).

[450] Начальные строки стихотворения «Изгнанник» (1904) (*СП–1.* С. 282).

[451] Строка-рефрен из стихотворного цикла «Вечный зов» (1903) (*СП–1.* С. 85–87).

[452] Строфа из стихотворения «Арестанты» (« Много, брат, перенесли…», 1904) (*СП–1.* С. 197).

[453] Имеется в виду статья «Маска» (Весы. 1904. № 6. С. 6–15); опубликована с посвящением: «Посвящено Вячеславу Иванову, проповеднику дионисиазма».

454 А.П. Чехов скончался в Баденвейлере (Германия) 2/15 июля 1904 г., похороны его состоялись 9 июля в Москве в Новодевичьем монастыре.

455 Статья Андрея Белого «Чехов» была опубликована в «Весах» (1904. № 8. С. 1–9).

456 См. примеч. 200 к *РД*.

457 Первую декаду июля 1904 г. С. Соловьев провел в Лаптеве, подмосковном имении Венкстернов, друзей семьи Соловьевых; 10 июля он писал оттуда Блоку: «Скоро ли наконец я к вам попаду? <…> вероятно, 13-го выеду в Москву <…> Затем, подавши прошение в университет, явлюсь в Шахматово. Если не застану там Борю, буду огорчен» (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 376).

458 Ресторан «Петергоф» на Моховой ул., в доме Российского Общества застрахованных доходов и капиталов 1835 г.

459 См.: *Андрей Белый*. Символизм как миропонимание // Мир Искусства. 1904. № 5. С. 173–196.

460 В своде «К “Указателю” критической литературы обо мне» Белый ошибочно указывает, что эти фельетоны написаны проф. И.И. Ивановым (С. 781 наст. изд.). Подразумеваются московская газета «Русская Правда» и опубликованная в двух ее номерах обзорная статья Н.Д. Облеухова «Религиозные черты в русском символизме. Мысли» (1904. № 95, 7 июля. С. 3; № 104, 16 июля. С. 3); она целиком была посвящена сочувственному реферативному изложению статьи Белого «Символизм как миропонимание» — «наиболее существенных и общеинтересных пунктов того идейного круга, в который ставит своих читателей г. Андрей Белый» (№ 95). С особенным вниманием Облеухов осмысляет суждения Белого о Ницше: «Крайне интересно, что г. Андрей Белый, являясь ревностным сторонником христианского миросозерцания, исповедует не дешевенький христианский радикализм, à la батюшка Петров, а настоящее церковное христианство с его глубокой философией, уходящей своими корнями в Библию, и несравненный ни с чем по глубине идеи иудейский мессианизм, но в то же время преклоняется перед Ницше, который заявил себя непримиримым врагом христианства <…> Ибо никто в последнее время столько не способствовал торжеству христианского мировоззрения над материалистической рутиной, как Ницше» (№ 104).

461 И.И. Иванов был профессором всеобщей истории Новороссийского университета в Одессе в 1901–1907 гг. и профессором Московского университета в 1913–1917 гг.

462 Стихотворение Андрея Белого «Тройка» («Эй, помчались! Кони бойко…») было опубликовано в № 7 «Ежемесячного Журнала для всех» за 1904 г. (С. 387).

463 Белый сам предложил А.С. Петровскому сопровождать его в поездке в Шахматово: «Я в Москве до 4–5-го июля. Поедемте к Блоку <…>» (Письмо от 1 июля 1905 г. // *Белый – Петровский*. С. 91). 10 июля 1905 г. Белый сообщал матери: «Сейчас приехал Алексей Сергеевич, хочет со мной ехать к Блоку. Еду на два дня» (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 214; («Люблю тебя нежно…» Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922 / Сост., вступ. статья, коммент С.Д. Воронина. М., 2013. С. 49). 1 июля 1905 г. С. Соловьев писал Белому: «Выехать из Лаптева теперь не могу, но рассчитываю быть в Шахматове между 10-м и 15-м. Надеюсь, еще застану тебя там с Алексеем Сергеевичем» (РГБ. Ф. 25. Карт. 26. Ед. хр. 4).

464 По всей вероятности, в утраченный 1-й том «берлинской редакции» «Начала века» Белый включил главу 3 («Шахматово») незадолго до того написанных «Воспоминаний о Блоке». См.: *О Блоке*. С. 79–102. Пребывание Белого в Шахматове – между 10 и 15 июля.

465 Весной 1904 г. С. Соловьев окончил московскую частную гимназию Л.И. Поливанова, с осени того же года он – студент словесного отделения историко-филологического факультета Московского университета (осенью 1907 г. перевелся на классическое отделение). 12 августа 1904 г. Белый сообщал П.А. Флоренскому: «Подал прошение в Университет» (Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М., 2004. С. 466).

466 Об отъезде в семейное имение Белый написал Блоку из Москвы 19 июля 1904 г., одновременно признаваясь (подразумевается решительное объяснение с Н. Петровской): «Вчера для меня

совершился перелом в жизни. Молю Господа об укреплении духа, чтобы достойно пройти мне назначенный путь» (*Белый – Блок.* С. 169).

[467] См.: *Renouvier Charles.* Esquisse d'une classification systématique des doctrines philosophiques. Vol. 1–2. Paris, 1885–1886.

[468] См.: *Андрей Белый.* О целесообразности // Новый Путь. 1904. № 9. С. 139–153.

[469] Статья «О границах психологии» (1904) впервые была опубликована в книге Андрея Белого «Символизм» (*Андрей Белый.* Символизм. С. 31–48).

[470] Сокращенная цитата (в редакции 1914 г.) из стихотворения «Прогулка» («Не струя золотого вина…», 1904) (*СП–1.* С. 277, 470).

[471] Начальные строки стихотворения «Туда» (1904) (*СП–1.* С. 265).

[472] В комментариях к своей книге «Символизм» Белый отсылает к «Введению в современную философию» Алоиза Риля (*Андрей Белый.* Символизм. С. 477). В начале XX в. этот труд был выпущен в свет в нескольких русских переводах с немецкого: «Введение в современную философию» (Пер. Г.А. Котляра. М., 1903), «Введение в современную философию» (Пер. С. Штейнберга. СПб., 1904), «Введение в современную философию. 1. Обзор истории теоретической философии» (Пер. Л.И. Креера и Н.И. Секерина. СПб., 1904), «Современная философия. Введение и характеристика главнейших течений» (Пер. М.Г. и Н. Секерина. СПб., 1904).

[473] Белый читал этот труд Г. Риккерта в русском переводе: «Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания» (Пер. со 2-го нем. изд. Г. Шпета. Киев, 1904).

[474] Статья «Эмблематика смысла. Предпосылки к теории символизма» (1909) впервые была опубликована в книге Андрея Белого «Символизм» (*Андрей Белый.* Символизм. С. 49–143).

[475] Неточно приводится 1-я строка стихотворение «Шоссе» (1904); в оригинале: «За мною грохочущий город» (*СП–1.* С. 183).

[476] Поездка в Саровский монастырь, Дивеевскую обитель, Арзамас и Нижний Новгород состоялась в последней декаде августа 1904 г. (20 августа Белый писал Блоку: «Я с мамой еду в Саров. Вернусь *наверное* числа 30-го августа. А может быть и в первых числах сентября (будет зависеть от мамы)» // *Белый – Блок.* С. 173).

[477] См.: *Геффдинг Г., проф.* Философия религии / Пер. с нем. В. Базанова и И. Степанова. СПб.: Общественная польза, <1903>.

[478] Подразумевается Троице-Сергиева лавра в подмосковном городе Сергиев Посад, на ее территории находится Московская Духовная академия.

[479] Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева в Москве официально начало свою деятельность годом позднее – после 17 октября 1905 г.

[480] «Свободная совесть» – заглавие двух «литературно-философских сборников» (М., 1906), среди авторов которого преобладали участники собраний на квартире П.И. Астрова. См.: *НВ.* С. 392–398; <*Шруба М.*> Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 26.

[481] Подразумевается работа Карла Штанге «Ход мыслей в "Критике чистого разума". Руководство для чтения» в переводе Б.А. Фохта и А.И. Бердникова (М., 1906).

[482] См.: *Vaihinger Hans.* Kommentar zu Kants «Kritik der reinen Vernunft». Stuttgart, 1881.

[483] Подразумевается статья П.А. Флоренского «О типах возрастания» (Богословский вестник. 1906. Т. 2. № 7. С. 530–568; отд. отт. – б. м., б. г.). См.: *Флоренский П., священник.* Сочинения. В 4 т. Т. 1. С. 281–317.

[484] В.Ф. Эрн осенью 1904 г., по окончании историко-филологического факультета Московского университета, уехал в Швейцарию, где сблизился с Вяч. Ивановым (см. письмо Иванова к Брюсову от 3/16 января 1905 г.: *ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. С. 470–471). В конце января 1905 г. Эрн возвратился в Россию (см.: *Ермичёв А.А.* Жизнь и дела Владимира Францевича Эрна // В.Ф. Эрн: pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2006. С. 21–22).

[485] См. примеч. 200 к *РД.*

486 Неточная цитата из стихотворения «На улице» («Сквозь пыльные, желтые клубы...», 1904) (*СП–1*. С. 244).

487 Заключительная строфа стихотворения «На улице» (*СП–1*. С. 244).

488 «Логика» (1873–1878) Христофа Зигварта была издана в русском переводе И.А. Давыдова (Т. 1–3. СПб., 1908–1909). В общей справке о Зигварте, приводимой в комментариях к книге «Символизм», Белый называет его «Логику» «замечательным сочинением» (*Андрей Белый*. Символизм. С. 475).

489 Начальные строфы стихотворения «На рельсах» (1904) (*СП–1*. С. 184–185).

490 Подразумевается, видимо, издание «Фрагментов досократиков», осуществленное Г. Дильсом (*Diels Hermann*. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch. Berlin, 1903).

491 История личных взаимоотношений Брюсова и Петровской, завязавшихся осенью 1904 г., прослеживается в издании: Валерий Брюсов, Нина Петровская. Переписка. 1904–1913 / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М., 2004.

492 В воспоминаниях Белый описывает некоторые эпизоды, иллюстрирующие эту ситуацию психологического противостояния (*О Блоке*. С. 95–96, 130–131; *НВ*. С. 313–315). См. также: *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 159–202 (глава 2: «Поединок черного и белого магов. Валерий Брюсов – Андрей Белый»).

493 Обе статьи Белого были опубликованы в «литературно-философском сборнике» «Свободная совесть» (Кн. 1. М., 1906. С. 164–177).

494 Можно предположить, что Каменские – это приезжавшие из Петербурга первый президент Русского теософского общества Анна Алексеевна Каменская (Alba) и ее сестра Маргарита Алексеевна Каменская.

495 Строфа из стихотворения «Отчаянье» («Веселый, искрометный лед...», 1904) (*СП–1*. С. 239).

496 Заключительные строки стихотворения «Меланхолия» («Пустеет к утру ресторан...», 1904) (*СП–1*. С. 239).

497 Строфа из стихотворения «Отчаянье» (*СП–1*. С. 239).

498 Цитата из стихотворения «Когда сижу один и в комнате темно...» (1898), входящего в книгу Брюсова «Tertia vigilia» (М.: Скорпион, 1900). См.: *Брюсов В.* Собр. соч. В 7 т. Т. 1. С. 172.

499 Неточная цитата из стихотворения «Бальдеру Локи» («Светлый Бальдер! Мне навстречу...», ноябрь 1904 г.). См.: Там же. С. 389. Брюсов прислал Белому автограф этого стихотворения, свернув лист в виде стрелы; оно было впервые опубликовано с посвящением: «Андрею Белому» (Северные Цветы Ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. С. 35–36). Подробнее см.: *Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // *Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* Символисты вблизи. С. 28–31.

500 К непосредственной работе над романом «Огненный Ангел» Брюсов приступил летом 1905 г., однако замысел этого произведения возник гораздо раньше, после поездки автора в Германию в 1897 г. (см.: *Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* О работе Брюсова над романом «Огненный Ангел» // Там же. С. 63–65).

501 Речь идет об инициированной Московским комитетом партии эсеров студенческой манифестации 5 декабря 1904 г. на Страстной площади: «С красными флагами, с революционными песнями и лозунгами демонстранты двигались от Страстной площади к Чернышевскому переулку. Здесь на демонстрантов напала поджидавшая их полиция. Полицейские и жандармы рубили шашками не только демонстрантов, но и случайных прохожих. Несколько десятков студентов было арестовано. Дикая расправа полиции со студентами вызвала бурный протест московской учащейся молодежи. Во всех высших учебных заведениях Москвы прошли забастовки» (История Москвы. Т. 5. М., 1955. С. 101). Попытка повторного выступления студентов 6 декабря была пресечена полицией. См. протестное письмо группы московских писателей против избиения полицией студен-

ческой демонстрации (*ЛН.* Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 251).

[502] Заключительная строфа стихотворения «Старинному врагу» («Ты над ущельем, демон горный…», 9 декабря 1904 г.), посвященного *В.Б.*, т.е. Валерию Брюсову (*СП–2.* С. 451). Автограф стихотворения (с подзаголовком: «*в знак любви и уважения*») был отправлен Брюсову 14 декабря 1904 г. с приложением листа, на котором Белый начертал крест и привел цитаты из Евангелия (см.: *ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. С. 337–338).

[503] Под впечатлением от стихотворения «Старинному врагу» Брюсов написал стихотворение «Бальдеру. II» (1 января 1905 г.): «Кто победил из нас – не знаю! // Должно быть, ты, сын света, ты!» и т.д. (с эпиграфом из З.Н. Гиппиус: «Тебя приветствую, мое поражение») (*Брюсов В.* Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С. 502–503 («Библиотека поэта». Большая серия)). Брюсов не передал рукопись этого стихотворения Белому и не опубликовал его, и последний, видимо, остался в неведении относительно его написания.

[504] Заключительный фрагмент части третьей («Волнения страсти») «четвертой симфонии» «Кубок метелей». См.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 378–381.

[505] Обстоятельства этого инцидента С.А. Соколов изложил в письме к Белому от 25 декабря 1904 г. (опубликовано в издании: *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века. С. 247). А.Д. Бугаева выразила свое негодование в связи с тем, что Соколов побудил Белого подписать коллективное «обращение писателей к обществу» и тем самым «заманил» его в беду. «Несмотря на мои совершенно корректные попытки, – писал Соколов, – ввести разговор в приличное русло, Александра Дмитриевна продолжала повышать тон до крика и так мало стеснялась в выборе резких и обидных слов, что я вынужден был встать и удалиться, сказав, что более не обеспокою ее своим присутствием…».

[506] См. выше, примеч. 382.

[507] Белый приехал в Петербург 9 января – в «кровавое воскресенье»; остановился сначала у штабс-капитана А.А. Эртеля (брата М.А. Эртеля), затем поселился у Мережковских (Литейный пр., д. 24), постоянно посещал квартиру А. Блока и его семьи (Петербургская наб. Большой Невки. Офицерская казарма лейб-гвардии Гренадерского полка; современный адрес: Петроградская наб., д. 44). Об этом его пребывании в Петербурге см.: *О Блоке.* С. 131–169; *НВ.* С. 456–502.

[508] Об интимной религиозной общине Мережковских см. вступительную статью М. Павловой к публикации «Истории “новой” христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете “Главного”: Из “дневников” Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов» (Эротизм без берегов. Сб. статей и материалов. М., 2004. С. 391–406) и публикацию Т.А. Пахмусс «Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в “Главном”» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 70–114. См. также текст молитвенника Мережковских (*Pachmuss Temira.* Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippius. Из переписки З.Н. Гиппиус. München, 1972. С. 714–770).

[509] Белый возвратился в Москву 5 февраля.

[510] См. переписку Белого и Брюсова 19–22 февраля 1905 г., освещающую обстоятельства инцидента (*ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. С. 381–383). Об этой несостоявшейся дуэли см. также: *О Блоке.* С. 169–170; *НВ.* С. 513–514; *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века. С. 184–194.

[511] Эта статья Белого опубликована в № 4 «Весов» за 1905 г. (С. 11–28).

[512] Стихотворение впервые опубликовано под заглавием «Поповна и семинарист» (Золотое Руно. 1906. № 4. С. 33–34), в расширенной редакции под заглавием «Поповна» вошло в книгу Андрея Белого «Пепел». См.: *СП–1.* С. 267–270.

[513] См. описание обстоятельств личного знакомства с М.К. Морозовой в статье А.В. Лаврова и Джона Малмстада «”Прекрасная Дама” Андрея Белого» («Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 16–17).

[514] Мережковский известил Белого о намечаемом приезде в Москву в среду 20 апреля в письме от 15 апреля 1905 г., уточняя: «Пробудем в Москве среду и четверг» (Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 159. Публ. А. Холикова).

[515] Мережковский прочитал лекцию на тему о «церковной реформе» 22 апреля 1905 г. (см.: *Белый – Блок.* С. 219). Статья Мережковского «Теперь или никогда. О церковном соборе» была опубликована в «Вопросах Жизни» (1905. № 4/5. С. 295–319).

[516] Имеется в виду предварительные организационные беседы, предшествовавшие созданию Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева в Москве.

[517] См. примеч. 214 к *РД.*

[518] Статья Андрея Белого «Химеры» была опубликована в «Весах» (1905. № 6. С. 1–18).

[519] См. мемуарную главку «Дитя-Солнце» и комментарии к ней (*МДР.* С. 21–24, 450–452). Свод сведений об этом утраченном произведении Белого – в статье А.В. Лаврова «“Космогония по Жан-Полю” Андрея Белого (поэма “Дитя-Солнце”)» (*Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 89–104).

[520] См.: *Андрей Белый.* Сфинкс // Весы. 1905. № 9/10. С. 23–49.

[521] См. примеч. 347, 349 к *РД.* Недатированное письмо Д.С. Мережковского к Белому, вызванное выходом в свет его статей «Ибсен и Достоевский» и «На перевале», в которых содержалась критическая переоценка творчества Достоевского, в полном объеме опубликовано А. Холиковым (Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 164–167); см. также: *Лавров А.В.* Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. С. 188–193.

[522] Имеется в виду статья «Мировая ектения (По поводу “Трилогии” Мережковского)» (Золотое Руно. 1906. № 3. С. 72–83).

[523] Имеется в виду первоначальная редакция стихотворения, впервые опубликованная в составе авторского цикла «Горемыки» в журнале «Перевал» (1906. № 2. С. 5), в переработанной редакции вошло в книгу Андрея Белого «Пепел». См.: *СП–1.* С. 447–448, 207–209.

[524] Белый выехал в Петербург 11 февраля (ср. его сообщение в письме к М.К. Морозовой от 8 февраля 1906 г.: «Я уезжаю в субботу» – т.е. 11 февраля // «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 64). Это пребывание Белого в Петербурге описано им в мемуарах (*О Блоке.* С. 204–228; *МДР.* С. 69–74).

[525] Объяснение в любви Белого и Л.Д. Блок состоялось 26 февраля. См.: *Блок Л.Д.* Были и небылицы. Bremen, 1977. С. 53–56. Белый признался Л.Д. Блок в любви ранее – передав ей записку в Шахматове в июне 1905 г. перед отъездом (см. дневниковую запись М.А. Бекетовой от 27 июня 1905 г.: *ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 610).

[526] Правильно: ménage à trois (*франц.*) – брак втроем.

[527] Ср. позднейшие суждения Белого, записанные со слов К.Н. Бугаевой: «Поведение А.А. Блока осталось на всю жизнь загадкой для Б.Н. Например, был такой случай. После одного из объяснений Б.Н. с Л.Д. они вошли, обнявшись, в комнату, в которой находился А.А., и объявили ему, что Л.Д. уходит от него. На это он ответил, что очень рад. Они мирно начали беседовать втроем» (*Спивак М.* Посмертная диагностика гениальности. С. 225).

[528] Белый выехал в Москву 5 или 6 марта.

[529] Письма Белого к Л.Д. Блок были ею уничтожены. В архиве Белого сохранились 65 писем Л.Д. Блок к нему за 1905–1906 гг. (РГБ. Ф. 25. Карт. 9. Ед. хр. 18), часть их опубликована – в полном объеме или фрагментарно (см.: *ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 225, 231, 234, 236–245, 247–250, 253–258).

[530] См.: *Андрей Белый.* Феникс // Весы. 1906. № 7. С. 17–29.

[531] См. письмо Блока к Белому от 6 апреля 1906 г. (*Белый – Блок.* С. 279).

[532] Белый приехал в Петербург 15 апреля и оставался там до начала мая (см.: *О Блоке.* С. 228–230; *МДР.* С. 74–77), в день приезда посетил Блоков (см. записку Л.Д. Блок Белому с припиской Блока – предложение прийти «сегодня же в 2 часа» // *ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 245).

[533] 1-я Государственная дума открылась 27 апреля 1906 г.

[534] См. примеч. 286 и 326 к *РД*.

[535] См. примеч. 306 к *РД*.

[536] См. примеч. 287 к *РД*.

[537] Имеется в виду письмо от 14 мая 1906 г.: «Прежде всего – не удивляйтесь, что письмо на “Вы”, и не огорчайтесь; Вам в этом нет ничего худого, а мне так хорошо. Боря, милый, не писала Вам, потому что мне надо было от Вас отдаляться, изглаживать все, что было <…> Боря, милый, не надо тосковать, не надо истощать свои силы понапрасну. Ведь владеть своей страстью можно, я это знаю» (РГБ. Ф. 25. Карт. 9. Ед. хр. 18).

[538] В сказочном мифологизированном сюжете рассказа «Куст» (помета под текстом: «Дедово, 29 мая 1906 года») нашли отражение психологические коллизии взаимоотношений Белого, Л.Д. Блок и А. Блока в описываемое время. См.: *Андрей Белый*. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 264–273.

[539] 1-я Государственная дума была распущена 8 июля 1906 г.

[540] О взаимоотношениях С.М. Соловьева и Еленки, кухарки из Надовражина, см. в статье А.В. Лаврова «Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в “Серебряном голубе” Андрея Белого» (*Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 120–123).

[541] Белый приехал в Серебряный Колодезь 29 июня (см. его письмо к М.К. Морозовой от 1 июля 1906 г. // «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 74), провел там первую половину июля.

[542] Белый приехал в Дедово около 20 июля.

[543] Стихотворение «Бурьян» («Вчера завернул он в харчевню…») в первоначальной редакции было опубликовано в составе цикла Андрея Белого «Горемыки» (Золотое Руно. 1906. № 1. С. 49–50).

[544] Подразумевается окончательная редакция 4-й «симфонии» «Кубок метелей».

[545] Лирическая поэма «Панихида» была опубликована в «Весах» (1907. № 6. С. 5–14; см.: *СП–2*. С. 459–465), стихотворение «Осинка» («По полям, по кустам…») в первоначальной редакции – в составе цикла Андрея Белого «Горемыки» в журнале «Перевал» (1906. № 2. <Декабрь.> С. 4–5; см.: *СП–1*. С. 445–447).

[546] Белый направил Эллиса к Блоку в Шахматово с вызовом на дуэль 10 августа; в ходе последовавших объяснений Эллиса с Блоком и Л.Д. Блок вопрос о дуэли был снят. Подробнее см.: *О Блоке*. С. 239–240; *МДР*. С. 85–86; *Блок Л.Д.* И быль и небылицы о Блоке и о себе // Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 176–177; *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века. С. 224–227.

[547] Книга Г. Чулкова «О мистическом анархизме» (Со вступ. статьей Вяч. Иванова «О неприятии мира». СПб.: Факелы, 1906) вышла в свет в июле 1906 г. Рецензия Андрея Белого на нее была опубликована в «Золотом Руне» (1906. № 7/9. С. 174–175).

[548] Белый приехал в Петербург 23 августа (см.: *Белый – Блок*. С. 293).

[549] Первая встреча Белого с Блоками в этот приезд состоялась 30 августа. См. письмо Л.Д. Блок к Белому (с припиской Блока) от 29 августа 1906 г. (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 256).

[550] Подразумевается А.И. Косоротов.

[551] Ф.Д. Батюшков был официальным редактором петербургского ежемесячного журнала «Мир Божий» (издание которого в сентябре 1906 г. было приостановлено в административном порядке).

[552] Эти встречи состоялись 7 и 8 сентября на квартире Блоков на Лахтинской ул. (см.: *О Блоке*. С. 241–242; *МДР*. С. 90–93, 476).

[553] Белый прибыл из Москвы в Мюнхен 21 сентября / 4 октября.

[554] Рассказ Андрея Белого «Куст» был опубликован в № 7/9 «Золотого Руна» за 1906 г. (С. 129–135).

[555] Имеется в виду письмо Л.Д. Блок от 2 октября 1906 г. См.: *ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 258.

[556] Строфа из стихотворения «Арлекинада» («Мы шли его похоронить…»), впервые опубликованного в книге Андрея Белого «Пепел». См.: *СП-1.* С. 245–246.

[557] Статьи Андрея Белого из авторского критико-полемического цикла «На перевале», печатавшегося в «Весах» (все – за подписью: *Борис Бугаев*): «Искусство и мистерия» (1906. № 9. С. 45–48), «Против музыки» (1907. № 3. С. 57–60), «Литератор прежде и теперь» (1906. № 10. С. 46–49).

[558] См. мемуарную главку «Кафе “Симплициссимус”» (*МДР.* С. 110–114).

[559] Белый выехал из Мюнхена в Париж 30 ноября (н. ст.) по приглашению Мережковских (см. письмо З.Н. Гиппиус к Белому от 8 ноября (н. ст.) 1906 г. // РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6).

[560] Это знакомство состоялось в квартире Мережковских; на последних и на Белого молодой поэт произвел нелестное впечатление. См. письма Белого к В.Я. Брюсову от 14/27 февраля 1907 г. (*ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. С. 406), З.Н. Гиппиус к Брюсову от 8/21 января 1907 г. (Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 157. Публ. М.В. Толмачева), Н.С. Гумилева к Брюсову от 26 декабря 1906 / 8 января 1907 г. (*ЛН.* Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 426–427. Публ. Р.Л. Щербакова).

[561] С Жаном Жоресом Белый познакомился в парижском пансионе, где поселился (Passy XVI, rue de Ranelagh, 99); эти встречи он описал в двух газетных очерках – «Силуэты. I. Жорес» (Накануне. 1907. № 20, 6 июля) и «Из встреч с Жоресом» (Час. 1907. № 2, 14 августа), а также в позднейшем очерке (1924), оставшемся при жизни автора неопубликованным (см.: *Андрей Белый.* Воспоминания о Жоресе / Предисл. и публ. А.В. Лаврова // *Проблемы творчества*: С. 645–652), и в мемуарах (*МДР.* С. 135–153). См. также рисунки-шаржи Белого, изображающие Жореса («Люблю тебя нежно…». Иллюстративная вкладка).

[562] Белый перенес хирургическую операцию 2 января (н. ст.) 1907 г. В письме к А.Д. Бугаевой от 10/23 января 1907 г. Д.В. Философов сообщал название болезни Белого («phlegmon ischiorectal») и добавлял: «Опасности никакой больше нет. Но за ним нужен долгий и упорный уход. Ему сделали очень глубокий разрез со стороны заднего прохода <…> Больницей доволен. Мы его часто посещаем, да и вообще его навещают. Под хлороформом чувствовал себя “как в раю” (его слова)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 369). Подробнее см.: *МДР.* С. 165–169, 495–496.

[563] Строфа из стихотворения «Совесть» («Я шел один своим путем…»; *СП–1.* С. 311), впервые опубликованного (без заглавия) в составе цикла Андрея Белого «Эпитафия» (Золотое Руно. 1907. № 3. С. 38).

[564] Рецензия Андрея Белого на «Нечаянную Радость. Второй сборник стихов» (М.: Скорпион, 1907) Александра Блока была опубликована в февральском номере журнала «Перевал» (1907. № 4. С. 59–61). Белый перепечатал ее в виде отдельной главки («Нечаянная Радость») в «Воспоминаниях о Блоке» (*О Блоке.* С. 209–212) с оговоркой: «Считаю: оценка моя замечательной книги – несправедлива» (Там же. С. 209).

[565] С чтением этой лекции «в пользу парижской эмигрантской кассы» (как сообщал Белый матери в письме от 7/20 февраля 1907 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 358)) он выступил 22 февраля (н. ст.). См.: *Андрей Белый.* Социал-демократия и религия. Из лекции, читанной в Париже // Перевал. 1907. № 5, март. С. 23–25.

[566] Белый выехал из Парижа в Москву около 25 февраля / 9 марта 1907 г., 28 февраля (н. ст.) он уже выступал в Москве в Обществе свободной эстетики с чтением стихотворений (См.: Отчет о деятельности Общества свободной эстетики за 1906–1907 г. // РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36).

[567] Подразумеваются Л.Д. Блок и Г.И. Чулков; их кратковременное сближение относится к январю – февралю 1907 г. См.: *Лавров А.В.* Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 52–55; *Галанина Ю.Е.* Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М., 2009. С. 74–78.

[568] Общество свободной эстетики – литературно-художественное объединение, основанное в Москве в ноябре 1906 г. по инициативе В.Я. Брюсова, Н.Р. Кочетова, В.В. Переплетчикова и И.И. Трояновского; собрания Общества проходили в помещении Московского Литературно-художественного кружка (см.: *<Шруба М.>* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 161–162). Белый подробно рассказал об Обществе и его учредителях в мемуарах (*МДР*. С. 194–209).

[569] См.: Эллис в «Весах» / Предисл., публ. и коммент. А.В. Лаврова // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 287–327.

[570] Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева в Москве, открывшееся явочным порядком в ноябре 1905 г.; устав Общества был утвержден в августе 1906 г.

[571] Это выступление Белого состоялось 25 марта 1907 г. (см. письмо В.Ф. Эрна к А.В. Ельчанинову от 23 марта 1907 г.: *Взыскующие Града*. С. 135).

[572] В отчете о деятельности Общества свободной эстетики за 1906–1907 г. сообщается, что 14 марта 1907 г. состоялась «беседа об “искусстве будущего” (Андрей Белый, Эллис, Вайнштейн)» (РГБ. Ф. 386. Карт. 114. Ед. хр. 36).

[573] Известно лишь одно письмо Белого к Блоку, относящееся к этому времени и содержащее деловую просьбу, – от 5 марта 1907 г. (*Белый – Блок*. С. 305).

[574] «Оры» – петербургское издательство, основанное в конце 1906 г. Вяч. Ивановым; в данном случае это название подразумевает литераторов модернистской ориентации и художников, концентрировавшихся вокруг Вяч. Иванова.

[575] С лекцией «Символизм в современном русском искусстве» Белый выступал в Политехническом музее 14 апреля 1907 г.

[576] Лекцию «Будущее искусство» Белый прочитал в Политехническом музее 17 апреля; повторно – там же 30 апреля.

[577] См.: *Андрей Белый*. Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме // Весы. 1908. № 4. С. 15–30; *Андрей Белый*. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. С. 282–291.

[578] «Вечер нового искусства», состоявшийся в Московском Литературно-художественном кружке 24 апреля 1907 г.

[579] Выставка одноименной группы художников «Голубая роза», организованная по инициативе и на средства владельца «Золотого Руна» Н.П. Рябушинского, состоялась в Москве 18 марта – 29 апреля 1907 г. в доме фабриканта М.С. Кузнецова на Мясницкой ул.

[580] Пасха в 1907 г. – 22 апреля.

[581] См. выше, примеч. 519.

[582] Петровское – имение, прилегающее к Дедову.

[583] В письме к В.Я. Брюсову от 19 июня 1907 г. Белый обещал представить рукопись «Кубка метелей» для публикации к 1 июля (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 410).

[584] Подразумеваются критические фельетоны и рецензии, направленные против «петербургских» модернистов, печатавшиеся главным образом в «Весах».

[585] Имеются в виду статья Андрея Белого «На перевале. VI. Против музыки» (Весы. 1907. № 3. С. 57–60. Подпись: *Борис Бугаев*) и полемический отклик на нее – статья Э.К. Метнера «Борис Бугаев против музыки» (Золотое Руно. 1907. № 5. С. 56–62). Отказ редакции «Золотого Руна» опубликовать ответное полемическое «письмо в редакцию» Белого (оно появилось в журнале «Перевал»: 1907. № 10, август. С. 58–60. Подпись: *Б. Бугаев (А. Белый)*) послужил непосредственным поводом для выхода ряда писателей – постоянных авторов «Весов» во главе с Брюсовым – из числа сотрудников «Золотого Руна» (об этом было объявлено в печати 21 и 22 августа; см.: *Лавров А.В.* Русские символисты. Этюды и разыскания. М., 2007. С. 475–478).

[586] Имеются в виду письмо Белого к Блоку от 5 или 6 августа 1907 г., ответное письмо Блока от 8 августа (содержавшее, в случае невыполнения поставленных условий, вызов на дуэль) и последовавшее пространное объяснительное письмо Белого к Блоку от 11 августа, на которое Блок подробно ответил 15–17 августа. См.: *Белый – Блок*. С. 310–312, 320–330.

[587] Подразумевается рассказ «Горная владычица» (Перевал. 1907. № 12, октябрь. С. 20–25; *Андрей Белый.* Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. С. 274–281).

[588] Встреча и объяснение с Блоком в Москве состоялись 24 августа. См.: *О Блоке.* С. 282–287; *МДР.* С. 291–294.

[589] Гастроли Драматического театра В.Ф. Коммиссаржевской проходили в Москве с 30 августа по 11 сентября 1907 г. в помещении театра Эрмитаж. Отклик Андрея Белого – статья «Символический театр. По поводу гастролей Коммиссаржевской» (Утро России. 1907. № 11, 28 сентября).

[590] Ср. письмо А.С. Петровского к П.А. Флоренскому от 3 февраля 1907 г., предваряющее его уход из Духовной Академии: «Я <…> взял от Академии все, что мог взять и переварить. Многое из взятого оказалось несваримым и его пришлось удалять с усилием <…> Дальше же мне по теперешним временам в Академии делать решительно нечего <…> Кроме двух-трех лиц, у меня почти ничего, что бы меня связывало с ней» (Павел Флоренский и символисты. С. 583).

[591] В Киеве Белый произнес 4 октября 1907 г. вступительное слово «Об итогах развития нового русского искусства» на вечере «нового искусства» в Киевском городском театре и 6 октября прочитал лекцию «Будущее искусство» в Коммерческом собрании.

[592] Белый приехал из Киева в Петербург (вместе с Блоком и по его инициативе) 8 октября. См.: *О Блоке.* С. 293–294; *МДР.* С. 295–297.

[593] «Шиповник» – петербургское издательство, основанное в 1906 г. З.И. Гржебиным и С.Ю. Копельманом. Книга стихов Андрея Белого «Пепел» была выпущена в свет «Шиповником» в начале декабря 1908 г.

[594] «Дом песни» – центр концертно-лекционной пропаганды новых идей в музыке; объединение начало свою деятельность в 1908 г.

[595] Анахронизм: с лекцией в двух частях («I. Песня и современность. II. Жизнь песни») Белый выступил в «Доме песни» год спустя, 6 ноября 1908 г. Статья «Песнь жизни», основанная на тексте лекции, была впервые опубликована в книге Андрея Белого «Арабески» (М.: Мусагет, 1911). См.: *Андрей Белый.* Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. Т. 2. С. 44–60.

[596] См. примеч. 318 к *РД.* Имеется в виду книга Г. Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки» (Пер. с нем. А. Водена. СПб., 1903).

[597] Анахронизм. Имеется в виду реферат «Символизм и современное русское искусство», прочитанный на заседании Общества свободной эстетики 15 октября 1908 г. и опубликованный в «Весах» (1908. № 10. С. 38–48); вошел в книгу Андрея Белого «Луг зеленый» (М.: Альциона, 1910). См.: *Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 338–346.

[598] Белый приехал в Петербург 1 ноября.

[599] Статья была опубликована в сборнике «Театр. Книга о новом театре» (СПб., 1908. С. 261–289), вошла в книгу Андрея Белого «Арабески».

[600] Белый возвратился в Москву 18 ноября.

[601] С лекцией «Театр и современная драма» Белый выступил в Московском Литературно-художественном кружке 20 ноября 1907 г. (см. тезисы: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 14. Л. 5). См. подробное изложение: *М. Л.* Андрей Белый о современном театре // Раннее Утро. 1907. № 5, 23 ноября. С. 4.

[602] С этой лекцией Белый выступил 19 декабря 1907 г.

[603] Анахронизм. Лекцию «Символизм» Белый прочитал в «Доме песни» год спустя, 21 ноября 1908 г.

[604] С лекцией «Искусство будущего» Белый выступил в Петербурге в зале Тенишевского училища 15 января 1908 г.

[605] Подразумевается реферат на тему «Искусство будущего». См. письмо Белого к М.К. Морозовой (между 7 и 9 января 1908 г.): «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М. К. Морозовой. С. 96–97.

[606] Белый выехал из Москвы в Петербург 21 января 1908 г., 25 января выступил в зале Тенишевского училища с лекцией «Фридрих Ницше и предвестия современности», отбыл в Москву в тот же день.

[607] Подразумевается статья «На перевале. X. Вольноотпущенники» (Весы. 1908. № 2. С. 69–72. Подпись: *Борис Бугаев*). «Обозная сволочь» – употребленное в ней выражение, которым Белый обозвал эпигонов символизма.

[608] Содержание этого выступления Белого легло в основу его статьи «Далай-лама из Сапожка» (Весы. 1908. № 3. С. 63–76).

[609] Известно, что в сезон 1907–1908 г. Белый выступил в Московском Религиозно-Философском обществе с рефератом «О новом искусстве символизма» (см. примеч. 513 к *РД*).

[610] В статье «На перевале. XII. Realiora» (Весы. 1908. № 5. С. 58–62. Подпись: *Борис Бугаев*) Белый выступил с критикой эстетических взглядов Вяч. Иванова, обоснованных в статье «Две стихии в современном символизме» (Золотое Руно. 1908. № 3/4. С. 86–94; № 5. С. 44–50 – под заглавием «Два течения в современном символизме»); полемический ответ Вяч. Иванова – статья «Б.Н. Бугаев и “Realiora”» (Весы. 1908. № 7. С. 73–77). См. также объяснение Ивановым («Экскурс II. Эстетика и исповедание» // Весы. 1908. № 11. С. 45–50) призыва «A realibus ad realiora» (от реального к реальнейшему – *лат.*): «В эстетических исследованиях о символе, мифе, хоровой драме, *реалиоризме* (пусть будет мне позволено употребить это словообразование для обозначения предложенного мною художникам лозунга: “a realibus ad realiora”, т.е.: от видимой реальности и через нее – к более реальной реальности тех же вещей, внутренней и сокровеннейшей) – я подобен тому, кто иссекает из кристалла чашу, веря, что в нее вольется благородная влага, – быть может, священное вино» (*Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. II. Брюссель. 1974. С. 571).

[611] Статья «Обломки миров» — отклик на книгу А. Блока «Лирические драмы» (СПб., 1908) – была опубликована в «Весах» (1908. № 5. С. 65–68). Белый перепечатал ее в составе своих «Воспоминаний о Блоке» (*О Блоке*. С. 328–330).

[612] Второй раздел книги «Пепел» (11 стихотворений), открывающее книгу (и раздел «Россия») стихотворение «Отчаянье», стихотворение из раздела «Город».

[613] Подразумеваются штудии по стиховедению.

[614] Статья Белого «Каменная исповедь. По поводу статьи Н. Бердяева “К психологии революции” (“Рус. Мысль”. Июль. 1908 г.)» была опубликована в журнале «Образование» (1908. № 8. Отд. III. С. 28–38), непродолжительное время (конец лета – начало осени 1908 г.) руководимом Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус.

[615] Белый передал рукопись книги стихов «Пепел» в петербургское издательство «Шиповник» 28 августа 1908 г.

[616] Т.е. Московский Литературно-художественный кружок.

[617] Французский перевод книги Е.П. Блаватской «Тайная доктрина» («The secret doctrine», vol. 1–3. London, 1888–1897). В ее состав входят «Двенадцать Станц из Книги Дзиан» с комментариями. См.: *Блаватская Е.П.* Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии. Т. 2. Антропогенезис. Ч. 1. СПб., 1991. С. 17–26.

[618] Эта поездка в Петербург состоялась в первой половине ноября 1908 г. Статья «Пророк безличия» была опубликована в «Киевской Мысли» 15 мая 1909 г., вошла в книгу Андрея Белого «Арабески».

[619] Критико-библиографический журнал «Критическое Обозрение» издавался в Москве в 1907–1909 г. (редактор-издательница Е.Н. Орлова, с вып. 6 (18) за 1908 г. – Б.А. Кистяковский), М.О. Гершензон был в нем редактором одного из шести отделов – литературного. С предложением о сотрудничестве в «Критическом Обозрении» Гершензон обратился к Белому еще в марте 1907 г., после чего тот опубликовал в этом журнале несколько рецензий. См.: Переписка Андрея Белого и М.О. Гершензона / Вступ. статья, публ. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 233–234, 245–250.

[620] Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус прибыли в Москву 27 ноября 1908 г., 28 ноября Мережковский выступил с докладом о М.Ю. Лермонтове «Поэт сверхчеловечества» в публичном заседании Московского Религиозно-философского общества, оппонировал ему Андрей Белый. См.: «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 111–112.

[621] Эту лекцию Белый прочитал 5 декабря 1908 г. в помещении Политехнического общества. Имеется в виду Дом Политехнического общества, построенный в 1906 г. в Малом Харитоньевском переулке (д. 6). Московское Политехническое было учреждено при Императорском техническом училище (ныне – МГТУ им. Н.И. Баумана) в 1877 г. для объединения и взаимопомощи выпускников училища.

[622] Ср. признания Белого в письме к М.С. Шагинян от 20 декабря 1908 г.: «Сейчас ужасающая слабость. Доктор запретил не только читать, но и думать. Мне грозят осложнения на почве переутомленности <…>» (*Шагинян М.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 243–244).

[623] Эту лекцию Белый прочитал 17 января 1909 г. в зале Тенишевского училища.

[624] С лекцией «О русской идее» Вяч. Иванов выступил 27 января 1909 г. в Московском Литературно-художественном кружке. В ходе прений, как сообщалось в газетном репортаже, писатель Ф.Ф. Тищенко обвинил Белого в политической и этической беспринципности, Белый в ответ закричал: «Вы – подлец! Я оскорблю вас действием!» (Русское Слово. 1909. № 22, 28 января). Подробнее см.: *О Блоке.* С. 344; *МДР.* С. 233–234. Подробное изложение инцидента с привлечением документальных материалов – в статье: *Кобринский А.* Несколько штрихов к пребыванию Вяч. Иванова в Москве в январе – феврале 1909 года // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 155–163.

[625] Белый выехал (вместе с А.С. Петровским) в село Бобровка Тверской губернии (за Ржевом, станция Оленино Виндавской железной дороги) 20 февраля 1909 г. (см. его письмо к В.Я. Брюсову от 21 февраля 1909 г. // *ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. С. 418).

[626] Замысел этого романа относится к более раннему времени: сообщения о том, что Андрей Белый работает над «повестью из современной жизни» «Серебряный голубь», появились в газетах в ноябре–декабре 1907 г. (см.: *Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 154–155). Возглавив на непродолжительное время литературный отдел «Русской Мысли», Д.С. Мережковский писал Белому 26 декабря 1908 г.: «… *как можно скорее* отдайте переписать на ремингтоне и пришлите первые главы “Серебр<яного> Голубя”. Нам его необходимо пустить в Феврале» (РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 9).

[627] Неточность; авторское «Вместо предисловия» к книге стихотворений «Урна» датировано: «Москва, 14 января 1909» (*СП–1.* С. 297).

[628] 14 марта 1909 г. Белый выступил в Киеве (в театре Медведева) с лекцией «Современность и Пшибышевский».

[629] В 1909 г. в газете «Киевская Мысль» были опубликованы статьи Андрея Белого «Гоголь» (19 марта), «Пророк безличия» (15 мая), «Московские письма. 1. Современная молодежь» (13 июня), «Символизм» (12 июля).

[630] Портрет Андрея Белого работы А.А. Тургеневой (1909) впервые воспроизведен в издании: *Turgenieff Assja.* Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1972.

[631] Эта статья была опубликована в «Весах» (1909. № 4. С. 69–83).

[632] Эллис был обвинен в порче книг из библиотеки Румянцевского музея; первые сообщения об этом появились 5 августа 1909 г. в «Русских Ведомостях» и «Раннем Утре». Инцидент получил широкую огласку – при том, что повод для него оказался ничтожным: Эллис по рассеянности вырезал две страницы из библиотечных экземпляров книг, а не из своих, с которыми работал параллельно, после чего заменил поврежденные экземпляры новыми (см. письмо Эллиса к В.Я. Брюсову от 20 августа 1909 г. // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 322–324). См. подробное изложение обстоятельств инцидента: *МДР.* С. 328–335, 535–538.

[633] Основанное в Москве Э.К. Метнером при ближайшем участии Андрея Белого и Эллиса издательство «Мусагет» начало свою финансовую деятельность с 1 октября 1909 г. См.: *Толстых Г.А.* Издательство «Мусагет» // Книга. Исследования и материалы. Сб. LVI. М., 1988. С. 117.

[634] Названные статьи вошли в книгу Андрея Белого «Символизм» (М.: Мусагет, 1910) наряду со статьями, публиковавшимися ранее, и комментариями ко всему корпусу сборника.

[635] Белый выступил с этим докладом в «Обществе свободной эстетики» 18 ноября 1909 г.

[636] Подразумевается статья «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре», вошедшая в книгу Андрея Белого «Символизм».

[637] См.: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Ч. 1–7 / Пер. с англ. В.Н. Неведомского. М., 1883–1886. Этот труд был впервые опубликован в 1776–1788 гг.

[638] Начало издательской деятельности «Мусагета» было положено сборником Сергея Соловьева «Апрель. Вторая книга стихов. 1906–1909», вышедшим в свет в конце февраля – начале марта 1910 г.

[639] «Общество ревнителей художественного слова» — литературное объединение, учрежденное осенью 1909 г. при редакции журнала «Аполлон» (см.: *<Шруба М.>* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 156–159). Белый выступил там с докладом о ритме 18 февраля 1910 г.

[640] Знак, символизирующий розенкрейцерскую эзотерику.

[641] О возникновении слова «акмеизм» в ходе дискуссий на «башне» Вяч. Иванова см.: *О Блоке.* С. 351–352. В данном случае упоминание «акмеистов» — анахронизм: упомянутые дискуссии проходили, согласно свидетельству Белого, в феврале 1912 г. (см. с. 396 наст. изд.).

[642] Об осложнении отношений А.Р. Минцловой с Белым и Вяч. Ивановым в это время см.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 97–98.

[643] Белый возвратился в Москву после 7 марта 1910 г.

[644] Подразумевается организация в апреле 1910 г. при редакции «Мусагета» Ритмического кружка под руководством Белого.

[645] См. примеч. 619 к *РД.*

[646] Судя по письму Минцловой к Иванову от 29 марта 1910 г., тот выехал из Москвы в Петербург 22 марта. См.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 98.

[647] А.С. — Петровский. Упоминаемая поездка в Бобровку состоялась не в конце, а в начале апреля 1910 г. Минцлова провела в Бобровке (судя по ее письму оттуда к Вяч. Иванову от 7 апреля 1910 г., с приписками Белого и Петровского) не менее двух дней. См.: Там же. С. 99–100.

[648] Пасха в 1910 г. – 18 апреля.

[649] Подразумевается комета Галлея, возвращающаяся к Земле с периодичностью в 75 с половиной лет. Ее можно было наблюдать в мае 1910 г. не один день.

[650] Это, неизвестное нам, письмо Белого к Минцловой датируется концом апреля или началом мая 1910 г. (5 мая Минцлова сообщала о его получении Вяч. Иванову). См.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 100.

[651] Предметом исследования, начатого участниками Ритмического кружка, было избрано всестороннее описание ритма пятистопного ямба на материале творчества более чем 40 русских поэтов. См.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 104.

[652] «Серебряный голубь. Повесть в 7-ми главах»; книга вышла в свет в московском издательстве «Скорпион» во второй половине мая 1910 г.

[653] См. выше, примеч. 8.

[654] Эта статья впервые опубликована в книге Андрея Белого «Арабески» (М.: Мусагет, 1911).

[655] Результат этой работы – статья Андрея Белого «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы», впервые опубликованная в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 26 июля 1916 г.; вошла в книгу Андрея Белого «Поэзия слова» (Пб.: Эпоха, 1922).

[656] В архиве Андрея Белого сохранились, однако, около 900 карточек, на которых расписаны стихотворения Пушкина, Баратынского, Тютчева: зафиксирован первичный материал для статистической обработки пятистопноямбических текстов, каждая из цитат отнесена к определенному роду «фигур» или «паузных форм» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 339).

[657] Рудольф Штейнер прочитал в Берне цикл лекций «Евангелие от Матфея» с 1 по 12 сентября 1910 г., а также две публичные лекции. О своих ярких впечатлениях от мюнхенских лекций Штейнера Петровский написал Белому 17/30 августа 1910 г. (см.: *Белый – Петровский.* С. 111–113).

[658] В Боголюбах (Волынской губ., под Луцком) было имение В.К. Кампиони и С.Н. Кампиони, матери А.А. Тургеневой. Отчим А.А. Тургеневой В.К. Кампиони служил в этой местности лесничим.

[659] Это примирение произошло позже. См. недатированное письмо Белого к Блоку и ответное письмо от 6 сентября 1910 г. (*Белый – Блок.* С. 367–369).

[660] 17 августа 1910 г. Минцлова выехала из Москвы в Петербург, на вокзале ее провожали Белый, М.И. Сизов, Эллис, В.О. Нилендер и М.В. Сабашникова. После этого никто из знавших Минцлову людей ее не видел, никаких достоверных сведений о ее судьбе не установлено. См.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 105–107.

[661] Подразумевается персонаж «Серебряного голубя» барон Павел Павлович Тодрабе-Граабен; в этом образе отразились черты В.И. Танеева.

[662] См.: *Андрей Белый.* Мысль и язык. (Философия языка А.А. Потебни) // Логос. 1910. № 2. С. 240–258.

[663] Эта книга статей Андрея Белого (М.: Альциона, 1910) вышла в свет раньше – в конце июля 1910 г.

[664] В студии скульптора К.Ф. Крахта (Большая Пресня, д. 9) издательство «Мусагет» нередко организовывало лекции, занятия с молодежью, заседания кружка «Молодой Мусагет».

[665] См.: *Андрей Белый.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М.: Мусагет, 1911. Брошюра вышла в свет в середине ноября 1911 г.

[666] Л.Н. Толстой тайно ушел из Ясной Поляны 28 октября 1910 г., скончался на станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги 7 ноября.

[667] 1 ноября 1910 г. Белый выступил в Московском Религиозно-философском обществе с чтением лекции «Трагедия творчества у Достоевского». Блок приехал в этот день из Шахматова в Москву и присутствовал на лекции. В Москве Блок пробыл до 4 ноября, постоянно дружески общаясь с Белым (см.: *О Блоке.* С. 364–372).

[668] Белый и А. Тургенева отбыли из Москвы в заграничное путешествие 26 ноября / 9 декабря 1910 г.

[669] Белый и А. Тургенева проследовали через Венецию (12 декабря н. ст.) и Рим (13 декабря н. ст.) на Сицилию, где обосновались в Палермо (17 декабря н. ст.) и затем в Монреале, городке в 5 км от Палермо (не позднее 24 декабря н. ст.). В Тунис они прибыли 4 января (н. ст.) 1911 г.

[670] См.: *Андрей Белый.* Путевые заметки. Т. 1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин: Геликон, 1922 (наиболее полная редакция текста); *Андрей Белый.* Офейра. Путевые заметки. Ч. 1. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1921. 2-й том «Путевых заметок» при жизни автора в свет не вышел, опубликован С. Ворониным с предисловием Н. Котрелева в издании: Российский архив. Вып. I. М., 1991. С. 327–454. См. также: Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого / Публ., вступ. статья и коммент. Н.В. Котрелева // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 143–177.

[671] Очерки Андрея Белого под общим заглавием «Путевые заметки» были опубликованы в петербургской газете «Речь» в 1911 г. 25 января, 2 и 13 февраля, 5 июня, 3 и 24 июля; под заглавием «Тунис» – 29 сентября.

[672] В Радесе (арабская деревня близ Туниса) Белый и А. Тургенева поселились 2/15 января 1911 г.

[673] Кайруан – город к югу от Туниса. Поездка туда (13–14 / 26–27 февраля 1911 г.) подробно описана Белым в «Путевых заметках». См.: Российский архив. Вып. I. С. 335–348. Отрывок «Кайруан» был опубликован в пражском журнале «Воля России» (1923. № 1).

[674] «Арабески. Книга статей» Андрея Белого (М.: Мусагет, 1911) вышла в свет в начале марта (ст. ст.).

[675] См. главки «Али Джалюли» и «Знакомство с Али Джалюли» в «Путевых заметках» Андрея Белого (Российский архив. Вып. I. С. 373–376).

[676] Имеется в виду письмо к Э.К. Метнеру от 30 января / 12 февраля 1911 г., в котором Белый подобно говорит о своих финансовых затруднениях и просит редакцию «Мусагета» содействовать их разрешению (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 29).

[677] Белый и А. Тургенева отплыли из Туниса в Египет (через Мальту) 23 февраля / 8 марта 1911 г., прибыли в Порт-Саид 28 февраля / 13 марта.

[678] Имеется в виду письмо Э.К. Метнера от 19 февраля / 4 марта 1911 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 7; копия: РГБ. Ф. 167. Карт. 5. Ед. хр. 21).

[679] Помимо «Путевых заметок» (см.: Российский архив. Вып. I. С. 388–414), Белый ранее подробно описал свои впечатления от Каира в очерках «Египет» (см. ниже, примеч. 693).

[680] Белый и А. Тургенева отбыли из Каира в Палестину 8 или 9 апреля (н. ст.) 1911 г., прибыли в Иерусалим 28 марта / 10 апреля. См.: *Белый – Петровский*. С. 178–179.

[681] Союз Белого и А. Тургеневой тогда не был официально зарегистрирован.

[682] Сергиевское подворье, входившее в комплекс Русского подворья в Иерусалиме, было построено для нужд паломников в 1889 г. Российским Императорским Православным Палестинским Обществом и Великим кннязем Сергеем Александровичем (в честь него и названо); включало контору всех русских подворий, гостевые комнаты, столовые, хозяйственные учреждения и т.д. Белый и А. Тургенева жили там во время пребывания в Иерусалиме.

[683] См. об этом: *МДР*. С. 400–401.

[684] Мечеть Омара, или мечеть Куббат ас-Сахра (Купол скалы; 687–691) – памятник арабской культуры; построена на фундаменте разрушенного храма Соломона (X в. до н. э.). Имеется в виду появление Белого и А. Тургеневой перед мечетью в день мусульманских волнений (30 марта / 12 апреля), порожденных известиями о совершенной там краже. См.: *МДР*. С. 402–403; Российский архив. Вып. I. С. 453; письмо Белого к А.М. Кожебаткину от 12 апреля (н. ст.) 1911 г. (Лица: Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 165).

[685] Белый и А. Тургенева выехали из Иерусалима 11/24 апреля 1911 г. и вечером того же дня отбыли из Яффы в Россию.

[686] Пребывание в Константинополе – 18–20 апреля / 1–3 мая. В Одессу Белый и А. Тургенева прибыли 22 апреля / 5 мая, в Боголюбы – 25 апреля (через Киев – 24 апреля).

[687] Белый находился в Москве с 8 по 18 мая.

[688] П.Б. Струве в это время был единоличным редактором-издателем ежемесячного литературно-политического журнала «Русская Мысль» (с 1907 г. в течение трех лет был его соредактором совместно с А.А. Кизеветтером).

[689] Имение Серебряный Колодезь; А.Д. Бугаева продала его в 1908 г.

[690] Подразумеваются предлагавшиеся Белым «Мусагету» переиздания его книг, опубликованных в 1900-е гг.

[691] Непосредственным следствием этой ссоры стало то, что в дальнейшем во время пребывания в Москве Белый более не жил в своей квартире в Никольском пер. (д. 21, кв. 7), где проживали А.Д. Бугаева и ее сестра.

[692] См. об этом: *О Блоке*. С. 375–377.

[693] Очерки Андрея Белого «Египет» (в переработанной редакции вошедшие во 2-й том его «Путевых заметок») были опубликованы в журнале «Современник» в 1912 г. (№ 5. С. 190–214; № 6. С. 176–208; № 7. С. 270–288).

[694] Приехав в Москву 8 августа 1911 г., Белый и А. Тургенева остановились по адресу: ул. Большая Никитская, д. 28 на углу Тверского бульвара, в меблированных комнатах Ю.А. Троицкой.

[695] Расторгуево – подмосковная станция по Павелецкой железной дороге. Белый и А. Тургенева поселились в конце сентября близ нее в Видном, на даче А.Н. Депре.

[696] Белый и А. Тургенева выехали в имение М.К. Морозовой Михайловское 19 августа 1911 г. (см.: «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 180–181).

[697] «Труды и Дни» – «двухмесячник издательства “Мусагет”», издававшийся с 1912 г., как оповещалось в объявлении о подписке, «под редакцией Андрея Белого и Эмилия Метнера, при ближайшем участии Александра Блока и Вячеслава Иванова». В № 1 «Трудов и Дней» были помещены статьи Андрея Белого «О символизме» (С. 10–24), «О журавлях и синицах. (Поправка к одной истине)» (С. 82–84. Подпись: *Cunctator*) и составленное им информационное сообщение об изданиях «мусагетской» серии «Орфей» (С. 63–68).

[698] Имеется в виду будущий роман «Петербург», задуманный как продолжение (2-я часть) романа «Серебряный голубь». Под «официальным заказом» здесь понимается, по всей вероятности, предложение Белого редактору «Русской Мысли» П.Б. Струве представить первые главы романа к январю 1912 г. и готовность Струве принять этот текст к рассмотрению. См.: *Долгополов Л.К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // *Андрей Белый*. Петербург. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 547–548 («Литературные памятники»).

[699] Эллис выехал из Москвы в Германию 18 сентября / 1 октября 1911 г. для слушания лекционных курсов Р. Штейнера. См.: *Willich Heide*. Lev L. Kobylinskij-Ėllis: Vom Symbolismus zur *ars sacra*. Eine Studie über Leben und Werk. München, 1996. S. 122–123.

[700] Намек на прорицания А.Р. Минцловой, предрекавшей Белому особую роль в ожидаемой ею встрече с некими «руководителями» на мистико-эзотерических путях: «…эти “кто-то”, которые изъявляли намерение появиться среди нас. Кто же мог ими быть? Темплиеры, масоны? Терялись в догадках» (*Андрей Белый*. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А.В.Лавров. СПб., 2014. С. 640. («Литературные памятники»).

[701] Белый и А. Тургенева переехали в квартиру А.М. Поццо (Плющиха, 6-й Ростовский пер., дом М.Д. Орлова – д. 11, кв. 2) в середине ноября 1911 г.

[702] О своем тяжелом материальном положении Белый написал Блоку 15 или 16 ноября 1911 г., после чего Блок перевел ему в долг 500 рублей. См.: *Белый – Блок*. С. 426–430.

[703] Согласно сообщению в письме Белого к Блоку от 26 ноября 1911 г., он выехал в имение А.А. Рачинской Бобровка (Тверская губ., станция Оленино) 30 ноября (*Белый – Блок*. С. 431).

[704] Подразумевается решительное нежелание П.Б. Струве, ознакомившегося в первой половине января 1912 г. с представленной в «Русскую Мысль» рукописью начальных глав романа Белого, печатать его в журнале. См.: *МДР*. С. 437–440; *Белый – Блок*. С. 435–437.

[705] Белый уехал в Бобровку 10 января 1912 г.

[706] См. примеч. 668 к *РД*.

[707] Белый и А. Тургенева приехали в Петербург 21 января 1912 г.

[708] «Башня» – квартира Вяч. Иванова на верхнем этаже дома на углу Таврической и Тверской ул., бывшая тогда одним из неформальных культурных центров Петербурга. См.: Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006.

[709] С.И. Гессен читал философские курсы, будучи в 1917–1920 гг. профессором Томского университета; после эмиграции (в конце 1920 г.) преподавал в Русском научном институте в Берлине, в 1924 г. был избран профессором Русского педагогического института в Праге.

[710] С докладом о работе Ритмического кружка при «Мусагете» над исследованием русского пятистопного ямба Белый выступил в «Обществе ревнителей художественного слова» (в редакции журнала «Аполлон») 28 января, с докладом о символизме – там же 18 февраля 1912 г.

[711] Соляной городок — культурно-просветительский центр, где устраивались выставки, концерты, лекции (комплекс построек между набережной Фонтанки, Пантелеймоновской улицей, Соляным переулком и Рыночной улицей).

[712] Доклад Белого «Религиозное сознание современного человека» состоялся на общем (годовом) собрании Петербургского Религиозно-философского общества 20 февраля 1912 г. (см.: *Ермичёв А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 123), его же лекция «Современный человек» была прочитана в большой аудитории Соляного городка 23 февраля 1912 г.

[713] Белый возвратился в Москву 28 или 29 февраля 1912 г.

[714] К.Ф. Некрасов организовал свое издательство в 1911 г. в Ярославле, контора издательства помещалась в Москве. Белый передал К.Ф. Некрасову первые три главы «Петербурга» (в первоначальной редакции) и получил от него денежный аванс. См.: *Долгополов Л.К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург». С. 558–560.

[715] Весной 1912 г. Белый получил от издательства «Путь» аванс, обещая написать к сентябрю того же года две брошюры – о чувстве природы у Пушкина, Баратынского и Тютчева и о мировоззрении Фета (см.: «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 185–186; *Голлербах Е.* К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000. С. 129–130). Книга о Фете написана не была.

[716] См.: *Андрей Белый.* Лев Толстой и культура // [Сборники книгоиздательства «Путь»]. Сб. второй: О религии Льва Толстого. М.: Путь, 1912. С. 142–171.

[717] Белый и А. Тургенева выехали из Москвы за границу 16/29 марта 1912 г., в Кёльне они были 1 апреля (н. ст.).

[718] День приезда в Брюссель (где А. Тургенева брала уроки гравировального искусства у Мишеля Огюста Данса) – 2 апреля (н. ст.).

[719] О знаменательных впечатлениях и переживаниях, в сознании Белого сопрягавшихся с последующей поездкой в Кёльн для встречи с Рудольфом Штейнером, он подробно написал также А. Блоку 1/14 мая 1912 г. (*Белый – Блок.* С. 454–457). Ср. о том же в изложении А. Тургеневой (*Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. М., 2002. С. 21–24).

[720] Подразумеваются в первую очередь упреки и обвинения, содержавшиеся в письме Белого к Э.К. Метнеру от 7/20 апреля 1912 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 2. Ед. хр. 57).

[721] Белый и А. Тургенева приехали в Кёльн на лекцию Р. Штейнера 6 мая (н. ст.) 1912 г., на следующий день состоялась их личная встреча с Штейнером, после чего они приняли решение войти в круг его приверженцев и учеников. Свои переживания этих двух дней Белый подробно изложил в письме к А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. (*Белый – Блок.* С. 457–461), а также в главах «берлинской» редакции воспоминаний «Начало века», опубликованных в берлинском журнале «Беседа» (1923. № 2. С. 83–127) и впоследствии переизданных (с добавлением главки «Базель – Фицнау – Штутгарт – Берлин») в кн.: *О Штейнере.* С. 636–685 (подгот. текста и коммент. М.Л. Спивак). См.: *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 737–758, 779–800. См. также: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 24–30.

[722] Эллис приехал в Брюссель 15 мая (н. ст.) 1912 г. См.: *Белый – Блок.* С. 464–467.

[723] Белый прибыл в Буа-ле-Руа (под Парижем, вблизи Фонтенбло), в дом П.И. д'Альгейма и М.А. Олениной-д'Альгейм (тетки А. Тургеневой), вероятно, 4 июня (н. ст.), позднее туда приехала А. Тургенева; прожили они там до конца месяца. См.: *НВ.* С. 445–446.

[724] Кафедральный собор в Страсбурге (Собор Страсбургской Богоматери, XI–XV вв.); шедевр готического искусства, один из самых грандиозных храмов христианского мира (шпиль башни высотой 142 метра).

[725] Ученица Р. Штейнера Матильда Шолль вела с Белым, А. Тургеневой и Н. Тургеневой (Поццо) ежедневные занятия по антропософии «под флагом репетирования <…> в немецком языке» (*О Штейнере.* С. 418).

[726] В Мюнхене состоялись представления мистерии Эдуарда Шюре «Священная драма Элевсина» (18 августа) и трех мистерий Штейнера – «Врата посвящения» (20 августа), «Испытание души» (22 августа), «Страж Порога» (24 августа).

[727] Курс лекций «Об инициации. О вечности и мгновении. О духовном свете и жизненной тьме» был прочитан Штейнером с 25 по 31 августа. См.: *Штайнер Р.* О посвящении. О вечности и мгновении. О духовном свете и жизненной тьме. Ереван, 2000.

[728] Этот курс из 10 лекций был прочитан Штейнером с 15 по 24 сентября.

[729] О встрече с Белым в Базеле, «куда приезжал к нему на три дня», Вяч. Иванов рассказал в письме к А.Д. Скалдину от 10/23 октября 1912 г. См.: Из переписки В.И. Иванова с А.Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 10. Paris, 1990. С. 133.

[730] В Фицнау, городке на берегу Фирвальдштетского озера у подножия швейцарских Альпов, Белый и А. Тургенева жили с 1 по 26 октября (н. ст.) 1912 г.

[731] Подразумеваются записи лекционных курсов Штейнера, распространявшиеся среди его последователей.

[732] В Фицнау Белый написал две статьи, опубликованные в «Трудах и Днях»: «Линия, круг, спираль – символизма» (1912. № 4/5. С. 13–22) и «Круговое движение (Сорок две арабески)» (Там же. С. 51–73).

[733] Имеются в виду первые три главы романа, в первоначальной редакции переданные в издательство К.Ф. Некрасова.

[734] В Мюнхене Штейнер выступал с 25 по 28 ноября 1912 г. с двумя публичными лекциями и с двумя лекциями для членов общества. См. примеч. 748 к РД.

[735] Белый и А. Тургенева выехали из Берлина в Кёльн 27 декабря, возвратились в Берлин около 5 января (н. ст.) 1913 г. Курс из 5 лекций «Бхагавадгита и послания апостола Павла» (Die Bhagavad Gita und die Paulusbriefe) Штейнер читал с 28 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г.

[736] Антропософское общество во главе с Р. Штейнером формировалось осенью 1912 г. На заседании правления Немецкого отделения Теософского общества (глава Отделения – Штейнер) в Берлине 8 декабря 1912 г. было принято решение об отказе в приеме членов ордена «Звезда Востока» (орден был основан Анни Безант в Бенарисе в 1911 г. для возвещения прихода Мирового Спасителя в лице Джидду Кришнамурти). 11 декабря Безант в телеграмме отозвала учредительные документы Немецкого отделения Общества, после чего последовало оформление самостоятельного Антропософского общества. 28 декабря в Кёльне было официально учреждено Антропософское общество, отделившееся от Теософского общества.

[737] В «Свиданиях с Доктором» эта встреча отнесена к 29 ноября 1912 . (С. 758 наст. изд.).

[738] В «Свиданиях с Доктором» эта встреча датирована 13 декабря 1912 г. (Там же.).

[739] См. примеч. 688 к *РД*.

[740] Эта встреча не зафиксирована в «Свиданиях с Доктором».

[741] 10 лекций Штейнера на тему «Жизнь между смертью и рождением в соотнесенности с космической реальностью» («Das Leben zwischen dem Tode und der neuen Geburt im Verhältnis zu den Kosmischen Tatsachen») были прочитаны в Берлине 5, 20 ноября, 3, 10, 22 декабря 1912 г., 7, 14 января, 11 февраля, 4 марта и 1 апреля 1913 г.

[742] «Дом архитекторов» (нем.). Адрес: Вильгельмштрассе (Wilhelmstrasse), 92.

[743] См. примеч. 750 к *РД*. Лекции на эту тему («Naturwissenschaft und Geistesforschung») входили в цикл из 14 лекций «Выводы духовной науки» («Ergebnisse der Geistesforschung»), прочитанный Штейнером с 31 октября 1912 по 10 апреля 1913 г.

[744] Ср. сведения в перечне «Слышанные лекции в немецкой секции» (С. 757 наст. изд.).

[745] С 2 по 7 февраля 1913 г. в Берлине проходил одиннадцатый съезд Немецкого отделения Теософского общества, на котором было принято решение об официальном учреждении Антропософского общества. Учредительное собрание нового объединения состоялось 2–3 февраля 1913 г.: «...к февралю был в Берлине съезд членов: и было открытие антропософского общества; восемь–

девять дней длился он; обсуждали дела и выслушивали доклады, курс Штейнера» (*О Штейнере*. С. 662).

[746] Ср. запись в перечне «Слышанные лекции в немецкой секции» (С. 757 наст. изд.).

[747] Ср. запись в перечне «Слышанные лекции по теософии в немецкой секции» за февраль 1913 г.: «Не знаю фамилии: "О механике и антропософ<ком> импульсе"» (С. 757 наст. изд.).

[748] Название доклада – «Парсифаль в свете естествознания» (Там же).

[749] 3, 4, 5 и 7 февраля 1913 г. Штейнер прочитал 4 лекции на тему «Мистерии Востока и христианства» («Die Mysterien des Morgenlandes und des Christentums»). Также он выступил с лекцией «О сущности антропософии» («Das Wesen der Anthroposophie») 3 февраля на генеральном собрании Общества и с публичной лекцией «Сказочные истории в свете духовной науки» («Märchendichtungen im Lichte der Geistesforschung»), прочитанной в Доме архитекторов вечером 6 февраля.

[750] См. письма Блока и Белого от конца 1912 г. и начала 1913 г. (*Белый – Блок*. С. 474–488). Издательство «Сирин» было организовано в октябре 1912 г. крупным предпринимателем и административным деятелем М.И. Терещенко и его сестрами Елизаветой Ивановной и Пелагеей Ивановной Терещенко; к учреждению издательства имели непосредственное отношение А.М. Ремизов и Р.В. Иванов-Разумник. См.: *Голлербах Е.А., Мухаркин Д.М.* Издательство «Сирин» // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: Сб. научн. трудов. Вып. 12. СПб., 2004. С. 57–74; «Сирин» – дневниковая тетрадь А. Ремизова / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы (Europa Orientalis). СПб.; Салерно, 2003. С. 229–248.

[751] Встреча Белого и М.И. Терещенко произошла в Берлине между 19 и 21 января / 1 и 3 февраля 1913 г. (*Белый – Блок*. С. 490). В 1917 г. во Временном правительстве Терещенко был министром финансов (со 2 марта), министром иностранных дел (с 5 мая), заместителем министра-председателя (с 5 сентября).

[752] Эти письма Блока, по всей вероятности, не сохранились.

[753] 23 февраля / 8 марта 1913 г. Белый сообщил Блоку из Берлина, что послал в Петербург рукопись первых трех глав романа и что 4-ая и 5-ая главы написаны, но еще не полностью перепечатаны (*Белый – Блок*. С. 495–496).

[754] 20–29 марта 1913 г. Штейнер читал в Гааге курс (10 лекций) «Какое значение имеет оккультное развитие человека для его оболочек и для его "Я"?» («Welche Bedeutung hat die okkulte Entwicklung des Menschen für seine Hüllen und sein Selbst?»).

[755] 16 сентября 1912 г. С.М. Соловьев женился на Т.А. Тургеневой, младшей сестре Аси, и они отправились в свадебное путешествие по Италии. Впечатления от итальянского путешествия отразились в поэме Соловьева «Италия» (М., 1914). См.: *Вишневецкий И.* Живые и «блистательная тень»: трансформация образа Италии в поздней поэзии Сергея Соловьева // Русско-итальянский архив / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Trento, 1997. С. 341–383.

[756] 18 или 19 мая 1912 г. Вяч. Иванов с В.К. Шварсалон (ожидавшей от него ребенка) и дочерью Лидией выехали из Петербурга за границу (в Швейцарию, затем во Францию – в Савойю, затем в Италию), 17 июля 1912 г. в Невселе (Франция) у Иванова родился сын Димитрий. По сообщению А.Б. Шишкина, в Римском архиве Вяч. Иванова сохранился сертификат – свидетельство о заключении брака Вяч. Иванова и Веры Шварсалон, датированное 16/29 апреля 1913 г.

[757] В «Свиданиях с Доктором» Белый датирует эту встречу 15 февраля 1913 г. (С. 758 наст. изд.). См. также письмо Белого к А.С. Петровскому от 14/27 февраля 1913 г. (*Белый – Петровский*. С. 240–241).

[758] 25 февраля / 10 марта 1913 г. Блок отправил Белому телеграмму: «Роман принят, скоро напишу. Блок» (Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975. С. 58). 24 февраля Блок записал в дневник: «Радуюсь: сегодня Терещенки почти решили взять роман А. Белого»; 25 февраля: «Роман А. Белого окончательно взят, телеграфирую ему» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 225).

[759] Белый и А. Тургенева уехали в Боголюбы под Луцком 11 марта 1913 г. (н. ст.).

[760] Иванов-Разумник сообщает: «Переписка АБ и ИР началась по делам изд-ва "Сирин" (редактором которого был ИР). Первые письма, около десятка, остались в издательской части архива "Сирина", пропавшего в годы революции» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 34). Первое сохранившееся письмо Белого к Иванову-Разумнику, в ответ на письмо от него, датируется 12/25 декабря 1913 г. (Там же. С. 35–38).

[761] Упоминаемые письма Эллиса к Белому, по всей вероятности, не сохранились.

[762] Письма Белого к Н.А. Бердяеву, по-видимому, утрачены (см.: Н.А. Бердяев. Письма Андрею Белому / Предисл., публ. и примеч. А.Г. Бойчука // De visu. 1993. № 2 (3). С. 14). Фрагменты из писем Бердяева к Белому, касающиеся антропософии Штейнера, приводит А. Тургенева в своей книге «Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума» (С. 49–50).

[763] Bau (здание – *нем.*) – будущее Иоанново здание, антропософский центр (Гётеанум) в Дорнахе. В мае 1911 г. был куплен участок под постройку этого здания в Мюнхене. Церемония закладки здания, первоначально назначенная на 27 февраля, а затем на 16 марта 1912 г., дважды откладывалась из-за проволочек мюнхенских властей с выдачей разрешения на строительство. В феврале 1913 г. администрация города вообще запретила возведение разработанного архитектором К. Шмидтом-Курцисусом (по идее Штейнера) двухкупольного здания.

[764] Имеется в виду практика эвритмии – ритмо-пластических жестов и движений, призванных отображать содержание художественных и религиозно-мистических текстов.

[765] Белый и А. Тургенева приехали в Петербург 11/24 мая 1913 г.

[766] П.П. Перцов постоянно жил в Казани, в Петербурге бывал продолжительными наездами и обычно останавливался в гостинице «Пале-Рояль» на Пушкинской ул. (д. 18–20).

[767] В письме к К.Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г. Иванов-Разумник (в 1912–1914 гг. – редактор в издательстве «Сирин») вспоминает: «Б.Н. приехал заключать договор и был у меня в "Сирине" *в первый же* день приезда; разговор продолжался три-четыре часа» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 23. СПб., 1998. С. 440. Публ. В.Г. Белоуса). Под «полемикой с Мережковскими», возможно, подразумевается резко критическая статья Иванова-Разумника «Мертвое мастерство (Д. Мережковский)» (см.: *Иванов-Разумник*. <Сочинения.> Т. 2. Творчество и критика. СПб.: Прометей, <1912>. С. 110–179).

[768] 11 мая Блок записал в дневнике: «Днем позвонил приехавший Боря (Андрей Белый), я позвал их с женой сегодня вечером, а завтра – обедать» (*Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 250).

[769] Белый и А. Тургенева отбыли в Гельсингфорс 14/26 мая 1913 г. Приобщению В.В. Бородаевского к учению Штейнера Белый в известной мере способствовал; ср. его свидетельства в письме к А.С. Петровскому от 14/27 февраля 1913 г.: «Бородаевский по-серьезному рвется к Доктору <...> решил искать пути у Доктора. Я ему ответил подробно о маршруте Доктора, советовал ехать в Гельсингфорс <...> Вы его осведомите, если будет проситься: Бородаевский подлинный человек» (*Белый – Петровский*. С. 241).

[770] Курс лекций Штейнера «Оккультные основы Бхагавадгиты» («Die okkulten Grundlagen der Bhagavadgita») был прочитан с 28 мая по 5 июня (н. ст.) 1913 г.

[771] Подразумевается гостиничный номер, который занимал Б.П. Григоров. 5 июня 1913 г. Штейнер прочел 30 русским слушателям курса лекцию о русской народной душе, об идее свободы на Востоке и на Западе. «Это дает спасение России и это спасение называется Теософия» (*Lindenberg*. S. 336).

[772] Ср. запись о мае 1913 г. в «Свиданиях с Доктором» (С. 758 наст. изд.).

[773] А. Тургенева указывает, что эта поездка к А.Д. Бугаевой была перед посещением Петербурга и Гельсингфорса (см.: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 47).

[774] Причиной конфликта было неприятие С.М. Соловьевым антропософии. Попытку идейного обоснования своего поворота к учению Штейнера представляет развернутое письмо Белого, обращенное к Соловьеву. См.: *Андрей Белый*. «Единство моих многоразличий...»: Неотправленное

письмо Сергею Соловьеву / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова // Москва и «Москва» Андрея Белого. С. 399–432.

[775] Белый и А. Тургенева отбыли из Боголюбов в Мюнхен (через Дрезден). 31 июля / 13 августа.

[776] В автографе – описка в инициале: «Ю.» вместо «А.». Белый по ассоциации перепутал имя поэта Ю.А. Сидорова, о котором ему приходилось раньше писать («Дорогой памяти Ю.А. Сидорова» в кн.: *Сидоров Ю.* Стихотворения. М.: Альциона, 1910. С. 9–12) с именем молодого поэта и критика А.А. Сидорова, в то время члена ритмического кружка, руководимого Белым при «Мусагете», впоследствии видного искусствоведа.

[777] Эвритмия – особый вид пластического искусства, разработанный Штейнером (в его основе – ритм, жест, танец), стремящийся в точных формах движений выразить своеобразие звука и слова. Штейнер считал, что произносящий звуки человек создает своим выдыханием («духом») определенные формы, сопровождаемые также невидимым движением внутри организма. Эвритмия призвана уловить и выразить это движение, придать пластическую «форму» звуку.

[778] С 24 по 31 августа Штейнер прочел восемь лекций курса «Тайны порога» («Die Geheimnisse der Schwelle»). Поставлены тогда были только третья и четвертая мистерии Штейнера: «Страж Порога» («Der Hüter der Schwelle») – 19 и 20 августа, «Пробуждение душ» («Der Seelen Erwachen») – 22 и 23 августа.

[779] 28 августа 1913 г., в день рождения Гёте, было первое представление того, что Штейнер в лекции «Эвритмия как импульс к творческому действию и созерцанию» («Eurythmie als Impuls für Künstlerisches Betätigen und Betrachten», 28 августа 1913 г.) назвал «зримой речью», «зримым пением» («sichtbare Sprache», «sichtbaren Gesang») – «эвритмия» (Eurythmie).

[780] Подразумевается Ядвига (Хедвиг) Фридрих, близкая приятельница Э.К. Метнера, финансировавшая издательство «Мусагет».

[781] Опера Рихарда Вагнера (1859).

[782] Белый и А. Тургенева отправились в Норвегию 12 сентября 1913 г.

[783] Ныне этот отрывок опубликован. См.: *Штейнер Р.* У врат посвящения. Пер. А. Белого / Публ. С.В. Казачкова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5 (252). С. 69–73.

[784] Имеется в виду закладка так называемого «Камня Основы» (Grundstein – *нем.*) будущего Иоаннова Здания (Гетеанума), осуществленная Р. Штейнером и его сподвижниками в Дорнахе. «Для закладки Камня Основы <…> на Дорнахском холме была вырыта яма. 20 сентября в восемь часов вечера состоялось исполненное значения торжество, во время которого Камень Основы в форме сдвоенного пентагондодекаэдра, выполненного из меди, был погружен в “царство уплотненных элементов” <…> На вложенном в медный сосуд документе был <…> рисунок, снабженный текстом в соответствии с речью, произнесенной Штайнером: “Во имя Серафимов, Херувимов, Престолов, Духов Мудрости, Духов Движения, Духов Форм, Духов Личности, Архангелов, Ангелов: в макрокосмосе как микрокосмос да живет человек, Антропос, представленный здесь также как дважды двенадцатиричный образ духовного мира. И внутри него выражающее смысл нашего стремления изречение розенкрейцерства: Ex Deo Nascimur, In Christo Morimur, Per Spiritum Sanctum Reviviscimus”» (*Зойберт Г.* Михаил и железо / Пер. с нем. О. П<рониной> // Антропософия в современном мире. 2002. № 4. Сентябрь. См.: http://anthroposophy.ru/index.php?go= Pages&in =view&id=203).

[785] 1, 2, 3, 5 и 6 октября 1913 г. в Христиании (ныне — Осло) Штейнер прочитал пять лекций из курса «Из хроники Акаши. Пятое Евангелие» («Aus der Akasha-Forschung. Das fünfte Evangelium»). См.: *О Штейнере.* С. 506–528.

[786] Письмо с подробным комментарием ныне опубликовано: «Я отдал жизнь письмом 1913 года». Ответ Андрея Белого на «Пятое Евангелие» Рудольфа Штейнера (*Спивак М.Л.* Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. № 4/5 (252). С. 44–53); *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 58–69. См. также: *О Штейнере.* С. 515–516.

[787] Белый и А. Тургенева выехали в Берген 8 октября 1913 г. См.: *О Штейнере.* С. 528–530; *Тургенева А.* Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 213–214; *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 55.

[788] 9 октября 1913 г. Штейнер прочел в Бергене публичную лекцию «Загадка жизни» («Die Rätsel des Lebens»), а 10 и 11-го для членов Антропософского общества две лекции «Описания из духовного мира» («Schilderungen aus der geistigen Welt»).

[789] 14–15 октября 1913 г. Штейнер прочел в Копенгагене лекции на тему «Христов Импульс» («Der Christus-Impuls im Zeitenwesen und sein Walten im Menschen»). См.: *О Штейнере.* С. 531.

[790] Штейнер с учениками прибыл в Берлин 17 октября 1913 г. (*Lindenberg.* S. 339).

[791] Белый родился в Москве 14 октября 1880 г., т. е. 26 октября по новому стилю. Разница между стилями в XIX веке – 12 дней; Белый в данном случае указал разницу в 13 дней – по стандарту XX века.

[792] Имеется в виду трактат Эллиса «Vigilemus!» (М.: Мусагет, 1914), в котором содержались отдельные нелицеприятные суждения по поводу Штейнера и антропософии. Рукопись была представлена в издательство в сентябре и подготовлена к выходу в свет в октябре 1913 г.

[793] В письме к секретарю «Мусагета» Н.П. Киселеву от 7/20 октября 1913 г. (РГБ. Ф. 167. Карт. 9. Ед. хр. 9) Белый потребовал задержать печатание трактата Эллиса, а 10/23 октября в телеграмме, отправленной из Штутгарта (видимо, сразу после упомянутого визита к Эллису), запросил выслать ему корректуру книги (Там же. Ед. хр. 8) для внесения в текст купюр и поправок. Коррективы, сделанные Белым (экземпляр верстки с его правкой: РГБ. Ф. 190. Карт. 36. Ед. хр. 4), в подавляющем большинстве случаев не были учтены в опубликованном тексте. Еще не дождавшись окончательного решения относительно его требований, Белый 27 октября / 9 ноября 1913 г. отправил Н.П. Киселеву письмо с отказом от редакционного участия в деятельности «Мусагета». См.: Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 440–441; *Спивак М.Л.* Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс. С. 55–58; *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 71–74; *Лавров А.В.* Книга Эллиса «Vigilemus!» и раскол в «Мусагете» // «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. Исследования и материалы / Сост. А.И. Резниченко. М., 2014. С. 13–33.

[794] Берлинская квартира Штейнера на Моцштрассе, 17 была в это время практически центром Антропософского общества. См.: *О Штейнере.* С. 328.

[795] Штейнер провел 8–11 ноября 1913 г. в Нюрнберге, где 9 и 11 ноября читал о «Пятом Евангелии». 12 ноября он выехал в Вену.

[796] Граф Лерхенфельд финансировал издание пятитомного собрания сочинений Вл. Соловьева на немецком языке, выпущенное издательством «Der kommende Tag»: *Solovjeff Wladimir.* Ausgewählte Werke. 5 Vol., aus dem Russischen von Harry Köhler. Stuttgart, Der kommende Tag, 1921–1922.

[797] См. главу «Два "Я"» (*Андрей Белый.* Записки чудака. Т. 1. С. 77–83).

[798] Имеется в виду «Венок любви» – «Die Krone der Liebe» («Love's Chaplet», 1909) английской теософки Мейбл Коллинз, автора знаменитого трактата «Свет на Пути» (см. выше, примеч. 245).

[799] В третьей декаде ноября (22–24) 1913 г. Штейнер читал лекции (одну – из курса «Пятое Евангелие») не в Мюнхене, а в Штутгарте. 7 декабря он прочел в Мюнхене публичную лекцию, а 8 и 10 декабря прочел там же для членов Антропософского общества две лекции из цикла «Пятое Евангелие».

[800] Об отношениях Белого с Михаилом Бауэром см.: *О Штейнере.* С. 382–384.

[801] Зарегистрирована одна публичная лекция, прочитанная Штейнером в начале декабря 1913 г. в Берлине – 4 декабря в Доме архитекторов: «Смысл бессмертия человеческой души» («Der Sinn der Unsterblichkeit der Menschenseele»). С 7 по 22 декабря 1913 г. Штейнер предпринял лекционный тур: Берлин – Мюнхен – Дорнах – Кёльн – Бохум – Берлин.

[802] Анахронизм: поездка в Штутгарт состоялась до поездки в Мюнхен, отнесенной выше к ноябрю 1913 г. (см. выше, примеч. 799). В начале декабря (7–10) Штейнер уже выступал с лекциями в Берлине.

[803] Штейнер провел 14–16 декабря 1913 г. в Дорнахе, где осматривал строительную площадку и модели будущего Гётеанума.

[804] 28–31 декабря 1913 г. и 1–2 января 1914 г. Штейнер прочел в Лейпциге шесть лекций курса «Христос и духовный мир. О поиске святого Грааля» («Christus und die geistige Welt – Von der Suche nach dem heiligen Gral»).

[805] Старо-германские рождественнские мистерии были показаны 23 декабря 1913 г. в Берлине; затем последовала лекция Штейнера.

[806] О встрече Белого с Кристианом Моргенштерном и ее отражении в двух стихотворениях Белого, посвященных Моргенштерну, см.: *Лавров А.В.* Андрей Белый и Кристиан Моргенштерн // *Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 198–206.

[807] Анни Безант в книге «Эзотерическое христианство, или Малые мистерии» («Esoteric Christianity or the Lesser Mysteries», London, 1897) отстаивает тезис об ошибочности евангельских повествований и утверждает, что исторический Иисус из Назарета – это Иешуа бен Пандира, живший примерно за 100 лет до нашего летоисчисления. Штейнер неоднократно говорил о том, что его собственные изыскания подтверждают правоту Евангелия и ошибочность отмеченного отождествления. В Лейпциге, 4–5 ноября 1911 г., Штейнер читал лекцию из курса «Розенкрейцерское христианство» («Das rosenkreuzerische Christentum») «Иешуа бен Пандира, предтеча понятия Христова импульса» («Jeshu ben Pandira, der Vorbereiter für ein Verständnis des Christus-Impulses»). Иешуа бен Пандира также упомянут в лекциях Штейнера из курса «Евангелие от Матфея» («Das Matthäus–Evangelium», 1910). О его значении в учении Штейнера см.: *Steiglitz Klaus von.* Die Christosophie Rudolf Steiners. Witten-Ruhr, 1955. S. 163–165.

[808] В лекционном курсе «Христианские мистерии» (1906–1907) Штейнер утверждал: «Посвящение Гете произошло между его лейпцигским и страссбургским периодами жизни, когда он был близок к смерти. Но тогда он этого не осознал. Это случилось впервые в 1784 г. В 1795 г. оно всплыло в нем вновь, но вновь неотчетливо. Тогда он писал оставшееся фрагментом стихотворение "Тайны", писал в момент просветления. Осознанно он писал "Сказку о зеленой Змее и прекрасной Лилии". Посвящение Гете совершилось на физическом плане через одну совершенно определенную индивидуальность» (Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера В 2 т. / Сост. Г.А. Бондарев. Т. II. М., 1999. С. 402).

[809] Ницше родился в Рёккене (Röcken), маленьком городке близ Лютцена, к юго-западу от Лейпцига. Туда же после смерти (в Веймаре) было перевезено его тело для погребения.

[810] См.: «Das Christentum als Mystische Tatsache und die Mysterien des Altertums» (1902). В русском переводе: «Мистерии древности и христианство» (М.: Духовное Знание, 1913).

[811] Ницше был похоронен рядом с родителями у стены той церкви в Рёккене, в которой служил его отец, лютеранский пастор Карл Людвиг Ницше.

[812] Имеется в виду цикл философских эссе Андрея Белого «На перевале. I. Кризис жизни» (Пб.: Алконост, 1918); «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб.: Алконост, 1918); «На перевале. III. Кризис культуры» (Пб.: Алконост, 1920).Четвертая часть цикла, «Кризис сознания», осталась при жизни автора неопубликованной, рукопись ее сохранилась в архиве Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64, 65; ныне заключительная часть «Кризиса сознания» напечатана отдельной брошюрой: *Андрей Белый.* Евангелие как драма. М., 1996). Первые три части были перепечатаны издательством З.И. Гржебина в 1923 г. отдельной книгой под заглавием «На перевале».

[813] Ср. автобиографическое письмо к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г., в котором Белым даны рисунки-схемы, изображающие два значимых Лейпцигских эпизода (случай с эпилептиком и «прощание с прошлым на могиле Ницше») и развита сходная их интерпретация (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 500–501).

[814] Пауль Дейссен, друг Ницше со времени их знакомства в гимназии, оставил воспоминания о нем («Erinnerungen an Friedrich Nietzsche». Leipzig, 1910).

[815] Имеется в виду издание: *Andrej Belyj*. Die silberne Taube. Roman. Einzige autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Lully Wiebeck. Frankfurt am Main, 1912.

[816] 6 января 1914 г. Штейнер прочел лекцию на тему «Пятое Евангелие», в которой дал свое толкование стихотворного романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парсифаль» (1198–1210).

[817] Второе Генеральное собрание Антропософского общества проходило в Берлине с 18 по 23 января 1914 г.

[818] Идея самоотождествления с Микеланджело в то время плотно укоренилась в сознании Белого. См. ее игровое, полуюмористическое развитие в письме к Иванову-Разумнику от 7–10 февраля 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 577-579, 586).

[819] 8 января 1914 г. Штейнер прочитал публичную лекцию в берлинском Доме архитекторов «Микеланджело и его время с точки зрения духовной науки» («Michelangelo und seine Zeit vom Gesichtpunkte der Geisteswissenschaft»).

[820] Белый пишет об «инциденте Больта» в воспоминаниях о Штейнере (*О Штейнере*. С. 281). В 1911 г. Эрнст Больт выпустил брошюру «Сексуальные проблемы в свете естествознания и духовной науки» («Sexual-Probleme im Lichte der Natur- und Geisteswissenschaft»), в которой соединял взгляды Штейнера и Фрейда на вопросы пола. Затем он выпустил брошюру «Теософия или Анти-София?» («Theosophie oder Antisophie?»), в которой выступал против Ницше и звал к реформации Антропософского общества. Эти брошюры обсуждались участниками генерального собрания 18–20 января 1914 г.

[821] Союз Иоаннова здания (Johannesbau-Verein) был организован в 1911 г. для разработки плана строительства здания в Мюнхене. Его деятельность активизировалась в 1913 г. в связи с решением построить антропософский центр в Дорнахе. Иоанново здание получило свое название по имени Иоанна Томазия, героя мистерий Штейнера. По замыслу Штейнера и его последователей оно должно было стать идеальным помещением для постановки мистерий и Высшей школы духовной науки. Здесь речь идет о заседании 23 января 1914 г., на котором был представлен архитектурный проект Иоаннова здания в Дорнахе (будущего Гетеанума).

[822] Андрей Белый и А.А. Тургенева были приняты в Союз еще в августе 1913 г. в Мюнхене. См. запись в *РД* за соотвествующее время.

[823] Grundstein (*нем.*) – Камень Основы Иоаннова здания. См. примеч. 784 *к МБ*.

[824] Ср.: «Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам» (Мф. XXVI, 67).

[825] 20–23 января 1914 г. Штейнер прочитал в Берлине курс из четырех лекций «Человеческая и космическая мысль» («Der menschliche und der kosmische Gedanke»).

[826] Имеется в виду статья Белого «Эмблематика смысла. Предпосылки к теории символизма» (1909), впервые опубликованная в его книге «Символизм» (С. 49–143).

[827] 27 января 1914 г. Штейнер и М.Я. фон Сиверс уехали из Берлина в Базель, где он вечером прочел лекцию «Теософия или Анти-София?» («Theosophie oder Antisophie?»). На следующий день они уехали в Дорнах.

[828] При упоминании Нины Богоявленской Белый приводит также другой второй инициал: «А»; нам не удалось выяснить, какое из указаний правильное.

[829] На «Вилле Ханси», или в «Доме Ханси» (Unteren Zielweg, 36) Штейнер с М.Я. Сиверс поселились 30 мая 1914 г. (*Lindenberg*. S. 351). Дом был приобретен у Э. Гросхайнца и назван так Штейнером в честь его младшего сына Ханси (Жана) Гросхайнца.

[830] Стихотворение «Самосознание» («Мне снились: и море, и горы...») впервые было опубликовано без заглавия в журнале «Заветы» (1914. № 5. Отд. I. С. 1–2). См.: *СП–1*. С. 384–385, 614.

[831] В письме к матери, отправленном из Базеля 12/25 февраля 1914 г., Белый сообщил: «Сейчас мы живем в Базеле (Schweiz. Basel. Aeschenvorstadt. “Hôtel zum Bären” № 25) в двух смежных комнатках, хотя Ася с утра уезжает работать в Дорнах; живем мы здесь по сложным причинам. Швей-

царцы очень косятся на тех, кто не женаты, но живут в одном помещении; так как нам придется жить в Дорнахе долго (в будущем), то у нас потребуют документы, и узнав, что мы не венчаны, нас вышлют из пределов Швейцарии (по ихним законам); ввиду этого мы венчаемся гражданским браком (которого нет в России и который единственно законен вполне здесь); но для этого надо бумаги, оглашение и прочее. Пока идет дело о нашем венчании, мы не можем снять в Дорнахе общее помещение и живем в отеле (в Базеле). Повенчаемся мы марта 15-го нов<ого> стиля» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 169–169 об.; «Люблю тебя нежно...». С. 194).

[832] 4, 5 и 7 марта 1914 г. Штейнер читал лекции о мистерии Христа и Голгофы в Штутгарте, а 7-го (вечером) и 8-го в Пфорцгейме (Pforzheim), где 8-го он также читал лекцию «Христос в 20-м веке» («Christus im 20. Jahrhundert») и отвечал на вопросы. Штейнер вернулся в Дорнах 10 марта.

[833] Кристиан Моргенштерн умер 31 марта 1914 г. в Меране. После кремации, состояшейся 5 апреля в Базеле, урну с прахом забрал Р. Штейнер; потом она хранилась в новом здании Гетеанума, в 1992 г. прах был предан земле.

[834] Работа по обработке капителей началась 12 марта 1914 г. См. об этом в воспоминаниях Н.А. Тургеневой-Поццо: *Turgieneff-Pozzo Natalie.* Zwölf Jahre der Arbeit am Goetheanum. 1913–1925. Dornach, 1942. S. 6–11.

[835] Гражданский брак Белого и А. Тургеневой был зарегистрирован в Берне 23 марта 1914 г.

[836] Имеется в виду двухкупольный «Стекольный дом» («Glashaus», или «Glasatelier»), построенный в 1914 г. для работы над «стеклами» (витражами) Гетеанума.

[837] Название улицы. Ср.: *Белый – Иванов-Разумник.* С. 43.

[838] 29 и 31 марта 1914 г. Штейнер прочитал две публичные лекции в Мюнхене о Христовом Импульсе, а 30-го провел беседу с участниками Общества. Он отбыл в Вену 5 апреля 1914 г.

[839] Английский сад (Englischer Garten), самый большой парк в Европе и первый, открытый для общего доступа, является важной достопримечательностью Мюнхена; был заложен в конце 18 века.

[840] 6 и 8 апреля 1914 г. Штейнер прочел в Вене две публичные лекции, а 9–14 апреля для членов Антропософского общества – шесть лекций из курса «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением» («Inneres Wesen des Menschen und Leben zwischen Tod und neuer Geburt»). 14 апреля он также выступил с речью о Гётеануме.

[841] В 1914 г. католическая пасха приходилась на 12 апреля. Последняя венская лекция Штейнера состоялась во вторник 14 апреля. Православная пасха в 1914 г. приходилась на 6 апреля, т.е. 19-е н. ст.

[842] В Праге 16–17 апреля 1914 г. Штейнер прочитал две лекции (их названия не указаны ни в регистре прочитанных им лекций, ни в хронике его жизни).

[843] 18 апреля 1914 г. Штейнер отбыл из Праги в Берлин, где жил приблизительно до 28-го апреля.

[844] Адрес Белого в это время: Arlesheim (bei Basel). Mattweg 318.

[845] Кундри – героиня музыкальной мистерии Р. Вагнера «Парсифаль» (1882), дева-искусительница, по воле волшебника Клингзора пытающаяся соблазнить молодого рыцаря-героя на его «пути» в искании Грааля.

[846] В антропософской символике Штейнера Люцифер – символическое обозначение одной из двух угрожающих самосознанию человека темных сил, действующих в мире: «Искуситель», влияющий на сферу чувств и страстей человека; другая, противостоящая Люциферу темная сила – Ариман, «Дух Лжи», «Властитель Смерти», начало материализма. Человеку следует стремиться к равновесию между этими двумя импульсами.

[847] Во второй половине апреля Штейнер находился в Берлине. Видимо, подразумевается его лекция на тему «Внедрение духовного мира в физический» («Das Hereinragen der geistigen Welt in die physische»), прочитанная в Базеле 5 мая 1914 г.

[848] «Собрание стихотворений» было представлено Белым в издательство «Сирин», однако подготовленная книга не вышла в свет по причине закрытия издательства (после начала мировой войны); опубликована по макету издания, сохранившемуся в архиве Белого, в новейшее время. См.:

Андрей Белый. Собрание стихотворений. 1914 / Изд. подгот. А.В. Лавров. М., 1997 («Литературные памятники»).

[849] Стихотворения вошли в книгу Белого «Звезда» под названиями, соответственно, «Чаша времен», «Инспирация» и «Дух» (*СП–1.* С. 410, 407–408, 399–400). «Дух» датирован маем 1914 г., «Инспирация» и «Чаша времен» – июнем.

[850] Штейнер уехал в Берлин 12 мая и вернулся в Дорнах в середине того же месяца.

[851] См. выше, примеч. 829.

[852] Открытие Стекольного дома («Glasatelier» или «Glashaus»), отмеченное лекцией Штейнера, состоялось 17 июня 1914 г., а не в мае. Об этой лекции см.: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 68.

[853] Этот перевод вышел в свет отдельным изданием: Petersburg. Autorisierte Übersetzung aus dem russischen von Nadja Strasser. München: Georg Müller Verlag, 1919. Для него Белый подготовил исправленную и сокращенную редакцию текста романа.

[854] Согласно хронике жизни Штейнера, это было воскресенье 14 июня 1914 г. (*Lindenberg.* S. 351).

[855] По-видимому, Белый подразумевает одну из лекций из цикла «Пути к новому строительному стилю» («Wege zu einem neuen Baustil»), прочитанного Штейнером в Дорнахе для антропософов – работников на строительстве 5, 17 и 28 июня и 5 и 26 июля 1914 г.

[856] Новый адрес Белого: Arlesheim bei Basel. Buchdruckerei bei Schmiedt (Haus Schmiedt).

[857] 27 июня / 10 июля 1914 г. Белый сообщал А.Д. Бугаевой: «Пишу из Берлина. Едем на милый север, в Норд-Кöпинг (Швеция) на курс; через 10 дней вернемся назад. Сейчас сидим на северн<ом> вокзале, радуемся лицам норвежцев и шведов» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 178; «Люблю тебя нежно…». С. 200).

[858] Покушение на Г.Е. Распутина было совершено 30 июня 1914 г. в его родном селе Покровское (Тобольская губ.) крестьянкой Хионией Гусевой, фанатичной поклонницей иеромонаха Илиодора (разоблачавшего Распутина и боровшегося против его влияния при дворе).

[859] 12–16 июля 1914 г. в Нордчёпинге Штейнер читал курс «Христос и человеческая душа» («Christus und die menschliche Seele»).

[860] 14 июля Штейнер провел «Esoterische Stunde» (эзотерический час, эзотерический урок) для избранных участников Общества, а 13 июля читал публичную лекцию «Антропософия и христианство» («Anthroposophie und Christentum»).

[861] День отъезда из Швеции – видимо, 19 июля.

[862] В своих воспоминаниях М.В. Сабашникова-Волошина подтверждает рассказ Белого. См.: *Волошина М.* (*Сабашникова М.В.*). Зелёная Змея. История одной жизни. Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М., 1993. С. 247–248.

[863] Ср. воспоминания М.В. Сабашниковой-Волошиной: «Ночным поездом мы рано утром приехали в Берлин. За ночь воздух нисколько не освежился и казался неподвижным. Мы завтракали в ресторане на вокзале, и мимо нас проходили бесконечные толпы людей, спешивших на загородную прогулку. Бугаев с ужасом сказал: “Видите этих молодых людей? Это ужасно! Они еще не знают, что с ними происходит, что они несут в себе. Они похожи на тех животных, у которых в теле – личинки других животных, от них они и погибнут”. Когда мы вернулись в Дорнах, там тоже была невыносимая духота» (Там же. С. 248).

[864] Правительство Австро-Венгрии предъявило Сербии ультиматум 23 июля 1914 г. Он был вызван убийством 28 июня сербским националистом Гаврилой Принципом австрийского эрцгерцога, наследника престола Франца Фердинанда и его супруги. Ультиматум содержал десять требований, расцененных Сербией как нарушение суверенитета страны (напр., допуск австрийской стороны к расследованию убийства) и угрозу – в случае неисполнения любого из них – начать войну.

[865] 27 и 28 июля 1914 г. Штейнер выступил в Базеле в «Mystica Aeterna», 28-го – только для избранных участников Общества. Ср. воспоминания А. Тургеневой: «В третий раз для меня и в по-

следний раз в жизни Общества в Базеле, в старом доме на Хойваге, состоялось такое же собрание, как в Норкöпинге <так! правильно: Норкёпинг (Norrköping)>. Здесь, в магическом своеобразии этой встречи, вновь отдаленное прошлое соединилось с будущим <...> Из-за войны подобные встречи не повторялись» (*Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 76).

[866] 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила Сербии войну, а 31 июля в Германии было объявлено военное положение. В 4 часа дня 19 июля / 1 августа Германия объявила войну России. Утром этого же дня Штейнер с Сиверс поехали в Байрейт на постановку «Парсифаля» Рихарда Вагнера. В ночь с 1 на 2 августа они автомобилем доехали до Штутгарта, откуда поездом вернулись в Базель и Дорнах. 3 августа Германия объявила войну Франции и Бельгии, а 4-го Великобритания объявила войну Германии.

[867] М.А. Волошин ехал из России в Швейцарию через Румынию, Будапешт, Вену, Мюнхен, прибыл в Базель 31 июля 1914 г., и в тот же день через час приехал в Дорнах. Он поселился в комнате, снятой М.В. Сабашниковой для О.Н. Анненковой. Ср. заключительные строки его стихотворения «Под знаком Льва», написанного в Дорнахе в августе 1914 г.: «И я, как запоздалый зверь, // Вошел последним внутрь ковчега» (*Волошин М.* Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. С. 197 («Новая Библиотека поэта»)).

[868] Имеется в виду нарушение Лондонского договора (Конвенции) 1839 г., по которому основные европейские державы гарантировали нейтральный статус Бельгии. Вопреки этому договору Германия потребовала от Бельгии пропустить войска к границе Франции и – после отказа Бельгии – 3 августа 1914 г. вторглась на ее территорию. В тот же день Германия объявила войну Франции.

[869] Французская армия вошла в эльзасский город Мюльгаузен (Мюлуз – *фр.*) 8 августа, но уже на следующий день была из него выбита. «Битва при Мюльгаузене» продолжалась с 7 по 10 августа и закончилась поражением французов.

[870] Белый ошибся. Французский город Дюнкерк (Dunkerque – *фр.*; Dünkirchen – *нем.*) находится на побережье Ла Манша, недалеко от границы с Бельгией. В письме к Иванову-Разумнику от первой половины августа 1914 г. на нарисованной Белым карте военных действий обозначен Альткирхен (правильно: Альткирх (Altkirch)) – эльзасский город к югу от Мюльхауза, к северо-западу от Базеля (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 48–49).

[871] Ober (*нем.*) – верхний. Имеется в виду Верхний Дорнах.

[872] Ср. изложение событий в письме Белого к Иванову-Разумнику от первой половины августа 1914 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 48–49).

[873] Not Hat kein Gebot (*нем.*) – Нужде закон не писан. Немецкая пословица.

[874] 24 августа 1914 г. Штейнер приехал в Штутгарт и в конце августа и первой половине сентября посетил ряд городов Германии и Австрии. Он вернулся в Дорнах 14 сентября. С 26 по 30 сентября он совершил еще одну поездку по Германии.

[875] Подразумевается четырехчастный цикл «На перевале» (см. выше, примеч. 812).

[876] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 18 января / 1 февраля 1915 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 49–50). Предполагавшееся в «Сирине» издание Собрания сочинений Андрея Белого не состоялось.

[877] 3–6 октября 1914 г. в Дорнахе Штейнер прочел курс лекций «Оккультное чтение и оккультное слушание» («Okkultes Lesen und okkultes Hören»). 18 и 19 октября он читал о «народных душах» Европы.

[878] В «Свиданиях с Доктором» эти встречи датированы ноябрем 1914 г. (С. 759 наст. изд.). См. также главу «Визиты в “Дом Ханси”» в книге А. Тургеневой «Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума» (С. 86–89).

[879] См. подробнее об этом: *О Штейнере.* С. 306.

[880] См.: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 77–78.

[881] Ср. письмо Белого к А.Д. Бугаевой от 25 ноября / 8 декабря 1914 г.: «После периода национального охлаждения друг к другу наступил период нового какого-то соединения; мы после всего пережитого как-то теснее сплотились друг с другом, как антропософы; и верь: немцам это тяжелее, чем нам, потому что некоторые из работающих при *Ваи* уже ходят в трауре; у той убили сына, у того – брата» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 186 об; «Люблю тебя нежно…». С. 206).

[882] Ср. письмо Белого к А.Д. Бугаевой от 30 октября / 12 ноября 1914 г.: «Конечно, мы, русские, остаемся глубоко русскими, и во время войны я ощущаю Россию так, как никогда. Время *тяжелое*, и, конечно, все мы страдаем невыносимо, когда льется кровь, все мы безмерно привязаны к родине: *но* → человеконенавистничества нет. Мы в нейтральной Швейцарии: поэтому мы читаем *все газеты* (итальянские, французские, швейцарские, немецкие и те из русских, которые доходят до нас). И вот общее впечатление от газет: ненависть и клевета» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 184 об; «Люблю тебя нежно…». С. 204).

[883] Львов (Лемберг) с 1772 г. входил в состав Австрии; был занят российской армией 21 августа (3 сентября) 1914 г. в результате военной операции в Галиции, приведшей к поражению австро-венгерских войск.

[884] Имеется в виду кн.: *Метнер Э.К.* Размышления о Гёте. Кн. 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М.: Мусагет, 1914. Книга вышла в свет в середине августа 1914 г.

[885] Ср. в письме Белого к А.Д. Бугаевой от 25 ноября / 8 декабря 1914 г.: «Странная судьба: в двухчасовом расстоянии от нас (в Цюрихе) 4 месяца жил и живет Э.К. Метнер, загнанный сюда из Германии; и мы этого не знали; и он этого не знал; недели полторы тому назад мы узнали это. Наташа ездила к нему; в это воскресенье он приедет к нам в гости; Эллис же живет в Берне. Странно: в это роковое время весь бывший *Мусагет* судьбою оказался загнан в одно место: Эллис, Метнер, я, Петровский, Сизов. Только Киселев оказался в России» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 188; «Люблю тебя нежно…». С. 208).

[886] Имеется в виду издание: Goethes Naturwissenschaftliche Schriften. Von Rudolf Steiner mit Einleitungen, Fussnoten und Erläuterungen im Text herausgegeben. 4 Bände. Berlin; Stuttgart: Joseph Kürschner, 1883–1897.

[887] Имеются в виду книги Штейнера «Основные идеи к теории познания по гетевскому мировоззрению» («Grundlinien einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung», 1886) и «Мировоззрение Гете» («Goethes Weltanschauung», 1897). См. в русском переводе Н.К. Боянуса: *Штейнер Р.* Очерк теории познания Гётевского мировоззрения, составленный, принимая во внимание Шиллера. М.: Парсифаль, 1993.

[888] Книги Штейнера «Загадки философии» («Die Rätsel der Philosophie», 1914), «Философия свободы» («Die Philosophie der Freiheit»,1893), «Истина и наука» («Wahrheit und Wissenschaft», 1892).

[889] О конфликте с И.А. Ильиным (после эмиграции в 1922 г. – профессором и деканом Русского Научного института в Берлине), разгоревшимся в связи с выходом в свет книги Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» в ноябре 1916 г., см.: *Гаврюшин Н.К.* В спорах об антропософии: Иван Ильин против Андрея Белого // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 101–103.

[890] Э.К. Метнер сблизился с Карлом Густавом Юнгом (у которого брал сеансы психотерапии) в 1914 г. См. главу «Метнер и Юнг» и переписку Метнера и Юнга в кн.: *Юнггрен М.* Русский Мефистофель. Жизнь и творчество Эмилия Метнера. С. 140–152, 230–258.

[891] Цитата из романса М.И. Глинки «Как сладко с тобою мне быть...» (1843) на стихи П.П. Рындина. Белый (слушавший романс в исполнении М.А. Олениной-д'Альгейм) цитирует его в своей ранней прозе (см.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 244, 492–494, 497–498) и в каждом томе своих воспоминаний: *На рубеже.* С. 112; *НВ.* С. 441; *МДР.* С. 327.

[892] Эссе Ницше «Richard Wagner in Bayreuth» (четвертое и последнее из «Несвоевременных размышлений») было опубликовано 10 июля 1876 г. Вскоре после появления этого провагнеров-

ского эссе Ницше поехал в Байрейт (Бавария) на открытие театра (Фестшпилхаус), специально построенного для постановки «опер-драм» Вагнера (13 августа того же года), и пережил глубокое разочарование от всей атмосферы «культа» Вагнера. Разрыв дружбы с композитором и конец поклонения его музыке впервые нашел отражение в книге Ницше «Человеческое, слишком человеческое» («Menschliches, allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister», 1878). Самое резкое нападение Ницше на Вагнера – эссе «Казус Вагнера» («Der Fall Wagner», 1888).

[893] Штейнер сочетался гражданским браком с М. Я. фон Сиверс 24 декабря 1914 г. в Дорнахе. См.: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 81.

[894] Ср. об этом: Там же. С. 80.

[895] См.: *О Штейнере.* С. 332.

[896] Приводятся первые две строки (в оригинале «in» вместо «um») стихотворения 1906 г. «Зимний солнцеворот» («Wintersonnenwende») из сборника стихов Штейнера «Подлинные речения» («Wahrspruchworte». Dornach, 1969. S. 73). См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 2 ноября – 1 декабря 1919 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 189).

[897] 31 января / 13 февраля 1915 г. Белый писал матери: «...не писал я потому, что страшно уставал: у меня была инфлуэнца, а у Аси инфлуэнца с бронхитом, переходящим в воспаление; я поправился в неделю, а Ася 11 дней лежала и месяц после того, как встала, была на положении больной <...> Можно сказать, что с 24 декабря до 6 февраля Ася у меня была больная, слабенькая, требующая ухода» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 189–190; «Люблю тебя нежно...». С. 210).

[898] В том же письме Белый сообщал А.Д. Бугаевой: «...с февраля нового стиля мы переехали <...> Переехали мы прекрасно; у нас 2 милых тихих комнаты, коридор, кухня, 3-ья комната, которую мы сдали одной англичанке (антропософке), и терраса с видом на *Ваи.* Мы прямо под *Ваи* (очень близко); утром к нам на 3 часа приходит прислуга; в 12 ½ приносят обед из *кантины. Ваи* под боком. И кроме того: мы соседи с Доктором» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 189 об.–190 об.; «Люблю тебя нежно...». С. 210). В своих воспоминаниях о Штейнере А. Тургенева ошибочно указывает, что они переехали «до Рождества» 1914 г. (С. 80–81). Их новый адрес: Kanton Solothurn. Dornach (bei Basel). Haus Emil Thomann (Baumalerei).

[899] Позднее, в стихотворении «Михаилу Бауэру» («Речь твоя – пророческие взрывы...», 1918), впервые опубликованном в сб. «Королевна и рыцари» (1919), Белый писал: «Мейстер Экхарт нашего столетья, – / Помню, ты из Арлесгейма в Дорнах / Мимо нас в годину лихолетья / Проходил, склонясь в цветах и в тернах...» (*СП–1.* С. 379–380).

[900] Волошин выехал из Дорнаха через Базель в Париж 14 января 1915 г. Он прибыл на Лионский вокзал в Париже рано утром 15 января.

[901] В письме к матери (см. выше, примеч. 898) Белый сообщает, что сдали комнату англичанке, не американке.

[902] Книга Андрея Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том “Размышления о Гёте”» (с эпиграфом: «Ждем снисходительно-популярного ответа. Эмилий Метнер») (М.: Духовное Знание, 1917), вышла в свет в ноябре 1916 г. Новейшее переиздание: *О Штейнере.* С. 7–253.

[903] Ср.: «Так безумие великого Шумана вызвучилось задолго в прекрасных звуках “Ин дер Нахт”, “Фантазия”, сонаты, посвященной Кларе Вик и в “Дихтер Либе”» (*О Штейнере.* С. 436). Кларе Вик, жене Шумана с 1840 г., посвящены его Соната № 1 (оп. 11, 1832–1835), «Kreisleriana» (оп. 16, 1838), «Phantasie» c-dur (оп. 17, 1838) и «В ночи» (оп. 12, № 5, 1837).

[904] Труд Гёте «К учению о цвете» («Materialien zur Geschichte der Farbenlehre», 1810).

[905] В «Свиданиях с Доктором» Белый датирует эту встречу маем 1915 г. (С. 759 наст. изд.). См. также: *О Штейнере.* С. 319–321.

[906] Имеется в виду большая (24 x 19 см) гравюра на меди «Рыцарь, смерть и дьявол» (1513) Альбрехта Дюрера.

[907] Имеются в виду Вальдорфская система педагогики и Свободные Вальдорфские школы (Freie Waldorf-schule), первая из которых была основана в 1919 г. в Штутгарте на папиросной фаб-

рике Вальдорф-Астория по инициативе ее директора Эмиля Мольта. В «Воспоминаниях о Штейнере» Белый писал: «...то, что он <Штейнер> создал новые основы педагогики, доказывают более 1000 школьников Вальдорфской школы, о которой пишут и которой удивляются, которая воспроизводится в Германии, Англии, Голландии, Швейцарии» (*О Штейнере*. С. 270).

[908] См. главу «Посещение мастерской мисс Марион» в книге А. Тургеневой «Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума» (С. 85–86). В конце июля 1915 г. Белый писал матери: «Д<окто>р кроме всего огромный и гениальный художник; ведь все картины, все рисунки он пишет сам, сам изваивает статуи, а художники, зодчие, скульпторы разрабатывают его работы; он недавно вылепил три бюста Христа, Люцифера и Аримана: это нечто столь огромное, что, когда я вошел в мастерскую, я просто оцепенел, какая сила творчества живет в нем» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 207; «Люблю тебя нежно...». С. 217).

[909] На католической Пасхе, 4 апреля 1915 г., Штейнер читал лекцию «Три образа Фауста» («Drei Faustgestalten»). В тот же день состоялась первая эвритмическая постановка первой сцены из первой части «Фауста» (сцена пасхальной ночи: «Ночь. Старинная комната с высокими готическими сводами»). См. об этом в воспоминаниях А. Тургеневой (С. 81–84).

[910] 15–25 (?) апреля 1915 г. Штейнер был в Берлине, где читал серию лекций.

[911] Фомина неделя в 1915 г. – 29 марта / 11 апреля – 4/17 апреля.

[912] Имеется в виду бредовый образ – порождение сознания Передонова, героя романа Федора Сологуба «Мелкий бес» (1907).

[913] Великий Страж Порога – в антропософском понятийном мире образ, обозначающий совокупность внутренних сил в астральном мире человека, закрывающих доступ в духовный мир. См.: Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера. В 2 т. Т. 1. С. 126–127; Т. 2. С. 669–676.

[914] Текст этого письма Иванова-Разумника неизвестен.

[915] «Sans Souci» (*фр.*) – Беззаботная.

[916] Фраза из монолога Фауста в оригинале: «Am farbigen Abglanz haben wir das Leben» (Часть 2, акт 1, сцена «Живописная местность»; в переводе Н.А. Холодковского: «Что жизнь на отблеск красочный походит»). 22 мая 1915 г. Штейнер читал в Дорнахе лекцию из цикла «Фауст, ищущий человек» («Faust, der strebende Mensch»). Также была исполнена так называемая «Ariel-Szene» («Красивая местность»), открывающая первый акт второй части «Фауста».

[917] 28 июня 1915 г. Белый сообщал А.Д. Бугаевой: «Кончаю книгу» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 204; «Люблю тебя нежно...». С. 215). В нескольких недатированных открытках, посланных, по-видимому, с оказией в мае–июне, он пишет, что спешит закончить книгу до отъезда А.С. Петровского, который берется доставить рукопись в Россию.

[918] Этот разговор с Штейнером мог произойти не в июне 1915 г., когда он был в Германии, а после его возвращения в Дорнах 14 июля. К июлю 1915 г. Белый относит его в «Свиданиях с Доктором» (С. 759 наст. изд.). Возможно, впрочем, что Белый контаминирует две встречи с Штейнером: одна в мае (см. след. примеч. и примеч. 905) и другая в июле, когда обсуждалась его книга-ответ Метнеру. В письме к А.Д. Бугаевой, отправленном 14/27 июля 1915 г., Белый сообщал: «Книга моя вышла более 400 страниц. Рукопись теперь у Доктора. Мария Яковлевна ее читает. У меня в связи с книгою возник ряд вопросов, и мы как-то провели целый вечер у Доктора с Асей, вместе ужинали, пили чай. Я Доктору очень много рассказывал про Россию: он был веселый, шутливый; вообще у него было так легко и свободно, что я потерял всякую меру и просто начал шутливую болтовню, рассказывал ему разные приключения Эллиса: он весело хохотал; потом мы начали уже разговор о моей книге; около трех часов шел наш разговор, и я успел Д<окто>ру изложить все спорные пункты моей книги. На-днях опять мы будем, вероятно, проводить вечер с Д<окто>ром» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 206; «Люблю тебя нежно...». С. 215–216).

[919] Белый имеет в виду знаменитое стихотворение 1771 г. «Heidenröslein» («Дикая роза») с рефреном: «Röslein, Röslein, Röslein rot / Röslein auf der Heiden» («Роза, роза, алый цвет / Роза в чистом поле»). 31 мая 1915 г. он писал А.Д. Бугаевой: «Недавно ставили сцены из “*Фауста*”. У

Аси очень много способности к эуритмии. Д<окто>р ее заставляет принимать участие в публичном выступлении: теперь они репетируют стихотворения Гёте; недавно были у Д<окто>ра и просидели у него весь вечер: он был бесконечно ласков и добр к нам» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 198 об.–199; «Люблю тебя нежно…». С. 212). В конце июля Белый вновь писал ей: «Кроме того, чтобы не унывали и не уставали Д<окто>р постоянно ставит отрывки из Фауста в сопровождении *эуритмии*; *эуритмия* – это искусство изобретенное Д<окто>ром; передача звука слов в жестах и телодвижениях; получается нечто в роде танца; как Дёнкан танцует *симфонии*, так у нас целая школа *пластики* и *танца* стихотворений. И здесь Наташа и Ася опять-таки необходимы; у обоих по-моему эуритмический талант; недавно Ася выступала соло в стихотворении Гёте со сцены и произвела большое впечатление; она танцевала стихотворение Röslein; а Наташа *Veilchen* (фиалка); <…> *Ася* и *Наташа* попали в будущий так сказать *Вау*-ский балет, если можно так выразиться» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 207 об.; «Люблю тебя нежно…». С. 217). Занятия со Штейнером эвритмией описаны в воспоминаниях Н.А. Тургеневой-Поццо (*Turgenieff-Pozzo Natalie.* Zwölf Jahre der Arbeit am Goetheanum. S. 25–36).

[920] Начиная с этой строки, текст в рукописи – по новой орфографии (продолжен с интервалом в несколько лет).

[921] Изучением «ритмического жеста» поэмы Пушкина «Медный всадник» Белый занимался в июне 1927 г. Эта работа лежит в основе его книги «Ритм как диалектика и “Медный всадник”. Исследование» (М.: Федерация, 1929).

[922] Здесь – очевидная ассоциация с образом революционера Дудкика, героя романа «Петербург», и провокацией с передачей бомбы, в которую он вовлечен.

[923] 4 февраля 1905 г. И.П. Каляев, член «боевой организации» партии социалистов-революционеров, убил московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича (бросил бомбу в его карету). Б.В. Савинков, один из руководителей «боевой организации», был организатором этого покушения.

[924] Т.Г. Трапезников, историк искусства, защитил диссертацию «Медичи в портретных изображениях XV века» («Die Porträtdarstellung der Mediceer des XV Jahrhundert») в Гейдельбергском университете в 1909 г. Она была издана в том же году в Страсбурге.

[925] Имеется в виду книга Германа Гримма (Hermann Grimm) «Жизнь Микеланджело» («Leben Michelangelo's», 1860; много переизданий, юбилейное издание: 1899–1900).

[926] См. выше, примеч. 818, 819.

[927] Ср. фразу «*Символы не говорят, а кивают*» в автобиографическом очерке Белого «Почему я стал символистом...» (1928) (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 434). Белый, по всей вероятности, полемически перефразирует статью «О природе слова» О. Мандельштама, впервые опубликованную в 1922 г. и перепечатанную в сборнике его статей «О поэзии» в 1928 г.: «Вот куда приводит профессиональный символизм. Восприятие деморализовано. Ничего настоящего, подлинного. Страшный контреданс “соответствий”, кивающих друг на друга. Вечное подмигивание» (*Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1993. С. 227).

[928] «Историю монашеских орденов» библиографически идентифицировать не удалось.

[929] Т.е. об ордене иезуитов.

[930] Дорнах и Арлесгейм находятся в швейцарском кантоне Солотурн (Solothurn).

[931] Правительство Швейцарии.

[932] Белый путает кардинала Мечислава Ледоховского, умершего в 1902 г., с его племянником, священником Владимиром Ледоховским, ставшим главой ордена иезуитов в феврале 1915 г. Из-за того, что Ледоховский был австрийским подданным (а резиденция Ордена находилась в Риме), он на время Первой мировой войны переселился в нейтральную Швейцарию. Черным папой (в противовес Белому папе) главу ордена иезуитов называли за мантию черного цвета. В очерке М.К. Первухина «Черный папа», опубликованном в журнале «Исторический вестник» в 1916 г. (№ 2. С. 531–544), утверждалось, что Владимир Ледоховский – «поляк по имени, немец душою и непримиримый враг России и Франции», а также доказывалось, что «орден иезуитов хотел войны»

и что «“Черный папа”, по соглашению с германским правительством, понуждал Австрию к агрессивным действиям...».

[933] Писания Генриха Гёша и Алис Шпренгель, критиковавшие деятельность Штейнера, обсуждались на собраниях в Дорнахе 21 и 22 августа 1915 г. (см.: *Lindenberg*. S. 365–366). См. также: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 95–96.

[934] См.: *О Штейнере*. С. 449–450.

[935] Начиная с этого места, характер почерка меняется; по всей вероятности, последующий текст был записан позднее.

[936] «Много еще ужасов бывало» – цитата из части 1-й «Симфонии (2-й, драматической)» (*Андрей Белый*. Симфонии. С. 92).

[937] Подразумевается «Mystica Aeterna» – узкий круг «посвященных», последователей антропософского учения. См.: *Wiesberger Hella.* Rudolf Steiners esoterische Lehrtätigkeit. Dornach, 1997.

[938] В первой части «Фауста» Гёте (сцена «Ночь») герой слышит хор ангелов, поющий «Christ ist erstanden!» («Христос воскрес!», ст. 736), *до* того, как он встречается с Мефистофелем, который впервые появляется в виде черного пуделя. Дальше в тексте Белый подразумевает заключительные сцены второй части трагедии («Большой двор перед дворцом», «Положение во гроб», «Горные ущелья, лес, скалы, пустыня») – смерть и спасение души Фауста. Лемуры (die Lemuren) – по римскому поверью, дикие и беспокойные замогильные призраки; в «Фаусте» – нечисть в услужении у Мефистофеля.

[939] С начала 1900-х гг., когда А.С. Петровский подарил Белому книгу о Св. Серафиме Саровском и его образок, этот святой был им глубоко чтим. Подробнее о месте Св. Серафима в жизни и творчестве Белого см.: *Malmstad John E.*. Andrey Bely and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review. 1990. Vol. 14. P. 21–59; Vol. 15. P. 59–102.

[940] «Эвритмическая» постановка последней сцены (так называемое «вознесение Фауста» – «Fausts Himmelfahrt») из второй части трагедии состоялась 15 августа 1915 г. в Дорнахе под руководством Штейнера. См.: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 81–84, 93–95. 14–16 августа Штейнер читал лекции о второй части пьесы для членов Общества в Дорнахе.

[941] См. выше, примеч. 474.

[942] Персонаж комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824), угодливый карьерист.

[943] Цитата из заключительной сцены второй части «Фауста»; в оригинале: «Wer immer strebend sich bemüht / Den können wir erlösen».

[944] Стола (*лат.*: Stola) – первоначально: просторное одеяние греческих и римских женщин; в данном случае – свободный хитон, одеяние для эвритмии.

[945] Немецкий эвфемизм, подразумевающий тошноту и рвоту.

[946] Заключительные строки стихотворения «Мания» (1903), входящего в книгу Белого «Золото в лазури» (*СП–1*. С. 166).

[947] 12 июля 1916 г. был обнародован высочайший указ о «призыве ратников I и II разрядов», согласно которому Белый призывался на военную службу. См. «Жизнь без Аси» (С. 664. наст. изд.).

[948] Вскоре после возвращения в Россию Белый познакомился в Москве с Клавдией Николаевной Василевой: «…с 1916 года К.Н. делается мне близкой в работе “*московской группы*”, в 1917 году – еще “*ближе*”, а в 1918 году происходит наша встреча с ней; я первой из всех ей умею *все-все-все* рассказать о годах *12–15-ых*» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 506).

[949] 29 декабря 1921 г. Белый писал А.Д. Бугаевой из Берлина: «Видел д<окто>ра Штейнера и Асю. Представь: первый человек, которого я встретил в Берлине, была Ася; она с доктором проехала из Швейцарии через Берлин в Христианию; и – обратно: давать эвритмические представления; мы провели с ней 4 дня; и на возвратном пути она осталась 4 дня в Берлине. В общем – не скажу, чтобы Ася порадовала меня; она превратилась в какую-то монашенку, не желающую ничего знать, кроме своих духовных исканий» (*Malmstad John E.* Andrej Belyj at Home and Abroad

(1917–1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 455–456; «Люблю тебя нежно…». С. 239–240). См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 15 января 1922 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 234–235). Окончательный разрыв Белого с А.А. Тургеневой произошел в апреле 1922 г.

[950] Ср. в той же связи признания Белого в письме к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г.: «До явления, вспыха – *сон не сон*: скорее выход из себя в какой-то *чертог*, где встретил доктор, которому мое высшее "*я*" дало как бы на что-то обет (низшее "*я*" недорасслышало); и непосредственно после обряда прощания, на лекции доктора мне в руки свалился *эпилептик*, которого вынес я и которого приводил в сознание, причем было ясно: "*эпилептик*" – это тот "*я*", который от принятого решения моим высшим "*Я*" всю последующую жизнь будет нести величайшие страдания» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 500). См. также примечание Белого к рисунку в письме: «Эпилептик падает мне в руки, т.е. "*Я*" сам падаю себе в руки: несу карму» (Там же. С. 501). Ср. выше, примеч. 813.

[951] См. изложение этого замысла в письме Белого к Иванову-Разумнику от 7/20 ноября 1915 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 57). План семичастного цикла «Моя жизнь» (3-ья часть трилогии «Восток и Запад») см. в работе: *Лавров А.В.* Автограф романа Андрея Белого «Котик Летаев» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 351.

[952] Замысел этого учреждения возник весной 1918 г., а в январе 1919 г. Белый был избран председателем совета Ассоциации, в которой ему суждено было играть активную роль. Первое открытое заседание «Вольфилы» состоялось только 16 ноября 1919 г.; она просуществовала до 1924 г. См.: *Андрей Белый*. Вольная Философская Ассоциация // Новая русская книга. 1922. № 1. С. 32–33; *Белоус В.Г.* Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919–1924. М., 2005 (Серия: «Исследования по истории русской мысли», т. 11, кн. 1 и 2); *Белоус В.Г.* Вольфила, или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб., 2007. См. также примеч. 1182 к *РД*.

[953] Вагнер – «ученый секретарь» Фауста, олицетворение «академического самодовольства», полная противоположность вечно ищущему Фаусту.

[954] Мф. VI, 34.

[955] Этот портрет («Doppelbildnis Andrej Bjelyj mit seiner Frau Assja Turgenjew. 1915/16») числится под № 24 в каталоге работ М.В. Сабашниковой-Волошиной, помещенных в кн.: *Woloschin Margarita*. Leben und Werk. Stuttgart, 1982. В мемуарах Сабашникова-Волошина пишет: «В 1916 году Андрей Белый был призван. Перед его отъездом я написала двойной портрет его и его жены – так, как они нередко, рука в руке, подобно фигурам на египетских гробницах, слушали лекцию. Через несколько дней после его отъезда Рудольф Штейнер увидел картину у меня в мастерской и сказал: "Как жаль, что он уехал; он как раз был на пути к тому, чтобы до некоторой степени обрести равновесие"» (*Волошина М.* (*Сабашникова М. В.*). Зелёная Змея. История одной жизни. С. 252).

[956] К работе над автобиографическим романом «Записки чудака» Белый приступил в январе–феврале 1918 г., усиленно работал над ним весной того же года, а в октябре переработал написанное. Книга была закончена лишь в конце 1921 г. в Берлине. В полном объеме «Записки чудака» вышли в свет в двух томах в 1922 г. (Москва; Берлин: Геликон).

[957] Бенедикт (Benedictus), герой-«ясновидец», мудрец и духовный вождь в мистериях Штейнера. В четвертой пьесе («Пробуждение душ») тетралогии Ариман борется с ним за судьбы его учеников и пробует «туманить» его дар. В конце пьесы, когда Бенедикт «провидит» его сущность, Ариман побежден.

[958] Эриннии (*греч. миф.*) – богини мести, рожденные Геей, впитавшей кровь оскопленного Урана.

[959] Имеется в виду сцена «Мрачная галерея» («Фауст», часть вторая, действие первое, строки 6173–6306). Силой, данной ему «Матерями», Фауст вызывает Елену и Париса в сцене «Рыцарская зала».

РАКУРС К ДНЕВНИКУ

Материал к биографии

(составлен для личного пользования)

Работа в годах

1899 год

Январь. Москва.

Много читаю: Рэскин, Белинский, Ибсен, «Поэтика» Аристотеля[1]. Подробнейше изучаю вышедшую книгу Бальмонта «*Тишина*»[2]. Веду «*Дневник*» (пропавший)[3]. Много пишу стихов. Пишу для себя разбор поэтического творчества Бальмонта на основании «*Под северным небом*», «*В безбрежности*»[4], «*Тишина*»; черновик статьи по эстетике «символизма» (тексты утрачены). Читаю историю философии Льюиса[5].

Февраль. Москва.

Та же работа над самоопределением себя, как «*символиста*»; весь этот период (январь—май) веду усиленную агитацию за «*символизм*» (у Стороженок, у Соловьевых, в Поливановской гимназии и т.д.); читаю Добролюбова[6]; пишу себе рецензии на художественные выставки и концерты[7]; то же увлечение Григом; но Вагнер особенно отчетливо выступает на моем горизонте; волнуюсь «Художеств<енным> Театром»[8]. Пишу длиннейшую статью о драмах Ибсена (текст потерян), в которой пытаюсь выставить лозунги «*символизма*». Пишу отрывки в прозе. Потрясен смертью Поливанова[9].

Март. Москва.

Продолжаю работать над «Дневником» и над своею статьей об Ибсене, разрастающейся весьма монументально. Смерть бабушки[10]. Жалкие эскизные попытки к драме, под заглавием: «*Старушка Мертваго*»[11]. Кончил хаотическое произведение, предшествующее по форме «*Симфонии*», начатое в феврале[12], и прочел его С.М. Соловьеву; из «*оного*» помню лишь фразу: «*Слыша тихую песенку, прилетают белые ангелы и погружают воспаленных безумием в кристальный холод небес*». Музыкальные композиции (украдкой). Весь период читаю жадно «Вопросы философии и психологии»[13] (Грота, Лопатина, Соловьева, Трубецкого и др.).

Апрель. Москва.

Усиленное подготовление к выпускному экзамену: репетиции по математике,

Андрей Белый. 1916. ГМП

физике и переводам *à livre ouvert** (греческий, латинский). В свободные промежутки времени перечитывание «*Мира, как воли и представления*» Шопенгауэра. Интерес к «*Кольцу*» Вагнера[14]. Ряд музыкальных импровизаций и композиций (украдкой).

Май. Москва.

Весь месяц занят экзаменами; кончаю гимназию. В конце месяца участвую в депутации на торжествах столетия со дня рождения Пушкина[15].

Июнь. Июль. Август. Серебряный Колодезь.

Надрыв и усталость после экзаменов. Читаю трилогию Зола «*Лурд — Рим — Париж*»[16]; погружен в Мережковского и в проблемы Мережковского. Все лето с усилием перерабатываю зимой написанное произведение, предсимфонию, в некую космическую эпопею, имеющую темой не то «Человек в его грехопадении», не то «Вечный жид». Измучиваюсь ужасно над ней, но вы-

* По раскрытой книге (*франц.*); т.е. без подготовки и без словаря.

рабатываю форму, легшую позднее в основу моих «симфоний» (произведение утрачено)[17].

Кроме того: усиленно занимаюсь чтением и изучением естествознания: прохожу: курс сравнительной анатомии Мензбира, читаю Ферворна, Фаминцына[18]; штудирую учебники ботаники («Бекетова»), зоологии (Бобрецкого)[19]; читаю «Новую Химию» Кука[20] и старательно изучаю: основы неорганической химии. Кроме того: читаю: «*Историю индуктивных наук*» Уэвеля (3 тома). Попутно прохожу «Логику» Милля[21].

Кроме того: изучаю плодоводство на практике (сажаю яблони) и в теории (читаю Греля «*Доходное плодоводство*»[22] и 2 других книги по этому вопросу). Конец лета страдаю зубами.

Сентябрь. Москва.

Университет поглощает меня; основные вопросы естествознания, слушание лекций, и яростные дебаты проблем искусства, механического мировоззрения, дарвинизма с студентом Сусловым, у Соловьевых и т.д. Читаю сборник статей Тимирязева[23], работаю в семинарии ботаническом у проф. Голенкина, зоологическом у Зографа (весь академический год), читаю «Происхождение видов» Дарвина[24], увлекаюсь лекциями Умова.

Вне университета: углубляюсь в проблемы Мережковского, читаю «*Монадологию*» отца в связи с «Монадологией» Ле<й>бница[25].

Рефераты, *выступления*, работа в кружках.

Октябрь. Москва.

Читаю «Происхождение видов» Дарвина. Читаю Паркера, Гертвига[26]; эмбриология, гистология и зоология «*простейших*» особенно интересуют меня; знакомлюсь с Петровским, Ю.Н. Зографом (сыном профессора), студентами Воронковым, Гиндце, Погожевым; много спорю о искусстве с Владимировым. Добываю себе том зоологии Ива Деляжа, посвященный простейшим[27]; читаю отдельные статьи, посвященные «простейшим». Увлекаюсь микроскопом.

Участвую в физическом и химическом семинарии; читаю «Основы хи-

Читаю реферат «О простейших» в семинарии у профессора Зографа.

Работаю в анатомическом театре и в кружке товарищей: проходим остеологию.

мии» Менделеева[28]. Увлекаюсь идеями периодичности и курсом Реформатского.

Ноябрь. Москва.

Много читаю: Дарвин, Гертвиг, литература по Mezazoa[29], Делаж, «История физики» Розенберга, «Основы химии» Менделеева; слушаю по энтомологии прив<ат>-доц<ента> Вагнера; читаю «*Историю материализма*» Ланге[30], пытаюсь читать «Основание биологии» Спенсера[31]. Споры с Петровским. Кроме того: начинаю читать Аполлона Григорьева, Страхова, прочитываю всего Говоруху-Отрока, пристально вчитываюсь в «Кризис западной философии» Соловьева, но и читаю «*Немецкая психология в 19-м столетии*» Троицкого[32].

Читаю реферат в семинарии проф. Умова: «*Задачи и методы физики*».

Работаю в анатомическом театре у проф. Карузина по миологии (над трупом).

Читаю реферат у проф. Зографа (его семинарий) «О Mezazoa».

Декабрь. Москва.

Сдаю зачеты: по химии, физике, миологии, остеологии. Отчетливо определяется наш зоологический кружок у Зографа; знакомство с его лаборантами и оставленными при университете; начинаю бывать у проф. Зографа и там у него ближе завязывается знакомство с Н.В. Богоявленским (будущим профессором); споры об Ибсене, Беклине, Врубеле, «*Мире Искусства*», Маттерлинке — с Зографами, с Богоявленским, с Петровским; вычерчивается круг студентов: Петровский, Погожев, С.Л. Иванов, Воронцов, Гиндце, Владимиров, Суслов, Аршинов, Шигорин, Сомов, Вячеслов, Печковский, Розанов, Ю.Н. Зограф. Споры у Соловьевых о формах искусства; увлечение энергетическим принципом; интерес к Максвеллю; интересуюсь работами проф. Шимкевича[33]. Беру у проф. Зографа 2-ой том Ива Делажа, посвященный «*Coelenterata*» (гидрам)[34]; читаю его.

Очень много места уделяю студенческому комитету, устраивающему благотвор<ительный> концерт; участвую в распространении билетов, бываю у Ван-Зандт (Чериновой). Пишу стихи, отрывки в прозе[35], из которых вынашиваются первые отрывки «*Северной Симфонии*», как навеянные балладой (op. 24) Грига.

Впервые читаю свои произведения у Соловьевых («Волосатик» чрезвычайно понравился О.М. Соловьевой)[36].

Читаю с бешеным увлечением Ницше («Происхожд<ение> трагедии», «Заратустру», «По ту сторону добра и зла», «Веселую науку», «Странник и его тень»)[37]. Кажется, в это время читаю: «Воскресшие Боги»[38], знакомлюсь с Уайльдом, Гюисмансом. Некоторое утомление от университетских занятий. Бываю в «Этнографическом Музее» у проф. Зографа[39].

Усиливается интерес к Брюсову и «Скорпиону»[40].

Встречаюсь у Соловьевых за период (сентябрь–декабрь) с Ключевским, кн. Серг<еем> Ник<олаевичем> Трубецким (он зовет в формирующееся Общество[41]), с Вл<адимиром> Серг<еевичем> Соловьевым.

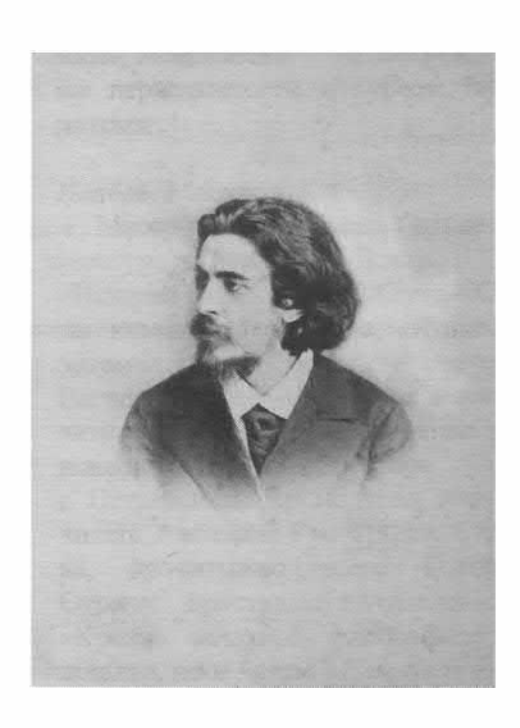
1900 год

Январь. Москва.

Усиленное чтение Евангелия, Библии, Апокалипсиса, Ницше, Григ, Вагнер; много музыкальных импровизаций; отделываю первые отрывки «Сев<ерной> Симфонии». Пишу стихи и отрывки в прозе.

Чтение отрывков из моей гимназической мистерии «*Антихрист*»[42] у Соловьевых.

В другой линии — естественно-научные интересы; споры с антидарвинистами; интересуюсь Бючли, Альтманом, Вейсманом; часто посещаю Зоологический Музей. Занятие дифференцальным исчислением.

В.С. Соловьев
Фотоателье Ch. Roesch. Санкт-Петербург
1880-е. ГМП

Февраль. Москва.

Читаю впервые сборники статей Розанова; между прочим: Легенду о великом инквизиторе[43]. Перечитываю Достоевского; волнуюсь темой: «Достоевский и Ницше». Подписываю отрывки первой части «Сев<ерной> Симфонии». Дифф<еренциальное> исчисление и аналит<ическая> геометрия.

Чтение моих стихов у Соловьевых.

Март. Москва.

Проблемы философии зоологии; я — дарвинист и сторонник механического миропонимания, доказываю, что в математике и механике Бог, а не вне их: споры с Сусловым, сторонником неовиталистов, чтение книг по естествознанию (между прочим, читаю Топинара «Антропологию»[44]). Пишу «*Симфонию*» (1-ую часть). Очень много импровизирую на рояли; перечитываю Гейне; влекусь к немецким романтикам. Продолжаю углубляться в Ницше. Весьма сильно захвачен *«Миром искусства»* и главным образом печатающимся сочинением Мережковского «Лев Толстой и Достоевский»[45]. Пристально изучаю книгу Шестова, посвященную проблеме зла у Толстого и Ницше[46]. Читаю «Критику отвлеченных начал»[47]. Интенсивнейшие религиозно-философские споры у Соловьевых и с Петровским; интерес к формам искусства (формальной эстетике) с Владимировым. Аналитич<еская> геометрия.

Апрель. Москва.

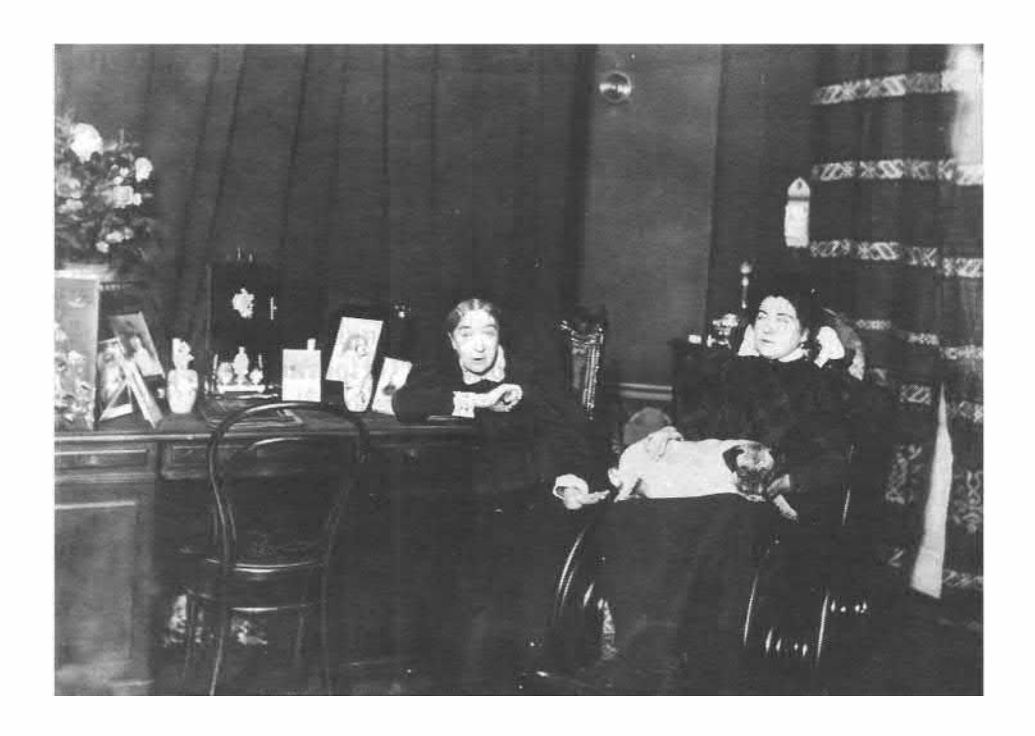
Кончаю 1-ую часть «Северной Симфонии». Много сочиняю на рояли. Увлечение немецким романтизмом; интерес к Добролюбову и Брюсову. Подготовка к экзаменам. Работаю в анатомическом театре над человеческим мозгом (недолго), подаренным мне и Ю.Н. Зографу проф. Карузиным; получаю от проф. Зографа списки по зоологической литературе.

Май. Москва.

Экзамены, которые сдаю блестяще (все — «*5*»). Продолжающееся увлечение и чтение Ницше, Розанова, Вл. Соловьева. Страшно повлиявшая на меня внутренняя встреча и интимный разговор с Влад<имиром> Соловьевым[48]. Конец мая: перерабатываю отрывок 1898 года «Пришедший».

Июнь. Серебряный Колодезь.

Страшно много импровизирую и сочиняю для рояля; занят теоретическим

А.Д. Бугаева и Е.Ф. Егорова, мать и бабушка Андрея Белого, в квартире на Арбате
Москва. 1894. ГМП

обоснованием принципов своей эстетики; очень много пишу на эту тему (все погибло); пишу стихи; много работаю над второй частью «*Северной Симфонии*». Читаю «Философию Бессознательного» Гартмана[49]. Пристально вчитываюсь в «*Tertia Vigilia*» Брюсова[50], который меня все больше задевает; много читаю Фета; пишу стихи. Взволнован событиями в Китае[51].

Июль. Серебр<яный> Колодезь.

Работа над Симфонией приостановлена; читаю зоологическую литературу, между прочим Катрфажа «*Les émules de Darwin*»[52]; опять читаю «*Основы химии*»[53]; интерес к метереологии <так!> до того, что внимательно читаю журнал «Климат» Демчинского[54]. Пишу стихи.

Август. Сер<ебряный>Колодезь.

Пишу 3-ью часть «*Северной Симфонии*». Чувствую переутомление и подавленность (смерть Вл. Соловьева)[55]. Читаю Вундта: «Основания физиологической психологии»[56]. Читаю Шопенгауэра «О четвертом Корне закона достаточного основания»[57]. Пытаюсь читать «Критику чистого разума». И «Пролегомены»[58].

Сентябрь. Москва.

Бешеное чтение сочинений Вл. Соловьева («*Кризис*», «Основные начала цельного знания»[59]), читаю Розанова «Из мира неясного и неразрешенного»[60];

Е.Д. Егорова,
тетка Андрея Белого. ГМП

бешеное увлечение стихами Вл. Соловьева, его статьей «Смысл любви». Обостряются религ<иозно>-фил<ософские> темы в разговорах с Петровским, Печковским, Владимировым, Соловьевыми. Первые вести о Л.Л. Кобылинском (Эллисе) от С.М. Соловьева. Вместе с тем: новый, пристальный пробег по сочинениям Ницше («Генеалогия морали», «Против Вагнера», «Помрачение кумиров»[61] и т. д.).

Эстетические и рел<игиозно>-фил<ософские> интересы решительно перевешивают научные.

Работа в химической лаборатории по качественному анализу. Семинарий у проф. Горожанкина. Получаю отдельную клетку в Зоологическом Музее; работаю с микроскопом; числюсь специализирующимся по зоологии у Зографа.

Читаю Вундта («Душа животных»)[62], читаю зоологию Шимкевича[63]; споры с проф. Зографом.

Октябрь.

Читаю «Опыты» Спенсера и «Основные начала»[64]; интересуюсь Гельмгольцем (*«Lehre von Thonempfindung»*)[65]. Читаю Ганслика[66] и очень волнуюсь им. Ссора моя с проф. Зографом: уход из Зоол<огического> Музея; попытка работать у Мензбира. Читаю «Критику отвлеченных Начал»[67].

Работаю в хим<ической> лаборатории (*«Качеств<енный> анализ»*).

Ноябрь. Москва.

Читаю том истории философии Куно Фишера («О Канте»)[68], «Дневник писателя» Достоевского[69], объяснение Апокалипсиса Оберлена (том)[70], пробую читать «Этику» Спинозы[71]; читаю «Чтения о богочеловечестве» Вл. Соловьева[72]. Сильная теор<етическая> дума над сочетанием в душе Соловьева, Ницше, Мережковского. Читаю «О воле в природе» Шопенгауэра[73]. Заглядываю в «Психофизику» Фехнера[74]; все это в целях найти научную базу символизму.

Работаю над качественным анализом в лаборатории.

Декабрь. Москва.

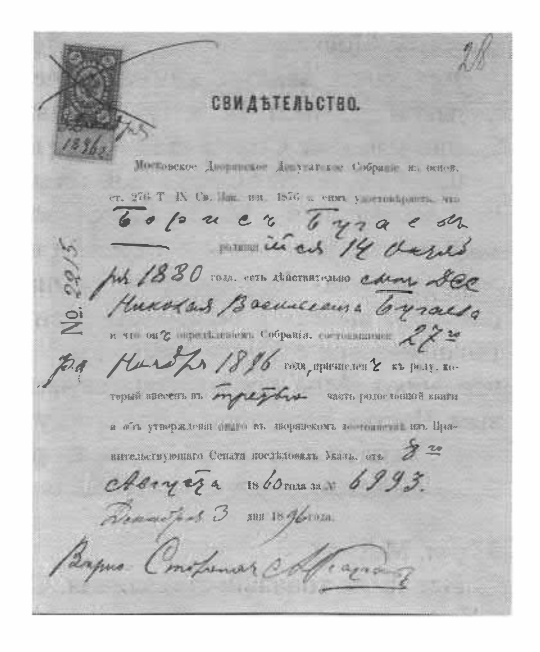
Сильный подъем религиозно-философских проблем; первые ноты «Чаяний»; интерес к старчеству; попытки читать Исаака Сириянина[75]; усиливающиеся разговоры на эту тему с А.С. Петровским; возвращение к Розанову. Чтение

«Оправдания добра»[76]. С другой стороны: сильнейший интерес к Оствальду.

Работа в лаборатории. Зачеты: у Зелинского и проф. Горожанкина.

Читаю «Землю» Элизе Рэклю (не помню, какой том)[77]. Читаю Сергея Трубецкого (статья *о сознании* сильно действует)[78]. Почитываю Гербарта[79].

Пишу 4-ую часть «*Северной Симфонии*»; она закончена; над ней работал целый год.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Московское Дворянское Депутатское Собраніе на основ. ст. 276 Т. IX Св. Зак. изд. 1876 г. симъ удостовѣряетъ, что Борисъ Бугаевъ родившійся 14 Октября 1880 года, есть дѣйствительно сынъ Николая Васильевича Бугаева и что онъ опредѣленіемъ Собранія, состоявшимся 27-го Ноября 1896 года, причисленъ къ роду, который внесенъ въ третью часть родословной книги и о его утвержденіи въ дворянскомъ достоинствѣ изъ Правительствующаго Сената послѣдовалъ Указъ отъ 8-го Августа 1860 года за № 6993.

Декабря 3 дня 1896 года.

Свидетельство о дворянстве
Выдано Борису Бугаеву 3 декабря 1896 г.
ГМП

1901 год

Январь. Москва.

Сильнейший взрыв религ<иозно>-фил<ософских> чаяний; главное чтение — Евангелие, Апокалипсис; продолжаю изучать Вл. Соловьева («Национальный вопрос», «История теократии»[80]). Это момент, решающий мою судьбу; отрыв от естественно-научных интересов; внутренний уход из университета меня и Петровского. Пробую читать «Четьи-Минеи»[81].

Работаю в хим<ической> лаборатории («Качеств<енный> анализ»).

В эти именно месяцы скрепляется наш, «*Соловьевский*», Кружок; и беседы за чайным столом носят уже деловой характер какого-то перманентного заседания о будущем; в это время часто вижус<ь> у Соловьевых с Д.И. Новским (католик, мистик), Ел<еной> Вл<адимировной> Герье (дочь профессора), Е. Унковской, Т.Н. Поповой, А.Г. Коваленской (детской писательницей), художником Шестеркиным и его женой[82], с М.Н. Коваленским (историк-марксист, позднее коммунист: убит в 1919–1921 годах[83]), В.Ф. Марконетом, П.С. Соловьевой (Allegro), с С.Н. Трубецким, с доктором Петровским, с «*Мишей*» Петровским (будущий профессор), с проф. И.Ф. Огневым и его детьми «*Сашей*» (будущий философ) и другим сыном (будущий проф<ессор> математики), с ген<ерал>-лейт<енантом> Деннетом, с Рязановым (директор гимназии), с М.В. Коваленской (будущая переводчица), с С.Г. Карелиной, с проф. В.М. Коваленским, с Н.М. Коваленским (член Судебной Палаты), с проф. Л.М. Лопатиным, с «Марусей» Венкстерн (автор пьесы «*Декабристы*»[84]), с «*Соней*» Гиацинтовой (будущая артистка «*Мхата*» II-го), с публицистом В.Л. Величко, с Н.В. Марковым, с Л. Вл. Геника, с «*Ваней*» Щукиным, с писательницей Дементьевой, с «*Сашей*» Бенкендорфом, с В.С. Поповой (сестрой М.С. Соловьева), с С.Н. Поповым (ее сыном).

Работа в хим<ической> лаборатории.

Февраль. Москва.

Усиленное занятие химией; зачет у проф. Зелинского; усиленное увлечение музыкой, поэзией Фета, Вл. Соловьева и Лермонтова; все более и более идея Софии и веяние Софии становится лейт-мотивом жизни: «Подруга юная, — тебя не назову я, но ты услышь мой трепетный напев»[85] — лозунг дней (в связи с моим увлечением М.К. Морозовой); безумные детски-мудрые, шутливо-задумчивые разговоры с Сережей о «Критике *белых* начал». И наши рассказы друг другу «о *поливановской* гимназии» (мифология); прислушиваемся к февральским вьюгам и бегаем к церкви Неопалимой Купины[86]. Особенная связь устанавливается с Соловьевыми; и с Петровским, с которым происходит бурный переворот. Мое особенное увлечение, *увлечение по-особому*, писателем Чеховым. Частые разговоры о Брюсове у Соловьевых.

Усиленная работа в лаборатории; кончаю качественный анализ.

Кажется, — начало посещения студенческого общества имени Трубецкого[87].

Март. Москва.

Все та же тональность: чаяния, Соловьев, Вечная Женственность, Фет; споры с Петровским, ставшим церковником; проблема гнозиса: черчу много схем и делаю открытие, что «*красное*» есть смешение *серого* с *белым*; по-своему подхожу к световой проблеме Гёте[88] и на ней, по-своему, обосновываю нашу с С.М. «Критику белых начал». В этот месяц в душе проносится *биографией* тема 2-ой «*Симфонии*»; то, что через 3 года С.М. полуиронически развивает Блокам, как философию «*Лапана*»[89], *всериоз* переживается нами. Незабываемая страстная неделя и пасха в Москве, пережитая с Сережей Соловьевым (мы оба — влюблены); переживание Арбата, как Вечности. «У царицы моей есть высокий дворец: о семи он столбах золотых»[90] — звучит в воздухе; и еще «*Соловей и Роза*» Фета[91].

На Фоминой неделе пишу первую часть «Московской симфонии»[92]; и тут же ее читаю Соловьевым. Они — поражены.

Апрель. Москва.

Реакция на мистический взлет марта; подготовление к экзаменам; очень углубленные разговоры с Петровским о Мережковском, Розанове, Новоселове, Тернавцеве.

Май. Москва.

Сдаю экзамены очень хорошо, принимая во внимание мой отход от естествознания (лишь одна «четверка» по минералогии; прочие отметки — «пять»); Умов на экзамене чрезвычайно доволен моим «философским» подходом к механической теории тепла.

В промежуток между экзаменом физики и ботаники в сутки пишу 2-ую часть 2-ой «Симфонии» (начал вечером Троицына дня, а кончил днем «Духова дня»[93]); за окончанием застал приехавший из Дедова Сережа, которому прочел; тотчас поехали в Новодевичий[94]; на другой день оба — в Дедове, где провел 2 или 3 незабываемых дня; темы: «*белые колокольчики*», «*Конец уже скоро*»[95], «*София*», Евангелие от Иоанна.

Читаю в Дедове Соловьевым 2 части 2-ой «*Симфонии*». М.С. Соловьев утверждает: «Надо напечатать! Вы, Боря, — как Чехов: настоящий!».

В.К. Штембер. Портрет М.К. Морозовой
1893 (?). Холст, масло. ГМП

В конце месяца уезжаю в Серебря<ный> Колодезь.

Июнь. Серебряный Колодезь — Москва.

В неделю пишу 3-ью часть 2-ой «*Симфонии*» в необычайном подъеме; перманентная медитация над «зорями»; откровения о «*Ней*»: стихи Соловьева, Фета, Лермонтова. Известие о том, что папа сломал руку, спешно нас гонит в Москву; 10 дней в Москве: встреча с Гончаровой и с «*теософией*»; бурные беседы на эту тему с Гончаровой. В последних числах июня возвращаемся в «Серебряный Колодезь».

Июль. Серебряный Колодезь.

Те же медитации в полях над закатами, над «*Нею*», посылающей вести зарею. Быстро пишу 4-ую часть 2-ой Симфонии. В конце месяца потрясен письмом С.М. Соловьева о посещении Блоком Дедова[96]; Блок, как «*наш*», вырастает в поле сознания.

Отдельно: пристально изучаю «*Энергетику*» Оствальда[97], а также вышедший отдельной книгой том «Лев Толстой и Достоевский» Мережковского[98]. Если память не изменяет: в этот и следующий месяц читаю Трубецкого: «Учение о Логосе» (только что вышло)[99]. Кроме того: читаю 2-томную немецкую книгу (кажется, Фишера) «*Die organische Chemie*»[100]; механически пытаюсь запомнить формулы; работа идет туго.

Август. Сер<ебряный>-Колодезь.

Смутен в воспоминании: более всего думаю об «*Энергетике*» Оствальда. Пишу поэму «Фонтан» (утрачена)[101].

Сентябрь. Москва.

Встреча с Соловьевыми; потрясение первыми стихами Блока («*Предчувствую Тебя*»), распространение их среди друзей[102]; я посвящен М.С. Соловьевым в историю со Шмидт; читаю письма А.Н. Шмидт на тему «*3-ий завет*»[103]; в конце месяца — встреча со Шмидт; и ответственный разговор с нею; пишу много стихов.

Читаю 3 и 4 части 2-ой «*Симфонии*» у Соловьевых.

Соловьевы решили отдать 2-ую «*Симфонию*» Брюсову.

Знакомство с Л.Л. Кобылинским; встреча и углубление знакомства с Батюшковым; частые посещения А.С. Гончаровой. Знакомлю Петровского с Соловье-

выми. Летучая встреча с Э.К. Метнером. Возобновление знакомства с Эртелем. Слухи о Рачинском.

Октябрь. Москва.

Дома — подавленное настроение: болезнь мамы; переписка с А.Н. Шмидт[104]; интерес к разбору бумаг Влад<имира> Соловьева[105]; чтение его статьи об Огюсте Конте[106]; увлечение поэзией Блока; переговоры Соловьевых с Брюсовым о «Симфонии»[107]. Увлечение Эдгаром По. Попытка углубиться в Фауста[108]. Посещение Льва Тихомирова. Читаю литературу по апокалиптике; читаю и потрясаюсь «*Летописью Серафимо-Дивеевского монастыря*»[109]. Встает нота Св. Серафима. Изучаю «Духовные основы жизни»[110]. Усиленно работаю над выяснением своего религиозно-филос<офского> credo; споры с Батюшковым и Гончаровой; интерес к Бхагават-Гите.

Читаю: «Шесть систем индусской философии» Макса Мюллера[111].

Читаю реферат «О Мережковском» в кружке для самообразования у Стороженок, где я принимаю деятельное участие и где ближе знакомлюсь с Эллисом-Кобылинским. (Из членов кружка помню: Кобылинского, М.Н. Стороженко, граф<иня> Е.Е. Салиас, ее сестра, Дюбюк, К.П. Христофорова, другая подруга Маруси[112], прис<яжный> повер<енный> Тубенталь, И.Н. Бороздин (позднее «*профессор*»), кажется М.С. Фельдштейн (позднее «профессор»), молодой С. Мельгунов (позднее публицист); кружок скоро распался.

Ноябрь. Москва.

Дома — еще мрачнее: мама — в больнице Снегирева; мои медитации над Св. Серафимом; встреча и разговор с князем С.Н. Трубецким; чтение отзыва Брюсова о 2-ой «*Симфонии*», как «*прекрасной*» поэме[113]. Усиленное посещение Гончаровой и Батюшкова; читаю брамана Чатерджи, Ледбитера, Безант, Паскаля и начинаю «полемически» самоопределяться по отношению к «Теософии»; проблема «Мережковский» опять заостряется; резко отталкиваюсь от Л. Тихомирова; проблема «Ницше»[114] начинает меня сближать с Кобылинским; привожу Владимирова и Батюшкова к Соловьевым.

1) Читаю реферат «*О новом религиозном сознании*» у Стороженок (оппонируют Эллис, Бороздин, Тубенталь).

2) Выступаю в прениях на тему «Макс Нордау» у Стороженок.

Знакомлюсь с Рачинским.

В то же время в Университете: 1) Работаю над количеств<енным> анализом в лаборатории у Дорошевского.

2) Посещаю практич<еские> занятия Лейста (на метереол<огической> станции).

3) Участвую в студ<енческом> семинарии у проф. Анучина по физич<еской> географии.

4) Практически работаю по анатомии растений у прив<ат>-доц<ента> Строганова.

5) Начинаю собирать материалы для кандидатской работы: «Об оврагах».

Пишу 1-ую часть симфонии «*Возврат*». Пристально изучаю книгу Шестова о *трагедии*[115] и рикошетом от нее берусь за «Джона Стюарта Милля».

Декабрь. Москва.

В Университете: 1) бешеная работа по количеств<енному> анализу; сдаю зачет Дорошевскому.

2) Прения в семинарии проф. Анучина.

Подготовка к зачету у Зелинского по органической химии. Весь месяц изучаю материалы по описанию земств Нижегор<одской> и Полтавской губернии проф. Докучаева[116]; читаю «Овраги» Масальского[117]; и собираю материал по орнаменту (в связи с намерением этот предмет изучить эстетически и этнографически).

У Стороженок —

— Резко оппонирую Мельгунову на его реферате о сектантах и демонстративно бросаю кружок Стороженок.

У Стороженок сильно спорю с И.И. Ивановым на тему о новом искусстве. Увлекаюсь Гамсуном.

Самоопределяюсь и получаю собственную религиозно-филос<офскую> физиономию.

Спешно, перед Рождеством, пишу 2-ую часть Симфонии «Возврат».

Читаю у Соловьевых свою «*Северную Симфонию*».

5-го декабря встреча с Брюсовым и первый ответственный с ним разговор (у Соловьевых).

6-го декабря встреча с Мережковскими (у Соловьевых).

7-го декабря: слушание реферата Мережковского в «*Психологич<еском> Обществе*»[118].

8 декабря: новая встреча с Гиппиус у Соловьевых.

Конец месяца окрашен: 1) увлечением поэзией Гиппиус, 2) более сериозным отношением к старчеству (через Св. Серафима).

1902 год

Январь. Москва.

В Университете: знакомство со студентом Хренниковым; работа в Музее[119] над собиранием материала для кандидатского сочинения; если память не изменяет, читаю Платона; интерес к сочинению Фуллье, посвященному Платону[120]; читаю один из томов Фул<л>ье.

Читаю «Метафизику древней Греции» Трубецкого[121]; читаю историю древней философии Виндельбандта[122]; начинаю читать «Введение в философию» Кюльпе[123]; вообще: философские интересы на очереди.

Вместе с тем: решаю написать полемическое письмо Мережковскому; у Соловьевых дебатируем тему письма.

Февраль. Москва.

Л.Л. Кобылинский начинает меня посещать и появляется у Соловьевых. Начинаю писать свое кандидатское сочинение «Об оврагах».

Читаю реферат у проф. Анучина на тему «Представления древних о форме земли».

Читаю: Карпентера «Физиология ума»[124], читаю Ульрици[125]; читаю том Куно Фишера, посвященный Шеллингу[126]. Читаю: «Историю новой философии» Виндельбандта[127].

Посылаю полемическое письмо Мережковскому за подписью «*Студент естественник*»[128], произведшее сенсацию в кружке Мережковских (особенно им восхищался В.В. Розанов); встреча с Мережковскими на публичной лекции последнего в Истор<ическом> Музее[129], новая встреча на журфиксе у Брюсова, где знакомлюсь с Минцловой и всеми «*Скорпионами*». Интимная беседа с Гиппиус и Мережковским в «*Славянском Базаре*»[130], после которой начинаются мои бурные ссоры с О.М. Соловьевой и частая переписка с Гиппиус.

Этот месяц для меня значителен в том смысле, что меня, так сказать, открыл Петербург; и всячески пропагандирует; досада Брюсова на это.

Ряд собеседований на тему «Владимир Соловьев, или — Мережковский».

Начинаю держать корректуру «*Симфонии*»[131]. Бо́льшее сближение с Печковским. Долгие разговоры с отцом на философские темы. Читаю прозу Гиппиус (все, что ею написано); перечитываю Розанова, Достоевского; приблизительно в это время (может, 2 месяцами раннее) пишу свой первый рассказ (не помню заглавия), позднее в 1904 году отданный в первый сборник «*Свободная совесть*»[132]. Веду дневник[133].

Март. Москва.

Читаю «*Критику практического разума*» Канта[134], читаю Платона; читаю сочинение Макса Мюллера по философии языка[135]; частые споры с Гончаровой; у нас — журфиксы, на которых бывают Эртель, Батюшков, Эллис, Вечеслов, Печковский. Пишу кандидатское сочинение «Об оврагах».

Реферат мой у проф. Анучина: «*О картографических проекциях*».

Начинаю почитывать «Метафизику» Вундта[136].

Учащается переписка и сближение с Гиппиус; посещаю журфикс Брюсова.

Толки о журнале «*Новый Путь*». Увлечение Никишем; встреча и первый пристальный разговор с Э.К. Метнером на репетиции Никиша, определивший будущую дружбу[137]. Корректуры «*Симфонии*».

Апрель. Москва.

Мережковские зовут меня в Петербург; участившаяся переписка с Гиппиус; выход «*Второй Симфонии*»[138] (от всех таю́ свой псевдоним); «*симфония*» нравится Эллису, А.Г. Коваленской, Рачинским, маме; сенсация, ею производимая в некоторых кругах Москвы; и интерес к «*псевдониму*». Решительный разговор с Эллисом, или начало нашей интимной дружбы с ним; начало крепкого знакомства с Рачинскими. «*Симфония*» крепко принята Блоком[139] и Мережковскими; тот и другие сулят мне будущее. Отъезд родителей в Петербург. Много пишу стихов (иные появились в «Золоте в Лазури»[140]); оканчиваю 3-ью «*Симфонию*» (в уничтоженной редакции); знакомство домами с Владимировыми; мое появление у них и встреча с Малафеевым, Челищевым, Леоновым, композ<итором> Василенко.

Увлечение романсами Глинки и Грига.

Острые споры с О.М. Соловьевой.

Май. Москва.

Пишу свой второй рассказ (кажется, не сохранился)[141]. Каждый день бываю у Владимировых; острое переживание Лермонтова и Розанова. С лихорадочной поспешностью углубляюсь в Константина Леонтьева; читаю славянофилов, но за исключением Леонтьева отклоняю их от себя: споры с Петровским на тему «Леонтьев, или Соловьев». Твердо решаю: по окончанию естественного факультета поступить на филологический.

Решительный, незабываемый разговор с Э.К. Метнером о Симфонии.

Июнь. Серебряный Колодезь.

Бурные переживания закатов; новый вспых увлечения Ницше: пристально перечитываю «Also sprach Zarathustra» (по-немецки); медитации в полях; мне ясно, что близится 2-ое пришествие; пишу первую и вторую часть *первой редакции* Четвертой Симфонии.

Одновременно: сериозное чтение «*Критики чистого разума*»[142] (с конспектом и планом). Ряд сериознейших философских споров с отцом. Перечитываю 2-ой том «Мира, как воли» Шопенгауэра[143], и он меня *не удовлетворяет*. Переписка с Метнером и Гиппиус.

Сильное увлечение Бетховеном, все более вытесняющее Вагнера и Грига.

Июль. Серебряный Колодезь.

Скрупулезное чтение с карандашиком «*Метафизики*» Вундта; читаю «*Опыты*» Фрэнсиса Бэкона[144]; и продолжаю ползти по «*Критике чистого разума*» Канта; пишу свою статью «*Формы искусства*», как обещанный реферат О<бщест>ву имени Сергея Трубецкого. Отец мне поправляет статью (стилистически). Долгие философские разговоры с ним. Кончаю вчерне первую редакцию 4-ой Симфонии. Пишу стихи. Увлекаюсь Бетховеном.

Август. Серебр<яный> Колодезь.

Пишу *новую* 3-ью часть симфонии «*Возврат*» (первую редакцию уничтожаю). Теперь «Возврат» готов[145]. Почитываю «*Психологию*» Бэна и читаю «*Основания социологии*» Спенсера[146], но скоро бросаю (Спенсер *не по мне*). Очень много думаю о проблемах формальной эстетики. Читаю «Эстетику» Гегеля[147]. Разговор с отцом о том, что центр моих интересов не *естествознание*, а *философия*. Он уступает моему желанию: поступить на филологический факультет.

Сентябрь. Москва.

Испуг перед стихами Блока; усиленное обсуждение их[148]; споры у Соловьевых; гнетущая атмосфера в их доме; припадок «*ангины*» у отца; мрак в нашем доме; встреча с кузинами Жуковыми. Встреча с Метнером и знакомство с Николаем Метнером. Мои ночные молитвы св. Серафиму. Читаю «Добротолюбие»[149].

Чтение симфонии «*Возврат*» у Соловьевых (она им *не* понравилась).

Мой псевдоним начинает открываться в Москве. Начинается скандал «*Андрей Белый*» в университетских кругах.

Октябрь. Москва.

Взрыв дружбы с Метнером; почти каждый день бываю у Метнера; углубление интересов к музыке: Бетховен и Шуман перевешивают других композиторов; начинаю перерабатывать первую редакцию 4-ой «*Симфонии*». Новый интерес к Ницше. Гёте и Кант все более стоят на моем горизонте. «Wahrheit und Dichtung»[150]. Музыка Метнера.

Отчуждение от Соловьевых; все больше сближение с Эллисом: споры о Данте, Бодлере, Стеккетти.

Первые теоретические интересы к Марксу.

Споры с отцом и дядей[151] за новое искусство.

Увлечение Олениной-д'Альгейм и знакомство с д'Альгеймами. Знакомство с Рачинскими (домами).

Чтение у Соловьевых первой редакции Симфонии 4-ой (*не* понравилась).

Разрастающийся скандал с 2-ой «*Симфонией*»[152], которая — распродана.

Много пишу стихов. Интерес к поэзии Гёльдерлина.

Знакомлюсь с Гольденвейзером, Гедике, Конюсом; близость с Владимировыми.

Принимаю участие в прениях первого теософского Кружка; возражаю на реферате Писаревой.

Встреча с М.В. Сабашниковой. Начинаю посещать «среды» Брюсова[153]. Знакомство с Гофманом, Койранскими, Рославлевым, Пантюховым; сближение со «Скорпионами».

Ноябрь. Москва.

Близость с Метнером; его женитьба, отъезд в Нижний[154]; жаркая переписка с ним; много пишу стихов. Знакомство с Дягилевым и Александром Бенуа; пишу рецензию в «*Мир Искусства*» на Оленину и отдаю статью «Формы искусства» Дягилеву[155].

1) Читаю реферат в О<бщест>ве Трубецкого «О формах искусства» (1-ая часть).

2) Реферат «О формах искусства» (2-ая часть).

Сдаю экзамен Зелинскому по органической химии.

Принят в органическую лабораторию. Работа в лаборатории по органич<еской> химии.

Сближение с С.Л. Ивановым.

Декабрь. Москва.

Переписка с Метнером; примирение с Соловьевыми; напечатанная в «*Мире Искусства*» статья «Формы искусства» (проф. Анучин кривится; проф. Кирпичников считает ее *очень* интересной, как и отец).

Крапивин делает гадости.

Работаю в лаборатории по органич<еской> химии.

Некоторая размолвка с Мережковскими; перерабатываю 4-ую Симфонию.

1903 год

Январь. Москва.

Месяц потрясений; открывается перепиской с Блоком[156], печальным инцидентом (меня напоили на свадьбе С.С. Усова), вторым припадком ангины у отца и смертельною болезнью М.С. Соловьева, окончившейся смертью и самоубийством О.М. Соловьевой[157], заботами о еще «*маленьком*» С.М., оставшимся сиротой, выходом первого № «*Нового Пути*» с моей статьей[158]; всё — вместе: боязнь за отца, за Сережу, скорбь об утрате Соловьевых, темы переписки с Блоком, события литературного дня, — всё в лоб: какая-то мешанина скорбей, чаяний, разубежденности; между прочим: с этого месяца в итоге всего — отслаивается ощущение: с исторической церковью в ее земном обличии — все порвано; что-то обрывается; я один и внутри; я один и вовне. Не могу молиться, не могу забыться: скорбь и опасение за отца; все, что поддерживало, — точно отнимается; с Мережковскими — охлада; Соловьевых – нет; Сережа — в Киеве[159]; церковь — утрачена; в Вл. Соловьева уже не вовсе верю; вырастает, как черная тень, Брюсов: переписка с ним, свидания с ним (берет стихи и «*Пришедший*» для «Скорпиона»[160]).

Работа над детским отрывком «Пришедший» (перерабатываю для «Северн<ых> Цветов»[161]).

Участвую в литературных прениях на брюсовских «*Средах*».

Все это способствует «эстетизации» моих интересов (просто, — мне надо забыться).

Февраль. Москва.

Переписка с Блоком. Дружба с Эллисом.

Работаю в лаборатории по органической химии.

Март. Москва.

Бросаю работу в лаборатории, так как Крапивин продолжает меня теснить[162], да и бессмысленно; начинается для меня «*вихрь*» светских знакомств в «*скорпионовских*» кругах; знакомлюсь с Волошиным, с Бальмонтом, с «*Грифом*», с Н.И. Петровской, с Буниным, с газетчиками. Вполне открывается мой псевдоним для отца; у меня бывает много народу; я уже «*имя*» для многих; и я уже «*декадент*» для почти всех; Рачинский меня поддерживает.

Пишу полемическую статью для «*Хроники*» «*Мира Иск<усст>ва*» «*Открытое письмо к либералам и консерваторам*» (может быть, — пишу еще в феврале); пишу стихи (почти весь цикл «Прежде и теперь», имеющий большой успех у «*Скорпионов*», «*Грифов*» и Бальмонтов)[163]; папа помалкивает, а мама — сторонница моих стихов; ничего не читаю; вовсе не готовлюсь к экзаменам.

Первое публичное выступление в прениях беседы Литер<атурно>-Худ<ожественного> Кружка на тему: о сути трагедии («модернисты» мне устраивают овацию)[164].

Модернисты меня балуют; Брюсов — заискивает; Мережковские и Блок видят во мне «*силу*»; у меня кружится голова; но мне — грустно и одиноко; и я хожу с чувством, что добрые силы меня покинули.

В.В. Владимиров
Фотография на бланке открытого письма
Мюнхен. 1906. ГМП

Апрель. Москва.

Усталость безумная; громкий скандал из-за статьи моей («К либералам и консерваторам»); профессора негодуют; я — подавлен; отец прихварывает; государств<енные> экзамены на носу, а готовиться к ним — нет времени: все дни заняты журфиксами, беседами; организуется уже ядро будущих «*аргонавтов*»[165]; у меня — штаб-квартира; долгие споры отца с Эллисом и со мной; на крыше химич<еской> лаборатории вместе готовимся к экзамену: Владимиров, Печковский, Петровский, С.Л. Иванов, Аршинов, Чиликин, Погожев. Статья М.Н. Коваленского в «*Курьере*» о том, что я — «*дикарь*», потрясает меня[166] (с М.Н. Коваленским годами встречались и «дружили» у Соловьевых); свидание с А.Н. Шмидт у С.М. Соловьева.

Публичное выступление в прениях Литер<атурно>-Худ<ожественного> Кружка и на другой день грубая ругань Гиляровского[167].

Вышли «*Северные Цветы*» и «*Гриф*»[168]. Папа пристально их изучает. Много пишу стихов из цикла «*Золото в Лазури*»[169]; переписываюсь с Блоком, приглашающим меня быть шафером на своей свадьбе[170]. Под всею суетою — тоска, недоумение и чувство, что «*Зори*» 1901–1902 годов — погасают; отсюда маска «*эстетизма*»; Брюсов просит меня подготовить к печати книгу стихов[171].

Во второй половине месяца у меня «*журфикс*», на котором присутствуют: папа, проф. Лахтин (?), Брюсов, Кобылинские (Лев и Сергей), Эртель, Владимиров, Петровский, Бальмонт, Балтрушайтис, П.П. Перцов (редактор «Нового Пути»), Пантюхов, кто-то из Койранских, Соколов («Гриф»); полная неразбериха: скандал Брюсова с Л.Л. Кобылинским[172]; и сразу же, с места в карьер после этого вечера — государственные экзамены.

Май. Москва.

Государственные экзамены, к которым не было времени готовиться, вовсе застигают врасплох (отец — председатель экзаменац<ионной> комиссии); занимаюсь сверх сил, изнемогая ужасно; работаю до обморока и, если принять во внимание мою отданность литературе, сдаю блестяще, ибо получаю диплом первой степени[173]; прив<ат>-доц<ент> Сушкин силится провалить на сравнительной анатомии, но это ему не удается; едва не проваливаюсь на метереологии <так!>, потому что в эти дни приезжают Мережковские и я все время провожу у них (иду на экзамен, не осилив толстого тома «*Метереологии*» Лачинова[174]); едва не получаю двойки; выручает Анучин, мой... «*патрон*» (я — числюсь у него). Тотчас же после экзаменов, 29 мая, — третий

припадок ангины у отца; его смерть; мама — в деревне; на меня падают все хлопоты по похоронам; мама приезжает лишь к выносу[175].

Июнь. Москва (конец месяца — Сереб<ряный> Колодезь).

Потрясение после смерти отца; в день похорон заход Леонида Семенова; две недели провожу в упорных беседах с ним[176]; едем около 20-го июня в деревню[177]: я, мама, Петровский, Владимиров; я измучен и деформирован послеэкзаменационной усталостью, смертью отца, ощущением одиночества, неопределенностью будущего (что мне делать?), ощущением ухода прошлых зорь; пишу надрывные стихи «*Не тот*» и др<угие> для «*Золота в Лазури*»; нота — тихого богоборчества и недоумения.

Июль. Серебр<яный> Колодезь.

Числа 5-го Петровский и Владимиров уезжают на открытие мощей Серафима в Саров[178], а я весь месяц пишу очень много стихов для «Золота в Лазури» в тонах светлой грусти («Закатилось оно, —золотое, старинное солнце, Золотое Руно»[179]); если тема 1901 года «Но Ты услышь мой трепетный напев»[180], если тема 1902 года «Ей, гряди Господи»[181], то тема 1903 года: *закат*, а не заря; Он — не пришел; вместо Него я сам *самозванно* объявился; и оборвался; это и есть тот врубелизм «*Золота в Лазури*», за который скоро будет журить меня Метнер. Можно сказать, что «*Золото в Лазури*» написано летом 1903 года; максимум стихотворений падает на июль.

В июле же пишу свою статью «*О теургии*» (рывом) и отсылаю в «*Новый Путь»*; она выходит в августе[182]; переписываюсь все время с Блоком (после отказа от шаферства[183]); в то же время: начинаю скрупулезно, в третий раз штудировать «*Критику Чистого Разума*».

Август. Серебр<яный> Колодезь.

Усиленное писание стихов, усиленный штудиум «Критики Чистого Разума»: пишу статьи: «*Символизм и Критицизм*», «*Символизм, как миропонимание*», как платформу для друзей; пишу статью «*Священные Цвета*»[184]; читаю «Макрокосм» Лотце[185].

Сентябрь. Сер<ебряный> Колодезь.

Пишу стихи, но меньше; продолжаю углубляться в штудиум Канта; несколько крепну. Сборник «Золото в Лазури» приготовлен к печати. Все лето переписываюсь с Метнером. Странные вести от С.М. Соловьева о свадьбе Блока[186]. В конце месяца еду в Москву[187].

Октябрь. Москва.

Странный, противоречивый месяц; не то бурный, не то тягостный.

Читаю свой реферат «*Символизм, как миропонимание*» у себя.

Он ложится в основу лозунга, провозглашенного Эллисом: «Мы — символисты-аргонавты, ищущие “*Золотого Руна*”» (в пику Брюсову); Эллис провозглашает меня лидером; образуются у меня наши аргонавтические, весьма бурные

воскресенья; ядро аргонавтов в сезон 1903–1904 года* следующее: Эллис, провозглашающий меня «*лидером*», я, Петровский, С.М. Соловьев, В.В. Владимиров, А.П. Печковский, А.С. Челищев, П.Н. Батюшков, М.А. Эртель, причисленный к нам, но отсутствующий Э.К. Метнер[188], Н.К. Метнер (композитор), Н.И. Петровская. На воскресеньях часто бывают: семейство Владимировых (мать, две сестры), Н.М. Малафеев (народник), Янчин, Леонов, Сергей Львович Кобылинский (философ), прив<ат>-доц<ент> Шамбинаго, Мария Алекс<андровна> Эртель (сестра Эртеля), С.Л. Иванов, Часовникова, К.П. Христофорова, С.А. Соколов («*Гриф*»), А.А. Койранский, Б.А. Койранский, В. Гофман, Пантюхов, Рославлев, С.А. Поляков, В.Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис, И.А. Кистяковский (с женой), проф. И.А. Каблуков, литератор Поярков, начинающий писатель Абрамович, М.Н. Семенов, проф. Павлов, М.В. Павлова, Сильверсван, Курсинский, Г.А. Рачинский, А.А. Ланг, художники Уткин, Липкин, Борисов-Мусатов, Россинский, В.И. Иванов (позднее, в 1904 году), П.А. Свенцицкий, композитор С.И. Танеев, пьянист Буюкли, Э.А. Зубкова, С.Я. Рубанович, и ряд других лиц, случайно появляющихся. Собрания бурные, многочисленные, по 25 человек; ряд дебатов, прений, чтение стихов; все эти собрания — с октября: с места в карьер; я бодрю всех, стараюсь примирить непримиримое, но почти тщетно: вся моя функция — общественная, гармонизаторская: задание — связать противоречивость в целое *аргонавтических* исканий; на этой почве *сближение-пря*, дружба-борьба с Эллисом.

Но я лично — растерян, испуган, недоумеваю; с А.С. Петровским завязываем знакомство с епископом Антонием; одновременно: моя дружба, крепнущая, с Н.И. Петровской, которой внушаю мысли о пути и эзотерике.

С октября же привлечен к организации журнала «*Весы*»[189].

Участвую в прениях на организационных собраниях в «*Скорпионе*».

Отдаю Брюсову статью: «Символизм и Критицизм» (для «*Весов*»)[190]; пишу рецензию для «*Весов*» на книгу Викторова по психиатрии («*Весы*», № 1, под псевдонимом 2Б)[191]; и для этого специально читаю психиатрии Корсакова и Мейнинга (так, кажется: забыл)[192]; одновременно: читаю Маха[193]; углубляюсь в новую книгу Вундта[194]; начинаю интересоваться психологией: читаю «Психологию» Джемса[195] и «*Очерки психологии*» Гефдинга[196]. Перелистываю Жанэ, углубляюсь в Гербарта[197]. В октябре же пишу рассказ «*Единороги*» (утрачен); А.С. Петровский подстрекает на «*гаф*» с дурацкими карточками. Инцидент[198]. Поддерживаю переписку с Блоком, шлющим мне пачками стихи; «*аргонавтические*» воскресенья — центр культа Блока: у нас Блок провозглашен «*первым русским поэтом*».

Все дни разобраны: «понедельники» — у Бальмонтов, «вторники» — в «Скорпионе», «воскресенья» – у меня, один день <в> неделю у «Грифов»; прочие дни — у Эллиса, С.М. Соловьева, Эртеля, Батюшкова; ни единого свободного дня. Почти каждый день у Н.И. Петровской.

Получаю из Округа место преподавателя естествознания в женском Александровском институте, но — отказываюсь.

Пробую устроить свою лекцию, но попечитель Округа ее запрещает.

---

* *В автографе*: годах

Ноябрь. Москва.

Тот же бешеный темп прений, общественных договоров, дружб; углубляется дружба с Н.И. Петровской; поездки к Антонию. Частое сидение у Рачинских, опять концерты д'Альгейм (кажется); пишу статью: «*Окно — в будущее*» и заметку по поводу смерти Спенсера[199]. Изучаю скрупулезно «Проблему восприятия пространства» Челпанова[200]; читаю том Куно Фишера, посвященный Фихте[201]. Пишу стихи; между прочим: «Sanctus amor»[202].

Наше с С.М. Соловьевым восхищение вышедшим «*Urbi et Orbi*»[203]; начинается эпоха увлечения поэзией Брюсова; пишу рецензию на «Только Любовь» Бальмонта[204]. Пишу статейку о постановке «*Юлия Цезаря*» в Худ<ожественном> Театре: для «Хроники» «*Мира Искусства*»[205].

Декабрь. Москва.

То же все: аргонавтические «*при*», аргонавтические лозунги; «*аргонавты*» появляются всюду; появление у меня Д.В. Философова; в этот период пишу рассказ для «Грифа» «*Световая сказка*»[206] (кажется, если не ранее). Переписка с Блоком о его поездке в Москву[207]. Инцидент между «*Грифом*» и «*Скорпионом*», в котором я принимаю деятельное участие[208]; ссора с Гиппиус; приезд Мережковских в Москву; отчуждение от них[209]; встреча с Т.Г. Трапезниковым на «мальчишнике» Семенова в «*Альпийской Розе*»[210].

Появление у меня 3-х студентов — Флоренского, Эрна, Свентицкого; и мое вступление в религиозно-философский студенческий кружок[211]. Испуг перед Н.И. Петровской, в которой замечаю «эротизм»; полная растерянность, усталость и брошенность, которые я стараюсь спрятать от всех: мои хождения к Челищеву и дружба с ним. Встреча у Петровской с Б.А. Фохтом.

1904 год

Москва. Январь.

Приезд Блоков в Москву[212]. Ряд собраний и речей: у «*аргонавтов*», у «*грифов*», у «*скорпионов*»; каждый день — заседания с Блоками, или у них, в доме Марконет (Молчановка)[213], или у С.М. Соловьева (на Поварской); кроме того: почти каждый день бываю у Н.И. Петровской. Крепнет наше *трио* (я, Блок, Сережа). Одновременно: интенсивны и часты свидания с Флоренским; долгие философские, нас самоопределяющие беседы; вхожу в контакт с кружком будущего «Христианского братства борьбы»[214]. Кажется, в начале месяца пишу рассказ «Аргонавты»[215], в котором — горькое разочарование в «*Арго*».

Читаю реферат «Символизм и религия» в религ<иозно->фил<ософском> кружке у Эрна.

Долгая, «внутренняя» беседа со Свенцицким. Нелепое собрание у «Грифов».

Выступаю в прениях у «Грифов» (нечто вроде скандала).

Андрей Белый. Золото в лазури
М.: Скорпион, 1904
Обложка Н.П. Феофилактова

Выясняется, насколько «аргонавтизм» — не то. Встреча с В.П. Поливановым.

Выход первого № *«Весов»*.

Москва. Февраль.

Бурные дни с С.М. Соловьевым, кончающиеся его заболеванием скарлатиной[216]; именно в эти дни мое «*несчастие*» с Ниной Ивановной[217]; ищу поддержки у Блоков; наши сидения вместе (с Л.Д. и А.А.). Перехожу на «ты» с Блоком. Месяц добивающихся надежд. Пишу рецензию на «*Вишневый Сад*», которая появляется (в переводе) в «*Literarische Echo*»[218]. Поездка с Блоками к епископу Антонию[219].

Ряд литературных выступлений (у аргонавтов и «*Грифов*»).

Мои затруднения с бездарными переводами Бодлера Эллиса[220].

Март. Москва.

Отъезд Блоков в Петербург[221]. Выздоровление С.М. Соловьева; скрупулезное изучение приемов Брюсова, который поправляется после операции[222]; «странные» мои отношения с Брюсовым (резкая ненависть под формой дружбы). Присылка Блоком стихов, посвященных «аргонавтам»[223]; углубление всяческих трудностей с Н.И. Петровской; знакомство и начало дружбы с Борисом и Верой Зайцевыми. Все более намечающееся расхождение с Бальмонтом. Пишу статью «*О научном догматизме*»[224] и какую-то другую, напечатанную в одном из номеров «*Грифа*» (забыл заглавие)[225]; очень бурное сближение с Челищевым и Владимировыми. Резкая критика «теософов»; читаю ряд брошюр по теории знания; и старательнейше делаю пробег по старым номерам «Вопросов философии и психологии», перечитывая напечатанные там статьи по психологии; познавательный интерес к спиритизму, как к нежелательному явлению (читаю Аксакова[226], Карла Дюпреля, Аллана Кардэка «La genèse du Spiritisme»[227]). Интересуюсь Кантором; пробую читать мистика Вронского. И все это для того, чтобы бороться с вредными тенденциями *медиумизма* и *магии*, которые усиленно насаждают А.А. Ланг, Брюсов и композитор Ребиков, с которым знакомлюсь; знакомлюсь с разбором спиритизма Канта. Читаю «L'Apocalypse éxpliqué» Сведенборга[228]. Нас посещает еп<ископ> Антоний; мы с Н.И. Петровской едем к нему[229].

Аргонавтические собрания у меня ширятся, но — выдыхаются уже; появляется Буюкли; появляется молоденький гимназистик Н.И. Сизов. Впервые начинает пугать Эртель «*теургическим экстремизмом*».

Ряд выступлений у аргонавтов.

В этот месяц в темах моей поэзии решительный сдвиг; «*аргонавтизм*» «*Золота <в> Лазури*» внутренне изжит; Некрасов и Глеб Успенский появляются на моем столе; и я очень вслушиваюсь в народничество Малафеева; последнее стихотворение цикла «*Золота в Лазури*», прочитанное на воскресенье, «Безумец»[230], вызывает почти испуг у аргонавтов. Там «аргонавт» оказывается в сумасшедшем доме, а следующее стихотворение уже вполне реалистично; оно кончается строками:

О, да — застенок мой прекрасен[231].

«*Застенок*» — «*Арго*». Стихотворение иронично; в эту же пору налетают события японской войны и накладывают *специфическую тень* на все восприятия.

Тень лежит на всем: *тенью* маячит Брюсов, *тенит* мой эзотеризм ужасный медиумизм Нины Ивановны; *тенит* японец; *тенит* спиритизм; и уже слышится рокот недовольства.

Тут случается трагический инцидент в моей личной жизни; пишу отчаянное письмо Блоку и Метнеру[232].

Апрель. Нижний — Москва.

Потрясенный всеми несчастиями, сбегаю в Нижний к Метнеру[233]; две недели идет ревизия и перепроверка всех позиций, начало которых — 1900 год; Метнер указывает на мои ошибки и вместо «*теургии*» подчеркивает во мне только «*искусство*». Гёте вместо Ницше, Кант вместо Шопенгауэра, Бетховен вместо Вагнера, — вот его коррективы к моим «*несчастиям*». Я же сам все более отдаюсь реализму, Некрасову, Брюсову, технике и Канту; пишу статейку «Поэзия Брюсова» для «*Нового Пути*»[234], посылаю в «Мир Искусства» статью «*Символизм, как миропонимание*»[235]. Пишу стихотворение «Оборванец», где есть строки:

Пожалейте богомольца:
На руке и я носил
Золотые кольца![236]

А в это время: в Москве у Н.И. Петровской Брюсов учреждает спиритический кружок[237]; у Бальмонтов меня называют «экс-королем страны обетованной». Выходит «*Золото в Лазури*», но все интересуются более «Прозрачностью» Вячеслава Иванова и его появлением на московском горизонте[238].

Встреча с Вячеславом Ивановым в Москве — всюду: проблема *дионисизма*; темы «религии страдающего бога»; да кстати: забыл, что «Северная Симфония» уже вышла в «*Скорпионе*» (не помню, когда)[239].

Мне нестерпимо.

Прения у меня на воскреснике с Вяч. Ивановым.

Прения с ним же у «Грифов».

Возобновляется знакомство с С.И. Танеевым. Частые встречи со Всеволодом Буюкли, бывающим у меня.

Май. Москва, потом Сер<ебряный> Колодезь.

Трудности с Н.И. Петровской; вмешательство Антония[240]; перманентные сидения, очень трудные, у Ивановых[241]. Кажется, в этом году насильственное «на ты» с ним[242]. Всеобщий Бедлам (точно с цепи сорвались!): спиритизм и эротизм!

В ужасе удираю в Серебряный Колодезь, где принимаюсь усиленно штудировать Канта, Вундта; читаю «Очерки психологии» Гефдинга, «*Многообр<азие> рел<игиозного> опыта*» Джемса и «Историю новейшей философии» Гефдинга же[243]. Пишу стихотворение «*Тройка*»[244]. И несколько стихотворений «*Пепла*». Увлекаюсь Тютчевым. Пишу статью «*Маски*»[245].

Июнь. Сер<ебряный> Колодезь — Москва.

Продолжаю занятия по психологии; переписываюсь с Блоком; выходит моя статья «*Символизм, как миропонимание*» в «Мире Искусства»[246]. Пишу статьи: «О пессимизме», «О границах психологии»[247]. Много пишу еще на темы теории искусства; еду в Москву, чтобы 1) встретиться с Н.И. Петровской, 2) ехать к Блокам; умирает Чехов; пишу спешно в «*Весы*» статью «Чехов»[248]. Статья в газете «*Правда*» обо мне (И.И. Иванова): весьма сочувственная[249]. Подаю прошение о принятии меня на филологический факультет Моск<овского> Унив<ерситета>. Пишу в «Вопросы Жизни» статью-возражение на статью А.Н. Шмидт (статья не напечатана)[250].

Июль. Москва.

Праздно томлюсь в Москве.

Шахматово. С А.С. Петровским приезжаем к Блокам[251]; напряженнейшая жизнь у Блоков; приезд Соловьева. К концу месяца возвращаюсь в Серебряный Колодезь[252]. Пишу статью «О целесообразности» и отсылаю в «*Новый Путь*»[253].

Август. Серебр<яный> Колодезь.

Пишу стихи, читаю Огюста Конта. Предестинированный интерес к истории философии: читаю Масперо: «Древняя история народов востока»[254]; читаю «Философию религии» Гефдинга[255]; в конце месяца с мамой едем в Саров[256]; скорей тяжелые впечатления от Сарова, где дочитываю «Филос<офию> рел<игии>» Гефдинга; летучая встреча с Метнером в Нижнем. В Москве узнаю, что принят на филол<огический> факультет.

Сентябрь. Москва.

Поступаю на филол<огический> факультет; слушаю лекции, главным образом Трубецкого, Брандта, Соболевского, Любавского, Никитского; знакомлюсь кое с кем из студентов-однокурсников, — Нилендер, Борис Садовской, Ходасевич, Гордон, Малевич, Бердников особенно запоминаются. Много читаю: Целлера, Платона, Фуллье; перечитываю «Историю древней философии» Виндельбандта[257]; изучаю курс лекций по древней философии Сергея Трубецкого[258]. Образуется студенческий кружок по изучению «Критики отвлеченных начал» Вл. Соловьева[259] (среди участников помню: С.М. Соловьев, Бердников, Сыроечковские (2 брата), Шерр, Свенцицкий, Хренников и т.д.). Вплотную встает вопрос об организации секции «Истории религии». Беседы на эту тему с Флоренским (ставшим академиком)[260], С.А. Котляревским, Петровским (ставшим тоже академиком) и Свенцицким. Весь месяц изучаю литературу об элевзинских мистериях: читаю S<ainte-> Croix, Новосадского «Элевзинские мистерии», книгу князя Вол-

А.А. Блок
Фотография Д.С. Здобнова. Санкт-Петербург. 1907
На бланке открытого письма. ГМП

конского, архиепископа Хризанфа, заглядываю в Лобека[261]. Литература по мистериям меня не удовлетворяет; ищу книгу Фукара «Les fouilles d'Eleusis»[262], но не могу найти.

1) Ряд прений в организационных заседаниях секции «Истории религии».

2) Оппонирование на реферате Бердникова, разбирающем «Критику отвлеч<енных> начал».

3) Мой реферат в открытой секции по истории религии «*О целесообразности*».

На реферате знакомлюсь со студентом М.И. Сизовым[263], который начинает часто у меня бывать на дому; отсюда — начало дружбы.

4) Участие в семинарии проф. Лопатина по «Монадологии» Лейбница.

Боле<е> близкое знакомство с Фохтом и Топорковым[264].

5) Участие в семинарии Сергея Трубецкого по Платону.

Но вывод уже первого месяца работы в Университете — глубокая неудовлетворенность метафизическим и догматическим уклоном в преподавании философии; отсюда — тяга к кантианцам и непосещение собраний студенческого кружка имени Соловьева. Начало сближения с нео-кантианцами: Фохтом, М.П. Поливановым, Тростянским, Трембовельским; начинаю получать практические указания от Фохта, как работать над Кантом.

В такой же мере неудовлетворенность от общения с «модернистами»; обострение отношений с Брюсовым; решительный отказ работать в журнале «*Искусство*», куда меня зовут: Соколов и Тароватый[265]; *«черная кошка»* между мной и «*Грифами*». Сознание, что нужен иной, так сказать, «*клубный центр*» вне моих «воскресений». Эллис затаскивает меня к Астровым, указывая, что астровский «*клуб*» и есть *нормальная среда* для пропагандирования символизма, хотя среда туговатая; но лучше мало-понимающие общественники, чем «*гнилые*» декаденты.

Знакомство с астровским кружком[266].

Октябрь. Москва.

Продолжение изучения Целлера; что-то читаю по истории Греции (не помню, что); но интерес резко перевернут к «*научной*» психологии и теории знания: штудирую 2-томную книгу Риля[267]; читаю Христиансена, «Прелюдии» Виндельбандта[268]; перепроверяю свое отношение к Канту и вижу, что лозунг Либмана «Назад к Канту»[269] меня втянул; каждый день работаю над «Критикой» по Штанге[270]; хожу на дом к Фохту и он появляется у меня, устно меня посвящая в основы когенианства; в конце месяца натыкаюсь на книгу Риккерта «О предмете познания»[271]. И с этого момента скрупулезно, по страничкам, штудирую эту книгу (и ноябрь, и декабрь); так, постепенно нео-кантианские проблемы начинают въедаться в меня.

1) Начинаются наши воскресные собрания, в которых выступаю с прениями.

2) Продолжается работа в семинарии проф. Лопатина по «Монадологии».

3) Семинарий по Платону у проф. Трубецкого.

4) Мое выступление с оппонированием на реферат Флоренского «О Канторе»[272] (секция «Истории религии»).

5) Мое оппонирование на реферате Свенцицкого «О Маттерлинке» (секция «Истории религии»).

6) Мой реферат в Кружке Астрова «О границах психологии» (с прениями).

7) Очередная астровская беседа.

8) Мой реферат в Кружке Астрова «О пессимизме» (прения).

9) Оппонирование в Кружке Астрова на реферате о Хомякове (Шкляревского).

Все больше сближение с М.И. Сизовым; первые рассказы о Н.П. Киселеве от Эллиса[273]. Центр жизни — астровский кружок и разговоры об издании «*своего*» сборника. В астровском кружке чаще всего бывают и действуют: П.И. Астров, А.М. Астрова, проф. А.И. Астров, Н.И. Астров, проф. Громогласов («Духовная Академия»), К.П. Христофорова, Филянский, Шкляревский, Петровский (не *А.С.*, а другой, мировой судья), прив.-доц. Покровский («Духовная Академия»), проф. И.Х. Озеров, М.В. Челноков, М.П. Поливанов, Вл. П. Поливанов, Г.А. Рачинский, С.М. Соловьев, П.Н. Батюшков, М.В. Шперлинг, Цветкова (мать Астровых), М.А. Эртель, Мария А. Эртель, А.С. Мамонтова, И.А. Астафьев (художник), его жена, В.П. Свенцицкий, С.А. Котляревский, Ю.А. Веселовский, С.Я. Рубанович, С.Л. Кобылинский, Л.Л. Кобылинский (Эллис) и т.д.

В этот же месяц обостряются и странно волнуют меня отношения с Брюсовым; наши беседы приобретают характер дружбы-ненависти и острейшей идей-

ной борьбы: я подозреваю, что Брюсов гипнотизирует меня[274]. Ряд встреч в «*Скорпионе*», у Бальмонтов, у меня. Посещения Литер<атурно->Худ<ожественного> Кружка. Пишу в «Хронику» «*Мира Искусства*» отчет об одном из прений в Кружке[275], где знакомлюсь с Потресовым-Яблоновским, Ашешовым, Любошицем, Иванцовым, А. Мамонтовым[276], Ю.А. Буниным, Стражевым, прив.-доц. Рыбаковым, Н.Н. Баженовым, Айхенвальдом и рядом др<угих> лиц. Гнусное впечатление от декадентских «*дам*», устремляющихся со всех сторон ко мне.

Возмущен «Литургией Красоты» Бальмонта[277]. Выход книги Блока «Стихи о Прекрасной Даме»[278].

Блок А.А. Стихи о Прекрасной Даме
М.: Гриф, 1905
Обложка В.В. Владимирова

Ноябрь. Москва.

Пристально изучаю «Предмет познания» Риккерта; достаю Файгингера (комментарий к Канту)[279]; учусь у Фохта; внимательнейше штудирую 2-ой том «Проблемы восприятия пространства»[280], читаю Локка; под влиянием Сизова начинаю читать «Сутта-Нипату» и книгу Щербатского: «Логика Дармакирти с комментарием Дармотарры»[281].

1) Оппонирую в секции «Ист<ория> рел<игии>» на реферате Флоренского «О чуде»[282].

2) Оппонирую в астровском кружке на реферате Сизова «Танец лунной философии».

3) Оппонирую в «соловьевском» студенческом кружке.

4) Литературное выступление на вечере у К.П. Христофоровой.

5) Оппонирование на реферате Эллиса «*О Данте*»[283] (у Астрова).

6) Оппонирование на реферате Астрова «О Григории Петрове» (у Астрова).

7) Мой реферат «О Канте» (у Астрова).

8) Участие в семинарии по «Монадологии» у проф. Лопатина.

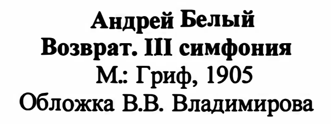
9) Участие в семинарии Трубецкого по Платону (выбираю себе рефератную тему).

10) Деятельное участие в прениях на моих воскресеньях.

У меня на воскресеньях появляются: Астровы, Астафьев, М.П. и В.П. Поливановы, Свенцицкий, Б.А. Фохт, Б.П. Вышеславцев, М.Н. Муромцева-Климентова, старик Метнер, Б.А. Садовской, М.И. Сизов, В.О. Нилендер, Б.А. Грифцов, Л.А. Оленин, Н.П. Феофилактов, Курсинский, Диэсперов, М.А. Шик[284], М.Ф. Ликиардопуло, и другие из астровцев и студентов-философов. Особенная близость с Флоренским в этот период; посещение епископа Антония; знакомство с В.А. Хлудовым (через Мережковских); начинаю бывать у него.

Андрей Белый
Возврат. III симфония
М.: Гриф, 1905
Обложка В.В. Владимирова

Альманах «Гриф»
М., 1904
Обложка М.А. Дурнова
Участники: К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, Андрей Белый, В.И. Иванов, С.А. Соколов (Кречетов), Н.И. Петровская, Эллис и др.

Но центр месяца моя решительная борьба с Брюсовым (сны, телепатия, обмен угрожающими стихами[285]); все признаки начинающегося волнения; усиливающийся интерес к социальному вопросу; ряд бесед на эту тему с Эллисом о Дюринге, Прудоне и Марксе: читаю «Эрфуртскую Программу»[286] и начинаю читать «Историю Капитализма» Зомбарта[287]; с Эллисом углубляется мой социологический семинарий; с Фохтом — неокантианский. Но надо всею жизнью — *черное крыло* гипноза Брюсова: естественно, что в таком состоянии измученности, усиленной учебы, астровских «*горланов*», борьбы с Брю<совым> и стремительного полевения с сочувствием к социал-демократии я *не могу писать*: ничего не пишу, кроме рецензий да несколько ужасно безнадежных стихов (гражданских). Под всеми трепыхами дикий ужас от Москвы и от своей «*каторжной*» службы в кружках.

Декабрь. Москва.

Продолжаю изучать «Предмет познания» Риккерта, «Проблему восприятия пространства», читаю Локка, читаю Щербатского.

1) Литературное выступление в астровском кружке.

2) Участие в беседе с проф. Озеровым (астровский кружок).

3) «Символизм и современность» в астровском кружке (мой реферат).

4) Участие в беседе на тему «*Не то*» (рассказ Поливанова)[288].

Центр — в меня измучивающей решительной борьбе с Брюсовым; и трудности моего бытия в «Скорпионе». Выходит в «Грифе» моя симфония «Возврат»[289].

Бредовые проводы Бальмонта в Мексику[290]; Москва взворошена политически. Блоки и Мережковские меня зовут в Петербург. Флоренский и Петровский едут к еп<ископу> Антонию посоветоваться о том, как быть со мной. Я собираюсь уходить из «*Скорпиона*». Поляков меня угомоняет[291].

1) Сдаю зачет Никитскому по греческому семинарию.

2) Участвую в семинарии по Платону (у Трубецкого).

3) Участвую в семинарии по «Монадологии» у проф. Лопатина.

1905 год

Январь. Москва — Петербург.

Девятого января попадаю в Петербург; с вокзала — к Блокам, где узнаю о расстреле рабочих; от Блоков к Мережковским, где участвую в прениях на их воскресном чае[292]. Оттуда — в Вольно-Экономич<еское> Общество[293]. Весь месяц в политическом вихре, в разговорах, знакомствах, встречах. Бываю в «Мире Искусств<а>», в «Вопросах Жизни»[294], у Сологуба, у Розанова, у Тернавцева, у Бердяева, у Перцова, у Блоков (каждый день), у Мережковских, у П.С. Соловьевой, у Арабажина и т.д. Знакомлюсь: с Минским, с Розановым, с Карташевым, с Успенским, с Бердяевым, с Булгаковым, с Аскольдовым, с Георгием Чулковым, с Успенским, с Федором Сологубом, с Лундбергом, с Владимиром Гиппиусом, с Рерихом, с Билибиным, с Сомовым, с Бакстом, с Лансере, с Нувелем, с Волжским (Глинкой), с Андриевским, со Смирновым, с Тернавцевым, с проф. Лосским, с Пястом, с Протейкинским, с Григорием Петровым и с целым рядом писателей и публицистов.

Вступаю в интимную религиозную общину Мережковских[295], где сближаюсь с Карташевым и Философовым. Становлюсь вполне «своим» у Блоков.

1) Участвую в ряде прений на собраниях у Мережковских.

2) Участвую в беседах, происходящих в редакции «Вопросов Жизни».

3) Читаю ряд лекций в полушутливой форме у Блоков на тему «*Как возможна теория знания, обосновывающая идею Софии*».

Темой «*Пути*» и религиозной общественности окрашено мое бытие. Забываю тяжелую московскую осень.

Мы с Блоком настроены гораздо революционнее, чем Мережковские; я высказываю прямое сочувствие социал-демократии и удивляюсь тому, что Мережковский идет в журнал Струве «Полярная Звезда»[296].

Февраль. Петербург.

Те же настроения. — Делю время между интимной жизнью у Блоков и религиозной общественностью Мережковских. Появление в Петербурге Эрна и Свенцицкого.

1) Обсуждение обращения к «*епископам*», написанного Свенцицким[297] (у Мережковских).

2) Выработка «*радикальной*» религиозной платформы у Волжского.

3) Дебаты со Свенцицким и Эрном у Перцова (участвуют: Мережковский, Гиппиус, Перцов, Философов, Тернавцев, я, Свенцицкий, Эрн, Карташев).

4) Обсуждение плана действий «Христианского братства борьбы» (я, Свенцицкий, Эрн)[298].

Нежное прощание с Блоками; отъезд в Москву[299].

Москва.

1) Продолжение обсуждений идей «*Христианского братства борьбы*» (со Свенцицким, Сизовым, Эрном, Флоренским, приехавшим в Москву Булгаковым, А.С. Петровским; начало «братства»).

Инцидент с Брюсовым: вызов Брюсовым меня на дуэль. Инцидент улажен[300].

Частые собрания у С.М. Соловьева.

Март. Москва.

Бурные собрания у меня и у Астрова; пишу статью «Религия и общественность»[301].

1) «Символизм и общественность». Реферат в астр<овском> Кружке.

2) Оппонирую Батюшкову на его докладе «О Карме» в астровском Кружке.

3) Оппонирую Филянскому на его докладе у Астрова.

4) Участвую в беседе после чтения поэмы «Дева Назарета»[302] у Астрова.

5) Прения в нелегальном собрании «Христианского братства борьбы».

Намечается раскол в астровском кружке на левую, революционную струю и на правую, кадетскую (я, Эртель, Эллис, Соловьев, Петровский, Сизов в левой группе); знакомство с Н.П. Киселевым, уже появившемся у Астрова; он и Сизов настроены анархически; мы с Эллисом социал-демократически, С.М. Соловьев и студент Л. Оленин эс-эрски. Читаю диссертацию Котляревского «Ламеннэ»[303], читаю Блеза Паскаля; пробую читать «Капитал» Маркса. Вопрос об общине и обществе наиболее занимает меня. Возвращаюсь к изучению «Проблем идеализма»[304]; читаю книгу Булгакова (забыл заглавие, по экономике)[305]; читаю Штаммлера «Хозяйство и Право»[306]. Читаю Кропоткина.

Апрель. Москва.

Начинаю посещать собрания у Морозовой; знакомлюсь с Морозовой, Востряковой, Фортунатовым, Хвостовым, Скрябиной, Кизеветтером; начинаю бывать на собраниях у Эллиса, где встречаюсь с нелегальными деятелями: все более *левею*; и все более натыкаюсь на *правость* Астровых, с которыми ряд расхождений в связи со сборниками «Свободная Совесть»[307]. Пишу стихи и статью «Апокалипсис в русской поэзии»[308]. Переписываюсь с Блоком и Метнером.

1) Мой реферат у Астрова «*Апокалипсис в русской поэзии*».

2) Участие в беседе, устроенной у Морозовой с участием Мережковского (Мережковский, я, Свенцицкий, Эрн, Кречетов и др.)[309].

Сближение с Морозовой; Мережковские и Философов в Москве, бывают у Морозовой и у меня на воскресеньях; знакомлю с ними «*аргонавтов*»[310].

Мой резкий отход от «*Христианского братства борьбы*», которое заподозреваю в реакционности.

Май. Москва.

Сближение, еще большее, с Морозовой и Рачинскими; приезд в Москву Вячеслава Иванова[311].

1) Бурные прения на моих воскресеньях (с участием Иванова).

2) Бурные прения у Астровых.

3) Участие в религиозном диспуте, устроенном в формирующемся Моск<овском> Рел<игиозно>-Фил<ософском> Обществе.

Мое резкое столкновение с графиней Бобринской.

Отъезд в Дедово.

Андрей Белый и С.М. Соловьев
в подмосковном имении Дедово
1905 (?). ГМП

Дедово.

Живем тихо в маленьком домике с С.М. Соловьевым; пишу ответ на полемическое нападение Брюсова на меня в «Весах»[312]. Пишу статью «*Химеры*» (для «*Весов*»)[313]; читаю «Эккартгаузена»[314], увлекаюсь Жуковским, Тютчевым; заново подхожу к Пушкину.

Июнь. Дедово.

Весь июнь работаю над поэмой «*Дитя-Солнце*»[315]; написано более 2000 стихов (поэма потом утрачена).

1) Читаю Коваленской статью «Химеры».

2) Читаю Коваленской поэму «Дитя-Солнце» (присутствует М.А. Петровский).

В конце месяца едем с С.М. Соловьевым к Блокам, в Шахматово[316].

Июль. Дедово — Шахматово — Дедово.

Поездка с С.М. Соловьевым в Шахматово и ссора с Блоками, подробно описанная[317].

Читаю у Блоков в Шахматове свою поэму: «Дитя-Солнце».

Жизнь в Дедове: исключительный интерес к Гоголю; изучение гоголевской формы; начало интересов чисто формальных к поэтам; думаю о проблемах рит-

ма; продолжающийся штудиум Риккерта; читаю его «Границы образования естественно-научных понятий»[318]. Пишу статью «*Сфинкс*»[319].

Август. Дедово — Поповка — Дедово — Серебряный Колодезь.

Читаю Каутского и Жореса; полный отход от Астрова; еду гостить в Поповку к М.К. Морозовой[320], где отдыхаю от нервного потрясения, нанесенного Шахматовым; возвращаюсь в Дедово, откуда вскоре еду в Серебряный Колодезь, где с головой ухожу в гносеологические проблемы; читаю «*Логику*» Зигварта[321], Маха, перечитываю Риккерта, начинаю пристально изучать «Критику способности суждения» Канта[322]; пишу большой, гносеологический трактат, долженствующий обосновать эстетику символизма; трактат был утерян (вероятно, ошибочно сожжен в 1918 году); но главой его явилась скоро напечатанная в «*Золотом Руне*» статья: «*Принцип формы в эстетике*»[323]; читаю «*Мысль и язык*» Потебни[324].

Сентябрь. Серебр<яный> Колодезь.

Пишу свой трактат; читаю Зигварта, Риккерта, «Критику спос<обности> сужд<ения>» и т.д. В который раз берусь за переработку «*4-ой Симфонии*»; пишу статью: «Луг зеленый»[325].

Москва.

Переезд в Москву. Бурные митинги в Университете; голосую за закрытие Университета и превращение его в революционную трибуну.

Ряд бурных собщественных собраний у меня.

Бурные собрания у Астрова.

Читаю реферат на обществ<енную> тему у Астрова.

Оппонирую Эртелю на его реферате на тему «Юлиан» (у Астрова).

Среди нас появляется революционно настроенный Леонид Семенов и участвует во всех наших аргонавтических «*злобах дня*».

Читаю: Меринга «История Социал-Демократии»[326]. Читаю (пристально) «Капитал» Маркса. Читаю Куно Фишера том, посвященный «*Фихте*»[327].

Октябрь. Москва.

Весь захвачен нарастающими событиями революции; принимаю участие в собраниях у меня, Астрова, Эллиса, у С.М. Соловьева, на митингах в Университете. После треповского «Патронов не жалеть»[328] — предлагаю провозгласить бойкот офицерам; иду на демонстрацию перед Думой, попадаю в осаду Университета; собираю деньги на борьбу; еду на фабрику «*Дукат*»[329]; участвую в демонстрациях на похоронах Трубецкого и Баумана[330]; после похорон Баумана — реакция; сижу дома; пристально читаю «Капитал», «Историю Соц<иал->Дем<ократии>» Меринга и перечитываю Штаммлера «Хозяйство и Право»[331].

Еще ранее, с начала 1905 года сближение с Рачинским; теперь особенно часто бываю у Рачинского и принимаю участие в долгих спорах, возникающих у него на квартире: —

— Квартира Рачинского свела меня с рядом лиц; здесь я познакомился с художниками Поленовым, С. Досекиным, Н. Досекиным, Остроуховым, В.А. Олениной, с музыкантами графом С.Л. Толстым, с композитором А.А. Олениным, с пьянистом Богословским, с Олениной-д'Альгейм, ее мужем, баро-

ном д'Альгеймом, с С.К. Мюратом, с Варв<арой> Алекс<андровной> Рукавишниковой, с сумасбродным писателем Андреевым (не «*Леонидом*»), с проф. Д.Д. Плетневым, возобновил знакомство с С.С. Первиль<е>вым (знавал его в детстве студентом «*Степушкой*»), постоянно встречался с А.А. Мамонтовым (владелец типографии, потом расстрелянный)[332], с П.А. Мамонтовой, будущей Рачинской, с «*Сашком*» Рачинским (впоследствии «*камергером*»), ее будущим мужем, со знатоком буддизма Кожевниковым, с кн. Е.Н. Трубецким, с А.М. Поццо, с Анной Алексеевной Рачинской, с С.Н. Кампиони, с переводчиком Головановым, и с целым рядом других лиц, ярко окрасивших жизнь мою.

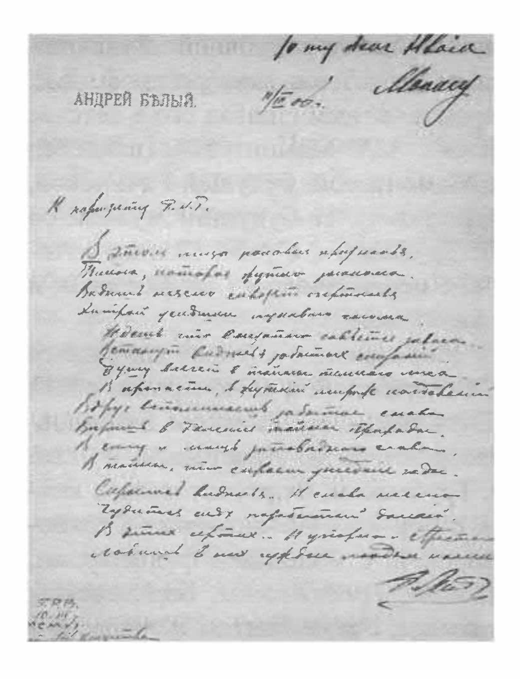
С этого же месяца особенно часто бываю у Морозовой, с которой сдружился летом, гостя у нее; и у нее встречаюсь: с Е.К. Востряковой и ее дочерьми, с Е.Г. Щукиной, с Дилекторским, с профессором Вульфом, с музыкантом Багриновским, со старушкой Багриновской, с профессорами: В.М. Хвостовым, с Л.М. Лопатиным, Б.А. Кистяковским, Северцевым, Трубецким, Фортунатовым, с князем Львовым, с Джунковским, со Скрябиным, с Вер<ой> Ив<ановной> Скрябиной (первой женой), с пьянисткой Фохт-Сударской; с молодыми философами: Фохтом, Трембовельским, Кубицким, Совальским, Тростянским, Боричевским (не марксистом)[333], Ильиным, Ященко, Топорковым; с музыкантом Желяевым и рядом других лиц.

Начало сближения с Н.П. Киселевым; и встреча у С.М. Соловьева с покойным поэтом Ю.А. Сидоровым и Виноградовым (будущим «*знаменитым*» по доносам «*музейным деятелем*»)[334].

С октября начинаю упорно посещать вторники композитора С.И. Танеева, где встречаюсь со следующими лицами: Эртель, Батюшков, Эллис, Соловьев, Яворский (теор<етик> музыки), Мищенко, Л. Сабанеев, Желяев, Конюс, Ф.И. Маслов, и ряд др<угих> лиц.

С октября начинаю бывать у д'Альгеймов, где опять-таки встречаюсь с рядом лиц (гр. С.Л. Толстой, Кашкин, Энгель, и др.).

Помнится, что темп недели переполнен шумными собраниями: *воскресенье* собираются у меня; *понедельник* (не помню у кого, может быть, у Эллиса, потому что его «*среды*» в «Дону»[335] начались поздней); *вторники* — у Танеева (и в «Скорпионе»); *среды* — у Астрова (и Брюсова); *четверги* (или пятницы) — у С.М. Соловьева; *субботы*, может быть, у Владимировых; при желании можно было всю неделю провести в «*óрах*» и «*обсуждениях*», будто бы обязательных и важных. Весь конец месяца в социологическом чтении: прочитываю десятками брошюры, выпускаемые *эс-деками, эс-эрами* и анархистами; это чтение, вмененное себе в обязанность, продолжается до отъезда за границу в 1906 году; определяется точно, что моя орьентация — *эс-декская*; частые беседы с Эллисом, бывшим экономистом-марксистом, другом Дена и Озерова, агитатором и референтом, — моя тогдашняя полит-грамота, не позволяющая мне принимать «*астровские*», кадетские, эн-эсовские[336] «*смесительные*» программы; экономический материализм, как «*метод*» оформления и кантианское оформление марксизма мне ясны; я являюсь *sui generis социал-символистом* в то время, что предесцинирует в будущем мою встречу с Валентиновым и наши жаркие споры с ним о соотношении марксизма и символизма[337].

Андрей Белый. Золото в лазури
М.: Скорпион, 1904. ГМП
На авантитуле два автографа Б.А. Лемана: дарственная надпись неизвестному лицу: «To my dear <нрзб.> Monkey <?> 11/III.06»; стихотворение, обращенное к портрету Андрея Белого работы Л.С. Бакста (1906):

«К портрету Б.Н.Б<угаева>

В этом лице роковые признанья,
Тайна, которая жутко знакома.
Видишь, неясно сквозят очертанья
Хитрой усмешки лукавого гнома.
Ждешь, что внезапно совьется завеса...
Встанут виденья забытых сказаний...
Душу влечет в тайны темного леса,
В пропасти, в жуткий мираж колдований.
Вдруг вспоминаешь забытое, снова
Веришь в далекие тайны природы.
В силу и мощь заповедного слова.
В тайны, что скрыли ушедшие годы.
Скрылись виденья... И снова неясно
Чудится смех позабытый, далекий,
В этих чертах... И упорно и страстно
Ловишь в них чуждые людям намеки.
Б. Леман

S.P.B.
10/III MCMVI
в<ыстав>ка "Мир Искусства"»

Ноябрь. Москва.

Почтово-телеграфная забастовка; встреча с Асей и Наташей Тургеневыми; все время меня мучит грусть о разрыве с Блоками; не выдерживаю последствий нашей ссоры и неожиданно уезжаю в Петербург, где происходит объяснение и примирение с Блоками[338]; и *та же* жизнь у Мережковских: постоянные беседы с Бердяевым, Аскольдовым, Философовым, Карташевым, Леонидом Семеновым; знакомлюсь с проф. Радловым; ежедневно бываю у Блоков, где знакомлюсь со студентиком Городецким (еще никто не знает, что он пишет стихи)[339]; происходит встреча, сближение с А.М. Ремизовым и С.П. Ремизовой; те же посещения воскресников В.В. Розанова, Ф. Сологуба, разговоры с художниками «Мира Искусства»; между прочим: Бакст пишет с меня портрет и сильно измучивает[340]; к этому времени относится краткая моя попытка ближе сойтись с Г. Чулковым, начало сближения с Бердяевым[341].

Участвую в диспуте, в Петерб<ургском> рел<игиозно->фил<ософском> О<бщест>ве[342].

Частые посещения В.И. Иванова, только что переехавшего в Петербург[343]; длинные беседы на темы «Дионис и Аполлон» с ним, беседы на тему *мистерия* в наших днях; я прошу у Иванова списочек научной новейшей литературы об элевзинских мистериях, потому что я только что прочел что-то о самофракийских мистериях и книгу Новосадского «Орфические гимны»[344], но подход к теме мистерий меня не удовлетворяет; меня удивляет, что Иванов или не может мне дать искомого списка литературы, или не хочет; впервые слышу о Б.А. Лемане, весьма импонирующем Ремизову; и впервые узнаю о Савинкове, что он живет в Петербурге и бывает у Ремизовых; мой интерес к его фигуре.

Декабрь. Петербург.

Забастовка жел<езных> дорог отрезает меня от Москвы, где начинается восстание[345]; я настроен ультра-лево и у меня ряд горячих споров с Мережковски-

ми, холодно отозвавшимися на разгон «*Совета рабочих депутатов*»[346]; политически между нами глубокая щель; религиозно я еще «*тщусь*» быть с ними.

Увлечение Вагнером и Дёнкан.

Москва.

В Москве попадаю на разгром восстания; лютая ненависть к правительству и сочувствие *террору*; темы социологические и критические настолько перевешивают тему «*мистерии*», что я начинаю ее бичевать; в обсуждениях о переустройстве «*Весов*» мне поручается отдел «*На перевале*», и я строчу для «*На перевале*» заметки «*Против мистерии*» и «*Отцы и дети русского символизма*»[347], в которой идеологически отмежевываюсь от Мережковских; читаю вышедшую книгу Волынского «О Достоевском» в связи с его прежней книгою, посвященной Леонардо да Винчи[348]; читаю «*Около стен церковных*» Розанова; и говорю этой книге: «Нет». В связи с настроением «*анти-мистическим*» происходит во мне ревизия моей «*достоевско-филии*»; к 25-летию со дня смерти писателя пишу оппозиционную статью для первого номера «*Весов*» 1906 года «*Ибсен и Достоевский*»[349]; много пишу стихов, страдаю зубами; читаю Якова Бургхардта: «*Культура Возрождения*»[350]; часто бываю: у Рачинского, Морозовой, Астрова, Танеева, Эртеля, Эллиса, С.М. Соловьева; везде — споры и попытки политически самоопределиться; полное увлечение нас с С.М. Соловьевым стихами Брюсова этапа «Στέφανος»[351]. С Брюсовым холодно-дружеские, деловые постоянные отношения.

Первые вести о «*Золотом Руне*»[352]; приглашение сотрудничать. Унылое, погромное Рождество[353]; под влиянием переписки с Блоком я замышляю свое переселение в Петербург[354], потому что я чувствую, что московская моя эпопея, начавшаяся еще в 1902 году с аргонавтизма, — кончилась: аргонавтизм — вылинял и у меня на воскресеньях, и у Астровых, и в «*Скорпионе*»; последние нити «*чаяний*» связывают меня только с Петербургом. У меня сильный протест против Батюшкова и Эртеля.

В эти дни, если память не изменяет, организационное заседание ядра будущего Религиозно-филос<офского> О<бщест>ва в Москве[355]; я принимаю в нем холодное участие, потому что нас с С.М. Соловьевым *воротит* от «*Христианского братства борьбы*», которое целиком входит в это Общество (Эрн, Свенцицкий, Булгаков, Волжский и т.д.).

Так похоронными звуками оканчивается 1905 год, как бы завершая эпоху светлых чаяний, предвестия к которым начались для меня еще с 1899 года; то же с Блоком: путь от «*Ante Lucem*» к «*Прекрасной Даме*» в нем сламывается в линию: от «Прекрасной Дамы» к «*Балаганчику*», который уже вызрел в его душе, а 1906 год есть год появления «*Нечаянной Радости*»[356] (для меня это год тем «*Пепла*»).

1906 год

Январь. Москва.

Вышел первый номер «Весов» за 1906 год; мои статьи «Ибсен и Достоевский» и «Отцы и дети» Мережковский воспринимает, как удар по нему; и

между нами острый обмен письмами[357]; вместе с тем Блок, кончив «Балаганчик», зовет усиленно меня к себе[358]; все это определяет мою тягу к Петербургу и довольно рассеянное отношение к организационным собраниям в связи с «Руном», заказывающим мне статью о Мережковском[359]; я силюсь сочувственно написать на тему «Трилогии», а вместо этого выходит стилистика, или искание словесной формы, из которой впоследствии выйдет «Голубь»[360]; по отношению к форме «*Голубя*», статья — смешная тредьяковщина; и я сам, пишучи ее, весело хохочу: так моя «*повинность*» почтить Мережковского, чтобы загладить напад на него, не достигает цели; одновременно: переделываю детский отрывок в «*Пасть ночи*», для «*Руна*»[361]; для «*Руна*» же пишу рецензию на естественно-научный сборник[362]; происходит «*бредное*» открытие «*Руна*»[363]; завязываются первые знакомства с художниками «*Голубой Розы*»[364], — Араповым, Судейкиным, Сапуновым, встреча с Муратовым; знакомство с Кругликовой, Эсмером Вальдором (поэт Мерсеро), Тастевеном, Муни; сближение с Зайцевым. Мейерхольд приглашает меня в студию исканий для беседы о новом театре.

1) Мой реферат-беседа с Мейерхольдом и его студийцами: в студии (Поварская)[365].

2) «О Мережковском» — чтение у Астрова.

3) «О Достоевском» — реферат у Астрова.

Бываю там же, где и всегда, но душой — в Петербурге.

Февраль. Москва.

Прощальное собрание у меня аргонавтов, провожающих меня в Петербург[366].

Выступаю где-то (не помню, где) с темой «Принцип общественности».

Пишу стихотворение «Горе-Гореваньице»[367]. Грустно мне прощание с Москвой.

Петербург.

Бурное объяснение с Мережковскими и примирение; трудное положение мое у Блоков (сближение с Л.Д.); слухи о Савинкове; мне показывают его на выставке[368]; те же перманентные споры с *теми* же у Мережковских (Бердяев, Иванов, Карташев, Ремизов, Философов и т.д.).

Знакомство с Базаровым (может — позднее); начинаю посещать упорно кружок молодых поэтов у Блока (Пяст, Городецкий и т. д.); испуг перед «Балаганчиком»[369]; беседа, долгая, у Чулкова с Мейерхольдом опять на тему о *новом театре*; и ряд бесед на *ту же* тему у В.И. Иванова, который старается сблизить меня с Чулковым, как я в свою очередь везу его к Блокам; и там, у Блоков происходит наша *инициативная* беседа об интимной студии исканий, и об интимном (эсотерич<еском>) кружке; в беседе принимают участие я, А.А. Блок, Л.Д. Блок, А.А. Кублицкая-Пиоттух; так я, паче чаяния, оказываюсь одним из инициаторов течения, которое через несколько месяцев начинаю расстреливать, т. е. «*мистического анархизма*», ибо в эти дни этот «*анархизм*» еще течение без названия, предполагающее группу: Иванов, Белый, Блок, Чулков (и — сбоку: Мейерхольд, Городецкий).

1) Участие в беседах религ<иозно->филос<офского> кружка Мережковских.

2) Мое выступление с темой «Градация форм искусства» на собраниях, начинающихся на «*башне*» В. Иванова[370].

Эти собрания тут же ложатся в основу знаменитых «*сред*»; на «*башне*» Иванова и на «*средах*» его я впоследствии встречался и сходился с рядом лиц; вот некоторые из них: Л.Д. Зиновьева-Аннибал, В.К. Шварцалон, С.К. Шварцалон, М.А. Кузмин, А.Р. Минцлова, С. Троцкий, Скалдин, Пяст, В.В. Бородаевский, проф. Е.В. Аничков, Н. Вл. Недоброво, Мандельштамм (поэт), Н.С. Гумилев, К. Сомов, А.Н. Бенуа, Бакст, Билибин, С.Ю. Коппельман, И. Рукавишников, З.И. Гржебин, Волкенштейн, Серафимович, К.А. Сюннерберг, Габрилович (критик «Речи»[371]), Осип Дымов, И.В. Гессен (редактор «Речи»), С.И. Гессен, А.Н. Толстой, А.Л. Волынский, Г.И. Чулков, Беляевские (сестры), Тамамшина, А.Н. Чеботаревская, М.В. Волошина, Л.И. Шестов, С.К. Маковский, прол<етарский> пис<атель> Чапыгин[372], проф. Лосский, Пимен Карпов, Протейкинский, Нувель, св<ященник> К.М. Агеев, С.П. Каблуков, Сергей Ауслендер, Столпнер, Чудовской, Ю.Н. Верховский, П. Вл. Безобразов, А.К. Герцык, Жуковский (издатель «Вопросов Жизни»[373]), Ганс Гюнтер, П.Е. Щеголев, музык<альный> критик Каратыгин, художник Аронштам, Ф.А. Степпун, В.В. Розанов, З.Н. Гиппиус, Т.Н. Гиппиус, Философов, Аскольдов, Мережковский, Леман, Куклярский, Бердяев и ряд других лиц — поэтов, общественников, деятелей рел<игиозно>-фил<ософского> О<бщест>ва, сектантов.

Март. Петербург.

Та же дико напряженная общественная жизнь: у Мережковских, Иванова, Блока, Розанова, Бердяева, Allegro и т.д.; сквозь все — трагедия у Блоков; спешный отъезд Мережковских за границу[374]; мои интимные беседы с Л.Д. Блок и с Т.Н. Гиппиус; дружба с Карташевым и Ремизовыми.

1) Участие в беседе на тему: «*О любви*» (Мережк<овский>, Розанов, Блок, Иванов, Бердяев, Бердяева, я, проф. Безобразов); после нее подходит Розанов и говорит: «Если вы хоть часть пережили из того, что сказали, вы — гениальны» (это не помешало ему скоро же меня выругать где-то).

2) Участие в беседе на тему: «О страшном» (квартира Бердяева).

Пишу статейку о Борисове-Мусатове «Розовые гирлянды» для «*Руна*»[375] и статейку «*Бакст*» (рукопись пропала)[376]; позирую Баксту для 2-го портрета[377]; собираюсь на время в Москву[378]. Везу для «*Руна*» стихотворение Савинкова («*Руно*» — не напечатало)[379].
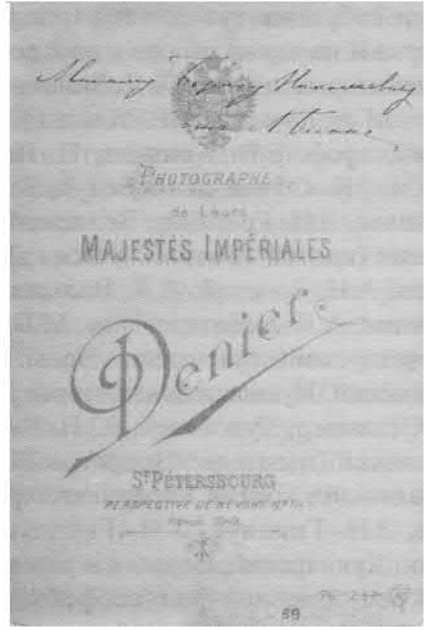
Москва.

В Москве особенно часто вижусь с С.М. Соловьевым; бешеная переписка с Л.Д. Блок (каждый день обмениваемся письмами), частая — с Т.Н. Гиппиус; читаю книгу Louis Ménar'a о Гермесе Трисмегисте[380]; читаю Зелинского (классика), Вилламовица-Меллендорфа и перечитываю Ницще; пишу статью «Феникс» (для «*Весов*»)[381], пишу что-то против мистического анархизма[382].

Апрель. Москва.

Часто бываю в «*Руне*», пишу для «*Руна*» какие-то рецензии[383]; приезжает в Москву Ганс Гюнтер, часто бывает у меня и рассказывает много «*смутительного*» о Блоке, Иванове, Чулкове[384]. Начинаю преисполняться подозрением, все большим, к «*башне*», Блоку, мистич<ескому> анархизму. Пристально слежу за выборами[385]: очень лево настроен. Знакомство и ряд бесед с Голоушевым.

Л.Д. Блок
Фотоателье А.И. Деньера. Санкт-Петербург. 1903. ГМП
Дарственная надпись Андрею Белому:
«Милому Борису Николаевичу от Л. Блок»

Петербург[386].

Труднейшая драма с Блоками отнимает все время; бываю только у них да у Вяч. Иванова; участвую во всех прениях на «башне»; экзамены Блока[387], начало его «*пьянства*», объяснения; Блок пишет «Незнакомку» (а может, это и в мае)[388].

Читаю статью «Феникс» у Иванова (прения: долгая беседа с проф. Аничковым и с Леманом).

Знакомство с О.Н. Анненковой.

Май. Петербург.

Трагедия у Блоков. «Среды» Иванова. Открытие Думы[389]. Покушение на Дубасова[390].

Участие в беседах на «Башне» Иванова.

Сговоры с Л.Д. Блок (об Италии)[391]; мой отъезд в Москву.

Дедово.

Тотчас из Москвы еду в Дедово[392], где пишу для «*Руна*» статью «*Генрик Ибсен*»[393]; а также: пишу статью «Венец Лавровый» (о Брюсове)[394]. Все поглощает бешеная переписка с Л.Д. Блок, чтение Ев<ангелия> от Иоанна и странная попытка разрешить жизненный вопрос. Беседы в Надовражине с сестрами Любимовыми и их братьями, беседы с крестьянами на революц<ионные> темы; ссоры с Коваленскими (они — «*кадеты*», мы с С.М. — революционеры). Приезд в Дедово Лизы Безобразовой; наша жизнь «втроем»; в конце месяца пишу рассказ

«Куст»[395]. Впервые начинаю входить в поэзию Баратынского; пристально изучаю Батюшкова, читаю: Гюго, Ронсара, Бодлера; перечитываю Верхарна.

Чтение рассказа: «Куст».

Июль. Дедово.

То же томление; уезжаю в «Сер<ебряный> Колодезь»[396].

Серебряный Колодезь.

Здесь агитирую среди местных крестьян, — кстати, доносящих на меня уряднику и земскому начальнику; пишу стихи: «*Панихида*», «*Хулиганская Песенка*»[397]; перерабатываю и оканчиваю 1-ую часть «*Кубка Метелей*». Узнав о доносе на меня, еду в Дедово.

Дедово.

Пишу «Осинку»[398], встреча с Блоками в Москве и разрыв с ними[399]; через несколько дней — ссора с Коваленскими; и — бегство в Москву.

Август. Москва.

Критические дни в Москве: проповедую террор; Эллис в сношении с максималистами-экспроприаторами.

Бурная беседа у Рачинских и разрыв с ними.

Вызов Блока на дуэль: Эллис едет в Шахматово; возвращение; временное замирение[400]; пишу разнос книги Чулкова о мистич<еском> анархизме[401]; и — кажется: «Об анархических теориях» (для «На перевале»)[402].

Сентябрь. Петербург.

Отъезд в Петербург[403]; томление там; беседы: с Вяч. Ивановым, Чулковым, Волынским, Шестовым; знакомство с Куприным, Ходотовым, Косоротовым, Сергеем Найденовым, Ф. Батюшковым; свидания с Щеголевым, Городецким. Частые встречи и долгие беседы с Е.П. Ивановым, пытающимся потушить пожар между мною и Блоками[404]; встреча с Арабажиным.

1) Беседа у Евгения Аничкова.

2) Беседа на «Башне».

3) Вечер у Сологуба (бредный): знакомство с Кузминым. Читаю: «Панихиду»[405].

4) Вечер у Ходотова.

5) Собрание в «Мире Божьем»[406].

Смерть Трепова[407]. Мысли о самоубийстве. Встреча с Арабажиным. Пишу рецензию для «Весов» о книге Гиппиус[408]. Пишу предсмертные письма. Бурное объяснение с Блоками. Ночь перед самоубийством; записка от Блока; новое объяснение с Блоками — с резолюцией: мне уехать из России[409]. Я — соглашаюсь.

Москва.

Доживание.

Октябрь. Москва — Мюнхен[410].

Бегство за границу: в поезде пишу для «Весов»: «Литератор прежде и теперь»[411]. Мюнхен. Ежедневное сидение в «Пинакотеке»[412], изучение гравюр и зал.

Андрей Белый. Мюнхен. 1906. ГМП

Обед и послеобеденные часы с Владимировым: знакомство с Вулихом и Дидерихсами (Андреем и его сестрой); вечер в «*Simplicissimus'е*»[413] и в кафэ «Stephanie»; знакомство: с секретарем «*Химер*» (забыл фамилию)[414], Шоломом Ашем, Пшибышевским, Ведекиндом, студентами-немцами, с драматургом Грабовским; начинаю бывать на вторниках Пшибышевского; одновременно: пишу стихи; пишу статью «Против музыки»[415] и статью-пародию на мистич<еских> анархистов (забыл заглавие: не перепечатана): в «*Золотое Руно*»[416]. Конец месяца: новый разрыв с Блоками (из-за рассказа «Куст»)[417].

Мой реферат «О символизме» в мюнхенском кафэ (для русских).

Чехи меня приглашают в Прагу: не еду.

Ноябрь. Мюнхен.

Утрами пишу: 2-ую часть «Кубка Метелей»; заканчиваю; вечерами — Simplicissimus; перманентные сидения и беседы с немцами и поляками; вторники у Пшибышевского; устраиваю драму Пшибышевского в «Золотое Руно»[418]; пишу в «*Весы*» свое «*Художник оскорбителям*»[419]. Часто видаю Аша, Ведекинда; встреча с Минцловой и беседа с ней у графини Калькрейт (где живет и Штейнер); предложение ее мне: познакомиться с Штейнером; я отклоняю его, хотя и знаком уже с его: «Христианство, как мистич<еский> факт» и с «Как достигнуть»[420]. Встреча и беседы с художником Грабарем; встреча с Топорковым и Кубицким, приехавшим работать у Липпса; читаю «Психологию» Липпса[421], но — остаюсь при Риккерте; начинаю почитывать «*Theorie der Erfahrung*» Когэна[422]. Ежедневные сидения с Владимировым, Дидерихсом, Вуллихом. В это же время идет переписка с Э.К. Метнером и Мережковскими; Метнер едет в Мюнхен[423]; Мережковские зовут в Париж[424]. Передаю поручение Мережковского издателю Пиперу[425] и 30 ноября уезжаю в Париж.

Декабрь. Париж.

Встречи с Мережковскими, Философовым, И.И. Щукиным, А.Н. Бенуа, Бальмонтами, Минским. Частое посещение «Лувра». Пишу 3-ью часть «*Кубка Метелей*» и черновик рассказа «*Адам*» (в пьяном виде)[426]; особенное сближение с З.Н. Гиппиус (не идейное, а личное); встреча с А.С. Гончаровой; знакомство и ежедневные завтраки с Жоресом[427], знакомство с Полем Фором; бываю еженедельно у И.И. Щукина[428], где знакомлюсь с историком Валишевским, с Барцалом; знакомство с анархистами-кропоткинцами Книжником и Александровым.

Встреча и долгая беседа с Львовым-Рогачевским; встреча с юношей в «*цилиндре*»: Н.С. Гумилевым и резкое обсмеяние его[429].

Ряд бесед у Мережковских и у анархистов.

Читаю Сореля; внимательнейше изучаю «*Revue sindicaliste*»[430]. Читаю «*Humanité*»[431]; посещаю митинги французских социалистов. Читаю Рэнувье: «*La philosophie de Kant*»[432]. Меня зовут познакомиться с Мореасом, но отказываюсь, не признавая Мореаса за поэта.

В конце месяца заболеваю от нервных потрясений, разражавшихся надо мной с мая до ноября.

1907 год

Январь. Париж.

Месяц открывается тем, что меня перевозят в лечебницу и делают операцию; Бальмонты, Мережковские, Философов часто посещают меня в лечебнице[433]. Жорес присылает приветы и справляется о здоровье; пишу почти каждый день стихи; у моей постели заводится русская, забыл фамилию[434]; она доктор Сорбонны и собирается писать диссертацию о символизме в России; наши беседы превращаются чуть ли не в серию лекций; я ей диктую свой взгляд на символизм; она — быстро записывает; наши «лекционные» беседы продолжаются дней 8; января к 20-му выписываюсь из лечебницы; и, кое-как передвигаясь, начинаю опять посещать: И.И. Щукина, Мережковских (каждый день). Ряд бесед по поводу организации материала сборника «*La révolution et le Tzar*», затеиваемого Мережковским; пишу для этого сборника статью: «Социал-демократия и религия»[435].

1) Чтение у Мережковских моей статьи и обсуждение ее.

2) Чтение у Мережковских статьи Мережковского; и обсуждение.

Мое участие в пишущейся драме З. Гиппиус: «Красные маки», или «Маков цвет». Пишу Гиппиус стихи для этой драмы (Гимн Красных маков)[436].

Обед у поклонницы Мережковского (забыл фамилию) и встреча, нечаянная, с провокатором-аферистом, Манасевичем-Мануйловым; разговоры о том, что Савинков едет в Париж[437]; Мережковскому нужен митинг, где бы он мог выступить с речью, и он просит подготовить меня его встречу с Жоресом.

Мои ежедневные беседы с Жоресом на темы: философии, русской общественности, литературы; заинтересовываю Жореса Мережковскими; знакомство с Аладьиным, которого Жорес привел завтракать в наш пансион. Начинаю бывать в собраниях русской политической колонии в Париже, где вижусь со Сталем, с Григорием Робакидзе, с Рапп, с анархистами.

Беседа у Мережковских на тему «*террор*» с матросами-потемкинцами[438].

Знакомлю А.С. Гончарову с Мережковскими. Знакомлюсь с Шарлем Морисом. Часто вижусь с Минским.

Февраль. Париж.

Знакомлю Мережковского с Жоресом[439]; знакомлю Минского с Жоресом.

З.Н. Гиппиус
«Придворная фотография Отто Ренар»
Москва. 1904. ГМП

1) Публичная лекция моя на тему «Социал-демократия и религия» в русской колонии[440].

2) Участие в прениях на докладе Мережковского в русской колонии[441].

Частые беседы с анархистами Книжником и Александровым, частые беседы с бароном Бугсгевденом (впоследствии убившим* своего отца, — [кажется])[442]; встречи с А. Бенуа. Пишу рецензию для «*Перевала*» на «*Нечаянную радость*» Блока[443]; читаю Рэнувье «Эскиз систематической классификации» (2 тома)[444]. Разговоры о Рэнувье с Жоресом.

Отъездные сборы в Москву[445].

Москва.

Встречи с аргонавтами; важный разговор с епископом Антонием. С места в карьер хлопоты и участие в организации «*Свободной Эстетики*»[446].

1) Организационные заседания «*Свободной Эстетики*».

2) Разговоры о платформе «*Весов*» между Брюсовым, мною и Эллисом.

Ряд горестных узнаний о Петербурге[447].

Бываю часто у С.М. Соловьева, Рачинского, Эллиса, Брюсова, в «*Скорпионе*», в «*Перевале*»[448], в «*Золотом Руне*». И уже с места в карьер задания: гармонизировать отношения между тремя журналами. Соколов, обиженный Рябушинским и Брюсовым, засевшим в «*Руне*», имеет тенденцию отдаться влиянию Чулкова и В. Иванова под давлением группы: Зайцев, Муратов, Грифцов, Стражев; я, призванный в «*Перевал*», ставлю условием ближайшей работы, чтобы «*Перевал*» прилично относился к линии «*Весов*», где «*наша*» группа (я, Брюсов, Эллис, Соловьев) концентрирована; так я сдерживаю «*при*» трех журналов друг с другом. В «*Перевале*» знакомлюсь с Боровым; и сближаюсь с Ходасевичем и Муни, которые становятся опорой мне в «*Перевале*» вместе с Н.И. Петровской, с которой вновь начинаю дружить. В «*Перевале*» ближе схожусь с Диэсперовым, с Борисом Поповым, с некиим Николаем Киселевым (не *Н.П.*); здесь же знакомлюсь с М.М. Духовским[449] (кадетом) и с Е.Л. Янтаревым, деятелем газеты, редактируемой Духовским. Так и в этой газете стараюсь поднять компанию против «мистического анархизма». Неприятные встречи с Буниным и со Стражевым в «Перевале». Знакомство с О.Ф. Путято, с «*Гарри*».

Моя встреча и частые беседы с Переплетчиковым и с И.И. Трояновским.

---

* *Вписано карандашом*: или стрелявшим <в>

Начинаю посещать Религ<иозно>-Фил<ософское> Общество.

Москва. Март-апрель (не помню точных дат).

Прения в Религиозно-Филос<офском> О<бщест>ве:

1) Мой доклад «Религия и социал-демократия» в Религ<иозно->Филос<офском> Обществе (прения)[450].

2) «О тактике» журнала «*Весы*» (беседа-совещание у Эллиса).

3) «Принцип Формы», выступление в О<бщест>ве «*Свободной Эстетике*».

4) Прения в О<бщест>ве «Своб<одной> Эст<етики>».

5) «Русские символисты». Публичная моя лекция в Полит<ехническом> Музее[451].

6) «Искусство будущего». Публ<ичная> лекц<ия> в Политехн<ическом> Музее[452].

«Весы»
Научно-литературный и критико-библиографический ежемесячник
1904. № 1. Обложка Л.С. Бакста

7) Беседа о символизме с рабочими металлургического производства.

8) Беседа о искусстве у д'Альгеймов в связи с планами о возникновении «*Дома Песни*»[453].

9) Беседа о искусстве у меня.

10) Участие в беседе после доклада Б.А. Фохта в кружке молодых философов, собирающихся у Морозовой.

11) «Искусство будущего». Повторение публичной лекции (с прениями).

12) Чтение рассказа «Адам» у меня[454].

13) Беседа на тему о символизме в кружке «*Середа*» у С.С. Голоушева[455] (Голоушев, Телешов, Грузинский, Тимковский, Белоусов, Зайцев, Кожевников, Чириков, Россинский, Первухин и Ю.А. Бунин).

14) Участие в беседе, не помню, на какую тему, в кружке «*Среда*» в квартире Леонида Андреева (Андреев, Зайцев, Голоушев, Чириков, Грузинский, Тимковский, Белоусов, Россинский, Ю.А. Бунин, Кожевников).

15) Беседа в переплетчиковском кружке, шутливо именуемом «*Дмагага*»[456] (Переплетчиков, Гурьев, Эллис, Стражев, Архангельский, Б.Б. Красин, Грифцов, Ада Корвин и ряд др<угих> лиц).

16) Почему-то запомнившаяся беседа у меня на воскресенье на принципиальные темы (из присутствовавших помню: Эллис, Соловьев, Грифцов, Ходасевич, Муни, Рябушинский, Переплетчиков, Брюсов, Кистяковская, Г.В. Бугаев, мой дядя, Е.Л. Янтарев, Диэсперов, Мария Алекс<андровна> Эртель, Борис Садовской, Феофилактов, может быть, Балтрушайтис).

17) Участие в беседах, устраиваемых журналом «Золотое Руно».

18) Участие в беседах, устраиваемых в журнале «Перевал».

19) Участие в прениях Религиозн<о>-Филос<офского> О<бщест>ва.

20) Участие в вечере «Литер<атурно->Худ<ожественного> Кружка». Читаю отрывок из поэмы «*Дитя-Солнце*»[457].

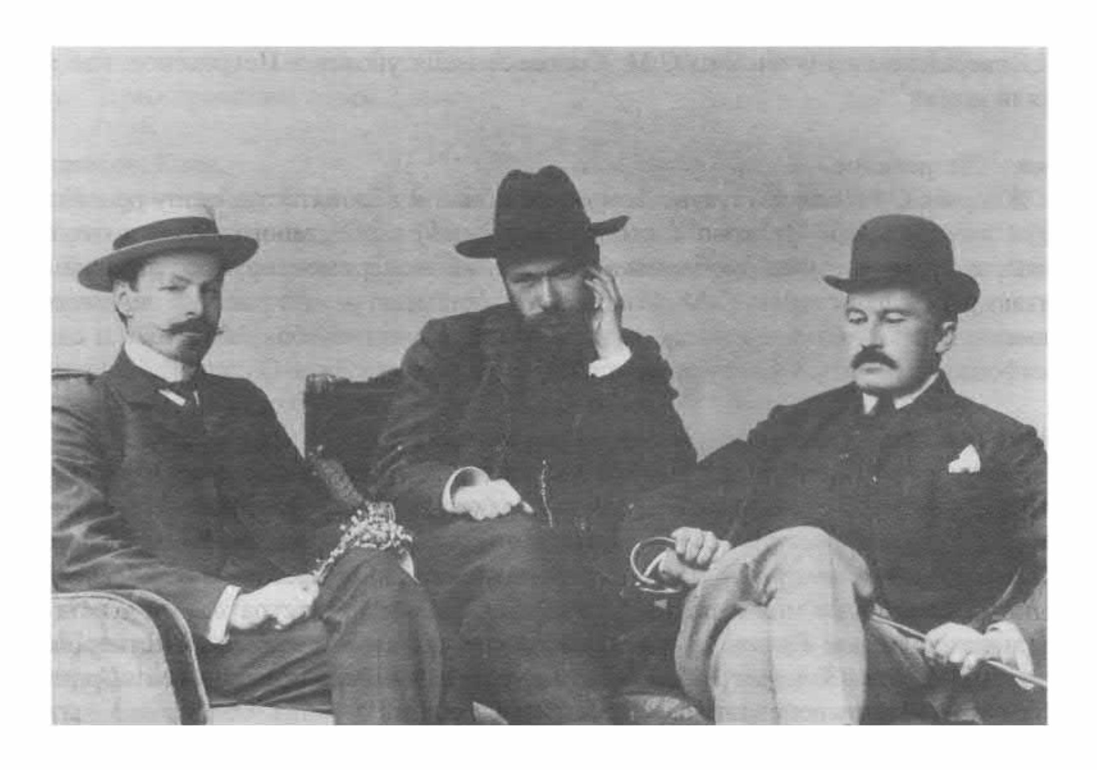
Мне трудно даже зарегистрировать все ту суетню собраний, деловых бесед, платформ, общений и выступлений, выпавших в этот период и не способствовавших настоящей поправке после болезни.

Бывание у д'Альгеймов, выслушивание «*лекций*», а не бесед П.И. д'Альгейма в присутствии Кашкина, Кругликова, Энгеля, С.Л. Толстого, Богословского, Н.К. Метнера, Петровского, Поццо, Д.Д. Плетнева, Рачинского, графа Стенбок-Фермора, княгини Кудашевой, Л.А. Тарасевича и других, — присутствие на лекциях этих с головой ввязывало в прения и организационные вопросы о «Доме Песни»; и я — с головой увязал во все это.

Присутствие у Рачинского и забеги к Эрну, Бердяеву, Морозовой, также ввязывали меня, все более, в интересы московского Религ<иозно->Фил<ософского> Общества.

Постоянные забеги друг к другу Эллиса, меня, Брюсова, Соловьева и Ликиардопуло выдвигали ряд вопросов, организационных, в связи с тактикой «*Руна*», «*Весов*» и «*Свободной Эстетики*», которая начинала делаться клубом «*Весов*» и стягивала культурно-художеств<енные> силы Москвы, а также и буржуазии. Для «*Весов*» мы приобретаем союзниками «*Антона Крайнего*» (Гиппиус) и Бориса Садовского; они в ролях — нападателей на Петербург.

В «Эстетике» бывать и заседать, — означало: проводить нашу платформу в Москве; в «*Эстетике*», в эпоху 1907–1912 годов, бывали: Эллис, Брюсов, Поляков, Балтрушайтис, Ликиардопуло, я, Садовской, Ходасевич, Муни, Курсинский, Тастевен, Рябушинский, Серов, Трояновский, с женой и дочерью, Переплетчиков, Остроухов, Меркурьева, Гурьев, Ада Корвин, Пашуканис, Б.Б. Красин, А.А. Морозов, Гиршман с женой, проф. Шамбинаго, граф Бобринский, Обнинский, Рачинский с женой, худ<ожник> Арапов, А.А. Андреева, худ<ожник> Судейкин с женой, худ<ожник> Ларионов, И.И. Грабарь, И.А. Бунин, худ<ожник> Павел Кузнецов, худ<ожник> Феофилактов, худ<ожник> Дриттенпрейс с женой, худ<ожник> Уткин, худ<ожник> Юон, С. Досекин; из музык<ального> мира: Л. Сабанеев, Н.Я. Брюсова, Яворский, Померанцев, Ник. Метнер, Гедике, Арсений Корещенко, С.К. Шамбинаго, ком<позитор> Архангельский, Гречанинов, Ник<олай> Раз<умникович> Кочетов, Скрябин; худ<ожник> Серединн[458] с женой, худ<ожник> Сенцов с женой, Южин-Сумбатов, Модест Дурнов (архит<ектор>), поэт Рубанович, Сергей Бобров (позднее), Марина Цветаева, Ася Цветаева, С.М. Соловьев, прис<яжный> пов<еренный> Шкляр, А. Мамонтов[459], Сергей Иванцов, П.Д. Боборыкин, И.И. Попов, Дживилегов, Сергей Яблоновский, С.С. Голоушев, Энгель, Кругликов, Ю.А. Бунин, Сахновский, М.И. Балтрушайтис, Е.И. Лосева, Зубова, гр. Капнист, худ<ожник> Сапунов, писатель Иванов (не Вячеслав), композ<итор> Василенко, пьянисты: Мейчик, Игумнов, Гольденвейзер, Стражев, худ<ожница> Ржевская, В.А. Оленина, П.И. д'Альгейм, В.И. Скрябина, С. В. Лурье, В.О. Нилендер, А.С. Петровский, из артистов: Коонен, Коренева, Ракитин, Адашев, Чехова-Книппер, Качалов, В.И. Немирович-Данченко, Лужский, Вишневский, Бурджалов, Церетелли; проф.

К.Д. Бальмонт, С.А. Поляков, М.А. Дурнов
1904. ГЛМ

Вульф с женой, музыкант Багриновский, Якунчикова, проф. Цингер, Кара-Мурза, Кожебаткин, Ахрамович, муз<ыкант> Желяев, Г.Г. Шпетт.

В эти же месяцы мне впервые приходится отбояриваться, как писателю: с утра до вечера трещит телефон; неизвестные голоса меня тащут и тянут туда и сюда; появляются у меня молодые поэты, сектанты, иль просто ищущие «смысла жизни». Появляются у меня: Великанов (сектант), анархист Н.Н. Русов, Н.Н. Черногубов, ряд курсисток, между прочим Алексеева (по прозвищу «*Бишка*»[460]), заходит О.Ф. Путято, появляется юный студент, Абрам Маркович Эфрос, Вал<ентина> Ив<ановна> Смирнова, с которой углубляются религ<иозно>-фил<ософские> разговоры, появляется рабочий писатель Михаил Сивачев, обиженный на Горького[461]; начинает наносить визиты неприятный тип, очень нахальный, лектор Давидов, неизвестно откуда взявшийся, о котором ходят слухи, что он — провокатор; является какой-то субъект из Парижа; и появляется приехавший из Мюнхена в Москву Вуллих.

Мне нет времени отдаться своим переживаниям, потому что все часы и дни расписаны.

Я, Эллис, Соловьев, Брюсов с головой начинаем отдаваться «*весовской*» тактике.

В эти же месяцы учащаются наши посиды с Н.И. Петровской, Ходасевичем, Муни, Янтаревым, в результате которых я все более и более для «*Весов*» завоевываю «*Перевал*».

Совершенно измученного С.М. Соловьев меня увозит в Петровское, где мы сняли домик[462].

Июнь. Петровское.

Живем с С.М. вдвоем с чувством острой боли и непонятости; пишу рецензию на «*Оры*», на драму Чулкова[463], пишу стихи из «*Урны*»[464], много читаю поэтов; и опять задумываюсь над проблемами ритма; уже экспериментирую со строчками; читаю русскую историю С.М. Соловьева[465], кажется — «*Из записок по теории словесности*»[466]. Спешно пишу 4-ую часть симфонии «*Кубок Метелей*» и сдаю симфонию в печать. Обнаруживается пропажа поэмы «Дитя-Солнце».

Июль. Москва.

Попадаю в Москву и застреваю в Москве, потому что Эллис переехал в нашу квартиру; живем весь июль вместе, настрачиваем себя против петербуржцев. Пишу: «*Теория или старая баба*», «*Детская свистулька*», рецензию на «*Не мир, но меч*», «*Кинематограф*», «*Штемпелеванная калоша*»; всё — для «*Весов*»[467]. Одновременно идет моя переписка с Рябушинским и демонстративный выход из журнала «*Золотое Руно*»[468]; одновременно: яростная переписка с Метнером и Блоком; пишу в «*Золотое Руно*» ответ на статью Метнера против моей «*Против Музыки*»[469]. Пишу рецензию на «Пруд» Ремизова[470].

Пишу рецензии для «*Перевала*» на «Дикую волю» Городецкого и на Бальмонта[471]. Переговоры о «*Перевале*» с А.А. Мейером. Пишу рассказ «*В горах*» (для «*Перевала*»)[472]; знакомлюсь ближе с М.М. Духовским; встречи и разговоры с Леонидом Андреевым (у д<окто>ра Доброва); пишу воспоминания о встречах с Жоресом для газеты, которая все меняла названия (то «*День*», то «*Час*», то «*Минута*»)[473]; знакомлюсь с Мамиконяном, Голобородько, Белоруссовым, Валентиновым, Виленским.

Август. Москва.

Вызов Блоком меня на дуэль; инцидент исчерпан: примирение[474]; много пишу стихов и много сижу в «*Перевале*»; пишу фельетоны: «*Шолом Аш*», «*Пшибышевский*», «*Люди с левым устремлением*»[475] и, кажется, пишу для начинающейся «*Литературно-Художественной*» газеты фельетон о «*Жизни Человека*» (Л. Андреева)[476]; часто вижусь: с Муратовым, Зайцевыми, Ходасевичем, Муни, Серг<еем> Голоушевым.

Сентябрь. Москва.

Уже изнемогаю. Все дни провожу в посидах и беседах 1) с газетчиками (Валентинов, Белоруссов, Янтарев, Мамиконян, Курсинский, Ашешев и др.); 2) с «весовцами»; 3) в организующемся у д'Альгеймов «*Доме Песни*»; если память не изменяет, полемизирую с Антоном Крайним в «*Весах*»[477]; пишу фельетоны: в «Дне-Часе» (?) — «Бальмонт»[478], в газете Курсинского «*Жемчуг Жизни*»[479], в начавшемся «*Утре России*» пишу «*О символическом театре*» (2 фельетона)[480]; продолжаются мои встречи с Леонидом Андреевым; знакомлюсь с Густ<авом> Густ<авовичем> Шпеттом. Неприятнейшая ссора с Муратовым, Грифцовым, Стражевым, Зайцевым и Путято из-за Брюсова[481].

В этот месяц появляется от Льва Толстого Леонид Семенов, уже «*добролюбовец*»[482]; мы проводим с ним 2 дня.

Октябрь. Киев.

Пишу статейку: «Об итогах развития нового русск<ого> искусства»[483]. Октябрь начинается поездкой в Киев на выступления (я, Соколов, Петровская)[484]; из Петербурга приезжает Блок. В Киеве знакомлюсь с Филипповым, Чаговцем, Кугелем, проф. Перетцем, проф. графом Де-Лабартом и рядом др<угих> лиц.

1) Теоретич<еское> вводительное слово к «*Вечеру Нового Искусства*» (Оперный театр); и — чтение стихов.

2) «Искусство будущего», публичная лекция[485].

3) Беседа-ужин с «киевлянами»: речь о новом искусстве.

Петербург.

Из Киева еду в Петербург с Блоком[486]; частые встречи с Блоками, Волоховой, Веригиной, Ауслендером, Кузминым; встречи с Мейерхольдом, Арабажиным, Пястом, Волынским, Шестовым (кажется), Аничковым и т.д.

Москва[487].

Попав в Москву, пишу статью: «Чехов» (для журнала «В мире искусств»)[488]; пишу фельетон для петерб<ургской> газеты (пропал); пишу 2 фельетона для газеты «*Столичное Утро*» (не помню заглавия)[489]; пишу фельетон «*Мережковский*» (для «*Утра России*»)[490]; пишу статью «*Песнь жизни*» и статью: «*Символизм и совр<еменное> русск<ое> искусство*» (она в «*Луге Зеленом*» ошибочно помечена 1908-м годом)[491]; читаю Шюрэ («Les grands initiés»)[492], читаю Штирнера, читаю Вагнера. Почти каждый вечер бываю у д'Альгеймов, где принимаю деятельнейшее участие в организации «*Дома Песни*»; ввожу в «*Дом Песни*» Брюсова, Шпетта; знакомлюсь с С.В. Лурье, с Артуром Лютером; одновременно: ряд принципиальнейших, горячейших споров с Валентиновым, пишущим о марксизме книгу[493]; я называю его позицию «*символизмом*» (так же эту позицию назвал Ленин в книге своей против эмпириокритицизма)[494]; он называет меня «*марксистом*»; знакомлюсь и часто вижусь с Ильей Сацем; *разрыв с Переплетчиковым*; часто вижусь с писателями кружка «*Среда*»[495]; и часто бываю в философском кружке, собирающемся у М.К. Морозовой. Впечатление, что эти 2 недели в Москве — вихрь бесед, заседаний, писаний и т. д. Получаю редактирование лит<ературного> отдела «Стол<ичного> Утра»[496].

1) Ряд бесед в «Доме Песни».

2) «*О песне жизни*»: публичная лекция открытия «*Дома Песни*»[497] (с участием в ней Олениной-д'Альгейм).

3) Участие в беседе кружка «*Среда*» (у Голоушева).

4) Участие в прениях у Астрова на его реферате «О Дарвине».

5) Реферат в О<бщест>ве «*Свободной Эстетики*» с прениями на тему о символизме (с уч<астием> Бунина, Серова).

6) Бурное заседание в «*Своб<одной> Эстетике*»: моя речь против «*богемства*»; и уход из «*Эстетики*» Переплетчикова, Пашуканиса, Меркурьевой и др.

Правлю корректуры «*Кубка Метелей*» и в самых последних числах еду в Петербург, где начинается бесплодное томление у Блоков[498].

Москва. Гостиница «Метрополь»
Фототипия П. фон-Гиргенсона. 1900-е. Почтовая открытка. ГМП

Ноябрь. Петербург.

Томление у Блоков. Письменно отказываюсь от завед<ования> лит<ературным> отд<елом> газеты «Стол<ичное> Утро»; встречи с Ауслендером, Волоховой, Веригиной, Мейерхольдом, Арабажиным, Сологубом, Шоломом Ашем (приехавшим в Россию), Дымовым, Гржебиным, Анатолием Каменским, Леманом, Е.П. Ивановым, Пястом, Билибиным (кажется), Лансере. Пишу статью: «*Театр и совр<еменная> драма*»[499]; и спешно еду в Москву, где сразу подхват<ыв>ает тот же вихрь; приезд Иванова и Волошина: разбор отношений с ними[500].

Москва.

Пишу статью «*Символизм*» (для «*Весов*»)[501]; пишу фельетон «*Поэт мрамора и бронзы*»[502].

1) Публ<ичный> реферат мой в Лит<ературно->Худ<ожественном> Кружке: «Театр и совр<еменная> драма».

2) Публ<ичная> беседа четверки (я, Рачинский, Брюсов, Лурье) в «Доме Песни».

3) Выступление в каком-то театре, не помню (где, что говорил и т.д.).

Последние дни месяца усиленно перечитываю Ницше и пишу статью «Фридрих Ницше»[503].

Декабрь. Москва.

Усиленно работаю: «*прею*» в «*Весах*», со Шпеттом, у Морозовой, в «*Эстетике*», в «*Доме Песни*». Встреча и интимный разговор с Л. Андреевым (последний); спешно пишу 2 статьи: «*Мережковский*» (для «*Весов*»), «*Далай-Лама из Сапожка*» (для «*Весов*»)[504]; пишу фельетоны «*Город*» (статейка)[505], «*Радужный*

город» (стат<ейка>)[506]; приезд Метнера[507] и начало частых и длительных бесед в Гнездниковском переулке (сближение я—Метнер—Эллис, и сближение я—Морозова—Метнер); если память не изменяет, встреча со Скрябиным и беседа с ним (Метнер, Морозова, Скрябин, Фохт, я): Скрябин хвалит «Северную Симфонию»[508].

С этого месяца я ухожу из газет и с той поры мало пишу в них; писать — негде: «*Утро России*» мне не нравится; эс-декская газета (Валентинов—Череванин) «*Столичн<ое> Утро*» — хлопнута; *эс-деки* — высланы[509]; вместо нее — вонючая желтопрессная «*Раннее Утро*» с Кагульским[510] и Бэскиным (льют помои на нас); в «*Голос Москвы*» не иду принципиально (зовут)[511]; и оттуда — травля; вообще чувствую себя надорванным; между тем — посторонние люди врываются отовсюду и теребят: я бегу всех.

1) «*Фридрих Ницше*», моя публ<ичная> лекция в Полит<ехническом> Музее[512] (встреча на ней с Асей и Метнером).

2) Участие в беседах Рел<игиозно>-Фил<ософского> О<бщест>ва.

3) Реферат мой в филос<офском> кружке Морозовой на тему «*Философия символизма*»[513]; участвуют в прениях: Е. Трубецкой, проф. Л.М. Лопатин, проф. Северцев, проф. Хвостов, Рачинский, Шпетт, Фохт, Совальский.

4) Мной устроенный вечер в пользу «*военной организ<ации>*».

Сближение со Шпеттом (переходим на «*ты*»); Шпетт сближается с Эллисом и Метнером.

Под конец месяца еду в Петербург читать лекцию[514].

1) «*Искусство будущего*» (публ<ичная> лекция в Тенишевск<ом> зале)[515].

1908 год

Январь — Март. Москва.

Мне трудно расчленить этот период на месяцы, потому что время как бы остановилось для меня; прострация, угрюмость; избегаю собраний, направо и налево отказываюсь от лекций, вечеров; никого не принимаю; бываю лишь у Эллиса, Морозовой, Метнера, Шпетта, Ходасевича, Рачинского; нечасто захожу к д'Альгеймам (свидание с Асей); неприятная история с участком (из-за устроенного вечера): едва вывертелся[516]; опять решительный нахмур на Блока; упиваюсь Моцартом, особенно «*Реквиумом*»[517]. Тем не менее меня вытаскивают изредко:

Петербург.

1) «*Фридрих Ницше*». Публ<ичная> лекция в Тенишевск<ом> зале[518].

Москва.

2) «О Федоре Сологубе», реферат в «Эстетике»[519].

3) 1-ая беседа: «История франц<узского> символизма» (в кружке студентов).

4) 2-ая беседа: «История франц<узского> символ<изма>» (там же).

5) Участие в прениях на рефер<ате> Свенцицкого (Литер<атурно>-Ху-д<ожественный> Кружок).

6) Несколько «прений» в беседах «Дома Песни».

Андрей Белый. Кубок метелей
Четвертая симфония
М.: Скорпион, 1908
Обложка И.С. Федотова

7) «*Прения*» в Религ<иозно->Фил<ософском> О<бщест>ве.

8) «*О Символизме*», речь в студ<енческом> О<бщест>ве «*Любит<елей> искусств<а> и литературы*».

Окончательно складывается интимный быт «метнер<овского> кружка» —

— Чаще прочих здесь видаюсь с К.П. Метнером, с А.К. Метнером и его женой, с А.Н. Метнер, с Н.К. Метнером, с Сабуровым, Братенши, Синцовой, Гедике, Петровским, Эллисом, Морозовой, К.К. Метнером, мадам Конюс, с Гольденвейзером.

Неприятнейший обмен письмами с Федором Сологубом[520]; за это время много читаю: читаю Шпетта «Проблема причинности у Юма»[521], читаю Юма, внимательно разбираюсь в логике *Зигварта*[522], читаю старую диссертацию о Юме (забыл автора), возвращаюсь к «*Опытам*» Френсиса Бэкона[523], читаю Викторова об эмпириокритицизме, заглядываю в «*Критику чистого опыта*»[524]; и все это ввиду того, что Шпетт усиленно колеблет во мне мое кантианство; то же — Рачинский, Булгаков и Бердяев; но я остаюсь «*верным*» своему пониманию критицизма и опять перечитываю Риккерта, а также Наторпа «*Plato Idee Lehre*»[525]; заинтересовываюсь «*Психофизикой*» Фехнера[526]; философия в эти месяцы — моя аскеза, но реакция на нее уже зреет в строках стихов «*Философическая грусть*»[527].

Первые наборы ритмов Пушкина, Баратынского, Тютчева[528]; читаю и «*Историю*» Соловьева[529].

За этот период пишу: стихи (мрачные), статейки: «*Sanctus amor*», «*О пьянстве словесном*», «*Литературный дневник*», «*Черное по белому*», «*Чертов лог*», «*Брюсов*»[530].

Сказывается мрачное утомление.

Апрель. Москва.

Та же прострация; рассор с Блоком[531] и полемика с Вяч. Ивановым: пишу рецензию «*О драмах А. Блока*» и «*Realiora*» (для «*Весов*»)[532]; еще какую-то.

1) Оппонирование Иванову на его лекции в Рел<игиозно->Фил<ософском> О<бщест>ве[533].

2) Оппонирование Айхенвальду на его лекции в Лит<ературно->Худ<ожественном> Кружке[534].

3) Постоянное участие в литер<атурных> вечерах в «*Дону*» (у Эллиса)[535].

Неизменная близость с Метнером, Эллисом; сближение с Нилендером; интерес к Бругману и к проблемам орфиков[536]. Разочарование в «Весах»[537].

Участие в тяжелом разборе «*инцидента*» со Свенцицким (в Рел<игиозно->Фил<ософском> О<бщест>ве)[538].

Май. Москва.

Какое-то сплошное томление, тоска от охлаждения к «*Весам*», ссоры с Блоком и прочих «*прелестей*»; с тоски начинаю «*попивать*» со Шпеттом; этот май не помнится ничем путным; увеселительные сады, вино, пьяный Шпетт, истеричная Нина Петровская, бредящий хаосом Нилендер, охлаждение с д'Альгеймами, газетная травля и сознание, что «*плетью обуха не перешибешь*»; даже друзья (Эллис, Соловьев) не внемлют мне. Отъезд с Метнером в деревню.

Сер<ебряный> Колодезь.

Жизнь с Метнером; прощание с Серебр<яным> Колодцем (мать продает его).

Андрей Белый. Кубок метелей
Черновой автограф главки
«Духово пьянство»
1907. ГМП

Июнь. Серебр<яный> Колодезь.

Жизнь с Метнером; приезд и отъезд С.М. Соловьева[539]. Отъезд Метнера; взрыв лирической волны: пишу ряд стихов, мрачнейших, и между прочим: «*Деревня*» (поэма), «*Паук*», «*Довольно, не жди, не надейся*», «*Маскарад*»[540]; перерабатываю стихи «*Пепла*»; «*Пепел*» готов к печати. Увлекаюсь Некрасовым; читаю Гуссерля «*Логические исследования*»[541]; читаю Маха; читаю Липпса.

Июль. Сер<ебряный> Колодезь.

Прощание с «*милыми местами*»; отъезд в Дедово.

Дедово.

Читаю Тютчева и окончательно вырабатываю запись ритма; читаю всякое дрянцо по стиховедению, но отмечаю книгу Денисова[542]; возвращаюсь к Потебне. Пишу ряд стихов для «*Урны*»; «*Урна*» тоже готова.

Август. Дедово.

То же времяпрепровождение. Кривая «пастораль» с Коваленскими. Разговоры об Оля Гансене[543]. Вернувшиеся в Россию Мережковские вызывают в Суйду[544].

Суйда.

Перманентная «*пря*» с Мережковскими; чувствую, что дружба остывает; Карташев (который живет с нами) горько жалуется на Мережковских; Философов

Андрей Белый. Пепел
СПб.: Шиповник, 1909

силится «*спасти положение*»; тем не менее меня втравливают в грызню, и я пишу яростную статью против Бердяева «*Каменная Исповедь*» (напечатана Богучарским в его журнале «*Образование*»)[545].

Петербург.

Застреваю в Петербурге; начинается бешеная холера; пишу стихи, сдаю «*Пепел*» в печать[546] и в первых числах сентября еду в Москву.

Сентябрь. Москва.

Грустная лень и усталость после стольких написанных стихов; читаю Безант; очень жаркий разговор с Христофоровой. Начинаю читать «Doctrine Secrète» Блавадской; стансы «*Дзиан*» увлекают меня[547]. Читаю Дейссена «История древней философии»[548]. Те же проблемы ритма.

Ноябрь.

Начинаю бывать у Астрова, у Морозовой; взъяряюсь полемикой с «*литераторами*», и все более вслушиваюсь в стиль бесед «*теософ<ского> кружка*», собирающегося у Христофоровой. Встречаюсь там с Минцловой; читаю Дейссена; в период от октября до декабря (не могу точно разделить) пишу: «*Пророк безличия*», «*Искусство*», «*Литературный распад*», «*Слово правды*», «*Вольноотпущенники*»[549]; перелистываю литературу «*монистов*»; читаю Чемберлена[550], перечитываю «*Опыты*» Спенсера[551]. Встречаюсь с Боборыкиным (у Астрова, в «*Эстетике*», у теософов), бываю у него.

1) Прения с Боборыкиным у Астрова (защищаю Андреева).

В.Ф. Коммиссаржевская вызывает меня в Петербург.

Петербург.

1) «*Пшибышевский*», реферат в театре Коммиссаржевской перед представлением «*Вечной Сказки*»[552].

2) Беседа у Мережковских (организационная) о «*Русской Мысли*»[553].

Живу у Мережковских, которые мне дают в Москву ряд поручений к Струве, Брюсову, Кизеветтеру; знакомлюсь с Вылковысским и, кажется, с Боцяновским; беседа с Базаровым.

Москва.

В Москве с головой ухожу в изучение конкурсных номеров на перевод «*Die schöne Müllerin*»[554] (52 перевода); ряд заседаний жюри конкурса (М.А. Оленина, Н.К. Метнер, Серг<ей> Ив<анович> Танеев, С. Кругликов, Кашкин, Энгель, Гречанинов, я); ряд схваток с Энгелем; «*наша*» партия берет верх (Метнер, Танеев, я против Гречанинова, Кругликова, Энгеля, Кашкина). Переделка текста

Третий вечер «Дома песни»
В Малом зале консерватории
14 ноября 1908 г.
Программа концерта
М.А. Олениной-д'Альгейм. ГМП

ВЪ МАЛОМЪ ЗАЛѢ КОНСЕРВАТОРІИ
въ пятницу 21 ноября 1908 г., въ 9 час. вечера.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕЧЕРЪ „ДОМА ПѢСНИ".
БЕСѢДА
съ музыкальной частью.

О Символизмѣ.

Участники въ Бесѣдѣ:
Валерій Брюсовъ.
Б. Н. Бугаевъ.
С. В. Лурье
Г. А. Рачинскій.

М. Оленина д'Альгеймъ
исполнитъ въ первой части:
Der Fischerknabe, Der Hirt, Der Alpenjäger (Schiller—Liszt).—Waldesgespräch, Der Schatzgraber (Eichendorf—Schumann).—Der Atlas (Heine—Schubert).
Во второй части:
Nimm einen Strahl der Sonne (Liszt).—Надъ рѣкой (Мусоргскій).—Lied vom Winde (Hugo Wolf).—Die Mutter Erde (Schubert).

ЦѢНЫ МѢСТАМЪ
на Лекціи и Бесѣды (съ музыкальной частью).

Кресла.	Стулья.	Стулья.	Балконъ.
1 рядъ 4.10	8 рядъ 1.60	15 рядъ 1.00	1 рядъ 1.10
2 „ 3.10	9 „ 1.60	16 „ 0.95	Мѣста.
3 „ 3.10	10 „ 1.50	17 „ 0.90	7 ряд. по 55 к.
4 „ 2.60	11 „ 1.40	18 „ 0.85	Ненумерованныхъ мѣстъ нѣтъ.
5 „ 2.60	12 „ 1.30	19 „ 0.80	
6 „ 2.10	13 „ 1.20	20 „ 0.75	
7 „ 2.10	14 „ 1.10		

Билеты въ музык. магазинѣ Гутхейль и въ кассѣ Консерваторіи.

Второй Конкурсъ „Дома Пѣсни".
Предметъ Конкурса: музыкальный переводъ на русскій языкъ двѣнадцати пѣсенъ Гёте (музыка Шуберта, Шумана, Листа, Гуго Вольфа и Николая Метнера). Премія 400 р. Срокъ 1 сент. 1909 г.

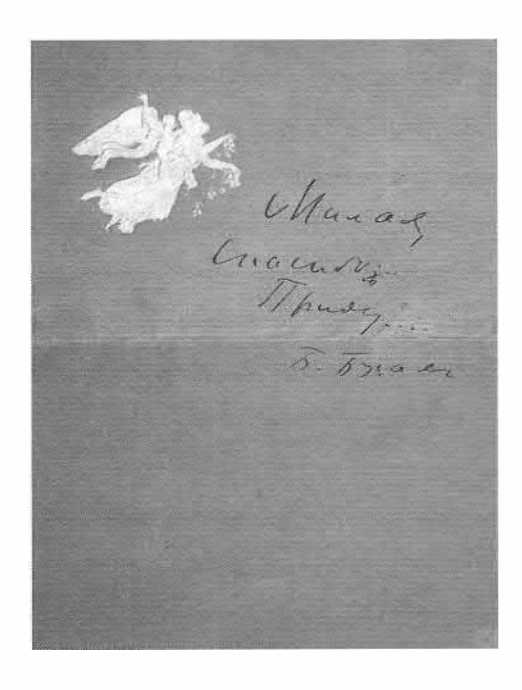
Т-во типографіи А. И. Мамонтова. въ Москвѣ.

Четвертый вечер «Дома песни»
В Малом зале консерватории
21 ноября 1908 г.
Беседа с музыкальной частью. Участники:
В.Я. Брюсов, Андрей Белый, С.В. Лурье,
Г.А. Рачинский. Анонс. ГМП

выбранных переводов поручается мне; много сижу над нею: споры с бар<оном> д'Альгеймом из-за переделки: умываю руки и бросаю работу; ряд бурных заседаний в «*Весах*»; мы с Брюсовым предлагаем пригласить в «*Весы*» Горького; Поляков — противится; трудное положение «*Весов*»; ищу денег для них; переговоры с «*Еженедельником*» (блок «*Весов*» с ним против Лурье)[555]; знакомство и начало дружбы с Гершенсоном; пишу рецензии для «Критического обозрения»[556]. Встреча с Розановым[557]. Объяснения с Бердяевым из-за статьи моей против него; скандал с Зайцевым и Стражевым; вторично неприятнейшие объяснения со Стражевым[558]; перепалка с Бурнакиным; организация редакционного комитета «*Весов*»[559]. Встреча с д'Энди; меня выбирают в члены Совета Моск<овского> Рел<игиозно->Фил<ософского> Общества; тяжелый разбор (продолжающийся) инцидента со Свенцицким; мне достается за него: 1) от Аскольдова, 2) от Мережковских; приезд Мережковских[560] — трепка, при, собрания с ними: у меня, Морозовой, у них; скандал на реферате Философова; инцидент мой с кн. Е. Трубецким[561]; объяснение с Трубецким; отъезд Мережковских, измученность; томительные разговоры с Эллисом; мое письмо к Мережковскому (мой отход от них)[562].

За это время:

1) Оппонирование проф. Б.А. Кистяковскому на его реферате (у Морозовой).

Андрей Белый. Записка к М.С. Шагинян
Москва. 1908. Автограф. ГМП

2) Оппонирование Рубинштейну на его реферате о Риккерте (у Морозовой).

3) Организ<ационные> прения в «Доме Песни».

4) Вечер для «нелегальных».

5) Речь в «*Кружке*»[563] против «прессы».

6) Выступление в О<бщест>ве «любителей искусства и литературы».

7) Оппонирование Ильину на реферате его «О Фихте» (у Морозовой).

8) Заседание Совета Рел<игиозно-> Фил<ософского> О<бщест>ва.

9) Заседание Совета «Эстетики».

10) Участие в прениях после лекции Мережковского «Лермонтов» в Политехнич<еском> Музее (инцидент с Алферовым и Трубецким).

11) Прения против Эртеля в теософском Кружке.

12) Прения после реферата Чуковского (Кружок).

13) Прения в теос<офском> Кружке.

14) Прения у Эллиса («Дон»).

15) Оппонирование Философову («Кружок»).

16) Нападение на Эртеля («Теософск<ий> Кружок»).

17) Участие в беседе у Астрова на тему «*Общество монистов*».

18) «Настоящее и будущее русской литературы». Публ<ичная> лекция. Политехн<ический> Музей[564].

19) Заседание Совета Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва.

20) «*О искусстве*». Публичная лекция (Политехн<ический> Музей)[565].

21) Участие в прениях на засед<ании> «Теософск<ого> Кружка».

Начинаю вести частую теоретическую переп<иску> с Мариэттой Шагинян[566] и В.О. Станевич (Анисимовой); меня выбирают в «*Общество Любителей Росс<ийской> Словесности*»; совет курсисток педагогических курсов выбирает меня и Эллиса лекторами, но интриги Когана и Айхенвальда заставляют нас отказаться и тем разрешить создавшееся положение; может быть, в эти месяцы — первая летучая встреча с Ольгой Форш.

Декабрь. Москва.

Выходит «*Пепел*»[567]; переписка с Мариэттой Шагинян; я измучен и заболеваю; меня — лечат; начало сближения с Минцловой; очень значительные внутренние переживания и беседы с Эллисом о том, что *так жить нельзя*.

1909 год

Январь. Москва.

Открывается мрачно; скоро еду в Петербург и читаю лекцию.

Петербург.

«Настоящее и будущее русской литер<атуры>». Лекция. Тенишевский зал[568].

Интимная встреча с Вячеславом Ивановым; перманентная трехдневная беседа между мною, Ивановым, Минцловой; начало нашей «*тройки*»[569]; с этим сознанием еду в Москву.

Москва.

Интимная беседа с Н.А. Бердяевым, после которой начинается идейная *дружба* меж нами (до… 17-го года)[570]; сближение с Гершенсоном; кажется, пишу рецензию в «*Критич<еское> Обозрение*»[571]. Выступаю в Теос<офском> Кружке; приезжает в Москву Вяч. Иванов читать реферат:

Мое выступление в «Кружке» на реферате Вяч. Иванова (скандал с Тищенко)[572].

Почти нервное заболевание после скандала, улаживаемого и Гершенсоном, и С. Иванцовым, и братьями Астровыми (П.И. и Н.И.), вдруг снова выступившими на моем горизонте. Петровский увозит меня в Бобровку к А.А. Рачинской[573].

Февраль. Бобровка.

Провожу несколько дней с Г.А., Т.А. Рачинскими, Петровским и гостящим в Бобровке психиатором Рождественским; спешно пишу первую главу «*Серебряного Голубя*»[574] и читаю его Рачинским; все из Бобровки разъезжаются. И для меня начинается месяц всяческой работы; во первых, работа глубочайшего самоопределения, ставящего меня на *новые рельсы*: самопознания и искания решительно поволенного «*Света жизни*»; ощущение явственного поворота жизненного колеса; еще не знаю, что будет, но знаю твердо: *будет новое*. Очень много читаю; за февраль и март (часть марта) в Бобровке прочел от доски до доски все номера «*Lotus bleu*»[575], прочел книгу о «*Sepher Iezira<h>*»[576], ознакомился с книгами Папюса; и — отверг; прочел Ленормана[577]; читал внимательно Гарнака[578]; читал все попадавшееся в библиотеке Рачинского об астрологии; наткнулся на подробное изложение метода Юлия Фирмика составлять гороскопы; и много вечеров провел за изучением гороскопической техники (оперируя с таблицами Фирмика)[579]; прочел книгу об этрусской культуре (авторов не помню); между прочим, кроме этой литературы читал Бутру, «Психофизику» Фехнера и психологию Бэна[580]. Для отдохновения по вечерам читал Гиббона «*История падения римской империи*» (4 тома)[581]. За это время — писал рецензию на книгу Бутру[582], рецензию на книгу Вейнингера «Пол и характер», которую прочел вместе с другой, «*Über die letzte Dinge*»[583]; написал последние 3 стихотворения к «*Урне*» и предисловие к «*Урне*»[584]; правил корректуры «*Урны*».

Март. Бобровка.

Бешеная работа над ритмами поэтов; собираю в портфель очень большой материал ритмов; увлекаюсь впервые поэтом Языковым и изучаю его; перечиты-

ваю всего Державина. Попутно прочитываю всю тогдашнюю стиховедческую литературу, включая Востокова[585]; теперь у меня уже твердый костяк материала к «Символизму». Списываюсь с Киевом: —

— *Москва.* — В Москве лишь проездом.

Киев.

Публичная моя лекция «О Пшибышевском»[586]. Знакомлюсь в Киеве с проф. Ковалевским (октябрист, финансист, член Думы), разговор с проф. Перетцом; встреча с Валентиновым и Виленским; разговор с Кугелем, зазывающим меня в «*Киевскую Мысль*». Пишу спешно в «*К<иевскую> М<ысль>*» фельетон о Гоголе (к юбилею)[587].

Москва.

Встреча с Наташей и Асей у д'Альгеймов и Метнеров.

1) Участие в прениях редакционного комитета «Весов».

Мне поручают заведывание в «*Весах*» отдела статей.

Апрель. Москва.

Сближение с Асей (она рисует мой портрет)[588]; бываю каждый день у д'Альгеймов, где замышляем курсы от «*Дома Песни*» (я, Мюрат, д'Альгейм, Артур Лютер и др.); трудные минуты в «*Весах*»; ряд интриг: две партии — *моя* (Поляков, Балтрушайтис, Ликиардопуло) и *Брюсова* (Эллис, Соловьев); моя роль примирителя в ссоре Брюсова с Ликиардопуло; разговор с Балтрушайтисом о положении в «*Весах*»; частые беседы со Шпеттом (у него и у меня); встречи и разговоры с Розановым, С.И. Танеевым, Метнером, Морозовой; сближение с Поццо; наша поездка в Саввинский Монастырь[589] (Ася, Наташа, Поццо, Петровский, я). Сближение с В.А. Олениной.

1) Экстренное заседание комитета «*Весов*».
2) Участие в прениях против Эртеля у Христофоровой[590].
2)* Экстренное заседание комитета «Весов» (гоголевский номер)[591].
3) Организ<ационное> заседание «*Дома Песни*» (курсы).
4) Яростная «*пря*» с Эртелем у Христофоровой.
5) Заседание комитета «*Весов*» (экстренное, бурное).
6) Новое заседание комитета «*Весов*» (выработка «*status'a quo*»).
7) Заседание у д'Альгеймов.
8) Участие в прениях в «Своб<одной> Эстетике».
9) Слово, произнесенное на могиле Гоголя (в дни юбилея).

Этот месяц отмечен мне бóльшим сближением с деятелями теософ<ского> кружка Христофоровой: с Б.П. Григоровым, с Н.А. Бурышкиной (невестой Григорова), с Недович, с Асикритовым, с Бессоновым; из часто бывающих у Христ<офоровой> помню: Борнео, полковника Крыжановского, княгиню Урусову, Пшенецкую, д-ра Боянуса и приезжавшего в Москву д-ра Кудрявцева. Читаю «*Doctrine Secrète*» и, кажется, «Geheimwissenschaft» Штейнера[592], которым все больше интересуюсь; кроме того: пристально перечитываю Гоголя и пишу

---

* *Сбой нумерации в автографе.*

статью «*Гоголь*»[593]; единым махом, без переписки и правки пишу 2-ую главу «*Серебряного Голубя*».

Май. Москва.

Отъезд из Москвы Аси[594]; ответственный разговор об Асе с В.А. Олениной и А.С. Петровским; очень важная встреча с Минцловой; ряд очень ответственных и важных разговоров о «*коллективе*»: с Петровским, Киселевым, Метнером и приехавшим из Петербурга М.И. Сизовым; читаю книгу магистера Пианки о розенкрейцерстве[595]; библиографические и археологические розыски традиций розенкрейцерства; пытаюсь читать Кунрата «*Amphyteatrum coelestum*»[596] и, кажется, его, если не Флюдда «*De chao*»[597], читаю Hammer'а «*Baphometis revelata*», читаю Сведенборга «*Arcana coelesta*»[598] и опять возвращаюсь к «L'Apocalipse expliqué»[599]; с той поры все лето читаю литературу этого рода (Эккартгаузена, «*Сионский вестник*»[600], Элифаса Леви); прочитываю д'Альвейдра «*La mission des juifs*»[601] и перечитываю весь «*Теософический Вестник*»[602]; кажется, — в этот же период читаю «*Спиритизм и Анимизм*» Аксакова и перечитываю «*Многообразие религиозного опыта*» Джемса[603]; читаю «Эннеады»[604]. Все время скрупулезно изучаю «*Doctrine Secrète*»; не помню, в какие месяцы что прочел, но помню, что это чтение продолжалось май, июнь, июль. С той поры меня особенно интересуют: Раймонд Луллий, ван-Гельмонд, Флюдд, Вилланова (читаю его стихотворные «*Прорицания*»)[605], Тритгейм, Агриппа, которого «*De occulta philosophia*» почитываю (кажется, — книгу одолжает Брюсов)[606], Парацельс; подымается интерес к 17-ому веку; читаю Финделя о масонстве, Шустера[607] и ряд подобного рода книг; наконец вижу, что без истории средневековья не обойтись и начинаю читать Штёкля («*История средневековой философии*»)[608].

Андрей Белый. Серебряный голубь
Повесть в 7-ми главах
М.: Скорпион, 1910
Обложка П.С. Уткина

Дедово.

Чтение перечисленной литературы; одновременно: проделываю анализ ритма поэм Пушкина; пишу начало 3-ьей главы «Голубя». Еду к Метнеру в «*Изумрудный Поселок*»[609] (перед отъездом его за границу).

Изумрудный Поселок.

Весьма значительный разговор с Метнером, после которого Метнер говорит: «Все сделаю, чтобы у нас было издательство».

Дедово.

Приезд Станевич, важный разговор с ней; С.М. Соловьев хмурится на мой «*оккультизм*»; приезды Эллиса в Дедово. Частое посещение Дюшенов.

Июнь. Дедово.

Чтение «Doctrine Secrète», наезды Эллиса, Сизова; проделываю ритм всего почти «*Евгения Онегина*» (очень несовершенно); натыкаюсь на «*паузные формы*» и начинаю их изучать. Оканчиваю 3-ью главу «*Серебр<яного> Голубя*». Постоянная переписка с Асей. Пишу для «*Весов*» какую-то заметку под псевдонимом «*Spiritus*» и заметку «Шарль Бодлер»[610]. Пишу фельетон для «Киевской Мысли»[611]. Читаю Cassagne'а (монография о стиле Бодлера)[612].

Июль. Дедово.

Углубляется расхождение путей с С.М. Соловьевым. Весь месяц усиленно пишу «*Голубь*» (4-ую главу и начало пятой). Переписка с Асей. Оканчиваю ритм поэм Пушкина; собираю материал по паузным формам.

Август. Дедово.

Часто езжу в Москву. Кончаю пятую главу «*Голубя*», но эллисовский, музейский инцидент срывает с работы[613]; развиваю бешеную энергию в деле ликвидации инцидента; на этой почве знакомство и сближение со скульптором Крахтом, знакомство с Ахрамовичем, Кожебаткиным, переговоры с Астровыми, привлекающими С.А. Муромцева к «*процессу*»[614]. Начало «*Мусагета*»; разрыв с С.М. Соловьевым (почти на год)[615]; уезжаю в Москву.

Москва.

Бурная переписка с Эллисом и введение музейского инцидента в «*берега*».

Сентябрь. Москва.

1) Прения о том, быть ли журналу или издательству.

2) Прения о журнале или издательстве: решено — издательство «*Мусагет*»[616].

3) Организационное заседание издательства «*Мусагет*».

4) Организационное заседание «курсов» в «Доме Песни».

5) Организац<ионное> засед<ание> изд<ательства> «Мусагет».

6) Заседание «Дома Песни».

7) Орган<изационное> засед<ание> изд<ательства> «Мусагет».

8) Орган<изационное> засед<ание> у Крахта «Молодого Мусагета»[617].

Месяц выработки платформы «Мусагет–Орфей–Логос»[618]. Знакомство с Гессеном и Степпуном; ряд бесед о «Логосе». Приезд Метнера; знакомлю его с «*Логосами*»; «*Логос*» — решен. В организационных заседаниях Мусагета участвовали: Эллис, Петровский, Сизов, Киселев, Рачинский, Э.К. Метнер, я, Кожебаткин, Ахрамович, Степпун, Гессен, Нилендер. Частые беседы с М.К. Морозовой о «*Пути*», ею в принципе решенном[619]; частые встречи с Бердяевым, Булгаковым, Гершенсоном. Весь месяц читаю «*Из записок по русской грамматике*» Потебни и Вестфаля (для проблем просодии)[620]; читаю немецкий перевод Аристоксена. Читаю «Психологию» Аристотеля[621]. Начинаю подготовлять комментарий к «Символизму»[622]. Пишу статью «Проблема Культуры», «Эмблематику Смысла» (переработанная часть поздней потерянного текста моего «трактата о символизме»; он утрачен, вероятно, как многое, в 1918 году). Пишу статью «Будущее искусство», «*Анатема*» (заметка), рецензию на «*Огненный Ангел*»[623]. Го-

товлюсь к курсу «*Ритмика*» в «*Доме Песни*». Беседа с д'Альгеймом об Асе. Решена моя поездка к Асе (в Бельгию)[624].

Валерий Брюсов. Огненный ангел
М.: Скорпион, 1908

Октябрь. Москва.

Встреча и разговор с С.А. Муромцевым (у него) в связи с музейским инцидентом[625]. Ссора с д'Альгеймами на почве а) моего возмущения их поступком с С.Л. Толстым (жюри представленных переложений Бернса)[626], b) моего отказа от чтения курса в «*Доме Песни*»; моя ежедневная служба в «*Мусагете*» (принимаю с 5 до 7-ми). Встреча, бурная дружба и 2 долгих ответственных разговора с В.Ф. Коммиссаржевской, которая поручает мне думать о ей задуманной «*Театр<альной> Академии*»[627].

1) Слово приветствия в театре, на чествовании Коммиссаржевской.
2) Заседание комитета «Мусагета».
3) Прения в Моск<овском> Рел<игиозно>-Фил<ософском> О<бщест>ве.
4) Прения у Эллиса (собрание в «Дону»).
5) Беседа в «Мусагете».
6) Заседание комитета «Мусагета».
7) Прения в теос<офском> Кружке: срываю курс Эртеля.
8) Прения у Эллиса («Дон»).

Кроме того, в этом месяце мой многочасовой разговор с Сер<геем> Ив<ановичем> Танеевым, которому я демонстрирую метод записи «*ритмов*» прежде, чем его изложить для «*Символизма*». Кроме всего: читаю Христиансена «*Philosophie der Kunst*»[628], читаю «*Трактат о живописи*» Леонардо да-Винчи и Гейдебрандта «*Проблема изобразит<ельной> формы*»[629]. Пишу главную часть комментария к «*Символизму*» (много десятков страниц); пишу статью «*Лирика и эксперимент*», пишу статью «*Магия слов*»[630]; вторично возвращаюсь к Гельмгольцевой книге «*Lehre vom den Thonempfindungen*»[631]; читаю сборник статей, посвященных Гельмгольцу[632].

Ноябрь. Москва.

Служба в «Мусагете». Сближение со Степпуном и Гессеном; частые беседы с Машковцевым, Садовским, Кожебаткиным, Ахрамовичем, Сергеем Бобровым, Крахтом, Эллисом и рядом др<угих> «мусагетцев». Появление Минцловой в Москве и знакомство, интимное, с ней — Петровского, Киселева, Сизова, Э.К. и Н.К. Метнеров; доканчиваю комментарий к «*Символизму*»; держу корректуры; пишу «*Опыт описания русского четырехстопного ямба*»[633]; наконец заканчиваю 6-ую главу «*Серебряного Голубя*» и, кажется, читаю ее в «Мусагете»; ряд

очень важных бесед с Минцловой и с нашим «коллективом»; читаю Рейсбрука «Одеяние духовного брака» и Меттерлинка «Рейсбрук Удивительный»[634]. Читаю Потебню «Из записок по русской грамматике», читаю статьи Кирпичникова, Ореста Миллера, Корша. Читаю диссертацию Шеффера (об афинском «*гражданстве*»)[635]; ищу всяческой литературы о Раймонде Луллии. Устанавливаю материал статей для «*Арабесок*» и «Луга Зеленого»[636]. Мои инциденты с Гершензоном и с Эфросом (Абрамом). Бойкот меня[637]. К концу месяца Минцлова меня с А.С. Петровским усылает в Бобровку, дав «*медитацию*»[638].

Бобровка.

Начало медитативной жизни, поглощающей все дни; и *первые медитативные* узнания.

Декабрь. Бобровка.

Жизнь с А.С. Петровским, который скоро уезжает; углубление «*медитаций*»; чтение Якова Бэме («Утренняя Заря»)[639]; пишу статью «*Опыт сравнительной морфологии ямбич<еского> диметра*»[640]. Прочитываю толстый том «*Хрестоматии*» по средним векам[641]. Читаю Сент-Бева. Приезд Кожебаткина с редакционными разговорами[642]. После отъезда быстро пишу последнюю, 7-ую главу «*Голубя*» и к Рождеству попадаю в Москву.

Москва.

Встреча Рождества и знакомство Наташи Тургеневой с Минцловой.

1910 год

Январь. Москва.

Минцлова вызывает в Петербург.

Петербург.

Жизнь на башне у Вячеслава Иванова; ряд острых переговоров о «коллективе» между мною, Минцловой, Ивановым, приехавшим Метнером; встречи на «*башне*» с роем лиц; бываю, редко, у Мережковских, Сологуба, Allegro, Волошиной; острые беседы (я, Метнер, Волошина); острые беседы с Недоброво, Бородаевским, Скалдиным, Пястом; встреча с энного рода деятелями; посещение редакции «Аполлона»[643]; общение с Кузминым, Гумилевым; встречи с Мейерхольдом, Маковским; обсуждение платформы «*символизма*» в Мусагете; длительные споры о «*кресте и розе*» (темы «*Rosarium'а*»)[644];

1) Участвую в прениях беседы на ивановской «среде».
2) То же.
3) То же.
4) Моя публичная лекция в «Соляном Городе» об Ибсене[645].

Февраль. Петербург.

Период мучительных недоразумений с Минцловой и Ивановым; отъезд Минцловой в Москву; объясненье с Наташей Тургеневой; дружба с Недоброво; стиховедческие интересы; беседы с Карташевым, Аскольдовым, Т.Н. Гиппиус,

В.Ф. Коммиссаржевская
Фотограф Императорских театров. На бланке открытого письма
1900-е. ГМП

Бородаевским, Аничковым; тревога за «болезнь» Минцловой*. Ряд выступлений:

1) Беседа у В. Иванова.
2) То же.
3) «Ритмика русского ямба».
4) «Ритмика русского ямба».
5) «Ритмика русского ямба».
(3–5: } Мои лекции с прениями в «О<бщест>ве Ревнителей Худ<ожественного> Слова»[646])
6) Участие в публичном вечере «Памяти Коммиссаржевской». Городская дума[647].
7) Участие в прениях на «Среде» Иванова.
8) То же.

---

* *В автографе:* Минцлову

Март. Петербург.

Та же напряженная жизнь в словах, посидах, заседаниях, от которой безумно устал.

1) Моя лекция в Пет<ербургском> Религ<иозно>-Филос<офском> О<бщест>ве: не помню темы[648].

Минцлова нас с В. Ивановым вызывает в Москву. Едем[649].

Москва.

Ряд заседаний, встреч, бесед в Мусагете с Ивановым, там живущим, Степпуном, Метнером, Эллисом, Минцловой, Рачинским, Шпеттом, Петровским и т.д. Проблема «*коллектива*», «*Орфея*»[650], порядка выпуска книг; открытие «*Мусагета*» (официальное).

1) Моя публичная лекция «*Лирика как эксперимент*». Исторический Музей[651].

2) Ряд заседаний a) в Мусагете,
b) у меня.

3) Ряд прений в «Дону».

4) Беседа-прения у Рачинского.

5) Беседа-прения у Гершенсона.

Апрель.

1) Чествование В. Иванова в «Праге»[652].

2) Мое «*нет*» коллективу у Христофоровой[653].

Несогласия с Минцловой и Ивановым; отъезд Иванова в Петербург, а мой (с А.С. Петровским) в Бобровку; жизнь там вдвоем; чтение Беме; приезд Минцловой; возвращение к Пасхе в Москву[654]; встреча с Сидоровым, Шенроком, Дурылиным и организация моего ритмического Кружка[655].

1) Беседа в Моск<овском> Религ<иозно>-Фил<ософском> О<бщест>ве.

2) Участие в философском кружке «Молод<ого> Мусагета».

3) Участие в крахтовском кружке[656].

4) Занятие с ритмистами (семинарий).

5) То же.

6) То же

7) То же.

Май. Москва.

Переписка с Асей о моем приезде к ней, на Волынь[657]; отказ от Италии[658] и отход от Минцловой; сериозная беседа на эту тему с Метнером; начало распада «Мусагета».

Демьяново.

Много читаю Ибсена; пишу статью «*Кризис сознания и Генрих Ибсен*»[659]; возвращаюсь по-новому к Гуссерлю. Читаю Брандеса.

Июнь. Демьяново.

Бешеная работа над пятистопным ямбом Пушкина, Тютчева, Баратынского, паузными формами; уточняю номенклатуру записи ритма; ряд методологических проблем; собираю материал по *эпитетам* к работе «Стихии у Пушкина,

Тютчева, Баратынского»[660]. Читаю Авенариуса «*Критика чистого опыта*»[661]. Часто встречаюсь и спорю с Влад<имиром> Иван<овичем> Танеевым, с Давидовым и Часовниковым (об эмпирио-критицизме); встречи с Аполлинарием Васнецовым, живущим в Демьянове, с Кл<иментом> Арк<адьевичем> Тимирязевым и его сыном (ныне профессором физики), с Танеевым.

В конце месяца еду через Москву в Боголюбы (на Волынь). В начале июля в Боголюбах.

Июль. Боголюбы.

Правлю корректуры «*Луга Зеленого*»[662]; ряд ответственнейших разговоров с Асей Тургеневой; острые беседы с Наташей; в конце месяца приезд Поццо. Поездка в Серники[663].

Август. Боголюбы.

Судьба наша с Асей решена; приезд в Боголюбы Петровского (проездом в Базель)[664]; отъезд.

Москва.

Встреча с Минцловой; неделя, с ней проведенная; проводы ее[665]; частые беседы с Киселевым и Сизовым; поездка с Эллисом и Нилендером в Демьяново.

Демьяново.

Ссора с Вл<адимиром> Ив<ановичем> Танеевым (из-за Эллиса) и отъезд.

Москва.

Служба в «*Мусагете*», сближение с Гессеном; появление Степпуна; пишу «Проект проспекта» для Мусагета[666]; обсуждаю идею сборников «*Проблемы Культуры*»[667].

1) Семинарий ритмич<еского> кружка.

Перечитываю пристально Потебню. Ответственный разговор с приехавшими Наташей, Метнером; приготавливаю квартиру для Тургеневых. Приезд Аси.

Сентябрь.

Углубление охлаждения между мусагетцами и моя дружба с «*Логосами*»[668]; каждый вечер провожу у Тургеневых. Служба в «Мусагете» (прием посетителей).

Дружба с Булгаковым (частые заходы к нему), с Гершенсоном, с Бердяевым; пишу статью «*Потебня*» (для «*Логоса*»)[669].

1) Семинарий в ритмич<еском> кружке.
2) То же.
3) То же.
4) То же.
5) Эсотерическое собрание «коллектива».
6) То же. — У Сизова
7) То же.
8) То же.

Андрей Белый. Трагедия творчества
Достоевский и Толстой
М.: Мусагет, 1911

9) Семинарий в философском кружке (по просьбе Степпуна).

10) Чтение статьи «Потебня» Логосам (в «Мусагете»).

11) Реферат «О стихиях природы у поэтов» (в «Мусагете»).

12) Прения после чтения романа Садовского. В «Мусаг<ете>»[670].

Знакомство с Пастернаком. Подготовка к отъезду в Италию.

Октябрь. Москва.

1) Участие в прениях филос<офского> Кружка («Мусагет»).

2) Участие в прениях филос<офского> Кружка Морозовой на реферате Гессена «О Ласке»[671].

3) Участие в прениях кружка «Молодой Мусагет».

4) Эсотерич<еское> собрание.
5) То же.
6) То же.
7) То же.
} У Сизова

8) «Паузные формы».
9) То же.
10) То же.
11) То же.
} Разработка номенклатуры в ритмич<еском> Кружке

12) Заседание Комитета в «Мусагете».

13) То же.

14) Участие в прениях Рел<игиозно>-Фил<ософского> О<бщест>ва на реферате Лундберга[672].

Переписка с Блоком[673]. Служба в «Мусагете». Споры с Петровским и Сизовым; интерес к проблемам масонства. Сидения у Аси. Беседы с Садовским, Нилендером, Гершенсоном, Морозовой.

Ноябрь. Москва.

1) Беседа на тему «Уход Толстого» в «Мусагете».

2) «*Трагедия Творчества*». Лекция в Моск<овском> Религ<иозно->Фил<ософском> О<бщест>ве с прениями[674].

3) Прения у Шпетта на тему о «*Логосе*».

4) Участие в беседе у Эллиса в «Дону».

5) Редакционное заседание в «Мусагете».

6) Деловое заседание в «Мусагете» (с Блоком)[675].

7) Заседание совета Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва.

8) Прения в «Свободной Эстетике».

9) «Вопросы номенклатуры».
10) То же. } Ритмич<еский> кружок
11) То же.
12) Реферат Баранова-Ремма и прения[676].
13) Эсотер<ическое> собр<ание>.
14) Эсотер<ическое> собр<ание>. } У Сизова
15) Прения у Крахта.

Приезд Блока; вопросы отъезда; служба в «Мусагете»; отъезд за границу[677].

Декабрь. Вена, Венеция, Неаполь, Палермо, Монреаль, Тунис.

Жизнь с Асей, осмотры; пишу для «*Речи*» 2 фельетона «О Венеции», фельетон о «Неаполе», фельетон о Палермо[678]. Читаю «*Италианские впечатления*» Гёте и «1001 ночь»[679].

1911 год

Январь. Радес[680].

Переписка с Метнером; не менее 6 фельетонов (о Монреале и Тунисе)[681]; чтение книг по истории Тунисии. Поездки.

Февраль. Радес — Кайруан — Радес.

Ссора с Метнером в письмах[682]; пишу фельетоны о «*Кайруане*» и «Культуре Тунисии»[683].

Март. Радес — Каир.

Частая переписка с Метнером и Блоком; пишу ряд фельетонов.

Апрель. Каир — Иерусалим — Пароход.

Впечатления Палестины. Читаю Масперо[684]; и книги по истории арабского Египета.

Май. Константинополь — Боголюбы — Москва — Боголюбы.

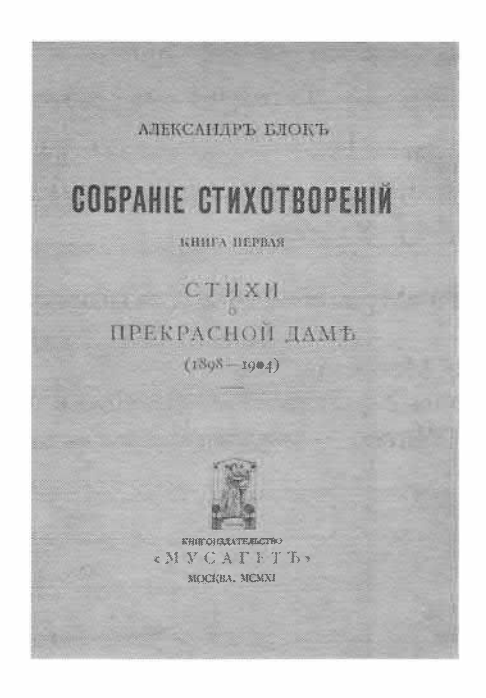
Ряд организационных заседаний в «*Мусагете*», дружба с Булгаковым; в Боголюбах возвращаюсь к медитациям; пишу стихи.

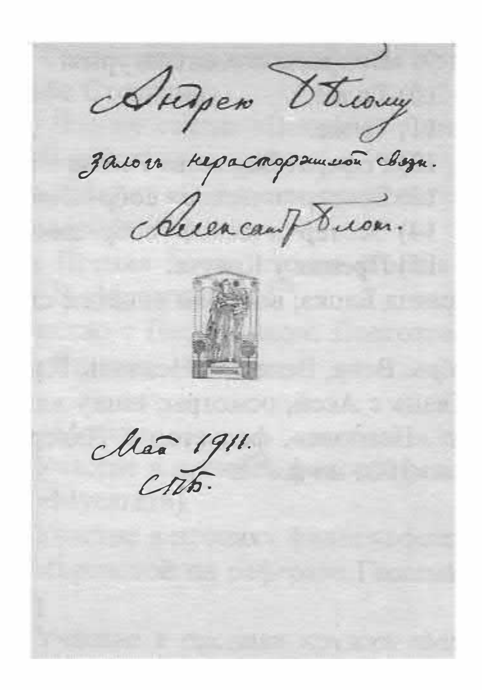
Июнь. Боголюбы.

Перерабатываю фельетоны в книгу «*Путевые заметки*»[685], пишу главы о Радесе; медиумические явления; дружба с Поццо и Наташей; пишу стихи: книжечка «*Рыцари и Королевна*» — написана в этот период[686].

Июль. Боголюбы.

Пишу «*Египет*» (все, что поздней вошло о «Египте» во 2-ой том, ненапечатанный)[687]; те же медиумические явления в домике; читаю «Добротолюбие»[688].

Александр Блок. Собрание стихотворений. Кн. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904)
М.: Мусагет, 1911. ГЛМ
Дарственная надпись на шмуцтитуле:
«Андрею Белому залог нерасторжимой связи. Александр Блок. Май 1911. СПб.»

Август. Боголюбы.

Переписка с Морозовой; сборы к отъезду в Москву.

Москва.

Метание повсюду за розыском помещения[689].

Сентябрь. Москва.

То же метание; находим убежище в Расторгуеве[690]. Отъезд к Морозовой[691].

Калужск<ая> губ<ерния> (у Морозовой).

Жизнь у Морозовой; приготовляю к печати «Путев<ые> Заметки». Встречи с Вульф, Желяевым, И.И. Трояновским.

Расторгуево.

Пишу 2 диалога (под псевдонимом) для «Трудов и дней»[692]. Пишу статью «*Против мистики*»[693]. Перечитываю Блавадскую, читаю внимательно все, написанное Булгаковым, Бердяевым, Е. Трубецким, особенно 2-томное сочинение Трубецкого, посвященное Вл. Соловьеву[694]; договариваюсь с «*Русской Мыслью*» о романе[695]. Знакомство и беседы с Яковенко в Москве.

Октябрь. Расторгуево.

Бываю раз в неделю в Москве, а прочее время сижу с Асей в деревне. Пишу первую главу «*Петербурга*» и вторую.

1) Выступление в публ<ичной> беседе Религ<иозно>-Фил<ософского> О<бщест>ва в память Льва Толстого.

2) Выступление в диспуте «Своб<одной> Эстетики».

3) Чтение в «Мусагете» отрывков из «Петербурга».

Частая переписка с А.А. Блоком.

Ноябрь. Расторгуево.

Страдания от холода, безденежья, непонимания; замыслы «*убежать*» за границу.

1) «Страна ужаса и бреда». Публ<ичная> лекция в Истор<ическом> Музее[696].

Москва.

Холода таки загнали в Москву; уезжаем с Асей в Бобровку[697].

Бобровка.

Усиленное писание 3-ьей и 1/2 четвертой главы «Петербурга».

Декабрь. Бобровка.

Переработка и подготовка написанного текста для «Русской Мысли».

Москва.

Инцидент с «*Русской Мыслью*»[698]; ссоры — с Брюсовым[699], Кожебаткиным, Метнером, мамой; охлаждение с «путейцами»[700]; встреча и примирение с д'Альгеймами.

Весь период 1911 года мало читаю, но очень много пишу: написаны 2 тома «Путевых Заметок» и 1/2 романа «Петербург». Чтению противопоставлено горестное углубление самосознания и ощущение нового поворота *жизненного колеса*; знаю, что идем с Асей — «*под облаком*»: сквозь облако.

1912 год

Январь. Москва.

Продолжающееся недоразумение с Брюсовым, Струве, Метнером, Кожебаткиным; Булгаков старается меня защитить; больной уезжаю в Бобровку[701].

Бобровка.

Пишу несколько отрывков «*Петербурга*». Разговор с Рачинским о том, как мне тяжело; получаю анонимное письмо, дурно отзывающееся об Асе; срываюсь; лечу в Москву.

Москва.

Ссора с мамой; выясняется почти невозможность появляться в «Мусагете», где кисло мне очень.

1) Публичное выступление в «Свободной эстетике»: объяснение с Брюсовым; бросаю: «А судьи кто?» (проблема конкурса)[702].

В. Иванов зовет нас с Асей к себе; уезжаем[703].

Петербург.

Жизнь на башне; сочувствие ко мне: В. Иванова, Аничкова, Сологуба, А.Н. Толстого и многих литераторов; письмо от Струве о том, что «*Петербург*» совершенно невозможен[704].

Февраль. Петербург.

Жизнь на башне; дружба Аси с В.И. Ивановым; обед у Сологуба, вечер у Городецкого; песни Кузмина[705], Пяст; встреча с Блоком[706]; интимнейшие беседы с Аничковым, с Недоброво; предложение издать «Петербург» от Ангарского, Сологуба, Евгения Ляцкого[707]. Знакомство с И.В. Гессеном; вечер у Гессенов.

1) Чтение романа «Петербург»
2) То же.
3) То же.

(1–3:) 3 среды у В. Иванова.

4) Беседа о символизме у И.В. Гессена.
5) Беседа на философскую тему у С.И. Гессена.
6) «О пятистопном ямбе». Мой реферат в О<бщест>ве Ревнителей Худ<ожественного> Слова[708].
7) «О стихиях у поэтов». Мой реферат: там же.

Споры с Гумилевым и Кузминым об акмеизме (выдумываем с В. Ивановым Гумилеву «акмеизм-адамизм»)[709]. Ася едет в Москву.

Март. Петербург.

Разговоры с Ивановым, Аничковым и выписанным в Петербург Метнером о моем романе и возможном журнале[710]; обсуждение материала статей в «Трудах и Днях» с Ивановым (В.И.); пишу реферат: «Что есть символизм».

1) Участие в средовой беседе Иванова.
2) Реферат «Что есть символизм» в «*Аполлоне*» (с прениями)[711].
3) Участие в беседе на тему «Символизм» в «Аполлоне».
4) Моя публичная лекция (не помню заглавия) в Соляном Городке[712].
5) Участие в прениях Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва.

Уезжаю в Москву[713].

Москва.

Невыразимые хлопоты, чтобы достать деньги и вырваться за границу; заем у «*Пути*» под книгу о Фете; продажа «Петербурга» Некрасову[714]; спешно пишу для «Пути» статью: «*Лев Толстой*»[715]; частые беседы с Булгаковым о «Дневнике» А. Н. Шмидт[716].

1) Ряд организационных заседаний в «Мусагете» и «Трудах и днях».

Апрель. Москва.

Частые встречи с д'Альгеймами; помогаю им в составлении программы; судорожный отъезд[717].

Брюссель.

Жизнь в Бельгии; болезнь; странные сны; изучение фламандской живописи; беседы с Дансом, мадам Дестрэ, с Жюлем Дестрэ, с Сантом; ссора с Метнером (в письмах)[718]; частая переписка с Сизовым, Киселевым, Петровским; увлечение «Кольцом»[719]. Пишу статью о «символизме» для «*Трудов и дней*»[720]. Странные встречи[721].

Май. Брюссель.

Атмосфера в Брюсселе напрягается; неожиданный отъезд в Кельн.

Кельн.

Встреча и разговор с доктором Штейнером, определяющий судьбу мою и Аси[722].

1) Лекция Штейнера в кельнской ложе на тему о связи с космосом[723].

2) Публичная лекция Штейнера «Христос и 20-ый век»[724].

Я отмечаю лекции Шт<ейнера>, как влиявшие на внутреннюю работу; возвращение в Брюссель.

Брюссель.

Чувство преследования и беспокойство; приезд Эллиса[725]; разговоры с ним; читаю «Теософию»[726], читаю курс «*Теософия розенкрейцерства*» Штейнера[727]; занимаюсь немецким языком; оканчиваю 4-ую главу «Петербурга».

Р. Штейнер. 1910-е. ГМП

Май. Брюссель.

Беспокойство в Брюсселе растет; едем в Шарлеруа, к Дестрэ.

Шарлеруа.

Беседы с Дестрэ.

Буа-Ле-Руа.

Приезжаю к д'Альгейм[728] (Ася в Брюсселе; д'Альгеймы — в Лондоне); ряд сериозных бесед с В.А. Олениной.

Июнь. Буа-Ле-Руа.

Длительные беседы с д'Альгеймами; встречи с Питтом; пишу 5-ую главу «*Петербурга*»; читаю исследование о процессе Темплиеров и ряд книг подобного типа (роюсь в библиотеке д'Альгеймов); читаю Клоделя, «Rouge et noir» Стендаля[729], Леконт де Лиля. В самом конце месяца едем в Мюнхен.

Июль. Мюнхен.

Встреча со Штейнером; приезд Наташи; знакомство с теософами; усиленнейшая медитационная работа; черчу ряд схем; веду медитационный дневник; учусь немецкому языку; читаю курс об ангельских иерархиях Штейнера (дюссельдорфский)[730]; большие медитационные узнания; знакомство с Юли, Штинде, Калькрейт, Киселевыми (Ник<олай> Ник<олаевич> и жена), Ганной, Шолль, Рихтером; частые поездки к Эллису под Мюнхен, сближение с Поольман-Мой; Эллис прочитывает мне курс по антропософии; медитационно читаю «Как достигнуть»[731]. С середины месяца ежедневно ходим к Матильде Шолль, и она дает нам антропософские «*уроки*»[732].

1) Слушаю лекцию Юли в *А.О.*[733]

2) Слушаю лекцию Юли в А.О.

3) Слушаю чтение Штинде в А.О.

4) Слушаю чтение Штинде в А.О.

5) Разговор со Штейнером о желании работать (дана медитация).
6) Разговор со Штейнером: сдаю медитационный отчет; новая медит<ация>.
7) Разговор со Штейнером: сдаю медит<ационный> отчет.

Читаю ряд статей (интимных) Поольман-Мой; нам с Асей делают визит гр<афиня> Калькрейт и Штинде.

Август. Мюнхен.

Знакомство с M-me Перальтэ, беседы с Поольман-Мой; общение с Ильиной, Дубахами, Бергенгрюн, Гаэром; частые беседы с Эллисом; продолжаю ежедневно бывать у Шолль; к нам ежедневно приходит Ганна: проходить с нами «Мистерии» Штейнера; прочитываю: 1) 3 мистерии Штейнера, 2) книгу «Мистерии древности и христ<ианство>», 3) книгу «Акаша», 4) книгу Шюре о Штейнере, 5) мистерию Шюре[734].

1) Беседа со Штейнером (сдача урока).

Приезд Трапезникова и сближение с ним; приезд Волошиной, Христофоровой, Григоровых, Петровского, Сизова, Ник<олая> Петр<овича> Киселева, Викентьева (с женой); сближение с Рихтером; знакомство с Пайперсом.

1) Лекция в А.О.
2) Лекция в А.О.
3) Лекция д-ра Унгера на съезде[735].
4) Лекция Бауэра на съезде.
3) 1-ая мистерия Шт<ейнера>.
4)* 2-ая мистерия Шт<ейнера>.
5) 3-ья мистерия Шт<ейнера>.
6) Мистерия Шюре.

} Постановки[736].

7) Чтение какого-то члена А.О. (лекция) на съезде.
8) Беседа о Безант (на съезде)[737].
9) Обсуждение создавшегося положения на съезде.
10) Беседа об отделении от Безант (на съезде).
11) «Вечность и мгновение» 1-ая.
12) " " " 2-ая.
13) " " " 3-ья.
14) " " " 4-ая.
15) " " " 5-ая.
16) " " " 6-ая.
17) " " " 7-ая.

} Курсовые лекции Штейнера на съезде[738].

Я отмечаю здесь эти пропущенные через душу лекции и беседы, ибо они влияли на мою работу: они были для меня напряженной работою.

Сентябрь. Мюнхен.

Отъезд Наташи в Москву; неприятные письма; важные разговоры с Петровским и Н.П. Киселевым; отъезд в Базель.

Базель.

Пишу наброски к 6-ой главе «*Петербурга*»; забота, откуда достать денег;

---

* *Сбой нумерации в автографе.*

переписка с Москвой; приезд В.И. Иванова к нам в Базель; ряд бесед; попытка вместе с В.И. Ивановым нанести визит Штейнеру (его не оказалось)[739]; отъезд Иванова; появление Эллиса, Поольман-Мой и др<угих> антропософов; беседа со Странденом; усиленные медитации.

1) Отчет доктору Штейнеру о работах, ответственный разговор с ним и огромные узнания от этого разговора (кстати: первая встреча с К.Н. Васильевой в комнате у Штейнера).

2) «Евангелие от Марка» 1-ая.
3) " " " 2-ая.
4) " " " 3-ья.
5) " " " 4-ая.
6) " " " 5-ая.
7) " " " 6-ая.
8) " " " 7-ая.
9) " " " 8-ая.
10 " " " 9-ая.
11) " " " 10-ая.

(пп. 2–11: Курс Штейнера для членов А. О.[740])

12) Публичная лекция Штейнера.
13) Публичная лекция Штейнера.
14) Собрание в базельской ложе.

Разъезд.

Октябрь. Фицнау.

Наша жизнь с Асей в полном одиночестве; чтение «Geheimwissenschaft»[741]; чтение «*Goethes Weltanschauung*»[742]. Чтение курса Штейнера «Дети Христа и Люцифера»[743]. Усиленнейшая медитационная работа и приготовление схем и отчетов Штейнеру, отнимающая все время; чтение, пристальное, «Заратустры» и «*Ecce homo*»[744]; переписка с Крахтом, Наташей, Ахрамовичем, Эллисом, Поольман-Мой; пишу для «*Трудов и дней*» две статьи: «*Круговое движение*» и «Круг, линия, спираль символизма»[745]; в первых числах ноября переезд в Дегерлох.

Ноябрь. Дегерлох (около Штуттгарта).

Перерабатываю «Петербург» (написанное) в окончательн<ую> редакцию. Ряд ответственнейших бесед с Эллисом и Поольман-Мой; те же напряженнейшие медитации; читаю курс Штейнера «Апокалипсис»[746]. И перечитываю Владимира Соловьева; в первых числах декабря едем в Мюнхен[747].

Декабрь. Мюнхен.

Спешно пишу длинный отчет Штейнеру о медитационн<ых> работах; знакомство с графом Лерхенфельдом; беседы с Трапезниковым; ряд острых бесед с Эллисом (о Штейнере); намечающееся расхождение с ним.

1) Свидание со Штейнером и передача ему отчета и дневников; он зовет нас в Берлин.

2) Лекция Штейнера в мюнхенской ложе[748].

3) Лекция Штейнера в мюнхенской ложе.

К.Н. Васильева (с 1931 г. Бугаева)
1914. ГМП

4) Публичная лекция Штейнера.
5) Публичная лекция Штейнера.,

Нюренберг.

Проводим здесь несколько дней.

Берлин.

Устройство в Берлине; частое бывание у Бергенгрюн; беседы с Гаэром; появление Форсман; знакомство с Зеллингом, с Куртом Вальтером, более близкое знакомство с М.Я. Сиверс, Валлер и с обоими Леман; знакомство с Кюном; приезд Христофоровой.

6) Разговор с М.Я. Сиверс: о нашей жизни.
7) Разговор со Штейнером (за кофе) о науке и Бэконе.
8) Свидание деловое со Штейнером: получаю обратно свой дневник; получаю новую медитацию.
9) «Между смертью и новым рожден<ием>» 1-ая.
10) " " " 2-ая. }
11) " " " 3-ья. } Лекции Штейнера в берлинской ложе[749].
12) " " " 4-ая. }
13) Публичная лекция Штейнера. Architektenhaus[750].
14) Публичная лекция Штейнера.
15) Беседа в *Ложе* на тему о Безант.
16) То же (Штейнер).
17) То же (прения Штейнера с Фидусом).
18) Рождественская лекция Штейнера.
19) Лекция Штейнера для «одиноких».
20) Представление народных рожд<ественских> мистерий[751].

Спешно едем в Кельн[752].

Кельн.

21) «Бхагават-Гита и Послания Павла» 1-ая. }
22) То же 2-ая. } Курс Штейнера
23) То же 3-ья. } в Кельне.

1913 год

Январь. Кельн.

1) То же 4-ая. } курс Штейнера
2) Тоже 5-ая. } в Кельне[753].

Записались в Кельне в А.О.; ряд крупных разговоров с Эллисом и Поольман; меня интересует проблема Храма и легенда Грааля (Де Троа, Вольфрам фон Эшенбах)[754]; эта тема в связи с узнанием опытным: наше тело — храм; прощание с Эллисом трогательное, но горькое (уже ясен отход наш друг от друга).

В первых числах января — возвращение в Берлин.

3) Публичная лекция Штейнера[755].

4) То же[756].

Берлин.

Свидание с доктором Штейнером в Берлине; получение от него новых медитаций; сдаю отчет о работе ему.

Весь месяц усиленнейшие медитации; читаю курс доктора Шт<ейнера>: «*Евангелие от Луки*»[757], читаю курс Шт<ейнера> «*Welt, Erde und Mensch*»[758]; веду дневники и отчеты. *Случаи выхождения из себя*, объясняемые мне докт<ором> Штейнером; читаю «*Добротолюбие*»[759]; читаю «*Историю монашеских орденов*»[760]; увлекаюсь Бахом.

Усиленная переписка с Блоком о «Сирине»[761].

Посещаю лекции:

5) «Между смертью и рождением»[762].
6) «Меж<ду> см<ертью> и рожд<ением>» } Лекции Штейнера
7) То же. } в берл<инской> ложе.
8) То же.
9) Публичная лекция Штейнера[763]. В Architektenhaus.
10) То же. "--"-- "

Февраль. Берлин.

Весь месяц недоумения и денежные затруднения; переписка с Москвой, с Блоком; знакомство с Терещенкой, заехавшим в Берлин ко мне[764]; встреча с П.В. Танеевым; сближение с Форсман; частые бывания у Бергенгрюн и Христофоровой; читаю ганноверский курс доктора (не помню заглавия)[765].

Свидание с доктором Штейнером; сдаю отчет ему в работе и дневники.

Начинается генеральное собрание, длящееся неделю[766]. Мы с Асей бываем с 9 часов утра до 11 вечера в *Architektenhaus*, урывая лишь время для обеда.

Среди заседаний и собраний хорошо помнятся:

1) Деловое заседание открытия А.О.
2) Деловое заседание, урегулирующее вопрос с Безант.
3) Заседание, оглашающее работу разл<ичных> стран.
4) Так называемое Gesellige<s> Beisammensein* (чай с докт<ором> Штейнером).

Среди докладов на съезде хорошо помнятся:

5) Доклад д-р<а> Унгера.
6) Реферат Деглау (из Бреславля) о механике Ньютона[767].
7) Доклад пастора (не помню фамилии)[768].
10)** Доклад Пайперса[769].

В этот месяц слышал след<ующие> лекции *доктора Штейнера*:

---

* Дружеская встреча (*нем.*).

** *Сбой нумерации в автографе.*

11) «Между смертью и нов<ым> рожд<ением>». } Лекции
12) То же. } в ложе.
13) «О сущности антропософии» на генер<альном> собр<ании>[770].
14) «О Христиане Розенкрейце». В ложе во время ген<ерального> собр<ания>[771].
15) Слово, открывающее генер<альное> собрание.
16) «Мистерии Востока и Запада»[772].
17) То же.
18) То же.
19) То же. } Курс на ген<еральном> собр<ании>.
20) Публичная лекция.
21) Публичная лекция. } В Architektenhaus[773].

Март. Берлин.

Собираемся ехать на курс Шт<ейнера> в Гаагу[774], но нет денег; берем билеты в Боголюбы, и тут получаем известие, что «Петербург» принят и деньги могут выслать[775].

Слушаю лекции:

1) Лекция Штейн<ера> в ложе[776].
2) То же.
3) Публичн<ая> лекция Шт<ейнера> в Architektenhaus[777].

Прощальное свидание с Штейнером[778]; сдаю отчет, новые медитации и отзыв: «*У вас теперь хорошая загрунтовка работы для будущего*».

Отъезд в Боголюбы[779].

Боголюбы.

Жизнь в деревне: Десан Иваныч, Соф<ья> Ник<олаевна> и Вл<адимир> Конст<антинович> Кампиони, Ася, Наташа, Поццо; приезд поженившихся Тани и Сережи Соловьева из Италии[780] (через несколько дней уехали); разговоры с боголюбским батюшкой, «Николаем Васильевичем»; работа медитативная труднее идет; деловая переписка с «Сирином» (Ивановым-Разумником)[781]. Пишу с трудом отрывки из 6-ой главы «*Петербурга*». Главное занятие — интерес к составлению исторической схемы, согласной с духом антропософии; и расстановка на схеме истории орденов, философских течений и т.д. В эти месяцы вынашивался мой взгляд на культуру мысли; частая переписка с Эллисом, становящаяся все неприятнее; переписка с Бердяевым[782]. Чтение книги Дюшена[783]. Чтение только вышедшей книги «Антропософия, как путь самосознания»[784]. Чтение журнала «Luzifer-Gnosis»[785]. Чтение «*Mitteilungen*»[786]. Получение подробных конспектов гаагского курса и их изучение. Готовлю отчет д-ру Штейнеру.

Апрель. Боголюбы.

Нервная измученность; неприятности с Поццами; отчуждение от них; усиленное писание 6-ой главы «Петербурга». И переработка.

Май. Боголюбы.

Отъезд Наташи; приезд Л.Н. Татариновой; исторические схемы; медитации; подготовление отчета доктору.

В 20-ых числах уезжаем.

Петербург[787].

Встречи: с Блоком, Ивановым-Разумником[788], Бердяевым, посещение Мережковских и спор с ними и с Философовым; обед у Карташева и Т.Н. Гиппиус.

Встреча с Наташей и Поццо. Отъезд в Гельсингфорс[789].

Гельсингфорс.

Встречи: с Бородаевским, Григоровыми, Ахрамовичем, Машковцевым, Христофоровой, Форсман, Боянусом, Петровским, Сизовым; знакомство с Белоцветовым; встречи с Райф, Калькрейт, Штинде, бароном Валленом, Валлер, Митчером и др<угими> антропософами. Встреча с Штейнером и Сиверс. Знаком<ство> с К<лавдией> Н<иколаевной> и Ел<еной> Н<иколаевной>[790]. Слушание курса Штейнера и ряд моих бесед-резюмэ в русской группе на тему курса.

Мы с Асей приняты Штейнером в эзотерический круг.

1) Свидание и долгий разговор с Штейнером (сдаю отчет и получаю *продолжение* к медитациям).

2) Встреча-беседа немецких антроп<ософов> с русскими (у Григоровых).

3) Беседа-прения об антропософии у Бердяева (я, Бердяев, Бородаевский: Бердяеву я устроил разрешение прослушать курс).

Кроме того: слушаю следующие лекции Шт<ейнера>:

4) «*Оккультные основы Бхагават-Гиты*» 1-ая[791].
5) 2-ая.
6) 3-ья.
7) 4-ая.
8) 5-ая.
9) 6-ая.
10) 7-ая.
11) 8-ая.
12) 9-ая.
13) 10-ая.
14) Лекция Штейнера, читанная русским[792].
15) Публичная лекция Штейнера[793].
16) Лекция Штейнера эзотерического урока.

Июнь. Петербург[794].

Свидание с Блоком, Мережковскими, Бердяевым, А.Н. Чеботаревской и другими петерб<уржцами>; отъезд.

Демьяново.

Встреча с мамой; тяжелые неприятности; работаю над записью конспекта лекций Штейнера. Разговоры в парке с Вл<адимиром> Ив<ановичем> Танеевым; встречи с К.А. Тимирязевым.

Дедово.

Встреча с Соловьевыми и А.Г. Коваленской; разрыв с С.М. Соловьевым[795].

Москва (проездом).

Разговор с А.С. Петровским и М.И. Сизовым. Отъезд.

Боголюбы.

Конец месяца в нервной прострации; читаю «*Заветы*»[796], читаю по истории религии; медитации; работа над схемами.

Июль. Боголюбы.

То же...

Поездка в Луцк: к Положенцовым; дружба с Николаем Васильевичем. Пишу 7-ую главу «Петербурга» и отсылаю в «*Сирин*».

Август. Боголюбы.

Спешная подготовка к отъезду в Мюнхен[797].

Мюнхен.

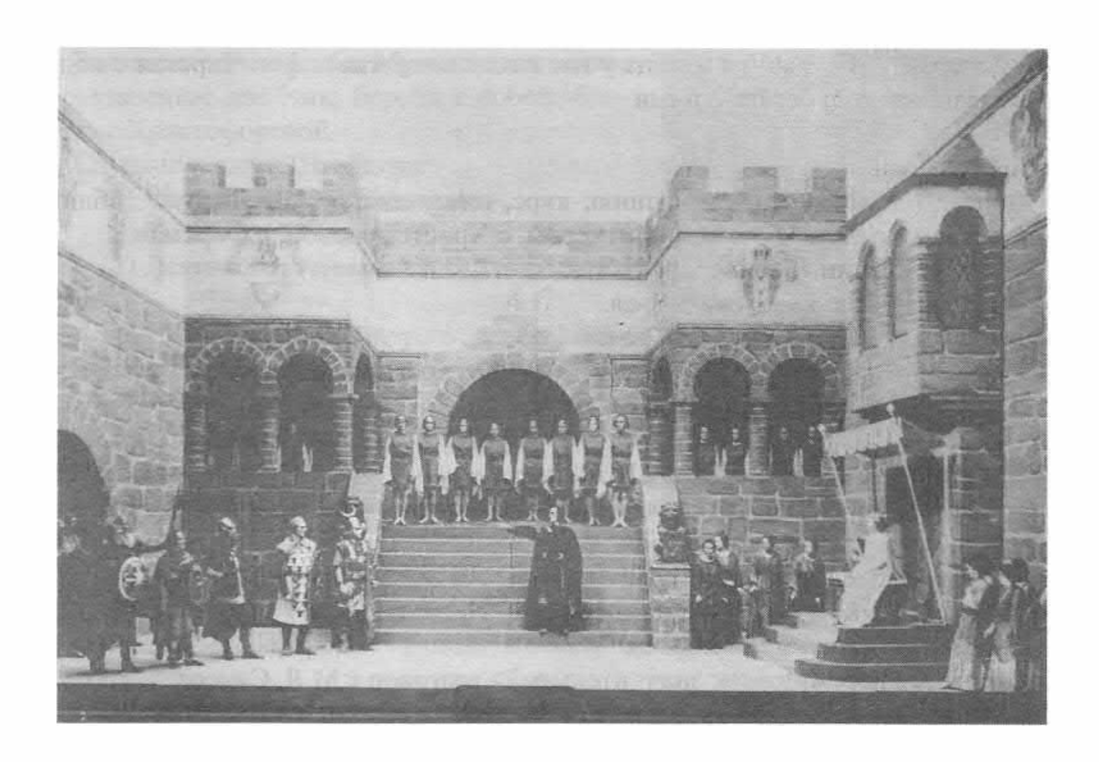
Встреча с антропософами; Рихтер настаивает на отъезде в Дорнах; появление Трапезникова с С.П. Ремизовой; частые бывания у Ильиной; мы с Асей стали членами *Johannesbau-Verein*[798]; Штинде нас вписала в список дорнахцев; встреча с Петровским, Христофоровой, Григоровыми, Сабашниковой, Форсман, Ел<изаветой> Ив<ановной> Васильевой, Бородаевской, Сизовым, Колпакчи; волнения в связи с постройкой Гетеанума; знакомство с Май, с эвритмисткой Смидс, с архитектором *Bau*, Шмидтом; ряд разговоров с графом Лерхенфельдом. Ссора в письмах с Эллисом. Медитации. Тягостное недоумение о докторе; внутреннее сближение с Сиверс; *значительное явление* на концерте.

1) Эвритмическое представление[799].
2) Эвритмич<еское> представление.
3) Антропос<офский> концерт.
4) Gesellige<s>-Beisammensein.
5) Представление 1-ой мистерии Штейнера.
6) " 2-ой " "
7) " 3-ьей " "
8) " 4-ой " "
} В городском театре[800].
9) Публичная лекция д-ра Унгера.

Лекции Штейнера:
10) «Тайны порога» 1-ая.
11) То же 2-ая.
12) То же 3-ья.
13) То же 4-ая.
14) То же 5-ая.
15) То же 6-ая.
16) То же 7-ая.
17) То же 8-ая.
} Курс Штейнера[801].
19)* «Об эвритмии». Слово Штейнера[802].
20) Слово Шт<ейнера> в заседании Johannesbau-Verein.
21) Публичн<ая> лекция Шт<ейнера>.

---

* *Сбой нумерации в автографе.*

Эвритмическая постановка «Фауста» Гёте
Гетеанум. Дорнах. 1940-е (?). Почтовая открытка. ГМП

22) Публ<ичная> лекц<ия> Шт<ейнера>[803].

23) Эсотерический урок.

24) Эсотерич<еский> урок.

Записываемся на октябрьский курс доктора в Христиании; встречи с Мариэттой Шагинян; она мирит с Метнером; обмен писем с Метнером, находящимся в Дрездене.

Увлечение Вагнером и Шуманом.

Дрезден.

Встреча с Метнером; несколько проведенных с ним дней.

Берлин.

Лишь проездом: устраиваю книги в издательстве «Сирин»[804].

Сентябрь. Христиания.

Знакомство с Гельмгойден.

1) Заседание христианийской Ложи А.О.

Льян.

Бешеная медитативная работа; читаю гельсингфорсский курс Шт<ейнера> «О иерархиях»[805] и перечитываю дюссельдорфский[806]; читаю курс о Карме[807]; читаю «Порог дух<овного> мира»[808] и перечитываю «*Geheimwissenschaft*»[809]. Напряженнейшее подготовление отчетов Шт<ейнеру>; переписка, частая, с Метнером. Узнаю о выходе Эллиса из О<бщест>ва; перевожу сцену из 1-ой «мистерии»

Шт<ейнера>[810]. Под конец месяца у нас в пансионе живет фон-Чирская с подругой, бразилианкой; беседа с ними.

Октябрь. Льян.

Приезд Штейнера в Христианию; курс; пишу письмо Штейнеру[811]; сближение с д<окто>р-<ом> Гёшем, с Митчером, с Христофоровой, с Форсман.

Слушаю лекции Штейнера:

1) «Пятое Евангелие» 1-ая.
2) " " 2-ая.
3) " " 3-ья. } Курс лекций для членов[812].
4) " " 4-ая.
5) " " 5-ая.
6) Публ<ичная> лекция Шт<ейнера>.
7) Публ<ичная> лекция Шт<ейнера>[813].
8) Эсотер<ический> урок.
9) Эсотер<ический> урок.

Значительный разговор с Штейнером.
Переезд Христиания — Берген[814].
Огромные переживания: знач<ительный> разговор с М.Я. Сиверс.
Берген.
Большие переживания.

10) Лекция Шт<ейнера> в бергенской ложе.
11) То же.
12) Эсотер<ический> урок Штейнера.
13) Эсотер<ический> урок.
14) Публ<ичная> лекция Шт<ейнера> в Бергене[815].

Христиания.
Значительный разговор с К.П. Христофоровой.
Копенгаген[816].

15) Лекция Шт<ейнера> в копенг<агенской> ложе.
16) Публ<ичная> лекция[817].
17) Эсотер<ический> урок Штейнера.

Встреча с Сиверс и значит<ельный> разговор.
Поезд. —
— Значительн<ый> разговор в поезде с М.Я. Сиверс.
Берлин[818].

Устройство помещения; проезд Анненковой; узнание о выходе книги Эллиса против Штейнера[819]. Разговор с М.Я. Штейнер, о том, что надо изъять у Эллиса ряд замечаний доктора; мы с Асей решаемся ехать в Штутгарт: объясниться; ряд решительных писем в Москву; и мой выход из «Мусагета»[820].

Штутгарт.
Решительное объяснение с Поольман и отобрание курсов у Эллиса[821].
Берлин.
Передача отобранного Сиверс. Приезд в Берлин Наташи и Поццо.

Ноябрь. Берлин.

Выведенность из себя. Мучительная жизнь в раздвоении: двойник; борьба с собой; близость с Христофоровой.

Слушаю лекции Штейнера:

1) Ракурс «Пятого Евангелия».

2) То же.

3) Лекция Шт<ейнера> в берл<инской> ложе[822].

4) Лекция Шт<ейнера> в Architek-t<en>haus[823].

Нюренберг.

5) Лекция в нюр<енбергской> ложе Шт<ейнера>[824].

6) Лекц<ия> в нюр<енбергской> ложе Шт<ейнера>.

7) Эсотер<ический> урок Шт<ейнера>.

8) Эсотер<ический> урок Шт<ейнера>.

(Встречи с Бауэром, Трапезн<иковым>, Лерхенфельдом).

Мюнхен[825].

9) Лекц<ия> Шт<ейнера> в ложе.

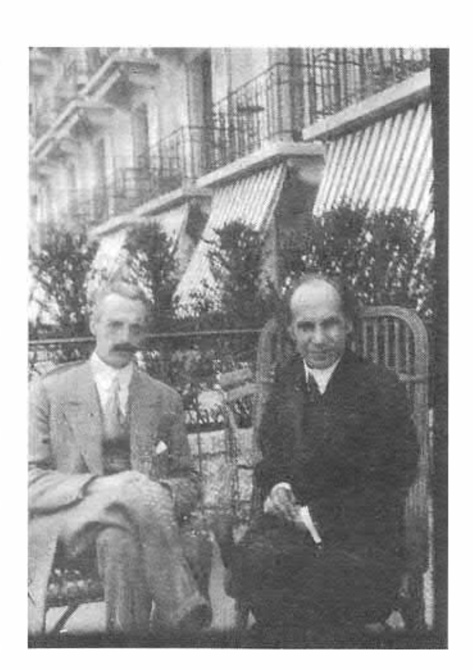
10) То же.

11) Публ<ичная> лекц<ия> Шт<ейнера>.

12) Лекция для эсотериков.

13) Публичн<ая> лекц<ия> Шт<ейнера>.

?14) Лекция Штейнера.

Андрей Белый и А.М. Поццо
Швейцария. 1915. ГМП

Берлин.

Страшно мрачен; перестаю где бы ни было бывать.

14) Лекция Вальтера в берл<инской> ложе.

Читаю Коллинз: «Krone der Liebe»[826]. Пишу 8-ую главу «Петербурга».

Дружба с Христофоровой.

Спешно дописываю «*Петербург*» (последняя глава).

Декабрь. Берлин.

Странные отношения: с доктором, с Поццо, с Наташей, с М.Я. Сиверс, с К.П. Христофоровой (близость), ощущение отхода от Аси; борьба с собой.

Слушаю лекции:

1) Лекция для эсотериков Шт<ейнера>.
2) Лекция в берл<инской> ложе.
3) Лекция в берл<инской> ложе. } Штейнер.
4) Лекция публичная.
5) Лекция публичная[827].

Штутгарт[828].

6) Лекция в ложе.
7) Лекция в ложе. } Штейнер.
8) Публичная лекц<ия> Шт<ейнера>.

9) Урок для эсотериков Шт<ейнера>.

Берлин.

10) Публичн<ая> лекц<ия> Штейнера[829].

11) Лекция Вальтера в ложе.

12) Вечер искусства при ложе.

13) Исполнение рождеств<енских> мистерий (представление).

14) Лекция Штейнера рождественская[830].

Лейпциг.

15) Исполнение рожд<ественских> мистерий.

16) «Христос и духовный мир» 1-ая.
17) То же 2-ая.
18) То же 3-ья.
19) То же 4-ая.
20) То же 5-ая.
} Курс лекций Штейнера[831].

Разговор с М.Я. Сиверс. Объяснение с Поццо. Знакомство с Христианом Моргенштерном[832].

1914 год

Январь. Лейпциг.

Разговор, важный, с Трапезниковым; поездка к могиле Ницше[833]. Оканчиваю одну из внутренних работ. Случай с припадочным на лекции Штейнера, в котором принимаю участие. Важные сны.

Сквозь все, — тема посвящения.

Боязнь заболеть нервно от перегруженности внутренней работой.

1) Беседа в кружке русских.

Слушаю Шт<ейнера>.

2) Публичная лекция Штейнера.

3) Публичная лекция Штейнера[834].

4) Урок для эсотериков.

В начале января переезжаем в Берлин.

Берлин.

5) Лекция для эсотериков.
6) Лекция «О Парсифале» в ложе[835].
7) Лекция в берлинск<ой> ложе.
8) Слово Штейнера в ложе об инцид<енте> с Больтом[836].
} Лекции Штейнера

9) Вечер, посвящ<енный> искусству, в берл<инской> ложе (мой разговор с М.Я. о покупке участка ее земли в Дорнахе).

10) Лекция Штейнера в берл<инской> ложе.

Антропософское генеральное собрание в Берлине[837]: *выступления Штейнера* на генеральном собрании.

11) Слово, открывающее генер<альное> собрание.

12) Слово перед докладом «Меч Каролинга».

13) Выступление-призыв на засед<ании> «Johannesbau-Verein'a»[838].

14) Выступление-речь: о Гетеануме (Ген<еральное> Собр<ание>).
15) Слово об «*инциденте*» с Больтом.
16) Выступление с темою «Дюрер».
17) «О макрокосмической мысли»[839].
18) То же.
19) То же.
20) То же.
} Курс на ген<еральном> собрании
21) Публичн<ая> лекция Штейнера[840]. В Architektenhaus
22) Публ<ичная> лекц<ия> Шт<ейнера>[841]. " … "

Кроме того: прослушал ряд докладов на ген<еральном> собр<ании> (каждый день от 9 утра до 11 вечера).

23) 1-ый день ген<ерального> собрания (ряд докладов).
24) 2-ой день ген<ерального> собр<ания>.
25) 3-ий д<ень> г<енерального> с<обрания>.
26) 4-ый д<ень> г<енерального> с<обрания>.
27) 5-ый д<ень> г<енерального> с<обрания>.
28) 6-ой д<ень> г<енерального> с<обрания>.
29) 7-ой д<ень> г<енерального> с<обрания>.
30) 8-ой д<ень> г<енерального> с<обрания>.
} Доклады, деловые заседания, прения (в числе прочих: доклады Унгера, Бауэра, Пайперса, Зеллина, Нолля, Вагнера, венского антропософа и т.д.).

Напряженнейший месяц, в котором внутренняя работа и внутр<еннее> общение с Штейнером сталкивались* с рядом общественных забот и волнений; сборы отъездные в Дорнах: нас и Поццо; дружба с Рихтером, уезжающим в Дорнах; прощание с Христофоровой.

31-го января уезжаем в Дорнах.

31) Публичная лекция Штейнера.
32) Лекция о «Микель-Анджело».

Февраль — Базель.

Приезд в Базель. Жизнь в гостинице «*Zum Bähren*»[842]. Каждое утро поездка в Дорнах на строительные работы[843]; работаю сперва в *Бюро*, разрабатывающем планы Гетеанума; потом работаю в *Бюро*, управляющим наймом рабочих: подсчитываю заработную плату; вписываю в книги нанимающихся рабочих; мое непосредственное начальство Зейфельд; главное — Лиссау. Наткнувшись на путаницу в счетах, которую Зейфельд мне предлагает считать разъясненной, я отказываюсь ее санкционировать; отсюда недоверие Зейфельда ко мне; меня «*уходят*» из Бюро, т.е. заставляют уйти неприязненной атмосферой; обиженный, я замыкаюсь в себя и живу последнюю неделю февраля безвыездно в Базеле.

Первые 3 недели: встаю в 8; в 9 1/2 уже на «Bau»; до 12-ти в конторе; с 12-ти до 1-су** обед (у Ильиной). С 1 до 3 1/2 в конторе; в 5 — в Базеле.

Серый и трудный период: сплошные будни.

За этот месяц знакомлюсь с основным кружком, собирающемся на «*Bau*»; это — Энглерт, фон Гейдебрандт, Ледебур, Мэрион, Рихтер, Дубах, Богоявленская,

---

* *В автографе:* сталкивался
** *Т.е.:* до часу

Ильина, Лихтфогель, Лиссау, Зейфельд, Кэмпер; знакомлюсь с Гросхайнцами. Приезжают Наташа, Поццо, Форсман; появляются Фридкина, Киселева.

Март. Базель.

Читаю книгу Флоренского «*Столп и Утверждение истины*»[844]; пишу стихи; переписываюсь с Москвой; усиленная жизнь медитаций.

1) Публичная лекция Штейнера в Базеле[845].

Повышенно нервное настроение от желания работать при постройках и от неумения найти себе работу; пробую работать по счетной части; работа — плохо идет.

Уезжаем в турнэ за Штейнером[846].

Штутгарт.

Встреча с Линде и с уезжающей в Россию Люб<овью> Ис<ааковной> Трапезниковой.

2) Лекция Штейнера (публичн<ая>).

3) Лекция Штейнера в штут<гартской> ложе.

4) Лекция Шт<ейнера> в штут<гартской> ложе.

5) Лекция для эсотериков.

6) Деловое заседание «*Johannesbau-Verein*» (с «*Гетеанумом*» плохо в денежн<ом> отношении).

Пфорцгайм.

7) Публичная лекция Штейнера.

8) Лекция в ложе.

Ася заболевает; и мы застреваем в Пфорцгайме; возвращаемся уже не в Базель, а в Дорнах в гостиницу «*Zum Ochs*». И в первый же день попадаем в помещение, где приступают к работе над капителями[847].

Дорнах.

9) Выслушиваем наставление д<окто>ра, как работать (в помещении для работы).

10) То же.

11) То же.

Начинается ежедневная работа по дереву; мы с Асей работаем над капителью «*Сатурна*».

Приезжают отовсюду резчики; между ними: Штраус, Вольфюгель, Митчер; появляются: Блюлль, Эйзенпрайс, Нильсон, Лилль, и р<яд> других; приезжают: Калькрейт, Штинде, Шолль, Рикардо, Гаррис, Чильс и др. Появляется: Костычева.

Проездом заезжает Бородаевский; постоянные встречи с прив<ат>-доц<ентом> Самсоновым, одно время поселившемся в Дорнахе. Списываюсь с мамой, долженствующей приехать в Дорнах[848]. Отыскиваем ей помещение в Арлесгейме, в «*Zum Löwe*»; встречаем маму и с ней переезжаем туда.

Арлесгейм.

Приезд мамы; та же работа на капителях; переходим с Асей на капители «*Марса*»; появление Хольцлайтер, Людвига, фреляйн Митчер, граф<ини> Гамильтон и ряда других.

Открытие кантины, где и обедаем (первый обед — с доктором).

Сближение с Рихтером; обсуждение работ в домике, строящемся для резьбы стекол. Рихтер вербует нас в штат ближайших работников; следим за всеми фазами постройки «*домика Рихтера*».

Трудности с мамой. Уезжаем в Мюнхен (я, Ася, мама): на лекции Штейнера[849].

Мюнхен.

12) Лекция в ложе.
13) Лекция в ложе.
14) Публ<ичная> лекция.
15) Публ<ичная> лекция.
16) Урок для эсотериков.

} Штейнера

Трудности с мамой в Мюнхене; разговор о ней с М.Я. Сиверс; сердечные беседы с Трапезниковым, с Май; встречи с Ваканой и гр<афом> Лерхенфельдом.

В последних числах месяца отъезд в Вену.

Апрель. Вена.

Курс Штейнера[850]:

1) «Между смертью и новым рождением» 1-ая.
2) " " " " " 2-ая.
3) " " " " " 3-ья.
4) " " " " " 4-ая.
5) " " " " " 5-ая.
6) " " " " " 6-ая.
7) Публичная лекц<ия> Шт<ейнера>. Вена.
8) Публ<ичная> лекц<ия> Шт<ейнера>. "
9) Урок для эсотериков Шт<ейнера>.
10) Выступление д<окто>ра на одном из собраний (на тему «*Гомункул*»).

Встречаем С.Н. Кампиони; провожаем маму в Москву; часто видимся: с Врэде, Седлецкой, Форсман и Бородаевским; частые встречи с приехавшими в Вену Нейшеллерами.

Прага.

11) Публичная лекция Штейнера.
12) Лекция Штейнера[851].
13) Урок для эсотериков.

Через Нюренберг возвращаемся в Швейцарию и переезжаем в Арлесгейм, где живем у Ильиных[852]; за это время отовсюду в Дорнах съезжаются антропософы: Седлецкая, Катчер, Шмидель, Кучерова, Гюнтер, Пайперс, Райф, Чирская, Трапезников, Волошина, Розенберг и ряд лиц; в Дорнахе уже до 250, не менее, лиц в одной рабочей группе.

Арлесгейм.

Конец месяца ознаменовывается началом работ на архитравах, в *Schreinerei*;* мы с Асей одни из первых, начавших работу в архитравной; огромные помещения были еще пусты; получаем архитрав «*Марса*» для большого Купола.

Май. Арлесгейм.

---

* Столярная мастерская (*нем.*).

Появляются: А.С. Петровский, М.И. Сизов, О.Н. Анненкова, Вегеллин, Колпакчи, Стракоши, бар<онесса> Фитингов, Лутковская, Киттель, Штраус, Шпренгель, «*бразилианка*», муж и жена Полляк, Друшкэ, Линде, Эльрам, Фадум, «*лопатка*», ведьма из «Бергена», Любкович и ряд других лиц.

Усиленно работаем на «*Марсе*»; но буря повалила сарай; и пока шли исправления, нас переводят на архитравы «*Малого Купола*»; дней с десять работаю с Эккартштейн на архитраве «*Марса*», малого Купола; но эта попытка ответственной самостоятельной работы кончается плохо; работаю несколько дней на архитраве «*Сатурна*»; в это время разыгрывается ссора из-за Катчер; я ее защищаю; энергичные объяснения с Митчером; реорганизация архитравных групп; я получаю в заведование архитрав «*Венеры*», и моя группа (я, Кучерова, Гюнтер) начинаем его измерять; но и тут дело кончается инцидентом, после которого я на неделю исчезаю с «*Ваи*» и усаживаюсь дома подготовлять собрание стихов у «*Сирина*»[853]. Ежедневные беседы с Трапезниковым, Рихтером, Ледебуром.

Одновременно: берем уроки эвритмии у Киселевой в группе с фон-Мутахом, Гросхайнцами[854].

Под самый конец месяца появление у Ильиных Лигского. Пишу стихи.

За это время:

1) Лекция для эзотериков.
2) Лекция в базельской ложе. } Штейнера.
3) Публ<ичная> лекция в Базеле[855].
4) «О методах работы по резной скульптуре» (лекц<ия> Шт<ейнера>).
5) «О цветных стеклах» (при открытии «*домика Рихтера*»). Лекц<ия> Шт<ейнера>[856].
6) Лекция Шт<ейнера> на тему о стилях.

Затруднения с Наташей. Посещение М.Я. Сиверс (ей читаю перевод «Мистерии»[857] и стихи).

Частые встречи и беседы с Энглертом; образуется наш, так называемый, «*астрономический кружок*», собирающийся каждую неделю.

Июнь. Арлесгейм.

Появление Григоровых, Бергенгрюн, Гайер, Маликова и ряда новых членов; рабочая группа насчитывает не менее 400 человек.

Усиленнейшая работа нашей группы на архитраве «*Марса*» (я, Наташа, Ася, Поццо), который с величайшим подъемом и напряжением сдаем.

Переходим работать на «Юпитер», архитрав Малого Купола, который отделываем под руководством указаний самого доктора.

День работаю на архитраве Луны (с Гайером и Хольцляйтер).

Продолжается «астрономический кружок» с Энглертом.

В принципе приняты в M<ystica> E<terna>.

Рост неприятностей на постройке (история с поставкой дерева) и рост моих затруднений с Наташей. Прекращаю уроки эвритмии (нет времени).

Конец месяца усиленно подготовляю немецкое издание «*Петербурга*»[858].

С июня месяца Штейнер регулярно читает нам в *Schreinerei*[859] по две лекции в неделю (суббота вечером, воскресенье утром).

1) 1<-ая> лекция Штейнера на тему «Искусство» в Гетеануме[860].

2) 2- лекция Штейнера на тему «Искусство» в Гетеануме
3) 3-ья " " " " "
4) 4-ая " " " " "
5) 5-ая " " " " "
6) 6-ая " " " " "
7) 7-ая " " " " "
8) 8-ая " " " " "

Кроме того: внимательно штудирую ганноверский, христианийский и вышедший гаагский курс на тему «Человек и оккультное развитие»[861].

Эккартштейн рисует меня: беседы с ней.

Июль. Арлесгейм.

Доканчиваю переработку «*Петербурга*» для немецкого издания. Переезжаем в Арлесгейм «im Lee»[862].

«*Арлесгейм им Лэ*».

Подготовка к отъезду в Швецию; волнения в связи с убийством эрцгерцога[863].

1) Лекция Штейнера. } Для работающих
2) Лекция Штейнера. } в «Bau»[864].

Норд-Чёппинг (Швеция).

3) «Христос и Карма»[865]. 1-ая }
4) " " " " 2-ая }
5) " " " " 3-ья } Курс лекций Штейнера (для членов).
6) " " " " . 4-ая }
7) " " " " . 5-ая }
8) Публичная лекция Штейнера.
9) Лекции для эсотериков[866].
10) " " " "
11) Лекция, интимная, для подготовляющихся к M<ystica> E<terna>[867].
12) Принятие нас в M<ystica> E<terna> и лекция-наставление Штейнера.
13) Лекция в M<ystica> E<terna>.

Близость с Григоровыми, с Христофоровой; встречи с Зейлингом, со старой граф<иней> Гамильтон, с Валленами.

Отъезд.

Аркона.

Проводим здесь 2 дня с М.В. Волошиной и возвращаемся через Берлин в Дорнах.

Арлесгейм.

Предвоенная тревога. Усиленная работа над надоконными формами.

14) Лекция для членов баз<ельской> ложи Шт<ейнера>[868].
15) Публичная лекция Шт<ейнера>.
16) Лекция Штейнера на M<ystica> E<terna>.
17) Урок для эсотериков Шт<ейнера>.

Август. Арлесгейм.

Усиленнейшая работа над надоконными формами, весь месяц, от 10 утра до 7 вечера. И днями, и вечерами на стройке, или в кантине.

Усиливающаяся тревога войны. Наконец, ее объявление[869]; дни переполохов и неуверенности. Бои под Базелем[870]. Возможный переход границы. Разъезд мобилизованных. Мы остаемся в виде сравнительно небольшой группы[871] и удваиваем работу. Бешеный темп деревянных работ. Приезд Макса Волошина[872].

Лекции Штейнера.

1) Лекция в связи с войной[873].
2) Лекции для «строителей».
3) " " "
4) " " "
5) " " " } В Schreinerei.
6) " " "
7) " " "

Сентябрь. Арлесгейм.

Эпоха ссор и явно выявляемого шовинизма среди национ<альных> групп «*дорнахцев*»[874]; мои тяжелые переживания в связи с войной и Наташей; путаница во внутренней работе; самопротиворечие. Ряд инцидентов с немцами; ряд бурных разговоров в русской группе; сближение с Лигским; появление фон-Орт.

Усиленно работаем с Асей над окончанием надоконной формы и переходим к работе над дверными формами левого портала (внизу); начинаются с этого времени регулярные вахты на стройке (раз в 2 недели), которые длятся до моего отъезда. Приезд Поольман-Мой и беседы с ней.

С начала сентября до 20-го, Штейнер прочитывает лекции нам[875].

1) «Курс о культурах» 1-ая.
2) " " " 2-ая.
3) " " " 3-ья. } Schreinerei.
4) " " " 4-ая.
5) " " " 5-ая.
6) О Германе Гримме.
7) Лекция для работающих.

Числах в 20-х Штейнер уезжает[876].

8) Лекция для работающих. Читается по рукописи в «*Schreinerei*».
9) Лекция " " " " "
10) Лекция-осмотр архитравных форм (о достоинствах и недостатках сработанных форм) (Штейнера).

Прочитываю курс Штейнера «*Миссия отдельных народов*»[877]. И дома начинаю перерабатывать и развивать темы «Эмблематики Смысла» (потом бросил рукопись)[878].

Усиленно возвращаюсь к работе по подготовлению схемы отчетов Штейнеру (медитативных).

Углубляются трудности с Наташей.

11) Организационное заседание группы резчиков.
12) Орган<изационное> засед<ание> группы резчиков.

В самом конце месяца странный припадок сердечный.

Октябрь. Арлесгейм.

Сердечное недомогание; пишу sui generis комментарии к «*Эмблематике*» и с головой ухожу в подготовление рисунков и чертежей для доктора: весь ухожу в красочный мир; частые встречи с Анненковой, с Максом Волошиным, Седлецкими, Рихтером. Вечер, проведенный в беседе с М.Я. Сиверс у нее, на вилле «*Hansi*»[879].

1) Лекция в столярне. } Читают по
2) Лекция в столярне. } рукописи.

Крупный разговор с Сизовым.

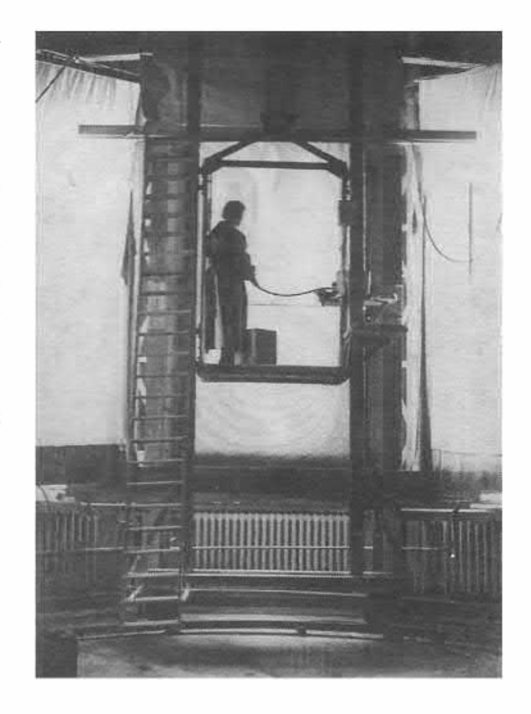
Ася начинает работать и на стекле, и одновременно с Киселевой (по эвритмии).

Возвращение доктора[880].

3) Лекция в столярне (не Штейнера).

4) Заседание организ<ационное> резчиков по дереву.

Учащение работ по постройке отопления.

А.А. Тургенева за работой над стеклами Гетеанума
Дорнах. 1937. ГМП

Ноябрь. Арлесгейм.

Отъезд в Россию Анненковой[881].

1) Свидание, очень длительное, с Штейнером[882]; сдаю ряд отчетов медитативных.

Начинаю работать под большим Куполом над чистовой отделкой нашего архитрава «Марс», который доктор считал наиболее удавшейся формой всего Купола (заслуга Аси и Наташи).

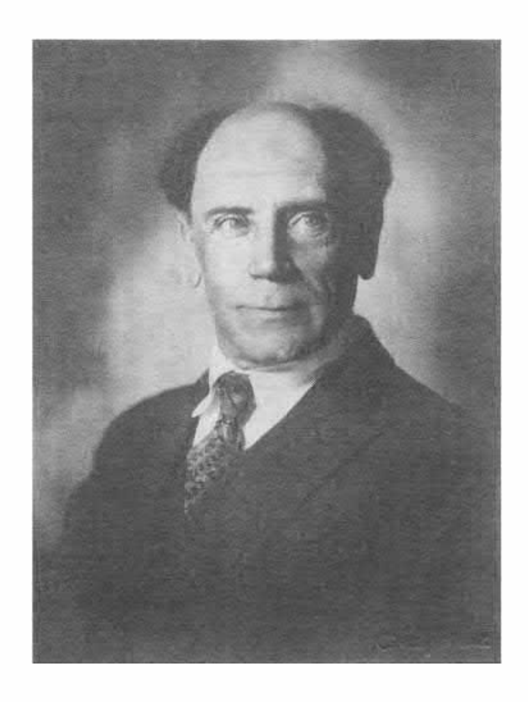
2) Организационное собрание резчиков.

Агитация против постройки дома Гросхайнца около «*Гетеанума*»[883], в которой мы с Асей принимаем решительное участие; по этому поводу опять

3) Организ<ационное> собрание группы резчиков.

Слушаем лекции Штейнера:

4) Лекции для резчиков.
5) " " "
6) " " "
7) " " "
8) " " " } Темы — искусство (в *Schreinerei*).
9) " " "
10) " " "
11) " " "

Э.К. Метнер
Цюрих. 1910-е (?). ГМП

С начала месяца встреча с Метнером, появившимся в Цюрихе[884]; ряд острых бесед с ним (у нас, у Поццо, у Волошиной); поездка к нему в Цюрих. Начинаю чаще заглядывать в домик к Рихтеру, приглядываться к работам по стеклу и кое-чему учиться (владение бормашиной).

Прочитываю внимательнейше книгу Метнера против Штейнера[885]; перечитываю «Goethes Weltanschauung» Штейнера и его же книгу «*Grundlinien*»; прочитываю оба тома Штейнера «*Rätsel der Philosophie*»[886], перечитываю курс о «*Макрокосмическом мышлении*»[887], берусь за Канта; и прочитываю брошюры Штейнера «Goethe als Vater der neuen Aesthetik», его же 2 брошюры о Геккеле[888], его брошюру об искусстве[889] и внимательнейше штудирую «*Истину и науку*»[890].

Гносеологические и теоретико-познавательные вопросы опять заполоняют мое сознание в связи с необходимостью писать книгу. Внимательно изучаю «*Farbenlehre*» Гёте[891].

Декабрь. Арлесгейм.

Все более углубляющийся штудиум Гёте в связи с книгой Метнера; читаю Гетево «*Geschichte de<r> Farbenlehre*» и его же «Метаморфозу растений»[892]. Внимательнейшее, весь месяц, прочтение вводительных статей Штейнера к 4 томам «*Naturwissenschaftlichen Schriften*» Гёте[893]. Постоянные встречи с Метнером и длинные, теоретические споры с ним.

Внимательнейше читаю статью Штейнера «*Теософия и Философия*»[894], схватываю <так!> за «*Критику способностей суждения*» Канта[895] и перечитываю ряд неизданных стенограмм лекций Штейнера на филос<офские> темы (между прочим старые его статьи о Брентано[896], антропософии и речь, произнесенную на болонском конгрессе[897]). Одновременно: продолжаю, но меньше, работать под куполом над подчисткою архитравной формы; и исподволь подучиваюсь работать на цветном стекле, но к рождеству бросаю работу: со стеклом — не идет.

Уезжает в Париж Макс Волошин[898]. Русская группа усиленно готовит рождественскую эвритмию.

1) Штейнер приглашает нас ужинать: длительный, четырехчасовой, разговор с ним и с М.Я., которая к этому времени стала его женой[899].

Кроме того слушаю лекции Штейнера:

2) 1-ая лекция Штейнера в Schreinerei.

3) 2-ая лекция Штейнера в Schreinerei.
4) 3-ья " " "
5) 4-ая " " "
6) 5-ая " " "
7) 6-ая " " "
8) Эвритмическое представление[900].
9) Рождественская лекция для членов.
10) Праздничная лекция.

На последних двух — присутствует Метнер[901]; заболеваем бронхитом: Ася с первого дня праздника, я — с второго[902]; Наташа и Поццо — также заболевают.

Новый год встречаем в постелях.

1915 год

Январь. Арлесгейм.

Все едва поправляемся от болезни; таскаюсь в Базель за провиантом Асе; у Аси не вполне благополучно с Ильиной; ищем, — куда переехать; под конец месяца появляюсь на архитраве: дорабатывать «*Марс*»; затруднения с столярами.

Встречаюсь с Метнером; появление в Дорнах д-ра Гёша; Гёш начинает нас посещать; приезд Ван-дер-Паальса; начало дружбы с ним.

Весь месяц усиленная работа над книгой; главное внимание помимо изучения текста Гёте и материала по Гёте Штейнера в изучение *петита* (комментарий) Штейнера и в составлении регистра по вопросам. Этот *регистр* отнимает все свободное время.

Тоска.

За это время:

1) Организационное собр<ание> резчиков.
2) Организац<ионное> собр<ание> резчиков.

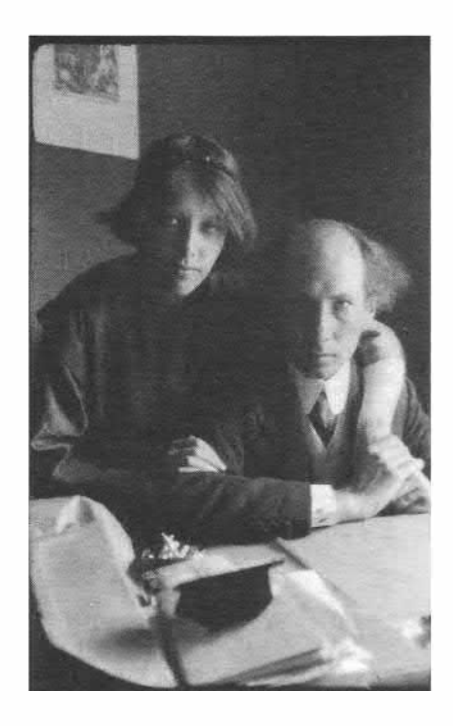
Каждую неделю — 2 раза читает Штейнер[903]; не помню точно содержания их; но — помню: как бы кур<с> о искусствах:

3) Лекция Штейнера в Schreinerei.
4) "
5) "
6) "
7) "
8) "
9) "
10) "

Февраль. Дорнах.

С начала месяца переехали в Дорнах[904], рядом с Штейнером (под «*Bau*»); упорная работа над книгой, которую пишу уже; упорные споры с Метнером, приезжающим часто; и с Гёшем.

Мрак — сгущается.

Андрей Белый и А.А. Тургенева
Дорнах. 1915. ГМП

8 лекций Штейнера[905] (темы — «развитие»).

Март. Дорнах.

Изучение «*петитов*» Штейнера; работа с регистром; написание глав: «*Световая Теория*» и «*Рудольф Штейнер и критицизм*»[906]. Отдаюсь проблемам механики; изучаю отношение Штейнера к Геккелю; читаю «*Акашу*»[907]. Знакомство и беседа с Гавронским. С Наташей — ужасно; тоска отчаянная и страх; д-р Штейнер меня бодрит.

Беседа с Шолль о Гёте. Со мной происходит весьма «*странный*» инцидент.

Ужасная встреча Пасхи.

1)
2)
3)
4)
5)
6)
7)
8) } Лекции Штейнера в «*Schreinerei*» (темы: «Ненормальности в пути развития»).

9) Пасхальная лекция Штейнера

10) Пасхальное эвритмическое представление[908].

Апрель. Дорнах.

Весь месяц, как сумасшедший: 1) Наташа, 2) инцидент, 3) злобное отношение ко мне членов, 4) назревающие неприятности в обществе: *окончательный разрыв с Метнером*. Частые беседы: с Фридкиной, Наташей, д-р<ом> Гёшем. Сближение с Бергенгрюн. Трапезников — бодрит. Даже не могу работать: собственно, — нервно болен. Беседы со Стракошем, с Гёшем.

Решительный разговор с Асей.

Весь апрель Штейнер в отсутствии[909].

1) Лекция д-ра Унгера.

2) Лекция д-ра Унгера.

Окончена постройка отопления.

Работаем с Асей над колоннами[*] — резьба (немного).

Май. Дорнах.

Бешеная работа над книгой; готова последняя глава; переработан весь текст книги; и — переписан.

Отъезд Сизова и Форсман в Россию.

---

* *В автографе*: на над колоннами

Беседа с Штейнером о книге, очень длительная (до ужина, за ужином и после)[910].

1)
2)
3) } Лекции Штейнера: темы — предостережения.
4)
5)

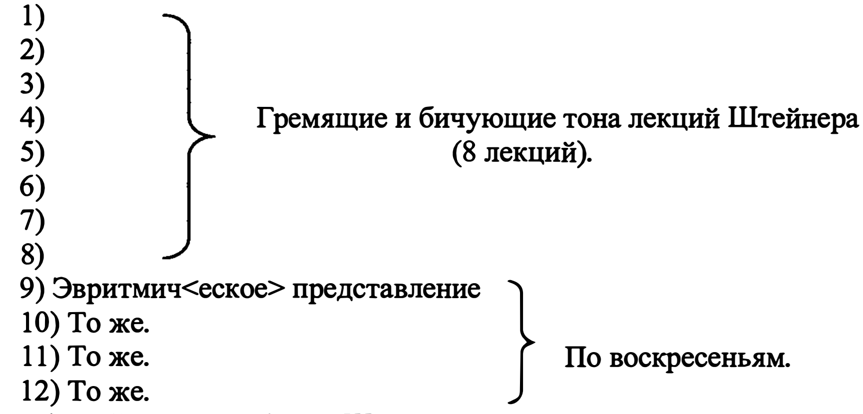
Замечаю за собой всяческую слежку.

Июнь. Дорнах.

Отъезд Петровского в Россию; за мной — слежка, всяческая; раздирают меня сомнения; с деньгами — критически. Пишу главы «*Световая теория в моно-дуо-плюральных эмблемах*» и введение[911]; книга «Рудольф Штейнер и Гёте» — готова.

Разразился ряд инцидентов: со Шпренгель, Гёш (и другие); напряжения, потрясение военными поражениями.

Усиленная работа над вырезыванием архитрава «Юпитера» (клен, Малый Купол).

1)
2)
3)
4) } Гремящие и бичующие тона лекций Штейнера (8 лекций).
5)
6)
7)
8)

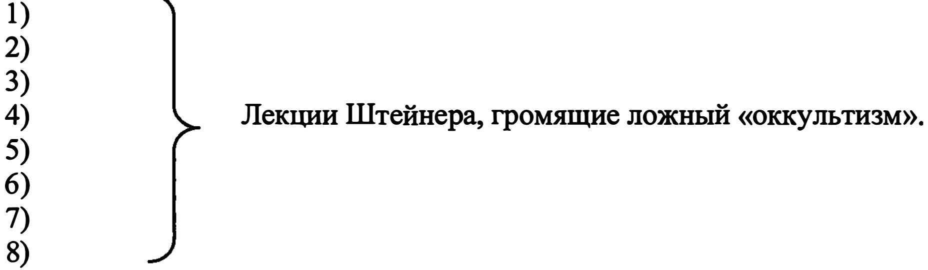
9) Эвритмич<еское> представление
10) То же. } По воскресеньям.
11) То же.
12) То же.

13) Мой доклад-реферат Штейнеру, в котором излагаю ему книгу[912].

14) Долгая беседа с Штейнером (за чаем, у него): он рекомендует мне физика Планка.

Июль. Дорнах.

Месяц, неописуемый по напряжению, о котором здесь *молчу*. Сближение с Бауэром и frau Моргенштерн. Близость с Трапезниковым.

1)
2)
3)
4) } Лекции Штейнера, громящие ложный «оккультизм».
5)
6)
7)
8)

9) Ряд заседаний, разбирающих инциденты.

Усиленная работа над архитравом «*Юпитера*». Встречи и разговоры с Леви; разрыв с Гёшем.

10)
11)
12)
13)
— Эвритмические представления[913].

К концу месяца — съезд в Дорнахе.

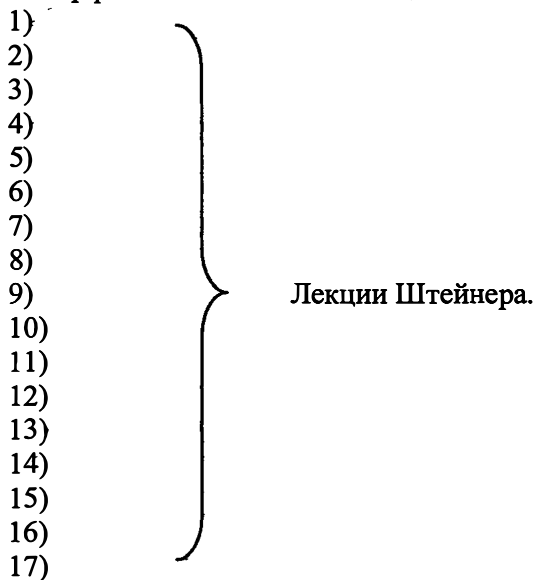
Август. Дорнах.

Имею основания думать: встреча с «*кармой*» и «*порогом*». Слежка.

Начало периодических посещений Бауэра и Моргенштерн.

1)
2)
3)
— Эвритмические представления.

Штейнер развивает бешеный лекционный темп (не менее 17 лекций)[914].

1)
2)
3)
4)
5)
6)
7)
8)
9)
10)
11)
12)
13)
14)
15)
16)
17)
— Лекции Штейнера.

Кроме того:

18) Лекция по поводу окончания работ в Куполе.
19) Лекция об Ифигении.
20) Лекция об Ифигении в современности.
21) Лекция о Гёте.
22) То же.
— Штейнер.

23) Эвритмич<еское> представление сцены «Фауста»[915].
24) Повтор представления.
25) Ряд «разборных» заседаний: скандалы, скандалы, скандалы.

Штейнеру переводят мою книгу[916]: он ей весьма доволен.

Сентябрь. Дорнах.

Ссора с Наташей. Тяжелые объяснения с Асей. Денежный кризис. Моральный кризис. Эпоха скандалов.

Долгий разговор с Штейнером (за чаем у него).

Обещаю М.Я. написать о Штейнере.

Первые мысли об эпопее «Моя жизнь»[917].

Не могу оставаться в атмосфере Дорнаха.

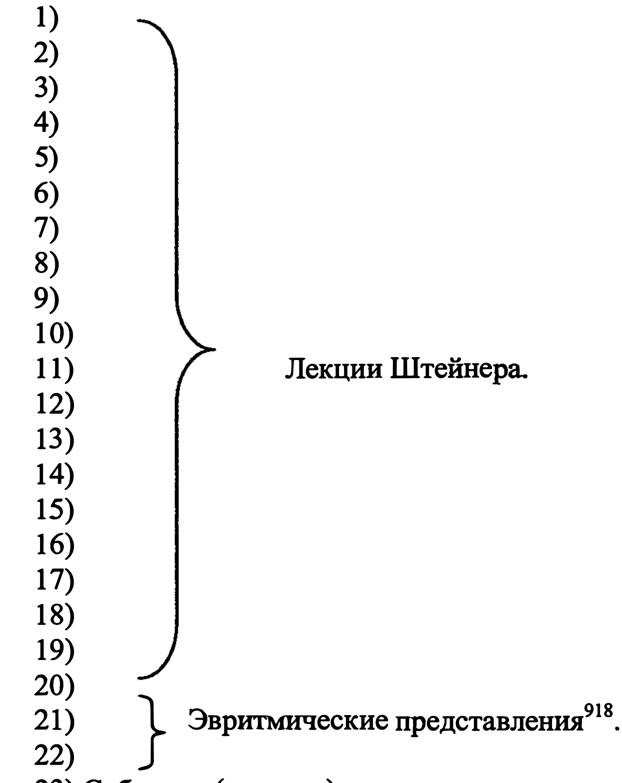
Уезжаю в Флюэлен.

Флюэлен.

Десять дней бегаю в горах (по озеру и около С<ен->Готарда).

Дорнах.

Те же развалы в Дорнахе. Штейнер читает лекции каждый день. Считая, что вернулся 10-го сентября из Флюэлена, могу сказать, что прослушал 20 лекций:

23) Собрание (деловое) членов.

Опять долгая беседа с Штейнером, после которой уезжаю из Дорнаха.

Октябрь. Дорнах.

2-го или третьего уезжаю.

Монтрэ.

Не нахожу здесь себе покоя. Слежка.

Глион.

Несколько успокаиваюсь; пишу первую главу «*Котика Летаева*». Много брожу по горам; часто видаюсь с Гавронским, живущим в «*Les Avants*»[919], там вижусь с Фондаминским[920]; приезд в Глион Ван-дер-Паальсов: беседы с ними. Слежка.

Лозанна.

Странная встреча в Лозаннском соборе. Слежка.

Невшатель.

Не могу в нем обосноваться. Слежка. Через Дорнах еду в Цюрих.

Цюрих.

Томления; ряд писем в Россию с просьбой о работе[921]; поддержка Бергенгрюн.

Пишу 2-ую главу «Котика». Слежка.

Ноябрь. Цюрих.

Те же томления.

К 15-му приезжаю в Дорнах. Слежка.

Дорнах.

1) Лекции Штейнера[922].
2) То же (о Тертуллиане).
3) То же (о троичности).
4) То же (об ошибках гнозиса).
5) Эвритмическое представл<ение>.
6) Эвритмич<еское> предст<авление>.

Начинаю работать в «*Гетеануме*» (резьба): внутренность портала.

Пишу 3-ью главу «Котика».

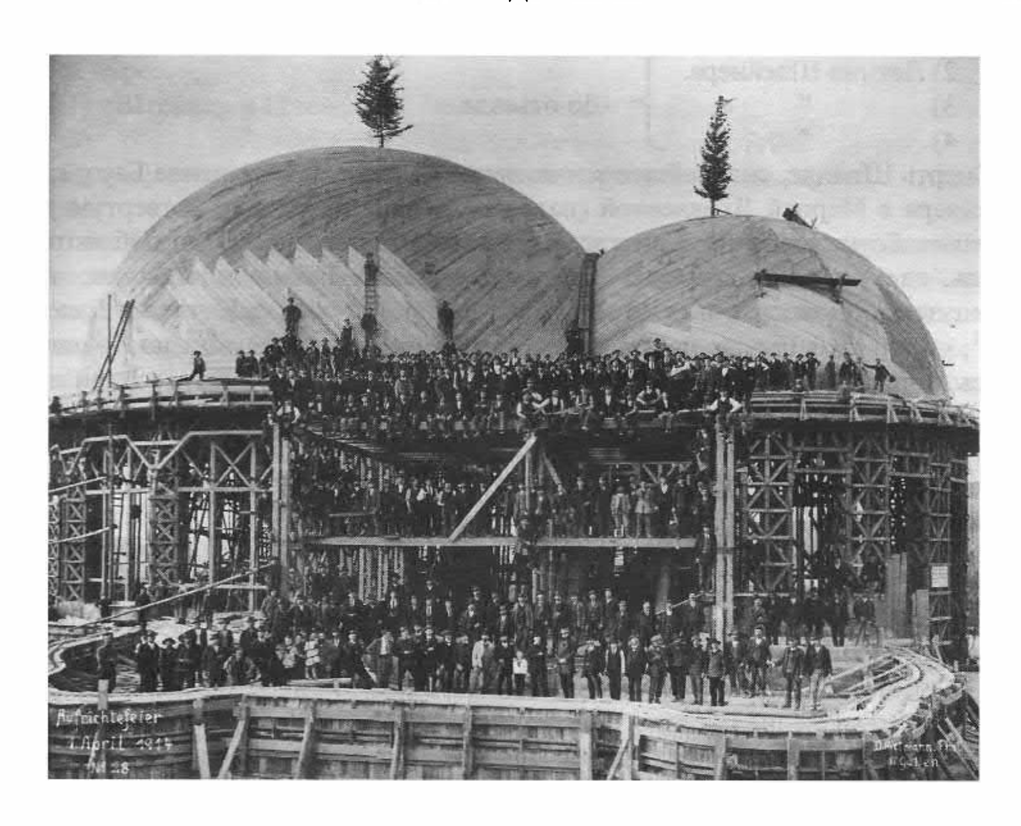
Перечитываю внимательно «*Критику чистого разума*»[923], готовясь к курсу.

Тяжелые затруднения с Наташей.

Декабрь. Дорнах.

Если память не изменяет, то слушаю следующие лекции Штейнера:

1)
2)
3)
4) } Очередные лекции.
5)
6)
7)
8)
9) } Беседы на тему
10) } «Фауст».
11) Рождественская лекция.
12) Чтение Штейнера «мистерий».
13) Лекции о рождественских мистериях.
14) Эвритмическое представ<ление>.
15) Эвритмич<еское> предст<авление>.
16) Повторение сцены «Фауста».
17) Представление старинных мистерий[924].
18) То же.

Строители Гетеанума
Фотография O. Rietman. Дорнах. 1914, 1 апреля
ГМП

Кроме того: я читаю для группы русских курс лекций[925]:

1) «Штейнер и Кант» 1-ая.
2) То же 2-ая.
3) То же 3-ья.
4) То же 4-ая.

Пишу два фельетона для «Биржевых Ведомостей»[926]. Обмен письмами с М.Я. Штейнер (может, и в январе)[927]. Трудности с Наташей. Посещения Бауэра, Моргенштерн, Бергенгрюн.

Конец месяца посещаю ряд репетиций к «*Фаусту*»; имею большой запас наблюдений над Штейнером-режиссером, потому что он присутствовал на всех репетициях, вмешиваясь во все детали постановок; я же участвовал в оркестре и старательно проходил свою партитуру: второй, турецкий барабан.

1916 год

Январь. Дорнах.

1) Лекции Штейнера.

2) Лекции Штейнера.
3) " } До отъезда.
4) "

Смерть Штинде; сильнейшее впечатление[928]; дважды посещение Бауэра; уезд Штейнера с Марией Яковлевной (надолго в Берлин)[929]; пишу четвертую главу «*Котика Летаева*»; раза 3 в неделю уезжаю в университетскую библиотеку в Базель, где усиленно работаю над литературой о Раймонде Люллии; читаю французскую монографию о нем (забыл автора)[930]; кажется, читаю Дэлеклюза[*931]; читаю «Ars brevis» Раймонда и перехожу к «*Ars Magna*»[932], но, — запутываюсь; и читаю комментарии к Раймонду Джордано Бруно[933]. Кроме того беру на дом ряд книг (от Поццо, имеющего права держать книги на дому). Пишу 2 фельетона в «Биржевые Ведомости»[934]. Царапаю наброски к «*Кризису Жизни*»[935].

1) «Кант и Штейнер» 5-ая
2) " 6-ая } Мои лекции (курс).
3) " 7-ая
4) " 8-ая

Каждый день работаю над внутренностью главного портала (резьба); вахты, все время продолжающиеся; слушаю:

1) Лекция в память Софии Штинде.
2) Поминовение Штинде.
3) Лекция фрау Гельмгойден.
4) Лекция фрау Гельмгойден.

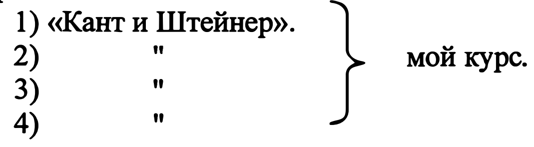
Разговоры с Гельмгойден.

Февраль. Дорнах.

Те же работы по резьбе; частые встречи с Паальсами, с Невшеллерами, с Дубахом; вторичная попытка дружить с Энглертом; посещения Бауэра; дружба с Трапезниковым и с Бергенгрюн. Пишу 2 фельетона в «Биржовку»[936]. Несколько раз в неделю сижу в Базельской библиотеке: читаю труд Ласка (не помню точно заглавие «*Methodologie... der exacten Wissenschaften*»)[937]; продолжаю читать комментарии Джордано к Луллию; читаю какую-то историю средневековой философии; начинаю читать основной труд Росмини (забыл заглавие)[938].

1) Организ<ационное> заседание резчиков.
2) То же.
3) Лекции в «Schreinerei» (2 или 3).

Кроме того:

1) «Кант и Штейнер».
2) " } мой курс.
3) "
4) "

Начинаются наши прогулки с Поццо в горы.

Март. Дорнах.

То же: посещение Бауэра, Трапезник<ова> и т.д.; работа в «*Гетеануме*».

---

* *Это имя Белый подчеркнул карандашом и приписал к нему вопросительный знак.*

Мой курс:

1) «Штейнер и Гёте». }
2) " } Оканчиваю курс.
3) " }
4) " }

Читаю: Плутарха, что-то о Фоме Аквинском, читаю Росмини, а также статьи о *неотомизме*; читаю книгу Ласка «*Lehre vom Urtheil*»[939].

В середине месяца пешком с Поццо отправляемся из Дорнаха бродить: через Гемпен—Лисдаль идем в Аарбург.

Аарбург.

Из Аарбурга идем в Солотурн и подъезжаем к Мутэ.

Мутэ.

Через Мутэ—Биль возвращаемся в Дорнах.

Дорнах.

Лечу зубы[940]; пишу фельетоны (сколько, не помню: в Биржовку)[941].

Апрель. Дорнах.

Приблизительно то же: чтение, работа в «Гетеануме», прогулки, беседы с Бауэром и т.д. Во второй половине месяца уезжаем в Лугано[942].

Лугано.

Ряд прогулок, частые встречи с Бергенгрюн; встречи, беседы и завтраки с Боборыкиными, живущими в Лугано.

Май. Лугано.

То же: почти не работаю.

Дорнах.

Дорабатываю «Котика» и отсылаю Р.В. Иванову (без последней главы)[943]. Пишу ряд фельетонов для «Биржовки». Общение с Трапезниковым, Бауэром, Паальсом, Бергенгрюн, Моргенштерн, Лигским: проблема «*Седлецкий и стекла*» волнует нас. Пишу. Частые и упорные беседы с Энглертом; интерес к астрономии, астрологии и космическим циклам доктора Штейнера: перечитываю их; и между прочим: курс «О Карме»[944]. Переписка, частая, с Москвой на тему доставки нашим раненым книг. Перечитываю Льва Толстого («Анна Каренина», «Война и мир»).

Июнь. Дорнах.

Пишу стихи[945]; эскизы к «*Кризису Мысли*»[946]; слухи о нашем призыве; усиленная работа по резьбе; участие в собраниях резчиков (обсуждение работ).

В конце месяца: возвращение Штейнера и известия о нашей мобилизации[947].

Июль. Дорнах.

Посещение доктора и беседа с ним; отъездные приготовления.

Слушаю лекции:

1) }
2) } Лекции Штейнера в столярне.
3) }

4)
5)
6) } Лекции Штейнера в столярне.
7)
8)
9)
10)
11) } Эвритмич<еские> представления.
12)
13)
14) } Слушаю беседы Штейнера на репетициях Фауста.
15)

Август. Дорнах.

Лекции Штейнера:

1) «О Человеке»[948].
2) " } Курс.
3) "
4) "
5) Импровизированная лекция на репетиции отрывка из «Фауста».
6) Как надо играть Мефистофеля: беседа Штейнера с показом.
7) Репетиция.
8) Репетиция. } «Фауста»: беседы и режиссура доктора[949].
9) Репетиция.
10) Репетиция.

Прощание с Бауэром, с Штейнером (долгое), со всеми друзьями и отъезд; но англичане не пускают; обратное возвращение в Дорнах.

11) Репетиция «Фауста».
12) Репетиция «Фауста».

Еще раз прощание с доктором; накануне выезда разбил голову о бревно лесов «*Гетеанума*».

Наконец 8-го августа выезд с Поццо из Дорнаха[950], где по си<ю> пору не был; и через Берн—Невшатель—Париж—Гавр—Саутэмптон в Лондон[951].

Лондон.

Неделя томления; слежка; встреча с Маликовым; наконец — выезд; и через Ньюкёстль—Ставанген—Берген в Христианию[952].

Христиания (Осло).

Мытарства; далее через Гапаранду—Торнео в Петроград[953].

Петроград.

Приехали 23 августа; посещение редакции «*Биржевых Ведомостей*»[954], встреча с Виленским, посещение Л.Д. Блок (посещение Детского).

Демьяново[955].

Встреча с мамой; разговоры с Танеевым. Заболеваю.

В Москву попадаю едва ли не 31, если не 1-го сентября[956].

Считаю нужным здесь сделать отчерк, ибо начинается вполне другая полоса моей жизни. Мир антропософских знакомств на Западе резко очерчен этим четырехлетием: *с мая 1912 года до августа 1916 года*: за это время ближе встречался со следующими антропософскими знакомцами (*на Западе*) (не перечисляю десятки летучих встреч, но лишь *действительные встречи*):

Рудольф Штейнер (†), М.Я. Штейнер (урожд. Сиверс), Ольга Яковл<евна> Сиверс (†), фрейлейн Валлер (вышла замуж), Леман, Леман (сестра первой: жили в доме Штейнера), Классен, Карл Унгер (†), Риттер, Михаил Бауэр (†), Христиан Моргенштерн (†), граф Лерхенфельд, София Штинде (†), граф<иня> Калькрейт, докт<ор> Пайперс, д-р Нолль, Аронсон, баронесса Эккартштейн, Колисон, Ван-Лер, Рихтер (художн<ик>), фон Рэдэн, Вагнер (†), Вагнер (венский худ<ожник>), Киттель, Леви, Вальтер, Кюне, Зейллинг (Берлин), директор Зеллин (†), Зейлин (вышел из О<бщест>ва), барон Валлен, его жена, Штюкгольд (скульпт<ор>), Май (худ<ожница>), д-р Гросхайнц, его жена, фон-Мутах, фон-Мой, его брат (поэт) (†), баронесса Гамильтон, ее тетка, фр<ейлейн> д-р Врэде (математичка), Врэде (отец ее), ее мать, фон-Чирская, ее подруга (забыл фамилию), M-me Пэральтэ, Гершкович, Викентьев, его жена, Н.П. Киселев, M-me Штраус (исключена), Fr. Шпренгель, M-lle Зауэрвейн, д-р Гёш (ушел), Страхович, д-р Митчер (†), Митчер (худ<ожник>) (†), Fr. Митчер, Розенкранц (худ<ожник>), инженер Энглерт (стр<оитель>), инженер Эйзенпрейс, его жена, инженер Бразоль, архит<ектор> Шмидт, Хольцлейтер (худ<ожница>), Мэрион (†) (худ<ожница>), Нильсен (†), Майерс, его жена, Майер, Смидс (начинательница эвритмии), Смидс (мать эвритмистки), Лихтфогель, Лупшевиц, Зейфельд, Кинкель, Тони Фёлькер, Лиссаю, Тома (заведующий чертежной), заведующий поставками (фамилию забыл), д-р Шмидель (химик), Н.А. Маликов (химик), д-р Стракош (инженер), его жена (худ<ожница>), Полляк (худ<ожник>), его жена, пьянист американец (†), его жена, Frau Вакана, Христенсен, неприятная шведка (забыл фамилию), хер Лёв, две его дочери, пан Седлецкий (худ<ожник>), его жена, Штраус (художник), «Achilles», мадам Райф, фон Гейдебрандт (худ<ожник>), его сестра (историчка, доктор филос<офии>), Вольфюгель (препод<аватель> и худ<ожник>), Людвиг (худ<ожник>) (†), Fr. Бай (худ<ожница> — забыл фамилию), Дубах (худ<ожник>), его жена, Ильина, Лигский, Кучерова (худ<ожница>), Гюнтер (художница), Лилль (†), Fr. Гельмгойден, Fr. Друшкэ (†), Fr. Ганна, Поольман-Мой (ушла из А. О.), ее муж, Эллис, мисс Чильс, миссис Рикардо, миссис Гаррис, Freil<ein> Шолль, Де-Ягер (†), его жена, ее брат (худ<ожник>), нем<ецкий> поэт (не помню фамилию) (†), Мольт, Блуммель, Стютен (комп<озитор>), подруга Стютена, Ван-дер-Паальс (комп<озитор>), его жена, Луна Дрекслер (худ<ожница>), Ледебур (худ<ожник>), Юли, пастор Риттельмейер, Катчер (худ<ожница>), Розенберг (ушел) (худ<ожник>), его жена, жена фон Гейдебрандта, Fr. фон-Орт (после Лигская), Fr. Зонненклар (после Ленхас), Fr. Мюкке, Курт Вальтер, его жена, Вегелин (худ<ожник>), Линде (худ<ожник>), бар<онесса> Фитингоф, Fr. Шварц, Киселева (эвритм<истка>), д-р Фридкина, Эльрам, Лутковская, строгая старушка (не помню фамилии), Вольфрам, ее дочь, Богоявленская, Мордовин, А.А. Тургенева, Вандрей, С.Н. Кампиони, сестра Гёш, Н.А. Поццо, поляк с расстёгн<утым> воротом, кантинная кухарка, садовница, А.М. Поццо, Фосс (эвритмистка), Фельс (эвритм<ист-

ка>), Флак (эвр<итмистка>), Гаэр, Киселев (худ<ожник>, сошел с ума), Фадум, Фидус (худ<ожник>) (ушел), старичок пастор (школьн<ый> товарищ Ницше) (†), неприятная бэргенка, пятка, толстая баронесса Гумпердинг, шведка (вместе работали), полька-художница (забыл фамилию), А.А. Сидоров, Fr. Мюллер, О.П. Костычева, Колпакчи (египтолог), Т.А. Бергенгрюн, Т.А. Полиэвктова, Т.Г. Трапезников (†), Л.И. Трапезникова, Н.Н. Белоцветов, Форсман, К.П. Христофорова, М.В. Волошина, А.С. Петровский, М.И. Сизов, Б.П. Григоров, Н.А. Григорова, В.В. Бородаевский, его жена, Н.Н. Киселева, Вс<еволод> Ник<олаевич> Васильев, венский актер (не помню фамилии), чудак-художник (немец) (не помн<ю> фам<илии>), жена д-ра Пайперса, жена д-р<а> Унгера, Нейшеллер, его жена, Попов (комп<озитор>), его жена, Марсов, Марсова, М.А. Волошин, Деглау, О.Н. Анненкова, Елиз<авета> Иван<овна> Васильева (†) (из Ленингр<ада>)[957], Кемпер (худ<ожник>), проф. Бекк, проф. Гизи (из Женевы), Fr. Хирт, д-р Боянус, его жена, блондинка-финка (не помню фамилии), старичок-рамоли из берл<инской> ложи (тоже не помню фам<илии>), и ряд еще лиц, с которыми приходилось работать в Дорнахе.* Это круг лиц, с которыми я встречался за 4 *года* жизни на Западе (сюда не входят антр<опософы> в России).

Сентябрь. Москва.

Приезжаю в Москву; и — ряд посещений антропософских и прежних литературных знакомств; постоянно видаюсь: с Григоровыми, Сизовым, с М.Н. Митрофановой, Петровским, пр<офессором> Розановым, Поццо, Нилендером, Соловьевыми, Фельдштейном, Кампиони, Морозовой, Гершенсоном, Рачинскими, Бальмонтом, Бердяевым, Булгаковым, Эфросом, Вячеславом Ивановым, Эрном; Плетневым, Усовым, Досекиным, кн. Трубецким, Агеевым, Степуном, д'Альгеймами, Тарасевичами, кн. Кудашевой; целая серия принципиальных бесед, прей, заседаний, жур-фиксов; среди новых знакомств в этот период — Брянчанинов, встречи с Череваниным, с Тюней Бердяевым, с Эвой Адольфовной Фельдштейн, Столяровым, с артистом Чабровым (Подгаецким), с Таировым, с художниками из «бубновых валетов»[958], с Кокошкиными, у которых начинаю бывать[959], с кн. Урусовым, Осоргиным, Лосевой, Мануйловым, Мицинским, Шимановским; частые встречи и разговоры с Кл<авдией> Ник<олаевной> Васильевой[960], с Кезельманами; Брюсов ищет со мною свидания, но я продолжаю избегать его, помня нашу ссору в 1912 году[961]. С Н.К. Метнером — холодная встреча; *и — расхождение*.

Переписка с Асей, В.А. Жуковской, Виленским. Поездка в Сергиев-Посад к Соловьевым; знакомство там с Нестеровым и разговоры с Флоренским. Сложнейше балансирую между *богэмой*, Религ<иозно->Фил<ософским> Обществом и антропософами. Устраиваю свои дела с Пашуканисом (продаю ему собрание сочинений)[962]; и еду по вызову Р.В. Иванова в Ленинград, останавливаясь в Детском Селе[963] (договориться со сборником «*Скифы*»[964] и принять счет от Лемке[965]).

Петроград.

---

* *Приписка Белого на полях:* вписано 200.

Живу в Детском в оживленных беседах с Р.В.; знакомлюсь с Лемке, который сдает мне отчет по изданию «*Петербурга*» (передаю издание на Пашуканиса); обедаю у св<ященника> Агеева и уговариваюсь с ним ехать на румынский фронт (состоять при нем)[966]; обедаю у Кублицкой-Пиоттух; наношу визит Мережковским (холодная встреча); вижусь с Карташевым, Философовым, Т.Н. Гиппиус, Чеботаревской, Виленским, Пястом (кажется); и уезжаю в Москву,[*] откуда опять в течение месяца дня на 2 уезжаю в Посад к С.М. Соловьеву.

За это время: читаю Новицкого «*История древней философии*»[967], Муретова «*Логос у Филона*»[968]; читаю внимательно статьи знакомых, напечатанных в «Вопросах философии и психологии», «*Русской Мысли*», Киевском богословском журнале[969]; перечитываю «Несвоевременные размышления» Ницше[970]; читаю все, что могу достать на тему культуры Александрии; читаю Эрна о Джоберти[971]; читаю философские статьи Гершенсона[972].

Оканчиваю «*Котика Летаева*»; пишу статью «*Александрия и мы*»[973]; пишу стихи[974]; начинаю переработывать заново (для издания) «Золото в Лазури»[975].

Напряженнейшая суетня и напряженнейшая работа.

За этот месяц:

1) «Драма Жизни». Публ<ичная> лекция в Камерном Театре[976].
2) «Котик Летаев» } 2 чтения
3) «Котик Летаев» } у Григоровых[977].
4) «Котик Летаев» (чтение на выставке)[978].
5) Делюсь впечатлениями о Гетеануме в А.О.

Самый конец месяца застает меня врасплох; получаю телеграмму о том, чтобы ехать к Агееву на фронт; в Брянске узнаю из газет о явке на освидетельствование; возвращаюсь с середины дороги в Москву[979]; и иду на призыв (получаю отсрочку на 3 месяца).

Октябрь. Москва.

Выстаиваются, так сказать, мои частые посещения: 1) Гершенсона (дружба), 2) Булгакова (долгие беседы вдвоем или втроем с Чабровым), 3) постоянно провожу вечера у Бердяева (дружба), где часто видаюсь: с Базилевичем, Мицинским, Брянчаниновым и рядом деятелей Р<елигиозно->Ф<илософского> О<бщест>ва; встречи, частые, с Б.А. Кистяковским; знакомство с Тредьяковым, Тихоном Чурилиным и рядом «*молодых*»; ссора и примирение с Бальмонтом; знакомство с В.А. Жуковской, Майей Кудашевой, переписка с Павлович. Поездка и жизнь в Сергиевом Посаде.

Сергиев Посад.

Дружба с Танечкой и С.М. Соловьевым[980]; беседы с Флоренским.

Москва.

Приглашение в «*Русские Ведомости*»[981].

За этот месяц — читаю: Шпетта «*История как проблема логики*»[982]; читаю ряд статей Флоренского; читаю новую книгу Бердяева «Смысл творчества» и книгу Р.В. Иванова «История русской обществ<енной> мысли»[983]. Пишу стихи[984]; весь месяц упорно работаю над переработкой «*Золота в Лазури*». Ежедневные письма к Асе.

---

[*] *На полях приписано:* Москва

Дружба с Петровским и Нилендером, у которого *учусь* Греции. Долгая беседа с прив<ат>-доц<ентом> Самсоновым на тему моей книги[985]. Метнер бьет меня — рикошетом (через Ильина)[986]. Обед у Кокошкина и разговор об антропософии. Встречи с Н.Н. Белоцветовым.

За этот месяц:

1) «*Кризис Мира*» — моя публичная лекция (в Полит<ехническом> Музее)[987].

2) «*Котик Летаев*» (чтение у Гершенсона).

3) «*О Греции*» (чтение у Гершенсона).

4) Участие в прениях на реферате Белоцветова (у Григоровых).

5) Участие в популярной беседе для интересующихся антропософией (в А.О.).

6) Участие в прениях на реферате Иванова (Рел<игиозно->Фил<ософское> О<бщест>во).

7) «*Александрия и мы*». Мой реферат (с прениями) в Р.Ф.О[988].

Ноябрь. Москва.

Встречи с Буниным, Зайцевым, Ходасевичем. Опять желание Брюсова встретиться (не иду на него).

Читаю: Шпетта «*Явление и смысл*»[989], кажется, Григория Нисского; перечитываю появившуюся без меня стиховедческую литературу (Шульговский, Гинцбург, Бобров, Божидар[990] и т.д.). Знакомство с Солоновичем; споры об антропософии, особенно тесная дружба с Бердяевым.

Сергиев-Посад[991].

Углубляющиеся беседы и дружба с Соловьевыми; вечер у Флоренского; посещения Каптеревых; перечитываю «Волю к власти» Ницше[992]; читаю Блаженного Августина; споры об антропософии, православии и католичестве; спор о том, что есть церковь (я, Соловьев, Флоренский).

Москва.

Весь месяц упорная переработка «*Золота в Лазури*», которое организуется почти в новую книгу «*Зовы времен*»[993], которую и сдаю Пашуканису. Внимательнейше изучаю эпитеты и образы 3-х томов Блока; пишу статью «*Блок*»[994]. Много работаю над ритмом (на тему «*ритмический жест*»)[995].

За этот месяц решительно обостряется антивоенное настроение; я ощущаю себя почти пораженцем; беседы на эти темы (я, Петровский, Поццо, Сизов). Встречи с Киселевым, Виноградовым, Анненковой, Бальмонтами и со всеми деятелями Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва; продолжается дружба с Бердяевым; беседы с *Булгаковым особенно интимны*. Теплые встречи с Трубецким; коалиция я, Бердяев, Соловьев против Иванова (Вячеслава), Эрна, Булгакова.

За этот месяц:

1) Ряд выступлений на бердяевских «беседах».

2) Участие в прениях на реферате Шестова (Р.Ф.О.)[996].

3) Выступление после реферата (публичного) Бердяева о футуризме[997].

Встречи с Жуковской; сидения у Майи[998]. Беседы с Максом Волошиным[999].

Декабрь. Москва.

Продолжаю разрабатывать тему «*Инструментовка у Блока*»; собираю ворохи материалов на эту тему. Перечитываю Бургхардта: «Культура Возрождения»[1000] и читаю Каррьера «История худ<ожественной> культуры» (томы — 1-ый, 2-ой)[1001]; читаю 2-ой том Щербатского: «Логика и теория знания» (у буддистов)[1002]; читаю книгу Р.В. Иванова (о смысле у Л. Андреева)[1003]; прочитываю с негодованием вышедшую книгу статей Вячеслава Иванова[1004]. Беседы с антропософами; приезд Лемана в Москву; я избран членом совета А.О.; частое посещение Григоровых. Каждый день — письма к Асе. Тяготение, все бóльшее, к К.Н. Васильевой.

1) Антропософская беседа (мое участие в ней), кажется, — реферат К.Н. о Толстом.

2) Участие в прениях на бердяевских беседах.

Впечатление от убийства Распутина[1005].

Сергиев-Посад.

Кажется, полмесяца живу у Соловьевых[1006]; особенно нежная дружба с Таней и ряд незабываемых бесед с ней (о Наташе и Асе). Много читаю (церковная литература), но не помню, что.

Москва.

Конец месяца: елка у Григоровых. Меня вновь переосвидетельствуют (вновь — 2-месячная отсрочка)[1007].

Так кончился этот переломный год не тем, чем начался для меня.

1917 год

Январь. Москва.

Те же усиленные беседы с религиозно-философским, философским кружками; бóльшее сближение с московскими антропософами; собеседование у Гершензона.

1) Моя публичная лекция «Жезл Аарона» (здание Консерватории)[1008].

2) Участие в диспуте после выступления Е.Н. Трубецкого в Религ<иозно-> Фил<ософском> Обществе[1009].

Во второй половине месяца еду к Раз<умнику> Вас<ильевичу> Иванову в «*Детское Село*» (тогдашнее «*Царское*»)[1010].

Царское Село.

Очень интенсивная жизнь у Р.В. Иванова; встречи и знакомства: с В.Н. Фигнер, профессором Метальниковым, Петровым-Водкиным, вернувшимся из Англии Замятиным, М.М. Пришвиным; пр<офессором> Гедройц; знакомство с семьей Мстиславских, с Есениным, Клюевым[1011], Ганиным; встречи с Ремизовыми, Мережковскими, Карташевым, Б.Б. Красиным, С.И. Гессеном и рядом других лиц; определенное сближение со «*Скифами*»[1012] и определенный холодок с Мережковскими; помнятся особенно: беседы с Клюевым, с Замятиным (об Англии)[1013], посещение скифских вечеров (у Мстиславского); обеды у С.И. Гессена

Ф.А. Головин. Андрей Белый, М.Ф. и Ф.Ф. Кокошкины
1917, январь. Бумага, картон, тушь, карандаш. ГМП

и Б.Б. Красина, посещение К.С. Петрова-Водкина. Перманентная беседа с Р.В. Ивановым. В Царском определилась *до конца* моя политическая левизна и взгляд на исторический момент.

Весь этот месяц спешно пишу свою статью «*Жезл Ааронов*»[1014]; и правлю корректуры.

Февраль. Детское (Царское).

Жизнь в предощущении революции; посещение ленинградских антропософов оставляет в душе чувство неудовлетворенности ими; посещения Мережковских и споры с ними на темы: война, антропософия, «*Скифы*», «*Разумник*»; очень острые беседы с Карташевым; более спокойный лад отношений с Философовым. Встречи с Кублицкой-Пиоттух и А.А. Блоком, которому я развиваю взгляд на его поэзию; ею упорно занимался весь конец 16-го года. Этот месяц переживаю полосу увлечения поэзией Есенина и Клюева; очень значительный разговор с Клюевым о сектах севера и о хлыстовстве; встреча с Венгеровым.

Весь месяц собираю материал и пишу книжечку под заглавием «*Ритм и смысл*»[1015]. В этот месяц следующие выступления.

1) «Александрия и мы». Лекция в Рел<игиозно->Фил<ософском> О<б-щест>ве[1016]: в прениях участвуют: Философов, Клюев, Мережковский, Карташев (кто еще — не помню).

2) «Кризис мира» — публичная моя лекция от Р.Ф.О.[1017]

3) Участие в прениях на одном из заседаний Рел<игиозно->Фил<ософ-ского> О<бщест>ва.

4) Воспоминания о «Гетеануме» в петерб<ургском> отд<елении> А.О.

5) «О ритмическом жесте» — в семинарии проф. Венгерова (университет)[1018].

Последняя неделя месяца вся под знаком революции. Приезд С.М. Соловьева. Посещение д'Альгеймов.

Петербург.

Долгая, сериознейшая беседа с Карташевым и ряд объяснений по поводу моей полемики с Мережковскими; долгий разговор с Мстиславским (ночую у него); на другое утро выхожу почти под перестрелку вырвавшегося из казарм Волынского Полка[1019]; начало революции застает в Петербурге.

Детское (Царское).

Тревожно-радостный вечер в Царском; мы с Р.В. обегаем Метальниковых, Гедройц, еще кого-то и собираемся в Петербург; в ночь революции приходит С.И. Гессен и развивает свои «безнадежно-кадетские» политические взгляды; я нападаю на него.

Март. Петербург.

Попадаем с Р.В. в гущу уличного хаоса, — прямо с вокзала: заход в «*День*»[1020] — беседа с Кугелем; заход с Р.В. и, кажется, Метальниковым в Стоюнинскую гимназию[1021]; беседа с Лосским; заход в Академию к Мстиславскому, откуда пытаюсь пробраться к Мережковским, но попадаю под пулеметы у Думы; отсиживаюсь и под стенкой перебегаю к дому Мережковских[1022]; здесь, у Мережковских, живу дней пять, имея картину революции рядом (их дом — угол Сергиевской и Таврической[1023], рядом с Гос<у-дарственной> Думой); встречи со Слонимским, Карташевым, Туган-Барановским; беседы с Философовым; переживание неопределенности; встреча известий о восстании в Москве, переживания «*Приказа № 1*»[1024], низложение Николая, республика[1025]; настроение Мережковских — «*керенское*»[1026]; еще пока вместе переживаем пафос первых революционных дней.

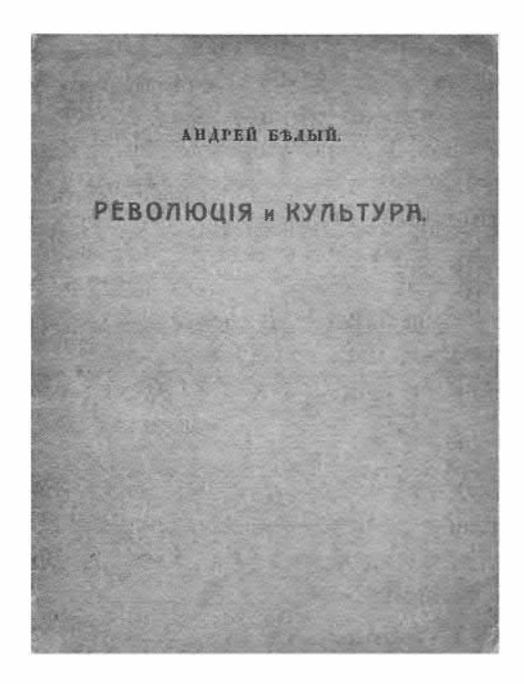
Марта 5-го уезжаю в Царское.

Царское.

Доживаю с Разумником; числа около 10-го уезжаю в Москву[1027].

Москва.

Бурные и взволнованные переживания в Москве (у Бердяевых, Гершенсона); между тем, — попутно: И.А. Ильин присылает мне негодующее письмо за мою книгу против Метнера[1028]; Гершенсон, Булгаков, Бердяев не позволяют мне распечатать письмо и настаивают на возвращении его Ильину в нераспечатанном виде; Трубецкой берет на себя, так сказать, этическую защиту меня и объясняется с Ильиным; инцидент исчерпан. Я еду в Посад к С.М. Соловьеву[1029].

Андрей Белый. Революция и культура
М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917

Сергиев-Посад.

Живу до Пасхи у Соловьевых[1030]; оканчиваю свой «*Ритм и Смысл*»[1031]; пишу «*О смысле познания*»[1032]; перечитываю ряд книг; и между прочим: «Волю к власти» Ницше; частые беседы с Каптеревыми.

Москва.

Конец марта — волна общественности, постоянные бурные беседы и уже намечающееся расхождение; я и Гершенсон гораздо левее бердяевской атмосферы, где появляется Струве; организация клуба писателей[1033]; общение с Бальмонтом, Зайцевыми, Б.А. Кистяковским, Буниным, Вересаевым, Соболем, Лидиным, Шпеттом, и рядом писателей; частые беседы с Жилкиным и Осоргиным; кажется, — знакомство с Суроварди[1034]; в этот период левое крыло «клуба» — еще Бунин (?!?), я, Вересаев против почти всех, правее настроенных; из собраний и заседаний, в которых принимал участие, падают на этот период (не помню точно, что в апреле, что — в марте) следующие:

1) «*Революция и культура*». Мой реферат в клубе писателей[1035].

2) «О смысле познания» — читаю у С.М. Соловьева.

3) Выступление в беседе кружка писателей на тему «*О современном моменте*».

4) То же[1036].

5) Деятельное участие в прениях на собраниях у Бердяева.

6) Выступление на литературной беседе у Лосевой.

В это время — оживление жизни и в антроп<ософской> среде; мы с А.С. Петровским — очень лево настроены.

Апрель. Посад.

В начале апреля опять уезжаю в Посад к С.М. Соловьеву[1037], который переселяется в Дедово, ликвидируя свою жизнь там; опять «*растревоженные*» Каптеревы.

Москва.

Обмен писем с Р.В. Ивановым, уже занимающим ультра-левое положение в эс-эровских кругах (между прочим, он — вне партии); в это время образуется группа Камков, Спиридонова, Мстиславский, Трутовский «*et tutti*»,* среди которых Разумник оказывается *законодателем литер<атурных> вкусов* (не будучи сам в партии «левых эс-эров»)[1038].

* *Правильно*: e tutti quanti (*ит.*) – и им подобные.

Я же в Москве именно с апреля становлюсь постоянным читателем горьковской газеты[1039]; не помню, когда начала выходить «*Правда*» (в апреле или в мае)[1040]; но с первых же №№ мы с А.С. Петровским *внимательные читатели* «*Правды*»; «*левая*» антр<опософская> группа еще более «*левеет*»; мы с Гершенсоном уже неприличны для бердяевской орьентации; этот месяц я крупнейше сражаюсь с Бердяевым; мой лозунг — «*Долой война*». Смерть Эрна[1041].

Приезд в Москву Маликова из Англии[1042].

К этому времени относятся следующие выступления.

1) Участие в беседе Кружка Писателей.

2) Участие в диспуте Моск<овского> Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва (на котором я предлагаю «*свергнуть царя в голове*»[1043]).

3) Участие в прениях после лекции М.П. Столярова «Мысль и мир духа».

4) Мое участие в митинге-концерте, устроенном Кусевицким, с вступительным словом «*О музыке*» (цирк Соломонского)[1044].

5) Мой реферат в А.О. на тему «О ритмическом жесте»[1045].

6) Участие в прениях одного из собраний А.О. (открытого, с гостями).

Сближение в эти дни с Нилендером.

Май. Москва.

Еще бóльшее полевение; беседа с Вольским (тогда — большевиком)[1046]; наша *левая непримиримость* с Гершенсоном; хождение по митингам; споры с мамой и с Григоровым; бурное объяснение с Бердяевыми; нас с Гершенсоном оглашают «*большевиками*»[1047].

Дедово.

Отъезд в Дедово; живу там с неделю[1048]: приезд в Дедово Виноградова; встреча с Татариновой.

Москва.

Видаюсь исключительно с антропософами, Гершенсоном, Нилендером; почти все прочие для «*нас*» правы.

На конец мая уезжаю в Демьяново[1049]; встреча с проф. Богоявленским, К.А. Тимирязевым[1050], В.И. Танеевым, Лепковскими, Гнесиной.

Июнь.

Не могу точно установить дат, потому что *июнь–июль* веду кочующий образ жизни: *Демьяново—Дедово—Поворовка—Москва* и т. д.[1051] —

— Июнь — месяц смятений, споров, растерянности, досады на «*Врем<енное> правительство*»; бурные ссоры: с мамой, Бердяевыми, Григоровыми, Соловьевыми; с Бердяевыми устанавливается своего рода «*вооруженный нейтралитет*»; мы просто молчим о целом ряде вопросов; смятенность сказывается в перемене места; нигде мне нет покою; прожив 2–3 дня в Демьянове, бросаюсь к Нилендеру, солдатскому депутату, в Москву; ночую то у себя, то у Бердяева; прожив здесь 3–4 дня — бросаюсь в Дедово; и там мне нет покоя; бросаюсь в Поворовку, к Григоровым[1052]; оттуда опять в Демьяново; мне уже ясен социальный переворот; и весь жест — «*скорее бы*»! Неопределенность политическая не дает покоя; за этот месяц помнятся встречи: с Череваниным, Струве, Чулковым, Базилевичем, Леманом

(у Бердяевых); с Чулковым происходит примирение после разрыва в 1906 году (через 11 лет); у Григоровых встречаюсь: с приезжающими туда «нашими» (Васильевыми, Петровским, Сизовым, Станевич), с Бурышкиными и т.д.; встречаюсь с Жуковской, Нилендером (в Москве); с Коваленскими, М.А. Петровским, Виноградовым, кажется, Киселевым, — у С.М. Соловьева; и с М.А. Эртель (Мария Алекс<андровна>), проф. Богоявленским, Гнесиной, Тимирязевым, Щелкан и др<угими> в Демьянове.

За этот месяц пишу брошюру «*Революция и Культура*»[1053].

1) Чтение моей статьи «Революция и Культура» (у Бердяева).

2) Участие в беседах на собраниях у Бердяева.

Июль.

До середины июля та же переметная жизнь (*Москва—Поворовка—Дедово—Демьяново*). —

— Страшно измучен; помнится приезд из Дорнаха Волошиной и Трапезникова[1054], настроенного левее всех и являющегося сильной *опорой нашему левому флангу*; у него откровеннее всех крик: «*Долой войну, правительство и да здравствует социальный переворот*». Разумник из Детского и Трапезников из Москвы сильно укрепляют наш *левый фланг* с Петровским. Видя мою измученность, Григоровы предлагают мне жить в их пустом домике. И я переселяюсь в Поворовку[1055].

До этого, почти одновременно, два события: 1) получение от Аси письма[1056], из которого явствует: *мы вовсе потеряли понимание друг друга*; 2) моя встреча по-новому, ясному, прекрасному с К.Н. Васильевой, приехавшей гостить к Анисимовым, снявшим дачу в Петровском (близ Дедова).

1) Мое изложение «*5-го Евангелия*»[1057] у Анисимовых (собственно для К.Н.).

Поворовка.

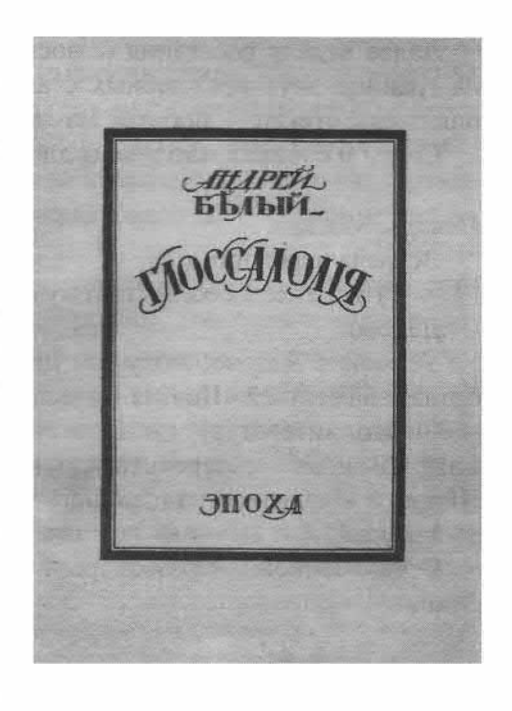
Июлю к 15-му переселяюсь в Поворовку; здесь чувствую гигантскую усталость; впервые штудирую курс Штейнера «*Тайны библейского миротворения*»[1058], который подымает во мне тему глоссолалии. Перечитываю глоссолалийные страницы у Бэме[1059]; читаю Макса Мюллера (кажется, «*Мысль и язык*» — не помню точно заглавия этого сочинения)[1060]; экспериментирую на Блоке над эвфоническими жестами. Читаю книгу Мейе (по сравнительному языкознанию)[1061].

Август. Поворовка.

Весь месяц в огромной работе собирания лингвистического материала; набираю у Соловьева и Нилендера ряд соответствующей литературы: читаю Поржезинского[1062], Потебню[1063], Шрадера[1064] и Бругманна («*Vergleichende Grammatik*»)[1065]; перечитываю выпуски по психологии творчества, ряд сборников и статей, посвященных Слову (Горнфельд, Овсянико-Куликовский и т.д.); весь материал сплавляется с темой курса Штейнера; именно в этот месяц устанавливается мой взгляд на «*глоссолалию*»; у меня скапливается огромный материал примеров, выписок и ряд исписанных страниц, часть которых

лишь вылилась в «*Глоссолалию*»[1066]; помнится, что восприимчивость моя к слову такова в тот период, что я уже не слышал абстрактного слова; я слышал в любом слове лишь его пантомимический жест; к материалу, приобщенному — статьи Шпетта[1067].

Сквозь это усиленное занятие эвфонией врывается переживание *Корниловской авантюры*[1068]; после которой ясно: *Врем<енное> Прав<ительство>* доживает последние дни.

Андрей Белый. Глоссолалия
Поэма о звуке
Берлин: Эпоха, 1922

Сентябрь. Москва.

К началу сентября я в Москве, но весь сентябрь езжу в Дедово, где зарываюсь в словари (греческие)[1069] и добираю из словарей глоссолалийный материал. Разумн<ик> Вас<ильевич> по делам «*Скифов*» вызывает меня в Петербург, куда являюсь в первых числах октября[1070].

Октябрь. Царское.

Октябрь связан мне тою же милой жизнью с Раз<умником> Вас<ильевичем> и ожиданием уже ясно наметившегося Окт<ябрьского> переворота; внешне: пишу текст «*Глоссолалии*», использывая имеющийся у меня материал; внутренне: слушаю гул октября; кислейшая и последняя встреча с Мережковскими; ясно, что они меня проклянут: Керенский для них — «*левый предатель*»; я резко обрываю Гиппиус, когда она ругает Разумника[1071]. Вижусь часто с Б.Б. Красиным (он живет в Царском); встречаюсь с «*виляющим*» Чуковским и с «*размахивающим саблей*» Мстиславским, который не то трусит от храбрости, не то храбрит от трусости; он зовет меня и Разумника к кронштадтским матросам.

Уезжаю в Москву в день наведения пушек «*Авророй*» на «Зимний Дворец»[1072].

Москва.

Конец октября — гул восстания; наши волнения. Помню день накануне октябрьского восстания в Москве: часов в 6 зашел к Гершенсону, который мне говорит: «Запомните этот день; история — ломается: на́двое». Вечер (до поздней ночи) проводили вместе очень радостно: я, Трапезников, Петровский, кажется, — Сизов; и, кажется, — Киселев; Трапезников подмигивает: «*Хорошо: так надо*!». А в это время уже начиналась перестрелка около Кремля; на другой день, воскресенье, пошел к Петровскому в Полуэктов; а уже на Пречистенке — перестрелка рабочего отряда с юнкерами; почти был отрезан от дома; едва вернулся; весь наш район — застрелял[1073].

1) Чтение статьи «Глоссолалии» у Анисимовой.

Далее неделя восстания (с воскресенья до пятницы); наш дом, оказавшийся на границе двух враждебных станов, сильно пострадал; в комнаты врывалась шрапнель; стекла — побиты; мама — едва не убита[1074].

Сидел и собирал материалы для статьи «*Поэзия Вяч. Иванова*»[1075].

Ноябрь. Москва.

Встреча переворота.

1) Участие в беседе на тему «Мистерий»[1076] в А.О.

Дедово.

Уезжаю в Дедово; живу там недели две; сильно думаю об Асе; усиленно работаю над статьей «Поэзия Вячеслава Иванова».

Читаю литературу по Блаженному Августину; между прочим сочинение проф. Попова[1077]; перечитываваю в связи с темой «*Происхождение Трагедии*» Ницше и «Религия страд<ающего> Бога» В. Иванова[1078].

Москва.

Организационные разговоры в А.О. о наших «*курсах*»; мысли о курсе «*Мир Духа*».

Декабрь. Дедово.

Те же работы: кончаю статью; собираю материал по Августину; читаю Григория Нисского и Дионисия Ареопагита. Радостное для меня и *роковое в радостном смысле письмо от К.Н. Васильевой*[1079]; *с этого письма оформляется наша внутренняя встреча*.

Москва.

Радостный период жизни, окрашенный 1) встречею с К.Н., 2) верой в революцию и Россию, 3) надеждами на нашу «*А.О.*» деятельность.

В этот месяц:

1) Участие в беседе А.О.
2) Чтение статьи «Поэзия В. Иванова» (у Гершенсона).
3) То же чтение на елке у Григоровых.
4) «Мир Духа».[1080]
5) «Мир Духа».
6) «Мир Духа».

} Мои курсовые лекции от «*А.О.*»

Радостный и полный веры переход в 1918 год. Встреча нового года у Григоровых.

1918 год

С 18 года всё учащаются выступления мои и участия в разного рода организациях; разумеется, в моем перечислении заседаний, собраний, лекций вкрадываются ошибки (в смысле сроков); но не слишком их много; интерферируясь, они, вероятно, дают рельеф *линии* работ относительно верный; записываю их так, как подсказывает память.

Январь. Москва.

С января особенно рацветает во всех смыслах наша антропософская жизнь[1081]; кружки, интимные собрания, собрания для гостей (открытые), беседы; обсуждения плана журнала «Эвое»[1082] в смысле материала статей; частые собрания в помещении «*А.О.*» (бывшей квартире Общества), перенесенном из Полуэктова переулка на Кудринскую Садовую[1083]; лекции на Остоженке: мои, Викентьева, Сизова, Машковцева; постоянные длительные часы *эвритмии*, переходящие в живые, многочасовые беседы; частые собрания у Анисимовых и у меня (еще живу на Арбате); тон социальный радостный, бурно-тревожный соответствует бурно-тревожному времени. Эвритмия, музыка, стихи — все это процветает; у нас свои поэты (Анисимов, я), свои лектора (Сизов, Григоров, Столяров, я, Викентьев), свои художники, музееведы, библиофилы. Библиотека — ширится быстро. Мы радостно смотрим вперед.

Наконец для меня это время — начало личного сближения с К.Н. Васильевой: и встречи в Библиотеке, где она отсиживает часы[1084], и на эвритмии — превращаются в сердечные беседы. В этот месяц я пишу стихотворение «*Антропософия*»[1085].

За январь помнится следующая моя обществ<енная> работа:

1) «Мир духа».
2) «Мир духа».
3) «Мир духа».
4) «Мир духа».

} Мои курсовые лекции на Остоженке.

5) Участие в публичной беседе, устроенной для интересующихся (в помещении Общества).

6)
7)
8)
9)
10)
11)
12)
13)
14)

} «Эвритмия» — урок, занятие, переходящий в длительную беседу (в помещении А.О.).

15) Собрание организационное у меня (обсуждение материала журнала).

Наоборот: мало общений с другими кругами; в других кругах — паника.

Февраль. Москва.

Та же напряженная моральная жизнь: антропософские беседы, лекции, собрания; А.В. Сизова постоянно устраивает нам музыкальные вечера; еще более процветает эвритмия.

Много читаю: между прочим литературу по Зенд-Авесте[1086]; читаю книгу, посвященную мистикам монастыря С. Виктор, читаю монографию об Абеляре, об Арнольде Бреншианском, о Вильге<ль>ме из Шампо. Читаю Штокля «История средневековой философии»[1087].

Углубляется мое сближение с К.Н. К 15-ому февраля переселяюсь в пустое помещение *А.О.*, где мы живем с А.С. Петровским вдвоем.

За февраль помню:

1) «Мир Духа».
2) То же.
3) То же.
4) То же.

(2–4) Мои курсовые лекции на Остоженке[1088].

5) «Свет из Грядущего». Лекция (в пользу журнала) моя[1089].
6) Выступление со словом после чтения Маяковского (в «Политехн<ическом> Музее»)[1090].
7) Беседа у Цейтлиных с футуристами (Маяковский, Каменский, Бурлюки, Пастернак)[1091].
8) Участие в беседе с интересующимися антропософией (в помещ<ении> О<бщест>ва).
9) Организационное заседание.
10)
11)
12)
13)
14)
15)
16)
17)

(10–17) «*Эвритмия*» — занятия, беседы в помещении Общества.

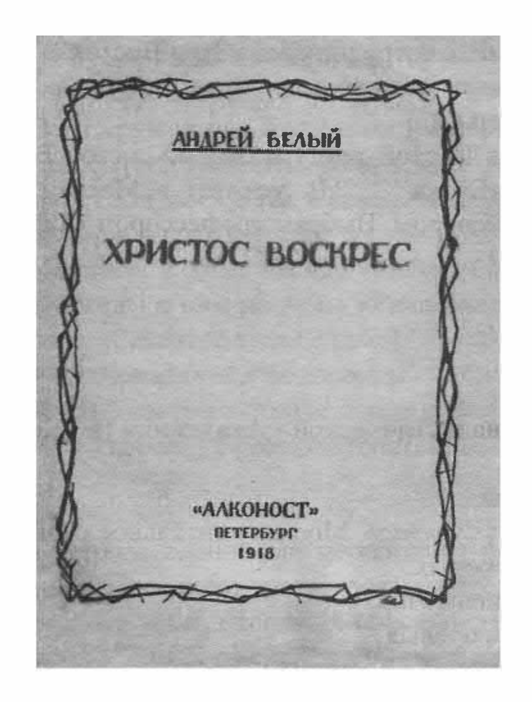
Пишу стихи[1092]. Делаю черновые наброски «Записок Чудака»[1093]. Сильное впечатление от брестских переговоров[1094] и «*Скифов*» Блока[1095].

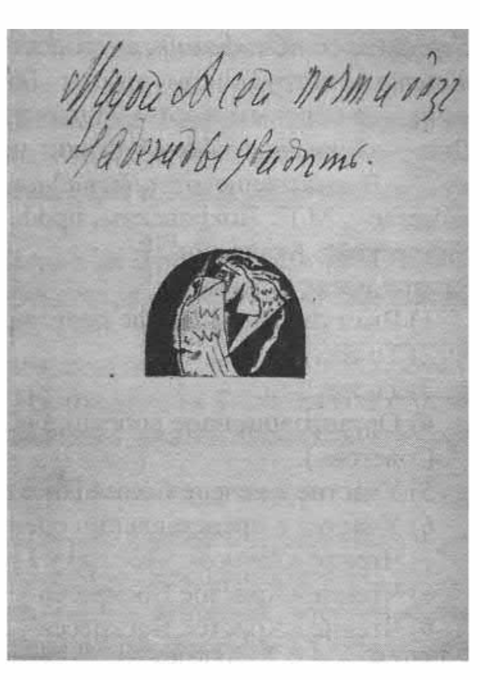
Март. Москва.

Тот же, но еще более форсированный темп жизни. Вечера, беседы. Плюс: приезд в Москву правительства и «*Скифов*»[1096]: Разумник Васильевич, Мстиславский, Центральный Комитет левых эс-эров; организация Социалистической Академии[1097], к которой я притянут; встречи с Р.В. Ивановым, Мстиславским, Лундбергом, Колпакчи, Магеровским, А.А. Штрейтером, Кусько; начало работы в лево-эс-эровской газете «*Знамя Труда*»[1098]; посещение ее редакции; переезд в Москву Есенина; частые встречи с Есениным; Есенин начинает часто бывать в помещении А.О.; и даже: присутствует при «Эвритмии».

За этот месяц помню:

1) Участие в беседе Антр<опософского> вводительного кружка.
2) Участие в беседе с интересующимися антропософией.
3) Собрания лекторского бюро (с футуристами, П.С. Коганом и Долидзе).
4) Выступление на литер<атурном> вечере от Долидзе.
5) Выступление в литер<атурном> кафе (от «Клуба писателей»).
6) Вечер у Анисимовых со «*Скифами*».

Андрей Белый. Христос воскрес
Пб.: Алконост, 1918. ГМП
На шмуцтитуле дарственная надпись Андрея Белого А.А. Тургеневой:
«Милой Асе почти без надежды увидеть»

7)
8)
9)
10)
11) Не менее 10 длительных собраний «Эвритмии»;
12) уроки, репетиции постановки сцен из «*Фауста*».
13)
14)
15)
16)

Углубляется *еще* близость с К.Н.

Много пишу «*Записки Чудака*». Пишу стихи[1099].

17) 18) Собрания у Анисимовых и организация еженедельной газеты «*Россия*» (молодежь меня просит).

Пишу фельетон «*Священная Россия*»[1100]. Много читаю, но что, — не помню, что читаю.

Апрель. Москва.

Тот же темп работ. Близость с К.Н. оформляется и переходит в ту прочную связь, которая стала уже нерасторжимой в десятилетии 1918–1928 годах.

Свидание со «*Скифами*», антропософами, с сотрудниками «Зари Востока»[1101]. Становлюсь с трудником газеты Борового и лево-эсеровского журнала[1102]; встречи — с Боровым и сотрудниками газеты.

Пишу «*Записки Чудака*»; стихи; перед Пасхой пишу поэму «Христос Воскрес»[1103]. Впечатление от «*Двенадцати*» Блока[1104]. Р.В. уезжает в Москву[1105]; знакомство с М.П. Покровским, пр ф. Рейснером. Выбран профессором Социалистич<еской> Академии[1106].

За этот месяц помню:

1) Выступление в «Кафе поэтов».
2) То же.
3) То же.
4) Организационное собрание «Социалистич<еской> Академии» (в «Доме Советов»).
5) Участие в вечере Союза Писателей.
6) Участие в представлении сцен из «*Фауста*». Мое вступительное слово.
7) Чтение «*Записок Чудака*» у Григоровых.
8) Чтение «Христос Воскресе» у Анисимовых.
9) Чтение «Христос Воскресе» у Григоровых.
10) Вечер у Анисимовых: чтение «Инонии» Есениным[1107].

Знакомство с З.Н. Райх; частые беседы с Есениным.

11)
12) } «*Эвритмия*».
13)
14)

Май. Москва.

Май как-то менее помнится мне; кажется, чувство переутомления; начинаю писать статью о «*Символизме*», но потом бросаю; пишу какие-то статейки для газеты Борового; приготовляю к печати сборник «*Звезду*» (Кожебаткин хочет издать)[1108].

За этот месяц плохо что помнится:

1) Участие на вечере в «Доме Союзов».
2) Выступление в «Кафе поэтов».

Всяческое появление Павлович.

Июнь. Москва.

Трудный, переломный месяц; работаю над составлением текста «Кризиса Жизни»[1109]. Читаю со тветствующую литературу; читаю исследование об аристотеликах; читаю собрание «коптских» текстов (немецкое издание); роюсь в Дильсе[1110]; перечитываю Попова об Августине и Трубецкого об Августине[1111]. Начинаю 2-ой кризис «*Кризис Мысли*» (т.е. перерабатываю имеющийся материал для отдельной книжки)[1112].

В этом месяце помню:

1) «*Поэзия Слова*». Публичная лекция (в помещении «*Эрмитажа*»)[1113].
2) «*О ритме*». Лекция в Студии Стиховедения.

3) «*Кружок мистерий*».
4) «*Кружок мистерий*». } Готовлюсь к нему.

Этот кружок над изучением мистерий Штейнера, к собраниям которого готовимся, сыграл большую роль в моей жизни: столькое мы, участники его, вынесли; он собирался в год еженедельно, а потом 1 раз в 2 недели. С отъездом М.П. Столярова он распался.

Кажется, в этом месяце явился А.М. Поццо из Трапезунда и остановился у нас; беседы с ним на темы «*Ренессанс*». Кажется, в этот месяц читаю Пасквале Виларе «Саванаролла» (2 тома)[1114].

Еще: появляются федоровцы[1115], био-космисты: знакомство с Иваницким.

5) Участие в беседе после реферата Иваницкого (в Толстовской столовой, где-то у Бронной: толстовцы, трезвенники, братец Колосков).

Июль. Москва.

Впервые сериозный перелом от розовой романтики в отношении к революции к исканию чисто реалистического самоопределения в ней; террористические акты, ответный красный террор, смерть Мирбаха, восстание левых эс-эров[1116]; пишу Рейснеру письмо с отказом от профессуры в Социалистической Академии; перестаю писать в газетах; вполне подготавливаю к печати 2 кризиса[1117]; еще большее тесное сближение с Васильевыми; перечитываю литературу по масонству, Дионисия Ареопагита, историю романтизма Гайма[1118], историю худ<ожественной> культуры Каррьера, Бургхардта[1119], перечитываю биографию Ницше Галеви[1120] (не помню, что читаю в августе, что в июле); поступаю на службу в «Русский Архив» к середине месяца[1121]; изучаю палеографию и разбираю столбцы; служба от 10 до 3-4-х: разбираю Архив «*Воронежской Судебной Палаты*»; регистрирую дела и извлекаю дела, имеющие архивный интерес для проф. Ардашева. Очень интересует наш кружок «Мистерий», к которому готовлюсь.

1) «Кружок мистерий».
2) «Кружок мистерий».
3) То же.
4) То же.

В этом месяце встреча с Алянским, начало сближения с К<нигоиздательст>вом «Алконост»[1122].

5) Чтение моих «*Записок Чудака*» у Фельдштейн.

Разговоры об издании их.

Август. Москва.

Работа в «Архиве». Профессор Ардашев мною очень доволен, как служащим; проф. Цветаев (директор «*Архива*») — тоже, но Рязанов меня *не утверждает* в «*Архиве*», мотивируя, что я — профессор Социалист<ической> Академии, между тем как я уже с месяц послал отказ от профессуры; мне лень объяснять «*qui pro quo*», потому что ясно: *против рожна* (Рязанова) не попрешь; Ардашев предлагает мне в спешном порядке пройти Археол<огический> Институт, обещаясь оставить при себе (по кафедре «*Древней*

Дипломатики»), но мне поздно на старость лет эдакий подвиг, и я ухожу из «*Архива*».

Ряд встреч с Райх, с Есениным[1123]; знакомство с Орешиным.

Пишу рассказ «*Иог*»[1124].

Встречи и разговоры с Каржанским.

Выплывает из мрака лет и туда же уныривает А.С. Челищев; часто вижусь с Павлович. Читаю Шильдера (Историю Николаевского времени)[1125], Валишевского, Ключевского, Комперца и не помню что.

Организует<ся> наш инициативный кружок, не довольный советом «*А. О.*» и Григоровыми; кружок организует широкую и гибкую программу действий в О<бщест>ве: собрания, вечера и т. д. Каждую среду музыкальные вечера, устраиваемые А.В. Сизовой.

Наш кружок поднятия уровня жизни в *А.О.*, как помню, включал Поццо, меня, К.Н.В., А.С.П., М.В.В.[1126] и ряд других лиц; появление Белоцветова; беседы с ним; ряд заседаний «*инициативного* кружка»; минимум — 4.

За этот месяц следующие собрания.

1)
2)
3)
4) } Собрания «инициативного кружка».

5)
6)
7)
8) } Собрания «Кружка мистерий».

9)
10
11)
12) } Собрания «Музыкального кружка».

13) Мое выступление на заседании А.О. с проектом изменить ритм работы.

14)
15)
16) } «Эвритмия».

Сентябрь. Москва.

Тесная выработка программы работы «А.О.» за предстоящий сезон; пишу обстоятельный доклад-план о работе.

1) Инициат<ивное> собр<ание>.
2) Инициат<ивное> собр<ание>.
3) Музык<альное> собр<ание>.
4) Муз<ыкальное> собр<ание>.
5) Кружок мистерий.
6) «*О многообразии путей*», доклад мой в А.О.
7) «Мировые мысли, чувства, воля» — то же.

Между тем А.С. Петровский переезжает, а квартиру Григоровых, где «*А.О.*», уплотняют густо Сизовы и Викентьевы; мы с К.Н. едем задуматься к «Черниговской Божией Матери» (близ Посада)[1127].

«*Черниг<овская> Бож<ия> Матерь*».

Живем в гостинице, где задумываемся над «*путем жизни*»; встречи с Павлович, Герасимовым, Викентьевым. Спешно доканчиваю доклад о работе Общества; и быстро дописываю «*Кризис Культуры*»[1128].

Москва.

В последних числах возвращаюсь и заболеваю; значительный разговор с Есениным во время моей болезни; к началу выздоровления являются ко мне Герасимов и Павлович и уговаривают идти работать в «*Пролет-Культ*»[1129]; мои обязанности: 1) Курс лекций, 2) Семинарий, 3) Читка присылаемых в Пролет-Культ рукописей и доклад о них (разбор формы), 4) Прием поэтов и разбор приносимых ими произведений.

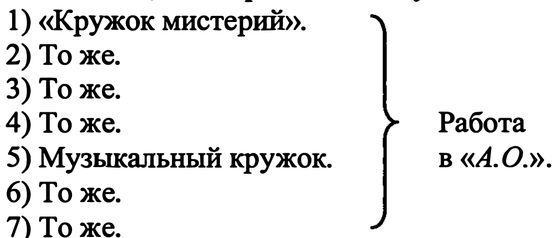
М.И. Сизов
Фотография М.П. Волкова. Москва. 1901
ГМП

Октябрь. Москва.

С октября начинаются всяческие невзгоды жизни (холод, голод, недоразумения с Сизовыми, беспокойство за маму, неудобства с едой, чаем и т.д.); с октября же — служба в Пролет-Культе, отнимающая все время: приемы, заседания, подготовка к лекциям, беседы со студийцами, воскресники, обязательное участие в которых необходимо, как необходим формальный разбор всего читаемого материала, общение с писателями, встречи и споры с Буниным и Бальмонтом, Шершеневичем, Есениным, Орешиным, Мариэнгофом, Рюриком Ивневым; участие в Союзе писателей и Союзе поэтов[1130], длительные беседы с Гершенсоном, Ивановым, Эфросом, Рукавишниковым; мое обращение к Луначарскому и разговор с ним; наконец переговоры с Луначарским и Группой писателей об организации «*Лито*»[1131]; переговоры с Эйхенгольцем о службе в «*Тео*» Наркомпроса[1132]; за этот месяц кроме «*своих*» и антропософов постоянно по делу видаюсь в Пролет-Культе с Шварцем, Плетневым, Вешневым, Герасимовым, Клычковым, Есениным, Орешиным, Полетаевым, Родовым, Санниковым, Александровским, Кривцовым, Красиным, и рядом других лиц.

Вместе с тем дома: 1) усиленно сызнова перерабатываю и пишу «Записки Чудака», 2) пишу подробные конспекты своих прочитанных лекций, которые собираются литографировать, как руководства, 3) много берет подготовка к лекциям (заново готовлю схемы и весь стиховедческий материал).

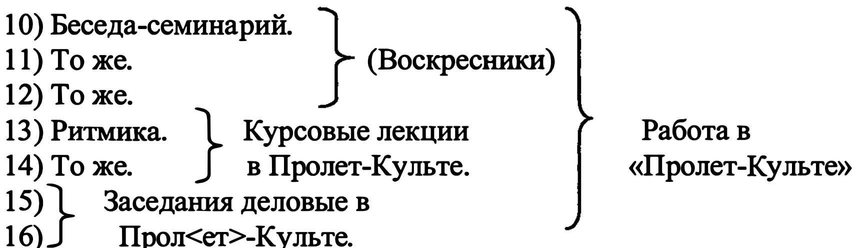
Вот заседания, в которых активно участвовал за этот месяц.

1) «Кружок мистерий».
2) То же.
3) То же.
4) То же.
5) Музыкальный кружок.
6) То же.
7) То же.

Работа в «*А.О.*».

8) «*О живоносном источнике европейской культуры*». Моя лекция. В помещ<ении> А.О.
9) Участие в беседе с интересующимися антропософией, в помещ<ении> А.О.

10) Беседа-семинарий.
11) То же.
12) То же.

(Воскресники)

13) Ритмика.
14) То же.

Курсовые лекции в Пролет-Культе.

15)
16)

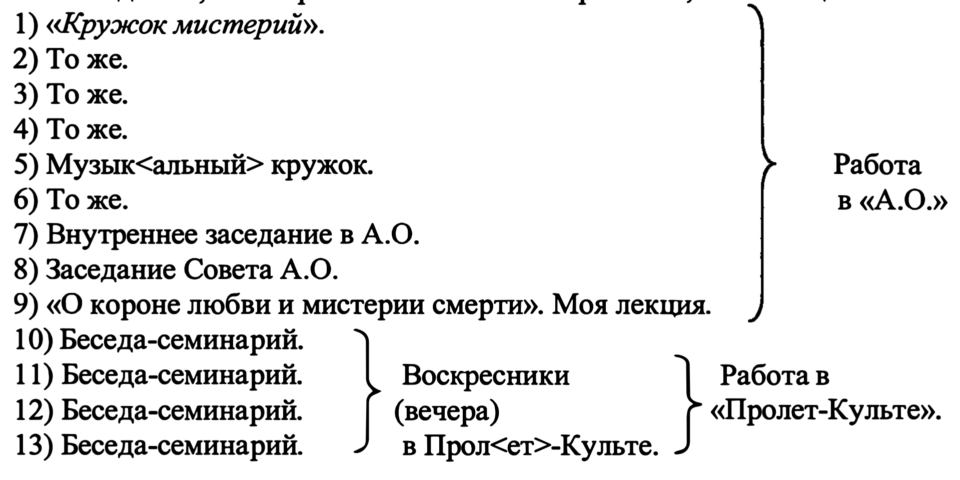
Заседания деловые в Прол<ет>-Культе.

Работа в «Пролет-Культе»

17) «Задача науки о стихе». Лекция моя в Студии «Стиховедения».
18) Организационные прения в Группе «поэтов» об организации «Лито».
19) Организ<ационные> прения в инициативной Группе писателей о «Лито».
20) Беседа Группы писателей с Луначарским (о Лито).
21) Заседание Союза Писателей.

Ноябрь. Москва.

Тот же темп работ, но усложненный проектами, мною разрабатываемыми для «*Лито*» и «*Тео*», в который я поступаю и делаюсь председателем научно-теор<етической> фракции. Кроме того: пишу «*Записки Чудака*»; нет возможности даже в схеме отметить напряженность работы за этот месяц; вот лишь перечень заседаний, в которых я очень активно работал; и — лекций.

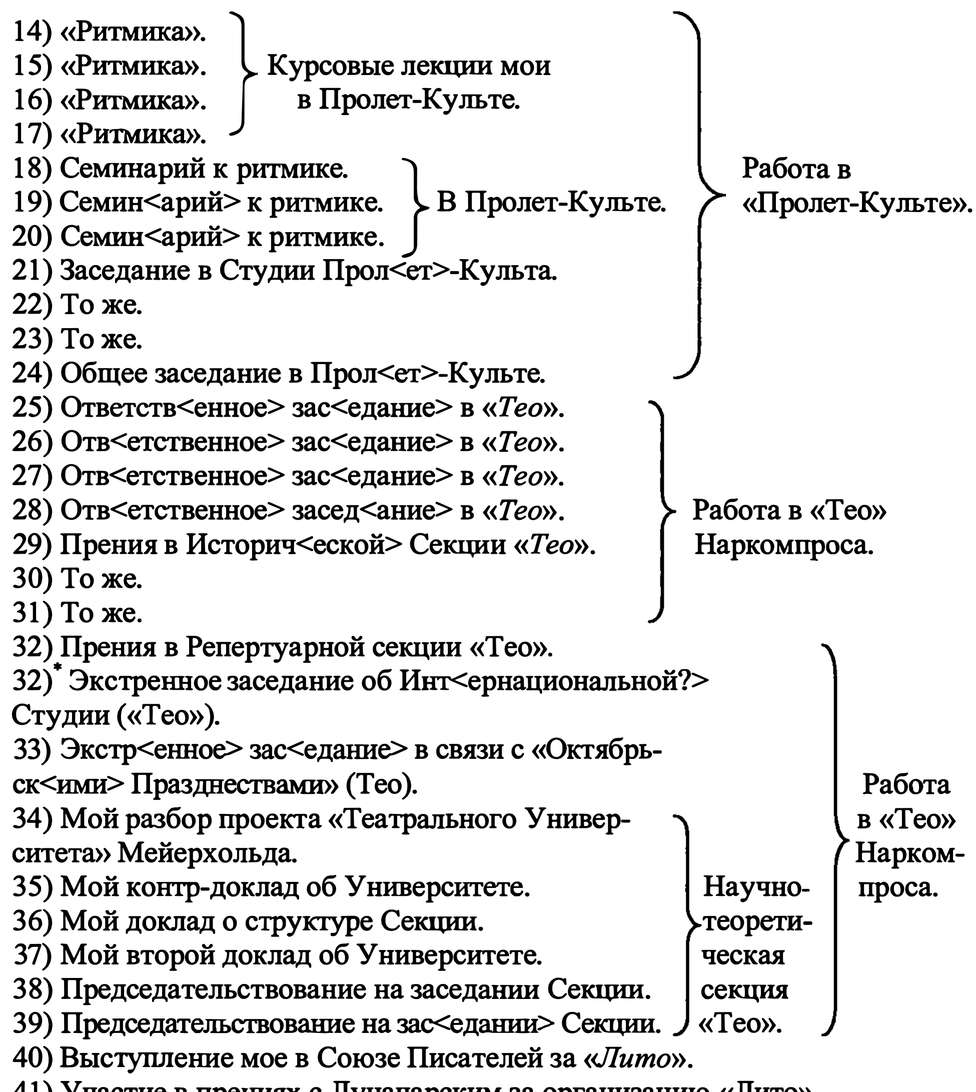
1) «*Кружок мистерий*».
2) То же.
3) То же.
4) То же.
5) Музык<альный> кружок.
6) То же.
7) Внутреннее заседание в А.О.
8) Заседание Совета А.О.
9) «О короне любви и мистерии смерти». Моя лекция.

Работа в «А.О.»

10) Беседа-семинарий.
11) Беседа-семинарий.
12) Беседа-семинарий.
13) Беседа-семинарий.

Воскресники (вечера) в Прол<ет>-Культе.

Работа в «Пролет-Культе».

14) «Ритмика».
15) «Ритмика».
16) «Ритмика».
17) «Ритмика».
Курсовые лекции мои в Пролет-Культе.

18) Семинарий к ритмике.
19) Семин<арий> к ритмике.
20) Семин<арий> к ритмике.
В Пролет-Культе.

21) Заседание в Студии Прол<ет>-Культа.
22) То же.
23) То же.
24) Общее заседание в Прол<ет>-Культе.
Работа в «Пролет-Культе».

25) Ответств<енное> зас<едание> в «*Тео*».
26) Отв<етственное> зас<едание> в «*Тео*».
27) Отв<етственное> зас<едание> в «*Тео*».
28) Отв<етственное> засед<ание> в «*Тео*».
29) Прения в Историч<еской> Секции «*Тео*».
30) То же.
31) То же.
Работа в «Тео» Наркомпроса.

32) Прения в Репертуарной секции «Тео».
32)* Экстренное заседание об Инт<ернациональной?> Студии («Тео»).
33) Экстр<енное> зас<едание> в связи с «Октябрьск<ими> Празднествами» (Тео).
34) Мой разбор проекта «Театрального Университета» Мейерхольда.
35) Мой контр-доклад об Университете.
36) Мой доклад о структуре Секции.
37) Мой второй доклад об Университете.
38) Председательствование на заседании Секции.
39) Председательствование на зас<едании> Секции.
Научно-теоретическая секция «Тео».
Работа в «Тео» Наркомпроса.

40) Выступление мое в Союзе Писателей за «*Лито*».
41) Участие в прениях с Луначарским за организацию «Лито».
42) Прения в организационной группе Лито.
43) Прения в организационной группе Лито.
44) «Стиховедение». Лекция моя в О<бщест>ве Люб<ителей> Рос<сийской> Слов<есности> (с прениями).

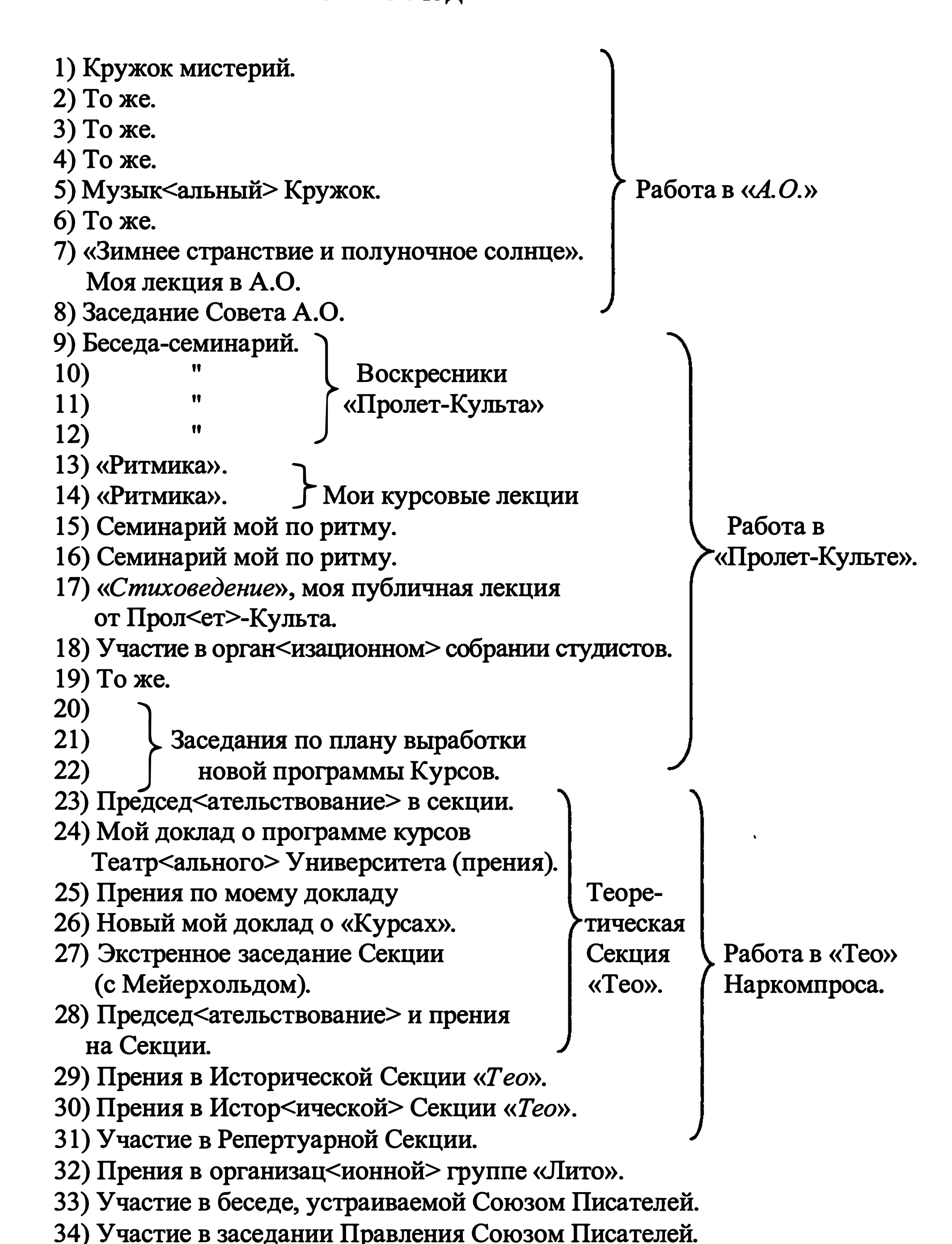
Этот длинный список работы при ежедневном служебном отсиживании в «*Тео*» и почти ежедневном забеге в «*Пролет-Культ*» при писании ночью проектов, докладов, чтения докладных записок и т.д. безумно переутомлял; особенно переутомлял ряд скандалов, разразившихся в «*Студии*» Пролет-Культа.

Декабрь. Москва.

Столь же утомительный, изводный месяц; перечисляю лишь схему работы.

---

* *Сбой нумерации в автографе.*

1) Кружок мистерий.
2) То же.
3) То же.
4) То же.
5) Музык<альный> Кружок.
6) То же.
7) «Зимнее странствие и полуночное солнце». Моя лекция в А.О.
8) Заседание Совета А.О.

} Работа в «*А.О.*»

9) Беседа-семинарий.
10) "
11) "
12) "

} Воскресники «Пролет-Культа»

13) «Ритмика».
14) «Ритмика».

} Мои курсовые лекции

15) Семинарий мой по ритму.
16) Семинарий мой по ритму.
17) «*Стиховедение*», моя публичная лекция от Прол<ет>-Культа.
18) Участие в орган<изационном> собрании студистов.
19) То же.
20)
21)
22)

} Заседания по плану выработки новой программы Курсов.

} Работа в «Пролет-Культе».

23) Председ<ательствование> в секции.
24) Мой доклад о программе курсов Театр<ального> Университета (прения).
25) Прения по моему докладу
26) Новый мой доклад о «Курсах».
27) Экстренное заседание Секции (с Мейерхольдом).
28) Председ<ательствование> и прения на Секции.

} Теоретическая Секция «Тео».

29) Прения в Исторической Секции «*Тео*».
30) Прения в Истор<ической> Секции «*Тео*».
31) Участие в Репертуарной Секции.

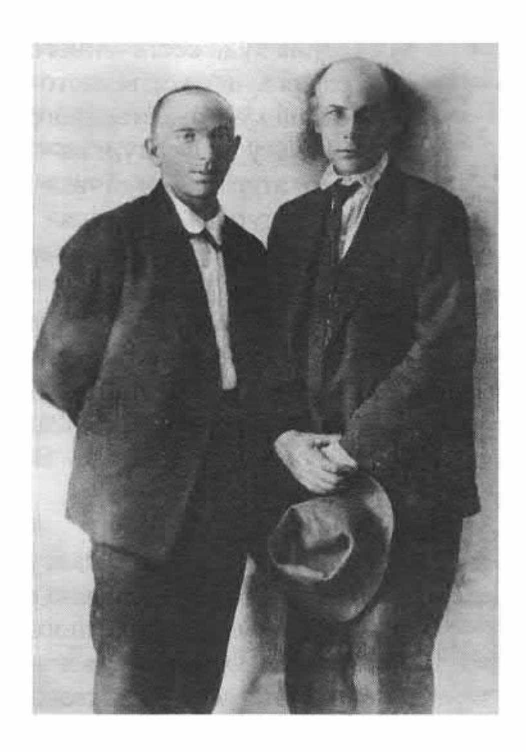
} Работа в «Тео» Наркомпроса.

32) Прения в организац<ионной> группе «Лито».
33) Участие в беседе, устраиваемой Союзом Писателей.
34) Участие в заседании Правления Союзом Писателей.

Трудно мне что-либо передать внятное об этом месяце: утомление, грусть, боль; и в довершение выводящее меня из строя письмо от А.А. Тургеневой из Дорнаха[1133].

Вот чем окончился начавшийся большими ожиданиями 1918 год; начался год полного изнывания 1919-ый.

1919 год

Андрей Белый и С.М. Алянский
«Фотография П.Г. Жукова. Петербург»
1919 (?). ГМП

Январь: Москва.

Грустное начало нового года. Сражающее письмо от Аси; срыв нашего инициативного кружка в «*А.О.*». Работать в ритме с тяжеловесным советом, которого я член, — нельзя.

1) Выступление мое на новогоднем зас<едании> «А.О.»

2) Собрание членов Совета «А.О.»

3) «Кружок мистерий».

4) «Кружок мистерий».

5) Прения в организационном собрании «Дворца Искусств»[1134].

6) Заседание инициативной группы по организации «Лито».

7) Инициативное заседание по организации новых курсов в «Пролет-Культе».

8) Воскресники студии Пролет-Культа.

9) То же. Мое деят<ельное> участие.

10) Чтение «Записок Чудака» у Григоровых.

Кажется, в конце месяца Мейерхольд и Бакрылов везут меня в Детское для организационных заседаний «Вольфилы»[1135].

Детское Село.

Встречи с Петровым-Водкиным, Р.В. Ивановым, Сюннербергом, Штейнбергом, Мейерхольдом, Блоком, Сологубом, и рядом театр<альных> деятелей.

11) Организационное, первое собрание «Вольфилы» (присутствуют: Р.В. Иванов, Штей<н>берг, Эрберг, Петров-Водкин, я, Блок, Мейерхольд, Пунин, Кушнер; еще кто-то)[1136].

Февраль. Детское Село (не уверен в числах).

Беседы с Р.В. Ивановым о «Вольфиле». Выясняется ее невозможность, как «Академии»[1137]. Бываю в Ленинграде: в «Тео» Наркомпроса; Мейерхольд зовет служить у него; встречи с Блоком в «*Тео*».

1) Заседание «Вольфилы» организационное.

2) Участие в заседании Ленингр<адского> «Тео».

Еду в Москву. Тотчас арест: Разумника, Блока[1138].

Москва.

Охватывает тот же круг, или круги забот: «*А.О.*», «*Лито*», «*Союз Пис<ателей>*», «*Двор<ец> Иск<усств>*», «Пролет-Культ». Трудно исчислить работы; *лапидаризирую*.

3) «Теория художеств<енного> слова».
4) «Теория худ<ожественного> слова».
5) «Теория худ<ожественного> слова» → Мои курсовые лекции в Пролет-Культе[1139]
6) Литер<атурная> студ<ия> Прол<ет>-Культа.
7) Литер<атурная> студ<ия> Пр<олет>-Культа.
8) Литер<атурная> студ<ия> Пр<олет>-Культа. → Мои выступления в ней
9) Заседание старост в Лит<ературной> Студии (прения мои на засед<ании>). → (3–9) Работа в Пролет-Культе.
10) Заседание в «Лито» Наркомпроса.
11) Прения в организ<ационном> заседании «Дворца Искусств».
12) Заседание в «Книгоизд<ательстве> Писат<елей> в Москве».
13) Заседание в «Союзе Писателей».
14) «Кружок мистерий».
15) «Кружок мистерий». → В «А.О.»

Март. Москва.

Усиленное чтение по ренессансу. Тот же круг забот. Перечисляю. Пишу конспект курса, подробный; усиленно собираю материалы для него.

1) «Теория худ<ожественного> слова».
2) «Теор<ия> худ<ожественного> слова».
3) «Теор< ия> худ<ожественного> слова».
4) «Теория худ<ожественного> слова». → Курсовые лекции в Пролет-Культе
5) Семинарий в литер<атурной> студии.
6) Сем<инарий> в лит<ературной> студ<ии>.
7) Сем<инарий> в лит<ературной> студ<ии>. → Прения в нем
8) Заседание старост Пр<олет>-Культа.
9) Засед<ание> отделов Пр<олет>-Культа.
10) Организ<ационное> засед<ание> «Горна»[1140]. → (1–10) Работа в Пролет-Культе.
11) Мое выступление в Клубе кооператоров.
12) Участие в дискуссии «Дворца Искусств»[1141].
13) Реферат мой «Поэзия Вяч. Иванова» в Кружке Писателей.
14) «Кружок мистерий».
15) «Кружок мистерий». → В «А.О.»
16) Засед<ание> Совета в «А.О.».

Появление Алянского; ряд бесед организ<ационных> о журнале «Записки Мечтателей»[1142]. Частые встречи с Гершенсоном, с Ивановым (В.И.). Усиленная работа над Толстым («Дневник», «О жизни»[1143] и т.д.) в контексте с «Бхагават-Гитой».

Литерат<урная> студия постановляет: читать мне по субботам без ограничения времени; весь март читаю лекцию по 4-5 часов.

Москва. Апрель.

Усиленная работа на дому: переработка «*Путевых Заметок*»[1144] с рядом соотв<етствующих> чтений: перечитываю Бургхарта[1145], читаю книгу о Неаполитанской династии (по-немецки), делаю розыски по истории Фридриха 2-го[1146], читаю о культуре Сицилии, «Очерки арабской литературы» (кажется, Крымова)[1147], читаю 2 тома о флоре (география флоры); читаю Розанова об Италии[1148],

перечитываю Гёте[1149]; читаю книгу об иезуитах Бемера[1150], читаю статьи по технике цветного стекла, резьбы, мозаике. Все для «Пут<евых> Заметок»: исправляю всю Сицилию и начало Тунисии. Кроме того: пишу статью: «*Лев Толстой и иога*»[1151], другую для «*Зап<исок> Мечтателей*» под псевдонимом «Alter Ego»[1152]; еще «комическую» (не напечатанную) за подписью «Тулумбук»[1153]. Участвую в следующем:

1) «Теор<ия> худ<ожественного> слова».
2) «Теор<ия> худ<ожественного> слова». } Мои курсовые лекции.
3) «Семин<арий> лит<ературной> студии».
4) «Сем<инарий> лит<ературной> студии».
5) Орган<изационное> засед<ание> журнала «Горн».
6) Орг<анизационное> засед<ание> журн<ала> «Горн». } Прения
7) Засед<ание> орган<изационное> поездки литер<атурной> студии по Волге. } (1–7) Работа в Пролет-Культе.
8) Выступление в Клубе кооператоров.
9) Чтение у Гершенсона моей статьи «Лев Толстой и иога» с Ангарским.
10) Чтение у Гершенсона «Записок Чудака».
11) «Теория худож<ественного> слова». Чтение в студии «*Стиховедения*».
12) «Пути истор<ических> культур» — моя лекция во «*Дворце Искусств*».
13) Участие в прениях после реф<ерата> Луначарского «О покое у мистиков» во «*Дворце Искусств*»[1154].
14) «Кружок мистерий».
15) «Кружок мистерий». } В «*А.О.*».

Совершенно измученные мы с К.Н. собираемся в Карачев: отдохнуть. Перед этим подготовляю издание «Петербурга» для «Книг<оиздательства> Пис<ателей> в Москве»[1155]. Кончаю конспект лекций для «Пролет-Культа» (там он и погиб!).

Май. Москва.

Предъотъездные хлопоты; не помню, что делаю; вероятно, работаю над «Пут<евыми> Зам<етками>».

Карачев[1156].

Беседы с К.Н. Усиленное чтение по ренессансу: Фойгта: «История ранн<его> итал<ьянского> гуманизма» (2 тома)[1157]. Читаю Моммсена[1158].

1) Лекция по антропософии для интересующихся (были такие в Карачеве).

Усиленно пишу «Пут<евые> Заметки». И, кажется, кончаю с Тунисией.

Июнь. Карачев.

Читаю главным образом Моммсена (том за томом); и ряд сочинений, путешествий по Африке: Стенли[1159], Беккера[1160], еще кого-то; читаю Элизе Реклю часть, посвященную «Малой Африке»[1161]; читаю и другие геогр<афические> брошюры об Африке.

Весь месяц перерабатываю второй том «Путевых Заметок».

1) Лекция для интер<есующихся> антропос<офией>.
2) Лекция для интер<есующихся> антроп<ософией>.

Много слушаю Скрябина.

Записки мечтателей
№ 1. Пб.: Алконост, 1919
Обложка А.Я. Головина

Июль. Карачев.

Те же занятия и чтения; с юга приближаются деникинцы; едем в Москву.

Москва.

Те же занятия; кончаю 2-ой том «Пут<евых> Заметок». Читаю по истории арабского Каира и книгу (забыл чью) об искусстве древнего Египта; читаю путешествия Елисеева, Пржевальского[1162]. Опять принимаюсь работать над Толстым; читаю С.А. Усова о «носорогах»[1163]. Читаю 2 тома о Саванаролле (Пасквале Вилари).

Натягиваются отношения с советом «*А.О.*» и с Сизовыми.

Август. Москва.

Инцидент с Сизовым на почве «*А.О.*»; перебираюсь к Васильевым[1164]; пишу регистр к «Пут<евым> Зам<еткам>». Получаю заведование курсами «*Дворца Искусств*». Встречи с Коппельманом; продаю ему собрание сочинений[1165].

1) Чтение «Записок Чудака» во Дворце Искусств[1166].

2) Заседание в связи с новой структурой «Лито» (во «Дворце Искусств»: Луначарский зовет в Совет «Лито»: отказываюсь).

3) Участие в диспуте «Дворца Искусств» о реформе школы.

4) Участие в диспуте «*Дворца Искусств*» о Лермонтове: возражаю Рощину-Гроссману.

5) Выступление на засед<ании> А.О.

6) Заседание в Пролет-Культе, после которого бросаю Пролет-Культ.

7) «Кружок мистерий». } «*А.О.*»
8) «Кружок мистерий» }

Сентябрь. Москва.

1) Заседание в «Дворце Искусств».

2) Заседание в «Дворце Искусств».

3) Беседа со студийцами «Дворца Искусств».

4) Организация курсов «Двор<ца> Искусств» (председательствую на заседании).

Заболеваю; бросаю бывать в «*Дворце Искусств*», бросаю курсы его. Машковцев, устроив меня в Музейный отдел, поручает работу *«История движений коллекций в великой фр<анцузской> революции»*[1167].

Я каждый день с 10<-ти> работаю в «Рум<янцевском> Музее»; и по 5-6 часов читаю с выписками материал: энное количество книг по 1) музееведению, 2) ис-

тории вел<икой> фр<анцузской> революции, 3) специальную литературу по коллекциям и законодательству «*Конвента*»; между прочим и литературу, посвященную Давиду; читаю, кажется, Дюмениля: «История коллекций во Франции»[1168]. И специально: литературу по образованию Музея Ленуара[1169]; памятники готики бросают меня к истории древней Франции; тема моя, расширяясь, меня разрывает.

Одновременно готовлюсь к курсу «Антропософия».

5) «Кружок мистерий».
6) «Кружок мистерий».
7) 1-ая лекция «Антропософия».
8) 2-ая лекц<ия> «Антроп<особия>».
— Работа в «А.О.».

Октябрь. Москва.

Переезжаю к Жуковской[1170]; продолжаю работать в Музее; работа — чтение и выписки: сосредотачиваюсь на материалах образования коллекций Лувра, и на истории вопроса о вывозе из Италии ценностей; читаю о египетской экспедиции в связи с Шамполионом[1171]; установить трудно; разброс отдельных собраний коллекций бросает меня к перечитыванию от доски до доски журнала «*Старые годы*»[1172], шаренью по «*Аполлону*»; заезжаю даже в историю русских коллекций. Тема — необъятна; начинаю сидеть в «*Историч<еском> Музее*»: читаю литературу по истории французских архивов.

1) Прения в кружке писателей.
2) Прения в кружке писателей «Звена»[1173].
3) 3-ья
4) 4-ая
5) 5-ая
6) 6-ая
— Лекции курса «Антропософия» в «*А.О.*».

Ноябрь. Москва.

С начала ноября задумываем с К.Н. мой отъезд за границу[1174].

Продолжаю собирать материал по Музею. Читаю Карлейля, Тьера, Жореса (по истории фр<анцузской> революции)[1175]; и читаю от доски до доски «Moniteur» с осени 1792 года[1176];прочитываю с октября 1792-ой год и часть 1793 года, отовсюду вылавливая свои материалы; чтение перегружает меня; кипы выписок, конспектов, регистров. Нигде не бываю; читаю с утра дò ночи: прочитаны с сентября десятки книг; между прочим по средневековому инвентарю, по истории табакерок и т.д.

Начинаю бывать у Бердяева.

1) Прения у Бердяева.
2) Прения у Бердяева.
— В связи с организацией «*Академии дух<овной> культуры*»[1177].
3) Прения в артели писателей.
4) Прения в артели писателей.
5) 7-ая
6) 8-ая
7) 9-ая
8) 10-ая
— Лекции курса моего «*Антропософия*».

Декабрь. Москва.

Унылое то же; изнемогаю; читаю до изнеможения: прочитываю весь «*Moniteur*» (от доски до доски) от 1793 года до Термидора (лета 1794 года); и много читаю томиков Ленотра для ознакомления с бытом революц<ионной> Франции[1178]. Веду переговоры с Гржебиным; при содействии Эфроса и Григорова освобождаюсь от Коппельмана, чтобы закабалиться у Гржебина[1179]; Луначарский содействует моей заграничной поездке; у Жуковской жить трудно.

1) Прения у Бердяева.
2) Прения у Бердяева.
3) Прения в артели писателей.
4) Участие в вечере «Дворца Искусств».
5) 11-ая
6) 12-ая
7) 13-ая
8) 14-ая
} Лекции мои курса «Антропософия».

Тяжелый год!

1920 год

Январь. Москва.

Этот месяц — какой-то кувырк: 1) намечается возможность отъезда за границу; Луначарский — способствует[1180]; у Карахана — заминка; бываю и у Луначарского, и в Наркоминделе; переговоры с Гржебиным, подписание договора[1181]; с другой стороны Р.В. Иванов зовет работать в «Вольфиле», которая, открывшись в ноябре 19 года, расширила деятельность[1182]; я, как член Совета (и как председатель) нужен в Ленинграде[1183]; к этому присоединяются крайние неудобства жизни у Жуковской (непроветриваемая комнатушка в три шага); последнее время здесь — тиф; часто вижусь с К.Н. Васильевой, Ходасевичем, представителем в Москве «Всемирной Литературы»[1184], Бердяевым, Гершенсоном и Вышеславцевым. Открывается бердяевская «Академия дух<овной> культуры», где вижусь со Степпуном, Ильиным, В.Н. Муравьевым, Фельдштейном, Базилевичем, Кузьминым-Караваевым, св<ященником> Абрикосовым, Вышеславцевым и т.д., рядом др<угих> лиц; у Ходасевича в «Литературе» — свой круг лиц; в «Дворце Искусств» — Рукавишников, Иванов, Бальмонт и др.

Дома дочитываю «*Moniteur*» (послетермидоровское время), Ленотра, упорядочиваю конспекты; и условливаюсь с Машковцевым, что когда-нибудь доотработаю материал; он — выступил из всех берегов; хватит на толстый том в одном отношении, а в другом — ряд недонайденных материалов к теме (отсутствие специальной литературы в «Истор<ическом> Музее» и «Рум<янцевском> Музее»). Служба в Охране памятников ликвидируется.

За этот месяц:

1) «Культура мысли» 1-ая.
2) «Культура мысли» 2-ая.
3) «Культура мысли» 3-ья.
} Лекции мои курсантам «Дворца Искусств»[1185].

4) Мой доклад «Поэзия Ю. Балтрушайтиса» (на юбилее Балтрушайтиса) в «Худож<ественном> Театре»[1186].

5) Прения в организ<ационном> заседании «Академии Дух<овной> Культуры».

6) «Философия духовной культуры» 1-ая
7) «Филос<офия> дух<овной> культуры» 2-ая } Начало предполагаемого моего курса в «*Ак<адемии> Дух<овной> Культ<уры>*».

Февраль. Москва.

Выясняется переезд в Петербург; чрез Ходасевича—Тихонова—Горького оказывается вероятие получить помещение в ленингр<адском> «Доме Искусств»[1187]. Ликвидирую дела в Москве. Часто вижусь с Беспаловым, Кузько.

1) «Культура мысли» 4-ая.
2) «Культура мысли» 5-ая. } Лекции курса в «Дворце Искусств».
3) «Культура мысли» 6-ая.
4) Участие в дискуссии «Дворца Искусств».
5) Заседание, рефератное, у Бердяева.
6) То же.

Ленинград (с конца февраля)[1188].

7) Председательствую и участвую в прениях на докладе Р.В. Иванова «Скиф в Европе». Вольно-Фил<ософская> Ассоциация (В.Ф.А.)[1189].

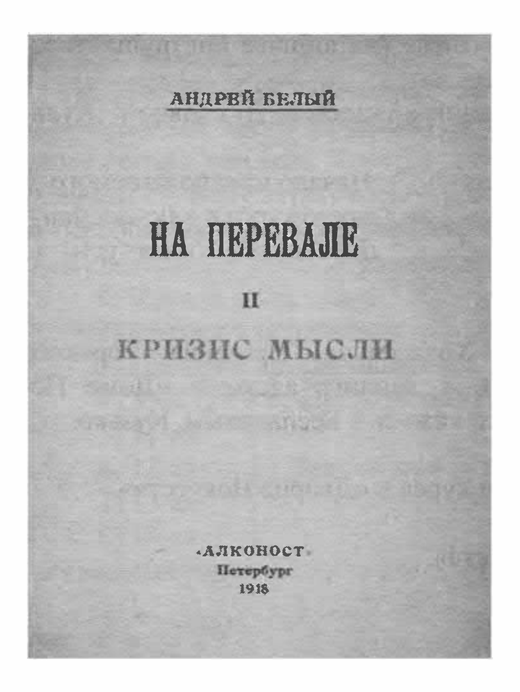
8) Заседание Совета. В.Ф.А.

9) «Что есть описание переживаний», моя беседа-семинарий в студии литер<атуры> ленингр<адского> «Дома Искусств».

Живу в «Доме Искусств»: с головой погружаюсь в дела «Вольфилы». Об этих делах и заботах нас можно написать том; предел сложности жизни; 5 месяцев живу в рое людей: ни писать, ни читать книг нельзя; заседаем, организуем, читаем лекции, председательствуем; не ручаюсь за точность перечисления всех этих заседаний; однако память моя мне рисует бесконечную серию заседаний; опять: в среднем картина верна. Лапидаризирую: т.е., — даю лишь перечень; на марте ставлю числа выступлений (у меня они записаны).

Март. Ленинград.

1-го 1) Моя лекция в «Доме Искусств» и после чтение «Зап<исок> Чудака». Прения[1190].
2-го (кажется) 2) Заседание «Вольфилы». Выборы членов (Э.Л. Радлова и др.).
3-го 3) Практические занятия мои со студийцами «Дома Искусств».
4-го 4) Беседа на семинарии Гумилева в «Доме Искусств». Прения.
5-го 5) Заседаю с Горьким во «Всемирной Литературе».
6-го (кажется) 6) Участие в собрании организ<ационном> вольфильцев.
7-го 7) Моя публичная лекция в «Вольфиле»: «Философия Культуры». Прения[1191].
7-го 8) Заседание Совета В.Ф.А.
8-го 9) Беседа на семинарии Гумилева. Участвую в прениях.
9-го 10) «Культура Мысли» 1-ая. Лекция моего курса в В.Ф.А.
10-го 11) «Ритмика» 1-ая. Лекция курса в «Д<оме> И<скусств>».

Андрей Белый. На перевале
II. Кризис мысли
Пб.: Алконост, 1918

11-го 12) «Культура Мысли» 2. Лекция курса В.Ф.А.

12-го 13) «Ритмика» 2-ая. Лекция курса. «Д<ом> И<скусств>».

13-го 14) «Культура Мысли» 3-ья. В.Ф.А. Лекция.

14-го 15) Моя публичная лекция: «Толстой и Культура». В.Ф.А. Прения.

14-го 16) Заседание Совета В.Ф.А.

15-го 17) «Ритмика» 3-ья. Лекция моего курса. «Д<ом> И<скусств>».

15-го 18) Участие на вечере поэтов. «Д<ом> И<скусств>»[1192].

16-го 19) «Культура Мысли». 4-ая моя лекция. В.Ф.А.

16-го 20) Участие в прениях семинария Гумилева. «Д<ом> И<скусств>».

17-го 21) Встреча с поэтами, учениками Гумилева (Оцуп, Одоевцева и т.д.).

18-го 22) «Культура Мысли». 5-ая лекция. В.Ф.А.

19-го 23) «Кризис Культуры». Моя лекция в Союзе Комм<унистической> Молодежи.

20-го 24) «Культура Мысли». 6-ая лекция. В.Ф.А.

21-го 25) Председательствую на диспуте «Пролетарская Культура». Говорю и прею[1193].

21-го 26) Заседание Совета В.Ф.А.

22-го 27) «Ритмика». 4-ая лекция моя. «Д<ом> И<скусств>».

23-го 28) «Культура Мысли». 7-ая лекция. В.Ф.А.

25-го 29) «Культура Мысли». 8-ая лекция. В.Ф.А.

26-го 31)* Собрание организ<ационное> в «Вольфиле».

27-го 32) «Ритмика». 5-ая лекция в «Д<оме> И<скусств>».

28-го 33) Председательств<ую> и приним<аю> участие в прениях на докладе Лосского: «Бог в системе орг<анического> понимания». Прения.

28-го 34) Заседание Совета В.Ф.А.

29-го 35) Участие в беседе Лит<ературной> Студии в «Д<оме> И<скусств>».

30-го 36) «Культура Мысли». 9-ая лек<ция>. В.Ф.А.

Из лиц, с которыми встречался на почве общей работы в этот безумный месяц: 1) в Вольфиле: Р.В. Иванов, А.З. Штейнберг, К.А. Эрберг, В.В. Бакрылов, А.А. Майер, К.С. Петров-Водкин, пр<оф>. С.А. Венгеров, проф. Лосский, Гизет-

---

* *Сбой нумерации в автографе.*

ти, проф. Петров, Бибик, Кибальтич, Гольдман, М.П. Кристи, проф<ессор>, забыл фамилию (ученик Лосского), Пунин, Гурвич, А.А. Блок, Кушнер, д-р Шапиро, Чертков, Сватиков, проф. Аскольдов, В. Шкловский, Лев Дейч, Стоянов, тетка Штейнберга[1194], молодые вольфилки и т.д. 2) В «Доме Искусств»: Замятин, Гумилев, Тихонов, Волынский, Чудовской, Пяст, Оцуп, Одоевцева, М.И. Бенкендорф, Даманская, С.Г. Каплун, М.Г. Каплун, старушка К.П. Леткова, ее сын, К.И. Чуковский, Алек<сандр> Ник<олаевич> Бенуа, Альб<ерт> Ник<олаевич> Бенуа, Бернштейн, студийцы и студийки, Нельдихен и т.д. У Лигского, где часто бываю, встречаюсь: с Татлиным, Чупятовым, Лигским, Б.Г. Каплуном, Тикененом, Ерошиным, Брюлловой-Владимировой; вижусь с Гржебиным, Горьким, Андреевой; и еще ряд лиц, совершенно ускользнувших из памяти. К началу апреля переселяюсь в Отдел Управления, дружу с Каплунами и Лигским. Заболеваю от переутомления и читаю Пушкина со статьями к нему в «*Венгеровском*» издании[1195]. Не могу работать самостоятельно: весь вработался в кружки, курсы, в «В.Ф.А.», отнимающей время; ликвидирую курс в «*Д<оме> И<скусств>*»; и всецело отдаюсь В.Ф.А.

Апрель. Ленинград.

Лапидарно (лишь перечисляю темы работы).

1) «Ритмика». 6-ая лекция. «Д<ом> И<скусств>»
2) «Ритмика». 7-ая лекция. «Д<ом> И<скусств>» } Спешно дочитываю и ликвидирую.

3) Председательствую и участвую в прениях на докладе пр<оф>. Петрова «Философия труда». В.Ф.А.[1196]
4) Заседание Совета В.Ф.А.
5) Заседание «Вольфилы» (у меня).
6) Заседание «Вольфилы» (организ<ация> курсов).
7) Зас<едание> В.Ф.А. (курсы).
8) Председ<ательствую> и оппонирую на докладе проф. Венгерова «Пушкин-декабрист». Участ<вую> в прен<иях>[1197].
9) Заседание Совета В.Ф.А.
10) Заседание, посвящ<енное> новому помещению и записи на курсы. } Работа в В.Ф.А.

11) Лекция моя предполагаемого курса «Введение в философию» в Отделе Управления (курс не состоялся).

Апрель — месяц переутомления, моей болезни, расхождения* с Горьким, Гржебиным, «Домом Иск<усств>», «Всем<ирной> Литературой». И месяц, в котором В.Ф.А. подготовляет план кампании (курсы, беседы и т.д.). Мы получаем огромный зал и помещения для студийных занятий, обосновываемся хозяйственно[1198]; мои с Бакрыловым и Р.В. Ивановым путешествия к М.П. Кристи, нам оказывающему** содействие. Начинается моя длительная переписка с К.Н.[1199] В работе испаряется воля к тому, чтобы мне уехать за границу. Сближаюсь с С.Г. Каплун. Появление из Киева Соломона Каплуна.

---

* *В автографе:* расхождением
** *В автографе:* оказывающим

Андрей Белый. Звезда. Новые стихи
Пб.: Государств. изд-во, 1922
Обложка М.А. Кирнарского

Май. Ленинград.

2-го Лапидарно:

1) Публичный диспут «Солнечный Град». Зимн<ий> Дворец. В.Ф.А. (Председательствую, речь, прения)[1200].

2) Заседание Совета В.Ф.А.

3) Курсовое собрание В.Ф.А.

4) Интимная (понедельничные) беседа членов Совета В.Ф.А.

16-го 5) Председ<ательствую> на публичном диспуте В.Ф.А.: «Почему нас интересует религия»[1201]. Выступаю с речью.

16-го 6) Заседание совета В.Ф.А.

17-го 7) Оппонирую на курсовом семинарии по филос<офии> культуры. В.Ф.А.

23-го 8) Председ<ательствую>, оппонирую на публичн<ых> докладах Штейнберга «Юдаизм и Христ<ианство>» и Майера «Языч<ество> и Христ<ианство>». В.Ф.А.[1202]

9) Заседание совета «В.Ф.А.»

10) Понедельничная беседа членов Совета В.Ф.А.

24-го 11) Оппонирую Разумн<ику> Вас<ильевичу> на курсе-семинарии «Филос<офия> Культ<уры>». В.Ф.А.

25-го 12) Оппонирую Эрбергу на семин<арии> «Философия творчества». В.Ф.А.

27-го 13) Оппонирую Штейнбергу на сем<инарии> «Основные вопр<осы> филос<офии>». В.Ф.А.

30-го 14) Моя публичная лекция «Ветхий и Новый Завет». В.Ф.А. Прения.

15-го 15) «Антропософия как путь самопознания». 1-ая } Мой курс
22-го 16) «Антроп<ософия> как путь самоп<ознания>».2-ая } в В.Ф.А.

17) Заседание организ<ационное> курсов при «*Институте Живого Слова*»[1203] (приглашен профессором).

18) Организ<ационное> собрание Ленингр<адского> Союза Поэтов[1204].

19) Орган<изационное> собр<ание> в Ленингр<адском> Союзе Поэтов.

20) Моя первая лекция в Ленингр<адском> Пролет-Культе (приглашен лектором).

21) Участие в прениях семинария Эрберга.

22) Понедельничная беседа членов Совета. В.Ф.А.

В этот месяц особенно сближаюсь с рядом курсантов «Вольфилы», потому что посещаю почти все курсы В.Ф.А.; и всюду участвую в прениях. Знакомство: с Фехнер, Меринг, Мейникес, Данилевским, Виссель, Векслер, Кояловичем и рядом других курсантов.

Июнь. Ленинград. С той же лапидарностью:

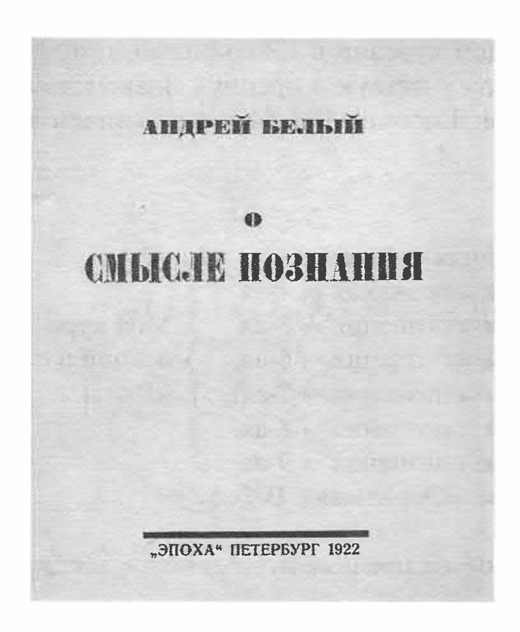
1) «Антропософия как путь самоп<ознания>» 3-ья.
2) «Антр<опософия> к<ак> п<уть> сам<опознания>» 4-ая.
3) «Антр<опософия> к<ак> п<уть> сам<опознания>» 5-ая.
4) «Антр<опософия> к<ак> п<уть> сам<опознания>» 6-ая.
5) «Антр<опософия> к<ак> п<уть> сам<опознания>» 7-ая.
6) «Антр<опософия> к<ак> п<уть> сам<опознания>» 8-ая.
7) «Антр<опософия> к<ак> п<уть> сам<опознания>» 9-ая.

} Мой курс лекций в «*В.Ф.А.*».

8) Беседа моя с ритмистками Бакрылова: «Эвритмия». В.Ф.А.
9) Понедельничная беседа членов В.Ф.А.
10) Председ<ательствую> и уч<аствую> на прениях публ<ичной> лекции Эрберга «Искусство-бунт». В.Ф.А.[1205]
11) Заседание Совета. В.Ф.А.
12) Мой доклад «Культуры и расы» на семинарии Р.В. Иванова (Филос<офия> Культуры). В.Ф.А.
13) Председ<ательствую> и оппонирую на публ<ичной> лекции Гизетти «Личность и Общество». В.Ф.А.[1206]
14) Заседание Совета. В.Ф.А.
15) Понедельничная беседа членов Совета В.Ф.А.
16) Оппонирую на семинарии курса Р.В. Иванова «Русская литература начала XX века». В.Ф.А.
17) Курсовое собрание В.Ф.А.
18) Оппонирую Штейнбергу на философском семин<арии> В.Ф.А.
19) Председательствую и участв<ую> в прениях на публичн<ом> диспуте. В.Ф.А.
20) Заседание Совета. В.Ф.А.
21) Понедельничная беседа членов Совета. В.Ф.А.
22) Оппонирую Р.В. Иванову на семинарии по литературе.
23) Председ<ательствую> и оппонирую на публичной лекции проф. Аскольдова «О чуде». В.Ф.А.[1207]
24) Вторая моя лекция в ленингр<адском> Пролет-Культе.
25) Организ<ационное> заседание «Института Театр<альных> Знаний».
26) Организ<ационное> заседание «Инст<итута> Театральных Знаний».

Этим перечнем все сказано: к концу месяца опять переутомление.

Июнь для меня сложный месяц: я увлекаюсь задачами своего курса, читаю лекцию часа по 4; она переходит в семинарий и обратно; семинарий в лекцию; получаю много писем; очерчивается кружок, специально заинтересованный антропософией; из него потом Михайлов, Соня Каплун, Фехнер, Меринг, Соня Мейникес оказываются в специальной антропософской группе; но курс перестает быть курсом: ряд частных разговоров, уже взывающих к проблеме

Андрей Белый. О смысле познания
Пб.: Эпоха, 1922

«пути». Второй интерес месяца — связать отдельные «курсы» в целое; я стараюсь понять *целое* В.Ф.А.; посещаю курсы Раз<умника> Вас<ильевича>, Эрберга, Штейнберга, Майера[1208]; и везде оппонирую; органом связи служат наши понедельничные собрания, где члены Совета уже интимно дебатируют об идейных устремлениях друг друга, стараясь вынашивать самые темы будущих бесед.

Третья линия занятий: меня вовлекают в организацию широко задуманного «*Института Театр<альных> Знаний*»: по объему теорет<ических> заданий превышающий «*Тео*»; в конце июня и особенно в начале июля посещаю ряд заседаний и меня выбирают председателем Научно-Теорет<ической> Секции, как и в «*Тео*»[1209]. В Институте встречаюсь с рядом театральных деятелей, из которых особенно помню: проф. Петрова (история театра), Всеволожского-Гернгросса, Радлова (сын Э<рнеста> Л<ьвовича>, профессора), Соловьева, «*буддолога*» Елисеева, с которым много говорю о буддизме и по настоянию которого читаю книгу по японскому буддизму Розенберга[1210], Нестора Котляревского, Карпова (старый режиссер), А.Ф. Кони; из наших «вольфильцев» там: Р.В. Иванов, Штейнберг, Эрберг.

Между тем: Кристи привозит известие, чтобы я ехал хлопотать о визе за границу в Москву (Карахан де согласен); с другой стороны меня вызывает мама; и я начинаю готовиться к отъезду, спешно заканчивая свой курс и спешно разрабатывая проспект занятий «Научно-Теоретической Секции»; Секция собирается на ряд заседаний у нас в «В.Ф.А.» под моим председательством в составе: я, Елисеев, забыл фамилию (какой-то спец по театру), Штейнберг, Эрберг, Разумник. Но это уже в июле.

Июль. Ленинград.

1) Заседание «Инстит<ута> Театр<альных> Знаний».
2) Засед<ание> «Инстит<ута> Театр<альных> Знаний».
3) Заседание секции научн<о>-теор<етической> И.Т.З.
4) Засед<ание> секции научн<о>-теор<етической> И.Т.З.
5) Засед<ание> секции научн<о>-теор<етической> И.Т.З.
} Председательствую.
6) Интимная беседа-проводы меня в В.Ф.А.
7) «Вечер Андрея Белого». Я читаю в В.Ф.А.[1211]

9-го июля уезжаю.
Москва.

14-го 8) «*Преемственность культур*». Мое введение к диспуту московского «Дворца Искусств» в театре Зон[1212].

15-го 9) «Культуры и расы» (ритм рас). Доклад в Антр<опософском> О<бщест>ве.

20-го 10) «Что есть мысль». Лекция во «Дворце Искусств».

11) Заседание Совета «Дворца Искусств».

21-го 12) «Культура и история». Лекция моя в «А.О.».

13) Прения в заседании Совета «Дворца Искусств».

14) Мой доклад: «Структура занятий Археологич<еского> Отдела. «Дворец Искусств».

15) Ведение заседания Археолог<ического> Отдела «Дворца Искусств».

16) Участие в диспуте «Дворц<а> Иск<усств>» на тему: «Что есть Бог»[1213].

Приехав в Москву, попадаю в разгром к Жуковским[1214]; часть материалов по «истории коллекций» прислугой растащена; я — беспризорен. Рукавишников перетаскивает меня жить во «Дворец Искусств». Живу там на юру: меня делают членом Совета (раз в неделю заседаем: я, Рукавишников, Рачинский, Мейчик и не помню кто из художников); мне поручают там организовать «Археолог<ический> Отдел», которого председателем я состою и веду заседания (я, Рукавишников, В.М. Викентьев, Рачинский, Эйснер, Бороздина, еще кто-то). Жизнь в «Дв<орце> Искусства» — юр и шныр людей; комната моя — захожий двор; по ночам читаю Льва Толстого и готовлюсь к переработке статьи в особую книжечку «Лев Толстой и Культура»[1215]. Рукавишников отдает мне ключи к библиотеке; я привожу ее в порядок.

Август. Москва.

Лапидарен:

1) Участие в дискуссии (референт Петровский) «Д.И.».
2) Участие в дискуссии (референт Коган) «Д.И.»[1216].
3) «Вечер Андрея Белого». «Д.И.».
4) Диспут в Политехн<ическом> музее «О символизме». Я делаю введение. «Д.И.» (скандал с Аксеновым).
5) «Вечер Андрея Белого» 2-ой. «Д.И.» (скандал)[1217].
6) Принимаю участие в беседе на лекции Эйснера о Египте. — Работа в «*Д<ворце> И<скусств>*».
7) Заседание Совета «Д.И.».
8) Заседание Совета «Д.И.».
9) Заседание Совета «Д.И.».
10) Заседание Совета «Д.И.».
11) Заседание Археол<огического> Отд<ела>. — Председательствую
12) Засед<ание> Арх<еологического> Отд<ела>.
13) Засед<ание> Арх<еологического> Отд<ела>. — Прения. «Д. И.».
14) Засед<ание> Арх<еологического> Отд<ела>.

15) Участие в диспуте после лекции Столярова. «А.О.».
25 авг. 16) Моя публичная лекция в Пол<итехническом> Музее. «Кризис сознания и Лев Толстой»[1218].

Весь август усиленно пишу книжечку о Толстом и внимательно читаю второй том Щербатского по буддизму («Логика и теория знания»)[1219]; перечитываю книгу Розенберга.

После скандала в «Дворце Искусств» переселяюсь жить к Анненковым и начинаю усиленно писать «Кризис сознания»[1220]; читаю Страндена[1221], Бердяева, какое-то сочинение, толстое, по антропологии, читаю историю Наполеона (какого-то герцога, по-французски, 2 тома); внимательно читаю: «Новые идеи» по физике, химии: ряд выпусков[1222]; частые разговоры с А.И. Анненковым на химические темы; достаю литературу по буддизму: Васильева, Ольденберга, Кожевникова[1223], брошюры; и принимаюсь за Дейссена (его тома по истории философии Индии, по-немецки)[1224].

Сильное увлечение Шуманом, особенно «Крейсслерьяной»[1225].

Сентябрь. Москва (завод)[1226].

Лапидарно —

1) Оппонирую Бердяеву на его лекции «Сущность социализма». «*Акад<емия> Дух<овной> Культуры*».

2) Оппонирую на докладе Муравьева (у Бердяева).

3) Моя публичн<ая> лекция в Пол<итехническом> Музее: «Две стихии в соврем<енном> христианстве».

Весь месяц усиленно читаю тома Дейссена и пишу и переписываю «Кризис Сознания». Много читаю литературы (всякой и исторической); перечитываю всего Леонида Андреева.

Октябрь. Москва (завод).

Лапидарно:

16-го 1) «Свет и тьма». Моя лекция в «Д.И.» от «А.О.»[1227].
19-го 2) «Человек и человечество». Моя лекция в «Д.И.» от «А.О.».
3) Интимное собрание в «А.О.».
26-го 4) «Стиховедение». 1-ая курсовая лекция в «Лито»[1228].
6-го 5) «Культура, как проблема духа». Моя публ<ичная> лекция в «Акад<емии> Дух<овной> Культуры».
12-го 6) Оппонирую проф. С.И. Гессену на его реферате у Бердяева.
26 окт<ября> 7) «Петр, Павел, Иоанн». Мой доклад у Бердяева.

Начинаю писать «Моя жизнь». Пишу первую главу, впоследствии переделанную в «Преступл<ение> Ник<олая> Летаева»[1229].

Ноябрь. Москва (завод).

3-го 1) «Антропософия». Лекция моя в «Д.И.» от «А.О.».
2-го 2) «Стиховедение». 2-ая курсовая лекция в «Лито».
7-го 3) «Стиховедение». 3-ья курсов<ая> лекция. «Лито».
8-го 4) Участие в диспуте после реферата Столярова «Талант и Общество». «Д.И.».
13-го 5) «Рудольф Штейнер». Моя публ<ичная> лекц<ия> в «Д.И.» от «А.О.».
20-го 6) «Толстой, как учитель». Произнесено на торжественном чествовании в Консерватории (10 лет со смерти)[1230].
16-го 7) «Стиховедение». 4-ая курс<овая> лекция <в> «Лито».
23-го 8) «Стиховедение». 5-ая курс<овая> лекция в «Лито».
25-го 9) «Иоанново Здание». Моя публ<ичная> лекция в «Д.И.» от «А.О.».
27-го 10) «Миф нашей жизни». Моя публ<ичная> лекция. Политехн<ический> Музей.

Весь ноябрь усиленнейше пишу 2-ую и 3-ью главы «Моей жизни», так и оставшиеся в непереработанном виде. Продолжается увлечение Шуманом. Исключительно много слышу Скрябина.

Декабрь. Москва (завод).

Лапидарно:

1) Председательствую и отвечаю на записки на беседе Столярова в помещ<ении> «Дворца Искусств».
2) Интимное собрание в «А.О.».
3) «Стиховедение». 6-ая лекция курса «Лито».
4) «Стиховедение». 7-ая лекция курса «Лито».

Усиленно дописываю 4-ую главу «Моей жизни» (тоже в черновой записи); падаю в ванне, ломаю копчик и попадаю в лечебницу[1231]; назначенная лекция в «*Д.И.*» «*О календаре*» отменена.

Праздник — уныл: больница.

20-ый год — год максимального лекционного и общественного напряжения; никогда я так бешено не работал; если счесть лекции, рефераты, диспуты и заседания, в которых я принимал активнейшее участие, то сумма их составит: 163 активных общественно-лекционных занятых дней, т.е. через день и редко через два дня выступал там, здесь. Одних лекций мной прочтено за этот год: 71; председательствовал: 20 раз; участвовал в заседаниях 43 раза; выступал на диспутах в прениях 38 раз. Обыкновенно летом отдыхаешь; а в 20-м году не

было никакого отдыха; наоборот: летом-то и была наиболее напряженная деятельность; работал в следующих организациях: 1) Музейный Отдел (<в> 20-м году кончал работу), 2) в Антроп<ософском> Обществе, 3) в «Доме Искусств» (Ленинград), 4) во «Дворце Искусств» (Москва), 5) в «Вольно-Филос<офской> Ассоциации» (Ленингр<ад>), 6) в «Академии Дух<овной> Культуры» (Москва), 7) в «Институте Театр<альных> Знаний» (Ленинград), 8) в «Лито» Наркомпроса (Москва); и условно эпизодически: 9) в петербургск<ом> «Пролет-Культе». Кроме того: был приглашен профессором в «*Институт Живого Слова*».

1921 год

Январь. Москва (больница).

Грустное время; лежу, покрытый вшами, в диагностическом институте; и тем не менее, лежа на постели, процарапываю из первой главы «Моей жизни» отрывки, вошедшие потом в «Крещеного Китайца»[1232]. Читаю первый том исследования о Западной Африке Фробениуса (по-немецки)[1233]; читаю «*Kern-punkten*» Steiner'a[1234] (впервые). Под конец месяца переводят меня в лечебницу Майкова[1235] (ужасная дрянь, грязь, расхлябанность!).

Февраль. Москва. (лечебница).

Лигский перепиской устраивает меня в библиотеку «Наркоминдела» в Ленинград: гарантирует комнату, стол[1236]; в Москве жить — негде (у Анненковых жизнь — ужасна). Так судьба опять гонит в Ленинград; да и «Вольфила» зовет. Да и: разрешение на отъезд за границу обещают из Ленинграда; у Майкова уже выползаю в «Дворец Искусств», который раскассировывают[1237], в заседания, к Гиляровскому; вижусь с Зайцевыми, с Муратовыми, с Осоргиным, с Кузько, с Городецким.

За это время:

1) Заседание по ликвидации «Д<ворца> И<скусств>». Дискуссии.
2) Заседание у антропософов.

Пишу стихи[1238]. Кропаю кусочки «Крещеного Китайца».

Март. Москва (лечебница).

У Майкова вши, грязь: меня заражают экземой от грязного халата; лечат светом; Нилендер, сжалившись, силком перетаскивает к себе (у Анненковых — скарлатина); у Нилендера живет С.М. Соловьев — больной, несчастный (история с Таней)[1239]. Подготовляю отъезд в Ленинград; жизнь втроем у Нилендера; одно утешение — К.Н.; живешь на юру, в рое людей; общение: Гольцев, Майя Кудашева, Марина Цветаева, Петровские (братья), А.С. Петровский, Гордон, Виноградов; часто вижусь с антропософами; и принимаю деятельное участие в подготовке отделения Ломоносовской Группы[1240]; пишу проект занятий группы; сближение с А.В. Сабашниковым. Читаю литературу по культам Митры и впервые Шпенглера («Гибель Европы»)[1241].

За это время:

1) Чтение отрывков «Крещеный Китаец». «Д<ворец> И<скусств>». Дискуссия.

2) Чт<ение> отр<ывков> «Крещеный Китаец». Союз писателей[1242].

3) Чт<ение> отр<ывков> «Крещеный Китаец». У антропософов.

4) Чт<ение> отр<ывков> из «Записок Чудака». Дом печати[1243].

5) Чт<ение> отр<ывков> «Крещ<еный> Китаец». Союз поэтов. Дискуссия.

6) Заседание по ликвидации «Дворц<а> Иск<усств>».

7) «Антропософия и религия». Моя лекция в «А.О.».

8) Собеседования и прения в Ломоносовской группе «А.О.».

9) О плане работ Ломон<осовской> Группы «А.О.». Заседание.

В конце марта еду в Ленинград[1244].

Андрей Белый. Крещеный китаец
М.: Никитинские субботники, 1927
Обложка С.Б. Телингатера

Апрель. Ленинград (гостин<ица> «Спартак»[1245]).

С места в карьер — рой забот и планов о летней, густой компании Вольфилы (организация отделов, лекций, плана занятий). С другой стороны — служба в Наркоминделе (с 11 до 3-х): разбор библиотеки[1246], знакомство с десятичной системой[1247]; с третьей стороны: пишу подробный доклад в Москву о плане работ организующейся «Ломоносовской Группы». С четвертой стороны: думы о *моем* отделе В.Ф.А. (отдел «*Символизма*»). В свободные промежутки начинаю пристально реорганизовать первую главу «Моей жизни» в «Крещеного Китайца».

За это время:

1) Заседание Совета В.Ф.А.[1248]
2) Организ<ационное> собрание В.Ф.А. (курсы).
3) Клубный реферат «Бруни». Мое оппонирование.
4) Председательствую и приним<аю> уч<астие> в прениях на публ<ичной> лекции Пумпянского. В.Ф.А.[1249]
5) Заседание Совета. В.Ф.А.
6) Выработка занятий «отделов». В.Ф.А.
7) Мой доклад в секции «Символизм». В.Ф.А.
8) Клубное заседание (участвую в прениях). В.Ф.А.
9) Председательствую и «прею» на собрании отдела «Символизм». В.Ф.А.
10) Моя публичная лекция: «О максимализме». В.Ф.А. (прения)[1250].
11) Заседание Совета. В.Ф.А.
12) Клубное заседание В.Ф.А. Мои прения.

13) Председат<ельствую> и «прею» на собрании отдела «Символизм». В.Ф.А.

Видаюсь часто с Каплунами, Лигским, Р.В. Ивановым, Петровым-Водкиным, Чупятовым, Бруни, Татлиным, Максимом Белинским (Ясинским), Беленсоном, членами Совета В.Ф.А., Пумпянским, Бакрыловым, Кристи, Чебышевым-Дмитриевым, Кояловичем, Д.М. Пинесом, вольфилками и т.д.

В моем кружке по символизму[1251] ядро: я, Фехнер, Меринг, Гагенторн, Виссель, Векслер, М.В. Волошина, Д.Д. Михайлов, С.Г. Каплун, Пяст (бывает Раз<умник> Вас<ильевич>), Д.М. Пинес.

Вижусь с Блоком[1252].

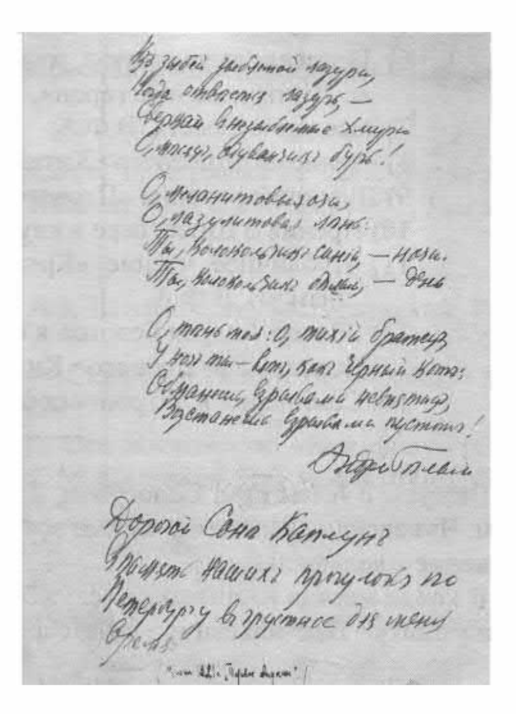
Одно время увлекаюсь и службой; меня занимает номенклатура книжных знаков. В конце месяца — горестное узнание: Карахан меня забаррикадировал в СССР. (Не пустил)[1253].

Май. Ленинград («Спартак»).

Открытие лекционной деятельности отделов В.Ф.А.

1) Встреча Пасхи[1254] беседная. Прения. В.Ф.А.
2) Выступление на митинге, посвященном Бакунину. В.Ф.А.[1255]
3) Заседание Совета. В.Ф.А.
4) Клубная беседа. В.Ф.А.
5) Мой семинарий «Символизм». Беседа. В.Ф.А.
6) Прею на докладе Р.В. Иванова в отделе «Филос<офия> Культуры». В.Ф.А.
7) Председательств<ование> мое на публ<ичной> лекции проф. Васильева «Теория относительности». В.Ф.А.[1256]
8) Заседание Совета. В.Ф.А.
9) Клубная беседа. Прею. В.Ф.А.
10) Семинарий мой отдела «Символизм». В.Ф.А.
11) Прения мои на докладе Форш. Отдел. В.Ф.А.
12) Моя лекция «Философия Символизма» в отделе «Символизм». В.Ф.А.
13) Заседание Совета. В.Ф.А.
14) Председательствование и выступление на публ<ичном> митинге, посвящ<енном> «Наполеону». В.Ф.А.[1257]
15) Клубная беседа. В.Ф.А.
16) Мой семинарий в отд<еле> «Символизм». В.Ф.А.
17) Мой публичн<ый> доклад в секции «Символ<изм>»: «Символизм и теория знания». В.Ф.А.[1258]
18) Прения на публ<ичном> докладе худ<ожника> Матюшина в секции «Изобр<азительных> Искусств» (моя ссора с ним). В.Ф.А.[1259]
19) Председательствование на чьей-то публ<ичной> лекции (не помню чьей). В.Ф.А.
20) Мой семинарий в отд<еле> «Символизм». В.Ф.А.

Андрей Белый
«Фотография П.Г. Жукова. Петербург». 1919 (?). ГМП
На обороте автограф Андрея Белого: строки из поэмы «Первое свидание»
и дарственная надпись С.Г. Каплун (Спасской):
«Дорогой Соне Каплун в память наших прогулок по Петербургу в грустное для меня время»
Приписка С.Г. Каплун: «Июнь 1921 г. "Первое свидание"»

21) Мое оппонирование на докладе Волошиной «Сказки Гёте». Отдел «Символизма». В.Ф.А.[1260]

За этот месяц усиленно пишу стихи[1261]. И оканчиваю всего «Крещеного Китайца».

Июнь. Ленинград («Спартак»).

Зубы, переутомление, усталость, неприятности; все растущая трудность совместить работу в библиотеке с «Вольфилой» и с писанием; пишу поэму «Первое Свидание». Статью «Так говорит правда» и заметку о стихах Ходасевича для «Записок Мечтателей»[1262]. С усиленной пристальностью изучаю словарь Даля[1263].

1) Заседание Совета В.Ф.А.
2) Семинарий по символизму. В.Ф.А.
3) Прения в клубном заседании В.Ф.А.
4) Семинарий по символизму. В.Ф.А.
5) Прения после доклада Майера в отделе «Философия религии». В.Ф.А.

6) Председ<ательствую> и «прею» на публичном докладе Чебышева-Дмитриева «Не герои». В.Ф.А.[1264]
7) Заседание Совета. В.Ф.А.
8) Чтение «Крещ<еного> Китайца». Секция: «Симв<олизм>». В.Ф.А.
9) Публичное чтение «Первого Свидания». В.Ф.А.[1265]
10) Прения о Шпенглере в клубном засед<ании> В.Ф.А.
11) Публичное чтение «Кр<ещеного> Китайца» (отд<ел> «Симв<олизм>»). В.Ф.А.
12) «Вечер Андрея Белого» в «Доме Печати».
13) Чтение «Кр<ещеного> Китайца». У Лигского.
14) Семинарий в антроп<ософской> группе у Волошиной.

Вижусь: с Алянским, Сологубом, Замятиным, Боцяновским, проф. Аскольдовым, Чуковским, Шагинян; частые встречи с Ходасевичем, Форш; и постоянное общение с вольфильцами.

В конце месяца надрываюсь (служба). Беру отпуск на два месяца; и уезжаю к Раз<умнику> Вас<ильевичу> в Детское Село.

Июль. Детское Село (потом Ленингр<ад>).

Тихо проводим дни в Детском с Р.В. Ивановым; отдыхаю от службы; в душе раздвоение («Ася» и «К.Н.»; «*А.О.*» и «*Вольфила*», «*РСФСР*» и «*Запад*»); приезд Штейнберга поднимает вопрос о философском съезде; сначала думали о поездке по России; потом это — «провалилось»[1266].

Оттого, что раздвоен и живу в Детском, мало выступлений.

1) Председательствую на какой-то лекции. В.Ф.А.
2) Прения и содоклад Пумпянский — Михайлов: «Естествознание Гёте»[1267]. Участвую в прениях. В.Ф.А.
3) Заседание организационное («Философский съезд»). В.Ф.А.
4) Прения на тему «Антропософия» у меня.
5) Заседание Совета. В.Ф.А.
6) Клубное заседание В.Ф.А.
7) Организ<ационное> заседание В.Ф.А.
8) Заседание антропософское у Волошиной.

В Ленинграде томлюсь; беспокоит Блок.

Август. Ленинград—Детское.

Смерть Блока. Расстрел Гумилева... [1268]

---

1) Интимная беседа о символизме. В.Ф.А.
2) Орган<изационное> заседание, вырабатывающее программу «Месяца Достоевского». В.Ф.А.[1269]
3) Участие в семинарии Пумпянского.
4) Публичное заседание, посвященное памяти Блока. Председательствую (читаю доклад)[1270].

Уезжаю в Детское[1271] и там начинаю набрасывать «Воспоминания о Блоке».

Сентябрь. Детское.

С первых чисел сентября приезд Шрейдера; телеграмма от него: выезд мне разрешен. Вольфильцы (Штейнберг, Р.В. Иванов, я едем в Москву)[1272]. Там мои хлопоты по отъезду[1273]; живу у Нилендера.

Москва.

1) Заседание у Штейнберга (И.З. и А.З. Штейнберги, Мстиславский, Р.В., я, Новомирский, Каган).

2) Публичное зас<едание> «В.Ф.А. — Скифы» в Политехн<ическом> Музее, посвященное Блоку. Председательствую[1274].

3) Заседание у Нилендера, организующее московскую «Вольфилу» (Столяров, Бердяев, Новомирский, Нилендер, С.М. Соловьев, И.З. и А.З. Штейнберги, Колосовгер, Петровский, еще кто-то)[1275].

4) Заседание в иниц<иативной> группе Ломоносова. «А.О.»

5) Заседание с Григоровым у А.В. Сабашникова. «*А.О.*»

6) Беседа в Ломон<осовской> группе «А.О.»

Октябрь. Москва.

1) Беседа в Ломон<осовской> группе «А.О.»

Уезжаю в Ленинград[1276].

Ленинград

2) Заседание, орган<изация> «Московск<ой> Вольф<илы>». В.Ф.А.

3) Заседание орган<изационное> В.Ф.А.

4) Заседание «Блоковского комитета»[1277].

5) Мой доклад «Воспоминания о Блоке».

6) Мой 2-ой доклад «Воспом<инания> о Блоке».

} Публ<ичное> зас<едание> В.Ф.А.[1278]

7) Заседание Блоковского комитета.

8) Публичное зас<едание> В.Ф.А., нечто вроде проводов меня.

9) Интимное заседание В.Ф.А. посвященное мне.

Еду в Москву[1279].

Москва.

10) Председательствую на открытии «Моск<овской> Вольфилы». Читаю доклад о «Преступлении и наказании»[1280].

11) Заседание организаций моск<овских>, в которых работал (в честь меня).

12) Заседание «Союза писателей», посвященное проводам меня (читаю «Первое свидание»)[1281].

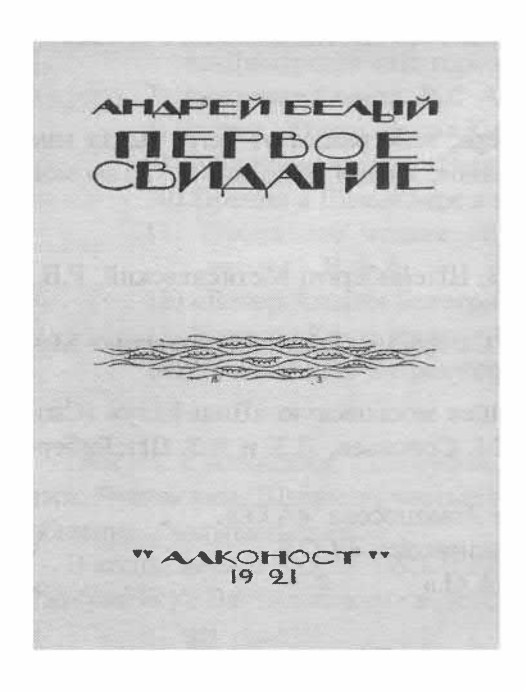
13) Семинарий по «Как достигнуть» в «А.О.»[1282].

14) Беседа в Ломон<осовской> Группе по «Как достигнуть» в «А.О.».

Мой отъезд за границу 20 октября.

Последние дни в Москве — безумие спешки; уезжаю на 2-х проездных визах без немецкой; из Латвии просят удалиться; едва зацепляюсь в Ковно[1283].

Ковно.

Андрей Белый. Первое свидание. Поэма
Пб.: Алконост, 1921
Обложка В.Д. Замирайло

Начинается мартириум с тупою, никчемною жизнью в Ковно, где встречаю ряд знакомых: М.И. Балтрушайтис, Гидони, тетку А.З. Штейнберга, курсантку из ленингр<адского> «Дома Искусств» и т.д. Начинаются знакомства с литовскими писателями и поэтами: Жиро[1284], Киршей, Бинкисом и т.д.

Ноябрь. Ковно.

Списываюсь с Зин<аидой> Венгеровой и с Лундбергом, из Берлина помогающими* мне достать визу; вижусь с А.И. Магировской, со мной застрявшей в Ковно.

1) Публичная лекция моя от «Союза литовск<их> худ<ожников>» «Стиховедение».

2) Публ<ичная> лекция моя «Стиховедение» (С<оюз> Л<итовских> Х<удожников>»).

3) Публичная лекция-дуэт (с Гидони); мой доклад: «Лев Толстой» (у Гидони «Достоевский»)[1285].

Виза получена. 17-го ноября уезжаю из Ковно; 19 ноября в Берлине[1286].

Берлин.

Останавливаюсь у Лундберга в «Скифах»[1287]. Полный сумбур; удар за ударом: горестное недоумение; ощущение — нечего делать. Встречи: с Асей, Наташей, антропософами и Штейнером[1288], Кюне; и с пр<оф>. Брауном, Минским, Каплуном, Венгеровой, Эренбургом, Вальтером, Лундбергами, Пуни, Винниченко, Ремизовыми, Вишняком (издателем, не «политиком»)[1289]; рой русских — сумбур; насильно почти впрягают в работу организации в Берлине отдела В.Ф.А. и берлинского «Дома Иск<усств>» (член Совета — второго, председатель — первой)[1290].

4) Организационное заседание «Дома Искусств».

5) Организ<ационное> засед<ание> В.Ф.А.

6) Вечер «Скифов»[1291].

7) Орган<изационное> заседание «Дома Искусств».

Декабрь. Берлин.

Час от часу не легче; ссора с Асей; отход от антропософов[1292] (письма М.Я. Штейнер, Бауеру)[1293]; ощущение бессмыслия; но под ударами судьбы — почва зашаталась под ногами; нет воли что-либо с собой сделать: переоценка ценнос-

---

* *В автографе*: помогающих

тей 10<-ти> лет (и людей, и идей, и себя); начинаю угрюмо убегать от всех (и русских, и антропософов) и угрюмо отсиживать в пивных: так приучаюсь к вину; переселяюсь на угол Passauer Strasse к профессорше д'Альбер (жене знамен<итого> пьяниста)[1294]. Тем не менее: впрягаюсь в организацию журнала «Эпопеи», коего числюсь редактором[1295]: собираю рукописи, организую сотрудников, пишу 1-ую главу «воспоминаний о Блоке» (перерабатывая материал, начатый в Детском); дописываю окончание «*Записок Чудака*». Много читаю книг эмигрантских: «Архив революции»[1296], том «Деникина», трилогию Краснова[1297]. Встречаюсь со «Скифами», с вернувшимся Шрейдером, А. Толстым, с Грёгером, с Кейхелем, с Н.Н. Белоцветовым, с Альтманом, Дроздовым, Соколовым-Микитовым, с проф. Ященко, с рядом других лиц: тоска все глубже грызет.

Эпопея. Литературный ежемесячник
Под редакцией Андрея Белого
М.; Берлин: Геликон, 1922. № 1
Обложка Эль Лисицкого

Тем не менее:

1) Заседание, посв<ященное> организации В.Ф.А.

2) Засед<ание>, посв<ященное> организ<ации> В.Ф.А.

3) Засед<ание>, посв<ященное> берл<инскому> «Дому Иск<усств>».

4) Засед<ание>, посв<ященное> берл<инскому> «Дому Иск<усств>».

5) Засед<ание>, посв<ященное> берл<инскому> «Дому Иск<усств>».

Под конец месяца частые встречи с Шестовым; и вскоре — ссора с ним[1298].

За ноябрь-декабрь
сверх того:

1) Публ<ичная>лекция Руд<ольфа> Штейнера[1299].
2) Лекция Руд<ольфа> Шт<ейнера> в «А.О.».
3) Эвритмич<еское> предст<авление> с введением Шт<ейнер<а>.

} Слушаю за ноябрь.

4) То же.
5) Публ<ичная> лекция Штейнера.
6) Лекция в Ложе. Его же.
7) Лекция Мейера в «А.О.».
8) Эвритм<ическое> предст<авление>.
9) Эвритм<ическое> представление.

} Слушаю за декабрь[1300]

Никакого удовлетворения от всего этого; к 1-му январю 1922 года — ужас отчаяния.

1922 год

Январь. Берлин.

Ужасная встреча Нового Года: никогда не забуду! С января окончательно стабилизируется на 2 года никчемная жизнь. Тем не менее: пишу вторую главу «Воспом<инаний> о Блоке» и ввод<ительную> статью к «Эпопее»[1301]. Служба в «Геликоне»[1302] — продолжается: встречаюсь с Мартовым.

1) Засед<ание> Совета «Дома Иск<усств>».
2) Засед<ание> Сов<ета> «Дома Иск<усств>».
3) «Культура России», публ<ичная> лекция моя от «Д.И.»[1303].
4) Орган<изационное> зас<едание> В.Ф.А.
5) Орг<анизационное> зас<едание> В.Ф.А.
6) Участие в беседе вечера «Д.И.».
7) Участие в беседе вечера «Д.И.».
8) Моя публ<ичная> лекция «Культура Духа» от берл<инской> В.Ф.А.[1304]

Пишу статью для журнала Ященко[1305].

Кроме того:

1) Лекция Штейнера.
2) Лекция Штейнера[1306].
3) Эвритмия.

Берлин. Февраль.

Та же жизнь. Пишу чудовищный рассказ «XIII том» (уничтожил, разорвал); начинаю писать в газете: 2 фельетона; один — воспоминания о России; другой о «духе» в России[1307].

1) Чтение мною стихов в «Д<оме> И<скусств>».
2) Участие в беседе в «Д.И.».
3) Чтение «Крещ<еного> Кит<айца>» в «Д.И.».
4) Заседание Совета в «Д.И.».
5) Прения на публ<ичной> лекции Минского в «Д.И.».
6) Засед<ание> Совета в «Д.И.».
7) Разбор инцидента с Лундбергом в кружке писателей[1308].
8) Председ<ательствую> и прею на докладе Минского о Блоке в В.Ф.А.[1309]
9) Предс<едательствую> и прею в В.Ф.А. (Продолжение прений о Блоке). Моя речь о Блоке[1310].
10) Засед<ание> Совета В.Ф.А.
11) Беседа у «Скифов» (тема — пригл<ашение> Штейнера).
12) Участие на митинге в пользу голодающих в России[1311].

Приезд в Берлин Кусикова и Пильняка[1312].

Берлин. Март.

Приезд Аси: час от часу не легче[1313]! Отчаяние мрачней; знакомство с Сувчинским; перечитываю Вл. Соловьева; читаю евразийцев[1314]. Разговор с проф. Клюшниковым.

Тем не менее —

1) Засед<ание> Совета В.Ф.А.

2) Предс<едательствую> и оппонирую на докладе Станкевича в В.Ф.А.[1315]

3) Предс<едательствую> и оппонирую на докладе Чернова в В.Ф.А.

4) Предс<едательствую> и опп<онирую> на докладе Лундберга в В.Ф.А.

5) Доклад мой (забыл тему) в В.Ф.А.[1316]

6) Заседание Совета в В.Ф.А.

7) Участие на публ<ичном> митинге.

8) Беседа группы русско-берл<инских> писателей (делаю введение о русской литературе).

9) Участие в беседе «Д.И.».

10) Прения на лекц<ии> Минского в «Д.И.».

11) Речь моя Томасу Ману на его чтении в «Д.И»[1317].

12) Выступление мое у христ<ианских> студентов (у Ященко).

13) Мое чтение «Хр<истос> Воскресе» у хр<истианских> студ<ентов> (Ященко).

Подготовляю к изданию переработанный текст «Петербурга»[1318]. Заново вглубляюсь в поэзию Блока.

Кроме того: высиживаю школьную неделю в Берлине штуттгартских «докторов»[1319].

1) Доклад Штейнера.
2) Доклад Штейнера.
3) Доклад Штейнера.
4) Доклад Штейнера.
5) Доклад Штейнера[1320].
6) Доклад Риттельмейера[1321].
7) Доклад Штейна[1322].
8) Доклад Шуберта[1323].
9) Доклад Унгера[1324].
10) Доклад Колиско[1325].
11) Доклад Бараваллэ[1326].
12) Доклад Штокмейера[1327].
13) Еще доклады, не помню какие[1328].
14) Публ<ичная> лекция Штейнера.
15) Публ<ичная> лекция Штейнера[1329].
16) Эвритмич<еское> предст<авление>.
17) Эвритм<ическое> предст<авление>[1330].
18) Лекция Штейнера в «Ложе».

В итоге — отчаяние!

Пишу рецензии и фельетоны[1331].

Берлин. Апрель.

То же бессмысленное бытие; отъезд Аси в Дорнах. Тем не менее:

1) «Об антропософии», доклад в «Доме Искусств».
2) Выступление мое на тему «Эвритмия». «Д.И.»[1332].
3) Заседание Совета «Д.И.».
4) Литер<атурный> вечер в частном доме (читаю).
5) Председ<ательствую> и приним<аю> уч<астие> в прениях на докладе Белоцветова «Философия Свободы». В.Ф.А.[1333]
6) Заседание Совета В.Ф.А.
7) Председ<ательствую> и принимаю участие в прениях; доклад Каплуна: «Философия Социализма». В.Ф.А.[1334]

Пишу воззвание о русском голоде от группы русских и нем<ецких> деятелей искусства[1335].

Под конец месяца выявляется недомогание; часто бываю у А.В. Сабашникова; дружу с его женой Е.В.[1336]

Май. Берлин.

Устраиваюсь в Цоссене[1337], поселке «гробовщиков» (в Цоссене делают гробы); наезжаю по делам в Берлин. Ликвидирую с пансионом на *Passauer Str<asse>*, передаю свое помещение Гуковскому.

Цоссен.

Усиленно читаю Шпетта[1338], Соловьева; пишу статью в «Die Drei» на тему: «Anthroposophie und Russland»[1339]. Пишу всю 3-ью главу «Воспоминаний о Блоке» («Эпопея» № 3-ий)[1340]. Видаюсь часто с В. Лурье[1341], Е.В. Сабашниковой, Мариной Цветаевой[1342]; пишу рецензии и фельетон (в газеты). Под конец месяца овладевает мрачное лирическое настроение: начинаю писать стихи цикла «После разлуки»[1343].

1) Участвую в диспуте «О конструкционизме». Берл<инский> «Д<ом> И<скусств>»[1344].
2) Участвую в беседе на тему «Смена вех». «Д.И.».
3) Мой доклад: «Антропософия и культуры» в В.Ф.А.[1345]

Июнь. Цоссен.

Окончательно замыкаюсь в Цоссене; никого не вижу.

Единым махом пишу цикл «После разлуки».

В 20-х числах ужасная встреча с Асей, после которой пью[1346]; доктора и Сабашниковы гонят меня в Свинемюнде; Э.М. Каплун приготовляет комнату.

Июль. Цоссен.

Спешно ликвидирую с Цоссеном и еду в Свинемюнде[1347].

Свинемюнде.

Усиленно занимаюсь физ-культурой: прогулки, 2 раза в день купанье, гребля; начинаю ради физ-культуры учиться фокстроту, джимми, бостону, уан-степпу; ничего путного; с бешенством много часов в день зажариваю фокстр<от>[1348]. Еду в Берлин.

Андрей Белый, С.Г. Каплун (Сумский) и его жена А.М. Каплун
Свинемюнде. Германия. 1922. ГМП

Берлин.

Встречи: с Гершенсоном, Ходасевичем, Берберовой[1349].

Свинемюнде.

Встречи с Зайцевыми, Балтрушайтисом, Чабровым, А. Толстым.

Август. Свинемюнде.

Та же непутевая жизнь; приезжают С. Каплун, Белицкий, Вера Лурье: фокстрот, купанье. Пью. Общество: с матросами, сомнительными личностями (кабачки), Муссоны, Фрэд Берген, фрау Шадэ, и т.д.

Сентябрь. Свинемюнде.

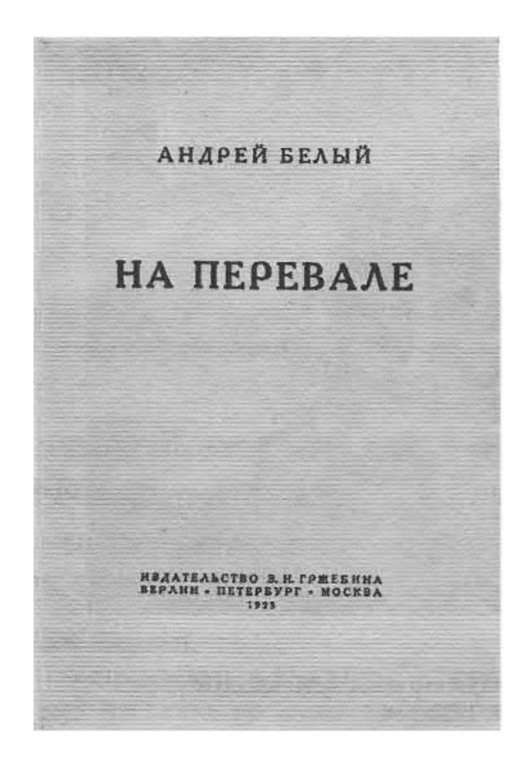
Купаюсь до 6-го сентября.

Берлин.

Ищу помещение; живу с Чабровым где-то около Anhalter-Bahnhof; вижусь с Каплунами, Эренбургами, Гончаровой, Ларионовым, Вишняком, Ходасевичами, Лурье, Одоевцевой, Оцупом, Пуни и прочею галиматьей. Едва отыскиваю себе помещение на Victoria Luisen Platz[1350]. Переселяюсь; беседы с фрау Вэси (венг<ерская> писательница). Подготовляю к изданию 3 Кризиса и Собрание стихотворений у Гржебина[1351]. Пишу статью «Основы моего мировоззрения»[1352].

Октябрь. Берлин.

С «Вольфилой» — кончаем: не идет[1353]. С «Эпопеей» — не идет; «Дом Искусств» — галиматья, с которой надо скорей ликвидировать; пока все же с ним вожусь.

Андрей Белый. На перевале:
I. Кризис жизни. II. Кризис мысли
III. Кризис культуры
Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина,
1923

Пишу всю 4-ую главу «Воспоминаний о Блоке» (для № 4 «Эпопеи»)[1354]; являются в Берлин: Бердяев, Степпун, Ильин, Пастернак, Лидин, Муратовы, Осоргины, Айхенвальд, Маяковский, Шкловский; душно от людей.

1) Прения в «Доме Иск<усств>».

2) Заседание Совета «Д.И.».

3) Заседание Совета «В.Ф.А.» (ликвидируем).

4) Заседание конспиративное в «Д.И.» (как столкнуть Минского)[1355].

5) Чтение моих стихов в «Д.И.».

6) Организ<ационное> заседание «Клуба писателей».

7) Орган<изационное> заседание «Клуба писателей»[1356].

8) Заседание «Клуба писателей».

9) Заседание нового президиума «Д.И.» (меня выб<ирают> председателем)[1357].

Частые встречи с Ходасевичами.

Пишу 3 статьи о Горьком: 1) в газету, 2) в «Эпопею», 3) в журнал Ященки[1358]. Составляю адрес Горькому от писателей[1359]; составляю текст адреса Гауптману от русских писателей[1360]; присутствую на юбилее Гауптмана от «Клуба писателей».

Ноябрь. Берлин.

Начинаю писать рецензии в «Днях»[1361].

1) Организ<ационное> засед<ание> «Дома Иск<усств>».
2) Председ<ательствую> и приним<аю> участие в прениях после реферата Пуни (мой скандал с Маяковским)[1362].
3) Выступаю в «Клубе писателей».
4) Читаю «Крещ<еного> Кит<айца>» в Клубе писателей[1363].
5) Участвую в прениях на беседе от «Клуба писателей».
6) Участвую в беседе от «Клуба писателей».
7) Выступаю на беседе <после?> доклада Франка у Бердяева.
8) Разбор инцидента с Юшкевичем в «Клубе писателей».
9) Участие мое в диспуте берл<инской> Акад<емии> Дух<овной> Культуры на тему «Революция»[1364].

В ноябре начинаются мои поездки к Горькому в Саров[1365] и разговоры о журнале «Беседа»[1366].

Декабрь. Берлин.

Ужасный, отчаянный, бессмысленный месяц; все бросаю; поездки в Саров к Горькому; начинаю переработку «Восп<оминаний> Блока» <так!> в Первый том «*Начала Века*»[1367]. Работа — медленная. Жду К.Н. Васильеву. Пишу статью (в «Беседу»): «*Россия в России и Россия в Берлине*»[1368]. Еду на неск<олько> дней в Саров[1369].

Саров (живу).

1) Чтение у Горького статьи: «Россия в России и Россия в Берлине». Прения.

2) Беседа о журнале «Беседа» (у Горького).

Берлин.

3) Участие в беседе в «Клубе писателей».

Саров.

На Рождестве еду в Саров. Беседы с Горьким. Встреча у него Нового Года[1370].

Ужасный год для меня 22-ой год.

Андрей Белый. Возврат. Повесть
Берлин: Огоньки, 1922
Обложка А.М. Арнштама

1923 год

Январь. Берлин.

Известие о пожаре Гетеанума[1371]. К середине месяца — радость: приезд в Берлин К.Н. Васильевой[1372]. Засаживаюсь дома. Нигде не бываю. Провожу вечера с К.Н.

1) Участие в вечере «Клуба писателей».

2) Заседание «Клуба писателей».

Пишу рецензии. Кончаю первый том «Начала Века». Пишу фельетон о «*Гетеануме*» в газеты[1373].

Февраль. Берлин.

Та же жизнь; тоска. Поездка К.Н. в Штуттгарт[1374]. Поездка моя в Саров к Горькому.

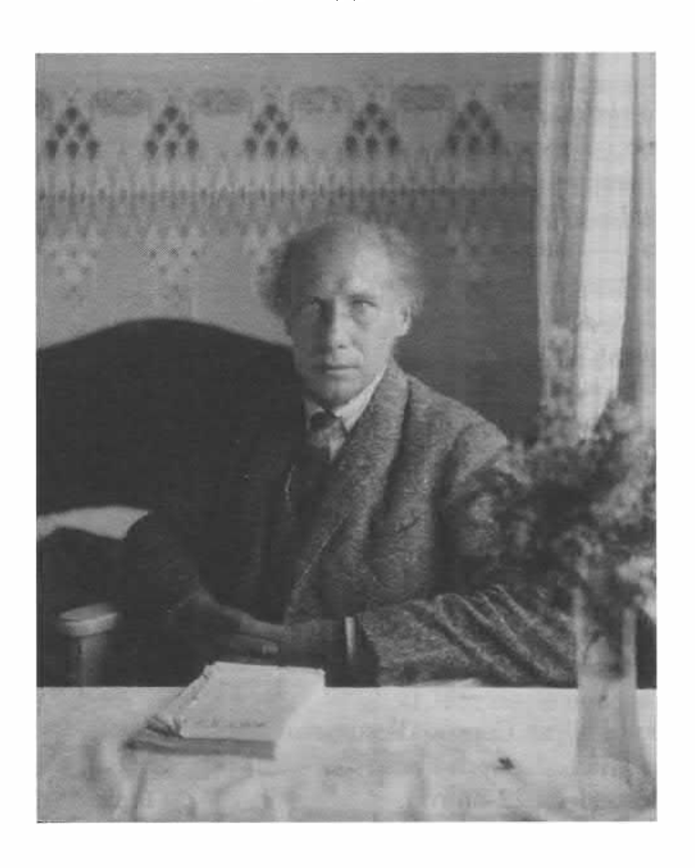
Саров.

Провожу дня три у Горького[1375]; беседы о «Беседе».

Берлин.

Возвращение К.Н. из Штуттгарта. Моя встреча с М.Я. Штейнер[1376]. Беседа с ней об Асе.

1) Прения после реферата Эренбурга в «Клубе писателей».

Андрей Белый. Берлин. 1923. ГМП

Пишу второй том «Начала Века».
2) Моя лекция: «Революция духа»[1377].

Март. Берлин.
Та же жизнь.
Пишу 2-ой том «Начала Века». И — кончаю.
1) Мое выступление в «Клубе писателей»[1378].
2) Прения на реферате Таирова в «Клубе писателей»[1379].
Поездка с К.Н. в Саров[1380].
Саров.
Беседы с Горьким.
Берлин.
Собираемся с К.Н. в Штутгарт[1381].

Штуттгар<т>.
Рефераты на штуттгартской неделе (при Вальдорфской школе)[1382].
1) Реферат Штейна.
2) Реферат Колиско.
3) Реферат Стракоша.

4) Реферат Бараваллья.
5) Реферат фон-Гейдебрандт.
6) Реферат Штокмейера.
7) Реферат Шуберта.
8) Рецитация М.Я. Штейнер со вступит<ельным> словом Штейнера[1383].
9) Эвритмич<еский> вечер в Landhaus.
10) Эвритм<ический> вечер в Landhaus[1384].
11) Детская эвритмия в Вальдорфской школе.
12) Публичная лекция Штейнера.
13) Публичная лекция Штейнера[1385].

Живу в Штутгарте у Унгера; беседы: с Унгером, Гейдебрандт, Стракошем, Унгером <так!>, Юли, Асей, Аронсоном, Драхенфельс, Ваксмутом и т.д.

Свидание со Штейнером. 30 марта[1386].

31 марта едем в Берлин.

Апрель. Берлин.

Грустный месяц; кое-как царапаю начало 3-ьего тома «Начала Века». Ничего хорошего. К.Н. едет в Гарцбург[1387] и снимает нам комнату.

Май. Берлин.

Та же беспрокая грусть; частые свидания с Гершенсоном; перетаскиваю Гершенсонов к нам в пенсион, а сам еду в Саров.

Саров.

Провожу несколько дней с Горьким, Ходасевичами, Шкловским[1388]; читаю Горькому отрывки из «Начала Века».

Под конец, самый, месяца едем с К.Н. в Гарцбург.

Июнь. Гарцбург.

Холод, уныние, неуют[1389]; беседы с К.Н. о Москве; я кладу решение: какою угодно ценою вернуться в Россию[1390]. В Гарцбурге пишу ответ Лейзегангу на его статью о Штейнере[1391]; и разом, единым махом почти весь III том «Начала Века»[1392]. 3 тома готовы.

Июль. Гарцбург.

В самом начале месяца едем в Берлин.

Берлин.

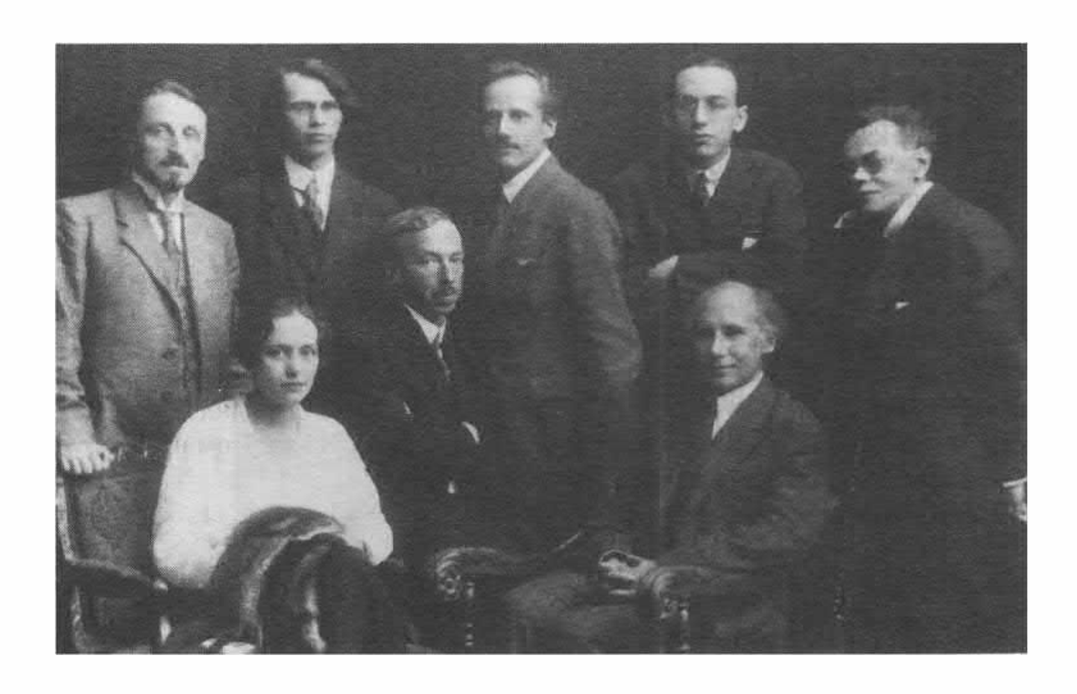
Я живу в неуютной трущобе у Anhalter Bahnhof, а К.Н. у М.Е. Грустно; она уезжает; я остаюсь опять один. Около 20-х чисел еду ее провожать в Штеттин[1393], а оттуда, не заезжая в Берлин, еду на море: в Альбек[1394].

Альбек.

Грустная, пустая жизнь: сижу у моря и жду погоды, т.е. разрешения вернуться в Россию[1395].

Август. Альбек.

Беспутно грустный, постылый месяц: заела тоска[1396].

Андрей Белый в группе писателей в Берлине
Стоят: Б.К. Зайцев, В.Ф. Ходасевич, М.А. Осоргин, А.В. Бахрах, А.М. Ремизов; сидят: Н.Н. Берберова, П.П. Муратов, Андрей Белый. 1923, 8 сентября. ГМП

Сентябрь. Альбек.

Едва доживаю здесь.

Берлин[1397].

Поселяюсь в русском пансионе, где живут Осоргины[1398]. Частые встречи с Трапезниковым; то же томительное ожидание отъезда[1399].

Тем не менее:

1) Чтение «Арбат» в «Клубе писателей»[1400].
2) Оппонирование Ходасевичу в «Клубе писателей»[1401].

Октябрь. Берлин.

То же томление. Ссора с Ходасевичем[1402]. Приезд Наташи. Отъезд Трапезникова. Томление. Наконец: получил визу.

1) Прощальная беседа с группой писателей.

Приблизительно 23-го выезжаю из Берлина через Ковно—Ригу в Москву.

Знаю, что в Москве после статьи обо мне Троцкого мне заповедано участие в журналах и литер<атурно>-общест<венная> деятельность[1403].

Москва.

Приезжаю 26 октября. Останавливаюсь у Нилендера и к 1-ому ноябрю переселяюсь на завод, к Анненковым, ибо деться — некуда[1404].

Здесь кончается моя лекционная и общественная «эпопея»; я считаю, что первый период обнимает годы 1903-1912 (до отъезда за границу); далее — четыре года молчания: 1912-1916. По возвращению из-за границы — новый отрезок: 1916–1923-й (до ноября), в который включается определенная эпоха моей деятельности, центр которой падает на *революцию*; и которой лишь изживание — годы берлинской жизни (ноябрь—октябрь: 1921–1923 годы).

За этот период по среднему подсчету я отсидел весьма активно 228 заседаний; участвовал в публичных и интимных прениях, а также вел семинарии в среднем 252 раза; у меня было 41 чисто литературное выступление; я прочел 169 лекций; и председательствовал на собраниях и заседаниях 55 раз; в целом — почтенная сумма в 745 общественных действованиях; принимая во внимание, что в этом семилетии было 2550 дней, и разделяя 2550 дней на 745, получаем, что в среднем 2 дня в неделю были заняты: заседанием, лекцией, диспутом, выступлением, семинарием или председательствованием, что — много. За это время я написал: 2 тома «*Записок Чудака*», 3 Кризиса, «*Лев Толстой и Кризис Культуры*», «*Кризис Сознания*», «*Крещеного Китайца*», «*Глоссолалию*», «*Поэзия Слова*», «*О смысле познания*», черновик «*Моей жизни*», «*Воспоминания о Блоке*», 3 тома «*Начала Века*», ряд журнальных статей, рецензий, фельетонов, заново переработал 2 тома «*Путевых Заметок*» и пропавший том «*Зовы времен*»[1405], поэмы «*Христос Воскресе*», «*Первое Свидание*», книгу «*После разлуки*», часть книги «*Звезда*».

Активное литературно-общественное семилетие; подвожу ему итог, ибо после него уже я попал в иные условия; с литературой, с общественностью, можно сказать, — счеты кончены.

Москва (завод). *Ноябрь*.

Сижу у Анненкова. Работаю над ритмами Блока[1406]. Читаю литературу по стиховедению, наросшую за мое отсутствие (Эйхенбаума, Жермунского, Томашевского, Шенгели)[1407].

1) «Впечатление от Берлина». Выступление в рабочем клубе завода «Анил-Трест».

2) Беседа и прения после доклада С.М. Соловьева о Пушкине.

Москва (завод). *Декабрь*.

Та же усиленная работа над ритмами; исследую ритмы анапеста: Блок, Лермонтов, Фет, Ал. Толстой. Читаю внимательно Вестфаля[1408].

1924 год

Январь. Москва (завод).

1-го 1) «Мировые мысли, чувство, воля» (мои слова).

3-го 2) «Трехдольники». Мой доклад в Кружке поэтов.

12-го 3) «Александр Блок в проблеме дух<овной> культуры». 1-ая лекция моя для интересующихся[1409].

Около 13-го 4) Беседа у Чехова о том, как ставить «Петербург»[1410].

14-го 5) «Одна из обителей царства теней». Моя публ<ичная> лекция в Театре Мейерхольда[1411].

18-го 6) «Ал<ександр> Блок в проблеме дух<овной> культуры». 2-ая лекция для интер<есующихся>.

22-го 7) Чтение «Арбата»[1412] и стихов в Студии Чехова.

Читал тома Шенрока о Гоголе[1413]; перечитываю том за томом Тургенева; читаю Вестфаля; работаю над ритмами (весь материал ритмов — утерян в этом месяце). Усаживаюсь за переработку «Петербурга» в драму; переговоры с Чеховым, Мейерхольдом, Завадским, Таировым[1414]. Частые свидания с Лежневым и разговоры о журнале «Россия»[1415]. Знакомство с Клименковой, Воробьевой, Мариной Баранович, Моисеевым. Встречи с Уитенговеном[1416]. Свидания с Нилендером, С.М. Соловьевым, Зайцевым[1417] и т.д.

Списываюсь с Киевом[1418].

Февраль. Москва.

1-го 1) «Алекс<андр> Блок в проблеме дух<овной> культуры». 3-ья лекция моя (для интереус<ющихся>)[1419].

8-го 2) Участвую в прениях после доклада Столярова «Об органич<еской> эстетике». Акад<емия> Худ<ожественной> Культуры.

Еду в Ленинград[1420]:

11-го Ленинград 3) Участие в публичном чествовании Фед<ора> Сологуба[1421].

14-го 4) Прения в В.Ф.А. на тему: «Формальный метод» (после чтения поэмы Скалдина)[1422].

16-го 5) «Одна из об<ителей> царства теней». Публ<ичная> лекция моя. Певческая Капелла[1423].

17-го 6) Участие в беседе В.Ф.А.

18-го 7) «Поэзия Блока». Публ<ичная> лекция. Певч<еская> капелла.

Вижусь: с Сологубом, Замятиным, Пинесом, Р.В. Ивановым, Сюннербергом, Каплунами, Ионовым, Белицким, Е.П. Ивановым, Фединым, Виссель, Фехнер, Павлович и ряд<ом> др<угих> лиц.

20-го Москва 8) «Творчество Блока». Публ<ичная> лекция. Полит<ехнический> Музей[1424].

Еду в Киев[1425].

25-го Киев 9) «Творч<ество> Блока». Публ<ичная> лекция.

26-го 10) Беседа на тему «Культура».

27-го 11) Беседа на тему «Философия духа».

28-го 12) «Ритм жизни и современность». Публ<ичная> лекция[1426].

29-го 13) Беседа и речь на вечере украинских писателей.

Вижусь с Жуковыми, украинцами, среди которых особенно запомнился Рильский[1427], с проф. Гедройц и др. Еду в Москву[1428].

Март. Москва (завод).

10-го 1) «Декаденты и символ<исты>». Воспоминания. Дом Герцена.

15-го 2) «Памяти Блока». Доклад в клубе железнодорожников.

20-го 3) Чтение о Египте (мое). В помещении Це-Ку-Бу[1429].

Пишу отрывки «Петербурга-драмы». Пишу статью «Ритм жизни и совр<еменность>». Пишу брошюру: «Одна из обителей царства теней»[1430].

Андрей Белый. Одна из обителей царства теней
Л.: Государств. изд-во, 1924

Апрель. Москва (завод).

Грустный месяц: тоска; кое-как пишу «Петербург-драму».

25-го 1) «Отчего ускользает Сальват»[1431]. Мое слово.
2) Беседа с мхатцами о «Петербурге».

Май. Москва (завод).

3-го 1) Чтение «Петербурга» (отрывков) у Чехова.
4-го 2) Беседа с артистами о «Петербурге».

Пишу с бешеной скоростью всю драму и сдаю «Мхату»[1432]. Собираемся с К.Н. в Коктебель.

25-го 3) Чтение сцен «Петербурга» в кружке поэтов.
4) Организационная беседа о новом издательстве у Пильняка[1433].
27-го 5) Чтение сцен «Петерб<урга>» у Пильняка.

Едем в Коктебель[1434].

31-го Феодосия.

Июнь. Коктебель.

1) «Петерб<ург>».
2) «Петерб<ург>». } Чтение драмы с прениями (у Волошина)[1435].
3) «Петербург».

У Волошина почти каждый вечер чесание языков (беседы); лежание на пляже — тоже *sui generis* «диспут».

В.П. Беляев. Андрей Белый – лектор
Бумага, тушь, перо. 1924-1925. ГЛМ

Июль. Коктебель.

1) Беседа о стихах (инцидент с Шенгели)[1436].

2) Беседа о новой поэзии.

3) «Философия конкретного знания». Моя лекция.

4) Участие в коктебельском «вечере».

31-го 5) Слово о Вл. Соловьеве (в день памяти).

Август. Коктебель.

1) Чтение из «Перв<ого> Свидания».

2) } Беседы
3) } о стихах.

4) Мой реферат о Блоке для любителей.

Сентябрь. Коктебель.

Та же праздная жизнь: чесание языком, море, купанье, прогулки, камушки, фокстрот, мяч, джазбанд, кинематограф. Запомнились за эти месяцы встречи: с Волошиным, его женой, Сорокиными, Эфрон, Фельдштейном, Брюсовым[1437], Ариевым, Сарасини-Саркисовым[1438], худ<ожником> Богаевским, проф. Лебедевым, худ<ожницей> Остроумовой, поэтом Чуковским, Ангарским, Шервинскими, Габричевскими, Галей Назаревской, Даней Часовитиной, О.Н. Анненковой, Л.И. Трапезниковой, Евреиновой, М.Л. Пекхман[1439], Успенскими, Шенгели, «Иночкой» (забыл фамилию), М.М. Шкапской, Гроссманами, Бачинскими, С.А. Толстой, «Анчуткой» (заб<ыл> фамилию)[1440] и рядом девиц, молодых людей, дам, Полонской, Адалис, Женей Богословской, Сибором, Андреем Соболем, Готовцевым, Женей Николаевой, Парнахом, В.А. Громовым и т.д.

Около 11-го сентября едем с К.Н. в Москву[1441].

12-го Феодосия.

16-го Москва.

Конец месяца грустен. Ищу работы. Переговоры с Пильняком и Лежневым. Пишу 2 фельетона (не приняты).

Вижу, что забаррикадирован на всех путях.

Октябрь. Москва (завод).

1) Отрывки из драмы «Петербург». У Зайцева.

2) Беседа о постановке. У Чехова[1442].

Пишу свои воспоминания, биограф<ического> характера[1443]. Потом спешно пишу первую главу «Москвы»[1444].

Ноябрь. Москва (завод).

1) Чтение отрывков «Москвы». У Красина.
2) Беседа писателей у Зайцева[1445].
3) Беседа с Луначарским у Пильняка (Пильняк, А.Н. Толстой, Шкловский, Вс. Вяч. Иванов, я, Лидин и др.).
4) Обсуждение проекта петиции в «Совнарком» у Пильняка[1446] (Эфрос, Шкловский, Пильняк, Лидин, еще кто-то, я).
5) То же обсуждение у Вересаева.
7)* То же обсуждение у Луначарского (на квартире).
6) Кружок по миросозерцанию.
7) То же. } Прения.
8) То же. }

Пишу 2-ую главу «Москвы». Пишу статью «Брюсов»[1447].

Декабрь. Москва (завод).

1) Кружок по мирос<озерцанию>. Прения.
2) Круж<ок> по мирос<озерцанию>. Прения.
3) Беседа о делах «Круга». У Пильняка[1448].
4) Организац<ионная> беседа о постановке «Петербурга». С мхатцами.
5) «Блок и революция». Моя публ<ичная> лекция.
6) Чтение «Москвы» у Пильняка[1449].
7) Оппонирую Столярову на его реферате «О Росмерсгольме»[1450]. Гос<ударственная> Ак<адемия> Худ<ожественной> Культ<уры>.
9) Оппонирую Столярову на его докладе «О Бранте»[1451].

Переделываю 2 первых главы «Москвы» и отдаю их «Кругу»[1452].

Грустное время: тень Берлина еще надо мной. У Анненковых, как и в 20-м году, становится невыносимо; единственное убежище у Васильевых[1453].

Депрессия анненковского дома ложится на меня; весь этот период я мало читаю, что со мною редко бывает; на сон грядущий перелистываю пыльные книги из анненковского шкафа; ищу главным образом литературы по истории. Перечитываю «*Третий Завет*» А.Н. Шмидт[1454].

Так безрадостно кончается этот год.

1925 год

Январь. Москва (завод).

Длится та же безотрадная жизнь у Анненковых в комнате с разбитым окном, в атмосфере скандалов, устраиваемых В.Г. Анненковой, это<го> исключительного по жестокости человека; я совершенно расшатан этой жизнью, ни читать, ни правильно работать в такой обстановке нельзя[1455].

Помнится, этот месяц перечитывал книга за книгой Гершенсона.

---

* *Здесь и далее сбой нумерации в автографе.*

1) Мой доклад: «Брюсов». В Кружке поэтов[1456].

2) Оппонирую проф. Жермунскому в Гос<ударственной> Ак<адемии> Х<удожественных> Н<аук>.

Февраль. Москва (завод).

Перед самой смертью Гершенсона бываю у него, читаю ему отрывки «Москвы». Он уговаривает меня прочесть лекцию о Пушкине. Работаю над Пушкиным. Начинается нечто невозможное между мной и В.Г. Анненковой; я не могу допустить, чтобы в моем присутствии истязали ее дочь. Одна мысль, куда бежать из анненковской квартиры.

1) «Пушкин и мы». Моя лекция в Ак<адемии> Худ<ожественных> Наук[1457].

2) Мое чтение у Чехова[1458].

Катастрофическая смерть Гершенсона — удар[1459]. Умер в Москве последний «*старший друг*». Больше мне в Москве не на кого опираться. Люди, симпатично ко мне относящиеся, или в загоне, как я, или, поджав хвосты, «*не смеют*» мне высказывать симпатий (как Казин, Полетаев и... «скольские» литераторы). Очень поддерживает дружба с Чеховым, у которого бываю; с ним провожу прекрасные вечера; квартира Чехова, да квартира К.Н. — больше у меня нет опоры в Москве. Все более и более с К.Н. задумываемся о том, где найти пункт на земле, где бы можно было просто укрыться от злобы «мира сего». Задумываем ехать вместе хоть в Сергиев Посад: отдохнуть от Москвы.

Март. Москва (завод).

С Анненковыми все хуже и хуже; формально объясняюсь с В.Г., но — решаю твердо: у них *не жить*. Пишу для Лежнева статью: «Гершенсон»[1460]. Пишу другую статью: «Россия»[1461].

Для размыкания своего горя читаю по вечерам Брема[1462]; перечитываю том за томом Лескова.

1) «Пушкин и мы». Лекция в студии Петрушка.

Едем с К.Н. в Сергиев-Посад — негде остановиться. А.А. Великанова, которой муж профессор, гидролог, работает в Кучинской гидростанции, приглашает нас в имеющиеся у них в Кучине 2 комнатки в научной колонии (бывшее имение Рябушинского). Едем[1463].

Кучино.

Здесь — отдых: и тихое задумье; здесь начинаю прерванную на 3 почти месяца работу над «Москвой»; читаю какие-то книги: между прочим 2 тома о фауне Южной Америки. Долгие беседы с наезжающим в Кучино проф. Великановым. Нескончаемые беседы с К.Н. Прогулки в лесу: весна.

Здесь настигает известие о смерти Рудольфа Штейнера[1464].

Апрель. Кучино.

Съезжаем в Москву.

Москва.

1) «Воспоминание о Штейнере»[1465]. Друзьям.

2) Публ<ичное> выступление на вечере, устраиваемом журналом «Россия» (Тан-Богораз, Чехов, Качалов, Столяров, Лежнев, я).

Едем обратно в Кучино.

Кучино.

Работа на<д> 3-ьей главой «Москвы». К Пасхе возвращаемся в Москву[1466].

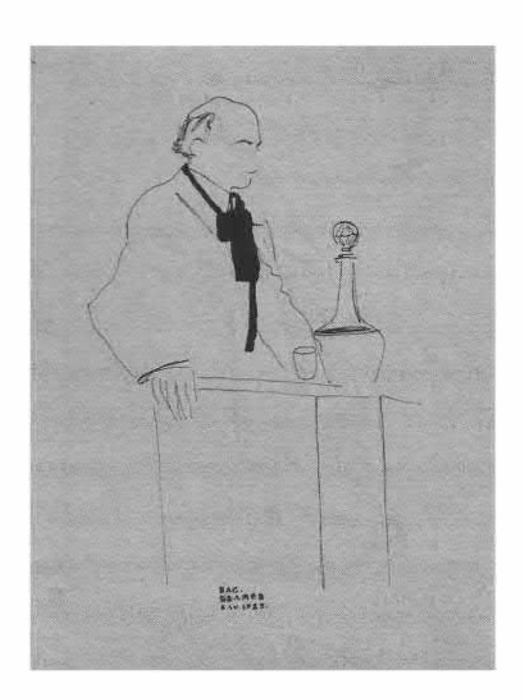
Москва.

3) Беседа о «Петербурге» у Чехова.

4) «Воспоминание о Штейнере» у Чехова.

5) Читаю у Чехова свои «*Воспоминания*».

Списываюсь с Киевом о лекциях моих там. Снимаем с К.Н. дачу в Кучине у Левандовского[1467].

В.П. Беляев. Андрей Белый – лектор
Бумага, тушь, перо, акварель
1925, 6 апреля. ГЛМ

Май. Москва (завод).

Кое-как доживаю у Анненковых; пишу 3-ью главу «Москвы». Еду в Киев[1468].

Киев.

Останавливаюсь у Жуковых.

4-го 1) «Пушкин и мы». Публ<ичная> лекция.
5-го 2) Беседа на тему: «Культура».
6-го 3) Беседа на тему: «Культура».
7-го 4) «Слово, как орган творчества». Моя публ<ичная> лекция.
8-го 5) Беседа с интересующимися проблемой культуры.
9-го уезжаю.
10-го Москва.

6) «Три фазы слова» — моя лекция у Чехова.

Дописываю 3-ью главу «Москвы». Числа 25-го мая едем в Кучино.

Кучино.

Хлопоты по устройству жилья.

Июнь. Кучино.

Весь месяц живем тихо, вдвоем с К.Н.; это сказывается на работе; пишу всю 4-ую главу «Москвы». К концу месяца в Кучино переселяется П.Н. Васильев: тяжелая жизнь «втроем»; опять затор в работе.

Июль. Кучино.

Частые наезды гостей; постоянные свидания со Столяровыми, живущими летом в Обираловке[1469]. Пишу эскизы к пятой главе «Москвы». Но гости и П.Н. Васильев — мешают; к концу месяца П.Н. уезжает. Становится сразу нормально: пишу.

В.П. Беляев. Андрей Белый – лектор
Бумага, тушь, перо. 1924–1925. ГЛМ

Август. Кучино.

Доделываю 5-ую главу «Москвы» и пишу почти всю 6-ую. Левандовский указывает нам на домик Шиповых[1470]. Мы с К.Н. снимаем в нем две комнатки на зиму; так начинается мне мой «*таинственный остров*» Кучино[1471], откуда я изредка, с опаской, ныряю в столь опостылевшую мне Москву.

Сентябрь. Кучино.

Числа 16-го переезжаем к Шиповым. Здесь оканчиваю вполне «Москву»[1472]. Не будь Кучина, ее не написал бы. С сентября участвую в постановке «Петербурга»[1473].

1) Моя беседа на репетиции «Петербурга». «*Мхат*».

2) Моя беседа на репетиции «Петербурга».

Чехов просит меня прочесть его студийцам курс.

Октябрь. Кучино.

1) Работа на репет<иции> «Петерб<урга>». } «Мхат 2-ой».
2) То же.
3) То же. }
4) То же. } «Мхат 2-ой».
5) То же. }
6) То же. }
7) «История становления историч<еского> самосозн<ания>»[1474].
8) То же. } Курс
9) То же. } лекций
10) То же. } у Чехова.

По просьбе Воронского готовлю сокращенный «Пепел» к переизданию; весь месяц правка стихов[1475]. Меня ужасает режиссура и макет «Петербурга», но на репетициях бессилен, ибо Чехов занят другим, а я один в поле не воин. Я — в ужасе: предвижу провал; но «*постановщики*» (Татаринов, Бирман)[1476] твердой рукой правят к провалу.

Ноябрь. Кучино.

1) Работа на реп<етиции> «Петерб<урга>». } Мхат II-ой.
2) Работа на реп<етиции> «Петерб<урга>». }

10 ноября генер<альная> репетиция: провал; переживаю нечто ужасное[1477]; с 15 ноября до 15-го декабря нервно заболеваю; мы с К.Н. замыкаемся в Кучине; из полного отчаяния начинаю писать свой «Кучинский Дневник»[1478].

Приходит нам невидимая помощь. Конец месяца усиленно читаю апостола Павла.

Декабрь. Кучино.

Курс мой у Чехова прерван нервным перетрясом, из которого выхожу умиротворенным. Весь месяц читаю Евангелия, Павла, думаю над учением апостола Павла об оправдании верой; зарываюсь в историю церкви; с К.Н. читаем тетради журнала «Goetheanum». Нападаем на статьи о Шартре[1479]; и начинаем читать Жильсона (о средневековой философии)[1480]. Во мне поднимается тема схоластики; кроме того: все более и более выдвигаются задания: в антропософии конкретно связать темы: самосознающей души, интеллекта, истории наук, архангела Михаила[1481]; средние века, как генезис тем, все более и более притягивают; под конец месяца у нас в Кучине: Жильсон, Штокль[1482], статьи о Шартре, и три тома Хорреȯ «История средневековой философии»[1483]; исторические темы моего курса чалят туда же. Пишу «Дневник».

1) «Учение Павла об оправдании верою». Мой доклад друзьям.

2) «Генезис средневековой мысли». Мой доклад друзьям.

Конец месяца — успокоение, просветление, усиленные умственные интересы.

1926 год

Январь. Кучино.

С января «*Кучинский Дневник*» выливается в спешное писание черновика «Истории становления самосознающей души в пяти последних столетиях»[1484]. Январь-февраль-март пишу с бешеной быстротой и с тою же быстротой читаю ряд книг по разным вопросам, извлекая из них мне нужное содержание. Не помню всего, что я перечитал за это время, и не помню, когда что читал в период от января до мая. Но помню, что прочел: Карсавин: «Культура средних веков»[1485]; томы Хрестоматии (3 тома) по средним векам; Штокль «История средневековой философии»[1486], Арсеньев: «От Карла Великого до реформации»[1487]. Блонский о Плотине[1488]. Ueberweg: «Grundriss der Geschichte der Philosophie d. Patrist<ischen> und Scholast<ischen> Zeit»[1489]. Gilson: «La Philosophie au Moyen Age»[1490], François «Essais sur l'histoire generale et comparée... de phil<osophie> médievale»[1491]. Houréau. Histoire de la philosophie médievale (3 тома)[1492], Karl Heyer «Notre Dame de Chartre<s>»[1493], Вертеловский «Мистики монастыря Сен-Виктор»[1494]; Leon Gautier: «Introduction à l'étude de la philosophie musulmane»[1495]. Picavet: «Gerbert d'Aurillak»[1496]. Кроме того: перечел все, что мог достать Зелинского (Фаддей Францевича); прочел историю христ<ианских> ересей (забыл автора)[1497]; и — ряд других книг; читал просто учебники по новой истории (и между прочим Виноградова[1498]).

Помнится, что в январе была написана мною часть книги: от Греции до 15-го века (вводительная часть).

1) «История станов<ления> самосознания». } Курсовые лекции
2) «История становл<ения> самосознания».

С.Д. Спасский и С.Г. Спасская-Каплун
1920-е. ГМП

Февраль. Кучино.

Пишу, читаю: помнится, что в этот месяц была написана часть книги от 15 в<ека> до 18-го; перехожу к характеристике силуэтов: Кант, Гегель, Гёте, Шопенгауэр и т.д.

1) «Истор<ия> стан<овления> самос<ознания>».
2) «Истор<ия> стан<овления> самос<ознания>». } Курсовые лекции

Март. Кучино.

Пишу 19 век в исторических силуэтах («Истор<ия> стан<овления> сам<осознающей> душ<и> в 5 посл<едних> стол<етиях>»).

1) «Истор<ия> стан<овления> самос<ознания>».
2) «Истор<ия> стан<овления> самос<ознания>». } Курсовые лекции

21 марта. Горестный отъезд К.Н. за границу (едет лечиться)[1499]. Конец месяца сижу один в Кучине. Пишу стихи[1500].

Апрель. Кучино.

Приезд в Кучино Р.В. Иванова. Жизнь с ним вдвоем (3 недели)[1501]. Пишу синтезирующую часть «Истории становления» (около 200 страниц) и их прорабатываю. После отъезда Р.В. с головой влезаю в работу.

Можно сказать, что в 4 месяца написан черновик очень большой книги; но чувствую, что для окончательной отработки эскизов мысли нужна еще многомесячная работа.

1) «Истор<ия> стан<овления> сам<осознания>».
2) «Истор<ия> стан<овления> сам<осознания>». } Курсовые Лекции.

Май. Кучино.

Заканчиваю работы; 10 мая еду в Ленинград[1502].

Ленинград.

Жизнь у Спасских; очень много читаю, роясь в библиотеке Б.Г. Каплуна, в которой хорошо представлено искусство; прочитываю: историю живописи ренессанса; читаю кого-то из современников ренессанса (автор 16 века, — не «Вазари»[1503]) по теории перспективы; читаю историю музыки; историю зодчества и скульптуры (всё для нужд книги); извлекаю отовсюду материалы, и из библиотеки Каплуна, и из библиотеки Р.В. Иванова, в Детском, куда езжу с ночевками. Жду не дождусь К.Н.; часто вижусь с Сологубом; вижусь с Кузминым, Е.П. Ивановым, Мейером, проф. Аскольдовым.

1) «О душе самосознающей». Доклад.
2) «О душе самосознающей». Мой доклад.

3) Участие в прениях на докладе Е.П. Иванова «Об Еванг<елии> Иоанна».
4) Чтение из рукописи моей книги.
5) Чтение из рукописи моей книги.
6) Беседа у Великанова.

Июнь. Ленинград.

Та же жизнь:

1) Чтение из «Москвы» в Лен<инградском> Союзе писателей[1504].
2) Повторение чтения «Москвы». Для интересующихся.

15-го Радостное возвращение К.Н.: встреча[1505].

17-го Едем в Москву — Кучино.

18-го Кучино.

Я в Кучине, куда переезжает К.Н. В Кучине живет А.С. Петровский; наезжает Е.Н. Кезельман; много народа.

Я по собранным материалам перерабатываю части книги рядом вписок в нее (особенно много вписываю в отдел средних веков).

Июль. Кучино.

Гостит П.Н. Васильев. Живем четверкой: К.Н., П.Н., Петровский и я. Та же работа над вписками в книгу. Читаю Raoul Carton: «L'experience mystique de l'illumination... chez Roger Bacon»[1506]. Читаю Фаццари «Краткая история математики»[1507]. Читаю: Попов: «Очерки по истории математики»[1508].

Август. Кучино.

Уезжает: П.Н. Васильев и Петровский. Остаемся вдвоем с К.Н. Перечитываю справочник Ибервега[1509] и составляю себе регистр литературы, могущей мне понадобиться: читаю: Eugène de Faye: «Gnostique et gnosticisme»[1510].

13 августа на меня наехал трамвай[1511].

Москва.

Лечусь у Руфанова[1512]; рентгенологич<еское> исследование. Больного меня везем в Кучино.

Кучино.

К.Н. Начинает ездить Марсова (для массажа); не могу ни лежать, ни сгибаться; тем не менее пишу регистр (кое-как). Читаю «Историю целого числа» (проф. Васильев)[1513]. Перечитываю (для книги): «Метафизику древней Греции» Трубецкого и «Историю древней философии» Виндельбанда[1514]. Кое-как поправляюсь. Пишу цветными карандашами.

Сентябрь. Кучино.

Читаю прекрасную историю математики Кэджори[1515] — всё для моих целей: понять становление геометрии как искусства. Перечитываю 2 тома Розенберга: «История физики»[1516] (для понимания становления принципа). Начинаются «листики»[1517]. Читаю Штейнера: «Драматический курс»[1518]. Так тема книги угоняет меня в сложную работу переорьентировки своих представлений о знании; перечитываю Штейнера: «Духовное водительство»[1519]; и *впервые* пони-

маю его. С грустью вижу, что книга в том виде, как она видится мне, займет много месяцев работы, а денежный кризис заставляет думать о средствах к жизни. Пишу длинное послание Р.В. Иванову (о науках, о «Москве»)[1520].

Октябрь. Кучино.

Возвращаюсь к «*Дневнику*», ибо все мысли для выхода в свет — заперты; для книги — нет времени; «Дневник» становится мне складочным местом: сюда валю и эмбрионы мыслей, и личные отметки. Так: в октябре из «Дневника» вытягиваются мои воспоминания о духовной работе у Штейнера; потом обрываю воспоминания на том месте, где они еще не анализированы сознанием (довожу анализ моих «медитаций» до Христиании); и перехожу к теме просто «Воспоминаний о Штейнере»[1521].

Переговоры с Мейерхольдом о переделке «Москвы» в драму[1522].

Ноябрь. Кучино.

Весь месяц — листики, «Дневник», в котором вытекиваются «Воспоминания о Штейнере». Беседы с Чеховым. Частые встречи с Мейерхольдом (у него и на репетициях «Ревизора»)[1523]. Делаю из «Москвы» драму. Расхождение со Столяровым.

1) Чтение из книги «Воспомин<ания> о Штейнере».

2) Беседы с чеховскими студийцами.

Декабрь. Кучино.

Читаю, перечитываю: 1) «Летопись Серафимо-Дивеевского Монастыря»[1524], Коллинз[1525], книгу о Серафиме Чичагова (еписк<опа> Серафима)[1526]. Пишу «Дневник» и воспоминания о Штейнере.

1) Чтение «Воспомин<аний> о Штейнере».

2) Чтение: «Воспом<инания> о Штейнере».

Так кончается мне этот ответственный, перегибный год.

1927 год

Январь. Кучино.

Тема ритма года.

3-го Москва. 1) Публичный диспут о «Ревизоре» Мейерхольда. Мое выступление, прения[1527].

4-го Кучино.

5-го Разговор с Моисеевым.

6-го Написал о 5-ом Евангелии[1528].

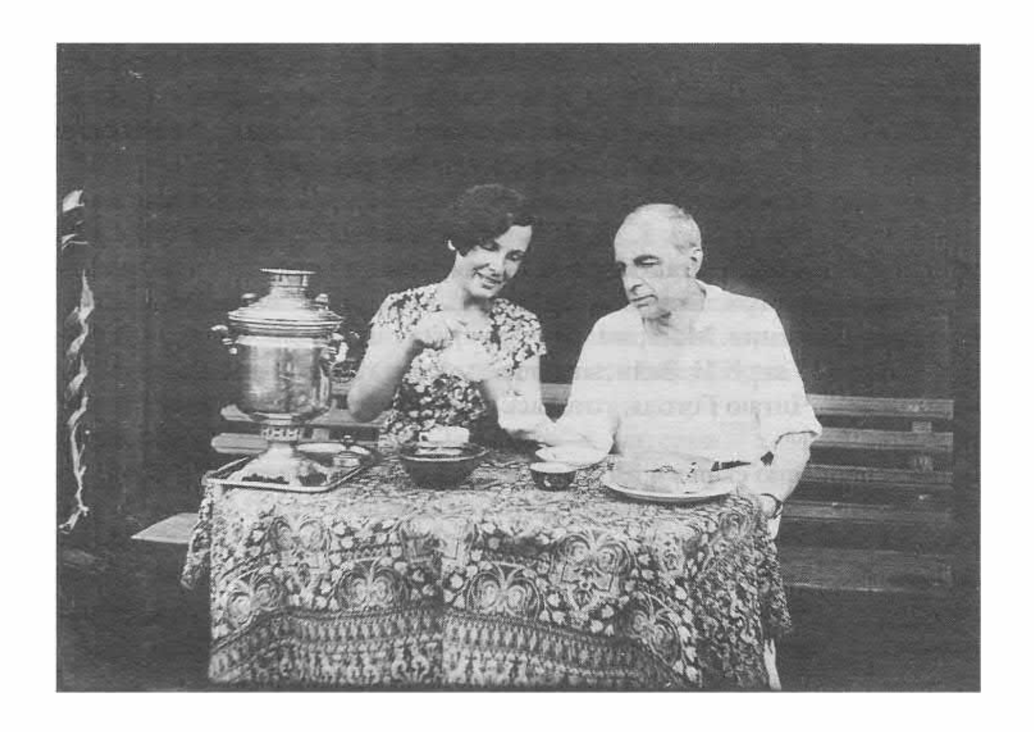
7-го Дописываю воспоминания о Штейнере.

8-го Москва. Дела с «Профсоюзом». У Зайцева. У Чехова.

2) Читаю «Штейнер и Христос» у Чехова.

9-го Кучино. Усталость.

10-го Москва. Приезд Р.В. Иванова. Встреча с ним у Мейерхольда[1529].

М.А. Скрябина и В.Н. Татаринов
1920–1930-е. ГМП

3) Читаю у Мейерхольда «Москву-драму» (в присутствии режиссуры)[1530].

11-го Кучино.

12-го Приезд в Кучино Р.В. Иванова; разговор втроем (я, К.Н., Р.В.).

13-го Пишу «письмище» Спасским[1531].

14-го Мысли о Вольфиле.

15-го Важный разговор с К.Н. Приезд Р.В. Иванова.

16-го День, проведенный с Р.В. Ивановым; я читаю ему воспоминания о Штейнере.

17-го

18-го Приезд К.Н.

19-го Читаю «Дневник» Пуришкевича[1532]. Приезд П.Н. Зайцева.

20-го Думы о «князе века сего»[1533].

21-го Разговор с К.Н. о «Луге Зеленом»[1534].

22-го Отъезд К.Н. Мысли о своем литерат<урном> прошлом. Приезд худ<ожника> Смирного: разговор о Рерихе[1535].

23-го Коллинз[1536]. Мысли о «Пути». Читаю биокосмическую рукопись[1537].

24-го Москва. У Васильевых: разговор с Петровским.

25-го Москва. Заход к Зайцеву, заход к Никитиной, заход к Мстиславскому: разговор о театре, о Разумнике.

4) Читаю у Зайцева драму «Москву» (Поляков, Н.Н. Вышеславцев, В.В. Казин, Б.Л. Пастернак, С.Д. Кржижановский, В. Моисеев, Петровский, Мстиславский). Прения.

26-го Кучино. Приехали с К.Н.

27-го Прогулки с К.Н. Продолжит<ельный> разговор о новой механике. Читаю Иоанна Лествичника[1538].

28-го Оформляются литер<атурные> дела с Никитиной[1539]. Мысли о химии. Материи.

29-го Уезд К.Н. Записываю домыслы о годовом ритме.

30-го Читаю Гоголя, готовясь к докладу о Мейерхольде.

За январь написано сырья в «Дневнике» 157 страниц.

Февраль.

1-го Кучино. Пишу статью о «Ревизоре» и Мейерхольде. Приезд К.Н.

2-го Пожар у Рябушинского[1540]. Приезд Макридина. Разговор с ним.

3-го Пишу статью («Гог<оль> и Мейерх<ольд>»).

4-го Москва. Был у Чехова. Разговор с ним, Татариновым, Громовым. После вечер у Мстиславского. Долгий разговор с ним.

5-го 1) Мой доклад на «Субботниках» «Гоголь и Мейерхольд»[1541]. Возражают проф. Шувалов, проф. Розанов, Дерман, Лозовский, В.В. <Вересаев>, Ангарский, Зайцев, Скосырев, Замошкин, Городецкий[1542].

6-го Кучино. Видел дело утром[1543]. Вернулся в Кучино. Приехал Выдрин: разговор с ним.

7-го Переделываю статью («Гог<оль> и Мейерх<ольд>»).

8-го Москва. 2) Мой доклад «*Гог<оль> и М<ейерхольд>*» в Клубе раб<отников> по просвещению. Возражают: Лозовский, Соловьева, Булычев, Ляховец, Мусинов.

9-го Кучино. Приезд К.Н. Тема: самообладание.

10-го Набрасываю план 2-го тома «Москвы»[1544].

11-го Приезд мне мало известного молодого человека; я его сократил; и быстро отправил. Записал на тему «Я есмь виноградная лоза»[1545]. Мысли об атоме[1546].

12-го Читаем с К.Н. «Как достигнуть»[1547]. Пишу кусочки для «Москвы». К.Н. уехала.

13-го Мысли об антиномии: «путь» и «искусство». Мысли об испытании огнем; открылось, что не выдержал испытания воздухом.

14-го Москва. Приехал к Чехову: жалобы на репертком[1548].
3) Читаю Чехову что-то из «Воспоминаний»[1549].

15-го Кучино. Вернулись с К.Н. Записал о звуковом рельефе.

16-го Читаю Малашкина, Горького.

17-го Приезд Колосовгера[1550]. Разговор с ним.

18-го Пишу «письмище» Р.В. Иванову[1551].

19-го Усталость.

20-го Москва. 3)[*] Читаю «драму-Москву» артистам Мейерхольда (у него в Театре)[1552]. Мейерхольд в восторге. Обед у Мейерхольдов.

21-го Кучино. Тема: покорность.

22-го Записал: о шулерах ученых.

23-го Приехал к нам с К.Н. в гости Н.П. Николаевский. Приехал П.Н. Зайцев с вестью: «Крещеный Китаец» прошел цензуру[1553]. Читаю сборник, посвященный строению вещества, все эти дни; статьи: Боргмана, Резерфорда, Перрена, Томсона[1554].

24-го Читаю статью Троцкого о материи[1555]. Мысли о материи: записаны.

25-го Мысли о материи. Был проф. Великанов.

26-го Москва. Встреча с Жилкиным.
4) Читаю на тему: «Христос». Тоска.

27-го Разговор с Громовым. Был у Чехова.
5) Читал у Чехова интимные воспоминания[1556]. Тоска.
Читаю «Воспоминания» Станиславского[1557].

28-го Кучино. В Москве был у Беляева: подписал контракт с Театром Мейерхольда[1558]. Вернулся в Кучино разбитый. Письмо Спасским[1559]. Читаю книгу Томсона о корпускулах[1560].

Интерес месяца, явный — научный материализм. Написал в «Дневник» за февраль 128 страниц.

Март.

1-го Кучино. Уныние.

2-го Строчу «письмище» Разумнику[1561].

3-го Приезд Макридина[1562]. Мысли о материи, эфире, фантоме.

4-го Читаю статью о Ван-Гофе[1563]. Читаю Чугаева о механике атома[1564].

5-го Уезд К.Н. Был Колосовгер; беседа с ним. Крестьянские писатели зовут к ним. Мысли о Евангелии.

6-го Записаны мысли о принципе причинности. Читаю Бараваля «Grundprobleme der Physik»[1565]. Записи о материи. Читаю все дни акад. Иоффе: «Молек<улярная> физика»[1566].

7-го Усталость.

8-го Приезд К.Н. Приезд П.Н. Зайцева. Читаю «Разин» Чапыгина[1567].

9-го Был у нас А.С. Петровский: разговор о механике.

10-го Мысли о христианской медитации. Читаю статью Колиско: «Hypothesenfreie Chemie»[1568].

11-го Записано о Колиско.

12-го Записано: возражения Колиско.

---

[*] *Сбой нумерации в автографе.*

13-го Был в гостях проф. Великанов. Отъезд К.Н.
14-го Москва-Кучино. В Театре Мейерхольда. Разговор с Беляевым. Вернулся в Кучино. Читаю статью Врэдэ «Die Berechtigung der Mathematik»[1569]. Записываю возражения ей.
15-го Читаю статью Блумеля: «Hauptprolemen der Mathematik»[1570]. Читаю Перрена[1571]. Записываю свои мысли о точном знании.
16-го Читаю статью Штейна: «*Vorstellung, "Begriff" und Urteil*»[1572].
17-го Мысли о «qualitas»* и «quantitas»**. Все эти дни читал Пуанкаре «Эволюция современной физики»[1573].
18-го Читаю Френкеля: «Строение материи»[1574].
19-го Читаю Френкеля. Конспектирую: ряд мыслей о материи.
20-го Читаю Крамерс и Гольст: «Строение атома и теория Бора»[1575]. Читаю Френкеля.
21-го Москва. Переутомление. Читаю о теории Бора. Был у Михина: разговор о Батуме[1576]. Решаем с К.Н. ехать в Батум.
22-го Кучино. Переутомление.
23-го Мысли о ритме пути. Читаю Френкеля и Иоффе.
24-го Мысли о материи. Сравниваю таблицу Бора и Менделеева: черчу спирали таблиц.
25-го Сон о Тибете.
26-го Мысли о прошлом. Читаю Иоффе.
27-го Читаю Механику Михельсона[1577]. Был Бабанов.
28-го Отвечаю на анкету Никитиной[1578].
29-го Приезд К.Н. Вышел «Крещеный Китаец»[1579]. Выяснилось, что 10-го апреля едем в Батум. Читаю Иоффе.
30-го Москва. Грусть.
31-го Кучино. Узнал о травле Чехова[1580]. Читаю Иоффе.

Весь месяц интенсивная работа над материей; набросал сырья в свой «*Дневник*» за март 258 стр<аниц>.

Апрель.

1-ое Кучино. Мысли о Пасхе (по Коллинз)[1581].
2-ое Реакция на «вонь» статьи в «Новом Зрителе»[1582].
3-ое Москва. Был у Морозовых (П.П. и М.П.); развивал им мысли о материализме; разговор с Кропотовым на извозчике.
4-ое Кучино. Был П.Н. Зайцев; а у К.Н. (в Москве) разговор с Громовым и Татариновым о мхатском инциденте; по дороге на вокзал встретил Галю Бакунину, был у ней (затащила, а — нé к чему: разговор об Асе). Мысли о Боре (ученом).
6-го Приезд К.Н. Укладка. Приехал П.П. Морозов.

* «Качество» (*лат.*).
** «Количество» (*лат.*).

7-го Москва. Уезд на Кавказ. День 25-летия литер<атурной> деятельности. Собрались: Моисеев, Трапезникова, Петровский, Е.Н., Галя, Даня, Татаринов[1583].
8-12 Поезд[1584].
13-го Цихис-Дзири. Отдача впечатленьям.
14-го Природа.
15-го Холода. Мысли о «Мистике» Штейнера[1585].
16-го Поездка в Батум.
17-го Усталость, недоумение.
18-го Думы о М.Я.[1586], о Тургеневых.
19-го У нас в гостях Л.П.[1587]
20-го Мысли об «А.О.».
21-го Дожди. Записано об «Обществе», как таковом: всяком.
22-го Грусть о Пасхе[1588].
23-го Вспоминаю Иерусалим.
24-го Пасха.
25-го Прогулка в Чакву, к Л.П.
26-го Ясный день.
27-го Нервность К.Н. Камушки.
28-го Сны.
29-го Нелепицы климата.
30-го Поездка в Батум. Мысль о Новом Афоне[1589]. Сон об Асе и Наташе.

Написано в «Дневник» 92 страницы.

Май.

1-го Цихис-Дзири. Умористика. Раздражение на климат.
2-го Разговор с К.Н.
3-го Камушки. Гости у нас.
4-го Грустная весть из Ленинграда[1590].
5-го Тоска по солнцу.
6-го Удивление перед пышностью флоры.
7-го Грусть.
8-го Все дни усиленно читаю Хрестоматию[1591]; мысли Белинского.
9-го Сон о Форш. Мысли о Дионисе и Аполлоне.
10-го Ясно. Тревожный сон о Р.В.[1592]
11-го Поездка в Ботанический Сад[1593]. Невероятный вечер: «веки веков»!
12-го Мысли о низшем «я».
13-го Нервность К.Н. Шутки с ней о «зефироке».
14-го Тоска.
15-го Приезд к нам Мейерхольда и Райх в гости: зовут в Тифлис[1594].
16-го Злая, бледная погода. Ропоты. Вспоминаю «Арго»[1595].
17-го Гроза утром. Мрачным юмором борюсь с дождем. «*Кавказ*» — «*заезд*».

18-го Собираемся в Тифлис[1596]; дождь, как из ведра.

19-го Тифлис. Остановились у Мейерхольдов. М<ейерхольд> покупает мне штаны[1597]. Базар; вечером на «Ревизоре»[1598]. Сила впечатления. Были на горе Давида.

20-го Жар, ослепительно: поездка с М<ейерхольдом> в Бот<анический> Сад; разговор о макете «Москвы»[1599]. Впечатления Тифлиса. Вечер за кулисами, в театре у М<ейерхольда>.

21-го Прогулка с К.Н. в горы (над Тифлисом). Обед с Гариными, Лакшиной. Впечатление от «Леса»[1600].

22-го Сердечная беседа нас (я, К.Н.) с Мейерхольдом. Дружба с ним и с Райх[1601].

23-го Поездка в «Загес»[1602]. Вечером — на горе Давида. Ночь — впечатление от диспута. Переговоры с Эскиным о моих лекциях[1603].

24-го Боржом. Знакомство с Табидзе. Отъезд в Боржом. Невероятное впечатление около Гори[1604].

25-го Прогулки в Воронц<овский > Парк, по ущелью, посещение «Дворца»[1605].

26-го Поездка в Бакуриани.

27-го Дождь. Тихие прогулки по Боржому; вечером уезд.

28-го Цихис-Дзири. Пышность цветов; переделка наших комнат.

29-го Сказочность цветенья.

30-го Купанья. Камушки.

31-го Отдаемся природе: погода опять портится.

Написано в «Дневник» за май 123 страницы.

Июнь.

1-го Цихис-Дзири. В гостях у нас Л.П., Н.И., Манечка[1606]. Разговор о «слове». Письмо Анны Ал<ексеевны>[1607].

2-го Вознесение[1608]. Грусть: дождь.

3-го Солнце: тепло. Цветут магнолии.

4-го Изучаем будущий маршрут. Записан конспект мыслей к тифлисской лекции («*Читатель и писатель*») и конспект о «Слове».

5-го Купанье. Тревога, разрыв с Англией[1609]; эскадра перед Цихис-Дзири. Страна аргонавтов.

6-го Троп<ическая> духота. Влетела ласточка. Шквал. Мысли о Байроне и Лермонтове.

7-го Шквал, жар; тревожные ночи.

8-го Дождь, как из ведра. Мысли о человеке-горилле. Байронизм в душе.

9-го Письма Зайцеву и Е.Н.[1610] Тот же байронизм.

10-го Приезд к нам Паоло Яшвили[1611]. Прогулка с ним по высокой дороге. Обед.

Андрей Белый. Автошарж
Фотокопия по заказу К.Н. Бугаевой. 1936, 8 февраля. ГМП
Пояснение К.Н. Бугаевой:
«Цихис-Дзири. 1927. Б.Н. показывает мне "загар". Я сержусь, что он перепечется»

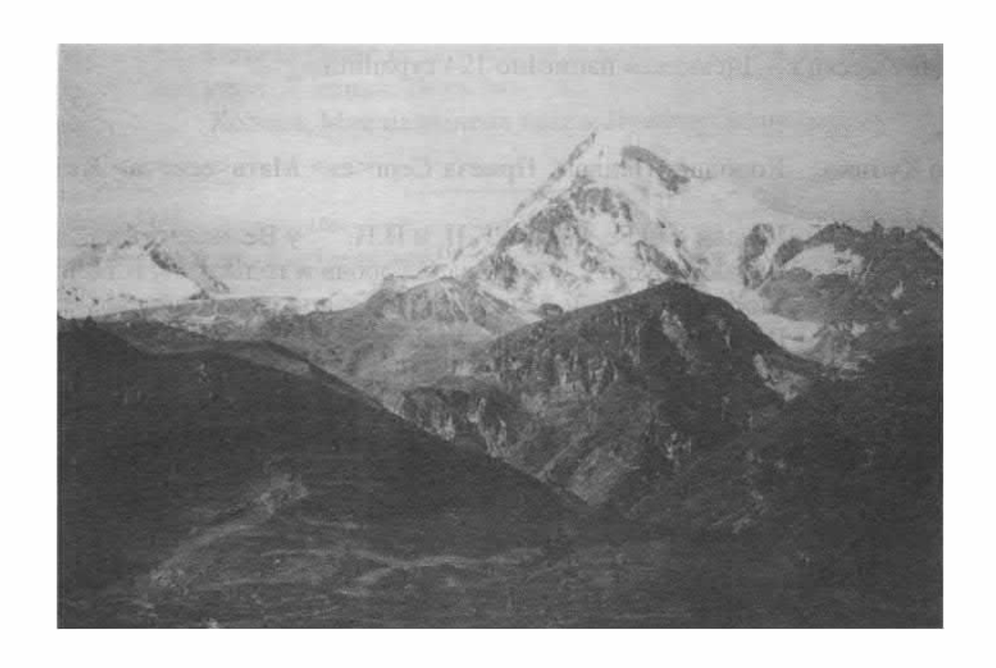
11-го	Сгущение полит<ического> горизонта. Работаю над ритмич<еским> жестом Пушкина[1612].
12-го	Ожидают войны. Работа с ритмом.
13-го	Вычисление кривой жеста «Полтавы». Вечером прогулка по верхней дороге; чудо цвета гортензий.
14-го	Голубые, атласные, лунные ночи; прогулки ночами с К.Н. Ритм «Медн<ого> Вс<адника>».
15-го	Ритм. Жаркие разговоры с К.Н. о русской эвритмии; ее разбор «Бури» Пушкина и «Телеги» (фигуры)[1613].
16-го	Ритм. Купанье. Сон об Анне Алексеевне. Ритм «Медного Всадника».
17-го	Сны. Исчисляю кривую «Медного Всадника». Беседа с К.Н. об эвритмии.
18-го	Ритм «Медн<ого> Вс<адника>». Беседы об эвритмии. Запись о кривой.
19-го	Беседы с К.Н. о русской эвритм<ии>. Разбор кривой «Медн<ого> Вс<адника>».
20-го	Запись лекционного конспекта.
21-го	Чудная погода. Готовлюсь к лекциям.
22-го	Море грохочет: дождь. Беседа с К.Н. об эвритмии.

23-го Обыск у Ростовцевых: арест его и брата жены (я — понятой). Утешаю семью. Мысли о лекции «Блок».
24-го Готовлюсь к лекции о Блоке. В гостях у нас Ильяшенко (мой двоюр<од>ный брат)[1614].
25-го Собираемся. Отбор камушков. Вечером у нас доктор Вертеловский.
26-го Отъезд. Проводы нас с цветами.
27-го Тифлис. У Мутафовой[1615]. Вечером беседа с Анановым и Петроковским.
28-го Встреча с Табидзе и Яшвили. Вечером лекция.
1) «Читатель и Писатель». Публичная лекция[1616].
29-го Осмотры музеев с поэтами[1617]. Поездка в Мцхет и Каджоры. Беседа в «Белом Духане»[1618]. Встреча со Шкловским.
Землятр<ясение> в Крыму[1619].
30-го Готовлюсь к лекции:
2) «Блок». Моя публ<ичная> лекция[1620].
После нее до 3 часов ночи сидим в летнем саду с грузинск<ими> поэтами.

За июнь написал в *«Дневник»* 151 страницу.

Июль.

1-го Тифлис. Меня хвалят в газетах. Домашний банкет в честь нас у Яшвили. Застольная беседа.
2-го Отправляем вещи в Москву. Сервированный стол у Мутафовой: Ананов, Петроковский.
Читаю доклад *«Медный Всадник»* во Дворце Искусств[1621].
3-ье Тифл<ис>—Владикавказ. Переезд с поэтами через хребет (Военно-Груз<инская> дорога)[1622].
4-ое Владикавказ. Прогулки. Прощание с поэтами. Заказали машину к Казбеку. Поездка на Казбек. Сняли комнаты. Вернулись во Влади-
5-го к<авказ>: условились с фаэтоном.
6-го Казбек. Приехали с фаэтоном. Видение «старца»[1623].
7-го Прогулка наверх, мимо аула, к кладбищу. Прогулка к Шату[1624]. Ночью гроза.
8-го Симфония облак. Лекция Преображенской[1625]. Прогулка за Терек.
9-го Прогулка к Сиони[1626]. Последний вечер. Луна над Тереком.
10-го Владикавказ. Спустились на фуре в город. Вечером из бот<анического> сада любовались хребтом.
11-го Переезд. Минер<альные> Воды.
12-го Переезд.
13-го Царицын. Ожидание парохода.
14-го Пароход. Картина Волги[1627].
15-го Мысли о России. Прошли Саратов.

Военно-Грузинская дорога. Гора Казбек
Открытка, привезенная Андреем Белым из путешествия по Кавказу. ГМП

16-го Прошли Вольск.
17-го Подошли к Самаре.
18-го Мысли о рельефе и России.
19-го Прошли Богородск. Были в Казани. Прошли Казань. Пожар. Мещане.
20-го Райские картины берегов. Чебоксары. Васильсурск.
21-го Нижний. Весь день прогулки. Вечером прогулка над Волгой. Музей. Иконы.
22-го Уехали к ночи из Нижнего.
23-го Москва. Остановились у Васильевых.
24-го Забегал к Чулкову. Разговор с А.И. Ходасевич («*Владя*» предатель)[1628].
25-го Кучино. Вернулись в Кучино с Е.Н.[1629] Встретила Леля Невейнова: живет у нас.
26-го Уютно провели день (я, К.Н., Е.Н., Леля); вечером прицеливался к переделке макета драмы «*Москва*»[1630].
27-го Сон об Асе.
28-го Работа над макетом (по «спирали» Мейерхольда).
29-го Работа над макетом («*спираль*»); к чаю были Великановы.
30-го Приехала Аннушка[1631] и П.Н. Васильев; нас 6 человек: тесновато.
31-го Поездка моя в Горенки[1632] к Мейерхольдам (уехали); был Орешин (я — спал).

За этот месяц в «Дневнике» написано 124 страницы.

Август.

1-го Кучино.	Холодно. Надлом. Приезд Серг<ея> Матв<еевича> Кезельмана.
2-го	Мысли о небе. Были с К.Н. и П.Н.[1633] у Великановых.
3-ье	Читаю Пруста[1634], Федина («Города и годы»)[1635]. К.Н. и П.Н. в Москве. Листики. Был Петр Ник<анорович> Зайцев.
4-ое	Провокация с письмом писателей[1636]. Приезд К.Н. и П.Н. Был Ник<олай> Павл<ович> Чернявский.
5-ое	Работа над «*спиралью*» драмы.
6-го	Мысли о Преображении[1637]. Работа над «спиралью».
7-го	Весь день работа над «спиралью».
8-го	Был Сергей Матв<еевич> Кезельман. У нас гостит Е.Н., Леля, Аннушка. Разговоры об «А.О.».
9-го 10-го 11-го	Упорная работа с утра до ночи над «спиралью» драмы.
12-го	Был у фин-инспектора; закупил в Салтыковке дрова. Нагрянули брат Спасского и Онуфриева. Работа.
13-го 14-го 15-го	Безумная работа над «спиралью» драмы.
16-го	Весь день народ: П.Н., Е.Н., Леля, Аннушка, С.М. Кезельман, Е.А. Фельдштейн, Моисеев. Читаю А. Толстого, «Дневник» Брюсова, Записки опричника Штадена[1638].
17-го Москва.	Беседа с П.Н. о подлинном Шопене. Мысли об «А.О.».
18-го Кучино.	Взят билет в Ленинград. Жара. Приезд К.Н. и П.Н. Сон о Григорове.
19-го	Иррационально остался в Кучине (недомоганье). В Ленинград не поехал. Был А.С. Петровский.
20-го	Мысли о продукции. Ожидаем Даню[1639].
21-го	Народ: Леля, Аннушка, Даня[1640], М.П. Морозов, Ева Адольфовна[1641], Великанова, Чернявский.
22-го	К.Н. и П.Н. в Москве. Мысли об Обществе[1642] («Ариманин»): разговор об этом с Даней, Лелей, Аннушкой.
23-го	Обедал у Великановых. Философск<ий> разгов<ор> с проф. Великановым. Вечером к нам пришел Великанов.
24-го	Сердечный разговор с Даней о С.М. Соловьеве.
25-го	Продолжаются «листики»[1643]. Мысли о Мережковском.
26-го	Духота-жара. Была Великанова. Наша дружба с Даней (моя и К.Н.).
27-го	Громно. Зреет молчание под многословием: тоска по тишине. Шумно у нас. Рассказывал Леле и Дане о Минцловой.
28-го	Уехал П.Н. от нас. Два раза была Фельдштейн.
29-го	Опять Леля!

30-го Отъезд Дани; сердечное прощание. Уехала К.Н. Мысли о Метнере. Листики. Леля.

31-ое Холода. Мне назначена явка к Луначарскому.

За август написано в «Дневник» 90 страниц.

Сентябрь.

1-го Кучино. Был у Луначарского (просил за Ростовцевых)[1644]; встречи в Наркомпросе: с Брюсовой[1645], с Чеховым, с проф. Ключниковым.

2-ое Приехала Е.Н.; были П.П. Морозов и Кропотов. Устал.

3-ье Холодно. Заходила Павлович. Леля.

4-ое Был А.С. Петровский. Уехала К.Н. Чувствую слом ритма.

5-ое Мысли о сломе ритма (тоска).

6-ое Мерзнем.

7-ое Сортировка коллекций. Читаем Вересаева (выпуски о Пушкине)[1646].

9-ое Москва. Были на «*Гамлете*»[1647]. Смерть Л.А. Тарасевича. Ужас перед «Мхатом» II-ым.

10-ое Кучино. Разговор с К.Н. о социальном ритме.

11-го Переехали вниз (на зиму)[1648].

12-го Мысли о «пыли» и интуиции. Мысли о смерти.

13-ое Впечатление от крымск<ого> землетрясения[1649].

14-ое Горечь[1650].

15-ое Горечь, ощущение нападения Аримана[1651].

16-ое Разговор с К.Н. о нашем одиночестве.

17-ое Холод: 2 градуса тепла. Был в обыденку в Москве: купил запоры.

18-ое К.Н. в Москве. Был Олег Бугаев. Был Нилендер.

19-ое Был профессор Великанов. Вернулась К.Н.

20-ое Был П.Н. Зайцев. Крым трясется.

21-ое Листики. Мысли о равноденствии. Получил от К.Н. орден «*Золотой Кошки*»[1652].

22-ое Была Е.Ю. Фехнер. Хорошо посидели.

23-ье Листики.

24-ое Вперены в невнятицу.

25-ое Читаю Бабеля.

26-ое Необычайный жар: 32°. Болят глаза (вы́глядел их на сборе листьев). Был П.Н. Зайцев.

27-го Глаза болят. Лихорадка. Не читаю. Играли в дурачки.

28-го Была Е.Н. Был С.Д. Спасский. Жара. Дышать нечем. Чувство изжитости.

29-го День Михаила. Была Дитиненко.

30-го День Софии. К.Н. расклеилась: сериознейший разговор меж нами. Вечером диктовал ей письмо к Р.В. Иванову (не мог писать, — глаза)[1653].

За сентябрь написано в «Дневник» лишь 39 страниц. Чувство истощенности; и перемены ритма.

Октябрь.

1-ое Москва. Был у глазного профессора. Был у Мейерхольда. Встреча с Барбюсом (вышло неприлично)[1654].
2-ое Кучино. Был Диатроптов. Мигрень.
3-ье Вернулась К.Н. Диктовал письмо Р.В. (глаза)[1655]. Читали Пруткова: смех.
4-ое Был С.Д. Спасский. Читал поэму[1656].
5-ое, 6-ое, 7-ое } К.Н. тихо грустит. Я слагаю сонеты из листиков. Готовимся к Покрову. Мысли о молчальничестве.
8-ое К.Н. уехала. Приехал Пинес.
9-ое Хоралы листиков.
10-ое Мысли о пантеизме.
11-ое, 12-ое } Важные беседы с К.Н.
13-ое Была Дитиненко. Покров.
14-ое Угорели. Был Пинес. Разговор об «обществе».
15-ое Покров снега. Ослаблены.
16-ое К.Н. уехала. Черчу кривую жизни[1657]. Мысли о повторах, о «Скорпионе»[1658].
17-ое «Мысль изреченная есть ложь»[1659].
18-ое Москва. Был в «Тиме» у Мейерхольда: недоумение. Вечером наслаждение концертом Петри[1660].
19-ое Кучино. Взбодренность. Читаю Шкловского: «Теория прозы»[1661].
20-ое Была Дитиненко: читаю ей очередную «лекцию» (псих<ология> творчества). Разговор с К.Н. о Канте.
21-ое Составил кривую аномалий природы[1662].
22-ое Уехала К.Н. Проверка вычислений «Медного Всадника».
23-ье Был П.Н. Зайцев с Г.А. Назаревской. Разговор о Крыме, Коктебеле, Максе[1663].
24-ое Вычисления «Всадника». Письмо Разумнику[1664]. Важные переживания (Серафим).
25-ое Приезд К.Н. Важный разговор (о Серафиме). Вычисления «Всадн<ика>».
26-ое Мне 47 лет. Вычисления «Всадника».
27-ое Невралгия, зубы. Вычисления «Всадника».

28-ое Весь день вычисления: пишу схемы, таблицы.
29-ое Москва. Ужасный день. Разговор в вагоне с проф. Великановым.
1) Читаю доклад у Никитиной «Жест Всадника» (возражают Жиц, Благой, Вересаев, Чичерин, проф. Шувалов: скандал с Шуваловым)[1665].
У Кл<авдии> Ник<олаевны> 2 припадка с дыханием. Тревога.
30-го Москва. К.Н. ничего. Был на концерте «Росфилы»[1666]. Оттуда к Никитиной: объяснения.
31-ое Москва. Был у Вересаева.

В «Дневнике» за месяц 60 страниц написал.

Ноябрь.

1-ое Кучино. С К.Н. вернулись. Листики. Письмо Дитиненки.
2-ое Читаю Шувалова: «Творчество Блока»[1667].
3-ье Была Дитиненко (лекция ей).
4-ое Уехала К.Н. Был Кривошапкин.
5-ое Весь день работа; пишу книгу «Диалектика ритма»[1668].
6-ое Приехала К.Н.; работа над книгой. Читаю Томашевского[1669].
7-ое Работа. Томашевский. Перечитываю «Так гов<орил> Заратустра». Был И.И. Кропотов.
8-ое Были Марина Баранович и М.И. Кнебель. Был А.С. Петровский. Работа. Томашевский. «Заратустра».
9-ое Был Пинес (весь день). Работа ночью. Томашевский.
10-ое Была Дитиненко (4-часовая лекция). Ужас! Работа. Читаю Шенгели[1670]. Был П.Н. Зайцев.
11-ое Разгромлен людьми. Нелады с Ник<олаем> Емельянычем[1671]. Работа. Читаю Шенгели. Приехал Кропотов с Морозовым.
12-ое К.Н. уехала в Москву. Работа.
13-ое Москва. Буран. Был в «Росфиле».
14-ое Москва. Мой доклад в Клубе раб<отников> по просвещению.
1) Что такое символизм.
15-ое Кучино. Приехала К.Н. Работа. Шенгели.
16-ое Работа.
17-ое Работа. Читаю Шенгели.
18-ое, 19-ое, 20-ое, 21-ое } Усиленная работа. Чтение.
22-ое Приехала К.Н. Объяснения из-за анкеты со стариком. Работа[1672].
23-ье Переутомление. Подал анкету. Работа.
24-ое Был Зайцев. Работа.

П.Н. Зайцев
Фотоателье М.С. Наппельбаума. 1920-е
ГМП

25-ое Перелистываю литературу о ритме (стопочка книг, брошюр).
26-ое К.Н. в Москве. Работа. Был Кривошапкин.
27-ое Москва. Что-то вроде припадка удушья. Поехал в Москву. Разговор с О.Н. Анненковой.
28-ое Кучино. Утром разговор с Мейерхольдом (у него). Вернулась К.Н. Работа.
29-ое Работа. Чтение литературы «пред мета».
30-ое Был П.П. Морозов: читал свой доклад.

В этом месяце в «Дневнике» 64 страницы. Весь месяц писал книгу «*Диал<ектика> ритма*» и вычислял.

Декабрь.

1-ое Кучино. Работа со снегом.
2-ое Работа с ритмом. Читаю Макария Египетского[1673].
3-ье Москва. К.Н. в Москве. Макарий. Был у Зайцева. Разговор с Санниковым.
4-ое Москва. Был у Петровского. Был у Чехова. Пишу конспект курса Мейерх<ольду>[1674].
5-ое Кучино. Утром лекция курса (в Театре Мейерхольда). Смерть Сологуба[1675].
6-ое Приехала К.Н.
7-ое Работа. Читаю «Стиховедение» Жирмунского[1676] и Макария.
8-ое Лунное затмение. Работа. Читаю статью Малишевского (по стихов<едению>)[1677].
9-ое Работа. Жирмунский. Макарий.
10-ое Письмо от Р.В. Иванова[1678]. Макарий.
11-ое Работа. Готовлюсь к лекции.
12-ое Утром читал лекцию в Театре. Мысли о Сологубе.
13-ое Работа.
14-ое Был Моисеев. Работа. Жирмунский.
15-ое Был Зайцев.
16-ое Сны. Работа.
17-ое К.Н. в Москву. Лютый мороз. Готовлюсь к лекции.
18-ое Кучино. Москва. Работа. Был у Зайцева. Чтение Кржижановского[1679]. Народ.

19-ое Кучино.	Была Е.Н. (приехала с К.Н.).
20-ое	Работа. Макарий.
21-ое	Читаю Вальтер Скотта.
22-ое	Работа. Читаю Hugo Ball: «Bysantisches Christentum»[1680].
23-го	Работа: кончил книгу «Диал<ектика> Ритма».
24-ое Москва.	Встретили Праздник[1681] (у Клименковой).
25-ое Москва.	Читал отрывки из книги «нашим»[1682]. Петровский хвалил.
26-ое Кучино.	Читал Жирмунского.
27-ое	Была Галя Назаревская. Был А.С. Петровский.
28-ое	Был Петр Ник<анорович> Зайцев.
29-ое	Работа.
30-ое	Работа.
31-ое	Читаю Ball'я. Встретили с К.Н. Новый год.

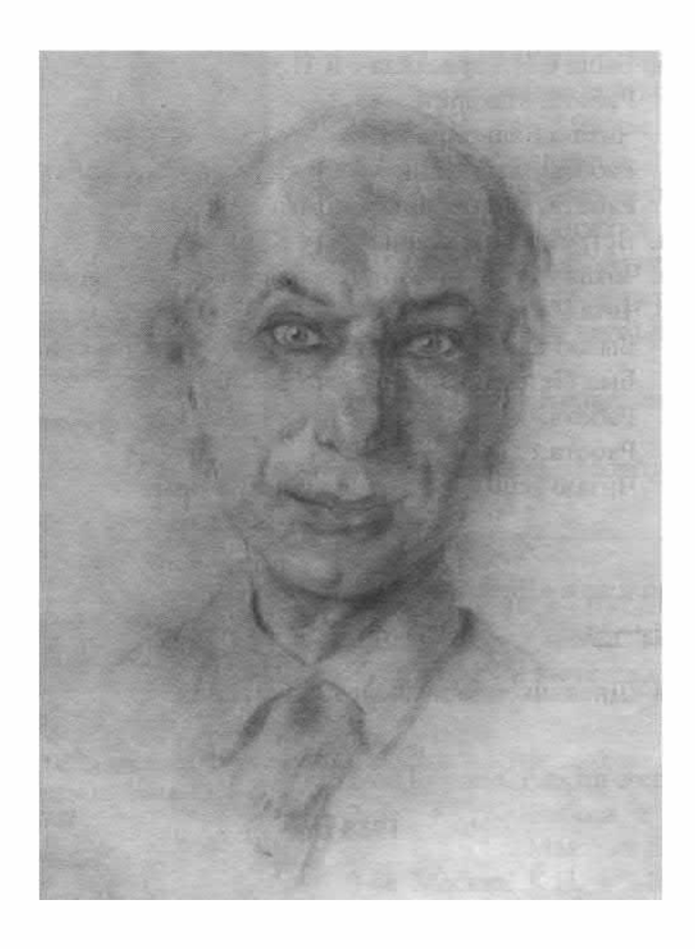
За декабрь написал в «Дневник» 71 страниц<у>.

Всего за год в «Дневнике» записаны: 1357 страниц.

1928 год

Январь.

1-ое Кучино.	К.Н. уехала. Готовлю к лекции: записано о теориях слова.
2-ое Москва.	Лекция у Мейерхольда. Вечером выступаю на есенинском «вечере»[1683]. Успех.
3-ье Кучино.	Приехали с К.Н. В комнате порхала бабочка. Мысли о вредительстве.
4-ое	Изучаю структуру фабулы «*Страшной Мести*»[1684]. Грусть о непонимании.
5-ое	К.Н. простудилась. Мысли о любви, Боге. Был Зайцев.
6-ое	Был Н.Н. Вышеславцев (пишет портрет)[1685]. К.Н. плохо. Вечером тихо *посидели* в мед<итации>.
7-ое	К.Н. уехала. Мысли о драмат<ическом> курсе. Готовлюсь к лекции: записано о языковом процессе и «*Страшной Мести*».
8-ое Москва.	Был на концерте. Инцидент «*Чехов—Павлович*»[1686].
9-ое Кучино.	Утром лекция у М<ейерхольда>. Волнуемся инцидентом с Чеховым. Открытка от Макса Вол<ошина>[1687].
10-ое	Начал «*Ветер с Кавказа*»[1688].
11-ое	Был Колосовгер.
12-ое	Читаю афонское издание о старцах (Варсонофия, Иоанна)[1689]. Негодование от книги.

Н.Н. Вышеславцев. Портрет поэта Андрея Белого
Кучино — Москва. 1929–1933. Бумага, пастель. ГЛМ

13-ое Читаю «*старцев*», Гроссмана «*Пушкин в театр<альных> креслах*»[1690]. Злость на него. Работа над «*В<етром> с К<авказа>*».

14-го Читаю журналы. «Старцев». Работа над «*В<етром> с К<авказа>*». Разбираю ритмически Гоголя.

15-го Читаю Шпетта: «Внутренняя форма Слова»[1691]. Работа <над> «*В<етром> с К<авказа>*».

16-го Кончил главу об «*Аджарии*».

17-го Шпетт. Работа («*В<етер> с К<авказа>*»). Читаю «*Патерик*»[1692].

18-го Был Колосовгер. Беседа с ним втроем (с К.Н.). Читал отрывки «поэмы»[1693].

19-го Работа («*В<етер> с К<авказа>*»). Шпетт. Читаю «*Патерик*».

20-ое Морозы. Не принял поэтессу Вольтман. Работа («В<етер> с К<авказа>»). Сборы в Ленинград.

21-ое Работа («В<етер> с К<авказа>»). Уехала К.Н. Был Смирнов с альбомом Рериха.
22-ое Работа («В<етер> с К<авказа>»). «Патерик».
23-ье Письмо от Р.В. Иванова[1694]. Мысли о Чехове. Кончил главу «Тифлис».
24-ое Приехала К.Н. Разговор об инциденте с Чех<овым>. Работа (*«В<етер> с К<авказа>»*).
25-ое Второй раз с билетом в кармане не поехал в Ленинград. Ангина[1695].
26-ое Работа («В<етер> с К<авказа>»). Был доктор. «Патерик». Шпетт. Думаю о юродстве.
27-ое Работа («В<етер> с К<авказа>»). Читаю Брюсова «Стихотв<орная> техника Пушкина»[1696]. Сон о Метнере.
28-ое Уехала К.Н. Работа («В<етер> с К<авказа>»). Молитвенное настроение.
29-ое Работа. Плохо чувствую (болезнь продолжается).
30-ое Думы о пути. Приехала К.Н.
31-ое Доктор. Работа («В<етер> с К<авказа>»).

Написал в «Дневник» 75 страниц.

Февраль.

1-ое Кучино. Уехала К.Н. Мысли о смиренномудрии. Работа (*«В<етер> с К<авказа>»*).
2-ое Приехала К.Н. Работа (*«В<етер> с К<авказа>»*). Читаю записки «Панаевой»[1697].
3-ье Читаю частушки. Работа («В<етер> с К<авказа>»).
4-ое Температура. Работа («В<етер> с К<авказа>»).
5-ое Был Петровский. Рассказы о Теберде[1698]. Читаю записки «Панаева»[1699].
6-ое Утром были Спасские (Соня и С.Д.). Работа («В<етер> с К<авказа>»). Читаю Макария.
7-ое Письмище Р.В. Иванову. Потрясающее узнание о Сологубе[1700]. Работа («В<етер> с К<авказа>»).
8-ое Начал 4-ую главу *«В<етра> с К<авказа>»*. Уехала К.Н. Читаю «Панаева».
9-ое Статистика стих<ийных> бедствий. Работа («В<етер> с К<авказа>»).
10-ое } Был Вышеславцев.
Работа: («В<етер> с К<авказа>»). Письмище Р.В. Иванову[1701].
11-ое } Был Зайцев. Были Спасские. Читаю статьи Маяковского[1702].
12-ое Работа («В<етер> с К<авказа>»). Читаю Маяковского.
13-ое } Приехала К.Н. Работа («В<етер> с К<авказа>»).
14-ое }
15-ое Работа («В<етер> с К<авказа>»)

16-ое Был Зайцев: читал сцены своей пьесы[1703]. Работа («В<етер> с К<авказа>»).

17-ое Был Вышеславцев. Читаю воспоминание Пархоменко и «Разгром» Фадеева[1704]. Читаю Шпетта: «Очерк развития русск<ой> философии»[1705]. Работа («В<етер> с К<авказа>»).

18-ое Уехала К.Н. Работа («В<етер> с К<авказа>»). Читаю Шпетта («О<черк> р<азвития> р<усской> ф<илософии>»).

19-ое Кончил описание военно-грузинской дороги. Читаю Шпетта.

20-ое Зубы. К.Н. вернулась. Работа («В<етер> с К<авказа>»). Мысли о Шпетте.

21-ое Правлю ремингтон «В<етра> с К<авказа>». Зубы. Читаю автобиографию Чехова[1706]. Выписки из Дионисия Ареопагита[1707].

22-ое Работа («В<етер> с К<авказа>»). Были Зайцев и Марина Баранович. Об Ареопагите (мысли).

24-ое Работа («В<етер> с К<авказа>»). Читаю Галсуорти. Был Н.Н. Вышеславцев. Письмо Чехову[1708].

25-ое Уехала К.Н. Тихие мысли.

26-ое Читаю письма Гершенсона и «*Откровенные рассказы странника*»[1709] (изумительно!).

27-ое Письма Гершенсона. Мысли о Стороженко.

28-ое Ездил к «Зубихе» (О.М. Ушакова). Работал («В<етер> с К<авказа>»).

29-ое Усталость от работы.

За этот месяц написано в «Дневнике» 45 страниц (оттого, что много писал книгу «Ветер с Кавказа»).

Март.

1-ое Кучино. Работа («В<етер> с К<авказа>»).

2-ое Был Вышеславцев.

3-ье Кончил главу «Казбек».

4-ое Правлю ремингтон книги.

5-ое Вернулась К.Н. Читаю «Дневник» Блока.

6-ое Читаю «Дневник» Блока: в ужасе от него[1710].

7-ое Письмо от Чехова[1711]. Письмо Рачинскому (не отправлено)[1712]. Был Григоров.

8-ое Был Зайцев. Киплю Блоком (много записано о нем).

9-ое Киплю «Дневником» Блока. Кончил «*Ветер с Кавказа*».

10-ое Москва. Был у Зайцева. Смерть П.Ф. Королькова.

11-ое Москва. Был на панихиде Королькова; вечером у Чехова. Читаю «Воспоминания» Л. Тихомирова[1713].

12-ое Кучино. Работа («В<етер> с К<авказа>»). Читаю Тихомирова.

13-ое Отдыхаю. Мысли о Тихомирове (записано).

14-ое Приехала К.Н. Отдыхаю. Мысли о редукции культуры.

15-ое Уехала К.Н. Грипп. Мысли о живой коммуне.

16-ое	Был Вышеславцев. Мысли об Обществе и Символизме.
17-ое	Записываю черновик «*Почему я стал символистом*»[1714].
18-ое	Был Нилендер. Продолжаю записывать: «*П<очему> я ст<ал> сим<волистом>*». Читаю воспом<инания> Горького[1715].
19-ое	Приехала К.Н. Записываю «*П<очему> я ст<ал> с<имволистом>*».
20-ое	Был у Ушаковой. Думы об отъезде (Афон, или Коктебель?). Работа: «П<очему> я ст<ал> с<имволистом>». Думаю о законах фигур (числовых).
21-ое	Работа: «П<очему> я с<тал> с<имволистом>».
22-ое	То же.
23-ье	Был Вышеславцев. Уехала К.Н. Работа: «П<очему> я с<тал> с<имволистом>».
24-ое	Был у Ушаковой. Работа: «П<очему> я с<тал> с<имволистом>».
25-ое	Работа: «П<очему> я с<тал> с<имволистом>».
26-ое	Приехала К.Н. Работа: «П<очему> я с<тал> с<имволистом>». Кончил вчерне.
27-ое	То же.
28-ое	Был у Ушаковой.
29-ое	Переписываю «П<очему> я с<тал> с<имволистом>». Думы об Армении.
30-ое *Москва.*	Разговор с Орешиным. Встреча с проф. Шамбинаго. Был у Зайцева (разговор с Санниковым).

За этот месяц в «Дневнике» 236 страниц, туда вписан черновик рукописи «*Почему я стал символистом*».

Апрель.

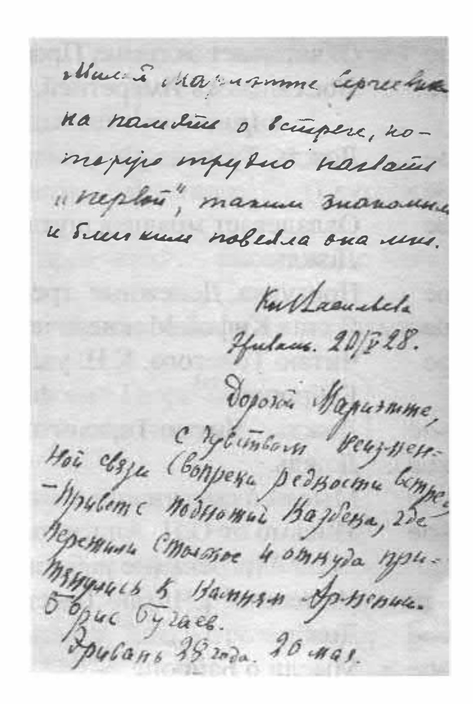
1-ое Кучино.	Впечатление липкой бессмыслицы (Москва).
2-ое	Приезд К.Н. Работа (переписка). Читаю мемуары Савиной[1716].
3-ье	Работа.
4-ое	Работа. Поездка к Ушаковой.
5-ое	Тоска.
6-ое	Уезд К.Н.; работа.
7-ое	Работа (переписка)[1717].
8-ое	Были Орешин, Лазарев.
9-ое	Приехала К.Н. Читаю Евгений Марков: «Очерки Кавказа». Надеждин «Кавк<азский> Край»[1718].
10-ое	Работа. Мысли о Кавказе.
11-ое	Был у Ушаковой. Был у Зайцева.
12-ое	У К.Н. трудности с отъездом; разговор об этом.
13-ое	Уехала К.Н. Читаю Мстиславского «На кровях»[1719].
14-ое Москва.	У К.Н. разрешилось с Кавказом.

15-ое Москва. Пасха. Был у Пильняка. Разговор с Воронским. Дети Сун-Ян-Сена[1720].
16-ое Кучино.
17-ое Приехала К.Н.
18-ое Устал. Пишу статью: «Ритмический жест в диалект<ическом> методе»[1721].
19-ое Был П.Н. Зайцев.
20-ое Тусклое сознание.
21-ое Был у Ушаковой. Читаю записки Вигеля[1722].
22-ое Гнусь на дворе. Думы о книжном завещании.
23-ое Был у Зайцева с К.Н. (там — Вышеславцев).
24-ое Записываю <в> отдельную тетрадь интимные пер<еживания> 15-го года[1723].
25-ое Работа. Был в Москве.
26-го Был в Москве, в «Красной Нови». Разговор с Раскольниковым[1724], Вс. Ивановым, знакомство с Асеевым.
27-го Укладка.
28-ое Москва. } Впечатление бреда. Мучила Ушакова (зубы). Разговор с Воронским.
29-ое Москва. }

Записал в «Дневник» 40 стр. Переписал «Почему я стал символ<истом>». Написал статью о ритме.

Май.
1-ое }
2-ое Москва. } Предотъездные сборы.
3-ье. }
4-ое Москва. Отъезд на Кавказ.
8-ое Тифлис. Встреча с Табидзе, с Яшвили, с Г.С. Киреевской.
9-ое Разговор с Киреевской. Были в Ботан<ическом> Саду. Вечером у Табидзе с грузинами (Гудиашвили, Шаншиашвили). Знакомство с Робакидзе[1725]. Толчок[1726].
10-го У нас Галя. Вечером у Ингарокв.
11-го Поездка с Галей в Каджоры. Пожар в Кутаисе[1727].
12-го Отдыхаем.
13-го Уезжаем с Яшвили и Табидзе в Имеретию.
14-го Схвитори. Приезд. Разговор с Котэ Абдушели.
15-го Прогулки. Отъезд.
16-го Тифлис. Бега и хлопоты. Читаю Линча (об Армении)[1728].
17-ое Вечером у Яшвили. Отъезд в Армению.
18-ое Эривань. Впечатления[1729].
19-ое Встречи с Шагинян, Сарьяном. Музеи. Электро-станция. Арарат.
20-ое Поездка в Эчмиадзин и в Айгер-Лич[1730]. Читаю Брюсова (об Арм<ении>)[1731].

Милой Мариэтте Сергеевне
на память о встрече, ко-
торую трудно назвать
"первой", таким знакомым
и близким повеяла она мне.
Кл. Васильева
Эривань. 20/V 28.
Дорогой Мариэтте,
с чувством неизмен-
ной связи (вопреки редкости встре-
-ч) привет с подножий Казбека, где
пережили столькое и откуда при-
тянулись к камням Армении.
Борис Бугаев.
Эривань 28 года. 20 мая.

Андрей Белый и К.Н. Васильева (Бугаева)
Фотография Ш. Чопикова. Кавказ, Станция Казбек. 1927, июль. ГМП
На обороте дарственные надписи М.С. Шагинян — от Андрея Белого: «Дорогой Мариэтте, с чувством неизменной связи (вопреки редкости встреч) – привет с подножий Казбека, где пережили столькое и откуда притянулись к камням Армении. Борис Бугаев. Эривань 28 года. 20 мая»; от К.Н. Васильевой: «Милой Мариэтте Сергеевне на память о встрече, которую трудно назвать “первой”, таким знакомым и близким повеяла она мне. Кл. Васильева. Эривань. 20/V28»

21-ое Обед у М. Шагинян.
22-ое Разговор с Ягубьяном. Вечером мы у Таманова.
23-ье Осмотр с Сарьяном предприятий.
24-ое Эривань — Утром отъезд на машине через Севан. Осмотр предприятий Караклис. Еленовки. Поездка на Севан. Церкви. Переезд через Семеновский перевал. Обед в Дилижане. Впечатление Караклиса.
25-ое Тифлис. Уславливаемся ехать в Кахетию.
26-ое Поездка в Кахетию расстроилась (ливни).
27-ое Вечером на горе Давида. Читаю Дюма о Кавказе[1732].
28-ое Прогулки. Читаю литературу по Армении. Читаю Дюма.
29-ое Встреча с Гогоберидзе, Лундбергом, Мстиславским.
30-ое Мы у Лундбергов. Вечером отъезд.
31-ое Схвитори. Водворились.

В «Дневник» записано 38 страниц.

Июнь.
1-ое Схвитори (Имеретия). Устраиваемся. Прогулки.

2-ое Охватывает задумье. Прогулки.
3-ье Восхищаюсь Имеретией. Начинаю работу над очерком «*Армения*»[1733].
4-ое Дождь. Туман. Работа.
5-ое Работа.
6-ое Овладевает мрачная шутливость. Дождь. Работа.
7-ое Прогулка. Денежные тревоги. Работа.
8-ое Я стал Кифой Мокиевичем[1734]. Работа.
9-ое Читаю Толстого. К.Н. увлекается Байроном[1735]. Работа.
10-ое Дождь. Читаю Толстого. Работа.
11-ое Дождь. Работа.
12-ое Мысли о смерти. Работа.
13-ое Письмо от О.Н. Анненковой[1736]. Мигрень (не работаю)
14-ое Не весело! } Читаю Толстого. Работа.
15-ое Дождь. Работа.
16-ое Мысли о Байроне. Работа.
17-ое Светляки. Работа.
18-ое } Замыслы Работа.
19-ое о Шови[1737]. Работа.

(9-ое – 19-ое: Медленное писание очерка «*Армения*»)

20-ое С отвращением кончаю «Армению». Письмо от Яшвили.
21-ое Жара. Телеграмма от Зайцева[1738].
22-ое Доделал «*Армению*». Гроза.
23-ье Туман. Нервность. К.Н. Испорчена ночь под Ивана Купала.
24-ое Прутковщина прет из головы. Это моя борьба с туманом.
25-ое Душит и льет. Мы на Кавказе арестованы дождями.
27-ое Телеграмма от Яшвили. Прутковщина. Приезд поэтов. Бредный день. Застольные беседы. У нас с К.Н. голова идет кругом.
28-ое Кутаис. Утром отъезд из Сачхери. Вечером — храм Баграта.
29-ое Поездка к Гелатскому монастырю[1739].
30-ое Шови отрезано[1740]. Мытарство. Комары, клопы, вши. Грязь. Томимся.

Записано в «Дневник» 53 страницы.

Июль.

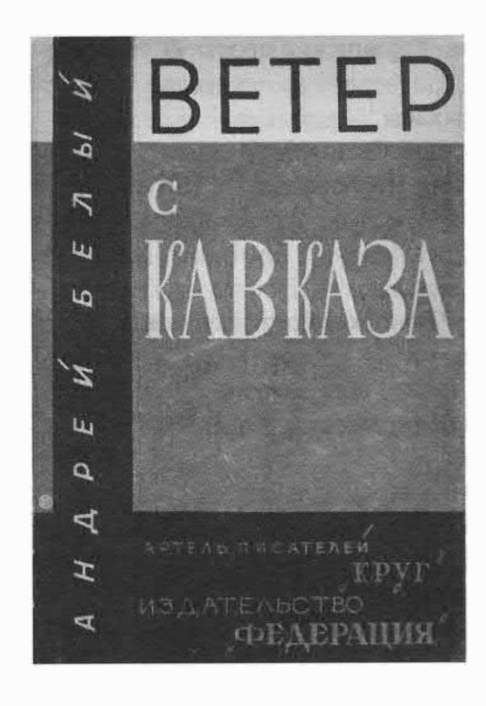
1-ое Кутаис. Ужас! Читаю Кальдерона (перувианца) и секретаря Франса (2 тома)[1741]. Поездки расстроены.
2-ое Тифлис. Не можем опомниться от Кутаиса.
3-ье Вечер с Робакидзе.
4-ое Измучены клопами. Сыплем дезинфекцию. Поездка в Каджоры.

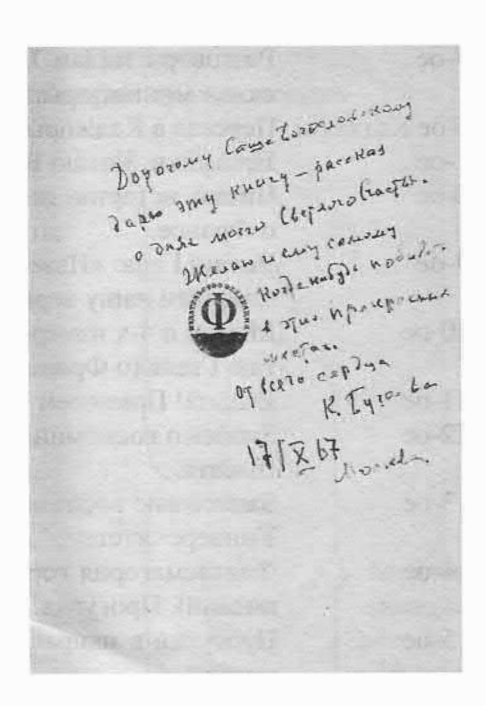
5-ое	Разговор с мадам Табидзе. Грузинские поэты. Музей: перс<идские> миниатюры.
6-ое Каджоры.	Переезд в Каджоры. Отдыхаем.
7-ое	Прогулки. Читаю Бруссона (о Франсе).
8-ое	Читаю историю похищения Чавчавадзе[1742]. (Бруссон). Мысли о Франсе.
9-ое	Читаю Гана: «Известия древ<них>... писателей о Кавказе»[1743]. Открыли нашу вершину.
10-ое	Мысли о 4-х измерениях. Чувство высот нас охватывает. Читаю Гзеля (о Франсе)[1744].
11-ое	Высота! Поминаем Тр<ифона> Георг<иевича>[1745].
12-ое	Запись о воспомин<аниях> отрочества. Высота.
13-ое	Записываю воспоминания о Моск<овском> Универс<итете>. } Прогулки.
14-ое	Фантасмагория гор! Воспомин<ания> об Универс<итете> (записано). Прогулка.
15-ое	Прогулка в направл<ении> к Замку «разбойника». Был Робакидзе.
16-ое	Неповторимая картина: пожар Гор.
17-ое	Остраннение глубины. Мысли о логике сна.
18-ое	Мысли о рельефе. Мысли о горнем. } Прогулки.
19-ое	Были в Тифлисе. Опъянение Каджорами.
20-ое	Прогулки.
21-ое	Отдых (напёк). Читаю Севаджа Лэндора (Путеш<ествие> по Тибету)[1746]. Прогулка по Кикетской дороге.
22-ое	Записано: воспом<инания> о профессорах.
23-ье	Записано: воспом<инания> о профессорах. } Желудок. Читаю «Роб-Роя»[1747].
24-ое	Письмо Пастернаку[1748]. Желудок.
25-ое	Записано: воспом<инания> о профессорах. Горький в Тифлисе[1749].
26-ое	Дикий сон об Эллисе. Записано: Логика сна. Прогулка по гряде (замка).
27-го	Записано: воспом<инания> о профессорах. Ночью были «поэты» на машине. Оставили записку.
28-ое	Письмо от Санникова[1750].
29-ое	Записано: воспом<инания> о профессорах.
30-ое	Письмо Сарьяну[1751]: Каджоры — «сон наяву».
31-ое Тифлис.	Разбита поездка в Владикавказ и Шови.

Написал в «Дневник» 204 страницы.

Август.

1-ое Каджоры. Радость возврата.

Андрей Белый. Ветер с Кавказа. Впечатления
М.: Федерация; Круг, 1928. ГМП
На шмуцтитуле дарственная надпись К.Н. Бугаевой А.Н. Богословскому:
«Дорогому Саше Богословскому дарю эту книгу — рассказ о днях моего Светлого Счастья. Желаю и ему самому когда-нибудь побывать в этих прекрасных местах. От всего сердца К. Бугаева.
17/X 67 Москва»

2-ое Записано: воспом<инания> о професс<орах>. Прогулка к замку. Потрясение видом.
3-ье Записано: восп<оминания> о професс<орах>. Мысли о горах.
4-ое Желудок. Боли. Нелепый сон.
5-ое Записано: воспом<инания> о професс<орах>. Прогулка. Мысли о горах.
6-ое Горы: прогулка к замку.
7-ое Храм Удзо. Картина Главного хребта.
8-ое Мысли о Каджорах. Непередаваемые переживания наши.
9-ое Последний день. Вид на Армению.
10-ое Тифлис. Предотъездные хлопоты.
11-ое
12-ое } Поезд. Впечатление от хребта около Дербенда.
13-ое
14-ое Москва.
15-ое Кучино. Читаю книгу Воронского[1752].
16-ое Раскладка.
17-ое Приехала К.Н. Мысли о бессмыслице.
18-ое Уехала К.Н.

19-ое	Был П.Н. Зайцев (живущий наверху). Был Нилендер. Читаю 2-ой том записок Вигеля[1753].
20-ое	
21-ое	Холода. Был Зайцев. Вышла книга «Ветер с Кавказа»[1754].
22-ое	? Начинаю приводить в порядок запись sui generis своих «Трудов и дней»[1755]?!
23-ье	Мысли о государстве.
24-ое	Уехала К.Н. Был Марк Шмерлинг. Беседа с Зайцевым.
25-ое	Приезд К.Н. Сердился на слухи о моих «*Поч<ему> я ст<ал> символ<истом>*».
26-ое	Уехала К.Н. Читаю брошюры на соц<иальные> темы.
27-ое	Волнение за М.А. Чехова[1756].
28-ое	Приехала К.Н. Письмо от Робакидзе. Читал Крыжицкого «Режис<серские> Портреты»[1757].
29-ое	К.Н. простудилась. Мысли об эконом<ическом> развале.
30-ое 31-ое	Все эти дни работа для успокоения: делаю сводку работ.

Написано в «Дневнике» за август 124 стр. Выдумал себе (охота пуще неволи!) этот самый конспект работ (всего за 28 год 1083 стр.).

Сентябрь.

1-го Кучино.	Уехала К.Н. Жду Разумника[1758]. Читаю Деборина[1759]. Инцидент с Мейерхольдом. «Комсом<ольская> Правда»[1760]. Злость на Столярова.
2-го Москва.	Читаю Ленина «Матер<иализм> и эмпириокритиц<изм>»[1761]. Разговор с Алешей, Марком, Мариной[1762], о Деборине.
3-ьего Кучино.	Мысли о Свидерском, новом строительстве. Читаю Деборина, Ленина.
4-ое	Читаю Деборина.
5-ое	Письмо от Разумн<ика>: едет[1763]. Читаю Деборина, Ленина, Энгельса.
От 6 до 10-го	Провел эти дни с Р.В. Ивановым. Написал завещание[1764]. Виделся с Пинесом.
11-го	Впечатление от юбилея Толстого[1765]. Мысли о Горьком.
12-го	Мысли о дебор<инской> книге: «Ленин как мыслитель»[1766]. Мысли о диалект<ическом> матер<иализме>.
13-го	Готовлюсь к «Москве»[1767]. Письмо от Робакидзе. Мысли о газетчиках.
14-го	Чтение. Уехала К.Н.
15-го	Читаю Деборина. Начал работу над первой главой 2 т<ома> «Москвы»[1768].
16-го	Мысли о современности. Были Табидзе и Робакидзе[1769].
17-го	Вернулась К.Н. Читаю Деборина «Философия и Марксизм»[1770].

18-го Мысли о Чехове и Мейерх<ольде>. Читаю Деборина «Ф<илософия> и М<арксизм>». Работа над «Москв<ой>».
19-го Читаю Энгельса. Работа над «Москв<ой>».
20-го Был Зайцев. Работа над «Москв<ой>».
21-го Осеннее равнодейст<в>ие. Получил красную шапочку от К.Н. Работа над «Москв<ой>». Уехала К.Н. Мысли о Ленине.
22-го Москва. Были на «Фрол<е> Севастьянове»[1771].
23-го Кучино. Мысли о вредительстве.
24-го Приехала К.Н. Работа над «Москв<ой>».
25-го Работа над «Москв<ой>».
26-го Работа над «Москв<ой>».
27-го Мысли о Мейерхольде. Раб<ота> над «Москв<ой>».
29-го Москва. Уехали. Работа над «Москв<ой>». Мысли о Наполеоне (к дню Мих<аила>)[1772].
30-го День Софии. Мысли о Софии (записано).

Весь месяц отдаюсь своей охоте пуще неволи и организую запись по месяцам работ (написано более 100 страниц). В «Дневнике» за сентябрь записано 71 страница. В этом месяце меняется тональность записей.

Октябрь.

1-го Кучино. Мысли о Покрове[1773]. Работа над «*Москв<ой>*»
2-го Была О.Н. Анненкова.
3-го Работа над «Москв<ой>».
4-го Была Е.Ю. Фехнер.
5-ое Работа над «Москв<ой>». Был проф. Великанов. Был П.Н. Зайцев. Работа над «Москвой». Читаю сборник «*Комсомольский быт*»[1774].
6-ое Работа над «Москв<ой>».
7-ое Столяр, форточка. Раб<ота> над «Москвой».
8-го Приехала К.Н. Работа над «М<осквой>».
9-го Читаю сборник «Живой Толстой»[1775]. Раб<ота> н<ад> «М<осквой>».
10-ое Припадок у К. Н. (удушье). Р<абота> н<ад> «М<осквой>».
11-ое Раб<ота> над «М<осквой>».
12-ое Бессонница. Разлом. Слякоть.

(1–12-го: Работа над первой главой «Москвы»)

13-ое Уехала К.Н. Душно, туманно. Раб<ота> н<ад> «М<осквой>».
14-ое Были Орешин, Лазарев. Тимошкин. Отдыхаю.
15-ое Верн<улась> К.Н. Умер И.Р. (знакомый Ник<олая> Емел<ьяновича>). Читаю второй том Блок «Днев-н<ик>»[1776]. Р<абота> н<ад> «М<осквой>». Осиновые листья; сдвиг фабулы 1-ой главы.

(14–15-ое: Отдых от работы.)

16-ое Был С.М. Соловьев.

17-ое День лени и сна. Наконец прорезали фортку.
18-ое Читаю Неймана «Диавол»[1777]. Принята в «Фед<ерацию>» «Диал<ектика> ритма»[1778]. Раб<ота> н<ад> «М<осквой>».
19-ое Был П.Н. Зайцев. Уехала К.Н. Раб<ота> н<ад> «М<осквой>».
20-ое Читаю Орешина «Откр<овенная> Лира»[1779]. Раб<ота> н<ад> «М<осквой>».
21-ое Раб<ота> н<ад> «М<осквой>».

} Работа над «Москвой»

22-ое Приехала К.Н. День отдыха. Мысли о М.А. Чехове.
23-ье Р<абота> н<ад> «М<осквой>».
24-ое Был П.Н. Зайцев (ночевал). Р<абота> н<ад> «*М<осквой>*».
25-ое Ждали Петровского. Р<абота> н<ад> «М<осквой>».
26-ое Тел<еграмма> от Зайцева[1780]. Письмо от Перцова[1781].Уехала К.Н. Р<абота> н<ад> «*М<осквой>*». Читаю: записки Анненкова, «Дневник» С.А. Толстой. «Конец» Азефа[1782].

} Работ<а> над «Москвой»

27-ое Москва. Договор с «Федерацией»[1783].
28-ое Кучино. Утром разговор с Дорой[1784], Даней[1785].
29-ое Листопад. *Раб<ота> н<ад>* «*М<осквой>*».
30-ое Раб<ота> н<ад> «*М<осквой>*».
31-го Был П.П. Перцов. Пришел роман Робакидзе[1786]. Переписка 1-ой главы «Москвы».

В этот месяц, можно сказать, написана 1-ая глава 2-ого тома «Москвы». Написано в «Дневнике» лишь 32 страницы.

Ноябрь.

1-ое Кучино. Тема самопознания.
2-ое Уехала К.Н. (видела сон об Иоанне Богослове). Был Пинес. Читал ему «Москву».
3-ье Москва. Был в «Федер<ации>». Купил 3 тома «Былое и думы» (Герцен)[1787]. Заходил Пинес.
1) Читаю у П.Н. Зайцева 1-ую главу «*Москвы*» (сильный успех).
4-ое Кучино. Перерабатываю, дорабатываю «Пепел» (для издания)[1788].
5-ое Дорабатываю «Пепел». Читаю Герцена.
6-ое Приехала К.Н. Работа над «Пеплом». Читаю Герцена.
7-ое Читаю «*Былое и думы*». Восторг. Мысли о Герцене. Ретушь «Котика Летаева». Пишу предисловие (для переиздания)[1789].
8-ое Кончил I-ый том «Былого». Читаем роман Робакидзе.
9-ое Туман. Анкета фин-инспектору. Был Зайцев. Посидели тихо перед иконой.
10-ое Уехала К.Н. Разговор с фин-инспектором. Читаю «Зубатов и его корреспонд<енты>»[1790].

11-ое	Читаю И. Калинина: «Русская Вандея»[1791]. Мысли о фигурах чисел.
12-ое	Приехала К.Н. Письма. Мысли о безграмотности.
13-ое	Был у Ушаковой. Мысли о «Вандее». Читаю 2-ой том Герцена.
14-ое	Был проф. Великанов. Читаю Калинина «В стране братушек»[1792].
15-ое } 16-ое	Работа над введением «Ритм как диалектика». Читаю 2-ой том Герцена. Уехала К.Н.
17-ое Москва.	Сильное переживание Шуберта. Был у Ушаковой. Читаю Маяковского «*НооС*»[1793].
18-ое Кучино.	Неприятность с кварт<ирным> налогом. Вчерне кончил введение к «*Р<итму> к<ак> д<иалектика>*».
19-ое	Вернулась К.Н. Переписываю введение к «*Р<итму> к<ак> д<иалектика>*».
20-ое	Выписки из книги Бодэ о Гёте[1794]. Мысли о «Дневнике». Читаю Герцена.
21-ое	Читаю Герцена. Мысли о нем. (III том).
22-ое	Поворот на зиму. Мое «письмище» к Робакидзе (не отправил).
23-ье	Уехала К.Н. Дописываю письмо Робакидзе[1795].
24-ое	Был у Ушаковой.
25-ое	Был Б.П. Григоров.
26-ое	Приехала К.Н. Прилив, простуда.
27-ое	Простуда. Был П.Н. Зайцев.
28-ое	Был А.С. Петровский. Читаю мерзость Вагинова[1796].
29-ое	Правка «Воспоминаний о докторе»[1797]. Читаю Герцена (III т<ом>).
30-ое	Уехала К.Н. Письмо от Сарьяна[1798]. Мысли о культуре.

За этот месяц вписано в «*Дневник*» 68 стр.

Декабрь.

1-го Кучино.	Оснежило.
2-ое	Читаю том писем Герцена[1799]. Был Перцов.
3-ье	Приехала К.Н. Посидели перед иконкой. Перед Введением[1800] пришло изобр<ажение> Иоанна Богослова.
4-ое	Введение. Правлю текст «*Воспом<инаний> о Шт<ейнере>*».
5-ое	Ждем Марсову. Правлю текст «В<оспоминаний> о Ш<тейнере>».
6-ое	Был Зайцев. Домыслы о фигурах. Кончил «Былое и Думы». Рабо<та> над «*В<оспоминаниями> о Ш<тейнере>*».
7-ое	Работаем с К.Н. над «*В<оспоминаниями> о Ш<тейнере>*».
8-ое	Читаю де Крюи: «Охотники за микробами», «Дневник» Шагинян[1801]. Уехала К.Н. Работа над «*В<оспоминаниями> оШ<тейнере>*». Мысли о фигурах чисел.
9-ое Москва.	Смерть Е.И. Васильевой (†)[1802]. Мысли о фигурах чисел.

10-ое Москва. Кина Анненкова умирает. Был на новоселье у М. Баранович. Работа над «В<оспоминаниями> о Ш<тейнере>».
11-ое Кучино. Вернулись с К.Н. Работа над *«В<оспоминаниями> о Ш<тейнере>»*.
12-ое У К.Н.
13-ое простуда. } Работа над «В<оспоминаниями> о Ш<тейнере>».
14-ое Уехала К.Н. Раб<ота> н<ад> *«В<оспоминаниями> о Ш<тейнере>»*.
15-ое Работа н<ад> «В<оспоминаниями> о Ш<тейнере>».
16-ое Был у Ушаковой.
17-ое Приехала К.Н.
18-ое Был П.Н. Зайцев
19-ое Мороз «–20°». } Работа н<ад> *«В<оспоминаниями о Ш<тейнере>»*
} Работа над рукописью *«Рудольф Штейнер»*.*
20-ое
21-ое
22-ое
23-ье } Работа над *«В<оспоминаниями о Ш<тейнере>*
24-ое Москва. Встретили праздник. Мое слово о фантоме.
25-ое Кучино. Мысли о фигурах. } Писал об учениках доктора, «баварцах»[1803].
26-ое Приехала К.Н. Был А.С. Петровский. Работал.
27-ое Правлю корректуры ритма. Читаю «Очерки русской смуты» Деникина[1804]. } Работа.
28-ое Был П.Н. Зайцев. Мысли о фигурах. (Начал писать об Унгере часа в 2 ночи: вероятно, часов в 11 он был убит †**)[1805].
29-го Москва. Был у Григоровых.
1) Читал отрывки «Москвы» у Н.С. Ангарского. Получил предложение: печатать их в «Недрах»[1806].
30-го Кучино. Р<абота> н<ад> *«В<оспоминаниями> о Ш<тейнере>»* (писал об Унгере: дописывал).

Написал около 200 страниц книги «Рудольф Штейнер». Написано в «Дневнике» около 66 страниц. Всего в «Дневнике» за 1928 год около 1083 страниц.

1929 год

Январь.
1-ое Кучино. Тихая встреча.
2-ое Были Леля, Галя, Аннушка[1807], был Зайцев. Мысли о Хлебникове.
3-ье Хлебников. } Работа над воспоминаниями о Штейнере.

---

* *Скобка охватывает записи за 1–23 декабря.*
** Доктор К. Унгер убит после лекции в Нюренберге 28-го декабря 28 года. – *Примеч. Андрея Белого*

4-ое	Уехала К.Н. Кончил книгу «Рудольф Штейнер». Читаю Спасского[1808]. Письмо от Р.В. Иванова[1809].	
5-ое	Была Леля: разговор с ней. Мысли о фантоме в связи с Евангелием от Иоанна.	
6-ое	Записано на тему «*Ев<ангелие> от Иоанна*».	
7-ое	Приехала К.Н. Кончил переписку Герцена[1810]. Надел крестик. Перелом ритма.	
8-ое	Написал Сарьяну, Разумнику…[1811]	
9-ое		
10-ое	Цитаты из Штейнера.	
11-ое	Проверя<л> текст «*Р<удольфа> Ш<тейнера>*». Мысли о карме.	
12-ое	Уехала К.Н. Мысли о посвящении.	Работа над сводкою месяцев[1816]. (12–18)
13-ое	Предложение Тихонова (с «*Москвой*» и стихами)[1812].	
14-ое		
15-ое	Приехала К.Н. Известия об убийстве Унгера[1813]. Письмо от Чехова[1814].	
16-ое	Работа сводки месяцев.	
17-ое	Грусть. Читаю Кэрвуда «Пылающий Лес»[1815].	
18-ое	Уехала К.Н. Кошмары и сны. Ищу схему Апокалипсиса. Мысли о фантоме. Написал Чехову.	
19-ое Москва.	Делаю доклад о Евангелии от Иоанна[1817]. Мысли об Илии.	
20 Кучино.	Разговор с Галей Назаревской.	
21-го	Приехала К.Н. Поток снов. Читаю «Долину безмолвия» Кэрвуда[1818].	
*22-го	Брат Н.Н. Медведева сломал ногу.	Усиленная правка текста «*З<олота> в Л<азури>*»[1820]. (22–28)
23-го	Прочел «Старую дорогу» Кэрвуда[1819].	
24		
25-ое	Уехала К.Н.	
26-ое	Читаю Уэльса. Написал «Сказание об Алибабе»[1821].	
27-ое		
28-ое		
29-ое	Приехала К.Н. Известие: Наташа Поццо вышла замуж[1822]. Легкое недомогание.	
30-ое	Мысли о размерах. Предложение Ленгиза[1823].	Усиленная правка ритмов «З<олота> в Л<азури>». (30–31)
31-ое	Читаю Кэрвуда: «Девушка с Севера»[1824].	

За январь в «*Дневник*» написано: 81 стр.

Февраль.

1-ое Кучино. Был П.Н. Зайцев. Деловой разговор: вексель, предложение Тихонова, Медведева; слова Лозовского. Правлю корректуры «*Пепла*». Читаю Кэрвуда: «Золотая петля»[1825].

2-ое Кучино. Дикая работа над «З<олотом> в Л<азури>».

3-ье Куч<ино>. Дикая метель. Правка корректур «Ритма».

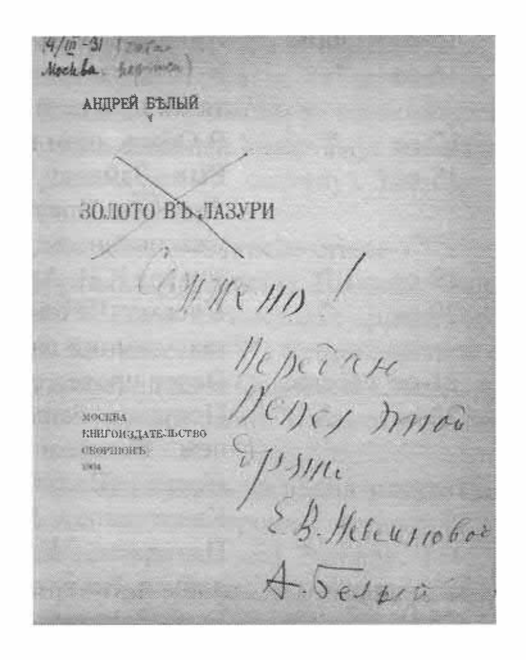
4-ое Приехала К.Н. Дикий буран.

6-ое Мороз «-42». Начал писать «На рубеже двух столетий»[1826].

и т.д.

Весь месяц сперва правка, а потом переписка первой половины книги «На рубеже двух столетий». Болезнь Е.Т. Неприятности со стариками[1827].

Жуткий месяц! Очень уж нам с К.Н. сиро: убийственно сиро!

Андрей Белый. Золото в лазури
М.: Скорпион, 1904. ГЛМ
На титульном листе дарственная надпись Андрея Белого Е.В. Невейновой:
«Сожжено! Передаю пепел этой дряни Е.В. Невейновой. А. Белый»
Приписка рукой Е.В. Невейновой:
«14/III–31. Москва»

Март. Кучино.

Весь месяц бешеная работа над «*На рубеже двух столетий*», иногда правка «Золота в Лазури». Очень трудные напряженные отношения с Шиповыми, ставящие вопрос о том, можем ли мы вообще жить в Кучине; принимаю *сайодин*[1828]; сердечно-нервные явления; вырешаем вопрос о поездке в Армению; лечу зубы.

Апрель. Кучино.

1-ое 2-ое 3-ье 4-ое	Работа над «*На рубеже двух столетий*».	Вернулись с К.Н. из Москвы. Холода. Был Петр Никанорович (деловые разговоры). Грустнейшее письмо от Разумн<ика> Вас<ильевича>. Письмо от Сарьяна[1829]. Оттепель.
5 – 12-ое		Кончил «*На рубеже*». Те же трудности с Елизав<етой> Трофимовной.
13-ое Москва.		Разговор в «*Зифе*» о книге «На рубеже»[1830] (Ионов, Каплун, Штрайх, Чермак, Свистунов). Вечером ворвались Мейерхольд с Зайцевым; и на машине утащили к Мейерхольдам слушать пьянистку Юдину (Юдина, Гнесины и др.)[1831].
14-ое Кучино.		Был Зайцев: вырешали дела; наметился день отъезда.

15-ое Кучино. Приехала К.Н. Тает.
16-ое " У Е.Т. гастрит; сидел у нас доктор Б.М. Гуленко: удивлялся изменению ритма болезней.
17-ое " В Обыденном в Москве. Кончил с зубами.
18-ое Был Зайцев; привез статью Заславского «Свистохлюпы»[1832]. Правка ремингтона «На рубеже». У К.Н. ее ужасный насморк.
19-ое " Уехала К.Н. Архитектоника «прелесть каких» гадостей.
20-ое " Письмо Чехову[1833]. Укладка и разборка. Кучино в снегах: зимний ландшафт.
21-ое Москва. Вечер провел с нашими[1834].
22-ое " Покупки, банк, деловой разговор с Петром Никаноровичем. Вечером читал «Москву»[1835] в редакции «*Красной Нови*» (Пильняк, Раскольников, Павленко, Тальников, Канатчиков, Большаков, Сутырин, Добрынин, Зайцев, Пастернак, Клычков, Малашкин, Новиков-Прибой, Буданцев, Всев<олод> Иванов и др.).
23-ье Кучино. Был Зайцев: письма Марине и Павлу Никол<аевичу> Медведеву[1836].
24-ое Последний вечер в Кучине; укладка.
25-ое Москва. Вечер прощания с «нашими».
26-ое Москва. Отъезд[1837].
27–28 Дорога.
29-ое Тифлис. Остановка в Тифлисе у Лидии Павловны Сильниковой. Отъезд в Эривань.
30-ое Эривань. Встреча с Сарьяном. Водворение в гостинице.

Май.

1-ое Эривань. Праздник первого мая. Прогулка в персиковые сады. Обед у Сарьянов: Люся Лазаревна, ее родственник: его рассказы о Персии. Знакомство с дочерью Туманьяна.
2-ое Эривань. Утром взяли фаэтон с К.Н. и поехали в село Канакер (вверх над Эриванью): картина Алагеза и Арарата. Условились слушать Сазандари[1838]. После обеда нырнули в восточный квартал; гуляли вдоль берега Занги[1839] (до электро-станции); смотрели на пляски; народный праздник; «оперные» староармянские костюмы.
3-ье Эривань. Утром встреча с Сарьяном (в кафейне Норк). Усталость от впечатлений. К вечеру были с Сарьяном у доктора Аванесова (осмотрел, разрешил в горы, подарил свою книгу); зашли с Сарьяном и К.Н. к Левоньяну в его персидские комнаты; забрали у него книг (2-ой том Линча)[1840]; пришел поэт, Аведик Исакьян; беседа с ним.
4-ое Эривань. Заход с Сарьяном в Публичную библиотеку к Кеоркьяну[1841]. Знакомство с пролет-поэтом Хореном («*Радио*»)[1842]; зашли в худож<ественную> мастерскую к Алекс<андру> Иван<овичу>

Таманову; осматривали мраморы, туфы, планы народного дома по реконструкции Эриваня. Зацепились за Хачадряна (мужа Шагинян): сидит в «Зактаге»[1843]; были у наркомпроса Мравьяна с Сарьяном (мой официальный визит ему: поблагодарить за комнаты, дачу в Дарачичаге[1844], машину). Знакомство с дочерью композитора Спендиарова[1845].
Читаю: Линча, Нансена («L'Arménie et le proche orient»)[1846].

5-ое Эривань. Читаю: Линча (2-ой том «Турецкая Армения»), Нансена, Эмина («Исследования, статьи»)[1847]. Были на выставке армянского худ<ожника>, вернувшегося из Америки[1848]; познакомились с рядом армянских деятелей; встретились с Ованесом Ованесьяном[1849]; вечером прогулка по ущелью; визит Таманову (не застали).

6-ое Эривань. Чуть не уехали в Джульфу[1850]: наткнулись на препятствия. Набрал из библиотеки книжищ: между прочим первый том Strzygowski («Die Baukunst der Armenier und Europa». 1–455. Wien. 1918)[1851]. Вечером прогулка вверх: по канакерскому шоссе: удивительный вид на долину Аракса, Арарата, Эривань, Агридаг.

7-ое Эривань. Поездка в Аштарак и Иоганнаван[1852] (мы с К.Н., Сарьян и профессор Коллонтар[1853]; сперва осмотр остатков мамонта в Отделе охраны пам<ятников>. Машина — вцикская: шоффер — прошлогодний знакомец, Вако; предгория Алагеза: гора Ара, гора Семирамиды; ущелье Касах, Аштарак: осмотр церквей св. Иоанна (Иоганнаван), монастыря св. Варвары, Магни (7-ой век) (между Аштараком и Иоганнаваном), «Красной Церкви», Маринэ (в Аштараке); завтрак у крестьян; объяснения Коллонтара; осмотр древней крепости; священники; село Ошакам; возвращение чрез Эчмиадзин; разговор о Тораманьяне. Под Эриванью застигла буря (расстрел туч градобойными пушками). Вечером улизнули с концерта в память Спендиарова.

8-ое Эривань. Усиленное чтение Стржиговского; мысли о зодчестве и Тораманьяне. Читаю отрывки из Моисея Хоренского и Вардана Великого[1854]. Долгое рысканье по персидским кварталам: улички, мечети. Заходил Хорен.

9-ое Эривань. Прогулки, чтения. Встреча с Линой Шагинян.

10-ое Эривань. Утром прогулка в персидском квартале. Едва вернулись — комендант Вцика с машиной: «Мравьян просит осмотреть дачи в Дарачичаге». Молниеносно понеслись в Дарачичаг (120 килом<етров> в час!). Наметили комнаты: и столь же молниеносно спустились; сломали колесо около селения «Сухой Фонтан». Беседа с молоканами (нам дали в подарок хлеба). В 3 часа сделали 120 километров и осмотрели Дарачичаг. Вернулись в Эривань к обеду; были у Сарьяна; к вечеру у на<с> был Сарьян (путаница с комнатами); был Атанасьян; пригласил на чай с писателями.

Наряду с другими книгами читаю Борьяна: «Армения, международная дипломатия и СССР». Часть 1. 1928 г.[1855].

11-ое Эривань. Чтение материалов по Армении. Письма в Москву.

12-ое Эривань. Утром долгий разговор с Хореном[1856]; в 6 пришел Сарьян; в 6 1/2 пришли Атанасьян, армянский публицист (забыл фамилию), дочь Туманьяна; в 8 пошли с Сарьяном в кафе: разговор en deux (уезжать, или нет). Сарьян — пленителен. Вечером чтение.

13-ое Эривань. Днем Сарьян; вечер со «стариками» Союза Писателей (Айвазян, Исакиан, Ованесьян, Атанасьян, седой профессор краевед, старый драматург (с бородой Черномора), Сарьян, профессор Акуньян); скучноватый вечер с милыми людьми.

14-ое Эривань. Заход в Библиотеку за 2-ым томом Стржиговского; долгая беседа с Keоркьяном. Решение уехать в Тифлис; оборудываем поездку в Гарни—Гехарт[1857] с Сарьяном; вечером — чай у Левоньяна; был Атанасьян.

15-ое Гехарт. Поездка в Гехарт через Норк – Джерваж – Вахчаберт – Гарни (К.Н., я, Сарьян, Люся Лазаревна). Изумительные ландшафты, камни, завтрак под деревом в Вахчаберте; отдых у крестьян в Гарни; осмотр развалин Гарни; поездка, полная приключений, в Гехарт; осмотр Гехарта; разговор с епископом; ночью гроза.

16-ое Эривань. К вечеру добрались до Эривани: восторг от поездки. Нам завидуют. Вечером у нас — Атанасьян, Сарьян.

18-ое Эривань. Был Ованесьян, повел к себе в сад; беседа с проф. Медникьяном об арм<янской> интеллигенции; потом все вместе (Ованесьяны, К.Н., я) пошли ужинать к проф. Акуньяну; у него — Атанасьян, Айвазян, Простосердов, какой<-то> армянский филолог, дамы, девицы; живой разговор и споры до 2-х часов ночи; моя дружеская схватка с Айвазяном.

19-ое Эривань. Зашел Атанасьян; повел пить чай к «ханше» в персидский дом; «ханша», Фортунатов, какой-то армянский «лэттрэ́»[1858]; персидские костюмы, шитые золотом; сговоры с Фортунатовым о нашей поездке в Еленовку[1859] (в августе). Вечером и всю ночь — усиленное чтение: Стржиговский, книги о персидском искусстве (зодчество, ковры, орнамент).

20-ое Эривань. Взяты билеты в Тифлис: дочитываем литературу. Отнесли книги в Публичную Библиотеку. Прощальная беседа с Кеоркьяном. Пришел Фортунатов; вместе обедали; вместе пошли прощаться к Сарьянам. Получил книгу «Ритм как диалектика». Вечером зашел к M-lle Туманьян.

21-ое Эривань. Отъезд; провожал Сарьян.

22-ое Тифлис. С вокзала к Сильнико<во>й. Остановились в «Националь». Были в Главкурупре[1860]; хлопотали о комнатах в Шови; сговорились с Хелашвили; неожиданный заход к нам Н.А. Табидзе и Т.Г. Яшвили (увидели нас издали, решили, что в «Националь»; и — накрыли с «поличным»). Вечером были у нас Лео-

нидзе и Надирадзе. Леонидзе взялся схлопотать нам «*путевки*» в Шови. Вечером ждали Сильникову.

23-го Тифлис. Встречи с Яшвили, Тицианом Табидзе. Вечером расплатились с отелем (ехать в Батум), а оказались перетащенными в квартиру Табидзе (Ниной Александровной); остались, чтобы добиться Шови. Вечером чай с «поэтами»: Леонидзе, Надирадзе, Яшвили, Табидзе, их жены, Шаншиашвили.

24-ое Тифлис. Хлопоты в Курупре; добились Шови; билеты на пароход. У Робакидзе несчастье[1861].

25-ое Тифлис. Ряд бесед с поэтами и с Ниной Алекс<андровной>. Вечер у Робакидзе.

26-ое Тифлис. Ряд бесед: с Н.А., с Робакидзе (был у нас), с Джавахишвили (был у нас). Читаю книгу Бороздина о Сванетии и Мингрелии[1862].

27-ое Тифлис. Были у Сильниковой. Вечером долгий разговор с Чернявским.

28-ое Уехали из Тифлиса; провожали: Леонидзе, Яшвили, Табидзе. Познакомились в вагоне с Абашидзе.

29-го Батум. Ждем парохода.

29 Сухум. Высадились в 3 часа ночи. Выдержали шторм.

30 Адлер. Приехали к вечеру: перегон: Сухум – Афон – Гудауты – Гагры – Адлер: машиной.

31-го Красная Поляна[1863]. Приехали с машиной утром; нашли помещение у Полихроновых.

Июнь.

1-ое Красная Поляна. Отдых в Поляне. Заповедник.

2-ое Кр<асная> Поляна. Прогулки. Мысли о «Москве».

3-ье Кр<асная> Поляна. Утром прогулка в горы; вечером — к санаторию.

4-ое Две прогулки. Сон, солнце, ветер, подпёк.

5-ое Кр<асная> Пол<яна>. Две прогулки по адлеровской дороге: опьянение воздухом и ходьбой. Мзымта. Камни.

6-ое Кр<асная> Пол<яна>. Жара. Сонный перепёк. Переживание жути пред мощью природы. Бурлю против М.Я.Ш.[1864]

7-ое Кр<асная> Пол<яна>. Мысли о горах.

9-ое Кр<асная> Пол<яна>. Встреча наша в аптеке с проф. Шмелевским. Наш чай у него; его дочь; погода ломается.

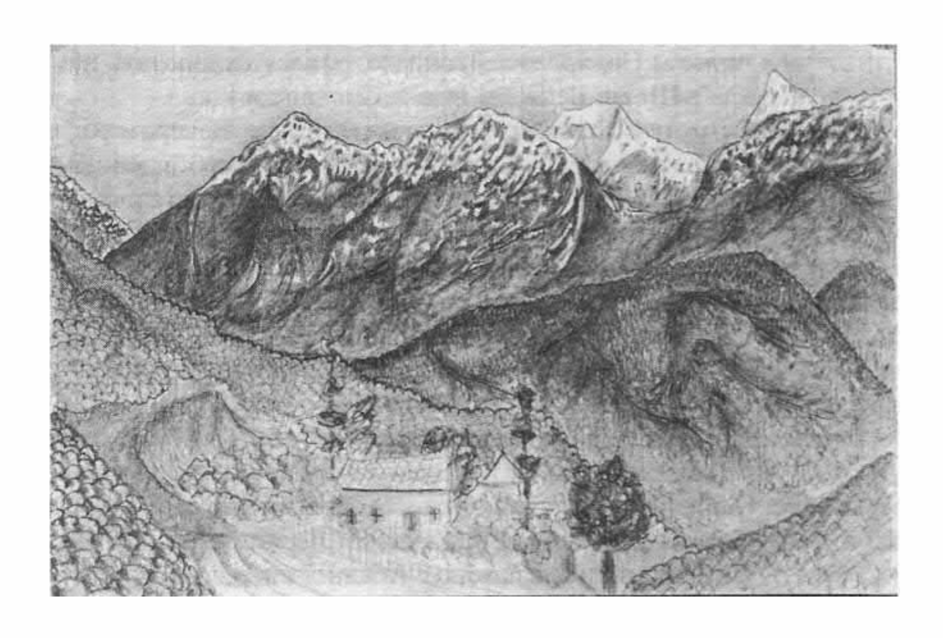
10-ое Кр<асная> Пол<яна>. Прогулка к деревне Монашенки. Мысли о языке.

11-ое Кр<асная> Пол<яна>. Прогулка по адл<еровской> дороге. Невыразимое погасание перевальных гор.

12-ое Кр<асная> Пол<яна>. Буран в горах; тучи на огородах; мы в сплошном облаке. Холод. Мысли о «фамилиях».

13-ое Кр<асная> Пол<яна>. (Вознесение)[1865]. Дождь: облака на нашем огороде; снег на горах невероятно снизился; дрогнем от холода.

14 Кр<асная> Пол<яна>. Холода продолжаются: как в ноябре; снег еще ниже; хозяева горюют: верно в горах погибла их лошадь. Неожиданное рождение двух мальчиков (у хозяйки и ее невестки)[1866].

Андрей Белый. Красная Поляна
1929. Бумага, карандаш. ГЛМ

15 Кр<асная> Пол<яна>. Спали не раздеваясь: так холодно. «Серебернь»[1867].
16 Кр<асная> Пол<яна>. Пятый день стужи. Поставили нам печку. Топим. Мысли о слове.
17-ое Кр<асная> Пол<яна>. Потоп ночью; гроза. Холод. Мысли о продукции. Жест стихотворения Вл. Соловьева[1868].
18-ое Кр<асная> Пол<яна>. Погода ломается к теплу.
19-ое Кр<асная> Пол<яна>. Теплейший день. Смерть Бауэра[1869] (узнали о ней только в Каджорах). Прогулки.
20-ое Кр<асная> Пол<яна>. Странное переживание за греческим мостиком. Наше решение. Отход от природы… «Вспомни».
21-ое Кр<асная> П<оляна>. День отдыха. } Мысли о продукции.
22-ое Кр<асная> П<оляна>. } Сны.
23-ье Кр<асная> П<оляна>. Троицын день. Наше решение. Слом ритмов.
24-ое Кр<асная> П<оляна>. Духов день. День зарисовок. Прогулка к Ачишхэ́. Прогляды новых вершин. Вишневая гора. Мысли о горах — «горé» – горении…
25-ое Кр<асная> П<оляна>. Закрывается занавес над Красной Поляной.
26-ое Кр<асная> Пол<яна>. Письмо Раз<умнику> Вас<ильевичу>[1870].
27-ое Кр<асная> Пол<яна>. Прощание с Красной Поляной.
28-ое Кр<асная> Пол<яна>. Отъезд: Поляна – Адлер – Гагры.
29-ое Пароход. Плывем: горы Сухума – Поти. Простуда.
30-ое Батум. Ужасные сутки Батум – Кутаис; гроза, простуда, бессмыслие Риона; мой скандал; тупость «мещан»[1871]. Ободранные, едва живые вваливаемся в Кутаис.

Июль.

1-ое *Кутаис.* Вместо Шови — сидим в Кутаисе: размыло дороги; простуда, ярость, град гадостей; вечером уезжаем в... Тифлис, как и в прошлом году (число в число!)[1872].

2-ое *Тифлис.* Ввалились к Тициану, усталые; у меня — грипп; читаю книгу Ашукина о Брюсове[1873]. Вечер с поэтами: Тициан, Паоло, Григорий Робакидзе.

3-ье Тифлис. Заявление в «*Главкурупр*» с отказом от Шови. Мысли о книге, посвященной Брюсову. Был вечером доктор, бывший ассистент Кишкина, лечивший маму; он родом душетец; много слышал о моем дедушке, Бугаеве. Встретился днем с Виктором Шкловским. Начал исчисление кривой «Кавк<азского> пленника»[1874].

4-ое Тифлис. Утром пришел Шкловский с Женей Николаевой. Вычисление кривой «Кавк<азского> пленника».
Вечером были Т.Г. Яшвили и Паоло.

5-ое Тифлис. Работа над «кривой» «Пленника». Вечером Яшвили пришел сказать, что машина, на которой должны были ехать в Шови, слетела под откос: много тяжело раненных.
Вечером у Тициана народ и застольная беседа; Шкловский, Николаева, К.Н., Андроников с сыном[1875], Робакидзе, Паоло с женой, Джавахишвили.

6-ое Тифлис. Жара. Сижу. Работа над кривой. Вечером — долгий разговор с Григ<орием> Робакидзе.

7-ое Тифлис. Работа над кривой. Читаю Гильбо (книга о Ленине)[1876], Дениса Давыдова[1877].

7-ое Тифлис. Работа. То же чтение. Грипп не проходит. Дождь.

8-ое Тифлис. Работа над кривой. Читаю Дениса Давыдова.

9-ое Тифлис. Работа. Встреча с Аникò Абдушешвили[1878].

10-ое Тифлис. Работа. Был художник, автор макета к «*Москве*» (Мейерхольду)[1879].

11-ое *Тифлис.* Хлопоты отъездные. Встреча с Гидони. Заехали поэты с машиной; и мы взлетели с самоваром и чемоданами в Каджоры; попутчица жена Пирумова.

11-ое Каджоры. Оказались в наших прошлогодних комнатах; радостная встреча с Мелитоном[1880].

12-ое Каджоры. День окрашен сидением на нашей милой вершине и посещением Удзо[1881].

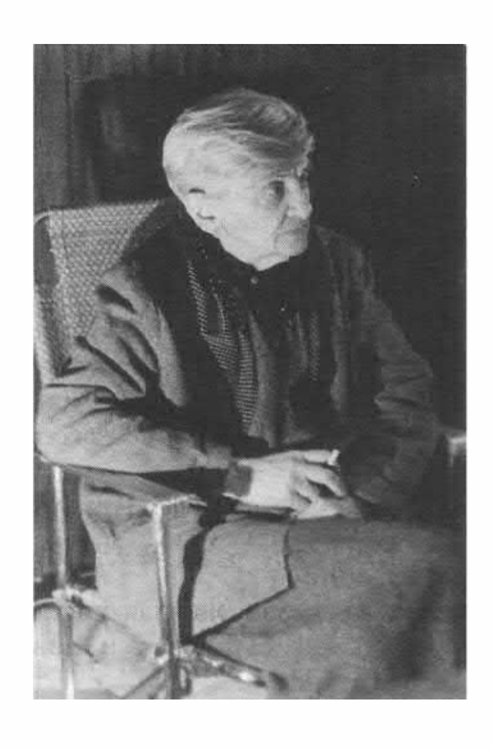
13-ое Каджоры. Работа над «Кавк<азским> Пленником».

14-ое Кадж<оры>. Прогулки. Сидели у церкви. Думы о «Пленнике». Погода ломается.

15-ое Кадж<оры>. Весь день на вершине. Зарисовка вида на военно-грузинскую дорогу.

16-ое Кадж<оры>. Работа над «Пленником». Усталость.

17-ое Кадж<оры>. Волнуемся с К.Н. инцидентом с Китаем[1882]. Приезд поэтов с

Д.Н. Часовитина. 1960-е (?). ГМП

Гогоберидзе, Пирумовым и другими «властями». Меня вовлекли в «беседу». Речи, панегирики. Компания пьяна (выпили они 65 бутылок кахетинского). Условились с Табидзе и Яшвили, что они заедут за нами на авто и увезут в Кахетию.

18-ое Каджоры. Дождь. Тревога. Сердце пошаливает.

19-ое Каджоры. Неладица переживаний.

20-ое Каджоры. Плохое самочувствие. В «*Заре Востока*» выбранили за «Ветер с Кавказа»[1883].

21-ое Кадж<оры>. Ждем поэтов. Решаем уехать из Каджор. Прогулка на вал и зарисовка с вала «Замка Разбойника»[1884].

22-ое Кадж<оры>. Приезд Л.В. Каликиной. Узнали о смерти Бауэра[1885]. Прогулки к Удзо̀ и к Кер-Оглы[1886]. Вечером долгая беседа втроем.

23-ье Кадж<оры>. Долгий разговор с Л.В. Каликиной; прогулка с ней на вершину; прощание.

24-ое Кадж<оры>. Были на вершине, где метериол<огическая> будка. Инци дент с коровой.

25-ое Кадж<оры>. Холодный туман. Возимся с красками.

26-ое Каджоры. Раскраска. Видели на прогулке орла.

27-ое Каджоры. Мысли о колорите. О связи глаза с рукой. Открылся Казбек.

28-ое Каджоры. Прогулка к Кер-Оглы. Мысли о колорите.

29-ое Каджоры. Мысли о времени и пространстве.

30-ое Каджоры. Работал над «Кавк<азским> Пленником».

31-ое Каджоры. Счислил 17 стихотворений Пушкина. Написал сердитое письмо Тициану Табидзе[1887].

Август.

1-ое Каджоры. Утром свежий ливень. Грусть. Душно. К ночи летняя гроза. Письмо от Гофмана[1888]. Впечатление от книги Уэллса «Отец Кристины Альберты»[1889]. Мысли о Блоке. Тихо посидели перед портретом доктора.

2-ое Каджоры. Бауэр! Грозовая атмосфера.

3-ье Каджоры. Прекрасная прогулка: залюбовались картиной Грузии (с птичьего полета). Вечером вдруг явились к нам — Тициан Табидзе, Леонидзе, Яшвили (в ответ на письмо); объяснения[1890]; деловым образом вырешили отъезд. Поэты остались ночевать в гостинице.

4-ое авг<уста> Каджоры. Утром поэты пьют чай у нас; долгий разговор. Прогулка к вершине; долго сидели и продолжали разговор. Вечером прогулка к Кер-Оглы (мы с К.Н., Табидзе, Яшвили, Леонидзе). Когда вернулись, то узнали о катастрофе с машинами (между Кикетами и Каджорами: 3 убитых, 26 раненых; их несли мимо нас). Вечером простились с поэтами. Докрашивал «Тифлис ночью»[1891].

5-ое Каджоры. Посвежело. В Тифлисе жара в 50°. Запись о символизме.

6-ое Каджоры. Ливень на рассвете. Вечером прогулка. Дымовые великаны невыразимой красоты. Запись о символизме. Пейзаж («ассировавилония»).

7-ое Каджоры. Записка от Яшвили. Неудача с Кахетией[1892]. Письмо от Разумника[1893]. Запись о символизме.

8-ое Каджоры. Красочные узнания. } Прогулки.

9-ое Каджоры. Мысли о символизме. }

10-ое Каджоры. Весь день рисунки. Вечером на вершине. Прощание с Каджорами. Зарисовка Кер-Оглы. Неожиданный приезд Паоло и Тициана. Долгий разговор вчетвером до 2-х ночи. Поэты взволнованы моим рассказом о «Брюсселе»[1894].

11-ое Каджоры. Утром сердечный разговор с поэтами. Пришел знакомый писатель-грузин (фамилию забыл) с женой, Мухранской; к часу поэты уехали. Радостно-примиренное прощание с горизонтами Каджор. Сериозный, долгий, взволнованный разговор с К.Н.

12. Каджоры. Сборы. Прощальный взбег на вершину. Явились Тициан и Паоло с машиной. Прощание с Мелитоном, Георгием. Отъезд.

12. Тифлис. Слетели с вершин в тропически жаркий Тифлис; в Каджорах — прохлада. В Тифлисе 45° жары. Долгий разговор с поэтами о символизме. Душная, бессонная ночь: томление.

13. Тифлис. Встал с прострелом (солнечное сплетение). Едва вышел с Тицианом хлопотать: отправка багажей в Москву; взял билеты с машиной на Владикавказ (Военно-Грузинская). И сразу почувствовал себя очень плохо. Обед с поэтами в столовой. Встреча с Гидони, потом с художником Спасским (едва отвязался). Вернулся к К.Н. больной; она — задыхается; у меня *38,3°* — температура; пришел Джавахишвили; дышу на ладан; вызвали терапевта — проф. Микеладзе: велел сидеть: поездка по Военно-Грузинской расстроилась. Читаю «Батуалу» Марана[1895]. На ночь сердечный разговор с Джавахишвили.

14-ое Тифлис. Болен. Жара. Сижу. Читаю «*Материалы по внешней политике Закавказья и Грузии*» и «Сборник материалов для описания местностей Кавказа» (1915 года)[1896]. Опять был проф. Микеладзе. Ночью новый эскиз к Каджорам.

15-ое Тифлис. Утром припадок боли, температура, пульс. Весь день томился. К.Н. в волнении. Телефонировали проф. Микеладзе. К семи замер: невыразимое переживание! «Вспомни». Вспомнил!

Прервал Джавахишвили. Потом Тициан. Потом Микеладзе. Пришел Яшвили; вечером веселый разговор впятером. «Поэты» рассказывали о своей юности, о дуэлях и пр.

16-ое Тифлис. Домысел о болезни. Записи о символизме. За чаем долгий разговор с Чернявским. Читаю записки Керн[1897].

17-ое Тифлис. Жара тропическая: задыхаемся. Опять эскиз к Кер-Оглы (третий). Читаю первый том соч<инений> Ларисcы Рейснер[1898]. Перечитываю Милюкова «Из истории русской интеллигенции»[1899].

18-ое Тифлис. Тициан уехал. Паоло в Сачхери. Вдвоем с К.Н. Невыразимо уютно. Весь вечер сидел Чернявский. Запись о символизме.

19-ое Тифлис. Запись о символизме. Вечером вернулся Тициан. Ждали Е.Д. Гогоберидзе и А.И. Чхеидзе. Билеты взяты. Читал Тициану о символизме.

20-ое Тифлис. Послали 2 телеграммы (Зайцеву[1900], П.Н. Васильеву). Запись о символизме. Дорисовка эскиза к Кер-Оглы. Вечером пришли Е.Д. Гогоберидзе и А.И. Чхеидзе. Вспоминали Ковно, Берлин.

21-ое Тифлис. Утром явился Яшвили с машиной; поехали на вокзал. Трогательное прощание.

21-ое Вагон. Уехали: в международном вагоне; пишу о символизме. Читаю том Голичера (автобиограф<ические> воспоминания)[1901]. К.Н. ослабла: ей душно.

22-ое Вагон. Едем с комфортом: жара — тропическая. Запись о символизме.

23-ье Вагон. Таганрог — Харьков. Запись о символизме. У америк<анской> делегации, едущей с нами, украли часы. За Харьковом выбили камнем стекло вагона.

24. Вагон. Жара — та же. Тула. Подъезжаем к Москве.

24. Москва. Встреча с А.А., Еленой Ник<олаевной>, Петром Николаевичем, Екат<ериной> Алексеевной[1902]. Чай у Елены Ник<олаевны>. Уютный вечер у Васильевых. П.Н. играл.

25. Москва. Уютный день: разговоры с П.Н., С.М. Кезельманом, Еленой Ник<олаевной>; прогулка по Девичьему полю; вечером пришли: Даня Часовитинова, Галя Киреевская, А.С. Петровский, Елена Ник<олаевна>; А.С. много рассказывал о Дегории[1903]; Галя пела. П.Н. играл, было хорошо.

26. Кучино. Приезд с К.Н. в Кучино. Встреча с Шиповым, Алекс<андрой> Николаевной, Николаем Николаевичем. Тихо, уютно. Приехал Петр Ник<анорович> Зайцев: рассказы, разговоры о делах. Вечер с К.Н.

27. Кучино. День отдыха: приятная вялость; разборка.

Синтезируя свои впечатления от нашей летней поездки (май — август), скажу: она была на этот раз довольно мучительна; но она дала незабываемые

минуты, серьезнейшие, которые сказались поздней; недаром мысль о горах, перспективе, пространстве и глазным образом, и познавательно занимала внимание. Глаз многому научился; недавно художник, ученик Репина, увидев мои беспомощные зарисовки Каджор, воскликнул: «Да вы владеете пространством!». Значит то, чему учился глаз, сказалось-таки и на руке; как она ни беспомощна (я не умею провести линии), все же, — нечто от мысли и глаза излилось в руку[1904]; и это *нечто* не художническое дарование (я, как художник, бездарен), а — *опознание*: перспектива и колорит — вот что было нам с Клавдией Николаевной познавательной данностью; и эта данность сказалась и *в красках* 3-ьей части «Москвы» («Маски Москвы»); красочно она — новая; и это *новое* — вытяжка из глазных впечатлений лета.

Другой смысл поездки — более конкретное отношение к душам людей, с которыми встречались, главным образом с Табидзе и его женой; Табидзе воистину стал мне братом; неспроста «*Голубые Роги*»[1905] подарили мне свой рог.

За лето встречались со следующими: Мравьян, доктор Аванесов, Сарьян с женой, Лина Шагинян, Хачадрян, Ованес Ованесьян, дочь Туманьян, проф. Коллонтар, проф. Акуньян с женой, проф. Медникьян, акад. Таманов, Атанасьян, Хорен, Фортунатов, Кеоркьян, Левоньян, Исакиан, Айвазян, поэт Хорен (это в Армении); Яшвили с женой, Табидзе, Нина Алекс<андровна> Табидзе, ее мать, Лидия Павловна Сильникова с дочерью, Григорий Робакидзе с женой, Леонидзе с женой, Колау Надирадзе с женой, Шаншиашвили с женой, Джавахишвили, Абашидзе, Чернявский, Хелашвили, Лордкипанидзе, его жена, Виктор Шкловский, Е. Николаева, Аникò Абдушешвили, Гидони, Пирумов, Гогоберидзе, Л.В. Каликина, художник Спасский, проф. Микеладзе, проф. Андроников, А.И. Чхеидзе, Е.Д. Гогоберидзе (это — в Грузии). Встреча с проф. Шмелевским (Красная Поляна).

Сентябрь. Кучино.

Весь месяц прошел незаметно в раскладке, в обдумывании 3-ьей части «Москвы», в «кучинских прогулках»; и в «*Мыслях о Символизме*». Эти «*Мысли о Символизме*» начал было записывать в Каджорах, продолжив в Тифлисе; и в Кучине настолько увлекся ими, что они грозили оттеснить «*Москву*»[1906]. Но взяв себя в руки, числа с 10-го углубился в «Москву»; и увидел, что написанное в прошлом году должно быть заново переработано; пришлось как бы писать заново.

Считаю, что написана 1-ая глава «Масок Москвы», т.е. «Брат Никанор»; ее дописывал в октябре.

Потрясающее впечатление от падения качества продукций; на рынке исчезает то то, то другое. И это исчезновение становится для меня прямо-таки познавательной проблемой. С отвращением реагировал на инцидент Пильняк — Замятин[1907].

Читаю Гиббона томы 1-ый и 2-ой[1908] и много очередной литературы.

Правка корректур «На рубеже»[1909].

Октябрь. Кучино.

Та же сосредоточенная работа над «*Маски Москвы*». Окончил 1-ую главу,

Андрей Белый. Пепел. Стихи
М.: Никитинские субботники, 1929
Обложка Н.Н. Вышеславцева

переработал, частью написал заново вторую «Публицист из Парижа»; начал третью.

Читаю 2-ой и 3-ий томы Гиббона.

Продолжаю волноваться инцидентом Пильняк — Замятин[1910]. Читаю (перечитываю) Шекспира: мысли о драме.

Ноябрь. Кучино.

Напряженнейшая работа над 3-ьей главой («Маски Москвы») — «*Король Лир*», измучившая меня; весь месяц отчаянная головная боль: расстучались ритмы.

Читаю Гиббона 4-ый, 5-ый и 6-ой томы («Падение Римской Империи»). Штудирую Тынянова, его исследование о Ломоносове, Пушкине, Тютчеве (забыл заглавие)[1911]; а также внимательно читаю новую книгу Томашевского (стиховедческую)[1912].

Декабрь. Кучино.

Пауза отдыха; и собирание материала для четвертой главы «*Маски Москвы*».

Мысли о диалектике.

Читаю 6-ой и 7-ой томы Гиббона; кроме того: лекции по истории Церкви первых веков; и историю папства (16-го, 17-го века) (имена авторов запамятовал).

Подводя итог этой трети года сентябрь — декабрь, скажу, что отчаянная работа над «*Маски Москвы*» взяла все силы; все иные восприятия — «*из-под*» депрессии утомления от работы[1913]; за этот период сравнительно мало кого видел; и мало кто у меня бывал —

— Пастернак, Коренев, Григоров, Петровский, Леля Протопопова, Носилов, еще несколько человек, да и обчелся; жили с К.Н. сравнительно уединенно в Кучине —

— Совсем атрофировалась «нота» Дневника; кучинский «Дневник» дышит на ладан; частью оттого, что все силы мысли стали техническими, при «*Москве*», отчасти потому, что положил себе за правило воздерживаться от культа в себе нот отчаяния; а отчаяние берет, что делается с людьми: смерти, болезни, катастрофические ситуации; *бьет отвесно*; и хочется, схватясь зá голову, спрятаться еще глубже. И «*Дневник*» есть: только он *уже* не выливается на бумагу; уже и «*Дневник*» волей рока вытеснен из поля жизни.

Об основаниях не пишу.

Глубже всего во мне мучительная переоценка ценностей, добытых последним семилетием; новый переразгляд. Кончая год, скажу, что ничего не могу сказать об этой новой в себе, еще пока катакомбной ноте.

И ужасает рост «*мещанина*» во всех: «*мещанин растет: горе, в ком он таится*»[1914].

За это время:

в ноябре вышел «*Пепел*» (перераб<отанное> издание)[1915],

в конце декабря вышла книга «*На рубеже двух столетий*» (издание Зифа)[1916].

Читал: — на Никитинских Субботниках,
— у Георгия Чулкова (2-ую главу «Москвы»),
— нашим («Москву»).

Стал бывать у Чулкова: с ним стало тепло и просто.

1930 год

Январь. Кучино.

1-ое	Тихая встреча с К.Н. нового года. День — стон, упадок духа, мигрень.	
2-ое	Были Леля и П.Н. Зайцев. Получил пробный экземпляр «На рубеже».	
3-ье	Леля. Гуляли в лесу. Разговор с К.Н.: в чем отличие факта от истины.	
4-ое	Уехала К.Н. Простуда (грипп); начинаю с головою уходить в 4-ую главу «Москвы». Борьба с гномами. Читаю книгу Брюсова, посвященную Пушкину[1917].	
5	Болен. Прекрасное письмо от М.А. Чехова. Л.В. Каликину сократили[1918].	
6-ое, 7-ое }	Работа. Болен.	
8	Приезд П.Н. Зайцева.	
9-ое, 10-ое, 11-ое }	Работа; слабое самочувствие.	— Уехала К.Н.
12-ое		Читаю Лескова «Некуда»[1919].
13-ое	Приехала К.Н.	
14-ое, 15-ое }	Работа; последствия гриппа.	
16-ое	Не спал ночью ни минуты. Был Зайцев.	
17-ое	Уехала К.Н. Ее волнения об Елене Николаевне.	
18-ое	Все неможется.	

Москва. 19-ое У К.Н. насморк.

Кучино. 20-ое Приехали с К.Н. Всё длятся последствия гриппа.

21	Начал переписку 4-ой главы[1920].
22	Были Леля, Аннушка, Галя.
23	Письмо Разумнику[1921].

24-ое	К.Н. уехала в Москву. Ее забота о Е.Н.
Москва. 25-ое	Ночь без сна; день пертурбаций: напали клопы. Читаю «Москву» у Чулкова.
Кучино. 26-ое	Грипп у Елизаветы Трофимовны. Написал для сборника «Как я пишу»[1922].
Кучино. 27-ое	Приехала К.Н.
28-ое, 29-ое, 30-ое	Работа. Читаю Драйзера «Титан»[1923].
31-ое	Уехала К.Н. Мороз «– 25°».

Написал к «*Маски Москвы*» главу «*Пырснь*» (113 стр.) и наполовину переписал и отделал[1924].

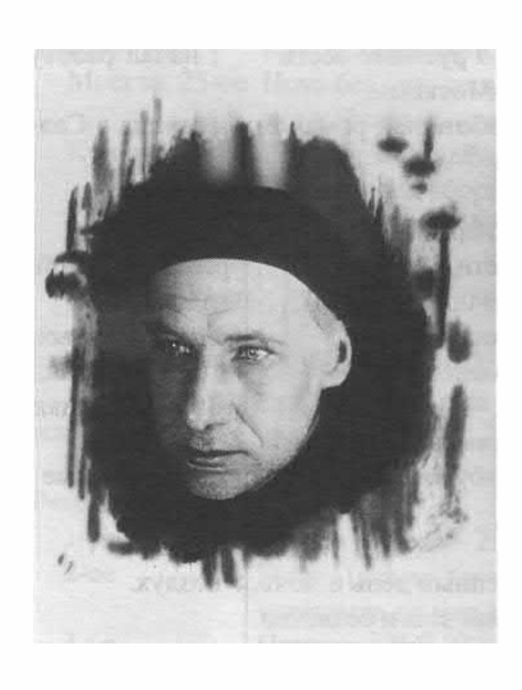
Февраль. Кучино.

1-ое	Ночью мороз «– 26°». Мысли.	Все дни двухчасовые прогулки.
2-ое	Были Пяст и художник Булатов; последний «*открыл*» во мне талант художника[1925].	
3-ье	Приехала К.Н. Ночью буран. Читаю Диккенса («Наш взаимный друг»)[1926].	
4-ое	Ночью мороз «– 20°».	
5-ое	«– 15°». Болен Николай Емельянович.	
6-ое	«– 17°».	
7-ое	Уехала К.Н. «– 4°».	
8-ое	Шалый день. Был Готье. Окончил переписку «Пырсни». Нас коллективизируют.	
Москва. 9-ое	Мороз «– 15°». Читал у Васильевых из 4-ой главы.	
Кучино. 10-ое	Мороз днем «– 26°»; ночью, вероятно, ниже «– 30°». Разговор с К.Н. на тему «свет»; между прочим: как помирить о «свете» книгу «Бытия» с Иоанном.	
11-ое	Мороз «– 22°» (ночью). Разговор с К.Н. о «свете» продолжается. Был П.Н. Зайцев. Заславский сожалеет, что написал статью «*Свистохлюпы*» (против меня)[1927]. $2\frac{1}{2}$ часа работал со снегом: луна; ночью с К.Н. любовались снежными картинами. Составил план 5-ой главы: «Маски Москвы»[1928].	
12-ое	Мороз «– 25°». Нюхаю книгу Лосева «*Очерки античного символизма*»[1929]. Мысли о ней. Ночью t° «–29°».	
13-ое	t° – «– 2°»; болен Ник<олай> Емельян<ович>. Неприятные слухи об уплотнении; читаю Лосева. Ощущение нового ритма годин.	
14-ое	t° – «0°»; уехала К.Н. Мысли о Табидзе. Мысли о линии жизни; опять ее составляю.	
15-ое	Оттепель. Отдыхаю. Сделал еще один «*каджорский*» пейзаж. В Кучине обирают имущество.	
16-ое	t° – «– 3°». Задумь. Грусть от слухов (страдания!).	

Кучино. 17-ое t° – «– 6°». Приехала К.Н. Грустные вести *[1930]; начал работу над 5-ой главой «Маск<и> Москвы».
18-ое Мороз крепчает «– 17°»; работа над романом; прогулка в Салтыковку. Письмо Сакулину[1931].
19-ое Работа.
20-ое Оттепель: t° – «+2°». Приезд Марка Шмерлинга; беседа с ним о современности.
21-ое t° – «+ 5°». Солнце. 3-часовая прогулка; К.Н. осталась в Кучине: так хорош день.
22-ое Тепло. Туман. Мысли о романе.
23-ье t° «– 3°».
24-ое t° – «– 3°». Солнечность: невыразимая заря; 3-часовая прогулка в рощу Рябушинского[1932]; заря.
25-ое t° – «– 2°». Солнечно.
26-ое t° – «– 3°»; блины; великолепный день и ночь.
27-ое t° – «– 2°». Опять незабываемая заря и солнечно.
28-ое t° – « 0°»; невыразимо прекрасный день. Уехала К.Н. Был П.Н. Зайцев.

(19-ое – 28-ое:) Упорная работа над 5-ой главой «*Маски Москвы*». Удивительная, благовестящая погода; невыразимые зори, отрадный воздух.

Март. Кучино.
1-ое «t°» около «0». Усталость от работы.
Москва. 2-ое Визит к Чулкову. Спор о православии. Вечером у Васильевых читал из 4-ой главы «Маски». Узнал об аресте Пяста[1933].
Кучино. 3-ье Письмо от Р.В. Работа: нерадостные мысли в связи с письмом[1934].
4-ое
5-ое Работа.
6-ое Буран. Уехала К.Н.
7-ое
8-ое Работа.
9-ое Приехала К.Н.
10-ое
11-ое Был П.Н. Зайцев.
12-ое Читаю воспоминания Мгеброва[1935].
13-ое Недомогание: надорвался. Читаю воспомин<ания> Чичерина (Б.Н.)[1936].
14-ое Недомогание. Читаю Чичерина.
Кучино. 15-ое Уехала К.Н. Буран. Читаю книгу Штрайха о Пирогове[1937].
16-ое Письмо от Табидзе[1938]. Были 2 барышни, ведущие исследовательскую работу.
17-ое Приехала К.Н. Свечение зорь. Прозаренность.
18-ое Приезд Сережи[1939]. Заболела Елиз<авета> Троф<имовна>.
19-ое Приезд Носилова с женой. Фотографировали.

Андрей Белый
Фотография В.М. Носилова. Кучино
1930, март. ГМП

20-ое Пасмурно, слякость. Усталость. Читаю «*Ars Poetica*» (статьи Ярхо и других)[1940].
21 Читаю книгу Н. Венкстерн[1941]. И ряд других книг: все более или менее дрянь. Был П.Н. Зайцев.
22 Уехала К.Н. Бешеная работа: не уснул.
23 Читаю книгу Гроссмана «Цех пера»[1942]. Мысли о Сереже и Разумнике.
24 Приехала К.Н. «t°»«+6».
25 К.Н. простужена. Ужасное настроение; с работой раск леилось.
26 Ужаснейший день (простуда К.Н.).
27-ое Был П.Н. Зайцев. Письмо Тихонова[1943]. Нелады с работой.
28 В ночь буран.
29-ое К.Н. уехала. Письмо от Сакулина[1944].
Москва. 30-е Вечер со своими. Просматривал и разглядывал Геккеля «Красота в природе»[1945].
Кучино. 31

Весь месяц упорная работа над 5-ой главой «Масок», особенно не поддающейся.

Апрель. Кучино.

1-ое
2-ое
3-ье
4-ое Был Зайцев. «Зиф» заказывает 2-ой том «Воспоминаний»[1946].
5-ое Был В.О. Нилендер. Разговор: о ритме Евангелия от Иоанна.
(1–5: Работа.)

6-ое Читаю «Воспоминания» Чулкова[1947].
7-ое Приехала К.Н.
8-ое
9-ое Мысли о материализме.
(6–9: Невыразимо прекрасные, теплые дни.)
10-ое Кончил 5-ую главу «Москвы».
11-ое Уехала К.Н.
(6–11: Работа над 5-ой главой «Масок». Читаю Диккенса «Холодный дом»[1948]. Прочел ряд книг: в общем — дрянь.)

12-ое Письмище Чулкову о том, почему разговор между нами конца не может иметь[1949]. Заглядываю в Вукола Лаврова (интересно!)[1950].

13-ое Солнце. Рой странных снов: о катастрофах, улетах, падениях в пропасть. Письмо от Тициана Табидзе[1951]. Продолжаю письмо к Чулкову.

14-ое К.Н. вернулась. Все подсохло. Письмо к Чулкову. Уборка листьев.

15-ое Застрелился Маяковский (известие об этом): потрясающее впечатление[1952]. Читаю Левина (книга о плене)[1953]. Не могу читать Новалиса («Офтердингена»)[1954].

16-ое Работа. Дивный день. Разговоры о Маяковском. Вечером был Зайцев. Подписан договор с «Зифом»[1955]. Статья обо мне в «На посту»[1956].

17-ое Ждали Жемчужникову (не приехала), но был — Пинес. Теплище: сидели без пальто. Уборка сада. Эвритмич<еский> жест стихотворения: «Навек одно»[1957]. Читаю Пантел<еймона> Романова «Товарищ Кисляков»[1958].

18-ое Стр<астной> Четверг. Читаю журналы («На Посту», «Кр<асная> Новь»). Номер «Литературки», посв<ященный> Маяковскому[1959]. Посидели перед Бауэром[1960].

Уехала Кл. Н. День похорон Маяковского[1961]. «t° +17». Начинаю готовиться к 6-ой главе[1962]. Мысли об отце («Les revenants»)[1963].

Москва. 19-ое Стр<стная> Суббота. Встретили тихо праздник. Проглядываю «Wahrheit und Dichtung» Гёте[1964].

Москва. 20-ое Узнал подробности о посл<едних> мин<утах> Маяковского. Разговоры с Женей Богословской, Гехтман, Лелей, Кнебель, Варварой Дмитр<иевной>[1965] и т.д. Прочел монографию проф. Голубинского о Сергии[1966].

Кучино. 21 В Москве утром разговор с Херсонской (у Зайцева). Операция Марии Алексеевне Фаворской (рак).

22 Духота; t° «+17». Работа над 6-ой главой. Мысли о Разумнике.

23 Перечитываю Маяковского.

24-ое Колебания с Кавказом.

25-ое Ненормальная жара «+20»; уехала К.Н. Был Зайцев.

26 Прочел книгу Зайцева о Сергии[1967].

27-ое «t°» «– 2»; снег.

28-ое Приехала К.Н.

29-ое Весь день Д.М. Пинес.

30-ое

(23–30: Работа над 6-ой главой «Масок».)

Май.

Кучино. 1-ое. Холод. Читаю Твена (очерки о Миссисипи)[1968].

2-ое Леля и Аннушка: показывали рисунки.

3-ье Уехала К.Н.

4-ое

(1–4: Все эти дни напряженнейшая работа. 6-ая глава.)

Андрей Белый. Иллюстрации ко второму тому романа «Москва» («Маски»)
1929 (?). Бумага, карандаш. ГЛМ
Вверху: профессор Коробкин; слева направо: Серафима; супруги Тителевы, Никанор Коробкин и младенец Владиславик; Велес-Непещевич; внизу: Мандро

5-ое Приехала К.Н. Маска с Бауэра. Прочел Гнедича «Книга жизни»[1969].

6-ое Зайцев. «*На рубеже*» разошлось[1970].
7-ое
8-ое
9-ое Эвритмич<еский> жест к Гёте «Horchet!»[1971] (К.Н.). Уехала К.Н.

(6-ое – 9-ое: По уши в работе.)

10-ое Был С.М. Соловьев. Письмо от Тициана[1972]. Едем в Крым.

Москва. 11-ое Вечером были у Н.С. Клименковой. Устроила нам à la концерт (Моцарт, Шуберт). Читаю Ключевского («Речи и очерки»)[1973]. Решили ехать в Судак.

Кучино. 12-ое Утром у Ушаковой (зубы). Статья против грузинских поэтов[1974]. Читаю Диккенса «Тайна Эдвина Друда»[1975].

13-ое
14-ое
15-ое
16-ое
17-ое

(13-ое – 17-ое:) Пишу со стоном и охом, с чувством безмерной бездарности сцены пути Мандро с профессором и сцены Мандро с Лизашей.

18-ое «Зиф» переиздает «На рубеже»[1976]. Читаю «искровские» статьи Ленина[1977]. Письмо от Разумника (едет в Москву)[1978].

19-ое Приехала К.Н. } Жара.
20-ое } Работа.
21-ое Жара «+20» в тени. Был П.Н. Зайцев. Читаю книгу Разумника о Салтыкове[1979].
22-ое
23-ое
24-ое
25-ое
26-ое Приехала К.Н.
} Работа над 6-ой главой. Читаю книгу Бонча-Бруевича (воспоминания)[1980]; и монографию Соболева о Чехове[1981].
27-ое П.Н. Зайцев. Заболеваю ангиной.
28 Приезд Р.В. Иванова. У меня был доктор Гуленко (ангина).
Кучино. 29-ое Р.В. Иванов вернулся поздно: простужен. Написана сцена убийства Мандро.
30-ое Уехала К.Н. Читал Разумнику «Маски». Холод.
31-ое Провел вечер с Р.В. Ивановым. Простился с ним. Холод 8°.

Июнь.

Куч<ино>. 1-ое. Кончил роман «Маски», над которым работал с сентября[1982]. Ночью мороз; днем «+5».
2-ое пон<едельник> Приехала К.Н. Вечером написал предисловие к роману «Маски». «+5».
3-ье Был П.Н. Зайцев; привез чемодан. t° – «+5°». Холода держатся. Решение ехать в Судак: наметили — 12-го июня[1983].

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 1–150 об.). Часть записей (содержащая главным образом регистрационные сведения о публичных выступлениях, рабочих заседаниях, слушании лекций и т. п.) вынесена в автографе в правую половину листов; мы воспроизводим эти записи с увеличенным отступом вправо – двойным абзацем. Постоянно используемая в автографе «стрелка» (→) в качестве знака препинания («Москва → Январь» и т. п.) не воспроизводится или заменяется на тире. Приведены к норме и некоторые другие нетривиальные особенности пунктуации и графики автографа (в тех случаях, когда это не идет в ущерб смысловому или стилистическому содержанию текста).

Сдавая в 1932 г. рукопись на архивное хранение в ГЛМ, Белый присоединил к ней составленные им краткие автобиографические регистрационные своды (также публикуемые в настоящем издании). Совокупная характеристика «Ракурса к Дневнику» и этих документов дана в развернутой пояснительной записи Р.В. Иванова-Разумника, приложенной к указанной архивной единице (приводим их, опуская детализированные сведения об авторской нумерации):

«34 / № 2475.
Материал к биографии (Составлен для личного пользования).
Ракурс к «Дневнику» (январь 1899 г. – 3 июня 1930 г.).
Автограф 1 + 165 л.
Архив А. Белого.
I. Папка синего картона, с описью рукой Белого «пачки № 16».
II. Обложка писчей бумаги, надписанная рукой А. Белого.
Состав папки 34 / № 2475:
III. *Автографы*:
1) *Ракурс к дневнику* (янв. 1899 г. – 3.VI.1930) – лл. 1–150
2) «*К биографии*». (*Канва*). I. Общественная
деятельность: а) членства, б) службы и обязанности.
(II). Сотрудничество в журналах и газетах – лл. 151–152
3) *Список прослушанных университетских курсов*
(на естественном факультете ... на филологическом
факультете) – лл. 153–154
4) *К биографическим воспоминаниям. «Кружки людей,*
в которых мне приходилось бывать и говорить».
(Хронологический перечень, с подробным перечислением
фамилий участников) – лл. 155–164

Рукопись со многими исправлениями, зачерками, вставками рукой А. Белого же (чернилами и различными карандашами). На лл. 60–79 отмечен рукой А. Белого (или цветной чертой вдоль поля страницы, или подчерком цветным дат, месяцев) – период его «штейнерианства» (май 1912 г. – август 1916 г.).

Начало рукописи (лл. 1–6) писалось в разворот, на одной стороне двойного листа. Таким образом заполнены оборот л. 1, лице л. 2, оборот л. 3, лице л. 4, оборот л. 5, лице л. 6. Чистыми остаются лицевые стороны лл. 1, 3 и 5, обороты лл. 2, 4 и 6. Далее рукопись заполнялась страница за страницей, причем лист (двойной, в четыре страницы) не разрывался (исключая лл. 147–148, – отдельных). <...>

В «*Ракурсе к Дневнику*» (канве, то лаконичной, то несколько расширенной, писавшейся на основе, видимо, дневников и документов) особо везде выделены лекционные выступления А. Белого и участие его в беседах, собраньях различных обществ и кружков. Некоторым годам подведены итоговые характеристики их, указано то или иное значение их в жизни Белого».

[1] С «Поэтикой» Аристотеля Белый, видимо, знакомился в переводе В.Г. Аппельрота, вышедшем в свет в 1893 г. (позднейшее переиздание: *Аристотель*. Об искусстве поэзии. М., 1957).

[2] См. примеч. 123 к *МБ*.

[3] Сохранились две тетради дневниковых заметок Белого за 1899 г. — за апрель–май (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 10, 15 лл.) и за май–декабрь (РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 5, 142 лл.). См. обзор их содержания в публикации: *Лавров А.В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 116–121.

[4] «Под северным небом. Элегии, стансы, сонеты» – книга стихов К. Д. Бальмонта (СПб., 1894). См. также примеч. 95 к *МБ*.

[5] См. примеч. 105 к *МБ*.

[6] Подразумевается Александр Добролюбов. Его «Собрание стихов» с предисловиями Ив. Коневского и В. Брюсова (М.: Скорпион, 1900) вышло в свет в марте 1900 г. Белый мог читать также первый сборник Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» (СПб., 1895).

[7] Некоторые отзывы Белого о современной русской живописи, содержащиеся в его дневниковых заметках, приведены в указанной выше (примеч. 3) публикации.

[8] См. примеч. 140 к *МБ*.

[9] См. примеч. 120 к *МБ*.

[10] См. примеч. 40 к *МБ*.

[11] Об этом замысле Белый писал Р.В. Иванову-Разумнику 1–3 марта 1927 г., вспоминая о 1899 годе: «Этот год открывается замыслом драмы, под названием: "*Старушка Мертваго*". Некоторые замыслы ее сообщаю С.М. Соловьеву, но он со смехом мне говорит: "*Послушай, Боря, это же – твоя бабушка*". (Моя бабушка только что скончалась); это открытие так перепугало меня, что "*Старушка Мертваго*" тотчас же исчезла с моих творческих горизонтов <…>» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 488).

[12] См. примеч. 121 к *МБ*.

[13] См. примеч. 66 к *МБ*.

[14] «Кольцо нибелунга» («Der Ring des Nibelungen») – музыкальная тетралогия Рихарда Вагнера («Золото Рейна», 1852–1854; «Валькирия», 1852–1856; «Зигфрид», 1851–1871; «Гибель богов», 1848–1874).

[15] См. примеч. 126 к *МБ*.

[16] Социально-утопический цикл Эмиля Золя «Три города», состоящий из романов «Лурд» («Lourdes», 1894), «Рим» («Rome», 1896), «Париж» («Paris», 1898).

[17] См. примеч. 121 к *МБ*.

[18] Имеется в виду «Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии» (М., 1887) М.А. Мензбира. См. также примеч. 127, 128 к *МБ*.

[19] «Курс ботаники» (Т. 1–2. СПб., 1862–1874) А.Н. Бекетова и «Основания зоологии» Н.В. Бобрецкого (Киев, 1886; изд. 2-е: СПб.; Киев, 1890).

[20] См. примеч. 127 к *МБ*.

[21] См. примеч. 138 к *МБ*.

[22] «Доходное плодоводство. Курсы промышленного плодоводства и огородничества, читанные в разных пунктах России» А.К. Грелля (М., 1891).

[23] Какое именно из многочисленных изданий трудов К.А. Тимирязева читал тогда Белый, неясно.

[24] Классический труд Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859).

[25] «Основные начала эволюционной монадологии» Н.В. Бугаева (см. примеч. 131 к *МБ*) и труд Готфрида Вильгельма Лейбница «Монадология» (1714; Пер. В.П. Преображенского. М., 1890).

[26] Видимо, книги «Лекции по элементарной биологии» Томаса Джефри Паркера (Пер. В.Н. Львова. М., 1898) и «Клетка и ткани. Основы общей анатомии и физиологии» Оскара Гертвига (Пер. И. Бородина и Н. Холодковского. Т. 1–2. СПб., 1894–1900).

[27] Имеется в виду издание: *Delage Yves, Hérourd Edgard*. Traité de zoologie concrète. I. La cellule et les protozoaires, II. Mésozoaires, spongiaires, cœlentérés, III. Les échinodermes, V. Les vermidiens, VIII. Les procordés. Paris, 1896–1901. Подразумевается первый том, посвященный исследованию клеток и простейших.

[28] См. примеч. 134 к *МБ*.

[29] См. примеч. 136 к *МБ*.

[30] См. примеч. 138 к *МБ*.

[31] Труд Г. Спенсера «Основания биологии» (Пер. В.А. Герд. Т. 1–2. СПб., 1899).

[32] Магистерская диссертация Вл. С. Соловьева «Кризис западной философии (Против позитивистов)» (М., 1874) и докторская диссертация М.М. Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии» (М., 1867).

[33] В мемуарах Белый упоминает «превосходный учебник Шимкевича» (*На рубеже*. С. 399) – учебное руководство В.М. Шимкевича «Биологические основы зоологии» (1900).

[34] См. выше, примеч. 27.

[35] Подборка в рабочей тетради Белого, озаглавленной «Лирические отрывки (в прозе)», включает 26 прозаических фрагментов (пронумерованных автором), датированных январем 1898 г. – декабрем 1900 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 1). См. публикацию 5 фрагментов из этой подборки: *Лавров А.В.* Юношеская художественная проза Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 121–127.

[36] Этот отрывок Белый опубликовал с посвящением О.М. Соловьевой (*Андрей Белый.* Золото в лазури. М., 1904. С. 179).

[37] Книги Ф. Ницше «Происхождение трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм» («Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik, oder Griechenthum und Pessimismus», 1872), «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» («Also sprach Zarathustra. Ein Buch für alle und keinen», 1883–1885), «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» («Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft», 1886), «Веселая наука» («Die fröhliche Wissenschaft ("la gaya scienza")», 1882), «Странник и его тень» («Wanderer und sein Schatten», 1878) – вторая половина второй части книги «Человеческое, слишком человеческое» («Menschliches, Allzumenschliches»).

[38] «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» – роман Д.С. Мережковского, вторая часть трилогии «Христос и Антихрист». Первые семь глав были напечатаны в журнале «Начало» (1899. № 1–4), полная публикация – в журнале «Мир Божий» (1900. № 1–12); отд. изд.: СПб., 1901.

[39] Н.Ю. Зограф был хранителем Зоологического музея Московского университета.

[40] Московское символистское издательство «Скорпион» было организовано в конце 1899 г. при ближайшем участии С.А. Полякова, К.Д. Бальмонта, Ю.К. Балтрушайтиса и В.Я. Брюсова. Первая книга, изданная «Скорпионом», – драма Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся» в переводе Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова (М., 1900). До ее выхода в свет издательство себя публично не проявляло, поэтому указание Белого на «интерес» к «Скорпиону» в описываемое время – анахронизм.

[41] Подразумевается возникшее на базе студенческого кружка, сложившегося вокруг С.Н. Трубецкого, Студенческое Историко-Философское Общество (март 1902 г.), председателем которого был единогласно избран Трубецкой. См.: *Анисимов А.И.* Князь С.Н. Трубецкой и московское студенчество // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 81 (1). С. 146.

[42] См. примеч. 109 к *МБ.*

[43] Четыре сборника статей В.В. Розанова, изданные П.П. Перцовым: «Сумерки просвещения» (СПб., 1899), «Религия и культура» (СПб., 1899), «Литературные очерки» (СПб., 1899), «Природа и история» (СПб., 1900; вышел в свет в конце 1899 г.). Книга Розанова «"Легенда о Великом Инквизиторе" Ф.М. Достоевского» вышла в свет отдельным изданием в 1894 г. в Санкт-Петербурге.

[44] Имеется в виду издание: *Топинар П.* Антропология / Пер. с франц. изд. 1877 г. под ред. <и с предисл.> проф. И.И. Мечникова. СПб., 1879.

[45] См. примеч. 143 к *МБ.*

[46] Подразумевается книга Л. Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Нитше (Философия и проповедь)» (СПб., 1900).

[47] Книга Вл. Соловьева (М., 1880).

[48] См. примеч. 147 к *МБ.*

[49] См. примеч. 129 к *МБ.* (В этом источнике чтение книги Гартмана датируется летом 1899 г.).

[50] Хронологическая неточность: «Tertia vigilia. Книга новых стихов. 1897–1900» Валерия Брюсова (М.: Скорпион, 1900) вышла в свет между 16 и 23 октября 1900 г. (см.: Прижизненные издания Валерия Яковлевича Брюсова. Каталог / Сост. Л.М. Ельницкая, Г.А. Сусликова. М., 1985. С. 31).

[51] См. примеч. 150 к *МБ.*

[52] «Соперники Дарвина» (*франц.*). Имеется в виду книга: *Armand de Quatrefages.* Les Émules de Darwin. Paris, 1894. 2 vols.

[53] См. примеч. 134 к *МБ.*

[54] Журнал по метеорологии и климатологии «Климат» издавался в Петербурге в 1901–1904 гг. (редактор-издатель Н.А. Демчинский).

[55] См. примеч. 153 к *МБ.*

[56] Труд Вильгельма Вундта «Основания физиологической психологии» (Т. 1–2. СПб., 1880–1881).

[57] См. примеч. 161 к *МБ.*

[58] Имеются в виду «Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки» Иммануила Канта (Пер. Вл. Соловьева. М., 1889).

[59] См. примеч. 157 к *МБ*. «Кризис» – книга Вл. Соловьева «Кризис западной философии (Против позитивистов)».

[60] Хронологическая неточность: книга В.В. Розанова «В мире неясного и нерешенного» вышла в свет в Петербурге в 1901 г. Позднее, в статье «На перевале», Белый вспоминал про «огонь, оплеснувший нас из книги “В мире неясного и нерешенного”» (Весы. 1905. № 12. С. 69).

[61] Книги Ф. Ницше «Генеалогия морали. Памфлет» («Zur Genealogie der Moral. Eine Streitschrift», 1887), «Казус Вагнер. Проблема музыканта» («Der Fall Wagner. Ein Musikanten-Problem», 1888), «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом» («Götzendämmerung, oder Wie man mit dem Hammer philosophiert», 1889). Сочинения Ницше выходили в русском переводе неоднократно, в разных переводах и под разными названиями. Возможно, Белый читал: *Ницше Ф.* Помрачение кумиров. Сб. произведений. С приложением критико-биографического очерка и портрета. М.: Т-во типо-лит. Владимир Чичерин, 1900 (другое изд.: «Сумерки кумиров (Помрачение кумиров)». Пер. Е.К. Герцык. М.: Д.П. Ефимов, 1902). В этот сборник входили эссе «Помрачение кумиров, или Как можно философствовать с помощью молотка» и «Ницше против Вагнера».

[62] Книга В. Вундта «Лекции о душе человека и животных» (СПб., 1894). См. также: «Душа человека и животных». Лекции проф. Гейдельбергского ун-та В. Вундта (Т. 1–2, М., 1865–1868).

[63] См. выше, примеч. 33. См. также: *Полежаев Н.Н., Шимкевич В.М.* Курс зоологии позвоночных. Вып. 1–3. СПб.: Типография А.С. Суворина. 1891–1892.

[64] Книги Г. Спенсера «Опыты научные, политические и философские» (Ч. 1–3. СПб., 1899–1900) и «Основные начала» (СПб., 1897).

[65] Основополагающий труд Г. Гельмгольца («Die Lehre von den Tonempfindung», 1862); в русском переводе: «Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки» (СПб., 1875).

[66] Имеется в виду книга Э. Ганслика «О музыкально-прекрасном. Опыт поверки музыкальной эстетики» (С нем. перевел <Г.А.> Ларош. М., 1895).

[67] См. выше, примеч. 47.

[68] См.: *Фишер К.* История новой философии. Т. 4. Иммануил Кант и его учение. Ч. 1. Возникновение и основание критической философии / Пер. с 4-го нем. изд. Н.Н. Полилова, Н.О. Лосского и Д.Е. Жуковского. СПб., 1901.

[69] «Дневник писателя» (1873, 1876, 1877, 1880, 1881) – авторский критико-публицистический и литературный цикл Ф.М. Достоевского.

[70] Имеется в виду книга Карла Августа Оберлена «Пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна» в переводе на русский язык А. Романова (Тула, 1882). В мемуарах Белый сообщает, что это «толкование на Апокалипсис, чрезвычайно нудное, протестантского типа, переполненное вялыми аллегориями», ему давал для прочтения Л.А. Тихомиров (*НВ*. С. 161).

[71] «Этика» – главное произведение Б. Спинозы, написанное на латинском языке в 1662–1675 гг.; на русском – в двух переводах: В.И. Модестова (СПб., 1886; переизд. 1892, 1894) и Н.А. Иванцова (М., 1892).

[72] «Чтения о Богочеловечестве» – цикл лекций Вл. Соловьева (М., 1881; отдельный оттиск по тексту первой публикации в «Православном обозрении» в 1878–1881 гг.).

[73] См.: *Шопенгауэр А.* О воле в природе. Исследование подтверждений со стороны эмпирических наук, полученных философией автора со времени своего появления / Пер. А. Фета. Изд. 2-е. М., 1892.

[74] Один из трудов Густава Теодора Фехнера на обозначенную тему: «Elemente der Psychophysik» (Bd. 1–2. 1860), «In Sachen der Psychophysik» (1877), «Revision der Hauptpunkte der Psychophysik» (1882).

[75] См.: Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сирианина, подвижника и отшельника, бывшего епископа христолюбивого града Ниневии, слова подвижнические. Изд. 2-е. Сергиев Посад, 1893.

[76] «Оправдание добра. Нравственная философия» – труд Вл. Соловьева (СПб., 1897; 2-е, испр. изд.: СПб., 1899).

[77] Имеется в виду труд Элизе Реклю «Земля и люди. Всеобщая география» (Т. 1–19, 1876–1894). См. русский перевод: *Реклю Э.* Земля. Описание жизни земного шара. Вып. 1–6. СПб.: О.Н. Попова, 1898–1901.

[78] Подразумевается статья С.Н. Трубецкого «О природе человеческого сознания», впервые опубликованная в «Вопросах философии и психологии» в 1889–1891 гг. (№№ 1, 3, 4, 7).

[79] Имеется в виду труд Иоганна Фридриха Гербарта «Психология» (Пер. А. Нечаева. С предисл. проф. А.И. Введенского. СПб., 1895).

[80] Книги Вл. Соловьева «Национальный вопрос в России» (Вып. 1. М., 1884; изд. 3-е: СПб., 1891; Вып. 2. СПб., 1891) и «История и будущность теократии» (Загреб, 1887).

[81] См. примеч. 166 к *МБ*.

[82] Анна Александровна Шестеркина.

[83] М.Н. Коваленский трагически погиб в 1923 г.

[84] Ошибочное суждение. Прозаик и драматург – не Мария Алексеевна Венкстерн, а ее младшая сестра Наталья Алексеевна Венкстерн; неопубликованная пьеса Н.А. Венкстерн «В 1825 году» (которую здесь подразумевает Белый) была поставлена в МХАТ-2 в 1925 г. (режиссеры И.Н. Берсенев и Б.М. Сушкевич).

[85] Неточно цитируется первая строфа поэмы Вл. Соловьева «Три свидания» (1898); в оригинале: «Подруга вечная, тебя не назову я, // Но ты почуешь трепетный напев...» (*Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 125 («Библиотека поэта». Большая серия)).

[86] Ср. в поэме «Первое свидание», гл. 4: «...церковка седая // Неопалимой Купины, // В метели белой приседая, // Мигает мне из тишины» – и авторское примечание: «Церковь Неопалимой Купины в Неопалимовском переулке близ Пречистенки и Девичьего Поля» (*СП–2.* С. 58). Не сохранилась.

[87] См. выше, примеч. 41.

[88] Подразумевается естественнонаучная работа Гете «К учению о цвете» («Zur Farbenlehre», 1810). Белый в подробностях развивает затрагиваемую в ней проблематику в своей книге «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., 1917).

[89] Лапан – вымышленный исследователь «секты блоковцев» из XXI в.; С. Соловьев придумал и изображал это пародийное лицо в Шахматове летом 1904 г. См.: *О Блоке.* С. 72–73, 101; *НВ.* С. 377–380.

[90] Начальные строки стихотворения Вл. Соловьева (1875–1876). См.: *Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. С. 62.

[91] Стихотворение А. Фета (1847, 1887).

[92] 8–14 апреля 1901 г. Подразумевается «Симфония (2-я, драматическая)».

[93] 20–21 мая 1901 г.

[94] Новодевичий монастырь на юго-западной окраине Москвы.

[95] Образы поэзии Вл. Соловьева: стихотворения «Белые колокольчики» (1899) и «Вновь белые колокольчики» (1900); заключительная строка стихотворения «Сон наяву» (1895): «Конец уже близок, нежданное сбудется скоро» (*Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. С. 135, 137, 110).

[96] См. примеч. 235 к *МБ*.

[97] См.: *Оствальд В.-Ф.* Энергия и ее превращения. СПб., 1890.

[98] Исследование Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» вышло в свет в издании журнала «Мир Искусства» в марте 1901 г.

[99] См. примеч. 178 к *МБ*.

[100] Установить, каким именно изданием пользовался Белый, не удалось.

[101] Автограф этой поэмы сохранился в творческой тетради Белого; по этому тексту она ныне опубликована, см.: Юношеская поэма Андрея Белого «Фонтан» / Предисл. и публ. А.В. Лаврова // Андрей Белый. Публикации. Исследования. М., 2002. С. 100–111; *СП–2.* С. 440–445.

[102] См. примеч. 239 и 219 к *МБ*. Стихотворение Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» (4 июня 1901 г.) представлено в собрании автографов поэта, принадлежавших семье Соловьевых, а также в двух копиях, сделанных Белым с автографа, посланного Соловьевым (см.: *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем В 20 т. Т. 1. М., 1997. С. 474); этот автограф (с посвящением

С.М. Соловьеву) опубликован факсимиле: *ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. М., 1980. С. 228.

[103] См. примеч. 236, 238 к *МБ*.

[104] В архиве Белого сохранились два письма А.Н. Шмидт к нему (РГБ. Ф. 25. Карт. 25. Ед. хр. 37; опубликованы Н.А. Богомоловым: Э.К. Метнер и А.Н. Шмидт //Russian Literature. 2015. Vol. 77, Issue 4, pp. 470-471). Письма Белого к Шмидт не выявлены.

[105] Разбором архива Вл. Соловьева занимался М.С. Соловьев, готовивший одновременно к печати первое собрание сочинений философа, начатое в 1901 г. петербургским издательством «Общественная польза».

[106] См. примеч. 212 к *МБ*.

[107] См. примеч. 240, 253 к *МБ*.

[108] С трагедией Гете «Фауст» Белый знакомился, скорее всего, не в немецком оригинале, а в одном из русских переводов – Н. Холодковского (1878), А. Фета (1882–1883), П. Трунина (1882), барона Н.Е. Врангеля (1889) и др.

[109] См. примеч. 251 к *МБ*.

[110] Книга Вл. Соловьева (1882–1884); изд. 3-е: СПб., 1897.

[111] Труд Макса Мюллера «Шесть систем индийской философии» в русском переводе (М., 1901).

[112] Маруся – Мария Николаевна Стороженко.

[113] Отзыв – в несохранившемся, по всей вероятности, письме В.Я. Брюсова к М.С. Соловьеву (см. примеч. 253 к *МБ*).

[114] См. дневниковые заметки Белого, касающиеся Ницше (август–ноябрь 1901 г.): Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. С. 125–127, 131–133.

[115] Анахронизм: книга Л. Шестова «Достоевский и Нитше (Философия трагедии)» (СПб., 1903) была впервые опубликована в «Мире Искусства» в 1902 г. (№№ 2– 9/10).

[116] См. примеч. 247 к *МБ*.

[117] Имеется в виду книга кн. В.И. Масальского «Овраги черноземной полосы России, их распространение, развитие и деятельность» (СПб., 1897).

[118] См. примеч. 259–260 к *МБ*.

[119] Подразумевается Зоологический музей Московского университета.

[120] См.: *Fouillée Alfred*. La philosophie de Platon. Paris, 1867; 2 éd.: 1890. Белый так характеризует автора этой книги: «Альфред Фулье – ему принадлежит ряд сочинений подчас интересных, подчас слабых, среди которых отметим его сочинения о Канте и Платоне <…> Фулье присуща неясность изложения и сбивчивость в терминологии» (*А. Белый*. Символизм. Книга статей. М.: Мусагет, 1910. С. 474).

[121] «Метафизика в Древней Греции» (М., 1890) – магистерская диссертация С.Н. Трубецкого.

[122] См.: *Виндельбанд В*. История древней философии с приложением истории философии средних веков и эпохи Возрождения / Пер. слушательниц Высших женских курсов под ред. проф. А.И. Введенского. 2-е изд. СПб., 1898.

[123] Книга Освальда Кюльпе «Введение в философию» (русский перевод: СПб., 1901).

[124] Книга Вильяма Бенджамена Карпентера «Основания физиологии ума» (СПб., 1901).

[125] Книги Германа Ульрици в русском переводе с немецкого: «Бог и природа» (Т. 1–2. Казань, 1867–1868), «Тело и душа основания психологии человека» (СПб., 1869), «Нравственная природа человека» (Пер. В. Голубинского. Казань, 1878).

[126] См.: *Фишер К*. История новой философии / Пер. с нем. юбилейного изд. Т. 7. Шеллинг, его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1905. Белый в данном случае либо допустил анахронизм, либо знакомился с трудом Фишера в немецком оригинале (Bd. 1–6. München, 1852–1877).

[127] См.: *Виндельбанд В*. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / Пер. со 2-го нем. изд. Е.И. Максимовой, В.М. Невежиной и Н.Н. Платоновой под ред. А.И. Введенского. Т. 1. СПб., 1902.

[128] См. примеч. 263 к *МБ*.

[129] См. примеч. 264 к *МБ*.

[130] См. примеч. 266, 268 к *МБ*.

[131] «Симфония (2-я, драматическая)», печатавшаяся под маркой издательства «Скорпион».

[132] Рассказ был опубликован в переработанном и сильно сокращенном варианте под заглавием «“Мы ждем его возвращения…”» (Свободная совесть. Литературно-философский сборник. М., 1906. Кн. 1. С. 160–163). См.: *Андрей Белый.* Симфонии / Л., 1991. С. 474–477. Первоначальная редакция («Рассказ № 1»), датированная октябрем 1901 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 2. Ед. хр. 5), опубликована А.В. Лавровым (см.: Наше наследие. 1990. № 5 (17). С. 87–90).

[133] В архиве Андрея Белого сохранились три тетради его дневниковых аналитических заметок, относящихся, однако, к более раннему времени: апрелю – ноябрю 1901 г. («Апрель, май 1901 года. 1. Ответ “отцам”. 2. “О безумии” (ряд афоризмов). 3. Ницше (ряд психологических набросков)» // РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 3, 92 лл.); «1. О Ницше. 2. О высшей мудрости. 3. Заметки об искусстве с точки зрения формы. 4. Два слова об идеях» // Там же. Ед. хр. 4, 141 лл.); «Афоризмы и лирические отрывки» // Там же. Ед. хр. 2. 79 лл.). Избранные фрагменты из третьей тетради опубликованы: *Лавров А.В.* Юношеские дневниковые заметки Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 116–144.

[134] Труд И. Канта (1788). Белый, вероятно, пользовался его изданием в русском переводе Н.М. Соколова (СПб., 1897).

[135] Имеются в виду «Лекции по науке о языке, читанные в Королевском Британском институте в апреле, мае и июне 1861 г.» М. Мюллера (СПб., 1865).

[136] См. примеч. 303 к *МБ*.

[137] См. примеч. 272 к *МБ*.

[138] Книга вышла в свет на второй неделе апреля 1902 г. (ср. примеч. 273 к *МБ*).

[139] Фрагмент из несохранившегося письма А. Блока к С. Соловьеву с оценкой «Симфонии» последний приводит в письме к Белому от 6 июля 1902 г. (*ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 183–184). Блоку принадлежит печатный отзыв о «Симфонии (2-й, драматической)», опубликованный в «Новом Пути» (1903. № 4. С. 164–65). См.: *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 7. М., 2003. С. 128, 338–339 (коммент. Д.М. Магомедовой).

[140] Книга стихов и лирической прозы Андрея Белого «Золото в лазури» (М.: Скорпион, 1904) была сформирована и представлена в издательство в августе 1903 г. (см.: *ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. М., 1976. С. 364–365).

[141] «Рассказ № 2 (Из записок [чиновника])» сохранился в архиве Андрея Белого (РГБ. Ф. 25. Карт. 2. Ед. хр. 6, 18 лл.), напечатан по этому тексту в публикации А.В. Лаврова «Юношеская художественная проза Андрея Белого» (см. выше, примеч. 35). См.: *Андрей Белый.* Симфонии. С. 478–498.

[142] Труд И. Канта (1781). Белый, вероятно, пользовался его изданием в русском переводе Н.М. Соколова (Вып. 1–2. СПб., 1896–1897).

[143] Неясно, какая составная часть труда А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» имеется в виду – книга вторая «О мире как воле. Первое размышление» или книги третья и четвертая, содержащие «Второе размышление».

[144] Книга Ф. Бэкона «Опыты, или Наставления нравственные и политические» (1597, 1612, 1625). Возможно, Белый читал русский перевод П.А. Бибикова (под названием «Нравственные и политические очерки»: *Бакон Ф.* Собр. соч. В 2 т. Т. 2. СПб., 1874; 2-е изд.: СПб., 1895).

[145] См. примеч. 294 к *МБ*.

[146] См.: *Бэн А.* Психология / Пер. с англ., под ред. и с предисл. А.С. Белкина. Т. 1. М., 1902 (предшествующие изд.: СПб., 1881; СПб., 1887); *Спенсер Г.* Основания социологии / Пер. с 1-го рус. изд., сделанного в 1876 г. И.И. Билибиным. Т. 1–2. СПб., 1898.

[147] «Лекции по эстетике» Г.-В.-Ф. Гегеля (1818–1829). В русском переводе Вас. Модестова: «Курс эстетики, или Наука изящного» (Ч. 1–3. СПб., 1847–1860; 2-е изд.: Т. 1–3. М., 1869).

[148] Имеются в виду стихотворения, присланные Блоком семейству Соловьевых в начале осени 1902 г. (см. примеч. 298 к *МБ*).

[149] См. примеч. 166 к *МБ*.

[150] «Dichtung und Wahrheit. Aus meinem Leben» («Поэзия и правда. Из моей жизни», 1811–1814) – автобиографическая книга И.В. Гете.

[151] Имеется в виду дядя Жорж – Георгий Васильевич Бугаев. Ср.: *НВ*. С. 20–21.
[152] Подразумевается реакция на «Симфонию» в широкой читательской среде.
[153] См. примеч. 299 к *МБ*.
[154] См. примеч. 301 к *МБ*.
[155] См. примеч. 308, 305 к *МБ*.
[156] См. примеч. 316 к *МБ*.
[157] См. примеч. 319, 322 к *МБ*.
[158] Подразумевается публикация в отделе «Из частной переписки»: «По поводу книги Д.С. Мережковского “Л. Толстой и Достоевский”. Отрывок из письма» (Новый Путь. 1903. № 1. С. 155–159. Подпись: *Студент-естественник*).
[159] См. примеч. 323, 345 к *МБ*.
[160] См. примеч. 309 к *МБ*.
[161] Вероятно, над подготовкой к печати этого драматического отрывка из мистерии «Антихрист» Белый работал раньше: 26 января 1903 г. Брюсов выслал ему для исправлений корректуру «Пришедшего» (см.: *ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 351–352).
[162] Согласно мемуарным свидетельствам Белого, общение с этим приват-доцентом Московского университета было исполнено для него «неприятностей, маленьких, складывающихся в большие» (*На рубеже*. С. 415).
[163] См. примеч. 331, 327 к *МБ*.
[164] Подразумевается выступление в прениях по докладу К.Д. Бальмонта «Кальдероновская драма личности» (см. примеч. 339 к *МБ*).
[165] См. примеч. 380 к *МБ*.
[166] См. примеч. 336 к *МБ*.
[167] См. примеч. 339, 340 к *МБ*.
[168] «Северные Цветы. III альманах книгоиздательства “Скорпион” (М., 1903) и «Альманах книгоиздательства “Гриф”» (М., 1903), включавшие публикации произведений Белого (см. примеч. 309 к *МБ*; в «Грифе» – стихотворения Белого и его «Отрывки из 4-й симфонии»). Первый упомянутый альманах вышел в свет в марте, второй – в апреле 1903 г.
[169] Подразумевается первый раздел будущей одноименной книги «Золото в лазури».
[170] См. примеч. 348 к *МБ*.
[171] Это предложение Брюсов сделал Белому позднее – в июле 1903 г. (см. примеч. 370 к *МБ*).
[172] См. примеч. 346, 347 к *МБ*.
[173] См. примеч. 350 к *МБ*
[174] См. примеч. 349 к *МБ*.
[175] См. примеч. 354, 355 к *МБ*.
[176] См. примеч. 356 к *МБ*.
[177] Согласно письму Белого к А.С. Петровскому, отправленному 10 июня 1903 г., отъезд в Серебряный Колодезь состоялся в четверг 12 июня (*Белый – Петровский*. С. 60–61. В публикации неверно обозначено место написания: Серебряный Колодезь – а не Москва); ср. письмо Белого к Брюсову с датировкой: «Москва. 1903 года. 12 июня» (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 358).
[178] См. примеч. 368, 369 к *МБ*.
[179] Неточная цитата из 1-го стихотворения («Золотея, эфир просветится…») цикла «Золотое руно» (*СП–1*. С. 81).
[180] Неточно цитируется строка из первого четверостишия поэмы Вл. Соловьева «Три свидания» (1898); в оригинале: «Но ты почуешь трепетный напев…» (*Соловьев В*. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 125).
[181] Откр. XXII, 20.
[182] Эта статья была опубликована в сентябрьском номере журнала за 1903 г. (см. примеч. 374 к *МБ*).
[183] См. примеч. 358 к *МБ*.
[184] См. примеч. 376, 377 к *МБ*.
[185] См. примеч. 343 к *МБ*.

[186] См. примеч. 378 к *МБ*.

[187] Судя по письму Белого к Петровскому от 6 сентября 1903 г., он возвратился в Москву не позднее 15 сентября (*Белый – Петровский*. С. 75).

[188] Э.К. Метнер в это время постоянно проживал в Нижнем Новгороде.

[189] См. примеч. 387 к *МБ*.

[190] См. примеч. 376 к *МБ*.

[191] См. примеч. 388 к *МБ*.

[192] Подразумевается Теодор Мейнерт. См. примеч. 388 к *МБ*.

[193] Видимо, имеются в виду «Научно-популярные очерки» Эрнста Маха (Вып. 1–2. М., 1901).

[194] Вероятно, имеется в виду книга Вильгельма Вундта «Естествознание и психология» (Пер. с нем. СПб., 1904). Рецензию на нее Белый опубликовал в «Весах» (1905. № 1. С. 63–65).

[195] См.: «Научные основы психологии» (СПб., 1902) Уильяма Джемса (на обложке: Вилльям Джемс). Могло подразумеваться и другое издание: *Джэмс У*. Психология / Пер. с англ. И.И. Лапшина. СПб., 1896 (многократно переиздавалось: СПб., 1898; СПб., 1901; СПб., 1902 и др.).

[196] См.: «Очерки психологии, основанной на опыте» (М., 1892) Гаральда Гефдинга.

[197] Книги «Неврозы и фиксированные идеи» (<Ч.> 1. СПб., 1903) Пьера Жанэ и «Психология» (СПб., 1895) Иоганна Фридриха Гербарта.

[198] «Гаф» – от *франц. разг.* gaffe (промах, бестактность). Имеется в виду рассылка Белым по адресам своих знакомых шуточных визитных карточек, изготовленных типографским способом. Две карточки сохранились среди писем Белого к Блоку: «Виндалай Левулович Белорог. Единорог. Беллиндриковы поля, 24-й излом, № 31»; «Огыга Пеллевич Кохтик-Ррогиков. Единоглаз. Вечные боязни. Серничихинский тупик, д. Омова» (*Белый – Блок*. С. 116). Три таких же визитных карточки Белый послал 18 октября 1903 г. Брюсову (РГБ. Ф. 386. Карт. 79. Ед. хр. 5). 22 октября 1903 г. Белый писал Э.К. Метнеру: «Должен просить прощения у Вас за неостроумную шутку, в которой не последнее место занимал и Ал<ексей> Сергеевич <Петровский. – *Ред.*>, так как собственно он заказал карточки. Карточки эти были разосланы моим добрым знакомым (между прочим, я послал в "Н<овый> П<уть>" и "М<ир> И<скусства>" и т. д.) <…> Принимайте карточки, как озорство <…>, не имеющее ничего серьезного по существу, как "странные" сочетания букв» (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 26). Об эффекте, произведенном Белым, С. Соловьев писал Блоку (после 20 октября 1903 г.): «Недавно Бугаев наделал переполох своими Огыгами, Единорогами и т. д. К нему чуть не призвали психиатра, и много было тяжелого и для него самого, и для нас» (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 1. С. 347).

[199] См. примеч. 397, 398 к *МБ*.

[200] Развернутый отзыв о книге Г.И. Челпанова «Проблема восприятия пространства» (Ч. 1. Киев, 1897) содержится в статье Белого «Две замечательные книги» (Весы. 1904. № 1-2. С. 32–38. Подпись: *Борис Бугаев*). Эта книга реферируется также в авторском комментарии к статье «О границах психологии» (*Андрей Белый*. Символизм. С. 477–480).

[201] См. примеч. 344 к *МБ*.

[202] См. примеч. 401 к *МБ*

[203] См. примеч. 403, 408 к *МБ*.

[204] Белый подразумевает свою статью «К.Д. Бальмонт» (Весы. 1904. № 3. С. 9–12). См. примеч. 407 к *МБ*.

[205] Статья Белого «"Юлий Цезарь" на сцене Художественного театра» была опубликована в «Хронике журнала "Мир Искусства"» (1903. № 12. С. 121–123). Трагедия У. Шекспира «Юлий Цезарь» шла на сцене Московского Художественного театра со 2 октября 1903 г.

[206] См. примеч. 400 к *МБ*.

[207] О намерении приехать вместе с женой в Москву в начале января 1904 г. Блок сообщил Белому в письме от 20 ноября 1903 г., подтвердил это намерение в письме от 12 декабря (см.: *Белый – Блок*. С. 122, 129).

[208] См. примеч. 393 к *МБ*.

[209] Каких-либо документальных свидетельств, подтверждающих изменение характера отношений Белого с Мережковскими в это время, не обнаружено. Возможно, Белый вспоминает здесь о

раздражении, которое вызвали у него известия об ироническом и скептическом отношении З.Н. Гиппиус к женитьбе Блока (см.: *Белый – Блок*. С. 121, 125, 126; *Минц З.Г.* Блок в полемике с Мережковскими // *Минц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб., <2000>. С. 561–563).

[210] «Альпийская Роза» – ресторан на ул. Софийка, д. 4 (дом кн. О.А. Туркестановой). Со студентом Т.Г. Трапезниковым, впоследствии искусствоведом и антропософом, М.Н. Семенов подружился в Германии и Швейцарии в 1900–1901 гг. См.: *Семенов М.Н.* Вакх и сирены. М., 2008. С. 181–183, 202, 229, 470, 570 (коммент. В.И. Кейдана).

[211] См. об этом главку «Аяксы» в воспоминаниях Белого (*НВ*. С. 298–304). Общаясь с участниками этого неформального студенческого кружка, Белый наиболее близкую духовную связь установил с П.А. Флоренским (см. переписку Флоренского с Белым в кн.: Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М., 2004. С. 433–498). См. также: *Силард Л.* Андрей Белый и П. Флоренский (Мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством) // Studia Slavica Hung. 1987. Т. 33. С. 227–283.

[212] См. примеч. 410 к *МБ*.

[213] А.А. Блок и Л.Д. Блок остановились в доме А.Ф. и В.Ф. Марконетов (Спиридоновка, д. 6), «в необитаемой малой квартирке, обставленной всеми предметами, необходимыми для жилья» (*О Блоке*. С. 67). См.: Андрей Белый. Александр Блок. Москва / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина, А.Э. Рудник, М.Б. Шапошников. М., 2005. С. 119.

[214] «Христианское братство борьбы» возникло в феврале 1905 г. по инициативе В.П. Свенцицкого и В.Ф. Эрна и при ближайшем участии П.А. Флоренского и А.В. Ельчанинова; основной идеей этой радикальной христианской организации, занимавшейся пропагандистской и книгоиздательской деятельностью, было религиозно-философское обоснование «христианской общественности», размежевание православной церкви и самодержавного государства. См.: *Свенцицкий В.* «Христианское братство борьбы» и его программа. М., 1906 (этот и другие программные документы и обращения от имени Христианского братства борьбы см. в кн.: *Свенцицкий В.П., протоиерей.* Собр. соч. Т. 2: Письма ко всем. Обращения к народу 1905–1908 / Сост., подгот. текста, коммент. С.В. Черткова. М., <2010>. С. 13–72, 550–598); новейшие исследования: *Колеров М.А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996. С. 225–277; *Кейдан В.И.* На путях к граду земному // *Взыскующие града.* С. 11–18.

[215] См. примеч. 416 к *МБ*.

[216] См. примеч. 411 к *МБ*

[217] Подробнее см. записи о январе 1904 г. в *МБ*.

[218] См. примеч. 417 к *МБ*. В немецком критико-библиографическом двухнедельном журнале «Das litterarische Echo» (основан в 1897 г.) перевод указанной статьи Белого не обнаружен. В 1904 г. имя Белого в этом журнале встречается лишь в «Русском письме» («Russischer Brief») Артура Лютера при изложении рецензии Брюсова на «Золото в лазури» (1904. № 22, 15 August. S. 1588–1589).

[219] Эта поездка состоялась 14 января 1904 г.; в тот же день Блок писал матери: «Утром: мы, Бугаев, Петровский и Соколова едем в Донской монастырь к Антонию. Сидим у него, говорит много и хорошо. Любе – очень хорошо, многое – и мне. О Мережковских и “Новом Пути”. Обещал приехать к нам в Петербурге. Прекрасный, иногда грозный, худой, с горящими глазами, но без “прозорливости”, с оттенком иронии» (*Блок А.* Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 84). См.: *Иванова Е.В.* Андрей Белый и епископ Антоний (Флоренсов) // Андрей Белый в изменяющемся мире: К 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 81–87.

[220] Подразумевается книга Эллиса «Иммортели» (Вып. I-й. Ш. Бодлэр. М., 1904), вышедшая в свет в конце декабря 1903 г.; резко отрицательный отзыв о ней опубликовал Брюсов, указавший не только на несовершенство переводов Эллиса, но и на их текстуальную зависимость от переводов из Бодлера, выполненных П.Я. (П.Ф. Якубовичем). См.: *Аврелий <Брюсов В.Я.>*. Новый перевод Бодлэра // Весы. 1904. № 4. С. 42–48. «Затруднения», как сообщает Белый в мемуарах, были обусловлены выходом в свет этой статьи: «... Эллис, возмущенный убийственным разносом его переводов Бодлера, напечатанным в «Весах», грозился при встрече побить Брюсова, а меня упрекал за то, что я допустил выход рецензии Брюсова (увы, – Брюсов был прав)» (*НВ*. С. 453). 8 апреля 1904 г.

Белый писал Блоку: «Вышел перевод Бодлера Эллиса. *Перевод убийственно плох. Он меня очень просит написать рецензию.* Увы, увы!..» (*Белый – Блок.* С. 141).

[221] Блок с женой возвратились в Петербург еще 25 января 1904 г.

[222] Брюсов перенес операцию (гайморит) ранее – 13 ноября 1903 г. (см.: *ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. С. 370–371; *Брюсов В.* Дневники. 1891–1910 / Приготовила к печати И.М. Брюсова; примеч. Н.С. Ашукина. <М.>, 1927. С. 134–135).

[223] Подразумевается цикл из 5 стихотворений «Молитвы», присланный Блоком Белому при письме от 9 апреля 1904 г. (*Белый – Блок.* С. 143–146; *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 1. С. 173–175, 618–623).

[224] Эта статья была опубликована в «литературно-философском сборнике» «Свободная совесть» (Кн. 1. М., 1906. С. 164–172).

[225] Подразумевается статья «С нами Бог!» (Альманах к-ва «Гриф». М., 1905. С. 190–195).

[226] Имеется в виду, видимо, книга А.Н. Аксакова «Анимизм и спиритизм» (Ч. 1–2. СПб., 1893).

[227] Подразумевается книга: *Allan Kardec.* La Genèse, les miracles et les prédictions selon le spiritisme. Paris, 1868 (5-e éd.: 1872).

[228] См. примеч. 242 к *МБ.*

[229] Визит к епископу Антонию в страстную субботу (27 марта 1904 г.) Петровская описала в «Воспоминаниях» (Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 8. Paris, 1989. С. 53–54).

[230] Стихотворение в 3-х частях «Безумец» (датировка автографа, посланного Блоку: «Февраль 1904 года») входит в заключительный раздел «Багряница в терниях» книги «Золото в лазури». См.: *СП–1.* С. 163–165, 538–539.

[231] Строка из стихотворения «В темнице» («Пришли и видят – я брожу…», 1904) (*СП–1.* С. 259).

[232] Подразумевается конфликт между Н. Петровской и А.Д. Бугаевой, матерью Белого (см. примеч. 430 к *МБ*); вероятный эмоциональный отклик на него – в пасхальном письме Белого к Блоку (*Белый – Блок.* С. 132–133). Какое из своих писем к Э.К. Метнеру здесь имеет в виду Белый, неясно; возможно – несохранившееся. Одновременная с письмом к Блоку пасхальная короткая записка Белого на визитной карточке, отправленная Метнеру (РГБ. Ф. 167. Карт. 1. Ед. хр. 33), содержит лишь мелкую деловую просьбу.

[233] См. примеч. 431 к *МБ.*

[234] См. примеч. 433 к *МБ.*

[235] См. примеч. 459 к *МБ.*

[236] Неточная цитата из стихотворения «Попрошайка» («Крыши. Камни. Пыль. Звучит…» // (*СП–2.* С. 450)); автограф его (без заглавия) был послан в письме к Блоку от 15 апреля 1904 г. (*Белый – Блок.* С. 149–150).

[237] См. примеч. 442 к *МБ.*

[238] См. примеч. 436, 434 к *МБ*

[239] См. примеч. 437 к *МБ.*

[240] В мае 1904 г. Белый уже не встречался с епископом Антонием; в частности, 4 мая он писал Петровскому: «У Антония не был. Бог с ним. Я ничего не имею против него. Наши дороги разные – вот и все» (*Белый – Петровский.* С. 86). В письме к Блоку (апрель–май 1904 г.) Белый подробнее говорил о причинах своего охлаждения к Антонию, добавляя: «Больше мне нет смысла бывать у него» (*Белый – Блок.* С. 151).

[241] Вяч. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал возвратились в Москву (после десятидневного пребывания в Петербурге) около 10 апреля 1904 г. и прожили там до начала июня, после чего отбыли в Швейцарию. См.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 106–108.

[242] Судя по переписке Андрея Белого и Вяч. Иванова (см.: Русская литература. 2015. № 2. С. 43–44. Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и Дж. Малмстада), к этой форме общения они перешли не ранее весны 1905 г.

[243] См. выше, примеч. 195, 196. Имеются в виду также издания: *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта / Пер. с англ. В.Г. Малахиевой-Мирович и М.В. Шик. М., 1910 (упоминание его

здесь – анахронизм); *Гефдинг Г.* История новейшей философии. Очерк истории философии от Канта до наших дней / Пер. с нем. СПб., 1900.

[244] См. примеч. 462 к *МБ*.

[245] См. примеч. 453 к *МБ*.

[246] См. примеч. 459 к *МБ*.

[247] См. примеч. 469 к *МБ*. Статья «О пессимизме» была впервые опубликована в «литературно-философском сборнике» «Свободная совесть» (Кн. 1. М., 1906. С. 173–177).

[248] См. примеч. 454, 455 к *МБ*.

[249] См. примеч. 460 к *МБ*.

[250] Статья А.Н. Шмидт «О будущем» была опубликована в журнале «Новый Путь» (1904. № 6. С. 187–196. Подпись: *А. Тимшевский*). Журнал «Вопросы Жизни» издавался в 1905 г. взамен «Нового Пути», прекратившегося в декабре 1904 г. Рукопись упоминаемой статьи Белого, по-видимому, не сохранилась.

[251] См. примеч. 463, 464 к *МБ*.

[252] О своем отъезде в Серебряный Колодезь Белый сообщал Блоку из Москвы 19 июля 1904 г. (*Белый – Блок*. С. 169).

[253] См. примеч. 468 к *МБ*.

[254] См.: *Масперо Г.* Древняя история народов Востока / Пер. с 4-го франц. изд. М., 1895; Пер. с 6-го франц. изд. М., 1903.

[255] См. примеч. 477 к *МБ*.

[256] См. примеч. 476 к *МБ*.

[257] См. выше, примеч. 122.

[258] Курс лекций, читанных С.Н. Трубецким в Московском университете; выпущен в свет в двух частях, выдержавших в 1906–1915 гг. три издания. См. новейшее переиздание: *Трубецкой С.Н., кн.* Курс истории древней философии. М., 1997.

[259] Докторская диссертация Вл. Соловьева (отд. изд.: М., 1880).

[260] Подразумевается, что с осени 1904 г. Флоренский стал слушателем Императорской Московской Духовной Академии.

[261] См.: *Новосадский Н.И.* Елевсинские мистерии: Исследование. СПб., 1887; *Хрисанф, архим.* Религии древнего мира в их отношении к христианству. СПб., 1873–1878; *Lobeck Christian August*. Aglaophamus seu de theologiae mysticae Graecorum causis. В 2 т. Кенигсберг, 1829. Упоминание в тексте книги «князя Волконского», скорее всего, ошибочно. В комментариях к своей статье «Проблема культуры» Белый приводит перечень исследований, посвященных элевсинским мистериям: «…среди книг, безусловно интересных, отметим: *M. Ouvaroff, Essai sur les mystères d'Eleusis; S. Croix, Recherches sur les mystères du paganisme. 1784. Paris; Creuzer, Symbolik und Mythologie der alten Völker. Leipzig. 1836; Lenormant, Monographie de la voie sacrée Eleusinienne. Paris. 1864; Lobeck, Aglaophamus; Арх. Хрисанф, История религий древнего мира; Новосадский, Елевзинские мистерии. СПб. 1887*» (*Андрей Белый*. Символизм. С. 458). Сведения об элевсинских мистериях Белый излагает также в комментариях к статье «Формы искусства» (Там же. С. 521–523). В архиве Андрея Белого сохранились две тетради с его заметками об элевсинских мистериях, орфиках и др. (РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 19. 28 лл.).

[262] См.: *Foucart Paul-François*. Les grands mystères d'Eleusis. Paris, 1900.

[263] М.И. Сизов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета в 1903 г.

[264] В это время Б.А. Фохт, окончивший историко-филологический факультет Московского университета, был оставлен по кафедре философии для приготовления к профессорскому званию; А.К. Топорков был студентом историко-филологического факультета, который окончил в 1906 г. См.: *Дмитриева Н.* Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 301, 177.

[265] «Искусство. Журнал художественный и художественно-критический» (редактор-издатель Н.Я. Тароватый) выходил в Москве с января 1905 г., издание прекратилось на 8-м номере; С.А. Соколов с лета 1905 г. заведовал в нем литературно-критическим отделом. В данном случае

подразумевается инцидент, происшедший гораздо позже, в сентябре 1905 г.: Белый отказался участвовать в «Искусстве» после появления в этом журнале (№ 5/7) возмутившей его рецензии (за подписью «Нарцисс») на альманах «Северные Цветы Ассирийские», содержавшей резкий отзыв о помещенной в альманахе трагедии Вяч. Иванова «Тантал» (1 декабря 1905 г. Иванов писал Белому: «*После* нашего свидания в Москве дошла до меня весть, что причиною твоего разрыва с “Искусством” послужила – моя трагедия…» // Русская литература. 2015. № 2. С. 43–44.); он собирался печатно объявить в «Весах» об отказе от сотрудничества в «Искусстве», но Соколов (в письме к нему от 8 сентября 1905 г.) заявил, что появление такого письма расценит как оскорбление ему, в качестве редактора, и потребует «удовлетворения путем дуэли». Белый, согласно дневниковой записи Брюсова, «исполнил все требования Грифа (взял назад “письмо в редакцию” из “Весов”)» (РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16 (1). Л. 38). См.: *ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 388–389, 479–480; *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века. Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 250–253.

[266] См. описание собраний на квартире Астровых: *НВ*. С. 392–398.

[267] См. примеч. 472 к *МБ*.

[268] См.: *Христиансен Б.* Психология и теория познания / Пер. Е.И. Боричевского под ред. и с предисл. Б.А. Фохта. М., 1907; *Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи / Пер. со 2-го нем. изд. С.Л. Франка. СПб., 1904. «Прелюдии» Виндельбанда Белый охарактеризовал в статье «Две замечательные книги» (Весы. 1904. № 12. С. 32–38).

[269] «Итак, необходимо вернуться к Канту» – фраза, которой заканчивается каждая глава книги О. Либмана «Кант и эпигоны» («Kant und die Epigonen», 1865).

[270] См. примеч. 481 к *МБ*.

[271] См. примеч. 473 к *МБ*.

[272] Статья П.А. Флоренского «О символах бесконечности (Очерк идей Г. Кантора)» была опубликована в «Новом Пути» (1904. № 9. С. 173–235). См.: *Флоренский П., священник*. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 79–128.

[273] Н.П. Киселев стал студентом словесного отделения историко-филологического факультета Московского университета в 1903 г.

[274] См. примеч. 492 к *МБ*.

[275] Белый имеет в виду свою заметку «Доклад К.Д. Бальмонта в Московском Литературно-художественном кружке», опубликованную годом ранее (Хроника журнала «Мир Искусства». 1903. № 15. С. 159–160).

[276] Вряд ли это может быть А.И. Мамонтов, владелец типографии и книжного магазина, умерший в 1905 г., а в это время уже болевший и потому в прениях едва ли участвовавший. Скорее всего это его сын М.А. Мамонтов, художник и наследник семейного дела.

[277] Книга К.Д. Бальмонта «Литургия Красоты. Стихийные гимны» (М.: Гриф, 1905) вышла в свет в декабре 1904 г.

[278] Книга Александра Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М.: Гриф, 1905) вышла в свет 27 октября 1904 г., о получении ее Белый известил Блока 14 ноября (*Белый – Блок*. С. 184).

[279] См. примеч. 482 к *МБ*.

[280] «Проблема восприятия пространства» (Ч. 2. Киев, 1904) Г.И. Челпанова.

[281] «Суттанипата» («Малое собрание текстов») – одна из древнейших частей буддийского канона «Типитака» (I в. до н. э.). Имеются в виду издания: Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведенная с пали на английский язык Др. Фаусбеллем / Русский пер. Н.И. Герасимова. М., 1899; *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дармоттары. СПб., 1903.

[282] Вероятно, это выступление соотносилось со статьей Флоренского «О суеверии и чуде», впервые опубликованной (под заглавием «О суеверии») в журнале «Новый Путь» (1903. № 8. С. 91–121). См.: *Флоренский П., священник*. Сочинения. В 4 т. Т. 1. С. 44–69.

[283] Вероятно, содержание этого выступления нашло отражение в статье Эллиса «Венец Данте» (Свободная совесть. Литературно-философский сборник. Кн. 1. С. 110–138). См.: *Эллис.* Неизданное и несобранное. Томск, 2000. С. 3–26.

[284] Подразумевается М.Я. Шик, поэт и переводчик, немецкий корреспондент «Весов».

[285] Имеются в виду обращенное к Белому стихотворение Брюсова «Бальдеру Локи» и ответное стихотворение Белого «Старинному врагу» (см. примеч. 499, 502 к *МБ*). См. также письмо П. Флоренского к Белому от 1 декабря 1904 г. с выражением духовной поддержки в его противостоянии с Брюсовым (Павел Флоренский и символисты. С. 466–467) и неотправленное письмо Флоренского к Брюсову от 5 декабря 1904 г., содержащее призыв скинуть «власть гипноза» и «осветить сумрак» (Там же. С. 528–530).

[286] Программа социал-демократической партии Германии, принятая в 1891 г. на съезде партии в Эрфурте. См.: Эрфуртская программа. Пг., 1917 (то же: Киев, 1917). Видимо, Белый знакомился с этим текстом либо в немецком оригинале, либо в русском переводе, распространявшемся нелегально.

[287] Труд Вернера Зомбарта «Современный капитализм» в двух томах; был издан в двух русских переводах – под редакцией В. Базарова и И. Степанова (М.: Изд. С. Скирмунта, <1904–1905>) и под редакцией С.Н. Эверлинга и М.А. Курчинского (М.: Изд. Д.С. Горшкова, 1903–1905).

[288] Имеется в виду рассказ В. Поливанова «“Не то, не то…”», основу сюжета которого составляют переживания и воспоминания умирающего человека. Опубликован в «литературно-философском сборнике» «Свободная совесть» (Кн. 1. С. 68–73).

[289] «Возврат. III симфония» Андрея Белого (М.: Гриф, 1905) вышла в свет в середине ноября 1904 г.

[290] Ср. хроникальное сообщение: «27 декабря К.Д. Бальмонт выехал из Москвы в Мексику» (Весы. 1905. № 1. С. 81). См. описание проводов Бальмонта в дневнике М.А. Волошина «История моей души» (*Волошин М.* Собр. соч. Т. 7, кн. 1. М., 2006. С. 185–186).

[291] 21 декабря 1904 г. Белый отправил С.А. Полякову письмо, в котором заявлял: «…отказываясь вообще от писательской деятельности, я не намерен больше участвовать ни в “*Скорпионе-Весах*”, ни в “*Грифе*”, ни в “*Н<овом> П<ути>*” или “*Мир<е> Иск<усства>*” – т. е., в органах, где, по-моему, сосредоточен цвет русской журналистики и поэзии»; за этим письмом последовало другое, недатированное: «Все, что я писал Вам, – неправда, неправда, неправда. Я исступленный, нервный, измученный человек <…>. Если можете, простите. Мне бы хотелось и писать в “*Весах*”, и не разрывать связей с людьми, которые мне дороги» (*Malmstad John E.* From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov // Stanford Slavic Studies. Vol. 1. Stanford, 1987. P. 74, 78).

[292] См. примеч. 507 к *МБ*.

[293] Имеется в виду собрание интеллигенции и рабочих в петербургском Вольном экономическом обществе вечером 9 января, на котором выступил Г.А. Гапон. О совместном с Белым посещении этого собрания вспоминает З.Н. Гиппиус (см.: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 132–133). Об этом собрании пишет также М. Горький в очерке «Савва Морозов» (*Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения. В 25 т. Т. 16. М., 1973. С. 524).

[294] Подразумеваются редакции журналов «Мир Искусства», закончившегося изданием в конце 1904 г., и «Вопросы Жизни», издававшегося с января по декабрь 1905 г.

[295] См. примеч. 508 к *МБ*.

[296] В январе 1905 г. это издание еще не замышлялось. «Полярная Звезда» – петербургский еженедельный общественно-политический и культурно-философский журнал под редакцией П.Б. Струве, издававшийся с 15 декабря 1905 г. по 19 марта 1906 г. (№№ 1–14). См. о нем: *Колеров М.А.* Не мир, но меч. С. 136–152.

[297] Возможно, имеется в виду «Церковная реформа. Гласное обращение к членам Комиссии по вопросу о церковном Соборе» Вал. Свенцицкого и В. Эрна, опубликованное в № 1 киевской газеты «Народ» 2 февраля 1906 г. См.: В.Ф. Эрн: pro et contra. Личность и творчество Владимира Эрна

в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. А.А. Ермичев. СПб., 2006. С. 87–88.

[298] См. выше, примеч. 212. О контактах Белого в Петербурге с учредителями «Христианского братства борьбы» см.: *О Блоке*. С. 168; *НВ*. С. 494–495.

[299] См. примеч. 509 к *МБ*.

[300] См. примеч. 510 к *МБ*.

[301] Белый, видимо, подразумевает свою статью «Общественная совесть», опубликованную в «литературно-философском сборнике» «Свободная совесть» (Кн. 1. С. 296–304).

[302] «Дева Назарета» – поэма С.М. Соловьева, опубликованная в том же сборнике (С. 94–101). См.: *Соловьев С.* Собрание стихотворений. М., 2007. С. 695–703.

[303] Имеется в виду книга С.А. Котляревского «Ламеннэ и новейший католицизм» (М., 1904).

[304] «Проблемы идеализма» (М., 1902) – сборник статей под редакцией П.И. Новгородцева; авторы статей – С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, П.Б. Струве (под псевдонимом П.Г.), Н.А. Бердяев, С.А. Аскольдов, С.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Ольденбург, Д.Е. Жуковский.

[305] Имеется в виду магистерская диссертация С.Н. Булгакова «Капитализм и земледелие» (Т. 1–2. СПб., 1900).

[306] Книга Рудольфа Штаммлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. Социально-философское исследование» (СПб., 1898; то же: СПб., 1899).

[307] Вышедшие в Москве «литературно-философские сборники» «Свободная совесть» (Кн. 1–2. М., 1906) были в основном составлены из произведений, оглашавшихся в кружке П.И. Астрова – на «астровских средах». См.: *<Шруба М.>* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. Словарь. М., 2004. С. 26.

[308] См. примеч. 511 к *МБ*.

[309] См. примеч. 515, 516 к *МБ*. Сообщая Белому о предстоящем приезде в Москву, Мережковский писал 15 апреля 1905 г.: «Известите о нашем приезде Эрна, Свенцицкого и Флоренского. Надо бы им всем собраться у нас. О многом переговорить необходимо» (Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 159. Публ. А. Холикова).

[310] Эти события не могли уложиться в два дня пребывания Мережковских в Москве (20 и 21 апреля 1905 г.). В том же письме к Белому Мережковский сообщал: «Потом едем в Крым <…> и в Константинополь» (Там же).

[311] Согласно дневниковой записи Л.Д. Зиновьевой-Аннибал от 20 мая 1906 г., она и Вяч. Иванов приехали из Женевы в Москву в конце марта (ст. ст.) 1905 г. (см.: *Зиновьева-Аннибал Л.Д.* Из дневника 1904 и 1906 гг. / Публ. А. Шишкина // На рубеже двух столетий. Сб. в честь 60-летия А.В. Лаврова. М., 2009. С. 791).

[312] Имеется в виду «В защиту от одного нарекания. Открытое письмо Валерию Брюсову» (Весы. 1905. № 6. С. 40–42) – полемический ответ Белого на «открытое письмо» В. Брюсова к нему под заглавием «В защиту от одной похвалы» (Весы. 1905. № 5. С. 37–39), в котором выражалось несогласие с оценкой его творчества в статье Белого «Апокалипсис в русской поэзии» и общей концепцией этой статьи. Подробнее см. во вступительной статье С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова к переписке Брюсова и Андрея Белого (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 331–332).

[313] См. примеч. 518 к *МБ*.

[314] О каком издании идет речь, неясно; существует около двух десятков изданий сочинений Карла Эккартсгаузена в русских переводах, опубликованных в конце XVIII — начале XIX века.

[315] См. примеч. 519 к *МБ*.

[316] Поездка Белого и С. Соловьева в Шахматово состоялась между 10 и 17 июня 1905 г.

[317] Подразумевается описание в «Воспоминаниях о Блоке» первой серьезной размолвки, случившейся в Шахматове, между Белым и С. Соловьевым, с одной стороны, и Блоком и А.А. Кублицкой-Пиоттух – с другой (*О Блоке*. С. 173–186). См. также: *МДР*. С. 24–34.

[318] Имеется в виду издание: *Риккерт Г.* Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки / Пер. с нем. А. Водена. СПб., 1903.

[319] См. примеч. 520 к *МБ*.

[320] Поповка – дачная усадьба Морозовых на Волге, в 25 верстах от Твери. Белый гостил там в начале июля 1905 г. М.К. Морозова описала его пребывание в Поповке в воспоминаниях «Андрей Белый» (*Проблемы творчества*. С. 529).

[321] См. примеч. 488 к *МБ*.

[322] Труд И. Канта «Критика способности суждения» («Kritik der Urteilskraft», 1790) Белый изучал, вероятно, в переводе Н.М. Соколова (СПб.: М.В. Попов, 1898).

[323] См.: *Андрей Белый*. Принцип формы в эстетике // Золотое Руно. 1906. № 11/12. С. 88–96.

[324] Книга А.А. Потебни «Мысль и язык» (СПб., 1862; 2-е изд.: Харьков, 1892).

[325] Эта статья была опубликована в «Весах» (1905. № 8. С. 5–16).

[326] Видимо, имеется в виду издание: *Меринг Ф*. История германской социал-демократии / Пер. со 2-го нем. изд. М.Е. Ландау. Т. 1–4. СПб., 1906–1907.

[327] См.: *Фишер Куно*. История новой философии. Т. 6. Фихте, его жизнь, сочинения и учения. СПб.: Изд. Д.Е. Жуковского, 1909.

[328] Имеется в виду приказ, изданный товарищем министра внутренних дел (с апреля 1905 г.) Д.Ф. Треповым в октябре 1905 г. во время всероссийской стачки: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть».

[329] Табачная фабрика «Дукат» («И. Пигит и К°») в Чухинском переулке, дом 6 (Пресненская часть, между Владимиро-Долгоруковской и Большой Тверской-Ямской улицами). Совместную с Эллисом поездку туда на встречу с вооруженными забастовщиками Белый описал в мемуарах (*МДР*. С. 44–46).

[330] Похороны кн. С.Н. Трубецкого состоялись в Москве 3 октября, похороны Н.Э. Баумана – 20 октября 1905 г. В некрологе «Князь С.Н. Трубецкой» Белый описал похороны, превратившиеся в политическую манифестацию (Весы. 1905. № 9/10. С. 80).

[331] См. выше, примеч. 326, 306.

[332] Ошибка Белого. Подразумевается М.А. Мамонтов, сын А.И. Мамонтова. О нем как о расстрелянном Белый писал Асе Тургеневой 11 ноября 1921 г. (Публ. Н.А. Богомолова в кн.: Смерть Андрея Белого (1880 – 1934). Сб. статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М., 2013. С. 519). Аналогичная ошибка была допущена Белым и ранее в данном тексте (см. выше, примеч. 276). М.А. Мамонтов не был расстрелян; он скончался 14 января 1920 г. (см.: *Побожий С.И.* Михаил Мамонтов – художник, ожидающий внимания // Антикварное обозрение. 2011. № 2 (май). С. 32–35).

[333] Белый разграничивает здесь студента Московского университета Е.И. Боричевского, одного из московских неокантианцев (см. о нем: *Дмитриева Н*. Русское неокантианство: «Марбург» в России. С. 202), и советского критика и историка философии и науки Ивана Адамовича Боричевского (1892–1942).

[334] А.К. Виноградов поступил на работу в Румянцевский музей по окончании Московского университета в 1912 г., вскоре стал ученым секретарем, в 1921–1925 гг. исполнял должность директора Библиотеки Румянцевского музея. Исследователь архива Виноградова свидетельствует: «Свою карьеру он утверждал доносами, кляузами, бесконечными склоками <…> Причем апеллировал Виноградов в Верховный суд, Комиссию партконтроля, Главпур РККА, а то и в ЦК ВКП(б) или НКВД. “Жалобы”, “сообщения” и “докладные записки”, – по сути дела настоящие доносы, так и сыпались из-под его пера» (*Шумихин С*. Москва, 1938-й. Delirium persecutio А.К. Виноградова // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 265–266).

[335] Место жительства Эллиса с середины 1900-х гг. – меблированные комнаты «Дон» в доме, который «стеной выходил на Арбат <…> другим боком <…> глядел на Смоленский бульвар; третьим – в паршивые домики, с чайною: для извозчиков» (*НВ*. С. 55–56).

[336] Подразумевается Трудовая народно-социалистическая партия (народные социалисты, энесы), основанная в сентябре 1906 г.

[337] Развернутые описания-реконструкции этих споров даны в воспоминаниях Н. Валентинова «Два года с символистами» (Под ред., с предисл. и примеч. Г.П. Струве. Stanford, California, 1969).

[338] Белый приехал в Петербург 1 декабря, отбыл обратно в Москву после 20 декабря 1905 г. О его общении с Блоком и семьей поэта в этот приезд см.: *О Блоке*. С. 187–191; *МДР*. С. 54–57.

[339] Впервые С. Городецкий выступил с публичным чтением своих стихов, вызвавших всеобщий интерес, на «среде» Вяч. Иванова 18 января 1906 г. См.: *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 69–74, 291 (коммент. Р. Тименчика).

[340] Имеется в виду первый (погрудный) портрет Андрея Белого работы Л.С. Бакста (ГЛМ). 19 декабря 1905 г. Бакст писал А.Н. Бенуа о Белом: «...Я набросал на днях его портрет цветн<ыми> карандашами» (*ГРМ.* Ф. 137. Ед. хр. 671. Л. 28–28 об.).

[341] Ср. признания Н.А. Бердяева в письме к Белому от 7 января 1906 г.: «Я отметил Вас в сердце своем, и хотел ближе подойти к Вам, и мне дорога любовь Ваша. Так хотелось бы, чтобы пути у нас сошлись, чтобы полюбили мы одно. Я многого жду от Вас, Вы богато одаренный человек, есть у Вас талант поэта и философа и, что самое важное, есть талант религиозный» (De visu. 1993. № 2 (3). С. 15. Публ. А.Г. Бойчука).

[342] Либо анахронизм (Религиозно-философское общество в Петербурге начало свою деятельность в 1907 г.), либо имеется в виду одно из «религиозно-общественных собраний», которые пытался организовать осенью 1905 г. А.В. Карташев с намерением печатать отчеты об этих собраниях в «Вопросах Жизни». См.: *Колеров М.А.* Не мир, но меч. С. 126.

[343] Вяч. Иванов и Л.Д. Зиновьева-Аннибал приехали в Петербург в середине июня 1905 г., обосновались на «башне» – в квартире на 6-м этаже дома на углу Таврической и Тверской улиц – 25 июля (см.: *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах. С. 122–123).

[344] См.: *Новосадский Н.И.* Орфические гимны. Варшава, 1900. Белый использует заимствованные из этого труда сведения в комментариях к статье «Смысл искусства» в своей книге «Символизм» (С. 565–566).

[345] Вооруженное восстание в Москве продолжалось с 8 по 19 декабря 1905 г.

[346] Неясно, какая именно правительственная акция здесь подразумевается: в октябре–декабре 1905 г. Советы рабочих депутатов возникли более чем в 50 городах и рабочих поселках.

[347] Имеются в виду статьи Белого (подписанные настоящим именем: *Борис Бугаев*) «На перевале. III. Искусство и мистерия» (Весы. 1906. № 9. С. 45–48) и «На перевале» – первая статья цикла (Весы. 1905. № 12. С. 68–71; тот же текст: Весы. 1906. № 1. С. 68–71), посвященная разбору книг А. Волынского «Ф.М. Достоевский» (СПб., 1906) и В.В. Розанова «Около церковных стен» (Т. 1–2. СПб., 1906); в книге статей Белого «Арабески» опубликована в составе цикла «На перевале» под заглавием «VI. Отцы и дети русского символизма» (см.: *Андрей Белый.* Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 250–253).

[348] Имеется в виду книга А. Волынского «Леонардо да Винчи» (СПб., 1900).

[349] См.: *Андрей Белый.* Ибсен и Достоевский // Весы. 1905. № 12. С. 47–54; тот же текст: Весы. 1906. № 1. С. 47–54.

[350] Имеется в виду следующее издание: *Буркгардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. С. Бриллианта с 8-го изд., переработанного Людвигом Гейгером. Т. 1–2. СПб., 1904–1906.

[351] Книга В. Брюсова «Στέφανος. Венок. Стихи 1903–1905 года» (М.: Скорпион, 1906) вышла в свет в декабре 1905 г.

[352] Ежемесячный литературно-художественный журнал модернистского направления «Золотое Руно» был начат изданием в Москве с января 1906 г. (редактор-издатель Н.П. Рябушинский), основан в октябре 1905 г. (см.: *Лавров А.В.* «Золотое Руно» // *Лавров А.В.* Русские символисты: Этюды и разыскания. М., 2007. С. 458).

[353] Подразумеваются карательные правительственные действия, направленные против участников декабрьского вооруженного восстания в Москве.

[354] См. переписку Белого и Блока, относящуюся к последней декаде декабря 1905 г. (*Белый – Блок.* С. 260–265).

[355] Имеется в виду, вероятно, одно из предварительных обсуждений задач будущего Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева в Москве, устав которого был утвержден в августе 1906 г.

[356] Раздел «Ante Lucem», открывающий сформированное Блоком (впервые в 1911–1912 гг.) собрание стихотворений в трех книгах, включает стихотворения 1898–1900 гг., раздел «Стихи о Прекрасной Даме» – стихотворения 1901–1902 гг. Пьеса «Балаганчик» написана Блоком в январе

1906 г., «Нечаянная Радость. Второй сборник стихов» Блока (М.: Скорпион, 1907) вышел в свет в декабре 1906 г.

[357] См. примеч. 521 к *МБ*. «Отцы и дети» – статья «На перевале» (Весы. 1905. № 12. С. 68–71. То же: 1906. № 1. С. 68–71. Подпись: *Борис Бугаев*), ставшая первой в одноименном авторском цикле (см. выше, примеч. 347).

[358] О завершении работы над пьесой «Балаганчик» Блок сообщал Белому в письме от 24 января 1906 г., в котором также приглашал его приехать в Петербург (*Белый – Блок*. С. 273).

[359] Имеется в виду статья «Мировая ектения (По поводу "Трилогии" Мережковского)», опубликованная в «Золотом Руне» (1906. № 3. С. 72–83).

[360] Подразумевается роман «Серебряный голубь», к непосредственной работе над которым Белый приступил в феврале 1909 г.

[361] «Пасть ночи. Отрывок из задуманной мистерии» (Золотое Руно. 1906. № 1. С. 62–71) — фрагмент, восходящий к юношеской мистерии Белого «Антихрист».

[362] Рецензия Белого на «Сборник по философии естествознания» (М., 1906), опубликованная в «Золотом Руне» (1906. № 1. С. 150–153).

[363] Подразумевается банкет по случаю выхода в свет первого номера «Золотого Руна» (31 января 1906 г.). Описывая это событие в письме к П.П. Перцову от 2 февраля 1906 г., Брюсов замечал о Белом: «...на оргийном торжестве "Руна" он был неподражаем: в венке из плюща, обнимаясь и целуясь с M-lle Кругликовой, художницей из "Нового Времени" <...>» (ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 26).

[364] Выставка «Голубая роза», организованная по инициативе и на средства владельца «Золотого Руна» Н.П. Рябушинского, состоялась в Москве позднее – в марте–апреле 1907 г., однако сообщество художников, участвовавших в ней, заявляло о себе и ранее – в 1905 и 1906 гг. См.: *Северюхин Д.Я.*, *Лейкинд О.Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932). Справочник. СПб., 1992. С. 54–56.

[365] Имеется в виду экспериментальная театральная лаборатория МХТ «Студия на Поварской» (дом Гирша, угол Поварской и Мерзляковского переулка), руководство которой К.С. Станиславский возложил на В.Э. Мейерхольда, приступившего к ее организации в мае – июне 1905 г. Белый допустил анахронизм: в октябре 1905 г. студия была закрыта.

[366] См. примеч. 524 к *МБ*.

[367] Имеется в виду стихотворение «Горе» («Солнце тонет...»); «Горе-гореваньице!» – строка из него. См. примеч. 523 к *МБ*.

[368] Подразумевается выставка «Мира Искусства», экспонировавшаяся в Петербурге с 24 февраля по 26 марта 1906 г. в Екатерининском зале на Малой Конюшенной ул. На Б.В. Савинкова (тогда – заместителя руководителя Боевой организации партии эсеров) Белому указала С.П. Ремизова-Довгелло. См.: *МДР*. С. 72.

[369] Блок читал пьесу «Балаганчик» в кругу близких 25 февраля 1906 г.; ср. запись Е.П. Иванова, относящуюся к этому дню: «Я был вечером у Блоков. Было собрание, читали "Балаганчик", последний пришел Белый» (Блоковский сборник <1>. Тарту, 1964. С. 399. Публ. Э.П. Гомберг и Д.Е. Максимова). Белый воспринял «Балаганчик» как «удар тяжелейшего молота: в сердце» (*О Блоке*. С. 207).

[370] «Башня» – петербургская квартира Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (поселившихся там в июле 1905 г.) на верхнем этаже дома на углу Таврической и Тверской улиц, где по средам (начиная с сентября 1905 г.) регулярно проходили ночные собрания творческой интеллигенции. Белый имеет в виду собрание, состоявшееся 1 марта 1906 г. и посвященное теме «Искусство будущего», на нем он дискутировал с Вяч. Ивановым (см.: *Шишкин А.* Симпосион на петербургской Башне в 1905 – 1906 гг. // Русские пиры («Канун», вып. 3). СПб., 1998. С. 334–336).

[371] Л. Галич (Л.Е. Габрилович) регулярно публиковал статьи и рецензии в петербургской газете «Речь» в 1907–1912 гг.

[372] Эта аттестация А.П. Чапыгина, родившегося в крестьянской семье и в молодости занимавшегося живописно-малярным ремеслом, не вполне соответствует действительности.

[373] «Вопросы Жизни» – петербургский ежемесячный литературно-общественный журнал, издававшийся в 1905 г. взамен приостановленного журнала «Новый Путь». См.: *Колеров М.* «Вопросы Жизни»: история и содержание // Логос. 1991. Вып. 2. С. 264–283.

[374] Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус выехали из Петербурга в Париж 25 февраля 1906 г.

[375] См.: *Андрей Белый.* Розовые гирлянды. По поводу смерти Борисова-Мусатова // Золотое Руно. 1906. № 3. С. 63–65.

[376] Рукопись этой статьи сохранилась в архиве Андрея Белого, ныне опубликована. См.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Неизданная статья Андрея Белого «Бакст» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 94–98; *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Символисты вблизи: Статьи и публикации. СПб., 2004. С. 352–360.

[377] Этот портрет Андрея Белого работы Л.С. Бакста (поясной) был написан по заказу редакции «Золотого Руна», репродуцирован в журнале (1907. № 1. Между с. 72 и 73). См. с. 14 нас. тома.

[378] Белый выехал в Москву 5 или 6 марта.

[379] Обстоятельства несостоявшейся публикации стихов Б.В. Савинкова (Бориса С.) в «Золотом Руне» описаны неточно – по хронологии и по сути. «Четыре стихотворения Бориса С.» Белому выслал А.М. Ремизов по почте 19 декабря 1905 г. с просьбой передать в «Золотое Руно» (см. сопроводительное письмо Ремизова к Белому: Александр Блок. Исследования и материалы. <Т. 4>. СПб., 2011. С. 454–455. Публ. А.В. Лаврова). 13 февраля 1906 г. С.А. Соколов (заведовавший тогда литературным отделом «Золотого Руна») написал Ремизову: «Стихи Бориса С. возвращаю – они не пойдут» (РНБ. Ф. 634. Ед. хр. 203).

[380] Первое издание этой книги: *Ménard Louis.* Hermès Trismégiste: traduction complète, précédée d'une étude sur l'origine des livres hermétiques. Paris: Didier, 1867 («Corpus Hermeticum»). В последующие десятилетия неоднократно переиздавалась.

[381] См. примеч. 530 к *МБ.*

[382] Вероятно, анахронизм: книга Г. Чулкова «О мистическом анархизме», содержавшая развернутое обоснование этой доктрины, вышла в свет лишь летом 1906 г.

[383] В 4-м, апрельском номере «Золотого Руна» за 1906 г. (С. 100–101, 105–107) были опубликованы рецензии Андрея Белого на книгу Д.С. Мережковского «Гоголь и Черт. Исследование» (М., 1906) и на нотное издание: *Метнер Н.* 9 песен Гете для голоса и ф-но. Соч. 6 (М., 1906).

[384] Свои московские встречи с Белым Иоганнес фон Гюнтер описал в мемуарах. См.: *Guenther Johannes von.* Ein Leben im Ostwind. Zwischen Petersburg und München: Erinnerungen. München, 1969. S. 131–134; Иоганнес фон Гюнтер и его «Воспоминания» / Статья, публ., примеч. и пер. К.М. Азадовского // *ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. М., 1993. С. 347–348; *Гюнтер Иоганнес фон.* Жизнь на восточном ветру. Между Петербургом и Мюнхеном / Пер. с нем., предисл., коммент. Ю. Архипова. М., 2010. С. 133–136.

[385] Выборы в 1-ю Государственную думу, открывшуюся 27 апреля 1906 г.

[386] См. примеч. 532 к *МБ.*

[387] В это время А. Блок сдавал государственные экзамены по славяно-русскому отделению историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета; 8 мая 1906 г. ему был присужден диплом I степени. См.: *Иезуитова Л.А., Скворцова Н.В.* Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. IV. Л., 1982. С. 77–81; *Кумпан К.А.* Александр Блок – выпускник Университета // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 2. С. 166–168.

[388] Подразумевается стихотворение «Незнакомка» («По вечерам над ресторанами...»); авторская датировка: 24 апреля 1906 г. (*Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 2. М., 1997. С. 123, 759).

[389] См. примеч. 533 к *МБ.*

[390] Московский генерал-губернатор (с ноября 1905 г.) вице-адмирал Ф.В. Дубасов, руководивший подавлением декабрьского вооруженного восстания в Москве, был объектом покушений со стороны Боевой организации эсеров несколько раз. Здесь подразумевается покушение в Москве 23 апреля 1906 г., в результате которого погиб бомбометатель Б.У. Вноровский-Мищенко, а Дубасов

получил не опасные для жизни повреждения. См.: *Савинков Б*. Воспоминания террориста. Л., 1990. С. 207–210.

[391] Речь идет о предполагавшемся совместном отъезде Белого и Л.Д. Блок в Италию (см.: *МДР*. С. 74).

[392] Белый возвратился в Москву в начале мая, в Дедове поселился не позднее 5 мая (см.: *Белый – Блок*. С. 284–285).

[393] Статья Андрея Белого «Генрик Ибсен» (Золотое Руно. 1906. № 6. С. 73–75) представляла собой отклик на кончину писателя (23 мая н. ст. 1906 г.); еще один его отклик – одноименная заметка в «Весах» (1906. № 7. С. 55–56. Подпись: *Борис Бугаев*).

[394] См.: *Андрей Белый*. Венец лавровый // Золотое Руно. 1906. № 5. С. 43–50.

[395] См. примеч. 538, 554 к *МБ*.

[396] См. примеч. 541 к *МБ*.

[397] См. примеч. 545 к *МБ*. Стихотворение «Хулиганская песенка» («Жили-были я да он...») впервые было опубликовано в альманахе «Корабли. Сб. стихов и прозы» (М., 1907. С. 108).

[398] См. примеч. 545 к *МБ*.

[399] Эта краткая встреча состоялась 8 августа в ресторане «Прага»; М.А. Бекетова записала в дневнике в этот день: «Саша с Любой вернулись из Москвы <...> Виделись с Борей. Поговорили 5 минут. Поссорились, разошлись, но он не намерен прекращать сношений и не верит в то, что Люба к нему изменилась» (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 618). Встреча описана Белым в мемуарах (*О Блоке*. С. 237; *МДР*. С. 83–84).

[400] См. примеч. 546 к *МБ*.

[401] См. примеч. 547 к *МБ*.

[402] Подразумевается статья «На перевале. Место анархических теорий в перевале сознания и индивидуализм искусства» (Весы. 1906. № 8. С. 52–54. Подпись: *Борис Бугаев*).

[403] См. примеч. 548 к *МБ*.

[404] В дневнике Е.П. Иванова зафиксированы ежедневные встречи с Белым с 4 по 7 сентября 1906 г. (см.: Блоковский сборник <1>. С. 409–410. Публ. Э.П. Гомберг и Д.Е. Максимова; Александр Блок. Исследования и материалы. <Т. 4>. С. 342–344. Подгот. текста О.Л. Фетисенко).

[405] Вечер состоялся 3 сентября; согласно записи Ф. Сологуба, к нему в это день пришли 11 человек: «Читали стихи: Андрей Белый, Кузьмин <так!>, Пестовский, я» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. Ед. хр. 81. Л. 48).

[406] Редакция петербургского ежемесячного литературного и научно-популярного журнала «Мир Божий», издававшегося с декабря 1891 по август 1906 г.; после цензурной приостановки журнала издание было возобновлено в октябре 1906 г. под названием «Современный Мир».

[407] Петербургский генерал-губернатор и товарищ министра внутренних дел Д.Ф. Трепов умер 2 сентября 1906 г.

[408] Рецензия Андрея Белого на четвертую книгу рассказов З.Н. Гиппиус «Алый меч» (СПб., 1906) была опубликована в № 9 «Весов» за 1906 г. (С. 57–60).

[409] См. примеч. 552 к *МБ*.

[410] См. примеч. 553 к *МБ*.

[411] См. примеч. 557 к *МБ*.

[412] Старая Пинакотека и Новая Пинакотека – художественные музеи Мюнхена. См. мемуарную главку «Пинакотека как дрожжи мысли» (*МДР*. С. 100–106).

[413] Кафе «Симплициссимус», популярное в литературно-артистической среде Мюнхена. См.: *Андрей Белый*. Мюнхен вечером // Киевские Вести. 1908. № 165, 22 июня.

[414] Имеется в виду польский поэт и драматург Казимеж Врочиньский; о встречах с ним см. в письмах Белого к Брюсову за ноябрь 1906 г. (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 396, 398). «Chimera» (1901–1907) – литературно-художественный журнал, орган польского модернизма.

[415] См. примеч. 557 к *МБ*.

[416] Имеется в виду фельетон «О проповедниках, гастрономах, мистических анархистах и т.д.» (Золотое Руно. 1907. № 1. С. 61–64).

[417] О своем негодовании в связи с публикацией рассказа «Куст» Л.Д. Блок написала Белому 2 октября 1906 г., в следующем письме к нему, от 9 октября, она заявляла: «Скажу Вам прямо – не вижу больше ничего общего у меня с Вами» (*ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 258–259).

[418] Драма Ст. Пшибышевского в «Золотом Руне» не печаталась; возможно, подразумеваются публикации в журнале фрагментов из его прозаической поэмы: «Тиртей. Песнь пятая из книги “Херувим”» (1907. № 2. С. 31–37), «Стезею Каина. Первая песнь поэмы “Херувим”» (1907. № 11/12. С. 50–57).

[419] См.: Весы. 1907. № 1. С. 53–56.

[420] Книги Р. Штейнера «Христианство как мистический факт и мистерии древности» («Das Christentum als mystische Tatsache und die Mysterien des Altertums», 1902) и «Как достигнуть познания высших миров?» («Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten?», 1904–1905).

[421] См.: *Липпс Т.* Руководство к психологии / Пер. с нем. М.А. Лихарева. СПб., 1907.

[422] Исследование Г. Когена «Теория познания Канта» («Kants Theorie der Erfahrung», 1871).

[423] Э.К. Метнер, сообщивший Белому в письме из Москвы от 26 октября / 8 ноября 1906 г. о своем предполагаемом приезде в Мюнхен «в конце ноября» (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 2. Л. 15), прибыл туда в декабре (н. ст.), уже после отъезда Белого; прожил в Мюнхене более полугода.

[424] См. примеч. 559 к *МБ.*

[425] 22 октября / 5 ноября 1906 г. Д.С. Мережковский просил Белого зайти к немецкому книгоиздателю Р. Пиперу: «... спросите его, получил ли он мое письмо и когда намерен приступить к изданию нашего первого *Сборника* (*Der Schwert* – Меч) на немецком языке. Скажите, что русский текст я вышлю ему по получении от него письма <...> Я пишу ему о Вас. Он человек весьма культурный и мог бы Вам быть полезен. Спросите его также, в каком положении немецкое издание моего “Грядущего Хама”» (Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 175. Публ. А. Холикова. Уточнено по автографу: РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 9). Издание задуманного публицистического сборника у Пипера не состоялось. О своем визите к Пиперу Белый написал Брюсову 1/14 декабря 1906 г. (*ЛН.* Т. 85: Валерий Брюсов. С. 403).

[426] Рассказ «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме» был опубликован в «Весах» (1908. № 4. С. 15–30).

[427] См. примеч. 561 к *МБ.*

[428] Имеются в виду еженедельные собрания (щукинские вторники), проходившие на квартире И.И. Щукина (на улице Ваграм, 91) и пользовавшиеся большой популярностью как у французских деятелей искусства (Роден, Дега, Ренуар, Редон, Гюисманс и др.), так и особенно у представителей русской колонии в Париже (в том числе у политических эмигрантов). Постоянными посетителями И.И. Щукина были упоминаемые выше Мережковский, Бальмонт, Бенуа и мн. др.

[429] См. примеч. 560 к *МБ.*

[430] Журнал «La Revue syndicaliste» издавался в Париже с мая 1905 по январь 1910 г.

[431] «L'Humanité» («Юманите») – французская ежедневная газета, в 1904–1920 гг. орган Социалистической партии; основана Ж. Жоресом.

[432] Имеется в виду книга: *Renouvier Ch.* Critique de la doctrine de Kant. Paris: F. Alcan, 1906.

[433] См. примеч. 562 к *МБ.*

[434] Имеется в виду Вера Николаевна Фидровская (Белый упоминает ее в письме к Блоку от 5 марта 1907 г., см.: *Белый – Блок.* С. 305). Каких-либо дополнительных сведений о ней обнаружить не удалось.

[435] Сборник статей Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философова на французском языке «Le Tsar et la Révolution» (Paris, 1907; немецкий перевод: Der Zar und die Revolution. München; Leipzig, 1908); см.: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция. (Париж, 1907). Первое русское издание / Под ред. М.А. Колерова. Вступ. статья М.М. Павловой. Пер. с франц. О.В. Эдельман. Подгот. текста Н.В. Самовер. М., 1999. Упомянутая статья Белого (см. примеч. 565 к *МБ*) в сборник не вошла.

[436] Подразумевается стихотворение «В голубые, священные дни…», опубликованное (без обозначения имени автора) как вступление в кн.: *Гиппиус З., Мережковский Д., Философов Д.* Маков цвет. Драма в 4-х действиях. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1908. С. 3. См.: *СП – 2*. С. 458–459.

[437] В Париже Б.В. Савинков появился после побега из-под стражи в Севастополе (где он был приговорен к смертной казни) и переправы на ботике через Черное море в Румынию. Белый, насколько известно, в Париже с ним не встречался: почти весь январь 1907 г. он провел в больнице (именно этим месяцем датируется знакомство Савинкова с Мережковскими; см.: *Гончарова Е.И.* «Революционное христовство» // «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову. СПб., 2009. С. 34).

[438] Подразумеваются участники революционного выступления 14–15 июня 1905 г. на броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический». Корабль был сдан румынским властям в Констанце, восставшая команда оказалась в эмиграции.

[439] 5/18 февраля 1907 г. Белый сообщал матери: «Вчера познакомил Жореса с Мережковским» («Люблю тебя нежно…». С. 95). Эту встречу Белый описал в очерке «Из встреч с Жоресом» (Час. 1907. № 2, 14 августа) и – с неточностями – в мемуарах (*МДР*. С. 146–149. З.Н. Гиппиус, опровергая Белого, утверждала, что она, вопреки его описанию, вообще не встречалась с Жоресом; см.: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 171–172). Мережковский рассказал о встрече с Жоресом в статье «Цветы мещанства» (Речь. 1908. № 35, 10 февраля), вошедшей в его сборник «В тихом омуте» (СПб., 1908).

[440] См. примеч. 565 к *МБ*.

[441] Лекция Мережковского состоялась 21 февраля / 5 марта 1907 г. «в гигантской Salle d'Orient»: «Было чуть не 1000 человек. А возражения пришлось перенести еще на другой вечер. Среди оппонентов был <…> и Андрей Белый» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 170).

[442] Белый встречался в Париже с Рудольфом Буксгевденом; отца, барона Отто Оттовича Буксгевдена, застрелил в Петербурге его сын и брат Рудольфа Эдгар. См.: *Ljunggren Magnus*. The Dream of Rebirth. A Study of Andrey Belyj's Novel "Petersburg". Stockholm, 1982. P. 142–143.

[443] См. примеч. 564 к *МБ*.

[444] См.: *Renouvier Ch.* Esquisse d'une classification systématiques des doctrines philosophiques. Paris, 1885–1886. Vol. 1–2.

[445] См. примеч. 566 к *МБ*.

[446] См. примеч. 568 к *МБ*.

[447] Подразумевается, прежде всего, известие о любовной связи Л.Д. Блок с Г.И. Чулковым (см. примеч. 567 к *МБ*).

[448] «Перевал. Журнал свободной мысли» был начат изданием в Москве в ноябре 1906 г. (редактор С.А. Соколов, издатель В. Линденбаум). См.: *Соболев А.Л.* «Перевал. Журнал свободной мысли». 1906–1907. Аннотированный указатель содержания. М., 1997.

[449] В июне–июле 1907 г. М.М. Духовской был редактором-издателем московской ежедневной политической, литературной и общественной газеты «Накануне».

[450] См. примеч. 570–571 к *МБ*.

[451] См. примеч. 575 к *МБ*

[452] См. примеч. 576 к *МБ*.

[453] См. примеч. 594 к *МБ*.

[454] См. примеч. 577 к *МБ*.

[455] Имеется в виду «Среда» – литературный кружок писателей-реалистов, возникший осенью 1899 г. по инициативе Н.Д. Телешова и собиравшийся еженедельно у него на квартире. В данном случае идет речь о расширенных собраниях кружка («выходные», или большие, «Среды»), которые проходили либо у С.С. Голоушева (в Хамовниках), либо у Л. Андреева (в Ср. Тишинском пер., 5–7). См.: *Телешов Н.Д.* Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1958. С. 49; <*Шруба М.*> Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 228.

[456] Дополнительных сведений об этом кружке, иронически охарактеризованном в мемуарах Белого (*МДР*. С. 207–208), не установлено.

[457] Выступление Белого с чтением отрывков из этой поэмы (см. примеч. 519 к *МБ*) состоялось 24 апреля 1907 г. (см.: Русские Ведомости. 1907. № 92, 21 апреля).

[458] Имеется в виду А.В. Средин.

[459] Ошибка Белого. Имеется в виду М.А. Мамонтов.

[460] Имеется в виду Л.Н. Алексеева, впоследствии известная танцовщица и балетмейстер, работавшая в жанре «свободного танца». Прозвище «Бишка» (от *франц.* bichette – козочка) носила с детства, из-за того, что постоянно находилась в движении (*Кулагина И.Е.* Школа движения Людмилы Алексеевой: к 120-летию со дня рождения (1890–1964). М., 2010; Сироткина И. Свободное движение и пластический танец в России. М., 2011. С. 51–54). В начале 1910-х училась в танцевальной студии Э.И. Рабенек и на Высших женских курсах. Дружила с супругами д'Альгейм и принимала активное участие в работе «Дома Песни».

[461] Причиной обиды могли служить нелицеприятные критические отзывы М. Горького о литературных опытах М.Г. Сивачева в письмах к нему (вторая половина 1905 г.). См.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. В 24 т. Т. 5. М., 1999. С. 73–74, 88–89, 109, 117.

[462] См. примеч. 582 к *МБ*.

[463] Рецензии Андрея Белого на вышедшие в свет в издательстве «Оры» альманах «Цветник Ор. Кошница первая» (СПб., 1907) и драму Г. Чулкова «Тайга» (СПб., 1907) были опубликованы в «Весах» (1907. № 6. С. 66–70).

[464] Книга стихотворений Андрея Белого «Урна» (М.: Гриф, 1909) была сформирована в конце 1908 г., вышла в свет в конце марта 1909 г.

[465] Подразумевается либо труд С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» в 29 томах (М., 1851–1879; изд. 2-е: т. 1–28: М., 1854–1885, переизд.: СПб., 1893–1896), либо его сокращенная версия – «Учебная книга русской истории» (Вып. 1–5. М., 1859–1860), многократно переиздававшаяся.

[466] Лекции А.А. Потебни «Из записок по теории словесности» (Харьков, 1905).

[467] Перечислены статьи из публиковавшегося в «Весах» авторского цикла Андрея Белого (за подписью: *Борис Бугаев*) «На перевале»: «XI. Теория или старая баба» (1908. № 4. С. 38–42), «IX. Детская свистулька» (1907. № 8. С. 54–58), «VIII. Синематограф» (1907. № 7. С. 50–53), «VII. Штемпелеванная калоша» (1907. № 5. С. 49–52), – а также статья «Не мир, но меч» (1908. № 6. С. 54–56) – отзыв о книге Д.С. Мережковского «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (СПб., 1908).

[468] Андрей Белый вышел из числа сотрудников «Золотого Руна» ранее – во второй половине марта или начале апреля 1907 г. В середине апреля 1907 г. В.Я. Брюсов сообщал З.Н. Гиппиус: «Борис Николаевич "официально" покинул "Золотое Руно" <...>» (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 694). В данном случае мог подразумеваться также обмен открытыми письмами между Белым и Н.П. Рябушинским, опубликованными в газете «Столичное Утро» 5, 9 и 11 августа 1907 г.; они были обусловлены отказом редакции «Золотого Руна» опубликовать полемическое «Письмо в редакцию» Белого (см. примеч. 585 к *МБ*).

[469] См. примеч. 585 к *МБ*.

[470] Рецензия Андрея Белого на роман А. Ремизова «Пруд» (СПб., 1908) была опубликована в «Весах» (1907. № 12. С. 54–56).

[471] Книга С.М. Городецкого «Дикая воля. Стихи и сказки» (СПб.: Факелы, 1908) вышла в свет после прекращения издания «Перевала». Здесь Белый подразумевает свою рецензию на книгу Городецкого «Перун. Стихотворения лирические и лиро-эпические» (СПб.: Оры, 1907), опубликованную в «Перевале» (1907. № 8/9, июнь–июль. С. 103–104), а также, вероятно, свою статью «Бальмонт. Силуэт», опубликованную в газете «Час» 21 ноября 1907 г. (в «Перевале» статья или рецензия Белого с оценкой творчества К.Д. Бальмонта не появилась).

[472] См. примеч. 587 к *МБ*.

[473] Очерк Андрея Белого «Из встреч с Жоресом» был опубликован в московской газете «Час» 14 августа 1907 г. Две другие упомянутые Белым газеты издавались в Москве одновременно с газетой «Час» и независимо от нее.

[474] См. примеч. 586, 588 к *МБ*.

[475] Очерки Андрея Белого «Шолом Аш. Силуэт» и «Пшибышевский. Силуэт» были опубликованы в газете «Час», соответственно, 16 сентября и 2 сентября 1907 г., статья «Люди с "левым устремлением"» – там же 24 августа 1907 г.

[476] Имеется в виду московская еженедельная газета литературы и искусства «Литературно-Художественная Неделя», выходившая с 17 сентября по 8 октября 1907 г. (редактор-издатель В.И. Стражев). Андрей Белый опубликовал в ней статью «Смерть или возрождение. "Жизнь Человека" Л. Андреева» (№ 1, 17 сентября) – отклик на выход в свет упомянутой драмы Андреева.

[477] Полемических выступлений Андрея Белого, касавшихся Антона Крайнего (псевдоним З.Н. Гиппиус в амплуа литературного критика и публициста), в «Весах» не появлялось.

[478] См. выше, примеч. 471.

[479] «Жемчуг жизни. Этюд» Андрея Белого был опубликован в газете «Наш Понедельник» (1907. № 4, 10 декабря). В газете «Клуб», редактором-издателем которой был А.А. Курсинский, Белый опубликовал другой прозаический этюд – «Радужный город» (1907. № 1, 11 декабря).

[480] См.: *Андрей Белый.* 1) Символический театр. К гастролям Коммиссаржевской // Утро России. 1907. № 1, 16 сентября; 2) Символический театр. По поводу гастролей Коммиссаржевской // Там же. № 11, 28 сентября.

[481] Конфликт между Белым и перечисленными лицами – ближайшими сотрудниками «Литературно-Художественной Недели» – возник в последней декаде сентября 1907 г. и был вызван критическими выпадами по адресу «Весов» и лично В. Брюсова, появившимися в этой газете. См.: *МДР*. С. 225–226, 513 (письмо В.И. Стражева, Б.К. Зайцева, Б.А. Грифцова, П.П. Муратова к Белому от 24 сентября 1907 г.). В результате Белый отказался от сотрудничества в «Литературно-Художественной Неделе» и прервал отношения с членами редакции, о чем оповестил Стражева в пространном письме от 25 сентября 1907 г. (см.: *Малмстад Дж.* Кое-что об Андрее Белом. I. Буря символистов в стакане воды // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 204–210).

[482] Л.Д. Семенов посетил Л.Н. Толстого в Ясной Поляне 18 сентября 1907 г. (см.: *ЛН*. Т. 90: У Толстого. 1904–1910. «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Кн. 2. М., 1979. С. 513–514). К секте, основанной А.М. Добролюбовым, Семенов не принадлежал, однако обстоятельства и мотивы его «ухода» из образованной петербургской среды дают основания для того, чтобы считать его в известной мере последователем Добролюбова.

[483] См.: *Андрей Белый*. Об итогах развития нового русского искусства // В Мире Искусств. 1907. № 17/18. С. 7–9.

[484] В Киеве Белый находился со 2-го или 3 октября по 6 октября 1907 г.

[485] См. примеч. 591 к *МБ*.

[486] См. примеч. 592 к *МБ*.

[487] Белый возвратился в Москву из Петербурга в середине октября 1907 г.

[488] См.: *Андрей Белый*. Антон Павлович Чехов // В Мире Искусств. 1907. № 11/12. С. 11–13.

[489] Осенью 1907 г. в московской газете «Столичное Утро» была опубликована одна статья Белого – «Иван Александрович Хлестаков» (18 октября).

[490] Очерк Белого «Мережковский. Силуэт» был опубликован в «Утре России» 18 октября 1907 г.

[491] См. примеч. 595, 597 к *МБ*.

[492] Неоднократно переиздававшаяся книга: *Schuré Edouard*. Les grands initiés. Esquisse de l'histoire secrète des religions. Paris, 1889 (русский перевод Е. Писаревой: *Шюре* Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. Калуга, 1914). Белый излагает фрагменты из нее в комментариях к своей книге «Символизм» (С. 623–624).

[493] В 1908 г. Н. Валентинов издал в Москве две книги, в которых обозначил свой отход от ортодоксального марксизма, – «Философские построения марксизма» и «Э. Мах и марксизм». О встречах с Андреем Белым Валентинов подробно рассказал в своей мемуарной книге «Два года с символистами» (1969).

[494] В труде В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (М., 1909; под псевдонимом «Вл. Ильин») дается резкая критика философских построений Н. Валентинова, однако о «символизме» в этой связи речи не идет.

[495] Подразумевается кружок «Среда» (см. выше, примеч. 455).

[496] Ежедневная общественно-литературная газета «Столичное Утро» издавалась в Москве с 30 мая по 19 октября 1907 г. (официальный редактор-издатель С.Л. Кугульский, с № 56 – В. Павлов). Участие Белого в ее редактировании было, по-видимому, номинальным: практически одновременно с его возвращением в Москву в середине октября газета была приостановлена в административном порядке.

[497] См. примеч. 595 к *МБ*.

[498] См. примеч. 598 к *МБ*. Во время этого приезда в Петербург Белый не жил в квартире Блоков, а снимал комнату на Васильевском острове. 12 ноября 1907 г. он сообщал матери: «Раза 3 был у Блоков» (*ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 314; «Люблю тебя нежно…». С. 105).

[499] См. примеч. 599, 601 к *МБ*.

[500] См. примеч. 600 к *МБ*. Белый встречался с Вяч. Ивановым и М.А. Волошиным 21 ноября 1907 г., с Волошиным также 22 ноября. См. записи Волошина в дневнике «История моей души» от 23 ноября 1907 г. (*Волошин М.* Собр. соч. Т. 7, кн. 1. С. 281–283).

[501] Подразумевается одна из двух статей, опубликованных в «Весах» лишь год спустя (и написанных, видимо, также позднее): «Символизм и современное русское искусство» (1908. № 10. С. 38–48) или «Символизм» (1908. № 12. С. 36–41).

[502] Эта статья (о творчестве В. Брюсова) была опубликована в газете «Раннее Утро» (1907. № 27, 19 декабря).

[503] Статья Андрея Белого «Фридрих Ницше» была опубликована в «Весах» (1908. № 7. С. 45–50; № 8. С. 55–65; № 9. С. 30–39).

[504] Обе статьи были опубликованы в «Весах» в 1908 г.: «Трилогия Мережковского» – в № 1 (С. 73–81), «Далай-лама из Сапожка» (о творчестве Ф. Сологуба) – в № 3 (С. 63–76).

[505] «Город. Фельетон» был напечатан в газете «Наш Понедельник» (1907. № 1, 19 ноября).

[506] См. выше, примеч. 479.

[507] Имеется в виду возвращение Э.К. Метнера в Москву после продолжительного пребывания в Германии (декабрь 1906 г. – октябрь 1907 г.).

[508] По всей вероятности, эта встреча с А.Н. Скрябиным состоялась значительно позднее – в марте 1909 г. (предполагаемая дата: 8 марта). См.: «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. 1901–1928 / Публ. А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. М., 2006. С. 118–119.

[509] См. выше, примеч. 496. Корректируя аналогичные свидетельства Белого в мемуарах, Н. Валентинов сообщает, что сам он «действительно толкал его писать в этой газете», однако «“Столичное Утро” – газета большая, богатая <…> ни социал-демократической, ни марксистской ни на одну минуту не была. Это было издание только с “левым”, демократическим направлением <…> Верно – газету “захлопнули”, но никаких высылок “редакционной группы – Валентинова и Виленского” не произошло <…>» (*Валентинов Н*. Два года с символистами. С. 26, 23).

[510] Подразумевается С.Л. Кугульский, в действительности издававший «Столичное Утро». Редактором московской ежедневной газеты «Раннее Утро» в 1907 г. был Н.П. Прединский.

[511] «Голос Москвы» – издававшаяся с 1906 г. ежедневная газета, отстаивала политическую платформу Союза 17 октября. В октябре 1907 г. В. Брюсов вел с редакцией газеты переговоры об издании «Литературных приложений» к ней при ближайшем участии четырех авторов (своем, Ф. Сологуба, А. Блока и Белого). Белый заявил (в письме к Брюсову), что участие его и Блока возможно лишь при условии, если «Голос Москвы» «объявит себя газетою беспартийною» (*ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 411). Идея издания «Литературных приложений» не реализовалась.

[512] С чтением этой лекции Белый выступил 19 декабря 1907 г. Повторное выступление («Фридрих Ницше и предвестия современности») в аудитории Польской библиотеки (Мясницкая ул., Милютинский пер.) состоялось 28 января 1908 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 14. Л. 11).

[513] В Московском Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева Белый выступил с лекцией «О новом искусстве символизма» (см.: *Соболев А.В.* К истории Религиозно-философского

общества памяти Владимира Соловьева // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 109).

[514] Эта поездка в Петербург состоялась лишь в середине января 1908 г.

[515] См. примеч. 604 к *МБ*.

[516] В мемуарах Белый связывает этот эпизод с провокаторской деятельностью О.Ф. Путяты: «На мне Пуцято <так!> отразилась неприятнейшим инцидентом с полицией, из которого я едва выкрутился» (*МДР*. С. 245), – однако конкретные обстоятельства оставляет непроясненными.

[517] «Реквием» (1791) — незаконченное произведение В.А. Моцарта (с дополнениями Ф.Кс. Зюсмайра).

[518] См. примеч. 606 к *МБ*.

[519] См. примеч. 608 к *МБ*.

[520] Ф. Сологуб выразил недовольство статьей Белого о нем «Далай-лама из Сапожка» в письме к В.Я. Брюсову от 12 апреля 1908 г. Узнав об этом от Брюсова, Белый направил Сологубу 30 апреля развернутое объяснительное письмо (см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Символисты вблизи. С. 363–369).

[521] Имеется в виду книга Г. Шпета «Проблема причинности у Юма и Канта. Ответил ли Кант на сочинения Юма?» (Киев, 1907).

[522] Речь идет о двухтомном труде Христофа Зигварта «Логика» (1873–1878; русский перевод: СПб., 1908 – 1909).

[523] См. выше, примеч. 144.

[524] Подразумеваются диссертация Д.В. Викторова «Эмпириокритицизм, или Философия чистого опыта» (М., 1909) и книга Рихарда Авенариуса «Критика чистого опыта» в русском переводе (Т. 1–2. М., 1907–1908).

[525] Искаженное название труда Пауля Наторпа «Plato's Ideenlehre. Eine Einführung in den Idealismus» (Leipzig, 1903. «Учение Платона об идеях. Введение в идеализм»).

[526] Труд Густава Теодора Фехнера «Элементы психофизики» («Elemente der Psychophysik», Leipzig, 1860); охарактеризован Белым в комментариях к книге «Символизм» (С. 473).

[527] «Философическая грусть» – название раздела в книге стихотворений Андрея Белого «Урна». 10 из 12-ти составляющих его стихотворений датируются 1908 годом.

[528] Подразумевается анализ ритмической организации стиха у названных поэтов.

[529] «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева в 29 томах (см. выше, примеч. 465).

[530] Имеются в виду рецензии на книги: Нина Петровская. Sanctus amor. М., 1908 (Весы. 1908. № 3. С. 90–92); Антон Крайний (З. Гиппиус). Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908 (Там же. С. 86–89); З.Н. Гиппиус. Черное по белому: Рассказы. СПб., 1908 (Весы. 1908. № 2. С. 77–78); Алексей Ремизов. Чертов лог: Рассказы. Полуночное солнце: Поэмы. СПб., 1908 (Там же. С. 79–80), – а также статьи «О пьянстве словесном» (впервые опубликованная в книге Андрея Белого «Арабески» (М., 1911): «На перевале. XXIII. О пьянстве словесном») и «Валерий Брюсов. Силуэт» (Свободная Молва. 1908. № 1, 21 января).

[531] По получении письма Блока от 24 апреля 1908 г., в котором критически оценивались 4-я симфония «Кубок метелей» и последние статьи Белого в «Весах», последний ответил письмом от 3 мая, в котором заявил о прекращении личных отношений. См.: *Белый – Блок*. С. 363–365.

[532] См. примеч. 610, 611 к *МБ*.

[533] Вяч. Иванов был в Москве в конце марта—начале апреля 1908 г., с лекцией «Две стихии в современном символизме» он выступал 25 марта в Московском Литературно-Художественном кружке, с лекцией «Символизм и религиозное творчество» – 30 марта на XVIII публичном заседании Религиозно-философского общества. Возражения, высказанные Иванову в ходе публичного обсуждения, Белый дополнил полемическими доводами, сформулированными в частном письме к нему. См.: *Глухова Е.В.* Письмо Андрея Белого к Вячеславу Иванову о докладе «Две стихии в современном символизме» // Из истории символистской журналистики. «Весы». М., 2007. С. 118–126.

[534] С лекцией «Морис Метерлинк (Опыт литературной характеристики)» Ю.И. Айхенвальд выступил в Московском педагогическом собрании 19 марта 1908 г.

[535] «Дон» – меблированные комнаты. См. выше, примеч. 335.

[536] Ср. свидетельство в «Воспоминаниях о Блоке»: «... прочитываю исследования Новосадского "*Об орфических гимнах*"» (*О Блоке*. С. 306). Сведения из исследования Н.И. Новосадского «Орфические гимны» (Варшава, 1900) – аттестуемого как «превосходная книга» – Белый использует в комментариях к книге «Символизм» (С. 522–523, 566, 596–597).

[537] См. отражение этих настроений в письме Андрея Белого к Эллису, датированном февралем 1908 г. (*Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 412–424).

[538] Подразумевается негативная реакция ряда членов Московского Религиозно-философского общества на выход в свет романа В.П. Свенцицкого «Антихрист. Записки странного человека» (СПб., 1908), вследствие чего Совет Общества довел до «общего сведения, что он предложил В.П. Свенцицкому выйти из состава Общества за ряд действий, явно предосудительного характера» (Русское Слово. 1908. № 271, 21 ноября. С. 5. См. подробнее комментарии Е.И. Гончаровой в кн.: Революционное христовство. Письма Мережковских к Борису Савинкову. С. 149–150). Белый описал «судилище» над Свенцицким в мемуарах (*НВ*. С. 496). Обзор многочисленных печатных отзывов об «Антихристе» см. в комментариях С.В. Черткова в кн.: *Свенцицкий В.П., протоиерей*. Собр. соч. <Т. 1>: Второе распятие Христа. Антихрист. Пьесы и рассказы 1901–1917. М., 2008. С. 692–705. Ср. письмо С.Н. Булгакова к А.С. Глинке от 28 февраля 1908 г. (*Взыскующие Града*. С. 159).

[539] Ср. дневниковую запись Э.К. Метнера (Серебряный Колодезь. 1 июня 1908 г.): «Целый день гуляли и беседовали с Бугаевым и Сергеем Соловьевым, приехавшим сюда на четыре дня» (РГБ. Ф. 167. Карт. 22. Ед. хр. 12. Л. 28. Оригинал по-немецки).

[540] См. примеч. 612 к *МБ*. «Паук» – стихотворение из раздела «Паутина» книги «Пепел».

[541] См.: *Гуссерль Э.* Логические исследования. Ч. 1. Пролегомены к чистой логике / Пер. с нем. Э.А. Бернштейн, под ред. и с предисл. С.Л. Франка. СПб., 1909.

[542] Книга Я.А. Денисова «Основания метрики у древних греков и римлян» (М., 1888). Сохранились тезисы Белого «Метрика», составленные по работе Денисова (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 52). Книгу Денисова Белый использовал в комментариях к статье «Смысл искусства» из книги «Символизм» (С. 556–560). О Я.А. Денисове см.: *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 579–584.

[543] Произведения Улы Хансона (Ola Hansson) переводила на русский язык дочь В.М. Коваленского М.В. Коваленская. С ее предисловием и в ее переводе издана кн.: *Ганссон О.* Видения молодого Офега. М., 1908. См. также: *МДР*. С. 15.

[544] Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и Д.В. Философов возвратились в Петербург 12 июля 1908 г. после более чем двухлетнего проживания за границей (см.: *Соболев А.Л.* Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 371), после этого поселились на даче близ Суйды (железнодорожная станция к югу от Гатчины).

[545] См. примеч. 614 к *МБ*. В.Я. Богучарский вошел в редакцию журнала «Образование» вместе с Мережковским и Гиппиус и покинул ее вслед за ними.

[546] См. примеч. 615 к *МБ*.

[547] См. примеч. 617 к *МБ*.

[548] Подразумевается, видимо, «Всеобщая история философии» («Allgemeine Geschichte der Philosophie». Bd. 1. 1894) Пауля Дейссена. Белый упоминает эту и другие книги Дейссена в комментариях к сборнику «Символизм» (С. 462). 3-я часть 1-го тома «Всеобщей истории философии» Дейссена под заглавием «Философия индийцев после Вед; с приложением о философии китайцев и японцев» («Die nachvedische Philosophie der Inder, nebst einem Anhang über die Philosophie der Chinesen und Japanesen») вышла в свет в 1908 г.; возможно, что именно с этой книгой знакомился Белый (см.: *Светликова И.* Кант-семит и Кант-ариец у Белого // Новое литературное обозрение. 2008. № 93. С. 69–70).

[549] См. примеч. 618 к *МБ*. Статья «Искусство» впервые опубликована в книге Андрея Белого «Арабески»; остальные упомянутые статьи – в журнале «Весы»: «Литературный распад» – отзыв

об одноименном сборнике статей (СПб., 1908) (1908. № 5. С. 69–72. Подпись: *Яновский*), «На перевале. XII. Слово правды» (1908. № 9. С. 59–62. Подпись: *Борис Бугаев*), «На перевале. X. Вольноотпущенники» (1908. № 2. С. 69–72. Подпись: *Борис Бугаев*).

550 К осени 1908 г. были изданы в русском переводе: *Чамберлен Г.С.* Евреи, их происхождение и причины их влияния в Европе / Пер. с нем. СПб., 1906 (То же: 1907); *Чамберлэн Г.С.* Явление Христа / Пер. с нем. СПб., 1906.

551 См. выше, примеч. 64.

552 Пьеса Ст. Пшибышевского «Вечная сказка» (1906) была впервые представлена в театре В.Ф. Коммиссаржевской 4 декабря 1906 г. (Коммиссаржевская в роли Сонки). В ноябре 1908 г. представлений «Вечной сказки» не было.

553 В письме к Белому от 30 октября 1908 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 14. Ед. хр. 6) З.Н. Гиппиус сообщала, что с января 1909 г. Мережковский и она будут заведовать в журнале «Русская Мысль» литературным и литературно-критическим отделами. При встрече с Мережковскими в Петербурге речь, безусловно, шла о перспективах сотрудничества в этом журнале. Намеченный союз оказался непрочным. 3 декабря 1908 г. Гиппиус писала А. Блоку: «Мы разошлись с Русск<ой> М<ыслью> и остаемся <…> еще 2–3 месяца редакторами *чисто беллетристического* отдела» (*Минц З.Г.* Александр Блок и русские писатели. С. 577).

554 «Прекрасная мельничиха», песенный цикл Ф. Шуберта (ор. 25, 20 песен, 1823) на стихи В. Мюллера.

555 Имеется в виду журнал «Московский Еженедельник», издававшийся с марта 1906 г. до сентября 1910 г. под редакцией Е.Н. Трубецкого на средства М.К. Морозовой. С.В. Лурье здесь фигурирует как член редакции журнала «Русская Мысль». Свою интерпретацию обозначенной интриги Белый дал в мемуарах (*О Блоке*. С. 310–311; *МДР*. С. 217).

556 См. примеч. 619 к *МБ*.

557 Эту случайную встречу Белый подробно описал в мемуарах (*НВ*. С. 480–481).

558 Конфликт был вызван тем, что В.И. Стражев воспринял оскорбительные выпады против писателей-эпигонов, сделанные Белым в статье «На перевале. X. Вольноотпущенники» (см. выше, примеч. 549), по собственному адресу. См.: *МДР*. С. 226.

559 Формирование редакционного комитета «Весов» было обусловлено в первую очередь решением В.Я. Брюсова отойти от фактического руководства журналом. В состав Комитета вошли Брюсов, Андрей Белый, С.А. Поляков, Эллис, С.М. Соловьев, Ю.К. Балтрушайтис, М.Ф. Ликиардопуло. См.: *Азадовский К.М.*, *Максимов Д.Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // *ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 305–306.

560 См. примеч. 620 к *МБ*.

561 Инцидент произошел 28 ноября 1908 г. в ходе прений по докладу Д.С. Мережковского о Лермонтове «Поэт сверхчеловечества», вызвавшему возражения кн. Е.Н. Трубецкого; в ответ «худенький и прыгающий А. Белый дал князю отпор и наговорил ему много неприятных вещей» (*Локс К.* Повесть об одном десятилетии (1907–1917) // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 42. Публ. Е.В. Пастернак и К.М. Поливанова). См. также: *МДР*. С. 269; письмо Андрея Белого к М.К. Морозовой от 29 ноября 1908 г. («Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 111–112); письмо С.Н. Булгакова к А.С. Глинке от 12 декабря 1908 г. (*Взыскующие Града*. С. 180–181).

562 Текст этого письма неизвестен. Упоминая о нем в мемуарах, Белый добавляет о Мережковском: «…он – молчит <…> письмо мое поставило точку на отношениях (мы позднее встречались, но внешне)» (*МДР*. С. 312).

563 Подразумевается Московский Литературно-художественный кружок.

564 С чтением этой лекции Белый выступил 5 декабря 1908 г. в помещении Политехнического общества (см.: «Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 113).

565 Документальные свидетельства об этом выступлении Белого не выявлены.

566 М.С. Шагинян опубликовала 7 писем Белого к ней, написанных между 17 декабря 1908 г. и 2 января 1909 г. (см.: *Шагинян М.* Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 239–247).

[567] Книга Андрея Белого «Пепел. Стихи» (СПб.: Шиповник, 1909) вышла в свет в начале декабря 1908 г.

[568] См. примеч. 623 к *МБ*.

[569] Подробнее об этом см.: *О Блоке*. С. 343–344; *МДР*. С. 318–320.

[570] О взаимоотношениях Белого с Н.А. Бердяевым см.: *Бойчук А.Г.* Андрей Белый и Николай Бердяев: к истории диалога // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 51. 1992. № 2. С. 18–35.

[571] В 1909 г. в журнале «Критическое Обозрение» публикаций Андрея Белого не было.

[572] См. примеч. 624 к *МБ*.

[573] См. примеч. 625 к *МБ*.

[574] См. примеч. 626 к *МБ*.

[575] Теософский журнал на французском языке, основанный Е.П. Блаватской, – «Le Lotus bleu. Seul organe en France de la Sociéte théosophique»; издавался с марта 1890 по февраль 1898 г.

[576] «Сефер Иецира» (*иврит*) – «Книга Творения»; «очень древний каббалистический труд, приписываемый патриарху Аврааму. В нем творение вселенной представлено по аналогии с двадцатью двумя буквами еврейского алфавита <…> Самое оккультное из всех каббалистических сочинений, имеющихся ныне в руках современных мистиков» (*Блаватская Е.П.* Теософский словарь. М., 1994. С. 40). См.: *Бурмистров К., Эндель М.* «Сефер йецира» в еврейских и христианских традициях // Judaica Rossica. Вып. 2. М., 2002. С. 49–80.

[577] Вероятно, имеется в виду издание: «Monographie de la voie sacrée éleusinienne, de ses monuments et de ses souvenirs» (Paris, 1864). Белый упоминает эту книгу Франсуа Ленормана в комментариях к книге «Символизм» (С. 458).

[578] Наиболее вероятно, что Белый читал лекции А. Гарнака «Сущность христианства» по изданию: *Гарнак А.* Сущность христианства / Пер. Е. Векиловой и В. Эрна. Предисл. В. Эрна. М., 1907.

[579] Имеется в виду изложение астрологического труда Юлия Фирмика Матерна середины IV в. «Matheseos libri VIII» («Познание в восьми книгах»); издавался неоднократно (например: Leipzig, 1898 и др.).

[580] См. выше, примеч. 526, 146. См.: *Бэн А.* Психология / Пер. с англ., под ред. и с предисл. А.С. Белкина. Т. 1–2. М., 1902–1906.

[581] См. примеч. 637 к *МБ*.

[582] Рецензию на книгу Э. Бутру «Наука и религия в современной философии» (Пер. В. Базарова. СПб., 1910) Андрей Белый опубликовал в журнале «Логос» (1910. № 1. С. 282–284. Подпись: *Б. Бугаев*).

[583] Имеется в виду статья «На перевале. XII. Вейнингер о поле и характере» (Весы. 1909. № 2. С. 77–81. Подпись: *Борис Бугаев*). Упоминается сочинение Отто Вейнингера «Пол и характер. Теоретическое исследование» (1902; пер. с нем. В. Лихтенштадта под ред. и с предисл. А.Л. Волынского. СПб.: Посев, 1908; см. также: М.: Сфинкс, 1909) и посмертная книга «О последних вещах» (Über die letzte Dinge. Wien; Leipzig, 1904), опубликованная его другом Морицем Раппопортом.

[584] См. примеч. 627 к *МБ*. Подразумеваются стихотворения «“Наин” – святой гиероглиф…», «Сергею Соловьеву» («Соединил нас рок недаром…»), «Э.К. Метнеру» («Старинный друг, моя судьбина…») (*СП – 1*. С. 352–356).

[585] Имеется в виду «Опыт о русском стихосложении» А.Х. Востокова (1812; отд. изд.: СПб., 1817).

[586] См. примеч. 628 к *МБ*.

[587] См. примеч. 629 к *МБ*.

[588] См. примеч. 630 к *МБ*.

[589] Саввино-Сторожевский монастырь с Рождественским собором (нач. XV в.) и многочисленными постройками (XVII в.) в подмосковном городе Звенигород. Подробнее см.: *МДР*. С. 326.

[590] О выступлениях М.А. Эртеля на собраниях московских теософов см.: *НВ*. С. 85–86.

[591] Апрельский номер «Весов» (1909. № 4) включал раздел «Памяти Гоголя. 1809–1909», приуроченный к 100-летию со дня рождения писателя (С. 65–120); в нем были напечатаны: Неизданное письмо о. Матфея к Гоголю (публ. и примеч. С.Н. Дурылина), статьи «Гоголь» Андрея Белого,

«Человек, который смеется. О страшном суде Гоголя над миром и над самим собой» Эллиса, «Романтизм Гоголя» Бориса Садовского, «Испепеленный» Валерия Брюсова. Кроме того, речь Белого о Гоголе была зачитана (наряду с выступлениями С.М. Соловьева и Эллиса) 10 апреля 1909 г. на собрании памяти Гоголя в Обществе Свободной Эстетики (РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 21).

592 См. примеч. 617 к *МБ*. При упоминании книги Рудольфа Штейнера «Очерк тайноведения» («Die Geheimwissenschaft im Umriß») допущен анахронизм: первое ее издание вышло в свет в Лейпциге в 1910 г. (авторское предисловие датировано декабрем 1909 г.).

593 См. выше, примеч. 591; примеч. 631 к *МБ*.

594 А. Тургенева уехала в Боголюбы (под Луцком) и затем в Брюссель, где обучалась гравировальному искусству у Мишеля Огюста Данса.

595 «Сочинение магистра Пианко» Белый упоминает в комментариях к книге «Символизм» (С. 460). Магистром Пианко именовался у иллюминатов Ганс Генрих фон Экер (Эккер) унд Экхоффен (Hans Heinrich von Ecker und Eckhoffen), автор книг «Freymäurerische Versammlungsreden der Gold- und Rosenkreutzer des alten Systems» (Amsterdam, 1779) и «Der Rosenkreuzer in seiner Blosse» (Amsterdam, 1781). Подразумевается вторая книга («Разоблаченный Розенкрейцер»), так как именно она была издана под псевдонимом «Magister Pianco».

596 Подразумевается произведение Генриха Кунрата (H. Khunrath) «Amphitheatrum Sapientiae Aeternae» («Амфитеатр Вечной Мудрости»), изданное в Ганновере в 1609 г., – одно из ранних изложений философии розенкрейцерства.

597 Подразумевается произведение Г. Кунрата «Confessio de chao physico-chemicorum catholico» (1595).

598 Йозеф фон Хаммер-Пургшталь опубликовал мистическое сочинение «Baphometis revelatum» («Откровение Бафомета») в своем журнале «Fundgruben des Orients» (Bd. 6. Wien, 1818). Белый упоминает его как один из «латинских трактатов Гаммера» в главе 5-й романа «Серебряный голубь» (см.: *Андрей Белый*. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 132). «Arcana Coelestia» («Тайны Небесные») – главный труд Эмануэля Сведенборга (Vol. 1–8, 1749–1756); сокращенная версия в русском переводе: «О небесах, о мире духов и об аде» (1863).

599 Упоминается труд Э. Сведенборга «Apocalypsis explicata secundum sensum spiritualem» в переводе на французский. См. примеч. 242 к *МБ*.

600 Религиозно-нравственный журнал масонской ориентации, издававшийся в Москве А.Ф. Лабзиным в 1806, 1817–1818 гг.

601 См.: *Saint-Yves d'Alveydre, marquis Joseph-Alexandre*. Mission des juifs. Paris, 1884. Белый излагает и цитирует это «монументальное сочинение» («Миссия евреев») в комментариях к книге «Символизм» (С. 622–623).

602 Подразумевается «Вестник Теософии. Религиозно-философско-научный журнал», издававшийся ежемесячно в Петербурге в 1908–1918 гг.

603 См. книги «Анимизм и спиритизм» (Ч. 1–2. СПб., 1893) А.Н. Аксакова и «Многообразие религиозного опыта» (Пер. с англ. под ред. С.В. Лурье. М., 1910) Вильяма Джемса. Изложение взглядов Джемса Белый дает в комментариях к статье «О границах психологии» из книги «Символизм» (С. 474).

604 «Эннеады» («Девятерицы») – свод философских сочинений Плотина.

605 Подразумеваются, видимо, фрагменты из алхимических книг Арнольда из Виллановы.

606 Книга «О сокровенной философии» (1531) Агриппы Неттесгеймского. В. Брюсов изобразил Агриппу в романе «Огненный Ангел» (1907–1908); см. также: Агриппа Неттесгеймский. Знаменитый авантюрист XVI века. Критико-биографический очерк Жозефа Орсье / Пер. Б. Рунт. Под ред., с введением и примеч. В. Брюсова. М.: Мусагет, 1913.

607 Имеются в виду издания: *Финдель И.Г.* История франк-масонства от возникновения его до настоящего времени / Пер. со 2-го нем. изд. Т. 1–2. СПб., 1872–1874; *Шустер Г.* Тайные общества, союзы и ордена / Пер. с нем. О.А. Волькенштейн. Т. 1–2. СПб., 1905–1907.

608 Русский перевод этой книги появился позднее; см.: *Штёкль А.* История средневековой философии / Пер. Н. Стрелкова и И.Э. Под ред. и с предисл. проф. И.В. Попова. М., 1912. Возможно, Белый знакомился с этим трудом в немецком оригинале.

[609] Изумрудный Поселок – дачное место под Москвой (Брянская железная дорога, станция Очаковская). Э.К. Метнер приглашал Белого приехать туда («Жду к себе на дачу») открыткой, полученной в Дедове 2 июня 1909 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 20. Ед. хр. 5).

[610] Статьи «Семь планетных духов» (Весы. 1909. № 9. С. 68–71. Подпись: *Spiritus*) и «Шарль Бодлэр» (Весы. 1909. № 6. С. 71–80).

[611] Имеется в виду статья «Символизм», напечатанная в газете «Киевская Мысль» 12 июля 1909 г.

[612] Имеется в виду использованная Белым в статье «Шарль Бодлэр» книга: *Cassagne A.* Versification et Métrique de Charles Baudelaire. Paris, 1906. В комментариях к книге «Символизм» Белый называет ее «замечательным исследованием» (С. 597).

[613] См. примеч. 632 к *МБ*.

[614] С.А. Муромцев был избран председателем суда чести Общества периодической печати и литературы, принявшего к рассмотрению инцидент с Эллисом.

[615] См. письмо С.М. Соловьева к Белому (конец августа 1909 г.), послужившее непосредственным поводом для разрыва (*Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 128–129).

[616] См. примеч. 633 к *МБ*.

[617] Объединение начинающих литераторов, организованное при редакции «Мусагета». Собрания проходили в помещении редакции и в мастерской скульптора К.Ф. Крахта.

[618] Подразумевается тройственная структура «Мусагета», предполагавшая распределение книгоиздательской и организационной деятельности по трем руслам: собственно «Мусагет» (основное направление издательства с широкими культурологическими установками), серия «Орфей» (религиозно-мистическое направление), «Логос» (философское направление, манифестировавшее себя выпуском в свет одноименного международного журнала по философии культуры).

[619] «Путь» – московское издательство религиозно-философской направленности, основанное в марте 1910 г. (М.К. Морозова – его владелица, учредительница и главный организатор). См.: *Голлербах Е.* К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» (1910–1919) в поисках новой русской идентичности. СПб., 2000.

[620] Имеются в виду исследования «Из записок по русской грамматике» (Т. 1–2. Харьков; Воронеж, 1874; Т. 3. Харьков, 1899) А.А. Потебни и «Система античной ритмики» («System der antiken Rhythmik», 1865) Рудольфа Георга Германа Вестфаля (Westphal); оба труда использованы Белым в комментариях к книге «Символизм» (С. 554, 557–564, 573).

[621] Видимо, имелся в виду трактат Аристотеля «О душе» (ок. 334 г. до н. э.), считающийся первым трудом по психологии. Впервые отдельной книгой был издан на русском в переводе В.А. Снегирева под заглавием «Психологические сочинения Аристотеля. Выпуск I. Исследование о душе» (Казань, 1885).

[622] См. примеч. 634 к *МБ*.

[623] Статья «Будущее искусство» была впервые опубликована (с датировкой: 1907) в книге Андрея Белого «Символизм» (С. 449–453), статьи «Анатэма» (об одноименной драме Л.Н. Андреева) и «Огненный Ангел» (рецензия на кн.: Валерий Брюсов. Огненный Ангел. Повесть из немецкой жизни XVI века. Изд. 2-е. М., 1909) – в «Весах» (1909. № 9. С. 103–106, 91–93).

[624] Эта поездка не состоялась.

[625] Эта встреча предваряла решение суда чести по рассмотрению инцидента с Эллисом (См. примеч. 632 к *МБ*), состоявшегося 7 ноября 1909 г. и признавшего, что факт вырезания Эллисом двух страниц из книг Белого не является «актом сознательно злонамеренным, а тем менее актом кражи» (Русские Ведомости. 1909. № 260, 12 ноября. С. 5).

[626] См. об этом: *МДР*. С. 339.

[627] Эта встреча состоялась на квартире Гучковых во время московских гастролей В.Ф. Коммиссаржевской, проходивших с 8 по 20 сентября 1909 г. См.: *МДР*. С. 346–350.

[628] Имеется в виду кн.: *Christiansen Broder*. Philosophie der Kunst. Hanau, 1909. Белый отмечает ее как «интересную книгу» и цитирует в комментариях к книге «Символизм» (С. 461, 502). Вышла в свет в русском переводе: *Христиансен Б.* Философия искусства / Пер. Г.П. Федотова под ред. Е.В. Аничкова. СПб., 1911.

[629] «Трактат о живописи» («Trattato della Pittura») Леонардо да Винчи был впервые издан в Париже в 1651 г.; в русском переводе ко времени, описываемому Белым, не публиковался. Подразумевается также Адольф Гильдебранд (Hildebrand) и его книга «Das Problem der Form in der bildenden Kunst» (1893; неоднократно переиздавалась). Она была выпущена в русском переводе издательством «Мусагет»: *Гильдебранд А.* Проблема формы в изобразительном искусстве / Пер. Н.Б. Розенфельда, В.А. Фаворского. М., 1914.

[630] Обе статьи были впервые опубликованы в книге Андрея Белого «Символизм». С докладом «Магия слов» Белый выступил 18 ноября 1909 г. в Обществе Свободной Эстетики (РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 20. Л. 5–6).

[631] Белый охарактеризовал упомянутую книгу Гельмгольца («Учение об ощущениях тонов») в составленной им развернутой общей справке о немецком ученом, входящей в комментарий к статье «О границах психологии» («Символизм». С. 470–471). Ту же книгу Белый цитирует в комментариях к статье «Формы искусства» (Там же. С. 516–517) и оценивает как «знаменитое сочинение» в комментарии к статье «Лирика и эксперимент» (Там же. С. 604).

[632] См.: Герман фон-Гельмгольтц (1821 – 1891): Публ. лекции, чит. в Имп. Моск. ун-те в пользу Гельмгольтц. фонда. М.: Имп. Моск. ун-т, 1892 (Ученые записки императорского Московского университета. Отдел физико-математический. Вып. 9). В книгу вошли статьи о нем А.Г. Столетова, Р.А. Колли, Н.Е. Жуковского, А.Н. Маклакова, Ф.П. Шереметевского, А.П. Соколова.

[633] Статья «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба» впервые опубликована в книге Андрея Белого «Символизм».

[634] Подразумевается подготовленная к изданию в «Мусагете» (кн. 1 серии «Орфей») рукопись книги, вышедшей в свет в конце июня – начале июля 1910 г.: *Рэйсбрук Удивительный.* Одеяние духовного брака / Вступ. статья М. Мэтерлинка. Пер. М. Сизова. М., 1910.

[635] См.: *Шеффер Валериан.* Афинское гражданство и народное собрание. Ч. 1. Основы государства и деления граждан в Афинах. М., 1891.

[636] Книги статей Андрея Белого; первая была выпущена издательством «Мусагет» в начале марта 1911 г., вторая – московским издательством «Альциона» в конце июля 1910 г.

[637] Подразумевается негативная реакция на выход в свет статьи Белого «На перевале. XIV. Штемпелеванная культура» (Весы. 1909. № 9. С. 72–80. Подпись: *Борис Бугаев*), в которой противопоставлялись высокие духовные начала культуры арийских народов и современная «интернациональная» культура, засилье которой объявлялось следствием еврейской экспансии в европейскую культуру. Инцидент с М.О. Гершензоном Белый описал в позднейшем письме к Р.В. Иванову-Разумнику от начала марта 1925 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 312). См. также: Переписка Андрея Белого и М.О. Гершензона / Вступ. статья, публ. и коммент. А.В. Лаврова и Дж. Мальмстада // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 238–239; *Безродный М.* О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 100–125; *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 1999. С. 72–74.

[638] О воздействии, оказываемом в это время А.Р. Минцловой на Белого, подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. С. 91–97.

[639] Подразумевается, вероятно, готовившийся А.С. Петровским для издания в «мусагетской» серии «Орфей» перевод книги Якоба Бёме «Аврора, или Утренняя заря в восхождении» (изд. в 1634 г.). См.: *Бёме Я.* Aurora, или Утренняя заря в восхождении / Пер. А. Петровского. М.: Мусагет, 1914 («Орфей». Кн. VI).

[640] Имеется в виду статья «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре», впервые опубликованная в книге Андрея Белого «Символизм».

[641] Возможно, подразумевается «Книга для чтения по истории средних веков» под редакцией П.Г. Виноградова (Т. I–IV, М., 1896–1899).

[642] А.М. Кожебаткин состоял секретарем «Мусагета» со времени основания издательства. См.: «Кожебак!.. Да ведь это хуже, чем гусак!!!». Письма Андрея Белого к А.М. Кожебаткину / Предисл., публ. и коммент. Дж. Малмстада // Лица: Биографический альманах. Вып. 10. СПб., 2004. С. 127–176.

[643] Редакция ежемесячного литературно-художественного журнала «Аполлон», начатого изданием с октября 1909 г., располагалась на набережной Мойки (дом 24, кв. 6).
[644] «Rosarium» – название книги 4-й сборника стихотворений Вяч. Иванова «Cor Ardens» (Ч. 2. М.: Скорпион, 1912).
[645] Имеется в виду Соляной городок – комплекс построек между набережной Фонтанки, Пантелеймоновской улицей, Соляным переулком и Рыночной улицей; в дореволюционные годы – культурно-просветительский центр, где устраивались выставки, концерты, лекции. Белый выступил там с лекцией «Генрик Ибсен» 2 марта 1910 г.
[646] См. примеч. 639 к *МБ*.
[647] Вечер памяти В.Ф. Коммиссаржевской состоялся 7 марта 1910 г. в зале Петербургской городской думы. См.: *Рыбакова Ю.П.* В.Ф. Коммиссаржевская. Летопись жизни и творчества. СПб., 1994. С. 495.
[648] В сводном труде А.А. Ермичева «Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний» (СПб., 2007) выступление Андрея Белого, относящееся к январю—марту 1910 г., не зафиксировано.
[649] См. примеч. 643 к *МБ*.
[650] См. выше, примеч. 618.
[651] Лекция «Лирика и эксперимент» в Историческом музее – 23 ноября 1909 г. (объявление: Столичная Молва. 1909. № 89, 16 ноября. С. 4).
[652] «Прага» – московский ресторан на Арбатской площади.
[653] Подразумевается теософский кружок, собиравшийся у К.П. Христофоровой.
[654] См. примеч. 646–648 к *МБ*.
[655] См. примеч. 651 к *МБ*.
[656] Судя по мемуарам Белого (см.: *МДР*. С. 333), кружок, собиравшийся в студии скульптора К.Ф. Крахта, и кружок «Молодой Мусагет» (определение Эллиса) – по сути одно объединение. См.: <*Шруба М.*> Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 127.
[657] Т.е. в имение Боголюбы под Луцком. См. примеч. 658 к *МБ*.
[658] Отправиться в итальянское путешествие с некими эзотерическими целями Белого побуждала А.Р. Минцлова.
[659] См. примеч. 654 к *МБ*.
[660] См. примеч. 655 к *МБ*.
[661] См. выше, примеч. 524.
[662] «Луг зеленый. Книга статей» Андрея Белого. См. примеч. 663 к *МБ*.
[663] Село Серники под Ровно, с женским монастырем Волынской иконы Божией Матери.
[664] Базель здесь, видимо, указан ошибочно. А.С. Петровский выехал в начале августа в Мюнхен, а оттуда в Берн; в обоих городах в августе–сентябре 1910 г. выступал с лекциями Р. Штейнер. См.: *Белый – Петровский.* С. 111–113.
[665] См. примеч. 660 к *МБ*.
[666] Автограф декларации Андрея Белого «Задачи книгоиздательства "Мусагет"» сохранился в архиве «Мусагета». Ныне этот текст опубликован (см.: *Лавров А.В.* Андрей Белый и Эллис о задачах «Мусагета» // Russian literature. LVIII–I/II. 2005. С. 97–101).
[667] Этот замысел остался нереализованным.
[668] Подразумеваются русские философы – руководители и участники издававшегося «Мусагетом» международного журнала по философии культуры «Логос»: С.И. Гессен и Ф.А. Степун (с 1911 г. также Б.В. Яковенко). См.: *Безродный М.В.* Из истории русского неокантианства (журнал «Логос» и его редакторы) // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 372–407.
[669] См. примеч. 662 к *МБ*.
[670] Имеется в виду, видимо, историческая повесть Б. Садовского «Двуглавый орел»; опубликована в 1911 г. в журнале «Русская Мысль» (№ 7, 8).
[671] С докладом «О книге Э. Ласка» С.И. Гессен выступил в Московском Религиозно-философском обществе 4 ноября 1910 г.

[672] Возможно, анахронизм: зафиксированы сведения о докладе Е.Г. Лундберга в Московском Религиозно-философском обществе, состоявшемся 11 марта 1912 г. (*Соболев А.В.* К истории Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. С. 109).

[673] Переписка была возобновлена после двухгодичного перерыва по инициативе Белого, отправившего Блоку письмо в конце августа или начале сентября 1910 г. См.: *Белый – Блок*. С. 367–368.

[674] См. примеч. 667 к *МБ*.

[675] Блок был в Москве с 1 до 4 ноября 1910 г. О посещении им редакции «Мусагета» см.: *О Блоке*. С. 367–370.

[676] С рефератом о методе счисления стихотворного ритма А.А. Баранов (Рем) выступил на заседании Ритмического кружка 8 ноября 1910 г. См.: *Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 103.

[677] См. примеч. 668 к *МБ*.

[678] Очерки Андрея Белого из цикла «Путевые заметки»: «Венеция», «От Венеции до Палермо», «Палермо»; опубликованы в петербургской газете «Речь», соответственно, 25 января, 2 февраля и 13 февраля 1911 г.

[679] С книгой Гете «Путешествие в Италию» («Italienische Reise», 1816–1817) Белый знакомился, видимо, по изданию: Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей. Изд. Н.В. Гербеля, 2-е. СПб., 1893. Т. 6 (Пер. З.А. Шидловской). Сборники избранных арабских сказок «Тысячи и одной ночи» имелись в начале XX в. во множестве изданий в переводах с французского и немецкого.

[680] См. примеч. 672 к *МБ*.

[681] Очерки Андрея Белого из цикла «Путевые заметки»: «Пестрый сфинкс», «Смех и слезы», «Радуга Монреаля», «Тунис»; опубликованы в «Речи», соответственно, 5 июня, 3 июля, 24 июля и 29 сентября 1911 г. Очерки «Смех и слезы», «Радуга Монреаля», «Тунис» были напечатаны также в петербургской газете «Современное Слово» – соответственно, 3 июля, 24 июля и 29 сентября 1911 г. Кроме того, очерк «Арабы. (Из писем с дороги)» был помещен в московской газете «Утро России» 5 апреля 1911 г.

[682] См. примеч. 676 к *МБ*.

[683] См. примеч. 673 к *МБ*. Упомянутые очерки в переработанном виде вошли во второй том «Путевых заметок» Андрея Белого. См.: Российский архив. Вып. I. М., 1991. С. 331–348.

[684] Подразумеваются переведенные с французского труды Гастона Камиля Шарля Масперо «Древняя история. Египет. Ассирия» (СПб., 1892; изд. 2-е: 1900; изд. 3-е: 1905) и (или) «Древняя история народов Востока» (М., 1895; изд. 2-е: 1903).

[685] См. примеч. 670 к *МБ*.

[686] Книга Андрея Белого «Королевна и рыцари. Сказки» (Пб.: Алконост, 1919) включает 10 стихотворений; за исключением позднейшего заключительного, все они датируются 1909–1911 гг.

[687] Подразумевается 2-й том «Путевых заметок». См. примеч. 673, 679 к *МБ*.

[688] «Добротолюбие» – свод святоотеческих писаний и биографических сведений об их авторах в русском переводе, неоднократно переиздававшийся (см., напр.: Изд. 4-е. Т. 1–5. М., 1905). Впервые изданный в Венеции в 1782 г., он содержит тексты IV–XV вв., принадлежащие греческим православным мыслителям.

[689] См. примеч. 694 к *МБ*.

[690] См. примеч. 695 к *МБ*.

[691] См. примеч. 696 к *МБ*.

[692] См. примеч. 697 к *МБ*. Подразумеваются статьи за подписью «*Cunctator*»: «О журавлях и синицах (Поправка к одной истине)» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 82–84) и «О “двойной истине”» (Там же. № 2. С. 56–62).

[693] Подразумевается статья «Нечто о мистике» (Труды и дни. 1912. № 2. С. 46–52).

[694] Анахронизм: двухтомная монография кн. Е.Н. Трубецкого «Миросозерцание Вл. С. Соловьева» была выпущена в свет московским издательством «Путь» в 1913 г.

[695] См. примеч. 698 к *МБ*.

[696] С лекцией о Египте под этим названием Белый выступил в московском Историческом музее 5 ноября 1911 г.

[697] См. примеч. 701, 703 к *МБ*.

[698] См. примеч. 704 к *МБ*.

[699] В.Я. Брюсов заведовал с сентября 1910 г. литературно-критическим отделом «Русской Мысли», и Белый возлагал на него долю ответственности за то, что рукопись его романа была отвергнута редакцией. Охлаждение в их взаимоотношениях по этой причине случилось позднее, в январе 1912 г. (10 января 1912 г. Белый сообщил Брюсову о готовности передать в редакцию начальные главы романа в ближайшие дни; см.: *ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 425–427). Между тем, Брюсов пытался уговорить П.Б. Струве решиться на публикацию романа Белого. См.: *Ямпольский И.Г.* Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого // *Ямпольский И.* Поэты и прозаики: Статьи о русских писателях XIX — начала XX в. Л., 1986. С. 345–349; *Черников И.Н.* В.Я. Брюсов и творческая история романа А. Белого «Петербург» // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С. 206–213.

[700] Подразумеваются члены религиозно-философской группы, объединившиеся вокруг московского издательства «Путь» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн и др.).

[701] См. примеч. 705 к *МБ*.

[702] Какая ситуация подразумевается здесь, неясно.

[703] См. примеч. 707 к *МБ*.

[704] Текст этого письма П.Б. Струве к Белому неизвестен. О своем «совершенно категорическом *отрицательном* решении» относительно возможности публикации романа Белого в «Русской Мысли» Струве информировал В.Я. Брюсова в письме от 2 февраля 1912 г. (ИРЛИ. Ф. 444. Ед. хр. 65).

[705] Ср. впечатления от музицирования М.А. Кузмина в стихотворении Белого «В альбом В.К. Ивановой» («О том, как буду я с тоскою…», <1910>) (*СП – 2*. С. 469–470).

[706] Встречу с Блоком в ресторане Лейнера 24 февраля 1912 г. Белый подробно описал в мемуарах (см.: *О Блоке*. С. 382–391).

[707] Н.С. Ангарский (Клестов) заведовал «Издательским товариществом писателей», учрежденным в Петербурге в ноябре 1911 г. Е.А. Ляцкий в начале 1912 г. приступил к редактированию журнала «Современник», в котором и предложил напечатать роман Белого. См.: *Андрей Белый*. Письма к Е.А. Ляцкому / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 219–223.

[708] См. примеч. 710 к *МБ*.

[709] В мемуарах Белый сообщает, что он предложил Н.С. Гумилеву (в полушутливой беседе) создать «адамизм» – новую литературную платформу (*НВ*. С. 356), в ходе последующего обсуждения родился термин «акмеизм». Согласно другим источникам, термин «адамизм» отстаивал С. Городецкий. См.: *Тименчик Р.Д.* Заметки об акмеизме // Russian literature. 1974. Т. 7/8. С. 29–30.

[710] Подразумевается нереализованный замысел журнала «Петербургский Вестник» (возникший у Е.В. Аничкова), главной задачей которого была публикация романа «Петербург». См.: *Белый – Блок*. С. 444–445; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. С. 223.

[711] См. примеч. 710 к *МБ*.

[712] Имеется в виду лекция «Современный человек», прочитанная Белым в большой аудитории Соляного городка 23 февраля 1912 г.

[713] См. примеч. 713 к *МБ*.

[714] См. примеч. 714, 715 к *МБ*.

[715] См. примеч. 716 к *МБ*.

[716] «Дневник» и другие рукописи А.Н. Шмидт Андрей Белый получил от Э.К. Метнера и передал их в издательство «Путь» М.К. Морозовой (см.: *Валентинов Н.* Два года с символистами. С. 168). Из этих текстов С.Н. Булгаков сформировал книгу «Из рукописей Анны Николаевны Шмидт», вышедшую в свет в 1916 г.; в ней были опубликованы фрагменты дневника. См.: *Голлербах Е.* К незримому граду. С. 209–213.

[717] См. примеч. 717 к *МБ*.

[718] См. примеч. 720 к *МБ*.

[719] Имеется в виду музыкальная тетралогия Р. Вагнера «Кольцо нибелунга» (1854–1874).

[720] См.: *Андрей Белый*. О символизме // Труды и Дни. 1912. № 2. С. 1–7.

[721] См. примеч. 719 к *МБ*.

[722] См. примеч. 721 к *МБ*.

[723] Имеется в виду лекция «Die Geheimnisse der Reiche der Himmel in Gleichnissen und in wirklicher Gestalt» («Тайны небесного царства в подобиях и в подлинном виде»), прослушанная 7 мая 1912 г.

[724] Имеется в виду лекция «Vorverkündigung und Heroldtum des Christus-Impulses. Der Christus-Geist und seine Hüllen: Eine Pfingstbotschaft» («Предвозвестие и герольдство импульса Христа»), прослушанная 8 мая 1912 г.

[725] См. примеч. 722 к *МБ*.

[726] Книга Р. Штейнера «Теософия» («Theosophie. Einführung in Übersinnliche Welterkenntnis und Menschenbestimmung», 1904) в переводе А.М. (А.Р. Минцловой) (СПб., 1910).

[727] Лекции, посвященные этой тематике, Штейнер читал неоднократно. Здесь, видимо, речь идет о курсе из 14 лекций «Die Theosophie des Rosenkreuzers», прочитанных в Мюнхене 26 мая — 6 июня 1907 г. (в русском переводе: *Штайнер Р.* Теософия розенкрейцера / Пер. В. Витковского. М., 1999). Этот курс был выпущен в 1911 г. в Берлине в литографированном виде.

[728] См. примеч. 723 к *МБ*.

[729] Роман Стендаля «Красное и черное» («Le rouge et le noir», 1831).

[730] Вероятно, имеется в виду курс из 10 лекций «Духовные иерархии и их отражение в физическом мире. Зодиак, планеты, космос» («Geistige Hierarchien und ihre Widerspiegelung in der physischen Welt. Tierkreis, Planeten, Kosmos»), прочитанный в Дюссельдорфе 12–18 апреля 1909 г.

[731] Имеется в виду книга Р. Штейнера «Как достигнуть познания высших миров?» («Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten?», 1904); была опубликована в русском переводе В.М. Лалетина («Как достигнуть познания сверчувственных миров») в «Вестнике Теософии» (1908. № 1–12; 1909. № 1–11). См. также: *Штейнер Рудольф, д-р.* Путь посвящения, или Как достигнуть познаний высших миров / Пер. с нем. В. Лалетина; ред., биографический очерк Р. Штейнера Е. П<исаревой>. Калуга, 1911.

[732] См. примеч. 725 к *МБ*.

[733] А.О. – Антропософское (или Антропософическое) Общество. В данном случае подразумевается Немецкая секция Теософского общества, в которой преобладали последователи Штейнера. Официально Антропософское общество было учреждено в Кёльне 28 декабря 1912 г.

[734] Мистерии Штейнера – «Врата посвящения» («Die Pforte der Einweihung», 1910), «Испытание души» («Die Prüfung der Seele», 1911), «Страж Порога» («Der Hüter der Schwelle», 1912); его же книги «Христианство как мистический факт и мистерии древности» («Das Christentum als Mystische Tatsache und die Mysterien des Altertums», 1902; русский перевод: «Мистерии древности и христианство». М.: Духовное Знание, 1913), «Из хроники Акаши» («Aus der Akasha-Chronik», 1904; русский перевод: «Акаша-хроника (История происхождения мира и человека)». М., 1912); мистерия Э. Шюре – «Священная драма Элевсина» («Le drame sacré d'Eleusis», 1890).

[735] Под «съездом» понимаются публичные заседания, предварявшие формирование Антропософского общества, в Мюнхене в конце августа — начале сентября 1912 г. Выступления Карла Унгера состоялись между 19 и 23 августа.

[736] См. примеч. 726 к *МБ*.

[737] Подразумевается отделение от Теософского общества, во главе которого стояла А. Безант.

[738] См. примеч. 727 к *МБ*.

[739] См. примеч. 729 к *МБ*. А. Тургенева сообщает, что Штейнер решительно отказался от встречи с Вяч. Ивановым (выразившим готовность вступить в Теософское общество), и передает его слова: «Пусть господин Иванов и большой поэт <...>, к оккультизму у него нет ни малейшей способности; это было бы во вред и ему, и нам. Я бы не хотел встречаться с ним; попытайтесь отговорить его» (*Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеа-

нума. М., 2002. С. 39). Подробнее см.: *Глухова Е.В.* Андрей Белый – Вячеслав Иванов: концепция духовного пути // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 101–105.

[740] См. примеч. 728 к *МБ*.

[741] Книга Р. Штейнера «Очерк тайноведения» («Die Geheimwissenschaft im Umriß». Leipzig, 1910; русский перевод: М.: Духовное Знание, 1916).

[742] Книга Р. Штейнера «Мировоззрение Гете» («Goethes Weltanschauung», 1897).

[743] Скорее всего, имеется в виду курс из 9 лекций «Восток в свете Запада. Дети Люцифера и братья Христа» («Der Orient im Lichte des Okzidents. Die Kinder des Luzifer und die Brüder Christi»), прочитанный в Мюнхене 23–31 августа 1909 г.

[744] «Ecce Homo. Как становятся сами собою» – книга Ф. Ницше, опубликованная посмертно в 1908 г.

[745] См. примеч. 732 к *МБ*.

[746] Возможно, имеется в виду нюрнбергский курс 1908 г. «Апокалипсис Иоанна» («Die Apokalypse des Johannes»), состоявший из 12 лекций (18–26 июня), и предварявшая его публичная лекция «Теософия и Апокалипсис» (17 июня).

[747] Неточность. В Мюнхене Белый и А. Тургенева находились с 24 до 30 ноября (н. ст.) 1912 г.

[748] Видимо, имеются в виду состоявшиеся 26 и 28 ноября в Мюнхене лекции из цикла «Жизнь между смертью и новым рождением» («Okkulte Untersuchungen über Leben zwischen Tod und neuer Geburt. Das Leben zwischen dem Tode und der neuen Geburt). См. примеч. 734 к *МБ*.

[749] Курс из 10 лекций «Жизнь между смертью и новым рождением в отношении к космическим фактам» («Das Leben zwischen dem Tode und der neuen Geburt im Verhältnis zu den kosmischen Tatsachen») Штейнер читал с перерывами с 5 ноября 1912 г. по 1 апреля 1913 г. В 1912 г., до своего отъезда из Берлина в Кельн 27 декабря, Белый мог прослушать только три лекции курса: третью (3 декабря), четвертую (10 декабря), пятую (22 декабря).

[750] Первую лекцию в берлинском Доме архитекторов Штейнер прочел 5 декабря («Выводы духовной науки о вопросах жизни и загадке смерти»), вторую – 12 декабря («Естествознание и духовная наука»).

[751] Это представление «пастушеского действа» описала А. Тургенева в «Воспоминаниях о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума» (С. 46).

[752] См. примеч. 735 к *МБ*.

[753] Во второй половине января 1913 г. Белый писал Н.А. Поццо из Берлина: «Кельнский курс был изумительнее базельского: последние три лекции даже на нас, привыкших к crescendo Д<окто>ра, произвели впечатление ударов грома. Д<окто>р начал курс с панегирика Гите, Самксе, Кришну и Иоге, противопоставляя эстетическую, гармоническую и мистическую законченность Гиты нечесаным, пристрастным и страстным посланиям ап<остола> Павла; а кончил тем, что в образе Кришну свили теперь себе гнездо Люцифер и Ариман; и далее кончил тем, что самая пристрастность и страстность Павла свидетельствуют лишь о *не эгоизме* его (и a contrario эстетической законченности и мистической самодовлеющей глубине досталось). Далее формулировалось: Гита — это *теософия*; евангельские Послания — антропософия» (*Rizzi Daniela.* Из архива Н.А. Тургеневой. Письма Эллиса, А. Белого и А.А. Тургеневой // Europa Orientalis. 1995. № 14: 2. P. 338).

[754] Имеются в виду последний неоконченный рыцарский роман Кретьена де Труа (Chrétien de Troyes) «Персеваль, или Сказание о Граале» («Perceval, ou Le conte du Graal», ок. 1182) и стихотворный рыцарский роман Вольфрама фон Эшенбаха (Wolfram von Eschenbach) «Парцифаль» («Parzival», 1198–1210). В них предание о святом Граале, чаше, из которой причащались ученики Христа на Тайной вечере (или, согласно апокрифическому Евангелию Никодима, в которой была собрана Иосифом Аримафейским кровь распятого Христа), сливается с историей молодого рыцаря Парсифаля, ищущего Грааля и духовно-нравственного совершенства. Грааль — один из мистериальных символов антропософии, означающий сакральный мистический центр.

[755] 9 января 1913 г. Штейнер прочел публичную лекцию «Якоб Бёме» («Jakob Böhme») в берлинском Доме архитекторов.

[756] 16 января 1913 г. Штейнер выступил с публичной лекцией «Мировоззрение исследователя современной культуры Германа Гримма и духовная наука» («Die Weltanschauung eines Kulturforschers der Gegenwart, Hermann Grimm, und die Geistesforschung») в Доме архитекторов.

[757] Здесь (и далее в аналогичных случаях) подразумевается стенографическая запись лекционного курса. 10 лекций курса «Евангелие от Луки» («Das Lukas-Evangelium») Штейнер прочел в Базеле 15–26 сентября 1909 г.

[758] 11 лекций курса «Мир, Земля и человек, их сущность и развитие, а также отражение их во взаимосвязи египетского мифа и современной культуры» («Welt, Erde und Mensch, deren Wesen und Entwicklung, sowie ihre Spiegelung im Zusammenhange zwischen ägyptischem Mythos und gegenwärtiger Kultur») Штейнер прочел в Штутгарте 4–16 августа 1908 г.

[759] См. выше, примеч. 688.

[760] Какое именно издание подразумевается в данном случае, неясно.

[761] См. примеч. 750 к *МБ*.

[762] См. примеч. 741 к *МБ*. В январе 1913 г. Белый мог слышать только две лекции этого курса: шестую (7 января) и седьмую (14 января). Восьмая лекция состоялась 11 февраля, девятая – 4 марта.

[763] Зафиксирована только одна публичная лекция, прочитанная в это время Штейнером в берлинском Доме архитекторов, – «Миссия Рафаэля в свете духовной науки» («Raffaels Mission im Lichte der Wissenschaft vom Geiste»), 30 января 1913 г. (*Lindenberg*. S. 329).

[764] См. примеч. 751 к *МБ*.

[765] Имеются в виду либо 14 лекций об основах теософии, прочитанные Штейнером 21 сентября — 4 октября 1907 г. в Ганновере, либо 6 лекций на тему «Мир чувств и мир духа», прочитанные им там же 27 декабря 1911 – 1 января 1912 г.

[766] См. примеч. 745 к *МБ*.

[767] См. примеч. 747 к *МБ*.

[768] Ср. запись в списке «Слышанные лекции по теософии в немецкой секции»: «Какой-то пастор: “Об антропософии”» (С. 756 наст. изд.).

[769] См. примеч. 748 к *МБ*.

[770] См. примеч. 749 к *МБ*.

[771] Лекция под таким или сходным заглавием не зафиксирована за это время ни в хронике жизни и деятельности Штейнера (*Lindenberg*), ни в регистре прочитанных им лекций. 22 мая — 6 июня 1907 г. Штейнер прочитал 14 лекций на тему «Теософия розенкрейцера» в Мюнхене, а 16–29 июня 1907 г. в Касселе – 14 лекций на тему «Теософия и розенкрейцерство». 3–12 июня 1909 г. он прочел в Будапеште 10 лекций на тему «Теософия и оккультизм розенкрейцера».

[772] Имеется в виду курс лекций «Мистерии Востока и Христианства». См. примеч. 749 к *МБ*.

[773] Одна из лекций, прочитанных в Доме архитекторов, – «Сказочные истории в свете духовной науки» (см. примеч. 749 к *МБ*), другая – «Леонардо да Винчи на повороте к новому времени» («Leonardos geistige Grösse am Wendepunkt zur neueren Zeit»), прочитанная 13 февраля 1913 г.

[774] См. примеч. 754 к *МБ*.

[775] См. примеч. 758 к *МБ*.

[776] По-видимому, имеется в виду «Доклад для участников о связи жизни Земли с жизнью между смертью и новым рождением» («Mitgliedervortrag über den Zusammenhang des Erdenlebens mit dem Leben zwischen Tod und neuer Geburt»), прочитанный 4 марта 1913 г. (*Lindenberg*. S. 332).

[777] 6 марта 1913 г. Штейнер прочитал публичную лекцию «Заблуждения духовной науки» («Irrtümer der Geistesforschung») в берлинском Доме архитекторов.

[778] См. примеч. 757 к *МБ*.

[779] См. примеч. 759 к *МБ*.

[780] См. примеч. 755 к *МБ*.

[781] См. примеч. 760 к *МБ*.

[782] См. примеч. 761, 762 к *МБ*.

[783] Имеется в виду первый том «Истории древней церкви» Луи Дюшена (Пер. с 5-го франц. изд. под ред. проф. И.В. Попова и проф А.П. Орлова. М.: Путь, 1912). Второй том вышел в 1914 г.

[784] По-видимому, имеется в виду книга Штейнера «Ein Weg zur Selbsterkenntnis des Menschen. In acht Meditationen» (Berlin, 1912). Русский перевод: *Штейнер Р.* Путь к самопознанию человека в восьми медитациях. М.: Духовное знание, 1913.

[785] Теософский журнал «Lucifer – Gnosis», основанный Штейнером, выходил в Берлине с 1904 по 1908 г. (№ 9–35). Ранее он издавался под названием «Luzifer: Zeitschrift für Seelenleben und Geisteskultur. – Theosophie» («Herausgegeber: Dr. Rudolf Steiner») в 1903 г. (№ 1-7). После объединения с венским журналом «Gnosis» назывался «Luzifer mit der Gnosis» (№ 4) в 1904 г., затем «Lucifer – Gnosis».

[786] Имеются в виду «Вестники» («Mitteilungen») Антропософского общества.

[787] См. примеч. 765 к *МБ*.

[788] См. примеч. 767, 768 к *МБ*.

[789] См. примеч. 769 к *МБ*.

[790] К.Н. Васильева и Е.Н. Кезельман.

[791] См. примеч. 770 к *МБ*.

[792] См. примеч. 771 к *МБ*.

[793] 4 июня 1913 г. в Гельсингфорсе Штейнер прочел публичную лекцию «Свобода души в свете теософского познания» («Die Freiheit der Seele im Lichte der theosophischen Erkenntnis»).

[794] Белый и А. Тургенева вернулись в Петербург в самом конце мая (ст. ст.).

[795] См. примеч. 774 к *МБ*.

[796] Первый номер ежемесячного литературного и общественно-политического журнала «Заветы» (левонароднического и эсеровского по политической ориентации) вышел в свет в апреле 1912 г. (под редакцией В.М. Чернова и В.С. Миролюбова). Иванов-Разумник вошел в руководящее ядро журнала в сентябре того же года; взяв на себя фактическое руководство литературно-критическим отделом «Заветов», он стремился привлечь к сотрудничеству как писателей реалистической школы, так и символистов и «новых реалистов».

[797] См. примеч. 775 к *МБ*.

[798] См. примеч. 821, 822 к *МБ*.

[799] Первое (и единственное в августе 1913 г.) эвритмическое представление состоялось 28 августа 1913 г. (*Lindenberg*. S. 337). Ср. примеч. 779 к *МБ*.

[800] Ошибка памяти: представлены были только третья и четвертая мистерии-драмы Штейнера в мюнхенском «Фолькстеатре». См. примеч. 778 к *МБ*.

[801] См. примеч. 778 к *МБ*.

[802] «Слово Штейнера» было произнесено на первом эвритмическом представлении 28 августа 1913 г. См. примеч. 779 к *МБ*.

[803] Эти две лекции не зафиксированы ни в хронике жизни и деятельности Штейнера, ни в регистре прочитанных им лекций.

[804] Планы выпуска в свет в издательстве «Сирин» книг Белого (и даже собрания его сочинений) реального результата не дали. Сотрудничество Белого с «Сирином» ограничилось публикацией в трех выпусках сборника «Сирин» (1913–1914) романа «Петербург».

[805] Имеется в виду курс из десяти лекций «Духовные сущности в небесных телах и царствах природы» («Die geistigen Wesenheiten in den Himmelskörpern und Naturreichen»), прочитанный Штейнером в Гельсингфорсе 3–14 апреля 1912 г.

[806] 12–18 апреля 1909 г. Штейнер прочитал в Дюссельдорфе 10 лекций на тему «Духовные иерархии и их отражение в физическом мире. Зодиак, планеты, Космос» («Geistige Hierarchien und ihre Widerspiegelung in der physischen Welt»).

[807] Имеются в виду пять лекций курса «Перевоплощение и Карма и ее значение для культуры и современности» («Wiederverkörperung und Karma und ihre Bedeutung für die Kultur und Gegenwart»), прочитанных Штейнером в 1912 г. (23 и 30 января, 20–21 февраля, 5 марта). См. также его книгу «Как действует карма» («Wie Karma wirkt». Berlin, 1903).

[808] Книга Штейнера «Порог духовного мира (Афористические рассмотрения)» («Die Schwelle der geistigen Welt (Aphoristische Ausführungen)» вышла в свет в сентябре 1913 г. (предисловие датировано: «Мюнхен, август 1913 г.»).

[809] См. выше, примеч. 741.
[810] См. примеч. 783 к *МБ*.
[811] См. примеч. 786 к *МБ*.
[812] См. примеч. 785 к *МБ*.
[813] Согласно хронике жизни и деятельности Штейнера, он читал одну публичную лекцию в Христиании – «Ворота смерти» («Die Pforte des Todes»), 4 октября 1913 г.
[814] См. примеч. 787 к *МБ*.
[815] См. примеч. 788 к *МБ*.
[816] Переезд из Бергена в Копенгаген состоялся 12–13 октября 1913 г.
[817] См. примеч. 789 к *МБ*.
[818] См. примеч. 790 к *МБ*.
[819] См. примеч. 792 к *МБ*.
[820] См. примеч. 793 к *МБ*.
[821] Визит в Дегерлох (близ Штутгарта) к Поольман-Мой и Эллису состоялся, видимо, 10/23 октября 1913 г. Упоминаются не «курсы», а тетради Эллиса с его вопросами и ответами на них Штейнера; как свидетельствует А. Тургенева, «Эллис швырнул их нам через приоткрытую дверь» (*Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 57).
[822] 4 ноября 1913 г. Штейнер прочитал лекцию «Из хроники Акаши: Пятое Евангелие» («Aus der Akasha-Forschung. Das fünfte Evangelium»).
[823] Штейнер прочитал публичную лекцию «Теософия и Антисофия» («Theosophie und Antisophie») в берлинском Доме архитекторов 6 ноября 1913 г.
[824] См. примеч. 795 к *МБ*.
[825] Ошибка памяти Белого: Штейнер не был в Мюнхене в ноябре 1913 г. 18 ноября 1913 г. он читал лекцию о пятом Евангелии в Берлине для членов Общества, а 20 ноября читал публичную лекцию «Духовная наука и религиозное исповедание» («Geisteswissenschaft und religiöses Bekenntniss»). См. также примеч. 799 к *МБ*.
[826] См. примеч. 798 к *МБ*.
[827] См. примеч. 801 к *МБ*.
[828] В декабре 1913 г. Штейнер читал лекции не в Штутгарте, а в Мюнхене. См. примеч. 799, 802 к *МБ*.
[829] См. примеч. 801 к *МБ*.
[830] См. примеч. 805 к *МБ*.
[831] См. примеч. 804 к *МБ*.
[832] См. примеч. 806 к *МБ*.
[833] См. примеч. 809 к *МБ*.
[834] Штейнер выступил с публичными лекциями в Лейпциге 3 и 4 января 1914 г.
[835] См. примеч. 816 к *МБ*.
[836] См. примеч. 820 к *МБ*.
[837] См. примеч. 817 к *МБ*.
[838] Заседание «Союза Иоаннова Здания» состоялось 23 января 1913 г. См. примеч. 821 к *МБ*.
[839] Имеется в виду курс Штейнера «Человеческая и космическая мысль». См. примеч. 825 к *МБ*.
[840] По-видимому, лекция о Микеланджело. См. примеч. 819 к *МБ*.
[841] 15 января 1913 г. Штейнер прочитал в Доме архитекторов публичную лекцию «Зло в свете духовного познания» («Das Böse im Lichte der Erkenntniss vom Geiste»).
[842] См. примеч. 831 к *МБ*.
[843] 4 февраля 1914 г. Белый писал А.Д. Бугаевой: «Теперь мы уже не в Берлине, а пока в Базеле… Под Базелем у деревушки Дорнах строят спешно будущий наш Театр-Храм для мистерий; здесь воздвигнется ряд построек; вырастет целый поселок, – здание для курсов, художеств<енная> мастерская и т.д. Идет грандиозная спешная постройка, и кто чем может помочь, помогает. Вот мы и приехали, чтобы поселиться в Дорнахе на ряд месяцев <…> и одновременно предложить свои услуги по работе <…> и радостно хоть чем-нибудь реальным (работою) прикоснуться к делу

Доктора» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 167; с неточностями: «Люблю тебя нежно...». С. 192). См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 19 апреля / 2 мая 1914 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 43).

[844] Книга П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины. Опыт православной феодицеи в двенадцати письмах» (М.: Путь, 1914).

[845] По-видимому, имеется в виду единственная публичная лекция, прочитанная Штейнером в Базеле в марте 1914 г.: «Духовная наука в ее отношении к религиозным и социальным течениям времени» («Geisteswissenschaft in ihrem Verhältnis zu religiösen und sozialen Strömungen der Zeit»), вечером 15 марта.

[846] С 4 по 9 марта 1914 г. Штейнер совершил лекционную поездку из Дорнаха в Штутгарт и Пфорцгейм. См. примеч. 832 к *МБ*.

[847] См. примеч. 834 к *МБ*.

[848] В письме к матери, отправленном из Базеля 12/25 февраля 1914 г., Белый сообщал: «Страшно порадовала Ты нас; просто не верится, что Ты приедешь; смотри же, приезжай: ну, конечно, Тебе пришло счастливое решенье; и мне-то как хорошо пожить с Тобой. Когда я получил Твое письмо, раскрыл и стал читать, просто не поверил я тому, что Ты собралась ехать к нам. Не только нам приятно и радостно будет с Тобой встретиться, но и Тебе перемена места, воздуха, наконец сама поездка будет крайне полезна. Ну – как хорошо: приезжай, приезжай же, милая мама. До скорого, скорого свидания («Люблю тебя нежно...». С. 194).

[849] См. примеч. 838 к *МБ*.

[850] См. примеч. 840 к *МБ*.

[851] См. примеч. 842 к *МБ*.

[852] См. примеч. 844 к *МБ*.

[853] См. примеч. 848 к *МБ*. См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 19 июня / 2 июля 1914 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 45–47).

[854] В письме к матери (май 1914 г.) Белый сообщал: «По вечерам 2 раза в неделю берем уроки *еуритмии* <так!>; все мужчины почти делают еуритмию в греческих белых туниках, белых чулках и белых туфлях, а дамы – в белых платьях; воображаю себе, как будет странно, когда в *Johannisbau* <так!> под звуки органа будут танцевать храмовые танцы уже прошедшие школу еуритмии в этих белых греческих костюмах. Вообще: около *Johannisbau* будет совершенно новая культура» («Люблю тебя нежно...». С. 200).

[855] В мае 1914 г., судя по хронике жизни и деятельности Штейнера, он не читал публичной лекции в Базеле, а 5 мая прочел лекцию для членов Общества (*Lindenberg*. S. 350).

[856] См. примеч. 852 к *МБ*.

[857] См. примеч. 783 к *МБ*.

[858] См. примеч. 853 к *МБ*.

[859] Столярная мастерская (*нем.*).

[860] Подразумевается, видимо, цикл лекций Штейнера «Пути к новому строительному стилю». См. примеч. 855 к *МБ*.

[861] Ганноверский курс – см. выше, примеч. 765. Христианийский курс – по-видимому, курс лекций «Человек в свете оккультизма, теософии и философии» («Der Mensch im Lichte von Okkultismus, Theosophie und Philosophie»), прочитанный Штейнером в Христиании 2–12 июня 1912 г. Гаагский курс – см. примеч. 754 к *МБ*. Белый не присутствовал на этих лекциях.

[862] См. примеч. 856 к *МБ*.

[863] 15/28 июня 1914 г. австрийский эрцгерцог Франц-Фердинанд (с женой Софией фон Хохенберг) был убит сербским националистом Г. Принципом в г. Сараево. Художник Герман Линде принес известия о случившемся в Дорнах 29 июня (*Lindenberg*. S. 352). Этот террористический акт стал главным поводом к развертыванию событий, приведших к началу Первой мировой войны.

[864] По-видимому, лекции, прочитанные Штейнером в Дорнахе 5 и 26 июля 1914 г. о «путях к новому строительному стилю» («Wege zu einem neuen Baustil») для работающих на строительстве Гётеанума.

[865] Имеется в виду курс «Христос и человеческая душа». См. примеч. 859 к *МБ*.

[866] См. примеч. 860 к *МБ*.
[867] См. примеч. 865 к *МБ*.
[868] См. примеч. 865 к *МБ*.
[869] См. примеч. 868 к *МБ*.
[870] Подразумеваются бои между французской и германской армиями вблизи швейцарской границы. В письме, относящемся к концу августа 1914 г., Белый сообщал матери: «На прошлой неделе слышалась канонада в Эльзасе; это шел бой французов и немцев под Мюльгаузеном; и всем нам было горестно и стыдно, что так близко от нас льется кровь и гибнут люди, а мы спокойно себе слушаем канонаду из мирной, невоюющей страны. <…> война *не может* коснуться нас: Швейцария нейтральна <…> Хорошо, что мы вернулись из Швеции *до войны*; только что вернулись, как сношение прервалось и война началась» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 180–182; с неточностями: «Люблю тебя нежно…». С. 201–202).
[871] В это время оставалось всего 25 антропософов, работавших на строительстве Гётеанума (*Lindenberg*. S. 353).
[872] См. примеч. 867 к *МБ*.
[873] По-видимому, имеется в виду лекция, прочитанная Штейнером 13 августа (см.: *Lindenberg*. S. 353–354).
[874] 25 ноября / 8 декабря 1914 г. Белый сообщал матери: «…конечно, были и тяжелые моменты в жизни нашего О<бщест>ва: ведь здесь немцы, австрийцы, англичане, поляки, русские и французы *вместе* работают с утра до ночи, вместе читают газеты, обсуждают военные события; конечно, не обходилось без ссор, препирательств; немцы нападают на Россию; русские на Германию. Был даже момент, когда возникло сомнение о том, можем ли мы вместе работать... Но – ведь на то с нами Доктор, чтобы рассеять эти нарастающие недоразумения. После периода национального охлаждения друг к другу наступил период нового какого-то соединения» («Люблю тебя нежно…». С. 206).
[875] Неточность: в начале сентября Штейнер был в Германии, куда он уехал 24 августа 1914 г. (см. примеч. 874 к *МБ*). С 15 по 25 сентября Штейнер был в Дорнахе, где 19 и 20 сентября выступал перед членами Общества.
[876] 26–30 сентября 1914 г. Штейнер совершил поездку по Германии.
[877] Имеются в виду 11 лекций курса «Миссия душ отдельных народов в связи с северогерманской мифологией» («Die Mission einzelner Volksseelen im Zusammenhang mit der nordisch-germanischen Mythologie»), прочитанного Штейнером 7–18 июня 1910 г. в Христиании.
[878] См. примеч. 826 к *МБ*. Рукописи, относящиеся к этому замыслу, по всей вероятности, не сохранились.
[879] См. примеч. 879 к *МБ*.
[880] Из записей Белого можно заключить, что Штейнер уехал из Дорнаха в конце сентября и вернулся к концу октября. На самом деле он был в Дорнахе с 1 по 15 октября 1914 г. (см. примеч. 877 к *МБ*), 15–18-го совершил краткую поездку по Германии, 18–27-го опять был в Дорнахе, а 28 октября уехал в Берлин. Он вернулся в Дорнах лишь 8 ноября.
[881] 30 октября / 12 ноября 1914 г. Белый писал матери: «Теперь О.Н. Анненкова едет (это безумие!) в Россию через Францию – Шотландию, Норвегию и чуть ли не через Лапландию, т.е. огромным крюком и по местам, где разбросаны немецкие мины. Мы все отговариваем ее ехать, но она неуклонно едет, несмотря на то, что пароход может наткнуться на мину и взлететь. («Люблю тебя нежно…». С. 203).
[882] См. примеч. 878 к *МБ*. 25 ноября / 8 декабря 1914 г. Белый писал матери: «…постоянно Доктор балует нас; недавно мы были на свидании у Доктора (у меня было недомогание), да и вообще я чувствовал себя тяжело; Доктор нас подбодрил, обласкал (недомогание мое не недомогание, а что-то такое с эфирным телом, вполне нормальное, что, однако, воспринимается, как недомогание)» («Люблю тебя нежно…». С. 207).
[883] Имеется в виду так называемый «Дом Дульдек», построенный по проекту Штейнера в 1915 г. для семейства Эмиля Гросхайнца, пожертвовавшего ранее землю для Гетеанума. По мнению ряда антропософов, в том числе Белого, дом строился слишком близко к Гетеануму и мог заслонить

его. В этом конфликте Штейнер встал на сторону Гросхайнца. См. подробно в «Воспоминаниях о Штейнере» (*О Штейнере*. С. 476–477).

[884] См. примеч. 885 к *МБ*.

[885] См. примеч. 884 к *МБ*.

[886] См. примеч. 887, 888 к *МБ*.

[887] Имеется в виду пасхальный курс Штейнера (11 лекций) «Макрокосм и микрокосм» («Makrokosmos und Mikrokosmos. Die große und die kleine Welt. Seelenfragen, Lebensfragen, Geistesfragen»), прочитанный в Вене 21–31 марта 1910 г.

[888] Имеются в виду книги Штейнера «Goethe als Vater einer neuen Ästhetik. Sonderabdruck aus der Zeitschrift "Deutsche Worte"» (Wien, 1889), «Haeckel und seine Gegner» (Wien, 1900), «Haeckel, die Welträtsel und die Theosophie» (Berlin, 1906). См. русский перевод: *Штейнер Р.* Геккель, мировые загадки и Теософия // Вестник теософии. 1908. № 11. С. 56–74.

[889] По-видимому, имеется в виду очерк Штейнера «Лирика современности» («Lyrik der Gegenwart». Wien, 1900).

[890] См.: *Steiner Rudolf.* Wahrheit und Wissenschaft. Vorspiel einer «Philosophie der Freiheit» Weimar, 1892. Русский перевод: *Штейнер Р.* Истина и наука. Пролог к «Философии свободы». М.: Духовное знание, 1913.

[891] См. примеч. 904 к *МБ*.

[892] Труд Гёте «Опыт объяснения метаморфоза растений» («Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären», 1790).

[893] См. примеч. 886 к *МБ*.

[894] По-видимому, имеется в виду лекция Штейнера «Philosophie und Theosophie», прочитанная в Штутгарте 17 августа 1908 г. В русском переводе: «Философия и теософия» (М., Духовное знание, 1917).

[895] Труд Иммануила Канта «Критика способности суждения» («Kritik der Urteilskraft», 1790).

[896] По-видимому, имеются в виду две рецензии Штейнера на книги Франца Брентано – «Гениальность» («Das Genie», 1892) и «О будущем философии» («Über die Zukunft der Philosophie», 1893) (*Lindenberg*. S. 111, 121).

[897] 8 апреля 1911 г. Штейнер выступил на четвертом Международном философском конгрессе в Болонье с речью «Психологические основы и гносеологическая позиция теософии» («Die psychologischen Grundlagen und die erkenntnistheoretische Stellung der Theosophie»).

[898] Волошин уехал в Париж позднее – в середине января 1915 г. См. примеч. 900 к *МБ*.

[899] См. примеч. 893 к *МБ*.

[900] См.: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 80.

[901] См.: *О Штейнере*. С. 332.

[902] См. примеч. 897 к *МБ*.

[903] С 1 по 13 января 1915 г. Штейнер находился в Дорнахе, а с 14 по 27 января – в Берлине.

[904] См. примеч. 898 к *МБ*.

[905] С 28 января по 12 февраля 1915 г. Штейнер находился в Дорнахе, а с 13 февраля по 24 марта – в лекционной поездке по Германии.

[906] Имеются в виду третья («Световая теория Гете и Рудольф Штейнер») и четвертая («Методология Рудольфа Штейнера») главы книги Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности».

[907] «Aus der Akasha-Chronik» («Из хроники Акаши») – книга Штейнера, впервые опубликованная в 1904 г. в журнале «Lucifer – Gnosis».

[908] См. примеч. 909 к *МБ*.

[909] Штейнер находился в Дорнахе с 24 марта по 14 апреля 1915 г.; с 15 по 25 апреля – в Берлине, с 26 апреля по 5 мая – опять в Дорнахе. 5–20 мая совершил лекционную поездку.

[910] См. примеч. 905 к *МБ*.

[911] Введение и пятая глава («Световая теория Гете в моно-дуо-плюральных эмблемах») книги Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности».

[912] См. примеч. 918 к *МБ*.

[913] Эвритмические представления состоялись в Дорнахе 18 июля, 1, 8 и 15 августа 1915 г. (*Lindenberg*. S. 365). См. примеч. 919 к *МБ*.

[914] Вероятно, имеется в виду второй курс лекций Штейнера об эвритмии, который состоялся с 18 августа по 11 сентября 1915 г.

[915] См. примеч. 940 к *МБ*.

[916] Подразумевается рукопись книги «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности».

[917] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 7/20 ноября 1915 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 57).

[918] Эвритмические представления состоялись 12 и 26 сентября 1915 г. (*Lindenberg*. S. 366).

[919] Городок к северу от Глиона (окрестности Монтрё).

[920] И.И. Фондаминский был женат на А.О. Гавронской, сестре Д.О. Гавронского.

[921] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 7/20 ноября 1915 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 60). В недатированном письме к матери (декабрь 1915 г.), Белый сообщал: «…оба мы с Асей – усталые, больные, грустные; трудно нам, ох, как трудно: подвела история с книгами <…> с войной все отвлечены, ничего не устроилось: послал письма к Мережковскому, Сологубу и Ремизову – похлопотать за меня у издателей: будучи отрезан от родины, я ничего сам не могу устроить: я рассчитывал на собрание сочинений у "*Сирина*", т. е. на 2 года спокойной жизни; и "Сирин" кончился; до последнего времени был слух, что устроюсь я с одним издательством; но все – лопнуло; это меня пришибло, разбило: я как-то стиснул зубы, полтора месяца молчал и все думал – устроюсь: но ничего не устроилось; устроиться можно на протяжении 3-х, 4-х месяцев, а мы – без гроша, доживаем последние деньги; что делать, не знаю: милая мамочка, помоги временно нам» («Люблю тебя нежно…». С. 220). См. также ноябрьское письмо Белого к Федору Сологубу с просьбой о литературной протекции (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 47–49).

[922] Эти лекции были прочитаны, видимо, в первую половину ноября 1915 г. Около 13 ноября Штейнер уехал в Германию, где оставался до 22 или 23 декабря.

[923] Впервые Белый обратился к изучению «Критики чистого разума» И. Канта в студенческие годы. См. с. 57 наст. изд. «Критику чистого разума» в переводе М. Владиславлева (СПб.: Тип. Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова), 1867) из библиотеки отца (с тисненной печатью Н.В. Бугаева) Белый привез в Дорнах. Книга до недавнего времени хранилась в собрании Светланы Гайер (Германия), в настоящее время – в Мемориальной квартире Андрея Белого (Москва).

[924] См.: *О Штейнере*. С. 459–461.

[925] С декабря 1915 г. по февраль 1916 г. Белый прочитал курс из 12-ти лекций «Кант и Штейнер в свете современных теоретико-познавательных проблем» для группы русских антропософов в Дорнахе (см. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 27 февраля / 11 марта 1916 г. // *Белый – Иванов-Разумник*. С. 64). С этим курсом, вероятно, соотносится рукопись Белого «3 способа кантианского выведения позиции д-ра Штейнера» (РГБ. Ф. 25. Карт. 37. Ед. хр. 6).

[926] Первые два очерка Белого, помещенные в утренних выпусках «Биржевых Ведомостей», – «Гремящая тишина» (1916. № 15442, 15 марта) и «Горизонты сознания» (1916. № 15446, 17 марта). Всего с марта по август 1916 г. в «Биржевых Ведомостях» были напечатано 11 статей и очерков Белого, а также «Отрывки из детских впечатлений (Из повести "Котик Летаев")» (№ 15533, 2 мая).

[927] Белый подразумевает свое пространное исповедальное письмо к М.Я. Штейнер, датированное 13 января 1916 г. (опубликовано в работе М.Л. Спивак «Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс» // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 59–64; также – в кн.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 94–102). Отклик М.Я. Штейнер на него нам неизвестен.

[928] Ошибка памяти: София Штинде, руководитель немецкой секции Антропософского общества, внезапно скончалась 17 ноября 1915 г. в Мюнхене. Кремация состоялась 22 ноября в Ульме. «Смерть Штинде, – пишет Белый, – была ударом для меня, моих близких, всех нас, работавших

при Гетеануме; это – непоправимый удар для Мюнхена, всего будущего движения» (*О Штейнере*. С. 386).

[929] 16 января 1916 г. Штейнер прочитал в Дорнахе последнюю лекцию перед отъездом в Берлин. С 19 или 20 января по 24 июля 1916 г. он находился в Германии, посещая антропософские группы в разных городах и выступая с публичными лекциями о немецкой духовной жизни XIX века и ее представителях.

[930] Вероятно, имеется в виду кн.: *André Marius*. Le bienheureux Raymond Lulle (1232–1315). Paris, 1890.

[931] По-видимому, имеется в виду статья: *Delécluze Etienne Jean*. Raymond Lulle // Revue des deux mondes. 15 de novembre (Paris, 1840). P. 519–542.

[932] «Ars Generalis Ultima» или «Ars magna» Раймонда Луллия впервые была издана в 1305 г., а сокращенный вариант этого компендиума – «Ars brevis» – в Венеции в 1475 (?) г. Неизвестно, знакомился с ними Белый в латинском оригинале или в переводе.

[933] Имеется в виду кн.: *Jordanus Brunus Nolanus*. De specierum scrutinio et lampade combinatoria Raymondi Lullii Doctoris Heremitae omniscii, prope modumque divini. Praga, 1588. Неизвестно, каким изданием комментария и на каком языке воспользовался Белый.

[934] По-видимому, подразумеваются статьи, опубликованные в утренних выпусках «Биржевых Ведомостей», – «Кризис жизни» (1916. № 15472, 30 марта) и «Природа» (1916. № 15488, 7 апреля).

[935] «Кризис жизни» – первая часть цикла философско-культурологических эссе «На перевале» (Пб.: Алконост, 1918).

[936] По-видимому, подразумеваются статьи, напечатанные в утренних выпусках «Биржевых Ведомостей», – «У немецкой границы» (1916. № 15527, 29 апреля, с подзаголовком: «От нашего корреспондента. Базель») и «Современные немцы» (1916. № 15573, 22 мая). 10/23 июня 1916 г. Белый писал А.Д. Бугаевой: «...о картинках окружающей нас жизни писал в “*Биржевых Ведомостях*” (жаль, что Ты, вероятно, не читала мои фельетоны: пишу туда довольно часто)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 219 об.; «Люблю тебя нежно...». С. 227).

[937] Труд Э. Ласка с указанным заглавием не существует. Может быть, Белый имеет в виду его «Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre. Eine Studie über den Herrschaftsbereich der logischen Form» (Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1911).

[938] Основной труд А. Росмини-Сербати – «Новый опыт о происхождении идей» (*Rosmini-Serbati Antonio*. Nuovo saggio sull'origine delle idei. Milano, 1836–1837). Белый, по-видимому, читал его в переводе.

[939] *Lask Emil*. Die Lehre vom Urteil. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1912. В письме к Иванову-Разумнику от 27 февраля / 11 марта 1916 г. Белый назвал эту книгу «одной из интереснейших книг современности» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 63).

[940] 6/19 апреля 1916 г. Белый писал матери: «Мы ведь тут *антропософы*, братья и сестры <...> *мы семья*; *каждый за всех и все за одного* <...> хотя бы например *зубной врач* уже 4 месяца занимается моим ртом; он сам предложил мне чинить зубы бесплатно (у меня были сильные боли); а заплатить когда-нибудь, после войны, когда у меня будут деньги; а это – первый врач в Базеле, первый по мастерству и дороговизне; ввиду того, что он член нашего О<бщест>ва, я согласился на его любезность: не думай, что мы живем в волчьей яме среди людей-волков» («Люблю тебя нежно...». С. 224–225).

[941] Летом 1916 г. в утренних выпусках «Биржевых Ведомостей» были напечатаны следующие статьи Белого: «О злободневном и вечном» (№ 15635, 23 июня), «Восток или Запад?» (№ 15661, 6 июля), «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (№ 15701, 26 июля), «Мертвые города» (№ 15745, 17 августа), «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии» (№ 15757, 23 августа).

[942] 10/23 июня 1916 г. Белый писал А.Д. Бугаевой: «В мае 2 недели прожили для отдыха в *Лугано* с Т.Я. Бергенгрюн и... представь себе: с Боборыкиными!» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 222; с неточностями: «Люблю тебя нежно...». С. 229).

[943] В действительности Белый выслал рукопись романа «Котик Летаев» (без последней главы) Иванову-Разумнику около 11/24 июля 1916 г. (см.: *Белый – Иванов-Разумник*. С. 70–71).

944 Имеются в виду лекции о перевоплощении и карме, прочитанные Штейнером в 1912 г. (23 и 30 января, 20–21 февраля, 5 марта).

945 Июнем 1916 г. датированы стихотворения Белого «Асе» («Едва яснеют огоньки...»), «Жизнь» («Над травой мотылек...») и «Лазури» («Светлы, легки лазури...») (*СП – 1*. С. 389–390, 402, 403).

946 Вторая часть цикла философско-публицистических этюдов «На перевале», которая вышла в свет в январе 1919 г.: «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб.: Алконост, 1918).

947 Эти события произошли позднее: Штейнер возвратился в Дорнах 25 июля 1916 г., Белый получил точное известие о призыве на военную службу в телеграмме от А.С. Петровского, посланной 15/28 июля из Москвы (*Белый – Петровский*. С. 257). См. также примеч. 947 к *МБ*.

948 Имеется в виду цикл лекций «Загадка человека. Духовные основания человеческой истории» («Das Rätsel des Menschen – Die geistigen Hintergründe der menschlichen Geschichte»), прочитанный Штейнером в Дорнахе 7, 12, 13, 15, 21, 26–28 августа 1916 г. Первые четыре из них Белый прослушал перед отъездом на родину.

949 Репетиции эвритмической постановки «Фауста» Гёте проходили в первой половине августа 1916 г. (*Lindenberg*. S. 375).

950 Белый и А.М. Поццо выехали из Дорнаха во Францию в середине августа (н. ст.) 1916 г. Согласно «Жизни без Аси», они выехали 16 августа (н. ст.) (см. с. 664 наст. изд.).

951 18 августа (н. ст.) – Берн; 19 августа – Париж, Гавр; с 20 по 25 августа – в Лондоне.

952 Этапы пути: 26–27 августа – Немецкое море; 27 августа – Берген; 29 августа – Христиания.

953 Белый прибыл в Торнио (город на границе Швеции и Российской империи, на севере Ботнического залива) 1 сентября (н. ст.), оттуда приехал в Петроград 21 августа / 3 сентября 1916 г. Он находился в столице 21–24 августа (3–6 сентября н. ст.). По приезде он писал матери: «Милая мамочка, приехал. Не знаю, где Ты: в Демьянове или в Москве. Если в Москве, телеграфируй, куда ехать к Тебе: в Москву или в Демьяново. Адрес мой: Петроград. Отэль “Селект” (получено в Москве 23 августа; РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 226; с неверной датировкой: «Люблю тебя нежно...». С. 232). 23 августа он писал ей же: «...в среду, в четверг еду в Демьяново. Сейчас должен в Петрограде попытаться устроиться со своими литературными делами» (Там же. Л. 227; «Люблю тебя нежно...». С. 232).

954 См. запись от 3–6 сентября в «Жизни без Аси» (с. 664 наст. изд.).

955 См. примеч. 8 к *МБ*.

956 См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 1 сентября 1916 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 73).

957 Летом 1913 г. Е.И. Васильева была назначена гарантом (официальным представителем) Антропософского общества в России. С 1914 г. в ее петербургской квартире (Невский пр., 119, кв. 6) располагалось отделение Антропософского общества.

958 «Бубновый валет» – основанное в Москве в 1911 г. Общество художников, членами-учредителями которого были П.П. Кончаловский, А.В. Куприн, И.И. Машков, В.В. Рождественский. В выставках и диспутах, устраивавшихся «Бубновым валетом», участвовали десятки деятелей искусства.

959 Отношения Белого с Ф.Ф. Кокошкиным и его женой М.Ф. Кокошкиной подробно рассмотрены в главе 3 («Москва кадетская») книги М. Спивак «Андрей Белый – мистик и советский писатель» (С. 117–153).

960 См. примеч. 948 к *МБ*.

961 Определенно, с ведома Брюсова его жена, И.М. Брюсова, обратилась к Белому с письмом от 20 октября 1916 г.: «...мы жаждем посмотреть, услышать Вас, поговорить с Вами». Белый на этот шаг не откликнулся. См.: *ЛН*. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 344–345.

962 В начале сентября 1916 г. Белый заключил договор с В.В. Пашуканисом, организовавшим в 1916 г. на базе «Мусагета» издательство собственного имени, с целью выпуска в свет своего многотомного «Собрания эпических пьес». В 1917 г. вышли в свет два тома – 4-й («Северная симфония (1-я, героическая)», «Симфония (2-я, драматическая)») и 7-й («Серебряный голубь», ч. 1); на этом издание прекратилось.

[963] Белый использует названия городов, официально утвержденные ко времени написания текста. Белый выехал из Москвы 8 сентября, был в Петрограде и в Царском Селе (остановился в квартире Иванова-Разумника) с 9 по 13 сентября.

[964] 18 сентября 1916 г. Иванов-Разумник сообщал Белому: «Сборник, о котором я Вам говорил, по-видимому, состоится» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 75). Первый сборник «Скифы», включающий несколько произведений Белого (первые главы романа «Котик Летаев», цикл стихотворений «Из дневника» и статью «Жезл Аарона»), вышел в свет в августе 1917 г.

[965] В апреле 1916 г. типография М.М. Стасюлевича выпустила в свет отдельное издание романа «Петербург». От М.К. Лемке, управляющего делами типографии, Белый должен был получить финансовый отчет по изданию романа и часть причитающегося ему гонорара. См. письмо Иванова-Разумника к Белому от 21 августа 1916 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 72).

[966] Белый предполагал (в случае призыва его на военную службу) ехать на румынский фронт с санитарным отрядом свящ. К.М. Аггеева (о нем см.: *Белый – Иванов-Разумник*. С. 74).

[967] Вероятно, имеется в виду одна из частей труда О.М. Новицкого: Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований. Ч. 1–4. Киев, 1860–1861 (Ч. 1: Религия и философия древнего Востока, 1860; Ч. 2: Религия классическаго мира и первая половина греческой философии, 1860; Ч. 3: Вторая половина греческой философии и общий взгляд на характер этой философи, 1860; Ч. 4: Религия и философия александрийского периода, 1861).

[968] Имеется в виду кн.: Чтение о логосе у Филона Александрийского Иоанна Богослова в связи с предшествовавшим историческим развитием идеи логоса в греческой философии и иудейской теософии. Исследование Митрофана Муретова. Вып. 1. М., 1885.

[969] Видимо, подразумевается киевский ежемесячный журнал «Христианская Мысль», издававшийся с января 1916 г. (редактор-издатель В.И. Экземплярский); в нем печатался, в частности, С.М. Соловьев. В Киеве издавались также (с 1860 г.) ежемесячные «Труды Киевской духовной академии».

[970] Книга Ф. Ницше «Несвоевременные размышления» («Unzeitgemasse Betrachtungen», I–IV, 1873–1876).

[971] Подразумевается книга В.Ф. Эрна «Философия Джоберти» (М.: Путь, 1916). Эрну принадлежит также брошюра «Спор Джоберти с Розмини (Речь, прочит. на годичном акте Тифлисск. высш. женских курсов 24 сент. 1913 г.)» (Тифлис, 1914).

[972] Возможно, имеется в виду фрагмент главной философской книги М.О. Гершензона «Тройственный образ совершенства» (М., 1918), впервые опубликованный под заглавием «О ценностях» в альманахе «Ветвь» (М.: Северные дни, 1917).

[973] С докладом «Александрийская эпоха и мы в освещении проблемы “Восток и Запад”» Белый выступил в Московском Религиозно-философском обществе 30 ноября 1916 г. Фрагменты, его составляющие, в другой композиционной последовательности вошли в статью Белого «Восток или Запад», опубликованную в альманахе «Эпоха» (Кн. 1. М., 1918. С. 161–210) и в его философско-публицистический цикл «На перевале». См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 13 октября 1916 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 78).

[974] Сентябрем 1916 г. датированы стихотворения Белого: «Вячеславу Иванову» («Случится то, чего не чаешь…»), «Асе» («Уже бледней в настенных тенях…»), «Асе» («Те же – приречные мрежи…») и «Асе» («Опять – золотеющий волос…») (*СП – 1*. С. 390–391, 394–395, 399, 404–405).

[975] Осенью 1916 г. Белый принялся готовить к переизданию книгу «Золото в лазури» для издательства В.В. Пашуканиса, стремясь устранить следы юношеской незрелой версификации и стилистические промахи. Издание не состоялось и результаты авторской работы исчезли: представленный переработанный текст пропал при закрытии издательства и аресте Пашуканиса в 1918 г. См.: *Малмстад Дж*. «Муки слова». Очерк истории формирования и публикации стихотворных книг Андрея Белого // *СП – 1*. С. 59–60.

[976] Анахронизм: Белый прочел лекцию «Драма жизни» в Камерном театре 24 октября 1916 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 80).

[977] Одно из чтений состоялось не в сентябре, а 16 октября в квартире Б.П. и Н.А. Григоровых (см. письмо Белого к Г.Г. Шпету от 15 октября 1916 г. // Начала. 1992. № 1. С. 63. Публ. М.Г. Шторх).

[978] Чтение состоялось 21 ноября 1916 г. на выставке «Бубнового валета», экспонировавшейся с 6 ноября по 11 декабря в Художественном салоне Клавдии Ивановны Михайловой (Б. Дмитровка, д. 11). См.: *Крусанов А.В.* Русский авангард 1907–1932. Исторический обзор: В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М., 2010. С. 754.

[979] Известие о призыве на военную службу Белый получил 20 сентября 1916 г. по дороге в Киев (в Брянске). См. его письмо к Иванову-Разумнику от 25 сентября (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 76).

[980] Танечка – Татьяна Алексеевна Соловьева (урожд. Тургенева), младшая сестра А.А. Тургеневой.

[981] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 3 ноября 1916 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 81). «Отрывки из детских впечатлений (Из повести "Котик Летаев")» Белого были напечатаны в трех номерах «Русских Ведомостей» за 1916 г.: главки «На черте», «Ты еси», «Сон», «Вселенная», «Обморок», «Древняя тайна», «Философ» (№ 263, 13 ноября); «Папа», «Прогулка», «Музыка» (№ 280, 4 декабря); «Соня Дадарченко», «Закат», «Клоун Клеся», «Весна» (№ 298, 25 декабря).

[982] Имеется в виду первая из трех частей фундаментальной работы Г.Г. Шпета «История как проблема логики: Критические и методологические исследования» (М., 1916).

[983] См.: *Бердяев Н.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Изд. Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916; *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века. Т. I–II. СПб., 1907; 4-е изд.: СПб., 1914.

[984] Октябрем 1916 г. датированы стихотворения Белого «Развалы» («Есть в лете что-то роковое, злое…»), «Тело стихий» («В лепестке лазурево-лилейном…») и «Родине» («В годины праздных испытаний...») (*СП – 1.* С. 390, 401, 407).

[985] Имеется в виду книга «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М.: Духовное знание, 1917), вышедшая в свет в середине ноября 1916 г.

[986] См. примеч. 889 к *МБ.*

[987] Анахронизм. Белый выступил с публичной лекцией «Творчество мира», устроенной Обществом друзей Грибоедовской библиотеки, в Большой аудитории Политехнического музея 1 декабря 1916 г. (печатная повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 14. Л. 16).

[988] См. выше, примеч. 973.

[989] См.: *Шпетт Г.* Явление и смысл. М., 1914.

[990] Имеются в виду следующие книги: *Шульговский Н.Н.* Теория и практика поэтического творчества. СПб.; М., 1916; *Гинцбург Д.Г.* О русском стихосложении. Опыт исследования ритмического строя стихотворений Лермонтова. М., 1915; *Бобров С.П.* Записки стихотворца. М.: Мусагет, 1916; *его же.* Новое о стихосложении А.С. Пушкина. М.: Мусагет, 1915; *Божидар.* Распевочное единство. М.: Центрифуга, 1916.

[991] В ноябре–декабре 1916 г. Белый попеременно жил в Москве и в Сергиевом Посаде у С.М. и Т.А. Соловьевых (9–18 ноября, 10–20 декабря, 23–28 декабря).

[992] «Воля к власти» («Der Wille zur Macht») – незаконченная книга Ф. Ницше; публиковалась в 1889–1901 гг. В русском переводе см.: *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. / Пер. под общ. ред. проф. Ф. Зелинского, С. Франка и др. при сотрудничестве: Андрея Белого, В.Я. Брюсова, М.О. Гершензона и др. Т. IX. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей (1884–1888) / Под ред. Г. Рачинского и Я. Бермана. М.: Московское книгоиздательство, 1910.

[993] О работе Белого над этой книгой см.: *Малмстад Дж.* «Муки слова». Очерк истории формирования и публикации стихотворных книг Андрея Белого. С. 59–61.

[994] Речь идет о статье «Поэзия Блока», впервые опубликованной в кн.: Ветвь. Сборник Клуба московских писателей. М.: Северные дни, 1917. С. 267–283; под заглавием «А. Блок» вошла в книгу Андрея Белого «Поэзия слова» (М.: Эпоха, 1922. С. 106–134). См.: *О Блоке.* С. 431–443.

[995] Имеются в виду подготовительные работы для исследования «О ритмическом жесте», завершенного в апреле 1917 г.

[996] Л. Шестов выступил в Московском Религиозно-философском обществе с докладом о Вяч. Иванове («Вячеслав Великолепный») 4 ноября 1916 г. (см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Т. I. Paris, 1983. С. 145).

[997] Это выступление состоялось 20 ноября 1916 г. в помещении Художественного кинематографа (Арбатская пл.) на лекции Н.А. Бердяева «Кризис искусства», устроенной Московским Художественным ателье. Белый был объявлен как один из оппонентов лектора (наряду с А.К. Топорковым). См.: Русские Ведомости. 1916. № 265, 16 ноября.

[998] Имеется в виду М.П. Кудашева.

[999] Встречи с М.А. Волошиным могли происходить не ранее конца декабря (Волошин приехал в Москву из Крыма только вечером 26 декабря 1916 г.). На первой неделе января 1917 г. он был у Белого (жившего тогда у матери в Никольском пер., д. 21).

[1000] См. выше, примеч. 350.

[1001] Подразумевается пятитомный труд Морица Каррьера (Carrière) «Искусство во взаимосвязи с развитием культуры и идеалы человечества» («Die Kunst im Zusammenhang der Kulturentwickelung und die Ideale der Menschheit», 1863–1874). Возможно, Белый ознакомился с ним в русском переводе Е. Корша: «Искусство в связи с общим развитием культуры и идеалы человечества» (Т. 1–5. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1870–1875): Т. 1. Зачатки культуры и восточная древность. М., 1870; Т. 2. Эллада и Рим. М., 1871.

[1002] Имеется в виду кн.: *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. 1–2. СПб.: Типо-лит. «Герольд», 1903 (ч. 1), 1909 (ч. 2).

[1003] Имеется в виду кн.: *Иванов-Разумник.* О смысле жизни. Ф. Сологуб. Л. Андреев. Л. Шестов. СПб., 1908; изд. 2-е: СПб., 1910.

[1004] Речь идет о книге Вяч. Иванова «Родное и вселенское. Статьи (1914–1916)» (М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917). Критическую оценку этой книги Белый дал в статье «Сирин ученого варварства» (см. ниже, примеч. 1098).

[1005] Г.Е. Распутин был убит в ночь на 17 декабря 1916 г.

[1006] См. выше, примеч. 991.

[1007] 29 декабря 1916 г. Белый сообщал М.К. Морозовой, что он должен явиться на призывной участок (в Крутицкие казармы) 1 января («Ваш рыцарь». Андрей Белый. Письма к М.К. Морозовой. С. 267–268). В записях «Жизнь без Аси» зафиксировано, что он получил отсрочку в середине января 1917 г. (С. 667 наст. изд.). По истечении последующих отсрочек Белый был окончательно освобожден от военной службы 21 июля 1917 г.

[1008] Белый прочел публичную лекцию «Жезл Аарона» в Малом зале Московской консерватории в пользу Всероссийского Союза Городов помощи больным и раненым воинам 24 января 1917 г.

[1009] Белый участвовал в обсуждении доклада Е.Н. Трубецкого «Мировая бессмыслица и мировой смысл», соответствовавшего первой главе его книги «Смысл жизни» (М., 1918), в Московском Религиозно-философском обществе 27 января 1917 г.

[1010] 29 января 1917 г. Белый выехал из Москвы в Петроград. С 30 января по 8 марта он попеременно жил в Петрограде и в Царском Селе у Иванова-Разумника (30 января – 6 февраля, 8–11, 13–26 февраля, 4–8 марта).

[1011] См.: *Швецова Л.* Андрей Белый и Сергей Есенин. К творческим взаимоотношениям в первые послеоктябрьские годы // *Проблемы творчества.* С. 404–425; *Субботин С.И.* Андрей Белый и Николай Клюев. К истории творческих взаимоотношений // Там же. С. 386–403; *Серегина С.А.* Андрей Белый и Сергей Есенин: опыт поэтической теургии // Куприяновские чтения: Сб. научн. трудов. Иваново, 2006. С. 84–91; *Ее же.* Андрей Белый и Сергей Есенин: мифология революции // Литература в школе. 2009. № 4. С. 6–8.

[1012] Подразумевается круг литераторов, участвовавших в организованных Р.В. Ивановым-Разумником и С.Д. Мстиславским сборниках «Скифы» и в большинстве своем придерживавшихся радикальных политических взглядов (позднее определившихся в программных установках и практике левоэсеровской партии). См.: *Леонтьев Я.В.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. М., 2007.

[1013] Эти беседы могли происходить лишь осенью 1917 г. В марте 1916 г. Е.И. Замятин, как морской инженер, был командирован в Англию для наблюдения за строительством судов по российским заказам, участвовал в создании пяти ледоколов; вернулся в Россию в сентябре 1917 г.

[1014] Статья Андрея Белого «Жезл Аарона (О слове в поэзии)» была напечатана в первом сборнике «Скифы» (<Пг.>, 1917. С. 155–212). При жизни Белого она не переиздавалась.

[1015] Статья «Ритм и смысл» сохранилась в архиве Белого (окончание текста утрачено); опубликована С.С. Гречишкиным и А.В. Лавровым в кн.: Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII. С. 140–146.

[1016] С докладом «Александрийская эпоха и мы в освещении проблемы “Восток и Запад”» Белый выступил в Петербургском Религиозно-философском обществе 12 февраля 1917 г. Текст доклада (авторизованная машинопись: РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 29) опубликован М.С. Киктевым (Ариаварта. 1998. № 2. С. 257–278), вошел в кн.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах. В 3 т. Т. 3. М., 2009. С. 476–498. См. также: *Ермичёв А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. С. 201–203.

[1017] Имеется в виду доклад «Творчество мира», прочитанный Белым 16 февраля 1917 г. в Петербургском Религиозно-философском обществе. См.: *Ермичёв А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. С. 203.

[1018] Анахронизм; доклад Белого «О ритмическом жесте» состоялся 14 октября 1917 г. в Пушкинском кружке (руководимом С.А. Венгеровым) на историко-филологическом факультете Петроградского университета (повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 14. Л. 18). См. письмо Б.М. Эйхенбаума к В.М. Жирмунскому от 25 октября 1917 г. (Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 292–293, 327. Публ. Н.А. Жирмунской и О.Б. Эйхенбаум; примеч. Н.А. Жирмунской и Е.А. Тоддеса).

[1019] С.Д. Мстиславский жил тогда в Николаевской военной академии на Суворовском проспекте. Согласно его свидетельству, Белый «вышел утром, собираясь проехать в Царское Село, – в то самое время, когда по ту сторону нашего академического плаца уже разгоралась стрельба – Волынский полк выходил из казарм» (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 1–1 об.). Волынский полк перешел на сторону восставших 27 февраля.

[1020] Подразумевается редакция газеты «День». Во второй половине февраля 1917 г. Иванов-Разумник был приглашен редактировать еженедельное литературное приложение к газете «День»; вышел единственный номер за несколько дней до революции.

[1021] Частная женская гимназия М.Н. Стоюниной (Кабинетская ул., д. 20).

[1022] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 28 февраля 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 94).

[1023] Квартира Мережковских в это время – в доме на углу Сергиевской (д. 83) и Потемкинской улиц, в непосредственной близости от Таврического дворца, где заседала Государственная Дума. Подробнее см.: *Белый – Иванов-Разумник*. С. 93–94.

[1024] «Приказ № 1» был принят Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 г. (текст отредактирован Н.Д. Соколовым). Согласно ему, солдаты наделялись гражданскими правами, были узаконены Советы солдатских депутатов, воинские части подчинялись не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету.

[1025] Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 г. в пользу брата, великого князя Михаила Александровича, который 3 марта отказался от прав на престол, предоставив решать вопрос о форме правления в России Учредительному собранию.

[1026] В первые месяцы после Февральской революции Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус выражали надежды на активную роль А.Ф. Керенского в деле преобразования России, осенью 1917 г. сменившиеся разочарованием. См.: *Колоницкий Б.* А.Ф. Керенский и Мережковские в 1917 году // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106.

[1027] Белый вернулся в Москву 9 марта 1917 г. См. его письмо к Иванову-Разумнику от 10 марта 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 94–95)

[1028] См. примеч. 889 к *МБ*. Открытое письмо И.А. Ильина Белому, в котором он называет его книгу «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» пасквилем, датировано 6-м февраля 1917 г. (см.: *Гаврюшин Н.К.* В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого // Вопросы философии. 1995. № 7. С. 99–100).

[1029] Белый жил у Соловьевых в Сергиевом Посаде 12–16 и 19–30 марта 1917 г. В промежутке между этими пребываниями он приезжал в Москву, чтобы получить очередную двухмесячную отсрочку от призыва на военную службу.

[1030] Пасха в 1917 г. – 2 апреля.

[1031] По-видимому, имеется в виду исследование «О ритмическом жесте». В авторском примечании к «Жезлу Аарона» сообщается, что статья «О ритмическом жесте» печатается во втором сборнике «Скифы» (Скифы. Сб. 1-й. <Пг.>, 1917. С. 203), однако эта публикация не осуществилась. Исследование было завершено в апреле 1917 г., но осталось в рукописи; фрагменты из него опубликованы С.С. Гречишкиным и А.В. Лавровым в кн.: Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII. С. 107–108, 132–139. В заметках «Работа и чтение» Белый определял «О ритмическом жесте» как «главу из “Кризиса сознания”» (С. 658 наст. изд.).

[1032] Этот философский очерк вышел в свет отдельным изданием осенью 1922 г.: *Андрей Белый*. О смысле познания. М.: Эпоха, 1922.

[1033] Клуб московских писателей – объединение, возникшее весной 1917 г.; собрания его проходили сначала в частных квартирах членов, затем – в правлении Московского Художественного театра. См.: <*Шруба М.*> Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. С. 72. См. записи о 9–12 марта 1917 г. в «Жизни без Аси» (С. 669 наст. изд.).

[1034] Сухраварди приехал в Россию в 1916 г.; в Москву – в 1917 г. Упоминается в романе Белого «Маски»: «…Суроварди, мечтательный индус, гандист, приезжал, чтоб помочь Станиславскому» (*Андрей Белый*. Москва. М., 1989. С. 417).

[1035] Выступление Андрея Белого на указанную тему состоялось в Клубе московских писателей позже – 21 мая 1917 г. в помещении Художественного театра (повестка: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 14. Л. 19).

[1036] Возможно, что имеются в виду выступления на собраниях писателей в Московском Художественном театре 11 и 14 марта 1917 г. См.: *Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. СПб., 2007. С. 15.

[1037] Белый жил в Сергиевом Посаде с 11 по 22 апреля 1917 г.

[1038] Иванов-Разумник заведовал литературным отделом эсеровской газеты «Дело Народа», возникшей в первые дни Февральской революции.

[1039] Имеется в виду «Новая Жизнь» – еженедельная газета, основанная М. Горьким; выходила с 18 апреля (1 мая) 1917 по 12 июня 1918 г. в Петрограде. Закрыта большевиками.

[1040] Газета «Правда», центральный орган РСДРП, была возобновлена изданием в Петрограде с 5 марта 1917 г.

[1041] В.Ф. Эрн скончался от нефрита 29 апреля 1917 г., не дожив несколько дней до назначенного дня защиты докторской диссертации.

[1042] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 17 мая 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 114).

[1043] См. развитие аналогичной идеи в письме Белого к Иванову-Разумнику от 5 мая 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 111–112).

[1044] Имеется в виду цикл воскресных музыкально-поэтических представлений «Утро музыки и поэзии для народа», проходивших «под управлением С. Кусевицкого» и при участии «оркестра С. Кусевицкого» с 9 апреля 1917 г. в помещении цирка Саламонского на Цветном бульваре, д. 13 (основан в 1880 г. конным акробатом и дрессировщиком Альбертом Саламонским, в 1919 г. национализирован и переименован в 1-ый Госцирк; сейчас Московский цирк Ю.В. Никулина на Цветном бульваре). Белый принимал участие в концерте «II-е “Утро музыки и поэзии для народа”», состоявшемся 23 апреля 1917 г. В анонсе сообщалось, что концерт пройдет «при участии А. Белого и Ю. Балтрушайтиса»: «Вступительное слово скажет Андрей Белый. В программе Рим-

ский-Корсаков, Чайковский, Танеев, Лядов, Аренский, Глазунов и стихотворения Ю. Балтрушайтиса и А. Белого. Начало в 2 ч. дня» (Мемориальный музей А.Н. Скрябина, Москва).

[1045] Имеется в виду доклад «О ритмической кривой», прочитанный Белым 14 мая 1917 г. у Б.П. и Н.А. Григоровых.

[1046] Н.В. Валентинов (Вольский) входил в большевистскую группу РСДРП непродолжительное время – в 1904 г., впоследствии сблизился с меньшевиками, но сохранял независимую позицию; летом 1917 г. окончательно порвал с меньшевиками. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. расценил как преступный акт.

[1047] См. свидетельства в письме Белого к Иванову-Разумнику от 2 мая 1917 г.: «…у Бердяевых меня зовут "*большевиком*" <…> с места в карьер на меня накинулась Лидия Юдифовна (жена Бердяева) за то, что я, дескать, развращаю "*Клуб писателей*" <…> "*мистическим большевизмом*" <…>» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 107).

[1048] Белый гостил у Соловьевых в Дедове с 2 по 9 мая 1917 г. 10 мая он вернулся в Москву.

[1049] Белый уехал в имение Демьяново, где жила тогда на даче его мать, 17 мая 1917 г. К концу месяца он возвратился в Москву. См. его письмо к Иванову-Разумнику от 26 мая (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 116–117).

[1050] О встречах Белого в Демьянове летом 1917 г. с К.А. Тимирязевым см.: *На рубеже*. С. 433.

[1051] Ср. сообщение в письме Белого к Иванову-Разумнику от 4 июля 1917 г.: «…я живу три дня здесь, три дня там – странствую по Николаевской жел<езной> дороге от Клина до Москвы: то живу около Крюкова, то – около Поворовки» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 121).

[1052] Имеется в виду станция Поворово (Николаевской железной дороги) под Москвой, вблизи которой находилось имение Б.П. и Н.А. Григоровых.

[1053] Брошюра Андрея Белого «Революция и культура» (М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917) была выпущена в свет в октябре 1917 г. См.: *Андрей Белый*. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 296–308.

[1054] Возвращение М.В. Волошиной в Россию вместе с Т.Г. Трапезниковым летом 1917 г. описано в ее воспоминаниях: *Волошина М.* (*Сабашникова М.В.*). Зеленая Змея. История одной жизни. / Пер. с нем. М.Н. Жемчужниковой. М.: Энигма, 1993. С. 255–258. См. также статью Ренаты фон Майдель «О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России» (Блоковский сборник. XI. Тарту, 1990. С. 67–81).

[1055] Со второй половины июля по август 1917 г. Белый жил в Поворове, бывая наездами в Москве: «Благодаря любезности Григоровых устроился один в очаровательном особнячке и утопаю в блаженстве тишины…» (письмо к Иванову-Разумнику от 27 июля 1917 г. // *Белый – Иванов-Разумник*. С. 124).

[1056] Из писем А. Тургеневой к Белому в его московских фондах сохранилось лишь одно письмо за 1919 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 281).

[1057] Курс лекций Штейнера (см. примеч. 785 к *МБ*).

[1058] Имеется в виду курс (11 лекций) «Тайны библейской истории творения: Шестоднев по книге Бытия» («Die Geheimnisse der biblischen Schöpfungsgeschichte»), прочитанный Штейнером в Мюнхене 16–26 августа 1910 г.

[1059] Имеется в виду книга Я. Бёме (Böhme) «Aurora, oder Morgenröte im Aufgang» (1612); в русском переводе А.С. Петровского опубликована в 1914 г. (см. выше, примеч. 639). Белый цитирует его перевод в своей книге «Глоссолалия. Поэма о звуке» (Берлин: Эпоха, 1922. С. 35).

[1060] «Мысль и язык» – название книги А.А. Потебни (см. ниже, примеч. 1063). Белый имеет в виду издание: *Мюллер М.* Наука о языке. Новый ряд чтений Макса Мюллера в Великобританск. королевск. ин-те в 1863. Вып. 1–2. Воронеж, 1868–1870. В «Глоссолалии» Белый дает примечание (С. 25, 44): «См. Макс Мюллер "Лекции по науке о языке"». См. также: *Müller Friedrich Max*. 1) Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. Leipzig, 1863, 1866; 2) Lectures on the Science of Language. Vol. I–II. London, 1861–1864.

[1061] В «Глоссолалии» имеется примечание: «Сюда А. Мейе: "Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков". (Перевод). Юрьев 1914 г.» (С. 23). Издание в оригинале: *Meillet*

Antoine. Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes. Paris, 1903; 2 éd.: 1908. Книга неоднократно переиздавалась.

1062 Примечание в «Глоссолалии»: «См. В. Поржезинский: "Очерк сравнительной фонетики". Стр. 17, 18» (С. 39). Имеется в виду кн.: Очерк сравнительной фонетики древнеиндийского, греческого, латинского и старославянского языков. Пособие к лекциям В. Поржезинского. М., 1912.

1063 Имеется в виду кн.: *Потебня А.* Мысль и язык. Харьков, 1913. Цитируется в «Глоссолалии» (С. 87), ранее Белый посвятил анализу этого труда специальную статью (см. примеч. 662 к *МБ*). См.: *Белькинд Е.* А. Белый и А.А. Потебня (К постановке вопроса) // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская литература XX века». Тарту, 1975. С. 160–164.

1064 По-видимому, имеется в виду издание: Сравнительное языковедение и первобытная история. Лингвистическо-историч. материалы для исследования индогерманской древности. Д-ра О. Шрадера. Пер. с нем. <Н.Г. Чернышевского>. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенка), 1886. Издание в оригинале: Sprachvergleichung und Urgeschichte. Linguistisch-historische Beiträge zur Erforschung des indogermanischen Altertums, von Dr. O. Schrader. Jena, 1883. Белый мог обращаться и к другому труду Шрадера: Индо-европейцы. С предисл. и доп. авт. к рус. изд. Пер. Ф.И. Павлова. Под ред. и со вступ. ст. А.А. Погодина, орд. проф. Харьковск. ун-та. Ч. 1–2. СПб.: П.П. Сойкин, 1913. (Die Indogermanen. Von Dr. Phil. O. Schrader… Leipzig, 1911).

1065 В «Глоссолалии» Белый дает примечание: «См. Поржезинский, Мейе; сюда же и Бругманн: Kurze vergleichende Gram. der Indo-Europ. Sprache» (С. 46). Имеется в виду издание: *Brugmann Karl*. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1902–1904.

1066 «Глоссолалия. Поэма о звуке» Андрея Белого впервые была опубликована отдельным изданием в Берлине в 1922 г. Первоначально эта работа (под названием «О космическом звуке») была предназначена для второго сборника «Скифы», но не была там напечатана. См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 5 сентября 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 133).

1067 Возможно, подразумеваются статьи Г.Г. Шпета, опубликованные в № 1 философского ежегодника «Мысль и слово» (М., 1917). См.: *Мильдон В.И.* Симпатическое понимание: теория поэтической речи в понимании Г.Г. Шпета // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М., 2000. С. 284–294.

1068 Во второй половине августа 1917 г. верховный главнокомандующий вооруженными силами России генерал Л.Г. Корнилов, в связи с усугубляющимся разложением русской армии и дестабилизацией политического положения в стране, предпринял попытку военного переворота: опираясь на армейские части, начал поход на Петроград с целью добиться передачи себе всей полноты власти. 30 августа движение корниловцев на Петроград было остановлено, 2 сентября Корнилов арестован. См.: *Керенский А.Ф.* Дело Корнилова. М., 1918. См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 5 сентября 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 133).

1069 Ср. примечания в «Глоссолалии»: «Все почти обозначения взяты мной из справочника Benseler'a "Wörterbuch der Griechischen Eigennamen". 1884. Braunschweig. К справочнику отсылаю читателей» (С. 51) и «См. справочник Бензелера» (С. 60, 65). Имеется в виду кн.: Dr. W. Pape's Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3 Aufl. neu bearbeitet von Gustav Eduard Benseler. Braunschweig, 1884.

1070 См. письма Иванова-Разумника к Белому от 6 и 16 сентября 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 134). Андрей Белый указан как редактор второго сборника «Скифы» наряду с Ивановым-Разумником и С.Д. Мстиславским. Белый предполагал выехать в Петроград 26 сентября 1917 г., но не смог из-за забастовки железнодорожников (см. его письмо к Иванову-Разумнику от 25 сентября // Там же. С. 136–137). Он выехал из Москвы в один из последних дней сентября или в самом начале октября.

1071 Речь идет о визите Белого к Мережковским 23 октября 1917 г., перед отъездом в Москву. З.Н. Гиппиус записала в этой связи 24 октября: «Бедное "потерянное дитя", Боря Бугаев, приезжало сюда и уехало вчера обратно в Москву. Невменяемо. Безответственно. Возится с этим большевиком – Ив. Разумником (да, вот куда этого метнуло!) и с "провокатором" Масловским… "Я только литературно!" Это теперь, несчастный!» (*Гиппиус З.* Дневники. Кн. 1. М., 1999. С. 586).

[1072] Холостой выстрел из орудия с крейсера Балтийского флота «Аврора» (стоявшего на Неве) вечером 25 октября 1917 г. послужил сигналом к захвату Зимнего дворца и началу большевистского переворота в Петрограде. Белый вернулся в Москву 24 октября 1917 г. 4 ноября 1917 г. он писал А. Тургеневой: «24-го я вернулся из Петрограда, а 25-го начались события нашей жизни, столь потрясавшие нас. <…> В день отъезда (носильщик достал мне билет только на 24-ое, хотя я пытался уехать еще 10 октября) Мережковским по телефону сказали, что начался переворот, и я уехал в Москву, не зная, что происходит» (*Malmstad John E.* Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 436–437).

[1073] Речь идет о последовавших за большевистским государственным переворотом боях в Москве, продолжавшихся с 27 октября по 3 ноября: «В одной Москве, говорят, от 5000 до 7000 жертв, а сколько испорчено зданий, имущества и всякого добра, и не перечесть» (*Окунев Н.П.* Дневник москвича. 1917–1924. Paris, 1990. С. 100. Запись от 10 ноября 1917 г.).

[1074] В письме от 4 ноября 1917 г. к А. Тургеневой Белый сообщал: «…с субботы до пятницы <28 октября – 3 ноября>, т.е. целую неделю мы, т.е. наш дом, был отрезан от мира, потому что почти невозможно было выходить. Наш тихий арбатский район оказался неожиданно одним из центров военных действий. Юнкера, ударные войска и белая гвардия расположились по Арбату, Поварской, Пречистенке и по району наших переулков <…>, а войска революционного комитета и красная гвардия наступали с Хамовник<ов>, Смоленского рынка и с Пресни (кажется); словом: наш Никольский переулок оказался границей; и даже дома перепутались: с арбатских домов, кажется, стреляли юнкера, с Трубниковского переулка наступали большевики и т.д. Загрохотали пушки, залетали снаряды, стены дрожали от грохота. В понедельник в 9 часов утра я вскочил с дивана (спал я в своем зеленом кабинетике) от оглушительного грохота; и подбежав к окну, увидел столб кирпичной пыли; оказывается: в дом против нас упала шрапнель и разорвалась перед окнами; с понедельника мы перекочевали в кухню и ванну; где только и можно было жить; пули пролетали в окна, разбивали стекла; шрапнель ударилась в балкон нашего дома, когда мы с мамой спасались в нижний этаж; осколок шрапнели, разбив стекла, пролетел на расстоянии не далее дюйма от маминого виска; с мамой сделалась истерика; последние дни мы ютились у Махотиных; было невозможно почти жить; почти нечего было есть; кабинет мой прострелен; стекла разбиты; стоит адский холод; работать нет никакой возможности <…>» (*Malmstad John E.* Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923). P. 437). См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 9 ноября 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 141–142).

[1075] Статья «Вячеслав Иванов» была опубликована в кн.: Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С. Венгерова. Т. 3. Кн. 8. М., <1918>. С. 114–149; вошла в книгу Андрея Белого «Поэзия слова» (1922).

[1076] Подразумеваются мистерии Р. Штейнера (см. выше, примеч. 734, также примеч. 726, 778 к *МБ*).

[1077] Имеется в виду кн.: *Попов И.В.* Личность и учение Блаженного Августина. Т. 1. Ч. 1: Личность Блаженного Августина. Ч. 2: Гносеология и онтология Блаженного Августина. Сергиев Посад, 1916.

[1078] См. выше, примеч. 37. Книга Вяч. Иванова «Эллинская религия страдающего бога. Опыт религиозно-исторической характеристики» публиковалась в журнале «Новый Путь» в 1904 г. (№ 1, 2, 3, 5, 8, 9); заключительная ее часть – под заглавием «Религия Диониса. Ее происхождение и влияния» – была напечатана в журнале «Вопросы Жизни» (1905. № 6, 7). Не исключено, что Белый пользовался корректурой отдельного издания книги, подготовленного к печати в Издательстве М. и С. Сабашниковых в 1917 г. (весь отпечатанный тираж сгорел при пожаре в типографии).

[1079] Текст этого письма нам неизвестен.

[1080] Согласно печатному объявлению от издательства «Духовное Знание», лекции-беседы Андрея Белого «Мир, Мысль, Дух в свете новой культуры» в 1917 г. проходили по воскресеньям: 15 и 29 октября, 12 и 26 ноября, 10 и 17 декабря; Белый окончил чтение этого курса в феврале 1918 г. См. его письмо к Иванову-Разумнику от 28 ноября 1917 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 143–144).

[1081] См. «Распределение занятий в русском Антропософическом обществе в 1918–1919 г.», составленное Белым (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. Paris, 1990. С. 473–474).

[1082] Нереализованный замысел.

[1083] В «Воспоминаниях о Московском Антропософском обществе» (1917–23 гг.) М.Н. Жемчужникова сообщает: «Общество помещалось тогда в Полуэктовом переулке (ныне пер. Сеченова) на Пречистенке, дом 5, во дворе <...> Той же зимой 1917–18 г. Общество переехало в другое помещение – Кудринская Садовая, д. 6, кв. 2, в бывшую квартиру Григоровых, и заняло там ту самую большую гостиную, где весной я слушала памятный доклад А. Белого. В этом помещении Общество и оставалось до самого его закрытия в 1923 году» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. Paris, 1988. С. 15, 16. Публ. Дж. Малмстада).

[1084] К.Н. Васильева тогда дежурила в библиотеке Антропософского общества.

[1085] По-видимому, подразумевается стихотворение «Антропософии» («Твой ясный взгляд, в нем я себя ловлю...») (*СП – 1.* С. 405–406).

[1086] Зенд-Авеста – «Авеста», древнеиранский религиозный памятник, канон зороастризма (возник в 1-й половине 1-го тысячелетия до н.э., кодифицирован в III–VII вв.), содержит свод религиозных и юридических предписаний, молитвенные песнопения, гимны зороастрийским божествам.

[1087] См. выше, примеч. 608.

[1088] 21 февраля (н. ст.) 1918 г. Белый писал А. Тургеневой о своем лекционном курсе «Мир Духа»: «Мой курс слушают от 60 до 70 человек, главным образом курсистки; и – молодежь; и после каждой лекции приходится слышать со стороны изумление, или слова, вроде: “Если это философия антропософии, то – я хочу быть антропософом”. Получается круг друзей (неантропософов) вокруг нас. Пока все это очень зелено и надо много работать, чтобы утвердилась философия антропософии» (РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 19).

[1089] Белый прочитал лекцию под этим названием 3 февраля 1918 г. в помещении Московского справочно-статистического бюро Императорского Русского театрального общества на Большой Никитской ул. (д. 19); в архиве Белого сохранились ее тезисы (РГБ. Ф. 25. Карт. 3. Ед. хр. 14). В письме к А. Тургеневой от 21 февраля (н. ст.) 1918 г. Белый сообщал: «Недавно читал лекцию об антропософском сознании “*Свет из Грядущего*” в помещении на 250 человек и по очень дорогим ценам (в пользу нами проектируемого сборничка “*Светень*”)» (РГБ. Ф. 25. Карт. 30. Ед. хр. 19). Упомянутый издательский замысел не был реализован.

[1090] 2/15 февраля 1918 г. Белый выступил в Политехническом музее с оценкой поэмы В.В. Маяковского «Человек» после ее чтения автором.

[1091] «Встреча двух поколений поэтов» на квартире поэта М.О. Цетлина (Амари) произошла в конце января 1918 г. Присутствовали, кроме упомянутых, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, Ю. Балтрушайтис, И. Эренбург, Вл. Ходасевич, М. Цветаева, А. Толстой, П. Антокольский, В. Инбер и др. См.: *Катанян В.* Маяковский. Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М., 1985. С. 138–139.

[1092] Февралем 1918 г. датированы стихотворения «Антропософам» («Мы взметаем в мирах неразвеянный прах...») и «Голубь» («Вестью овеяны...») (*СП – 1.* С. 408, 410).

[1093] «Записки чудака» писались Белым как первая часть большого автобиографического цикла «Я. Эпопея»; под этим общим заглавием они публиковались в 1919–1921 гг. в «Записках Мечтателей» (№ 1, 2/3). Возможно, в данном случае подразумевается первоначальная версия текста («Воспоминания странного человека»), сохранившаяся в неполном виде в архиве Р.В. Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 11, 31). См.: Воспоминания странного человека / Предисл., публ. и примеч. А.В. Лаврова // Миры Андрея Белого. Белград; М., 2011. С. 47–56, I–LXII.

[1094] 9 января 1918 г. переговоры между большевистским правительстом и Германией и ее союзниками, начатые 9/22 декабря 1917 г. в Брест-Литовске, были возобновлены. 28 января Троцкий, глава большевистской делегации, вызвал неожиданную развязку событий, заявив о решении своего правительства прекратить войну в одностороннем порядке, но при этом отказавшись подписать «захватнический» мир. Германское командование потребовало разъяснений, затем 5/18 февраля, по истечении срока двухнедельного ультиматума, возобновило военные действия. В течение нескольких дней немецкая армия заняла обширные российские территории. 24 февраля ЦИК принял германский ультиматум и советская делегация отправилась в Брест-Литовск для подписания мирного договора; он был подписан 3 марта 1918 г.

[1095] Стихотворение «Скифы» было опубликовано в газете «Знамя Труда» 7/20 февраля 1918 г. (№ 137). 16 или 17 марта 1918 г. Белый писал Блоку: «Читаю с трепетом Тебя. "Скифы" (стихи) – огромны и эпохальны, как "Куликово Поле"» (*Белый – Блок.* С. 513).

[1096] 11 марта 1918 г. руководители большевистской партии и правительства, тайно покинувшие Смольный в ночь на 10 марта, приехали в Москву. 15 марта IV Чрезвычайный съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, созванный в срочном порядке для ратификации Брестского мира, провозгласил Москву столицей РСФСР. См. статью Е. Берар «Почему большевики покинули Петроград?» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 14. М.; СПб., 1993. С. 226–252). Иванов-Разумник и С.Д. Мстиславский (редакторы, вместе с Белым, сборников «Скифы») приехали в Москву в составе делегации левых эсеров для участия в IV съезде Советов, состоявшемся 14–16 марта. В числе делегатов было 256 левых эсеров.

[1097] Социалистическая академия общественных наук была учреждена в Москве в 1918 г., как научно-исследовательский и учебный центр по разработке революционной теории. Во главе стоял А.В. Луначарский.

[1098] Имя Белого как сотрудника литературного отдела «Знамени Труда», редактировавшегося Ивановым-Разумником, указывалось в объявлениях этой газеты с 30 декабря 1917 г. без его ведома (см. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 17 января 1918 г. // *Белый – Иванов-Разумник.* С. 153). 28 декабря 1917 г. в «Знамени Труда» (№ 105) были напечатаны фрагменты из статьи Белого о Клюеве «Песнь Солнценосца» (под заглавием «Рождение в Ясли»). Единственная статья Белого, напечатанная в 1918 г. в газете, – «Сирин ученого варварства» (позднее издана отдельной брошюрой: Берлин: Скифы, 1922): «На перевале. 1. Сирин ученого варварства», гл. I–VI (№ 163, 26/13 марта) и «На перевале. 2. Сирин ученого варварства (По поводу книги В. Иванова "Родное и вселенское")», гл. VII–X (№ 170, 3 апреля / 21 марта). В «Знамени Труда» в 1918 г. были напечатаны также стихотворения Белого: «Утро» («Над долиной мглистой в выси синей...») (№ 124, 21 января / 3 февраля, без заглавия), «Антропософам» («Мы взметаем в мирах неразвеянный прах...») (№ 160, 22 марта, без заглавия), «Слово» («В звучном жаре...») (№ 168, 31 марта), «"Я"» («В себе, – собой объятый...») (№ 171, 4 апреля).

[1099] Мартом 1918 г. датировано стихотворение «Антропософии» («Из родников проговорившей ночи...») (*СП – 1.* С. 411–412).

[1100] Статья опубликована в газете «Россия» (1918. № 1, 7 июня. С. 5–7).

[1101] Издание или объединение с таким названием в 1918 г. не выявлено.

[1102] Имеются в виду газета «Жизнь», в которой Белый в 1918 г. печатался три раза: «Верное знание» (№ 10, 4 мая); «Жизнь» (№ 14, 12 мая); «Кризис жизни и творчества» (№ 38, 9 июня) – и «Наш Путь», «литературно-политический журнал революционного социализма», издававшийся при Центральном Комитете партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) под редакцией Р.В. Иванова-Разумника, Б.Д. Камкова, С.Д. Мстиславского. Вышло два номера: 1-й – в апреле, 2-й – в мае 1918 г. Во втором номере были опубликованы три произведения Андрея Белого: «Дневник чудака. Писатель и читатель (Отрывок из повести)» (С. 9–18); поэма «Христос воскрес» (С. 101–118); статья «На перевале. I. Весенние мысли. II. Революция и сознание современности» (С. 119–133).

[1103] Пасха в 1918 г. – 22 апреля / 5 мая. Поэма была впервые опубликована в «Знамени Труда» 12 мая 1918 г. (№ 199) под заглавием «Христос Воскресе»; перепечатана во втором номере журнала «Наш Путь». Отдельное издание: *Андрей Белый.* Христос воскрес. Поэма. Пб.: Алконост, 1918 (вышло в свет в марте 1919 г.).

[1104] 27 февраля / 12 марта 1918 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...многое в "Знамени Труда" радует; огромны "Скифы" Блока; и, признаться, его стихи "*12*" – уже слишком; с ними я не согласен...» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 159). Поэма «Двенадцать» впервые была опубликована в «Знамени Труда» 18 февраля / 3 марта 1918 г. (№ 147).

[1105] Иванов-Разумник был в Москве во время работы Второго съезда Партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов (17–25 апреля 1918 г.), на котором он был избран членом ЦК партии. Согласно дневниковым записям Блока, Иванов-Разумник выехал в Москву 16 ап-

реля и возвратился в Петроград не позднее 30 апреля (*Блок А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 400, 403).

[1106] Видимо, речь идет о подготовительной стадии в организации Социалистической академии общественных наук. Официальный декрет о ее создании был издан 25 июня 1918 г. (в 1919 г. переименована в Социалистическую академию, в 1924 г. – в Коммунистическую Академию). М.Н. Покровский (у Белого ошибочно – М.П. Покровский) и М.А. Рейснер были инициаторами создания Академии, Покровский стал ее Председателем (1918 – 1932). 10 августа 1918 г. Белый писал Блоку: «Левые "эс-эры" во всех отношениях путаники: запутали меня с Академией, сами из нее вышли, а меня подвели – тем, что в "Известиях" появилось извещение о том, что я выбран "*профессором*". Я, разумеется, отказался» (*Белый – Блок.* С. 515). Белый был включен в перечень профессоров художественно-литературного факультета Социалистической академии общественных наук, опубликованный в газете «Известия» 9 августа 1918 г. (№ 169). См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 10 августа 1918 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 162).

[1107] Поэма «Инония» была написана Есениным в январе 1918 г., впервые опубликована (в извлечениях) в «Знамени Труда» 19 мая 1918 г. (№ 205), полностью опубликована во втором номере журнала «Наш Путь». Есенин переехал на жительство из Петрограда в Москву в конце апреля – начале мая 1918 г.

[1108] Публикация книги стихотворений Андрея Белого «Звезда» предполагалась в московском издательстве А.М. Кожебаткина «Альциона» (см. объявления о готовившемся издании: Театральный курьер. 1918, 21 сентября; Колосья (Харьков). 1918. № 18. С. 11). В 1919 г. издание было доведено до верстки, однако тогда книга в свет не вышла. Видимо, наличие переплетенного экземпляра верстки послужило основанием для ошибочного включения «альционовской» «Звезды» в библиографические указатели: «Звезда: Новые стихи. М.: Альциона, 1919. 72 с.» (см.: *Тарасенков А.К., Турчинский Л.М.* Русские поэты XX века. 1900–1955. Материалы для библиографии. М., 2004. С. 104; Русские поэты XX века. Материалы для библиографии / Сост. Л.М. Турчинский. М., 2007. С. 69).

[1109] Книга Андрея Белого «На перевале. I. Кризис жизни» (Пб.: Алконост, 1918) вышла в свет в сентябре 1918 г.

[1110] См. примеч. 490 к *МБ*.

[1111] Имеется в виду кн.: *Трубецкой Е.Н.* Религиозно-общественный идеал западного христианства в V-м веке. Ч. 1. Миросозерцание блаженного Августина. М., 1892. См. также выше, примеч. 1077.

[1112] Книга Андрея Белого «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб.: Алконост, 1918) вышла в свет в январе 1919 г.

[1113] Свободный театр («Эрмитаж») в Каретном ряду (дом Щукина). Лекция Андрея Белого «Поэзия слова» состоялась в белом зале «Эрмитажа» 9/22 июня 1918 г. (см. тезисы: РГБ. Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 14. Л. 6).

[1114] Имеется в виду издание: *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время / Пер. с итал. Н. Бережкова. Ред. А.Л. Волынский. Т. 1–2. СПб.: Грядущий день, 1913. В оригинале: *Villari Pasquale.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi. 2 v. Firenze, 1859–1861; перераб. изд.: 1887–1888.

[1115] Подразумеваются приверженцы «философии общего дела» Н.Ф. Федорова.

[1116] 6 июля 1918 г. левые эсеры Яков Блюмкин и Николай Андреев убили графа Вильгельма Мирбаха, германского посла в РСФСР с апреля 1918 г. На протяжении десятилетий этот террористический акт трактовался в СССР как провокация по решению ЦК партии левых эсеров с целью возобновления войны с Германией и как сигнал к «мятежу» левых эсеров 6–7 июля 1918 г. После его подавления большевиками партия левых эсеров была запрещена.

[1117] См. выше, примеч. 1109, 1112.

[1118] Имеется в виду кн.: *Гайм Р.* Романтическая школа. Вклад в историю немецкого ума / Пер. с нем. В. Неведомский. М.: К.Т. Солдатенков, 1891.

[1119] См. выше, примеч. 1001, 350.

[1120] Имеется в виду кн.: *Галеви Д.* Жизнь Фридриха Ницше / Пер. с франц. А.Н. Ильинского. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1911. В оригинале: *Halévy Daniel.* La Vie de Frédéric Nietzsche. Paris: Calmann-Lévy, 1909.

[1121] Белый был избран на должность помощника архивариуса Единого государственного архивного фонда (1-ое московское отделение, 2-я (юридическая) секция) 29 июля 1918 г., работал в этой должности с 3 до 24 августа (см. публ. Д.А. Беляева: «Андрей Белый (Б.Н. Бугаев): "В эпоху моей работы в архиве..."» // Советские архивы. 1986. № 4. С. 62–66). 10 августа 1918 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Пошел служить в "Архив", ибо 1) ни к каким группам не могу примыкать, 2) теперь нет вне-партийных органов» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 162).

[1122] См.: Андрей Белый и С.М. Алянский: Переписка / Предисл. и публ. Дж. Малмстада // Лица: Биографический альманах. Вып. 9. СПб., 2002. С. 67–115. «Алконост» – основанное С.М. Алянским петербургское издательство (1918–1923), выпустившее в свет несколько книг Белого, а также издававшее альманах «Записки Мечтателей», в котором Белый активно участвовал. См. также: *Белов С.В.* Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского. Л., 1979; *Алянский С.* Встречи с Александром Блоком. М., 1972. С. 50–53; *Глейзер М.М.* Издательство «Алконост». 1918–1923. Краткий историко-книговедческий очерк. Издательский библиографический каталог. Л., 1990.

[1123] Во второй половине сентября 1918 г. по инициативе и при непосредственном участии Есенина было создано кооперативное издательство «Московская Трудовая Артель Художников Слова». Белый участвовал в его организационном собрании, наряду с Есениным, С.А. Клычковым, П.В. Орешиным и Л.О. Повицким. См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 23 сентября 1918 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 164–165).

[1124] Рассказ «Иог» был напечатан в воронежском журнале «Сирена» (1918. № 2–3. С. 18–30). См.: *Андрей Белый.* Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. С. 296–308. Об обстоятельствах написания и публикации рассказа см.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. М., 2008. С. 72–73.

[1125] Имеется в виду издание: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. 1–2. СПб.: А.С. Суворин, 1903.

[1126] Подразумеваются К.Н. Васильева, А.С. Петровский, М.В. Волошина.

[1127] Имеется в виду чудотворная Черниговская-Гефсиманская икона Божией Матери, находившаяся в соборе Черниговского скита. День празднования 1/15 сентября. Не исключено, что Белый и К.Н. Васильева могли приурочить свою паломническую поездку к этой дате.

[1128] Книга Андрея Белого «На перевале. III. Кризис культуры» (Пб.: Алконост, 1920) вышла в свет в первой половине 1920 г.

[1129] В конце сентября 1918 г. Белый поступил на службу в московский Пролеткульт, где руководил литературной студией, читал курс «Ритмика», вел семинарии и т. д.

[1130] Московский профессиональный союз писателей был учрежден 16 сентября 1918 г. (председатель правления – М.О. Гершензон, товарищ председателя – Ю.К. Балтрушайтис), Всероссийский союз поэтов в Москве – 14 ноября 1918 г. (председатель президиума – В.В. Каменский). См.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 260–261, 293–294.

[1131] Белый работал над организацией Литературного отдела (Лито) Наркомпроса (Народного комиссариата по просвещению) в октябре–декабре 1918 г.

[1132] «Тео» – Театральный отдел Наркомпроса. В письме к А. Тургеневой от 25 декабря 1918 г. / 7 января 1919 г. Белый сообщал о себе: «...служу в Комиссариате по Просвещению (заведовал Научно-Теор<етической> Секцией Театр<ального> Отдела Комиссариата; теперь служу в "Пролеткульте")» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 443–444). М.Д. Эйхенгольц в 1918–1921 гг. состоял в должности секретаря Театрального отдела Наркомпроса.

[1133] 25 декабря 1918 г. / 7 января 1919 г. Белый писал А. Тургеневой: «Недавно получил Твое письмо, – то, в котором Ты вводишь меня в круг своей душевной жизни, и в котором вспоминаешь "ужасы" нашей прежней жизни с Тобой <...> Знаешь ли действие Твоего письма на меня? Вот оно: *– если бы мне была возможность вернуться к Тебе в Дорнах теперь – памятуя о стольких "ужасах" нашего совместного жизненного странствия (как явствует из Твоего письма), я не вернулся к Тебе бы, дабы не портить своим присутствием Твое духовное совершенствование*»

(Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 443). Белый подробно касается этого письма А. Тургеневой в письме к ней, написанном 11 ноября 1921 г. в Ковно: «…с января 1919 года я все бросил: посещение Общества, чтения лекций для интересующихся Антропософией, лег под шубу и – пролежал в полной прострации до весны...» (Воздушные пути. Альманах V. Нью-Йорк, 1967. С. 296).

[1134] Белый принимал участие в организации «Дворца Искусств» в Москве (Поварская ул., 52; сохранилось адресованное Белому приглашение принять участие 24 декабря 1918 г. в собрании инициативной группы по созданию «Дома Искусств» // РГБ. Ф. 25. Карт. 29. Ед. хр. 5) и в течение 1919 г. играл активную роль в его деятельности. О своей работе в этом учреждении Белый писал в отчете «Из хроники московской жизни. "Дворец Искусств"» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 66; см.: *Белый – Иванов-Разумник*. С. 181). О деятельности «Дворца Искусств» см.: *Евстигнеева А.Л.* Особняк на Поварской (Из истории Московского Дворца Искусств) // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. С. 116–140.

[1135] Замысел Вольной Философской Академии – будущей Вольной Философской Ассоциации («Вольфилы») – возник еще весной 1918 г., у истоков его стояли Блок, Иванов-Разумник и Константин Эрберг, участвовавшие тогда в работе Театрального отдела Наркомпроса. Белый приезжал в Петроград на несколько дней в конце января 1919 г.

[1136] Общее собрание учредителей «Вольфилы» состоялось на квартире Иванова-Разумника в Детском Селе 26 января 1919 г. Председателем совета Ассоциации стал Белый по инициативе Иванова-Разумника. См. письмо Иванова-Разумника к Белому от 16 января 1919 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 169).

[1137] Использование в названии нового общества слова «академия» власти сочли неуместным ввиду возможной параллели с официальной Социалистической академией. Обстоятельства выясняются из дневниковой записи Блока в день организационной встречи в Детском Селе (26 января): «Телефон от Бакрылова: в Москве нашли "несвоевременной" Вольную философскую академию и предложили учредить Вольное философское общество (с субсидией)» (*Блок А.* Записные книжки. 1901–1920. С. 447). См. также: *Белый – Иванов-Разумник*. С. 170–171.

[1138] 13 февраля 1919 г. Иванов-Разумник был арестован в Детском Селе и доставлен в петроградскую ЧК (Гороховая, 2). 14 и 15 февраля по «делу» Иванова-Разумника (несуществовавший заговор левых эсеров) были арестованы А. Блок, А.М. Ремизов. К.С. Петров-Водкин, М.К. Лемке, Е.И. Замятин, С.А. Венгеров, А.З. Штейнберг, Конст. Эрберг и др. Все они были быстро освобождены (Блок – 17 февраля), а Иванов-Разумник был отправлен под конвоем в Москву и находился там в заключении до конца февраля. См.: *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 123–158; письмо Иванова-Разумника к Белому от 15 февраля 1919 г. и комментарий к нему (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 171–172).

[1139] Об этом и других лекционных курсах и семинариях Белого в московском Пролеткульте см.: *Богомолов Н.А.* Андрей Белый и советские писатели // *Проблемы творчества*. С. 312–315.

[1140] «Горн» – журнал, издававшийся московским Пролеткультом в 1919–1923 гг. Белый опубликовал в нем две статьи – «О художественной прозе» (1919. № 2/3. С. 49–55) и «О ритме» (1920. № 5. С. 47–54).

[1141] 29 марта 1919 г. Белый открывал «митинг искусств», устроенный «Дворцом искусств» в Большой аудитории Политехнического музея. Председательствовал на этом мероприятии Луначарский.

[1142] Журнал-альманах «Записки Мечтателей», организованный по инициативе и при ближайшем участии Белого, выходил в свет в Петрограде в издательстве «Алконост» (владелец — С.М. Алянский) в 1919–1922 гг. (№№ 1–6). Замысел издания, определившийся еще в 1918 г., оформился к февралю 1919 г., 1-й номер вышел в свет весной 1919 г.

[1143] Имеются в виду «Дневник молодости Льва Николаевича Толстого» (Под ред. В.Г. Черткова. Т. I. М., 1917) и философский трактат Л.Н. Толстого «О жизни» (1886–1887; см.: *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1936. С. 311–442). Белый мог пользоваться отдельным изданием (Женева, 1891), а также: *Л.Н. Толстой*. Полн. собр. соч. В 24 т. Под ред. и с примеч. П.И. Бирюкова. Т. 17. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1913. Изучение Л. Толстого нашло отражение в статье Белого «Учитель сознания (Л. Толстой)» (Знамя. 1920. № 6 (8). Декабрь) и послужило ему

одним из основных стимулов к работе над философским очерком о Толстом, примыкавшем к его циклу «На перевале», – «Лев Толстой и культура сознания» (авторский вариант заглавия: «Лев Толстой и иога», 1920; РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 81).

[1144] См. примеч. 670 к *МБ*. «Путевые заметки» Белого, готовившиеся в 1912 г. к изданию в «Мусагете», были переданы «Сирину», но не были напечатаны и этим издательством. Вернувшись в Россию в 1916 г., Белый взял рукопись и в апреле–июле 1919 г. подверг ее значительной переработке для печатания в «Книгоиздательстве писателей в Москве».

[1145] См. выше, примеч. 350.

[1146] Подразумевается Фридрих II Штауфен, император «Священной Римской империи» и король Сицилии с 1197 г.

[1147] Имеется в виду кн.: *Крымский А.Е.* История арабов и арабской литературы, светской, духовной (Корана, фыкха, сунны и пр.). М., 1903; новое, перераб. изд.: Ч. 1-я и 2-я. М., 1912.

[1148] См.: *Розанов В.* Итальянские впечатления. Рим – Неаполитанский залив – Флоренция – Венеция – По Германии. С рис. Л.С. Бакста и тремя видами Пестума. СПб., 1909.

[1149] Имеется в виду «Путешествие по Италии» Гёте. См. выше, примеч. 679. Белый неоднократно цитирует эту книгу в «Путевых заметках».

[1150] Имеется в виду кн.: *Бемер Г.* Иезуиты. С введ. и примеч. Г. Моно / Пер. <и предисл.> Н. Попова. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. В оригинале: *Boehmer Heinrich*. Die Jesuiten. Eine historische Skizze. Leipzig und Berlin: B.G. Teubner, 1907.

[1151] См. выше, примеч. 1143.

[1152] Статья Белого, опубликованная под указанным псевдонимом в «Записках Мечтателей», – «Утопия» (1921. № 2/3. С. 139–144); однако, она датирована 1920 г.

[1153] Имеется в виду «Агентство “Летописи жизни и мира”», подпись: *Ы.Ы. Тулумбук* (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 23). См.: *Kopper J.M.* Andrej Belyj's “Tulumbas” <sic!> // Russian literature. 1992. № 31. P. 318–322.

[1154] Это заседание состоялось 27 марта 1919 г. (см. подробную запись Белого о нем: с. 673–680 наст. изд.). Название доклада А.В. Луначарского – «Абсолютный покой Бога как основная ошибка мистиков» (повестка: РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 316. Л. 6).

[1155] Экземпляр «сиринского» издания романа с авторской правкой для этого несостоявшегося издания сохранился в собрании И.С. Зильберштейна. См.: *Долгополов Л.К.* Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // *Андрей Белый*. Петербург. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 576 («Литературные памятники»).

[1156] Белый жил в Карачеве Орловской губ. у В.Г. Анненковой (Малая Дворянская ул., дом Светославской) с мая по июль 1919 г. вместе с К.Н. Васильевой. Он сообщал С.М. Алянскому о предстоящем отъезде туда в письме от 7 мая 1919 г. (Андрей Белый и С.М. Алянский. Переписка. С. 92). См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 26 августа 1919 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 178). В письме от 21 июня 1919 г. Белый сообщал матери: «Я потому не звал Тебя в Карачев, что, во-первых, пробраться туда почти немыслимо; это – ужас, а не езда; мы едва добрались в медицинском вагоне; и наверное в Орле на вокзале прожили бы среди толп несколько дней, не будучи в состоянии попасть в вагон, если бы не случай: мы попали в багажный вагон; поезд из Орла в Карачев осаждала тысячная толпа, а с ней ехать опасно (тиф). <…> Я так провожу день: с утра до 3-х–4-х работаю у себя в комнате; в 5 обедаю; в 8 иду гулять с Клавдией Николаевной, в 10 закусываем, или у меня, или у нее; в 11 часов я в постеле; в 8 часов утра встаю; так – изо дня в день» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 237–238; «Люблю тебя нежно…». С. 235).

[1157] По-видимому, имеется в виду фундаментальный труд: *Фойгт Г.* Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма / Пер. И.П. Рассадина. Т. 1–2. М., 1884–1885. Немецкий оригинал: *Voigt Georg*. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums, oder Das erste Jahrhundert des Humanismus. Bd. 1–2. Berlin, 1880–1881.

[1158] Немецкий историк Теодор Моммзен – автор многотомного труда «Римская история», многочисленных работ по истории Древнего Рима и римскому праву. Белый цитирует второй том его «Римской истории» в «Путевых заметках» (Российский архив. Вып. I. М., 1991. С. 377).

[1159] По-видимому, имеется в виду книга Генри Стэнли «В дебрях Африки. История поисков, освобождения и отступления Эмина Паши правителя Экватории» (Пер. с англ. Е.Г. Бекетовой. Т. 1–2. СПб., 1892; много переизданий). Перевод книги: *Stanley Henry Morton.* In Darkest Africa or the Quest, Rescue and Retreat of Emin, Governor of Equatoria. London, 1890. Белый цитирует ее во 2-м томе «Путевых заметок» (Российский архив. Вып. I. С. 414, 420). На русский была переведена также книга Стэнли «В царстве черных. Сцены из жизни и природы Средней Африки» (С англ. М. Гранстрем. СПб., 1893; много переизданий). В оригинале: *Stanley Henry Morton.* Through the Dark Continent, or The Sources of the Nile Around the Great Lakes of Equatorial Africa. London, 1878.

[1160] Имеется в виду книга: «Путешествие к верховьям Нила и исследование его источников» Самуила Уайт Бэкера. М., 1868; 2-е изд. 1875. В оригинале: *Baker Samuel White.* Exploration of the Nile Tributaries of Abyssinia: The Sources, Supply and Overflow of the Nile. Hartford, 1868. Белый цитирует эту книгу в «Путевых заметках» с отсылкой: «*Беккер Уайт.* Путешествие к верховьям Нила и исследование его истоков» (Российский архив. Вып. I. С. 416, 420).

[1161] По-видимому, имеется в виду том из труда Э. Реклю «Земля и люди. Всемирная география» (СПб., 1898-1901; т. 10 и т. 11 посвящены «Малой Африке», т.е. Северной Африке). В оригинале: *Reclus Élisée.* Nouvelle géographie universelle, la terre et les hommes. Paris, 1876–1894. Белый мог обращаться также к другому труду Э. Реклю: Земля. Описание жизненных явлений земного шара. Т. 1–2. СПб., 1872. В оригинале: La Terre, description des phénomènes de la vie du globe. 2 vol. Paris, 1868–1869.

[1162] Имеется в виду кн.: *Елисеев А.В.* По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света. Т. 1–4. СПб., 1893–1898 (много переизданий). Белый цитирует эту книгу в «Путевых заметках» (Российский архив. Вып. I. С. 336, 423). Какую именно из многих книг Н.М. Пржевальского с описанием его путешествий по Центральной Азии читал Белый, неясно.

[1163] Имеется в виду кн.: *Усов С.А.* Единороги. М., 1877.

[1164] 26 августа 1919 г. Белый переехал в 1-й Неопалимовский пер. (д. 12, кв. 5). В тот же день он писал Иванову-Разумнику: «...я оказался увезенным к моим милым друзьям, Васильевым, где занемог нервным переутомлением и чем-то в роде “дизентерии”» (*Белый — Иванов-Разумник.* С. 178).

[1165] С.Ю. Копельман – совладелец (с З.И. Гржебиным) и главный редактор петербургского издательства «Шиповник» (1906–1918), после 1917 г. перебазировавшегося в Москву. Договор с ним на издание собрания сочинений Андрея Белого в 22 томах был подписан 10 августа 1919 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 340. Л. 6– 6 об.). В декабре того же года договоренность была расторгнута.

[1166] Это выступление состоялось 11 августа 1919 г. (Литературная жизнь России 1920-х годов... Т. 1. Ч. 1. С. 433).

[1167] Белый служил в Отделе охраны памятников старины с сентября 1919 по март 1920 г. В архиве Белого сохранились рукописи, относящиеся к этой работе, общим объемом 291 л.; их подборке предпослана позднейшая пояснительная записка Белого: «Материал, собиравшийся по истории коллекций в эпоху великой фр<анцузской> революции (по заданию Отдела Охраны Памятников) в 1919 году: для предполагавшейся монографии. Выписки из музееведческой литературы, группировка материала, извлечения из “Moniteur” и т.д. Всё в стадии сырья. Часть материала пропала» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 1).

[1168] Имеется в виду кн.: *Dumesnil Antoine Jules.* Histoire des plus célèbres amateurs français et de leurs relations, avec les artistes. Paris, 1853. Белый цитирует ее в «Офейре» (М., 1921. С. 17).

[1169] Александр Ленуар (Lenoir), французский архитектор и реставратор, был директором учрежденного в 1795 г. Музея французских памятников. Среди его многочисленных книг имеются: Histoire des arts en France, prouvée par les monuments... Paris, 1810; Musée des monuments français, ou Description historique et chronologique des statues... 8 vol. Paris, 1821.

[1170] Белый переехал в Большой Конюшковский пер. (д. 25, кв. 3, близ Кудринской пл.), в квартиру В.А. Жуковской, племянницы ученого-медика Н.Е. Жуковского. Белый вспоминает об этом в письме к А. Тургеневой от 11 ноября 1921 г.: «...я переехал к *тройным рамам* одной квартиры, где жила моя знакомая писательница В.А. Жуковская (бывшая хлыстовка и “*распутинка*”, а ныне

нервная, капризная эфироманка, хотя – добрый человек). Она приютила меня вроде как из милости в комнате, имевшей лишь 2 шага в длину и 1½ в ширину; комнату замазали, т.е. вентиляции в ней не было. Книги, рукописи лежали грудами на полу (не было ни шкафа, ни комода). Постель, стол, кресло и – все. <…> в дни топки я рисковал умереть от угара, ибо печка просачивала угар. В квартире порой стоял крик хозяйки, пронизывающий мои стены; кроме того, очень часто в моей печке варился наш обед, т.е. часто готовили у меня, и открывая утром глаза, я заставал мою хозяйку в дезабилье, сидящей перед печкой и что-то варящей там, невзирая на то, что я не одет» (Воздушные пути. Альманах V. С. 305).

[1171] В 1828–1829 гг. Жан Франсуа Шампольон, французский египтолог и основатель египтологии, разработавший основные принципы дешифровки иероглифического письма, совместно с итальянским лингвистом Ипполито Роселлини предпринял экспедицию в Египет и Нубию, где изучил огромное количество древнеегипетских памятников и надписей. Четыре тома его «Памятников Египта и Нубии» (*Champollion Jean-François*. Monuments de l'Egypte et de la Nubie. Vol. 1–4) были изданы посмертно (Paris, 1835–1845).

[1172] «Старые годы» – «ежемесячник для любителей искусства и старины», ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1907–1916 гг. (редактор-издатель П.П. Вейнер).

[1173] «Звено» – Кружок московских писателей, организовавшийся из членов общества «Среда» в декабре 1918 г. (председатель – В. Львов-Рогачевский).

[1174] О своем решении «предпринять невероятные усилия, чтобы с первой возможностью ехать из пределов России – разыскивать Асю», Белый сообщал Иванову-Разумнику 30 ноября 1919 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 193).

[1175] Имеются в виду издания: *Карлейль Т.* Французская революция. История / Пер. с англ. СПб., 1907 (в оригинале: *Carlysle Thomas*. The French Revolution. A History. London, 1837); История французской революции (1788–1799). Соч. Адольфа Тьера / Пер. с 24-го франц. изд. С приб. краткого обзора истории Франции до царствования Людовика XVI. Под ред. А. Разина. Т. 1–5. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1873–1877 (в оригинале: *Thiers Adolphe*. Histoire de la Révolution française. Paris, 1828–1829); *Жорес Ж.* История Великой французской революции / Пер. с франц. А.М. Водена. Т. 1. СПб., 1907 (в оригинале: *Jaurès Jean*. Histoire socialiste. Paris, 1901).

[1176] «Moniteur» («Le Moniteur universel») – французская газета, издававшаяся с 1789 по 1868 г. См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 4 ноября 1919 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 191).

[1177] Имеется в виду «Вольная Академия Духовной Культуры», образованная в Москве по инициативе Н.А. Бердяева и действовавшая под его председательством в 1919–1922 гг. (устраивались курсы лекций, семинары, публичные собрания с прениями). См.: *Бердяев Н.* Собр. соч. Т. 1. Самопознание (опыт философской автобиографии). Paris, 1989. С. 276–277; *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. London, 1990. Т. II. С. 272–281. См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 4 ноября 1919 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 191).

[1178] По-видимому, имеются в виду следующие книги Жоржа Ленотра (Georges Lenôtre): Революционный Париж / Пер. Н. Ломакина. М., 1895; Путешествие на эшафот. По Г. Ленотру / Пер. с франц. А. Гр-н. М., 1906; Париж в дни революции / Пер. с франц. Н. Тэффи и Е. Лохвицкой. М., 1913. В оригинале: Paris révolutionnaire. Paris, 1895; La Guillotine et les exécuteurs… Paris, 1896; Les Quartiers de Paris pendant la Révolution (1789–1804). Paris, 1896.

[1179] Речь идет о плане издания собрания сочинений Андрея Белого в Издательстве З.И. Гржебина.

[1180] 4 января 1920 г. Белый писал М. Горькому: «На днях Анатолий Васильевич Луначарский обещал мне содействие в получении разрешения на выезд из России <…> тревога за жену, тоска по ней настолько сильны, что я, заручившись содействием Луначарского, решил преодолеть все трудности, чтобы пробраться к жене» (*Крюкова А.* М. Горький и Андрей Белый. Из истории творческих отношений // *Проблемы творчества*. С. 293).

[1181] Договор с Издательством З.И. Гржебина на издание своего собрания сочинений Белый заключил 28 января 1920 г. О несостоявшемся Собрании сочинений Белого в этом издательстве см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 65–69.

[1182] Вольная Философская Ассоциация начала свою деятельность в ноябре 1919 г.; на 1-м открытом заседании (16 ноября) выступил Блок с докладом «Крушение гуманизма». Подробнее см.: *Иванова Е.В.* Вольная Философская Ассоциация: Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 3–77; *Белоус В.Г.* Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919–1924) – антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997; *Белоус В.Г.* Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919-1924. Кн. 1. Предыстория. Заседания; Кн. 2. Хроника. Портреты. М., 2005; *Белоус В.Г.* Вольфила или Кризис культуры в зеркале общественного самосознания. СПб., 2007; Вольная Философская Ассоциация. 1919–1924 / Изд. подгот. Е.В. Иванова при участии Е.Г. Местергази. М., 2010.

[1183] 16 января 1920 г. Иванов-Разумник писал Белому: «В Питере ждут Вас с нетерпением <…> наша общая “Вольфила” (“Вольная Философская Ассоциация”) открыла запись на 2 Ваши курса <…> как председатель “Вольфилы” Вы *непременно* должны в *воскресенье днем* прочесть доклад, – о чем хотите» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 200).

[1184] «Всемирная литература» – петроградское издательство (1918–1924), основанное при Наркомпросе РСФСР по инициативе М. Горького. Московское отделение издательства помещалось по адресу: Знаменка, Малый Знаменский пер., д. 8, кв. 10. 24 марта 1919 г. В.Ф. Ходасевич писал Б.А. Садовскому: «По бланку этого письма можете Вы судить о том, что есть в Петербурге Всемирная Литература <…> я наряжен править ее Московское Отделение» (Письма В.Ф. Ходасевича Б.А. Садовскому / Послесл., сост. и подгот. текста И. Андреевой. Ann Arbor: ardis, 1983. С. 38).

[1185] Доклад «Философия культуры», прочитанный Белым 24 января 1920 г. в московском Дворце Искусств, опубликован Э.И. Чистяковой в кн.: Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1987. М., 1987. С. 225–248; см. также: *Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 311–326; *Андрей Белый.* Душа самосознающая. М., 1999. С. 488–530.

[1186] Чествование Ю. Балтрушайтиса в связи с 20-летием творческой деятельности состоялось в помещении Московского Художественного театра 17 декабря 1919 г.; кроме Белого, с приветствиями выступили К.Д. Бальмонт и И.А. Аксенов. См.: Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 484.

[1187] 16 января 1920 г. Иванов-Разумник писал Белому: «Остановиться придется Вам в “Доме Искусства” (там тепло и сытно и люди там теплые) – так как из Царского Села ездить ежедневно невозможно» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 200). Дом Искусств («Диск»), общежитие и клуб писателей и художников (1919–1922), находился в бывшем особняке купцов Елисеевых на углу Невского пр. и набережной Мойки (Мойка, д. 59); описан во многих произведениях: «Шуба» О. Мандельштама (1922), «Сентиментальное путешествие» В. Шкловского (1924), «Сумасшедший корабль» О. Форш (1929), «Диск» В. Ходасевича (1939) и др.

[1188] Белый приехал в Петроград 17 февраля 1920 г. См. его письмо к Иванову-Разумнику от 19 февраля 1920 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 201).

[1189] 29 февраля 1920 г. Белый председательствовал на 16-м открытом заседании Вольфилы, посвященном докладу Иванова-Разумника «Скиф в Европе» (его текст: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 123); вечером того же дня он участвовал в заседании Совета Вольфилы. См.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 29–30.

[1190] Эти выступления были объявлены как «Вечер Андрея Белого» в Доме Искусств.

[1191] Согласно протоколу о заседании Вольфилы 7 марта 1920 г., в этот день решались организационные вопросы, доклад Белого не состоялся. См.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 30–31.

[1192] «Вечер поэтов» состоялся в этот день в цикле «Понедельники Дома Искусств». Согласно афише (воспроизведена в кн.: *Гумилев Н.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988. Между с. 128 и 129 («Библиотека поэта». Большая серия)), в вечере участвовали, кроме Белого, А. Блок, Н. Гумилев, М. Кузмин. См. описание вечера, а также состоявшегося накануне выступления Белого на тему «Лев Толстой и культура» в дневниковой записи А.И. Оношкович-Яцыны от 16 марта 1920 г. (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 13. М.; СПб., 1993. С. 373. Публ. Н.К. Телетовой).

[1193] Имеется в виду «Беседа о пролетарской культуре», которой было посвящено 19-е открытое заседание Вольфилы, состоявшееся 21 марта 1920 г. в Зимнем дворце. См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. С. 41–43. Стенографический отчет этого заседания

опубликован Е.В. Ивановой (De Visu. 1993. № 7(8). С. 5–27); см. также: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 1. С. 190–246. Текст выступления Белого лег в основу его статьи «Прыжок в царство свободы», напечатанной в журнале «Знамя» (1920. № 5 (7). Стб. 42–48).

1194 Сестра матери А.З. Штейнберга – Эсфирь (Эстер) Захарьевна Эльяшева-Гурлянд (1878–1941), выпускница Гейдельбергского университета, доктор философии Бернского университета, член-соревнователь Вольфилы (руководила отделом «Введение в философию»), с 1921 г. – директор Народного Еврейского университета в Ковно (подробнее см. коммент. Н. Портновой и В. Хазана в кн.: *Штейнберг А.З.* Литературный архипелаг. М., 2009. С. 385–386).

1195 Имеется в виду издание: *Пушкин.* Сочинения. Т. I–VI. СПб. – Пг.: Брокгауз–Ефрон, 1907–1915 (Библиотека великих писателей. Под ред. С.А. Венгерова).

1196 Ошибка; имеется в виду проф. Н.С. Лавров, выступивший на 23-м открытом заседании Вольфилы 25 апреля 1920 г. с докладом «Философия труда в производственном процессе» (*Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 47–48).

1197 Имеется в виду доклад С.А. Венгерова «Евгений Онегин – декабрист», прочитанный 18 апреля на 22-м открытом заседании Вольфилы.

1198 Открытие Вольфилы состоялось по адресу: проспект Володарского (бывший Литейный), д. 21, кв. 14, в помещении кооперативного издательства «Колос»; с февраля 1920 г. публичные заседания Вольфилы проходили в Доме Искусств (Мойка, д. 59), в мае Ассоциация переехала по адресу: Чернышева пл., д. 2, одновременно проводя заседания в Доме Искусств. В октябре 1920 г. публичные собрания Вольфилы перенесены в зал Географического общества (Демидов пер., д. 8а), вместимостью до 1200 человек. К этому времени основное помещение Вольфилы, где велись регулярные занятия и читались лекционные курсы, находилось по адресу: Фонтанка, д. 50. См.: *Иванова Е.В.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 20.

1199 К.Н. Васильева. Тексты, составившие эту переписку, нам неизвестны.

1200 24-е открытое заседание Вольфилы на тему «Солнечный град (Беседа об Интернационале)». См. воспроизведение афиши и текст речи Белого в извлечениях в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. С. 43–46; также: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 435–443.

1201 Согласно афише, тема этого, 26-го, открытого заседания Вольфилы – «Вольфила (Задачи Вольной Философской Ассоциации)» (см.: Вольная Философская Ассоциация. 1919–1924. С. 228). То же заседание обозначено как диспут «Что такое Вольфила?» (Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 561–562).

1202 Согласно афише, темы докладов состоявшегося в этот день 27-го открытого заседания Вольфилы – «Иудаизм и христианство» (А.З. Штейнберг), «Язычество» (А.А. Мейер). См.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 54–55.

1203 «Институт живого слова» был открыт в Петрограде в ноябре 1918 г. (ректор – В.Н. Всеволодский-Гернгросс); одним из его руководителей был Конст. Эрберг. Ср. свидетельства в «Материалах к биографии» (С. 685 наст. изд.). См. также: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 58–61.

1204 Петроградское отделение Всероссийского союза поэтов под председательством А. Блока начало свою деятельность с собрания инициативной группы (в помещении Вольфилы) 27 июня 1920 г. (Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 583).

1205 Лекция К. Эрберга «Искусство – бунт» была прочитана 6 июня 1920 г. на 29-м открытом заседании Вольфилы (*Иванова Е.В.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 38).

1206 Имеется в виду лекция А.А. Гизетти «Общество и космос», прочитанная 13 июня 1920 г. на 30-м открытом заседании Вольфилы (Там же. С. 38).

1207 Доклад С.А. Аскольдова «Проблема чуда в философии» был прочитан в Вольфиле 27 июня 1920 г. (*Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 77).

1208 Имеются в виду постоянные кружки членов-соревнователей Вольфилы, в которых велись занятия по темам «Философия культуры» (Иванов-Разумник), «Русская литература XX века» (Иванов-Разумник), «Философия творчества» (Конст. Эрберг), «Основные вопросы философии» (А.З. Штейнберг), «Философия религии» (А.А. Мейер).

[1209] Сохранились составленные Белым два протокола заседаний Научно-теоретического отдела Института театральных знаний, проходивших под его председательством 24 июня и 1 июля 1920 г. (см.: *Лавров А.В.* Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С. 57–58).

[1210] Имеется в виду кн.: *Розенберг О.О.* Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч. 1–2. Токио: Фак. вост. яз. Имп. Петрогр. ун-та, 1916–1918 (Ч. 2. Проблемы буддийской философии).

[1211] Вечер состоялся в среду 7 июля 1920 г. «по следующей программе: *Р.В. Иванов-Разумник* скажет вступительное слово, *Андрей Белый* прочтет: 1) "В лопнувшем Лондоне", отрывки из "Записок чудака", 2) отрывки из "Котика Летаева" и 3) стихи» (см. афишу вечера в кн.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 66). 4 июля Белый выступил на 33-м открытом заседании Вольфилы с речью «Кризис культуры».

[1212] Имеется в виду доклад А.В. Луначарского «О преемственности культур», организованный Дворцом Искусств в бывшем Театре Зон (владелец – Игнатий Савельевич Зон) 14 июля 1920 г.; председательствовал Г.А. Рачинский, перед докладом выступили, наряду с Белым, также Вяч. Иванов, В. Эйснер и Н. Лавров (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов... Т. 1. Ч. 1. С. 593). 17 июля 1920 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «"Дворец Искусств" устраивает диспуты в театре "*Зон*"; на последнем диспуте "*Преемственность культур*" было до 1000 человек народу (очевидно, они взяли пример с "*Вольфилы*", но до чего дух... не вольфильский!)» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 207).

[1213] Этот диспут состоялся в бывшем Театре Зон 31 июля 1920 г.; после лекции А.Н. Тюханова в прениях выступали Белый и Вяч. Иванов (Литературная жизнь России 1920-х годов... Т. 1. Ч. 1. С. 602).

[1214] Подразумевается квартира В.А. Жуковской в Большом Конюшковском переулке (см. выше, примеч. 1170), в которой Белый жил с октября 1919 по февраль 1920 г.

[1215] Имеются в виду статья Белого «Учитель сознания (Л. Толстой)» (Знамя. 1920. № 6 (8). Декабрь. Стб. 37–41) и его неопубликованный философский очерк «Лев Толстой и культура сознания» (см. выше, примеч. 1143).

[1216] Имеется в виду диспут «Философия русской художественной прозы», состояшийся во Дворце Искусств 7 августа 1920 г.; в программе были объявлены доклад П.С. Когана и оппоненты – Белый, Вяч. Иванов, И. Рукавишников и др. (Литературная жизнь России 1920-х годов... Т. 1. Ч. 1. С. 606).

[1217] В августе 1920 г. состоялись три вечера Андрея Белого во Дворце Искусств – 11-го, 20-го и 27-го (см.: Там же. С. 607, 611). Отмеченный «скандал» произошел на первом выступлении, на котором Белый прочитал отрывки из «Котика Летаева» и стихотворения; об этом можно судить по описанию в дневниковых заметках Н.С. Ашукина: «После перерыва он должен был читать главы из эпопеи "Записки чудака". Но прежде, чем приступить к чтению, он, волнуясь, стал говорить о тех невозможных условиях, в которые поставлен теперь он, как писатель: – "Мне приходится быть лектором, учителем стихосложения, выступать на диспутах, но не писать. Не писать в то время, когда я осознал себя, пришел к делу всей своей жизни, к своим «Мертвым душам», к своему «Фаусту»...". Он говорил еще долго, впадая в истерику. Было тяжело смотреть на него» (*Ашукин Н.* Заметки о виденном и слышанном. 1914–1933 / Публ. и коммент. Е.А. Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 203).

[1218] Эта лекция была прочитана 25 августа 1920 г.

[1219] См. выше, примеч. 1002.

[1220] Речь идет о квартире Анненковых на Бережковской наб. (химический завод Анилтреста); 1 декабря 1920 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...живу под Москвой (при Москве, около Воробьевых гор) в уединении, в теплом тихом помещении у знакомых» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 215); он же вспоминал в письме к А. Тургеневой от 11 ноября 1921 г.: «...в сентябре меня подобрал А.И. Анненков и увез жить за Москву к себе на завод» (Воздушные пути. Альманах V. С. 306). 1 декабря 1920 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...уже написал: 1) новый "*Кризис*"».

Имеется в виду «Кризис сознания» (4-я часть цикла «На перевале»); эта книга осталась в полном объеме неизданной (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64).

1221 Вероятно, имеются в виду книги Д.В. Страндена «Герметизм. Его происхождение и основные учения (Сокровенная философия египтян)» (СПб., 1914) и «Теософия и ее критики. Ответ отцу И. Дмитревскому, архим. Варлааму и К.Д. Кудрявцеву» (СПб., 1913).

1222 Имеются в виду непериодическое издание под редакцией проф. И.И. Боргмана «Новые идеи в физике» (Вып. 1–11. СПб.: Образование, 1911–1924) и аналогичное издание под редакцией проф. Л.А. Чугаева «Новые идеи в химии» (Сб. 1–10. СПб.: Образование, 1912–1924).

1223 По-видимому, имеются в виду книги: *Васильев В.* Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1, 3. СПб., 1857, 1869 (вторая часть не вышла); или *его же:* Религия Востока: конфуцианство, буддизм и даосизм. СПб., 1873; *Ольденбург С.* Буддийские легенды. Ч. 1. СПб., 1894; *Кожевников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. 1–2. Пг., 1916.

1224 Имеется в виду первый том (в трех частях) труда: *Deussen Paul.* Allgemeine Geschichte der Philosophie, mit besonderer Berücksichtigung der Religionen. Leipzig, 1914–1915. 1 Bd., 1 Abt.: Allgemeine Einleitung und Philosophie des Veda bis auf die Upanishad's; 1 Bd, 2 Abt.: Die Philosophie der Upanishad's; 1 Bd, 3 Abt.: Die nachvedische Philosophie der Inder. См. также его: Das System des Vedânta. Leipzig, 1883, 1906; *его же.* Die Sutra's des Vedânta. Leipzig, 1887; *его же.* Die Geheimlehre des Veda. Leipzig, 1911.

1225 «Kreisleriana», op. 16 (1838, 1850), для ф-но.

1226 Подразумевается химический завод Анилтреста (см. выше, примеч. 1220).

1227 Объявленное в печатных сообщениях заглавие этой лекции Белого – «Тьма и свет» (Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 642).

1228 Об этом курсе см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого. С. 108–109.

1229 «Преступление Николая Летаева» – вторая часть задуманного автобиографического цикла «Моя жизнь» (см. примеч. 951 к *МБ*). Первая часть цикла – роман «Котик Летаев».

1230 В печати это выступление Белого на торжественном заседании в Большом зале Московской консерватории было озаглавлено «Толстой как учитель сознания» (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 664).

1231 Белый был помещен в Диагностический институт (бывш. лечебница Н.В. Слетова на Садовой Триумфальной, 13) в конце декабря. См. его письмо к А. Тургеневой от 11 ноября 1921 г.: «...я упал в ванне и 10 дней таскался в Москву из-под Москвы, пока не сделалось воспаление надкостницы крестца и не обнаружилось, что я раздробил крестец; меня сволокли в больницу, где я 2 ½ месяца лежал, покрытый вшами» (Воздушные пути. Альманах V. С. 306).

1232 «Крещеный китаец» – позднейшее заглавие, которое получил в отдельном издании (М.: Никитинские субботники, 1927) роман «Преступление Николая Летаева», впервые опубликованный в 4-м выпуске «Записок Мечтателей» в 1921 г.

1233 Имеется в виду кн.: *Frobenius Leo.* Und Afrika sprach: wissenschaftlich erweiterte Ausgabe des Berichts über den Verlauf der dritten Reiseperiode der Deutschen Inner-Afrikanischen Forschungs-Expedition in den Jahren 1910 bis 1912. Berlin, 1912–1919. Bd. 1: Auf den Trümmern des klassischen Atlantis.

1234 Книга Р. Штейнера «Основные черты социального вопроса в жизненных потребностях современности и будущего» («Die Kernpunkte der sozialen Frage in den Lebensnotwendigkeiten der Gegenwart und Zukunft». Basel, 1919). В русском переводе: *Штайнер Р.* Основные черты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего / Пер. М.Н. Жемчужниковой, вступ. статья К.А. Свасьяна. Ереван: Ной, 1992.

1235 Лечебница С.Ф. Майкова в Благовещенском пер., близ Тверской ул.

1236 25 февраля 1921 г. К.А. Лигский (в 1920–1921 гг. управляющий делами Наркоминдела в Петрограде) писал Белому из Петрограда: «…могу гарантировать Вам 1) место по Вашему выбору – библиотека, статистика, архив и пр., 2) помещение светлое, просторное, теплое, недалеко от службы и больше ничего, т.е. паек теперь висит в воздухе» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 214).

[1237] 9 февраля 1921 г. коллегия Наркомпроса приняла решение о закрытии Дворца Искусств «ввиду несоответствия деятельности задачам Наркомпроса и неоднократного нарушения сметного порядка», 23 февраля Отдел административного управления Наркомпроса ликвидировал Дворец Искусств «как учреждение», причем «живая работа Дворца Искусств не приостанавливается, а на ходу передается в соответствующие отделения Главного художественного комитета» (Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921-1922. М., 2005. С. 10, 31).

[1238] Имеются в виду стихотворения «Бессонница» («Мы – безотчетные: безличною...») и «Больница» («Мне видишься опять...») с пометами под текстом: «Больница. 1921 года. Москва», вошедшие в состав книги Белого «После разлуки» (Берлин: Эпоха, 1922), и стихотворение «Асе» («Ни “да,” ни “нет”!..»), с пометой под текстом: «21 год. Больница» (*СП – 2*. С. 76–78, 479).

[1239] Татьяна, жена С.М. Соловьева, ушла от него к Г.Е. Амитирову.

[1240] В 1921 г. в Московском Антропософском обществе выделилась новая Ломоносовская группа (продолжала существовать и «старая» группа имени Вл. Соловьева). См.: *Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. Paris, 1988. С. 45–48.

[1241] Имеется в виду «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», 1918) Освальда Шпенглера, который Белый читал по-немецки (первый русский перевод первого тома вышел в 1923 г.). Критический анализ историософских и культурологических концепций немецкого философа Белый дал в философском очерке «Основы моего мировоззрения» (1922), оставшемся в рукописи и впервые опубликованном Л.А. Сугай вместе с ее предисловием «Андрей Белый против Освальда Шпенглера» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 10–37).

[1242] Роман «Крещеный китаец» («Преступление Николая Летаева») в 1921 г. обозначался Белым как часть многотомной «Эпопеи». Во Дворце Искусств Белый выступал с чтением отрывков из «Эпопеи» 27 февраля 1921 г. Также зафиксировано выступление Белого на вечере Всероссийского профессионального союза писателей 18 февраля 1921 г. – однако с чтением фрагментов из другого произведения, входящего в «Эпопею»: «Исповедь чудака» (Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 2. С. 31–32, 35).

[1243] Это выступление Белого в Доме печати состоялось 21 марта 1921 г. (см.: Там же. С. 46).

[1244] Белый приехал в Петроград вечером 31 марта 1921 г. См. его письмо Иванову-Разумнику от 1 апреля (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 218).

[1245] Белый поселился в гостинице «Спартак» на ул. Гоголя (бывш. Малая Морская), дом 18/20, комн. № 28.

[1246] Белый был зачислен помощником библиотекаря в Фундаментальную библиотеку Народного комиссариата по иностранным делам (Морская ул., 3/5). Ср. запись об этом в «Материалах к биографии» (С. 686 наст. изд.).

[1247] Десятичная классификация библиотечных собраний была разработана в 1876 г. американцем Мелвилом Дьюи для каталогизации книг и расстановки на полках (сокращенно ДКД – Десятичная классификация Дьюи). В России, в несколько измененном виде, ДКД стала внедряться с 1917 г.; в январе 1921 г. Главполитпросвет РСФСР издал постановление о ее обязательном применении.

[1248] См. протоколы двух заседаний Совета Вольфилы (4 и 7 апреля 1921 г.) с участием Белого, посвященных обсуждению реорганизации Ассоциации: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 125–137.

[1249] Видимо, лекция Л.В. Пумпянского состоялась 17 апреля 1921 г. на 69-м открытом заседании Вольфилы, документальных сведений о котором не выявлено.

[1250] С лекцией «Что такое максимализм» Белый выступил на 70-м открытом заседании Вольфилы 24 апреля 1921 г.; тезисы лекции опубликованы в кн.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 452–454.

[1251] Ср. сведения об этом кружке в записях Белого «Для памяти» и «Материалы к биографии» (С. 682, 686 наст. изд.).

[1252] Последнюю встречу А. Блока и Белого в апреле 1921 г. в гостинице «Спартак» описал Иванов-Разумник в письме к К.Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г. (см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 23. СПб., 1998. С. 440. Публ. В.Г. Белоуса).

[1253] Подразумевается отказ в получении визы на выезд за границу. Л.М. Карахан был с 1918 г. заместителем наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина.

[1254] Пасха в 1921 г. – 18 апреля / 1 мая.

[1255] Каких-либо мероприятий в Вольфиле, посвященных М.А. Бакунину, не зафиксировано. Возможно, в данном случае Белый подразумевает свое выступление на 67-м открытом заседании Вольфилы «Памяти П.А. Кропоткина», состоявшемся 10 апреля 1921 г. в зале Географического общества. См.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 141–142.

[1256] Доклад А.В. Васильева «Принцип относительности и современные философские течения» состоялся 15 мая 1921 г. на 71-м открытом заседании Вольфилы (*Иванова Е.В.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 45).

[1257] 72-е заседание Вольфилы, происходившее 22 мая 1921 г. в зале Географического общества. Афиша: «Наполеон. Речи и доклады: Андрей Белый, Иванов-Разумник, А.А. Мейер, Л.В. Пумпянский, О.Д. Форш, А.З. Штейнберг и др.» (Там же. С. 45).

[1258] Согласно Отчету о деятельности Вольфилы за 1920–1921 год, в Отделе философии символизма (под председательством Андрея Белого) «А. Белым были прочитаны следующие доклады: “Проблема символизма”, “Символ и индивидуум”, “Символ и культура”, “Символизм и антропософия”» (*Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 188).

[1259] М.В. Матюшин выступил с докладом «Художественный опыт нового пространства» 10 мая 1921 г. (см.: Там же. С. 150–151, 188).

[1260] Доклад М.В. Волошиной (Сабашниковой) «Сказка Гете о зеленой змее и лилии» был прочитан 28 мая 1921 г. (см.: Там же. С. 188); об этом выступлении она написала в воспоминаниях (*Волошина М.* (*Сабашникова М.В.*). Зеленая Змея. История одной жизни. С. 285).

[1261] Имеется в виду работа над поэмой «Первое свидание», которую Белый закончил 7/20 июня (Духов день).

[1262] Статьи Андрея Белого «Так говорит правда (Афоризмы)» и «Рембрандтова правда в поэзии наших дней» были опубликованы в «Записках Мечтателей» (1922. № 5. С. 108–126, 136–139).

[1263] «Толковый словарь живого великорусского языка» Вл. Даля (Т. I–IV. СПб.; М., 1880–1882). Следы постоянного обращения Белого к словарю Даля обнаруживаются в ряде его произведений 1920-х гг. (драма «Петербург», романы «Москва», «Маски»).

[1264] Доклад А.А. Чебышева-Дмитриева «Не герои (о русском народе)» был назначен на 21 августа 1921 г. (82-е открытое заседание Вольфилы), однако, согласно списку летних заседаний, составленному рукой неизвестного, в этот день заседание не состоялось и, видимо, было перенесено (*Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 162).

[1265] Белый прочел свою поэму 24 июля 1921 г. на 79-м заседании Вольфилы в зале Географического общества. См. отзыв об этом чтении: *Самойлов П.* <*Шагинян М.С.*> Поэма Андрея Белого // Жизнь искусства. 1921. № 792–797, 2–7 августа; *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 159–161.

[1266] Сохранился составленный Ивановым-Разумником план «Поездка Вольфилы», в котором были намечены доклады участников Ассоциации в различных городах страны в июле–августе 1921 г.: «Всего 17 лекций и докладов в 1½ месяца» (*Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 156–158).

[1267] «Беседа о Гете» (докладчики Д.Д. Михайлов и Л.В. Пумпянский) состоялась 7 августа 1921 г.; была прервана после известия о кончине Блока (см.: *О Блоке*. С. 447).

[1268] А. Блок скончался 7 августа 1921 г. Под впечатлением этой утраты Белый вел пространные дневниковые записи, озаглавленные им «К материалам о Блоке» (см.: *О Блоке*. С. 447–474). Н.С. Гумилев был арестован в ночь с 3 на 4 августа по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре и 24 августа приговорен к расстрелу. Список расстрелянных (61 человек), включающий имя Гумилева, был опубликован в «Петроградской правде» 1 сентября 1921 г. (см.: *Лукницкий П.Н.* Труды и дни Н.С. Гумилева. СПб., 2010. С. 736–737).

[1269] Подразумевается программа мероприятий, приуроченных к юбилею Ф.М. Достоевского (100-летие со дня рождения). В октябре 1921 г. в Вольфиле были оглашены 16 докладов, посвященных Достоевскому (см.: Вольная Философская Ассоциация. 1919–1924. С. 247–248).

[1270] Белый выступил с речью о Блоке на открытом заседании Вольфилы, посвященном памяти Блока, 28 августа 1921 г. (см.: *О Блоке*. С. 475–500). Выступления на заседании были опубликова-

ны отдельным изданием: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З. Штейнберг. Пб., 1922.

[1271] Белый жил в Детском Селе в квартире Иванова-Разумника (наездами в Петрограде) с 11 по 27 августа 1921 г.

[1272] Белый выехал в Москву 6 сентября 1921 г.

[1273] Ср. запись Н.С. Ашукина от 15 сентября 1921 г.: «Сегодня встретился с Андреем Белым, приехавшим из Петрограда. Он все же такой же горящий, сверкающий мыслями <...> При мне Белому сообщили о получении для него разрешения выехать за границу. Радость его экспансивна» (Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 211).

[1274] Заседание «Скифы о Блоке» состоялось 26 сентября 1921 г. в Политехническом музее при участии Белого, Иванова-Разумника, А.З. Штейнберга, С.Д. Мстиславского и др. Текст речи Белого на этом вечере ныне опубликован (по выправленной Белым стенограмме, сохранившейся в его архиве). См.: *О Блоке*. С. 500–512.

[1275] Первое официальное заседание Московского отделения Вольфилы состоялось 27 сентября 1921 г., на нем были избраны председателем – Андрей Белый, товарищами председателя – С.Д. Мстиславский, М.П. Столяров, Г.Г. Шпет, ученым секретарем – Я.И. Новомирский (Литературная жизнь России 1920-х годов... Т. 1. Ч. 2. С. 173; *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 207–208).

[1276] Белый выехал в Петроград в самом конце сентября 1921 г.

[1277] Первое организационное собрание Комитета по увековечению памяти А. Блока состоялось в Петрограде 18 августа 1921 г., следующее – 1 сентября 1921 г.; оба – при участии Белого. См.: *О Блоке*. С. 456, 473.

[1278] Ср. сообщение в Отчете о деятельности Вольфилы за 1920–1921 г.: «Два открытых заседания ВФА были посвящены “Воспоминаниям об Александре Блоке”, прочитанным Андреем Белым» (*Иванова Е.В.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 53). Даты этих выступлений не выявлены. Кроме того, 9 октября 1921 г. Белый прочитал в Вольфиле доклад «Достоевский и Толстой».

[1279] Белый вернулся в Москву 12 октября 1921 г.

[1280] 15 октября 1921 г. Белый прочел доклад «Достоевский и кризис культуры» на первом открытом заседании московской Вольфилы. В архиве Белого сохранились начальные страницы текста этого доклада (см.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 211–215). В перечне публичных выступлений в Москве в октябре 1921 г. Белый не упоминает свою лекцию «Россия Блока», прочитанную 13 октября в Политехническом музее. См. запись Н.С. Ашукина, датированную этим числом (Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 216–217).

[1281] Вечер во Всероссийском Союзе писателей по случаю отъезда Белого за границу состоялся 16 октября 1921 г. Он подробно описан Ашукиным (Там же. С. 217–218). См. также: Литературная жизнь России 1920-х годов... Т. 1. Ч. 2. С. 186.

[1282] «Как достигнуть познания высших миров» («Wie erlangt man Erkenntnisse der höheren Welten?», 1904) – книга Р. Штейнера.

[1283] Белый прибыл в Ковно 23 октября. 3 ноября 1921 г. он писал А.Д. Бугаевой: «...вот уже около 2-х недель я в Литве, в Ковно, в ожидании разрешения мне въехать в Германию <...> В Ковно я чувствую себя прекрасно; здесь множество русских (есть знакомые из Москвы и Петрограда)» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 453–454; «Люблю тебя нежно...». С. 238).

[1284] Вероятно, подразумевается литовский поэт Йонас Жилюс (псевдоним – Йонила).

[1285] Ср. запись в «Материалах к биографии» (С. 687 наст. изд.). В письме к А. Тургеневой от 11 ноября 1921 г. Белый сообщал: «Литовцы очень милый народ. Я сошелся с Обществом Литовских Художников (включающее и литераторов); среди них нашлись милые, тонкие, сердечные люди <...> Две мои лекции (технические) о худ<ожественной> форме сильно запали в сознание здешней молодежи» (Воздушные пути. Альманах V. С. 308). Публичные выступления Белого состоялись в помещении Литовского художественного общества 3 ноября («Кризис сознания»), 4 и 6 ноября, в Городском театре – 15 ноября (о Л.Н. Толстом). См.: *Венцлова Т.* Андрей Белый в Каунасе

// Вильнюс. 1990. № 11 (97). С. 143–146; *Лавринец П.* Евгений Шкляр. Жизненный путь скитальца. Вильнюс. 2008. С. 67–68.

[1286] Белый выехал из Ковно 15 ноября, 16-го был проездом в Кёнигсберге, прибыл в Берлин 18 ноября.

[1287] «Скифы» – левоэсеровское издательство, организованное в Берлине в сентябре 1920 г. Е.Г. Лундбергом и А.А. Шрейдером.

[1288] 29 декабря 1921 г. Белый писал А.Д. Бугаевой: «Видел д<октора> Штейнера и Асю. Представь: первый человек, которого я встретил в Берлине, была Ася; она с доктором проехала из Швейцарии через Берлин в Христианию; и – обратно: давать эвритмические представления; мы провели с ней 4 дня; и на возвратном пути она осталась 4 дня в Берлине. В общем – не скажу, чтобы Ася порадовала меня; она превратилась в какую-то монашенку, не желающую ничего знать, кроме своих духовных исканий» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 455–456; «Люблю тебя нежно…». С. 239). Белый увиделся с Штейнером 19 ноября 1921 г. на его докладе «Антропософия и наука» в Берлинской филармонии.

[1289] Имеется в виду А.Г. Вишняк, владелец издательства «Геликон». Под «политиком» подразумевается Марк (Мордух) Вениаминович Вишняк, видный деятель партии эсеров, один из редакторов основанного в Париже в 1920 г. журнала «Современные записки».

[1290] В письме к матери от 29 декабря 1921 г. Белый сообщает: «В Берлине масса русских и из Москвы и из Петербурга (знакомых); устроили здесь "*Дом Искусства*" и "*Вольно-Философскую Ассоциацию*". Дела много» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 455; «Люблю тебя нежно…». С. 239). Сообщение об организационном заседании «Дома Искусств» было напечатано в берлинской газете «Голос России»: «В понедельник 21 ноября состоялось организационное собрание по устройству "Русского Дома Искусств" в Берлине. Целью его является создание аполитической организации, объединяющей деятелей русской литературы и искусства, учреждение клуба, лекций, концерты и пр. Учредителями "Дома Искусств" являются: Андрей Белый <…> Клуб "Дома Искусств" помещается в Кафэ Ландграф, Курфюстенштрассе 75» (1921. № 822, 24 ноября). См. также: Бюллетени Дома Искусств. 1922. № 12, 17 февраля. Стб. 21. Белый входил в состав Совета Дома Искусств (был избран на первом общем собрании 29 ноября). Об организации 30 ноября филиала Вольфилы сообщалось в газетах «Руль» (№ 318, 3 декабря) и «Голос России» (№ 831, 4 декабря). См.: *Beyer Thomas R., Jr.* Andrej Belyj. The Berlin Years 1921–1923 // Zeitschrift für slavische Philologie. 1990. Bd. 50. H. 1. S. 103–104. Об учредительном собрании берлинского отделения Вольфилы 5 декабря 1921 г. в кафе Ландграф появилось сообщение в петроградском журнале «Мысль» (1922. № 1. С. 185–186); другие корреспонденции см. в кн.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 258–260.

[1291] Вечер сотрудников «Скифов», на котором было принято решение об организации в Берлине отделения Вольной Философской Ассоциации, состоялся в помещении издательства «Скифы» 30 ноября 1921 г. (см.: Там же. С. 256–257).

[1292] Около 31 декабря 1921 г. Белый писал А.Д. Бугаевой: «Мне хорошо во внешней жизни: только душа болит, – Ася оставила меня. Трудно пережить это» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 458; «Люблю тебя нежно…». С. 241). 15 января 1922 г. он писал Иванову-Разумнику: «Сердце сжимается болью: у меня трагедия: Ася ушла от меня; Штейнер – разочаровывает; движение – пустилось в "*пляс*"; русские – сонные тетери; ни в чем нет успокоения. Нервы расстроились; работа не идет. Сознательно стал пить; вообразите – идет ли мне быть пьяницей? а я стал пьяницей – *от горя*! <…> От боли стискиваю зубы; и – *пью*… Провалилась Ася, Штейнер, движение, – всё: нелегко мне вынести эту утрату» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 234).

[1293] См. письма Белого к М. Бауэру от 24–26 декабря 1921 г. и к М. Штейнер от 27 марта 1922 г. в кн.: Andrej Belyj. Symbolismus, Anthroposophie. Ein Weg: Texte – Bilder – Daten / Herausgegeben, eingeleitet, mit Anmerkungen und einer Bibliografie versehen von Taja Gut. Dornach/Schweiz: Rudolf Steiner Verlag, 1997. S. 95–106.

[1294] 29 декабря 1921 г. Белый писал матери: «Мой адрес: Deutschland. Berlin. W. Passauerstrasse 3. III Stock, bei d'Albert. Herrn Boris Bugaeff. Моя хозяйка – милая, интеллигентная дама, бывшая жена пьяниста д'Альбера» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 455; «Люблю тебя нежно…». С. 239).

[1295] В декабре 1921 г. Белый получил предложение от владельца издательства «Геликон» А.Г. Вишняка редактировать новый журнал под названием «Эпопея». Вышло в свет под редакцией Ан-

дрея Белого 4 выпуска этого издания: в 1922 г. – №№ 1–3 (с подзаголовком «Литературный ежемесячник»), в 1923 г. – № 4 (с подзаголовком «Литературный сборник»).

1296 «Архив русской революции» – серийное издание, печатавшее воспоминания и документальные материалы по новейшей истории России; выходило в берлинском издательстве «Слово» с 1921 г. (издатель И.В. Гессен). В 1921–1935 гг. вышло в свет 23 выпуска.

1297 По-видимому, имеются в виду первый том книги А.И. Деникина «Очерки русской смуты» (Париж, 1921) и роман (не трилогия) в восьми частях (четырех томах) П.Н. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени. 1894–1921» (Берлин, 1921).

1298 15 января 1922 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «*Шестов* из рук вон как подвел: в письме и не расскажешь; с треском, со скандалом вышел из "*Вольфилы*" (из-за газетной истории с Лундбергом)» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 234). Шестов сложил с себя звание почетного председателя берлинской Вольфилы в связи с тем, что Е.Г. Лундберг (один из организаторов берлинского отделения Ассоциации) уничтожил в декабре 1921 г. основную часть тиража изданной им его брошюры «Что такое русский большевизм?» (Берлин: Скифы, 1921), в знак несогласия с последовательно антибольшевистской позицией автора. Подробнее см.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин. 1921–1923 / По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С. 28–31; *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 276, 278–289.

1299 См. выше, примеч. 1288.

1300 Публичные лекции Штейнера в Берлине в декабре 1921 г. не отмечены в хронике его жизни и деятельности. Эвритмические представления с его участием – 20 ноября и 7 декабря 1921 г. Пребывание Штейнера в Берлине тогда было непродолжительным: с 18 (?) по 21 ноября и с 7 по 10 декабря (*Lindenberg.* S. 471–473).

1301 Имеется в виду редакторское предисловие, обрисовывавшее задачи и идейные установки журнала: *Андрей Белый.* Эпопея // Эпопея. 1922. № 1. С. 7–17.

1302 Издательство «Геликон» (основатель и руководитель – А.Г. Вишняк) возникло в Москве в 1918 г., возобновило свою деятельность в ноябре 1921 г. в Берлине (см.: Руль. 1921. № 302, 13 ноября). В «Геликоне» в 1922 г. вышли в свет «Записки чудака» (т. I–II) Андрея Белого и его же «Путевые заметки. Том 1. Сицилия и Тунис». О Белом в «Геликоне» см.: *Каннак Е.* Воспоминания о «Геликоне» // Русская мысль. 1974. № 2982, 17 января. С. 8.

1303 Белый прочитал лекцию «Культура в современной России» 14 декабря 1921 г. (см.: *Шварц М.* Андрей Белый о грядущей России // Голос России. 1921. № 845, 21 декабря). Статья Белого «Культура в современной России» была опубликована в журнале «Новая русская книга» (1922. № 1. С. 2–6); она же опубликована по рукописному варианту, хранящемуся в Литературном архиве Национального музея Праги (в фонде А. Элиасберга), в кн.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 262–271. Там же перепечатана указанная статья Мих. Шварца (С. 271–276).

1304 Белый прочитал вступительную лекцию «Культура духа» на заседании берлинской Вольфилы 4 января 1922 г. (Руль. 1922. № 343, 3 января). 15 января он прочитал лекцию «Культура сознания» в Студенческом зале Всемирного Христианского Союза Молодых Людей (Y.M.C.A.) (Руль. 1922. № 350, 11 января). Она была продолжением лекции Белого «Проблемы культуры», прочитанной в том же помещении 18 декабря 1921 г.

1305 Имеется в виду или статья «Культура в современной России» (см. выше, примеч. 1303), или статья «Вольная Философская Ассоциация», опубликованные в берлинском критико-библиографическом журнале «Новая русская книга» (1922. № 1. С. 32–33, 38–40). Редактор-издатель журнала (в 1921 г. выходил под заглавием «Русская книга», в 1922–1923 гг. – «Новая русская книга») – А.С. Ященко. О нем см.: А.С. Ященко и его журналы в литературной и общественной жизни русского Берлина // *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921–1923. С. 9–67.

1306 Рудольф Штейнер прочел всего одну публичную лекцию в Берлине в 1922 г. – «Антропософия и загадка души» («Anthroposophie und die Rätsel der Seele»), 26 января.

1307 Имеются в виду статьи «Московский Пролет-культ», I и II (Голос России. 1922. № 920, 19 марта; № 926, 26 марта) и «О духе России и "духе" в России» (Там же. 1922. № 908, 5 марта). См. библиографический перечень газетных публикаций Белого в Берлине: *Malmstad John E.* Andrej

Belyj in Berlin, 1921–1923. Addenda for a Bibliography of His Works // The Andrej Belyj Society Newsletter. 1985. № 4. P. 20–29.

[1308] См. выше, примеч. 1298. Инцидент приобрел особую остроту в силу того, что Шестов и Лундберг были связаны многолетними дружескими отношениями (см.: *Лундберг Е.* Записки писателя. Берлин, 1922. С. 79–80, 83, 89–90, 131, 198–203).

[1309] Второе публичное заседание берлинской Вольфилы состоялось 24 января 1922 г. и было посвящено докладу Минского «От Данте к Блоку» (см.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 301, 305–306).

[1310] Третье заседание берлинской Вольфилы состоялось 2 февраля 1922 г. и было посвящено творчеству А. Блока (см.: Там же. С. 307–308).

[1311] Белый выступил на публичном митинге в помещении берлинской Филармонии 10 марта 1922 г. Митинг был организован Общественным Комитетом помощи голодающему населению России; председатель – В.Д. Набоков, выступали также В.М. Зензинов и И.В. Гессен (Голос России. 1922. № 909, 7 марта). В отчете о митинге, в частности, сообщалось: «Андрей Белый считает необходимым для русской интеллигенции отказаться от статистических, исторических и иных точек зрения на голод и прийти к сознанию необходимости конкретной помощи. Нужно воспринимать не цифры, а одного близкого голодающего, понять, что “я – это ты”» (Голос России. 1922. № 914, 12 марта). Несколько дней спустя в той же газете (№ 919, 18 марта) появилась заметка: «…от неизвестной были присланы через детей 100 марок и 2 золотых цепочки при письме, где говорится, что “после речи Андрея Белого все наше золотое украшение кажется печатью черного духа” и жертвуется на голодающих».

[1312] А.Б. Кусиков и Б.А. Пильняк были командированы в Берлин в начале февраля 1922 г.; прибыли туда 12 февраля. В тот же день Белый и Пильняк встретились в квартире А.М. Ремизова, где «троечный союз <…> заключили, горой друг за друга» (Письмо Пильняка к М.М. Шкапской от 14 февраля 1922 г. // *Пильняк Б.А.* Письма. <В 2 т.> Т. 1. 1906–1922. М., 2010. С. 404). 17 февраля Кусиков и Пильняк читали в Доме искусств.

[1313] 6 марта 1922 г. Белый писал матери: «Все трудное, что пришлось пережить – душевного порядка. И не то, чтобы Ася меня бросила (мы же в прекрасных отношениях), а то, что *антропософия* ее совершенно фанатизировала. Ей некогда думать о себе и обо мне, как ей некогда думать ни о чем, кроме своей *службы* делу Доктора, – говорю *службы*, потому что *охота пуще неволи…* Что ее толкает так калечить свою душу и жизнь (свою и мою) – не знаю, или вернее знаю, но… не одобряю. Конечно, мне грустно ехать к жене и очутиться без жены, одному в Берлине. До сих пор она была 3 раза наездом из Швейцарии (ведь она разъезжает с эвритмией по городам, танцует то здесь, то там: то в Норвегии, то в Праге, то в Лейпциге, то в Штутгарте). Так же с турнэ заезжает она и в Берлин. Сегодня или завтра она приезжает в 4-ый раз уже. И обещала на этот раз остаться, пожить со мной недели две-три» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 460; «Люблю тебя нежно…». С. 242).

[1314] Первыми печатными манифестациями евразийства – идейного и общественно-политического движения русской эмиграции, пытавшегося осмыслить причины революции и пути преобразования большевистской власти, – стали книга Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество» (София, 1920) и сборники статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения» (Кн. 1. София, 1921) и «На путях. Утверждение Евразийцев» (Кн. 2. Берлин, 1922).

[1315] Доклад В.Б. Станкевича «О том, что зрячие не видят» был прочитан 29 марта 1922 г. (*Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 322).

[1316] 5 апреля 1922 г. Белый выступил в берлинской Вольфиле с докладом «Индивидуализм и коллективизм» (Там же).

[1317] 20 марта 1922 г. Белый выступил на вечере, устроенном берлинским Домом Искусств, со «Словом благодарности, сказанным Томасу Манну, читавшему в “Доме Искусств” в пользу голодающих». См.: *Азадовский К.М., Лавров А.В.* Новое о встречах Томаса Манна с русскими писателями («Слово благодарственное» Андрея Белого Томасу Манну) // Русская литература. 1978. № 4. С. 149–151 (текст выступления Белого дан в русском переводе). Немецкий оригинал выступления опубликован Дж. Малмстадом (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 465–466).

[1318] Двухтомное издание «Петербурга» (сокращенный вариант текста, опубликованного в сборниках «Сирин» в 1913–1914 гг.) было выпущено в свет берлинским издательством «Эпоха» в 1922 г.

[1319] 6 марта 1922 г. Белый писал А.Д. Бугаевой: «…здесь, в Берлине, антропософские курсы: буду отсиживать с 9 до 3-х. И все вечера. Но хочу пропустить все лекции через свое сознание» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 460; «Люблю тебя нежно…». С. 242). Занятия Берлинского антропософского высшего учебного курса (Berliner anthroposophischer Hochschulkurs) проходили 5–12 марта 1922 г. 11 марта 1922 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Задача курсов была показать антропософию в ее преломлении в разных сферах. 7 дней курсов были, каждый, посвящен предмету; открывал день лекцией Штейнер; засим еще 2 оратора; потом: прения, ораторы, критика; затем ответ "*спеца*" дня (антропософа: каждым днем дирижировал свой "*спец*"); затем еще лекция; словом: от 9<-ти> до трех. И вечером публичная лекция в громадном зале Филармонии» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 240).

[1320] С 5 по 12 марта 1922 г. Р. Штейнер прочел одиннадцать лекций на «учебной неделе» Антропософского общества, все – на тему: «Антропософия в ее научном и жизненном содержании» («Anthroposophie in ihrem Wissenschaftscharakter und als Lebensinhalt»). См.: *Lindenberg*. S. 479–481. Последующие сведения о работе антропософского «высшего учебного курса» уточнены по этому изданию.

[1321] Доктор Фридрих Риттельмейер был руководителем берлинского недельного антропософского курса. Он выступил утром 5 марта с вступительным докладом, посвященным вопросу дня (неорганическая наука), и 10 марта с докладом о закате догматизма и о свободной религии.

[1322] Вальтер Штейн выступил с докладом «Органицизм и организм» 7 марта; по словам Белого, – «изумительный оратор: речь льется, как водопад, полная смелых и остроумных слов; тоже – молодой антропософ, имеющий всюду огромный успех у молодежи» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 240). Он также выступил 8 марта с докладом «Детское воспитание».

[1323] Доктор Карл Шуберт выступил 8 марта с докладом о науке воспитания и 11 марта с докладом «Социальная проблема языка, язык и народность» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 240).

[1324] Доктор Карл Унгер выступил вечером 6 марта с докладом «Антропософия и психология» и 7 марта с докладом «Новая психология».

[1325] Белый сообщает: «Вместо заболевшего д<окто>ра Колиско тот же Штейнер на тему Колиско: "Антропософия и новейшая медицина"» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 240). Выступление Эугена Колиско на этой неделе не зафиксировано в хронике (*Lindenberg*. S. 479–480).

[1326] Герман фон Баравалль выступил 5 марта; Белый сообщает: «Речь д<окто>ра Баравалля (математика): математическое мировоззрение и стремление к конкретности у Маха: Мах, как пробивающий первую брешь в нео-гетеанство, или – антропософию (лектор блестящий, молодой, красноречивый, образованный и с настоящим пафосом)» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 240).

[1327] Карл Штокмайер председательствовал на воскресном заседании 5 марта («*Воскресенье*. Неорганическая наука. Руководитель: Штокмайер») и также выступил с речью о теориях Эйнштейна (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 240).

[1328] Среди других выступающих были: Ханс Вольбольд, Каролина фон Гейдебранд, Эрих Швебш, Бруно Крюгер, Эмиль Бок, Эмиль Лейнхас, Вальтер Кюне, Герман Бекк, Герберт Хан, Эрнст Юли и др. (см.: *Белый – Иванов-Разумник*. С. 240; *Lindenberg*. S. 479–480).

[1329] Выступления Штейнера в берлинской Филармонии на темы «Научный характер антропософии» («Anthroposophie in ihrem Wissenschaftscharakter») и «Потребности времени и антропософия» («Die Zeitbedürfnisse und die Anthroposophie»).

[1330] В воскресенье 12 марта в 11 час. утра состоялось эвритмическое представление в Немецком театре. Эвритмическое представление состоялось и в понедельник 13 марта (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 240).

[1331] По-видимому, имеются в виду фельетон «Du gleichst dem Geist den du begreifst (О щетках для чистки фраков)» (Голос России. 1922. № 954, 30 апреля) и рецензия «Поэтесса-певица ("Разлука", стихотворения Марины Цветаевой)» (Там же. 1922. № 971, 21 мая).

[1332] Белый выступил на тему «Эвритмия» в Доме Искусств 7 апреля 1922 г. (Накануне. 1922. № 13, 9 апреля).

[1333] В среду 12 апреля 1922 г. состоялась третья беседа Вольфилы из цикла «Смысл современной эпохи»; Н.Н. Белоцветов прочитал доклад «Философия свободы» (Голос России. 1922. № 939, 11 апреля). См.: *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 322–323.

[1334] С.Г. Каплун (Сумский) прочитал доклад на четвертой беседе Вольфилы из цикла «Смысл современной эпохи» 19 апреля 1922 г. (Голос России. 1922. № 945, 20 апреля).

[1335] Воззвание напечатано: Голос России. 1922. № 985, 9 июня.

[1336] В справочной картотеке В.П. Купченко зафиксированы имя и отчество жены А.В. Сабашникова (с января 1911 г.), не соответствующее указанным инициалам: Нелли Георгиевна. Возможно, Белый перепутал ее со старшей сестрой издателей Сабашниковых Екатериной Васильевной Сабашниковой (в замужестве Барановской), тоже издательницей, эмигрировавшей из России в 1922 г.

[1337] Около 5 мая 1922 г. Белый поселился в Цоссене, близ Берлина, где прожил 2 месяца (Zossen bei Berlin. Stubenrauchstr. 68 bei Lai): «Я бежал из Берлина и поселился в предместьи сонного городишки Цоссена, сняв себе комнату в бедном домике, населяемом наборщиками цоссеновской типографии» (*Андрей Белый.* «Одна из обителей царства теней». Л., 1924. С. 63).

[1338] По-видимому, имеется в виду книга Г.Г. Шпета «Философское мировоззрение Герцена» (Пг., 1921). Белый ссылается на нее в статье «Die Anthroposophie und Russland» (1922), называя «прекрасной работой» (Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 178).

[1339] Журнал «Die Drei. Monatsschrift für Anthroposophie und Dreigliederung» выходил в Штутгарте (под редакцией Э. Колиско и Э. Юли) с февраля 1921 г. до марта 1931 г. (новая серия – с февраля 1948 г. по сей день). См.: *Andrej Bjely.* Die Anthroposophie und Russland // Die Drei. Viertes Heft, Juli 1922. S. 317–328; Fünftes Heft, August 1922. S. 376–385. Статья Белого «Антропософия и Россия» напечатана в переводе на русский Ренаты фон Майдель и М. Безродного в «Новом литературном обозрении» (1994. № 9. С. 161–181).

[1340] В № 3 «Эпопеи» (1922) были опубликованы главы VI–VII «Воспоминаний о Блоке».

[1341] См.: *Байер Т.* Вера Осиповна Лурье и Борис Николаевич Бугаев // Андрей Белый в изменяющемся мире. С. 125–136. Андрею Белому посвящены 4 стихотворения В. Лурье (*Лурье Вера / Lourié Vera.* Стихотворения / Poems / Ed. and with an introduction by Thomas R. Beyer, Jr. Berlin, 1987. P. 69, 86, 87, 94–95).

[1342] М. Цветаева (приехавшая в Берлин 15 мая 1922 г.) описывает свои встречи с Белым в это время в мемуарном очерке о Белом «Пленный дух» (*Цветаева М.* Собр. соч. В 7 т. Т. 4. М., 1994. С. 241–267). См. также: *Саакянц А.* Встреча поэтов. Андрей Белый и Марина Цветаева // *Проблемы творчества.* С. 367–385).

[1343] Большинство стихотворений книги Андрея Белого «После разлуки» (Пб.; Берлин: Эпоха, 1922) было написано в конце мая – июне 1922 г. (10 из 15-ти стихотворений, собранных в сборнике, имеют помету «Цоссен»): «“После разлуки” написана в две недели» (*Андрей Белый.* Вместо предисловия. Зовы времен // *СП – 2.* С. 168). Стихотворения этого времени навеяны в основном переживаниями разрыва с А. Тургеневой. На замысел книги повлияли также общение Белого в Берлине в 1922 г. с М. Цветаевой и его впечатления от сборника ее стихов «Разлука» (Берлин, 1922). См.: *Beyer Thomas R., Jr.* Marina Cvetaeva and Andrej Belyj: *Razluka* and *Posle razluki* // Wiener Slawistischer Almanach. 1995. Bd. 35. P. 97–132.

[1344] Возможно, имеется в виду заседание «Дома Искусств» 28 апреля 1922 г., посвященное обсуждению первого (№ 1/2) выпуска журнала «Вещь» (редакторы И.Г. Эренбург, Э. Лисицкий) (Накануне. 1922. № 29, 30 апреля; *Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 330).

[1345] Доклад, по-видимому, был прочитан 10 мая 1922 г. на закрытой беседе Вольфилы на тему «Мир как культура» (Накануне. 1922. № 34, 7 мая).

[1346] В июле 1922 г. Белый писал матери: «...страшно страдала душа: я с Асей *все* покончил; мы совершенно разошлись; и это было очень, очень больно» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 463; «Люблю тебя нежно...». С. 245). 18 ноября 1923 г. Белый вспоминал в письме к Иванову-Разумнику: «Встреча с Асей отозвалась рядом тяжелых ударов и потрясений <...> Она умерла в моей душе; и этот процесс ее умирания во мне переполнял более года мой организм такими душевными ядами, что я прибегал к вину, чтобы погасить остроту самосознания» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 254).

[1347] Белый переехал в Свинемюнде (морской курорт на острове Уездом в Померании, близ Штеттина) 6 июля 1922 г. Он провел там 2 месяца. В июле 1922 г. Белый писал А.Д. Бугаевой: «Теперь поправляюсь: доктора направили меня к морю, в Свинемюнде (застарелый бронхит и желудок); в общем – пустяки; купаюсь, катаюсь на лодке, лежу на песке; и – ничего не делаю; дал себе месячный отдых; здесь – чудно, весело; весь день у моря: ухожу в 11 часов, возвращаюсь в 8; 9 часов сижу у моря. Проведу здесь июль и август <…> загорел, как арап; каждый день пекусь перед купаньем на солнце <…> Адрес в Свинемюнде: Deutschland. Swinemünde. Lootsenstrasse 27 I. bei Koch» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 463; «Люблю тебя нежно…». С. 245).

[1348] В автобиографическом очерке «Почему я стал символистом…» (1928) Белый вспоминает о времени после отъезда из Цоссена: «Вскоре я стал плясать фокстрот: невропатолог мне прописал максимум движений, а учительниц… эвритмии… при мне не было <…> движения рук и ног помогли. Невропатолог был прав» (*Андрей Белый*. Символизм как миропонимание. С. 487). В письме от июля 1922 г. Белый сообщал А.Д. Бугаевой: «…жизнь в Свинемюнде веселая; с 5 часов до глубокой ночи весь пляж танцует; здесь в Европе обычай новый: 5-часовой чай с танцами. В ряде кафэ очищена посередине площадка; кругом – столики, за которыми сидит публика, а на площадке танцуют – то публика (от детей до стариков), то танцовщицы. И вот – до 5-ти все купаются и бродят на пляже, а с 5 до глубокой ночи веселятся» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 464; «Люблю тебя нежно…». С. 245). Ср. в воспоминаниях А.В. Бахраха о Белом: «…двойное пристрастие к алкоголю и танцу (можно ли, строго говоря, называть танцами его плясовые упражнения?) стало общеизвестным» (*Бахрах А.* «По памяти, по записям». Андрей Белый // Континент. 1975. № 3. С. 301–302). См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 271–272) и воспоминания о Белом Берберовой, Ходасевича и др.

[1349] В.Ф. Ходасевич и Н.Н. Берберова приехали в Берлин 30 июня 1922 г.; они впервые виделись с Белым 3 июля (*Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал / Вступ. статья, подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М., 2002. С. 25).

[1350] О жизни в пансионе Крампе (Victoria-Luise Platz 9) «на четвертом и пятом этажах огромного дома с мраморной лестницей, канделябрами, голой фигурой, держащей электрический факел», в котором в это же время жили Ходасевич, М.О. Гершензон, Н.Н. Никитин и другие россияне, см.: *Берберова Н.* Курсив мой. М., 1996. С. 185–195.

[1351] Имеются в виду вышедшие в свет в берлинском Издательстве З.И. Гржебина в 1923 г. книги Белого «На перевале» (Ч. I–III) и «Стихотворения» (см.: *Малмстад Дж.* «Муки слова». Очерк истории формирования и публикации стихотворных книг Андрея Белого. С. 65–66). Последняя фототипически переиздана издательством «Книга» (М., 1988) с послесловием и примечаниями А.В. Лаврова.

[1352] Эта работа была подготовлена Белым в 1922 г. к напечатанию в издательстве «Эпоха», но в свет не вышла; сохранился ее авторизованный машинописный текст (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 69), по которому она была опубликована Л.А. Сугай (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 10–37).

[1353] После летнего перерыва деятельность берлинской Вольфилы осенью 1922 г. не была возобновлена.

[1354] В № 4 «Эпопеи» были опубликованы главы VIII–IX «Воспоминаний о Блоке».

[1355] В берлинском «Доме Искусств» Н.М. Минский был председателем Совета, состоявшего из 11 человек; в их число входил Белый.

[1356] Организация Клуба писателей произошла в начале ноября 1922 г. 4 ноября, после скандала, разразившегося 3 ноября во время доклада И.А. Пуни на очередном собрании берлинского «Дома Искусств», Белый вместе с В.Ф. Ходасевичем, М.А. Осоргиным, А.В. Чаяновым, П.П. Муратовым, В.М. Зензиновым, Н.Н. Берберовой и др. приняли решение организовать Клуб писателей (см.: Новая русская книга. 1922. № 10. С. 26). Основание Клуба писателей произвело раскол в «Доме Искусств», поскольку его покинули Белый и еще пять членов правления (см.: Дни. 1922. № 13, 12 ноября; № 16, 16 ноября). Клуб писателей закрылся 20 октября 1923 г. См.: *Малмстад Дж.* Переписка В.Ф. Ходасевича с А.В. Бахрахом // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 173–174.

[1357] На годовом собрании «Дома Искусств» 13 октября 1922 г. с отчетом и выборами президиума председателем был избран Андрей Белый, товарищем председателя – В. Шкловский, секретарем – А. Бахрах.

[1358] Имеются в виду статьи Белого: «Максим Горький. По поводу 30-летнего юбилея» (Голос России. 1922. № 1067, 24 сентября), «Максим Горький. По поводу 30-летнего юбилея» (Эпопея. 1922. № 3. С. 7–9. Подпись: *Редакция*), «К юбилею Максима Горького» (Новая русская книга. 1922. № 8. С. 2–3).

[1359] Адрес был прочитан Белым в воскресенье 1 октября 1922 г. на вечере в честь Горького в «Доме Искусств». См.: *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. С. 32; Накануне. 1922. № 149, 3 октября.

[1360] Клуб писателей отметил 60-летие Г. Гауптмана 15 ноября 1922 г. См.: *Андрей Белый.* Юбилей Г. Гауптмана // Дни. 1922. № 15, 15 ноября; *его же.* Гергардт Гауптман // Там же. № 19, 19 ноября. См. также: *Riggenbach Heinrich, Marti Roland.* Eine Grussadresse russischer Schriftsteller an Gerhart Hauptmann // Schweizerische Beiträge zum X Internationalen Slavistenkongress in Sofia, September 1988 / Hrsg. von Peter Brang (Slavica Helvetica. Bd. 28). Bern…Paris: Peter Lang, <1988>. S. 303–333.

[1361] «Дни» – ежедневная газета, выходившая в Берлине с 29 октября 1922 г. по 28 июня 1925 г. (затем возобновлена в Париже); редактором литературного отдела был М.А. Осоргин. Первая рецензия Белого в «Днях»: *Андр. Б.* Наталия Крандиевская. От лукавого. Книга стихов. М.; Берлин: Геликон, 1922 // 1922. № 7, 5 ноября. Затем (за полной подписью): Владимир Гиппиус. Лик человеческий. Поэма. Пб.; Берлин: Эпоха, 1922 // 1922. № 13, 12 ноября; Федор Сологуб. Пламенный круг. Стихи. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922 // 1922. № 36, 10 декабря; Александр Блок. Молния-мысль. Статьи. Книга первая (1906–1921). «Эпоха», 1922 // 1922. № 52, 31 декабря. Принадлежат ли какие-то из рецензий за подписью «А.Б.» в «Днях» в 1922–1923 гг. перу Белого, нет твердых оснований утверждать; так в то время подписывали рецензии в «Днях» Александр Бахрах и Александр Берг (см.: The Andrej Belyj Society Newsletter. 1985. № 4. P. 27–29).

[1362] Имеется в виду диспут 3 ноября 1922 г. в «Доме Искусств» по докладу Ивана Пуни «Современная русская живопись и русская выставка в Берлине»: «…во время прений произошли инциденты между скульптором Залитом и художником Альтманом и между В. Маяковским и А. Белым. Эти инциденты сорвали собрание» (Новая русская книга. 1922. № 10. С. 25–26).

[1363] Белый читал отрывки из «Преступления Николая Летаева» (первоначальное название романа «Крещеный китаец») в Клубе писателей 17 декабря 1922 г. (Дни. 1922. № 41, 16 декабря).

[1364] Имеется в виду Религиозно-философская академия, учрежденная в Берлине 26 ноября 1922 г. под председательством Н.А. Бердяева.

[1365] Белый впервые ездил к Горькому в Сааров (в полутора часах езды по железной дороге от Берлина, в сторону Франкфурта-на-Одере) 2 ноября 1922 г. Другие его поездки туда зафиксированы Ходасевичем: 12 ноября, 6–9 декабря (*Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. С. 34–36).

[1366] «Беседа» – «журнал литературы и науки», выходил в Берлине в 1923–1925 гг. (№№ 1–6/7) при ближайшем участии проф. Б.Ф. Адлера (до № 5), Андрея Белого (до № 4), проф. Ф.А. Брауна, М. Горького и В.Ф. Ходасевича; был задуман Горьким и выходил под его руководством.

[1367] «Воспоминания о Блоке», законченные печатанием в № 4 «Эпопеи» (1923), оказались фактически оборванными: изложение в них (в заключительной главе IX) доведено до 1912 г., хотя общение с Блоком возобновилось после возвращения Белого из-за границы в 1916 г. Три тома «Начала века», представляющие собой значительно расширенный вариант «Воспоминаний о Блоке», были сданы Белым издательству «Эпоха» до его возвращения в Москву в октябре 1923 г. Заглавие этой мемуарной книги предложила Белому Н.Н. Берберова (см.: *Берберова Н.* Курсив мой. С. 192; *Ходасевич В.* Собр. соч. В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 62). При жизни Белого из этой книги были опубликованы лишь отдельные главы; том I и первая половина тома II пропали в издательстве. Ныне сохранившаяся часть книги опубликована: *Андрей Белый.* Начало века: Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб., 2014 («Литературные памятники»).

[1368] См.: *Андрей Белый.* О «России» в России и о «России» в Берлине // Беседа. 1923. № 1 (май–июнь). С. 211–236.

[1369] Речь идет о пребывании в Саарове с 6 по 9 декабря (см. выше, примеч. 1365).

[1370] Ср. запись от 31 декабря 1922 г. в «Камер-фурьерском журнале» Ходасевича: «В 1½ ч<аса> – в Saarow с Белым <…> Веч<ером> – *у Горького* (Горький, Белый и свита)» (С. 37). О встрече Нового 1923 года у Горького см.: *Берберова Н.* Курсив мой. С. 232. Белый вернулся в Берлин 4 января 1923 г. См. также: *Крюкова А.* М. Горький и Андрей Белый. Из истории творческих отношений // *Проблемы творчества.* С. 282–308; *Крюкова А.* Творческое взаимодействие: Статьи о советской литературе. М., 1988. С. 73–98 («М. Горький и Андрей Белый: завершение спора»).

[1371] Гетеанум, антропософский центр в Дорнахе (позднее называемый «первым Гетеанумом»), сгорел в новогоднюю ночь с 31 декабря на 1 января 1923 г. См. письмо Белого к Е.Ю. Фехнер от 4 января 1923 г. (Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 112; *Лавров А.В.* Андрей Белый: Разыскания и этюды. С. 448–451). См. также: *Тургенева А.* Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гётеанума. С. 126–131.

[1372] К.Н. Васильева пробыла в Германии (куда приезжала главным образом для общения с Белым) с января по июль 1923 г. Одной из целей ее поездки была попытка поддержать и укрепить в Белом его приверженность к антропософии (российские штейнерианцы были сильно встревожены известиями о кризисе его антропософских убеждений) и побудить к возвращению на родину. В «автобиографическом» письме к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. Белый вспоминает: «23<-й> год открывается: пожаром "*Гетеанума*" (с которым я был *так* связан); и – тотчас: приездом в Берлин *К.Н.*, появившейся для меня в самую опасную минуту прострации; с этого начинается незаметное пресуществление *болезни* в медленное *выздоровление*: с желания выздороветь» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 507). См. также: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 44.

[1373] См.: *Андрей Белый.* Гетеанум // Дни. 1923. № 100, 27 февраля.

[1374] 29 января 1923 г. Р. Штейнер прибыл в Штутгарт, где собрались многие видные деятели Антропософского общества, и оставался там до 15 февраля; вновь был в Штутгарте с 23 февраля по 1 марта. Цель его поездки – реорганизация структуры Общества и чтение лекций для членов Общества. Свою поездку в Штутгарт в феврале 1923 г. и личную встречу с Штейнером К.Н. Васильева (Бугаева) описала в мемуарах (см.: *Bugajewa Klawdija Nikolajewna.* Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. Basel, 1987. S. 37–51).

[1375] Белый приехал в Саарова в воскресенье 18 февраля 1923 г., уехал оттуда в Берлин 22 февраля и вновь вернулся в Сааров 24 февраля. Вместе с Ходасевичем выехал в немецкую столицу 26 февраля (*Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. С. 40).

[1376] Эта встреча состоялась после отсылки Белым письма к М.Я. Сиверс (Штейнер) от 11 марта 1923 г. – видимо, между 12 и 16 марта. См.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 107–116.

[1377] Белый прочел лекцию «Революция духа» 11 марта 1923 г. (Дни. 1923. № 112, 13 марта).

[1378] 14 марта 1923 г. Белый прочел в Клубе писателей лекцию «О трагедии сознания» (Дни. 1923. № 113, 14 марта; Новая русская книга. 1923. № 2. С. 40).

[1379] А.Я. Таиров прочел в Клубе писателей доклад «О задачах Камерного театра» 11 апреля 1923 г. (Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 43).

[1380] 16 марта 1923 г. Ходасевич записал в «Камер-фурьерском журнале»: «*Гуляли.* / Веч<ером> приехали Белый с Васильевой и Гржебин. С ними *у Горького*»; 21 марта: «Белый. Васильева. Веч<ером> *с ними у Горького*» (С. 41). Белый и К.Н. Васильева вернулись в Берлин 22 марта.

[1381] Белый и К.Н. Васильева пробыли в Штутгарте с 23 по 31 марта 1923 г.

[1382] «Учебная неделя» при Вальдорфской школе («Künstlerisch-pädagogischen Tagung der Freien Waldorfschule») проходила 25–29 марта 1923 г. в Штутгарте. В программе среди участников, кроме Штейнера, значились Г. фон Баравалль. Г. Хан, К. фон Гейдебрандт, Э. Колиско, К. Шуберт, Э. Швебш и А. Стракош (Anthroposophie. 1923. 4 Jg. № 37. S. 6). «Учебная неделя» описана К.Н. Васильевой (Бугаевой); см.: *Bugajewa Klawdija Nikolajewna.* Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. S. 53–55.

[1383] «Rezitation» происходила 29 марта со вступительным словом Р. Штейнера.

[1384] Эвритмические вечера состоялись 26 и 27 марта 1923 г.

[1385] 25 марта Штейнер прочел лекцию «Педагогика и искусство» («Pädagogik und Kunst»), 26 марта – лекцию «Педагогика и нравственность» («Pädagogik und Moral»).

[1386] В письме к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. Белый сообщил: «...в нашем общении с К.Н. (январь – до июля 23-го) вызревает во мне жажда 1) вернуться в Россию <...> 2) оживает "*доктор*" (*К.Н.* невольно мирит меня с ним); в марте 23<-го> года доктор мне "*все*" объясняет, что казалось неясным» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 507). В письме от 27 июня 1923 г. из Бад Гарцбурга К.Н. Васильева сообщала П.Н. Зайцеву о последней встрече Белого с Штейнером: «Его <Белого> встреча с Ш<тейнером> была так прекрасна, так благостна, так гармонична... Лучше, глубже – едва ли можно себе представить. В этом какой-то залог будущего» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 367). См. также: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 112–115.

[1387] Бад Гарцбург (Bad Harzburg) – курортный город в Нижней Саксонии, в составе района Гослар.

[1388] Судя по «Камер-фурьерскому журналу» Вл. Ходасевича, Белый приехал в Сааров 22 мая 1923 г. и провел там следующий день (С. 44). Его встречи с Горьким и дата отъезда не зафиксированы.

[1389] 27 июня 1923 г. К.Н. Васильева писала П.Н. Зайцеву из Бад Гарцбурга: «Последний месяц я здесь в Harzburg'е – в горах – очень отдохнула. Места прекрасные: горы, леса, ручьи. Но гулять пришлось мало: безумная погода. Все сдвинулось с мест. За месяц: ни одного дня без дождя» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 368).

[1390] В постскриптуме к письму К.Н. Васильевой к П.Н. Зайцеву от 27 июня 1923 г. Белый сообщал: «Холод, чуть ли не снег. Ужасно скучаю по России: трудно в Берлине, как я, просидеть 1½ с лишним года. Очень помню друзей. С удовольствием приехал бы в Россию. Может, – и приеду. Трудно жить с берлинскими русскими: часто одолевает тоска» (Там же).

[1391] Имеется в виду статья Ханса Лейзеганга «Антропософия», опубликованная в первом выпуске «Беседы» в 1923 г., по существу направленная против Штейнера. Белый встал на защиту Штейнера в статье «Антропософия и доктор Ганс Лейзеганг» (Беседа. 1923. № 2 (июль–август). С. 378–392).

[1392] В «автобиографическом» письме к Иванову-Разумнику Белый сообщал: «Июнь проводим с К.Н. в Гарцбурге; здесь пишу этюд "*Москва*" (часть 3-го тома "*Начала Века*") и твердо решаю вслед за уезжающей К.Н. вернуться в Россию» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 507).

[1393] Белый провожал К.Н. Васильеву на пароход в Штеттине 22 июля 1923 г.

[1394] Белый находился на балтийском курорте Альбек (Ostseebad Ahlbeck) 14–17 июля 1923 г. и после проводов К.Н. Васильевой вернулся туда 23 июля. В письме к А.В. Бахраху, отправленном 26 июля 1923 г. из Альбека, Белый сообщал: «...ввиду того, что в Берлине у меня пристанища нет, я не могу ликвидировать с моим альбекским пансионом, где у меня не комната, а закутка, в которой нельзя ни работать, ни сидеть; постоянно вытолкнут на люди; а люди, в конце концов, [жут<кие>] чужие» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 473).

[1395] Извещение Берлинской комиссии Наркомпроса о разрешении въезда в РСФСР Белый получил 1 августа 1923 г., однако после этого два с половиной месяца ждал визы.

[1396] 16 августа 1923 г. Белый писал А.В. Бахраху из Альбека: «...уже с неделю прихварываю, купаться не могу; и – без дела и смысла томлюсь в Альбеке» (Europa Orientalis. 1989. № 8. P. 474).

[1397] Белый поселился в Берлине с 27 августа 1923 г.

[1398] Об этом пансионе см.: *Бахрах А.В.* «По памяти, по записям». Андрей Белый. С. 316.

[1399] 1-м августа 1923 г. датировано следующее письмо З.Г. Гринберга (представителя Наркомпроса за границей) к Белому на бланке «РСФСР Наркомпрос. Комиссия по заграничным закупкам» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 329):

«Многоуважаемый Борис Николаевич,

Спешу сообщить Вам, что сегодня 1-го августа получена мною телеграмма от т. Луначарского нижеследующего содержания:

"Андрею Белому въезд разрешен 2651 Наркомпрос Луначарский".

Сообщая Вам об этом, прошу Вас зайти ко мне для конкретного обсуждения Вашей поездки.

Искренно Вас уважающий

Председатель комиссии по заграничному снабжению Наркомпроса З. Гринберг».

18 ноября 1923 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «У меня уже был билет на пароход (в начале сентября); и лишь за 2 дня до отъезда узнал от Гринберга, что обо мне послан запрос и что мне не уехать (он же меня уверил, что я могу спокойно брать билет, что в посольстве виза в два дня будет получена: от Луначарского пришла телеграмма, что въезд разрешен). Соне Каплун я послал письмо, уведомляя, что еду на Петербург, а потом сел на сундуки и просидел на них шесть недель, ожидая ответа» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 255).

[1400] Белый выступил с чтением отрывка из воспоминаний о Москве в Клубе писателей 15 сентября 1923 г. (Дни. 1923. № 265, 15 сентября). Имеется в виду фрагмент из книги «Начало века» – мемуарный очерк «Арбат» (Современные записки. 1923. Кн. XVII. С. 156–182).

[1401] Ни одно выступление Ходасевича в Клубе писателей в сентябре 1923 г. не зафиксировано. Ср. запись от 6 октября: «Веч<ером> *Клуб писателей* (Мы читали. Осорг<ин>, Бахр<ах>, Белый, Каплун, Амфит<еатров>, Гржеб<ин> и др.)» (*Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. С. 51).

[1402] Ссора с Ходасевичем произошла не в октябре, а вечером 8 сентября 1923 г. (см.: *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. С. 49) в русском ресторане на общем прощальном ужине. Она описана Ходасевичем в его очерке о Белом (*Ходасевич В.* Собр. соч. В 4 т. Т. 4. С. 64) и Н.Н. Берберовой в мемуарах (*Берберова Н.* Курсив мой. С. 197–198). 21 октября 1923 г. Ходасевич писал А.И. Ходасевич: «Кстати: я с ним <Белым> вдребезги поссорился. Точнее – он объявил меня такимсяким. Слава Богу, все это произошло публично, в присутствии 30–40 человек, которые видели, что я ни в чем не повинен. Он устроил мне скандал, будучи вдребезги пьян – но, проспавшись, не извинился» (*Ходасевич В.* Собр. соч. В 4 т. Т. 4. С. 465). Этот эпизод выглядел по-другому в восприятии Белого; см. его письмо к Горькому от 8 апреля 1924 г., опубликованное в составе статьи А.М. Крюковой «М. Горький и Андрей Белый. Из истории творческих отношений» (*Проблемы творчества*. С. 302). Подробнее см.: *Вайсбанд Э.* «Ходасевич был скептик, разрушал вокруг себя все, не создавая ничего»: Об одном конфликте в эмиграции // От Кибирова до Пушкина. Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 46–56.

[1403] В очерке «Почему я стал символистом…» (1928) Белый писал: «Я вернулся в свою "*могилу*" в 1923 году, в октябре: в "*могилу*", в которую меня уложил Троцкий, за ним последователи Троцкого, за ними все критики и все "*истинно живые*" писатели <…> самое появление мое в общественных местах напоминало скандал, ибо "*трупы*" не появляются, но гниют» (*Андрей Белый*. Символизм как миропонимание. С. 483). Неприятие официальными советскими инстанциями творчества Белого было обусловлено главным образом резко отрицательной оценкой, вынесенной ему Л.Д. Троцким в специальной статье, опубликованной в «Правде» 1 октября 1922 г. и вошедшей в его книгу «Литература и революция» (М., 1923. С. 34–40); заключительная фраза статьи Троцкого содержала в себе окончательный приговор: «Белый – покойник, и ни в каком духе он не воскреснет». См.: *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1991. С. 49–55.

[1404] 18 ноября 1923 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «…я и поехал прямо на Москву, не имея никакого пристанища; прямо ввалился к Нилендеру; и тотчас же принялся отыскивать помещение, которое, к счастью, скоро нашлось у Анненкова (Бережковская Набережная, Красный Луг, Дорогомиловский Химический Завод, "Анилтрест", кв<артира> Александра Ивановича Анненкова <…>); Анненков, очень милый, тихий, ко мне расположенный человек, у которого я уже живал в 1920 году, приютил меня (а то мои финансы не позволили бы мне найти комнату в городе)» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 255). Об этом местожительстве Белого пишет П.Н. Зайцев в воспоминаниях о Белом (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 48–50). В.О. Нилендер в то время работал в Румянцевском музее и жил в служебной квартире. Квартира в Никольском переулке близ Арбата, в которой Белый проживал с осени 1906 г., была для него утрачена после смерти матери в 1922 г.

[1405] Подразумевается том переработанных ранних стихотворений «Зовы времен», подготовленный Белым для Издательства В.В. Пашуканиса в 1917 г. и пропавший в результате ареста и гибели издателя и разгрома издательства (см.: *СП – 1*. С. 59–61; *Николаев А.Р.* Викентий Пашуканис – «заведующий коммерческой частью» издательства «Мусагет» // Книгоиздательств «Мусагет». История. Мифы. Результаты: Исследования и мемуары. М., 2014. С. 178–188).

[1406] 18 ноября 1923 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «…хочу <…> работать над сочинением по “*стиховедению*”. К такой работе располагает уединение мое под Москвой и даже отрезанность от всех собраний вечером» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 256). Этот замысел тогда не был реализован, равно как и изучение ритмики Блока не привело к итоговому результату.

[1407] Имеются в виду книги: *Эйхенбаум Б.* Мелодика стиха. Пб., 1922; *Жирмунский В.М.* Композиция лирических стихотворений. Пб., 1921; *Его же*. Рифма, ее история и теория. Пг., 1923; *Томашевский Б.В.* Русское стихосложение. Метрика. Пг., 1923; *Шенгели Г.* Трактат о русском стихе. Часть первая. Органическая метрика. Изд. 2-е, перераб. М.; Пг., 1923.

[1408] Имеются в виду стиховедческие труды Р.-Г.-Г. Вестфаля (Westphal), использованные ранее Белым при составлении комментариев к «Символизму» (1910): «System der antiken Rhythmik» (1865), «Theorie der neuhochdeutschen Metrik» (1870), – а также его книга «Allgemeine Metrik der indo-germanischen und semitischen Völker auf Grunde der vergleichenden Sprachwissenschaft» (1892). Белому могли быть известны также публикации Вестфаля в журнале «Русский Вестник»: «О русской народной песне» (1879. Т. 143), «Искусство и ритм» (1880. Т. 147), «Теория ритма в применении к русским поэтам» (1881. Т. 154).

[1409] Сохранился черновой автограф Белого – план лекции, в которой духовная эволюция Блока прослеживается сквозь призму гностического мифа (с авторским пояснением: «К лекции о Блоке в Москве 1923 г.»); опубликован в кн.: *Магомедова Д.М.* Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 84.

[1410] Имеется в виду инсценировка романа «Петербург», которую Белый готовил для М.А. Чехова – директора 1-й Студии МХТ с 1922 г., художественного руководителя МХАТ 2-го с 1924 г.

[1411] О чтении этой лекции см.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 55–58.

[1412] См. выше, примеч. 1400. Мемуарный очерк Белого «Арбат» был напечатан в журнале «Россия» (1924. № 1. С. 34–66).

[1413] Имеется в виду издание: *Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. I–IV. М., 1892–1897.

[1414] 17 декабря 1923 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «…мне предложили работу, могущую дать заработок в будущем; именно: переработать “*Петербург*” в драму, которую наперерыв друг у друга оспаривают Мейерхольд, Завадский (Ш студия Худ<ожественного> т<еатра>) и Чехов (I-ая студия)» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 270). Идея переработки «Петербурга» в драму исходила от М.Ф. Кокошкиной (см.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 151–152; *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 54). О переработке романа в пьесу и о ее постановке в 1925 г. см.: *Лавров А.В., Малмстад Дж.* Театральная версия романа Андрея Белого «Петербург» // *Андрей Белый*. Петербург: Историческая драма. М., 2010. С. 3–62.

[1415] И. Лежнев был редактором литературного журнала «сменовеховского» направления «Россия» (1922–1926; первые два номера за 1922 г. и последние три номера за 1926 г. – под названием «Новая Россия»). Белый начал публиковаться в нем еще до приезда из Германии (см.: *Андрей Белый.* О духе России и “духе” в России // Новая Россия. 1922. № 2. С. 145–147) и продолжал печататься после возвращения в Москву. См.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 51, 591.

[1416] Имеется в виду А.В. Уиттенховен.

[1417] 17 декабря 1923 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «…ищу общения с немногими друзьями en deux, en trois, en quatre (не более); такими “*своими*” ощущаю: К.Н. Васильеву, Нилендера, С.М. Соловьева, пожалуй Е.Ф. Книпович, которая часто бывает у Нилендера» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 270).

[1418] Подразумевается предварительное обсуждение условий намеченных в Киеве публичных выступлений Белого; инициатором их была жившая в Киеве двоюродная сестра Белого В.А. Жукова (Вертер).

[1419] 6 февраля 1924 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «…недавно прочел в тесном кругу друзей лекцию о поэзии Блока; и мне сказали: “Вы из Блока сделали *миф*” (я этого не помышлял: я лишь анализировал образы Блока). Что делать, – “*мифы*” выпираются самою землею вокруг нас» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 286). Лекции о Блоке, по-видимому, были прочитаны Белым в квартире композитора Б.Б. Красина на Пречистенке, д. 20 (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 52).

[1420] Белый выехал в Ленинград 10 февраля 1924 г., вернулся в Москву 20 февраля.

[1421] Юбилейное чествование Федора Сологуба в связи с 40-летием его литературной деятельности состоялось в Гос. Академическом Драматическом театре (бывшем Александринском). Подробно см.: Юбилей Федора Сологуба (1924 год) / Публ. А.В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 315–343. Два варианта текста приветствий Белого сохранились в его архиве; опубликованы: *Белый – Иванов-Разумник.* С. 279–280.

[1422] В отчете о заседаниях Вольфилы в феврале 1924 г. значится: «А. Скалдин. Две поэмы» (Вольная Философская Ассоциация. 1919–1924. С. 267). На заседании Вольфилы Белый высказал свою полемическую позицию по отношению к формальному методу в литературоведении; ср. его аналогичные суждения в письме к Иванову-Разумнику от 9 марта 1924 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 292).

[1423] Об этом выступлении см. воспоминания Д.Е. Максимова в очерке «О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали» (*Максимов Д.* Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 361–364).

[1424] Белый выступил в этот день с докладом и воспоминаниями о Блоке на вечере памяти Блока в Политехническом музее. См.: *Бобович Б.* Андрей Белый о Блоке // Вечерняя Москва. 1924. 21 февраля.

[1425] Белый выехал из Москвы в Киев 24 февраля 1924 г. О его пребывании в Киеве в 1924 г. см.: *Андриевская А.А.* Воспоминания об Андрее Белом (Андрей Белый в Киеве) (1934) // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 6–20. См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 294–295); *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 52–53.

[1426] В архиве Белого сохранился конспект его лекции «Ритм и действительность», сделанный в Киеве 28 февраля 1924 г. его двоюродной сестрой В.А. Жуковой (Вертер), первой женой поэта Б.К. Лившица (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 94).

[1427] В указанных выше (примеч. 1425) воспоминаниях Андриевской упомянуто о вечеринке после лекции Белого: «…за столом читали стихи. Кажется, очень понравилась Белому поэзия Тычины, Рыльского и других». Ср.: «Максим Рыльский, тогда еще молодой начинающий поэт, поднес ему <Белому> с почтительной надписью свою книжку стихов» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 53).

[1428] Белый возвратился в Москву из Киева 7 марта 1924 г.

[1429] Це–Ку–Бу – Комиссия по улучшению быта ученых, учрежденная в 1919 г.; в 1921 г. преобразована и переименована в Центральную комиссию по улучшению быта ученых. С апреля 1924 г. Белый получал от нее так называемое академическое обеспечение (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 58).

[1430] См.: *Андрей Белый.* Дневник писателя. I. Ритм жизни и современность // Россия. 1924. № 2. С. 132–146. Очерк Белого о пребывании в Германии «Одна из обителей царства теней» вышел в свет в январе 1925 г. (Л.: Государственное изд-во, 1924; тираж 5000 экз.).

[1431] Видимо, подразумевается Монсальват – замок Св. Грааля (от *франц.* Mont Sauvage – Дикая Гора).

[1432] Белый передал драму «Петербург» в 1-ую студию МХТ в мае 1924 г. (13 августа 1924 г. этот театр переименован в МХАТ 2-ой); 21 мая 1924 г. М.А. Чехов писал Белому: «Первую половину “Петербурга” получил – ждем вторую. Актерам буду читать по получении всей пьесы. С восторгом читали то новое, что вы добавили нам» (*Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. Воспоминания. Письма. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. С. 305).

[1433] Замысел «нового издательства» остался неосуществленным.

[1434] Белый и К.Н. Васильева выехали из Москвы в Крым 28 мая 1924 г., прибыли в Коктебель, в дом М.А. Волошина, 1 июня. В очерке «Дом-музей М.А. Волошина» (1933) Белый писал о Волошине: «…увидел его в диапазоне всех даров лишь в Коктебеле, в 24-ом году, где я прожил у него три с половиной месяца» (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 509). О пребывании Белого в Коктебеле см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Максимилиан Волошин и Андрей Белый // *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Символисты вблизи: Статьи и публикации. С. 122–126; письмо Белого к П.Н. Зайцеву от 7 июля 1924 г. (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 373–374); письмо к Иванову-Разумнику от 8 декабря 1924 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 303–304); *Гюнтер И.В.*

Коктебель… Дом Волошина… 1924 год! / Публ. Е.С. Федоровой // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 118–120; *Бугаева*. С. 143–145; *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 59–63.

[1435] О чтении драмы «Петербург» в мастерской Волошина см.: *Чуковский Н.* О том, что видел. М., 2005. С. 158–159. М. Волошин о своих критических замечаниях, сделанных Белому после чтения пьесы, сообщил в письме к Е.Л. Ланну от 3 декабря 1925 г. («…Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы. М., 2007. С. 78–79).

[1436] Инцидент с Г.А. Шенгели описан в воспоминаниях К.Н. Бугаевой (*Бугаева*. С. 253–254). Он произошел 10 или 11 июля (*Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. С. 231).

[1437] 8 декабря 1924 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Я очень благодарен Коктебелю хотя бы за то, что перед смертью Вал<ерия> Як<овлевича> с ним встретился и мирно прожил, можно сказать, под одним кровом 3 недели: мы примирились — без объяснения; и как бы простилися (даже дурачились вместе)» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 304). Свое общение с Брюсовым в Коктебеле в августе 1924 г. Белый описал в мемуарах (*НВ*. С. 516–517). См. также: *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. М., 2003. Т. 3. С. 54–73; *Опалов В.Г.* В.Я. Брюсов в Крыму // Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т. 3 (60). С. 163–164; *Гроссман Л.* Борьба за стиль: Опыты по критике и поэтике. М., 1929. С. 281–297 («Последний отдых Брюсова»); *Мануйлов В.А.* Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С 458–474; *Купченко В.* Лето 1924 года в Коктебеле // Новый журнал. Кн. 168/169. Нью-Йорк. 1987. С. 239–259; *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 59. *Волошин М.* Собр. соч. Т. 7, кн. 2. М., 2008. С. 334–339 («<Брюсов в Коктебеле. Август 1924 г.>»).

[1438] Имеется в виду И.М. Саркизов-Серазини.

[1439] Имеется в виду пианистка Мария Лазаревна Гехтман.

[1440] «Анчутка» – коктебельское прозвище педагога и переводчицы Анны Александровны Корого (1890–1953).

[1441] Белый и К.Н. Васильева выехали из Коктебеля 12 сентября 1924 г. 11 сентября Волошин надписал акварель Белому: «Милый Боря, мне бы хотелось, чтобы эта *моя* земля стала и твоей землей», – а на следующий день оставил еще одну надпись на акварели: «Вернись в Коктебель!» (*Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932. С. 238).

[1442] Собеседование с Белым по поводу текста драмы «Петербург» состоялось в МХАТ-2 1 октября 1924 г. (МХАТ Второй. Опыт восстановления биографии. М., 2010. С. 628).

[1443] Имеется в виду «Материал к биографии» (С. 29–266 наст. изд.).

[1444] Белый начал работу над романом «Москва» в октябре 1924 г. В архиве Иванова-Разумника сохранились предварительные наброски Белого к роману и его предварительный план (под заглавием «Слом»). См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С. 38–40. Договор на роман, который Белый первоначально обещал представить к 1 сентября 1924 г., был заключен между ним и издателем Н.Э. Хелминским 14 апреля 1924 г. (см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 343).

[1445] Судя по своду «Себе на память» (С. 739 наст. изд.), эта беседа была посвящена подготовке писательской петиции в Совнарком.

[1446] Текст этой коллективной петиции не выявлен. Он был представлен А.В. Луначарскому (см.: «Себе на память». С. 739–740 наст. изд).

[1447] Имеется в виду некрологическая статья о Брюсове (скончавшемся 9 октября 1924 г.). См.: *Андрей Белый*. Валерий Брюсов // Россия. 1925. № 4 (13). С. 263–280.

[1448] «Круг» – артель писателей и одноименное московское издательство, основанное в 1922 г. (председатель правления – А.К. Воронский; Б. Пильняк входил в состав правления).

[1449] Чтение Белым 1-и и 2-й глав первой части романа «Москва» состоялось на квартире Б. Пильняка 24 ноября 1924 г. (см.: *Пильняк Б.А.* Письма. <В 2 т.> Т. 2: 1923–1937. М., 2010. С. 217; Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997. С. 277).

[1450] «Росмерсхольм» (1886) – драма Г. Ибсена.

[1451] «Бранд» (1865) – драматическая поэма Г. Ибсена.

[1452] Переговоры о расторжении договора с журналом «Россия» и передаче романа «Москва» в артель писателей «Круг» вел Д.К. Богомильский. См. письма Белого к нему от 5 и 8 декабря 1924 г. (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. С. 338–339. Публ. Дж. Малмстада). Первые две главы были напечатаны под заглавием «Москва. Роман. Ч. 1. Гл. 1–2» в двух выпусках альманаха «Круг» (Кн. 4. М.; Л., 1925. С. 19–73; Кн. 5. М.; Л., 1925. С. 27–91). П.Н. Зайцев ошибочно относит переговоры об издании романа в «Круге» к лету 1925 г. (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 73).

[1453] К.Н. Васильева и ее муж П.Н. Васильев проживали в доме 53 на Плющихе (на углу Долгого переулка).

[1454] «*Третий Завет*» — религиозно-мистический трактат, опубликованный С.Н. Булгаковым в кн.: Из рукописей Анны Николаевны Шмидт (<М.>, 1916).

[1455] В начале марта 1925 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...разрушаюсь: не имею где преклонить главы; вместо "*дома*", "*комнаты*" – у меня "*черт знает что*" (и – везет же мне!). Мой хозяин – милый, забитый человек, химик <...> жена – так называемая, Вера Георгиевна Анненкова, которую давно уже я окрестил Верой Горгоновной, – совершенно исключительный, феноменальный экземпляр: мегеры, ведьмы, "*вампира*", "*бесноватой*" <...> я с утра и до вечера слышу, как загрызается прислуга, муж, дочь и мать мегеры; – в результате: дома – болен, разбит, вырвана возможность продолжать роман, т.е. этим и подорвано материальное благосостояние» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 317). П.Н. Зайцев свидетельствует: «Стали осложняться отношения с хозяйкой квартиры на Бережковской набережной. Выяснилось, что человек она крайне нервный, даже истеричный. У нее происходили постоянные конфликты с дочерью. Эти ссоры доставляли много тяжелых минут Борису Николаевичу <...> Впоследствии в романе "Москва" эта хозяйка была выведена под именем М-м Эвихкайтен» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 53).

[1456] Белый прочел свои воспоминания о Брюсове 14 января 1925 г. у П.Н. Зайцева.

[1457] Белый выступил с лекцией «Пушкин и мы» в Гос. Академии Художественных Наук (ГАХН) 11 февраля 1925 г. по инициативе Гершензона. Машинопись стенограммы лекции сохранилась в архиве Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 1–24). Рукопись Белого «Пушкин: план лекции» опубликована Дж. Малмстадом (см.: *Malmstad John E.* Silver Threads among the Gold: Andrei Belyi's Pushkin // Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age / Ed. by Boris Gasparov, Robert P. Hughes, and Irina Paperno. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1992. P. 431–482).

[1458] Это выступление было приурочено к репетициям «Петербурга» в МХАТ-2, начавшимся 13 января 1925 г. (МХАТ Второй. Опыт восстановления биографии. С. 637).

[1459] М.О. Гершензон скоропостижно скончался в Москве 19 февраля 1925 г. в 5 часов утра. Об отношениях Белого с ним см.: Переписка Андрея Белого и М.О. Гершензона. С. 231–276. См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от начала марта 1925 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 311–313).

[1460] Белый закончил мемуарно-некрологическую статью «М.О. Гершензон» 25 февраля 1925 г. Она опубликована в журнале «Россия» (1925. № 5 (14). С. 243–258).

[1461] Статья Андрея Белого под заглавием «Россия» тогда в печати не появилась, текст ее нам неизвестен. Возможно, имеется в виду статья «Дневник писателя: Литература и недра быта» для журнала «Новая Россия» (1926. № 3. Стб. 79–82).

[1462] Имеется в виду знаменитая научно-популярная работа А.Э. Брема «Иллюстрированная жизнь животных. Всеобщая история животного царства» (Т. 1–6. СПб., 1866–1876). Неоднократно переиздавалась, напр.: Иллюстрированное издание «Жизнь животных» А.Э. Брема. В 10 т. СПб., 1893–1896. Немецкий оригинал: *Brehm Alfred Edmund*. Illustriertes Thierleben. 6 Bd. Hildburghausen, 1864–1869; 10 Bd. Leipzig, 1868–1878.

[1463] Белый и К.Н. Васильева жили в Кучине (поселок под Москвой, возле одноименной станции Нижегородской железной дороги, в 1920-е гг. – 1200 жителей) с 24 марта до апреля 1925 г. (с небольшими перерывами). В бывшем имении купеческой династии Рябушинских размещалась астрофизическая обсерватория Гос. астрономического института им. П.К. Штернберга, а также была открыта Гидрологическая станция (см.: *Сотникова Н.* Кучинский календарь Андрея Белого. В со-

бытиях, письмах, стихах и воспоминаниях. <Подольск>, 2010. С. 29). См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 27 сентября 1925 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 331). О том, как Белый и К.Н. Васильева провели первые дни в Кучине, см.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 67–68.

1464 Рудольф Штейнер скончался 30 марта 1925 г. в Дорнахе.

1465 Имеется в виду предварительный вариант развернутых «Воспоминаний о Штейнере», активная работа над которыми приходится на осень 1926 г.

1466 Пасха – 6/19 апреля 1925 г.

1467 Белый и К.Н. Васильева сняли верх дачи № 4 (ул. Пушкинская, 52) на лето 1925 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 331). Хозяин дачи – Иосиф Андреевич Левандовский (см.: *Сотникова Н.* Кучинский календарь Андрея Белого. С. 192). Дом сохранился до настоящего времени.

1468 Белый выехал из Москвы в Киев 2 мая, вернулся в столицу 11 мая.

1469 Обираловка (ныне – Железнодорожный) – ближайший к Кучину подмосковный город.

1470 В середине сентября 1925 г. Белый и К.Н. Васильева переехали с летней дачи Левандовского на дачу Шиповых № 7 (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 331). Они постоянно проживали там до начала апреля 1931 г. О даче см.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 68–71. Дом Шиповых сохранился до настоящего времени (Пушкинская ул., 48а – вблизи платформы Кучино). 12 января 1994 г. на нем была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме с 1925 по 1931 жил и работал русский писатель Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) 1880–1934». С ноября 2005 г. в доме Шиповых работает отдел краеведческого музея г. Железнодорожного, посвященный кучинскому периоду жизни и творчества Андрея Белого. См.: *Модестов Н.* В Кучино, к Белому… // Ленинское знамя. 1988. № 142, 24 июня; *Слепнева А.Н.* Ему здесь было хорошо // Городской вестник (г. Железнодорожный Московской обл.). 1992. № 1, 15 сентября; *Слепнева А.Н.* И в Кучине жил и писал // Там же. 1994. № 11, 2 декабря; *Голощапова З.* Кучинский остров Андрея Белого. М., 2005.

1471 «Таинственный остров» («L'île mystérieuse», 1875) – роман Ж. Верна.

1472 Роман «Москва» был закончен 24 сентября 1925 г. (*Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>*. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т. 27/28. М., 1937. С. 607). 27 сентября Белый писал Иванову-Разумнику: «Теперь – несколько все утряслось; “*Москва*” – за плечами (т.е. – первый том – 21–22 печатных листа)» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 331). «Московский чудак. Первая часть романа “Москва”» была выпущена в свет издательством «Круг» в середине июня 1926 г. (тиражом 4000 экз.); «Москва под ударом. Вторая часть романа “Москва”» – в том же издательстве в августе 1926 г. тем же тиражом.

1473 3 сентября 1925 г. после летнего отпуска возобновились репетиции «Петербурга»; о готовящейся постановке появилось несколько газетных сообщений (см.: *Иванова М.С.* Летопись жизни и творчества М.А. Чехова // *Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 2. С. 492–493).

1474 Этот курс лекций по истории культуры, по-видимому, послужил основой будущей книги Белого «История становления самосознающей души», к работе над которой Белый приступил в первой половине 1926 г.

1475 Книга стихов Андрея Белого «Пепел», переработанная в 1925 г. для издательства «Круг», одним из редакторов которого был А.К. Воронский, тогда в свет не вышла; в архиве Белого сохранился текст «Пепла» в редакции 1925 г. («Пепел. Избранные стихи 1904–1908 гг.» // РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 8). См. указатель содержания этой книги: *СП – 2*. С. 561–563.

1476 Пьесу Белого «Петербург» ставили в МХАТ-2 три режиссера – С.Г. Бирман, В.Н. Татаринов, А.И. Чебан.

1477 Первая генеральная репетиция пьесы «Петербург» прошла 6 ноября 1925 г., последующие – 8, 10 и 12 ноября (МХАТ Второй. Опыт восстановления биографии. С. 648), а премьера пьесы в МХАТ 2-ом состоялась 14 ноября. О своем впечатлении от первой генеральной репетиции Белый писал Иванову-Разумнику 6 марта 1926 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 341). О негативной реакции Белого на постановку свидетельствует П.Н. Зайцев (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 69–70). В письме к М.А. Чехову, написанном 14 ноября 1925 г., в ночь после премьеры, Белый дал, однако, достаточно высокую оценку постановке, противопоставляя свои впечатления на генеральной репетиции и на премьере (см.: *Козлова М.Г.* «Меня удивляет этот человек…» (Письма Андрея Белого к Михаилу Чехову) // Встречи с прошлым. Вып. 4. М., 1982. С. 233–234).

[1478] Этот дневник Белого, регулярно заполнявшийся на протяжении последующих лет, был изъят вместе с другими материалами его архива сотрудниками ОГПУ в ходе обыска 8 мая 1931 г. и после окончания следственного дела не возвращен владельцу. Отдельные цитаты из дневника фигурировали в докладе Секретно-политического отдела ОГПУ «Об антисоветской деятельности среди интеллигенции за 1931 год» (Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 1999. С. 162–163). Достоверными сведениями о судьбе дневника мы не располагаем.

[1479] Вероятно, имеются в виду статьи Карла Хайера (Heyer) «Alanus ab Insulis» (Das Goetheanum. 1925. № 32. S. 250–252) и «Über einige Werke Alanus' ab Insulis» (Das Goetheanum. 1925. № 35. S. 276–278), в которых философ, богослов, историк и поэт Аланус аб Инзулис (Алан Лилльский, именовавшийся «Doctor universalis»; ок. 1128–1202) анализируется как последний великий представитель Шартрской школы схоластики.

[1480] Имеется в виду кн.: *Gilson Étienne Henri.* La philosophie au Moyen-âge. Vol. 1: De Scot Érigène à S. Bonaventure; Vol. 2: De S. Thomas d'Aquin à Guillaume d'Occam. Paris: Payot, 1922.

[1481] Архангел Михаил осмысляется Белым в специфически антропософском символическом толковании: по Штейнеру, в последней трети XIX века начался новый период исторического развития, который может быть назван эпохой Архангела Михаила; хронологические границы этой эпохи – с 1879 г. примерно до 2300 г. (*Штейнер Р.* Наставления для эзотерического ученичества. Из содержания «Эзотерической школы». СПб., 1994. С. 178). В воспоминаниях «Жизнь и встречи» М.А. Чехов пишет: «Духовная наука (антропософия) под именем *Архангела Михаила* объединяет группу духовных существ, играющих важную роль в развитии мира и человека. Задача *Архангела Михаила* особенно значительна в нашу эпоху» (*Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. С. 176). См. также: Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штейнера В 2 т. / Сост. Г.А. Бондарев. Т. 2. М., 1999. С. 764–783.

[1482] См. выше, примеч. 608.

[1483] Имеется в виду кн.: *Hauréau Barthélemy.* Histoire de la philosophie scolastique. Vol. 1–2. Paris, 1872–1880.

[1484] Работа над исследованием «История становления самосознающей души» продолжалась на протяжении 1926 г., была возобновлена в 1931 г. По списку, хранящемуся в московском Музее-квартире Андрея Белого, вторая половина этого произведения напечатана в кн.: *Андрей Белый.* Душа самосознающая / Сост. и статья Э.И. Чистяковой. М., 1999. С. 61–476. Ранее фрагменты из него были опубликованы Джулией Крокенден (*Crookenden Julia.* The Chapter "Simvolizm" from Bely's "Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi" // *Andrey Bely.* Centenary Papers / By Boris Christa. Amsterdam, 1980. P. 39–51) и Дж. Коппером (*Андрей Белый.* Эпоха схоластики. 12 и 13 век. Роль мистики в двенадцатом веке // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 13–20; с его же предисловием «Мистик среди схоластов. Андрей Белый и средневековый мистицизм»). Авторские рукописи «Истории...» хранятся в архиве Белого в РГБ (Ф. 25, новые поступления), беловой авторизованный список текста (рукой К.Н. Бугаевой) – в Амхерсте, США (Amherst Center for Russian Culture). В пояснительной заметке к рукописи К.Н. Бугаева сообщает: «Эту работу Б.Н. начал – *для себя* – сперва в виде дневниковых записей. История и культура человечества взяты здесь как развитие одной темы: постепенный рост и раскрытие самосознания в человеке. Явления и факты истории, отдельные события в жизни народов, личности, выступавшие со своей деятельностью в различных областях человеческой жизни, – все это взято под углом основной точки зрения: вскрыть в истории (и в до-истории) сложный путь человечества, идущего от бес-сознания к самосознанию; показать, как то, что мы называем историей и культурой, есть ряд ступеней и этапов на этом пути». В письме к Иванову-Разумнику от 6 марта 1926 г. Белый сообщал, что книга – «аэропланный пробег над историей культуры пяти последних столетий» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 341). См. также письмо Белого к нему от первой декады августа 1926 г. (Там же. С. 353) и 1–3 марта 1927 г. (Там же. С. 508). См. также: *Бугаева.* С. 160; «Почему я стал символистом...» (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 483).

[1485] См.: *Карсавин Л.П.* Культура средних веков: Общий очерк. Пг.: Огни, 1918.

[1486] См. выше, примеч. 641, 608.

[1487] См.: *Арсеньев И.* От Карла Великого до реформации (Историческое исследование о важнейших реформационных движениях в западной церкви в течение восьми столетий). Т. 1–2. М., 1909–1910; Изд. 2-е, доп.: М., 1913.

[1488] См.: *Блонский П.П.* Философия Плотина. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918.

[1489] Имеется в виду кн.: *Ueberweg Friedrich.* Grundriss der Geschichte der Philosophie der patristischen und scholastischen Zeit. Berlin: Mittler, 1866.

[1490] См. выше, примеч. 1480.

[1491] Белый указывает имя, а не фамилию автора; имеется в виду кн.: *Picavet François Joseph.* Essais sur l'histoire générale et comparée des théologies et des philosophies médiévales. Paris: F. Alcan, 1913.

[1492] См. выше, примеч. 1483.

[1493] Имеется в виду кн.: *Heyer Karl.* Das Wunder von Chartres. Basel, 1926. Автор – видный деятель антропософского движения, участник строительства Гетеанума.

[1494] По-видимому, имеется в виду кн.: *Вертеловский А.* Западная средневековая мистика и отношение ее к католичеству. Историческое исследование. Вып. 1. Харьков, 1888.

[1495] Имеется в виду кн.: *Gauthier Léon.* Introduction à l'étude de la philosophie musulmane: l'esprit sémitique et l'esprit aryen, la philosophie grecque et la religion de l'Islâm. Paris: Ernest Leroux, 1923.

[1496] По-видимому, имеется в виду кн.: *Picavet F.* Gerbert: un pape philosophe d'après l'histoire et d'après la légende. Paris: Ernest Leroux, 1897.

[1497] См.: *Николаев Юрий* <Данзас Ю.Н.> В поисках за божеством: Очерки из истории гностицизма. СПб.: Новое время, 1913. Эта книга цитируется Белым в «Истории становления самосознающей души».

[1498] См.: Учебник всеобщей истории. Сост. П. Виноградов, проф. Моск. ун-та. Ч. 1. Древний мир. М., 1893; Ч. 2. Средние века. М., 1894; Ч. 3. Новое время. М., 1896.

[1499] Одной из целей поездки К.Н. Васильевой были контакты с деятелями Антропософского общества.

[1500] 1926-м г. датированы стихотворения Белого «Я – отстрадал; и – жив… Еще заморыш навий…», «Снег – в вычернь севшая, слезеющая мякоть…», «Сестре» («Не лепет лоз, не плеск воды печальный…»), «Из лона лет» («И муть…»). См.: *СП – 2.* С. 179–181, 183–184, 303–304.

[1501] Иванов-Разумник приехал в Москву 2 апреля 1926 г. (см.: *Белый – Иванов-Разумник.* С. 351–352).

[1502] Белый выехал в Ленинград 9 мая 1926 г. Попеременно жил в Ленинграде у С.Д. и С.Г. Спасских и в Детском Селе у Иванова-Разумника.

[1503] См.: *Вазари Дж.* Биографии живописцев, скульпторов и архитекторов. Т. 1–4. Лейпциг, 1864–1867. Первый полный перевод на русский: *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 1–2. М.; Л.: Academia, 1933. Итальянский оригинал: *Vasari Giorgio.* Vite dei piu eccelenti pittori, scultori ed architetti (1550, 1568).

[1504] Чтение Белым отрывков из романа «Москва» состоялось 6 июня 1926 г. в Союзе писателей (см.: *Селиванов Арк.* «Москва» Андрея Белого (Вечер в Союзе писателей) // Красная газета. Веч. вып. 1926, 7 июня). См. дневниковую запись Г.О. Куклина от 7 июня 1926 г. (Из дневников Г.О. Куклина. 1926–1928 гг. / Публ. М.Ю. Любимовой // Рукописные памятники. Вып. 1. Публикации и исследования. СПб., 1996. С. 172).

[1505] К.Н. Васильева прибыла в Ленинград из Германии.

[1506] См.: *Carton Raoul.* L'expérience mystique de l'illumination intérieure chez Roger Bacon. Paris, 1924.

[1507] См.: *Фаццари Г.* Краткая история математики с древнейших времен кончая средними веками. М., 1923. Перевод с итальянского: *Fazzari Gaetano.* Breve storia della matematica dui tempi antichi al medio evo. Milano; Palermo; Napoli, 1907.

[1508] См.: *Попов Г.Н.* Очерки по истории математики. Для учащихся, студентов рабфаков и любителей математики. М.; Пг., 1923; 2-е изд., доп. и испр.: М.; Л., 1925.

[1509] См. выше, примеч. 1489.

[1510] См.: *Faye Eugène de.* Gnostiques et gnosticisme: étude critique des documents du gnosticisme chrétien aux II-e et III-e siècles. Paris, 1913.

[1511] См. подробное описание этого несчастного случая (на трамвайной линии «А» у Чистых Прудов): *Бугаева.* С. 60–64. См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 29 августа 1926 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 357); письмо М.А. Чехова к Белому от 24 августа 1926 г. с выражением сочувствия (*Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. С. 320).

[1512] Врач-хирург И.Г. Руфанов работал в Хирургической клинике 1-го Московского гос. университета.

[1513] См.: *Васильев А.В.* Целое число. Исторический обзор. Пг., 1919; 2-е изд.: Пг., 1922.

[1514] Имеются в виду кн.: *Трубецкой С., кн.* Метафизика в Древней Греции. М., 1890; *Виндельбанд В.* История древней философии. СПб., 1893; много переизданий. Немецкий оригинал: *Windelband W.* Geschichte der alten Philosophie. Nördlingen: C.H. Beck, 1888. 27 сентября 1926 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Недавно потрясался поверхностностью "*Истории древней философии*" Виндельбанда; за 15 последних лет она – выдохлась в моем сознании» (*Белый–Иванов-Разумник.* С. 389).

[1515] См.: *Кэджори Ф.* История элементарной математики с указаниями на методы преподавания / Пер. с англ. под ред. И.Ю. Тимченко. Одесса, 1910; 2-е испр. и доп. изд.: 1917. Английский оригинал: *Cajori Florian.* A History of Elementary Mathematics, with Hints on Methods of Teaching. New York, 1896; много переизданий.

[1516] Имеется в виду кн.: *Розенбергер Ф.* Очерк истории физики с синхронистическими таблицами по математике, химии, описательным наукам и всеобщей истории. Ч. 1–3 / Пер. с нем. под ред. И.М. Сеченова. СПб., 1883–1894. Немецкий оригинал: *Rosenberger Ferd.* Die Geschichte der Physik in Grundzügen; mit synchronistischen Tabellen… Bd. 1–3. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn, 1882–1890. Белый изучал этот труд в студенческие годы (*На рубеже.* С. 383).

[1517] Об увлечении Белого собиранием и «изучением» осенних листьев, служивших ему первоосновой для медитативных, «тайнозрительных» и творческих опытов, см.: *Бугаева.* С. 183–190; письмо Белого к Иванову-Разумнику от 24–25 сентября 1926 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 366). В 1927 г. Белый писал: «…два уже года я – *спец* сухих листиков; мне изучение оттенков сказалось в огромнейшем сдвиге; она принесло столь же пользы, сколь некогда пристальное изучение полотен музейных <…> в отливе листов, при сложенье отборов, – раздвинута палитра; я убежден – вся история живописи, изучаемая в колорите, – часть палитры этой <…> везде осенями градация листьев, ярчайших, чудеснейших, глаз развивающих так, как его развивают Рембрандты и Врубели» (*Андрей Белый.* Ветер с Кавказа: Впечатления. М., 1928. С. 52–53).

[1518] Курс из 19 лекций о языковой образности и драматическом искусстве Р. Штейнер прочел в Дорнахе 5–23 сентября 1924 г. (*Lindenberg.* S. 601–602); запись курса, по всей вероятности, привезла из Германии К.Н. Васильева.

[1519] «Духовное водительство человека и человечества» – книга Р. Штейнера, основанная на лекционном курсе, прочитанном в Копенгагене в июне 1911 г.: «Die geistige Führung des Menschen und der Menschheit: Geisteswissenschaftliche Ergebnisse über die Menschheits-Entwickelung» (Berlin, 1911). См.: *Штайнер Р.* Духовное водительство человека и человечества: Духовнонаучное рассмотрение развития человечества. Калуга, 1992. См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 19 февраля 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 459–460).

[1520] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 24–29 сентября 1926 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 365–396).

[1521] Активная работа над «Воспоминаниями о Штейнере» приходится на осень 1926 г. В очерке «Почему я стал символистом…» Белый пишет: «…здесь, в Кучине, я записывал сырье моих воспоминаний о личности покойного Рудольфа Штейнера (жизнь не позволяет их доработать)» (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 483). См.: *Андрей Белый.* Воспоминания о Штейнере / Подгот. текста, предисл. и примеч. Ф. Козлика. Paris, 1982; *О Штейнере.*

[1522] Белый приступил к работе над инсценировкой романа «Москва» в ноябре 1926 г. См. письмо к Иванову-Разумнику от 28 ноября 1926 г (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 431). 25 декабря 1926 г. Белый сообщил Мейерхольду: «…у меня готова вполне "*Москва*" (драма)» (Из переписки

А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх / Публ., вступ. статья и коммент. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 138). Вторая (сценическая) редакция текста инсценировки опубликована отдельным изданием: *Андрей Белый*. Москва. Драма в пяти действиях / Предисл., коммент. и публ. Т. Николеску. М., 1997. В первой редакции (с делением на 5 действий и 17 картин) драма опубликована в журнале «Театр» (1990. № 1. С. 160–192. Публ. и подгот. текста Д. Торшилова) со вступительной статьей О. Фельдмана.

1523 28 ноября 1926 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Сейчас не могу оправиться от репетиции 3-х сцен “*Ревизора*”; сидел в театре 5½ часов» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 431). Свои восторженные впечатления от постановки «Ревизора» Гоголя в Гос. театре имени Мейерхольда (ГосТИМ), вынесенные с репетиций спектакля (Белый присутствовал на репетициях 6–8 декабря, генеральная – 7-го), Белый подробно изложил в письме к В.Э. Мейерхольду от 25 декабря 1926 г. (Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх. С. 136–138). Премьера «Ревизора» в постановке Мейерхольда состоялась 9 декабря 1926 г. Наиболее обстоятельное описание спектакля – в кн.: «Ревизор» в Театре имени Мейерхольда. Сб. статей А.А. Гвоздева, Э.И. Каплана, Я.А. Назаренко, А.Л. Слонимского и В.Н. Соловьева. Л.: Academia, 1927.

1524 См. примеч. 251 к *МБ*.

1525 2 января 1927 г. Белый сообщал Иванову-Разумнику: «Вчера читаю Коллинз “*Когда Солнце движется на север*” <...>» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 445). Имеется в виду книга М. Коллинз «Когда солнце движется на север» (см. примеч. 1581).

1526 Имеется в виду кн.: Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца / Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). СПб., 1903.

1527 Спектакль, который игрался по тексту, составленному из шести редакций «Ревизора» со вставками из «Игроков», драматических отрывков, «Невского проспекта» и «Мертвых душ», вызвал бурную дискуссию. Только в декабре 1926 г., сразу после премьеры 9 декабря, состоялось три диспута о постановке, и в периодической прессе появилось более тридцати статей и рецензий, большей частью отрицательных. 3 января 1927 г. Белый выступил с речью в защиту постановки в помещении ГосТИМа.

1528 См. примеч. 785 и 786 к *МБ*. Подразумевается фрагмент из «Воспоминаний о Штейнере» (глава 6, главки 21–36).

1529 Иванов-Разумник выехал в Москву вечером 18 января 1927 г. В письме к Ф. Сологубу от 9 января 1927 г. он уведомлял о своем предстоявшем отъезде в Москву: «Причины поездки: острый “безработный” кризис (авось Москва даст работу!), и – спешный вызов от Мейерхольда, которому буду читать “Историю одного города”» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 296). Иванов-Разумник подготовил инсценировку «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина для возможной постановки в ГосТИМе (он позднее переработал ее в соавторстве с Е.И. Замятиным). Постановка не состоялась.

1530 В письме к Белому от 28 декабря 1926 г. Мейерхольд предлагал ему встретиться для прочтения пьесы «Москва» после 6 января (*Мейерхольд В.Э.* Переписка. 1896–1939 / Сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М., 1976. С. 260).

1531 Письмо Белого к С.Г. и С.Д. Спасским от 8–14 января 1927 г. известно в рукописной копии (начало копии утрачено), сделанной К.Н. Бугаевой (Музей-квартира Андрея Белого, Москва). См.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 215–217, 226–227, 508.

1532 Было осуществлено несколько изданий: Дневник В. Пуришкевича. Вып. I–II. Киев, 1918; Убийство Распутина (Из дневника В. Пуришкевича). М., 1923; Дневник члена Гос. думы В.М. Пуришкевича. Рига, 1924.

1533 «Князь века сего» – дьявол: «князь, господствующий в воздухе» (Еф. 2:2), его слуги – «мироправители тьмы века сего» (Еф. 6:12).

1534 Подразумевается либо книга статей Андрея Белого под этим заглавием (М.: Альциона, 1910), либо открывающая ее одноименная статья (1905).

1535 Имеется в виду Б.А. Смирнов (взял в 1927 г. творческий псевдоним Смирнов-Русецкий). В 1926 г. он встречался с приехавшим в Россию Николаем Рерихом и с тех пор стал его страстным пропагандистом и последователем, участвовал в деятельности Общества друзей рериховского му-

зея. О влиянии на него идей и творчества Андрея Белого упоминается в кн.: *Смирнов-Русецкий Б.А.* Творческий путь. СПб., 1992.

1536 См. выше, примеч. 1525.

1537 Рукопись, имевшая отношение к биокосмистам – философам-утопистам и литераторам (А. Агиенко, А. Ярославский и др.), издававшим с 1922 г. журналы «Биокосмист», «Бессмертие». Возможно, эта рукопись была передана Белому Б.А. Смирновым-Русецким, входившим в группу художников-космистов «Амаравелла». В 1927 г. был написан манифест группы.

1538 Имеется в виду «Лествица» – руководство к нравственному самосовершенствованию, написанное преподобным Иоанном Лествичником в VI веке. См.: Лествица Иоанна, игумена Синайской горы. М., 1862; 6-е изд.: М., 1901.

1539 Имеется в виду заключение договорных условий с московским кооперативным издательством «Никитинские субботники», возглавляемым Е.Ф. Никитиной. Издательство выпустило в свет второе издание романа «Москва» (в двух частях: «Московский чудак» и «Москва под ударом») в первой половине марта 1927 г. См.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 76–78; *Фельдман Д.М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1998. С. 139.

1540 Имеется в виду бывшее имение заводчика-миллионера П.М. Рябушинского в Кучине.

1541 Текст выступления Белого с анализом постановки «Ревизора» лег в основу его статьи «Гоголь и Мейерхольд», открывающей одноименный сборник «литературно-исследовательской ассоциации Ц.Д.Р.П.» под ред. Е.Ф. Никитиной (Гоголь и Мейерхольд. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 9–38). Позднее Белый писал о спектакле в исследовании «Мастерство Гоголя» (М.; Л., 1934. С. 314–320). См.: *Романова Г.А.* «Ревизор» Н.В. Гоголя в спектакле Вс. Мейерхольда и в критическом освещении А. Белого // XXX Герценовские чтения. Литературоведение. Л., 1977. С. 44–47; *Николеску Т.* Андрей Белый и театр. М., 1995. С. 128–136.

1542 Содержание выступлений оппонентов отражено в стенограмме прений, приложенной к протоколу заседания «Никитинских субботников»; извлечения из нее приводит Д.М. Фельдман в послесловии к воспоминаниям П.Н. Зайцева «Андрей Белый и “Никитинские субботники”» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 128–130).

1543 Белый был в этот день на генеральной репетиции драмы «Дело» А.В. Сухово-Кобылина, с М.А. Чеховым в роли Муромского, в МХАТ-2. Премьера состоялась 8 февраля (постановка Б.М. Сушкевича). См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 19 февраля 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 450).

1544 В письме к Иванову-Разумнику от 18–22 февраля 1927 г. Белый сообщает: «Мои труды суть <…> 5) наконец – необходимая работа, к которой я себя тащу, схватывая себя за ослиные уши <…> протащенный за уши, оставляет несколько следов в тетрадке “Материал второго тома «Москвы»”. Знаю: еще месяца полтора “Москва” будет нудиться <…>» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 449). Вновь к работе над продолжением «Москвы» Белый вернулся только в сентябре 1928 г.

1545 Слова Христа: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь» (Ин. 15:1). См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 18–22 февраля 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 456).

1546 18–22 февраля 1927 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Живу, как сказал, самыми неожиданными темами: например, темой – *атома*» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 449; см. развитие этой темы: С. 451–454).

1547 Подразумевается книга Р. Штейнера «Как достигнуть познания высших миров». См. выше, примеч. 731.

1548 По-видимому, имеется в виду реакция М.А. Чехова на второе расширенное совещание московских театральных деятелей под председательством А.В. Луначарского, состоявшееся 14 февраля, на котором обсуждалась проблема современного репертуара. См.: О театральной политике (Совещание в Наркомпросе) // Новый зритель. 1927. № 8, 22 февраля. С. 15; На совещании театральных деятелей // Вечерняя Москва. 1927. № 37, 15 февраля. С. 3.

1549 Подразумеваются «Воспоминания о Штейнере».

[1550] Имеется в виду Я.Э. Голосовкер.

[1551] См. письмо от 18–22 февраля 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 447–471).

[1552] Белый рассказал об этом чтении в письмах к Иванову-Разумнику 22 февраля 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 467).

[1553] Роман Белого «Крещеный китаец» был подготовлен к печати в издательстве «Никитинские субботники».

[1554] Имеется в виду кн.: Новые идеи в физике. Сб. 1. Строение вещества. 3-е испр. изд. СПб., 1914. В ней помещены статьи: «Броуновское движение и молекулы» Ж. Перрена (С. 1–49), «Современное состояние атомической теории в физике» Э. Ротсерфорда (С. 50–77), «Возникновение электронной теории вещества» И. Боргмана (С. 78–109), «Распределение корпёслей в атоме» сэра Дж. Дж. Томсона (С. 110–132). См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 18–22 февраля 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 470).

[1555] Видимо, имеется в виду доклад «Радио, наука, техника и общество» (включающий раздел «Торжество диалектического материализма»), прочитанный Л.Д. Троцким на открытии первого Всесоюзного съезда Общества Друзей Радио 1 марта 1926 г. и опубликованный в журнале «Красная новь» (1927. Кн. 2. С. 131–143).

[1556] Видимо, имеется в виду «Материал к биографии» (С. 29–266 наст. изд.).

[1557] Имеется в виду кн.: *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. М., 1926.

[1558] Имеется в виду контракт на постановку пьесы «Москва». Е.А. Беляев был директором-распорядителем ГосТИМа в 1926–1927 гг.

[1559] Текст этого письма нам неизвестен.

[1560] Имеется в виду издание: *Томсон Дж. Дж.* Корпускулярная теория вещества / Пер. с англ. И. Левинтова. <Одесса>, 1910. В письме к Д.М. Пинесу от 6 апреля 1927 г. Белый сообщал: «...за март месяц я прочел: "Корпускулярную теорию вещества" Томсона <...>» (Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 90).

[1561] Имеется в виду «автобиографическое» письмо Белого к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 481–509), написанное в ответ на просьбу рассказать «об этапах своего творчества» (Там же. С. 478).

[1562] 1 марта 1927 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Послезавтра является в Кучино отъезжающий в Ленинград Макридин; и берет мой "*деловой*" ответ» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 481). Н.В. Макридин, инженер путей сообщения и поэт, отвез «письмище» Иванову-Разумнику (см. о Макридине в примечаниях М.В. Безродного и Р.Д. Тименчика к публикации воспоминаний Г.А. Тотса (Литературное обозрение. 1988. № 11. С. 112), а также статью о нем М.Д. Эльзона в кн.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 2. Российская Публичная библиотека – Гос. Публичная библиотека в Ленинграде. 1918–1930. СПб., 1999. С. 419–420).

[1563] Вероятно, имеется в виду сборник «Новые идеи в химии» (Сб. 1. СПб., 1912), посвященный памяти Якоба Генриха Вант-Гоффа и включавший статьи: «Jacobus Henricus Van't-Hoff. 1852–1911» В. Яковлева (С. 1–8), «Вант-Гофф и судьбы стереохимии» Л.А. Чугаева (С. 9–32), «О значении работ Вант-Гоффа для минералогии и геологии» Ф.Ю. Левинсон-Лессинга (С. 33–44), «Осмотическое давление по работам Вант-Гоффа» В.А. Кистяковского (С. 45–61).

[1564] В том же сборнике помещена затрагивающая указанную тему статья Л.А. Чугаева «Структурно- и стереохимические представления в области неорганической химии» (С. 106–158). Возможно также, что имеется в виду кн.: *Чугаев Л.А.* Природа и происхождение химических элементов в связи с новейшими исследованиями о распаде атома и об изотопии. Пг., 1923.

[1565] Имеются в виду три доклада Германа фон Бараваллея (von Baravalle) под общим заглавием «Основные проблемы физики в свете антропософского познания» («Grundprobleme der Physik im Lichte der anthroposophischen Erkentniss», 1920), прочитанные в Дорнахе и напечатанные в кн.: Aenigmatisches aus Kunst und Wissenschaft. Stuttgart, 1922.

[1566] Имеется в виду кн.: *Иоффе А.Ф.* Лекции по молекулярной физике. Пг., 1919; 2-е совершенно перераб. изд.: Пг., 1923.

[1567] См.: *Чапыгин А.* Разин Степан. Роман исторический. Т. 1–3. М.: Круг, 1926–1927.

1568 Имеется в виду: *Kolisko Eugen.* Hypöthesenfreie Chemie im Sinne der Geisteswissenschaft – доклад, прочитанный 4–6 октября в рамках «Антропософского курса высшей школы» в Дорнахе (26 сентября – 16 октября 1920 г.); опубликован: Anthroposophische Hochschulkurse. Bd. I/II. Aenigmatisches aus Kunst und Wissenschaft. Stuttgart: Der kommende Tag, 1922.

1569 Имеется в виду: *Vreede Elisabeth.* Die Berechtigung der Mathematik in der Astronomie und ihre Grenzen – доклад, прочитанный 13–14 октября 1920 г. на том же семинаре; опубликован там же.

1570 Имеется в виду: *Blümel Ernst.* Hauptprobleme der Mathematik in ihrer Beziehung zur Philosophie, Physik und Anthroposophie – доклад, прочитанный 4– 6 октября 1920 г. на том же семинаре; опубликован там же.

1571 См.: *Перрен Ж.* Атомы / Пер. с франц. И.А. Соколова. С предисл. автора к рус. изд. М., 1924. Французский оригинал: *Perrin Jean.* Les Atomes. Paris, 1913.

1572 Имеется в виду: *Stein Walter Johannes.* «Vorstellung», «Begriff» und «Urteil» in der Lehre Rudolf Steiners – доклад, прочитанный 30 сентября – 2 октября в рамках того же «Антропософского курса высшей школы» в Дорнахе (26 сентября – 16 октября 1920 г.); опубликован вместе с докладами других участников семинара (См. выше, примеч. 1568, 1569, 1570).

1573 См.: *Пуанкаре Л.* Эволюция современной физики. СПб., 1910. Перевод книги: *Poincaré Lucien.* La physique moderne, son évolution. Paris, 1906.

1574 См.: *Френкель Я.И.* Строение материи. Ч. 1–2. Пг., 1922–1924.

1575 См.: *Крамерс Г.А., Гольст Х.* Строение атома и теория Бора. Общедоступное изложение. С предисловием сэра Эрнеста Разерфорда. Пер. с англ. под ред. С.И. Вавилова. М.; Л., 1926. Перевод книги: *Kramers H.A., Holst Helge.* The Atom and the Bohr Theory of its Structure: an Elementary Presentation / With a Foreward by Sir Ernest Rutherford. London, 1923. 6 апреля 1926 г. Белый писал Д.М. Пинесу: «…за март месяц я прочел <…> ряд популярных книжек (между прочим о теории Бора, теории квант <…> и ряд статей специальных по физике и химии; мне надо было до отъезда в Батум разрешить один вопрос в связи с строением вещества <…> могу сказать: теперь разобрался» (Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 90).

1576 М.П. Михин жил летом 1927 г. на даче в Чакве, близ Батума. См.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 387.

1577 Имеется в виду издание: *Михельсон В.А.* Физика. Лекции, читанные студентам Моск. с.-х. ин-та. Вып. 1–2. М., 1913–1914; 1-е полн. изд. в 2-х т.: Т. 1: Механика и теплота. Т. 2: Свет и электричество. М., 1922; 2-е, пересмотренное и испр. изд. в 2-х т.: М.; Пг., 1923–1926. См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 6 апреля 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 514–515).

1578 Видимо, имеются в виду сохранившиеся в архиве издательства «Никитинские субботники» рукописи Андрея Белого «К биографии» (март 1927 г.), «Список произведений», «К "Указателю" критической литературы обо мне» (РГБ. Ф. 198. Карт. 6. Ед. хр. 5). Последняя рукопись была ранее опубликована (*Андрей Белый: pro et contra.* С. 30–38). См. с.20–27, 779–791.

1579 См.: *Андрей Белый.* Крещеный китаец. Роман. М.: Никитинские субботники, 1927; тираж 5000 экз. См. также письмо Белого к Е.Ф. Никитиной от 29 марта 1927 г. с выражением благодарности за издание «Москвы» и «Крещеного китайца» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 130–131. Публ. Д.М. Фельдмана).

1580 Имеется в виду публикация открытого письма актера МХАТ 2-го М.П. Чупрова «Настало время» 22 марта 1927 г. в «Новом зрителе» (№ 12) с обвинениями М.А. Чехова в том, что он якобы окружил себя «прихлебателями». Этот выпад обострил конфликт в театре и вызвал ряд публичных разбирательств. См.: *Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 2. С. 506–508.

1581 См. главы IX–XI («Апрель», «Страстная Пятница», «Светлое Воскресение») в книге М. Коллинз: Когда солнце движется на север: Объяснение шести священных месяцев / Пер. М. Депп. М.: Духовное знание, 1914. См. современное издание: М., 1997. С. 153–194.

1582 Имеется в виду открытое письмо М.П. Чупрова (см. выше, примеч. 1580).

1583 В апреле 1902 г. вышла в свет первая книга Андрея Белого «Симфония (2-я, драматическая)», изданная «Скорпионом». В очерке «Почему я стал символистом…» Белый писал: «…в день 25-летия со дня выхода первой книги (в 27-м году) несколько друзей боялись собраться, чтобы собрание не носило оттенка общественного, ибо в месте "*общественность*" и "*Андрей Белый*"

стоял только безвестный могильный крест» (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 483). Все перечисленные лица (В.М. Моисеев, Л.И. Красильщик (по мужу Трапезникова), А.С. Петровский, Е.Н. Кезельман, Г.С. Киреевская, Д.Н. Часовитина, В.Н. Татаринов) – члены Антропософского общества. Среди гостей присутствовал и П.Н. Зайцев. 13 апреля 1927 г. Белый писал ему: «Позвольте мне еще раз <…> благодарить Вас за от сердца исшедшие слова Ваши, когда Вы, 7 апреля, помянули меня своим добрым словом» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 384). Подробно см.: *Лавров А.В.* Несостоявшийся юбилей Андрея Белого // *Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 266–278; *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 79.

1584 8 апреля 1927 г. Белый и К.Н. Васильева выехали в Грузию – в Цихис-Дзири, прибрежный курорт в 16 км от Батума, с дачными участками на гористой местности с крутыми склонами. Они прибыли туда, как свидетельствует в дневнике К.Н. Васильева, 12 апреля 1927 г. (*Лица 7.* С. 197). Поселились они на даче, принадлежавшей Д.И. Ростовцеву (в прошлом гвардии полковнику), младшему брату историка и археолога академика М.И. Ростовцева.

1585 Видимо, подразумевается книга Р. Штейнера «Мистика на заре духовной жизни нового времени и ее отношение к современным мировоззрениям» («Die Mystik im Aufgange des neuzeitlichen Geisteslebens und ihr Verhältnis zur modernen Weltanschauung», 1901).

1586 Имеется в виду М.Я. фон Сиверс (Штейнер).

1587 Лидия Павловна Сильникова. См. письма Белого к Иванову-Разумнику от 7 апреля 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 518) и к П.Н. Зайцеву от 13 апреля (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 386).

1588 7 июня 1927 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «И тем сиротливей нам было с К.Н. в пасхальные дни: на сердце заботы; за окнами угрюмый свинец <…> веяло нам с К.Н. грустью, заботами» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 517).

1589 Намерение переехать в Новый Афон – курортный город на побережье Черного моря в Абхазии в 18 км от Сухуми.

1590 Видимо, известие о репрессиях в кругу ленинградских антропософов (21–22 апреля 1927 г.) — обыске у Е.И. Васильевой и ее аресте и аресте Б.А. Лемана.

1591 Какое издание подразумевается здесь, неясно.

1592 Р.В. Иванов-Разумник.

1593 См. дневниковую запись К.Н. Васильевой за этот день: *Лица 7.* С. 202.

1594 См. дневниковую запись К.Н. Васильевой за этот день: *Лица 7.* С. 203. Театр имени Мейерхольда гастролировал в Тифлисе в мае 1927 г. в рамках большого турне по южным городам.

1595 16 мая 1927 г. К.Н. Васильева отметила в дневнике: «Б.Н. записывал в дневник. Тема аргонавтов» (*Лица 7.* С. 203). См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 7 июня 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 517); *Лица 7.* С. 210–211.

1596 Белый и К.Н. Васильева выехали в Тифлис в 8 часов вечера 18 мая и прибыли туда утром 19-го (*Лица 7.* С. 204).

1597 См.: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 34–35, 68.

1598 Гастрольный спектакль ГосТИМа. См. выше, примеч. 1523, 1527.

1599 См. подробное изложение беседы Белого с Мейерхольдом о проекте постановки драмы «Москва» (*Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 77–78), а также сведения об этом проекте в письме Белого к П.Н. Зайцеву от 9 июня 1927 г. (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 388–389) и в дневнике К.Н. Васильевой (*Лица 7.* С. 206). Режиссерский замысел Мейерхольда побудил Белого к созданию сценического варианта текста пьесы с подробно разработанными схемами организации сценического пространства (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 3. Ед. хр. 3). См. также: *Фельдман О.* «Эта его мечта не осуществилась» // Театр. 1990. № 1. С. 161; там же (С. 162) – схематический план постановки «Москвы», предложенный Мейерхольдом. Макеты постановки «Москвы», выполненные Мейерхольдом и Белым, приводятся в книге Т. Николеску «Андрей Белый и театр» (С. 158–159).

1600 Пьеса А.Н. Островского «Лес» в Театре имени Мейерхольда (премьера – 19 января 1924 г.; композиция текста и постановка В.Э. Мейерхольда). 9 июня 1927 г. Белый писал П.Н. Зайцеву: «Был <…> на "*Лесе*"; стыдно сказать: в первый раз. Мы с К<лавдией> Н<иколаевной> были "*Лесом*" потрясены совершенно» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 389).

[1601] См. письмо Белого к Мейерхольду от 9 или 10 июня 1927 г. (Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх. С. 149).

[1602] ЗАГЭС – Земо-Авчальская гидроэлектростанция на реке Куре близ Мцхета; построена в 1923–1938 гг. по плану ГОЭЛРО.

[1603] Московский театральный администратор А.М. Эскин занимался организацией лекций (в частности, лекций А.В. Луначарского) и театральных гастролей, в том числе – организацией гастролей ГосТИМа в Тифлисе.

[1604] См.: *Лица 7*. С. 209. О взаимоотношениях Белого и Т. Табидзе см.: *Табидзе Т.* Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1962. С. 238–242; *Цурикова Г.М.* Тициан Табидзе. Л., 1971. С. 181–194; Андрей Белый и поэты группы «Голубые роги»: Новые материалы / Публ. и примеч. П. Нерлера // Вопросы литературы. 1988. № 4. С. 276–279; *Табидзе Н.* Радуга на рассвете: Воспоминания. Тбилиси, 1992. С. 75–117. Белый и К.Н. Васильева выехали из Тифлиса поездом в 4 часа дня. К.Н. Васильева подробно описывает впечатления от пейзажа в дневниковой записи от 24 мая (*Лица 7*. С. 209–211). См. также: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 113–131.

[1605] Бывший дворец великих князей в Боржоме.

[1606] Л.П. Сильникова и неустановленные лица.

[1607] А.А. Алексеева, мать К.Н. Васильевой.

[1608] Праздник Вознесения (39-й день по пасхе, четверг).

[1609] Подразумевается приостановка дипломатических отношений между Советским Союзом и Британской империей (на основании данных о военном шпионаже и разрушительной деятельности СССР) и ликвидация в Англии всех экономических организаций СССР (конец мая 1927 г.). 2 июня был опубликован доклад А.И. Рыкова «Англия и СССР», полный нападок на английские правящие круги («консервативный кабинет твердолобых – генеральный штаб всей международной реакции» и т.п.).

[1610] Е.Н. Кезельман. См. письмо Белого к П.Н. Зайцеву от 9 июня 1927 г. (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 388–390).

[1611] Встреча с П. Яшвили отражена в дневниковых записях К.Н. Васильевой от 10 и 11 июня 1927 г. (*Лица 7*. С. 216–217). См. также: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 144–147.

[1612] Об изучении Белым ритмики и построении ритмической «кривой» поэм Пушкина («Полтава», «Медный всадник») в это время см.: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 147; *Лица 7*. С. 218–219 (записи К.Н. Васильевой от 18 и 23 июня). В результате этих исчислений Белый написал исследование «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (М., 1929).

[1613] Стихотворения Пушкина «Буря» («Ты видел деву на скале...», 1825) и «Телега жизни» (1823).

[1614] Об этой встрече см. дневниковую запись К.Н. Васильевой от 24 июня 1927 г. (*Лица 7*. С. 219–220).

[1615] Зарун Карапетовна Мутафова – хозяйка квартиры в Тифлисе, в которой Белый и К.Н. Васильева останавливались в 1927 и 1928 гг. О ней см.: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 67–68.

[1616] Изложение лекции «Читатель и писатель» по конспекту Белого см. в обзорной статье: *Анчугова Т.В.* Выступления Андрея Белого в конце 20-х – начале 30-х годов // *Проблемы творчества.* С. 670–671. Лекции, прочитанные Белым в зале Консерватории, были организованы Всегрузинским Союзом Писателей; объявление о них появилось в тифлисской газете «Заря Востока» 26 июня 1927 г. (№ 1512).

[1617] См. записи К.Н. Васильевой за этот день: *Лица 7*. С. 221.

[1618] Ср.: «Тифлисско-коджорская дорога близ посада разделяется на 2 ветви: одна идет по верхней линии Коджор на Манглис <...>. После крутого подъема из Тифлиса и Коджоры, дорога далее к “Белому духану” представляет крутой спуск <...> На первой от Коджор стоянке “Белый духан” имеется несколько духанов, в которых всегда можно найти традиционный шашлык, и кахетинское вино» (Тифлис и его окрестности. Иллюстрированный карманный путеводитель, справочная и адресная книжка. Тифлис: Тифлисский журнал, 1913).

[1619] Ср.: «В кафе неожиданно встретили Шкловского. Он рассказал, что в Крыму было сильнейшее землетрясение» (*Лица 7.* С. 221). См. также: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 182. Землетрясение в Крыму произошло 26 июня.

[1620] См. подробное изложение аргументации, использованной в лекции «Личность и поэзия Блока», в кн.: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 183–188. См. также: *Лица 7.* С. 221–222; письмо Белого к Иванову-Разумнику от 19–21 августа 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 528). Сохранились конспективные записи Белого, относящиеся к этой лекции (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 91); см.: *Андрей Белый.* Конспект введения к лекции «Блок» (Тифлис <19>27 г.) / Вступ. и публ. Н.В. Котрелева // Наше наследие. 2005. № 75/76. С. 103–111. Резкий отзыв Шкловского о тифлисской «капитулянтской» лекции Белого о Блоке приведен в кн.: *Шкловский В.* Гамбургский счет: Статьи, воспоминания, эссе. 1914–1933. М., 1990. С. 511–512 (коммент. А.Ю. Галушкина).

[1621] Ср. запись К.Н. Васильевой от 2 июля 1927 г.: «Сегодня вечером был доклад Б.Н. во Дворце Искусств <…> о ритмическом жесте с разбором “Медного Всадника”. Доклад прошел с большим подъемом. Слушатели были захвачены. Многие живо откликнулись и выражали желание <…> работать в кружках по ритму» (*Лица 7.* С. 222).

[1622] В переезде из Тифлиса во Владикавказ Белого и К.Н. Васильеву сопровождали Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Павле Ингороква, Алексей Арсенишвили, Георгий Леонидзе, Колау Надирадзе, Валериан Гаприндашвили и др. См. письма Белого к Иванову-Разумнику от 6 июля и 19–21 августа 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 522, 530–531); письмо Белого к П.Н. Зайцеву от 11 июля 1927 г. (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 392–393); *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 199–233.

[1623] Подразумевается «виденье Казбека» – подобие лица, возникшее благодаря игре теней в горном пейзаже (см.: *Лица 7.* С. 237).

[1624] Шат (Шат-гора) – Эльбрус, высочайшая вершина Кавказского хребта.

[1625] О лекции М.П. Преображенской на экскурсионной базе о ее восхождении на Казбек см.: *Лица 7.* С. 225–226. М.П. Преображенская совершила 9 восхождений на Казбек (с 1900 по 1920 гг.). Считается, что ее последнее восхождение в 1920 г. стало началом советского альпинизма. В 1920-е гг. она занималась научной работой (во Владикавказе, в Горском педагогическом институте и в музее Северо-Кавказского Института краеведения) и активной лекционной деятельностью, пропагандируя альпинизм и делясь своими воспоминаниями.

[1626] Сиони – Коби, село в Казбегском районе Грузии.

[1627] См. главу 11 («“Мысли о России”: волжские впечатления 1927 года») книги М. Спивак «Андрей Белый – мистик и советский писатель» (С. 335–353). Путешествие по Волге на пароходе «Чайковский» подробно описано в дневнике К.Н. Васильевой (*Лица 7.* С. 231–234, 238–241).

[1628] Имеется в виду В.Ф. Ходасевич; его вторая жена А.И. Ходасевич – урожд. Чулкова, сестра Г.И. Чулкова. Ходасевич оставил ее, когда связал свою судьбу с Н.Н. Берберовой, с которой уехал в Европу летом 1922 г. Последние письма Ходасевича к А.И. Ходасевич относятся к 1925 г. (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 49).

[1629] Е.Н. Кезельман.

[1630] См. выше, примеч. 1599. См. также письма Белого к Мейерхольду от 22 августа 1927 г. (Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх. С. 151–153) и к Иванову-Разумнику от 19–21 августа 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 527).

[1631] Анна Михайловна Красновская.

[1632] Горенки – подмосковное село и усадьба, неподалеку от Кучина.

[1633] П.Н. Васильев.

[1634] Имеется в виду издание: *Пруст М.* В сторону Свана. В 3 кн. / Пер. под ред. Б.А. Грифцова и А.А. Франковского. Л.: Academia, 1927.

[1635] См.: *Федин К.* Города и годы. Роман. Л., 1924.

[1636] Возможно, подразумевается один из эпизодов проводившейся летом 1927 г. кампании по отстранению А.К. Воронского от руководства журналом «Красная новь» и утверждению новой

редколлегии журнала (см.: *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский. В поисках живой воды. М., 2001. С. 174–180).

[1637] Праздник Преображения (Второй спас) – 6/19 августа.

[1638] Имеются в виду книги: *Брюсов В.* Дневники. 1891–1910. М., 1927; О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника Генриха Штадена / Пер. и вступ. статья И.И. Полосина. М., 1925.

[1639] См. разъяснения Белого в письме к Иванову-Разумнику от 19–21 августа 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 525–526).

[1640] Д.Н. Часовитина.

[1641] Е.А. Фельдштейн.

[1642] Подразумевается Антропософское общество.

[1643] См. выше, примеч. 1517.

[1644] Имеется в виду арестованные Д.И. Ростовцев и брат его жены О.А. Ростовцевой. См. выше, запись за 23 июня 1927 г. (С. 500 наст. изд.).

[1645] Либо жена В.Я. Брюсова И.М. Брюсова, либо его сестра Н.Я. Брюсова.

[1646] Имеется в виду кн.: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. Вып. 1–4. М., 1926–1927.

[1647] Постановка «Гамлета» В. Шекспира в МХАТ-2 (режиссеры В.С. Смышляев, В.Н. Татаринов, А.И. Чебан) с М.А. Чеховым в главной роли (премьера 20 ноября 1924 г.). 3 октября 1927 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «В театре – нечто "*заснувшее после службы*", за исключением "*дам*", душащих своими обнаженными "*мясáми*" и справа, и слева (впечатление от публики МХАТ'а II-го, где был на "*Гамлете*", – не произведшем, к величайшему удивлению и огорчению, "*никакого впечатления*": что случилось? <...>» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 539).

[1648] Подразумевается: со второго, необогреваемого, этажа дома Шиповых на первый.

[1649] Сильное землетрясение, причинившее большой ущерб Южному берегу Крыма, произошло в ночь на 11 сентября 1927 г.

[1650] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 30 сентября – 3 октября 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 538–539).

[1651] Ариман (Ахриман, верховное божество зла в иранской мифологии) в антропософии обозначает духовную сущность, инспирирующую в человеке материалистические представления, начала разложения и хаоса.

[1652] 3 октября 1927 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «"*Глаза*" и душа мои отворачиваются даже от спутника дней моих: от "*Дневника*"; и тут – молчишь, стиснув губы. Единственное деяние этой осени – "*немой венок сонетов*", который К.Н. назвала сборником "*Золотой Кошки*"; но это – сонеты, сплетенные из... земляничных листиков; да, но и над ними же я… потерял глаза: "*проглядел*" в буквальном смысле» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 539).

[1653] Имеется в виду письмо к Иванову-Разумнику от 30 сентября – 3 октября 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 536–541).

[1654] Встреча В.Э. Мейерхольда и А. Барбюса была связана, вероятно, с намерением последнего передать свою пьесу «Иисус против Бога» (1926–1927; впервые опубликована в русском переводе М. Вахтеровой: *Барбюс А.* Иисус против Бога. Мистерия с музыкой и кинофильмом. М., 1971) для постановки в ГосТИМе. По-видимому, Андрею Белому было предложено с этой целью перевести пьесу на русский язык. 7 октября 1927 г. Мейерхольд писал Белому: «М.М. Коренев объяснил мне, почему Вы отказались переводить. Отлично все сразу себе уяснил» (*Мейерхольд В.Э.* Переписка. С. 269). В письме к Мейерхольду от 27 ноября 1927 г. Барбюс сообщал, что перевод пьесы обеспечит Луначарский, однако этого не случилось и задуманная постановка не состоялась (см.: Там же. С. 270–271, 417).

[1655] См. выше, примеч. 1652.

[1656] Имеется в виду рукопись будущей книги: *Спасский С.* Неудачники. Повесть. М., 1929. Впечатления от нее изложены в письме Белого к Иванову-Разумнику от 27 октября 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 544).

[1657] Имеется в виду «Линия жизни» – крупномасштабное графическое панно, выполненное цветными карандашами: автобиографические сведения, представленные Белым в виде грандиоз-

ной детализированной схемы. См.: *Андрей Белый.* Линия жизни / Сост. И.Б. Делекторская, Е.В. Наседкина, М.Л. Спивак. М., 2010.

1658 Московское издательство «Скорпион», выпускавшее с 1900 по 1916 г. литературу символистского направления, в том числе книги Белого, и журнал «Весы». Руководитель – С.А. Поляков.

1659 Знаменитая строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «Silentium!» (начало 1830-х гг.).

1660 Эгон Петри выступал в Большом зале Консерватории; в программе – 12 этюдов Ф. Листа, 6 этюдов Н. Паганини в фортепьянном переложении Листа. См.: *С.Б.* Эгон Петри // Современный театр. 1927. № 7, 18 октября. С. 102.

1661 Имеется в виду кн.: *Шкловский В.* О теории прозы. М., 1925.

1662 Белый включил «Кривую ненормальностей природы от 1-го сент<ября> 26 года до 1-го окт<ября> 27 года» в письмо к Иванову-Разумнику от 3 октября 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 541).

1663 Подразумевается М.А. Волошин.

1664 Имеется в виду письмо от 23 октября 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 543–551).

1665 Выступление Белого с докладом о ритмике «Медного всадника» и последовавший инцидент между Белым и С.В. Шуваловым описаны П.Н. Зайцевым, приведшим также по копии объяснительное письмо Белого Шувалову от 29 октября 1927 г. (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 88–90, 619–620).

1666 Росфила – «Российская филармония», концертное акционерное общество, занимавшееся устройством концертов, оперных постановок, лекций и пр. (председатель правления и директор-распорядитель – Б.Б. Красин).

1667 Имеется в виду кн.: *Никитина Е.Ф., Шувалов С.В.* Поэтическое искусство Блока. М.: Никитинские субботники, 1926.

1668 Имеется в виду исследование Белого «Ритм как диалектика и “Медный всадник”», написанное за два месяца (ноябрь–декабрь) в 1927 г. и первоначально предназначавшееся для публикации в издательстве «Никитинские субботники».

1669 Имеются в виду книги Б.В. Томашевского «Русское стихосложение. Метрика» (Пг., 1923) и «Теория литературы. Поэтика» (Л., 1925). Белый цитирует их в исследовании «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (М., 1929. С. 51, 53, 55 и 261). См. также письмо Белого к Иванову-Разумнику от 25 декабря 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 556).

1670 Имеется в виду «Трактат о русском стихе» Г.А. Шенгели (см. выше, примеч. 1407). Белый цитирует его в книге «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (С. 75, 79, 98 и 249).

1671 Н.Е. Шипов, домохозяин Белого в Кучине.

1672 «Старик» – возможно, Н.Е. Шипов.

1673 В письме к Иванову-Разумнику от 7–10 февраля 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 566–567) Белый цитирует «Слово 4. О терпении и рассудительности» Макария по изданию: Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послание и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. Изд. 4-е. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904.

1674 10 октября 1927 г. Мейерхольд писал Белому: «Школа наша (Государственные экспериментальные театральные мастерские) поручила мне обратиться к Вам с просьбой начать с ноября курс слова» (*Мейерхольд В.Э.* Переписка. С. 270). В течение декабря 1927 г. – января 1928 г. Белый читал студентам Гэктемаса в ГосТИМе лекции курса «О слове» («Слово как средство изобразительности», «Слово как орган творчества»).

1675 Ф. Сологуб скончался 5 декабря 1927 г. в 10 ч. 30 мин. утра. Похороны состоялись на Смоленском кладбище 7 декабря.

1676 Имеется в виду книга В.М. Жирмунского «Введение в метрику. Теория стиха» (Л., 1925). Белый цитирует ее в исследовании «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (С. 80, 84 и 238).

1677 Вероятно, имеется в виду статья М.П. Малишевского «Проблемы метротонической стихологии» (Проблемы поэтики. Сб. статей под ред. В.Я. Брюсова. М.; Л., 1925. С. 141–157). См. так-

же: *Малишевский М.* Метротоника. Краткое изложение основ метротонической междуязыковой стихологии. Ч. 1. Метрика. М., 1925.

1678 Имеется в виду письмо Иванова-Разумника к Белому от 7 декабря 1927 г. с рассказом о смерти и похоронах Ф. Сологуба (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 552–554).

1679 Единственная крупная публикация С.Д. Кржижановского к тому времени – повесть «Штемпель: Москва» (Россия. 1925. № 5). Наиболее вероятно, что Белый читал неопубликованные повести и новеллы Кржижановского 1920-х гг. («Сказки для вундеркиндов», «Клуб убийц букв», «Возвращение Мюнхгаузена» и др.), либо присутствовал на одном из выступлений Кржижановского с чтением своих произведений у П.Н. Зайцева или Е.Ф. Никитиной.

1680 См.: *Ball Hugo.* Byzantinisches Christentum: drei Heiligenleben. München, 1923.

1681 Рождество Христово по григорианскому календарю.

1682 Под «нашими» подразумеваются приверженцы антропософии.

1683 Вечер, приуроченный к второй годовщине смерти Есенина, состоялся в МХАТ-2; отдельные положения выступления Белого переданы в статье И. Рудого «Есенинщина справляет тризну», напечатанной в московской газете «Молодой ленинец» 4 января 1928 г. (№ 3). См. также: Вечер памяти Есенина (2 января во втором МХТ) // Читатель и писатель. 1928. № 1, 7 января. С. 9. По стенографической записи, сохранившейся в архиве С.А. Толстой-Есениной, выступление Белого было впервые опубликовано (с сокращениями) В.А. Вдовиным в «Литературной России» 2 октября 1970 г. См.: *Андрей Белый.* Из воспоминаний о Есенине // О Есенине: Стихи и проза писателей – современников поэта. М., 1990. С. 383–385.

1684 С обращения к анализу этой повести Н.В. Гоголя началась работа Белого над изучением поэтики этого писателя, результатом которого стала его книга «Мастерство Гоголя. Исследование» (М.; Л., 1934).

1685 Н.Н. Вышеславцев рисовал Андрея Белого несколько раз (не менее трех): также в 1920 г. и в 1933 г. (работы хранятся в Третьяковской галерее и ГЛМ). Литография с портрета, написанного в начале 1928 г., с дарительной надписью была подарена художником П.Н. Зайцеву в 1929 г., впоследствии передана в РГАЛИ (Ф. 1610. Оп. 1. Ед. хр. 51). См. воспроизведение двух портретов Белого работы Вышеславцева (1920 г. и с пометой: «Кучино 1928») в статье Л. Даниловой «“Большая тихая дорога” Николая Вышеславцева» (Русское искусство. 2006. № 1. С. 74).

1686 Конфликт был вызван, по всей вероятности, обстоятельствами работы над пьесой «Дон Кихот», готовившейся к постановке в МХАТ-2; предполагалось, что М.А. Чехов исполнит главную роль. Авторы инсценировки – Н.А. Павлович, М.А. Чехов, В.А. Громов. См. письмо Чехова в Главрепертком от 5 декабря 1927 г. (*Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. С. 331–332). Работа над спектаклем была прекращена после отъезда Чехова за границу в июле 1928 г.

1687 Текст этого письма Волошина нам неизвестен.

1688 В статье, опубликованной в сборнике «Как мы пишем» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930) Белый отмечал: «…я использовал свой личный дневник, переделав его в книгу “Ветер с Кавказа” <…> я переписывал свой дневник, наводя на него легкий литературный лоск и использовав прежние достижения “Белого”» (С. 10). 10 апреля 1928 г. Белый заключил договор с издательством артели писателей «Круг» (в лице заведующего издательством А.Н. Тихонова) на издание книги «Кавказ и Волга» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 29. Л. 3–3 об.).

1689 Подразумевается книга, изданная впервые по-гречески афонскими монахами в 1803 г., а в русском переводе – Московской духовной академией в 1855 г.: «Преподобных отцев Варсанофия Великого и Иоанна, руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников».

1690 См.: *Гроссман Л.* Пушкин в театральных креслах. Картины русской сцены 1817–1820 годов. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1926.

1691 См.: *Шпет Г.* Внутренняя форма слова (этюды и вариации на тему Гумбольта). М.: ГАХН, 1927.

1692 Какой именно из многочисленных сборников патериковых рассказов (жития святых) читал Белый, неясно.

[1693] Возможно, имеется в виду произведение, охарактеризованное Я.Э. Голосовкером («Мир моей жизни (Автобиография)») как «роман-поэма моей зрелости "*Запись Неистребимая*" с его прологом и его первой частью "*Видение отрекающегося*" (годы 1925–1928)» (*Голосовкер Я.Э.* Засекреченный секрет: Философская проза. Томск, 1998. С. 18).

[1694] Имеется в виду письмо Иванова-Разумника к Белому от 20 января 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 559–560).

[1695] См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 26 января 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 560–561). Белый собирался выступить на вечере, посвященном памяти Федора Сологуба, который состоялся в Капелле 1 февраля 1928 г.

[1696] Имеется в виду статья В.Я. Брюсова «Стихотворная техника Пушкина», опубликованная в кн.: *Пушкин А.* Сочинения («Библиотека великих писателей» под ред. С.А. Венгерова). Т. VI. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1915. С. 349–367.

[1697] Имеется в виду кн.: *Панаева (Головачева) А.Я.* Воспоминания. 1824–1870 / Ред. и примеч. К.И. Чуковского. Л., 1927. См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 7–10 февраля 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 572).

[1698] Теберда – селение в Карачаево-Черкессии на одноименной реке, горноклиматический курорт.

[1699] Имеется в виду кн.: *Панаев И.И.* Литературные воспоминания / Первое полн. изд. под ред. и с примеч. Иванова-Разумника. Л.: Academia, 1928. Книга вышла в свет в начале января 1928 г.

[1700] Это письмо Иванова-Разумника к Белому, по всей вероятности, не сохранилось. Приведя в своих комментариях к письмам Андрея Белого данную фразу из «Ракурса к Дневнику», Иванов-Разумник добавил: «Содержание "узнания" оглашению не подлежит» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 28 об.).

[1701] Имеется в виду письмо Белого к Иванову-Разумнику от 7–10 февраля 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 561–579).

[1702] Вероятно, имеется в виду пятый том Собрания сочинений В. Маяковского (М.; Л., 1927), включающий публицистику, очерки «Мое открытие Америки», статью «Как делать стихи» и др.

[1703] Имеется в виду пьеса «Фрол Севастьянов», написанная П.Н. Зайцевым в соавторстве с Ю. Родианом и поставленная в МХАТ-2. Премьера состоялась 8 мая 1928 г. См.: *Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 403–404.

[1704] Мемуарный очерк И.К. Пархоменко «Три дня у Толстого» (Сборник воспоминаний о Л.Н. Толстом. М., 1911. С. 135–157) и роман А.А. Фадеева «Разгром» (М., 1927).

[1705] См.: *Шпет Г.* Очерк развития русской философии. Пб., 1922.

[1706] Подразумевается книга М.А. Чехова «Путь актера» (Л.: Academia, 1928).

[1707] Подразумеваются «Ареопагитики» – свод философско-мистических сочинений, созданный не ранее 2-й половины V в. и написанный от имени упоминаемого в «Деяниях святых апостолов» афинянина Дионисия Ареопагита (I в.). Наиболее вероятно, что Белый читал один из четырех трактатов, входящих в «ареопагитический корпус», – «О небесной иерархии» (М., 1898).

[1708] Письмо Белого к М.А. Чехову от 24 февраля 1928 г. содержит отзыв о его книге «Путь актера» (см.: *Козлова М.Г.* «Меня удивляет этот человек…» (Письма Андрея Белого к Михаилу Чехову). С. 242–243).

[1709] Имеется в виду издание: *Гершензон М.О.* Письма к брату. М., 1927. «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» – книга о молитве неизвестного автора, обнаруженная на Афоне и впервые изданная игуменом Паисием, настоятелем Черемисского монастыря Казанской епархии (Изд. 2-е: Казань, 1883); многократно переиздавалась.

[1710] Имеется в виду издание: Дневник Ал. Блока. 1911–1913 / Под ред. П. Медведева. Л., 1928. См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 16 апреля 1928 г. с развернутой негативной оценкой этого текста (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 587–588). Ср. запись П.Н. Зайцева от 10 марта 1928 г.: «…Бор. Ник. очень раздражен "Дневником" Блока <…> Находит "Дневник" ужасным, а опубликование его за эти годы, именно годы, без связи с остальными годами (вне контекста!), бестактным. Хотел даже написать нечто вроде декларации, меморандума и в руко-

писи переслать несколько экземпляров в ГАХН – П.С. Когану, в “Новый мир” – В.П. Полонскому, в “Красную новь” и в другие журналы…» (Москва и «Москва» Андрея Белого: Сб. статей. М., 1999. С. 493).

1711 См. письмо М.А. Чехова к Белому от 4 марта 1928 г. – ответное на его письмо от 24 февраля (*Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. С. 332–333).

1712 Текст этого письма нам неизвестен.

1713 См.: *Тихомиров Л.А.* Воспоминания. М.; Л., 1927.

1714 Философско-автобиографический очерк Андрея Белого «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» впервые опубликован отдельным изданием по неавторизованной машинописи (Ann Arbor: Ardis, 1982); по рукописи из архива Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 74) опубликован Л.А. Сугай в кн.: *Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 418–493.

1715 Вероятно, имеется в виду кн.: *Горький М.* Заметки из дневника. Воспоминания. Berlin: Kniga, 1924.

1716 Имеется в виду кн.: *Савина М.Г.* Горести и скитания. Записки. 1851–1877 / С предисл. и примеч. А.М. Брянского. Л., 1927.

1717 7 апреля 1928 г. – дата, поставленная Белым под текстом очерка «Почему я стал символистом…».

1718 Имеются в виду кн.: *Марков Е.Л.* Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.; М., 1887 (2-е изд.: <1904>; 3-е изд.: <1915>); *Надеждин П.П.* Кавказский край. Природа и люди. 2-е изд. Тула, 1895 (3-е изд.: Тула, 1901). В 1-м издании заглавие: Опыт географии Кавказского края (Тула, 1891).

1719 Имеется в виду кн.: *Мстиславский С.* На крови. Роман. М.; Л., 1928. См. отзыв о ней в письме Белого к Иванову-Разумнику от 16 апреля 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 588).

1720 Видимо, подразумеваются события гражданской войны в Китае – в частности, падение в результате проведенных военных операций организованного в 1927 г. в двух приморских уездах Хайфун и Люфун коммунистических правительств. См.: *Ивин А.* Что происходит в Китае? Хайфун – Люфун // Известия. 1928. № 88, 13 апреля.

1721 Имеется в виду статья «Принцип ритма в диалектическом методе». Не была напечатана; машинопись ее сохранилась в архиве Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 73). Ныне опубликована М.П. Одесским и М.Л. Спивак с их вступительной статьей («“Это попытка сказать о жесте ритма вне стиховедческой лаборатории…”: Об одной неопубликованной статье Андрея Белого») и комментариями (Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 224–285). См. также: *Спивак М.Л., Одесский М.П.* Стиховедение Андрея Белого между антропософией и советской идеологией // Vademecum. К 65-летию Л. Флейшмана. М., 2010. С. 354–375.

1722 Имеется в виду кн.: *Вигель Ф.Ф.* Записки / Под ред. С.Я. Штрайха. М.: Круг, 1928.

1723 Ср. записи о 1915 годе в «Материале к биографии» (С. 197–266 наст. изд.).

1724 Ф.Ф. Раскольников с июня 1927 г. входил в редколлегию журнала «Красная новь».

1725 Согласно дневниковой записи К.Н. Васильевой от 8 мая 1928 г., знакомство Белого с Г. Робакидзе состоялось в этот день (см.: *Лица 7.* С. 246). См. также: *Никольская Т.* Г. Робакидзе и русские символисты // Блоковский сборник. XII. Тарту, 1993. С. 126–128; *Нерлер П.* Андрей Белый и поэты группы «Голубые роги» // Вопросы литературы. 1988. № 4. С. 281–282; *Никольская Т.* На смерть Андрея Белого: письмо Григола Робакидзе Владиславу Ходасевичу // Vademecum. С. 382–392.

1726 О переживаниях, вызванных мгновенным колебанием почвы в этот день, написала в дневнике К.Н. Васильева (*Лица 7.* С. 248–249).

1727 К.Н. Васильева записала в этот день: «Поездка в Кутаис отложена. Там был страшный пожар, уничтоживший часть города. И ехать туда теперь непосредственно неудобно» (*Лица 7.* С. 251).

1728 Подразумевается кн.: *Линч Генри.* Армения: Очерки и этюды. Т. 1–2. Тифлис, 1910.

1729 Поездка по Армении подробно описана Белым в очерке «Армения» (Красная новь. 1928. № 8. С. 214–258). См.: *Андрей Белый.* Армения. Очерк, статьи, воспоминания / Сост., статьи, при-

меч. Н. Гончар. Ереван, 1985. См. также дневниковые записи К.Н. Васильевой (*Лица 7.* С. 256–278).

[1730] Эчмиадзин – религиозный центр Армении, монастырь, основанный в IV в., резиденция католикоса; Айгер-Лич – озеро в Араратской долине, на территории Эчмиадзинского района.

[1731] Имеется в виду кн.: *Брюсов В.* Летопись исторических судеб армянского народа от VI до Р. Хр. по наше время. М.: Моск. Армянский комитет, 1918. Как свидетельствует К.Н. Васильева, Белый 27 мая делал выписки из этой книги (*Лица 7.* С. 280).

[1732] Имеется в виду кн.: *Dumas Alexandre.* Impressions de voyage: Le Caucase. T. 1–2. Paris: Calmann-Lévy, 1860. На русском языке: Кавказ. Путешествие Александра Дюма / Пер. с франц. П. Робровского, с примеч. Н.П. Берзенова. Вып. 1–2. Тифлис, 1861.

[1733] См. выше, примеч. 1729.

[1734] Образ из главы XI 1-го тома «Мертвых душ» (см.: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. <В 14 т.> Т. 6. <М.; Л.>, 1951. С. 243–245) символизирует для Белого увлечение «умозрительными», псевдофилософическими рассуждениями. Ср. свидетельства К.Н. Бугаевой о «философии Кифы Мокиевича» в интерпретации Белого (*Бугаева.* С. 43).

[1735] Это увлечение нашло отражение в дневниковых записях К.Н. Васильевой (9–19 июня 1928 г.). См.: *Лица 7.* С. 287–301.

[1736] Ср. дневниковую запись К.Н. Васильевой от 13 июня 1928 г.: «...письмо от Лели, по поводу записки Б.Н. о символизме, по поводу их разговора, и письмо к самому Б.Н. Она пишет, что рада была наконец поговорить прямо и открыто с Б.Н. Разговор этот многое выяснил. И главное, устранил все то, что мешало ей, как она пишет, "любить" Б.Н. все последние годы» (*Лица 7.* С. 290).

[1737] Осуществление намерения переселиться в «горное местечко Шови» зависело от получения денег из Москвы: «...получи я деньги до 26-го, я мог бы задержаться в Шови на 2–3 недели», – писал Белый П.Н. Зайцеву 20 июня 1928 г. (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 411–412).

[1738] Телеграмма с извещением о переводе денег (см.: Там же. С. 414).

[1739] Достопримечательности Кутаиса: руины храма Баграта III (980–1014), разрушенного турками в 1692 г., памятник средневекового зодчества Грузии; Гелатский монастырь (к северо-востоку от Кутаиса), состоящий из трех храмов и монастырских помещений, – один из крупнейших культурных центров средневековой Грузии, основанный в 1106 г. грузинским царем Давидом Строителем (мозаика XII в. и фрески XII–XVIII вв. в главном храме и церкви св. Георгия).

[1740] «30-го <...> узнаем: дорога на Шови размыта на 2 недели», – вспоминал Белый год спустя в письме к Иванову-Разумнику от 19 июля 1929 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 642).

[1741] Имеются в виду кн.: *Гарсиа Кальдерон В.* Перуанские рассказы / Пер. С.С. Игнатова. М.; Л., 1928; *Бруссон Ж.-Ж.* Анатоль Франс в халате / Пер. с франц. И.Б. Мандельштама. Л.: Время, 1925; или: *Его же.* Анатоль Франс в туфлях и халате / Пер. с франц. А.А. Поляк и П.К. Губера. Л.; М.: Петроград, 1925. Перевод книги: *Brousson Jean-Jacques.* Anatole France en pantoufles. Paris, 1924. Высокую оценку книги Гарсии Кальдерона Белый дал в письме к Иванову-Разумнику от 4 марта 1929 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 625).

[1742] Под «похищением», видимо, подразумевается убийство Ильи Чавчавадзе 30 августа / 12 сентября 1907 г. по пути из Тифлиса в Сагурамо.

[1743] Имеется в виду издание: Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Ч. 1–2. Собрал и перевел с подлинников К. Ган. Тифлис, 1884.

[1744] Имеется в виду кн.: Беседы Анатоля Франса, собранные Полем Гзеллем / Пер. Е.В. Мечниковой. Под ред. Н. Радлова. Пб.; М., 1923. Перевод книги: Les matinées de la Villa Said, propos d'Anatole France, recueillis par Paul Gsell. Paris, 1921.

[1745] 11 июля – вторая годовщина смерти Т.Г. Трапезникова (скончался в Брейтбрунне 11 июля 1926 г.).

[1746] По-видимому, имеется в виду кн.: Тибет и его население (Сост. по Ф. Гренару и Г. Лэндору В.И. Т–ская). СПб., 1904 (беспл. прилож. к журн. «Живописное обозрение»). Английский путеше-

ственник Арнольд Генри Сэвидж Лэндор опубликовал четыре книги о путешествиях по Тибету с 1898 по 1910 г.

1747 Роман Вальтера Скотта («Rob Roy», 1817), многократно издавался в русских переводах.

1748 См. письмо Белого к Б.Л. Пастернаку от 23 июля 1928 г. (*Проблемы творчества.* С. 694–697. Публ. Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака).

1749 М. Горький посетил Тифлис 23–24 июля 1928 г. в ходе своей поездки по югу СССР.

1750 Имеется в виду письмо Г.А. Санникова к Белому от 5 июля 1928 г. См.: Андрей Белый – Григорий Санников. Переписка 1928–1933. М., 2009. С. 30–31.

1751 Письмо Белого к М. Сарьяну от 30 июля 1928 г. впервые опубликовано Н.А. Гончар (Вестник Ереванского университета. Общественные науки. 1976. № 1); см.: *Андрей Белый.* Армения. С. 88–89.

1752 Имеется в виду кн.: *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. М.: Круг, 1928. В ее составе – статья «Мраморный гром (Андрей Белый)» (С. 115–150).

1753 См. выше, примеч. 1722.

1754 См.: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. М.: Федерация; Артель писателей «Круг», 1928. Тираж 4 000 экз. Черновой автограф находится в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 42). Предварительная публикация фрагментов: «Кавказские впечатления (Отрывки из книги)» (Красная новь. 1928. № 4. С. 75–113).

1755 По всей вероятности, речь идет о настоящем тексте.

1756 По всей вероятности, до Белого дошло известие о решении М.А. Чехова, жившего летом 1928 г. в Брейтбрунне (Германия), остаться за границей (согласно официальному обращению, он просил предоставить ему годовой заграничный отпуск). См. письмо Чехова от 29 августа 1928 г., обращенное к коллективу МХАТ 2-го, в котором он оповещал о своем решении «устраниться и предоставлять большинству коллектива легко и свободно осуществить его собственные замыслы» (*Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. С. 336).

1757 См.: *Крыжицкий Г.К.* Режиссерские портреты. М.; Л., 1928. В письме к Белому из Геленджика от 24 августа 1928 г. Г. Робакидзе делился впечатлениями от летних встреч с ним («Не хватает духовной атмосферы, которая создалась между нами. Мне она положительно необходима, как это солнце, купающее свое желтое тело в море…») и приводил текст печатного оповещения о готовящемся выходе в свет своего романа «Змеиная кожа» в немецком переводе (РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 6).

1758 О намерении в скором времени приехать в Москву и посетить Белого в Кучине Иванов-Разумник написал ему 23 августа 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 611).

1759 По-видимому, имеются в виду книги А. Деборина «Ленин как мыслитель» (М., 1924; 2-е изд.: 1925), «Введение в философию диалектического материализма» (Пг., 1916; 4-е изд.: М.; Л., 1925). Ср. сообщение К.Н. Васильевой в письме к Иванову-Разумнику от 15 сентября 1928 г.: «А вечерами Б.Н. все сидит над Дебориным и К°. Интересно» (РГАЛИ. Ф. 1782. Оп. 1. Ед. хр. 24).

1760 31 августа 1928 г. в «Комсомольской правде» (№ 202. С. 4) под общей рубрикой «Театр Мейерхольда должен работать» (и с вынесенными в подзаголовок формулировками: «Мы предлагаем отказаться от заграничной поездки», «Не “топтанье на месте”, а совместная борьба на фронте культурной революции») были помещены редакционные «Открытое письмо В.Э. Мейерхольду» и «Открытое письмо Главискусству», которые сопровождались пояснительным текстом в рамке:

«Народный артист Мейерхольд обратился к правительству с ходатайством о разрешении его театру выехать на гастроли за границу. Таким образом, предполагается, что театр им. Мейерхольда не откроет сезона в Москве. Мейерхольд заявляет, что в его распоряжении пока нет новых пьес, которые отвечали бы требованиям его театра; снижать же качество драматургического материала или продолжать “бег на месте” с классиками он не желает.

В некоторых кругах циркулируют слухи о том, что театр Мейерхольда вообще закрывается.

На правом театральном фланге уже не скрывают злорадства по поводу того, что единственный режиссер-коммунист, да еще такого масштаба, как Мейерхольд, должен “уйти на покой”, остаться “не у дел”.

Все это вынуждает нас обратиться как к самому Мейерхольду (находящемуся ныне в отпуске за границей), так и к Главискусству с приводимыми открытыми письмами».

19 сентября 1928 г. Мейерхольд отправил А.В. Луначарскому из Парижа телеграмму, которая на следующий день была опубликована в «Правде»: «Убедительно прошу Вас заявить печати, что слухи о моем отъезде за границу навсегда абсолютно неверны. Уверен, что Вы примете все меры не только к сохранению театра моего имени, но и к улучшению его положения» (*Мейерхольд В.Э.* Переписка. С. 285).

[1761] Имеется в виду кн.: *Ильин Вл. <Ленин В.И.>* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Звено, 1909. После 1917 г. многократно переиздавалась.

[1762] А.С. Петровский, М.В. Шмерлинг, М.К. Баранович.

[1763] Письмо, по-видимому, не сохранилось.

[1764] Не отмечено в тексте. В примечаниях к своей переписке с Белым Иванов-Разумник сообщает, что тогда «приезжал в Москву для подписи под нотариально заверенным литературным завещанием» Белого (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 613). См. копию с автографа завещания Белого, датированного 19 марта 1928 г.: Новое литературное обозрение. 1995. № 14. С. 163–164 (публ. А.В. Лаврова и С.В. Шумихина).

[1765] 100-летие со дня рождения Л.Н. Толстого (28 августа / 9 сентября 1928 г.), отмечалось в Москве с 10 по 17 сентября.

[1766] См. выше, примеч. 1759.

[1767] Подразумевается намерение писать продолжение романа «Москва».

[1768] Имеется в виду первоначальная редакция будущего романа «Маски». Этот текст, датированный 31 октября 1928 г., сохранился в архиве Белого; авторское заглавие: «Пробуд», пояснение: «Первая глава первой редакции романа “Маски”». Опубликован М.Л. Спивак в кн.: Андрей Белый. Публикации. Исследования. М., 2002. С. 4–99.

[1769] Визит к Белому в этот день Г. Робакидзе (посетивший его вместе с Т. Табидзе и Н. Табидзе) описал в очерке «Дни Толстого», опубликованном на грузинском языке в журнале «Мнатоби» (1928. №№ 8/9, 10). См.: *Никольская Т.* К истории одного визита // На рубеже двух столетий. М., 2009. С. 448–449.

[1770] Имеется в виду кн.: *Деборин А.* Философия и марксизм. Сб. статей. М.; Л., 1926.

[1771] Имеется в виду постановка пьесы П.Н. Зайцева и Ю. Родиана (см. выше, примеч. 1703) в МХАТ-2 (художественный руководитель постановки – М.А. Чехов, режиссер – В.А. Громов). 28 сентября 1928 г. Белый писал Зайцеву: «Все еще под впечатлением Вашей пьесы!» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 424).

[1772] 28 сентября 1928 г. Белый писал П.Н. Зайцеву: «…я совершенно упустил, что 29-го надо мне с К<лавдией> Н<иколаевной> вечером быть в Москве (Михайлов день)» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 424). 25 ноября 1926 г. Белый в письме к Иванову-Разумнику прояснял эзотерический смысл этого дня: «...западноевропейский Михайлов день, 29 сентября <…> это – праздник самосознания, как обороны, как принятия мер против Дракона и Скорпиона» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 421). Архангел Михаил почитался московскими антропософами как покровитель современной эпохи; в честь носителя этого имени Михаила Ломоносова была названа антропософская «ломоносовская группа», к которой принадлежал Белый. См.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 209–229.

[1773] Праздник Покрова Пресвятой Богородицы – 1 октября по старому стилю (14 октября по новому стилю).

[1774] Имеется в виду кн.: Комсомольский быт. Сборник / Сост. И. Разин. С предисл. Ем. Ярославского. М.; Л., 1927.

[1775] Имеется в виду кн.: *Апостолов Н.Н.* Живой Толстой (Жизнь Л.Н. Толстого в воспоминаниях и переписке). С предисл. Н.Н. Гусева. М.: Толстовский музей, 1928.

1776 См.: Дневник Ал. Блока. 1917–1921 / Под ред. П. Медведева. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928.

1777 См.: *Нейман А.* Дьявол. Исторический роман / Пер. с нем. В.Л. Эльстер. М., 1928. Перевод книги: *Neumann Alfred.* Der Teufel. Stuttgart, 1926.

1778 Исследование Андрея Белого «Ритм как диалектика и “Медный всадник”». «Федерация» – орган Федерации объединения советских писателей (ФОСП), издательство, созданное в Москве на базе нескольких кооперативных издательств; начало свою деятельность в 1928 г. 18 октября 1928 г. датирован договор Андрея Белого с издательством «Федерация» (в лице заведующего издательством Бориса Губера) на издание его книги «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 29. Л. 4–4 об.).

1779 Имеется в виду кн.: *Орешин П.* Откровенная лира. Стихи. Т. 4. М.: Федерация, <1928>.

1780 Этой телеграммой Зайцев извещал Белого о необходимости приехать 27 октября в Москву для заключения договора с издательством «Федерация» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 425).

1781 Текст этого письма П.П. Перцова нам неизвестен.

1782 Имеются в виду книги: *Анненков П.В.* Литературные воспоминания / Предисл. Н. Пиксанова. Вступ. статья и примеч. Б.М. Эйхенбаума. Л.: Academia, 1928; *Толстая С.А.* Дневники / Ред. С.Л. Толстого. Примеч. С.Л. Толстого и Г.А. Волкова. Ч. I. М., 1928; *Николаевский Б.И.* Конец Азефа. Л., 1926.

1783 Договор на издание исследования «Ритм как диалектика и “Медный всадник”».

1784 Д.Д. Павлова.

1785 Д.Н. Часовитина.

1786 Роман Григола Робакидзе «Змеиная кожа», изданный в 1928 г. в немецком переводе с предисловием Стефана Цвейга (*Robakidse G.* Das Schlangenhemd. Ein Roman des georgischen Volkes. Vorwort Stefan Zweig. Jena: Eugen Diederichs Verlag, 1928). На русском языке роман Робакидзе опубликован в новейшее время в переводе с грузинского К. Коринтели (Литературная Грузия. 1991. №№ 1–4).

1787 Вероятно, речь идет об издании «Былого и дум» в составе Полного собрания сочинений и писем А.И. Герцена под редакцией М.К. Лемке (Т. 12–14. Пг., 1919–1920).

1788 Текст переработанного сборника стихов «Пепел» был сдан в издательство «Никитинские субботники» 9 ноября 1928 г. Он вышел в свет в начале ноября 1929 г.: *Андрей Белый.* Пепел. Стихи. Изд. 2-е, перераб. М., 1929.

1789 Новое издание «Котика Летаева» предполагалось осуществить в «Никитинских субботниках», однако это издание не состоялось. См.: Предисловие Андрея Белого к неосуществленному изданию романа «Котик Летаев» / Публ. А.В. Лаврова // Русская литература. 1988. № 1. С. 217–219.

1790 Имеется в виду кн.: *Козьмин Б.П.* С.В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. М.; Л., 1928.

1791 См.: *Калинин И.М.* Русская Вандея. М.; Л., 1926.

1792 См.: *Калинин И.* В стране братушек. М., 1923.

1793 Имеется в виду кн.: *Маяковский В.В.* Но. с. (Новые стихи). М.: Федерация, <1928>.

1794 Какая именно из многочисленных книг Вильгельма Боде (Bode) о Гете подразумевается здесь, неясно. В числе трудов Боде: «Goethes Leben» (Bd. 1–9. Berlin, 1919–1927), «Goethes Ästhetik» (Berlin, 1901), «Goethes Lebenskunst» (Berlin, 1902), «Goethes Liebesleben» (Berlin, 1914) и др. В русских переводах книги Боде не издавались.

1795 Текст этого письма неизвестен. Оно содержало отзыв о романе Робакидзе «Змеиная кожа». Робакидзе ответил Белому письмом от 17 декабря 1928 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед. хр. 6), содержавшим цитаты из полученного письма Белого: «…приведу одно место из Вашего письма, которое, по-моему, является совершенно исключительным для ясной проверки моего романа почти по всем линиям, затронутым Вами. Вы пишете: “В «Москве» *я не от себя, а от русского языка*, который, конечно, может быть, и погибнет. Так я уж предпочитаю умереть вместе с русским, чем воскреснуть в воляпюке”. (Подчеркнул я). Я взял это место *не в плане литературной эмпирики*, а глубже гораздо – и вдруг конкретно коснулся (до осязаемости) магистрали моего

романа. Более выразительного и неопровержимого аргумента для этой магистрали мне трудно найти. Во всяком случае, я очень рад творчески, что Вас и Клавдию Николаевну мой роман “серьезно взволновал и вы о нем много и долго говорили”. Это значит для меня очень и очень много…».

[1796] По-видимому, имеется в виду роман К.К. Вагинова «Козлиная песнь», который был выпущен в свет ленинградским издательством «Прибой» в августе 1928 г.

[1797] Подразумеваются «Воспоминания о Штейнере».

[1798] Письмо М. Сарьяна к Белому от 19 ноября 1928 г. с приглашением совершить в 1929 г. путешествие по Армении. См.: *Андрей Белый*. Армения. С. 89–91.

[1799] Имеется в виду седьмой том издания: Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной в семи томах. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1905. Том содержит двустороннюю переписку с Н.А. Захарьиной 1833–1838 гг. 4 марта 1929 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «Весь ноябрь и декабрь – головой в “*Былое и думы*” и в переписке; что за писатель! Что за родной-родной! Точно он писал для нас теперь, в 1929 году» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 625).

[1800] 21 ноября / 4 декабря – день Введения во храм Пресвятой Богородицы.

[1801] См.: *Крюи Поль де*. Охотники за микробами / Пер. с англ. О.П. Червонского. М.; Л., 1928 (перевод книги: *Kruif Paul de*. Microbe Hunters. New York, 1926); *Шагинян М*. Литературный дневник. Статьи 1921–1923. Изд. 2-е. М.; Пб.: Круг, 1923.

[1802] Е.И. Васильева скончалась от рака печени в ночь на 5 декабря 1928 г. в Ташкенте.

[1803] Характеристике баварских деятелей антропософского движения (М. Бауэр, С. Штинде, графиня П. фон Калькрейт, Ф. Пайперс, граф О. фон Лерхенфельд) посвящены главки 1–4 главы 4-й («Ученики Рудольфа Штейнера») «Воспоминаний о Штейнере». См.: *Андрей Белый*. Воспоминания о Штейнере. С. 158–170; *О Штейнере*. С. 381–391.

[1804] Имеется в виду издание: *Деникин А.И*. Очерки русской смуты. В 5 т. Т. 1–2. Париж, 1921–1922; Т. 3–5. Берлин, 1924–1926.

[1805] Неточное указание. Карл Унгер был убит тремя выстрелами 4 января 1929 г. в Нюрнберге перед своим публичным докладом душевнобольным Вильгельмом Кригером. См. письмо Белого к Иванову-Разумнику от 4 марта 1929 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 624, 627).

[1806] «Недра» – литературно-художественные сборники (всего – 20), выходившие в 1923–1924 гг. в издательстве «Новая Москва», в 1925–1931 гг. – в московском издательстве «Недра»; редактор – Н.С. Ангарский (Клестов). Отрывки из романа Белого в «Недрах» не появились, хотя Белый представил их для публикации (см. письмо Белого к Н.С. Ангарскому (Клестову) от 9 февраля 1929 г.: Перспектива–87. Советская литература сегодня: Сб. статей. М., 1988. С. 492. Публ. Т.В. Анчуговой).

[1807] Е.В. Невейнова, Г.С. Киреевская, А.М. Красновская.

[1808] Имеется в виду поэма С.Д. Спасского «Неудачники. Повесть» (М.: Никитинские субботники, 1929), которая вышла в свет в конце 1928 г.

[1809] Имеется в виду письмо Иванова-Разумника к Белому от 31 декабря 1928 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 617).

[1810] См. выше, примеч. 1799.

[1811] См. письма Белого к М.С. Сарьяну от 9 января 1929 г. (*Андрей Белый*. Армения. С. 91–95) и к Иванову-Разумнику от 9 января 1929 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 618).

[1812] А.Н. Тихонов (Серебров) в 1928–1930 гг. был заведующим издательством «Федерация». См.: *Эльзон М.Д*. Издательство «Федерация» // Книга. Исследования и материалы. Сб. XL. М., 1980. С. 140.

[1813] См. выше, примеч. 1805.

[1814] Вероятно, имеется в виду недатированное письмо, атрибутированное публикаторами как написанное «не позднее апреля 1929 г.» (*Чехов М*. Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. С. 349–353). Следующее письмо Чехова к Белому – ответное на его письмо от 18 января (см. ниже), – содержавшее, согласно пересказу Белого в письме к Иванову-Разумнику, сообщение об изучении греческого языка и о первой заграничной роли (клоуна Скида) (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 624), не

выявлено; ошибочно идентифицировано нами (Там же. С. 627) с письмом, полученным Белым 15 января 1929 г.

1815 См.: *Кэрвуд Д.О.* Пылающий лес. Л., 1928. Перевод книги: *Curwood James Oliver*. The Flaming Forest. New York, 1921.

1816 Сохранились регистрационные записи и графики Белого, фиксирующие различные природные катаклизмы, обозначенные им: «Дневник явлений природы (конец августа 26 г. – май 28 г.)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 99. 53 лл.).

1817 Видимо, подразумевается выступление в компании московских антропософов.

1818 См.: *Кэрвуд Д.О.* Долина безмолвия / Пер. М. Ирской. Л., 1928. Перевод книги: *Curwood James Oliver*. The Valley of Silent Men. New York, 1920.

1819 См.: *Кэрвуд Д.О.* Старая дорога / Пер. К. Ксаниной. Л., 1928 (есть и более ранние переводы). Перевод книги: *Curwood James Oliver*. The Ancient Highway. Toronto, 1920.

1820 Переработанные редакции стихотворений из книги «Золото в лазури» составили основу книги стихов Белого «Зовы времен», сформированной в 1931 г.

1821 Стихотворение Белого «Сказание об Али-бабе» вошло в его книгу стихов «Зовы времен» (*СП – 2*. С. 294–297).

1822 Либо недостоверный слух, либо известие об официальной регистрации брака Н.А. Тургеневой (Поццо) и А.М. Поццо (состоявших в фактическом браке с 1911 г.).

1823 Подразумевается письмо П.Н. Медведева, заведующего литературно-художественным отделом Ленинградского отделения Государственного издательства, от 28 января 1929 г., содержавшее предложение представить в издательство книгу воспоминаний Белого «На рубеже двух столетий» к апрелю текущего года (см.: *Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 458–459).

1824 См: *Кэрвуд Д.О.* Девушка севера / Пер. К. Ксаниной. Л., 1928. Перевод книги: *Curwood James Oliver*. The Girl Beyond the Trail. New York, 1918.

1825 См.: *Кэрвуд Д.О.* Золотая петля / Пер. О. Богдановой. Л., 1928. Перевод книги: *Curwood James Oliver*. The Golden Snare. New York, 1921. 4 марта 1929 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...я – обрел себе автора; глотаю уже 6-ю книгу; и это – Кэрвуд, американский писатель: глупо, чисто, сентиментально, романтично; но с первой строки до последней – неослабевающий интерес; <...> Кэрвуд – некая помесь из Купера, Конан-Дойля и некоторого идиотизма; последний не мешает интересу; природа очень хороша у Кэрвуда; и описывает любимое место: место моих детских грез – район Гудзонова залива» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 624–625).

1826 Идея мемуарной книги «На рубеже двух столетий» возникла у Белого в январе 1929 г. в ходе эпистолярного обсуждения с П.Н. Медведевым вопроса о перспективах издания «берлинской» редакции «Начала века» в Ленинградском отделении ГИЗа. План задуманной книги Белый изложил в письме к Медведеву от 20 января 1929 г.; в ответ на пожелание Медведева получить готовую рукопись к апрелю 1929 г. сообщил (в письме от 6 февраля 1929 г.): «Вчера сел за “На рубеже двух столетий”» (*Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 459).

1827 Подразумеваются бытовые конфликты с хозяевами кучинского жилища Белого – Н.Е. и Е.Т. Шиповыми.

1828 *Сайодин* – иодосодержащий порошок; назначался при атеросклерозе, ревматизме, бронхите, противопоказан при декомпенсации сердечно-сосудистой системы.

1829 Упомянутое письмо Иванова-Разумника не сохранилось. Письмо М. Сарьяна – от 22 февраля 1929 г., на тему предстоящей поездки Белого в Армению (*Андрей Белый*. Армения. С. 96).

1830 «ЗиФ» – «Земля и фабрика», московское государственное акционерное издательское общество (1922–1930); ему Белый передал для издания свою книгу «На рубеже двух столетий». Договор на ее издание (с председателем правления «Земли и фабрики» И.И. Ионовым) датирован 7 июня 1929 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 6. Ед. хр. 29. Л. 5).

1831 Развернутое описание совместной поездки В.Э. Мейерхольда и П.Н. Зайцева к Белому и последующих выступлений М.В. Юдиной и М.Ф. Гнесина на квартире Мейерхольда – в дневниковой записи Зайцева от 16 апреля 1929 г. (Москва и «Москва» Андрея Белого. С. 498–501).

[1832] Имеется в виду рецензия Д.И. Заславского на «Ветер с Кавказа» – «Свистохлюпы (Литературный фельетон)» (Книга и революция. 1929. № 6, 20 марта. С. 20–21).

[1833] Текст этого письма нам неизвестен.

[1834] Подразумевается друзья-антропософы.

[1835] Подразумевается «Пробуд» – начальный фрагмент первоначальной редакции романа «Маски» («Москва», ч. 2). См. выше, примеч. 1768.

[1836] В этом письме Белый разъяснял П.Н. Медведеву ситуацию с передачей рукописи книги «На рубеже двух столетий» в издательство «Земля и фабрика». См.: *Лавров А.В.* Андрей Белый. Разыскания и этюды. С. 462–463.

[1837] Путешествие по Кавказу и Армении описано в дневнике К.Н. Васильевой, который она вела с 26 апреля по 24 августа 1929 г. (*Лица 9.* С. 120–221).

[1838] Сазандари (от *перс.* сазенде – музыкант) – исполнитель на сазе или другом народном инструменте в Закавказье.

[1839] Занга (Раздан) – приток Аракса, на его берегу расположена Эривань (Ереван).

[1840] См. выше, примеч. 1728.

[1841] Имеется в виду Мамикон Артемьевич Геворкьян (Геворгян), директор Гос. публичной библиотеки Армении, армянский филолог, переводчик и театральный деятель.

[1842] Подразумевается армянский поэт Хорен Радио. См. о нем в примечаниях Е.В. Наседкиной (*Лица 9.* С. 226).

[1843] ЗакТаг – Закавказское телеграфное агентство.

[1844] Дарачичаг – курортный город в 52 км от Эривани (ныне – Цахкадзор).

[1845] У А.А. Спендиарова было две дочери: Спендиарова Мария Александровна, певица, музыковед, автор книги об отце, и Спендиарова Татьяна Александровна, поэтесса, переводчица. Непонятно, кто из них имеется в виду.

[1846] См.: *Nansen Fridtjof.* L'Arménie et le Proche Orient. Paris: Imprimerie Massis, 1928.

[1847] Имеется в виду кн.: Исследования и статьи Н.О. Эмина по армянской мифологии, археологии, истории и истории литературы (за 1858–1884 гг.). С приложением переводов с армянских источников. М., 1896.

[1848] Имеется в виду Фанос Погосович Терлемезян (1865–1941), живописец, педагог, общественный деятель; жил за границей в 1923–1928 гг. (последнее место пребывания – США). См.: *Лица 9.* С. 127, 226 (примеч. Е.В. Наседкиной).

[1849] Армянский поэт Иоаннес Иоаннисян.

[1850] Джульфа (Джуга) – поселок у границы с Ираном, на левом берегу Аракса (мавзолей Гюлистан начала XIII в. и другие средневековые реликвии).

[1851] Книга Йозефа Стржиговского «Армянское строительное искусство и Европа» (*Strzygowski Josef.* Die Baukunst der Armenier und Europa. Bd. 1–2. Wien, 1918).

[1852] См. сделанные Белым в ходе этой поездки записи в записной книжке, приведенные в примечаниях Е.В. Наседкиной (*Лица 9.* С. 228, 229). См. также подробные записи за этот день в дневнике К.Н. Васильевой (Там же. С. 128–132).

[1853] Ашхарбек Агалоевич Лору Мелик-Калантар, армянский историк-археолог, ученик Н.Я. Марра и участник руководимых им археологических раскопок в Ани.

[1854] Армянский историк V в. Мовсес Хоренаци. В переводе на русский язык Н.О. Эмина опубликованы его «История Армении» (М., 1858; 2-е изд.: СПб., 1893) и «Всеобщая история» Вардана Великого (М., 1861).

[1855] См.: *Борьян Б.* Армения, международная дипломатия и СССР. Ч. 1. М.; Л., 1928. Часть 2-ая вышла в свет в 1929 г.

[1856] Подробное изложение этой беседы – в дневнике К.Н. Васильевой (*Лица 9.* С. 136).

[1857] Гарни (Баш-Гарни) – древнеармянская церковь и поселение в 27 км к востоку от Эривани (языческий храм I в., руины усадебно-дворцового комплекса I–III вв.). Гехарт (Гехард) – монастырь IV в. в ущелье реки Гарни, в 40 км к юго-востоку от Эривани. Ср.: *Лица 9.* С. 138–140

[1858] Lettré (*франц.*) – ученый, образованный.

[1859] Еленовка (Севан) – русское село неподалеку от Дарачичага, вблизи озера Севан.

[1860] Главное Курортное Управление.

[1861] Ср. запись К.Н. Васильевой от 25 мая 1929 г.: «…вечером сегодня были у Г. Р<обакидзе>. У них большое несчастье. Сгорела от примуса в Москве сестра его жены. Оба потрясены» (*Лица 9.* С. 152).

[1862] Имеется в виду кн.: *Бороздин К.А.* Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 г. СПб., 1885.

[1863] Красная Поляна – курортный поселок в 52 км от Адлера и в 49 км от берега моря, в долине реки Мзымты.

[1864] М.Я. Штейнер. Ср. запись К.Н. Васильевой за этот день: «…Б.Н. продолжал волноваться. Вдруг вспомнил А.О. и возмутился против М<арии> Я<ковлевны>» (*Лица 9.* С. 161).

[1865] День Вознесения в 1929 г. – 31 мая / 13 июня.

[1866] Ср. более развернутое описание в дневнике К.Н. Васильевой, добавляющей: «Б.Н. потрясен… ходит взволнованный…» (*Лица 9.* С. 167).

[1867] Ландшафтные впечатления; ср. записи К.Н. Васильевой за этот день: «посеребренные вершины стоят перед взором души… <…> Точно белые соборы обстали Поляну… и веют величием чистоты… Облака поднялись. Вышли вдоль нашей улицы. Спереди и с боков – белизна, серебро. Под просветом солнца – фосфорическое сиянье» (Там же. С 168).

[1868] К.Н. Васильева сообщает, что Белый в этот день занимался изучением ритма стихотворения Вл. Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами…». См.: Там же. С. 170.

[1869] Михаэль Бауэр умер 18 июня 1929 г. в Брейтбрунне на Аммерзее (Германия).

[1870] Имеется в виду письмо Белого к Иванову-Разумнику от 26 июня 1929 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 636–641).

[1871] Ср. запись К.Н. Васильевой за этот день: «Рион. Ливень. Безобразная история с носильщиком. Почти явное издевательство толпы. Б.Н. в сердечном припадке» (*Лица 9.* С. 179). См. более подробное описание инцидента на вокзале в Рионе: *Бугаева.* С. 266–268.

[1872] На курорт в Шови Белым была получена путевка в Курортном управлении. См. подробное описание затрагиваемых перипетий в письме Белого к Иванову-Разумнику от 19 июля 1929 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 642–643).

[1873] Имеется в виду кн.: Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики. Сост. Н. Ашукин. М.: Федерация, 1929.

[1874] Эта работа не была Белым завершена. В рукописи сохранились наброски ритмической «кривой» поэмы Пушкина «Кавказский пленник» и данные вычисления (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 2. Ед. хр. 5).

[1875] Сын Л.Н. Андроникова (Андроникашвили), Ираклий Луарсабович Андроников, впоследствии литературовед, писатель и мастер устного рассказа, записал об этом вечере: «Андрей Белый с женой. Философские разговоры, споры <…> Кроме него, к Тициану приглашены Шкловский, приглашен отец мой, который и меня взял с собой. Там уже Паоло с супругой. Вдохновенное бормотанье Белого. И очень резкий спор о Гегеле и о Канте с отцом» (*Андроников И.Л.* Всё живо…: Рассказы. Портреты. Воспоминания. М., 1990. С. 231).

[1876] См.: *Гильбо А.* Владимир Ильич Ленин. Описание его жизни. Л., 1924 (в 1924 г. – 3 издания).

[1877] Последнее к тому времени и наиболее полное на сегодняшний день издание: Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Со статьей о литературной деятельности Д.В. Давыдова и примечаниями, составленными А.О. Круглым. Т. 1–3. СПб., 1893.

[1878] Анико Абдушешвили (Абдушели) – хозяйка дома в Схвитори, в котором Белый и К.Н. Васильева жили в июне 1928 г. Ср. дневниковую запись К.Н. Васильевой за этот день (*Лица 9.* С. 187–188).

[1879] Имеется в виду театральный художник Владимир Владимирович Дмитриев, приглашенный В.Э. Мейерхольдом оформлять спектакль «Москва» по пьесе Белого. См.: *Лица 9.* С. 190, 247–248 (примеч. Е.В. Наседкиной).

[1880] Служащий гостиницы в Коджорах.

[1881] Удзо – гора близ Коджор (1440 м) со старинной грузинской церковью.

[1882] Подразумеваются события, предшествовавшие вооруженному конфликту между СССР и Китаем: арест правительством Чан-Кайши советских консульских работников в Манчжурии и Северном Китае и советских граждан – работников КВЖД (10 июля), отзыв советским правительством своих представителей из Манчжурии (17 июля).

[1883] Имеется в виду статья Бен. Буачидзе «Против оголтелого великодержавного шовинизма», опубликованная в тифлисской газете «Заря Востока» днем позднее (1929. № 164, 21 июля. С. 5); книга Белого «Ветер с Кавказа» характеризовалась в ней как «пример верхоглядства» и ограниченности авторского кругозора: «Писатель не потрудился познакомиться с новой грузинской литературой, со всеми направлениями, с видными их представителями. Он не сделал этого, но писать компетентно о грузинской литературе все же пытается. Вместе с этим характерны стремления Белого доказать, что Грузия – сплошной курорт <…> писать в два-три дня целые книги о Закавказьи нельзя. Давно пора выкорчевать корни развесистых клюкв».

[1884] Сохранился рисунок Белого «Замок Разбойника» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 50. Л. 11). Белый передает поверье о замке близ Коджор: «Был он “притчей” для всех: обитателя замка боялись; засел там разбойник: но тронуть не смели его» (*Андрей Белый.* Ветер с Кавказа. С. 179).

[1885] См. выше, примеч. 1869, а также дневниковую запись К.Н. Васильевой от 11 июля 1929 г. (*Лица 9.* С. 200–201).

[1886] Гора Кёр-Оглы с храмом Кватахеви (XII–XIII вв.).

[1887] В этом письме (датированном 1 августа 1929 г.) Белый просил Т. Табидзе предоставить машину для переезда в Тифлис и сетовал на неисполнение договоренностей и обещаний: «Наше явление в Грузии – Вам обуза. Быть в положении *гостя не вовремя* – чувствовать себя отвратительно»; «…кабы не Ваше предложение нам переселиться с К.Н. к Вам, мы бы не оказались в положении сидящих в Коджорах и дотошно пристающих с просьбами, как теперь» (*Табидзе Н.* Радуга на рассвете. С. 90, 92).

[1888] Это письмо В.А. Гофмана не выявлено.

[1889] Роман Г. Уэллса «Christina Alberta's Father» (1925), вышедший в двух русских переводах: Отец Кристины Альберты / Пер. с англ. К.М. Жихаревой и А.С. Полоцкой. Л., 1926; Отец Кристины Альберты / Под ред. В.А. Азова. Пер. В. Александрова. Л., 1926.

[1890] Ср. запись К.Н. Васильевой от 3 августа 1929 г.: «…“поэты” появились. У них были неприятности. Кроме того, со дня на день им обещали машину. Поэтому и не писали. Как всегда, при свидании с ними, все покрывается их сердечностью» (*Лица 9.* С. 208).

[1891] 3 августа К.Н. Васильева записала: «Все еще рисуем. Б.Н. сидит над фантастической “композицией”: “Тифлис ночью”» (Там же. С. 207). Этот рисунок Белого дополнен ее пояснительной надписью: «*Тифлис ночью* – вид с шоссе на Тифлис: “импрессия”. – Рисунок по памяти. Коджоры 29 года» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 50. Л. 13).

[1892] Подразумевается отказ от предварительно планировавшейся поездки в Кахетию.

[1893] Это письмо Иванова-Разумника, по-видимому, не сохранилось. В нем, как можно заключить из дневниковой записи К.Н. Васильевой за этот день, приводились фрагменты из поэмы Н.А. Клюева «Погорельщина» (1928): «Письмо от Раз<умника> Вас<ильевича>. Бодрится, а тяжело ему. Заставился ширмами из “народовольцев” и Клюева. Под этим же усталая душа. И еще многое. Удивлялись с Б.Н. его заинтересованностью Клюевым. Все эти “бездны” и “ужасы” – чужды нам. “Странно! мне ближе Маяковский”, сказал Б.Н., прослушав выписки Раз<умника> Вас<ильевича> из поэмы Клюева…» (*Лица 9.* С. 210–211).

[1894] Белый, по-видимому, рассказал Т. Табидзе и П. Яшвили о ряде своих «оккультных» переживаний в Брюсселе в апреле–мае 1912 г. См.: *Андрей Белый.* Из воспоминаний. 1. Бельгия. 2. Переходное время. 3. У Штейнера // Беседа. 1923. № 2. С. 83–127; то же – в кн.: *О Штейнере.* С. 636–686 (коммент. М.Л. Спивак); *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923). С. 737–752; письмо Белого к А. Блоку от 1/14 мая 1912 г. (*Белый – Блок.* С. 454–457).

1895 Имеется в виду кн.: *Маран Р.* Батуала. Негритянский роман / Пер. А.Я. Брюсова. Пб.; М., 1922 (2-е изд.: 1926; существуют и два других перевода). Перевод книги: *Maran René.* Batouala. Paris, 1921.

1896 Имеются в виду кн.: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 1–46. Тифлис, 1881–1929. Белый читал выпуск 44, вышедший в 1915 г.

1897 Имеется в виду кн.: *Керн А.П.* Воспоминания / Предисл. П.И. Новицкого. Вступ. статья, ред. и примеч. Ю.Н. Верховского. Л.: Academia, 1929.

1898 Имеется в виду кн.: *Рейснер Л.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1928.

1899 См.: *Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902; 2-е изд.: 1903.

1900 Текст телеграммы П.Н. Зайцеву: «Будем <в> Москве 24. Бугаев» (*Зайцев П.Н.* Воспоминания. С. 456).

1901 Имеется в виду кн.: *Голичер А.* Жизнь современника / Пер. с нем. К. Вейденмюллера и В. Мининой. Под ред., со вступ. статьей и примеч. К. Кейдем. М.; Л., 1929. Перевод книги: *Holitscher Arthur.* Lebensgeschichte eines Rebellen. Meine Erinnerungen. Berlin, 1924.

1902 А.А. Алексеева (мать К.Н. Васильевой), Е.Н. Кезельман, П.Н. Васильев, Е.А. Королькова (сестра А.А. Алексеевой).

1903 Дегория (Дигория) – историческое название территории в западной части Северной Осетии, на северном склоне Главного Кавказского хребта.

1904 Ср. развитие этих наблюдений в письме Белого к Иванову-Разумнику от 30 августа 1929 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 649–650).

1905 «Голубые роги» – название альманаха (первый номер вышел в 1916 г.), объединившего грузинских символистов; поэты-«голубороговцы» – П. Яшвили, Т. Табидзе, Г. Робакидзе, Г. Леонидзе, К. Надирадзе, В. Гаприндашвили и др.

1906 Подразумевается продолжение романа «Москва» – роман «Маски», который Белый называл вторым томом «Москвы».

1907 В статье Б. Волина «Недопустимые явления» (Литературная газета. 1929. № 19, 26 августа) в ряду писателей, раскритикованных за сотрудничество с эмигрантскими издательствами, фигурировали имена Б. Пильняка и Е. Замятина, руководителей, соответственно, московского и ленинградского отделений Всероссийского Союза Писателей. Этой статьей была начата кампания травли писателей, поводом для которой послужило опубликование за границей повести Пильняка «Красное дерево» и романа Замятина «Мы». См.: *Галушкин А.* «Дело Пильняка и Замятина»: Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине. Сб. материалов. Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 89–146.

1908 Имеется в виду кн.: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Изд. Дж. Белля 1877 г. С примеч. Гизо, Венка, Шрейтера, Гуго и др. / Пер. с англ. В.Н. Неведомский. Ч. 1–7. М., 1883–1886.

1909 Книга воспоминаний Белого «На рубеже двух столетий», печатавшаяся в издательстве «Земля и фабрика».

1910 Ср. признания Белого в письме к Е.И. Замятину от 9 января 1930 г.: «Не отвечал Вам, ибо 1) *Вам было не до меня*; 2) я *настолько волновался тогдашним шумом*, что вместе с Вересаевым и другими писателями (между прочим В.Н. Фигнер) собирался вообще переменить род профессии (писателя, например, на… хоть дворника)» (ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 36).

1911 Имеется в виду кн.: *Тынянов Ю.* Архаисты и новаторы. Л., 1929. Под «исследованием о Ломоносове» подразумевается входящая в эту книгу статья «Ода как ораторский жанр».

1912 Имеется в виду кн.: *Томашевский Б.* О стихе: Статьи. Л., 1929.

1913 9 января 1930 г. Белый писал Е.И. Замятину: «…ужасная, адская работа по развертыванию III части “Москвы”, в которую ушел с конца сентября, – работа *безумно* ответственная и по теме, и по технике, и по внешним условиям оформления темы, ибо если не перепрыгну через себя самого, – не имеет смысла писать, а связан – сроком и авансом; работа уложила меня в лоск, отнимала все время (вплоть до сна): ходил измученный, не имея времени месяцами прибрать письменный стол» (ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 36).

[1914] Обыгрываются слова Ф. Ницше («Так говорил Заратустра», ч. 4, «Среди дочерей пустыни»): «Пустыня ширится сама собою: горе тому, кто сам в себе свою пустыню носит» (*Ницше Ф.* Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 221, 224. Пер. Ю.М. Антоновского).

[1915] См.: *Андрей Белый.* Пепел. Стихи. М.: Никитинские субботники, 1929. Книга была выпущена в свет тиражом 3000 экз. в начале ноября 1929 г.

[1916] Книга Белого «На рубеже двух столетий» была выпущена в свет московским акционерным кооперативным издательством «Земля и фабрика» («ЗиФ») 29 декабря 1929 г.

[1917] Имеется в виду кн.: *Брюсов В.* Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения / Под ред. Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1929. В нее вошло 22 статьи автора о Пушкине.

[1918] Текст письма Чехова неизвестен. Л.В. Каликина, преподававшая в школе, была уволена в процессе проведения кампании по чистке и проверке кадров (см.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 408).

[1919] Роман Н.С. Лескова «Некуда» (1865), неоднократно переиздавался отдельными изданиями и в составе собраний сочинений Лескова.

[1920] Глава четвертая романа «Маски» – «Испытующие».

[1921] Это письмо не сохранилось.

[1922] Имеется в виду статья Белого в сборнике «Как мы пишем» (С. 9–23). Опубликована, как и статьи о своем творчестве других писателей, без заглавия; предложение написать ее Белый получил от Е.И. Замятина, которому отвечал 9 января 1930 г.: «...насильно вырву себя из всех сроков и обязательств, чтобы *что-нибудь, как-нибудь* (хоть с куриный нос) написать; но прошу заранее снисхождения за стиль и бесплановость. Написать мне на тему “*Как мы пишем*”, когда все муки жизни в праксисе моего “*Как я пишу сейчас*”, или “*как мне писать сейчас*”, – очень трудно» (ИМЛИ. Ф. 47. Оп. 3. Ед. хр. 36).

[1923] Имеется в виду кн.: *Драйзер Т.* Титан. Роман / Пер. с англ. З. Вершининой. М.; Л., 1928. Перевод книги: *Dreiser Theodore.* The Titan. New York, 1914.

[1924] Глава шестая романа «Маски».

[1925] Ср. выше: итоговая запись за май–август 1929 г. (С. 533 наст. изд.).

[1926] Под таким заглавием роман Ч. Диккенса «Our Mutual Friend» (1865) выходил в русских переводах в 1865, 1866, 1882 и 1905 гг. и в составе собрания сочинений Диккенса (Т. 13–14) в 1897 г. (пер. В.А. Тимирязева).

[1927] П.Н. Зайцев сообщает в «Воспоминаниях», что передал Д.И. Заславскому экземпляр книги Белого «На рубеже двух столетий», и добавляет: «Заславский, во искупление своего греха перед Борисом Николаевичем за ругательную рецензию “Свистохлюпы” о книге “Ветер с Кавказа”, напишет теперь положительную» (С. 135–136). См. выше, примеч. 1832. Отклика на книгу «На рубеже двух столетий» Заславский, по всей вероятности, не напечатал.

[1928] Работа над главой пятой «Масок» («Тителев») была начата после завершения главы шестой («Пырснь»).

[1929] См.: *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. Т. I. М., 1930.

[1930] Значок, видимо, подразумевает неназванное лицо (или лиц) в связи с репрессиями.

[1931] Вместе с этим письмом, датированным 18 февраля 1930 г. (Перспектива–87. С. 495–496. Публ. Т.В. Анчуговой), Белый отправил П.Н. Сакулину свою книгу «На рубеже двух столетий».

[1932] Роща названа по имени миллионера Д.П. Рябушинского, построившего в Кучине в 1904 г. Аэродинамический институт (см.: *Голощапова З.* Кучинский остров Андрея Белого. С. 17–18).

[1933] 6 февраля 1930 г. Вл. Пяст был арестован в Москве по статье 58-10 и 58-11 (контрреволюционная агитация и участие в контрреволюционной организации) и приговорен к высылке в Северный край на три года – сначала в Архангельск, потом – в Кадников Вологодской области (*Тименчик Р.* Рыцарь-несчастье // *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997. С. 20).

[1934] Это письмо Иванова-Разумника, по-видимому, не сохранилось.

[1935] Имеется в виду кн.: *Мгебров А.А.* Жизнь в театре. <Т.> I / Под ред. и с вступ. статьей Евг. Кузнецова; предисл. Гайка Адонца; коммент. Э.А. Старка. Л.: Academia, 1929.

[1936] Имеются в виду кн.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет / Вступ. статья и примеч. С.В. Бахрушина. М., 1929; Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов / Вступ. статья и примеч. С.В. Бахрушина. М., 1929.

[1937] Из многочисленных книг С.Я. Штрайха о Н.И. Пирогове, по-видимому, имеется в виду кн.: *Штрайх С.Я.* Повесть о жизни и любви чудесного доктора. М.: Федерация, 1930.

[1938] Письмо от 10 марта 1930 г. (см.: *Табидзе Н.* Радуга на рассвете. С. 102–103).

[1939] С.М. Соловьев.

[1940] Имеется в виду сборник II «Ars poetica» под редакцией М.А. Петровского и Б.И. Ярхо (М.: ГАХН, 1928); в нем опубликованы статьи Б.И. Ярхо «Рифмованная проза так называемого “Романа в стихах”» (С. 9–36) и «Свободные звуковые формы у Пушкина» (С. 169–181).

[1941] Нельзя сказать с уверенностью, какой из многочисленных романов Н.А. Венкстерн здесь имеется в виду; возможно – «Аничкина революция» (М.: Федерация, 1928).

[1942] См.: *Гроссман Л.* Цех пера. Статьи о литературе. М., 1930.

[1943] А.Н. Тихонов (Серебров). Текст упоминаемого письма нам неизвестен.

[1944] Письмо П.Н. Сакулина от 25 марта 1930 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 263) содержало отзыв о подаренной Белым его книге «На рубеже двух столетий»: «Читаю с наслаждением. Ведь это – и моя эпоха. Множество знакомых лиц и событий. И всё это вдруг ожило под Вашим пером, задвигалось, заговорило… <…> Впечатление очень яркое. Для нас, историков литературы, такая книга – драгоценна: жизнь московской интеллигенции и – Андрей Белый. На “некоторые резкие, полемические ноты” нисколько не сетую. Во-первых, в них много тонких наблюдений и вполне справедливых суждений, а, во-вторых, без них побледнел бы образ Андрея Белого. Думается, что каждый читатель будет искать в книге прежде всего ее автора и не потребует от него “объективной” картины жизни. Да и жизнь эта играет здесь такими свежими красками, живет так колоритно, что едва ли можно назвать другую книгу, которая бы в такой же степени приближала нас к научному и литературному быту тогдашней Москвы. Нетерпеливо буду ждать продолжения». В тексте — цитата из сопроводительного к посланной книге письма Белого к Сакулину от 18 февраля 1930 г., в котором оговаривалось: «Надеюсь, что Вы не будете сетовать на некоторые резкие полемические ноты (реминисценция юности) в отношении некоторых лиц прошлого, общих знакомых» (Перспектива–87. С. 495–496. Публ. Т.В. Анчуговой).

[1945] Имеется в виду кн.: *Геккель Э.* Красота форм в природе. 100 табл. с описательным текстом. Общее объяснение и систематич. обзор / Пер. В.А. Догель, под ред. проф. А.С. Догеля. СПб.: Просвещение, <1907?>.

[1946] Акционерное кооперативное издательство «Земля и фабрика», с которым Белый заключил договор на второй том воспоминаний, ко времени завершения авторской работы над книгой было ассимилировано Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ), и последующие отношения Белый имел уже с этим издательством.

[1947] Имеется в виду кн.: *Чулков Г.* Годы странствий: Из книги воспоминаний. М.: Федерация, 1930.

[1948] Роман Чарлза Диккенса («Bleak House», 1853), различные русские переводы и издания с 1854 по 1916 г.

[1949] Текст этого письма неизвестен.

[1950] Неясно, о чем идет речь: журналист и переводчик с польского В.М. Лавров авторских книг не имел.

[1951] Речь идет об открытке, о получении которой Белый сообщал Т. Табидзе в письме от 15 апреля 1930 г. (*Табидзе Н.* Радуга на рассвете. С. 103).

[1952] В.В. Маяковский покончил жизнь самоубийством 14 апреля 1930 г. в 10 час. 15 мин. в своей рабочей комнате в Лубянском проезде.

[1953] Имеется в виду повесть К.Я. Левина «Записки из плена» (М.: Огонек, 1928; изд. 2-е, доп.: М.: Федерация, 1930).

[1954] Имеется в виду, видимо, издание: *Новалис.* Гейнрих фон Офтердинген / Пер. З. Венгеровой и В. Гиппиуса. Вступ. статья З. Венгеровой. Пб.: Всемирная литература, 1922; первое издание этого перевода: М., 1914.

[1955] Договор на издание второго тома воспоминаний Белого.

[1956] Имеется в виду статья: *Ермилов В.* О настроениях мелкобуржуазной «левизны» в художественной литературе // На литературном посту. 1930. № 4. С. 13. В ней критически оценивается книга Белого «Ветер с Кавказа».

[1957] Стихотворение Вл. Соловьева «Знамение» («Одно, навек одно! Пускай в уснувшем храме...», 1898). См.: *Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. С. 119–120.

[1958] Роман П.С. Романова «Товарищ Кисляков» был опубликован в кн.: Недра. Литературно-художественный сборник. Кн. 18. М., 1930. С. 3–296.

[1959] В экстренном выпуске «Литературной газеты» от 17 апреля 1930 г. все публикации были посвящены одной теме – смерти Маяковского: статьи «Путь Маяковского» И. Беспалова, «Владимиру Маяковскому» Г. Киша, «О друге» Б. Кушнера, «Что случилось» Михаила Кольцова, «Главное в облике Маяковского» М. Гельфанда, «Довольно грошовых истин» А. Зонина, «Свинцово-тяжелые стихи» А. Селивановского и др., хроникальные материалы, телеграммы.

[1960] Видимо, подразумевается фотопортрет М. Бауэра.

[1961] Маяковский был похоронен накануне, 17 апреля: прах был опущен для сожжения в московском крематории в 7 час. 35 мин. вечера.

[1962] 6-я глава романа «Маски» – «Пырснь» – согласно выше приведенным свидетельствам, написана ранее: в январе – начале февраля 1930 г. Возможно, здесь подразумевается глава седьмая – «Сердца волнует».

[1963] «Les revenants» («Тайною тропинкою, скорбною и милою...», 1900) — стихотворение Вл. Соловьева (*Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. С. 136).

[1964] См. выше, примеч. 150.

[1965] В.Д. Финкельштейн (урожд. Синайская; 1872 – ок. 1940) – педагог, автор повести «Нерасцветшая» (М., 1924).

[1966] Имеется в виду кн.: *Голубинский Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. Сергиев Посад, 1892; изд. 2-е, испр. и доп.: 1909.

[1967] Имеется в виду кн.: *Зайцев Б.* Преподобный Сергий Радонежский. Париж, 1925.

[1968] Имеется в виду книга Марка Твена «Жизнь на Миссисипи» («Life on the Mississippi», 1883); неоднократно выходила в русских переводах как в отдельных изданиях, так и в собраниях сочинений Марка Твена.

[1969] См.: *Гнедич П.П.* Книга жизни. Воспоминания. 1855–1918. Л.: Прибой, 1929.

[1970] Т.е. распродан весь тираж книги Белого «На рубеже двух столетий».

[1971] «Horchet! horcht! Dem Sturm der Horen // Tönend wird für Geisteshoren» – слова Ариэля из «Фауста» Гете (ч. 2, действие 1, сцена «Живописная местность»). В переводе Н.А. Холодковского: «Чу! Шумят, бушуют Оры! // Шум их слышат духов хоры».

[1972] В письме от 3 мая 1930 г. Т. Табидзе приглашал Белого и К.Н. Васильеву погостить у него в Тифлисе, но упоминал также о своем вероятном скором отъезде в Москву (*Табидзе Н.* Радуга на рассвете. С. 105–107).

[1973] По-видимому, имеется в виду кн.: *Ключевский В.О.* Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913; 2-е изд.: Пг., 1918.

[1974] Имеется в виду статья Пл. Кикодзе «За деловое литературное сотрудничество», опубликованная в «Литературной газете» под рубрикой «Литература и искусство Советской Грузии» (1930. № 19, 12 мая. С. 3); в ней в разделе, озаглавленном «Союз “Рюмка водки”», подвергнута критике поэтическая группа «Голубые роги»: «До сих пор еще недостаточно разоблачена глубоко реакционная роль *декадентов-символистов* <...> Такие литературные сплетники, двурушники, пьяницы и шовинисты в немалом количестве имеются в группе и поныне называемой “*Голубые роги*” (напомним читателям, что в инвентаре “священных традиций” Грузии имеется дворянский обычай пить вино из рога). Правда, среди этих символистов есть писатель с крупным европейским именем. *Гр. Робакидзе*, достаточно искренний... буржуазный писатель с явными тенденциями и желанием по-настоящему сблизиться с революцией, но от этого символизм, как течение, и особенно как внутрилитературная бытовая язва, не перестает быть абсолютно реак-

ционным явлением. И *примиренческое отношение ряда* органов и отдельных товарищей в Грузии к этой группе не может быть объяснено ничем иным, как их политико-литературной близорукостью».

[1975] «Тайна Эдвина Друда» («The Mystery of Edwin Drood», 1870) – последний, неоконченный роман Чарлза Диккенса; выходил в русских переводах отдельными изданиями в 1870 и 1871 г. и позднее в составе собраний сочинений Диккенса.

[1976] Второе издание книги Белого «На рубеже двух столетий» было осуществлено издательством «Земля и фабрика» в 1931 г.

[1977] «Искра» – первая российская марксистская нелегальная газета, издававшаяся за границей с декабря 1900 по октябрь 1905 г. Статьи из «Искры» 1900–1903 гг. составили т. 4 собрания сочинений В.И. Ленина (М., 1920; 4-е изд.: М.; Л., 1925).

[1978] Это письмо Иванова-Разумника, вероятно, не сохранилось.

[1979] Имеется в виду кн.: *Иванов-Разумник Р.* М.Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч. 1. 1826–1868. М.: Федерация, 1930.

[1980] По-видимому, имеется в виду кн.: *Бонч-Бруевич В.* На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. М.: Федерация, 1930.

[1981] См.: *Соболев Ю.* Чехов: Статьи, материалы, библиография. М.: Федерация, 1930.

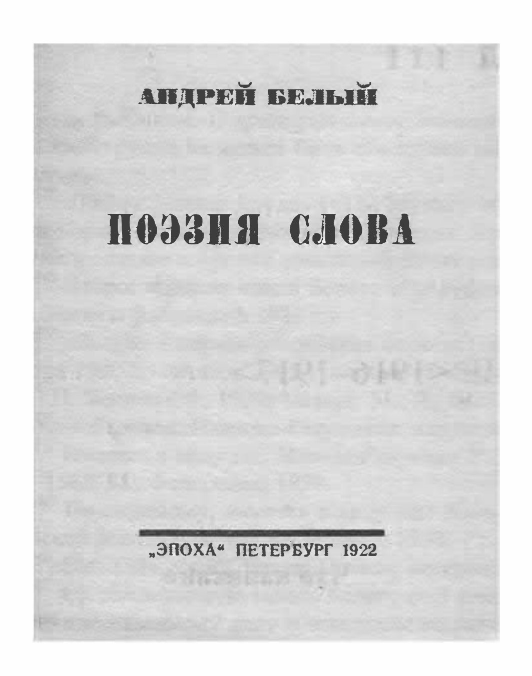
[1982] Ср. дневниковую запись Белого от 3 июня 1930 г., приведенную в обвинительном заключении по следственному делу о контрреволюционной организации антропософов (29 июня 1931 г.): «Окончен огромный труд. Ты им доволен ли, взыскательный художник? Нет, нет – недоволен, написанное кажется мне тягучим, жалким, а главное, – написанным в Торричеллеву пустоту, для "масок" в теперешней России – нет читателя» (*Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 387).

[1983] Белый и К.Н. Васильева выехали в Судак (Крым) 11 июня 1930 г.

РАЗДЕЛ III

РАБОТА И ЧТЕНИЕ <1916–1917>

1916	Что написано
Январь.	
Кант. Наторп. Читаю Раймонда Луллия «Ars Brevis»[1]. Читаю литературу о Раймонде[2]. Готовлюсь к лекциям по теории знания. Читаю Плутарха. «Войну и мир»[3]. Пишу фельетоны.	«Гремящая тишина». «Горизонты сознания». (Фельетоны)[4].
Февраль.	
Читаю Плутарха. Тургенева. Читаю Штейнера «Philosophie der Freiheit»[5]. Читаю Ласка «Lehre vom Urteil»[6]. Перечитываю Гёте «Naturwissenschaftliche Schriften»[7]. Читаю лекции[8].	«Кризис сознания» (фельетон)[9]. Переписаны и отделаны 1-ая и 2-ая глава «Котика Летаева». «О природе» (фельетон)[10].
Март.	
Работаю над «Котиком Летаевым». Работаю над резной скульптурой.	«Современные немцы» (фельетон)[11].
Апрель.	
Работаю над резной скульптурой. Поездка в Лугано. Читаю Тургенева. Много прогулок в горах.	3 глава «Котика Летаева».

Андрей Белый. Поэзия слова
Пб.: Эпоха, 1922

Май.

Читаю «Философию хозяйства» Булгакова[12]. Читаю «Смысл творчества» Бердяева[13]. Читаю исследование о *«Росмини»*[14].

5-ая глава «Котика».
«Восток или Запад» (фельетон)[15].
«Чем был Запад собственно» (фел<ьетон>)[16].
«Стихии природы у поэта»[17].

Июнь.

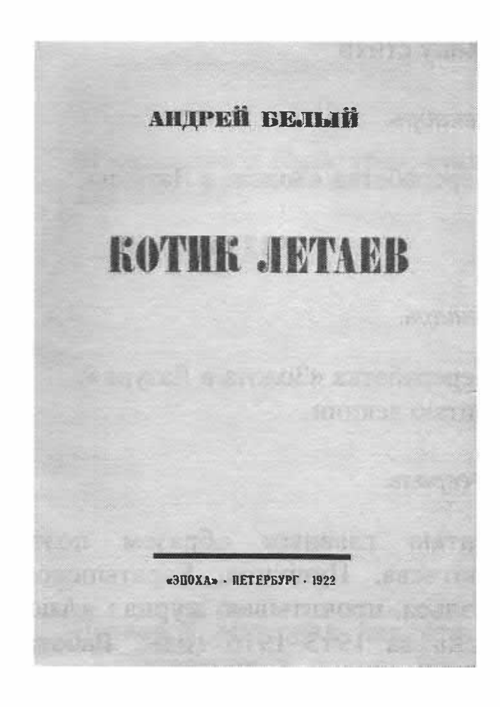
Работаю над резной скульптурой. Пишу фельетоны и «Котика». Перечитываю «Анну Каренину». Читаю произведения А.Н. Шмидт[18]. Переписываю и отделываю 5 глав «Котика».

4-ая глава «Котика».
«Современные курорты»
«О злободневном и вечном»
«От Базеля до Лугано»
«Базель»
} фельетоны[19]

Июль.

Главным образом работаю над резной скульптурой. Читаю Новалиса. Читаю беседы Гёте с Эккерманом[20].

«София»[21]
«Отчет о фельетонах в “Basler Nachrichten”»[22].
} фельетоны.

Андрей Белый. Котик Летаев
Пб.: Эпоха, 1922

Август.
Путешествие в Россию[23].

Сентябрь.
Читаю Муретова о «Филоне»[24]. Вл. Соловьева «Основные начала»[25]. Книга о Ницше. Статьи Флоренского. Читаю книгу Гершенсона[26]. Читаю «Историю др<евней> философии» Новицкого[27]. Читаю «Спинозу». Пишу статью *«Александрия и мы»*[28]. Пишу стихи.

«Александрия и мы» (глава к книге «Кризис сознания»[29]).

Октябрь.

6-ая глава и эпилог «Котика Летаева».

Ноябрь.

Две недели работаю над поэзией Блока. Работаю над переработкой «Золота в Лазури»[30]. Читаю лекцию «Творчество Мира»[31].

Статья о Блоке[32].
Заметка о Серове[33].
Переработка «Золота в Лазури».

Пишу стихи.

Декабрь.

Переработка «Золота в Лазури».

Переработка «Золота в Лазури».

1917 год

Январь.

Переработка «Золота в Лазури».
Читаю лекции.

Переработка «Золота в Лазури».

Февраль.

Читаю главным образом поэтов Тютчева, Пушкина, Баратынского, Уэльса, прочитываю журнал «Аполлон» за 1913–1916 годы. Работаю над главами книги «Кризис сознания». Работаю над собиранием материала по ритмич<ескому> жесту. Революция.

«Жезл Аарона»[34] (глава «Кризиса сознания»). Набросок вчерне «О ритмическом жесте»[35].

Март.

Работаю над ритмич<еским> жестом. Перечитываю «Wille zum Macht» и «Человеч<еское> слишком человеческое»[36]. Читаю Историю Валишевского «Иоанн Грозн<ый>», «Смутное время»[37].

«О ритмическом жесте» (глава из «Кризиса сознания»).
«Творчество мира»[38] (глава «Кризиса сознания»).

Апрель.

Работаю над переделкой и архитектоникой «Кризиса сознания». Переделываю его главы.

«Кризис сознания» (глава из «Кр<изиса> сознания»).

Май.

Лекции. Митинги. Заседания. Много дел с А<нтропософским> О<бществом>. *Революция.* Читаю «Вольтера». Читаю для отдыха много романов. Клуб писателей[39].

Июнь.

Читаю Булгакова *«Свет Невечерний»*[40]. Читаю *«Задачи этнич<еской> психологии»* Шпетта[41]. Читаю: «Явление и смысл» Шпетта[42]. Читаю Трубецкого «Мировоззр<ение> Вл. Соловьева»[43]. Читаю Всеволода Соловьева. Перечит<ываю> «Фауста» Гёте. Читаю Курс Штейнера «Тайны библ<ейского> миротворения»[44]. Читаю М. Мюллера «Шесть систем инд<ийской> философии»[45].

«Революция и Культура», статья для Лемана[46].

Июль.

Занимаюсь аллитерацией в поэзии Блока. Пишу черновую статью на эту тему. Занимаюсь фонетикой.

Черновой материал для статьи «Аллитерации в поэзии Блока» (не написано начисто)[47].

Август.

Читаю фонетику Мейе, книгу о языке М. Мюллера[48]. Книгу «Психология творчества»[49]. Проглядываю Бругмана «Kurze Vergleichende Grammatik»[50]. Работаю над звуком.

Первая часть статьи «Глоссолалия»[51].

Сентябрь.

Продолжаю работать над статьей о звуке. Вальтер Скотт. Диккенс.

Вторая часть «Глоссолалии».

Октябрь.

Работаю над проблемой звука.

Заново переделываю «Глоссолалию».

Ноябрь.

Работаю над книгами В. Иванова. Собираю материал. Работаю над ритмом его. Готовлюсь к курсу. Читаю Блаженного Августина.

Черновой материал к статье о В. Иванове.

Декабрь.

Книга Попова о «Блаж<енном> Августине»[52]. Книга Ницше «Пр<оисхождение> трагедии»[53] (переч<итываю>). Книга Франка «Предмет познания»[54]. Книга Е. Трубецкого «Метаф<изические> предп<оложения> познания»[55]. Читаю статьи кн. С. Трубецкого «О природе сознания», «Основание идеализма»[56]. Готовлюсь к лекциям курса[57].

Статья: «Поэзия Вячеслава Иванова»[58].

<1918 год>

Январь.

Готовлюсь к лекциям курса. II часть «Rätsel der Philosophie»[59], сборник «Мысль и Слово»[60].

1-ая глава повести «Человек»[61].

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 6).

[1] См. примеч. 932 к *РД*.

[2] См. примеч. 930, 931, 933 к *РД*. Собранные сведения о Раймунде Луллии Белый позднее использовал в трактате «История становления самосознающей души» (см.: *Андрей Белый.* Душа самосознающая. М., 1999. С. 67; извлечения – в комментариях И.Н. Лагутиной в кн.: *О Штейнере.* С. 597).

[3] Видимо, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, а также роман Л.Н. Толстого (1863–1869).

[4] Обе статьи были опубликованы в «Биржевых Ведомостях» в 1916 г. дважды: «Гремящая тишина» – в утреннем выпуске 15/28 марта и во втором издании 16 марта, «Горизонты сознания» – в утреннем выпуске 17/30 марта и во втором издании 18 марта.

[5] Книга Р. Штейнера (1894). См. русский перевод Б.П. Григорова: *Штайнер Р.* Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения. Ереван, 1993.

[6] См. примеч. 939 к *РД*.

[7] Естественнонаучные сочинения Гете: «Опыт объяснения метаморфоза растений» («Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären», 1790), «Об оптике» («Beiträge zur Optik», 1791–1792), «К учению о цвете» («Zur Farbenlehre», 1810).

[8] См. примеч. 925 к *РД*.

[9] Видимо, подразумевается статья «Кризис жизни», опубликованная в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 30 марта / 12 апреля 1916 г.

[10] Имеется в виду статья «Природа», опубликованная в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 7/20 апреля 1916 г.

[11] Опубликовано в «Биржевых Ведомостях» в 1916 г. дважды: в утреннем выпуске 22 мая/4 июня и во втором издании 27 мая.

[12] См.: *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. Ч. 1. Мир как хозяйство. М.: Путь, 1912.

[13] См.: *Бердяев Н.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1916.

[14] Ср. сообщение в *РД* о чтении в феврале 1916 г. «основного труда Росмини» (С. 424 наст. изд.; см. примеч. 938 к *РД*). В данном случае подразумевается, видимо, книга В.Ф. Эрна «Розмини и его теория знания. Исследование по истории итальянской философии XIX столетия» (М.: Путь, 1914).

[15] Статья «Восток или Запад?» опубликована в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 6/19 июля 1916 г.

[16] Статья Белого под указанным заглавием в печати не появилась.

[17] Имеется в виду статья «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы», опубликованная в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 26 июля / 8 августа 1916 г.

[18] Имеется в виду кн.: Из рукописей Анны Николаевны Шмидт. <М.: Путь>, 1916.

[19] Из этого перечня под указанным заглавием была опубликована только одна статья – «О злободневном и вечном» – 23 июня / 6 июля 1916 г. в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей»; еще одна статья появилась в утреннем выпуске той же газеты 17/30 августа 1916 г. под заглавием «Мертвые города» (перепечатана во втором издании «Биржевых Ведомостей» 11 сентября 1916 г.). В рукописи сохранилась еще одна статья Белого, датированная апрелем 1916 г., – «Русская литература в Германии» (см.: Неизвестная статья из «швейцарского цикла» Андрея Белого / Предисл., публ. и коммент. К.М. Азадовского и А.В. Лаврова // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М., 2005. С. 481–490).

[20] Имеется в виду книга Иоганна Петера Эккермана (Eckermann) «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» («Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens». Ч. 1–3. 1837–1848).

[21] Статья Белого под указанным заглавием не была опубликована.

[22] Имеется в виду статья Белого «Петроград и Москва в освещении прессы немецкой Швейцарии», опубликованная в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 23 августа / 5 сентября 1916 г.

[23] Это путешествие (через Францию, Англию и Скандинавию) продолжалось с 18 августа по 3 сентября (н. ст.). Белый прибыл в Петроград 21 августа / 3 сентября 1916 г.

[24] См. примеч. 968 к *РД*.

[25] Подразумевается неоконченная книга В. Соловьева «Философские начала цельного знания» (1877).

[26] Ср. сообщение в *РД* о чтении в сентябре 1916 г. «философских статей Гершенсона» (С. 429 наст. изд.; см. примеч. 972 к *РД*). Последние из вышедших к тому времени книг М.О. Гершензона – «Грибоедовская Москва» (М., 1914; изд. 2-е, доп.: М., 1916) и «Декабрист Кривцов и его братья» (М., 1914).

[27] См. примеч. 967 к *РД*.

[28] Эта статья Белым опубликована не была. Видимо, ей соответствует текст доклада «Александрийская эпоха и мы в освещении проблемы “Восток и Запад”», с которым Белый публично выступал дважды (см. примеч. 973, 1016 к *РД*).

[29] Первоначальное заглавие произведения, которое реализуется в виде четырехчастного цикла философско-культурологических эссе Белого под общим заглавием «На перевале» («Кризис сознания» – заглавие четвертой части цикла). См.: *Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>*. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т. 27/28. М., 1937. С. 620–622.

[30] Речь идет о переработке книги «Золото в лазури» для неосуществленного издания, которое предполагалось осуществить в издательстве В.В. Пашуканиса. Рукопись новой редакции книги (под заглавием «Набат времен» или «Зовы времен») пропала при ликвидации издательства после

ареста Пашуканиса. См.: *Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>*. Литературное наследство Андрея Белого. С. 583; *Малмстад Дж.* «Муки слова». Очерк истории формирования и публикации стихотворных книг Андрея Белого // *СП–1*. С. 59–61.

[31] См. примеч. 987 к *РД*.

[32] Статья Андрея Белого «Поэзия Блока» была опубликована в альманахе «Ветвь» (М., 1917. С. 267–283).

[33] См.: *Андрей Белый*. Памяти художника-моралиста // Русские Ведомости. 1916. № 271, 24 ноября.

[34] См. примеч. 1008 и 1014 к *РД*.

[35] Книга Белого «О ритмическом жесте» была переработана в 1921 г. и передана издателю Г.Б. Городецкому, но осталась ненапечатанной (*Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>*. Литературное наследство Андрея Белого. С. 624). Из сохранившихся рукописных текстов книги (РГБ. Ф. 25. Карт. 4. Ед. хр. 1) ныне опубликованы две вступительные заметки и первая глава (см.: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 515). Тарту, 1981. С. 132–139).

[36] Книги Ф. Ницше «Воля к власти» (1889–1901) и «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (1878).

[37] Имеются в виду исторические повествования К. Валишевского «Иван Грозный» (Пер. с франц. В.П. Потемкина и В.Г. Херсонской. М., 1912; 2-е изд.: М., 1913), «Смутное время» (Пер. с франц. под ред. Е.Н. Щепкиной. <СПб.>, 1911).

[38] Статья Белого под таким названием не была опубликована. См. примеч. 987 и 1017 к *РД*.

[39] См. примеч. 1033 и 1035 к *РД*.

[40] См.: *Булгаков С.* Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Путь, 1917.

[41] Работа Г.Г. Шпета «Предмет и задачи этнической психологии» печаталась в 1917–1918 гг. в журнале «Психологическое Обозрение».

[42] См. примеч. 989 к *РД*.

[43] Имеется в виду монография Е.Н. Трубецкого «Миросозерцание Вл. С. Соловьева» (Т. I–II. <М.:> Путь, <1913>).

[44] Подразумевается цикл из 11 лекций Р. Штейнера «Тайны библейской истории творения: Шестоднев по книге Бытия», прочитанный в августе 1910 г. в Мюнхене.

[45] Труд Фридриха Макса Мюллера «Шесть систем индийской философии» был издан в русском переводе (М., 1901).

[46] См. примеч. 1053 к *РД*.

[47] Один из сохранившихся, хотя и в дефектном виде, фрагментов, относящихся к этим штудиям, включает анализ аллитераций в стихотворении А. Блока «Из хрустального тумана…» (см.: *Андрей Белый*. Об аллитерациях в поэзии Блока / Публ. Е.В. Глуховой // Русская антропологическая школа: Труды. Вып. 2. М., 2004. С. 353–364), другой (под заглавием «Поэзия Блока») посвящен анализу инструментовки стихотворения Блока «К Музе» («Есть в напевах твоих сокровенных…») (см.: Стихотворение Александра Блока «К Музе» в интерпретации Андрея Белого / Предисл. и публ. А. Лаврова // Natales grate numeras? Сб. статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008. С. 295–308).

[48] См. примеч. 1061, 1060 к *РД*.

[49] Возможно, подразумевается труд А.М. Евлахова «Введение в философию художественного творчества. Опыт историко-литературной методологии» (Т. I. Варшава, 1910; Т. II. Варшава, 1912; Т. III. Ростов-на-Дону, 1917).

[50] См. примеч. 1065 к *РД*.

[51] «Глоссолалия. Поэма о звуке» Андрея Белого впервые была опубликована отдельным изданием (Берлин: Эпоха, 1922; с опечаткой на обложке, авантитуле, титульном листе и в авторском предисловии: «Глоссалолия»); датировка под текстом: «1917. Октябрь. Царское Село». Первона-

чально предполагалось опубликовать это произведение в альманахе «Скифы». Имеется новейшее издание русского текста с переводом на немецкий и английский языки: *Andrej Belyj*. Glossolalie. Glossolalia. Глоссолалия / Aus dem Russischem vom Maka Kandelaki. Transl. from the Russian by Thomas R. Beyer, Jr. Mit Anmerkungen und einer Einführung von / With Notes and an Introduction by Thomas R. Beyer, Jr. Hrsg. von Taja Gut. Dornach, 2003. О работе Белого над этим произведением и об архивных материалах, относящихся к нему, см.: *Глухова Е., Торшилов Д.* «Глоссолалия» Андрея Белого: черновые варианты и рисунки к тексту // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. М., 2009. С. 207–217.

[52] См. примеч. 1077 к *РД*.

[53] См. примеч. 37 к *РД*.

[54] Имеется в виду первая книга С.Л. Франка «Предмет знания» (Пг., 1915).

[55] См.: *Трубецкой Е.* Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. <М.:> Путь, <1917>.

[56] Работы С.Н. Трубецкого «О природе человеческого сознания» (1889–1891) и «Основания идеализма» (1896); вошли в «Собрание сочинений» С.Н. Трубецкого (Т. 1–6. М., 1906–1912). См.: Т. 2: Философские статьи (1908).

[57] Курс лекций «Мир Духа» для членов Антропософского общества. См. с. 710–711 наст. изд.

[58] См. примеч. 1075 к *РД*.

[59] Книга Р. Штейнера «Загадки философии» («Die Rätsel der Philosophie in ihrer Geschichte als Umriss dargestellt». Bd. I–II. Berlin, 1914).

[60] Первый выпуск философского ежегодника «Мысль и Слово» (М., 1917) под редакцией Г.И. Челпанова и Г.Г. Шпета.

[61] Прозаический этюд «Человек» (согласно авторскому пояснению, «предисловие к повести “Человек”, являющей собой хронику XXV века») был опубликован в журнале «Знамя труда» (1918. № 1. С. 22–24). См.: *Андрей Белый*. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 292–295.

ЖИЗНЬ БЕЗ АСИ

1916 год

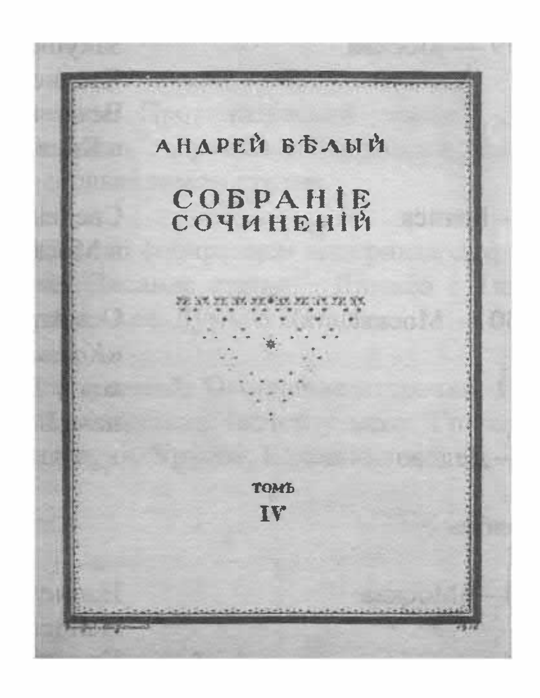
Август н. ст., ст. ст.

16 <н. ст.> — Берн[1]
17 — Дорнах
18 — Берн
19 — Париж. Гавр
20 — Соутемптнон <так!>[2]. Лондон
20–25 — Лондон
25 — Ньюкастль
26–27 — Немецкое море
27 — Берген
29 — Христиания
30 — Крильбо

(Сентябрь)

1 — Торнео	
3–6 — Петроград	Виделся с ред<актором> «Биржевых Ведомостей»[3]. Был в Типографии «Стасюлевича»[4]. Разыскивал Ремизова, Мережковского. Виделся с М.А. Бекетовой. Получаю гонорар за статью[5].
(7) 21 авг<уста> (ст. стиль),	Был у мамы. Болел с дороги.
22, 23 — Демьяново	
23, 24, 25 — Москва	Встреча с Петровским, Сизовым, Григоровыми, Рачинским, Гершенсоном, Киселевым. Дела об издании собрания сочинений с Пашуканисом[6]. Подготовка томов собр<ания> соч<инений>.
26 — Дедово	Встреча с Сережей, Таней, Софьей Николаевной[7].

Сентябрь

Андрей Белый. Собрание сочинений
Т. IV. Собрание эпических поэм
Кн. 1: 1-я Северная симфония; Симфония (2-я, драматическая)
М.: Изд. В.В. Пашуканиса, 1917

27 авг<уста>—8 сент<ября> — Москва	Договор о собрании сочинений с Пашуканисом. Встреча с св<ященником> Агеевым. Поступление в Земский Союз[8]. Беседы с Гершенсоном о духовной науке. Взятие Саши в солдаты[9].
9 — Петроград	Беседы с Виленским, Л.Д. Блок[10]. Дело о принятии на себя издания «Петербурга»[11].
10 — Царское Село	Встреча с Ивановым-Разумником[12]. Дела о «Котике»[13].
11 — Петроград	Встреча с Аггеевым. Беседа с М.К. Лемке[14]. Получил 1000 руб. за проданные экземпляры «*Петербурга*».
12 — Царское Село	Беседа с Р.В. Ивановым.
13 — Петроград	Встреча с А.А. Кублицкой (разговор о долге Саше)[15].

14–19 — Москва	Закупка теплых вещей. Слухи о призыве. Чтение «*Котика Летаева*» у Григоровых. Встреча с Морозовой, Булгаковым. Отъезд в Киев.
20 — Брянск	Сведение о призыве в дороге. Возвращение в Москву.
21–30 — Москва	Осмотр и 3-месячная отсрочка[16]. Чтение «*Котика*» у Григоровых[17]. Чтение «*Котика*» у Гершенсона с беседой. Встреча с Эрном, Шестовым, Бердяевым.
30 — Дедово	
Октябрь	
1–30 — Москва	Написана глава книги «Александрия»[18]. Написана 6-ая глава *«Котика»*. Лекция в Камерном театре *«Драма жизни»*[19]. Чтение «Котика» на выставке «Бубновый валет»[20]. Оппонирование Шестову на его реферате в Рел<игиозно>-Фил<ософском> О<бщест>ве[21]. Дружба с Бердяевыми. Разговоры с Булгаковым.
Ноябрь	
1–9 — Москва	Отделка «Котика». Дружба с Григоровыми. Знакомство с Майей Кудашевой. Гонорар в *«Русск<их> Ведом<остях>»*[22].
9–18 — Сергиев Посад	Подготовка к лекции «Творчество мира». Писание вчерне. Дружба с Сережей и Таней. Разговоры с Флоренским. Выход моей книги[23].
19–30 — Москва	Встреча с Бальмонтом. Заметка о Серове[24]. Оппонирование Бердяеву[25]. Лекция «Творчество мира»[26]. Работа над первым томом стихов «Вечные зовы» (заново переделал)[27]. Доклад мой в Рел<игиозно>-Фил<ософском> О<бщест>ве[28]. Чтение у Лосевой. Неприятность с Бальмонтом. Болезнь. Тоска по Асе. Неприятности с мамой. Знакомство с Жуковской. Писание стихов. Вечер «Дома Песни».

Декабрь

1–10 — Москва	Волнение. Протопоповский режим[29]. Земский съезд[30]. Дружба с Бердяевым. Работа над первым томом стихов.
10–20 — Сергиев Посад	Работа над собиранием материала статьи о Блоке. Писание статьи[31]. Дружба с Таней. Тоска по Асе. Думы о Наташе.
20–23 — Москва	Ссора с мамой. Окончание отсрочки. Призыв[32]. Кокошкин (вечер у него: Григоров, Бердяев, кн. Урусов, Кокошкины)[33].
23–27 — Сергиев Посад	Елка.

1917 год

Январь

27–6-го — Москва	Убийство Распутина[34]. Собрание у Бердяевых. Чтение «Котика» у нас на ёлке.
7–12 — Сергиев Посад	Окончание отделки первого тома[35].
12–16 — Москва	Получение отсрочки (2 месяца).
17–24 — Сергиев Посад	Писание вчерне лекции *«Жезл Аарона»*. Прощание с Сашей, уезжающим на Кавказ[36].
24–29 — Москва	Беседа с Трубецким. Лекция «Жезл Аарона»[37]. Оппонирование Е.Н. Трубецкому (на лекции)[38]. Подготовление к отъезду в Петербург. Продажа книги «Кризис Сознания»[39].
30 — Петроград	Встреча с Бородаевским.
31 — Царское Село	Приезд к Разумнику. Знакомство с Верой Фигнер.

Февраль

1–6 — Царское Село	Работаю над *«Жезлом Аарона»*. Знакомство с Масловским. Встречи с поэтом Клюевым, Форш, Метальниковым, Петровым-Водкиным, Форш <так!> и т.д.
7-го — Петроград	Оппонирую С.М. Соловьеву на лекции в Петр<оградском> Рел<игиозно>-Фил<ософском> о<бщест>ве[40]. Нападение Карташева и Мережковского[41]. Беседа с Бородаевским.
13–16 — Царское <Село>	Оканчиваю «Жезл Аарона». Беседы с Разумником.
16 — Петроград	Лекция моя «Творчество мира»[42]. Примирение с Мережковскими. Статья для «Дня»[43].
17–26 — Царское <Село>	Болезнь. Работаю над главой «О ритмическом жесте»[44]. Забастовка. Начало революции[45]. Встреча с Гессеном.
26–27 — Петроград	Начало революции. Разговор с д'Альгеймом, с Карташевым, с Масловским.
27-го — Царское <Село>	Вести о перевороте. Смятение в Царском (собираемся у Гессена и проф. Метальникова).
28 — Петроград	Революция на улицах. Пять раз был под пулеметами[46]. Беседа с Масловским, в Ред<акции> «Дня», у Мережковских. Солдаты снимают пулемет с дому Мережковских.

Март

1–4 — Петроград	Дружба с Мережковскими. Жизнь около Гос<ударственной> Думы[47]. Процессии. Отрезан от Царского. Тревога из-за резни между Врем<енным> Прав<ительством> и Сов<етом> Раб<очих> Деп<утатов>. Знакомство с Туган-Барановским. Разговор с Лосским. Отречение Николая и Михаила[48].

	Встреча Разумника с Мережк<овскими>[49]. Керенский.
4–8 — Царское <Село>	Беседы с Разумником. Радость и тревога по поводу Революции. Прощание с Мережковскими. Отъезд.
9–12 — Москва	Образование «Клуба писателей»[50]. Говорю о событиях в «Клубе пис<ателей>». Работаю над «Ритмич<еским> Жестом». История с письмом Ильина и ответом ему Трубецкого[51].
12–17 — Сергиев Посад	Беседы о событиях с Сережей, Таней, Флоренским. Работаю над «Ритмич<еским> Жестом».
17–19 — Москва	Осмотр (получил на 2 месяца отсрочку)[52]. Тоскую по Асе. Говорю в «Клубе писателей» (возражение Бердяеву).
19–30 — Посад	Кончаю главу «О ритмич<еском> жесте».
Апрель	
1–11 — Москва	Митинги. Беседы с Гершенсоном. Беседа с гостями у Григ<оровых> «Антропософия». Устройство моей лекции «Смысл революции»[53]. История с устроителями.
11–22 — Сергиев Посад	С утра до ночи работаю над частью книги «Кризис знания»[54]. Конфликт с правительством. Наши тревоги.
22–30 — Москва	Участие в беседе «Антропософия». Выступление в «Цирке Саломонского» с темой «Музыка и будущее». Речь по поводу событий в Моск<овском> Рел<игиозно-> Фил<ософском> О<бщест>ве. Кончина Эрна[55]. Письма от Аси (радость). Коалиционное министерство[56]. Беседа в «Клубе писателей». Участие в прениях на лекции Столярова.
Май	
1 — Москва	

2–9 — Дедово	Холода. Снежный ураган. Приезд в Дедово Анненковой, Станевич, Л.Н. Татариновой. Читаю Валишевского. Переписка с Ив<ано-вым->Разумником.
10 — Москва	Мой доклад у Григоровых «Теория знания Штейнера и ритм» (говорю 4 часа). Приезд Маликова. Тревога наша о России.

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 1).

[1] Последующие записи за август 1916 г. обозначают этапы передвижения Белого и А.М. Поццо из Швейцарии в Россию через союзнические и нейтральные страны (Франция, Великобритания, Норвегия, Швеция).

[2] Т.е. Саутхемптон, город и порт в Великобритании, на берегу пролива Ла-Манш.

[3] В *РД* Белый указывает, что по приезде в Петроград он встречался с П.А. Виленским, редактором и сотрудником «Биржевых Ведомостей» (С. 426 наст. изд.), с которым был знаком с 1900-х гг. Н. Валентинов сообщает, что Виленский способствовал печатанию статей Белого в «Биржевых Ведомостях» в 1916 г. (*Валентинов Н.* Два года с символистами / Под ред., с предисл. и примеч. проф. Г.П. Струве. Stanford, California, 1969. С. 25). Поскольку хорошо известный Белому Виленский здесь не назван по фамилии, не исключено, что в данном случае подразумевается редактор «Биржевых Ведомостей» в 1906–1916 гг. Михаил Михайлович Гаккебуш (1874–1929).

[4] В типографии М.М. Стасюлевича было подготовлено (посредством соединения оттисков из трех альманахов «Сирин», каждого со своей пагинацией страниц) отдельное издание романа Андрея Белого «Петербург», вышедшее в свет в апреле 1916 г. (см.: *ЛН*. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 396). Белый посещал типографию, по всей вероятности, с целью получения авторских экземпляров и финансовых расчетов.

[5] Видимо, гонорар от «Биржевых Ведомостей», опубликовавших в 1916 г. 11 статей Белого.

[6] См. примеч. 962 к *РД*. Согласно договоренности с В.В. Пашуканисом, собрание сочинений Андрея Белого в его издательстве должно было осуществляться в трех сериях: «1) эпические произведения (романы и симфонии), 2) лирика, 3) теоретические статьи и путевые заметки» (Утро России. 1917. № 35, 4 февраля).

[7] С.М. Соловьев, Т.А. Соловьева (Тургенева), С.Н. Кампиони.

[8] Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (1914–1918). В ведении этого учреждения находился санитарный отряд священника К.М. Аггеева, в котором было зарезервировано место для Белого в случае его призыва на военную службу.

[9] Имеется в виду А.М. Поццо.

[10] Ср. сообщение в письме Л.Д. Блок к А.А. Блоку от 1 сентября 1916 г.: «Несколько дней тому назад был у меня Андрей Белый <...> примирились искренно <...>» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 167. Л. 17–21).

[11] Подразумевается принятие на себя авторских полномочий и дел, связанных с изданием и распространением отдельного издания романа «Петербург», которыми до возвращения Белого из-за границы занимались Р.В. Иванов-Разумник и А.А. Блок. 21 августа 1916 г. Иванов-Разумник писал Белому: «Теперь Вам надо “вступить во владение” своим романом; А.А. Блок и я передаем

Вам его "из полы в полу". Склад писал мне, что роман идет прекрасно, разошлось до 2000 экземпляров» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 72).

[12] 8 сентября 1916 г. Белый писал Иванову-Разумнику: «...я в Петрограде – на два, три дня. Необходимо Вас видеть» (Там же. С. 74).

[13] Речь идет о печатании романа «Котик Летаев» в сборнике «Скифы», основным редактором-составителем которого был Иванов-Разумник.

[14] М.К. Лемке управлял делами типографии М.М. Стасюлевича.

[15] Блок одолжил Белому в ноябре 1911 г. 500 руб. и в марте 1912 г. – дополнительно 350 руб. (см.: *Белый – Блок*. С. 426–431, 445, 447). Часть долга Белый вернул Блоку в апреле – мае 1917 г. (см.: Там же. С. 511–512).

[16] См. записи о сентябре 1916 г. в *РД* (С. 429 наст. изд.; примеч. 979 к *РД*).

[17] См. примеч. 977 к *РД*.

[18] Книгу под таким заглавием Белый не написал (в своде «Работа и чтение»: «"Александрия и мы" (глава к книге "Кризис сознания")» – С. 657 наст. изд.). См. примеч. 28 к своду «Работа и чтение» и примеч. 973, 1016 к *РД*.

[19] См. примеч. 976 к *РД*.

[20] См. примеч. 978 к *РД*.

[21] См. примеч. 996 к *РД*.

[22] Подразумевается гонорар за публикацию в «Русских Ведомостях» фрагментов из «Котика Летаева». 7 главок были напечатаны 13 ноября, 3 главки – 4 декабря и 4 главки – 25 декабря 1916 г.

[23] Имеется в виду исследование Андрея Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том "Размышлений о Гете"» (М.: Духовное Знание, 1917).

[24] Подразумевается статья Андрея Белого «Памяти художника-моралиста», приуроченная к 5-летию со дня смерти В.А. Серова (Русские Ведомости. 1916. № 271, 24 ноября).

[25] См. примеч. 997 к *РД*.

[26] См. примеч. 987 к *РД*.

[27] Имеется в виду переработка книги «Золото в лазури» для публикации в издательстве В.В. Пашуканиса. См. примеч. 30 к своду «Работа и чтение».

[28] См. примеч. 973 к *РД*.

[29] Общественный, политический и государственный деятель Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1918) с декабря 1916 г. по февраль 1917 г. был министром внутренних дел и главноначальствующим корпуса жандармов.

[30] Предполагавшийся к открытию 9 декабря 1916 г. земский съезд, а также готовившиеся одновременно в Москве городской и военно-промышленный съезды были запрещены (непосредственно – командующим войсками московского округа генералом И.И. Мрозовским). См.: Закрытие Всероссийских земского и городского съездов // Русские Ведомости. 1916. № 286, 11 декабря. С. 6.

[31] См. примеч. 32 к своду «Работа и чтение».

[32] См. записи о декабре 1916 г. в *РД* (С. 431 наст. изд.) и примеч. 1007 к *РД*.

[33] См. недатированное письмо Ф.Ф. Кокошкина к Белому, возможно, относящееся к этому вечеру (*Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 125).

[34] Г.Е. Распутин был убит раньше – в ночь на 17 декабря 1916 г.

[35] Имеется в виду первый том стихотворений, подготавливавшийся для издательства В.В. Пашуканиса (см. выше, примеч. 27).

[36] Речь идет об отъезде А.М. Поццо по месту назначения на военную службу.

[37] См. примеч. 1008, 1014 к *РД*.

[38] См. примеч. 1009 к *РД*.

[39] Книга Андрея Белого под этим заглавием в свет не вышла. По-видимому, в данном случае подразумевается первоначальная редакция текста будущего четырехчастного цикла «На перевале». См. примеч. 29 к своду «Работа и чтение».

[40] С.М. Соловьев выступил с докладом «Кризис славянофильства» в Петербургском Религиозно-философском обществе 6 февраля 1917 г. (см.: *Ермичёв А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 200–201).

[41] Вероятно, имеется в виду заседание Совета Петербургского Религиозно-философского общества 2 февраля 1917 г., проходившее при участии Белого, на котором между Д.С. Мережковским и А.В. Карташевым возникли разногласия при обсуждении вопроса о готовившемся всероссийском съезде деятелей религиозно-философских обществ. См.: Там же. С. 199–200.

[42] См. примеч. 1017 к *РД*.

[43] Статья Андрея Белого «Смысл поэзии» была опубликована в петроградской газете «День» 19 февраля 1917 г.

[44] Эта работа мыслилась Белым как составная часть цикла «Кризис сознания». См. примеч. 35 к своду «Работа и чтение».

[45] Первые волнения (митинги, забастовки, демонстрации), положившие начало Февральской революции, произошли в Петрограде 23 февраля на Выборгской стороне; 24 февраля на улицы вышли около 160–200 тысяч рабочих.

[46] Ср. дневниковую запись З.Н. Гиппиус от 28 февраля 1917 г.: «...явился Боря Бугаев из Царского <...> С вокзала к нам Боря полз 5 часов. Пулеметы со всех крыш. Раза три он прятался, ложился в снег, за какие-то заборы <...>, путаясь в шубе» (*Гиппиус З.* Дневники. <В 2 т.> Т. 1. М., 1999. С. 461).

[47] Белый находился в эти дни в квартире Мережковских, в непосредственной близости от Таврического дворца, где проходили заседания Государственной думы. См. примеч. 1023 к *РД*.

[48] См. примеч. 1025 к *РД*.

[49] Эта встреча в квартире Мережковских (1 марта 1917 г.) подробно описана в дневнике З.Н. Гиппиус (*Гиппиус З.* Дневники. Т. 1. С. 466–469). О ней вспоминает Иванов-Разумник в письме к К.Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г. (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 23. СПб., 1998. С. 441. Публ. В.Г. Белоуса).

[50] См. примеч. 1033 к *РД*.

[51] См. примеч. 1028 к *РД*. Е.Н. Трубецкой в ответ на демарш И.А. Ильина против Андрея Белого направил ему «открытое письмо» (полученное Ильиным 25 февраля 1917 г.). Ответ Ильина Трубецкому опубликован в составе работы Н.К. Гаврюшина «В спорах об антропософии. Иван Ильин против Андрея Белого» (Вопросы философии. 1995. № 7. С. 101–104), текст «открытого письма» Трубецкого не выявлен.

[52] Отсрочка от призыва на военную службу.

[53] Возможно, подразумевается лекция, озаглавленная: «Революция и культура». См. примеч. 1035 к *РД*.

[54] Книгу под указанным заглавием Белый не опубликовал. Вероятно, имеется в виду работа над текстом, вошедшим в его четырехчастный эссеистический цикл «На перевале».

[55] См. примеч. 1041 к *РД*.

[56] Подразумевается образование (5 мая 1917 г.) коалиционного Временного правительства с участием представителей Петросовета.

<ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА. 27 марта — 7 апреля 1919 г.> (продолжение внешней записи дневника)

27-го марта утром был в «К<нигоиздательст>ве Писателей». Договорился с Клестовым о выпуске 10 000 экземпляров сокращенного «Петербурга», о передаче «Путевых Заметок» и о передаче «Записок Чудака» Моск<овскому> К<нигоиздательст>ву Писателей[1]. Получил аванс 5000 р. На днях получу еще 2500 р. Зашел оттуда во «Дворец Искусств». Узнал, что мы с Рукавишниковым должны ехать в 7 часов на чествование Горького от «Дворца Искусств»[2]. За нами должен был заехать Луначарский в автомобиле, чтобы всем после вернуться на реферат. После ходил обедать к Васильевым. Вечером за нами Луначарский не приехал, и мы праздно просидели во «Дворце Искусств». Вписал А.С. Петровского и Т.Г. Трапезник<ов>а в историко-археолог<ическую> секцию «Дворца Искусств». Публика собралась в 7½ часов. Говорили с Гречаниновым о его мессе[3]. В 9 часов Луначарский начал свой доклад: читал бойко и живо[4]. Тезисы:

История представлений о Боге антропоморфна; может быть психология религиозно-мистич<еского> творчества. Человечество сперва не справляется с динамизмом и с текучестью мирового процесса; и пытается, осознавая, закрепить мир в статическом аспекте. Мир — не настоящий, за миром стоит настоящий мир; уже в самом мире чувств, до мысли, заложена громадная проблема; требование удовлетворения потребностей ведет к концепции «совершенного мира»: этот — переменен; тот — неизменен; этот — многолик; тот — един. Эта потребность чувств впоследствии отображается в потребности сознания дать концепцию разрешенного, единого, самому себе верного мира: этот единый, настоящий образ мира — Бог. Но он Бог — покоя, пребывания «истинно-сущего». Так рождается мир Зенона; та же концепция встает у величайшего мистика, у Плотина. Но у Плотина противоположное Бога-Покоя, Материя, есть тот же покой; 2 покоя равны друг другу. Бог, Материя пересекаются; и непонятно, почему Плотин одну половину наделяет «+», а другую «—». Фихте ближе к истине, когда обе половины пересекает в «*я*»: из этого свободного «*я*» рождается иная концепция свободного, бесконечно меняющегося Бога: Бог трагической игры — Бог, положенный человеком в будущее. Он — динамичен, трагичен, бесконечен, сам не верен себе. Религиозный идеал Человека не может быть причиной его рождения, а маяком, освещающим ему этап будущего; не может он быть и последней целью. Но этот «*бог*» не дан в чистом виде у мистиков, хотя лейт-мотив «бога-борьбы и движения» проходит в лучших мистических концепциях, но создавая антиномию явно выраженному «богу-покоя»; но попытки разрешить антиномию, «покой — движение», «конечное — бесконечное» — жалки; «*всё* и *ничего*», «покой — движение», все эти формулы — показатели усталости, охватывающей мистиков, отказа от разрешения мировой трагедии, отказа от космического смысла борьбы; Фихте ближе к истине, но пролетариат — еще ближе:

он берет «борьбу», как таковую, не задаваясь целями вывести эту борьбу из мирового начала, не сводя ее к «моно-тонности» покоя. Квинт-эссенция религиозно-творческого динамизма в символике миростроения, какое развертывается в эконом<ическом> материализме; деятельность в динамической организации косно данной материи, превращение ее из *покоя* в организованное движение — вот мировоззрение героическое.

Оппонировали Луначарскому: Иванов, Чулков, Столяров и я.

Иванов: А.В. Луначарский умалил смысл религиозной антиномии «покой (единство) — множественность (движение)»; именно во взятии антиномии открываем мы смысл религий. Учение об антиномии и есть учение об Ипостасном Боге, соединяющем в себе покой (отчества) и движение, преображение (Сын), славу (Отец) и вочеловечение (Сын); учение об Ипостасях не есть рассудочная диалектика «бессильных умов», а оно есть осознание того, что уже намечается религ<иозно->худ<ожественным> творчеством мифов, что мы уже видим у Софокла. Луначарский односторонне разрешает Ипостасность в две противопоставленных концепции, в два лика «Бога» (Бог покоя — Бог борьбы).

Чулков. Указывает, что самая борьба антиномична, что и *реакционер* борется; вопрос не в динамике борьбы, а в «что», определяющем динамику; это «что» есть трансцендентное единство: и оно — «покой гармоний», лежи оно в прошлом, как Бог, создавший «временный мир», лежи оно в будущем, как идеал, к которому устремляется борющийся; трагедия имеет разрешение: катарсис; вне его она — бессмысленна, в «катарсисе» есть разрешение противоречий борьбы в гармонию «единосущего Бога», т.е. Бога мистиков, с которым борется Луначарский; его транскрипция «эконом<ического> материализма» насквозь мистична.

Луначарский — отвечает Иванову: снятие противоречий, интеграция «покоя и борьбы» в единство в учении об Ипостасях есть именно бессильная попытка покончить с Гордиевым узлом, это именно ничего не говорящий лозунг «*всё — ничему*», приводящий к жалкой теологич<еской> схоластике; учение об Ипостасях интересно в другом отношении: интересно с точки зрения тех социально-политических причин, обусловивших философию теологии, в основе которой лежит компромисс «и нашим, и вашим»; там же, где антиномию религиозные мыслители пытаются взять в ее истинном охвате, там Логос, 2-ая Ипостась, Ипостась жертвенного страдания и борьбы за устроение мира, превращается в Демиурга, отрывающегося от «*Бога-Покоя*» и противопоставленного ему, так что Сын Божий превращается в Чёрта, вырвавшего из недр Покоя Бога этот движущийся мир (так у Маркиона) и т.д.

Отвечает Чулкову: Да, и реакционер борется, но именно то, что составляет ядро его борьбы, идентично *ядру* жизни души революционера; исступленный реакционер — мой брат по пути; в плане «*что*» мы расходимся, мы уничтожаем друг друга, но в корне мы — одно, потому что смысл борьбы в «динамическом пафосе» проведения правды; и «*правда правд*» пафос действия.

Столяров: Луначарский прав, утверждая динамику, но «*его мировоззрение динамизма*», как скоро оно становится мировоззрением в понятиях, есть уже «что», «канон», «покой», «догмат», как таковое, оно себя отрывает <от> себя

самого: становится «*покоем*», прямолинейным движением, равным инерции; представь мы себе параллельное движение линий, эта концепция движения ничем не отличалась бы от инерции; каждое мировоззрение — линия; линия философии движения, оказываясь параллельной линии философии покоя, есть такая же инерция в более глубоком смысле слова; внешнее соединение в *понятиях* «покоя и движения» справедливо клеймит Луначарский; но подлинный динамизм в маятникообразном пробеге сквозь все мировоззрения, в соединяющей силе вне-рассудочной мысли, строящей символы, образы, мифы; мировоззрение, взятое как «Символ», есть одно, а взятое в рассудочности — другое: концепция Луначарского, поскольку она рассудочна, есть тоже концепция покоя, поскольку она взята «символически», она — движение; тень религиозного символизма предопределяет его «динамизм»; и поскольку это так, точку зрения Луначарского следует приветствовать.

М.П. Столяров
1920-е (?). ГМП

Я: Мне трудно говорить «*за*» или «*против*» докладчика, потому что у него ярко контурированы именно места, где методологически мы сближаемся с ним; на основании этих сближающих нас с ним мест я не могу, однако, сказать «*да*» его мировоззрению, потому что у него словно под сурдинкой прозвучало именно все то, что нас может разделять: его отношение к христианству прозвучало под сурдинкой; под сурдинкой прозвучало отношение к действительности, или недействительности «*Бога во мне*»; он употребляет выражения «*говоря метафорически*», и не определяет своего отношения к метафоре; для меня «*метафора*» есть орудие более действительное в организации творческого познания, чем орудие рассудочной логики школы Канта, строющей ряд абстрактных, всеобщих «истин», каковых нет и быть не может, потому что «истинное» есть «индивидуально-истинное в процессе восставания его в значительной личности»; из произведения индивидуальных истин, действующих друг на друга, рождается динамический процесс организации истин; «истина-истин» не понятие, а живой организм, восстающий из соединения «истин» в члены Организма; метафора живописует соединение, организацию, живую мысль вселенски-растущего Истины-Индивидуума, сплачивающего человечество в коллектив; если метафорический язык мировоззрения А.В. надо понимать как язык *действительный*, более действительный, чем язык отвлеченных понятий, я — сближаюсь с его точкой зрения; ежели «*метафоры*» его выражений, его «*Бог*» — аллегория, таящая какую-нибудь истину рассудочного понятия, то я — против него, ибо «покой» и «движение» суть производные понятия категорий «мысли»: и нет «*Бога покоя*», как и нет «*Бога движения*», но есть «Бог»: «Бог» с одной стороны, «покой и движение» с другой — величины несоот-

носимые. «Орган познания» есть именно «*орган организма*»; таковой организм есть живая мысль-Жизнь: и она «Божественна». Транскрипция этой мысли в религиозное мировоззрение рисует нам именно «*Бога Живого*», и символом его является, разумеется, «движение», а не «покой»; Луначарский берет не вопрос о «*бытии*» или «небытии Бога», а о Боге, возникающем в процессе роста нашего сознания, и рисует «*Бога*» сквозь концепции наших крепнущих познавательных органов; «две модели» в таком случае очерчены верно*; и все преимущества на стороне «бога движения и организации»; но точка зрения, складывающая нам «Бога живого», т.е. находящегося в движении, сама зависит от фасона наших философских концепций; она предполагает 1) «*познание имманентным действительности*», 2) и потому безграничным, ибо «мир материи» и «мир абстрактного Духа» — две проекции сознания вне меня, две тени, вырастающие там, где лучи моего сознания надо мной и подо мной уже не освещают мне путь: так получается «*Бог покоя*» Плотина и «материя», которая тот же «*покой*»; интуиция, о которой так хорошо говорит Плотин, не дана мне, как нечто вне меня положенное, как *цель* или причина, а она и есть «*Я*»: «*Я*» — единственная, осуществленная интуиция; в самосознании, в росте «*Я*» мы приходим к единственной монолитной концепции, стирающей грань между теологией, философией, мистикой прошлого, которые вычленились из концепции, противоположной имманентизму, из дуализма, из проблемы трансцендентного, полагающей, что две половинки действительности «данный, готовый мир» и «данная, готовая мысль» суть действительность собственно.

Если мы будем брать мистику, как мощный фактор рождения мысли, то «мистическое окрыленье», «экстаз» есть работа плавления косности; «*мистика*», в таком смысле взятая, есть питающий желток зародыша, находящегося в яйце, или самосознания «*Я*»; самостоятельного значения у нее нет; и потому-то мистическая философия есть описание выхождения «цыпленка мысли» из «разбитого яйца» космогонических мировоззрений; пока «*цыпленок*» в яйце — это яйцо есть «*небосвод*» или страна «феории»; мысль — *боговоззрительна*; когда цыпленок вне яйца, яичная скорлупа, которую он топчет, — мир; мысль — мировоззрительна; но *боговоззрения*, как и *мировоззрения*, дуалистичны: субъект — объект, дух — материя, покой — движение; субъект ссыхается в «*над-индивидуального субъекта*», объект есть «данность бывания»; так рождаются дуалистические философии, проходящие сквозь все эпохи (будь то Парменид, будь то Платон, будь то Плотин, будь то Кант); так рождаются «*негативные теологии*», разбивающие «*действительность*», или «Бога», на две части: «феномен — нумен», «нереальное — реальное» и т.д., так получаются учения о познании, не проницающем «*вещей*» (идеализм) и вследствие этого зависящем от вещей, истекающем из вещей («материализм»). Все эти мировоззрения разрешаются в бессилие, в философию *Покоя*; напрасно Луначарский обрушился на одно «мистическое» мировоззрение; собственно: вся современная идеология (будь то *теология*, или философия хотя бы… хозяйства) стоит под мертвым знаком трансцендентизма и дуализма, хотя идеологи этого не сознают. Выход в новое жизне- и мироощущение: крепнущего само-

---

* *В автографе:* верны

сознания «*Я*», проницающего и «*дух*» и «*материю*», которые суть категории уже изжитых форм жизни «я»: *акт познания* в новом самосознании есть акт творения нового мира, т.е. *действительности* собственно из конгломератов категорий рассудка и «вещей» материального мира; это *творение* и есть *организация*, где «*Я*» сочеталось с другими «*Я*» в одно «*Я*» человечества. Учение о этом «*Я*» в «*Я*» (малом), заключенном в одной проекции, есть антропософия, в другой — философия конкретного идеализма, в третьей — *христианство*. «Христианство» не осознано: есть «христианство» Христа и есть «*христианство*» церкви исторической; последнее есть «мимикри», т.е. оно уже изжитая фаза жизни: «*история детских болезней*»; это есть выражение Рудольфа Штейнера, к воззрениям которого я примыкаю.

Луначарский: Долго и пространно отвечает мне. Смысл ответа: —

—Поскольку я провозглашаю *индивидуальность истины*, я прав; он, Луначарский, под истиной не разумеет истину *готовую*, *всеобщую*, *рассудочную*; поскольку далее я признаю сращение индивидуально-истинного в коллектив, в организацию, из которой встает организм, я прав вдвойне; но это и есть процесс образования мировоззрения, церкви, мощно спаивающей индивидуумов в социальное целое, борющееся за свою *организацию* и образующей «истину» своего времени, которая через 100 лет может уже измениться, но в действенность которой должен веровать борец, чтобы не впасть в скептицизм. В этой части моего мировоззрения я — силен, оригинален и близок Луначарскому; но — почему я далее, в процессе осознания своей позиции пристегиваю к ней «христианство»? Что общего между моим «христианством» и «христианством» христианского мира? Я — еретик: более чем еретик; в моем завершении мировоззрения христианством от христианства мало что остается, и я вынужден сочинить парадоксальный термин, «*арелигиозная-религия*», для определения моего христианства: но это есть именно способ разрешения антиномий, уже скомпрометировавший себя в истории религиозных догматик; это — пресловутые «*всё-ничему*», «*покой-движению*», т.е. лозунги, свидетельствующие об усталости провозглашающих эти лозунги. Он знает мою позицию давно: в ней досадным пятном является «оккультизм» и присягновение «Штейнеру», которого он, Луначарский, читал и который глубоко его не удовлетворяет, как не удовлетворяет его вся проблема оккультизма; он понимает неизреченность экстаза индивидуально, для мистика; но попытки членораздельно рассказать о членораздельно не высказываемом жалки; это — либо примитивные заявления, противоречащие друг другу, либо — фантазия, где высказывающий в лучшем случае выступает, как Тартарен[5]; напрасно я иду за Штейнером; я, как мыслитель, сильней его и только порчу здоровое ядро моей позиции изжитыми ризами «*христианства*» и сомнительным синкретизмом «штейнерианства»; впрочем, — улыбается он, — я знаю, что товарищ Белый меня не послушает; но об этом мы подробнее еще будем говорить потом.

На этом заканчиваются прения.

На реферате встречаюсь с О.Д. Каменевой; извиняюсь перед ней, что так долго не отвечал на ее приглашение; она зовет меня в Кремль. В.И. Иванов просит

Дворец искусств. Поварская, 52
Москва. 1920-е. ГЛМ

меня дать программу курса «*История Культуры Мысли*» для Театрального Университета[6], программа которого, написанная мной, принята; им надо отписаться «по начальству» и представить курсы, а программы «Истории Культуры Мысли» у них нет; курс этот читать могу только я, и потому Т.У. сохранит мне эту кафедру; но этот курс идет лишь на 3-ьем семестре, т.е. через 1½ года. Я обещал читать, потому что, в самом деле, этот курс меня занимает.

28 марта. Днем был у меня Проценко (студиец Пролет-Культа); я с час показывал ему достоинства и недостатки его письма в стихах; говорил о вредной политике Пролет-Культа, изгоняющей крестьянскую поэзию из «студий» (Проценко — крестьянин); Проценко, как и все почти студийцы, сомневается, чтобы «пролетарская» поэзия могла существовать в настоящее время; пролетарии и крестьяне в вопросе о поэзии сознательнее руководителей: им ясно видно то, что для философствующих интеллигентов-марксистов не ясно.

Вечером ходил на заседание Коллегии Пр<олет>-Культа; оказалось, что заседание отменяется; попад <так!> на заседание редакции «*Гудка*»[7]; просили меня высказаться о первом №. Решались редакционно-технические вопросы.

29-го утром ходил во «Дворец Искусств». И.С. Рукавишников жалуется, что ему одному трудно, что он — швейцар: просит меня организовать курсы «Дворца Искусств»; записался на гимнастику. В 6 ч. заходил в «Дворец Искусств» — ждали Луначарского, который должен был за нами заехать, чтобы везти на митинг[8]: Рукавишникову надо было открывать раньше, и мы с ним поехали на извозчике; встретили автомобиль Луначарского, ехавшего за нами в «Дворец Искусств». Приехали в Политехн<ический> Музей: публика, оказывается, в нетерпении: ее видимо-невидимо; тысячи 1500–2000 народу. Лекторов почти — никого. Пустили начинать меня; я — очень обрадовался; вот схема моей речи: —

— Не случайны сжатые афоризмы великих людей; афоризм концентрирует ряд мысленных ходов, которые прорастают из него, как древо. Таким афоризмом является афоризм Гёте: «Поэзия — зрелая природа»[9]. Возьмем изречение в душу; и — посмотрим, что из него вырастет: —

— В природе растет шиповник; культура из него выветвляет махровую розу; в культуре мы берем условия природного развития в свои руки; в природе мы — развиваемся не свободно; в культуре — свободно. Роза — поэзия шиповника; белая ангорская кошечка — поэзия дикого льва; в

шиповнике роза есть греза; а белая кошечка — ангелическое представленье косматого льва. Наши грезы и наши «духи» суть не осуществленные, но осуществимые возможности; в этом смысле они действительны; действительность не то, что мне дано вовне, что меня оковывает; действительно то, что я осуществляю; действительность — действенна (Wirklichkeit → wirken).

Природное бытие не свободно; оно замыкает нас в твердых, как гранит, кристаллах; несвобода в нас — минеральный состав наш, скелет наш — смерть; мир прорастает травою; цветы травы — второе напластование на природно-необходимом бытии; это — *быт*; он — полусвободен; в быте плодом наливается коллективное устремленье к свободе — в индивидуальной культуре; индивидуум — зрелая природа; он — плод природы.

Поэзия есть такой плод: она таит в себе зерна того, что ее породило; ее породила природа; она таит в себе зерна имеющих возникнуть природ.

Ее подпочва, как и подпочва культуры, — быт: *быт речи*. Поэзия — индивидуальное слово; природой же слова является индивидуальная речь: самая способность воспроизводить явления вне-лежащей природы — в звуке. В основе звука — пантомимический жест языка, свободно свершающего свою пляску во рту.

У животных язык связан; животное — четвероногое; его рот приспособлен к жеванию; для развития речи нужно, чтобы животное развило себе руки, свободно жестикулирующие; и — гортань, тонко вибрирующую; для этого нужно ему переменить горизонтальное положение на перпендикулярное; по сравненью с цветком человек перевернут; то, что у человека внизу, то у цветка наверху; голова цветка — корни; рот его — корневые мочки, сосущие влагу; природа жизни меняется; поэзия — рычаг, переменяющий природу жизни. Природа речи — природа 2-го порядка; она рождает отображение мира — смысл, разум; в основе разумения — звуковое воссоздание; речь — цветение природы звуков; поэзия — плод, налившийся из соков словесного дерева. В этом смысле она — зрела: поэзия — зрелая природа.

Чтоб понять создание мира, надо понять смысл слов; чтоб понять происхожденье поэзии, надо понять восхождение во мне зари стихотворчества.

В воссоздании — суть познавания; и поэзия, и наука — воссоздают; разделение поэта и ученого ненормально; поэзия — целостность; наука — часть ее; она — или сухая оболочка сока творчества; но и в теле поэзии, в этом персике, она — твердая косточка; сладкое кокосовое молоко есть творческий пафос, двигающий научным открытием; твердая кость поэзии Гёте — его огненные устремленья ученого-естествоиспытателя; именно потому, что он мог сознательно не соглашаться с Ньютоном, соглашаяся с Эйлером, он мог создать «Фауста».

В наши дни часты ученые без сладкого ядра; они напоминают орехи-пустышки; и — часты бескостные поэты, движимые исключительно «нутром» и живущие, как «певчие птицы». То и другое — ненормально; те и другие показуют распад целостности поэзии.

Но не в кожуре, мякоти, косточке суть поэзии, а в семени плода; в семени же утаен образ всего дерева с его будущими плодами; в семени поэзии — затаена та самая природа, которая породила ее.

Заданье поэзии — создать вселенную, которая была бы нашей новой природой. В поэт<ическом> творчестве наливается многосемянность новых созвездий жизни. Когда ныне существующие звезды рассыплются космической пылью, из зерн поэзии протянутся в небо стебли; и цветы зацветут: это будут *новые звезды в небе*; вместо Ориона — взойдет «Фауст»; вместо Сириуса разблистается «Vita nuova»[10]. Блеснет скромной звездою и великолепнейший афоризм Гёте: «Поэзия — зрелая природа». Все, что мы рассказали здесь, выросло в нашем сердце из него: оно принадлежит не нам, а Вольфгангу Гёте.

«*Поэзия — зрелая природа*». Обратно: «*Природа — кем-то пропетый стих*».

Во время моей речи приходит Луначарский и принимает председательствование.

После меня говорит он: начинает он с задания «Дворца Искусств». «Дворец Искусств» — это остров, коммуна художников, соединяющая разрозненные силы людей творческого устремления и помогающая им пережить трудное, катастрофическое время; люди творческих устремлений нужны нам всем; без них наша жизнь — не жизнь. Пространно и долго он характеризует роль искусства в жизни; искусство — нужная каждому роскошь; обычное понимание роскоши — неправильно; обычная роскошь — даже не роскошь, а бессмыслица, не нужная «роскошествующему». Искусство — необходимая каждому роскошь. Далее характеризует он отношение искусства к революции: революционное творчество сказывается не всегда в момент революции; *style empire* — порождение революции; последующая реакция лишь парализовала свободное его развитие; в настоящее время надо сохранить очаги культурного творчества; «Дворец Искусств» есть палатка, раскинутая над творчеством, чтобы бурный вихрь переходного времени не задул его.

Во время речи Луначарского получаю ряд записок: иные из них характерны по глупости, другие так вообще характерны; привожу 2 записки: «Ты — гений, и я должна всегда тебя слушать, когда только можно. Если можно, помоги мне в этом. Кремль. Кавалерский корпус. Комн. 7. Аушева». Или: «Напрасно Вы говорите здесь, перед *такой* аудиторией такие вещи»... Чего-чего не приходится выслушать писателю!

После речи Луначарского перерыв. После перерыва говорит Кастальский — по записке: вяло и скучно. Потом — говорит Топорков: — Искусство переживает кризис: впрочем, не стоит приводить содержание речи; она — содержательна, но до ужаса не архитектонична. Потом выходит Бальмонт: начинается скандал, как всегда.

Я спешу уйти.

30 марта. Снег. Холод. Готовлюсь к лекции в «Пушкинской Студии»[11]. Прихожу и узнаю, что вследствие ареста студийца в редакции «Дела Народа»[12], куда он шел с повесткой о лекции, никто о лекции не знает: решено — отменить; пришел к Гершенсону; пришел В.И. Иванов. Меня заставили читать «Записки Чудака». Гершенсон меня предостерегал против близости к «Дворцу Искусств», который — правительственное Учреждение, нужное Луначарскому. Говорил, что напрасно я участвовал на вчерашнем митинге.

31 *марта* (понедельник). Холод. Мерзость. Снова — валюсь с ног, мерзну; вечером чуть-чуть отхожу с К.Н. Васильевой, П.Н. Вас<ильевым> и А.С. Петровским.

1 *апреля.* Холод. Снег. Мороз. Иду греться в «Дворец Искусств». Спорю с Рукавишниковым о задачах критики. Вечером в А<нтропософском> О<бщест>-ве читают V-ое Евангелие[13]. Приходят Алянский и Кнорре. Назначаю им на завтра свидание. Жизнь — нельзя: у меня начинается ревматизм.

Прекращаю за неимением времени на нее эту жалкую пародию на дневник. 7-го апреля. Жизнь — собачья.

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 6–13 об.). Пояснительные пометы Белого: «Уцелевший кончик "Дневника", который вел в 1918–1919 году. "Дневник" утрачен. 14 страниц» (Л. 13); «Остаток пропавшего "Дневника", который вел в 1918–1919 гг. А. Белый» (Л. 13 об.).

[1] Н.С. Клестов (Ангарский) руководил «Книгоиздательством писателей в Москве». В этом издательстве вышли в свет книги Андрея Белого «Офейра. Путевые заметки. Ч. 1» (М., 1921) и «Возвращение на родину (Отрывок из повести)» (М., 1922) – сокращенная редакция «Записок чудака»; издание романа «Петербург» в сокращенной редакции не состоялось (см. примеч. 1155 к *РД*).

[2] См. примеч. 1134 к *РД*. 27 марта 1919 г. праздновалось 50-летие со дня рождения М. Горького (тогда годом рождения писателя ошибочно считался 1869), в этот день в Большой аудитории Политехнического музея состоялось торжественное заседание, на котором выступали А.В. Луначарский, П.С. Коган и Вл. И. Немирович-Данченко. См.: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М., 2005. С. 374–375.

[3] Видимо, подразумевается «Демественная литургия» А.Т. Гречанинова (1917, 2-я ред.: 1926).

[4] Доклад А.В. Луначарского – «Абсолютный покой Бога как основная ошибка мистиков» (см. примеч. 1154 к *РД*).

[5] Герой романов Альфонса Доде «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона» (1872), «Тартарен в Альпах» (1885), «Порт Тараскон» (1890); юмористический тип провинциального хвастуна и фанфарона.

[6] Это учреждение не было открыто.

[7] Имеется в виду еженедельный журнал Московского Пролеткульта «Гудки», его 1-й номер вышел в свет в последнюю декаду марта 1919 г. (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 375–376).

[8] Имеется в виду «митинг искусств», устроенный в этот день «Дворцом искусств» в Большой аудитории Политехнического музея.

[9] Эту фразу Белый приводит в книге «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности (М., 1917. С. 53) с примечанием: «Из Гёте-архива»; восходит к «Максимам и размышлениям» Гёте («Maximen und Reflexionen», 1001).

[10] «Новая жизнь» (1292) Данте Алигьери.

[11] Имеется в виду Пушкинский семинарий при Драматической студии А.О. Гунста, организованный в Москве в феврале 1919 г. (руководитель – Вяч. Иванов). См.: Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 361–362; *Шишкин А.* Материалы к теме «Вяч. Иванов и пушкиноведение» // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы / Отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. Вып. 1. СПб., 2010. С. 780–796.

[12] «Дело народа» – политическая и литературная газета, орган Партии социалистов-революционеров; издававшаяся в 1917–1918 гг. в Петрограде, в 1919 г. была возобновлена в Москве (вышло 10 номеров).

[13] «Из хроники Акаши. Пятое Евангелие» – курс лекций, прочитанный Р. Штейнером в Христиании 1–6 октября 1913 г.

ДЛЯ ПАМЯТИ
(Жизнь в Петрограде. Март — август 1921 года)

Приехал во второй половине марта[1]. Лигский приготовил помещение в «Отеле Спартак» (бывший «Grande-Hôtel»): Улица Гоголя № 18, комн. 28. Поступил в Библиотеку Наркоминдела (заведующая Клара Гитмановна Каплун)[2]. Март, апрель и май работал в *Библиотеке*: от 11 до 4-х. Классифицировал книги по десятичной системе. Принимал деятельное участие в реорганизации «*В<ольной> Ф<илософской> А<ссоциации>*» (система кружков и заседаний кружков). Мой кружок — «*Проблемы Символизма*»: состав кружка: М.В. Волошина, Р.В. Иванов, Векслер, Виссель, Фехнер, Меринг, Гагенторн, Форш, Пяст, Кроль, Михайлов, Пинес. Вот — организационное ядро: занятия происходили в том, что каждый высказывался на темы *проблем символизма*. Высказались: я, Виссель, Векслер, Фехнер, Пинес, Пяст, Михайлов. Потом, когда заболел, то уже не собирались. Мало принимал участие в заседаниях и прениях в «*В.Ф.А.*».

Были лекции: в *апреле*: «*Что такое максимализм*» (публичная)[3]. Оппонировали: проф. Парчевский, Чебышев-Дмитриев, Эрберг и несколько человек из публики.

В *мае*: «*Проблемы Символизма*». Оппонировали: Пинес, Векслер, проф. Парчевский, Михайлов и еще кто-то.

«*Символ и индивидуум*». (Не помню, кто оппонировал)[4].

Больше лекций не читал.

Принимал участие в беседах: 1) «Заседание, посвященное Бакунину»: участники: я, Иванов-Разумник, Новорусский, Воинов, Кибальчич, Штейнберг[5].

2) «*Беседа о Наполеоне*». Вступление: Пумпянский. Потом: Иванов-Разумник, Штейнберг, Каплан, я, Чебышев-Дмитриев, я <так!> и еще кто-то[6].

3) Возражал на докладах: Матюшина, Пумпянского («О героической морали»), Мейера, Векслер, Волошиной, св<ященника> Егорова[7].

Были мои вечера

1) В «Вольфиле» май: 1) «Чтение Эпопеи» / 2) «Чтение Эпопеи» / 3) «Чтение Эпопеи» } май.

2) Вечер Андрея Белого в «*Доме Искусств*» (май) 5 <так!>.

3) Вечер Андрея Белого в «*Доме Литераторов*» (6) май.

4) Чтение поэмы «Первое свидание». Июль[8].

Образовался кружок антропософский у М.В. Волошиной: был лишь раз на нем.

Что сделал: Написал окончательно 1) первую главу «*Эпопеи*»[9].
2) поэму «*Первое свидание*».

С кем чаще всего виделся: с Ивановым-Разумником, Меринг, Фехнер, Волошиной, Соней Каплун, К.Г. Каплун, Лигским, Бруни, Эйснером, Михайловым, Пястом.

Был болен: расстроились нервы. У меня был проф. Троицкий.

Крупная неприятность: потеряна в Рум<янцевском> Музее в Москве рукопись моего 4-ой главы «Кризиса сознания» («*Философия культуры*»).

Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 5 – 5 об.).

[1] День приезда Белого в Петроград – 31 марта.

[2] См. примеч. 1246 к *РД*. Белый поступил на эту службу 3 апреля.

[3] См. примеч. 1250 к *РД*.

[4] В *РД* два публичных выступления Белого в Вольфиле в мае 1921 г. озаглавлены: «Философия символизма» и «Символизм и теория знания» (С. 466 наст. изд.; см. также примеч. 1258 к *РД*).

[5] См. примеч. 1255 к *РД*.

[6] См. примеч. 1257 к *РД*.

[7] См. примеч. 1259, 1249, 1260 к *РД*. Доклад А.А. Мейера «Итоги античной философии» состоялся 4 мая 1921 г. (см.: *Белоус В.Г.* Вольфила (Петроградская Вольная Философская Ассоциация). 1919–1924. В 2 кн. Кн. 2. М., 2005. С. 148–150). Сведения о докладах А.Л. Векслер и священника Егорова не установлены.

[8] См. примеч. 1265 к *РД*. Сведения о вечерах Андрея Белого в Доме Искусств и Доме Литераторов в указанный период не установлены.

[9] Подразумеваются «Записки чудака». После их завершения продолжения работы над «Эпопеей» не последовало.

<МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ. 1918–1927>

Осень <1918 года>

Участвую в антропос<офских> кружках: Кружок «*Сознания*», «*Кружок по изучению мистерий*», «*Инициативный кружок*» (для работ О<бщест>ва).

Короткое время служу в Русском Архиве, помощником архивиста[1], отказываюсь от профессуры; занимаюсь палеографией; служу у проф. Ардашева: разбираю бумаги Архива Воронежской Судебной Палаты.

Осенью пишу «*Кризис Культуры*»[2]; одновременно дописываю и перерабатываю «*Записки Чудака*».

Читаю в антр<опософском> О<бщест>ве лекции: «*О живоносном импульсе европейск<ой> культуры*», «*Венец Любви*», «*Зимнее Странствие*»[3]; читаю открытую лекцию в Пролет-Культе: «*Стиховедение*».

Одновременно: с осени поступаю на службу в «*Пролет-Культ*»[4]: мои функции a) консультант по проблемам формы; b) руководитель этих проблем в семинариях литер<атурной> студии; c) лектор: читаю курс по ритмике; d) чтение поступающих рукописей; e) прием в *Пролет-Культ* и беседа с начинающими авторами.

Поступаю на службу в Тео-Наркомпросса к О.Д. Каменевой[5]: a) член коллегии Отдела; b) заведующий Научно-теоретической секцией (сверхсрочная служба): организация плана работ, заседаний, созыв сотрудников, распредел<ение> занятий; и — прочее; в частности: мне принадлежит руководство при выработке плана «*Театрального Университета*» и составление программы преподавания теор<етических> курсов (проект прошел сквозь Наркомпросс). Скоро покидаю Отдел (по своей воле).

Переутомление.

1919 год

1) Курс в Пролеткульте: «*Теория Худ<ожественного> Слова*» (до мая). 2) Участие в журнале «*Горн*»[6]. 3) Участие в организации «*Академии Философской*» (будущей — «Вольной Филос<офской> Ассоциации»)[7].

Участие в «*Союзе Писателей*»[8] и в подготовке к организации Литер<атурного> Отдела при Наркомпроссе (выбран группой писателей и поэтов председателем будущего «*Лито*», который возник через 1½ лишь <года> совсем в другом виде; с другими участниками).

С весны до осени: заново переработка и расширение новым материалом двух томов «*Путевые Заметки*»[9].

Участие в заседаниях и беседах, организуемых «*Дворцом Искусств*»[10].

Лекция в Дворце Искусства: «*Культуры Истории*».

Усиленное чтение литературы, посвященной ренессансу.

Осенью: конфликт с Григоровыми и Сизовым из-за метода ведения занятий в Антр<опософском> О<бщест>ве, которого я стал членом Совета (с 1917 года); оппозиция будущей группы имени «*Ломоносова*» Григоровым.

Короткое время заведую курсами «*Дворца Искусств*»; приглашен в коллегию будущего «*Лито*», но — отказался.

С сентября до марта 1919–1920 годов служу в «*Отделе Охраны Памятн<иков> Старины*»[11]; по поручению Отдела собираю материалы по истории революц<ионных> коллекций во Франции (эпохи Вел<икой> Рев<олюции>); прочитываю огромное количество спец<иальных> книг по коллекциям; изучаю историю фр<анцузской> культуры и «*Вел<икую> Фр<анцузскую> Революцию*» (Тэн, Жорес, Карлейль, Олар[12] и др., газета «Moniteur» за 1792–1794 года: от доски до доски)[13] и т.д. Собираю груду материала, который лежит не использованный; это кропотливое собирание отнимает все время.

Читаю курс лекций в антр<опософском> О<бщест>ве: «*Путь самопознания*».

До этого времени прод<олжаю> «*Кружок Изучения Мистерий*» с 1918 года. Сотрудничаю в «*Записках Мечтателей*» (статьи)[14].

1920 год

Начало года: 1) Принимаю участие в орган<изации> «*Академии Дух<овной> Культуры*»; читаю там 2 лекции[15]. 2) Читаю 6 лекций в «*Дворце Искусств*»: «*Культура Мысли*»[16].

Хлопочу об отъезде за границу.

Переезжаю в Ленинград[17]; здесь все время очень кипучая деятельность по организации бесед, лекций, митингов (публичных) «*Вольной Филос<офской> Ассоциации*»[18], а также по организации закрытых курсов ассоциации (*sui generis* Университета); состою членом совета и председателем Ассоциации. Здесь читаю лекции: «Философия Культуры», «*Лев Толстой и иога*», «*Ветхий и Новый Завет*»[19], участвую в беседах, в «*Совете*» и прочитываю два курса лекций: «*Культура мысли*», «*Антропософия, как путь самопознания*»[20].

Кроме того: читаю курс лекций в студии «*Дома Искусств*» (ленинградского) «*Проблемы ритма*»[21].

Читаю отдельные лекции в «*Доме Искусства*», в ленинградском «*Пролеткульте*».

Принимаю участие в выработке плана занятий на осеннем семестре «*Института Живого Слова*»[22], куда я приглашен в преподаватели (участие не состоялось за отъездом в Москву).

Принимаю участие в выработке плана «*Института Театр<альных> Знаний*», куда меня выбрали председ<ателем> научно-теор<етической> секции (Институт — не открылся)[23].

Пять месяцев — сплошная лекционная и организационная работа.

Уезжаю в Москву в июле[24]; здесь: в «*Дворце Искусств*» принимаю участие в организации Археол<огического> Отдела, которого заведующим я назначен; приним<аю> участие в *Совете* «*Дворца*» и в библиотечных делах. Читаю лекции в литер<атурной> студии; участвую в ряде публ<ичных> бесед «*Дворца*».

В.П. Беляев. Андрей Белый – лектор
Бумага, тушь, перо. 1924–1925. ГЛМ

Осенью пишу две книги: «*Кризис Сознания*» (рукопись не напечатана), «*Лев Толстой и культура*» (не напечатано)[25].

С ноября до конца декабря пишу «*Преступление Николая Летаева*» (черновик, 4 больших главы).

Читаю курс лекций в Литер<атурной> Студии «*Лито*»: «*Ритмика*» (раз в неделю)[26]; читаю в антропософском кружке; читаю лекции во «*Дв<орце> Иск<усств>*»: 1) «*Антропология*», 2) «*Свет и Тьма*», 3) «*Антропософия*», 4) «*Рудольф Штейнер*», 5) «*Иоанново Здание*»; и публ<ичные> лекции в Полит<ехническом> Музее «*Миф нашей жизни*», «*Евангелисты*», «*Лев Толстой*»[27].

1921 год

В конце февраля ряд литер<атурных> выступлений (прямо из больницы)[28]; лекция-вечер в «Доме Печати»[29].

Еду в Ленинград[30]: опять организац<ионная> работа в «*Вольно-Фил<ософской> Асс<оциации>*»: участие в лекциях, беседах, митингах; организация подотделов В.Ф.А.; веду подотдел «*символизма*»: еженедельные заседания, показат<ельные> выступления: читаю 2 лекции, устроенные подотделом: «*Символизм*», «*Символизм и теория знания*»[31]. На общем заседании В.Ф.А. читаю лекцию: «*О максимализме*»[32].

Кроме того: поступаю в Лен<инградский> Отд<ел> «*Наркоминдела*» помощником библиотекаря[33]: мои занятия: участие в организации отделов библиотеки, разметка книг по десятичной системе и т.д.; с середины июня получаю отпуск; это — моя последняя «*служба*»...

Участвую в «Записках Мечтателей»[34].

Пишу поэму «*Первое Свидание*»[35].

Отделываю к печати первую главу (из 4-х) «*Преступления Николая Летаева*», значительно увеличив ее[36]; она и выход<ит> под этим названием в «*Зап<исках> Мечт<ателей>*» (прочий материал — не использован мной).

Осенью умирает Блок[37].

Читаю о Блоке в 3-х заседаниях (открытых) В.Ф.А.; в 1-ом «*Поэзия Блока*»; в 2-х других — «*Воспоминания*» (стенограмма напеч<атана> в «*Зап<исках> Мечт<ателей>*»)[38].

Начинаю писать «*Воспоминания о Блоке*»[39].

Уезжаю в Москву хлопотать об отъезде[40].

Здесь, среди предотъездных хлопот принима<ю> уч<астие> в организации Моск<овского> Отдел<ения> «*Вольфилы*» (выбран его председ<ателем>, как

председатель «*Вольфилы*»)[41]. Читаю лекцию при открытии подотдела: «*Достоевский*»[42]. Участвую в публ<ичном> засед<ании>: «*Скифы о Блоке*» (Штейнберг, Иван<ов>-Раз<умник>, я, Мстиславский и др.)[43].

В октябре уезжаю за границу[44].

В Ковно читаю 3 лекции: 2 — о слове в открытом засед<ании> О<бщест>ва Литовских Художников; и одну — в ковенском театре «*О Льве Толстом*»[45].

С конца ноября до конца октября 23 года — в Берлине.

В конце года организую берлинский отдел «*Вольн<ой> Фил<ософской> Ассоц<иации>*» (председатель).

Принимаю уч<астие> в организации берлинского «*Дома Искусств*» (член совета)[46].

1922 год

Весь год пишу «*Воспоминания о Блоке*» («*Эпопея*» №№ 1–4-ый).

Пишу книгу стихов «*После разлуки*»[47].

Перерабатываю к новому изд<анию> роман «*Петербург*»[48]; переиздаю ряд книг[49]. Сотрудничаю в журнале «*Совр<еменные> Записки*», в газете «*Голос России*» и в журнале проф. Ященко «*Книга*»[50].

Редактирую литер<атурно->худ<ожественный> журнал «*Эпопея*»[51]. Принимаю деят<ельное> участие в вечерах и беседах, устраиваемых «*Берл<инским> Домом Искусств*». Читаю в нем публичную лекцию на тему — кажется: «*О духе жизни в России*»[52].

Пишу статью для журнала «*Der Kommende Tag*» — «*Antroposophie und Russland*»[53].

Пишу брошюру для «*Эпохи*»: «*Мое миросозерцание*» (осталась ненапечатанной)[54]; подготовляю к изданию собрание «*Избранных стихотворений*»[55].

Пишу текст воззвания группы русско-немецких художников о помощи голодающим в России[56], а также текст адреса Гергардту Гауптману от русских писателей (по поводу юбилея)[57]. Читаю лекцию в *В.Ф.А.* на тему: «*Ритм культур*»[58]. С осени 1922 года участвую в «*Клубе писателей*»[59].

1923 год

С января до июля старательнейше перерабатываю материал «*Воспоминаний о Блоке*» в 3 тома «*Начало Века*» (не напечатаны: 75 печ. листов)[60]. [Пишу в газете «*Дни*»*][61] Принимаю участие в организации журнала «*Беседа*» (с М. Горьким)[62]; сотрудничаю в «*Беседе*».

В конце октября возвращаюсь в Москву.

Конец года усиленно работаю над материалом версификации у Блока; собираю материал по ритмике «трехдольников» (материал где-то затерялся).

1924 год

Читаю публичные лекции в Москве: «*Страна теней*», «*Поэзия Блока*»[63]; повторяю их в Ленинграде[64]; потом лекцию о Блоке повторяю в Киеве; в Киеве же читаю публ<ичную> лекцию: «*Ритм жизни и современность*» (вышла брошю-

---

* *Фраза густо зачеркнута в рукописи*

рой в «*Ленгизе*»)[65]; повторяю лекцию о Блоке в О<бщест>ве Железнодорожников; читаю небол<ьшому> кружку любителей Блока 3 лекции об образных мифах у Блока; читаю доклад о ритмике Блока в Кружке поэтов[66].

Сотрудничаю в журнале «Россия».

Перерабатываю «*Петербург*» в драму «*Гибель сенатора*»; участвую в орган<изационных> беседах режиссуры Мхата 2-го, касающихся стиля постановки драмы[67].

Читаю осенью 24 года лекцию на тему: «*Худ<ожественная> идеология Блока*»[68].

Пишу статью: «*Воспоминания о Брюсове*»[69].

В конце года начинаю писать роман «*Москва*».

1925 год

Читаю лекцию в «*Академии Художест<венных> Наук*» на тему: «*Пушкин и мы*»[70].

Пишу статью: «*М.О. Гершензон*»[71].

Беседы с артистами «*Мхата*» 2-го.

Лекции в Киеве[72]: («*Коммунистический Дом Искусства*») — на темы: «*Культура Слова*», «*Поэзия Пушкина*». Лекция в театральной студии «Петрушка»: «*Пушкин*». Беседа на тему: «*Проблема слова*».

До октября упорно работаю над романом «*Москва*» и заканчиваю его (25 печ. листов).[73]

Октябрь — приним<аю> участие в репетициях «*Мхата*» 2-го: «*Петербург*» идет в ноябре[74].

Перерабатываю «*Пепел*» для «*Круга*»[75] (издание — откладывается, как всё для меня в период 1923–1926 годы).

1926 год

Пишу для себя самого сочинение 1) «*История становления самосознающей души в пяти последних столетиях*». Сочинение вчерне закончено: складываю его в письменный стол[76].

2) Пишу вчерне книгу воспоминаний о Штейнере[77].

3) Переделал 1-ый том «Москвы» в драму[78].

1927 год

Пишу усиленно «*Дневник*»[79]. Перерабатываю (для спирали) драму «*Москву*»[80]; усиленно работаю летом над ритмом; осенью <и> зимой пишу книгу: «Ритм как проблема и “*Медный Всадник*”»[81]. Курс о слове в Театре Мейерхольда[82].

К 27 году: читаю две публичн<ые> лекции в Тифлисе и одну в тифл<исском> «Дворце Искусств»[83]. Читаю реферат о ритме у Никитиной[84] и реферат о Символизме в «Доме Просвещения». Пишу книгу: «Ритмический жест и “*Медный Всадник*”» (октябрь — декабрь).

В 1928 году: 1) Пишу книгу «Кавказские впечатления» (январь — февраль)[85]. 2) Пишу «Почему я стал символистом» (март — апрель)[86]. Пишу статью «*О принципе ритма*»[87]. 3) Пишу очерк «*Армения*» (июнь, Сачхери)[88]. 4) Записываю

в «*Дневник*» университетские воспоминания и мысли о Каджорах (Каджоры, июль — август).

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 1–4 об.). Ранее текст был опубликован Дж. Малмстадом (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. Paris, 1990. С. 484–488).

[1] См. примеч. 1121 к *РД*.
[2] См. примеч. 1128 к *РД*.
[3] Эти лекции были прочитаны, соответственно, 14 октября («О живоносном ручье европейской культуры»), 11 ноября («О короне любви и мистерии смерти в антропософском раскрытии») и 9 декабря 1918 г. См.: «Проект расписания года» (С. 761–763 наст. изд.).
[4] См. примеч. 1129 к *РД*.
[5] См. примеч. 1131, 1132 к *РД*. О.Д. Каменева заведовала Театральным отделом Наркомпроса.
[6] См. примеч. 1140 к *РД*.
[7] См. примеч. 1135, 1136 к *РД*.
[8] См. примеч. 1130 к *РД*.
[9] См. примеч. 670 к *МБ*, примеч. 1144 к *РД*.
[10] См. примеч. 1134 к *РД*.
[11] См. примеч. 1167 к *РД*.
[12] См. примеч. 1175 к *РД*. Имеются в виду также труд И. Тэна (Taine) «Происхождение современной Франции» («Origines de la France contemporaine», vol. 1–3. Paris, 1871–1894; рус. пер.: Т. 1–5. СПб., 1907) и, видимо, основной труд автора многочисленных работ по истории Великой французской революции Франсуа Виктора Альфонса Олара (Aulard) «Политическая история Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики» («Histoire politique de la révolution française», 1900–1901; рус. пер.: 1902).
[13] См. примеч. 1176 к *РД*.
[14] 1-й выпуск журнала-альманаха «Записки Мечтателей» (Пб.: Алконост, 1919), вышедший в свет в октябре 1919 г., открывался предисловием Белого («Записки мечтателей») и включал его заметки «Дневник писателя» и начало эпопеи «Я» («Записки чудака») (С. 5–8, 11–71, 119–132).
[15] См. примеч. 1177 к *РД*.
[16] Этот цикл лекций Белый прочитал в январе–феврале 1920 г.
[17] Белый прибыл в Петроград 17 февраля 1920 г.
[18] См. примеч. 1182 к *РД*.
[19] Дата выступления Белого с первым из указанных докладов не зафиксирована. С докладом «Лев Толстой и культура» он выступил в Вольфиле 14 марта, с докладом «Ветхий и Новый Завет» – 30 мая 1920 г. (Вольная философская ассоциация. 1919–1924 / Изд. подгот. Е.В. Иванова при участии Е.Г. Местергази. М., 2010. С. 226, 229).
[20] Первый курс лекций Белый читал в марте, второй – в мае–июне 1920 г.
[21] Этот курс лекций Белый читал в студии Дома Искусств в марте–апреле 1920 г.
[22] См. примеч. 1203 к *РД*.
[23] См. примеч. 1209 к *РД*.
[24] Белый возвратился в Москву 10 июля.
[25] В архиве Андрея Белого сохранились рукописи обеих книг – «На перевале. IV. Кризис сознания» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 64, 65) и «Лев Толстой и культура сознания» (Там же. Ед. хр. 81).
[26] Этот курс лекций по стиховедению в московской литературной студии (ЛИТО) Белый читал в октябре – декабре 1920 г.
[27] Даты прочтения нескольких из указанных лекций Белый приводит в *РД* (С. 463 наст. изд.).
[28] Белый попал в больницу в конце декабря 1920 г. (см. записи об этом месяце в *РД*: С. 463 наст. изд.).

[29] См. примеч. 1243 к *РД*.
[30] Белый приехал в Петроград 31 марта 1921 г.
[31] См. примеч. 1258 к *РД*.
[32] См. примеч. 1250 к *РД*.
[33] См. примеч. 1246 к *РД*.
[34] В 1921 г. вышли в свет два выпуска альманаха «Записки Мечтателей», включившие несколько произведений Андрея Белого: в № 2/3 – «Я. Эпопея. Т. 1. Записки чудака. Ч. 1. Возвращение на родину» (С. 7–95), «Дневник писателя» (С. 113–131) и статья «Утопия» (С. 139–144. Подпись: *Alter ego*), в № 4 – «Преступление Николая Летаева» (С. 21–164) и некролог А. Блоку (С. 8–10).
[35] Основная работа над поэмой «Первое свидание» приходится на 19–20 июня 1921 г. (Троица и Духов день).
[36] См. выше, примеч. 34. Подзаголовок «Преступления Николая Летаева» в «Записках Мечтателей»: «Эпопея – т. 1. Крещеный китаец. Гл. 1». Продолжения не последовало, и в 1927 г. произведение, впервые появившееся в «Записках Мечтателей», было опубликовано отдельным изданием под заглавием «Крещеный китаец. Роман».
[37] См. примеч. 1268 к *РД*.
[38] См. примеч. 1270, 1278 к *РД*. Упоминаются «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке» Андрея Белого (Записки Мечтателей. 1922. № 6. С. 5–122).
[39] Первая, самая краткая версия «Воспоминаний о Блоке» Андрея Белого была опубликована в альманахе «Северные дни» (Сб. 2. М., 1922. С. 131–155).
[40] День отъезда – 6 сентября.
[41] См. примеч. 1275 к *РД*.
[42] См. примеч. 1280 к *РД*.
[43] См. примеч. 1274 к *РД*.
[44] Белый выехал из Москвы в Берлин (через Ригу и Ковно) 20 октября 1921 г.
[45] См. примеч. 1283, 1285 к *РД*.
[46] См. примеч. 1290 к *РД*.
[47] См. примеч. 1343 к *РД*.
[48] См. примеч. 1318 к *РД*.
[49] Переиздания: «Возврат. Повесть» (Берлин: Огоньки, 1922), «Первое свидание. Поэма» (Берлин: Слово, 1922), «Серебряный голубь. Роман» (Ч. 1–2. Берлин: Эпоха, 1922), «На перевале» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923).
[50] Имеется в виду берлинский критико-библиографический журнал, издававшийся в 1921 г. под заглавием «Русская книга», в 1922–1923 гг. – под заглавием «Новая русская книга».
[51] См. примеч. 1295 к *РД*.
[52] Вероятно, подразумевается лекция «Культура в современной России», прочитанная Белым в берлинском Доме Искусств 14 декабря 1921 г. (название искажено, видимо, по ассоциации с заглавием статьи Белого «О Духе России и “духе” в России», опубликованной в берлинской газете «Голос России» 5 марта 1922 г.).
[53] Указанная статья Белого была опубликована в Штутгарте в антропософском журнале «Die Drei» (см. примеч. 1339 к *РД*.).
[54] Название упомянутого философского очерка Белого, предназначавшегося для основанного в Петрограде и продолжавшего свою деятельность в Берлине издательства «Эпоха», – «Основы моего мировоззрения»; ныне опубликован Л.А. Сугай (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 10–37).
[55] См.: *Андрей Белый*. Стихотворения. Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923.
[56] См. примеч. 1311 к *РД*.
[57] См. примеч. 1360 к *РД*.
[58] Вероятно, подразумевается доклад, фигурирующий в *РД* под заглавием «Антропософия и культуры» (С. 474 наст. изд.; см. примеч. 1345 к *РД*).
[59] См. примеч. 1356 к *РД*.

[60] См. примеч. 1367 к *РД*.

[61] См. примеч. 1361 к *РД*. Вычеркивание сообщения о сотрудничестве в откровенно антисоветском издании – безусловно, имеет автоцензурный характер.

[62] См. примеч. 1366 к *РД*.

[63] Публичную лекцию о своих заграничных впечатлениях «Одна из обителей царства теней» Белый прочитал в Москве 14 января, лекцию о Блоке – 20 февраля 1924 г. на вечере памяти Блока в Политехническом музее.

[64] Эти лекции Белый прочитал в Певческой капелле, соответственно, 14 и 18 февраля 1924 г.

[65] Лекцию «Творчество Блока» Белый прочитал в Киеве 25 февраля, «Ритм жизни и современность» – 28 февраля 1924 г. Статья Белого «Дневник писателя. 1. Ритм жизни и современность», опубликованная в журнале «Россия» (1924. № 2. С. 132–146), «брошюрой» не издавалась; в данном случае – явная аберрация: брошюрой в «Ленгизе» была опублик. книга Белого «Одна из обителей царства теней» (Л., 1924).

[66] С докладом «О трехдольниках» Белый выступил в Кружке поэтов 3 января 1924 г.

[67] Инсценировку романа «Петербург» Белый готовил для М.А. Чехова – художественного руководителя МХАТ 2-го с 1924 г. См. примеч. 1414 к *РД*.

[68] Видимо, имеется в виду лекция «Революция и Блок», прочитанная в декабре 1924 г. в Большом зале Консерватории (см. регистр «Себе на память», с. 740 наст изд.).

[69] См. примеч. 1447 к *РД*.

[70] См. примеч. 1457 к *РД*.

[71] См. примеч. 1460 к *РД*.

[72] См. примеч. 1468 к *РД*.

[73] Ср. свидетельство об одном из авторских чтений романа в письме переводчицы Л.М. Гаусман к Л.И. Аверьяновой от 9 июня 1926 г.: «В субботу с союзе был редкий вечер <…>: Андрей Белый читал отрывки из “Москвы”. Изумительно красочное и жуткое одновременно, масса юмора, никогда еще не созданные слова и выражения, словом, большая художественная вещь, и при том чтение такого первоклассного мастера, без всякого актерства или аффектации, это было незабываемое, огромное наслаждение, у него глаза бездонные голубые, оригинальная улыбка и до жуткости выразительные руки, и следить за выражением его лица, жестами рук, модуляциями богатейшего голоса было новым очарованием. Успех имел большой, и к чести молодежи, она собралась в большом количестве» (ИРЛИ. Ф. 355. Ед. хр. 17). См. примеч. 1504 к *РД*.

[74] См. примеч. 1477 к *РД*.

[75] См. примеч. 1475 к *РД*.

[76] См. примеч. 1484 к *РД*.

[77] См. примеч. 1521 к *РД*.

[78] См. примеч. 1522 к *РД*.

[79] См. примеч. 1478 к *РД*.

[80] Подразумевается организация сценического пространства, предложенная Белым предполагавшемуся постановщику «Москвы» В.Э. Мейерхольду.

[81] Работа над стиховедческим исследованием, получившем окончательное заглавие «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (М.: Федерация, 1929), была завершена Белым в декабре 1927 г.

[82] Цикл лекций в Театре им. Мейерхольда Белый читал с ноября 1927 г. по январь 1928 г.

[83] В Тифлисе в 1927 г. Белый выступил с лекциями «Читатель и писатель» (28 июня), «Личность и поэзия А. Блока» (30 июня), «Ритмический жест “Медного всадника”» (2 июля).

[84] См. примеч. 1665 к *РД*.

[85] Подразумевается книга «Ветер с Кавказа. Впечатления» (М.: Федерация – Круг, 1928), вышедшая в свет во второй половине августа 1928 г.

[86] См. примеч. 1714 к *РД*.

[87] См. примеч. 1721 к *РД*.

[88] См. примеч. 1729 к *РД*.

СПИСОК РЕФЕРАТОВ И ЛЕКЦИЙ, ЧИТАННЫХ МНОЮ С 1902 ГОДА ПО 1918-ый

1) Реферат: О *«Льве Толстом и Достоевском»* Мережковского, читан в кружке у проф. Н.И. Стороженко. Москва. — 1902 год

2) Реферат: «О Мережковском», в кружке у проф. Н.И. Стороженко. Москва.

3) Реферат: «Формы искусства». Общество С.Н. Трубецкого при Московском Университете.

4) Реферат: «Формы искусства». Общество С.Н. Трубецкого при Московском Университете. (Продолжение).

5) Реферат: «О задачах и методах физики», реферат у проф. Умова в Университете.

6) Реферат: «Mezozoa» у проф. Н.Ю. Зографа пр<и> Московском университете.

7) Реферат: «Психология и теория знания» в кружке П.И. Астрова. — 1904 год

8) Реферат: «О методах науки» в кружке П.И. Астрова.

9) Реферат: «Символизм и миропонимание» в секции истории религии при Московском университете.

10) Реферат: «О целесообразности» в Секции истории религии пр<и> Московском университете. — 1905 год

11) Реферат: «О пессимизме» в кружке П.И. Астрова.

12) Реферат: «Апокалипсис русской поэзии» в кружке П.И. Астрова.

13) Реферат: «О искусстве» на среде у В.И. Иванова.

14) Реферат: «Феникс» на среде у В.И. Иванова. — 1906 год

15) Реферат: «Феникс» в кружке П.И. Астрова.

16) Лекция: «Социал-демократия и религия» в Париже в русской колонии[1]. — 1907 год

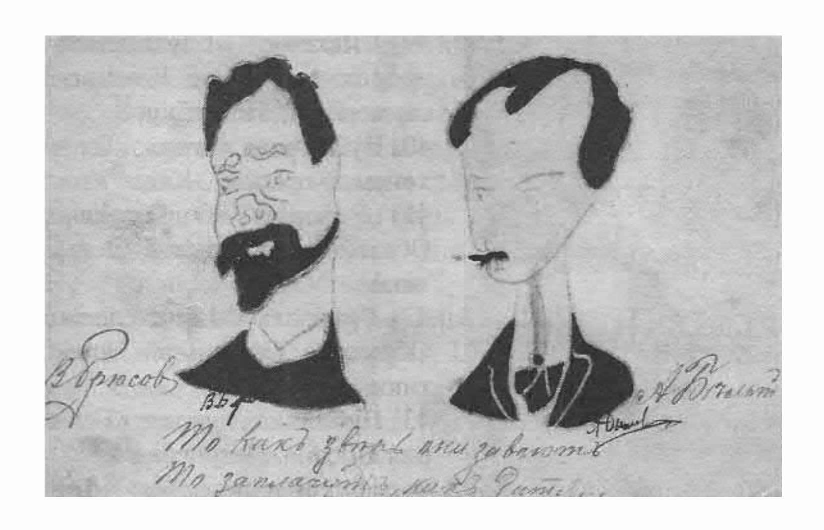
17) Лекция: «Социал-демократия и религия». Общество им. Вл.С. Соловьева[2].

18) Лекция: «Символизм». Московское Религиозно-Философское общество. Москва.

19) Реферат: «О музыке». Общество Свободной Эстетики. Москва.

20) Публичная лекция: «Современная русская литература». Москва[3].

21) Публичная лекция: «Искусство будущего». Москва[4].

В.В. Каррик. В.Я. Брюсов и Андрей Белый
1904. Бумага, тушь, акварель. ГМП

22) Публичная лекция: «Искусство будущего» (повторение). Москва.
23) Публичная лекция: «Два течения русского символизма». Киев.
24) Публичная лекция: «Искусство будущего». Киев[5].
25) Публичная лекция: «Театр и современная драма». Москва[6].
26) Публичная лекция: «Искусство будущего». Петербург[7].
27) Публичная лекция: «Фридрих Ницше». Москва[8].
28) Публичная лекция: «Фридрих Ницше» (повторение). Москва.
29) Публичная лекция: «Фридрих Ницше». Петроград[9]. 1908 г.
30) Реферат: «Символизм современной русской литературы». Общество Свободной Эстетики[10].
31) Публичная лекция: «Песнь жизни» в Доме Песни. Москва[11].
32) Публичная лекция: «О символизме». Дом Песни. Москва[12].
33) Реферат: «Далай-лама из Сапожка». Общество Свободной Эстетики.
34) Публичная лекция: «Настоящее и будущее русской литературы». Москва[13].
35) Публичная лекция: «Настоящее и будущее русской литературы». Петербург[14].
36) Публичная лекция: «О искусстве». Москва.
37) Публичная лекция: «Символизм и новейшее русское искусство». Общество искусства и литературы.
38) Введение к беседе: «Символизм». Общество искусства и литературы.

Устав Общества свободной эстетики
М., 1915. ГМП

39) Лекция: «Глухонемой пророк» в Театре Коммиссаржевской. Петербург[15].

40) Публичная лекция: «Глухонемой пророк». Киев[16]. 1909 г.

41) Реферат: «О Гоголе». Общество Свободной Эстетики.

42) Реферат: «Магия слов». Общество Свободной Эстетики.

43) Публичная лекция: «Генрик Ибсен». Петроград[17]. 1910 г.

44) Публичная лекция: «Лирика и Эксперимент». Москва[18].

45) Реферат: «О четырехстопном ямбе». Общество Ревнителей Художественного Слова. Петроград[19].

46) Реферат: «Религиозное сознание». Петроградское Религиозно-Философское Общество.

47) Реферат: «О четырехстопном ямбе» (продолжение). Петроград.

48) Реферат: «О четырехстопном ямбе» (продолжение). Общество Рвнителей Художественного Слова.

49) Выступление: «Памяти Коммиссаржевской». Петроград[20].

50) Реферат: «Трагедия творчества». Религиозно-Философское Общество. Москва[21].

51) Публичная лекция: «Страна ужаса и бреда». Москва[22]. 1911 год

52) Публичная лекция: «Современное сознание». Петроград[23]. 1912 год

53) Реферат: «О пятистопном ямбе». Общество Ревнителей Художественного Слова. Петроград[24].

54) Реферат: «Поэзия стихий у Пушкина, Тютчева, Баратынского». Общество Ревнителей Художественного Слова.

55) Реферат: «Символизм». Общество Ревнителей Художественного Слова. Петроград[25].

56–64) Курс лекций для русских членов Антропософского Общества «Рудольф Штейнер и Кант». Швейцария. Дорнах. 1915—1916 год

65) Публичная лекция: «Драма жизни». Москва[26]. 1916 год
66) Реферат: «Александрия и мы». Московское Религиозно-Философское Общество. Москва[27].
67) Публичная лекция: «Творчество мира». Москва[28].
68) Публичная лекция: «Жезл Аарона». Москва[29]. 1917 год
69) Публичная лекция: «Творчество мира». Петроград[30].
70) Реферат: «Александрия и мы». Петроградское Религиозно-Философское Общество[31].
71) Реферат: «Революция и культура». Москва. Клуб писателей[32].
72) Вступление к концерту: «Музыка». Цирк Саломонского. Москва.
73) Реферат: «О ритмическом жесте». Антропософическое Общество. Москва[33].
74) Реферат: «О ритмическом жесте». Пушкинский Кружок при Петроградском Университете. Петроград[34].
75–83) Курс лекций при Московском Антропософическом Обществе. «Антропософская теория знания». 1918 год
84) Лекция: «Стиховедение». В студии «Стиховедение». Москва.
85) Лекция: «Стиховедение». В студии «Стиховедение». Москва.
86) Публичная лекция: «Поэзия слова». Москва[35].
87) Реферат: «Мировые мысли, чувства и воля» в Антропософическом Обществе (для членов). Москва[36].
88) Лекция: «О живоносном импульсе европейской культуры». В Антропософическом Обществе. Москва.
89) Лекция: «О короне любви и мистерии смерти». В Антропософическом Обществе. Москва.
90) Лекция: «Зимнее странствие и полуночное солнце культуры». В Антропософическом Обществе. Москва.
91) Публичная лекция: «Живое слово». Пролеткульт. Москва.
92) Лекция: «Стиховедение». Пролеткульт. Москва. (Лекция курса)[37].
93) Лекция: «Стопа и диподия». Пролеткульт. Москва. (Лекция курса).
94) Лекция: «История образования тонического стихосложения». Пролеткульт. Москва. (Лекция курса).
95) Лекция: «Строка: поэзия и ритм прозы». Пролеткульт. Москва. (Лекция курса).
96) Лекция: «О ритмическом жесте». Пролеткульт. Москва. (Лекция курса).
97) Лекция: «Фигуры ритма». Пролеткульт. Москва. (Лекция курса).
98) Лекция: «Сравнительная анатомия ритма». Пролеткульт. Москва. (Лекция курса).
99) Лекция: «О тоническом, метрическом и силлабическом стихе». Студия Стиховедения. Москва.
100) «Свет из грядущего» прочитана в феврале 18 года в Москве[38].

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 8).

[1] См. примеч. 565 к *МБ*.
[2] См. примеч. 570, 571 к *МБ*.
[3] Видимо, имеется в виду лекция «Символизм в современном русском искусстве» (см. примеч. 575 к *МБ*).
[4] См. примеч. 576 к *МБ*.
[5] См. примеч. 591 к *МБ*.
[6] См. примеч. 601 к *МБ*.
[7] См. примеч. 604 к *МБ*.
[8] См. примеч. 512 к *РД*.
[9] См. примеч. 606 к *МБ*.
[10] См. примеч. 597 к *МБ*.
[11] См. примеч. 595 к *МБ*.
[12] См. примеч. 603 к *МБ*.
[13] См. примеч. 564 к *РД*.
[14] См. примеч. 623 к *МБ*.
[15] Имеется в виду лекция о Ст. Пшибышевском, прочитанная перед представлением его драмы «Вечная Сказка».
[16] См. примеч. 628 к *МБ*.
[17] См. примеч. 645 к *РД*.
[18] См. примеч. 651 к *РД*.
[19] См. примеч. 639 к *МБ*.
[20] См. примеч. 647 к *РД*.
[21] См. примеч. 665 к *МБ*.
[22] См. примеч. 696 к *РД*.
[23] См. примеч. 712 к *РД*.
[24] См. примеч. 710 к *МБ*.
[25] См. примеч. 710 к *МБ*.
[26] См. примеч. 976 к *РД*.
[27] См. примеч. 973 к *РД*.
[28] См. примеч. 987 к *РД*.
[29] См. примеч. 1008 к *РД*.
[30] См. примеч. 1017 к *РД*.
[31] См. примеч. 1016 к *РД*.
[32] См. примеч. 1035 к *РД*.
[33] См. примеч. 1045 к *РД*.
[34] См. примеч. 1018 к *РД*.
[35] См. примеч. 1113 к *РД*.
[36] Даты этого и последующих выступлений Андрея Белого в Антропософском обществе в 1918 г. указаны в своде «Проект расписания года» (С. 761–763 наст. изд.).
[37] Подразумевается лекционный курс «Ритмика», прочитанный Андреем Белым в московском Пролеткульте в октябре – декабре 1918 г.
[38] См. примеч. 1089 к *РД*.

СЕБЕ НА ПАМЯТЬ

Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед (на заседаниях), оппонирований, председательствований и участий (активных) в заседаниях и т.д. С 1899 до 1932 года.

1899.

1) Октябрь. «О простейших». Реферат. Семинарий проф. Зографа. Москва[1].

2) Ноябрь. «О задачах и методах физики». Реферат. Семинарий проф. Умова. Москва.

3) Ноябрь. «О mezazoa». Реферат. Семинарий проф. Зографа. Москва.

4) Декабрь. Первое чтение своих произведений у Соловьевых. Москва.

1900.

5) Январь. Чтение отрывков из мистерии «Антихрист» у Соловьевых. Москва.

1901.

6) Май. Чтение первых 2-х частей «Московской Симфонии»[2] у Соловьевых. Дедово.

7) Сентябрь. Чтение 3-ей и 4-ой части «Московской Симфонии» у Соловьевых. Москва.

8) Октябрь. «О Мережковском». Реферат в кружке для самообразования у Стороженок. Москва.

9) Ноябрь. «О новом религиозном сознании». Реферат у Стороженок. Москва.

10) Декабрь. Возражения Мельгунову на его реферат о сектантстве у Стороженок. Москва.

11) Декабрь. «Северная Симфония» у Соловьевых. Москва.

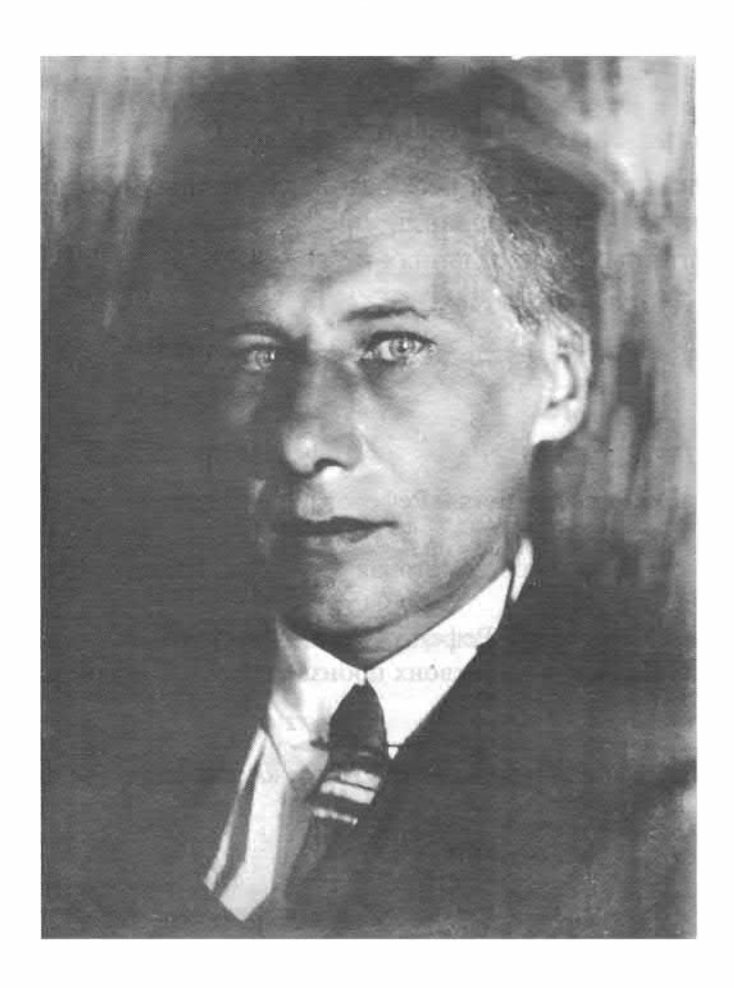
1902

12) Январь. Дебатирование темы моего полемического письма Мережковскому[3] у Соловьевых. Москва.

13) Февраль. «Представления древних о форме земли». Реферат у проф. Анучина. Этнографический Музей.

14) Март. «О картографических проекциях». Реферат у проф. Анучина. Этнографический Музей.

15) Сентябрь. Чтение «Возврата» у Соловьевых. Москва.

Андрей Белый
Фотоателье М.С. Наппельбаума. 1926. ГМП

16) Октябрь. Чтение первой редакции 4-ой Симфонии у Соловьевых. Москва.
17) Ноябрь. «О формах искусства», реферат в студенческом обществе имени Трубецкого (участвуют в прениях приват-доцент Викторов, Фохт, Койранский, Топорков). Москва.
18) Ноябрь. «О формах искусства» (продолжение реферата в студенческом обществе имени Трубецкого; участвуют в прениях: Кубицкий, Эрн, Фохт, Койранский). Москва.

1903.

19) Март. Первое публичное выступление в прениях беседы Литературно-художественного кружка на реферате (не помню чьем, — не Бальмонт ли?) на тему: о сути трагедии. Москва.

20) Апрель. Публичное выступление в Литературно-художественном кружке на реферате Бальмонта «Баллада о Рэдингской тюрьме» на тему: об апостоле Павле. Москва[4].
21) Октябрь. «Символизм, как миропонимание», реферат у меня, в кружке аргонавтов. Москва.

1904.

22) Январь. «Символизм и религия», выступление в религиозно-философском кружке у Эрна (возражают: Эрн, Флоренский, Свенцицкий). Москва.
23) Январь. Выступление на собеседовании в Книгоиздательстве «Грифе». Москва.
24) Февраль. Литературное выступление в «Грифе». Москва.
25) Март. Литературное выступление в кружке аргонавтов. Москва.
26) Сентябрь. «О целесообразности», реферат в секции религии студенческого общества имени Трубецкого. Москва.
27) Октябрь. «О границах психологии», реферат в кружке Астрова. Москва.
28) Октябрь. Выступление с оппонированием на реферате Свенцицкого о Меттерлинке в секции истории религии в Университете. Москва.
29) Октябрь. «О пессимизме», реферат в кружке Астрова. Москва.
30) Октябрь. Оппонирование в кружке Астрова на реферате о Хомякове. Москва[5].
31) Ноябрь. Оппонирование в «секции истории религии» на реферате Флоренского о чуде. Москва[6].
32) Ноябрь. Оппонирование на реферате Сизова «Танец лунной философии» у Астрова. Москва.
33) Ноябрь. Оппонирование в студенческом кружке имени Вл. Соловьева на тему «Критика отвлеченных начал». Москва.
34) Ноябрь. Литературное выступление на вечере у Христофоровой. Москва.
35) Ноябрь. Оппонирование на реферате Эллиса о Данте (у Астрова). Москва[7].
36) Ноябрь. Оппонирование на реферате Астрова «О Григории Петрове». Москва.
37) Декабрь. Литературное выступление в астровском кружке. Москва.
38) Декабрь. Участие в «*беседе*» с проф. Озеровым (астровский кружок). Москва.
39) Декабрь. Оппонирование на реферате Флоренского «О Канторе» в секции истории религий (впрочем, не точно помню времени прочтения реферата). Москва[8].
40) Декабрь. «Символизм и современность», реферат (в астровском кружке). Москва.
41) Декабрь. Участие в беседе на тему «*Не то*» (рассказ Поливанова) (астровский кружок). Москва[9].

1905.

42) Январь–февраль. Участие в ряде прений в религиозно-философском кружке Мережковского, в редакции «Вопросов Жизни», у Розанова, Бердяева, Перцова и т.д. Петербург.

43) Январь–февраль. Ряд лекций-бесед в полушутливой форме, но на серьезную тему о конкретном идеализме («Как возможна теория знания, обосновывающая идею Софии») в квартире у Блоков (для Блоков). Петербург.

44) Март. «Символизм и общественность», реферат в астровском кружке. Москва.

45) Март. Прения на докладе Батюшкова «*О карме*» в астровском кружке. Москва.

46) Март. Прения на докладе социола <так!> Филянского, не то Полянского (фамилию забыл) в астровском кружке. Москва.

47) Март. Прения по поводу поэмы С.М. Соловьева «Дева Назарета» в астровском кружке. Москва[10].

48) Март. Прения на собрании кружка «Христианское братство борьбы». Москва[11].

49) Апрель. «Апокалипсис в русской поэзии», реферат в астровском кружке. Москва.

50) Участие в беседе, устраиваемой у Морозовой (Мережковские, я, Свенцицкий, Эрн, Кречетов и др.). Москва.

51) Май. Участие в религиозном диспуте, устроенном формирующимся Московским Религиозно-философским обществом в 1-ом Зачатьевском переулке. Москва.

52) Июнь. Чтение в Дедове поэмы «Дитя-Солнце». Дедово[12].

53) Июнь. Чтение Коваленским статьи «Химеры». Дедово[13].

54) Июль. Чтение у Блоков поэмы «Дитя-Солнце». Шахматово.

55) Сентябрь. Реферат у Астрова на общественную тему. Москва.

56) Сентябрь. Реферат (не помню где), верней чтение статьи «Луг зеленый». Москва[14].

57) Сентябрь. Прения на реферате Эртеля «О Юлиане» у Астрова. Москва.

58) Сентябрь. Собрание у меня астровцев и аргонавтов: беседа на тему о назревающих событиях. Москва.

59) Октябрь. Участие в прениях на общественные темы у Астрова. Москва.

60) Октябрь. Участие в беседе на общественные темы в социал-демократии, у Эллиса. Москва.

61) Октябрь-ноябрь. Участие в ряде бесед в кружке молодежи, собирающейся у С.М. Соловьева. Москва.

62) Ноябрь. Участие в диспуте Петербургского Религиозно-философского общества. Петербург.

63) Декабрь. Прения о нашем политическом самоопределении в астровском кружке. Москва.

1906.

64) Январь. «О Мережковском», реферат: в кружке Аргонавтов. Москва.

65) Январь. «О Достоевском», реферат: в кружке Аргонавтов. Москва.

66) Январь. Беседа на тему о новом театре в студии исканий В.Э. Мейерхольда, в Москве. Москва.

67) Февраль. «Принцип общественности», реферат (не помню где). Москва.

68) Февраль. Участия в беседах религиозно-философского кружка Мережковских. Петербург.

69) Февраль. Участие в беседе на тему «*Градация форм искусства*» на «башне» у Вячеслава Иванова. Петербург[15].

70) Март. Участие в беседе на тему «*О любви*» (на «башне» В. Иванова); участники: Мережковский, Розанов, я, Иванов, Бердяев, Бердяева, не помню, кто еще; Блок читает «Влюбленность»[16]. Петербург.

71) Март. Участие в беседе на тему «О страшном» на квартире Бердяева. Петербург.

72) Апрель. Читаю статью «*Феникс*» (прения), у себя. Москва[17].

73) Май. «*Феникс*», мой доклад с прениями на «*башне*» у Вячеслава Иванова. Ленинград.

74) Май. Принимаю участие в беседе на «*башне*» В. Иванова. Ленинград.

75) Июнь. Чтение рассказа «Куст». Дедово[18].

76) Август. Беседа на тему о современных событиях у Рачинского. Москва.

77) Сентябрь. Участие в беседе на тему «Христианство» в квартире Аничкова. Петербург.

78) Октябрь. «О символизме» в помещении мюнхенского кафе (для русских). Мюнхен.

1907 год.

79) Январь. Ряд бесед на темы о текущих событиях у Мережковских, И.И. Щукина, у меня и т.д. Париж.

80) Февраль. «Религия и социал-демократия». Публичная лекция в помещении кафе. Париж[19].

81) Март. Участие в прениях после доклада Мережковского на темы его книги «Не мир, но меч». Париж[20].

82) Март–апрель–май (не помню точно). «Религия и Социал-демократия». Лекция в Московском Религиозно-философском обществе (оппоненты: Рачинский, Бердяев, Булгаков, Эрн). Москва[21].

83) Март–апрель–май (не помню точно). «О тактике журнала “Весы”», беседа-совещание у Эллиса. Москва.

84) Март–апрель–май (не помню точно). «Принцип формы». Общество свободной эстетики. Москва.

85) Март–апрель–май (не помню точно). Прения в Обществе свободной эстетики. Москва.

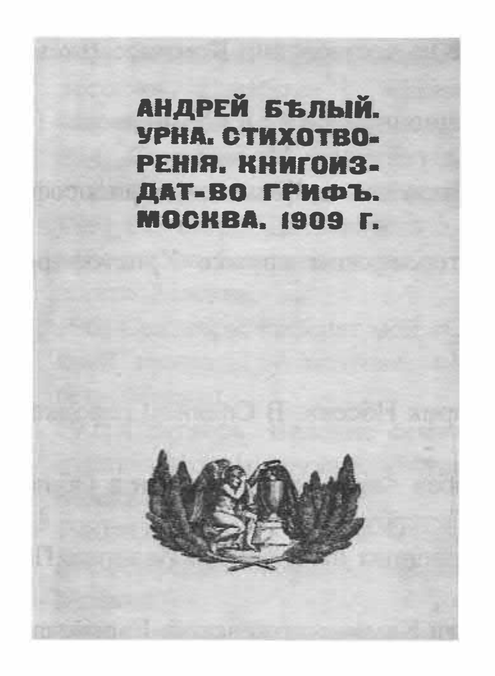
86) Март–апрель–май (не помню точно). «Против музыки» в Обществе свободной эстетики. Москва.
87) Март–апрель–май (не помню точно). «Русские символисты». Публичная лекция. Политехнический <Музей>. Москва[22].
88) Март–апрель–май (не помню точно). «Искусство будущего». Публичная лекция. Прения. Политехнический <Музей>. Москва[23].
89) Март–апрель–май (не помню точно). «Искусство будущего». Повторение лекции. Прения. Москва.
90) Март–апрель–май (не помню точно). Беседа о символизме с рабочими. Москва.
91) Март–апрель–май (не помню точно). Беседа о искусстве в формируемом «Доме Песни». Москва[24].
92) Март–апрель–май (не помню точно). Участие в прениях на заседаниях Московского Религиозно-философского общества. Москва.
93) Март–апрель–май (не помню точно). Беседа о искусстве у меня, в кружке аргонавтов (с Ивановым, Переплетчиковым, Брюсовым, С.И. Танеевым, Грифцовым, Эллисом и др.). Москва.
94) Март–апрель–май (не помню точно). Участие в беседе на реферате Б.А. Фохта «О Канте» у Морозовой. Москва.
95) Март–апрель–май (не помню точно). Чтение рассказа «*Адам*». У меня. Москва[25].
96) Март–апрель–май (не помню точно). Выступление на литературном вечере в Художественном кружке (из «Дитя-Солнце»)[26]. Москва.
97) Март–апрель–май (не помню точно). Беседа на тему «О символизме» в литературном кружке «Середа» (у Голоушева)[27]; участники: Грузинский, Голоушев, Телешев, Зайцев, Чириков, Кожевников, Первухин, Россинский и др. Москва.
98) Март–апрель–май (не помню точно). Участие в беседе не помню на какую тему в кружке «Середа», у Л.Н. Андреева (Андреев, Зайцев, Голоушев и др.). Москва.
99) Март–апрель–май (не помню точно). Беседа в переплетчиковском кружке (Пашуканис, Переплетчиков, Эллис, Б.Б. Красин, Стражев и т.д.). Москва.
100) Март–апрель–май (не помню точно). Участие в беседе, устраиваемой журналом «Золотое Руно». Москва.
101) Июль–август. Ряд бесед в журнале «Перевал». Москва.
102) Сентябрь. Беседа в Литературно-художественной газете[28] (я, Зайцев, Стражев, Муратов, Грифцов): моя ссора с ними. Москва.
103) Октябрь. Реферат-введение «*О символизме*» к вечеру, устраиваемому в оперном театре. Киев[29].
104) Октябрь. Беседа в редакции журнала «В Мире Искусств». Киев.
105) Октябрь. «Искусство будущего». Публичная лекция. Киев.
106) Октябрь. «Символизм и современное искусство», реферат с прениями в Обществе свободной эстетики. Москва.
107) Октябрь. Ряд бесед в «Доме Песни». Москва[30].

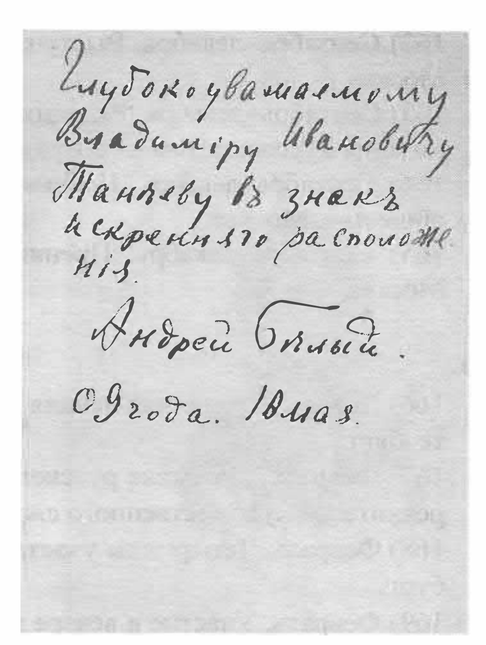
108) Октябрь. «О песне жизни». Публичная лекция, открывающая «Дом Песни». Москва[31].
109)а Октябрь. Реферат в «Свободной эстетике» о символизме. Москва.
109)b Октябрь. Участие в беседе кружка «*Середы*», у Голоушева. Москва.
110) Октябрь. Участие в прениях по поводу реферата Астрова «О Дарвине». Москва.
111) Ноябрь. «Театр и современная драма». Доклад в Литературно-художественном кружке. Москва[32].
112) Ноябрь. «Беседа о символизме» (участники: я, Рачинский, Брюсов, Лурье), в публичном заседании «Дома Песни». Москва[33].
113) Ноябрь. Участие в прениях беседы в Литературно-художественном кружке (референт — В. Иванов). Москва.
114) Декабрь. «Фридрих Ницше». Публичная лекция. Политехнический <Музей>. Москва[34].
115) Декабрь. «Искусство будущего». Публичная лекция. Тенишевский зал. Петербург[35].
116) Декабрь. Участие в диспуте Петербургского Религиозно-философского общества (референт — Странден). Петербург.
117) (Декабрь–ноябрь). Участие в прениях Московского Религиозно-философского общества (рефераты — Бердяева, Булгакова, Эрна). Москва.
118) Декабрь. Реферат «О символизме» в философском кружке у Морозовой (оппоненты: проф. Е. Трубецкой, Лопатин, проф. Северцев, проф. Хвостов, Рачинский, Шпетт, Фохт, Совальский). Москва.
119) Декабрь. Выступление в мной устраиваемом вечере в пользу нелегальных. Москва.

1908 год.

120) Январь. «Фридрих Ницше». Публичная лекция. Тенишевский зал. Петербург[36].
121) Январь. «О Федоре Сологубе», реферат в Свободной эстетике. Москва.
122) Январь. Беседа на тему «История французского символизма» в студенческом кружке интересующихся. Москва.
123) Февраль. Участие в прениях реферата Свенцицкого в Литературно-художественном кружке. Москва.
124) Март-апрель. Ряд прений и бесед в «Доме Песни». Участия в прениях Московского Религиозно-философского общества. Москва.
125) Март-апрель. Беседа на тему «О символизме» в кружке любителей. Москва.
126) Март-апрель. «О символизме», доклад в студенческом Обществе любителей искусства и литературы. Университет. Москва.
127) Апрель. Оппонирование В. Иванову после его лекции в Религиозно-философском обществе. Москва[37].

128) Апрель. Оппонирование Ю.И. Айхенвальду на его лекции в Литературно-художественном кружке. Москва[38].
129) Апрель–май. Участие в литературных беседах на эллисовских средах в «Дону». Москва.
130) Октябрь. Участие в прениях на реферате Боборыкина, у Астрова. Москва.
131) Октябрь. «О Пшибышевском» в театре Коммиссаржевской. Петербург.
132) Октябрь. Организационная беседа у Мережковских на тему «Журнал Русская Мысль». Петербург[39].
133) Ноябрь. Оппонирование проф. Б.А. Кистяковскому на его докладе в философском кружке Морозовой. Москва.
134) Ноябрь. Участие в прениях по поводу реферата Рубинштейна о Риккерте. Философский кружок Морозовой. Москва.
135) Ноябрь–декабрь. Участие в организационных прениях «Дома Песни». Москва.
136) Ноябрь–декабрь. Выступление в Литературно-художественном кружке с обличением прессы (не помню, по какому поводу). Москва.
137) Ноябрь–декабрь. Устройство вечера для нелегальных. Москва.
138) Ноябрь–декабрь. Выступление в прениях студенческого Общества «*Искусства и Литературы*», Университет. Москва.
139) Ноябрь–декабрь. Участие в прениях по поводу реферата Ильина «О Фихте». Философский кружок Морозовой. Москва.
140) Ноябрь–декабрь. Организационные беседы в совете Религиозно-философского общества. Москва.
141) Ноябрь–декабрь. Организационные беседы в совете Общества свободной эстетики. Москва.
142) Ноябрь–декабрь. Участие в беседе после лекции Мережковского «*О Лермонтове*» (участники: Е. Трубецкой, Философов, Алферов, я и др.). Москва[40].
143) Ноябрь–декабрь. Выступление в каком-то театре (не помню ни театра, ни темы). Москва.
144) Ноябрь–декабрь. Ряд выступлений в теософском кружке Христофоровой (против Эртеля). Москва.
145) Ноябрь–декабрь. Участие в прениях после реферата Чуковского в Литературно-художественном кружке. Москва.
146) Ноябрь–декабрь. Участие в прениях после реферата Философова в Литературно-художественном кружке. Москва.
147) Ноябрь–декабрь. Участие в прениях после доклада Астрова «Против общества научных монистов» (у Астрова). Москва.
148) Ноябрь–декабрь. «Настоящее и будущее русской литературы». Публичная лекция (в прениях: Эллис, Мережковский, не помню кто еще). Москва[41].
149) Ноябрь–декабрь. «О искусстве». Публичная лекция. Москва.
(Тут надорвался от выступлений и заболел).

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.
УРНА. СТИХОТВО-
РЕНIЯ. КНИГОИЗ-
ДАТ-ВО ГРИФЪ.
МОСКВА. 1909 Г.

Глубокоуважаемому
Владимiру Ивановичу
Танѣеву въ знакъ
искренняго расположе-
нiя.
Андрей Бѣлый.
09 года. 10 мая.

Андрей Белый. Урна. Стихотворения
М.: Гриф, 1909. ГМП
На шмуцтитуле дарственная надпись Андрея Белого В.И. Танееву:
«Глубокоуважаемому Владимиру Ивановичу Танееву в знак искреннего расположения. Андрей Белый. 09 года. 10 мая»

1909.

150) Январь. «Настоящее и будущее русской литературы». Публичная лекция. Тенишевский зал. Петербург[42].

151) Январь. Участие в прениях после доклада В. Иванова в Литературно-художественном кружке (громадный скандал с Тищенко). Москва[43].

152) Март. «О Пшибышевском». Публичная лекция. Киев[44].

153) Апрель. Ряд редакционных бесед в «Весах». Москва.

154) Апрель. «О Гоголе» (реферат мой читали в Обществе свободной эстетики; я же был болен). Москва[45].

155) Апрель–май. Беседы и прения в «Доме песни», в Религиозно-философском обществе. Москва.

156) Апрель–май. Публичное выступление при возложении венка на могилу Гоголя. Москва.

160)* Апрель–май. Яростная пря с Эртелем в теософском кружке (несколько выступлений). Москва.

161) Сентябрь–декабрь. Ряд организационных бесед в «Мусагете». Москва.

---

* *Здесь и далее сбой нумерации в автографе*

162) Сентябрь–декабрь. Выступление на чествовании Коммиссаржевской. Москва.
163) Сентябрь–декабрь. Ряд организационных бесед в «*Доме песни*» (организация курсов; потом — ссора с д'Альгеймами). Москва.
164) Сентябрь–декабрь. Прения в Московском Религиозно-философском обществе. Москва.
165) Сентябрь–декабрь. Прения в теософском кружке Христофоровой. Москва.

1910.

166) Январь. Публичная лекция «Генрик Ибсен». В Соляном городке. Петербург[46].
167) Февраль. «Ритмика русского ямба» <*три раза*>. Лекции в Обществе ревнителей художественного слова. Петербург[47].
168) Февраль. Четырежды участие в прениях на «Средах» Иванова. Петербург.
169) Февраль. Участие в вечере памяти Коммиссаржевской. Городская дума. Петербург[48].
170) Март. Лекция в Петербургском Религиозно-философском обществе. (Не помню темы.) Петербург.
171) Март. Ряд теоретических бесед о внутренней структуре «*Орфея*»[49] (Иванов, Минцлова, Бородаевский, я, Метнер). Петербург.
172) Апрель. Ряд организационно-редакционных бесед в «Мусагете» (с В. Ивановым). Москва.
173) Апрель. «Эксперимент в Лирике». Публичная лекция. Исторический музей. Москва[50].
174) Апрель. Речь в Праге[51] на чествовании Иванова. Москва.
175) Апрель–май. Участие в беседах Общества «Молодой Мусагет» (у Крахта). Москва.
176) Апрель–май. Участие в беседах Религиозно-философского общества. Москва.
176) Апрель–май. Участие в философском кружке мусагетцев. Москва.
177) Апрель–май. Организационная беседа «О ведении ритмических работ» с мусагетскими ритмистами. Москва.
178) Апрель–май. Беседа с мусагетскими ритмистами. Москва.
179) Август. Ведение семинария в ритмическом кружке. «Мусагет». Москва.
180) Сентябрь. Ведение семинария в ритмическом кружке. «Мусагет». Москва.
181) Сентябрь. Ведение семинария в философском кружке (по просьбе отсутствующего Степпуна). Москва.
182) Сентябрь. 2-ая беседа в ритмическом кружке. «Мусагет». Москва.

193) Сентябрь. Чтение статьи «Философия Потебни»[52]. «Мусагет». Москва.

194) Сентябрь. Участие в прениях кружка Крахта. Пресня. Москва.

195) Сентябрь. Дача отчета о моих работах по 5-стопному ямбу. «Мусагет». Москва.

196) Сентябрь. Реферат мой «О стихиях природы у поэтов». «Мусагет». Москва.

197) Сентябрь. Ведение семинария в ритмическом кружке. «Мусагет». Москва.

198) Октябрь. Участие в прениях философского кружка. «Мусагет». Москва.

199) Октябрь. Ряд организационно-технических бесед в «Мусагете». Москва.

200) Октябрь. <1–4.> Ведение заседания, обсуждающего паузные формы. Ритмический кружок. «Мусагет». Москва.

201) Ноябрь. Беседа по поводу смерти Толстого. «Мусагет». Москва.

М.А. Оленина д'Альгейм
Фотография Г.В. Трунова
Москва. 1902. ГМП
Дарственная надпись Н.И. Очередину:
«Николаю Иосифовичу Очередину –
М. Оленина д'Альгейм.
17-е марта 1902 г. Москва»

202) Ноябрь. Участие в беседе кружка Крахта. Москва.

203–205) Ноябрь. Обсуждение вопросов номенклатуры. Ритмический кружок. «Мусагет». Москва.

206) Ноябрь. «Трагедия творчества». Лекция в Религиозно-философском обществе (участвуют в прениях: Струве, Брюсов, Булгаков, Эрн, Рачинский, Бердяев, Трубецкой). Москва[53].

207) Ряд внутренних заседаний «*внутреннего*» кружка (сентябрь–ноябрь). ☩[54]. Москва.

Отъезд за границу (ноябрь 1910 – май 1911).

1911.

208) Май. Ряд организационных вопросов в «Мусагете». Москва.

209) Сентябрь–декабрь. Выступление в беседе «Памяти Л. Толстого» в Московском Религиозно-философском обществе (я, Трубецкой, Эрн, Булгаков-толстовец и др.). Москва.

210) Сентябрь–декабрь. Участие в прениях на заседаниях Религиозно-философского общества. Москва.
211) Сентябрь–декабрь. Участие в каком-то диспуте «Эстетики». Москва.
212) Сентябрь–декабрь. Чтение в «Мусагете» отрывков из «Петербурга». Москва.
213) Ноябрь. «Страна ужаса и бреда». Публичная лекция. Исторический музей. Москва[55].
214) Ноябрь. Чтения «Диалога» в «Мусагете»[56]. Москва.

(Живу в Расторгуеве; уезжаю в Бобровку.)

1912.

215–217) Февраль–март. Чтение романа «Петербург» у Вяч. Иванова. Петербург.
218) Февраль–март. «О пятистопном ямбе», реферат в Обществе ревнителей художественного слова. Петербург[57].
219) Февраль–март. «О стихиях у поэтов». Общество ревнителей художественного слова. Петербург.
220) Февраль–март. «Что есть Символизм», реферат в редакции «Аполлона». Петербург[58].
221) Февраль–март. Прения на «Средах» Иванова. Петербург.
222) Февраль–март. Участие в беседах на тему «Символизм» в «Аполлоне». Петербург.
223) Февраль–март. Публичная лекция (не помню заглавия) в Соляном Городке. Петербург[59].
224) Февраль–март. Участие в прениях Петербургского Религиозно-философского общества. Петербург.
225) Февраль–март. Ряд организационных собраний в «Мусагете». Москва.

(Уезжаю за границу, где и живу до 1916 года; лекций не читаю, за исключением курса «Кант и Штейнер»; отсюда и перерыв записи чтения лекций до 1916 года.)

1915.

226–229) Декабрь. «Кант и Штейнер». Для кружка русских антропософов. Курс. Дорнах.

1916.

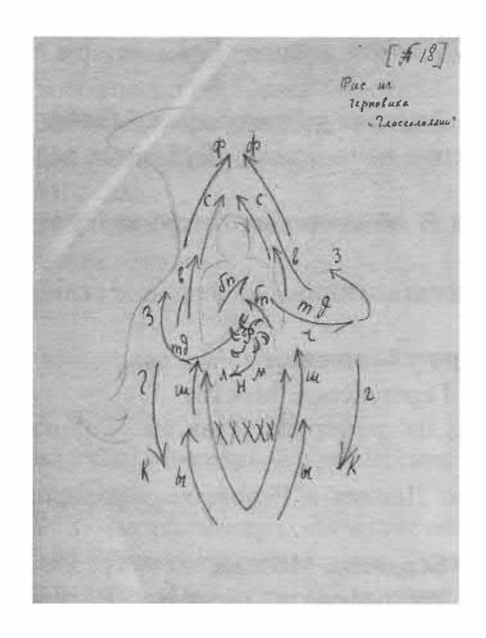
230–233) Январь. «Кант и Штейнер». Для кружка русских антропософов. Курс. Дорнах.
234–237) Февраль. «Кант и Штейнер». Для кружка русских антропософов. Курс. Дорнах.

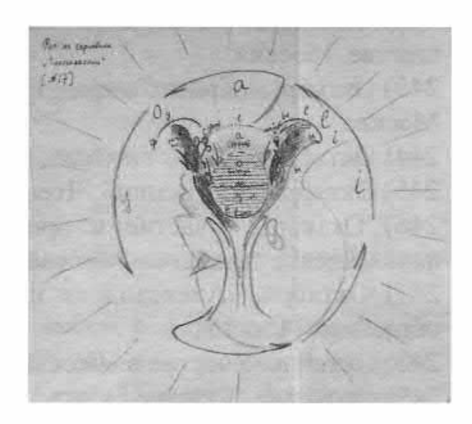
(Возвращение в Россию.)

238) Сентябрь. «Драма жизни». Публичная лекция. В Камерном театре. Москва[60].
239–240) Сентябрь. «Котик Летаев». 2 чтения у Григоровых. Москва[61].
241) Сентябрь. «Котик Летаев». Чтение на выставке «Бубновых валетов». Москва[62].
242) Сентябрь. Беседа о Гетеануме. В Московском Антропософском обществе. Москва.
243) Октябрь. «Кризис мира». Публичная лекция. Политехнический музей. Москва[63].
244) Октябрь. «Котик Летаев». Чтение у Гершенсона. Москва.
245) Октябрь. «О Греции». Чтение у Гершенсона. Москва.
246) Октябрь. Участие в прениях на реферате Иванова. Религиозно-философское общество. Москва.
247) Октябрь. «Александрия и мы». Лекция в Религиозно-философском обществе. Москва[64].
248) Октябрь. Участие в «беседах» у Бердяева. Москва.
249) Ноябрь. Участие в прениях на реферате Шестова. Религиозно-философское общество. Москва[65].
250) Ноябрь. Участие в прениях после публичной лекции Бердяева «О футуризме». Москва[66].
251) Декабрь. Участие в беседе для интересующихся антропософией в Московском Антропософском обществе. Москва.

1917.

252) Январь. «Жезл Аарона». Публичная лекция. Малый зал Консерватории. Москва[67].
253) Январь. Участие в прениях доклада Е. Трубецкого «О смысле жизни». Москва[68].
254) Февраль. «Александрия и мы». Лекция в Петербургском Религиозном обществе (прения: Мережковский, Карташев, Клюев и р<яд> др<угих>). Петербург[69].
255) Февраль. «Кризис мира». Публичная лекция. Петербург[70].
256) Февраль. «О ритмическом жесте». На семинарии акад. Венгерова. Университет. Петербург[71].
257) Март. «Революция и Культура». Реферат. Кружок писателей. Москва[72].
258) Март. «О смысле познания»[73]. Читаю у С.М. Соловьева. Сергиев-Посад.
259) Март. Выступления в кружке писателей на тему «Революция». Москва.
260) Март. Участие в литературном вечере у Лосевой. Москва.
261) Март. Участие в беседах бердяевского кружка. Москва.
262) Апрель. Участие в беседе Кружка писателей. Москва.
263) Апрель. «О музыке». Вводительное слово к концерту. Цирк Саломонского. Москва.

Андрей Белый. Рисунки из черновика «Глоссолалии»
1920-е (?). Бумага, цветные карандаши, чернила. Копии К.Н. Бугаевой. ГМП

264) Апрель. Участие в диспуте, устроенном Московским Религиозно-философским обществом. Москва.
265) Апрель. Участие в диспуте после лекции М.П. Столярова «Мир Духа». Москва.
266) Май. Участие в беседе с интересующимися. Антропософское общество (в помещении Общества). Москва.
267) Май. «О ритмической кривой». Доклад. У Григоровых. Москва[74].
268) Июнь. Чтение брошюры «Революция и Культура». У Бердяева. Москва.
269) Июнь. Прения после доклада Бердяева (у Бердяева). Москва.
270) Сентябрь. Участие в публичной антропософской беседе. Помещение Григоровых. Москва.
271) Октябрь. Чтение статьи «Глоссолалия» у Иванова-Разумника. Детское Село.
272) Октябрь. Чтение «Глоссолалии» в антропософском кружке. Москва.
273) Ноябрь. Участие в беседе в Антропософском обществе. Помещение Общества. Москва.
274) Ноябрь. Чтение доклада «Поэзия Вячеслава Иванова»[75]. У Гершенсона. Москва.
275) Декабрь. Чтение «Поэзии Вячеслава Иванова» (В. Иванову). У Григоровых. Москва.
276–277) Декабрь. «Мир духа». Курс, прочитанный для желающих (организован Антропософским обществом). Москва.

1918.

278–281) Январь. «Мир духа». Курс, прочитанный для желающих (организован Антропософским обществом). Москва.

282–284, 295 <так!>) Февраль. «Мир духа». Курс, прочитанный для желающих (организован Антропософским обществом). Москва.

296) Январь или февраль. «Свет из грядущего». Лекция, организованная Антропософским обществом. Москва[76].

297) Февраль. Выступление на диспуте после чтения Маяковского. Москва[77].

298) Февраль. Беседа с футуристами у Цейтлиных. Москва[78].

299) Март. Участие в литературном вечере «Кружка писателей». Москва[79].

300) Март. Беседа от Антропософского общества (с интересующимися). Москва.

301) Март. Чтение «Записок Чудака» у Григоровых. Москва.

302–306) От марта до июля. Выступления в литературном кафе, устраиваемые писателями. Москва.

307) Апрель. Беседа со «Скифами». У Анисимовых. Москва.

309) <так!> Апрель. Участие в организационном собрании «Социалистической Академии». Москва.

310) Май. Участие и выступление на вечере в «Доме Союзов». Москва.

311) Май. Чтение «Христос Воскресе»[80] у Анисимовых. Москва.

312) Май. Чтение «Христос Воскресе» у Григоровых. Москва.

313) Июнь. «О ритме». Лекция в Студии поэтов. Москва.

314) Июнь. «Поэзия слова». Публичная лекция. В помещении Эрмитажа. Москва[81].

315) Июль. Чтение «*Записок Чудака*» у Фельдштейнов. Москва.

316–319) Июль; 320–323) Август; 324) Сентябрь; 325–329) Ноябрь; 330–333) Декабрь. «Кружок мистерий». Работа над первой мистерией Штейнера «*У врат Посвящения*» в связи с семинарием по антропософскому материалу, очень много давшая; отмечаю, потому что приходилось *готовиться* к собраниям Кружка; участники: М.В. Сабашникова, К.Н. Васильева, М.П. Столяров, я. Москва.

334) Август. Ряд организационных заседаний инициативного антропософского Кружка. Москва.

335) Сентябрь. Заседания инициативного Кружка Антропо-

*Эпоха от июля до декабря в Антропософском обществе. Работа в Антропософском обществе.**

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 316-341.*

софского общества. Москва.
336) Сентябрь. «О многообразии антропософских путей». В антропософском Кружке Сабашниковой. Москва.
337) Сентябрь. «Мировые мысли, чувство и воля». Для членов Антропософского общества. Москва[82].
338) Октябрь. Участие в беседе антропософов с интересующимися. Антропософское общество. Москва.
339) Октябрь. «О живоносном импульсе европейской культуры». Лекция для интересующихся, в помещении Антропософского общества. Москва.
340) Ноябрь. «О Короне любви и Мистерии смерти». Лекция для интересующихся, в помещении Антропософского общества. Москва.
341) Декабрь. «Зимнее странствие и полуночное солнце». Лекция для интересующихся, в помещении Антропософского общества. Москва.
От октября до ноября.
342) Октябрь. «О задачах науки о стихе». Лекция в «Студии стиховедения» (по приглашению Шервинского). Москва[83].
343) Не помню месяца. Участие в прениях после реферата Иваницкого в Толстовской чайной. (Толстовцы, биокосмисты, братец Иван[84] и его последователи, трезвенники). Москва.
344) Ноябрь. Участие в прениях общего собрания московского Пролет-Культа. Москва.
345) Участие в беседе собрания студий московского Пролет-Культа. Москва.
346–348) Октябрь; 349–352) Ноябрь; 353–356) Декабрь. Беседы-семинарий Литературной

*Октябрь–декабрь. Работа в Пролет-Культе.**

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 344-371.*

Студии Пролет-Культа. Вечерние воскресники, на которых мне приходилось принимать деятельное участие по службе, как консультанту в вопросах формы. Пролет-Культ. Москва.

357) Октябрь. «Ритмика» (вводительная лекция).

Курс лекций в Литературной Студии Пролет-Культа. «Ритмика». Москва.*

358) Октябрь. «Ритмика» (стопа идиподия).

359) Ноябрь. «Ритмика» (ритмические элементы).

360) Ноябрь. «Ритмика» (ритмическая проза).

361) Ноябрь. «Ритмика» (ритмический жест).

362) Ноябрь. «Ритмика» (ритмические фигуры).

363) Декабрь. «Ритмика» (о стихотворной строке).

364) Декабрь. «Ритмика» (история ямба).

365–367) Ноябрь; 368) Декабрь. Семинарий по ритму. Утром в воскресенье. В помещении Пролет-Культа. Москва.

369) Декабрь. Стиховедение. Публичная лекция в Пролет-Культе. Москва.

370) Декабрь. Выработка плана лекций в литературной студии Пролет-Культа для сезона январь – май 1919 года. Москва.

371) Декабрь. Участие в прениях собрания студистов в Пролет-Культе. Москва.

Ноябрь–декабрь.

372) Участие в беседе устраиваемой «Союзом писателей» в помещении Союза. Москва.

373) Участие в организационных собраниях Правления «Союза писателей». Москва.

374) «Стиховедение». Лекция в Обществе любителей российской словесности. Университет. Москва.

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 357-364.*

375) Октябрь. Заседание и прения в ответственных работах «Тео» Наркомпросса.
376–377) Ноябрь; 378–380) Декабрь. Заседание и прения в ответственных работах «Тео». Принимаю участие как заведующий Научно-теоретической секцией.

Работа в «Тео» Наркомпросса[85]. *Ноябрь–декабрь. Москва.**

381–383) Ноябрь; 384–385) Декабрь. Прения в Исторической секции «Тео».
386) Ноябрь. Разбор проекта «Института инструкторов» Мейерхольда.
387) Ноябрь. Доклад о структуре Теоретической секции «Тео».
388) Ноябрь. Доклад о плане Театрального Университета.
389–390) Ноябрь; 391) Декабрь. Председательствование и прения в заседаниях Научно-теоретической секции.
392) Декабрь. Доклад о программе теоретических курсов Университета «Тео».

*Моя работа, как заведующего Теоретической секцией «Тео» Наркомпросса. Москва.***

393) Декабрь. Прения по моему докладу «Курсы Университета».
394) Декабрь. Новый доклад «О курсах Университета».
395) Декабрь. Экстренные прения по вопросу об Университете (с Мейерхольдом).
396) Декабрь. Председательствование и прения в Теоретической секции.
397) Декабрь. Прения в репертуарной Секции «Тео».
398) Октябрь <так!>. Прения в экстренном заседании «Тео» (по вопросу об интимной студии и постановке к дням Октябрьской революции).
399) Октябрь. Организационные прения в группе «Поэтов» об организации «Лито».

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 375-398.*
** *Примеч. А. Белого относится к №№ 386-398.*

400) Октябрь. Организационные прения с инициативной группой Союза писателей о «Лито».
401) Ноябрь. Участие в прениях с Луначарским в вопросе об организации «Лито».
401) <так!>–402) Ноябрь; 403) Декабрь. Прения в группе писателей, организующих «Лито».

Работа в организации *первого* плана «Лито»[86]. Москва.*

(В конце года безумное переутомление.)

1919.

404) Февраль. (Чем она должна быть).
405) Февраль. (Логические теории).
406) Февраль. (Лингвистические теории).
407) Март. (Психологические теории).
408) Март. (Творчество речи).
409) Март. (Миф слова).
410) Март. (Опыт описания стихотворения).
411) Апрель. (Опыт описания).
412) Апрель. (Средства изобразительности).

Теория слова. Курс лекций. Пролет-Культ. Москва.**

413–415) Январь; 416–417) Февраль; 418–420) Март; 421–422) Апрель. Прения в Семинарии Литературной студии. Вечерние воскресники в *Пролет-Культе*.
423) Январь; 424) Февраль; 425) Март. Заседание старостата Литературной студии Пролет-Культа. Прения в них.
426) Март. Организационное заседание «Горна»[87]. Прения. Пролет-Культ.
427–428) Апрель. Организационное заседание журнала «Кузница»[88]. Прения. Пролет-Культ.

Январь–апрель.
Работа в «Пролет-Культе. Москва.***

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 399–403.*
** *Примеч. А. Белого относится к №№ 401–412.*
*** *Примеч. А. Белого относится к №№ 404–430*

429) Апрель. Прения в заседании по организации поездки Студии по Волге.
430) Август. Заседание о плане студийных работ, прения (заседание старост с «*начальством*» Пролет-Культа, после которого ушел из Пролет-Культа).
431) Январь. Чтение «Записок Чудака» у Григоровых. Москва.
432–433) Февраль. Вольфила. Организационное заседание членов совета Вольно-философской ассоциации. Детское Село[89].
434) Февраль. Заседание в Ленинградском отделе «*Тео*», прения. Петербург.
435) Февраль. Заседание и прения в Наркомпроссе по вопросу о *Лито*. Москва.
436) Март. Чтение литературное. В Клубе кооператоров. Москва.
437) Апрель. Выступление в Клубе кооператоров (забыл тему). Москва.
438) Апрель. «Записки Чудàка». Чтение у Гершенсона. Москва.
439) Апрель. «Лев Толстой и иога». Реферат у Гершенсона. Москва.
440) Апрель. «Теория художественного слова». Лекция в «Пушкинской студии». Москва.
441) Январь; 442) Февраль. Прения в заседании по организации «Дворца Искусств».
443) Март. Участие в дискуссии в «Дворце Искусств».
444) Апрель. Пути культур. Лекция в «Дворце Искусств».
445) Апрель. Прения после реферата Луначарского «О покое у мистиков». «Дворец Искусств»[90].
446) Август. Чтение «Записок Чудака» в «*Дворце Искусств*»[91].
447) Август. Участие в диспуте «О реформе школы». «Дворец Искусств».
448) Август. Участие в диспуте после доклада Рощина-Гроссмана «Лермонтов». «Дворец Искусств».
449–450) Сентябрь. Руководство беседы студийцев на тему об организации курсов «Дворца Искусств».

Работа в *«Дворце Искусств»*. Москва.*

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 441–451*

451) Сентябрь. Участие в заседании во «Дворце Искусств» в связи с новым проектом структуры «Лито».

452) Не помню месяца. «Поэзия В. Иванова». В Кружке писателей. Реферат. Москва[92].

453–454) Январь; 455–456) Февраль; 457–458) Март; 459–460) Апрель. «Кружок Мистерий». Антропософский семинарий разбора мистерии «У врат посвящения» Штейнера. Антропософское общество. Москва. — Работа в Антропософском обществе*

461–462) Август; 463–464) Сентябрь. «Кружок Мистерий». Семинарий разбора 2-ой мистерии Штейнера[93]. Антропософское общество. Москва.

465) Январь. Выступление на заседании Антропософского общества. Москва.

466–467) Не помню месяца. Беседа в заседании Членов Совета Антропософского общества. Москва.

468) Август. Выступление на заседании Антропософского общества (инцидент с Сизовым). Москва.

469) Май; 470–471) Июнь. Лекция по Антропософии для интересующихся. Карачев.

473–474) Сентябрь; 475–478) Октябрь; 479–482) Ноябрь; 483–486) Декабрь. «Антропософия». Курс для интересующихся при Антропософском обществе. Москва.

487) Август. Прения в кружке писателей «Звена»[94]. Москва.

488) Сентябрь. Прения в кружке писателей «Звена». Москва.

489–490) Ноябрь; 491–492) Декабрь. Прения в кружке Бердяева. На квартире Бердяева в связи с организацией «*Академии Духовной Культуры*». Москва. — Работа в *«А.Д.К.»*[95]. Москва.**

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 453–486*

** *Примеч. А. Белого относится к №№ 489–492*

493–494) Ноябрь; 495) Декабрь. Прения в организационных заседаниях Артели Писателей. В помещении «*Книгоиздательства Писателей в Москве*». Москва.
496) Не помню месяца. Выступление на диспуте «Пролетарская культура» в Театре «*Зон*». Москва.

1920.

497–499) Январь; 500–502) Февраль. «Культура Мысли». Курс лекций во «Дворце Искусств».
503) Февраль. Участие и выступление в дискуссии «Дворца Искусств».
504) Июль 14. «Преемственность культур». Публичное введение в диспут. Театр «Зон»[96].
505) Июль 20. «Что есть мысль?» Лекция во «Дворце Искусств».
506) Июль 30. Участие в диспуте «*Дворца Искусств*» на тему «Что есть бог». Театр «Зон»[97].
507) Июль. Прения в Совете «Дворца Искусств».
508) Июль. Прения в заседании Совета «Дворца Искусств».
509) Июль. Доклад: «Структура Археологического отдела “Дворца Искусств”».
510) Июль. Ведение заседания Археологического отдела «Дворца Искусств».
511) Август 10. Участие в диспуте «Дворца Искусств» на лекции Кагана[98].
512) Август 19. «Вечер Андрея Белого» во «Дворце Искусств»[99].
513) Август ?. Участие в дискуссии на реферате Петровского (не М.А.) («Дворец Искусств»).
514) Август 27. Второй вечер «Андрея Белого» во «Дворце Искусств».
515) Август 28. Диспут в Политехническом музее от «Дворца Искусств». В нем выступаю с темой «Русская поэзия XX века».

Работа во *«Дворце Искусств»*. Москва*

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 497–524*

516) Август ? Принимаю участие в беседе на лекции Эйснера о Египте. «Дворец Искусств».

517–520) Август. Заседание Совета «Дворца Искусств». Я — член Совета.

521–524) Август. Заседание Археологического отдела «Дворца Искусств». Я — председатель.

525) Январь. Доклад «*Поэзия Юргиса Балтрушайтиса*» на юбилее поэта (в Художественном театре). Москва[100].

526) Январь. Прения в организационном заседании «*Академии духовной культуры*».

527–528) Январь. «Философия духовной культуры». Лекции в помещении «Академии Духовной Культуры».

529) Сентябрь 30. Оппонирую Бердяеву на его реферате «Сущность социализма». Академия Духовной Культуры (на квартире Бердяева).

530) Октябрь 6-го. «Культура, как проблема духа». Публичная лекция от Академии Духовной Культуры.

531) Октябрь 12. Оппонировал Гессену на квартире Бердяева. Академия Духовной Культуры.

532) Октябрь 26. «Петр, Павел, Иоанн». Доклад в Академии Духовной Культуры.

533) Не помню месяца. Оппонирую на докладе Муравьева (квартира Бердяева). Академия Духовной Культуры.

534) Февраль 30. Председательствую на публичном докладе

Ю.К. Балтрушайтис. 1920-е (?). ГЛМ

Работа в «*Академии Духовной Культуры*». Москва.*

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 526–533*

Андрей Белый. Королевна и рыцари
Сказки. Пб.: Алконост, 1919
Обложка Н.Н. Купреянова

(*Работа в Петербурге в 1920 году, февраль–июль*)

Иванова-Разумника «Скиф в Европе». Вольно-Философская Ассоциация. Прения[101].

535) Февраль. Заседание Совета «Вольно-Философской Ассоциации».

536) Март 7. Публичная лекция «Философия культуры». Прения. В.Ф.А.

537) Март. Заседание Совета В.Ф.А.

538) Март 14. Публичная лекция «Толстой и культура». В.Ф.А.

539) Март. Заседание Совета В.Ф.А.

540) Март 21. Председательствую на диспуте «Пролетарская культура» и принимаю участие в прениях. Зимний Дворец. В.Ф.А[102].

541) Март. Заседание Совета В.Ф.А.

542) Март 28. Председательствую и принимаю участие в прениях на

Работа в *Вольной Философской Ассоциации*. Петербург.*

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 534–597*

публичной лекции проф. Лосского «Бог в системе органического миропонимания». В.Ф.А.

543) Март. Заседание Совета *В.Ф.А.*

544–552) Март 9, 11, 13, 16, 18, 20, 23, 25, 30. «Культура Мысли». *Курс лекций при «Вольно-Философской Ассоциации».*

553) Апрель 7-го. Председательствую и оппонирую на публичной лекции проф. Лаврова *«Философия труда в продовольственном процессе».* В.Ф.А.[103]

554) Апрель. Заседание Совета В.Ф.А.

555) Апрель. Заседание членов Совета В.Ф.А. с американскими анархистами (у меня).

556) Апрель 18. Председательствую и оппонирую на публичной лекции академика Венгерова «Пушкин — декабрист». В.Ф.А.[104]

557) Апрель. Заседание Совета В.Ф.А.

558) Апрель. Заседание В.Ф.А., обсуждающее систему курсов при В.Ф.А.

559) Май 2. Публичный диспут от В.Ф.А. в Зимнем дворце «Солнечный Град». Принимаю участие в прениях. Председательствую[105].

560) Май. Заседание Совета В.Ф.А.

561) Май. Заседание, организующее курсы В.Ф.А.

562) Май. Интимные прения членов Совета В.Ф.А.

563) Май 16. Председательствую и диспутирую на публичной беседе В.Ф.А.[106]

564) Май. Заседание Совета В.Ф.А.

565) Май 17. Выступаю оппонентом на курсовой лекции Иванова-

Разумника «Философия культуры». В.Ф.А.

566) Май 23. Председательствую и оппонирую на публичных докладах Штейнберга «Юдаизм и христианство» и А. Мейера «Язычество и христианство». В.Ф.А.[107]

566) <так> Май. Заседание Совета В.Ф.А.

567) Май. Интимные прения членов Совета В.Ф.А.

568) Май 24. Оппонирую Иванову-Разумнику на его курсе «Философия культуры». В.Ф.А.

569) Май 25. Оппонирую Эрбергу на его курсе «Философия творчества». В.Ф.А.

570) Май 27. Оппонирую Штейнбергу на его курсе «Основные вопросы философии». В.Ф.А.

571) Май 30. Моя публичная лекция «Ветхий и Новый Завет». В.Ф.А.

572–573) Май 15, 22; 574–580) Июнь 2, 5, 12, 19, 23, 25, 30. «Антропософия, как путь самопознания». Курс лекций при В.Ф.А.

581) Июнь. Беседа с ритмическим кружком Бакрылова. В.Ф.А.

582) Июнь. Интимные прения членов Совета В.Ф.А.

583) Июнь 6. Председательствую и оппонирую на публичной лекции Эрберга «Искусство — бунт». В.Ф.А.[108]

584) Июнь 7. Мой доклад «Культуры и расы» в семинарии курса Иванова-Разумника.

585) Июнь. Заседание Совета В.Ф.А.

586) Июнь 13. Председательствую и оппонирую на публичной лекции Гизетти «Личность и Общество». В.Ф.А.[109]

587) Июнь. Интимные прения чле-

нов Совета В.Ф.А.
588) Июнь. Беседа с курсантами курсов В.Ф.А.
589) Июнь 17. Оппонирую Иванову-Разумнику на его курсовой лекции «Русская литература начала XX века». В.Ф.А.
590) Июнь. Оппонирую на курсовой лекции Штейнберга по философии. В.Ф.А.
591) Июнь 30. Председательствую на диспуте «Почему интересует религиозная проблема». Оппонирую. В.Ф.А.
592) Июнь. Заседание Совета В.Ф.А.
593) Июнь. Интимные прения членов Совета В.Ф.А.
594) Июнь. Оппонирую на курсовой лекции Разумника «Литература XX века».
595) Июнь. Председательствую и оппонирую на публичной лекции проф. Аскольдова «Философия чуда». В.Ф.А.[110]
596) Июль. Интимная беседа–вечер в В.Ф.А. Проводы меня в Москву.
597) Июль. «Вечер Андрея Белого». Публичное заседание в В.Ф.А.[111]
598) Февраль 27. «Что есть описание переживаний» — беседа–семинарий со студийцами петербургского «Дома Искусств».

Работа в петербургском *«Доме Искусств»*. Петербург.*

599) Март 1. «Вечер А. Белого». 1) Моя лекция, 2) мое чтение «Записок Чудака». В петербургском «*Доме Искусств*». Прения.
600) Марта 3. Практические занятия со студийцами петербургского «Дома Искусств».
601) Март. Беседа на семинарии

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 598–611*

Гумилева в петербургском «Доме Искусств».

602) Март 15. Участие на вечере поэтов в петербургском «Доме Искусств»[112].

603–604) Март. Участие в прениях на семинарии Гумилева в петербургском «Доме Искусств».

605–609) Март; 610–611) Апрель. «Ритмика». Курс лекций для студийцев петербургского «*Дома Искусств*».

612) Март 19. «Кризис культуры». Лекция в Союзе Коммунистической Молодежи.

613) Март. Принимаю участие в заседании «Всемирной Литературы»[113].

614) Май. Заседание, организующее курсы «Института Живого Слова».

615) Май. Организационное собрание Ленинградского Союза Поэтов[114].

616) Июнь 8. Лекция в ленинградском Пролет-Культе.

617) Июнь 22. Вторая лекция в ленинградском Пролет-Культе.

618) Апрель 1. Лекция моего курса «Введение в Философию» в Отделе Управления (курс не состоялся).

619–620) Июнь; 621) Июль. Организационное заседание «Института Театральных Знаний».

622–624) Июль. Заседание Теоретической секции «Института Театральных Знаний». В помещении В.Ф.А. (я — председатель)[115].

Работа по разработке *«Института Театральных Знаний»* (институт не был открыт). Петербург.*

(9-го июля выехал в Москву.)

625) Июль 15. «Культуры и расы». Лекция в Антропософском обществе.

626) Июль 21. «Культура и история». Лекция в Антропософском обществе.

627) Август. Участие в диспуте после лекции Столярова от Антропософского общества.

628) Август 25. Публичная лекция в Политехническом музее «Кризис сознания и Лев Толстой».

629) Сентябрь. Публичная лекция в Политехническом музее «Две сти-

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 619–624*

хии в современном христианстве».
630) Октябрь 16. «Свет и тьма». Лекция от Антропософского общества в помещении *«Дворца Искусств»*[116]
631) Октябрь 19. «Человек и человечество». Лекция от Антропософского общества в помещении «Дворца Искусств».

Работа для Антропософского общества. Москва.*

632) Ноябрь 3. «Антропософия». Лекция от Антропософского общества в помещении «Дворца Искусств».
633) Ноября 13. «Рудольф Штейнер». Лекция от Антропософского общества в помещении «Дворца Искусств».
634) Ноября 25. «Иоанново Здание». Лекция от Антропософского общества в помещении «Дворца Искусств».
635) Ноября 27. «Миф нашей жизни». Публичная лекция в аудитории Политехнического музея. Прения.
635) <так!> Декабрь 9. Председательствую на беседе М.П. Столярова от Антропософского общества в помещении «Дворца Искусств». Участвую в прениях.
636) Октябрь–декабрь. Принимаю участие на интимных собраниях членов совета Антропософского общества (не помню, на скольких).

Кроме того:
637) Ноябрь 5. Участие в прениях на диспуте «Дворца Искусств» после реферата М.П. Столярова «Талант и общество». Москва.
638) Ноября 20. «Толстой, как учитель сознания». Выступление на торжественном заседании в Консерватории по поводу 10-летия со дня смерти. Москва.
639) Октябрь 26. Описание стихотворения «Восстань, о Греция».

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№* 625–636

640) Ноябрь. 2. Метрическое, силлабическое, тоническое стихосложение.
641) Ноября 7. Наиболее краткий и долгий периоды.
642) Ноября 16. «Диподия».
643) Ноября 23. О ямбическом диметре.
644) Декабря 14. Диметр у Пушкина и эпигонов.
645) Декабря 21. Анализ приемов Баратынского.

Стиховедение. Курсовые лекции в *«Лито»* Наркомпросса с семинарием. Москва.*

(Курс оборван болезнью: 2 месяца лежал в больнице)[117].

1921.

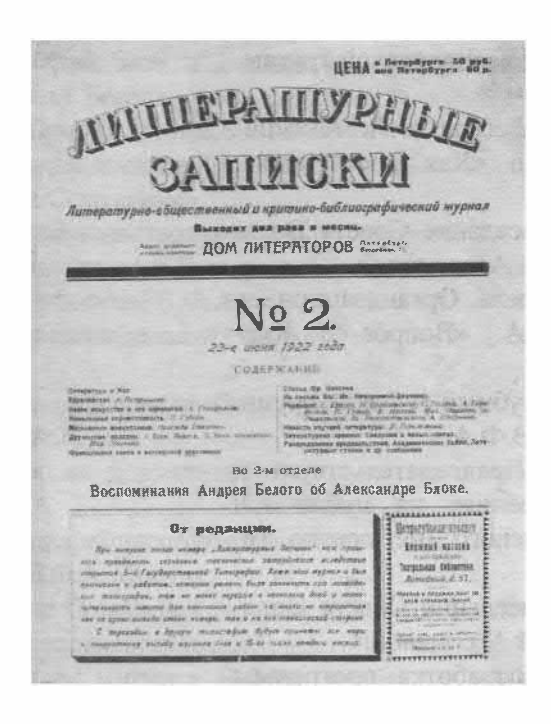
Январь–февраль. *Больница*.
646) Февраль. Заседание по ликвидации «Дворца Искусств». Дискуссии.
647) Март. Чтение отрывков из «Крещеный Китаец» <так!> во «Дворце Искусств»[118].
648) Март. Заседание по ликвидации «Дворца Искусств». Дискуссии.

В «Дворце Искусств». Москва.**

649) Март. Чтение «Эпопеи» в Союзе писателей. Москва[119].
650) Март. Чтение «Крещеного Китайца» у антропософов. Москва.
651) Март. Чтение «Эпопеи» с дискуссией и вступительным словом в «*Доме Печати*». Москва[120].
652) Март. Чтение «Эпопеи» в Союзе Поэтов. Москва.
653) Март. «Антропософия и христианство». Лекция в Антропософском обществе. Москва.
654) Март. Собеседование и прения в группе антропософов по отделению от Григорова[121]. Москва.

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 639–645*
** *Примеч. А. Белого относится к №№ 646–648*

ЦЕНА в Петербурге 50 руб. вне Петербурга 60 р.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАПИСКИ

Литературно-общественный и критико-библиографический журнал

Выходит два раза в месяц.

ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ

№ 2.

23-е июня 1922 года

СОДЕРЖАНИЕ

Во 2-м отделе

Воспоминания Андрея Белого об Александре Блоке.

От редакции.

Литературные записки. Пб., 1922. № 2

655) Март. Дебаты в будущей антропософской группе «Ломоносова» по отделению. Москва.
656) Апрель. Пишу доклад в Москву о программе работ Ломоносовской группы. Петербург.
657) Сентябрь. Прения в инициативном ядре Ломоносовской группы. Москва.
658) Сентябрь. Семинарий по «Как достигнуть»[122] в инициативном ядре Ломоносовской группы. Москва.
659) Июль. Семинарий в Петербургской группе антропософов у Сабашниковой. Беседа. Петербург.
660) Август. Семинарий в Петербургской группе антропософов у Сабашниковой. Беседа. Петербург.
661) Сентябрь. Беседа в Ломоносовской группе Антропософского общества по «Как достигнуть». Москва.
662) Октябрь. Организационная беседа с Григоровым в Ломоносовской группе. Прения. Москва.
663) Октябрь. Семинарий по «Как

*Работа в Антропософском обществе.**

Примеч. А. Белого относится к №№ 653–664

достигнуть» в Ломоносовской группе. Беседа. Москва.

664) Октябрь. Беседа в Ломоносовской группе по «Как достигнуть». Москва.

665) Апрель. Заседание Совета Вольно-Философской Ассоциации.

665) <так!> Апрель. Организационное заседание В.Ф.А. «Вопрос о Курсах»[123].

666) Апрель. Клубный реферат Бруни. Прения на нем. В.Ф.А.

667) Апрель. Председательствую и участвую в прениях на публичной лекции Пумпянского (не помню темы)[124].

668) Апрель. Заседание Совета Вольно-Философской Ассоциации.

669) Апрель. Выработка программы работы отделов на май и июнь. Заседание В.Ф.А.

670) Апрель. Мой доклад в секции «Отдел Символизма». В.Ф.А.: «Структура Символизма».

Работа в *Вольной Философской Ассоциации*. Петербург.*

671) Апрель. Клубное (понедельничное) заседание В.Ф.А. Прения.

672) Апрель. Председательствую на семинарии по «Символизму». Беседа. В.Ф.А.

673) Апрель. Публичная лекция моя «О максимализме». Прения. В.Ф.А.[125]

674) Апрель. Заседание Совета В.Ф.А.

675) Апрель. Председательствую на семинарии по символизму. Беседа. В.Ф.А.

677) <так!> Май 1. Встреча Пасхи. Интимная беседа в В.Ф.А.

678) Май. Выступление и председательствование на митинге В.Ф.А., посвященном Бакунину[126].

679) Май. Заседание Совета В.Ф.А.

680) Май. Клубная беседа (понедельник) в В.Ф.А.

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 665–707*

681) Май. Семинарий мой в секции Символизма (у меня). Беседа.
688) <так!> Май. Прения в отделе «Философия Культуры» на докладе Разумника «Христианство и Социализм».
689) Май. Председательствование на публичном докладе проф. Васильева «Теория относительности». В.Ф.А.[127]
690) Май. Клубная (понедельник) беседа в В.Ф.А.
691) Май. Семинарий в секции Символизма (у меня). В.Ф.А.
692) Май. Прения на докладе Ольги Форш. Отдел В.Ф.А.
693) Май. Моя лекция «Философия Символизма» в отделе В.Ф.А. Прения.
694) Май. Заседание Совета В.Ф.А.
695) Май. Председательствование и участие в публичном митинге В.Ф.А. на тему «Наполеон»[128].
696) Май. Клубная (понедельничная) беседа в В.Ф.А.
697) Май. Мой семинарий в секции Символизма (у меня). Беседа.
(Память моя ослабела, и, может быть, в перечне есть ошибки, пропуски, или неверная отметка месяцев)*
698) Май. Мой публичный доклад в секции Символизма: «Символизм и теория знания». В.Ф.А.[129]
699) Май. Прения на публичном докладе художника Матюшина в секции «Изобразительных искусств»[130]. Ссора с Матюшиным. В.Ф.А.
670) <так!> Май. Председательствование на какой-то публичной лекции В.Ф.А. (не помню лектора).
671) Май. Семинарий мой в секции Символизма (у меня). Беседа.
672) Май. Прения на докладе Сабашниковой «Сказка Гёте» в публичном заседании отдела Символизма. В.Ф.А.[131]

---

* *Авторская запись вверху разворота листа*

673) Июнь. Заседание Совета В.Ф.А.

674) Июнь. Прения в клубном заседании (понедельник) В.Ф.А.

675) Июнь. Семинарий по Символизму (у меня). Беседа.

677) <так!> Июнь. Прения после публичного доклада А.А. Мейера в отделе «Философия религии». В.Ф.А.

677) <так!> Июнь. Публичная лекция Чебышева-Дмитриева «Не герои». Председательствую. Участвую в прениях[132].

678) Июнь. Заседание Совета В.Ф.А.

679) Июнь. Чтение «*Крещеного Китайца*» в моей интимной секции.

680) Июнь. Публичное чтение поэмы «Первое свидание» в В.Ф.А.[133]

680) <так!> Прения в клубном заседании В.Ф.А. (доклад о Шпенглере).

681) Июнь. Публичное чтение «Крещеного Китайца» в секции «Символизм».

682) Июнь. Прения в отделе точных наук. В.Ф.А.

683) Июнь. Прения после доклада Р.В. в отделе «Философия культуры». В.Ф.А.

684) Июнь. Публичное чтение «Крещеный Китаец» (продолжение) в секции «Символизм».

685) Июль. Прение и содоклад Пумпянскому «Естествознание Гёте». Публичное заседание В.Ф.А.[134]

686) Июль. Заседание совета: организация философского съезда.

687) Июль. Заседание по организации лекций В.Ф.А. в разных городах России.

688) Июль. Прения на тему «Антропософия» (интимное заседание у меня).

689) Июль. Председательствование на публичной лекции В.Ф.А. (не помню, какой).

690) Июль. Заседание совета В.Ф.А.

691) Июль. Клубное заседание В.Ф.А.
692) Август. Интимная беседа о символизме (у меня). В.Ф.А.
693) Август. Участие в семинарии Пумпянского. В.Ф.А.
694) Август. Организационное заседание, вырабатывающее программу «Месяца, посвященного Достоевскому». В.Ф.А.[135]
695) Август. Заседание публичное, посвященное памяти Блока.
Председательствую. Вводительное слово. В.Ф.А.[136]
696) Сентябрь. Организационное заседание В.Ф.А. Прения. Петербург.
697) Сентябрь. Интимная беседа В.Ф.А., посвященная Блоку. Петербург.
698) Сентябрь. Публичное заседание «Памяти Блока» от В.Ф.А. и «*Скифов*» в Политехническом музее. Председательствую. Говорю речь. *Москва*[137].
699) Октябрь. Заседание, организующее московский отдел В.Ф.А. *Москва*[138].
700) Октябрь. Заседание, организующее московский отдел В.Ф.А. *Москва.*
701) Октябрь. Заседание организационное В.Ф.А. Петербург.
701) <так!> Октябрь. Мой доклад «Воспоминания о Блоке». Публичное заседание В.Ф.А. Петербург[139].
702) Октябрь. Мой доклад «Воспоминания о Блоке» (продолжение). В.Ф.А. Петербург.
703) Октябрь. Интимное заседание В.Ф.А., посвященное проводам меня за границу. Петербург.
704) Октябрь. Председательствую на публичном заседании открытия московского отделения В.Ф.А. Мой доклад: *«“Преступление и наказание”*

Достоевского». Москва[140].
705) Ноябрь. Заседание, посвященное организации В.Ф.А. Берлин.
706) Декабрь. Заседание, посвященное организации В.Ф.А. в Берлине. Берлин.
707) Декабрь. Заседание, посвященное организации В.Ф.А. в Берлине. Берлин.

Вне работы в В.Ф.А.

708) Июнь. «*Вечер Андрея Белого*» в «Доме Печати». Петербург.
709) Июнь. Чтение «Крещеного Китайца». У Лигского. Петербург.
710) Октябрь. Заседание, посвященное мне от организаций, в которых работал: моя речь. Москва.
711) Октябрь. Заседание, посвященное мне «Союзом Писателей». Я читаю: «Первое свидание». Мне говорят речи. Я отвечаю. Москва[141].
712) Ноябрь. Публичная лекция моя от «Союза Литовских Художников»: «Стиховедение». Ковно.
713) Ноябрь. Публичная, 2-ая лекция: «Стиховедение» (от Союза Литовских Художников). Ковно.
714) Ноябрь. «Лев Толстой». Публичное выступление в Ковенском Театре. Ковно[142].
715) Ноябрь. Организационное заседание берлинского «Дома Искусств»[143].
716) Декабрь. Организационное заседание берлинского «Дома Искусств».
717) Декабрь. Организационное заседание берлинского «Дома Искусств».

1922 год.

718) Январь. Участие в беседе «Дома Искусств».
719) Январь. Участие в беседе «Дома Искусств».
720) Январь. «Культура России». Моя публичная лекция в «Доме Искусств»[144].
721) Февраль. Чтение стихов в «Доме Искусств».
722) Февраль. Участие в беседе в «Доме Искусств».
723) Февраль. Чтение «Крещено-

Работа в берлинском *«Доме Искусств»*. Берлин.*

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 718–736*

го Китайца» в «Доме Искусств».
724) Март. Участие в беседе. «Дом Искусств».
725) Март. Прения на публичной лекции Минского в «Доме Искусств».
726) Март. Выступление с речью Томасу Ману в «Доме Искусств»[145].
727) Апрель. «Об антропософии» в «Доме Искусств».
728) Апрель. Выступление на тему «Эвритмия» в «Доме Искусств»[146].
729) Май. Участвую в диспуте «О конструкционизме» в «Доме Искусств»[147].
730) Май. Беседа «О смене Вех» в «Доме Искусств».
731) Октябрь. Прения в «Доме Искусств».
732) Октябрь. Чтение стихов из «После разлуки» в «Доме Искусств».
733) Октябрь. Заседание, посвященное смене президиума «Дома Искусств».
734) Ноябрь. Заседание организационное в «Доме Искусств».
735) Ноябрь. Председательствую и принимаю участие в прениях после реферата Пуни в «Доме Искусств»[148].
736) Январь. Заседание Совета берлинской В.Ф.А. (организационное).
736) <так!> Январь. Заседание организационное берлинской В.Ф.А.
737) Январь. Открытие В.Ф.А. Моя публичная лекция «Культура духа»[149].
738) Февраль. Председательствую на публичном докладе Минского о Блоке. В.Ф.А. Уча-

ствую в прениях[150].
739) Февраль. Продолжение прений к докладу Минского. Публичное заседание В.Ф.А. Председательствую.
740) Февраль. Председательствую и открываю собрание речью о Блоке. Публичное заседание В.Ф.А.[151]
741) Февраль. Организационное собрание берлинской В.Ф.А.
742) Март. Доклад Лундберга в В.Ф.А. Прения.
742) <так!> Март. Председательствую и оппонирую на докладе Станкевича в В.Ф.А.[152]
743) Март. Философская беседа в В.Ф.А. Председательствую. Участие в прениях с Черновым.
744) Апрель. «Философия свободы». Доклад Н.Н. Белоцветова в В.Ф.А. Прения. Председательствую[153].
745) Апрель. Доклад Каплуна «Философия социализма» в В.Ф.А. Оппонирую. Председательствую[154].
746) Май. Мой доклад «Антропософия в проблеме культуры». В.Ф.А.[155]
747) Октябрь. Заседание Совета В.Ф.А. (о том, что она в Берлине никуда не годится).

Работа в берлинской «*Вольной Философской Ассоциации*». Берлин.*

748) Январь. Организационное собрание и беседа у «Скифов». Берлин.
749) Февраль. Беседа у «Скифов» (о приглашении Штейнера). Берлин.
750) Февраль. Беседа группы лево настроенных писателей. Прения (инцидент с Лундбергом и «Рулем»[156]). Берлин.

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 736–747*

Афиша воскресных открытых заседаний памяти А.А. Блока
Вольная философская ассоциация. Петроград. 1922, август. ГМП

751) Февраль. Участие на вечере в пользу голодающих в России. Берлин[157].
752) Март. Участие на публичном митинге (не политическом) в берлинской Филармонии. Выступаю с речью. Берлин.
752) <так!> Март. Беседа группы русско-берлинских писателей. Берлин.
753) Апрель. Литературный вечер в частном доме. Читают: Ремизов, Пильняк. Я говорю вводительную речь. Берлин.
754) Ноябрь. Выступление на диспуте о революции в берлинской «Академии духовной культуры». Берлин.
755) Март <так!>. Беседа с христианской молодежью (Клуб христианской молодежи). Берлин.
756) Декабрь. Читаю у Горького «Россия в России и Россия в Берлине»[158]. Саров.
757) Декабрь. Организационная беседа о журнале «Беседа» у Горького[159]. Саров.
758) Октябрь. Беседа в берлинском «Клубе писателей».
759) Октябрь. Заседание коми-

тета, чествующего Гауптмана. Читаю текст речи своей. Клуб писателей[160].
760) Октябрь. Чтение мое в «Клубе писателей».
761) Ноябрь. Беседа в «Клубе писателей».
762) Ноябрь. Реферат Юшкевича в «Клубе писателей». Прения.
763) Ноябрь. Мое заявление об инциденте с Юшкевичем. Беседа. Прения.
764) Декабрь. Читаю «Крещеный Китаец» в «Клубе писателей».
765) Декабрь. Прения в философском докладе (кажется, Франка) в «Клубе писателей».

Работа в берлинском *«Клубе писателей»*[165]. Берлин.*

1923 год.

766) Январь. Участие в литературном вечере в «Клубе писателей».
767) Февраль. Прения после чтения Эренбурга в «Клубе писателей».
768) Март. Мой доклад в «Клубе писателей». Прения (со Степпуном)[161].
769) Март. Прения на реферате Таирова в «Клубе писателей»[162].
770) Сентябрь. Чтение «Арбат» в «Клубе писателей»[163].
771) Сентябрь. Прения в «Клубе писателей» (после выступления Ходасевича)[164].

Кроме того:

772) Февраль. Лекция моя «Революция духа». Для берлинских студентов. Прения. Берлин[166].
773) Март. Чтение моего ответа Лезегангу и беседа по этому поводу (у Горького).
Саров[167].

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 758–771*

Андрей Белый
Москва. 1924. ГМП

774) Май. Чтение из «Начала Века» и беседа о Символизме у Горького (я, Ходасевич, Шкловский, Горький). Саров.
775) Сентябрь. Беседа писателей в ресторане на «*Gentiner Strasse*». Берлин.
776) Октябрь. Прощание писателей и беседа на «*Gentiner Strasse*» (мой разрыв с Ходасевичем)[168]. Берлин.

Отъезд в Россию

777) Ноябрь. «Впечатление от Берлина». Выступление в рабочем клубе завода «Анил-Трест». Москва.
778) Ноябрь. Беседа и прения после доклада С.М. Соловьева «Пушкин» на квартире Нилендера. Москва.

1924 год.

779) Январь. «О мировых мыслях, чувствах, воле». Друзьям. Москва.
780) Январь 3. «Трехдольники». В кружке поэтов. Доклад. Прения. Москва.
781) Январь 14. Публичная лекция «Одна из обителей царства теней». Театр Мейерхольда. Москва[169].
782) Январь 18. Чтение «Арбата»[170] и стихов. Беседа в студии Чехова. Москва.
783) Январь. Беседа с режиссурой «Петербурга» у Чехова. Москва[171].
784–786) Январь 12, 22, февраль 1. «Александр Блок в проблеме “Пути”». 3 лекции друзьям поэзии Блока. Москва.
787) Февраль 8. Участие в прениях после доклада Столярова «Об органической эстетике». Академия Художественной Культуры. Москва.
788) Февраль 11. Участие в публичном чествовании Сологуба. Речь. Ленинград[172].
789) Февраль 14. Прения в В.Ф.А. на тему «Формальный метод» после чтения поэмы Скалдина. Ленинград[173].
790) Февраль 16. Публичная лекция «Одна из обителей царства теней». Ленинград[174].
791) Февраля 17. Участие в прениях вольфильской беседы. Ленинград.
792) Февраля 18. «Поэзия Блока». Публичная лекция. Певческая капелла. Ленинград.
793) Февраль 20. «Поэзия Блока». Публичная лекция. Политехнический музей. Москва[175].
794). Февраль 25. «Творчество Блока». Публичная лекция. Купеческое собрание. Киев.
795) Февраля 26. Беседа на тему «Проблема культуры». С интересующимися. Киев.
796) Февраля 27. Беседа на тему «Философия духа». С интересующимися. Киев.
797) Февраля 28. Публичная лекция: «О ритме жизни и современности». Прения. Бывшее Купеческое собрание. Киев[176].
798) Февраля 29. Беседа и речь на вечере украинских писателей. Киев.
799) Март 10. «Декаденты и Символисты». Доклад в «Доме Герцена». Москва.
800) Март 15. «Памяти Блока». Доклад в «Клубе железнодорожников». Москва.
801) Март 20. Чтение о Египте и чтение стихов в Це-Ку-Бу[177]. Москва.
802) Апрель 25. «Отчего ускользает Сальват». Беседа среди друзей. Москва.
803) Апрель. Беседа с мхатцами (Чехов, Берсенев, Чабан, Татаринов, Громов) о драме «Петербург». Студия Чехова. Москва.
804) Май 3. Чтение «Петербурга» у Чехова. Москва.
805) Май 4. Беседа с артистами о «Петербурге». МХАТ. Москва.
806) Май 21. Чтение сцен «Петербурга» в Кружке поэтов. Москва.

807) Май. Организационная беседа о новом издательстве (у Пильняка). Москва.
808) Май 27. Чтение сцен из драмы «Петербурга» у Пильняка. Москва.
809–811) Июнь. Чтение драмы «Петербурга». 3 чтения и прения в «Доме Отдыха» Волошина. Коктебель[178].
812) Июнь. Литературная беседа в «Доме Отдыха» Волошина. Коктебель.
813) Июнь. «Композиция Евангелия». Чтение у Волошина. Коктебель.
814) Июнь. Участие в прениях писательской беседы у Волошина. Коктебель.
815) Июль. Лекция: «Философия конкретного знания». У Волошина. Коктебель.
816) Июль. Беседа на тему о стихах (инцидент с Шенгели)[179]. У Волошина. Коктебель.
817) Июль. Беседа о новой поэзии. Прения. У Волошина. Коктебель.
818) Июль 31. Лекция «Памяти Вл. Соловьева». В кружке любителей философа. У Волошина. Коктебель.
819) Август. Чтение поэмы «Первое свидание». У Волошина. Коктебель.
820) Август. Прения на тему о поэзии (Волошин, Брюсов, я, молодежь). Коктебель.
821) Август. Прения после чтения стихов Волошина. Коктебель.
822) Август. Мой реферат о Блоке. Для любителей. У Волошина. Коктебель.
823) Август. Прения на тему об искусстве (Ангарский, Волошин, Брюсов). Коктебель.
824) Август. Чтение мое о Толстом. Для С.А. Толстой (и друзей). Коктебель.
825) Сентябрь. Беседа у Волошина. Прения. Коктебель.826) Октябрь. Отрывки из драмы «Петербург». У Зайцева. Москва.
827) Октябрь. Беседа о драме и постановке «Петербурга». У Чехова. Москва[180].
828) Ноябрь. Чтение отрывков «Москвы» у Б.Б. Красина. Москва.
829) Ноябрь. Беседа писателей у Зайцева.
830) Ноябрь. Беседа с Луначарским о литературной цензуре. Прения. У Пильняка.
831) Ноябрь. Обсуждение проекта петиции в «Совнарком» писателями. У Пильняка. Читаю свой проект.
832) Ноябрь. Обсуждение адреса писателей. Прения. У Вересаева.
833) Ноябрь. Беседа с Луначарским. У Луначарского (обсуждение и чтение петиции).

Работа об подаче петиции писателей в Совнарком[181]. Москва.*

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 829–833*

834–836) Ноябрь, 837–839) Декабрь. Кружок по миросозерцанию. Прения. Москва.
840) Декабрь. Обсуждение дел «Круга»[182] у Пильняка. Прения. Москва.
841) Декабрь. Организационная беседа о постановке «Петербурга». У Чехова. Москва.
842) Декабрь. Публичная лекция «Революция и Блок». Большой зал Консерватории. Москва.
843) Декабрь. Чтение «Москвы». Прения. У Пильняка. Москва.
844) Декабрь (кажется). Реферат М.П. Столярова «Об Ибсене» в Академии Духовной Культуры. Я выступаю с речью. Москва.
845) Декабрь (кажется). Оппонирование на реферате Столярова: «О Бранте». Москва.

1925 год.

846) Январь. Мой доклад: «Брюсов». В кружке поэтов. Москва[183].
847) Январь. Оппонирование проф. Жирмунскому в Академии Духовной Культуры. Москва.
848) Февраль. «Пушкин и мы». Лекция в Академии Духовной Культуры. Москва[184].
849) Март. «Пушкин и мы». Лекция в студии «Петрушка». Москва.
850) Апрель. Публичное выступление на вечере журнала «Россия». В большой зале Советов. Москва.
851) Апрель. Беседа о «Петербурге». У Чехова. Москва.
852) Апрель. Воспоминания о Штейнере. Друзьям. Москва.
853) Апрель. Воспоминания о Штейнере. У Чехова. Москва.
854) Май 4. «Пушкин и мы». Публичная лекция. Киев.
855) Май 5. Беседа на тему «О культуре». Киев.
856) Май 6. Беседа на тему «О культуре». Киев.
857) Май 7. «Слово, как орган творчества». Публичная лекция. Киев.
858) Май. «Три фазы слова». Лекция. Студия Чехова. Москва.
859) Май. Участие в литературном вечере. Москва.
860) Июль. Беседа на тему духовной культуры. У Столярова. Обираловка.
861, 863) <так!> Сентябрь,
864–868) Октябрь, Работа во *МХАТе* II-ом. Москва.*
869) Ноябрь. Работа и беседа с артистами на репетиции «Петербурга». МХАТ II-ой. Москва.
870) Декабрь. Беседа на тему «Средневековая схоластика». С друзьями. Москва.
871) Декабрь. Чтение на тему: «Чтение Павла об оправдании верою». Москва.
872–875) Октябрь. «История становления самосознающей души». Курс лекций по истории культуры[185]. У М.А. Чехова. Москва.

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 861–869*

1926 год.

876–877) Январь, 878–879) Февраль, 880–881) Март, 882–883) Апрель. «История становления самосознающей души». Курс лекций по истории культуры. У М.А. Чехова. Москва.

884) Февраль. Семинарий и беседа с разглядом исторических схем. Друзьям. Москва.

885) Май. «О душе самосознающей». Доклад. Ленинград.

886) Май. «О душе самосознающей» (продолжение). Доклад. Ленинград.

887) Май. Прения на докладе Евгения Иванова «Об Евангелии Иоанна». У Каплун. Ленинград.

888–890) Июнь. Чтение из моей книги «История становления». У С.Г. Спасской. Ленинград[186].

891) Июнь. Чтение романа «Москва» в Ленинградском Союзе Писателей. Ленинград.

892) Июнь. Чтение романа «Москва» и беседа в кружке А.А. Майера. Ленинград.

Андрей Белый. Московский чудак
Первая часть романа «Москва»
М.: Никитские субботники, 1927
Обложка С.Б. Телингатера

893) Июнь. Беседа с друзьями у Великановой. Ленинград.

894) Ноябрь, 895–896) Декабрь. Чтение из книги «Воспоминания о Штейнере». Москва.

1927 год.

897) Январь. «Штейнер, как христианин». Друзьям. Москва.

898) Январь. Речь на публичном диспуте о «Ревизоре» в «Тиме». Москва[187].

899) Январь. «Ревизор у Мейерхольда». Доклад у Никитиной. Прения. Москва.

900) Январь. «Ревизор у Мейерхольда». Доклад. Прения. Клуб Работников по Просвещению. Москва.

901) Февраль. Чтение драмы «Москва». У Мейерхольда[188]. Прения. Москва.

902) Февраль. Чтение драмы «Москва» артистам «Тима» в «Тиме». Москва.

903) Март. Беседа на тему о внутреннем внимании. У Чехова. Москва.

904) Март. Чтение «интимной рукописи»[189]. У Чехова. Москва.

905) Март. Беседа о Фантоме и 5-ом Евангелии. Для друзей. Москва.

906) Март. Чтение «интимной рукописи». У Чехова. Москва.

Андрей Белый. Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование
М.: Федерация, 1929

907) Июнь. «Читатель и писатель». Публичная лекция. Тифлис[190].

908) Июнь. Беседа с грузинскими поэтами. Тифлис.

909) Июнь. «Блок и диалектический метод». Публичная лекция. Тифлис[191].

910) Июль. Беседа с грузинскими писателями. Тифлис.

911) Июль. «Ритмический жест Медного Всадника Пушкина». Лекция в тифлисском «Дворце Искусств». Тифлис[192].

912) Октябрь. «Ритмический жест и Медный Всадник». Реферат у Никитиной. Прения. (Скандал с Шуваловым). Москва[193].

913) Ноябрь. «О символизме и символистах». Лекция в Доме Работников по просвещению. Москва.

914) Декабрь. «О Пушкине и методе читки жеста». Друзьям. Москва.

915) Ноябрь. «История становления слова».

916) Декабрь. «Разбор “Финляндии” Баратынского».

917) Декабрь. «Процесс становления слова».

1928 год.

918) Январь. «Краткий пробег по теориям слова».

919) Январь. Стилевой разбор «Страшной мести» Гоголя.

920) Январь. Стилевой разбор первой главы романа «Москва».

Курс лекций артистам «Тима». Читано в «Тиме». *«О слове»*[194]. Москва.*

921) Апрель. «Принцип ритма». Доклад друзьям. Москва.

922) Сентябрь. Беседа с друзьями на тему «О материализме и диалектике». Москва.

923) Сентябрь 29. Беседа на тему «Память, как меч Интеллекта». Москва.

1932 год.

924) Май. Оппонирование Квятковскому (стиховедческий доклад). Клуб Фосп. Москва.

---

* *Примеч. А. Белого относится к №№ 915–920*

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 96).

При воспроизведении автографа проведена техническая правка текста: унифицированы однотипные написания; раскрыты без обозначения в ломаных скобках сокращения слов; записанные в столбик номера выступлений («521), 522), 523), 524)»), объединенных одной темой, сформулированной в авторской пояснительной записи, воспроизводятся сокращенно и одной строкой («521—524) Август. Заседание Археологического отдела “Дворца Искусств”. Я — председатель»), и т. д. В авторской нумерации выступлений в ряде случаев допущены ошибки: повторения и пропуски номеров; эта особенность автографа сохранена в публикуемом тексте.

[1] Выступления 1–3, а также 13 и 14 – по программе обучения на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета.

[2] Имеется в виду «Симфония (2-я, драматическая)».

[3] Фрагменты из этого письма Белого (полный его текст неизвестен) были опубликованы в журнале «Новый Путь» (см. примеч. 263 к *МБ*).

[4] «Баллада Рэдингской тюрьмы» («The Ballad of Reading Gaol», 1898) – поэма Оскара Уайльда, в переводе К.Д. Бальмонта вышла отдельным изданием (М.: Скорпион, 1904). Имеется в виду доклад Бальмонта «Поэзия Оскара Уайльда», прочитанный в Московском Литературно-художественном кружке 18 ноября 1903 г. и получивший широкий резонанс в печати (см.: Оскар Уайльд в России. Библиографический указатель. 1892–2000 / Сост. и автор вступ. статьи Ю.А. Рознатовская. М., 2000. С. 125–126).

[5] С рефератом об А.С. Хомякове в кружке П.И. Астрова выступил учитель гимназии А.О. Шкляревский (см.: *О Блоке.* С. 130).

[6] См. примеч. 282 к *РД.*

[7] См. примеч. 283 к *РД.*

[8] См. примеч. 272 к *РД.*

[9] См. примеч. 288 к *РД.*

[10] См. примеч. 302 к *РД.*

[11] Об этом объединении см. примеч. 214 к *РД.*

[12] См. примеч. 519 к *МБ.*

[13] См. примеч. 518 к *МБ.*

[14] См. примеч. 325 к *РД.*

[15] См. примеч. 370 к *РД.*

[16] «Влюбленность» («Королева жила на высокой горе…», 3 июня 1905 г.) – стихотворение А. Блока, впервые опубликованное в № 1 журнала «Золотое Руно» за 1906 г. В данном случае допущен анахронизм: речь идет о собрании на «башне» Вяч. Иванова, состоявшемся 7 декабря 1905 г. и подробно охарактеризованном в письме Л.Д. Зиновьевой-Аннибал к М.М. Замятниной от 11 декабря 1905 г. (*ЛН.* Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 3. М., 1982. С. 233; см. также: *Шишкин А.* Симпосион на петербургской башне в 1905–1906 гг. // Русские пиры (Альманах «Канун», вып. 3). СПб., 1998. С. 298–309; *Богомолов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 141–144).

[17] См. примеч. 530 к *МБ.*

[18] См. примеч. 538, 554 к *МБ.*

[19] См. примеч. 565 к *МБ.*

[20] См. примеч. 441 к *РД.*

[21] См. примеч. 570, 571 к *МБ.*

[22] Имеется в виду лекция «Символизм в современном русском искусстве» (см. примеч. 575 к *МБ*).

[23] См. примеч. 576 к *МБ*.
[24] Видимо, анахронизм: «Дом Песни» начал свою публичную деятельность осенью 1908 г.
[25] См. примеч. 577 к *МБ*.
[26] Имеется в виду «Вечер нового искусства» (см. примеч. 578 к *МБ*).
[27] См. примеч. 455 к *РД*.
[28] Подразумевается редакция газеты «Литературно-Художественная Неделя». См. примеч. 476 к *РД*.
[29] См. примеч. 591 к *МБ*.
[30] См. выше, примеч. 24.
[31] См. примеч. 595 к *МБ*.
[32] См. примеч. 601 к *МБ*.
[33] См. примеч. 597 к *МБ*.
[34] См. примеч. 512 к *РД*.
[35] См. примеч. 604 к *МБ*.
[36] См. примеч. 606 к *МБ*.
[37] См. примеч. 533 к *РД*.
[38] См. примеч. 534 к *РД*.
[39] См. примеч. 553 к *РД*.
[40] См. примеч. 561 к *РД*.
[41] См. примеч. 564 к *РД*.
[42] См. примеч. 623 к *МБ*.
[43] См. примеч. 624 к *МБ*.
[44] См. примеч. 628 к *МБ*.
[45] См. примеч. 591 к *РД*. Приуроченная к юбилею Н.В. Гоголя (100-летие со дня рождения) статья Андрея Белого «Гоголь» была опубликована в «Весах» (1909. № 4. С. 69–83), еще одна его одноименная статья появилась в «Киевской Мысли» 19 марта 1909 г.
[46] См. примеч. 645 к *РД*.
[47] См. примеч. 639 к *МБ*.
[48] См. примеч. 647 к *РД*.
[49] «Орфей» – одна из тематических секций издательства «Мусагет», задачей которой была подготовка изданий религиозно-мистической литературы.
[50] См. примеч. 651 к *РД*.
[51] Имеется в виду московский ресторан «Прага».
[52] Имеется в виду статья Андрея Белого «Мысль и язык (Философия языка А.А. Потебни)». См. примеч. 662 к *МБ*.
[53] См. примеч. 667 к *МБ*.
[54] См. примеч. 640 к *МБ*.
[55] См. примеч. 696 к *РД*.
[56] В письме к А. Блоку от 8 или 9 марта 1912 г. Белый, информируя о предполагаемом содержании 2-го номера «Трудов и Дней», указывает: «*Cunctator*. Диалог» (*Белый – Блок*. С. 443) – т. е. «О "двойной истине"» (Труды и Дни. 1912. № 2. С. 56–62. Подпись: *Cunctator*).
[57] См. примеч. 710 к *МБ*.
[58] См. примеч. 710 к *МБ*.
[59] См. примеч. 712 к *РД*.
[60] См. примеч. 976 к *РД*.
[61] См. примеч. 977 к *РД*.
[62] См. примеч. 978 к *РД*.
[63] Подразумевается лекция «Творчество мира». См. примеч. 987 к *РД*.
[64] См. примеч. 973 к *РД*.
[65] См. примеч. 996 к *РД*.

[66] Подразумевается лекция Н.А. Бердяева «Кризис искусства». См. примеч. 997 к *РД*.
[67] См. примеч. 1008 к *РД*.
[68] См. примеч. 1009 к *РД*.
[69] См. примеч. 1016 к *РД*.
[70] Подразумевается лекция «Творчество мира». См. примеч. 1017 к *РД*.
[71] См. примеч. 1018 к *РД*.
[72] См. примеч. 1035 к *РД*.
[73] См. примеч. 1032 к *РД*.
[74] См. примеч. 1045 к *РД*.
[75] См. примеч. 1075 к *РД*.
[76] См. примеч. 1089 к *РД*.
[77] См. примеч. 1090 к *РД*.
[78] См. примеч. 1091 к *РД*.
[79] Вероятно, подразумевается «Первый вечер Товарищества московских писателей» в помещении театра «Летучая мышь», состоявшийся 20 марта 1918 г.; Белый выступал на нем с чтением стихов. См.: Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 134–135.
[80] См. примеч. 1103 к *РД*.
[81] См. примеч. 1113 к *РД*.
[82] Даты этого и последующих выступлений Андрея Белого в Антропософском обществе в 1918 г. указаны в своде «Проект расписания года» (С. 761–765 наст. изд.).
[83] Имеется в виду Школа стиховедения (в помещении Гимназии Общества преподавателей на Остоженке). Лекция Белого «Введение в экспериментальную поэтику» состоялась там 23 октября 1918 г. (Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 278).
[84] Ср. в *РД*: «братец Колосков» (С. 443 наст. изд.). Имеется в виду тульский крестьянин Иван Колосков, организовавший вместе с Дмитрием Григорьевым в Москве группу трезвенников.
[85] См. примеч. 1132 к *РД*.
[86] Литературный отдел Народного комиссариата по просвещению.
[87] См. примеч. 1140 к *РД*.
[88] Журнал «Кузница» был начат изданием в Москве только в мае 1920 г. – как орган одноименной литературной группы, которую основали поэты, вышедшие из Пролеткульта.
[89] См. примеч. 1135, 1136 к *РД*.
[90] См. примеч. 1154 к *РД*.
[91] См. примеч. 1166 к *РД*.
[92] Доклад Белого о поэзии Вяч. Иванова в Клубе московских писателей состоялся годом раньше – 29 января 1918 г. (см.: Литературная жизнь России 1920-х годов… Т. 1. Ч. 1. С. 101–102).
[93] 2-я мистерия Р. Штейнера – «Испытание души» («Die Prüfung der Seele»).
[94] См. примеч. 1173 к *РД*.
[95] «Академия Духовной Культуры». См. примеч. 1177 к *РД*.
[96] См. примеч. 1212 к *РД*.
[97] См. примеч. 1213 к *РД*.
[98] См. примеч. 1216 к *РД*.
[99] См. примеч. 1217 к *РД*.
[100] См. примеч. 1186 к *РД*.
[101] См. примеч. 1189 к *РД*.
[102] См. примеч. 1168 к *РД*.
[103] XXIII открытое заседание Вольфилы, на котором были заслушаны два доклада – «Философия труда» А.А. Мейера и «Философия труда в производственном процессе» Н.С. Лаврова, – состоялось в Доме Искусств 25 апреля 1920 г. (*Белоус В.Г.* Вольфила. Кн. 2. С. 47).
[104] См. примеч. 1197 к *РД*.
[105] См. примеч. 1200 к *РД*.

[106] См. примеч. 1201 к *РД*.
[107] См. примеч. 1202 к *РД*.
[108] См. примеч. 1205 к *РД*.
[109] См. примеч. 1206 к *РД*.
[110] См. примеч. 1207 к *РД*.
[111] См. примеч. 1211 к *РД*.
[112] См. примеч. 1192 к *РД*.
[113] Согласно *РД* (С. 455 наст. изд.), Белый участвовал в заседании в издательстве «Всемирная литература» 5 марта 1920 г.
[114] См. примеч. 1204 к *РД*.
[115] См. примеч. 1209 к *РД*.
[116] См. примеч. 1227 к *РД*.
[117] См. примеч. 1231 к *РД*.
[118] См. примеч. 1242 к *РД*.
[119] См. примеч. 1242 к *РД*.
[120] См. примеч. 1243 к *РД*.
[121] Б.П. Григоров возглавлял московскую группу русского Антропософского общества имени Вл. Соловьева, из которого выделилась новообразованная Ломоносовская группа, в которую входил Белый. См. примеч. 1240 к *РД*.
[122] Книга Р. Штейнера «Как достигнуть познания высших миров» (1904).
[123] См. примеч. 1248 к *РД*.
[124] См. примеч. 1249 к *РД*.
[125] См. примеч. 1250 к *РД*.
[126] См. примеч. 1255 к *РД*.
[127] См. примеч. 1256 к *РД*.
[128] См. примеч. 1257 к *РД*.
[129] См. примеч. 1258 к *РД*.
[130] См. примеч. 1259 к *РД*.
[131] См. примеч. 1260 к *РД*.
[132] См. примеч. 1264 к *РД*.
[133] См. примеч. 1265 к *РД*.
[134] См. примеч. 1267 к *РД*.
[135] См. примеч. 1269 к *РД*.
[136] См. примеч. 1270 к *РД*.
[137] См. примеч. 1274 к *РД*.
[138] См. примеч. 1275 к *РД*.
[139] См. примеч. 1278 к *РД*.
[140] См. примеч. 1280 к *РД*.
[141] См. примеч. 1281 к *РД*.
[142] См. примеч. 1285 к *РД*.
[143] См. примеч. 1290 к *РД*.
[144] См. примеч. 1303 к *РД*.
[145] См. примеч. 1317 к *РД*.
[146] См. примеч. 1332 к *РД*.
[147] См. примеч. 1344 к *РД*.
[148] Доклад И.А. Пуни был прочитан 3 ноября 1922 г. (см. примеч. 1362 к *РД*).
[149] См. примеч. 1304 к *РД*.
[150] См. примеч. 1309 к *РД*.
[151] См. примеч. 1310 к *РД*.
[152] См. примеч. 1315 к *РД*.

[153] См. примеч. 1333 к *РД*.
[154] См. примеч. 1334 к *РД*.
[155] См. примеч. 1345 к *РД*.
[156] См. примеч. 1298 к *РД*. В декабре 1921 г. берлинская газета «Руль» в ряде заметок предала огласке историю с уничтожением тиража брошюры Л. Шестова «Что такое русский большевизм?».
[157] См. примеч. 1311 к *РД*.
[158] См. примеч. 1368 к *РД*.
[159] См. примеч. 1366 к *РД*.
[160] См. примеч. 1360 к *РД*.
[161] См. примеч. 1378 к *РД*.
[162] См. примеч. 1379 к *РД*.
[163] См. примеч. 1400 к *РД*.
[164] См. примеч. 1401 к *РД*.
[165] См. примеч. 1356 к *РД*.
[166] См. примеч. 1377 к *РД*.
[167] Имеется в виду статья Белого «Антропософия и доктор Ганс Лейзеганг» (см. примеч. 1391 к *РД*).
[168] См. примеч. 1402 к *РД*.
[169] См. примеч. 1411 к *РД*.
[170] См. примеч. 1412 к *РД*.
[171] См. примеч. 1410 к *РД*.
[172] См. примеч. 1421 к *РД*.
[173] См. примеч. 1422 к *РД*.
[174] См. примеч. 1423 к *РД*.
[175] См. примеч. 1424 к *РД*.
[176] См. примеч. 1426 к *РД*.
[177] См. примеч. 1429 к *РД*.
[178] См. примеч. 1435 к *РД*.
[179] См. примеч. 1436 к *РД*.
[180] См. примеч. 1442 к *РД*.
[181] См. примеч. 1446 к *РД*.
[182] См. примеч. 1448 к *РД*.
[183] См. примеч. 1456 к *РД*.
[184] См. примеч. 1457 к *РД*.
[185] См. примеч. 1484 к *РД*.
[186] См. примеч. 1504 к *РД*.
[187] См. примеч. 1527 к *РД*.
[188] См. примеч. 1530 к *РД*.
[189] Подразумевается, по всей вероятности, «Материал к биографии» (С. 29–266 наст. изд.).
[190] Эта лекция была прочитана Белым 28 июня 1927 г. (см. примеч. 1616 к *РД*).
[191] Лекция «Личность и поэзия А. Блока» была прочитана Белым 30 июня 1927 г. (см. примеч. 1620 к *РД*).
[192] Эта лекция была прочитана Белым 2 июля 1927 г. (см. примеч. 1621 к *РД*).
[193] Это выступление Белого состоялось 29 октября 1927 г. (см. *РД*. С. 505 наст. изд.; примеч. 1665 к *РД*).
[194] См. примеч. 1674 к *РД*.

ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПРЕНИЯ <1932–1933>

1932-ой год

Апрель. 20-е числа. Выступление после доклада Квитковского о «тактометре»[1] (Клуб Союза писателей).

Июнь. 16. Чтение отрывков из книги «Мастерство Гоголя» (в кружке «Перевал»[2]).

Июнь[*]. 26. Участие в совещании писателей Гихла по разработке октябрьского сборника[3].

Июль. 20. Выступление на вечере «Гихла» после доклада Н.Н. Накорякова (о ходе работ «Гихла»); на выборах после выбран в «Группком».

Октябрь. Выступление на Пленуме Орг-Комитета С.С.П. по докладам Гронского, Кирпотина, Субботского[4].

Ноябрь. 16. Выступление в прениях Краеведческой Секции Орг-Комитета после чтения рассказов Попова.

Декабрь. 21. Выступление в прениях Краев<едческой> Секции Орг-Комитета на вечере писателей и поэтов-краеведов.

[Декабрь.][**] 23-го. Лекция «Культура краеведческого очерка» в Краеведч<еской> Секции Орг-Ком<итета>[5].

Декабрь. 1-го. Прения по моему докладу «Культура краеведческого очерка» в Краев<едческой> Секции Орг-Комит<ета>. Ответ на возражения.[***]

1933 год

Январь. Участие в прениях на совещании по орг<анизации> Совета при секторе Худ<ожественно>-Литер<атурном> (в «Гихле»).

31 янв<аря>. Участие в прениях на вечере Пришвина (Краев<едческая> Секция Орг-Комитета)[6].

10-го <января>. Доклад в «Гихле»: «Основные особенности творч<ества> Гоголя». Долгие прения; долгий ответ на них.

Участие в обсуждении структуры Группкома («Гихл»). Выбран в культ<урно->просв<етительскую> секцию.

15-го <января>. Выступление с докладом «Гоголь и “Мертвые души” в постановке Худ<ожественного> Театра» (Всероссдрама)[7].

---

[*] *Вписано после незачеркнутого:* Июль

[**] *Вместо зачеркнутого предполагается правильная датировка:* <Ноябрь>

[***] *Исправление рукой К.Н. Бугаевой — стрелка: запись за 1 декабря перенесена перед записью за 21 декабря.*

26-го <января>. Прения по докладу моему «Гог<оль> и “Мертв<вые> Душ<и>” в пост<ановке> Мхата I»[*][8].

Февраль. 11-го. «Вечер Андрея Белого» в Полит<ехническом> Муз<ее>. Выступление, чтение «Масок». Ответы на записки.

27-го <февраля>. Повторение «вечера Андрея Белого» в Полит<ехническом> Муз<ее>. Выступление, чтение, ответы на записки; и ответ на фельетон Ермилова в «Известиях», полемизировавшего со мной[9].

Март. 10. Выступление на Пленуме техн<ического> персонала и писателей «Гихла» (по поводу доклада Накорякова).

20. Участие в прениях по поэме Санникова «Каучук»[10] (в редакции «Нового Мира»: участники прений: Орешин, Виноградов, Я, Макарьев, Л. Гроссман, Замошкин, Никифоров, Гронский, Санников).

Участие в прениях заседания Группкома («Гихл»).

А.И. Костомолоцкий. Портрет Андрея Белого
1920-е. Бумага, акварель, белила. ГЛМ

Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 39. Ед. хр. 14). Публикация текста подготовлена *М.Л. Спивак.*

[1] Тактометр – учение о ритмических структурах стиха, обусловленных максимальным использованием выразительных средств тактовой метрики; обосновано А.П. Квятковским в исследовании «Ритмология русского стиха». См.: *Квятковский А.П.* Ритмология. СПб., 2008.

[2] «Перевал» – литературная группа, возникшая в 1923 г. при журнале «Красная новь» и действовавшая до 1932 г., выпустила в 1924–1928 гг. шесть сборников «Перевал». Теоретики «Перевала» – Д. Горбов и А. Лежнев.

[3] Гихл – Государственное издательство художественной литературы, образованное в 1930 г. на базе литературно-художественного сектора Госиздата РСФСР и издательства «Земля и фабрика». Под «октябрьским сборником» подразумевается, видимо, какое-то издание, приуроченное к 15-летию Октябрьского переворота.

[4] Это выступление Белого на пленуме Оргкомитета Союза советских писателей состоялось 30 октября 1932 г. Речь Белого опубликована 11 ноября 1932 г. в «Литературной газете» и в журнале «Красная новь» (1932. № 12. С. 155–156), а также в кн.: Советская литература на новом этапе. Стенограмма I пленума Оргкомитета Союза советских писателей (29 октября – 3 ноября 1932). М., 1933. С. 69–71.

---

[*] *Стрелкой эта запись перенесена к записи за 31 января.*

[5] Доклад Белого «Культура краеведческого очерка» был опубликован в журнале «Новый мир» (1933. № 3. С. 257–273).

[6] Ср. дневниковую запись М.М. Пришвина за этот день: «Мой юбилей в секции Краеведения» – и свидетельство Н.В. Реформатской: «Происходило это в Дубовом зале теперешнего ЦДЛ <…> рассказ Пришвин вел непринужденно, как разговор за чайным столом или у костра на охоте. После этого прочел главы из своей недавно законченной повести "Жень-шень". Из отдельных выступлений помню дружественно-восторженное слово старейшего литературного сверстника – Андрея Белого о когда-то вышедшем из глуши северных лесов и озер "волшебнике слова"» (*Пришвин М.М.* Дневники. 1932–1935. СПб., 2009. С. 250, 920 (коммент. Я.З. Гришиной)).

[7] Премьера осуществленной М.А. Булгаковым инсценировки «Мертвых душ» Н.В. Гоголя (руководитель постановки К.С. Станиславский, режиссеры В.Г. Сахновский, Е.С. Телешова, М.А. Булгаков) состоялась в Московском Художественном академическом театре 28 ноября 1932 г. Основные положения выступления Белого отражены в его статье «Непонятый Гоголь», опубликованной 20 января 1933 г. в газете «Советское искусство» (№ 4. С. 4). См. также описание этого выступления в дневнике Ю.Л. Слезкина (*Булгаков М.* Дневник. Письма. 1914–1940. М., 1997. С. 276 (коммент. В.И. Лосева)) и в мемуарных записях А.К. Гладкова (*Гладков А.* Поздние вечера: Воспоминания, статьи, заметки. М., 1986. С. 278–281).

[8] Об этих прениях сообщается в анонимном репортаже, опубликованном в «Советском искусстве» 2 февраля 1933 г. (№ 6. С. 4):

«Во *Всеросскомдраме состоялись прения по докладу Андрея Белого о постановке "Мертвых душ" в МХАТ им. Горького.* Докладчику были брошены обвинения в эстетствующем формализме (*Паушкин*), нереальности его преувеличенных требований, предъявленных Художественному театру (*Левидов*), и слишком субъективном толковании Гоголя. С полуторачасовой речью о "Мертвых душах" выступил т. *В.В. Ермилов.* Объявляя несостоятельными и вульгаризаторскими обвинения, брошенные тов. Белому со стороны Паушкина и тех, кто с ним солидаризируется, т. Ермилов путем внимательного анализа гоголевского текста и сопоставления "Мертвых душ" с гоголевской пьесой "Игроки" доказал, что Чичиков является дальнейшим развитием персонажа, намеченного в этой небольшой пьесе Гоголя. Тов. Ермилов целым рядом аргументов от гоголевского текста и научных исследований о Гоголе оспаривал попытку т. Андрея Белого утверждать, что Гоголь является исключительно родоначальником русского литературного символизма. Он доказал, что Гоголь является не только реалистом, но и основоположником той литературной школы, из которой впоследствии вышли Салтыков-Щедрин, Некрасов и др.

В заключительном слове Андрей Белый весьма остроумно отпарировал обвинения своих оппонентов, указав, что упреки, брошенные ему, в мистицизме и субъективном толковании гоголевского текста ни на чем не основаны».

[9] Имеется в виду статья В. Ермилова «Театр и правда (К дискуссии о "Мертвых душах" на сцене МХАТ)» (Известия. 1933, 27 февраля. С. 2-3), в которой оценка спектакля, данная Белым, была признана вполне объяснимой («...у этого большого художника есть свое поэтическое лицо, свои весьма определенные эстетические симпатии и антипатии, самый стиль Художественного театра в большой мере чужд стилю Андрея Белого»), но по существу неверной: «Характер очень интересной, местами блестящей трактовки Гоголя у Андрея Белого имеет однако такие стороны, которые приводят к символистскому пониманию образов Гоголя <...> по сути его критика сводилась к требованию: перестаньте быть МХАТ, будьте Мейерхольдом!».

[10] Поэма Г.А. Санникова «Сказание о каучуке» была опубликована в «Новом мире» (1933. № 7/8); отдельное издание: *Санников Г.* Сказание о каучуке. В одиннадцати песнях (Из документов пятилетки). <М.>: ГИХЛ, 1934.

КАСАНИЯ К ТЕОСОФИИ

1896 год. Читал книги Блавадской и интересовался сведениями о теософич<еском> О<бщест>ве[1].

1897 год. Читал Аллана Кардэка[2], увлекался отрывками из «Упанишад»[3] и восточной мистикой; отсюда пошло увлечение буддизмом и Шопенгауэром. Статья Соловьева (Всев<олода>) против теософии («Вопросы филос<офии> и психол<огии>»)[4], а главное Шопенгауэр надолго отвлекли от теософии.

1901 год. Знакомство с Гончаровой, споры и интерес к теософии вновь пробуждается; отношение уважительное, но резко-полемическое; интересуюсь книгой Синнета[5], Мидом; читаю книги Безант («*Ver le Temple*», «*La Sagesse antique*»[6] и т.д.), Паскаля[7], Ледбитера («*Невидимые помощники*», «*Астральный план*», «*Свет на Пути*», «*Голос Безмолвия*», «*Le son dans la Nature*» и т.д.[8]), но центральный интерес к Ницше и близость к позиции Мережковского. Греческая мифология *более* интересует.

1902 год. Читаю Шюре «*Le drame musicale*», «*Les Grands Inities*»[9]. Пытаюсь читать книгу Фулье о Платоне[10] (кажется неинтересной). Осенью бываю в кружке Кохманской, где спорю упорно с Писаревой; выношу полное разочарование в теософах. Продолжаю спорить лишь с Батюшковым.

1903 год. Увлекаюсь Вл. Соловьевым: теософии, как движению, противополагаю хр<истианскую> теософию в смысле Вл. Соловьева; интересуюсь гностиками, Серафимом Саровским, читаю Исаака Сириянина, толкование Апокалипсиса Оберлэна[11], *L'Apocalipse expliqué* Сведенборга[12], пробую читать Вронского[13]. Созревает концепция *теургии. Теургию* и *символизм* противополагаю решительно теософии.

1904 год. Интерес к *теософии* переходит в холодно-враждебное отношение. Имя Штейнера впервые начинает повторяться в Москве. Кажется, в этом году читаю «*Мистерии Христианства*»[14]. Читаю Макса Мюллера[15]. И опять интересуюсь буддизмом.

1905 год. Не интересуюсь теософией, но захватывают Стансы Шанкара-Ачариа[16]. И стансы книги «*Дзиан*»[17]. В Москве много говорят о *Гориванше*[18]. Близость к теософии проявляется однако в огромном интересе к *Элевсинским Мистериям.* Интересуюсь *Фукаром*[19], читаю *Lacroix*[20], и знакомлюсь с литературой, касающейся мистерий. Читаю книгу Трубецкого «*Логос*»[21]. Интересуюсь мистикой до-сократовской философии и орфизмом.

1906 год. Отвергаю предложение слушать Штейнера.

1907 год. С огромным интересом читаю в Париже Дейссена «*Философия Упанишад*» (большая книга)[22]. Спорю с Бальмонтом о теософии. Выход к мистике вижу чрез философию и обдумываю концепцию символизма.

1908 года. С осени страшно интересуюсь вновь теософией, читаю статьи Безант, читаю *Теософ<ский> Вестник*[23]. Большой интерес к герметизму и ♁[24]. Много расспрашиваю о Докторе[25]. Слышу интимный *Vortrag** и проникаюсь громадным уважением к Доктору. Начинаю посещать лекции Эртеля в теософском Кружке и принимаю горячее участие в прениях. В конце года болезнь, большое раздумье и охлаждение к учению Мережковского.

1909 год. Усиленно читаю книги по мистике; увлекаюсь вновь герметизмом и ищу ♁ (Бобровка). Близость с Минцловой, Вячеславом, Теософский Кружок. Начинаю читать «*Doctrine Secrète*»[26], д'Альвейдра[27], Элифаса Лэви[28], Папюса[29], Гюэйта[30] и т.д. Близость с Вячеславом и Минцловой.

1910. Стоит под знаком ♁. Первые медитации (скоро оставил). Прощание с Анной Руд<ольфовной>. Коллектив[31].

1911. Африка. Мы с Асей говорим о московском. Летние феномены; взаимный интерес к теософии и Доктору у Аси и меня.

1912 год. Феномены в Брюсселе, поездка в Кельн, цикл из 45 слышанных лекций[32]. С июля 1912 года работа Доктору. Поездка**

Печатается по автографу, хранящемуся в архиве Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 2).

Впервые опубликовано Дж. Малмстадом в кн.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. Paris, 1990. С. 449–451.

[1] См. примеч. 72–74 к *МБ*.

[2] Среди книг основателя французского спиритизма Аллан-Кардека – «Le livre des esprits contenant les principes de la doctrine spirite» (Paris, 1857), «Philisophie spiritualiste. Le livre des esprits» (Paris, 1860), «Le spiritisme à sa plus simple expression» (Paris, 1862) – в русском переводе: «Спиритизм в самом простом его выражении. Краткое объяснение учения духов и их проявления» (Лейпциг, 1864).

[3] См. примеч. 67 к *МБ*.

[4] Имеется в виду статья Вс. С. Соловьева «Что такое доктрина Теософического Общества» (Вопросы Философии и Психологии. 1893. Кн. 3. Отд. II. С. 41–68). Тогда же серия статей-воспоминаний Соловьева о Е.П. Блаватской, печатавшаяся в 1892 г. в журнале «Русский Вестник», была выпущена в свет отдельным изданием: *Соловьев Вс. С.* Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е.П. Блаватской и теософическим обществом. СПб., 1893.

[5] Видимо, имеется в виду книга Альфреда Перси Синнета (Sinnett) «Le monde occulte, hypnotisme transcendant en orient» (Paris, 1887; английский оригинал: «The occult world». London, 1881), либо его же «Le buddhisme esoterique, ou Positivisme hindou» (Paris, 1890; английский оригинал: «Esoteric buddhism». London, 1883).

[6] Среди множества работ А. Безант книга под заглавием «Vers le Temple» не обнаружена. Ее книга «La sagesse antique» (Paris, 1899; английский оригинал: «The ancient wisdom. An outline of

---

* Доклад (*нем.*).

** *На этом текст обрывается.*

Theosophical teachings». London, 1897) была переведена на русский язык Е.Ф. Писаревой: *Безант А.* Древняя мудрость. Очерк теософических учений. СПб., 1910 (2-е изд.: СПб., 1913).

[7] Вероятно, имеется в виду книга Теофиля Паскаля (Pascal) «ABC de la Theosophie» (Paris, 1897).

[8] В этом перечне Чарлзу Вебстеру Ледбитеру (Leadbeater) принадлежат книги «Les aides invisible» (Paris, 1902; английский оригинал: «Invisible helpers». London, 1899; русский перевод: «Невидимые помощники и невидимый мир». Калуга, 1909), «Le plan astral» (Paris, 1899; английский оригинал: «The astral plane». London, 1895). Под «Le son dans la Nature», видимо, подразумевается его позднейшая книга «L'occultisme dans la nature (entretiens d'Adyar)» (Paris, 1911–1913; английский оригинал: «Theosophical talks at Adyar». London, 1910). «Свет на Пути» («Light on the Path», 1885) – книга английской писательницы-оккультистки Мейбл Коллинз (Collins); русский перевод Е.Ф. Писаревой (первая легально изданная в России теософская книга) – «Свет на Пути. Из древнего индусского писания "Книга золотых правил"» (М., 1905). «Голос Безмолвия» – фрагмент из «Книги золотых правил», произведение Е.П. Блаватской (см.: Голос Безмолвия. Семь Врат. Два Пути: Из сокровенных индусских писаний. Обнародовано Еленой Петровной Блаватской / Пер. с англ. Е. Писаревой (Е.П.). Калуга, 1912).

[9] Книги Э. Шюре (Schuré) «Le drame musical» (Vol. 1–2. Paris, 1875; несколько переработанных переизданий) и «Le grands inities. Esquisse de l'histoire secrète des religions» (Paris, 1889; много переизданий, русский перевод: *Шюре Э.* Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий / Пер. с франц. Е. Писаревой (Е.П.). СПб., 1910; 2-е изд.: Калуга, 1913).

[10] Имеется в виду кн.: *Fouillée Alfred.* La philosophie de Platon. Vol. 1–2. Paris, 1869; неоднократно переиздавалась.

[11] Имеется в виду книга Карла Августа Оберлена «Пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна» (Пер. А. Романова, Тула, 1882). Немецкий оригинал: *Auberlen Carl August.* Der Prophet Daniel und die Offenbarung Johannis in ihrem gegenseitigen Verhältnis. Basel, 1854.

[12] Французский перевод с латинского оригинала («Apocalypsis explicata secundum sensum spiritualem»): *Swedenborg Emanuel.* L'Apocalypse explique selon le sens spirituel. Vol. 1–7, 1855–1859.

[13] Среди книг польского оккультиста и математика Йозефа Марии Вронского – «Programme du course de philosophie transcedantale» (Paris, 1811), «Philosophie de l'infini» (Paris, 1814), «Philosophie absolue de l'histoire, ou Genèse de l'humanité» (Vol. 1–2. Paris, 1852).

[14] Имеется в виду кн.: *Steiner Rudolf.* Das Christentum als mystische Tatsache und die Mysterien des Altertums. Berlin, 1902. Русский перевод: *Штейнер Р.* Мистерии древности и христианство. М., 1913.

[15] В данном случае, вероятно, подразумевается кн.: *Müller Friedrich Max.* Theosophie oder Psychologische Religion. Leipzig, 1895.

[16] Ср.: *НВ.* С. 66. Каким изданием пользовался Белый, знакомясь с учением адвайта-веданты Шанкара-ачария, установить не удалось.

[17] Книга Дзиан – основополагающая часть «Тайной доктрины» («The secret doctrine», 1888) Е.П. Блаватской. См.: *Блаватская Е.П.* Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии. Т. 2. Антропогенезис. Ч. 1. СПб., 1991. С. 19–26.

[18] «Хариванша» («Хариваншапурана», «Сказание о роде Хари») – общее название свода легенд на санскрите, прославляющих бога Вишну; сложилась, по всей вероятности, в последних веках 1-го тысячелетия н.э.

[19] Имеется в виду кн.: *Foucart Paul-François.* Les grands mystères d'Eleusis. Paris, 1900.

[20] Среди многочисленных работ французского прозаика Поля Лакруа на оккультные темы – «Curiosités des sciences occultes» (Paris, 1862), «Curiosités infernales» (Paris, 1886), «Histoire des mystificateurs et des mystifies» (Vol. 1–3. Bruxelles, 1856–1858).

[21] Имеется в виду книга кн. С.Н. Трубецкого «Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование» (Т. 1. М., 1900).

[22] Анализ философии упанишад предпринят во 2-й части 1-го тома «Истории философии» П. Дейссена (*Deussen Paul.* Geschichte der Philosophie. Bd. 1. Leipzig, 1894).

[23] Имеется в виду «Вестник Теософии» – ежемесячный журнал, начатый изданием в Петербурге в 1908 г.

[24] Символ розенкрейцерства.

[25] Подразумевается Р. Штейнер.

[26] «La doctrine secrète» – французский перевод (Paris, 1899) с английского оригинала книги Е.П. Блаватской «Тайная доктрина».

[27] Подразумевается книга маркиза д'Альвейдра (d'Alveydre) «Mission des juifs» (Paris, 1884), характеризуемая Белым в комментариях к его книге «Символизм» (М., 1910) как «монументальное сочинение» (С. 622).

[28] В комментариях к «Символизму» (С. 624) Белый упоминает книги Элифаса Леви (Lévi) «Dogme et rituel de la haute magie» (Vol. 1–2. Paris, 1856) и «Histoire de la magie, avec une exposition claire et précise de ses procédés, de ses rites et de ses mystères» (Paris, 1860).

[29] Из многочисленных оккультистских книг Папюса (Papus) к 1909 г. были изданы в русском переводе (А.В. Трояновского) его «Первоначальные сведения по оккультизму» (СПб., 1904; французский оригинал: «Traité elementaire de science occulte». Paris, 1888).

[30] В комментариях к «Символизму» (С. 497) Белый отмечает произведение Гюайта (Guaita) «Le serpente de la genèse» (1897), т.е. «Essais de science maudites» (Paris, 1886–1897): «I. Au seuil du mystère; II. Le serpent de la genèse, première septaine: le Temple de Satan; III. Le serpent de la genèse, deuxième septaine: la Clef de la magie noire».

[31] Подразумевается дружеское сообщество, объединенное вокруг издательства «Мусагет».

[32] См. свод «Слышанные лекции по теософии в немецкой секции» (С. 755–757 наст. изд.).

СЛЫШАННЫЕ ЛЕКЦИИ ПО ТЕОСОФИИ В НЕМЕЦКОЙ СЕКЦИИ

1912 год

Май (3)

Доктор: «О храмах, как выражении культурных эпох». 5-го мая (кельнская ложа)[1].

Доктор: «Христос и XX век». 5-го мая (Кельн. Публичная).

Доктор: «О календаре» (кельнская ложа).

Июль (15)

Юлэ: «О стихиях» (Мюнхен. Ложа).

Юлэ: «О стихиях» (продолжение. Мюнхен. Ложа).

Штинде: «Об эпохах» (по Доктору. Мюнхен. Ложа). Эллис (11): «Евангелие от Иоанна» (по Доктору. Мюнхен).

Пульман: «О четырех Архангелах» (Мюнхен).

Август (16)

Доктор: «Слово по поводу смерти матери Сиверс».

Доктор: Мистерия: «У врат посвящения».

Доктор: Мистерия: «Очищение»[2]. Доктор: Мистерия «Страж порога»[3].

Шюре: «Мистерия Елевзиса»[4].

Д-р Унгер: «О мистерии “У врат посвящения”».

Д-р Унгер: «О мистерии “Очищение”»[5].

Доктор: Курс «О посвящении» (Мюнхен. Ложа)[6]: «О мистерии Шюре». «О посвящении». «О моральном очищении». «Работа в эфирн<ом> и астр<альном> плане». «О Люцифере и Аримане». «О том, что за порогом». «Заключение».

Доктор: Публичная лекция.

Шолль: «О мистериях д-ра Штейнера».

Сентябрь (15)

Доктор: Курс «Евангелие от Марка»[7]: «О характере перевоплощений после Голгофы». «О Библии». «Креститель». «Будда и Сократ». «Кришна». «Драматический монолог». «На воде, на горах, в дому...». «Преображение». «Ученики не поняли...». «Заключение».

Доктор: «О Гёльдерлине» (Базель).

Доктор: Публичная <лекция>.

Бауэр: «О Гегеле» (Базель).

Ленхарт: «О Гёльдерлине» (Базель).

Доктор: Публичная <лекция>.

Ноябрь (6)

Пульман: «О розенкрейцерском лозунге» (Штутгарт).

Пульман: «Огонь, воздух, вода, земля» (Штутгарт).

Доктор: «Правда духовного опыта» (Мюнхен).

Доктор: «Ошибки духовного опыта» (Мюнхен)[8].

Доктор: «Между смертью и новым рождением» (Мюнхен). «Между смертью и новым рождением», продолжение (Мюнхен).

Декабрь (13)

Доктор: «Между смертью и новым рождением», продолж<ение> (Берлин)[9].

Доктор: «Результаты дух<овного> опыта» (Берлин).

Доктор: «Между смертью и новым рождением», продолж<ение> (Берлин).

Доктор: «Естествознание и дух<овный> опыт»[10] (Берлин).

Шолль: «Христов импульс» (Берлин).

Доктор: «Рождественская. Христиан Розенкрейц». Доктор: к курсу «Багав<ат> Гита и послания ап. Павла»[11]: «О любви» (Берлин). «Веды, Иога, Самкья» (Кельн). «Характеристика Самкьи» (Кельн). «Багават-Гита» (Кельн). «О змеевом состоянии» (Кельн).

Доктор: «О Новалисе» (Кельн).

Унгер: «Антропософическое Общество» (Кельн).

Итого за 1912 год выслушал лекций *68*.

1913 год

Январь (10)

Доктор: «Послания апостола Павла» (Кельн, к курсу)[12].

Доктор: «Правда дух<овного> опыта» (Кельн). Доктор: «Ошибки дух<овного> опыта» (Кельн)[13].

Доктор: «Между смертью и нов<ым> рожд<ением>» (продолжение) (Берлин)[14].

Доктор: «Яков Беме» (Берлин)[15].

Доктор: «О возрастах» (Берлин).

Доктор: «Герман Гримм» (Берлин)[16].

Доктор: «Миссия Рафаэля» (Берлин)[17].

Вальтер: «О назначении мышления» (Берлин).

Вальтер: «*Евангелие от Марка* доктора Штейнера» (Берлин).

Февраль (<19>)

Доктор: Доклад на генеральном собрании (Берлин)[18]. Доктор: «Сущность антропософии» (Берлин). Доктор: курс «Мистерии Востока и Запада» (Берлин)[19].

Доктор: «Сказочные стихи в свете дух<овной> науки» (Берлин)[20].

Доктор: «Леонардо да Винчи на повороте к нов<ому> времени»[21].

Доктор: «О формах храма».

Доктор: «Биография».

Доктор: Заключительное слово при закрытии А<нтропософско>го съезда[22].

Доктор: «О фактах науки и об отношении к ним».

Зелигер: «О Зохаре».

Пайперс: «Парсифаль в свете естествознания».

Не знаю фамилии: «О механике и антропософ<ском> импульсе».

Какой-то пастор: «Об антропософии».

Доктор: «Между сном и новым рождением». Аронсон: Доклад. «О творческом отношении к данным ок<культной> науки».

Вальтер: «О *я*».

Март (<2>)

Доктор: Лекция в ложе (Берлин)[23].

Доктор: Публичная лекция.*

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 2. Л. 4–5 об.). Впервые опубликовано Дж. Малмстадом в кн.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. Paris, 1990. С. 469–471.

Имеется в виду немецкая секция Международного Теософского общества, руководимая Рудольфом Штейнером (в регистре: Доктор). Датировки публичных выступлений, приводимые в примечаниях, восходят к кн.: *Lindenberg*. Все даты – по н. ст.

[1] Этот лекционный цикл был прочитан Штейнером в Кёльне 6–8 мая 1912 г.

[2] Имеется в виду мистерия Штейнера «Испытание души» («Die Prüfung der Seele»). Была представлена 22 августа в Мюнхене.

[3] Эта мистерия Штейнера была представлена 24 августа.

[4] Мистерия Э. Шюре была представлена 18 августа.

[5] Указанные лекции К. Унгера были прочитаны между 19 и 23 августа.

[6] Этот курс из восьми лекций («Von der Initiation») был прочитан Штейнером с 25 по 31 августа.

[7] Этот курс из десяти лекций был прочитан Штейнером в Базеле с 15 по 24 сентября.

[8] Две указанные мюнхенские лекции Штейнер прочитал между 25 и 30 ноября.

[9] Курс лекций, прочитанный Штейнером в Берлине 1–14 декабря.

[10] Эта лекция была прочитана 12 декабря.

[11] Этот курс лекций был прочитан Штейнером в Берлине (21–26 декабря) и в Кёльне (28 декабря – 4 января 1913 г.).

[12] Лекция курса «Бхагавадгита и послания апостола Павла», прочитана Штейнером 1 января.

[13] Лекции прочитаны, соответственно, 2 и 3 января.

[14] Лекции этого курса были прочитаны Штейнером с 6 по 10 января.

[15] Эта лекция состоялась 9 января.

[16] Эта лекция состоялась 16 января.

[17] Лекцию «Миссия Рафаэля в свете духовной науки» Штейнер прочитал 30 января.

[18] Генеральное собрание немецкой секции Теософского общества состоялось 2 февраля; на собрании, проходившем на следующий день, было утверждено преобразование ее в самостоятельное Антропософское общество.

[19] Курс из четырех лекций «Мистерии древности и христианство» был прочитан Штейнером с 3 по 7 февраля.

[20] Эта лекция была прочитана Штейнером 6 февраля.

[21] Эту лекцию Штейнер прочитал в Берлине 13 февраля.

[22] Закрытие генерального собрания – 8 февраля.

[23] В 1913 г. Штейнер находился в Берлине с 4 по 7 марта.

---

* *На этом текст обрывается.*

СВИДАНИЯ С ДОКТОРОМ

1912 год

1-ое свидание. 7-го мая. Кельн.

Разговор о феноменах в Брюсселе, как быть; об [illegible][1]; о моем отношении к А.Р.[2]; о возможности или невозможности учиться у Доктора.

2-ое свидание. 20 июля. Мюнхен.

Разговор об Анне Рудольфовне. Доктор дал медитацию нам. Мюнхен.

3-ье свидание. 24 июля.

Разговор (очень подробный) о моем raison d'être, о России, Вл. Соловьеве; очень подробное изложение всего бывшего с Анной Рудольфовной. Доктор прибавил медитацию.

4-ое свидание. 31 июля.

Отчет Доктору о своей работе; представил схему; изложили странное происшествие 29-го июля. Доктор из моих чертежей дал мне задачу; прибавил к имеющейся медитации еще. Мюнхен.

5-ое свидание. 24 сентября.

Подробный отчет Доктору о ходе работы. Одобрение Доктора. Присоединил к 3 медитациям четвертую. И задал работу. Базель.

6-ое свидание. 29 ноября.

Передали Доктору наши тетради и получили по новой медитации. Мюнхен.

7-ое свидание. 13 декабря.

Берлин. Сущность разговора конспективно записана у меня.

1913 год

8-ое свидание. 15 февраля.

Краткое. Разговор о поездке в Россию и об Асе. Доктор присоединил нечто к медитации.

Май — Свидание и разговор с д<окто>ром в Гельсингфорсе.
Октябрь — Разговор с д<окто>ром и письмо ему в Христиании.
Октябрь — Мой разговор с М.Я. Сиверс в Копенгагене.

Октябрь — Асин разговор с М.Я. в Берлине.
Октябрь — Наш разговор за чаем у д<окто>ра в Берлине.

1914 год

Январь — Наш разговор с М.Я. в Лейпциге.
Январь — Наш разговор с М.Я. в Берлине.
Февраль — Асин разговор с М.Я. в Дорнахе.
Июнь — Асин разговор с М.Я. в Дорнахе.
Июль — Наш разговор с М.Я. и д<окто>ром в Норд-Чёпинге.
Ноябрь — Наш разговор с д<окто>ром в Дорнахе (Д<окто>р дал медитации).

1915 год

Май — Наш разговор с д<окто>ром о книге моей[3]. Дорнах.
Июль — 2-ой разговор о книге у д<окто>ра в Дорнахе.
Сентябрь — Разговор Аси с д<окто>ром обо мне и Наташе. Дорнах.
Октябрь — Разговор с д<окто>ром у нас. Дорнах.
Декабрь — Мой разговор с д<окто>ром о Наташе. Дорнах.

1916 год

Июль — Разговор с Марией Яковлевной в «Bau» в Дорнахе.
Август — Разговор с д<окто>ром и чай у него en quatre (я, Ася, Наташа, Поццо).

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 2. Л. 7–7 об.). Впервые опубликовано Дж. Малмстадом в кн.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. Paris, 1990. С. 471–472.

Подробное изложение событий и переживаний, обозначенных в регистре, дается Белым в *МБ*.

[1] Символ розенкрейцерства.
[2] Анна Рудольфовна Минцлова.
[3] Подразумевается исследование «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», над которым Белый работал в 1915 г.

ОККУЛЬТНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

<1912 год>

Апрель

В начале апреля общий сон с Асей.

Серед<ина> апреля. Первая встреча.

Конец апреля. Вторая встреча.

Май

Поездка в Кельн.

Феномен во время чтения дневника с Эллисом (приход Доктора).

18 мая — цветы (феномен).

Июль

Начало (феномен при разговоре о Люц<ифере> и Аримане).

Начало. Сон о Докторе (помог). 20-е числа — Феномен со мной и явления с мышью.

20 — нев<ероятное?> присутствие на Starnberg See (я и Эллис)[1].

Август

Начало. Огонь *Ich*.

Середина (сон об эф<ирном> теле).

Октябрь

Весь октябрь ряд мелких феноменов.

Декабрь

Полувыхождение.

Сон о выхождении (сон не сон: отрывки из прошлых инкарнаций).

Выхождение (конец декабря).

<1913 год>

Январь

Выхождение (30 января н. ст.).

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 2. Л. 9 об.). Впервые опубликовано Дж. Малмстадом в кн.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. Paris, 1990. С. 473.

Подробное изложение некоторых переживаний, обозначенных в регистре, дается Белым в *МБ*.

[1] На побережье Штарнбергского озера (Starnberger See), в 30 км от Мюнхена, жил в то время Эллис, к которому приезжал Белый.

ПРОЕКТ РАСПИСАНИЯ ГОДА <ЗАНЯТИЙ АНТРОПОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА> <1918 год>

СЕНТЯБРЬ

20 пятница: Открытие собраний Антропософского Общества.
22 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной с 5-ти.
23 понедельник.
24 вторник: Собрание Антропософского Общества. Чтение курса: «Дети Христа и дети Люцифера». 1-ая лекция. Ровно в 7 часов.
25 среда.
26 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова в 7½ часов.
27 пятница: «Кружок Мистерий» в 7½ часов.
28 суббота: «Эвритмия» в 7 часов.
29 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной.
30 понедельник: Собрание А.О.: Беседа, касающаяся антропософских тем, общение членов на антропософские темы; вступление к беседе Б.Н. Бугаева: «Наши мысли, наши чувства, наша воля и наша антропософская работа в текущем полугодии». Ровно в 6 часов.

ОКТЯБРЬ

1 вторник: Собрание Общества. Чтение курса. 2-ая лекция.
2 среда.
3 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. В 7½ часов.
4 пятница: «Христианский кружок». В 5½ часов.
5 суббота: «Эвритмия» в 7 часов.
6 воскресенье: Вступительный кружок Маргариты Васильевны Волошиной с 5-ти.
7 понедельник: Кружок М.П. Столярова по «Философии Свободы».
8 вторник: Собрание Общества. Чтение курса. 3-ья лекция. Ровно в 7 часов.
9 среда.
10 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. В 7½ часов.
11 пятница: «Кружок Мистерий». В 7½ часов.
12 суббота: «Эвритмия» в 7 часов.
13 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной. С 5-ти.
14 понедельник: Лекция-беседа Б.Н. Бугаева: «О живоносном ручье европейской культуры». Ровно в 6 часов. Вход для всех желающих. Цена 2 рубля 50 коп.
15 вторник: Собрание Общества. 4-ая лекция курса. В 7 часов.

16 среда: Музыкально-вокальный вечер, посвященный Себастиану Баху. Вход для членов Общества, членов вступительного кружка с гостями. Цена 2 р. 50 коп.
17 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½ часов.
18 пятница: «Христианский кружок». 5½ часов.
19 суббота: «Эвритмия». 7 часов.
20 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной. 5 часов.
21 понедельник: Кружок М.П. Столярова по «Философии Свободы».
22 вторник: Собрание членов А.О. 5-ая лекция курса. 7 часов.
23 среда.
24 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½ часов.
25 пятница: «Кружок Мистерий». 7½ часов.
26 суббота: «Эвритмия». 7 часов.
27 воскресенье: Кружок М. Вас. Волошиной. 5 часов.
28 понедельник: Интимное собрание членов Общества, касающееся антропософских тем: вступление-беседа М.В. Волошиной: «О календаре доктора Штейнера, о наших антропософских задачах в связи с ритмом времени: октябрь». Хорошо бы, чтобы были беседы на темы прочитанных лекций со схемами.
29 вторник: Собрание Общества. 6-ая лекция курса.
30 среда.
31 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½ часов.

НОЯБРЬ

1 пятница: «Христианский кружок». 5 часов.
2 суббота: «Эвритмия». 7 часов.
3 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной. 5 часов.
4 понедельник: Кружок М.П. Столярова: «Философия Свободы».
5 вторник: Собрание Общества. 7-ая лекция курса.
6 среда.
7 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½ часов.
8 пятница: «Кружок Мистерий». 7 часов.
9 суббота: Эвритмия. 7 часов.
10 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной. 5 часов.
11 понедельник: Лекция Б.Н. Бугаева: «О короне любви и мистерии смерти в антропософском раскрытии».
12 вторник: Собрание Общества. 8-ая лекция курса.
13 среда: Музыкально-вокальный вечер, посвященный Шуберту. Цикл песен «Die schöne Mühlerin» в исполнении А.В. Сизовой.
14 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½ часов.
15 пятница: «Христианский кружок». 5 часов.
16 суббота. «Эвритмия». 7 часов.
17 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной. 5 часов.
18 понедельник: Кружок М.П. Столярова: «Философия Свободы».
19 вторник: Собрание Общества. 9-ая лекция цикла. 7 час<ов>.

20 среда.
21 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½ часов.
22 пятница: «Кружок Мистерий» 7½ часов.
23 суббота: Эвритмия.
24 воскресенье: Вступительный кружок Маргариты Васильевны Волошиной. 5 час.
25 понедельник: Собрание членов Общества, интимные беседы: «Дети Христа и Дети Люцифера». Интересен самостоятельный реферат на эту тему кого-нибудь. Разбор схем, начерченных ([Клавдия Николаевна]* Б.П. Григоров).
26 вторник: Собрание Общества. 10-ая лекция курса. 7 час<ов>.
27 среда.
28 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½.
29 пятница: «Христианский Кружок». 7½ часов.
30 суббота: Эвритмия. 7 часов.

ДЕКАБРЬ

1 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной. 5 часов.
2 понедельник: Лекция М.П. Столярова: «Философия Свободы».
3 вторник: 1-ая лекция курса: «Мистерии Востока и Запада». 7 ч.
4 среда.
5 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½.
6 пятница: «Кружок Мистерий». 7½ ч.
7 суббота: «Эвритмия». 7 час<ов>.
8 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной.
9 понедельник: Лекция Б.Н. Бугаева (Андрея Белого). [«“Странник и его тень” как этап посвящения»] «Зимнее странствие [: Странник и тень], ночь: полуночное солнце культуры». Цена 2½ рублей. Для всех.
10 вторник: Лекция курса: «Мистерии Запада и Востока». 2-ая лекция курса.
11 среда: Музыкально-вокальный вечер, посвященный Шуберту: «Цикл “Winterreise” в исполнении А.В. Сизовой». Цена 2½ рублей.
12 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½.
13 пятница: Христианский кружок. 7½ ч.
14 суббота: «Эвритмия». 7 часов.
15 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной. 5 ч.
16 понедельник: Лекция Михаила Павловича Столярова: «Философия Свободы».
17 вторник: Курс «Мистерии Востока и Запада». 7 ч. (3-ья лекция).
18 среда.
19 четверг: Вступительный кружок Б.П. Григорова. 7½.
20 пятница: «Кружок Мистерий».
21 суббота: Эвритмия. 5 ч.
22 воскресенье: Вступительный кружок М.В. Волошиной. 5 час.

---

* *Здесь и далее квадратными скобками обозначен зачеркнутый в автографе текст.*

23 понедельник: Беседа: членов Антропософского Общества: на тему *ритма времени* и 12-ти дней; слово [М.В. Волошиной] Т.Г. Трапезникова: «О мистерии Доктора и мистерии человеческих отношений». [Б.Н. Бугаев: «Наши мысли, чувства и воленья»].
24 вторник: Мистерии Востока и Запада. 4-ая лекция.
25 среда.
26 четверг: Сочельник.
27 пятница: «Кружок Мистерий».
28 суббота.
29 воскресенье.
30 понедельник: М.П. Столяров.
31 вторник.

Расписание

Понедельники: 28-го сентября, 26-го октября, 23-го ноября и 21-го декабря посвящены совместным беседам членов Общества: здесь члены могут делать свои сообщения, ставить вопросы, приносить и делать предметом обсужд<ения> схемы, рисунки, наброски, а также обсуждать интимно запросы св<оей> антр<опософской> работы. Кроме того 28 сентября Б.Н. Бугаев делает вступл<ение> к беседе на тему: «Наши мысли, наши чувства, наша воля и наша работа в текущем полугодии». 26 октября М.В. Волошина делает вст<упление> к беседе на тему: «О календаре и нашей работе в связи с ритмом времени: Октябрь». 23 ноября беседа Б.П. Григорова на тему: «Дети Христа и дети Люцифера». 21 декабря беседа вступл<ение> Т.Г. Трапезникова: «Предстоящие нам 12 дней».
Понедельники: 5 и 19 декабря, 2, 16 и 30 октября и 14-го <и> 28 декабря посвящены курсу М.П. Столярова «Философия Свободы Р. Штейнера».
Понедельники: 12 октября. Лекция Б.Н. Бугаева (Андр<ея> Белого): «О живоносном ручье европейской культуры». Вход всех желающих. Цена <…>* рублей.
9 ноября. Лекция Б.Н. Бугаева: «О короне любви и мистерии смерти в антроп<ософском> раскрытии». Цена <…>** рублей.
7 декабря. Лекция Б.Н. Бугаева (А. Белого) «Зимнее странствие: Ночь. Полуночное солнце». Цена <…>*** рублей.
Вторники: 22, 29 сент<ября>, 6, 13, 20, 27 окт<ября>, 3, 10, 24 ноября: Цикл лекций «Дети Христа и дети Люцифера»; 1-го, 8, 15 и 22 декабря: Цикл лекций: «Мистерии Востока и Запада».
Среды: 14 окт<ября>. Музыкально-вокальный вечер, посвященный Себастиану Баху. (Исполн<ительница> А.В. Сизова).

---

* *Число вымарано.*
** *Число вымарано.*
*** *Число вымарано.*

11 ноября. Музыкально-вокальн<ый> вечер, посвященный Шуберту, между прочим: цикл песен «Die schöne Mühlerin» (исполн<ительница> А.В. Сизова).

9 декабря: Музыкально-вокальн<ый> вечер, посвященный Шуберту: цикл песен: «Winterreise».

Четверги: 24 сент<ября>, 1-го, 8-го, 15, 22, 29 окт<ября>, 5, 12, 19, 26 ноября, 3-го, 10, 17 декабря: Вступительный кружок Б.П. Григорова.

Пятницы: 25 сентября, 9, 23 октября, 6, 20 ноября, 4-го, 18 декабря. «*Кружок мистерий*».

2, 16, 30 октября, 13, 27 ноября, 11 декабря. «Христианский кружок».

Субботы: 26 сентября, 3, 10, 24, 31 октября, 7, 14, 21, 28 ноября, 5, 12, 19 декабря: Эвритмия. 26 декабря (Рождество): Эвритмический вечер: «Рождественская лекция».

Воскресенья: 27 сент<ября>, 4, 11, 18, 25 октября, 1, 8, 15, 22 ноября, 6, 13, 20 декабря, 27 декабря: *Вечер, посвященный мистериям д<окто>ра Штейнера.**

Учредительное <?>** собрание: суббота 17 октября и воскресенье 29 ноября К.Н. Васильева: «Карма и перевоплощение» и среда 23 декабря: «Антропософия и мистерии».

Запись на эвритмию. 10 рублей.
Запись на лекции М.П. Столярова: 14 рублей.
Запись на Музыкально-вокальн<ые> вечера: 6 рублей.
Запись на лекции Б.Н. Бугаева: 6 рублей.
Если эвр<итмический> кружок 10 человек = 100 рублей.
Если круж<ок> М.П. Столярова = 15 чел<овек> = 200 рублей.
Если Муз<ыкально->вок<альные> вечера 50 чел<овек> = 300 р.
Если лекц<ии> Б.Н. Бугаева 50 чел<овек> = 300 р.

900 рублей

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 17). Впервые в неполном виде опубликовано Дж. Малмстадом в кн.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. Paris, 1990. С. 474–476.

Однозначно раскрываемые сокращения в автографе Белого («Собр<ание> О<бщест>ва» и т.п.) в тексте не обозначаются. В автографе наличествуют два ряда датировок – первоначальные (т.е. заранее запланированные) и исправленные; в публикуемом тексте приводятся только исправленные – т.е., вероятно, соответствующие действительности – даты занятий и заседаний.

---

* *Вписано над следующей строкой*: (реферат [М.П. Столярова:] В.О. Анисимов<ой> «Антропософия и соц<иальный> вопрос»)

** *В автографе в начале слова описки.*

СПИСОК НАПИСАННЫХ КНИГ

1900 год[1].	Северная симфония.	120 стр.
1901 год.	Драматическая симфония.	200 стр.
1902 год.	Возврат.	132 стр.
1903 год.	Золото в лазури.	260 стр.
1904 год. 1905 год.	Главным образом писались статьи.	
1906 год.	Кубок метелей.	260 стр.
1907 год.	Кубок метелей.	
1908 год.	Пепел.	260 стр.
	Урна.	123 стр.
1909 год.	Серебряный голубь.	320 стр.
	Символизм.	600 стр.
1910 год.	Луг зеленый.	200 стр.
1911 год.	Арабески[2].	500 стр.
	Путевые заметки[3].	500 стр.
1912 год.	Путевые заметки.	
1913 год.	Петербург[4].	560 стр.
1914 год.	Петербург.	
1915 год.	Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении наших дней[5].	400 стр.
1916 год.	Моя жизнь[6].	700 стр.
1917 год.	Книга статей[7].	
1918 год.	Философия Рудольфа Штейнера[8].	
1919 год.	Книга стихов[9].	

Поэзия

Золото в лазури
Пепел
Урна
Прибои[10]
} 2 тома

Северная Симфония
Драматич<еская> Симфония
Возврат
Кубок метелей
} 3 том

Теория

Путевые заметки. 4 том
Луг зеленый.
Арабески. 5 т<ом>
Книга статей.
} 3 том<а>
Символизм. 6 т<ом>
Р. Штейнер и Гёте. 7 т<ом>
Философия Р. Штейнера. 8 т<ом>

Романы

Петербург. 10 т<ом>
Серебряный голубь. 9<?> том
Моя жизнь. 11 и 12 том

ПОДЛИННО

1900. «Северная симфония»
1901. «Драматическая симфония»
    1-ая и <2-ая> часть «Возврата»
1902. 2 и 3-ья часть «Возврата» Первая
    редакция «Кубка Метелей»
1903. «Золото в лазури»
    Статьи
    Вторая редакция «Кубка Метелей»
1904. Статьи.
    Потерянная поэма «Дитя-солнце»
1905. Третья редакция «Возврата»
1906. Окончательная редакция «Кубка
    Метелей»
    Статьи, стихи
1907. Статьи, стихи: окончание «Кубка
    Метелей»
1908. Статьи
    «Пепел»
    «Урна»
1909. «<Серебряный> Голубь»
    «Символизм»
1910. «Луг зеленый»
    Статьи
1911. «Путевые заметки»
    Статьи
    Начало «Петербурга»
1912. Продолжение «Петербурга»
    Статьи
1913. Окончание «Петербурга»
1914. Начало книги «О науке»[10]
1915. «Рудольф Штейнер и мировоззрение наших дней»
<1916> Начало «Моей жизни»

М.И. Поляков. Сенатор Аблеухов
Иллюстрация к роману Андрея Белого
«Петербург»
Ксилография. Авторский оттиск. 1934
ГМП

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в ГЛМ (Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 25. Оф 6322).

Регистр составлен, по всей вероятности, в 1916 г. (в записях, датированных последующими годами, фигурируют неосуществленные издания) и связан с подготовкой собрания сочинений в трех сериях (договор с издателем, В.В. Пашуканисом, был заключен в начале сентября 1916 г.; см. примеч. 962 к *РД*); в пользу этого предположения свидетельствует распределение произведений по томам в рубрике «Поэзия. Теория. Романы».

[1] В левом столбце указаны годы написания произведений или подготовки отдельных изданий. Количество страниц в изданных книгах (в правом столбце) почти во всех случаях указано неточно.

[2] Выше перечислены книги Андрея Белого, вышедшие отдельными изданиями: «Северная симфония (1-я, героическая)» (М.: Скорпион, 1904), «Симфония (2-я, драматическая)» (М.: Скорпион, 1902), «Возврат. III симфония» (М.: Гриф, 1905), «Золото в лазури» (М.: Скорпион, 1904), «Кубок метелей. Четвертая симфония» (М.: Скорпион, 1908), «Пепел» (СПб.: Шиповник, 1909), «Урна. Стихотворения» (М.: Гриф, 1909), «Серебряный голубь. Повесть в 7-ми главах» (М.: Скорпион, 1910), «Символизм. Книга статей» (М.: Мусагет, 1910), «Луг зеленый. Книга статей» (М.: Альциона, 1910), «Арабески. Книга статей» (М.: Мусагет, 1911). Из осуществленных ко времени составления списка отдельных изданий пропущена брошюра «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (М.: Мусагет, 1911).

[3] Ко времени составления регистра эта книга отдельным изданием опубликована не была. См. примеч. 670 к *МБ*, примеч. 1144 к *РД*.

[4] Первое отдельное издание романа «Петербург. Роман в 8-ми главах с прологом и эпилогом» (<Пг.>: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916).

[5] Имеется в виду книга «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том "Размышлений о Гёте"» (М.: Духовное знание, 1917).

[6] Из задуманного многотомного автобиографического цикла под этим заглавием в 1916 г. был написан только роман «Котик Летаев», опубликованный в 1917–1918 гг. в двух выпусках сборника «Скифы». Указанное в правом столбце количество страниц явно предполагает объем не только «Котика Летаева», но и задуманных последующих частей цикла.

[7] В 1917 г. такая книга не была издана, нет конкретных сведений и о ее подготовке к печати.

[8] Книга на указанную тему написана не была.

[9] Стихотворения Белого, написанные после выхода в свет книг «Пепел» и «Урна», составили два сборника – «Королевна и рыцари. Сказки» (Пб.: Алконост, 1919) и «Звезда. Новые стихи» (Пб.: ГИЗ, 1922; макет неосуществленного издания: М.: Альциона, 1919).

[10] Книга под таким заглавием написана не была, рукописные материалы, относящиеся к работе над нею, не выявлены.

НАПИСАННЫЕ И НЕНАПЕЧАТАННЫЕ РУКОПИСИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

1) *«Тунисия и Египет»* — 2-ой том *«Путевых заметок»*. 1911 год. Исправлена и дополнена в 1919 году. Набор в гранках[1].

Оглавление второго тома:

Гл. 1-ая. Культура Тунисии.
Гл. 2-ая. Дорога в Кайруан.
Гл. 3-ья. Пред Кайруанской стеной.
Гл. 4-ая. Сговоры.
Гл. 5-ая. Кайруан.
Гл. 6-ая. Аглебиты (к истории Кайруана)[2].
Гл. 7-ая. Тонкий соблазн.
Гл. 8-ая. Кайруанское кафэ[3].
Гл. 9-ая. Дервиш[4].
Гл. 10-ая. Старинное.
Гл. 11-ая. Мороки.
Гл. 12. Карфаген.
Гл. 13. Сиду-бу-Саид.
Гл. 14. «*Двадцать две*» Франции (к истории завоевания фр<анцузского> Судана)[5].
Гл. 15. Вновь Радес.
Гл. 16. Али Джалули[6].
Гл. 17. На «*Carthage*».
Гл. 18. Валетта.
Гл. 19. «*Arcadia*».
Гл. 20. Порт-Саид.
Гл. 21. До Каира.
Гл. 22. «*Xáxa*».
Гл. 23. Каир.
Гл. 24. Вблизи города.
Гл. 25. Нил.
Гл. 26. Кварталы Каира.
Гл. 27. Арабская уличка.
Гл. 28. Толпа.
Гл. 29. Мечети[7].
Гл. 30. Султаны Египта (истор<ический> экскурс)[8].
Гл. 31. Каир с Цитадели.
Гл. 32. Принильский Каир.
Гл. 33. Каср-Ешь-Шемах.
Гл. 34. Каирские центры[9].

Гл. 35. Течение Нила[10].
Гл. 36. Экваториальная Африка[11].
Гл. 37. Аххуд-Куфу и Уэр-Кхафра.
Гл. 38. Приближение к пирамидам.
Гл. 39. У пирамидного бока.
Гл. 40. Сфинкс.
Гл. 41. Египет.
Гл. 42. Вновь пирамиды.
Гл. 43. На пирамиде.
Гл. 44. Музеи Каира[12].
Гл. 45. Мемфис[13].
Гл. 46. Гробницы Аххутхотепа и Ти. Серапеум.
Гл. 47. По пустыне.
Гл. 48. У Сфинкса.
Гл. 49. Лорды.
Гл. 50. Последнее впечатление.
Гл. 51. Эпилог.

2) «*Кризис сознания*». Рукопись 1920 года[14].

Оглавление:

Философ-чудак. Что есть философия. Древний философ. Наука и знание. Платон. Проблема Софии. Проблема антроподицеи. Сюнархия. Восточная мысль. Проблема культуры. «*Слово*» в культуре. Культура сознания. Самосознание. Проблема «*Само-*» (Атмана) в Индии. Фигура культуры. Культура духа. Культура «*Я*». Евангелие, как драма. Петр и Павел. Апостол самосознания. Павел и Ницше. Кризис сознанья и Павел. Наш путь. Культура и индивидуум. (120 фрагментарных главок). *Около 8 печатных листов.*

3) «*Лев Толстой и кризис сознания*». Рукопись 1920 года. *Около 5 печатных листов*[15].

Оба кризиса должны были, по автору, выйти как отделы *тома*, озаглавленного «*Кризис сознания*».

Части проектированного «Кризиса»

1) «Кризис жизни»
2) «Кризис мысли»
3) «Кризис культуры»
} напечатано[16].

4) «*О ритмическом жесте*». Исследование. Рукопись 1917 года. *От 4½ – 5 печ. листов*[17].

5) «*Начало Века*». (Эпоха от 1901 до 1912 годов)[18].
Том I-ый (эпоха раннего символизма).
Том II-ой (1905–1908 годы).
Том III-ий (1908–1912 годы).

Автор думал написать 5 томов, доведя повествование до 1921 года. В четвертом томе он намеревался дать очерк быта Европы, а также и духовных течений Европы пред войной и в первые годы войны; там должна была <быть> очерчена фигура Рудольфа Штейнера приблизительно так, как в предыдущих томах очер-

чен Блок. Том должен был обнимать эпоху 1912–1916 годов. В пятом томе автор хотел зарисовать революционную эпоху (1917–1921 годы).

Но по независящим от автора обстоятельствам были написаны лишь 3 тома, обнимающие от 70 до 75 печ. листов. Но и эти томы, долженствовавшие выйти в издательстве «Эпоха» (Берлин), постигла неудача. Первый том был набран в Берлине в 1923 году. Он существует в матрицах. Но вследствие *«краха»* издательства и перепродажи им рукописи другому издательству (уже после отъезда автора в Россию) у автора не осталось рукописи этого тома; при всем усилии вернуть ее — вследствие неряшливого отношенья *«наследников»* издательства *«Эпоха»* к праву автора автору не удалось получить имевшихся гранок набора.

Второй том находится у Р.В. Иванова[19].

Ремингтон третьего тома находится у автора.

Оглавление третьего тома «*Начало Века*»:

Часть I-ая. *Москва* эпохи 1907–1908 годов.

Главы:

1) *Арбат* (55 страниц ремингтона).
2) *Ноябрьские впечатления Москвы* (стр. 56–89 ремингтона). (Волошин, Иванов, «*Литер<атурно->Худ<ожественный> кружок*», П.Д. Боборыкин, Эллис, Брюсов и двое рабочих)[20].
3) *Эмилий Карлович Метнер* (стр. 89–111 ремингтона). (Проблема культуры; дух музыки; история одной дружбы).
4) *«Дом Песни»* (стр. 111–146 ремингтона). (Оленина-д'Альгейм. П.И. д'Альгейм. Как я участвовал в истории возникновения «*Дома Песни»*. Мой неудачный дуэт с Олениной. «*Дом Песни*» и «*Дом Метнеров*»: французы и немцы в Москве. И.С. Щукин).
5) *«Московские декаденты»* (стр. 146–175 ремингтона). (*«Скорпион–Весы»*. Быт редакции. С.А. Поляков. Ю.К. Балтрушайтис. Ликиардопуло. В.Я. Брюсов. Конфликт с «Русской Мыслью»).
6) «*Культур-трэгеры*» (стр. 175–197 ремингтона). (Профессор Л.М. Лопатин. Академическая философия и мои «*контроверзы*» с ней. Г.Г. Шпетт).
7) «*Центральная станция*» (стр. 197–207 ремингтона). (Н.А. Бердяев).
8) *М.О. Гершенсон* (стр. 208–219).
9) *Рачинский, Булгаков* (стр. 220–249 ремингтона). (Московский переулок района Пречистенки. Московский *«Дамаскин»*. Как я стал членом совета «Моск<овского> Рел<игиозно–> Фил<ософского> О<бщест>ва». С.М. Соловьев и Рачинский. Кружок С.М. Соловьева. Рачинский и Эллис. С.Н. Булгаков; *«Бергаковы»*. Заседания Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва).
10) *Морозова* (стр. 249–263 ремингтона).
11) *Невеселой весною* (стр. 264–269 ремингтона).

Часть II-ая. «*Сказка*» пути.
Главы:
1) *Трагедия трезвости* (стр. 1–16 ремингтона). (Тема «*разуверенья*» у Блока; и мое «*разуверенье*» в себе и в Блоке).
2) *На перевале* (стр. 17–40). (Весна 908 года. Метнер в «*Серебряном Колодце*». «*Дедовский*» быт. Жюри в «*Доме Песни*». В.В. Розанов. Теософы).
3) *Минцлова* (стр. 40–68). (Характеристика. Мои отношения к Минцловой. В. Иванов, Минцлова, я. Бобровка).
4) *Опять Минцлова* (стр. 68–84). (История одного безумия).
5) *Оскалилось!* (стр. 84–113). («*Розенкрейцеры*» в Москве. История возникновения «*Мусагета*»).
6) *Башня* (стр. 113–135). (О Вячеславе Иванове).

Часть III-я. У второго порога.
Главы:
1) *Поворот к встрече* (стр. 14 ремингтон<а>).
2) *Случай с Минцловой* (стр. 4–12 рем<ингтона>).
3) *Встреча с Блоком* (стр. 12–20).
4) *Блок в Москве* (стр. 20–29).
5) *Время разочарований* (стр. 29–41).
6) *В глухом ресторанчике* (стр. 42–60).
7) «*Любовь и Россия*» *в третьем томе у Блока*. (Опыт характеристики) (стр. 60–82).
8) *Двойники* (стр. 82–113).
9) *Предотъездные дни* (стр. 114–125).
10) *Бельгия* (стр. 126–153). (Жизнь в Брюсселе. Встреча со Штейнером в Кёльне).
Гл. 11) *Русские символисты* (стр. 153–180). (Опыт подведения итогов о русской «*школе*» символистов; подведение итогов дается не в призме эпохи написания, т.е. 1923 года, а в призме 1912 года; автор зарисовывает свой взгляд на символистов эпохи 12 года).
Гл. 12) *У Штейнера* (стр. 181–192, ремингтон).
13) *Базель – Фицнау – Штуттгарт – Берлин* (стр. 193–209).

Считаю, что один третий том «*Начала Века*» обнимает не менее 560 ремингтонных страниц.

В рукописи «*части*» названы «*главами*»; но я предпочитаю их назвать «*частями*»; таких частей в трех томах 10.

6) «*Петербург*» (драма). (Первоначальный текст, а не текст МХАТа II-го). Рукопись. 1924 года[21].
7) «*Москва*» (драма). Рукопись у автора (а не текст «Тима»). 1926 год[22].
8) «*Основы моего мировоззрения*». Брошюра. Рукопись. 1922 года[23].
9) «*Пушкин и мы*». Не правленная стенограмма лекции; хаос вместо текста лекции. Лекция читана в 1925 году в Москве и в Киеве[24].

Недоработанные черновики

10) «*История становления самосознающей души в пяти последних столетиях*»[25].

Очерк философии европейской культуры.

Сочинение в целом написано, но в нем есть недоработанные части; неразборчиво написанный текст со множеством вставок и вставок во вставки; во всем этом хаосе разберется лишь автор.

Рукопись 1926 года.

Оглавление:

Главы: 1) *Личность в античном периоде.*

(Обнимает собою 76 писанных страниц; наиболее непроработанная глава; вся в надставках; ее содержание: исторический ритм; архаическая Греция; ее быт, мифология; Дионис; рожденье души рассуждающей; античная пластика; пятый век; александрийский период; геометрическая пластика; Рим; римское право; «*Cives*»; цивилизация; алгебра; упадок; Павел в проблеме самосознающей души; душа самосознающая, как «*зачаток*» в античном периоде).

2) *Средневековье* (80 писанных страниц с целым рядом вставок).

Содержание: От пятого века к Каролингам. Картина мрака по Григорию Турскому. Начало схоластики. Общий очерк тенденций средневековой мысли; Средневековье, как период беременности античной души, ставшей плотью, питающей зародыша (душу самосознающую); отсюда: учение о «*двойной истине*», как отражение двойной жизни (*вера* и *разум*). 9-ый век. Десятый век. Одиннадцатый век. Проблема папства. Ансельм. Номинализм. Двенадцатый век. Абеляр. Духовное рыцарство. Культура походов. Конец средневековья.

3) *Возрождение* (10 страниц).

Общее введение: начало 14 века.

4) *Рождение новой души* (12 страниц).

Душа рассуждающая и самосознающая: личность и индивидуум; становление «*индивидуума*».

5) *Природа индивидуального.* 18 писанных страниц.

Пятнадцатый век. Проблема человека, как космической композиции; глава индивидуума и «*купол*» ренессанса. Проблема композиции индивидуума в истории изобразительных искусств. Гуманизм, как фабула композиционных заданий.

6) *Явление «природы» в 16-ом веке.* 14 страниц.

Горечь поворота на себя самого; распад храма: храм неба; астрономическая композиция; изменение всех рельефов земли и неба (зрение новорожденной души); география; открытие «*Нового Света*». Символика этого открытия. Америка и Европа.

7) *Шестнадцатый и семнадцатый века.* 8 страниц.

Проблема интеллекта в росте точных наук.

8) *Восемнадцатый век.* 13 страниц.

Общая характеристика. Рационализм. Трещина в середине души. Государственность. Музыка.

9) *Третье сословие и дух музыки.* 23 страницы.

Генезис сословий: первое, второе и третье сословие; от жреца — к воину; от воина — к рыцарю; от рыцаря к авантюристу; от авантюриста к капиталисту. Проблема политической революции и Наполеон в «духе музыки».

10) *Гегель.* 10 страниц.

11) *Гёте.* 11 страниц.

12) *Кант.* 23 страницы.

Кант, как гений; и Кант, как мертвец; Кант и неокантианцы (прыжок в будущее).

13) *Девятнадцатый век.* 4 страницы.

Несколько вводительных слов.

14) *Шопенгауэр.* 8 страниц.

15) *Проблема «Само-».* (Проблема тела). 32 писанных страницы.

16) *«Восток» и Ницше.* 11 страниц.

17) *Теософия.* 14 страниц.

18) *Вагнер.* 12 страниц.

19) *Реализм: Гоголь, Достоевский.*

Разрешение в символическом реализме проблем *«само»*, тела, души и духа. Гоголь и Достоевский, как иллюстрация проблем роста самосознающей души в ее пути кризиса.

25 страниц.

20) *Толстой.* 31 страница.

Толстой, как реалист; проблема работы над астралом самосознающей души.

21) *Душа самосознающая в русской поэзии.* 13 страниц.

22) *Социология и математика.* 30 страниц.

23) *Идея трансформизма.* 10 страниц.

До сих пор дается генезис самосознающей души; и процессы ее становления в ряде силуэтов (в столетьях, в отдельных личностях и в отдельных научно-философских и художественных тенденциях).

Эта часть сочинения — черновик, взывающий к доработке, частью к переработке.

Следующая часть (в чистовике 191 писанных страниц) вполне *отработана*; но она с недописанным кончиком. В ней дается философия культуры *«новой души»*; она должна бы была составить третью часть книги: *первая часть*, или главы 1–9, живописует *«историю становления самосознания»*; *вторая* часть, или главы 10–23, дает самосознающую душу в ряде силуэтов; третья часть рисует *душу самосознающую* уже в ее сущности и по-новому опять освещает некоторые явленья истории.

Душа Самосознающая (или «Третья часть»).

Главы:

24) *Душа ощущающая и душа рассуждающая в свете души самосознающей.*

Сознание родовое в архаической Греции; отрыв от рода: личность; аристократия и демократия; проблема античной трагедии в *«личине»* личности.

25) *Душа самосознающая.*

Она — воля в мысли; проблема свободы воли; личность, как конец рода и индивидуум, как *«антирод»*; индивидуум — коллектив личностей.

26) *Познание и чувство в самосознании.*

Конкретность мысли; внимание; вера, как воля; рационализм и сантиментализм в сфере самосознания.

27) *Душа и история.*

28) *Самосознанье и дух свободы.*

29) *Душа самосознающая, как композиция.* (Или: фас души).

Объяснение идеи *композиции.* Композиция в проблеме познания, как теория знания; проблемы причины, цели и смысла в композиции; композиция в математике; число; композиция в физике; композиция в изобразительном искусстве; композиция в химии. Композиция, как *«карма»*.

30) *Символы веры и знания в самосознании.*

Разбор никейского символа веры с точки зрения идеи композиции.

31) *Идея вариационности в композиции.*

Догматизм и диалектика вариационности; диалектика триады, тетрады, гектады; тема в вариациях, как перевоплощение.

32) *Самопознающая душа, как тема в вариациях* (или — Профиль души).

Вариации композиций; их диалектика в истории становления сам<осознающей> души. Понятие времени. Время, как ритм. Музыка.

33) *Лирика, как тема в вариациях.*

Философия ритмического жеста.

34) *Научный принцип, как тема в вариациях.*

35) *Тип, или Тема в вариациях, как трансформизм.*

36) *Трансформизм.*

37) *Биологический трансформизм в трансформизме души самосознающей.*

38) *От трансформизма к символизму.*

39) *Символизм.*

Отработана лишь часть главы; конец ее в первоначальном черновике.

40) *Антропософия. 28 страниц.*

41) *Духовное знание.*

Глава лишь начата.

Последней главы нет.

Считаю, что рукопись (черновик — *«минус» переписанная часть, «плюс»* переписанная часть) составляет:

1-ая часть — 265 пис<анных> стр<аниц> (1–9 главы),
2-ая часть — 234 пис<анных> стр<аницы> (10–23 гл<авы>),
3-ья часть — 219 стр<аниц> (24–40 гл<авы>).

709 страниц

11) Необработанный материал, записанный в *«Дневнике»,* к книге *«Рудольф Штейнер. Опыт живописания»*[*26].

12) Приготовленный материал для печати: ракурс *«Пепла»*: часть стихотворений переработано. Рукопись у автора[27].

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РНБ (Ф. 60. Ед. хр. 31. Л. 2–12 об.). На л. 12 об. — приписка Д.М. Пинеса: «Список составлен по моей просьбе. Но когда — не помню... Дм. Пинес». Там же — предполагаемая датировка: «1927? Осень».

[1] По наборному тексту, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 15), опубликовано С. Ворониным (под заглавием «Африканский дневник») в кн.: Российский архив. Вып. I. М., 1991. С. 330–454. В опубликованном тексте отсутствует нумерация глав. Ниже приводятся заглавия в опубликованном тексте, отличающиеся от приводимых в регистре.

[2] Подзаголовок (в скобках) отсутствует.

[3] Заглавие: «Кафе».

[4] Разделено на две главы: «Дервиш», «Кобра».

[5] Подзаголовок (в скобках) отсутствует.

[6] Разделено на две главы: «Али Джалюли», «Знакомство с Али Джалюли».

[7] Заглавие: «Форма мечетей».

[8] Подзаголовок (в скобках) отсутствует.

[9] Заглавие: «Центры».

[10] Заглавие: «Течение».

[11] Разделено на две главы: «Экваториальная Африка», «Сады».

[12] Заглавие: «Музей».

[13] Разделено на две главы: «Мемфис», «Саккара».

[14] Текст этой книги (4-я часть цикла «На перевале») сохранился в архиве Андрея Белого в автографе (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 65) и в авторизованной машинописи (Там же. Ед. хр. 64).

[15] Текст этой книги (под заглавием «Лев Толстой и культура сознания») сохранился в архиве Андрея Белого в автографе (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 81).

[16] Напечатано отдельными брошюрами как трехчастный цикл под общим заглавием «На перевале» (Пб.: Алконост, 1918–1920), переиздано отдельной книгой: «На перевале» (Берлин; Пб.; М.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923).

[17] См. примеч. 35 к своду «Работа и чтение».

[18] См. примеч. 1367 к *РД*.

[19] В сохранившейся части архива Р.В. Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79) машинопись «берлинской» редакции «Начала века» отсутствует.

[20] Здесь и далее пояснения в скобках, раскрывающие содержание главы, в тексте воспоминаний отсутствуют. Нумерация страниц, обозначенная в машинописных текстах книги, хранящихся в РГАЛИ и РНБ, с указываемыми в настоящем регистре не совпадает: так, данная глава – на страницах 52–84. Нумерация глав отсутствует. См.: *Андрей Белый.* Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подгот. А.В. Лавров. СПб., 2014 («Литературные памятники»).

[21] Первоначальный текст (исходная авторская редакция) драмы «Петербург» сохранилась (в дефектном и неполном виде) в рукописи (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. Ед. хр. 25) и в неавторизованной машинописи (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 19). Сокращенная сценическая редакция текста, предназначенная для постановки в МХАТ 2-м, сохранилась в архивах М.А. Чехова (РГАЛИ. Ф. 2316. Оп. 1. Ед. хр. 2), С.Г. Бирман (РГАЛИ. Ф. 2046. Оп. 1. Ед. хр. 1) и Андрея Белого (РГАЛИ. Ф. 53.

---

[*] *Далее вымарано*: 12) Летучие наброски к теме *«Кавказ»* (запись в *«Дневнике»*).

Оп. 1. Ед. хр. 20). Осуществлены два издания первоначального текста драмы: *Андрей Белый.* Гибель сенатора (Петербург). Историческая драма / Ред. и послесл. Дж. Мальмстада. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1986; *Андрей Белый.* Петербург. Историческая драма / Подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. Вступ. статья А.В. Лаврова и Дж. Малмстада. М., 2010.

[22] «Тим» – Театр имени Мейерхольда. Предполагавшаяся в нем постановка драмы «Москва» не осуществилась. Первоначальная редакция сохранилась в архиве Андрея Белого (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 35). Там же – вторая редакция (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 3. Ед. хр. 3), написанная с учетом задуманных сценических решений В.Э. Мейерхольда. См. примеч. 1522 к *РД*.

[23] См. примеч. 53 к своду «<Материалы к биографии. 1918–1927>».

[24] См. примеч. 1457 к *РД*.

[25] См. примеч. 1484 к *РД*.

[26] См. примеч. 1521 к *РД*.

[27] Подразумевается книга «Пепел» в редакции 1925 г., сохранившаяся в архиве Андрея Белого: «Пепел. Избранные стихи 1904–1908 гг.» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 8). Позднее во вновь переработанной редакции книга вышла в свет: *Андрей Белый.* Пепел. Стихи. М.: Никитинские субботники, 1929.

СПИСОК ПРОПАВШИХ ИЛИ УНИЧТОЖЕННЫХ АВТОРОМ РУКОПИСЕЙ

1) Две песни поэмы *«Дитя-Солнце»,* обнимавшие более 2000 стихов (ямбы, белый стих, написанный неравностопными строками); поэма должна была заключать 3 песни; третья песнь была не написана; в свое время поэма читалась С.М. Соловьеву и А.А. Блоку; пропала весной 1907 года[1].

2) Материалы черновые ряда глав сочинения *«Система символизма»* (не дописанного); переработанный отрывок из этих материалов являет собой *«Эмблематику Смысла»*; другой отрывок являет собой статью *«Смысл Искусства»*[2]; обе статьи — куски написанного; эти материалы писались в 1904–1905 годах; автор все искал случая переработать материалы в философскую систему; вместо системы в 1909 году спешно пришлось выкроить из материалов две статьи для книги *«Символизм»*. Эти материалы затерялись в заторе старых рукописей; в 1918–1919 годах автор сжег рукописи; и вместе с ними нечаянно сжег *«Материалы»*.

3) *«Симфония»*, предшествующая по времени написания *«Северной Симфонии»*; в 1903–1905 годах автор сжег рукопись, как недоношенное, юношеское произведение (эпоха написания — лето 1899 года)[3].

4) Заново переработанный материал стихов *«Золота в Лазури»,* приготовленный к печати в виде сборника *«Зовы времен»* и уже сданный в набор издателем; рукопись исчезла при аресте издателя, Пашуканиса[4].

5) Две юношеские драмы, уничтоженные автором (эпоха написания — 1897 и 1898 годы)[5].

6) Черновик большого критического исследования *«Творчество Генрика Ибсена»*. Эпоха написания — 1899 год (весна).

7) Все стихотворения, написанные в эпоху от 1896 до 1899 года (уничтожены автором)[6].

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РНБ (Ф. 60. Ед. хр. 31).

[1] Подробнее об этом произведении см. главку «Дитя-Солнце» в *МДР* (С. 21–24).

[2] Обе статьи впервые опубликованы в книге Андрея Белого «Символизм» (М., 1910).

[3] В архиве Андрея Белого сохранился черновой текст этого произведения (РГБ. Ф. 25. Карт. 2. Ед. хр. 4. 22 лл.), по которому осуществлена его публикация (*Лавров А.В.* Юношеская художественная проза Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981. Л., 1981. С. 126–137. См.: *Андрей Белый.* Симфонии. Л., 1991. С. 420–441).

[4] См. примеч. 30 к своду «Работа и чтение».

[5] Эти произведения Белый характеризует в автобиографическом письме к Иванову-Разумнику от 1–3 марта 1927 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 487).

[6] Часть стихотворений Белого указанного периода сохранилась в его рабочей тетради под рубрикой «Лирические отрывки (в стихах)» (РГБ. Ф. 25. Карт. 1. Ед. хр. 1). См.: *СП–2.* С. 423–445.

К «УКАЗАТЕЛЮ» КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОБО МНЕ

Не могу дать никаких точных указаний. К сожалению своему, в течение всей 25-летней литер<атурной> деятельности вел себя легкомысленно в этом отношении; статей и рецензий о себе не собирал, их не наклеивал в отдельных альбомах; тотчас же забывал заглавия статей обо мне и журналов, где они были напечатаны; и даже авторов статей далеко не всех помню. Сейчас, не имея под руками даже книг о себе, не могу быть точен в этом отношении; поэтому мои указания свелись бы лишь к приблизительному упоминанию, кто, когда и где писал обо мне.

Разумеется — почти все то, что писалось обо мне в провинции и за границей, мне неведомо; или ведомо по слухам.

Тем не менее попытаюсь вспомнить: по порядку.

Дружественная критика.	*Неопределенная.*	*Враждебная.*
I. «Драматическая Симфония»		
1) Два фельетона в «*Приднепровском Крае*». Лето 1902 года (автор — Эмилий Метнер, но писал под псевдонимом)[1].		
2) Отзыв Игнатова в «*Русск<их>Ведомостях*» (1902 год), дружелюбный по недоразумению (автор принял «*Симфонию*» за пародию на декадентов)[2].		
	3) Рецензия Юлия Айхенвальда с оттенком сочувствия, какого-то кислого; автор пишет: «Будем верить, что А. Белый талантлив»[3].	
4) Рецензия в «*Мире Искусства»* (кажется, за 1902–03 годы)[4].		

Сочувственная.
5) Рецензия в «*Новом Пути*». Сочувств<енная>. (Автор — А. А. Блок)[5].

II. «Открытое письмо к либералам и консерваторам»

Ряд резко бранных отзывов в тогдашней газетной прессе. Помнится отзыв покойного М.Н. Коваленского (газета «*Курьер*» за 1903 год)[6].

II*. «Северная Симфония»

1) Рецензия П.А. Флоренского в «*Весах*», или в «*Новом Пути*» за 1904 год[7].

2) Рецензия в «*Мире Искусства*». Неопределенная[8].

Несколько резко бранных рецензий (не помню, где).

III. «Возврат»

1) Рецензия А.А. Блока, кажется, в «*Новом Пути*»[9]. Сочувственная.
2) Рецензия Брюсова («*Весы*» за 1905 год)[10]. Сочувственная.

IV. «Золото в Лазури»

1) Рецензия Брюсова («*Весы*» 1904)[11]. Сочувственная.
2) Рецензия в чешском модернистическом журнале[12]. Сочувственная.

Ряд газетных юмористических заметок.

V. «Символизм как миропонимание»

(Статья, напеч<атанная> в «Мире Искусства» за 1904 год). Два фельетона

* *Здесь и далее сбой нумерации в автографе.*

критика проф. И.И. Иванова (в газете *«Правда»*. Лето 1904 года)[13].

V. «О теургии»

Возражения А.А. Шмидт в журнале «Новый Путь» за 1903 год, или в *«Вопросах Жизни»* за 1904 г.[14]
В общем: дружественное.

С 1907 до 1909 — энное количество бранных заметок: главным образом в тогдашней гучковской газете *(«Голос Москвы»)*[15] и в *«Русском Слове»*. Особенно упражнялись: Измайлов, Тэффи (газета *«Речь»)* и Абрамович *(«Образование»)*. Много полемического материала против меня в *«Золотом Руне»* за 1907–1909 годы (сюда статья Тастевена)[16].

В защиту меня фельетон Ходасевича в московской газете (не помню, какой) за 1908 год (январь – март)[17]

Критика дружественная.

Критика враждебная.

V. «Пепел»

Дружественные отзывы С. Городецкого и В. Иванова (не помню, где; Городецкого может быть в *«Зол<отом> Руне»)*[18].
В этот период обо мне сочувственный отзыв Философова (кажется, в *«Русск<ом> Слове»)*[19].
Статья М. Гофмана }
Статья Пяста } сочувственные[20].

Резко бранная рецензия Тэффи (газета *«Речь»* за 1908 год)[21] и Кадмина (кажется, *«Образование»)*[22].

VI. «Урна»

Рецензия Брюсова *(«Весы»* 1909 год). Сочувственная[23]

Отзыв Измайлова *(«Русское Слово»):* насмешливый[24]

VII. «Символизм»

Огромная книга прошла при гробовом молчании: не помню ни одного отзыва; мне передавали, что старик Суворин ее любил; в *«Новом Времени»* меня только ругали.

Позднее писали о *«Символизме»,* — кто, где, не знаю. Знаю, что писали за

границей. В России книгу замолчали.

По поводу эксперимент<ального> метода в поэзии и меня что-то кислое Валериан Чудовской в «*Аполлоне*»[25].

Позднее в ряде учебников по «*Стиховедению*» холодное, кислое признание моих якобы заслуг, как «*первого формалиста*»; сюда Шенгели, Шкловский, [Эйхенбаум][*] и ряд других «*стиховедов*». Может быть, и писали что-нибудь о «*Символизме*», но я, живучи за границей с 12 до 16 годов, ничего о себе не читал, да и журналов не получал.

VIII. «Серебряный Голубь»

1) Статья П.С. Когана, напечатанная в одной из его книг[26]. Отзыв скорей сочувственный.

2) Фельетон Мережковского («Русское Слово» за 1910 год). Сочувственный[27].

3) Фельетон Тана (не помню, в какой газете). Сочувственный[28].

4) Фельетон Боцяновского (в петерб<ургских> газетах). Сочувств<енный>[29].

Глумливые заметки Измайлова, что «*Сер<ебряный> Голубь*» — набор слов[30].

О «*Серебряном Голубе*» писали много: и в провинции, и позднее за границей; но не помню и часто не знаю — кто, где, когда.

Позднее о «*Сер<ебряном> Голубе*» дружественно отзывался Иванов-Разумник в своей книге, посвященной мне и Блоку[31].

И еще: статья Векслер в одном из сборников, вышедших в эпоху 1923–24 годов (анализ стиля)[32]. Сочувственная.

В эпоху 1910 года Эллис в книге «*Русские символисты*» посвятил моему творчеству большой очерк[33].

IX. «Арабески»

Не читал ни одной рецензии. Кажется, никто ничего не писал. Книга читалась, расходилась; а пресса, кажется, не проронила ни одного слова о 500-страничной книге.

X. «Луг Зеленый»

Кроме весьма недружественного фельетона критика Игнатова («*Русские Ведомости*» за 1910 год)[34], кажется, не было ни одной рецензии. Не удивительно, что моя идеология

---

[*] *Здесь квадратными скобками обозначен зачеркнутый в автографе текст.*

— *terra incognita**; на около 1500 страниц, посвященных *«Символизму»,* — ни звука; критики предпочли выдумать свой собственный символизм, игнорируя символистов, писавших о символизме (меня, Брюсова, Блока, Иванова). Не удивительно, что когда меня начинают учить символизму *«профессора от словесности»,* меня передергивает.

В период 1912 года мне передавали, что Амфитеатров посвятил мне ряд статей; их не читал; и не знаю, где он свои статьи печатал (я жил за границей и за литературой не следил)[35].

XI. «Круговое Движение»

Ф. Степпун. Журнал *«Труды и Дни»,* № 4-й, или пятый. Полемика[36].

XII. «Петербург»

О *«Петербурге»* очень много писалось; в столицах, провинции, за границей; из всего написанного о нем знаю лишь часть *написанного.*

Недоброжелательные.

1) Игнатов *(«Русские Ведомости»* за 1913 год). Писал враждебно.

2) Игнатов *(«Русские Вед<омости>»).* Позднее: писал с оттенком сочувствия[37].

3) Игнатов же *«Русские Ведомости»* за 1916 год)[38]. Писал в защиту *«Петербурга»:* tempora mutantur!**

Дружественные отзывы.

1) Фельетон Бердяева (кажется, в «Утре России»): весьма сочувственный[39].

2) Фельетон В. Иванова (кажется, в *«Биржевых Ведомостях»* или в *«Речи»):* весьма сочувственный[40].

3) Фельетон Иванова-Разумника *(«Русские Ведомости»):* весьма сочувственный[41].

Ряд сочувственных отзывов и рецензий (не помню их).

Уже позднее: анализу ряда редакций «*Петербурга*» посвятил отдельную монографию, весьма сочувственную, Иванов-Разумник[42]; я считаю разбор

---

* Неизвестная земля; нечто совершенно неизвестное (*лат.*).

** Времена меняются (*лат.*).

«стиля» его образцовым; это лучшая работа Иванова-Разумника. К сожалению, не помню названия его брошюры-исследования; вышла она в 1923 году.

Статьи: Векслер, Форш — в сборниках эпохи 23–25 годов[43].

XIII. «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности».

Полудружественная заметка Шлёцера в *«Биржевых Ведомостях»*[44].

Объемистая книга, посвященная разбору *«световой теории Гёте»*, канула в лету забвения; читали ее *«спецы»;* от философов слышал сочувственные отзывы на *«словах»;* на деле никто не *«посмел»* печатно высказаться; *«Штейнер»* — пугал; бранить книгу не могли: для этого надо было бы стать сперва гётистом, а потом естественником; бранить не могли, и хвалить — *«не могли».* В результате — гробовое молчание.

XIV. «Котик Летаев»

Весьма сочувственный отзыв М.О. Гершенсона (*«Русские Ведомости»* за 1916 год) на основании предварительного ознакомления с текстом, т.е. до напечатания[45].

Кроме этого печатного отзыва в прессе почти — *«ни звука».* Знаю, что были любители книги вплоть до пролетарских поэтов. И знаю, что были написаны статьи Форш и Векслер; но обе статьи, кажется, не появились в печати (по цензурным условиям)[46].

XV. «Кризис Жизни»
«Кризис Мысли»
«Кризис Культуры»
«Глоссолалия»
«Поэзия слова»
«Звезда»
«Рыцари и Королевна»
«Первое свидание»
«Записки Чудака»
«Революция и культура»
«Воспоминания о Блоке»

Эпоха 18–24 годов

В России — ни звука обо всех этих книгах; я по крайней мере не читал; если и были *«звуки»,* то, вероятно, весьма неприятные.

За границей о *«Рыцари и Королевна»* очень сочувственный отзыв профессора Ященко («Книга», кажется за 1921 год)[47].

О *«Воспоминаниях о Блоке»* — ряд сочувственных отзывов за границей; в частности: в Англии.

XVI. «Христос Воскресе»

Только и помню сочувств<енный> отзыв Иванова-Разумника в одном из лево-эсеровских изданий в 1918 году[48].

XVII. «Путевые Заметки». Том 1-й

Сочувственные отзывы в русской прессе за границей.

XVIII. «Возвращение на родину» (случайная выпечатка из *«Записок Чудака»* в России в 1921–1922 годах)

Сильно ругательная статья П.С. Когана (не помню, в каком журнале)[49].

XIX. «После разлуки»

Кислый разбор книги в берлинском «Руле»[50].

Дружественная печать.

Враждебная.

XX. «Москва». Том первый

Несколько незначительных рецензий, совершенно не вскрывающих тему романа, то сочувственных, то враждебных.

Сочувств<енные> отзывы:

Юрий Соболев: «Вечерняя Москва»[51], «Красная Нива» за 1926 год[52].

Несколько слов Воронского в статье его за 1927 год (*«Красная Нива», №1*)[53].

Проф. Эйхенбаум (*«Красная газета».* Ленинград)[54].

Отзыв в каком-то сибирском издании[55].

Скорее сочувственный отзыв в *«Новом Мире»* (так мне передавали: не читал)[56].

Знаю, что о *«Москве»* написал статью или пишет ее Иванов-Разумник (себе в письменный стол)[57].

Несочувственные:

«Красная Газета». Ленинград[58] (не читал).

К статьям резко отрицательным обо мне принадлежит

статья Троцкого в его сборнике *«Революция и культура»*[59]; статья играла решающую роль в отношении ко мне в теперешней прессе: я — *«меньшевик», «белый»* (с маленькой буквы), занимаюсь исканием психологических гнид под куполом *«храма»* и изучением хвоста у киевской ведьмы в отличие от *«ведьмы»* вообще. Так как мое мировоззрение никому не известно, — неизвестно, что я *«естественник»,* 25 лет занимавшийся теорией знания (неизвестно, потому что

мои книги в свое время замолчали, а профессора словесности разводили *«турусы на колесах»* о символизме), — то я со времени опубликования резолюции Троцкого обо мне и сел, так сказать, в тень; *сижу и молчу*.

Кстати: обо мне написана книга сидящим (или *«сидевшим»*?) в тюрьме левым эсером, Яковом Брауном[60]; но она не могла выйти в свет.

Кроме того: в свое время Иванов-Разумник посвятил мне и Блоку весьма сочувственную монографию (она вышла в свет в эпоху 1919–1921 годов)[61].

Сочувственная статья обо мне в немецком журнале *«Die Drei»* (Stuttgart), принадлежащая Keuchel'ю[62].

Еще вспоминаю: весьма сочувственную статью обо мне проф. Аскольдова в одном из литературно-критических сборников эпохи 1921–1923 годов[63].

Обо мне писали сочувственно в свое <время> проф. Венгеров, Степпун; академик Лукьянов упоминает о моем разборе «Не пой красавица» Пушкина в *«Записках Академии наук»*[64].

И меня бранили критики Горнфельд и Евгений Ляцкий, потом изменивший свое мнение обо мне.

Повторяю: я совершенно не помню отзывов о себе; этот неполный, весьма туманно составленный перечень, — вот все, что воскресает в памяти.

Суммирую: дружественно писали обо мне:

Эмилий Метнер, Флоренский, Философов, Брюсов, Блок, проф. И.И. Иванов, В.Ф. Ходасевич, Вячеслав Иванов, Мережковский, А. Ремизов, Модест Гофман, кажется, Амфитеатров, Тан, Лежнев, Боцяновский, Форш, Векслер, Иванов-Разумник, проф. С.А. Венгеров, Эллис, проф. Аскольдов, Бердяев, Степпун, Пяст, М.О. Гершенсон и др.

Недоброжелательно писали обо мне:

Юлий Айхенвальд, Георгий Чулков, Розанов, Абрамович, Тэффи, Кузмин, Измайлов, Зинаида Гиппиус, Троцкий, кажется, Стеклов, Горнфельд и др.

В разное время по-разному писали:

Евгений Ляцкий, Игнатов, Сергей Городецкий, Корней Чуковский.

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде издательства «Никитинские субботники» (РГБ. Ф. 198. Карт. 6. Ед. хр. 5. Л. 19–26 об.). Написано в 1927 г.

Впервые опубликовано: *Андрей Белый: pro et contra*. С. 30–38.

[1] Имеется в виду статья Э.К. Метнера «Симфонии Андрея Белого», опубликованная в екатеринославской газете «Приднепровский Край» (1903. № 2022, 15 декабря; № 2023, 16 декабря. Подпись: Э.). Белый называет ее «двумя фельетонами» потому, что она была помещена в двух номерах газеты. Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra*. С. 39–53.

[2] Такой печатный отзыв И.Н. Игнатова не выявлен.

[3] Эта рецензия не обнаружена.

[4] Рецензии на «Симфонию (2-ю, драматическую)» в «Мире Искусства» не было напечатано. В «Хронике журнала “Мир Искусства”» (1903. № 9. С. 89) в рецензии Д.П. Шестакова на 3-й альманах «Северные цветы» (М., 1903) был дан отзыв об «отрывке из ненаписанной мистерии» Андрея Белого «Пришедший».

[5] См.: Новый Путь. 1903. № 4. С. 164–165; *Блок А.А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. Т. 7. М., 2003. С. 128, 338–339 (коммент. Д.М. Магомедовой).

[6] Критический отзыв о «манифесте» Андрея Белого «Несколько слов декадента, обращенных к либералам и консерваторам» (Хроника журнала «Мир Искусства». 1903. № 7. С. 65–67) дан в «Набросках» М.Н. Коваленского (Курьер. 1903. № 65, 3 мая. Подпись: *К–ий*).

[7] Имеется в виду статья П.А. Флоренского «Спиритизм как антихристианство» (Новый Путь. 1904. № 3. С. 158–167). Переиздана в кн.: *Флоренский П., священник*. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 129–145, 714–715 (примеч. игумена Андроника и С.Л. Кравца). Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra*. С. 54–68.

[8] «Северная симфония (1-я, героическая)» Андрея Белого анализировалась в критическом диалоге между П.Ф. Николаевым (подпись: *П.Н.*) и Д.В. Философовым (подпись: *Д.Ф.*). См.: Хроника журнала «Мир Искусства». 1903. № 15. С. 163–165.

[9] А. Блок рецензии на 3-ю «симфонию» «Возврат» не опубликовал. Документальных свидетельств того, что такая рецензия была написана, не выявлено.

[10] См.: Весы. 1904. № 12. С. 59–60. Рецензия перепечатана по тексту первой публикации в кн.: *Брюсов В*. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н.А. Богомолов и Н.В. Котрелев. Вступ. статья и коммент. Н.А. Богомолова. М., 1990. С. 126–127. Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra*. С. 75–76.

[11] См.: Весы. 1904. № 4. С. 60–62. В рецензии даны параллельные характеристики двух одновременно изданных «Скорпионом» поэтических книг – «Золота в лазури» Андрея Белого и «Прозрачности» (М., 1904) Вячеслава Иванова. Рецензия вошла в книгу В. Брюсова «Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней» (М.: Скорпион, 1912); см.: *Брюсов В*. Собр. соч. В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 300–301, 615 (примеч. Д.Е. Максимова и Р.Е. Помирчего). Перепечатана по тексту первой публикации в кн.: *Брюсов В*. Среди стихов. С. 107–108. Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra*. С. 69–70.

[12] Возможно, в данном случае подразумевается рецензия на 3-й альманах «Северные цветы», включающий стихотворения и драматический отрывок Андрея Белого: *Kříž Gustav*. Severni Kvety // Moderni Revue (Praha). 1904. T. I.

[13] Под отзывами И.И. Иванова на статью Андрея Белого «Символизм как миропонимание» (Мир Искусства. 1904. № 5. С. 173–196) подразумевается, скорее всего, реферативная статья Н.Д. Облеухова «Религиозные черты в русском символизме. Мысли», опубликованная в двух номерах газеты «Русская Правда» (1904. № 95, 7 июля. С. 3; № 104, 16 июля. С. 3); автор ее излагал читателям основные положения названной статьи Белого: «Русский символизм переживает любопытную эволюцию, сущность которой, между прочим, особенно ясно видна из статьи Андрея Белого <...> Компилированию его статья не поддается, потому, что в ней рядом с силлогизмами идут художе-

ственные образы, а компилировать такую вещь – значит уродовать ее <...>. Я ограничусь <...> изложением наиболее существенных и общеинтересных пунктов того идейного круга, в который ставит своих читателей г. Андрей Белый» (№ 95). То, что эта статья отложилась в памяти Белого как принадлежащая И.И. Иванову, возможно, объясняется тем, что в «Русской Правде» в промежутке между публикациями первой и второй ее частей была напечатана статья: *Иванов*. Чехов (Ко дню похорон) // 1904. № 97, 9 июля. С. 3.

[14] Журнал «Вопросы Жизни» издавался лишь в 1905 г. В данном случае подразумевается, вероятно, статья: *Тимшевский А.* <*Шмидт А.Н.*>. О будущем // Новый Путь. 1904. № 6. С. 187–196. В ней, однако, ни Андрей Белый, ни его произведения не упоминаются.

[15] А.И. Гучков, лидер «Союза 17 октября», с 1907 г. был фактическим руководителем и одним из постоянных авторов московской газеты «Голос Москвы».

[16] Подразумевается, вероятно, статья «О “чистом” символизме, теургизме и нигилизме», содержащая полемику с философско-эстетическими положениями Андрея Белого (Золотое Руно. 1908. № 5. С. 77–79. Подпись: *Эмпирик*).

[17] Вероятно, подразумевается фельетон В. Ходасевича «Девицы в платьях», опубликованный в московской газете «Руль» 16 января 1908 г. См.: *Ходасевич В.* Собр. соч. / Под ред. Дж. Мальмстада и Р. Хьюза. Т. 2. Ann Arbor: Ardis, 1990. С. 42–44.

[18] Оценку книги стихов Андрея Белого «Пепел» (едва ли правомерно квалифицировать ее как «дружественный отзыв») С.М. Городецкий дал в статье «Идолотворчество» (Золотое Руно. 1909. № 1. С. 93–101). Рецензия Вяч. Иванова на «Пепел» была опубликована в журнале «Критическое Обозрение» (1909. Вып. 2. С. 44–48), перепечатана по тексту первой публикации (под заглавием «О книге “Пепел”») в кн.: *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. IV. Брюссель, 1987. С. 615–618. Статья Городецкого и рецензия Иванова вошли в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 131–142.

[19] Вероятно, имеется в виду статья Д.В. Философова «Весенний ветер», в которой критик отстаивает правоту Андрея Белого в его статье «Против музыки» (Русская Мысль. 1907. № 12. Отд. II. С. 115–116; *Философов Д.В.* Слова и Жизнь. Литературные споры новейшего времени (1901 – 1908 гг.). СПб., 1909. С. 18–19).

[20] Имеются в виду рецензия М.Л. Гофмана на «Пепел» (Текущая Жизнь. 1909. № 1. С. 125–128) и статья Вл. Пяста «Андрей Белый» (Книга о русских поэтах последнего десятилетия / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М.: Изд. т-ва М.О. Вольф, <1909>. С. 139–150. Рецензия Гофмана и статья Пяста вошли в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 123–126, 107–115.

[21] См.: *Поэт XIX столетия.* Чающие от юродивого // Речь. 1908. № 320, 29 декабря. Статья вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 120–122. О Тэффи как авторе этого отзыва Белый пишет в мемуарах (*О Блоке.* С. 341; *МДР.* С. 178). См. также: *Клягина М.Е.* Тэффи и Андрей Белый // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. М., 1999. С. 260–279.

[22] Специальной рецензии Н.Я. Абрамовича (Кадмина) на книгу Белого «Пепел» не выявлено. Возможно, в данном случае подразумевается либо его рецензия на книгу Белого «Урна» (Всемирная Панорама. 1909. № 15, 31 июля), либо более ранняя статья «Стихийность в молодой поэзии», в которой затрагивается поэтическое творчество Белого (Образование. 1907. № 11. Отд. II. С. 3, 25–26).

[23] Рецензия В. Брюсова на «Урну» была опубликована не в «Весах», а в «Русской Мысли» (1909. № 6. Отд. III. С. 135–137). Перепечатана по тексту первой публикации в кн.: *Брюсов В.* Среди стихов. С. 297–301. Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 153–156.

[24] Имеется в виду статья А.А. Измайлова «Пленная мысль», опубликованная не в газете «Русское Слово», а в журнале «Новое Слово» (1909. № 6. С. 114–116) и в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 3 июня 1909 г. Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 157–164.

[25] См.: *Чудовский В.* О ритме пушкинской «Русалки» (Отрывок) // Аполлон. 1914. № 1/2. С. 110–111.

[26] Имеется в виду раздел IV («Андрей Белый») книги П.С. Когана «Очерки по истории новейшей русской литературы» (Т. Ш. Современники. Вып. III. Мистики и богоискатели. М.: Заря, 1911. С. 107–134), выдержавшей несколько изданий (последнее, 7-е, в двух томах: М.; Л., 1929). Вошел в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 323–339.

[27] Имеется в виду статья Д.С. Мережковского «Восток или Запад» (Русское Слово. 1910. № 217, 2 ноября); вошла в кн.: *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник 1910 – 1914. <Пг.>, 1915. С. 297–309. Перепечатана в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 259–266.

[28] Эта публикация не выявлена.

[29] Статья «Серебряный голубь. Литературные наброски» была опубликована в «Утре России» (1910. № 176, 19 июня), под заглавием «Еще о народе» вошла в кн.: *Боцяновский В.* Богоискатели. СПб., 1911. С. 168–177.

[30] См. статьи А.А. Измайлова «Литературное бильбоке» (Биржевые Ведомости. Веч. вып. 1909. № 11222, 22 июля. Подпись: *А. Изм.*), «На отмели» (Там же. Утр. вып. 1909. № 469, 16 декабря; Новое Слово. 1909. № 12. С. 74).

[31] Речь идет о книге Иванова-Разумника «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (Пг.: Колос, 1923). Входящая в нее статья «Андрей Белый», содержащая развернутую оценку «Серебряного голубя», впервые опубликована в кн.: Русская литература XX века / Под ред. проф. С.А. Венгерова. М., 1916. Т. 3. Ч. 2. <Кн. 7>. С. 13–64. См.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 583–586.

[32] Специальной статьи А. Векслер о «Серебряном голубе» в печати, насколько известно, не появилось. Вероятно, Белый подразумевает в данном случае ее доклад об этом романе, прочитанный в Вольной Философской Ассоциации в его отсутствие 17 декабря 1922 г. (См.: Вольная Философская Ассоциация. 1919–1924 / Изд. подгот. Е.В. Иванова при участии Е.Г. Местергази. М., 2010. С. 261).

[33] См.: *Эллис.* Русские символисты. М.: Мусагет, 1910. С. 207–316 (переиздание: Томск, 1996). Раздел об Андрее Белом вошел в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 165–250.

[34] Имеются в виду «Литературно-общественные заметки. “Все позволено”» И. Игнатова, опубликованные в газете «Русские Ведомости» 21 сентября 1910 г.

[35] А.В. Амфитеатрову принадлежит статья «Андрей Белый» (отзыв о романе «Серебряный голубь»), опубликованная в журнале «Современник» (1911. № 1. С. 318–349) под заглавием «Литературные впечатления. Андрей Белый. “Серебряный голубь”» и вошедшая в кн.: *Амфитеатров А.* Собр. соч. Т. XV. Мутные дни. СПб.: Просвещение, <1912>. С. 211–261. Перепечатана в кн.: *Амфитеатров А.В.* Собр. соч. В 10 т. Т. 10, кн. 2. М., 2003. С. 214–256, 736–742 (примеч. Т.Ф. Прокопова). Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 279–309.

[36] Имеется в виду «Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи “Круговое движение”» Федора Степуна (Труды и Дни. 1912. № 4/5. С. 74–86; статья Андрея Белого «Круговое движение (Сорок две арабески)» – там же, с. 51–73). Перепечатано в кн.: *Степун Ф.А.* Сочинения / Сост., вступ. статья, примеч. и библиография В.К. Кантора. М., 2000. С. 807–816. Вошло в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 342–353.

[37] Имеются в виду статьи И.Н. Игнатова, помещенные в «Русских Ведомостях» под рубрикой «Литературные отголоски»; в отзывах о 1-м сборнике «Сирин» (1913. № 256, 6 ноября) и 2-м сборнике «Сирин» (1914. № 36, 13 февраля) прослеживается эволюция в оценке «Петербурга» – от скептической к сочувственной. См.: *Белый – Иванов-Разумник.* С. 45.

[38] См.: *Игнатов И.* Об Андрее Белом // Русские Ведомости. 1916. № 295, 22 декабря. Статья вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 447–449.

[39] Имеется в виду статья Н.А. Бердяева «Астральный роман (Размышление по поводу романа А. Белого “Петербург”)», опубликованная в «Биржевых Ведомостях» (Утр. вып. 1916. № 15651, 1 июля) и вошедшая в кн.: *Бердяев Н.* Кризис искусства. М., 1918. С. 36–47. Перепечатана в кн.: *Бердяев Н.* Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 2 / Вступ. статья, сост., примеч. Р.А. Гальцевой. М., 1994. С. 438–446. Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 411–418.

[40] См.: *Иванов Вяч.* Вдохновение ужаса (О романе Андрея Белого «Петербург») // Утро России. 1916. № 148, 28 мая. Статья вошла в кн.: *Иванов В.* Родное и Вселенское. Статьи (1914 – 1916). М., 1917. С. 89–101. Перепечатана в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 401–410.

[41] См.: *Иванов-Разумник.* «Восток или Запад?» («Петербург», роман Андрея Белого) // Русские Ведомости. 1916. № 102, 4 мая.

[42] Имеются в виду статьи «К истории текста “Петербурга”» и «“Петербург”», впервые опубликованные в книге Иванова-Разумника «Вершины».

[43] См.: *Векслер А.* «Эпопея» А. Белого (Опыт комментария) // Современная литература. Сб. статей. Л.: Мысль, 1925. С. 48–75; *Форш О.* «Пропетый Гербарий» // Там же. С. 31–47. Статья А. Векслер посвящена анализу «Преступления Николая Летаева» («Крещеного китайца»). Обе статьи вошли в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 697–731.

[44] См.: Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1917. № 16118, 24 февраля.

[45] Имеются в виду «Заметки о Пушкине. I. Недра» М.О. Гершензона (Биржевые Ведомости. Утр. вып. 1916. № 16010, 30 декабря), вошедшие в кн.: *Гершензон М.* Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 86–89. Перепечатано в кн.: *Гершензон М.* Избранное. Т. 1. Мудрость Пушкина. М.; Иерусалим, 2000. С. 64–65, 112 (коммент. Е.Ю. Литвин). Вошло в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 450–452.

[46] Статьи о «Котике Летаеве» названных авторов не были опубликованы.

[47] См.: *Ященко А.* Русская поэзия за последние три года. 6. Андрей Белый // Русская книга (Берлин). 1921. № 3. С. 12–13.

[48] Имеется в виду раздел «Весть весны» статьи Иванова-Разумника «Россия и Инония» (Наш путь. 1918. № 2, май. С. 136–143); в составе того же текста – в кн.: *Иванов-Разумник.* Россия и Инония. Берлин: Скифы, 1920. С. 33–59. Как самостоятельная статья («Весть весны») – впервые в кн.: *Иванов-Разумник.* Александр Блок. Андрей Белый. Пб.: Алконост, 1919. С. 164–179. Вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 668–678.

[49] Вероятно, имеется в виду статья П.С. Когана «Литературные заметки. I. Эпопея Андрея Белого» (Красная новь. 1921. № 4. С. 271–277), содержащая разбор произведений Белого, опубликованных в альманахе «Записки Мечтателей» (1921. № 2/3, 4), либо его же статья «Мечтатели (“Записки Мечтателей”. I–V)» (Печать и революция. 1922. Кн. 5. № 2. С. 157–163).

[50] Имеются в виду «Литературные заметки» Ю.И. Айхенвальда (Руль. 1922. № 625, 17 декабря. С. 10–11. Подпись: *Б. Каменецкий*).

[51] См.: *Соболев Ю.* Книги «Круга» // Вечерняя Москва. 1926. № 164, 20 июля.

[52] Возможно, подразумевается отзыв в статье К. Локса «О спорном и бесспорном» (Красная новь. 1926. № 11. С. 238–239).

[53] Имеется в виду статья А. Воронского «Художественная литература 1926 г.» (Красная газета. Веч. вып. 1927. № 6, 7 января).

[54] См.: *Эйхенбаум Б.* «Москва» Андрея Белого // Красная газета. Веч. вып. 1926. № 273, 18 ноября. Вошло в кн.: *Эйхенбаум Б.* О литературе. Работы разных лет / Сост. О.Б. Эйхенбаум, Е.А. Тоддес. Вступ. статья М.О. Чудаковой, Е.А. Тоддеса. Коммент. Е.А. Тоддеса, М.О. Чудаковой, А.П. Чудакова. М., 1987. С. 424–426; *Андрей Белый: pro et contra.* С. 755–756.

[55] Возможно, имеется в виду рецензия на 1-ю часть «Москвы» («Московский чудак») за подписью «В.В.», опубликованная в омской газете «Рабочий путь» 14 сентября 1926 г.

[56] Подразумевается рецензия Н. Замошкина на «Московского чудака» (Новый мир. 1926. № 11. С. 183–184).

[57] Работа над этой статьей не была завершена, сохранились предварительные наброски ее текста (см.: *Иванов-Разумник.* «Москва» (План ненаписанной статьи) / Вступ. статья и публ. В.Г. Белоуса // Андрей Белый. Публикации. Исследования. М., 2002. С. 133–143; *Белоус В.Г.* Андрей Белый и его роман «Москва» в эпистолярном наследии Р.В. Иванова-Разумника 1930-х гг. // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С. 440–452).

[58] В «Красной газете» о «Москве» писали В. Друзин в статье «Новости русской литературы» (Утр. вып. 1926. № 221, 25 сентября) и И. Оксенов в статье «О “социальном заказе”, Б. Эйхенбауме и Андрее Белом» (Веч. вып. 1926, 1 декабря).

[59] См.: *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1923. С. 34–40 (переиздание: М., 1991). Впервые (под заглавием «Внеоктябрьская литература. А. Белый. А. Блок»): Правда. 1922. № 221, 1 октября. Вошло в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 514–519.

[60] Работа Я. Брауна «Под знаком эпохального кризиса (Творчество Андрея Белого)» (1924) сохранилась в архиве Д.М. Пинеса (РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 59). О ее авторе см. заметку О. Сушковой в кн.: За что? Проза. Поэзия. Документы. М., 1999. С. 67–70.

[61] Имеется в виду книга Иванова-Разумника «Александр Блок. Андрей Белый» (Пб.: Алконост, 1919).

[62] Статья «Andrej Bjely» (автор – Ernst Keuchel) была помещена в сентябрьском номере журнала «Die Drei: Monatsschrift für Anthroposophie und Dreigliederung» за 1922 г., вслед за публикацией работы Белого «Die Anthroposophie und Russland». См.: *Майдель Р. фон, Безродный М.* К переводу статьи Андрея Белого «Die Anthroposophie und Russland» на русский язык // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 161.

[63] См.: *Аскольдов С.* Творчество Андрея Белого // Литературная мысль. Альманах I. Пг.: Мысль, 1922. С. 73–90. Статья вошла в кн.: *Андрей Белый: pro et contra.* С. 488–513.

[64] См.: *Лукьянов С.М.* «Ангел смерти» графа А.А. Голенищева-Кутузова // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. № 2. С. 316–352. Автор указал, что статья Андрея Белого «“Не пой, красавица, при мне...” А.С. Пушкина (Опыт описания)» из его книги «Символизм» «по примененным в ней приемам исследования имеет особенно близкое отношение к настоящему очерку» (С. 317). Было отмечено, что над этой статьей Лукьянов «работал по готовому трафарету Андрея Белого» (*Бобров С.* Записки стихотворца. М., 1916. С. 75). Академиком С.М. Лукьянов не был.

К БИОГРАФИИ

I. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Членства.

1) Член кружка самообразования (у Стороженок). 1901 год.
2) Член кружка «Аргонавтов» с 1903 года до 1906 года.
3) Член редакции издательства *«Скорпион»* с 1903 года до 1910 года.
4) Член редакции журнала «Весы» с 1903 года; член совета редакции с 1908 года.
5) Член кружка «Свободная Совесть». 1904–1905 гг.
6) Член московского теософского кружка. 1901 год (выбыл <с> 1902 года).
7) Член секции «Истории религии» при студ<енческом> О<бщест>ве имени Сергея Трубецкого (1904 год).
8) Член московского Религиозно-Филос<офского> общества с 1905 года. Член совета с 1908-го до 1912 года.
9) Член Религиозно-Философского Петербургского О<бщест>ва с 1907 года до 1910-го.
10) Член О<бщест>ва деятелей искусства и литературы (при Моск<овском> университете) с 1907 до 1909 года.
11) Член теос<офского> кружка Христофоровой с 1908 до 1910 года.
12) Член О<бщест>ва Любителей Российской Словесности. С 1908 года.
13) Член Литературно-Художеств<енного> Кружка с 1906 года.
14) Член-учредитель «Дома Песни» с 1907 года.
15) Член О<бщества > *«Свободной Эстетики»* с 1907 года до 1917 года. Член Совета с 1907 до 1909 года.
16) Член совета редакции к<нигоиздательст>ва «Мусагет» с 1909 до 1913 года.
17) Член крахтовского кружка «Молодой Мусагет» с 1909 до 1912 года.
18) Член Общества Ревнителей Художественного Слова в Петербурге с 1909.
19) Член «Христианского братства борьбы» (с 1905 года до 1905 года: всего месяц).
20) Член кружка молодежи, сгруппированного около А. Блока в 1906 году.
21) Член философского кружка, собиравшегося у Морозовой (1907–1909 года).
22) Член Теософского Международного О<бщест>ва с ноября 1912 года до января 1913 года.
23) Член международного Антропософского О<бщест>ва с 1913 года до 1916 года.

24) Член русского Антропософского О<бщест>ва с сентября 1916 года до 1923 года.

25) Член Коллегии Литер<атурного> Отдела при Наркомпросе <в> 1918–1919 году.

26) Член Социалистической Академии (до открытия ее): с апреля 1918 года до августа 1918 года.

27) Член кружка «Скифы» с 1916 года до 1918 года.

28) Член редакции соц<иал>-демократической газеты «Столичное Утро» (с 1907 до 1908). Газета закрыта Гершельманом.

29) Член-учредитель «Дворца Искусств». 1918–1921 гг.

30) Член коллегии Тео-Наркомпроса. 1918–1919 гг.

31) Член совета «Вольно-Философской Ассоциации» в Ленинграде. 1919–1924 гг.

32) Член-учредитель Союза Писателей (потом «Союза Советских Писателей») с 1918 по сие время (1932 г.). Член Совета 1918–1919 гг.

32)[*] Член Академии Духовной Культуры в Москве. С 1919–1921 г.

33) Член Института Театральных Знаний в Ленинграде. 1920 г.

34) Член ленингр<адского> «Дома Искусств». 1920 г.

34) Член «Вольно-Филос<офской> Ассоциации» в Москве. 1921 г.

35) Член Совета берлинского «Дома Искусств». 1921–1922 г.

36) Член «Вольно-Философской Ассоциации» в Берлине. 1921–1922 г.

36) Член редакции журнала «Беседа» (Горького) в Берлине. 1923 г.

37) Член «Клуба Писателей» в Берлине. 1922–1923 г.

38) Член московск<ого> Союза Поэтов с 1918; с 1924 г. почетный член.

39) Член ленингр<адского> Союза Поэтов в 1920 г.

40) Член литературного кружка «Звено». 1919 г.

41) Член о<бщест>ва «Никитинские Субботники». 1926–1929 гг.

42) Член «Федерации» (кооп<еративное> издательство). 1928 г.

Службы и обязанности.

1) Один из редакторов к<нигоиздательст>ва «Мусагет». 1909–1912 гг.

2) Заведующий теоретич<еским> отделом журнала «Весы» в 1909 г.

3) Профессор Социалистич<еской> Академии с мая 1918 до августа 1918.

4) Заведующий Научно-теоретич<еским> отделом Тео Наркомпроса. 1918 г.

5) Лектор и консультант в Пролет-Культе (Москва). 1918–1919 г.

6) Помощник архивиста в «Русском Архиве» (всего месяц). 1918 г.

7) Председатель Ленинградской Вольно-Филос<офской> Ассоциации с 1919 до 1924 г.

8) Председатель Вольно-Философской Ассоциации в Москве.

9) Председатель Вольно-Философской Ассоциации в Берлине (1921–1922).

10) Сотрудник Отдела Охраны Памятников Старины. 1919 г.

11) Заведующий курсами «Дворца Искусств» (всего две недели). 1919 г.

---

[*] *Сбой нумерации в автографе — здесь и далее.*

12) Председатель Теорет<ического> отдела Института Театр<альных> Знаний в Ленинграде. 1920.

13) Помощник библиотекаря в Лен<инградском> отд<елении> Наркоминдела. 1921 г.

14) Редактор журнала «Труды и Дни». 1912 г.

15) Редактор эпизодического журнала «Эпопея» (в Берлине). 1921–1922 г.

16) Председатель Археологического отдела «Дворца Искусств» в Москве. 1921 г.

17) Лектор и преподаватель в Институте Живого Слова в Ленинграде (лишь числился). 1920 г.

Сотрудничество в журналах и газетах.

1) В журнале «Весы» с 1904 до 1910 г.
2) Альманахи «Гриф» 1903–1905 г.
3) Альман<ах> «Северные Цветы» 1903 г.
4) В журнале «Мир Искусства» 1902–1904.
5) В еженедельнике «Художественная Хроника» 1903–1904[1].
6) В журн<але> «Золотое Руно» 1906–1907.
7) «Перевал» 1906–1907.
8) «В<ести> Киев<ские>» 1907 г.
9) В альманахах «Шиповник». С 1907 года.
10) В журнале «Новый Путь» 1903–1904.
11) «Вопросы Жизни» 1904–1905.
12) «Искусство» 1905 г.
13) В альманахах «Свободная совесть» 1904–1905 гг.
14) В журн<але> «Образование». 1908 г.
15) «Русская Мысль» 1910–1911 гг.
16) «Аполлон» 1910–1912 г.
17) «Эпопея» 1922 г.
18) «Беседа» 1923 г.
19) «Leonardo» (италианский журнал). Лишь числился сотрудником.
20) «Die Drei» (немецкий журнал) 1922 г.
21) «Современные Записки» 1922–1923 г.
22) «Книга» (Берлин) 1921–1922 гг.[2]
23) «Журнал для всех» с 1904 г.
24) «Критическое Обозрение» 1908–1910 гг.
25) «Красная Новь» 1927–1931 гг.
26) В газете «Русские Ведомости» 1916–1917 гг.
27) «Русское Слово» 1916 г.
28) «Утро России» 1907—1910 гг.
29) «Речь» 1910—1911 гг.
30) «Киевская Мысль» 1907—1910 гг.
31) «День» 1907.
32) «Час» 1907.

33) «Минута».[3] 1907 г.
34) Литературно-худож<ественная> газета. 1907 г.[4]
35) В газете «Столичное Утро» (эс-декская) 1907 г.
36) «Знамя Труда» 1917–1918.
37) «Россия» 1918 г.
38) В журнале «Россия» 1923–1925 гг.
39) В пет<ербургской> газете «День» (так кажется) 1917 г.
40) В журнале «Записки Мечтателей» с 1919 до 1921 гг.
41) В журнале «Горн» (Пролеткультский) 1918–1919 гг.
Ряд альманахов, журналов и газет, в которых участвовал (их названия забыл).

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 151–152 об.).

[1] Подразумевается «Хроника журнала "Мир Искусства"»
[2] Журнал «Новая русская книга».
[3] Газета с таким названием в 1907 г. не выходила.
[4] Подразумевается газета «Литературно-художественная неделя».

СПИСОК ПРОСЛУШАННЫХ УНИВЕРСИТЕТСКИХ КУРСОВ

(НА ЕСТЕСТВ<ЕННОМ> ОТДЕЛ<ЕНИИ> ФИЗ<ИКО->МАТ<ЕМАТИЧЕСКОГО> ФАКУЛЬТЕТА)

(С осени 1899 года до весны 1903 года)

1) Проф. протоиерей Елеонский: «Богословие» (на первом курсе).

2) Приват-доцент Виноградов: 1) Начертательная геометрия 2) Дифференц<иальное> исчисление } (для естественников: *не-обязательный*) (1-ый курс).

3) Проф. Н.А. Умов: 1) *«Физика»:* механика; механическая теория тепла; тепло. (На первом курсе).
2) *«Физика»:* звук, свет, электричество, электромагнетизм. (На втором курсе)

4) Магистр<ант> Брюсов: Семинарий по физике (практич<еские> занятия: с зачетом), 4 полугодия (на 1-ом и 2-ом курсах).
В этом семинарии прочел реферат: *«О задачах и методах физики».*

5) Проф. А.П. Сабанеев: «Неорганическая химия» (на первом курсе).

6) Прив<ат->доц<ент> Реформатский: «Периодическая система» (необязательный курс) (На первом курсе).

7) Магистр<ант> А.С. Усов: Практические занятия (семин<ары>) по неорг<анической> химии (с зачетами).
(На первом курсе).

8) Проф. Н.Д. Зелинский: «Качественный анализ» (на 2-ом курсе).

9) «Количественный анализ» (на 2-м курсе).

10) Органическая химия (на 3 и 4-м курсах).

Практические занятия по химии —

У Зелинского:

11) С.Н. Наумов. «Качественный анализ» (на 2-м курсе: лаборатория).

12) Прив<ат->доцент Дорошевский: «Колич<ественный> анализ» (на 3-ьем курсе: лаборатория).

13) Прив<ат->доц<ент> Крапивин: «Орган<ическая> химия» (на 3-ьем и

4-ом к<урсе>: лабор<атория>).

14) Проф. В.И. Вернадский: «Минералогия и кристаллография» (на 2-ом курсе).
15) Проф. А.П. Павлов: «Динамическая геология» (на 3-ьем курсе).
16) «Историческая геология и палеонтология» (на 4-ом курсе).
17) Проф. Анучин: «Физическая география» (на 3-ьем курсе).
    Практич<еские> занятия по физ<ической> географии.
    В этом семинарии прочел реферат: «Представления о форме земли».
    Анучину же писал сочинение: «Об оврагах».
18) Проф. Э.Е. Лейст: «Метереология» <так!> (на 3-ьем и 4-ом курсе).
19) Практич<еские> занятия по метереологии.
20) Проф. Анучин: «Антропология и этнография».
21) Проф. П.И. Карузин: «Анатомия человека» (1-ый курс).
22) Практич<еские> занятия по остеологии и миологии (в анатом<ическом> театре: с зачетом).
23) Проф. Мороховец: «Физиология» (на 4-ом курсе).
24) Проф. Мензбир: «Введение в сравнительную анатомию» (1-ый курс).
24) Проф. Мензбир: «Сравнительная анатомия» (на 3-ьем и 4-ом курсе).
25) Проф. А.А. Тихомиров: «Введение в зоологию» (на первом курсе).
26) Проф. Зограф: «Зоология беспозвоночных» (1-ый и 2-ой курс).
27) Проф. Зограф: зоологический семинарий (1-ый и 2-ой курс).
    На этом семинарии прочел реферат: «О Mezozoa».
28) Прив<ат->доц<ент> Н.В. Богоявленский: «Практич<еские> занятия по зоологии» (1-ый курс).
29) Проф. Мензбир: «Зоология позвоночных» (3-ий и 4-ый курс).
30) Прив<ат->доц<ент> Вагнер: «Энтомология». (Необязательный).
31) Прив<ат->доц<ент> Голенкин: «Систематика цветковых растений» (1-ый курс).
32) Практич<еские> занятия у Голенкина. (По систематике) (1-ый курс).
33) Проф. Н.И. Горожанкин: «Печеночники, лишаи, мхи, грибы» (2-ой курс).
34) Проф. К.А. Тимирязев: «Анатомия растений» (3-ий курс).
35) Прив<ат->доц<ент> Строганов: Практические занятия по анатомии растений (у Тимирязева) (3-ий курс).
36) Проф. К.А. Тимирязев: «Физиология растений» (4-ый курс).

На филологическом факультете
мною слушаны:

1) Проф. С.Н. Трубецкой. История древней философии.
   Семинарий у Трубецкого по Платону.
2) Семинарий у Никитского по греческому языку.
3) Семинарий у Л.М. Лопатина по Лейбницу.

4) Проф. Любавский: «Русская история».
5) Проф. Р.Ф. Брандт: Славянская ср<авнительная> филология.

Вот курсы, которые я слушал во время моего краткого пребывания на филол<огическом> факультете.

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 153–154). Над заголовком справа – карандашная приписка рукой Белого: «К биографии».

КРУЖКИ ЛЮДЕЙ, В КОТОРЫХ МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ БЫВАТЬ И РАБОТАТЬ

1) *Кружок Стороженок (детство и раннее отрочество, юность)* 1885–1895 года. — *900.*

а) *Дети* (наш кружок). Я, Н.Н. Стороженко (Коля †), А.Н. Стороженко (Саша), М.Н. Стороженко (Маруся, – впоследствии Митрофанова), В.В. Сизов *(«Ледя»)*, Варя Кабанова, Н.Н. Щелкачов, дети Христофоровы (Вася, Илюша, Петя), дети Якушкины (сыновья пушкиниста Якушкина), Федя Миллер, Женя Иванюкова и друг<ие>; раннее детство: —

— *позднее выделился кружок для самообразования*: я, Л.Л. Кобылинский* (Эллис), М.Н. Стороженко, гр. Е.Е. Салиас (подруга Маруси), ее сестра (Салиас), Дюбюк, С.М. Соловьев, К.П. Христофорова, муж и жена Тубенталь (*«жена»* – в то время подруга Маруси; забыл фамилию), И.Н. Бороздин (впоследствии *«профессор»*), кажется, М.С. Фельдштейн (позднее *«профессор»*); посещал кружок: С. Мельгунов (позднее публицист *«эн-эс»*). Кружок скоро распался.

В детскую эпоху близко помнятся: репетиторы «Коли» и «Саши», В.И. Курский и Д.И. Курский (позднее *нарком юстиции С.С.С.Р.*); Иван Андреевич Линниченко (позднее профессор Одесского университета), живший у Стороженок молодой физиолог Статкевич (позднее профессор физиол<огии> Моск<овского> университета); Вл<адимир> Евграфов<ич> Ермилов (критик), веселый рассказчик; Иван Иванович Иванов, критик (позднее директор Демид<овского> лицея, профессор), генерал Василий Матвеевич Щелкачов (муж сестры проф. Н.И. Стороженко, Марьи Ильиничны); Антонина Ивановна Цитенговен (*«Тони»*), бывшая гувернанткой у Стороженок, учительница Калерия. Эти люди живо общались с молодежью; мы их считали *«своими»*.

У Стороженок постоянно встречался с: Фриче (критик марксист) (эпоха 1897–1904 годы), с проф. И.И. Иванюковым (1885–1895), его женой; с Вл<адимиром> Ил<ьичем> Сизовым и его женой, с писательницей Хин и ее мужем прис<яжным> пов<еренным> Гольдовским †), с И.И. Янжулом (профессор, поздней академик †), с Екатер<иной> Ив<ановной> Янжул (писательница, жена Янжула), с артистом Успенским (опера), с Алекс<еем> Ник<олаевичем> Веселовским (проф<ессор> словесности †), с его женой, с Ник<олаем> Вас<ильевичем> Склифасовским (проф<ессор> хирургии †), с проф. Матв<еем> Никанор<овичем> Розановым, с П.Н. Сакулиным (позднее профессор), с Молас, с гр. Олсуфьевым, с проф. М.М. Покровским (латынь), с проф. Гамбаровым, с литератором Боборыкиным П.Д., с Вл<адимиром> Ив<ановичем> Танеевым, с

---

* *В автографе описка:* Коваленский

М.М. Ковалевским (в ранние годы), с артисткой Г.Н. Федотовой, с М.И. Щелкачевой, с Ал<ександром> Ив<ановичем> Чупровым, с проф. Самоквасовым (директор Русского Архива), Л.П. Бельским, К.П. Христофоровой и с рядом других лиц: у Стороженок видывал: сенатора Кони, Л.Н. Толстого, Вл. С. Соловьева, Мечникова, Поля Буайе.

Хозяева дома: Николай Ильич Стороженко († 1895 году); Ольга Ивановна Стороженко († около 1895 года).

2) *Кружок, сгруппированный около Соловьевых:* 1895–1903.

Михаил Сергеевич Соловьев († 7 января 1903 года).
Ольга Михайловна Соловьева († 7 января 1903 года).
Сын их: Сергей Мих<айлович> Соловьев.

Первые идеи будущего *«Арго»* и символизма вынашивались для меня в этом кружке; он текуче менялся; в период 1897–1903 годов в нем помню:

— я, М.С. Соловьев, О.М. Соловьева, С.М. Соловьев, Д.И. Новский (католик, мистик, репетитор С.М.), Ел<ена> Вл<адимировна> Герье (дочь профессора), Е. Унковская, Т.Н. Попова (дочь профессора Нила Попова), А<лександра> Гр<игорьевна> Коваленская († писательница, мать О.М.), С<офья> Гр<игорьевна> Карелина (сестра А.Г., дочь путеш<ественника> Карелина †), художник Шестеркин с женой (†), Мих<аил> Ник<олаевич> Коваленский (историк, публицист †), Вл<адимир> Ф<едорович> Марконет (учитель гимназии), П.С. Соловьева (Allegro) постоянно бывала в бытность в Москве, В.С. Соловьев (философ), бывал в бытность в Москве (был идеолог<ической> душой этого кружка); поздней появились: В.Я. Брюсов, Г.А. Рачинский, В.В. Владимиров, П.Н. Батюшков, А.С. Петровский, А.Н. Шмидт, Л.Л. Кобылинский, С.Л. Кобылинский и т.д.

(С 1901 года – тесное общение письмами с Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, А.А. Кублицкой-Пиоттух, А.А. Блоком: связь кружка Соловьевых с Петербургом).

У Соловьева встречался: с В.М. Коваленским (проф<ессор> механики), его женой, с М.В. Коваленской (Маруся), с Н.М. Коваленским (пом<ощник> предс<едателя> Суд<ебной> Палаты в Вильно †), с А.М. Марконет (†), с А.Ф. Марконет (†), с ген<ерал-> лейт<енантом> Деннетом (†), с кн. С.Н. Трубецким (†), с Л.М. Лопатиным (†), с доктором Петровским (†), с его сыном Мишей Петровским (позднее *профессор*), с проф. И<ваном> Фл<оровичем> Огневым (гистология), с его детьми (один из сыновей, *«Саша»* Огнев, позднее проф<ессор> философии), с пр<офессором> Вас<илием> Осип<овичем> Ключевским (известный историк), с Рязановым (дир<ектор> гимназии), с цензором Венкстерном, с его дочерью, Марусей Венкстерн (впоследствии автор пьесы *«Декабристы»*), с Соней Гиацинтовой (позднее С.В. стала артисткой Мхата 2-го), с В.Е. Гиацинтовым, с публицистом В.Л. Величко (†), с Н<иколаем> Вл<адимировичем> Марковым, с Л<еонидом> Вл<адимировичем> Геника, с В.А. Венкстерном, с А. Бенкендорфом, с Шуцким, с писательницей Дементьевой, с В.С. Поповой

(сестра Мих<аила> Серг<еевича>), с С.Н. Поповым (ее сыном), Манасеиной и с рядом других лиц.

Кружок Соловьевых сыграл крупную роль в моей жизни.

3) *Университетский кружок (товарищей по курсу):* 1899–1903.

«Я», А.С. Петровский, В.В. Владимиров (художник), А.С. Печковский, Погожев, С.Л. Иванов (позднее проф<ессор> в Петр<овской> Акад<емии>), Воронков (позднее профессор), Б. Гиндце (позднее педагог), Ю.Н. Зограф (сын профессора), Н. Суслов, Розанов, Вячеслов (позднее врач), Аршинов, Чиликин.

В связи с этими людьми помнится дом проф. Н.Ю. Зографа (зоология): и общение с кружком зоологов: Н.В. Богоявленский (позднее – профессор зоологии в Моск<овском> универс<итете>), пр<иват->доц<ент> Г.А. Кожевников (позднее проф<ессор> зоологии в Моск<овском> универс<итете>), Кивокурцев и др.

Университетский кружок не оставил никаких глубоких следов в моей жизни.

4) Кружок, собиравшийся у Владимировых (в котором вынашивались многие идеи аргонавтизма и символизма). Бывал с 1902 до 1906, <190>7 годов.

Хозяйка: Е.И. Владимирова († 1911—12 годах): у Владимировых помню: —

— В.В. Владимиров (художник), А.В. Владимирова (певица, позднее Сизова, антроп<ософка>), Е.В. Владимирова (†, худ<ожница>, позднее антр<опософка>), Д.И. Янчин (позднее *учитель*), Н.М. Малафеев (народник), А.С. Челищев (музыкант), его двоюр<од>ный брат, Кевец, барышня Водо, М.А., барышня, позднее вышедшая замуж за проф. Вышеславцева, Б. Гардинг, прис<яжный> пов<еренный>, оказавшийся негодником, студент Леонов, барышня Тоня (фам<илию> не помню), брат Е.И. Владимировой, А.С. Петровский, С.М. Соловьев, Б.А. Фохт (философ), композитор Василенко, проф. Шамбинаго, П.Н. Батюшков, пьянист Буюкли, М.А. Эртель (историк, мистик), М.А. Эртель (его сестра), мама, М.И. Сизов, Н.И. Сизов (композитор), Л.Л. Кобылинский (Эллис), Я.А. Поляков (брат *«Скорпиона»*, С.А.), его сын, С.Л. Иванов, С.Л. Кобылинский, М.И. Сизова и др.

5) Кружок, сгруппированный у меня по воскресеньям: в эпоху: 1902, особенно: с 1903 до 1906; и потом: от 1907 до 1910. Кружок *«Арго»*: вынашивались идеи символизма.

В эпоху от 1903 до 1906 бывали между прочим, насколько помню:

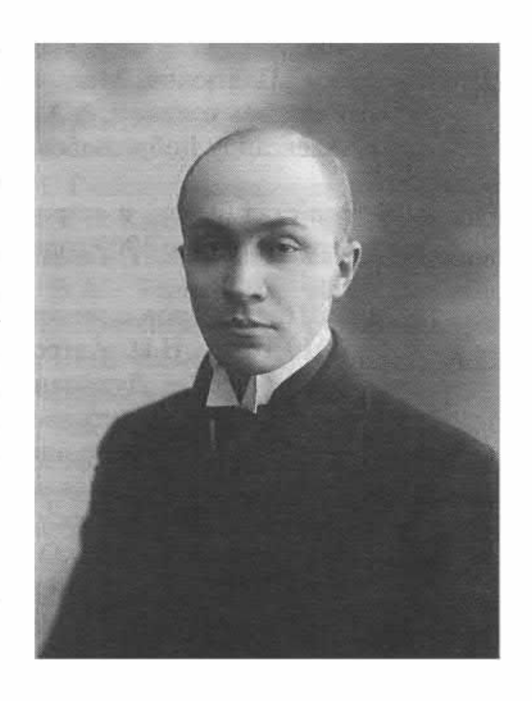
А.С. Петровский, С.М. Соловьев, Л.Л. Кобылинский (Эллис), М.И. Сизов, Н.И. Сизов, Н.К. Метнер (композитор), Э.К. Метнер (писатель), Н.П. Киселев, В.В. Владимиров, А.П. Печковский, А.С. Челищев, П.Н. Батюшков, М.А. Эртель, эти лица в период 1903–1905 составляли ядро «*Аргонавтов*»; в то же время бывали: —

— Е.И. Владимирова, А.В. Владимирова, Е.В. Владимирова, А.В. Часовникова, М.А. Эртель, К.П. Христофорова, Н.М. Малафеев, Д.И. Янчин, Леонов, Б.А. Фохт, проф. Шамбинаго, пьянист Буюкли, С.Л. Кобылинский, Богословский (†), Б.К. Зайцев (писатель), С.А. Соколов (издатель *«Грифа»),* А.А. Койранский, Поярков (поэт, критик †), Н.И. Петровская (писательница), В. Гофман (поэт †), Рославлев (поэт), С.А. Поляков (*«Скорпион»*), В.Я. Брюсов (†), Ю.К. Балтрушайтис, М.Н. Семенов («Скорпион»), прив<ат->доц<ент> И.А. Кистяковский, М.Н. Кистяковская, проф. И.А. Каблуков (химик), проф. А.П. Павлов (геология), М.В. Павлова (палеонтолог), Сильверсван, Л.А. Оленин (студент), Г.А. Рачинский, худ<ожник> Уткин, худ<ожник> Липкин, худ<ожник> Борисов-Мусатов (†), Абрамович (критик, †), В.И. Иванов (поэт, в бытность в Москве), Зиновьева-Аннибал (писат<ельница>), Вл<адимир> Павлов<ич> Поливанов, худ<ожник> Астафьев, П.И. Астров, Вл<адимир> Фр<анцевич> Эрн (†, философ), Вал<ентин> Павл<ович> Свенцицкий (ныне священник), Пав<ел> Ал<ександрович> Флоренский (писатель, ныне свящ<енник>), Первухин, композ<итор> проф. С.И. Танеев (†), П.П. Перцов (ред<актор> журнала *«Новый Путь»*), А.А. Блок († поэт: в бытность в Москве), Л.Д. Блок, Н. Келер, Э.А. Зубкова (жена проф<ессора>), М.Н. Климентова-Муромцева, Пантюхов (писатель), А.А. Койранский, Г.<так!>А. Кожевников (писатель), Л.Д. Семенов (писатель, поэт †), П<авел> Вл<адимирович> Танеев (позднее профессор в Сельск<о>хоз<яйственном> институте), Гюнтер (проездом живший нем<ецкий> поэт), Максим<илиан> Шик, Макс Волошин (поэт), К.Д. Бальмонт, Тастевен, Н.П. Рябушинский (издатель «Зол<отого> Руна»), Тароватый (ред<актор> лит<ературного> отд<ела> «Золотого Руна»), С.Я. Рубанович (поэт), К.П. Метнер (отец Э.К.), В.А. Хлудов (мистик), Белов, С.<?>И. Величкин, М.И. Сизова, Вл<адимир> Отт<онович> Нилендер, Б.А. Садовской (писатель), Н.Н. Черногубов (федоровец), Шкляревский, А.М. Астрова, худ<ожник> Россинский.

В эпоху 1906–1910 состав посетителей меняется: вот кто бывал, насколько помню: —

— А.С. Петровский, Н.П. Киселев, М.И. Сизов, Н.К. Метнер, А.М. Метнер (его жена), Э.К. Метнер, М.К. Морозова, Б.А. Грифцов, Е.Л. Янтарев, Муни († писатель), В.Ф. Ходасевич (поэт), В.Я. Брюсов, Г.К. Балтрушайтис, С.М. Соловьев, барон П.И. д'Альгейм, Эллис (Л.Л. Кобылинский), К.П. Христофорова, А.Р. Минцлова, И.И. Трояновский, М.А. Эртель, Г.Г. Шпетт (позднее проф<ессор> философии), Н.П. Феофилактов, худ<ожник> Сапунов, худ<ожник> Вас<илий> Вас<ильевич> Переплетчиков (†), Курсинский, Вольский-Станиславов (с<оциал>-д<емократ>, мен<ьшевик>), Голобородько, Белевский, К.Д. Бальмонт, Ф.К. Сологуб (в бытность в Москве),

А.М. Ремизов (в бытность в Москве), Диэсперов (поэт), Попов (псевд<оним> *«Мисгирь»*), В.И. Стражев (литер<атор>), О.Ф. Путято (поздней оказ<алась> провокаторшей, уличенной Бурцевым), Б.К. Зайцев, В.Ф. Эрн, Г.А. Рачинский, Т.А. Рачинская (†), М.Н. Кистяковская, М.Н. Климентова-Муромцева, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, С.Н. Булгаков, А.С. Волжский (Глинка), Д.С. Мережковский (в бытность в Москве), З.Н. Гиппиус (в бытность в Москве), В.П. Свенцицкий, А.К. Топорков (философ), Б.А. Садовской, А.М. Кожебаткин, В.Ф. Ахрамович, М.Ф. Ликиардопуло, М.Я. Шик, А.А. Тургенева, Н.А. Тургенева, А.М. Поццо, некий Давыдов (кажется — оказался провокатором), Д.В. Философов (в бытность в Москве), В.И. Иванов (в бытн<ость> в Москве), Ф.А. Степпун (философ), С.И. Гессен (позднее профессор), В.О. Нилендер и др. В.В. Пашуканис (†), А.М. Эфрос (еще студент), Яковенко (философ), Г.В. Бугаев (†, мой дядя), Олег Бугаев (дв<оюродный> брат).

Б.А. Садовской
Фотография Д.С. Здобнова
Санкт-Петербург
1913, 11 февраля. ГМП

6) С 1902 года стал бывать в брюсовском кружке (среды). Хозяева: В.Я. Брюсов, А.<так!>М. Брюсова. Перестал бывать к 1905 году.

В брюсовском кружке, насколько запомнилось, встречался: —

— С.А. Поляков, К.Д. Бальмонт, Е.А. Бальмонт, Андреева (писат<ельница>), проф. Арт<ур> Лютер, В. Гофман, А.А. Койранский, Б.А. Койранский, А.А. Ланг (Миропольский), Модест Дурнов (архит<ектор>), Синцов (худ<ожник>), Первухин, М.Н. Семенов, Т.Г. Трапезников (позднее антр<опософ> †), Б.А. Садовской, А. Курсинский, Бронислава Матвеевна (сестра жены Брюсова), А. Брюсов (брат В.Я.), Н.Я. Брюсова (сестра В.Я., проф<ессор> Консерватории), Яворский (теоретик музыки), худ<ожник> Шестеркин, его жена, Арс<ений> Корещенко (композитор), И.И. Трояновский, А. Курсинский, Саводник (историк литературы), худ<ожник> Арапов, худ<ожник> Феофилак-

тов, М.С. Соловьев, С.М. Соловьев, Л.Л. Кобылинский, М.Н. Семенов, Пантюхов, Минцлова, Мережковский, Перцов, З.Н. Гиппиус, Гиршман с женой, А.А. Морозов, Н.Н. Черногубов, Б.А. Садовской, Александр Добролюбов (поэт, мистик), Г.К. Балтрушайтис.

7) С 1904 года стал бывать в астровском кружке *«Своб<одная> Совесть»*; бывал с перерывами до 1909 года:

Помню:

П.И. Астров с женой, А.М., проф. А.И. Астров (расстрелян † в 1919 году), Н.И. Астров (впоследствии деник<инский> министр), проф<ессор> Дух<овной> акад<емии> Громогласов, Цветкова (мать А.М. Астровой), К.П. Христофорова, Шкляревский (учит<ель> гимн<азии>), Петровский (член О<бщест>ва Люб<ителей> Рос<сийской> Слов<есности>), прив<ат->доц<ент> Покровский (Дух<овная> акад<емия>), Полянский (Юр<идическое> О<бщест>во), И.Х. Озеров (профессор), М.В. Челноков (впосл<едствии> городской голова), М.П. Поливанов, Вл. П. Поливанов, Г.А. Рачинский, С.М. Соловьев, П.Н. Батюшков, М.А. Эртель, Эллис (Л.Л. Кобыл<инский>), А.С. Петровский, М.И. Сизов, М.А. Эртель, И.А. Астафьев, его жена, Н.А. Бердяев, В.П. Свенцицкий, Эрн, С.А. Котляревский (проф<ессор>), Ю.А. Веселовский (переводчик), его жена (перев<одчица>), С.Я. Рубанович, Шперлинг, А.С. Мамонтова (дочь Саввы Мамонтова), Н.А. Бердяев, ряд изд<ательских> деятелей и деятелей Гор<одской> думы, которых фамилии не помню.

8) С 1904 года до 1906 бываю в кружке, сгрупп<ированном> при Университете под флагом Секция Религий: —

— Там помню:

Проф. С.А. Котляревский, студент Хренников, В.П. Свенцицкий, А.С. Петровский, Б.А. Койранский, П.А. Флоренский, Вл<адимир> Фр<анцевич> Эрн, Б. Сыроечковский, В. Сыроечковский, Великанов, Шерр (соц<иал->дем<ократ>, будущий начальник милиции при Врем<енном> прав<ительстве> в 1917 году), Б.А. Грифцов, Бердников (кажется, впоследствии коммунист), М.И. Сизов, С.М. Соловьев, Галанин (впосл<едствии> рентгенолог), сестры Шерр, Клавдия Александровна Дубах (впосл<едствии> антроп<особка> в Дорнахе), Ек<атерина> Ал<ександровна> Ильина (впосл<едствии> антроп<особка> в Дорнахе), М.А. Осоргин (кажется), св<ященник> Востоков, св<ященник> Успенский, А.М. Поццо, А.С. Волжский (проездом), Н.Н. Русов, и р<яд> др<угих> лиц: позднее примкнули: Рачинский, Булгаков: выделилось из кружка — Христианское Братство Борьбы,

— Моск<овское> Религ<иозно->Фил<ософское> общество. (С 1905 года).

9) С 1905 года часто бывая в Петербурге, попадаю в интимный религиозный кружок Мережковского: с 1904 до не знаю какого у Мережковских моления, чин службы: и закрытая община. Я в ней до 1907 года: —

— Община:

Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Т.Н. Гиппиус (художница), Н.Н. Гиппиус (скульпторша), я, Д.В. Философов, А.В. Карташев, С.П. Ремизова. —

— В кружке Мережковских эпохи 1905–1908 года встречаюсь: В.В. Розанов, П.П. Перцов, В.А. Тернавцев, Н.А. Бердяев, Е.Г. Лундберг, Г.И. Чулков, В.П. Протейкинский, А.С. Волжский, Базаров (соц<иал->дем<ократ>), Л.Д. Семенов, А.А. Блок, А.С. <так!> Аскольдов, Егоров (секр<етарь> *«Нового Пути»*), З.А. Венгерова, П.С. Соловьева (Allegro), Александр Кондратьев (поэт, ученый), Смирнов (студ<ент> философ), Пяст (поэт), Н.М. Минский, А.М. Ремизов, Успенский (проф<ессор> Дух<овной> академии), В.И. Иванов, Нувель (публ<икатор> *«Мира Иск<усства>»*), худ<ожник> Бакст, проф. Мережковский (брат Д.С.), отец Д.С. и его мать, Жуковский (изд<атель> «Вопр<осов> Жизни»), Вылковысский, прис<яжный> пов<еренный> Андриевский, Манасеина, Ф. Сологуб, Вл. Гиппиус (педагог, поэт), А.Н. Бенуа, М.М. Пришвин (писатель), Юрий Череда (пис<атель>), М.С. Шагинян.

10) С 1905 года часто бываю у М.К. Морозовой; попадаю в кружок, сгруппированный в ее доме: бываю часто с 1905 до 1912 года: —

— встречаюсь:

М.К. Морозова, Е.К. Вострякова, Е. Щукина (†), В.А. Морозов, Дилекторский (студент-философ, репетитор детей М.К.), проф. Вульф (физика), Багриновская, Багриновский (музыкант), проф. В.М. Хвостов, его жена (урожд<енная> Багриновская), проф. Л.М. Лопатин, проф. Северцев, проф. Кизеветтер, проф. Б.А. Кистяковский, проф. Фортунатов, проф. кн. Е.Н. Трубецкой, Вл<адимир> Фед<орович> Джунковский (в то время губернатор Москвы), композитор А.Н. Скрябин, его жена вторая, Татьяна Федоровна, первая жена В.Ф. Скрябина (пьянистка), Фохт-Сударская (пьянистка), Фохт, А.С. Кубицкий (философ), Трембовельский (философ), Тростянский (философ), Совальский († поздней профессор), Боричевский (философ), И.А. Ильин (поздней профессор), певец Собинов, Иванцов (дир<ектор> *«Худ<ожественного> Кружка»*), Э.К. Метнер, Анна Мих<айловна> Метнер, Ник<олай> Карл<ович> Метнер, И.И. Трояновский, С.В. Лурье, М.О. Гершенсон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Г.А. Рачинский, Т.А. Рачинская, кн. Львов, С.И. Щукин, композ<итор> Желяев, Г.Г. Шпетт, А.К. Топорков, проф. Ященко, П.Б. Струве и р<яд> др<угих> лиц.

11) С 1902 года бываю у Гр<игория> А<лексеевича> Рачинского: —

— там встречаюсь:

Худ<ожник> Н. Досекин, худ<ожник> С. Досекин, худ<ожник> Поленов, худ<ожник> В.А. Серов, Остроухов, В.А. Оленина (худ<ожница>), А.М. Поццо, С.М. Соловьев, А.С. Петровский, М.А. Оленина-д'Альгейм, Мюрат, бар<он> П.И. д'Альгейм, Степ<ан> С. Перфильев (старший сов<етник> Губ<ернской> Упр<авы>, сгорел †), Н.А. Тургенева, Ан<на> Ал<ексеевна> Рачинская (сестра), А. Рачинский (двоюр<од>ный брат: бывший камергер), Мамонтов (зав<едующий> типогр<афией> Мамонтова: расстрелян †), кн. Е.Н. Трубецкой, Кожевников (писатель по вопр<осам> буддизма), Новоселов (член Рел<игиозно->Фил<ософского> общ<ества>), А.А. Оленин (композитор, брат Ол<ениной->д'Альгейм) и ряд др<угих> лиц.

12) С 1902 года до 1912 бываю у д'Альгеймов и участвую в организации «Дома Песни»: —

— Помню:

Бар<он> П.И. д'Альгейм, М.А. Оленина-д'Альгейм, В.А. Оленина, А.А. Оленин, П.А. Оленин, сын А.А. Оленина (расстрелян в 1917 году †), гр. С.Л. Толстой (сын Л.Н. Толстого), пьянист Богословский, граф Стенбок-Фермор (брат А.В. Тарасевич), проф. Л.А. Тарасевич (†)[*], его жена Анн<а> Вас<ильевна> (†), сын А.Л. Тарасевич, П.<так!>К. Мюрат (кузен П.И. д'Альгейма), В.А. Рукавишникова (сестра поэта), проф. Д.Д. Плетнев, композ<итор> С.И. Танеев, муз<ыкальные> критики: Энгель, С. Кругликов (†), Н.Д. Кашкин (†); Н.К. Метнер, Э.К. Метнер, С.Н. Кампиони, А.А. Тургенева (Ася), Н.А. Тургенева (Наташа), А.С. Петровский, Б.С. Петровский (брат А.С. †: секретарь *«Дома Песни»*), Алексеева (ученица М.А.), Малых (учен<ица> М.А.), Г.А. Рачинский, проф. А. Лютер, С<емен> Вл<адимирович> Лурье, Г.Г. Шпетт, Вал<ерий> Як<овлевич> Брюсов, Таня Тургенева (поздней жена С.М. Соловьева), дочь Тарасевич, С.Н. Досекин, Бердяев (брат Н.А. Бердяева), кн<ягиня> Кудашева.

13) С 1905 года бываю в Пет<ербурге> в кружке В.И. Иванова («башня») до 1912 года: —

— хозяин: В.И. Иванов —

— М.М. Замятнина (после смерти жены управл<яющая> домом), В.К. Шварцалон (позднее 2-ая жена В.И. †), Л. Зиновьева-Аннибал (1-ая жена В.И.), С.К. Шварцалон (пасынок В.И.), М.А. Кузмин (жил на башне), А.Р. Минцлова, С. Троцкий (пост<оянный> посет<итель>), Скалдин (поэт), Пяст (поэт), В.В. Бородаевский (поэт †), проф. Е.В. Аничков, Н<иколай> Вл<адимирович> Недоброво (†, поэт), Мандельштамм (поэт), Н.С. Гумилев (поэт, расстрелян †), Вс<еволод> Эм<ильевич> Мейерхольд, К. Сомов

[*] *Знак в скобках вписан карандашом позднее.*

(худ<ожник>), Лансере (худ<ожник>), А.Н. Бенуа, Бакст (худ<ожник>), Билибин (худ<ожник>), С.Ю. Коппельман (изд<атель> *«Шиповника»*), З.И. Гржебин (издатель), Б.А. Леман (поэт *«Дикс»*), К.А. Эрберг (Сюннерберг), Габрилович (критик *«Речи»*), И.В. Гессен (ред<актор> *«Речи»*), С.И. Гессен, жена его; А.Н. Толстой (писатель), его первая жена, А.Л. Волынский (критик), Г.И. Чулков, А.А. Блок, сестры Беляевские, Тамамшина, А.Н. Чеботаревская (†), М.В. Сабашникова (художн<ица>), К.И. Чуковский (критик), С.К. Маковский (ред<актор> ж<урнала> *«Аполлон»*), Чапыгин (прол<етарский> писатель), Протейкинский, Серафимович, св<ященник> Агеев (расстрелян в 1920 †), Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, С.П. Каблуков (секр<етарь> Петерб<ургского> «Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва»), В<ладимир> Фр<анцевич> Эрн, Сергей Ауслендер, Столпнер, Шестов, Чудовской, С.М. Городецкий (поэт), его жена, Ю.Н. Верховский (поэт, проф<ессор>), Е. Сноско-Боровский (писатель, шахматист), С. Куклярский (писатель), И.И. Величкин, Э.К. Метнер, Ф.А. Степпун, П<авел> Вл<адимирович> Безобразов, С.А. Аскольдов (проф<ессор>), проф. Лосский, М.А. Волошин, сестры Герцык (Аделаида и, кажется, Александра), Жуковский (издатель *«Вопр<осов> Жизни»*), Гюнтер (поэт), О. Дымов (писатель), П.Е. Щеголев (писатель), Каратыгин (муз<ыкальный> *«критик»),* Аронштамм (художник), Пимен Карпов (писатель), О. Форш (писательница), Кузьмин-Караваев, Н.А. Бердяев, Л.Ю. Бердяева, В.В. Розанов, св<ященник> Григ<орий> Петров, писатель Куприн.

14) *В 1906 году вращаюсь в кругу мюнхенцев:* —

— встречаюсь:

В.В. Владимиров, Дидерихс, его сестра, Вулих (высланный, эмигрант), худ<ожник> Иванов, Paulsen (племянн<ик> философа), Шолом Аш, Пшибышевский, Ведекинд, жена Ведекинда, Lutt <?> (художник), секретарь польского журнала *«Химеры»* (фамилию забыл), Katty Kobus, И.И. <так!> Грабарь, Мюзам (впоследствии деятель советск<ой> Баварии), Людвиг Шарф (пролет<арский> поэт), Топорков, Кубицкий, Пипер (издатель), и ряд других представ<ителей> худ<ожественной> богемы.

15) В Париже (1906–1907) году встречаюсь:

— с —

— Жоресом, Шарлем Морисом, Аладьиным; проф. Кричевский, И.И. Щукин (застрелился †), певец Барцал, историк Валишевский, А.Н. Бенуа, его жена, его дочь, И. Книжник (анархист), барон Буксгевден, Александров (анархист †, застрелился в момент ареста жандармами), А.С. Гончарова (теософка), Н<иколай> Ст<епанович> Гумилев, К.Д. Бальмонт, Елена Ц<ветковская> (вторая жена Бальмонта), Д.С. Мережковский,

З.Н. Гиппиус, Н.М. Минский, Д.В. Философов, Е.Ю. Рапп (сестра жены Бердяева), художник Мародон, Поль Фор, худ<ожник> Зюлоаг и ряд др<угих> лиц.

16) *С 1907 года до 1912* собирается кружок, сгруппированный окол<о> Э.К. Метнера: —

— К.П. Метнер (старик), А.К. Метнер (его жена), Э.К. Метнер, А.М. Метнер, Н.К. Метнер, Карл Карл<ович> Метнер, Ел<ена> Мих<айловна> Метнер, А.К. Метнер, Сабуров, Сабурова, Братенши (зубной врач), его жена, Андрей Братенши (†, покончил с собой), Синцова, Гедике (музыкант), барышня Гедике, Конюс, madame Конюс (в разводе с мужем), А.Б. Гольденвейзер (пьянист), худ<ожник> Штембер, его жена, Л. Сабанеев (муз<ыкальный> критик), С.И. Щукин, Ваня Щукин (его сын), М.В. Сабашникова, В.О. Нилендер, М.К. Морозова, Г.А. Рачинский, Л.Л. Кобылинский (Эллис), А.С. Петровский, Н.П. Киселев, Тастевен, А.А. Тургенева, Н.А. Тургенева, Г.Г. Шпетт, Людвиг (немка), из метнеровского кружка формируется *«Мусагет – Логос – Орфей»* в 1910 году.

17) Кружок «Мусагета» (включая и Молодой «Мусагет», 1910–1913: —

— К.П. Метнер, Э.К. Метнер, я, Эллис, А.С. Петровский, Н.П. Киселев, А.М. Кожебаткин, В.Ф. Ахрамович, Г.А. Рачинский, В.И. Иванов, А.Р. Минцлова, А.А. Блок (издали участвует), В.О. Нилендер, Б.А. Садовской, Ф.А. Степпун, С.И. Гессен, Б.В. Яковенко, (Кистяковский, Фохт, Гордон, Сеземан – отдел *«Логоса»*), Н.Е. Машковцев; молодой *«Мусагет»*: Сергей Бобров, Сергей Клычков, худ<ожник> К.Ф. Крахт, А. Сидоров (позднее профессор), С. Дурылин (позднее свящ<енник>), Шенрок (†), Б.Л. Пастернак (поэт), Чеботаревская, П.Н. Зайцев, В.О. Станевич (позднее Анисимова), Ю.П. Анисимов (позднее присоед<инился>), Баранов (Ремм), С.Я. Рубанович и р<яд> др<угих> лиц; поздней — Пашуканис, М.С. Шагинян.

18) Кружок *«Свободной Эстетики»*: я был в нем с 1907 до 1911 года.

Я, Эллис, Брюсов, Серов, Трояновский, В.В. Переплетчиков, А.А. Морозов, Гиршман, Пашуканис, Н.Р. Кочетов (музыкант), А.Н. Корещенко (музыкант), граф Бобринский, Обнинский (†), Г.А. Рачинский, худ<ожник> Арапов, худ<ожник> Судейкин, худ<ожник> Ларионов, И.И. Грабарь, худ<ожник> П. Кузнецов, Э.К. Метнер, худ<ожник> Феофилактов, муз<ыкант> Померанцев, Л. Сабанеев, Н.Я. Брюсова, Яворский, Меркурьева, Ада Корвин, Гурьев (поэт), С.Я. Руба<нович>, И.И. Попов, Марина Цветаева, А.К. Дживилегов, Ася Цветаева, С. Яблоновский, прис<яжный> пов<еренный> Шкляр, П.Д. Боборыкин, С.А. Поляков, Ю.К. Балтрушайтис, М<ария> Ив<ановна> Балтрушайтис, Е.И. Лосева,

худ<ожник> Дриттенпрейс, его жена, худ<ожник> Сапунов, С. Иванцов, Н.Е. Эфрос (театр<альный> критик), комп<озитор> Василенко, проф<ессор> конс<ерватории> Игумнов, пьянист Мейчик, граф Капнист, и ряд др<угих> лиц.

19) С 1905 года бывал на андреевских средах: запомнились —

— Л.Н. Андреев (писатель), С.С. Голоушев (Сергей Глаголь), А.Е. Грузинский, Г. <так!> Кожевников (новеллист), Первухин, Евгений Чириков, И.А. Бунин (писатель), Ю.А. Бунин, художник Россинский, Тимковский, Иван Белоусов, Б.К. Зайцев, Вера Ал<ексеевна> Зайцева, Виктор Стражев, Телешев (писатель), Семен Юшкевич и р<яд> др<угих>.

20) С 1912 до 1916 живу в антроп<ософских> кругах за границей: — *встречаюсь*: с деятелями антр<опософского> движения:

Рудольф Штейнер (†), М.Я. Сиверс (впосл<едствии> *«Frau Dr. Steiner»*), Карл Унгер (писатель-филос<оф>), М. Бауер (лектор-писатель), Христиан Моргенштерн (†), Софи Штинде (†), граф<иня> Калькрейт, гр<аф> Лерхенфельд (перев<одчик> Соловьева), д-р Пайперс, Аронсон (пис<атель>-муз<ыкант>), баронесса Эккартштейн, Рихтер (худ<ожник>), Вагнер (венский худ<ожник>), Вагнер (старый антр<опософ>), Киттель, Леви (фр<анцузский> писатель), Вальтер Кюне (писат<ель>-лектор), Зейлинг, дир<ектор> Зеллин, бар<он> Валлен, его жена, Штюкгольд (скульптор), Май (художница), д-р Гросхайнц, его жена, фон-Мутах, барон<есса> Гамильтон, бар<онесса> Гамильтон (тетка первой), фон-Чирская, Штраус, Шпренгель, д-р Гёш (философ), Энглерт (строитель сгоревшего *«Гетеанума»*), Хольцлейтер, Мэрион (художница, †), Лихтфогель (зав<едующий> столярными работами *«Гетеанума»*), Зейфельд, Лиссау, архит<ектор> Шмидт, Шмидель (химик), Стракош (преп<одаватель> вальд<орфской> школы: естествоиспытатель), его жена (художница), Полляк (художник, мистик), его жена (худ<ожница>), Вакано, пан Седлецкий (художник), Седлецкая (предс<едатель> польской антр<опософской> группы), Штраус (худ<ожник>, препод<аватель> вальдорфск<ой> школы), фон Гейдебрандт (препод<аватель> вальд<орфской> школы), ее брат (художник), Вольфюгель (преп<одаватель> вальд<орфской> школы), Митчер (философ †), Митчер (его брат, худ<ожник>, † убит на войне), Fr. Митчер, Врэде (член совета А<нтропософского> О<бщества>: математичка), ее мать, Людвиг (худ<ожник>, † убит на войне), Дубах (худ<ожник>), Кучерова (чешка, худ<ожница>), Эйзенпрейс (инжен<ер>), его жена (эвритмистка), Fr. Гельмгойден (предс<едатель> норв<ежской> группы А<нтропософского> О<бщества>), мисс Чильс, Fr. Шолль, де-Ягер (эвритмистка), ее брат, худ<ожник> (†), Стютен (муз<ыкант>), Вандер-Паальс (муз<ыкант>), Ледебур (гол<ландский> худ<ожник>),

Ван-Леер (деятель), Юли (писатель), Ленхас (общ<ественный> деятель), пастор Риттельмейер (писатель), мадам Моргенштерн (жена поэта), Райф, ее дочь, Беатриче, фон-Мой, его брат (поэт), мисс Нильсон (†), Луна Дрекслер (полька), Катчер (худ<ожница>, чешка), Гюнтер, Друшкэ (†), Розенберг (худ<ожник>), Fr. фон-Орт (позднее жена комм<униста> Лигского), Зонненклар, Валлер, сестры Леман, Fr. Мюкке, Курт Вальтер (лектор, Берлин), Ваксмут, Драхенфельс, проф. Бек, Лилль (†), м-с Гаррис, мисс Рикардо, Вегелин (худ<ожник>), Розенкранц (худ<ожник>), Линде (худ<ожник>), Ганна, Штейн, Гуземан (психиатр), д-р Нолле (медик), бар<онесса> Фитингоф, Ильина, Дубах, Богоявленская, Вольфрам (лейпц<игская> писательница), ее дочь (эвритмистка), Смитс-Майер (эвритмистка), Киселева (эвритм<истка>), Савич (эвритм<истка>), А.А. Тургенева (эвритм<истка>), Н.А. Поццо (эвритм<истка>), А.М. Поццо, О.П. Костычева, Фридкина, Эльрам, Колпакчи (египтолог), Нейшеллер, его жена (эвритмистка), Попов (композ<итор>), его жена (эвритмистка), Лёв (норвежец), две его дочери, Фадум (норв<ежец>), Киселев (художн<ик>), и ряд др<угих> лиц, которых фамилию забыл, или которых фамилию не помню, поляк Люпшевиц, художник Фидус, немецкий пастор, соклассник Фридриха Ницше и Дейссена (умер: фамилию не помню), Эллис, Поольман-Мой, его жена.

21)* Кружок теософов московских: общался на всем протяжении лет от 1901 года до 1912-го (главным образом в периоды: 1901–1902; потом 1908–1910): перечисляю, кого помню: —

— Анна Сергеевна Гончарова (первая русская, взошедшая на Монблан; первая русская докторша философии; с 1899 года стала теософка: привезла в Москву теософию: безантистка), П.Н. Батюшков (двоюр<од>ный брат Гончаровой; теософ с 1900 года), Кохманская, Пшенецкая, Сабашникова, А.В. Сабашников, Писарева, Унковская, Гернет, Странден, д-р Кудрявцев, д-р Боянус, его жена, Борнио, Кузмин, кн. Урусова, Крыжановский (полковник, бывший в Тибете), Минцлова, Бурышкина, С.В. Герье, Кузмин, Смирнова (арт<истка> Малого театра: жена покойного Н.Е. Эфроса), Шперлинг, Недович (мадам), Эртель, Бердяева (родств<енница> Н.А. Бердяева) и др.

22) В кружке, сгруппированном вокруг Моск<овского> Религ<иозно>-Фил<ософского> Общества: —

— Рачинский, кн. Е.Н. Трубецкой, Булгаков, Бердяев, Тернавцев, Кожевников, Новоселов, св<ященник> Флоренский, св<ященник> Добронравов, св<ященник> И. Фудель, св<ященник> Успенский, св<ященник> Арсеньев, св<ященник> С.М. Соловьев,

* *В автографе – повторно:* 20; *исправлено здесь и далее.*

св<ященник> Дурылин, д-р Трифановский, худ<ожник> М.В. Нестеров, В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий, Б.Е. Сыроечковский, Вл. Е. Сыроечковский, Великанов, св<ященник> Агеев, М.К. Морозова, пр<иват->доц<ент> Покровский, проф. Громогласов, П.И. Астров, проф. Каптерев (†), Подгоецкий (артист Чабров), Л.М. Лопатин, М.О. Гершенсон, П.Б. Струве, Е.Г. Лундберг, Великанов, Т.А. Рачинская, Е.К. Вострякова, С.П. Постников (эс-эр), сестры Шерр, О.Г. Бугаев, Г.В. Бугаев (†), проф. Кизеветтер, Ф.А. Степпун, Э.К. Метнер, А.К. Виноградов, К.Ф. Крахт, К.А. Дубах, Е.А. Ильина, св<ященник> Востоков, св<ященник> Абрикосов (католик), Ю.И. Айхенвальд, Муравьев, Оболенский, Кузьмин-Караваев, Олив, ее дочь, редактор желтеньких книжечек *«Польза»* (забыл фамилию), А.С. Петровский, М.И. Сизов, Н.П. Киселев, Б.П. Григоров, Е.А. Бальмонт, О.Н. Анненкова, М.П. Столяров, Л.Ю. Бердяева, Е.Ю. Рапп, Кокошкин (†) с женой, А.М. Эфрос, Н.Н. Русов, Б.А. Грифцов, В.О. Анисимова, К.Н. Васильева, Е.Н. Кезельман, А.Н. Чеботаревская, А. Герцык, кн<ягиня> Кудашева, Майя Кудашева, Алексеева (по прозв<ищу> Бишка), курсистка Смирнова, племянник Бердяева «Тюня», Арсеньев, князь Трубецкой (сын С.Н. Тр<убецкого> †), В.И. Иванов, В.К. Иванова, М.М. Замят<н>ина, М.Н. Кистяковская, Г.И. Чулков, М.С. Шагинян, М.С. Фельдштейн, М.Б. Гершенсон, Игумнов, И.И. Жилкин, жена его, А.А. Сидоров, его жена, Шмаков (автор работ по окк<ультизму>), Столпнер, Г.Г. Шпетт, И.А. Ильин, Базилевич, польский пис<атель> Шимановский, Малевич, Ю.И. Айхенвальд, Л.И. Шестов, его жена и ряд др<угих> лиц.

23) В Бельгии в 1912 году вращался в кружке: —

— Данс (старый гравер †), Сант (банкир, коллекционер), его жена, де-Гру (художник), Жюль Дестрэ (публиц<ист>, соц<иал>-дем<ократ>, депутат: потом министр), его жена, жена Ван-дер-вельде, кажется, автор сочинения Шекспир – Рэтланд (забыл фамилию), молодой бельг<ийский> поэт (забыл фамилию), агитатор соц<иал>-дем<ократ> (забыл фамилию) и др.

24) В 1917 – 1918 годах в кружке *«Скифов»* в Петерб<урге> и потом в Москве при ред<акции> *«Знамя Труда»* — встречался: —

— Иванов-Разумник (Раз<умник> Вас<ильевич>), его жена, мать его жены, Ина Разумник<овна> Иванова (дочь), В.Н. Фигнер (революционерка), проф. С. Метальников, его жена, В.И. Гедройц (хирург, писатель), М.М. Пришвин, С.Д. Мстиславский, его жена, его дети, Б.Б. Красин (музыкант, впосл<едствии> зав<едующий> *«Музо»*), К.С. Петров-Водкин, его жена, Н.А. Клюев, С.А. Есенин, П.В. Орешин, Ганин (поэт, расстрелян †), Вс<еволод> Эм<ильевич> Мейерхольд,

Е.И. Замятин, Колпакчи (левый эс-эр, потом комм<унист>), Устинов (пот<ом> комм<унист>), И.З. Штейнберг, Левин, Блюмкин, Магеровский (потом комм<унист>), А.З. <так!> Шрейдер (пис<атель>, лев<ый> эс-эр), С.И. Гессен, его жена, О.Д. Форш, Л.И. Шестов.

25) По делам *«В<ольной> Ф<илософской> А<ссоциации>»* встречался и работал вместе со следующими (1919–1921): —

— Р.В. Иванов, К.А. Эрберг, я, А.З. Штейнберг (брат политика) (совет *«Вольфилы»*), В.Д. Бакрылов (†), В.Э. Мейерхольд, Пунин, А.А. Блок, К.С. Петров-Водкин, композитор Лурье, худ<ожник> Матюшин, Кушнер (комм<унист>), проф. Боричевский (комм<унист>), Кибальчич (комм<унист>), М.П. Кристи, проф. Васильев (матем<атик>), Коялович (фил<ософ>), Чебышев-Дмитриев (мат<ематик>), Л.В. Пумпянский (фил<ософ>), Д.М. Пинес, А.А. Мейер, св<ященник> Егоров, О.Д. Форш, д-р Шапиро, проф. Петров (инженер), А.С. <так!> Гизетти, его жена, Стоянов (ан<архист>), Н.О. Лосский, С.А. Венгеров, С.Г. Каплун, Е.Ю. Виссель, Векслер, Н.М. Меринг, Уханова, Соня Мейникес, Е.Ю. Фехнер, Н.И. Гагенторн, Чертков (не толстовец), Сватиков (толстовец), С.А. Аскольдов, Д.Д. Михайлов, Бернштей<н> (формалист), В. Шкловский, Эмма Гольдман (впосл<едствии> эмигрантка), Е.П. Иванов, тетка Штейнберга, жена Сюннерберга, Н.А. Клюев, Ерошин и цел<ый> ряд лиц.

26) В *«Пролеткульте» встречался:* —

— Орешин, Есенин, С. Клычков, В. Казин, Санников, Герасимов, Плетнев, Вешнев, Кравцов, Лебедев-Полянский, Б.Б. Красин, Н.Г. Полетаев, Обрадович, Ерошин, и цел<ый> ряд лиц.

27)*

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 156–164 об.). На листе, предваряющем текст (л. 155), пояснительная помета Белого: «К биографическим воспоминаниям. 17 стр.».

Сведения о ряде лиц, упоминаемых здесь Белым, неточны или неверны; коррективы к ним см. в Аннотированном указателе имен.

---

* *На этом текст обрывается*

КАКИМИ БОЛЕЛ БОЛЕЗНЯМИ

Кровавый понос.
Дизентерия.
Воспаление в легком. 2 раза.
Корь.
Скарлатина.
Дифтерит.
Много гриппов, жаб, бронхитов.
Астма.
Флегмона с операцией.
Свинка.
5-ти лет горел.
4-х лет тонул.
3<-х> лет проглотил булавку.
6<-ти> лет доктор дал не то лекарство, началось заражение крови.

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в ГЛМ (Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 29. Оф 6323).

ГОРОДА И МЕСТЕЧКИ

Россия

Петербург. 15 раз
Москва. Всегда
Варшава. 2
Киев. 4
Одесса. 1
Гельсингфорс. 1
Минск. 2
Тверь. 1
Тула. 1
Либава. 1
Нижний Новгород. 3
Луга. Петербургской <губ.>. 1
Кронштадт. Петербург. 1
Петровск (Сарат<овской губ.>) много <раз>
Аткарск (Сарат<овской губ.>) много <раз>
Ефремов (Тульск<ой губ.>) много <раз>
Спасск (Тамб<овской губ.>) много <раз>
Арзамас (Нижегор<одской губ.>). 2
Фастов (Киевск<ой губ.>) неск<олько раз>
Городищи (Киевск<ой губ.>). 1
Луцк (Волынск<ой губ.>)
Подольск (Моск<овской губ.>)
Клин (Моск<овской губ.>)
Сергиев Посад (Моск<овской губ.>)
Новый Иерусалим (Моск<овской губ.>)
Расторгуево (Моск<овской губ.>)
Изумрудный Поселок (Моск<овской губ.>)
Немчиново (Московск<ой губ.>)
Голицыно (Моск<овской губ.>)
Саввинский Монастырь (Моск<овской губ.>)
Пушкино (Московск<ой губ.>)
Перловка (Московской <губ.>)
Вифания (Московск<ой губ.>)
Аляухово (Московск<ой губ.>)
Царицыно (Моск<овской губ.>)
Орехово (Моск<овской губ.>)
Давыдково (Моск<овской губ.>)

В имении Бугаевых Серебряный Колодезь
Старогальская волость, Ефремовский уезд, Тульская губерния
Фотография Антонова. 1904. ГМП
На обороте пояснительные надписи рукой К.Н. Бугаевой:
«Серебряный Колодезь где написаны: "Золото в лазури", "Пепел", "Урна". Вид на дали, которые особенно любил Б<орис> Н<иколаевич>», «Вид с террасы дома Сер<ебряный> Кол<одезь>. 1904»
Слева стоит А.Д. Бугаева, за столом сидит Андрей Белый

Демьяново (Моск<овской губ.>)
Майданово (Моск<овской губ.>)
Сохино (Моск<овской губ.>)
Горки (Моск<овской губ.>)
Окулово (Моск<овской губ.>)
Бородино (Моск<овской губ.>)
Фроловское (Моск<овской губ.>)
Томилино (Моск<овской губ.>)
Барыбино (Моск<овской губ.>)
Дедово (Моск<овской губ.>)
Петровское (Моск<овской губ.>)
Надовражино (Моск<овской губ.>)
Бобровка (Тверской <губ.>)
Оленино (Тверской <губ.>)
Серебряный Колодезь (Тульской <губ.>)
Плоское (Тульской <губ.>)

Круглое (Тульской <губ.>)
Теплое (Тульской <губ.>)
Быково (Тульской <губ.>)
Старогальское (Тульской <губ.>)
Кологривово (Тульской <губ.>)
Бобровка (Тамб<овской губ.>)
Александрия (Тамб<овской губ.>)
Салазгарь (Тамб<овской губ.>)
Сатино (Тамб<овской губ.>)
Липяги (Тамб<овской губ.>)
Ивановка (Тамб<овской губ.>)
Даниловка (Сарат<овской губ.>)
Ключи (Саратовск<ой губ >.)
Дивеево (Нижегор<одской губ.>)
Саров (Тамб<овской губ.>)
Боярки (Киевской <губ.>)
Торчино (Волынской <губ.>)
Рожище (Волынск<ой губ.>)
Серники (Вол<ынской губ.>)
Боголюбы (Волынск<ой губ.>)

Швейцария

Базель. Много раз
Берн. 5 раз
Цюрих. 3 раза
Люцерн. 3 раза
Тун. 2 раза
Лозанна. 1 раз
Монтрё. Несколько раз
Биль. 1 раз
Глион
Ко
Невшатель
Арлесгейм
Сен-Морис
Лавэ
Les Avants
Дорнах
Эш
Ангенштейн
Сиссах
Ботниге-Мюлэ
Фицнау
Герзау
Бруннен
Сисикон
Флюэлен
Моршах
Альтдорф
Вассен
Гешенен
Андерматт
Амстег-Силенен
Рига-Кульм
Гюнтен
Территэ
Шильон

Германия

Берлин
Потсдам
Кёльн
Мюнхен
Аугсбург
Штарнберг-Зее
Нимфенбург
Штуттгарт

Пфорцгейм
Страсбург
Сассниц
Анкона
Нюренберг
Дёгерлох

Франция
Париж
Версаль
Буа-ле-Руа
Фонтенебло

Бельгия
Брюссель
Шарлеруа
Брюгге

Австрия
Вена
Прага
Лемберг

Италия
Венеция
Рим
Неаполь
Палермо
Трапани
Монреаль
Солунтэ

Норвегия
Христиания
Льян
Берген

Швеция
Треллеборг
Норд-Чёппинг

Дания
Копенгаген

Тунисия
Тунис
Карфаген
Максулла-Радес
Сиди-бу-Саид
Гаммам-Лиф
Громбалия
Марсала
Эль-Ариана
Кэруан

Египет
Порт-Саид
Каир
Каттарра
Мемфис

Палестина
Яффа
Иерусалим
Назарет

Греция
Митилены

Турция
Константинополь

Города

Россия
Петербург. 15 раз
Москва. (Жил)
Варшава. 2 раза
Киев. 4 раза

Одесса. 1 раз
Гельсингфорс. 1 раз
Минск. 2 раза
Тула. 2 раза
Рязань. 1 раз
Нижний Новгород. 3 раза
Либава. 1 раз
Тверь. 1 раз
Арзамас (Нижегородской <губ.>). 1 раз
Спасск (Тамбовской <губ.>). 1 раз
Петровск (Саратовской <губ.>)
Ефремов (Тульской <губ.>). Много раз
Кронштадт (Петербургской <губ.>). 1 раз
Луга (Петербургской <губ.>). 1 раз
Фастов (Киевской <губ.>). 1 раз.
Луцк (Волынской <губ.>). Много раз
Клин (Московской <губ.>). Много раз
Подольск (Московской <губ.>)
Сергиев Посад (Московской <губ.>). Много раз
(где Нов<ый> Иерус<алим> Московской <губ.>) несколько раз
Пятигорск (Владикавк<аз>)
Кисловодск (там же)
Железноводск
Эссентуки
Ржев (Тверской <губ.>)

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в ГЛМ (Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 29. Оф 6323).

Перечень включает, среди прочих, названия «городов и местечек», пребывание Белого в которых не зафиксировано ни в одном другом из документальных источников. Составлен, видимо, не позднее начала 1920-х гг.

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЗА 1910–1918 ГОД (ЖИЗНЬ С АСЕЙ)

1910 год

Декабрь.
Вена
Венеция
Неаполь
Палермо
Монреаль
Тунис

1911 год

Январь.
Тунис
Радес
Февраль.
Радес
Керуан
Радес
Март.
Радес
Мальта
Каир
Апрель.
Каир
Иерусалим
Май.
Митилены
Константинополь
Боголюбы (Вол<ынской> губ<ернии>)
Москва
Киев
Боголюбы
Июнь.
Боголюбы
Июль.
Боголюбы
Август.
Боголюбы
Москва
Калужская губ<ерния> (им<ение> Морозово<й>)
Москва
Сентябрь.
Расторгуево
Октябрь.
Расторгуево
Ноябрь.
Расторгуево
Москва
Декабрь.
Москва
Бобровка
Москва

1912 год

Андрей Белый
Фотография O. Niedermaier. Флюэлен (Швейцария). 1915. ГМП

Январь.
Москва
Бобровка
Москва
Петербург
Февраль.
Петербург
Март.
Петербург
Москва
Кельн
Брюссель
Апрель.
Брюссель
Кельн
Брюссель
Май.
Брюссель
Брюгге
Брюссель
Шарлеруа
Париж
Bois-le-Roi
Июнь.
Буа-ле-Руа
Июль.
Страсбург
Мюнхен
Август.
Мюнхен
Базель
Сентябрь.
Базель
Люцерн
Фицнау
Октябрь.
Фицнау
Ноябрь.
Фицнау
Штутгарт
Дегерлох
Мюнхен
Нюренберг
Берлин
Декабрь.
Берлин
Кельн

1913 год

Январь.
Кельн
Берлин
Февраль.
Берлин
Боголюбы

Март.
Боголюбы
Апрель.
Боголюбы
Май.
Боголюбы
Петербург
Гельсингфорс
Петербург
Демьяново (Московской <губернии>)
Июнь.
Демьяново
Боголюбы
Июль.
Боголюбы
Август.
Боголюбы
Мюнхен
Сентябрь.
Мюнхен
Дрезден
Берлин
Христиания
Льян
Октябрь.
Льян
Берген
Христиания
Копенгаген
Берлин
Штутгарт
Берлин
Ноябрь.
Берлин
Нюренберг
Берлин
Декабрь.
Берлин
Мюнхен
Берлин
Лейпциг

1914 год

Январь.
Лейпциг
Берлин
Февраль.
Базель
Берн
Тун
Базель
Берн
Март.
Базель
Штуттгарт
Пфорцгейм
Арлесгейм
Дорнах
Апрель.
Дорнах
Мюнхен
Вена
Май.
Вена
Прага
Нюренберг
Дорнах
Июнь.
Арлесгейм
Июль.
Арлесгейм
Берлин
Норд-Чёпинг
Сассниц
Берлин
Арлесгейм
Август.
Арлесгейм
Сентябрь.
Арлесгейм
Октябрь.
Арлесгейм

Ноябрь.
Арлесгейм
Декабрь.
Арлесгейм
Цюрих
Арлесгейм

1915 год

Январь.
Арлесгейм
Февраль.
Дорнах
Март.
Дорнах
Апрель.
Дорнах
Май.
Дорнах
Июнь.
Дорнах
Июль.
Дорнах
Август.
Дорнах
Сентябрь.
Дорнах
Люцерн
Бруннен
Флюэлен
Гёшенен
Дорнах
Октябрь.
Дорнах
Лозанна
Монтрё
Глион
С.-Морис
Глион
Невшатель
Дорнах
Цюрих
Ноябрь.
Цюрих
Дорнах
Декабрь.
Дорнах

1916 год

Январь.
Дорнах
Февраль.
Дорнах
Март.
Дорнах
Ольтэн
Солотурн
Мутье
Дорнах
Апрель.
Дорнах
Лугано
Май.
Лугано
Бруннен
Дорнах
Июнь.
Дорнах
Июль.
Дорнах
Август.
Дорнах
Берн
Дорнах
Париж
Лондон
Берген
Христиания
Петроград
Демьяново
Сентябрь.
Москва
Петроград

Москва
Дедово
Октябрь.
Брянск
Москва

Ноябрь.
Сергиев Посад
Москва
Декабрь.
Сергиев Посад
Москва
Сергиев Посад

1917 год

Январь.
Москва
<Сергиев> Посад
Москва
<Сергиев> Посад
Петроград
Царское Село
Февраль.
Царское Село
Петроград
Царское Село
Март.
Царское Село
Москва
<Сергиев> Посад
Апрель.
<Сергиев> Посад
Москва
<Сергиев> Посад
Москва
Май.
Москва
<Сергиев> Посад
Дедово
Москва
Демьяново
Июнь.
Москва
Демьяново
Дедово
Поворово
Демьяново
Поворово
Июль.
Поворово
Демьяново
Поворово
Дедово
Демьяново
Москва
Поворово
Демьяново
Поворово
Август.
Москва
Поворово
Москва
Поворово
Москва
Поворово
Демьяново
Сентябрь.
Поворово
Москва
Дедово
Москва
Петроград
Октябрь.
Царское Село
Петроград
Москва
Ноябрь.
Москва
Дедово
Москва
Декабрь.
Дедово
Москва
Дедово
Москва

1918 год

Январь.
Москва
Февраль.
Москва
Март.
Москва
Апрель.
Москва
Май.
Москва
Июнь.
Москва
Июль.
Москва
Август.
Москва
Сентябрь.
Москва
Скит Черн<иговской>
Божьей Матери
Москва
Скит <Черниговской
Божьей Матери>
Москва
Октябрь.
Москва

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 31. Ед. хр. 16).

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ <1921–1933>

1921 год

Сентябрь.
1–6 — Петербург
6 — ок<оло> 24 — Москва
25–31 — Петербург
Октябрь.
Начало — Петербург
Около 10-го — Москва
22-го — Рига
23–31 — Ковно
Ноябрь.
1–15. Ковно
16 — Кенигсберг
18–30 — Берлин
Декабрь.
Берлин

1922 год

Январь.
Берлин
Февраль.
Берлин
Март.
Берлин
Апрель.
Берлин
Май.
Берлин
Около 5-го — Цоссен
Июнь.
Цоссен
Июль.
Начало — Цоссен
6–31 — Свинемюнде
Август.
Свинемюнде
Начало месяца — Миздрой
Свинемюнде
Герингсдорф
Свинемюнде
Берлин
Свинемюнде
Сентябрь.
Свинемюнде
6 сентября — Берлин
Октябрь.
Берлин
Ноябрь.
Берлин
Сааров
Берлин
Декабрь.
Берлин
Сааров
Берлин
Сааров

1923 год

Январь.
Сааров
Берлин
Февраль.
Берлин
Март.
Берлин
Сааров
Берлин
23–31 — Штутгарт
Апрель.
Берлин

Май.
Берлин
Сааров
Конец месяца — Гарцбург
Июнь.
Гарцбург
26-го — Берлин
Июль.
Берлин
14–17-го — Альбек
17–21 — Берлин
22-го — Штеттин
23–31 — Альбек
Август.
Альбек
Свинемюнде
Альбек
Берлин
Альбек
Свинемюнде
Альбек
27-го — Берлин
Сентябрь.
Берлин
Октябрь.
1–23 — Берлин
24 — Ковно
24 — Рига
26 — Москва
Ноябрь
Москва
Декабрь
Москва

1924 год

Январь
Москва
Февраль
1–9 — Москва
11–19 — Петербург
20–23 — Москва
25–30 — Киев
Март
1–5 — Киев
7–31 — Москва
Апрель
Москва
Май
1–28 — Москва
30 — Феодосия
Июнь
Коктебель
Июль
Коктебель
Август
Коктебель
Сентябрь
1–12 — Коктебель
12–14 — Феодосия
16–31 — Москва
Октябрь
Москва
Ноябрь
Москва
Декабрь
Москва

1925 год

Январь
Москва
Февраль
Москва
Март
1–24 — Москва
24–31 — Кучино
Апрель
1–6 — Кучино
6–10 — Москва
12–16 — Кучино
17 до 30 — Москва

Май
1–2 — Москва
3–10 — Киев
11–27 — Москва
28–30 — Кучино

Передвижения в России с 1924 года*

1925 год

Январь
Москва
Февраль
Москва
Март
Москва
22-го — Сергиев Посад
23 — Москва
24-го — Кучино
Апрель
Кучино
8 апреля — Москва
9-го — Кучино
Кон<ец> мес<яца> — Москва
Май
Москва
Нач<ало> м<есяца> — Киев
Серед<ина> м<есяца> — Москва
Кон<ец> мес<яца> — Кучино
Июнь
Кучино
Июль
Кучино
Август
Кучино
Сентябрь
Кучино
Октябрь
Кучино
Ноябрь
Кучино
Декабрь
Кучино

1926 год

Январь
Кучино
Февраль
Кучино
Март
Кучино
Апрель
Кучино
Май
Кучино
10-е — Ленинград
Детское Село
Ленинград
Июнь
Детское Село
Ленинград
Детское Село
Ленинград
18-ое — Москва
2<0>-ое — Кучино
Июль
Кучино
Август
Кучино
13-ое — Москва
Кон<ец> мес<яца> — Кучино
Сентябрь
Кучино
Октябрь
Кучино
Ноябрь
Кучино
Декабрь
Кучино

* *Опущены записи за 1924 г. (см. выше).*

1927 год

Январь
Кучино
Февраль
Кучино
Март
Кучино
Апрель
Кучино
14-го — Цихис-Дзири
Май
Цихис-Дзири
20-го — Тифлис
28-го — Боржом
29-го — Бакуриани
30-го — Боржом
31-го — Цихис-Дзири
Июнь
Цихис-Дзири
27-го — Тифлис
Июль
Тифлис
3-го — Военно-Грузинская <дорога>
4-ое — Владикавказ
5-ое — 10-ое — Казбек
10-ое — Владикавказ
13-ое — Минер<альные> Воды
14–15-ое — поезд
16-ое — Сталинград
17-ое—22-ое — пароход
22-ое — Нижний <Новгород>
24-ое — Москва
25-ое — Кучино
Август
Кучино
Сентябрь
Кучино
Октябрь
Кучино
Ноябрь
Кучино
Декабрь
Кучино

1928 год

Январь
Кучино
Февраль
Кучино
Март
Кучино
Апрель
Кучино
Май
Кучино
3 мая — Москва
7-го — Тифлис
12-го — Сачхери
15-го — Эривань
16-го — Эчмиадзин
19-го — Севан — Дилижан — Караклис
20-ые числа — Тифлис
31 мая — Сачхери
Июнь
Сачхери
28-го — Кутаис
Июль
Кутаис
2-го — Тифлис
10-го — Каджоры
31-го — Тифлис
Август
Каджоры
10-го — Тифлис
16-го — Москва
18-го — Кучино
Сентябрь
Кучино
Октябрь
Кучино

Ноябрь
Кучино
Декабрь
Кучино

1929 год

Январь
Кучино
Февраль
Кучино
Март
Кучино
Апрель
Кучино
24 — Москва
29 — Тифлис
30 — Эривань
Май
Эривань
2-ое — Канакер
3-ье — Эривань
7-ое — Аштарак
8-ое — Эривань
10-е — Дара-Чичаг
15-ое—16-ое — Гехарт—Гарни
17-ое — Эривань
21-ое — Тифлис
28-ое — Батум
29-ое — Сухум — Гагры
30-ое — Адлер
31-ое — Красная Поляна
Июнь
Красная Поляна
27-ое — пароход
28-ое — Поти
29-ое — Батум
30-е — Кутаис
Июль
Кутаис
2-ое—13-ое — Тифлис
14-ое — Каджоры
Август
Каджоры
10-ое—22-ое — Тифлис
26-ое — Москва
28-ое — Кучино
Сентябрь
Кучино
Октябрь
Кучино
Ноябрь
Кучино
Декабрь
Кучино

1930 год

Январь
Кучино
Февраль
Кучино
Март
Кучино
Апрель
Кучино
Май
Кучино
Июнь
Кучино
14-ое — Судак
Июль
Судак
Август
Судак
Сентябрь
Судак
9-ое—11-ое — Коктебель
11-ое—19-ое — Судак
20-е — Феодосия
23-ье—24-ое — Москва
25-ое — Кучино

Октябрь
Кучино

Ноябрь
Кучино
Декабрь
Кучино

1931 год

Январь
Кучино
Февраль
Кучино
Март
Кучино
Апрель
1–9 — Кучино
10–30 — Детское Село
Май
Детское Село
Июнь
1–23 — Детское Село
24–30 — Москва

Июль
Москва
Август
Москва
Сентябрь
1–6 — Москва
7–30 — Детское Село
Октябрь
Детское Село
Ноябрь
Детское Село
Декабрь
1–30 — Детское Село
31 — Москва

1932 год

Январь
Москва
Февраль
Москва
Март
1–21 — Москва
21–31 — Детское Село
Апрель
1–2 — Детское Село
3–30 — Москва
Май
Москва
Июнь
Москва

Июль
Москва
Август
1–8 — Москва
9–31 — Лебедянь
Сентябрь
1–29 — Лебедянь
30 — Москва
Октябрь
Москва
Ноябрь
Москва
Декабрь
Москва

1933 год

Январь
Москва
Февраль
Москва

Март
Москва

Апрель
Москва
Май
1–16 — Москва
(Коктебель 19) — Коктебель

Июнь
Коктебель
Июль
29-ое — Коктебель*
30-ое — Феодосия
Август
Москва

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 39. Ед. хр. 8).

---

* *В автографе справа от этой записи – помета рукой К.Н. Бугаевой*: (Записано в августе 1933 г.)

РАЗДЕЛ IV

ДНЕВНИКИ 1930-х годов

Моника Спивак

ПОЗДНИЕ ДНЕВНИКИ АНДРЕЯ БЕЛОГО: ПРОПАВШИЕ И УЦЕЛЕВШИЕ

«Выдержки из дневника Андрея Белого за 1930–<19>31 г<од>» представляют собой машинопись на 25 страницах, сделанную сотрудниками ОГПУ в ходе следствия по делу о контрреволюционной организации антропософов и в процессе работы над обвинительным заключением по делу.

Аресты московских антропософов начались 27 апреля 1931 г. и продолжались до 30 мая 1931 г. Незадолго до этого (9 апреля) Белый и Клавдия Николаевна (в то время она еще официально числилась замужем за П.Н. Васильевым и носила его фамилию) переехали из подмосковного Кучина в Детское Село. В их отсутствие — в ночь с 8 на 9 мая — в квартире П.Н. Васильева (Плющиха, д. 53, кв. 1) произошел обыск. Хозяина арестовали, а сундук с рукописями и документами, оставленный Белым у П.Н. Васильева на время отъезда в Детское Село, увезли в ОГПУ. В сундуке хранился и дневник, который писатель вел с 1925 до 1931 гг. (до отъезда в Детское Село).

О судьбе своего творческого наследия («рукописи-уникумы <…>, книги-уникумы, заметки и все наработанное за десять лет»[1]) писатель переживал едва ли не больше, чем о судьбе арестованных друзей-антропософов. Он предпринял серьезные попытки вернуть содержимое сундука, частично удавшиеся: большинство материалов позволили забрать (в том числе «Материал к биографии» и «Ракурс к дневнику»), но сам дневник так и не отдали[2] (подробнее об этом см. в «Дневнике 1931 года» — подраздел II). Считается, что этот ценнейший дневник, «Ракурс» к которому опубликован выше (см. наст. издание; далее *РД*) и «Выдержки…» из которого публикуются ниже, пропал в недрах ОГПУ. Несомненно, это самая значительная — и по объему, и по содержанию — среди утраченных рукописей Андрея Белого.

Что же представлял собой пропавший дневник?

Основную часть сведений о нем можно почерпнуть в *РД* и письмах Белого. Кое-что можно предположить по публикуемым «Выдержкам» из него и по аналогии с сохранившимися более поздними дневниками 1930-х. Этого, безусловно, мало для реконструкции

утраченного памятника, но достаточно, чтобы, пусть в самых общих чертах, «вычислить» его основные параметры и характеристики.

Первое упоминание о дневнике относится к ноябрю 1925 г.: «<...> с 15 ноября до 15-го декабря нервно заболеваю; мы с К.Н. замыкаемся в Кучине; из полного отчаяния начинаю писать свой “Кучинский Дневник”» (*РД*). В Кучине Белый и К.Н. Васильева поселились в середине сентября, но до начала ноября писатель постоянно выезжал в Москву, в МХТ-2 на репетиции пьесы «Петербург» и для чтения в театре курса лекций «История становления историч<еского> самосозн<ания>». Собственно постановка «Петербурга» и повергла Белого в отчаяние: «<...>10 ноября генер<альная> репетиция: провал; переживаю нечто ужасное <...>» (*РД*). Следствием этого стало «замыкание» в Кучине и обращение к дневнику, способствующее успокоению и, в конечном счете, исцелению от «нервного заболевания».

Андрей Белый
Фотография А.М. Дроздова. Кучино. 1930
ГЛМ

Конец ноября и весь декабрь Белый интенсивно изучал литературу по истории церкви и средневековой философии (Жильсон, Штокль, Орео и др.). Круг чтения был связан с начатым в октябре курсом «История становления исторического самосознания»: «Во мне поднимается тема схоластики; кроме того: все более и более выдвигаются задания: в антропософии конкретно связать темы: самосознающей души, интеллекта, истории наук, архангела Михаила; средние века, как генезис тем, все более и более притягивают; <...> исторические темы моего курса чалят туда же» (*РД*). Перечень освоенных книг и новых, увлекших писателя тем завершается констатацией: «Пишу “Дневник”». Содержание дневника за декабрь 1925 г. очевидно отражает то, что Белый за этот месяц прочитал и продумал. Скорее всего, это самые первые наброски к трактату «История становления самосознающей души».

Однако вскоре, уже в начале 1926 г. трактат перестает умещаться в форму дневника и от него «отпочковывается»: «С января “*Кучинский Дневник*” выливается в спешное писание черновика “Истории становления самосознающей души в пяти последних столетиях”» (*РД*).

До осени 1926 г. «спешное писание черновика» будущей книги целиком поглощает Белого, и дневник он полностью или почти полностью забрасывает. Написав к сентябрю основной массив текста (остались доделки: правка, вставки и пр.), Белый, однако, вместо радости испытывает гнетущую тоску: «С грустью вижу, что книга в том виде, как она видится мне, займет много месяцев работы, а денежный кризис заставляет думать о средствах к жизни» (*РД*). И снова, как и в конце 1925 г., писатель от тоски и отчаяния обращается к дневнику как к проверенному целительному средству. В октябре он записывает в *РД*: «Возвращаюсь к “*Дневнику*”, ибо все мысли для выхода в свет — заперты; для книги — нет времени <...>». Далее Белый внятно объясняет назначение дневника и его роль в своей жизни: «“Дневник” становится мне складочным местом: сюда валю и эмбрионы мыслей, и личные отметки». То есть утраченный дневник служил для фикса-

ции текущих событий, впечатлений, раздумий («личные отметки») и одновременно выполнял функцию творческой записной книжки, так как в него заносились и в нем вызревали те «эмбрионы мыслей», из которых вырастали будущие произведения.

Осенью 1926 г. «эмбрионы мыслей» были связаны с периодом антропософского ученичества и жизнью в Дорнахе (1912–1916 гг.): «Так: в октябре из “Дневника” вытягиваются мои воспоминания о духовной работе у Штейнера; потом обрываю воспоминания на том месте, где они еще не анализированы сознанием (довожу анализ моих “медитаций” до Христиании); и перехожу к теме просто “Воспоминаний о Штейнере”». То есть сначала от дневника «отпочковался» трактат «История становления самосознающей души», а вскоре — еще и «Воспоминания о Штейнере». По-видимому, в ноябре черновые наброски к мемуарам заносились еще в дневник: «Весь месяц — листики, “Дневник”, в котором вытягиваются “Воспоминания о Штейнере”» (*РД*).

Более развернуто о том, как в недрах дневника вызревала книга, Белый написал Иванову-Разумнику 28 ноября 1931 г.: «<…> завел нечто вроде дневника, записываю свои мысли иногда <…> стал записывать свои воспоминания о Штейнере (и важные, и летучие: ряд эскизов-силуэтов: Штейнер и то-то, Штейнер и это-то…). Так лень и отлынивание от выбора вытянулось в незаметно набросанных 200 страниц текста черновых набросок о Штейнере; прочел “*нашим*”; они говорят: “Да это — книга”. Увы, — была бы книгой, если бы 2 месяца свободной работы <…>. Это все уже осозналось, когда были написаны 200 страниц в шутку (себе самому “*дневниковые*” записи) <…>»[3].

Несмотря на отсутствие свободного времени и вынужденность трудиться «для денег», в декабре Белый уже, видимо, отделил работу над книгой от записей в дневнике: «Пишу “Дневник” и воспоминания о Штейнере» (*РД*).

В 1927–1928 гг. дневник становится главной формой творческого и личностного самовыражения писателя, постоянным «спутником дней»[4]. В этот период Белый ведет записи наиболее интенсивно, без перерыва и явно с большим увлечением. Он, как кажется, находится в постоянном азарте, скрупулезно подсчитывая, сколько страниц заполнено им за текущий месяц. Так, за январь 1927 г. им было «написано сырья в “Дневнике” 157 страниц», за март — 258 страниц, за апрель — 92 страницы, за май — 123 страницы, за июнь — 151 страница, за июль — 124 страницы, за август — 90 страниц, за сентябрь «написано в “Дневник” лишь 39 страниц», за октябрь — 60 страниц, за ноябрь — 64 страницы, за декабрь — 71 страница. В конце декабря Белый суммирует свои достижения и подводит впечатляющий итог: «Всего за год в “Дневнике” записаны: 1357 страниц» (*РД*). Это был абсолютный рекорд Белого.

Скорее всего, «личных отметок» в этой кипе листов было гораздо меньше, чем «эмбрионов мыслей». О том, какие из них заносились в дневник, можно судить по кратким указаниям в *РД*. Так, в январе он записывает «домыслы о годовом ритме», соображения «о химии», природе материи и др. В феврале — «записал о звуковом рельефе», «записал на тему “Я есмь виноградная лоза”», «мысли об антиномии: “путь” и “искусство”», «мысли об испытании огнем; открылось, что не выдержал испытания воздухом». Однако, как отмечено самим Белым, в феврале «интерес месяца, явный — научный материализм» (*РД*), выразившийся в «мыслях об атоме», «мыслях о материи» и, по-видимому, в откликах на прочитанную по этой теме литературу.

В марте 1927 г., самом «урожайном» месяце этого года, интерес к научному материализму доминировал: «Весь месяц интенсивная работа над материей; набросал сырья в свой “*Дневник*” за март 258 стр<аниц>» (*РД*). Скорее всего, этот труд так и не выделился в самостоятельное сочинение и пропал вместе с дневником.

Зато очевидно, что также очень большой по объему дневник за апрель-июль (путешествие по Грузии и Армении) лег в основу книги «Ветер с Кавказа». Кроме того, уже в апреле 1927 г. в дневник попали «Мысли об “А<нтропософском> О<бществе>”» («Запи-

сано об “Обществе", как таковом: всяком»), связанные скорее всего с завершением «Воспоминаний о Штейнере», но также возможно и с началом раздумий о будущем очерке «Почему я стал символистом…», а в июне — «эмбрионы» будущей книги «Ритм как диалектика и “Медный всадник”».

Вскоре «Ритм как диалектика», подобно «Истории становления самосознающей души» и «Воспоминаниям о Штейнере», выделится в самостоятельный текст. Этим отчасти объясняется относительное сокращение записей в конце года: «В этом месяце в “Дневнике” 64 страницы. Весь месяц писал книгу “*Диал<ектика> ритма*” и вычислял» (*РД*, запись за ноябрь). Некоторое падение дневниковой активности могло быть также вызвано и нахлынувшей на Белого тоской. «“*Глаза*” и душа мои отворачиваются даже от спутника дней моих: от “*Дневника*”; и тут — молчишь, стиснув губы», — писал Белый Иванову-Разумнику 3 октября 1927 г.[5] Впрочем, скорее всего, провозглашенное в письме желание «отвернуться» от дневника все в том же дневнике было описано Белым в мельчайших подробностях.

В 1928 г. продолжилась такая же дневниковая гонка: за январь — 75 страниц, за февраль 45 страниц, за март — 236 страниц, за апрель — 40 страниц, за май — 38 страниц, за июнь — 53 страницы, за июль — 204 страницы, за август — 124 страницы, за сентябрь — 71 страница, за октябрь — 32 страницы, за ноябрь — «вписано в “*Дневник*” 68 стр<аниц>», за декабрь — «около 66 страниц». Рекорд 1927 г. не был побит, но результат тоже оказался весьма внушителен: «Всего в “Дневнике” за 1928 год около 1083 страниц» (*РД*)[6].

Резкое увеличение (или уменьшение) месячной порции дневника в 1928 г., как и в предыдущие годы, напрямую было связано со стадией работы над тем или иным произведением. Так, мартовский максимум в 256 страниц обусловлен тем, что в дневник «вписан черновик рукописи “*Почему я стал символистом*”» (*РД*), а гигантский объем записей за июль-август (204 + 124 = 328 страниц) — тем, что Белый «подходит» к мемуарам «На рубеже двух столетий» («Запись о воспомин<аниях> отрочества»; «Записываю воспоминания о Моск<овском> Универс<итете>»; «Записано: воспом<инания> о профессорах» (*РД*) и др.). Напротив, скромные результаты, например, за апрель (40 страниц) означали, что работа над очерком «Почему я стал символистом…» близилась к завершению, а минимум октября («в “Дневнике” лишь 32 страницы») Белый объяснил тем, что в «этот месяц, можно сказать, написана 1-ая глава 2-ого тома “Москвы”» (*РД*).

В 1929 г. ежемесячный подсчет страниц дневника прекратился: последняя отметка об этом в *РД* датирована январем: «в “*Дневник*” написано: 81 стр<аница>». Подневная роспись в *РД* обрывается на 6 февраля указанием: «Начал писать “На рубеже двух столетий”». Очевидно, что работой над мемуарами объясняется пренебрежение дневником в оставшейся части февраля («Весь месяц сперва правка, а потом переписка первой половины книги “На рубеже двух столетий”») и в марте («Весь месяц бешеная работа над “*На рубеже двух столетий*”, иногда правка “Золота в Лазури”»).

Однако уже 1 апреля (хотя мемуары еще не полностью закончены) частые записи в дневнике возобновляются и регулярно ведутся до сентября. Можно предположить, что во время очередной поездки на Кавказ (с 26 апреля по 24 августа) записи велись достаточно подробно. Когда же с осени Белый начал интенсивно писать роман «Маски», дневниковая продукция, как и в предыдущие разы, сократилась: «Подводя итог этой трети года сентябрь–декабрь, скажу, что отчаянная работа над “*Маски Москвы*” взяла все силы; все иные восприятия — “*из-под*” депрессии утомления от работы» (*РД*). Судя по тому, что в *РД* записи за сентябрь–декабрь даны не по дням, а по месяцам и носят суммарно-обобщающий характер, Белый в этот период или вообще не вел дневник, или (что более вероятно) обращался к нему эпизодически. Упомянутая выше «депрессия», как кажется, была вызвана не только творческой усталостью, но также тяжелыми жиз-

ненными обстоятельствами и угрожающими политическими тенденциями. «Совсем атрофировалась “нота” Дневника; кучинский “Дневник” дышит на ладан; частью оттого, что все силы мысли стали техническими, при “*Москве*”, отчасти потому, что положил себе за правило воздерживаться от культа в себе нот отчаяния; а отчаяние берет, что делается с людьми: смерти, болезни, катастрофические ситуации; *бьет отвесно*; и хочется, схватясь зá голову, спрятаться еще глубже. И “*Дневник*” есть: только он *уже* не выливается на бумагу; уже и “*Дневник*” волей рока вытеснен из поля жизни» (*РД*), — подводил Белый не количественный, как прежде, а качественный и неутешительный итог 1929 года.

Однако и это заявление Белого о том, что дневник «уже не выливается на бумагу», не стоило воспринимать буквально. Отказа от дневника не произошло. Наоборот, с начала 1930 г. Белый вновь продолжил его вести, что подтверждается и регулярными записями в *РД*, и теми «Выдержками из дневника Андрея Белого за 1930–<19>31 г.», которые публикуются ниже.

Полугодовое пересечение *РД* (он обрывается на июне 1930 г., на решении отправиться на отдых в Судак) и «Выдержек…» (начинающихся с января 1930 г.) дает наглядное представление о том, как количественно и содержательно соотносится *РД* с пропавшим дневником.

Судя по сохранившимся «Выдержкам…», Белый и в 1930 г., и в 1931 г. вел дневник практически ежедневно. Первая из выдержек за 1930 г. датируется 1 января, а последняя — 28 декабря; представлены также записи за весну, лето и осень. Примерно та же картина просматривается и в 1931 г.: первая выдержка датируется 5 января, а последняя — 30 марта.

Отметим, что записью за 1 апреля 1931 г. начинается не попавший в ОГПУ фрагмент дневника за 1931 г., который публикуется после «Выдержек…» (раздел II).

Таким образом, можно почти с уверенностью говорить о том, что без записи в дневнике в этот период не обходится ни один день писательской жизни. Как кажется, «атрофией» дневника плодовитый Белый считал ежемесячные 30–50 страниц дневникового текста. Такое количество он «выдавал» тогда, когда дневник заполнялся не пространными черновыми набросками к будущим произведениям, а преимущественно «личными отметками».

Суммарное количество страниц дневника, который Белый вел с ноября 1925 г. по март 1931 г., просчитать невозможно. Однако примерный объем утраченной рукописи Белый указывает: «до 150 печ<атных> листов, рукопись»[7].

***

Предваряя публикацию, важно сказать о происхождении «выдержек» из пропавшего дневника и об их роли в следственном деле антропософов.

Изъятие сотрудниками ОГПУ сундука с рукописями не только серьезно огорчило, но и не на шутку испугало Белого. В письмах с просьбами вернуть архив он по понятным соображениям акцентировал в первую очередь то, что не может без него работать («Без этого материала, я, как писатель, выведен из строя, ибо в нем — компендиум 10 лет <…> труда»[8]). Но очевидно, что Белого больше всего волновала именно пропажа личного дневника: откровенные записи могли скомпрометировать и его самого, и Клавдию Николаевну, и все его окружение. Не будет преувеличением сказать, что Бугаев-человек остался на свободе, тогда как писатель Андрей Белый оказался целиком и полностью в руках ОГПУ.

Стараясь минимизировать катастрофические последствия случившегося, Белый пытался объяснить, на какие материалы, унесенные из квартиры П.Н. Васильева вместе с

дневником, следователям ОГПУ стоит в первую очередь обратить внимание (дело вел Секретно-политический отдел (СПО) полномочного представительства ОГПУ по Москве и области). Возможно, он искренне полагал, что использование некоторых его рукописей действительно принесет пользу арестованным и потому настаивал на их приобщении к материалам следствия[9]. Больше всего Белый уповал на очерк «Почему я стал символистом...» (1928), так как описанный в нем конфликт с немецкими антропософами мог, по его мнению, нейтрализовать обвинения в преступной зависимости русских антропософов от Запада: «Считаю нужным ознакомить следствие, ведущее дела моих арестованных друзей <...> с отобранной у меня личной рукописью <...> "*Почему я стал символистом*" — итог опыта жизни в западном обществе и разочарования в нем <...>. Прошу <...> ознакомившись с рукописью "*Почему я стал Символистом*" (антропософии посвящена 2-ая часть), решить, совместим ли тон рукописи, разделяемой К.Н. Васильевой и некоторыми моими друзьями, с "*опасной*" политикой и вытекающими из нее следствиями, — единственным поводом, по-моему, к аресту моих друзей»[10].

Примечательно, что из всего содержимого сундука Белый настойчиво подчеркивал значимость для следствия только этой рабо́ты: «<...> в числе рукописей <...> есть одна, которая должна заинтересовать цензора и которая озаглавлена "*Почему я стал символистом*" <...>; если бы прочли в числе 10-ков рукописей одну эту — "цензуре" бы стало ясно, что бессмысленно видеть "*нос*" там, где нарисованы "*уши*"; ведь все неприятности — сущее недоразумение! Я боюсь, что месяцы будут изучать неинтересные литературные материалы моего сундука, а то, что *надо прочесть в первую голову*, — отложат на последний срок: ведь месяцы — не шутка!»[11].

Не исключено, что таким образом Белый хотел, как птица от гнезда, отвести внимание следователей от других, не столь благонадежных, на его взгляд, материалов и прежде всего от совсем не благонадежного дневника. «Мне хотелось бы лично видеться с цензорами; и им объяснить, где в моем множестве бумаг, дневников и лит<ературных> материалов *ответы* на их занимающие вопросы; или: мне хотелось бы кому-нибудь из видных партийцев лично передать это и многое другое; или: чтобы кто-нибудь из друзей *это передал* <...>»[12], — делился он своими мечтами с В.Э. Мейерхольдом.

Впрочем, Белый напрасно опасался, что сотрудники ОГПУ не смогут самостоятельно найти ответы на «их занимающие вопросы». Месяцев на изучение «бумаг, дневников и лит<ературных> материалов» не потребовалось. Сундук, напомним, изъяли в ночь с 8 на 9 мая 1931 г., а публикуемая ниже машинопись с «Выдержками...» датирована 13 мая 1931 г. То есть всего за пять дней «цензоры» успели изучить содержимое сундука и вычленить из всего огромного корпуса текстов нужные, поняли значимость дневника, прочитали его, отобрали записи, необходимые для следствия, перепечатали их и приобщили к делу. Остается поражаться оперативности и аналитическим способностям сотрудников ОГПУ.

К следственному делу были приобщены не только «Выдержки из дневника Андрея Белого за 1930–<19>31 г.»[13]. Однако именно они позволили без труда выявить истинное антисоветское лицо Андрея Белого и представить его в «Обвинительном заключении» как лидера и идеолога контрреволюционной организации московских антропософов: «Политическая физиономия Белого в настоящем с достаточной полнотой характеризуется приводимыми выдержками из его дневника за 1930/31 г. В философии, политике и литературе Белый представляет собой ярко выраженную к/р фигуру. Успехи социалистического строительства, борьба за классовую выдержанность в литературе и искусстве, все основные мероприятия партии и Соввласти, вызывают в нем открыто к/р реакцию».

Некоторые «Выдержки из дневника Андрея Белого за 1930–<19>31 г.» приведены в «Обвинительном заключении» (датированном 29 июня 1931 г.), а особенно яркие даже

удостоились чести попасть в декабрьский отчетный доклад Секретно-Политического отдела ОГПУ «Об антисоветской деятельности среди интеллигенции за 1931 год»[14].

В этом докладе, отпечатанном в количестве 60 экземпляров и разосланном «всем членам Коллегии ОГПУ, всем полномочным представителям ОГПУ, всем начальникам 4-х отделений СПО местных аппаратов ОГПУ»[15], а также отправленном в ЦК ВКП (б) «т. Поскребышеву для т. Сталина, т. Кагановичу, т. Постышеву, т. Молотову»[16], сообщалось, что в «Москве вскрыта подпольная организация антропософов, состоявшая, главным образом, из педагогов средней и низшей школы и нескольких библ<иотечных> работников», что «организация имела связи с заграницей и по Союзу» и что «идейным вдохновителем и руководителем организации был писатель-мистик А. Белый»[17]. Для иллюстрации этого тезиса в докладе приводилось несколько весьма вольно отредактированных, но особенно контрреволюционных цитат из дневника 1930–1931 гг. То есть «Выдержками…» (было сделано как минимум четыре их копии) пользовались не только следователи, ведущие дело, но и составители годового отчета СПО ОГПУ.

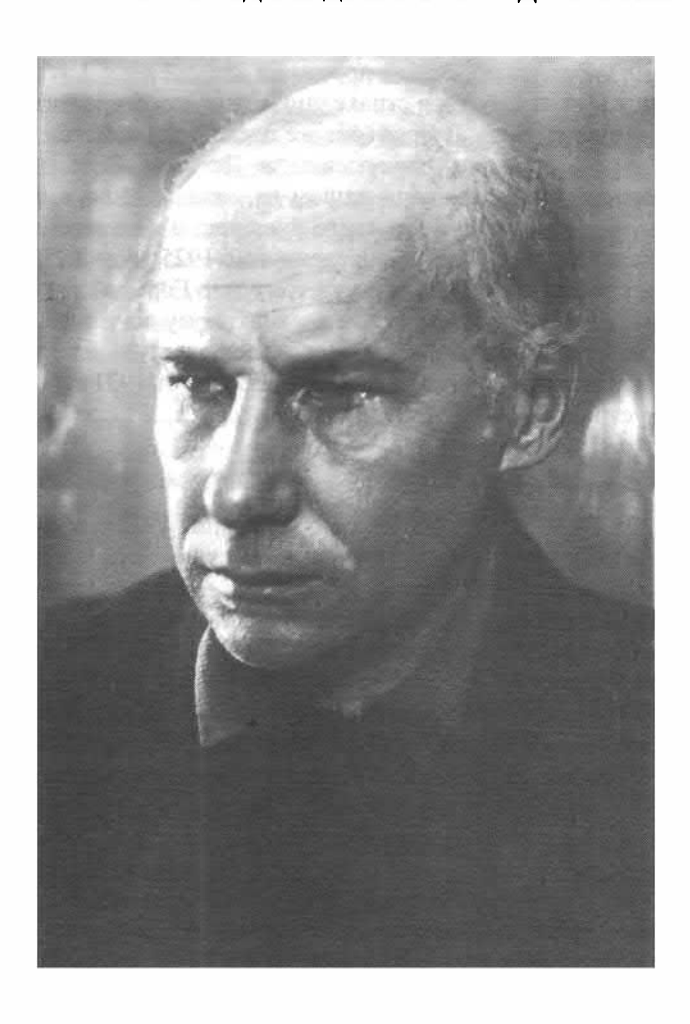
Куда же делся сам дневник? Можно предположить, что его «перемещения» были напрямую связаны с итогами следствия по делу антропософов. Белого хоть и объявили главой и идеологом контрреволюционной организации, но не арестовали. Вместе с тем его и не освободили от бдительной опеки ОГПУ. «Обвинительное заключение» 1931 г. заканчивалось многообещающим указанием: «Материал предварительного следствия в отношении гр-на Бугаева Бориса Николаевича (А. Белый) выделить из настоящего дела и передать в СПО ОГПУ». Таким образом, в 1931 г. готовилось уже не групповое, а персональное дело Андрея Белого по обвинению в контрреволюционной деятельности, в том числе и антропософской.

Думается, что рукопись дневника была в составе тех «материалов предварительного следствия», которые московский СПО передал в более высокую инстанцию того же ведомства для подготовки нового, более громкого судебного процесса. Эти материалы, как известно, не были пущены в ход и, видимо, пропали. Как бы то ни было, но наши попытки отыскать эти материалы (и предположительно находящийся среди них дневник) на данный момент успехом не увенчались. Поэтому остается только горевать об утрате столь важного литературного памятника и одновременно радоваться тому, что Белый умер своей смертью, избежав тюремного заключения, и довольствоваться тем, что уцелело: небольшими (около 1 печатного листа) «Выдержками из дневника Андрея Белого 1930–<19>31 гг.», сделанными сотрудниками ОГПУ для подкрепления «Обвинительного заключения» по делу о контрреволюционной организации антропософов.

К сожалению, ремингтонистка, перепечатывавшая «Выдержки…», оказалась, мягко говоря, не очень профессиональной.

В машинописи много пропусков — очевидно, не удалось разобрать почерк Белого. В нескольких случаях слова и выражения вписаны от руки: похоже, «компетентный товарищ» пытался помочь (не всегда удачно) в расшифровке текста. Также от руки вписаны все слова и выражения на иностранных языках. Сам Белый был небезупречен в немецком и французском, но в машинописи, сделанной в ОГПУ, многие слова оказались просто нечитаемыми. В большинстве случаев (но не во всех) их смысл все же удалось постичь.

Машинопись буквально пестрит ошибками, вызывающими порой недоумение: «эксперименты мышей» вместо «экскременты мышей», «Добудет воля твоя» вместо «Да будет…», «Постернир» вместо «Пастернак» и т.п. Подавляющее большинство подобных ошибок в публикуемом тексте исправлено (в том числе и в иностранных словах); отмечены в постраничных сносках лишь немногие, показавшиеся симптоматичными и выразительно характеризующими изъявшее дневник ведомство.

Андрей Белый. Москва. 1933, май. ГМП

В ряде случаев имеются расхождения между «Выдержками...», приобщенными к следственному делу, и цитатами из них, приведенными в «Обвинительном заключении»: они также отмечены в постраничных сносках. В основной текст публикации внесен тот вариант, который, на наш взгляд, более соответствует смыслу написанного.

«Выдержки из дневника Андрея Белого за 1930–<19>31 г.» публикуются по машинописи, приобщенной к следственному делу о контрреволюционной организации антропософов (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006. Л. 500–525).

***

Дневник 1931 года начинается с записи за 1 апреля, то есть непосредственно продолжает «Выдержки...» (последняя запись за 30 марта). Этот фрагмент дневника уцелел, так как находился не в сундуке, а «ездил» вместе с Белым в Детское Село. Апрельские записи доведены до 12-го числа: они охватывают период сборов, переезд и первые впечатления от нового места жительства. Далее следует большой перерыв — до 22 мая (за это время сотрудники ОГПУ успели арестовать многих друзей-антропософов и изъять

сундук с рукописями). Возможно, Белый просто не вел дневник в эти 40 пропущенных дней, но также не исключено, что он в страхе уничтожил некоторые страницы: запись за 22 мая начинается с нового листа. Вторая (она же последняя) майская запись датирована 30 числом, днем ареста Клавдии Николаевны в Детском Селе, и полна отчаяния («Убит!»). Позже вписанная Белым карандашом на нижней части листа пояснительная фраза свидетельствует о завершении прежнего дневника и о намерении больше к дневнику не возвращаться: «Кончик Дневника, веденного с 1925-го до 1931 года (все остальное изъято у меня и удержано в ОГПУ вопреки тому, что Горький гарантировал мне возвращение "Дневника")». Однако вновь тяга к дневниковому самовыражению пересилила страх и унижение: записи возобновились 14 июля и велись до 24 августа.

Этот фрагмент «большого» дневника (с апреля по август 1931 г.) публикуется по автографу, хранящемуся в РГБ (Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 3).

***

Там же (РГБ. Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 4[18]) находится дневник 1932 года и дневник 1933 года — за исключением первого листа, озаглавленного «Дневник месяца (август 1933 г.): этот лист автографа был куплен в 1993 г. Государственным историко-литературным заповедником А.А. Блока «Шахматово» (современное название: Государственный мемориальный музей-заповедник Д.И. Менделеева и А.А. Блока) в одном из московских антикварно-букинистических магазинов[19].

Дневник 1932 года охватывает период с конца июня по начало октября. Судя по первой записи (25 июня) Белый не вел дневник почти год: «Возвращаюсь к прерванному "Дневнику". Бросил его после ареста К.Н.». Значительная часть дневника 1932 г. представляет собой трудночитаемые, а порой и вовсе не читаемые черновые наброски статьи Андрея Белого «Поэма о хлопке», посвященной поэме Г.А. Санникова «В гостях у египтян». По ним, думается, можно судить о том, как были вмонтированы в пропавший дневник 1925–1931 гг. «эмбрионы мыслей» и черновые материалы к «Истории становления самосознающей души», «Воспоминаниям о Штейнере», мемуарам «На рубеже двух столетий» и другим произведениям.

Дневник 1933 года начинается августом–сентябрем и доходит почти до конца жизни: последняя запись сделана 3 декабря; 8 декабря Белый был госпитализирован, а через месяц, 8 января 1934 г., умер.

Трудно сказать, существовал ли дневник, охватывающий пропущенный период с октября 1932 г. по август 1933 г. Никаких следов его нам не встречалось, но факт появления в продаже листа с дневниковыми записями августа 1933 г. не может не вселять надежд.

«Шахматовский автограф» породил и иного рода подозрения, превратившиеся вскоре в уверенность. Чуть более девяти строк в «шахматовском автографе» оказались «зачеркнуты насыщенными фиолетовыми чернилами <...>; произошли разрывы от металлического пера, и текст в этом месте простому визуальному прочтению, за исключением отдельных слов, не поддается»[20]. «Отдельные слова», поддающиеся прочтению, позволяли предположить, что в зачеркнутом фрагменте речь шла об О.Э. Мандельштаме и его жене, с которыми Белый летом 1933 г. вместе отдыхал в Коктебеле и которые вызывали в ту пору у писателя исключительно негативные эмоции и раздражение. Сопоставление «шахматовского автографа» с рукописной копией дневника 1933 г. (сделанной К.Н. Бугаевой и хранящейся ныне в Мемориальной квартире Андрея Белого[21]) показало, что вымарывал куски дневникового текста не сам писатель, а его вдова, таким образом, по-видимому, защищавшая репутацию любимого мужа[22].

Без сомнения, не Андреем Белым, а К.Н. Бугаевой сделаны и другие густые зачеркивания отдельных слов, строк и целых абзацев в автографах из РГБ. Ею же отрезаны значительные куски текста. К сожалению, таких испорченных К.Н. Бугаевой страниц в дневниках 1931–1933 гг. немало. Подобные случаи указываются нами в постраничных примечаниях. Слова и фразы, зачеркнутые Белым, отмечаются в постраничных примечаниях выборочно: только в тех случаях, когда они содержат существенные дополнения к основному тексту или проясняют авторскую мысль.

Приношу глубочайшую благодарность за помощь в работе О.А. Коростелеву, А.В. Лаврову, Е.Н. Наседкиной, В.В. Нехотину, М.П. Одесскому, А.И. Резниченко, Л.А. Шевцовой и другим коллегам.

---

[1] Письмо Андрея Белого к А.М. Горькому от 17 мая 1931 г. См.: Из «секретных» фондов в СССР / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. М.; СПб., 1994. С. 350.

[2] По свидетельству Белого, из важных материалов кроме дневника осталось в ОГПУ еще две машинописи: «1) “О самосознающей душе” (ремингтон), 2) “Рудольф Штейнер”, литературный портрет, 25 печатных листов (ремингтон)» (Письмо к В.Д. Бонч-Бруевичу, получено 20 июля 1932 г. Цит. по: *Воронин С.Д.* Статья В.Д. Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого» // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 274–275).

[3] *Белый – Иванов-Разумник*. С. 432. Письмо от 25–30 ноября 1926 г.

[4] Там же. С. 539. Письмо от 30 сентября – 3 октября 1927 г.

[5] Там же. С. 539.

[6] Сумма указанных Белым страниц (по месяцам) несколько меньше – 1052 страницы, а не 1083.

[7] Письмо к В.Д. Бонч-Бруевичу, полученное 20 июля 1932 г. Там же указан объем «Воспоминаний о Штейнере» – «25 печатных листов». То есть дневник, по подсчетам Белого, по объему в шесть раз превышал книгу о Штейнере. См.: *Воронин С.Д.* Статья В.Д. Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого». С. 275.

[8] Письмо Андрея Белого к А.М. Горькому от 17 мая 1931 г. См.: Из «секретных» фондов в СССР. С. 350.

[9] Там же.

[10] Заявление Белого в Коллегию ОГПУ от 26 июня 1931 г. См.: Из «секретных» фондов в СССР. С. 354–355.

[11] Письмо В.Э. Мейерхольду от 18 июня 1931 г. См.: Из переписки Андрея Белого. Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх / Публ., вступ. статья и коммент. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 161.

[12] Там же. С. 161.

[13] Как Белый и просил, к следственному делу приобщили фрагменты очерка «Почему я стал символистом...» (однако они сыграли роль прямо противоположную той, на которую Белый рассчитывал: с помощью отсылок к этой работе иллюстрировались антисоветские взгляды писателя). Также в число заинтересовавших следствие бумаг попала статья Белого о принципах собственного творчества, написанная для сборника «Как мы пишем» (Л., 1930): в следственное дело статью подшили, но в обвинительном заключении не процитировали и не упомянули ни разу. Значительно более важным «уловом» следствия оказалось неотправленное письмо Белого к Иванову-Разумнику от 24 ноября 1926 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 415–419): его возвращения Белый никогда не требовал. Кроме текстов самого Белого, к обвинительному заключению были прикреплены фрагменты книги Р. Штейнера «Основные черты социального вопроса» (1919). Здесь и далее информация о следственном деле антропософов (№ 10040) дается по: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006. «Обвинительное заключение» и значительная часть этих материалов опубликованы в кн.:

Спивак М. Андрей Белый – мистик и советский писатель. М., 2006. С. 366–422 (глава «Андрей Белый в следственном деле антропософов 1931 г.»).

[14] Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП(б), ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике 1917 – 1953 гг. / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 160–163. Доклад датирован: «не ранее 10 декабря».

[15] На этот момент 4-е отделения СПО в центре и на местах занимались агентурно-оперативной работой по печати, зрелищам, артистам, литераторам и гуманитарной интеллигенции.

[16] Власть и художественная интеллигенция. С. 752.

[17] Там же. С. 162.

[18] Автографы дневников Белого 1931 – 1933 гг. поступили в РГБ в 1974 г., однако доступ к ним был открыт лишь недавно.

[19] См.: Шахматовский вестник. 1996. № 6. С. 34 (Каталог. Вып. 1). Факсимильное воспроизведение автографа: С. 130. Автограф был приобретен вместе с комплексом мемориальных вещей писателя. См. подробнее: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 437–438.

[20] *Андрей Белый.* Дневник месяца. Август 1933 г. / Публ., вступл. и примеч. С.М. Мисочник // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 41.

[21] Отдел Государственного музея А.С. Пушкина.

[22] В сделанной К.Н. Бугаевой копии «Дневника 1933 г.» фрагмент о Мандельштамах также недоступен для чтения – только не зачеркнут, а отрезан ножницами. Есть в «шахматовском автографе» и другие вычеркнутые строки. К счастью, вымарывающая рука потрудилась над ними не столь добросовестно, как над фрагментом о Мандельштаме: большую часть текста возможно разобрать. Речь в нем идет об угасании давней дружбы с Ивановым-Разумником. Сравнение листа автографа с первым листом копии показывает, что в момент переписывания строки о Мандельштаме вовсе не были зачеркнуты: в копии отрезанный текст чуть меньше, чем текст, густо вымаранный в автографе. См.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 439.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА АНДРЕЯ БЕЛОГО ЗА 1930–<19>31 г<од>

1-го января 1930 года, Кучино, среда, первый час[1].

Господи, Боже мой, встречаем не новый год, а новый период. Два маленьких, слабых существа спят, схватясь за руки, и поднимают к Тебе*, Боже, с мольбою глаза, и просят, просят, просят:

«Облегчи, Господи, тяжести, которые падают на плечи поминающих имя Твое, и нас помяни, и нам помоги. Пошли тишины, кротости, любви и смирения, чтобы мы, прислушиваясь к тебе, к себе, друг к другу, к близким по духу, ко всем, верующим в Тебя, ощутили бы, Господи, себя в Твоей церкви невидимой, и чтобы связь между твоим миром и “миром сем”, в котором мы заключены, не обрывалась!».

С той, которая мне все[2], стоим на острие перегиба и чувствуем всю нашу малость и все наше бессилие. Но и в малости и в бессилии поминаем тебя.

«Ей, гряди, Господи!».

«Сподобь<ся> нас услышать».

… «Гряду скоро»[3].

С такими словами пережили мы 1930 год.

Кучино, январь 1930 года.

5-ое.

6-ое.

Приехала К.Н. Работа; болен: гриппо-бронхит. Не жизнь, а — житие.

7-ое.

Великолепнейшее письмо и карточка от М.А. Чехова[4], открытка от Р.В.[5] (его оперировали?!). Печально волнующую весть передала К.Н. об Елене Николаевне, расходится с Сергеем Матвеевичем[6]. Лидию Васильевну Каликину сократили[7].

24 января, Кучино, пятница 1930 г.

Вместе с тем переживаешь себя, свою группу людей[8], свое время и даже вообще культуру, даже человечество — потоком величайших усилий, свергаемых,

---

* *В машинописи здесь и в аналогичных случаях со строчной буквы.*

М.А. Чехов
Фотография на бланке открытого письма. 1928. ГМП

как грязная вода, в водопроводную трубу, чтобы из этой трубы все усилия ума — науки, искусства, морали пожрала черная пасть коперниканской пустоты[9]. Эту хищную пасть почему-то с особенной силою ощущаю с начала 1930 года: ни одного светлого лучика, ни одной поддерживающей улыбки со стороны, и знаешь, что логически возразишь на эти неутешительные мысли, да что толку; возражаешь мыслями и только мыслями, но мыслями, ставшими* перманентным физиологическим ощущением с сотнями разительных демонстраций, с ежедневными напоминаниями.

25 января 1930 г. Суббота. Москва.

За одни сутки узнали ряд судеб, постигающих современных деятелей; КАЛИКИНА, 12 лет работавшая в школе, в итоге честной своей работы *выгнана*

* *В машинописи*: мысли ставшие

и на границе душевного заболевания[10]; АХРАМОВИЧ в итоге 12-ти летней работы в партии — *застрелился*[11]; коммунист БЛЮМКИН — *расстрелян*[12]; Галя КИРЕЕВСКАЯ лопается от истерик; Марина БАРАНОВСКАЯ порет психопатическую дичь[13].

1-го февраля 1930 г. Суббота, Кучино.

Странно механизировалась моя жизнь зимнего сезона. Механизировались и мысли. В центре писания медитация с «Москвой»[14] все остальное <…>*, и поэтому все остальное не имеет самостоятельного значения.

Нет, не скоро заберусь в эту проклятую жизнь, именуемую «художественным творчеством», которое просто высасывает меня из меня. С осени я разительно одурел, потрясающе одурел, самые интересы к чему бы то ни было атрофированы, и атрофированы, так сказать, механически; ¾ времени заняты механическими думами о сегодняшней работе, но как только ее сваливаю с себя, она мне постыла, как горькая редька.

Доволен ли, взыскательный художник?[15] Может быть, кое в чем и да. Только от этого довольства — ни тепла, ни холода. «Довольство» мое качеством труда пусто увешено в воздухе, как папиросный дым, оно — накур, самообольщение, даже не обольщающее; самообольщение — для самообольщения; обольщается какая-то атрофированная от живой жизни дегенерирующая часть «я», а живое «я» живо, страдает не будучи в силах стряхнуть с себя «иго». Как я его стряхну? Аванс получен? — Получен. Издательство ждет? — Ждет. А раз так — надо, я должен работать, и должен подать текст 1-го сорта, а этот сорт мне дается труднее и труднее, ибо написав столько, трудно не повторяться, а повторять себя мною — себе заповедано; во-вторых, не имеет смысла писать, не поставив себе задачей перепрыгнуть через себя самого, ибо писать художественные вещи можно лишь в уверенности, что преодолеваешь себя самого. Мне надо преодолеть в себе автора «Петербурга»[16], первого тома «Москвы»[17] и автора «Крещеного китайца»[18]. Отсюда и все пары, мною развиваемые. Но для моего живого «я» эти пары досадный туман, застилающий мне свет.

Вероятно, чувство каторжной работы от того, что она производится под ненавидящими тебя глазами: скрежет, злорадство, улюлюканье, свист (и справа и слева) — вот мой удел.

12 февраля, среда 1930 г. Кучино.

Мороз сейчас не менее 25 градусов, два с половиной часа прогулка и работа на дворе. К.Н. читает книгу Лосева «*Очерки античного символизма и мифологии*»**[19]. Я лишь нюхал. Огромный том, более 800 страниц, оставляющий прекрасное впечатление; можно гордиться, что в такое время в России появилась такая книга; она главным образом посвящена Платону. Бегло проглядывая ее (изучать пристально буду потом), видишь: это тебе не Франки, Бердяевы: настоящая оригинальная мысль, весьма ценный материал, и простота, и скром-

---

* *Пропуск в машинописи*

** *В машинописи*: филологии.

ность тона. Я считаю, что в другое время книга Лосева должна была бы возбудить в России такой же шум, как книга Шпенглера в Германии[20], но у Лосева, как мне кажется, мысль монументальнее, Лосев — настоящий философ в хорошем смысле слова, и как живой философ он мне «*философствует*», не «*терминолизирует*», а *мыслит*.

Пишу это пока еще в кредит, ибо только нюхал книгу, читать еще буду, но нюх у меня есть.

Кучино. 1930 г. Понедельник. 3 марта.

Да, — а письмо Разумнику?[21] С последним в том смысле трудно объясняться в письмах, что он резонирует в письмах рассудочно, переживая «вдохновительно»; т.е. в старом смысле. Он не видит, что моя тема — искание «*знания духа*», имеет прямое отношение ко всем житейским вопросам, а у него разлом самосознания на рассудочный резонанс и чувственный отзыв, последним, как нужным, он упивается Клюевщиной[22], мне чуждой, первым <...>* от моих тем.

Кучино. Суббота. 30 марта 1930 г.

С утра буранище. Навалило снегу столько, что едва прошел к станции[23]. За всю зиму не было столько снежищу. Глубокая зима. **Смотрел евритмию**[24]. **Великолепно**[25]. Вечером сидел за чаем. **Был А.С. Петровский. У Васильевых**** **застал Нилендера,** условились, что приедет в субботу. Алеша завтра уезжает в Томск на две недели, едет с Максимилианом Шиком[26], опустившимся, и весьма хамоватым. Разговор с ним о Крыме, расспрашивал его про Алупку, где он был. Вечером П.Н. Васильев играл Шумана, Шуберта и Шопена; три «Ш.», столь великолепно интерпретируемые им. Уже к ночи имел счастие разглядывать издание Геккеля «Красота в природе»[27]. И просто ревел от восторга. Что искусство перед художественным творчеством инфузорий, сифонофор, проникся большой благодарностью к Геккелю, ведь проблема его чисто «Гетеанская»[28]. Вот кто понял бы наши с К.Н. восхищения перед «листиками», «корушками», «квирями»[29]. **Арестован Габричевский**[30].

21 апреля 1930 г. Кучино, понедельник.

С утра в Москве — несуразица, нелепое вставание. Явление П.Н. Зайцева с тем, что уезжающей в Ленинград **Екатерине Павловне Херсонской**[31] нужно де до зарезу мне что-то передать. Никогда не знаешь, что передадут тебе *власть имущие*. П.Н. решил: надо встретиться. Решили на полчаса встретиться у П.Н.[32], он побежал телефонировать, а мы с К.Н. с мешками явились в 12 часов к П.Н. Явилась и Херсонская, и сразу выяснилось, что *дело* ея не общественное, а личное. Просто ей пришло в голову мне почитать какое-то свое произведение. Почему ей это не приходило в голову 10 лет (с 1919 г. перестал с ней встречаться)[33]. Почему человека, спешащего на поезд, надо ловить по городу для осуществления этого ея желания, сию же минуту — не понимаю. Просто — потому,

---

* *Пропуск в машинописи.* Здесь и далее аналогичные пропуски обусловлены тем, что ремингтонистка ОГПУ не смогла разобрать почерк Белого.

** *В машинописи: Васильевой.*

что «*ндраву моему не препятствуй*»[34], а *ндрав* — от власти: едет в Ленинград заведовать «ВОКС'ом»[35], принимать знатных иностранцев. Я ей открыто заявил: еду с знакомой, поезд уходит в 2, после полуторачасовой перерыв, времени для чтения нет. Она: «Я могла бы приехать завтра!». Я всеми способами ей доказал: «Завтра — занят». Она: «Я могу приехать сегодня в Кучино». Я опять-таки с усилиями ей доказал, что — нельзя. Она: «Я вас довезу на машине». Я опять-таки и это отверг. Нельзя по дороге перехватывать человека и обрушиваться на него с чтением. Она мотивирует, что я де единственный человек, который может ее понять. Помилуй Бог, она «важная коммунистка»[36], а я «беспартийная шваль». Зачем же она в партии, если я ей так дорог. Еще камуфлирует: «Михаил Александрович Чехов дождется времени, когда ему будет предоставлено в СССР ставить мистерии». Хотелось воскликнуть: «Матушка моя, — с луны ты?». Или: «Бабуля, — куда ты?». Да как же ты ухитрилась, с любвями к Чеховым, к Белым, к мистериям не попасть ни в какой уклон, когда за 100 верст видно, что такую коммунистку гонят из партии; Бухарина бьют, Троцкого бьют, Каменева бьют, Зиновьева бьют[37], а *ИОГО-СОФО*-ком-унистку Херсонскую[38], этакий махровый уникум в смысле извращения партийной линии оставляют в покое, делают директором «МХАТа»[39], где она пылает нежной любовью к травимому Чехову[40].

Что-то по-до-зри-тель-но.

И подальше от ее нежностей!

Хочется воскликнуть: «У наших друзей души расщемливают клещами, а ты обоняешь аромат их крови, как некую "Violette de Parme"[41], их нежно любишь и нежно любуешься их терзаниями, и себе благополучно директорствуешь, управляешь ВОКС'ом».

Провокаторша, если не дура, последнее — мало вероятно, ибо такую дуру с «*истерикой*» не только крупный партиец, но и комсомолец не стал бы в партии терпеть…

10 мая. Суббота 30 г. Кучино.

Над покойниками не возобновляют крестов, администрация — отказывает. От людей насильно отнимают дорогую им память. *Нельзя теперь поставить креста над могилой*, даже язычникам позволяли ставить *болвана*. Кажется, в истории мира не было такой изощренной в своей мелочности, никому не нужной, устроенной специально для издевательства над чувствами людей *пакости*. Пишется в газетах, что у нас нет религиозных гонений, а — креста над могилой родителей поставить нельзя!

12 мая, Кучино, понедельник. 1930.

Каждый номер «*Литер<атурной> газеты*» — расплев кого-нибудь: геволт, матерная ругань, обещания стереть с лица земли всеми усовершенствованными орудиями *ГПУ* и всею силою мирового пролетариата. Прочтя очередной залп статей, начинает кружиться голова и охватывает ужас за того, кого оплевали:

Б.Е. Ефимов. Андрей Белый
Литературная газета
1932, 29 ноября. № 54

жив ли он, не расстрелян ли он, не покончил ли он самоубийством, до того тяжел молот, обрушивающийся на выбранную жертву; иногда потом через год, «*жертва*» ходит живая и здоровая, иногда даже в ус не дует. Если перечислять, кого не оплевали за 2 последних года[42], то окажется, нет ни одного не оплеванного талантливого человека. Нет ни одной не оплеванной литературной организации.

Оплевали и замучили Чехова, Чехов исчез[43]. Москва лишилась крупного таланта. Плевали в продолжении двух лет из всех журналов, из всех газет (Московских, Ленинградских, Тифлисских[44]) в Мейерхольда[45]. Тот перетерпел: теперь… частица… фимиама на его счет[46]; заплеван, проплеван и пяткой растерт Булгаков[47], проплеваны: Пильняк, Замятин[48], забрызган слюной Вс. Иванов[49], стоял не рев, а *ревище* вокруг Голованова и — заключение: шум из ничего[50]. Проплеваны были, в свою очередь, Клычков, Орешин и др. «кулаки»[51]. Орали: «Бабель, Бабель, Бабель — гений, гений, гений!». Уже полтора года — н-и з-в-у-к-а о Бабеле, из этого заключаю: где-нибудь сидит и молчит, — проплеванный[52]. Проплевали Эфроса[53], Новикова[54], Тихонова[55]. В свое время проплевали «Кузницу»[56]; теперь начинается плев на вчерашних плевателей из «*На посту*»[57]. Теперь открывается кампания «плева» на Сутырина, Лелевича[58], Ермилова, только что после окончательного расплева группы «*перевальцев*»[59], «*переверзевцев*»[60], группы «*детских писателей*»[61], «*Федерации*»[62] и «*Союза писателей*»[63].

Как у плевателей хватает слюней; нива — для оплева — богатая*. Не пусти пулю в себя Маяковский, была бы новая тема. После оплевания «Бани» — оплевание Маяковского; как жаль, что он поспешил, мог бы застрелиться оплеванным[64]: не подождал и вся та слюна, которая готовилась для него, вылетела в каких-то умопостигаемых клеветников, которые де будут распространять слухи о причинах смерти (никто не распространял), просто слюну, приготовленную для Маяковского, надо было извергнуть под лозунгом «За Маяковского» (им же все равно, в кого плевать, только бы были плевательницы). Плевательница — воистину огромна: вся литература, вся живопись, вся музыка и т.д.

---

* *Слово в машинописи пропущено. Однако оно есть во фрагменте дневника, включенном в «Обвинительное заключение» по следственному делу о контрреволюционной организации антропософов.*

Теперь уже подбираются к Беспалову, к Рощину, к Гроссману[65], еще вчера с удовольствием приплевывавших за кампанию с плевателями.

Теперь среди новых объектов плева отыскался Яшвили[66], стоически говорит, — можно только смеяться; но темперамент у плевателей «*супер-испанский*», выбранный в который раз для оплева оплевывается с таким ужасающим темпераментом, так сжимаются кулаки, так брызжет слюна, так сверкают роговые очки, так растрепываются рубашки (с грязными воротничками), что можно пасть в обморок не столько со страху, сколько от охватывающей тебя вони при этом самом обычном деле.

Андрей Белый. Начало века
М.; Л.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1933

Действительно: «Литературная газета», которой каждый следующий номер есть «*осрамление*» кого-нибудь (все равно кого), даже не может служить бумажкой для нужника, ибо она сама г…, и утираешься ею, размазываешься.

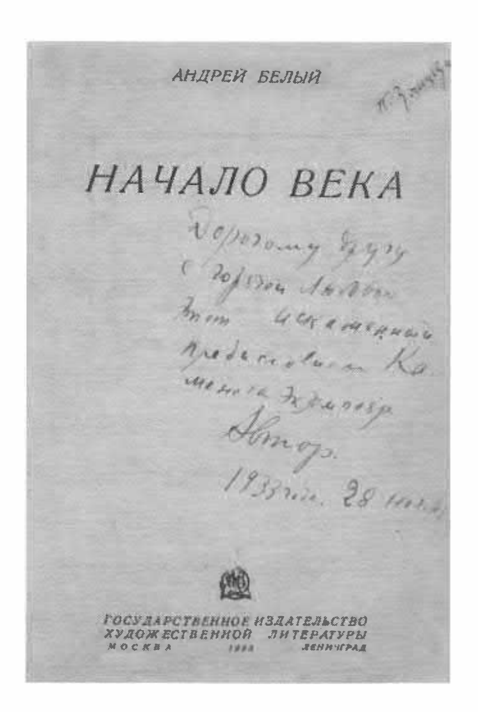
Кому нужно это позорище? Верхам Власти? Они, брезгливо зажимая носы, проходят мимо этого нужника, часто весьма умывая руки: «Это — не мы». Рабочему классу? Но рабочий класс очень заинтересован в том, чтобы под его знаменем не устраивали «срамоты». Если рабочий класс посвятить в подоплеку всего написанного, он, как и «правительство», зажмет нос, только он не пройдет мимо, а расправится с плевателями. Нельзя же, в самом деле!

За два года — оплевали Луначарского[67], Маяковского, Чехова, Мейерхольда, Воронского[68], Полонского[69], Лефовцев[70], Шкловского[71], Булгакова, Лежнева, Горбова[72], «Кузницу», «Напостовцев», «Федерацию», «Союз», Чехова, Голованова, <…>*, Новикова, Клычкова, Орешина, Беспалова, Переверзева, «Детскую литературу», «Союз писателей», книгоиздательство писателей[73], «Перевал», самый «Гиз»[74], Замятина, Пильняка, Вс. Иванова, Кириллова, Герасимова (теперь в двух последних не плюют)[75] и т.д. Не оплеваны: Рыклин и Бескин.

Благоденствуют и благословляют писателей плевателей: «шествуйте тою же стезею»[76].

Предлагать меры не к прекращению «плева» (заткнуть этот фонтан нельзя — ибо малейшая попытка к этому уже предлог для оплевания пытающихся), а к хотя бы *дезинфекции слюны*, распространяющей гнилостный запах, лишающий

* *Пропуск в машинописи.*

Андрей Белый. Начало века
М.; Л.: ГИХЛ, 1933. ГМП
На титульном листе дарственная надпись Андрея Белого П.Н. Зайцеву: «Дорогому другу с горячей любовью этот искаженный предисловием Каменева экземпляр. Автор. 1933 года. 28 ноября»

деятелей искусства самой возможности к органической работе — бессильны: и предлагали, и предлагают дезинфицировать слюну. Вероятно, запах слюней Бескиных этим последним кажется розами Пушкинской поэзии![77]

Изволь с такими людьми варить кашу!

Ясно, что последует через пять лет: самая крупа, из которой варят кашу, превратится в экскременты* мышей, столь неприятно порой скрежещущие на зубах, когда жуешь сырую крупу.

Подумать, вся русская литература, сумма театров (в которых работают Мейерхольды, Станиславские, Немировичи[78]), и — Бескин, не написавший ни пьесы, ни стихотворной строчки, ни художественной строчки прозы и всю жизнь провонявший из газет, причем много лет вонял из самой подлой, самой желтой реакционной газетишки «Столичное утро»[79] лет пятнадцать прежде, чем стать солнцем «ГИЗ-а»[80] и Московских театров[81]. И перевешивает — Б е с к и н![82]

Никто ничего не знает, он один может научить всех, у него у одного нет уклонов!

С другой стороны, рабочий класс, ничего никогда не слышавший о Бескине, не видавший его, вожди рабочие, имеющие несчастье делать ошибки вправо и влево (Бухарины, Томские, Воронские, Троцкие, Радэки и т.д.)[83], и — тот же Б е с к и н!

И перевешивает опять-таки Бескин!

Как правительство не понимает, что это даже не «Вампука»[84], а уже сухая гангрена!

Не понимающий искусства театра Мейерхольд и его понимающий Бескин[85], не понимающий Маркса Бухарин, и его понимающий Бескин![86]

3 июня, Кучино, вторник 1930 года.

В рубрике продукции — мыла нет (ни куска), папирос — нет, лекарств — нет, скипидара — нет, нафталина — нет, мяса — нет, сапог — нет, валенок — нет, дров — нет, конфект — нет, в аптеках продают пудру и губную помаду. Убывание, молниеносное, всех продуктов напоминает быстро закручивающуюся спираль[87]. Винт круче. — Ждет осень почище осени 1918 года.

---

* *В машинописи*: эксперименты

Хуже, чем в эпоху военного коммунизма[88]. Тогда отсутствие продуктов было мотивировано, сейчас их отсутствие — вопреки всем газетным сведениям.

Прочел в «Литературке»: Либединский и Безыменский, вчера два аякса, задававшие тон, оказались один в правом уклоне, другой в левом. Высоко чтимый, недавно застрелившийся Маяковский — и в правом уклоне, и в левом. «Клоп» — правый уклон. «Баня» — левый. Интересно: кто без уклонов?[89] Кажется, такого писателя нет.

Чувствуется ужасная усталость после «Масок»[90], еще не могу придти в себя от того, что больше нет на мне стального корсета <…>* Окончен огромный труд: «*Ты им доволен ли, взыскательный художник?*»[91]. Нет, нет, — недоволен, написанное кажется мне тягучим, жалким, а главное, — написанным в Торичеллеву пустоту[92], для «*Масок*» в теперешней России — нет читателя.

14 июня, суббота, 30 года. Судак[93].

Для приезжающих в Судак и не пристроенных в домах отдыха[94] очевидно отдых запрещен. Наш хозяин, лишенец[95], ничем в этом смысле помочь не может[96].

Судак, понедельник, 23 июня 1930 года.

Не быть связанным даже с планетой, как кажется, погибающей в своей эволюции, восток погибает от невежественного топорного применения идеи коммунизма. Эти идеи — венец жизни, но до этого венца жизни надо дозреть. Не гориллам применять к практике идеи социального ритма[97]. Действительность показывает, что понятия общины, коллектива, индивидуума в наших днях — «*очки в руках мартышки*», она — «*то их понюхает, то их на хвост нанижет*»[98]. Без культурной революции и взрыва сознания[99] высота и глубина опрокидываются безобразием, восток гибнет от безобразия своего невежества.

Запад гибнет от опухолей «*брюха*». Капиталистическое брюхо — гигантская раковая опухоль на теле запада, и не невежественному востоку оперировать эту опухоль, восток в лучшем случае может оглушить запад, может даже убить запад, срезая с него гнилостную опухоль. Но этой операцией себя не спасет, пока не достигнет высот интеллектуальной культуры, которую он так варварски топит в себе. Оперировать может умеющий оперировать: «Не умеющий зарезает». И мы зарезаем себя и Запад. Так, между Востоком, разбивающим верно им угаданную ценность, и гниющим Западом раскалывается наша планета и, может быть, гибнет. Но мы, люди нового сознания, как Ной, должны строить ковчег, он в усилиях распахнется в Космос; гибель земли — не** гибель вселенной, а мы — люди вселенной, ибо мы — вселенная, мы должны верить, т.е. <…>*** верным знанием какого-то иного бытия в Космосе. Мы должны расшириться эфиром наших тел[100] в эфир вселенной, как Христос, положивший себя в гроб земли, восстал из мертвых, так мы должны восстать в Космосе, распростереться в нем.

---

* *Пропуск в машинописи.*

** *В машинописи*: «и»; дается вариант из цитаты, включенной в «Обвинительное заключение».

*** *Пропуск в машинописи.*

Судак, 26-го июня 1930 г., четверг.

О другом. Все эти дни думал о том, что Блок в статье об иронии коснулся страшной язвы[101]. Дух иронии — страшный дух. Выявления его у нас и на западе иные. На западе под иронией глубочайшая скука <…>*. Наш русский, недавний интеллигентский смешок по отношению к подлинной культуре (Гете, Канта, Ницше и т.д.) в соединении с сантиментальным идолопоклончеством по отношению к 2–3 идейкам Писарева, Чернышевского, Лаврова и Михайловского, оказался страшнее западно-европейского скепсиса. «Шествуй тою же стезей»[102] — по отношению к чтимой «нечесаной благоглупости» недоучившегося семинариста в соединении с икающим смешочком по адресу нужных, как жизнь, ценностей культуры, оказался настоящей проказой, заживо съевшей душу русского интеллигента — да так, что когда пришли часы действовать ею, она оказалась безо всякого действия. В революционном пафосе <…>**. Ирония сменилась только испугом, только злобой, только растерянностью, из всего вытянулся к 18 году озлобленный контра-революционер, горящий желанием свергнуть большевиков и не знающий, ради каких идеалов свергает он: противопоставить-то нечего. Я люблю Разумника. Но… что он может противопоставить коммунизму со своим длинноволосым, неосмысленным культом слюнявого народничества, наградившего его разве что Клюевым (но Клюев болезнь) <…>***.

Судак. 27 июня 1930 г. — Пятница.

Отношения с Разумником — взаимные «пыхи» усилий говорить друг с другом, не оскорбляя друг друга, были в эпоху, когда «пыхи» усилий имели основания, ибо была возможность работать вместе. Теперь же пропала возможность работать. «*Пыхи усилий*» — досадная помеха к общению.

Разумник *не откликается* на нерв моего жизнеощущения, а я устал откликаться на его «кредо»****, оно стало для меня аккуратным феноменом. Я не понимаю, чем он живет.

Вижу, что и Соловьевы, бывшие мне столь близкими в личном общении (от «Я» — к «Я») в родовом разрезе, как «*Соловьевы*» были далеки, чужды. Утонченность до болезненности с одной стороны, культурный аристократизм, при весьма далеком отставании от вершин западно-европейской культуры[103]. Смесь Тургенева, Фета, «*Попа*»[104] в них меня отталкивала, этого духа — никогда не любил. Насколько мне был ближе в теме, в темпе Метнер!*****

Идя к Сереже, или к М.С. Соловьеву, я шел к личности, а не к «Соловьеву». Припах «*Соловьевства*», в Соловьеве всегда ощущал как неприятную *акциденцию* при ценной субстанции. Отталкивало подразумеваемое «*мы Соловьевы*», т.е. «*мы не Толстые*», а *получше* «*Толстых*». Я и «Толстых» как «*Ых*» — не любил[105]. «*Ые*» кричат даже из Софьи Андреевны[106] (дочки Андрюши)[107].

---

* *Пропуск в машинописи.*

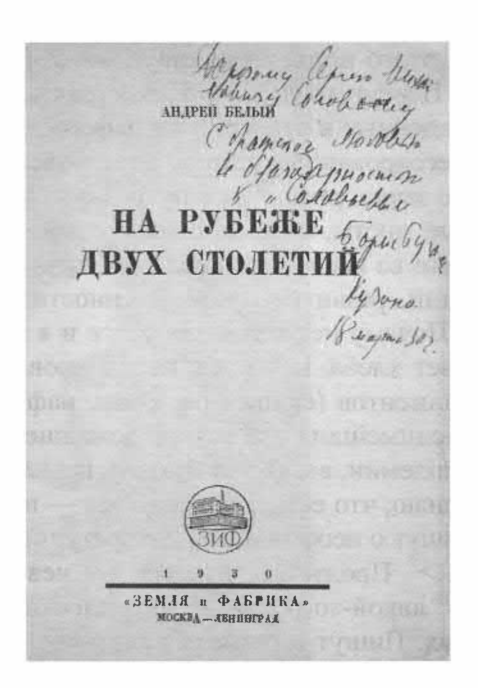
** *Пропуск в машинописи.*

*** *Пропуск в машинописи.*

**** *В машинописи*: креда.

***** *В машинописи*: Насколько мне были ближе в теле, в темпе Ветнер!

Андрей Белый. На рубеже двух столетий
М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. ГЛМ
На титульном листе дарственная надпись Андрея Белого С.М. Соловьеву:
«Дорогому Сергею Михайловичу Соловьеву с братской любовью и благодарностью к "Соловьевым". Борис Бугаев. Кучино. 18 марта 30 г.»

Довольно, стряхиваю с себя «очес»[*], с непрочитанной мысли; мысль, бьющая за плечами, прочтется в течении написания книги.

2-го Июля, Судак, 1930 г. — Среда.

Все окрасилось как-то тупо бессмысленно. Твои интересы к науке, к миру, искусству, к человеку — кому нужны в *СССР*? Мне кажется <...>[**], чем интересовался мир, на протяжении тысячелетий, в чем Платон, Аристотель, Эвклид, Вергилий перекликались с Кантами, Гегелями, даже с Марксом (были же *истины*, развивающие свои мысли[***], на протяжении тысячелетий). И все то, чем доселе интересуется земной шар, — рухнуло на протяжении последних пяти лет у нас. Декретами отменили достижения тысячелетий, *ибо мы переживаем небывалый подъем*. Но почему в иные минуты я, отзывавшийся на всякие подъемы радостно, я, чуждый предвзятости и умеющий[****], где нужно, вылезать из своей

[*] *Слово вписано от руки крайне неразборчиво.*
[**] *Пропуск в машинописи.*
[***] *В машинописи*: «смыслы»; дается вариант из цитаты, включенной в «Обвинительное заключение».
[****] *В машинописи*: «неумеющий»; дается вариант из цитаты, включенной в «Обвинительное заключение».

кожи, этого подъема не ощущаю. Радость ли блестит в глазах уличных прохожих? Переутомление, злость, страх и недоверие друг к другу точат эти серые, изможденные и отчасти уже деформированные, зверовидные какие-то лица. Лица дрессированных зверей, а не людей. Трамваи на улицах Москвы не ходят, то и дело закупориваются в пути. На железных дорогах катастрофа за катастрофой. Старые мосты, старые шпалы, старые рельсы. Сейчас читал доклад Сталина о том, что во всем мире неблагополучно, и лишь мы лопаемся от довольства, достижений, развития промышленности, продукции[108]. Где же продукты продукции? Почему нет кожи для сапог и я не мог при всем усилии купить себе ботинок, нет хлеба, нет мяса, нет штанов, нет сахару, нет папирос, нет тканей, нет медикаментов (скипидара, хины, нафталина, камфорного спирта и целого ряда необходимейших для всякой домашней аптеки лекарств). Нет мыла (значит, грозят эпидемии, вши), нет бумаги, периодически исчезают спички, нет дров, нет… Я не знаю, что есть. Кооперативы — пусты.

Пишут о необычайном литературном подъеме. Где он?

<…>* Продукция и здесь — невероятная. Вместо разработки литературы <…>** какой-то <…>***. Пролетарские литературные группочки ищут себе подобных. Пишут о размахе культурной революции, о молодежи. Мы здесь в Судаке под боком с «кубучем»[109], насчитывающим сейчас не менее 500 отдыхающих студентов и студенток. Студенты — они жалко, как покинутые, слоняются туда и сюда, не зная, что с собой делать. То, что они бренчат на рояли, — ужасно. Сплошной «собачий вальс», если это не фокстротик, или не «*кирпичики*»[110]. Можно сказать, ну и вкусы же у совр<еменного> студенчества.

Наполнена лишь футбольная площадка, на которой голые тела часами пыряют кулаками в мячи с ожесточением, достойным лучшего применения.

Впечатление от молодежи — грустнейшее.

15-е Сентября — Понедельник. 1930 г. Судак.

Надвигаются отъездные дни, усталость, измученность, сердце! Судак — тяжелый. Отдыха не дал! Уже третий день диктую милой, самому писать трудно[111]. Хочется скорее в Кучино, чтобы усесться на покое и быть ближе к друзьям, страдающим, недугующим[112], обремененным. Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, с наслаждением — щелкая нашими жизнями, — с тем различием, что мы не клопы, мы — действительная соль земли, без которой народ — не народ. Нами гордились во всех веках, у всех народов, и нами будут гордиться в социалистическом будущем. Только в подлом, тупом бессмыслии теперешних дней кто-то превратил соль земли в клопов, защелкал нами: щелк, щелк — Гумилев, Блок, Андрей Соболь, Сергей Есенин, Маяковский[113]. Щелкают револьверы, разрываются сердца, вешаются, просто захиревают от перманентных гонений и попреков. И мое сердце, мужественно колотившееся, ослабевает. Не могу, не могу вынести тупого бессмыслия, раздавливающего лучших вокруг меня.

---

* *Пропуск в машинописи.*

** *Пропуск в машинописи.*

*** *Пропуск в машинописи.*

Б.Л. Пастернак
Фотография Б.С. Шварцмана. 1930. ГМП

Это не отчаяние, — это смертельное изнеможение от усилий бодрить себя и других.

Дышат на ладан Соловьев, Иванов-Разумник, Волошин, Орешин, Пастернак — сколькие, щелк, щелк — «клоп за клопом»! Скоро мы, аллегорические «клопы», будем все передавлены. Не видят, что от одних «клопов», расплодившихся мириадами, не аллегорических, а только настоящих, грозят беды.

Но такова логика, более всего нуждаясь в «интеллектах» и именно в силу этого — раздавливать интеллекты!

Последнюю полосу жизни сквозь все чувствую механическое раздавливание себя, хотя никто не давит. Давит атмосфера. Давит воздух, точно вырываемый из груди. И уже — затрепыхалось сердце!

Это не аллегория, а действительность самая настоящая. Сегодня не пошел обедать в столовую от непрекращающихся трепыхов сердца.

После забракования 2-го тома «*Москвы*»[114] до такой степени потерял вкус писать что-либо, ибо бездарное стало гениальным, а талантливое выкидывается за ненужностью, что уже и силы не позволяют. Сдал сразу… <…>*, диктую милой. Так легче.

Кучино, 25-е Сентября — Четверг 1930 г.

Путь через рельсы перегородил бесконечно длинный поезд, точно бревно, брошенное под ноги, а когда перешли рельсы с тяжелейшими чемоданами, в Салтыковке — сюрприз. Ни одного извозчика, которых было сколько угодно, все пять лет жизни здесь. Оставалось: с больным сердцем тащить пудовые чемоданы 2 километра; встретили подводы, на которых возили кирпич, за 12 рублей погрузили чемоданы и потащились, сами едва взобравшись. В чем дело, где столь необходимые для этой местности извозчики? Ответ — их — раскулачили.

Так!

А чем же виновато все население? Раскулаченным кулакам платили 3 рубля, а я сегодня заплатил 12 рублей. Если кулак наживал с меня рубль, то меня насильно заставили теперь платить не лишний рубль, а лишние 9 рублей. Виноват ли грузчик? Нет, он объяснил дорогой, у него 7 человек детей, одна лошадь, полторы десятины, его заставляют платить налогу 1000 рублей, а по самообложению[115] еще 1000 рублей, т.е. более 2000 рублей!?!

Утром впечатление: 48 расстрелов вредителей[116], а почему не расстреляли вредителей жизней всего московского населения, посадивших население без дров в ужасный холод? Деревья целы, их никто не вредил, головы у коммунистов на плечах: могут додуматься до необходимости отопления?

Таково же было вступление в Москву: тоже бревно — под ноги, усталых людей с дороги продержали 2 часа, потому что багаж не разобран. Изволь — ждать часами, во время этого ожидания пропала квитанция на ручной багаж. И 24-го вместо поездки в Кучино — поездка на вокзал с бумагой в ТООГПУ, о том, чтобы выдали ручной багаж. После осмотра вещей — выдали-таки[117].

Последнее впечатление от Феодосии[118]: в Феодосии нет воды, вода в Крыму иссякает, отчаяние населения.

Веселенькие путевые картинки! Видели поезд арестованных.

23-го с момента вступления в Москву — узнал: Лидия Викторовна[119] задыхается, не то ангина, не то невроз. Доктор сказал — результат чистки[120], ее не вычистили, но хуже, привили ей ангину. А.С. ПЕТРОВСКИЙ — не вычищен, но надломлен чисткой[121]. В.Н. АЛЕКСЕЕВ — не вычищен, но лишился отпуска, таскаясь ежедневно на чистку. У Л.В. КАЛИКИНОЙ открылся рак. Доктора говорят — на почве нервов (смерть Марии Алексеевны[122] и волнения с лишением места), и она раздавлена — ненароком «*лапой*», которая хочет строить, но, строя, ломает.

Далее известили: арестованы ЕГОРОВ, ГОТЬЕ, ЛЮБАВСКИЙ, т.е. историки[123]. Арестованы ЧАЯНОВ[124], ГРОМАН, БАЗАРОВ[125] и ряд лиц как вредители[126].

---

* *Пропуск в машинописи.*

Грустные рассказы Елены Николаевны о трагедии со смертью сына Сергея Матвеевича[127].

Далее, — слухи: де арестован Пильняк, Пантелеймон Романов[128].

Не записываю всего узнанного за двое суток, но и записанного достаточно, чтобы понять настроение, с каким набрасываю эту запись.

Какое-то странное легкомыслие от озлобленности, избитости, вытолкнутости.

«Плачущие, как не плачущие»[129].

Да, я не плачущий. Мы не плачем, мы только — надломаны. Долго прожить невозможно, — сердце — не выдержит!

С.М. Кезельман. 1920-е. ГМП

Кучино, 25-го сентября — Пятница 1930 г.

Чудный холодный солнечный день. Ел<лизавета> Троф<имовна>[130] была в Реутове, чтобы получить мою книжку[131]; не дали, потребовали документы, сколько получаю, свободная ли профессия[132]. Разъяснено ВЦИК'ом, постановлением, но велика тупоголовость «властей на местах»[133], все эти члены «сельсоветов» в Кучине — спекулянты, кандидаты на расстрел. Впечатление, что они смесь бывших купцов с темными личностями, имеющими уголовное прошлое. Гидра малокультурности сжимает и нас, и правительство. Что-то ужасное, когда входишь в учреждение района Кучино-Салтыковка; впечатление, что заседающие там личности — <...>* во всех отношениях, кроме одного: выжать деньгу в свой карман. У меня начинают трястись руки, кровь бросается в голову от одного вида сидящих за столом; например, сидит старичок лет под 70, бывший «кулак», дачевладелец, ныне — «*советская власть*». Не слушает тебя, вымышляя, как бы с тебя сорвать лишние червонцы (в карман, разумеется). Для этого он придумывает себе рубрику, не существующую в законах, стараясь твой заработок подвести под «*наживу*».

Не верю ни в какие постановления ВЦИК'а, ибо они разбиваются о темную, кулацкую голову плута, пролезшего в администраторы.

Ужасно!

Я готов скорее голодать, чем объясняться с этой компанией, ибо дух, который разит от многих «*чиновников*», играющих роль коммунистов, — действует на меня, как синильная кислота. С этими людьми только возможны два жеста: или — хватить палкой по голове, или махнуть рукой: «грабьте, сколько влезет!»

---

* *Пропуск в машинописи.*

Дом в подмосковном поселке Кучино,
где Андрей Белый и К.Н. Бугаева жили с 1925 по 1931 гг. ГМП

25-е Декабря — Кучино. Рождество — Четверг.

В ноябре над всем стоял самый чудовищный процесс, какой я знаю, дело вредителей. Читали и потрясались![134] Дней 10 только и жили процессом.

28-е Декабря — Кучино, Воскресенье 1930 г.

Мороз 22°, приедет ли завтра К.Н.? 30 год кончается явной агонией. Боже, сил больше нет, опять подкатывают ужасы 19-го года, уже в деревне тиф, Москва полна больными, света нет, топлива нет, пищи нет. Какое-то дьяволово колесо. Для чего люди пережили лишения 19-го года, чтобы через 10 лет без всяких видимых мотивов опять попасть в ужасы голода, холода и болезней?

Полгода гоняют писателей по заводам[135]. Редакции полны никчемными очерками. Худож<ественной> продукции нет. Наконец, Сталин сказал: «Я читаю Шекспира, Шекспир хороший писатель»[136]. И вдруг — стой: не гнать писателя от письменного стола. Для чего же было городить чепуху полгода? Какие-то Митрофанушки[137]: не верят умам мировым, до всего доходят «своим умом», производя нелепейшие опыты, стоящие жизни, здоровья; на чужих костях решают простенькие логические задачи.

Надо было Есенину повеситься, Маяковскому застрелиться, чтобы вспомнить, что и Шекспир имеет право на письменный стол.

5 января — Понедельник 1931 г., Кучино.

Приехала милая. Кончаются 12 дней, за все эти дни — тошнило от мысли, что был в зоне праздников[138]. Какие праздники! Для 150 миллионов населения

СССР — праздников нет, ни во внешнем, ни во внутреннем смысле. Живу неделю нерешенным вопросом. За 12 дней мой грипп, кашель К.Н., грипп у Ел. Троф., сгорела электр. станция и дней 8 мучает керосинщик, к которому надо таскаться на дом. Вот и все праздники.

Я уже давно заметил, что мы вступили в новую фазу жизни. На измученного человека, посаженного в холод, на проголодь, восстают предметы. У предметов обнаруживается душа, но эта душа — злая, она стремится гадить человеку. И то же с природой: уже 10 дней паршивые, гаденькие дни, ни тепло, и не холодно. В обычном ритме природы эта температура с «*–10°— –15°*» скорее бодрит, а теперешняя погода гнилит, расслабляет, бегаешь, охваченный дрожью, в какой-то пакостной ледяной испарине.

Иногда кажется, что человек отдан на растерзание мелким бесам, а не только злым людям.

«Не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное было поглощено жизнью» (К Кор., глава 5-я, ст. 4).

9-е Января. Пятница. Кучино. — 31 г.[139]

Отправился в Салтыковку, подать «декларацию»[140]. Узнал: фининспектор переехал… в Реутово! Вот уже 6 лет длится моя игра в кошки-мышки с фининспектором. Я — кошка, его всюду ищу. Он мышка, прячется, чтобы я пропустил сроки подачи и чтобы он меня *огрел* пени (именно такой вид: все делается, чтобы подвести под «пени»). Хоть бы оставил следок «фин» в Салтыковке! Целое учреждение сгинуло. Обегал всю Салтыковку (и на почте был, и в банке был), чтобы узнать дни, когда «фин» принимает в Реутове (у него фурфиксы[141]). Кто говорит — каждый день, кто — в пятые дни. В 1927, 1928 принимал каждый день, 1929 принимал *в пятницу и вторник*, теперь, говорят — в пятые дни; <в> 1925 и 1926 и 1927 «фин» принимал в Москве (у Сухаревой башни), <в> 1928 и 1929-ом — принимал в Салтыковке, <в> 1928-ом в одном здании, <в> 1929-ом в другом здании. <В> 1930 году оказался в Реутове. Ведь ми-лое у-ч-р-е-ж-д-е-н-и-е уезжает пять лет по Нижегородской дороге от Москвы до Салтыковки и обратно, не оставляя следов своего бытия для плательщиков. Плательщики должны обыскивать станции Нижегор<одской> жел<езной> дороги и если к сроку не отыщут «*мышку*», она, вдруг превратясь в тигра, выпрыгивает из засады с «*пени*».

Нет слов безобразию. Схватить палку и разбить стекла окон учреждению, так измывающемуся над нами. А какое учреждение не измывается? Реутовский кооператив? А керосиновая путаница.

Спокойствие, надо шутить, ибо говорить на человеческом языке — значит попасть в кутузку, или упасть с разорванным сердцем перед одним из «головотяпских» столов.

9-е января, Пятница, Кучино, 31 года.

Вот кто наша сельская власть, перед кем мы стоим как дрожащие твари[142], кому платим, кого ловим в учреждениях, кто нас пасет в Салтыковке и Кучине.

Идешь в учреждение и дрожишь, ибо на внятный вопрос получаешь ответ на обезьяньем языке. Я понимаю язык русский, язык газетный, язык литературный, язык декадентов, язык Маяковского, язык крестьянина любой губернии, ибо с крестьянами всюду говорил, я понимаю язык рабочих. Но когда со мною начинают говорить на обезьяньем языке, я не понимаю и пугаюсь, ибо не знаю, что происходит под черепной коробкой переряженных в коммунистов зубров, мне любезно подставленных, как моя ближайшая власть, от которой зависит меня ограбить или наградить.

30 лет задумываюсь я над — Россией, и решаю: Россия — не русский народ; данная нам Россия была искусственным созданием, и я, ее полагая в будущее, вслед за Достоевским говорил ей «Буди, буди»!*[143]

Но это «буди» оказалось интеллигентской мыслью, осуществилась не Россия, а — «*СССР*»[144].

Русский народ оказался в национальном разрезе никудышным. Кудышным оказался не народ, а класс; народ, — вместо него вылезли заклепанные в самодержавной империи вятичи**, радимичи, кривичи, или — «*нолох у фининспекторов и ичислым тык*»[145]; «*кривич*» в 20 веке, переряженный в чиновника от советской власти, оказался следующею за гориллой высшей формой обезьяны, ибо он оперирует ему несвойственными понятиями «Гонорар» (с большой буквы, точно «Государь»), как фетишом[146], и получается что-то вроде «Гонорар», равный 300 едоков. «*Члены артели*», я «*член* артели», для него вопреки разъяснений Совета Народных Комиссаров[147], что-то подобное пушнине, с которой сдирают шкуру.

Жизнь, в которую погрузились, ничем не отлична от 19-го года, только пока еще можно без разрешения передвигаться, и пока еще ходят поезда и трамваи, в Москве горит электричество, но нет уже с год лампочек, перегорают последние[148], а в 19 еще были лампочки, но не подавалось электричество. В домах перестали топить. В квартире у К.Н.[149] собачий холод.

17-е января 31 года, — Кучино, суббота.

Вчера в аптеке выставлены для продажи: лак для ногтей, губная помада, множество вонючих духов; можно подумать, что не аптека, а парфюмерная лавчонка самого дурного пошиба, но — без мыла, которого нет. Вместо него брошюры о гигиене, — сколько угодно.

Скипидара нет, нашатырно-анисовых капель нет, хины — нет, ваты — нет, камфорного спирта нет, сайодина[150] нет, йодистого калия нет и т.д., лекарств — нет!

Нечто эпическое есть в нашей жизни: во мраке развала всех функций, в обессмысленности всех культурных отправлений, уже несомненных для людей 13-го века и вдруг подверженных сомнению в 20 веке.

---

* *В машинописи*: буде, буде

** *В машинописи*: дятичи

Читали с К.Н. вслух «Тараса Бульбу». Теперь — «Страшную месть». И что-то в суровом, темном быте скликается. В эпоху Бульбы не строили прочных домов, ибо налетали татары, ляхи, казаки, — уничтожали обиталища.

Е.Н. Кезельман. 1930–1940-е. ГМП

Теперь иначе: Реутово[151] покрыто **великолепными каменными корпусами**, за счет всей окрестности, в которой все хилое сгнивает, ибо люди боятся ремонтировать. Новых каменных корпусов, допустим, — 1000, а сгнивающих, превращающихся в <...>* домов — сотни тысяч; корпусы для сотен тысяч, а гнилые всему прочему населению — в чем же жить? В распаде? Рабочих, дай Бог**, от 5 до 8 миллионов, а всего населения 150 миллионов. Значит, ценой устройства жизни одного, разваливаются 30 жизней. Я не хотел бы жрать икры, отчавкивая первую категорию, зная, что это за счет 30 фактически лишенцев (не в правовом смысле, а в продуктовом), фактически нас — служащих, писателей и т.д., передвигают в категорию продовольственных лишенцев[152]. Сегодня урезали хлеб, завтра отняли керосин, послезавтра сахар, помаленьку, полегоньку — локотком подталкивают*** к срыву в голодную смерть, в тифозное заболевание или замерзание.

Нечто эпическое звучит в нашей катастрофе, мы на грани того, чтобы стать голытьбой.

4-е Марта 31. Куч<ино>. Среда.

Начался процесс меньшевиков[153], страшно читать, на скамье подсудимых фигурируется как главный вредитель ШЕРР, которого я помню еще студентом[154], и Володя ИКОВ, которого помню приготовишкой-ПОЛИВАНОВЦЕМ в 7 и 8 классе, я с ним дружил, тогда он напоминал мне юношу Белинского, он был уже убежденный марксист, мои первые бои против материализма за символизм — с ним[155]. Просто не могу себе представить его в качестве «*вредителя*»[156].

17-е марта 31 года, Кучино — Вторник.

И в третий раз «*Да будет воля Твоя*»****[157].

---

* *Пропуск в машинописи.*

** *В машинописи со строчной буквы.*

*** *В машинописи*: проталкивают

**** *В машинописи*: Добудет воля твоя

Сейчас приедет Петр Никанорович[158] и мы отправимся в Салтыковку, выспрашивать, какие именно удостоверения (опять, который раз, — удостоверения!) нужны писателям, чтобы его не сделали продовольственным лишенцем. Льва Толстого вероятно бы лишили карточек[159], ибо соответственной рубрики «*газетного работника*» у него нет. Он просто писал, а теперь всюду вопрос: «К чему прикреплены, где работаете?»[160], т.е. крепостное право проводится во все сферы жизни. Так и писатель, если не сумеет доказать, к чему он прикреплен, т.е. чей он «*крепостной*» — лишается продовольствия[161].

19-е марта, Четверг, Кучино 31 года.

Все-таки, — до чего же за 3 года пали элементарные условия жизни. В квартирах холодище, мыла нет, элементарные законы гигиены становятся величайшим, едва ли не моральным усилием; чтобы быть чистым, надо почти проявлять героизм. Уже тиф косит свои жертвы всюду. Конечно, он — проявление не только недоедания, но и грязи. Как не понимают, что есть вещи, которых население лишать нельзя. Например: — всякому дураку ясно, если отнять у населения мыло, — то вошь, тиф, сотни тысяч смертей, т.е. удар по самому бытию социалист<ической> республики; пятилетка или — чума, холера, тиф и т.д.? Думаю, что пятилетка ценой чумы, тифа, холеры уже не пятилетка — ибо пятилетка — для «*живых*», а не «*мертвецов*». Почему я так ставлю вопрос? Потому что недавно кто-то сказал мне, что мы экспортируем за границу мыло, ибо нам нужны деньги для пятилетки; но экспортировать мыло ради пятилетки одной рукой, значит — другою сеять бактерии заразных болезней в осажденной крепости, ибо всякому дураку ясно: без мыла, бани будет вошь, а с нею — тиф; довольно он косил в 18–19 годах. Тиф во славу пятилетки — пятилетка ли?

Итог ясен: на Кавказе — чума, Сев<ерный> Кавказ — в тифу, тифозные эпидемии распространены по всему *СССР*. Еще год назад, когда начался «*мыльный*» кризис, у меня — <...>* испуга. Значит — десятки тысяч смертей.

21 Марта, Суббота, Москва.

Весь день разбирал сундук[162]. Вечером пошел к П.Н. ЗАЙЦЕВУ, собрались: НИЛЕНДЕР, ВОРОНСКИЙ, ПАСТЕРНАК**, Н.Н. ВЫШЕСЛАВЦЕВ***; читал свои стихи, потом слушали ПАСТЕРНАКА****. ПАСТЕРНАК — великолепен, его «Охранная грамота»[163] — нечто монументальное. От В.О. Нилендера узнал: Лидин[164] просит мне передать, что Союз писателей выдвинул вопрос о том, чтобы Волошину, Клюеву и мне дали пенсию[165], и что шансы на это есть. Воронскому очень нравится «Золото в лазури» в переделке[166], Пастернак и Вышеславцев в восторге.

---

* *Пропуск в машинописи.*

** *В машинописи*: Постернир

*** *В машинописи*: Вышенавцев

**** *В машинописи*: Посторнека

22-го Марта, Воскресенье, Москва.

Утром хотел идти к Г.И. Чулкову, но он занят; стелефонились: решили встретиться в будущее воскресенье. Виделся с Л.В. Култашевой, Л.В. Каликиной, Е.Н. Кезельман[167]. Вечером К.Н. была у Татариновой, очень хорошо было с Влад. Никол.[168], разговор о «Seelen Erwachen»[169], М.А. Чехове. Решили встретиться в следующую субботу.

25-ое Марта, 31, Кучино — Среда.

5 сцена. Бенедикт [об Иогансене][170]. «Он заложил основу к посвящению горькой душевной болью»[171].

Слова Ретарда: «Я удерживаю Ваш духовный свет в этом храме, чтобы он не принес вреда вместо блага, пока не готова душа».

10-я сцена: Люцифер:

O Mensch, erkenne mich,
O Mensch, empfinde dich;

Примеч.: O Mensch, erkenne dich.
O Mensch, empfinde mich[172].

Делаю эти мне нужные выписки. В.Н. Татаринов упросил-таки меня сделать словесный пробег по «Die Pforte der Einweihung».

28-го марта. Суббота. Москва.

Вчера у Татариновых 2 ½ часа объясняю им основные пункты, как надо подходить к мистериям доктора[173].

29-е Марта. Москва. Воскресенье.

Утром К.Н. вышла на детскую эвритмию, устроенную Лелей[174].

30-е марта. Москва. Понедельник.

Салтыкова — Кучино. Кстати: знакомая <...>* ВАСИЛЬЕВЫХ Анна Андреевна, САЛТЫКОВСКАЯ дачевладелица, сдала за 500 рублей дачу, а с нее налог 500 рублей; налог <с> 500 рублей равен 500 рублям! А?

Лишили карточек зубных врачей, дающих уроки, ремингтонистов; целая категория интеллигентных тружеников, добывающих средства к жизни частными уроками, приравнена к продовольственным лишенцам.

Ел. Троф. передала разговор в нашем сель-совете: кто-то из сель-совета: «Ведь голод!»; кто-то в ответ: «Какой там голод! Вот когда пойдут в собственные могилы, — тогда голод!».

А «пойдут» — кто? Пойдет многомиллионная Россия — минус кучка «*привилегированных*» рабочих (1-я категория). Такова диалектика «*Пятилетки в четыре года*»[175]. Страдания оборвутся** третьим годом; третий год — голодная смерть.

---

* *Пропуск в машинописи.*

** *В машинописи*: оборванной

Печатается по машинописи, приложенной к «Следственному делу о контрреволюционной организации антропософов» 1931 г.: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006. Л. 500–525. Несколько фрагментов из дневниковых записей вошло в «Обвинительное заключение». См.: *Спивак М.Л.* Андрей Белый в следственном деле антропософов // Лица: Биографический альманах / Ред.-сост. М.М. Павлова, А.В. Лавров. СПб., 2002. Вып. 9. С. 262–340; *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 366–422.

[1] См. также записи Белого за период с 1 января по 3 июня 1930 г. в *РД* и примеч. к ним.

[2] К.Н. Васильева (с 1931 г. Бугаева).

[3]«Свидетельствующий сие говорит: ей, гряду скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22: 20).

[4] М.А. Чехов с 1928 г. жил в Германии. Данное его письмо к Белому неизвестно. В *РД* оно помечено 5 января 1930 г. Видимо, именно эта упомянутая фотография поступила в «Мемориальную квартиру Андрея Белого» в составе архива К.Н. Бугаевой.

[5] Письмо неизвестно.

[6] Имеются в виду Е.Н. Кезельман и С.М. Кезельман; их брак был заключен в начале 1920-х.

[7] Л.В. Каликина была педагогом-педологом. В материалах следственного дела антропософов 1931 г. дважды упоминается о том, что незадолго до начала процесса она была «вычищена из школы». М.Н. Жемчужникова отмечала, что Л.В. Каликина – «педагог, методист дошкольного воспитания, очень ценимый специалист в своей области» (*Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917–1923) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 6. М., 1992. С. 23). См. запись об этом в *РД* за 5 января 1930 г. и примеч. 1918.

[8] Имеется в виду московская антропософская группа имени М.В. Ломоносова, в которую входили и Андрей Белый, и К.Н. Васильева, и Л.В. Каликина, и другие упоминаемые Белым друзья-антропософы.

[9] Сходные образы видит в кошмарном полусне Мандро в романе «Маски»: «<…> развержены звездные бездны дождей и баллистика быстрых болидов по Коперниканским пустотам фланирует» (*Андрей Белый.* Москва. М., 1990. С. 697). Гелиоцентрическая система Коперника, в которой земля перестала быть центром мира, воспринималась Белым как чудовищный символ «душевной абстракции» (*Андрей Белый.* История становления самосознающей души // *Андрей Белый.* Душа самосознающая. М., 1999. С. 243 (глава «Теософия»)), как пример деградации человеческой мысли и как расплату человека (со времен Ренессанса) за гордыню и бездуховность. Согласно Белому, в «пустой космос» бесконечно расширившегося «коперниканского неба» «ринулась *земля* из центра мира, чтобы бешено вертясь вокруг солнца, с ним вместе вертеться на окраинах неизвестной периферии вокруг неизвестного центра». Как следствие, человек оказался сорван «с центра своего мирового стояния, как царя природы, в ужасное метание по неизвестным пустотам *астрального* (звездного) мира, подобное метанию животного, гонимого преследователем. В этой картине, весь ужас которой переживали лишь последующие поколения, развернулся *страшный суд* над человеком Ренессанса, обрекший его после солнечных пиров 15 века на мрак зимнего странствования по трудным столетиям нисхождения души в ад (по 16, 17, 18, 19 и началу 20 века)» (Там же. С. 74). См. анализ системы Коперника в работе П.А. Флоренского «Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных образов геометрии (опыт нового истолкования мнимостей)». (М.: Поморье, 1922. С. 51–52). Ср. <…> у А.Ф. Лосева: «Коперник и Бруно превратили землю в какую-то ничтожную песчинку мироздания, а вместе с тем и человек оказался несравнимым, несоизмеримым с бесконечным пространством, темным и холодным, в котором лишь кое-где оказывались мелкие небесные тела <…>; «<…> гелиоцентрическая система Коперника вовсе не базируется на точных математических данных. Дело здесь <…> только в интенсивнейшем аффекте, заставлявшем во что

бы то ни стало вырваться за пределы возрожденчески цельной личности и преклоняться перед бесконечными пустотами пространства и времени» (*Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М., 1982. С. 544, 547).

[10] При медицинском освидетельствовании в ОГПУ (от 4 октября 1931 г.) у Л.В. Каликиной были подтверждены «неврастения, невроз сердца» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006). Здесь и далее курсивом выделены подчеркивания в машинописи.

[11] Сделанная 25 января запись Белого – самое ранее из известных упоминаний о самоубийстве Ахрамовича. В его официальных, вполне апологетических некрологах, появившихся с большим опозданием, не указаны ни дата смерти, ни ее обстоятельства, ни место захоронения (см. некрологи в газетах «Правда» за 14 марта и «Рабочий и искусство» за 20 марта 1930 г.). Ср. в мемуарах П.Н. Зайцева: «В середине февраля, после партийной чистки, застрелился Витольд Францевич Ахрамович-Ашмарин. В газетах ничего не печатали о его смерти. <…> Говорят, во время чистки ему был поставлен в упор ряд вопросов. Упрекали за издательство "Мусагет", в котором он сотрудничал когда-то, и его католичество. Хоронили тайно, без всякой огласки» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого / Подгот. текста и примеч. М.Л. Спивак // *Зайцев П.Н.* Воспоминания: Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи. М., 2008. С. 140), а также в его записях: «На партийном собрании ему предложили выбрать: или – или… Он предпочел третье: <…> выстрелом из револьвера разрешил это или – или… О его самоубийстве было свыше предложено в газетах не писать» (Там же. С. 647).

[12] Первоначально член партии эсеров, с 1920 г. коммунист, Я.Г. Блюмкин был арестован как троцкист в октябре 1929 г. и по постановлению Коллегии ОГПУ от 3 ноября расстрелян.

[13] Члены антропософского общества Г.С. Киреевская и М.К. Баранович были друзьями Белого и К.Н. Васильевой.

[14] Речь идет о работе над 4 главой («Пырснь») 2-го тома романа «Москва», получившего при издании заглавие «Маски». См.: *Андрей Белый.* Маски. М.; Л.: ГИХЛ, 1932.

[15] Аллюзия на стихотворение А.С. Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовию народной»; 1830).

[16] Роман «Петербург» публиковался в сборниках «Сирин» в 1913 г. (Сб. 1, 2) и 1914 г. (Сб. 3); отд. изд.: *Андрей Белый.* Петербург. СПб.: Сирин, 1916.

[17] Первый том «Москвы» составили романы «Московский чудак» (М.: Круг, 1926) и «Москва под ударом» (М.: Круг, 1926).

[18] См.: *Андрей Белый.* Крещеный китаец. М.: Никитинские субботники, 1927.

[19] См. запись об этом в *РД* за 12 февраля 1930 г. и примеч. 1929. Имеется в виду книга А.Ф. Лосева «Очерки античного символизма и мифологии» (Т. 1. М.: Издание автора, 1930). В апреле 1930 г. А.Ф. Лосев был арестован и конце 1931 г. отправлен в лагерь на строительство Беломорканала; освобожден в ноябре 1933 г.

[20] Имеется в виду книга Освальда Шпенглера «Закат Европы» (Der Untergang des Abendlandes. Bd. 1–2, München, 1918–1922; русский перевод первого тома: *Шпенглер О.* Закат Европы. Образ и действительность. Т. 1 / Пер. Н.Ф. Гарелина. М.; Пг., 1923). Белый читал Шпенглера по-немецки в марте 1921 г. (см. соответствующую запись в *РД* и примеч. 1241).

[21] Письмо не сохранилось.

[22] Об отношении Иванова-Разумника к поэзии и трагической гибели Н.А. Клюева см.: *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 63–68. Белый не сошелся с Ивановым-Разумником в оценке творчества Клюева и, в частности, его поэмы «Погорельщина» (1928). В письме от 13 августа 1929 г. Белый подчеркивал, что от стихов Клюева «идет дух мне неприемлемого, больного, извращенного эротизма <…> разит смесью "*трупа с цветущим жасмином*"»: «Невыразимо чуждо мне в этих стихах не то, что они о "*гниловатом*", а то, что поэт тончайше подсмаковывает им показанное; <…> Фу, – мерзость! <…> Дорогой Разумник Васильевич, – не сердитесь на мое "нет" Клюеву? Ведь не оспариваю: прекрасно; но мне мало уже прекрасного; на 50 <-ом> году жизни хочу жить и "хорошим", как прекрасным» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 650).

[23] Утром 30 марта Белый выехал из Кучина в Москву (Ср. запись в *РД* за 30 марта 1930 г.). Дальнейшие события этого дня происходили на Плющихе (д. 53, кв. 1).

[24] Видимо, исполнителем была К.Н. Васильева и члены ее антропософского кружка.

[25] Здесь и далее полужирным выделены подчеркивания зелеными чернилами, сделанные в машинописи сотрудником ОГПУ.

[26] А.С. Петровский был командирован в библиотеку Томского государственного университета как сотрудник Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. Целью поездки была проверка работы «Кабинета графических искусств» при библиотеке, вылившаяся в его закрытие. «25 апреля 1930 г. в Томск приехала ударная бригада, в состав которой входили А.С. Петровский, М.Я. Шик, Л.З. Эпштейн, а также Батинцев, представитель Томского окружного отделения ОГПУ, и Г.И. Курдыба, директор библиотеки университета. Задачей данной комиссии было выявление и изъятие музейных и библиотечных ценностей для нужд экспорта. Тщательно обследовав книгохранилище Главной библиотеки Томского университета, комиссия определила к изъятию 2093 единицы самых редких и уникальных книг <…> В архиве библиотеки сохранились документы, которые достаточно полно раскрывают эти события <…> В результате этих событий было принято решение о закрытии кабинета, а все оставшиеся материалы были возвращены в фонд редких книг (его называли комнатой витринных изданий) и в основное книгохранилище» (*Колосова Г.И.* Кабинет графических искусств: одна из страниц истории библиотеки // Вузовские библиотеки Западной Сибири. Опыт работы. Вып. 28: Научная библиотека в системе классического университета. Материалы VII-й научно-практической конференции, посвященной 125-летию начала формирования книжного фонда Научной библиотеки Томского государственного университета, 4–5 октября 2005 г. Томск, 2006. С. 69–78).

[27] Имеется в виду литографированный альбом рисунков Э. Геккеля: Красота форм в природе. 100 табл. с описательным текстом. Общее объяснение и систематич. обзор / Пер. В.А. Догель, под ред. проф. А.С. Догеля. СПб.: Просвещение, <1907?>. Немецкое издание: *Haeckel Ernst.* Kunstformen der Nature. Leipzig; Wien, 1904 (2-е изд.: 1924). См. запись в *РД* за 30 марта 1930 г. и примеч. 1945.

[28] На отношение Белого к дарвинисту Геккелю повлияло отношение к нему Р. Штейнера («К Геккелю Штейнер с восторгом относится»; см.: *Андрей Белый.* Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности // *О Штейнере.* С. 84). К Штейнеру же восходит восприятие Белым Геккеля сквозь призму натурфилософии Гете: «<…> биологические понятия Геккеля суть технические понятия; <…> в целом круге воззрений технические понятия Геккеля приобретают другой смысл; по Штейнеру они осмысливаемы в философии трансформизма у Гете; а эти последние осмысливаемы в антропософическом углублении Гете» (*Андрей Белый.* Антропософия и д-р Ганс Лейзеганг // Беседа. Кн. 2. Июль–август. Берлин, 1923. С. 389.

[29] Часть гербария, собранного Белым, видимо, в окрестностях Кучина (листики земляники и других растений, наклеенные на тонкую бумагу), а также камушки, привезенные из Коктебеля и с Кавказа, хранятся в «Мемориальной квартире Андрея Белого».

[30] А.Г. Габричевского арестовали по обвинению в антисоветской агитации и участии в контрреволюционной группировке за два дня до сделанной Белым записи – 28 марта 1930 г., но уже 29 апреля освободили под подписку о невыезде из Москвы (аннулирована в 1932 г.; дело было прекращено в 1933 г.). Арест мог быть связан с его работой в Государственной академии художественных наук (где Габричевский с 1924 г. был заместителем председателя философского отделения); после закрытия в 1929 г. ГАХН последовали аресты ее сотрудников. В 1935 г. Габричевский был вновь арестован. Подробнее см.: Александр Георгиевич Габричевский: биография и культура: документы, письма, воспоминания / Сост. О.Г. Северцева. М., 2011.

[31] Е.П. Херсонская в разные годы работала в клубе ВЧК, в Наркомпросе, в Высшем литературно-художественном институте им. В.Я. Брюсова, в ГАХНе и др. местах. В 1926 г. она возглавляла Четвертую студию МХТ, в 1927–1928 гг. – МХТ-2.

[32] См. упоминание об этой встрече в *РД* за 21 апреля 1930 г. Квартира П.Н. Зайцева находилась неподалеку от квартиры Васильевых (Староконюшенный пер., д. 5, кв. 45).

[33] В 1917–1919 гг. Е.П. Херсонская читала лекции в Пролеткульте; в 1919 г. была введена в Совет Пролеткульта (РГАЛИ. Ф. 740. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 1–4; Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 661). Она могла также пересекаться с Белым и в 1921 г., когда была консультантом Наркомпроса по Театральному отделу (РГАЛИ. Ф. 1990. Оп. 1. Ед. хр. 478. Л. 20–21).

[34] Устойчивое выражение, восходящее к «Сценам из купеческого быта» И.Ф. Горбунова (1861). Приобрело популярность благодаря использованию в произведениях Ф.М. Достоевского («Униженные и оскорбленные»), А.Ф. Писемского («В водовороте) и др.

[35] Работа в ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей; 1925–1958) была кратковременным эпизодом в биографии Херсонской: «<…> в 1929–1930 г. выезжала на год в Ленинград служить представителем в ВОКСе» (РГАЛИ. Ф. 2740. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 11). Впоследствии она вернулась в Москву и «работала заместителем директора Всесоюзной библиотеки имени Ленина (директором был В.И. Невский). А затем в ВТО, главным образом по вопросам художественного чтения» (Там же. Л. 2).

[36] Указанные в разных источниках сроки пребывания Е.П. Херсонской в партии не совпадают: с 1898 г. (РГАЛИ. Ф. 2740. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 1), с 1903 г. (Там же. Ф. 941. Ед. 661. Л. 2), с 1905 г. (Ф. 2740. Оп. 1. Ед. хр. 301. Л. 3–4). Ее официальный партийный стаж отсчитывался с 1917 г. (Там же. Л. 11). С 1923 г. она состояла в Обществе старых большевиков.

[37] К 1930 г. Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев были выведены из ЦК ВКП (б), исключены из партии и сосланы в 1927 г.; в 1928 г. в партии восстановлены, но критика в их адрес не прекратилась. Н.И. Бухарин был выведен из Политбюро в ноябре 1929 г. Все они, за исключением высланного из СССР в 1929 г. Л.Д. Троцкого, выступали с заявлениями о признании своих политических ошибок.

[38] Ср. в биографии Е.П. Херсонской, составленной в 1960 г. ее сыном Х.Н. Херсонским: «Мы, сыновья, хорошо знали, как глубоко переживала мать потерю для русского искусства большого таланта Чехова (она его ценила очень высоко), но твердо оставалась на принципиальных позициях в борьбе с его теософскими, полумистическими и другими взглядами. Кстати говоря, <…> она была хорошо подготовлена, так как еще ранее на долю ее поколения старых большевиков и особенно пропагандистов выпала необходимость длительной, упорной философской борьбы со всеми подобными шатаниями в мировоззрении у части русской интеллигенции» (РГАЛИ. Ф. 2740. Оп. 2. Ед. хр. 18. Л. 1–2).

[39] С тем, что Е.П. Херсонская заняла место М.А. Чехова в МХТ-2, связана особенная нелюбовь Белого к ней. 27 августа 1927 г. Херсонская была назначена заместителем директора МХТ-2; 13 октября – утверждена членом Художественного Совета; распоряжением Главискусства № 28 от 22 сентября 1928 г. (ввиду отсутствия Чехова, уехавшего в Германию) назначена исполняющей обязанности директора, а распоряжением № 41 от 9 октября 1928 г. Чехов (в связи с его отъездом заграницу) был освобожден от занимаемой должности.

[40] Ср. в воспоминаниях М.А. Чехова «Жизнь и встречи»: «При директорах театров были назначены от правительства особые содиректора, члены коммунистической партии. Работа их состояла в том, чтобы следить за деятельностью директоров, указывая им их ошибки с точки зрения идеологии, а также поддерживать и возбуждать активность месткомов и ленинских уголков. Содиректором при мне была назначена старая партийная работница, тов. Т. Случилось так, что она влюбилась в меня и потеряла “партийную установку”. Она часами задумчиво сидела в моем кабинете и с тоской глядела на меня. Она передавала мне обо всем, что предпринималось против меня как в самом театре, так и в партийных кругах, давала советы во спасение, и хотя помочь мне товарищ Т. не могла ничем, все же для партии она была потеряна» (*Чехов М.* Литературное наследие. В 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 246–247).

[41] Violette de Parme (фр.), Violetta di Parma (итал.) – пармская фиалка; цветок и марка духов.

[42] Первый номер «Литературной газеты» (Орган Федерации объединений советских писателей) вышел 22 апреля 1929 г.

[43] Белый подразумевает как критические рецензии на постановки и, особенно, на репертуар МХТ-2 (классический, не отвечавший «современным запросам»), так и конфликт, раздиравший театр с 1926 г. и вынудивший М.А. Чехова заявить о намерении сложить с себя полномочия директора. См.: *Иванова М.С.* Летопись жизни и творчества М.А. Чехова // *Чехов М.* Литературное наследие. Т. 2. М., 1995. С. 495–526. Ср. письмо М.А. Чехова к А.В. Луначарскому, написанное вскоре после его отъезда из России в Германию (не позднее 12 октября 1928 г.): «Я изгнан из России, вернее, из российской театральной жизни, которую так люблю и ради которой смог бы перенести и переносил многие трудности, лишения и несправедливости. Я изгнан простым, но единственно непереносимым фактом нашей театральной жизни повседневного времени: бессмыслицей ее <...> Все интересы, связанные с искусством театра, стали чужды театральным деятелям <... > Наши же критики требуют от театрального искусства простого повторения того, что ежедневно печатается в газетах, произносится на собраниях и звучит через трубы громкоговорителей» (*Чехов М.* Литературное наследие. Т. 1. С. 342–343).

[44] К.Н. Бугаева отмечала, что Мейерхольд во время гастролей в Тифлисе в 1927 г. был «недоволен газетами и даже публикой» и что «Б.Н. закипел вместе с ним» (*Лица 7.* С. 205). См. о том же в мемуарных записях П.Н. Зайцева за 1927 г.: «Мейерхольд выступал в тифлисском театре с докладом, вернее, с намерением сделать доклад. Самый доклад у него превратился в полемику с критиком Сутыриным и со всей публикой» и за 1931 г.: «Андрей Белый и Всеволод Эмильевич вспомнили Тифлис 1927 года и выступление там критика Сутырина. <...> – Он очень вредный, очень!.. – подчеркнул Всеволод Эмильевич» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 81, 162). См.: *Сутырин В.* В плену у новой буржуазии // Заря Востока (Тифлис). 1927. 22 мая. Об этом также: *Андрей Белый.* Ветер с Кавказа: Впечатления. М., 1928. С. 71, 108–109.

[45] См.: Мейерхольд в русской театральной критике: 1920–1938 / Сост. и коммент. Т.В. Ланиной. М., 2000. Белого прежде всего возмущала реакция критики на постановку «Ревизора» в ГОСТИМе. См. его письмо В.Э. Мейерхольду от 25 декабря 1926 г.: «Ох уж эта квази-изощренная, все понимающая и все оценивающая "критическая" публика премьер и генеральных представлений: она, кажется, более всего мешала мне *видеть.* Все время говорок "*Что сделал Мейерхольд с Гоголем*", или "*Мистика*" мешал мне сознательно погрузиться в целое: ты присутствуешь при итоге огромной работы, требующей от тебя ряда переориентировок, ты хочешь погрузиться в себя, чтобы правдиво воспринимать нечто, увиденное пристальным глазом большого художника и поданное тебе, а тут под руку подсказы, пошлятина всякая от "контр-революционного брюзжанья" до "услужливых дураков" революции, способных убить большое художество из потребности шибануть камнем в увиденную или воображенную мистическую муху» (Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх. С. 136). Там же (в примечанию к письму) обзор критических рецензий (С. 138–139). Или: «Два месяца в Москве стоит крик: Мейерхольд нанес оскорбление Гоголю; <...> в первых рецензиях о постановке – набат: безобразие! Следует-де Москвой, всей Москвой, вооружившись с ног до головы, двинуться на Мейерхольда; и Москва, не видавшая "Ревизора", волнуется: высосана кровь нашего национального гения; <...>. Наблюдая атмосферу зала на генеральной репетиции Мейерхольдовской постановки, – атмосферу, исходящую от "прессы", я так бы суммировал свои впечатления: "Недоумение было написано на лицах... Аплодисментов почти не было... По окончании... недоумение... переродилось в... негодование" <...>. Ни о какой критике, ни о каком "подходе", социологическом или мистическом, речи не может быть; есть подход с "кондачка", штампуемого гипнозом: "Всем известно, что то-то и то-то; и так как из этого вытекает то-то и то-то, то – то-то и то-то"» (*Андрей Белый.* Гоголь и Мейерхольд // Гоголь и Мейерхольд. Сборник литературно-исследовательской ассоциации ЦДРП / Под. ред. Е.Ф. Никитиной. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 9–14). См. запись в *РД* за январь 1927 г. и примеч. 1527.

[46] Возможно, имеются в виду похвалы в адрес постановки в ГОСТИМе пьесы А.И. Безыменского «Выстрел» (премьера 19 декабря 1929 г.): «Общественно-художественная значимость пьесы в постановке ее Театром Мейерхольда несомненна. Как много злободневных общественно-политических лозунгов уносит с собой зритель! <…> “Выстрел” является интереснейшей постановкой сезона» (*Баранчиков П.* «Выстрел» в театре Мейерхольда // Литературная газета. 1929. № 36, 23 декабря). См. также: «В спорах о творческом методе пролетарской литературы. На комсомольском диспуте о “Выстреле”» // Литературная газета. 1930. № 12, 24 марта.

[47] Имеется в виду длившаяся всю вторую половину 1920-х травля Булгакова-драматурга, завершившаяся (в марте 1929 г.) постановлением Главреперткома о снятии с репертуара всех уже поставленных пьес Булгакова и еще через год (в марте 1930 г.) письмом из Главреперткома о запрете его новой пьесы «Кабала святош». 28 марта 1930 г. доведенный до отчаяния писатель обратился к «Правительству СССР» (фактически – лично к Сталину) с отчаянной жалобой: «Произведя анализ моих альбомов вырезок, я обнаружил в прессе СССР за десять лет моей литературной работы 301 отзыв обо мне. Из них: похвальных – было 3, враждебно-ругательных – 298. <…> Я доказываю с документами в руках, что вся пресса СССР, а с нею вместе и все учреждения, которым поручен контроль репертуара, в течение всех лет моей литературной работы единодушно и с необыкновенной яростью доказывали, что произведения Михаила Булгакова в СССР не могут существовать. <…> Ныне я уничтожен. Уничтожение это было встречено советской общественностью с полной радостью и названо “достижением”. <…> Я прошу принять во внимание, что невозможность писать для меня равносильна погребению заживо. <…> Я ПРОШУ ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР ПРИКАЗАТЬ МНЕ В СРОЧНОМ ПОРЯДКЕ ПОКИНУТЬ ПРЕДЕЛЫ СССР <…>. Если же <…> меня обрекут на пожизненное молчание в СССР, я прошу Советское Правительство дать мне работу по специальности и командировать меня в театр на работу в качестве штатного режиссера. <…> Если же и это невозможно, я прошу Советское Правительство поступить со мной, как оно найдет нужным, но как-нибудь поступить, потому что у меня, драматурга, написавшего 5 пьес, известного в СССР и за границей, налицо, в данный момент, – нищета, улица и гибель» (*Булгаков М.А.* Письма: Жизнеописание в документах / Вступ. статья В.В. Петелина; коммент. В.И. Лосева и В.В. Петелина. М., 1989. С. 213–219. См.: Михаил Афанасьевич Булгаков. Публикации на страницах театральных журналов, альманахов и сборников. 1925–2001: Аннотированный библиографический указатель / Сост. Е.И. Алексеенкова, И.С. Ефимова, А.Р. Перец; предисл. М.О. Чудаковой. М., 2008. С. 19–45.

[48] Имеется в виду беспрецедентная по масштабу и ожесточенности «показательная» кампания против Б.А. Пильняка и Е.И. Замятина, начатая статьей Б. Волина «Недопустимые явления» (Литературная газета. 1929. № 19, 26 августа). Поводом для травли стала публикация за рубежом романов «Красное дерево» Пильняка и «Мы» Замятина. Однако настоящей целью кампании являлся Всероссийский союз писателей, объединявший так называемых «попутчиков» революции; и Пильняк, и Замятин играли в ВСП заметную роль. Ко всеобщему удивлению, трагических последствий для самих травимых литераторов эта кампания не имела. После покаяния, переделки своего романа и публичного одобрения политики ВКП (б) Пильняк был даже поощрен заграничной командировкой. Замятин, не пошедший на покаяние, тем не менее, также был отпущен за границу (в эмиграцию). Подробно об этом см.: *Галушкин А.* «Дело Пильняка и Замятина»: Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине. Сб. материалов. Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 89–148. См. об этом запись в *РД* за сентябрь 1929 г. и примеч. к 1907.

[49] Возможно, имеется в виду критика Вс. Иванова за высказанные им соображения по поводу преобразования Всероссийского Союза писателей во Всероссийский Союз Советских писателей. См. раскритикованные Ивановым «Основы декларации Всероссийского Союза Советских писателей» в «Литературной газете» за 23 декабря (№ 36) 1929 г. и там же жесткий ответ ему в статье «Основные задачи ВССП»: «Нам кажется, что Вс. Иванов, построив свою критику главным образом на вымышленных им разногласиях, исходящий в некоторых местах своей критики из неверных посылок, под сурдинку проводящий свой старый взгляд на ненужность союза, меньше чем

кто бы то ни было имеет право на такое выступление». См. также «Открытое письмо Всеволоду Иванову» Н. Огнева по тому же поводу (Литературная газета. 1929. № 37, 30 декабря). Белый мог иметь в виду и критику Иванова за попытки «художественно доказать “вечность” и “неизменность” социальных отношений и человеческой психологии» на диспуте «Пути советской литературы» в Политехническом музее 25 февраля 1930 г.: «Тов. В. Иванов, принимая упрек т. Сутырина, покаялся перед аудиторией в том, что он действительно совершил политическую ошибку в своей работе “Особняк”: “впал в пессимизм” под влиянием стабилизации и укрепления кулачества, которые несколько лет тому назад у нас наблюдались» (*Кальм Д.* «Пути советской литературы». На диспуте в Политехническом музее // Литературная газета. 1930. № 9, 3 марта).

[50] Имеется в виду длительный скандал вокруг обвинений дирижера Государственного Большого театра Н.С. Голованова в антисемитизме и в театральном консерватизме. Борьба с Головановым и с «головановщиной» началась со статьи в «Комсомольской правде» (5 апреля 1928 г.) и продолжалась до 1930 г. При этом Политбюро в 1929–1930 гг. неоднократно предписывало прекратить «кампанию травли и бойкота Голованова, уже понесшего наказание за его ошибки в прошлом». См. краткий обзор (в примеч. Д.Л. Бабиченко) архивных материалов и статей «Комсомольской правды» за 1928 г в кн.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938. Документы. М., 1997. С. 77–78. В 1928 г. Голованов был уволен, в 1930 г. восстановлен на работе, в 1936 г. – вновь изгнан, а в 1948 г., на волне борьбы с космополитизмом, вновь возвращен (на должность главного дирижера ГАБТ), удостоен звания народного артиста СССР (1948) и четырех Сталинских премий.

[51] «Классовый облик» крестьянских поэтов, прежде всего Н.А. Клюева, С.А. Клычкова, П.В. Орешина, постоянно был предметом обсуждения. В конце 1920-х, в связи с курсом на «уничтожение кулачества как класса», обострились и споры о крестьянской литературе. Накалу дискуссии способствовали проведение Первого Всероссийского съезда крестьянских писателей 3–8 июня 1929 г. (См.: Пути развития крестьянской литературы: Стенограмма и материалы I Всероссийского съезда крестьянских писателей. Л., 1930) и Пленума Центрального Совета Всероссийского Общества крестьянских писателей 20–26 ноября 1929 г. (См.: Новый этап в развитии крестьянской литературы: Некоторые итоги первого пленума ЦС ВОКП // Литературная газета. 1929. № 33, 2 декабря). В резолюции Пленума подчеркивалась необходимость «отмежеваться» от «кулацких писателей» (Очередные задачи // Литературная газета. 1929. № 34, 8 декабря). С докладом на Пленуме выступал упоминаемый далее Белым О.М. Бескин: «На Пленуме ВОКП мною был сделан доклад на тему “Кулацкая и псевдокрестьянская литература”, положения которого сводились: во-первых, к анализу творчества ряда писателей (Клычков, Орешин, Клюев, Радимов, Шишков и др.) и установлению, на основе этого анализа их доподлинно кулацкого существа <…>» (*Бескин О.* Кулацкий писатель и его правозаступник Полонский // Литературная газета. 1930. № 1, 6 января). См. также разоблачительные статьи Бескина о Клычкове (Бард кулацкой деревни // Печать и революция. 1929. № 7) и об Орешине (Певец кулацкой деревни // Земля советская. 1930. № 3), вскоре собранные в его книге «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика» (М.: Изд-во Комакадемии, 1930).

Предметом отдельной дискуссии стало творчество С. Клычкова, который попытался оспорить статью Бескина «Бард кулацкой деревни» (*Клычков С.* О зайце зажигающем спички // Литературная газета. 1929. № 24, 30 сентября), но не слишком удачно (см. там же – «По поводу статьи С. Клычкова»). На этот выпад Клычков откликнулся статьей «Свирепый недуг» (Литературная газета. 1930. 21 апреля. № 16) и вновь получил резкую отповедь – в статье ответственного редактора «Литературной газеты» Б. Ольхового «Что и требовалось доказать. Ответ С. Клычкову» (Там же).

[52] Ср.: «<…> всего неполных три года, как появились первые “Одесские рассказы” и первые вещи “Конармии”, а уже сумма написанного о Бабеле значительно превосходит объем всех его наличных произведений» (*Лежнев А.* И. Бабель. Заметки к выходу «Конармии» // Печать и революция. 1926. № 6. С. 82). См. подробно: *Ли Су Ен.* Спор эстетики и политики (полемика 1920–1930-х годов вокруг «Конармии» и «Одесских рассказов» И. Бабеля) // Русская литература. 2004. № 3. С.

211–220. Внимание Белого, видимо, привлекли споры о «Конармии» на страницах газеты «Правда», вспыхнувшие осенью 1928 г. (*Горький М.* Рабселькорам и военкорам о том, как я научился писать // Правда. 1928. 30 сентября; *Буденный С.* Открытое письмо Максиму Горькому // Правда. 1928. 26 октября; *Горький М.* Ответ С. Буденному // Правда. 1928. 27 ноября); их анализ см.: *Парсамов Ю.В.* За кулисами журнальной полемики вокруг «Конармии» Бабеля // Россия XXI. 2011. № 1. С. 154–183. Молчание вокруг Бабеля было отчасти связано с тем, что 1928–1929 гг. он провел в длительных поездках и практически не печатался.

[53] А.М. Эфрос был в это время влиятельным членом правления Всероссийского союза писателей и членом секретариата Федерации объединений советских писателей, а потому ему пришлось держать ответ и за «антисоветский поступок» Пильняка (тоже члена правления ВСП), и за неудовлетворительную работу всей писательской организации: «Федерация существовала, Эфрос стоял во главе ее, а Сутырин был его “ответственным” секретарем. Эфрос олицетворял старый Союз писателей, тот союз, который возник, по словам самого Эфроса, в борьбе за “гнилую картошку” для писателей: Союз, который в своих рядах культивировал “аполитичность”, “свободу творчества”, барское эстетство, обывательщину; Союз, который в конце концов выпестовал нам Пильняка и пильняковщину: Союз, который до последних дней был насыщен духом “гнилой картошки” – и этот “дух” автоматически был перенесен в Федерацию. А отсюда – ее работа» (*Жига И.* Как «работала» Федерация советских писателей // Литературная газета. 1929. № 25, 7 октября). См. также его покаянное выступление на экстренном собрании Московского отдела ВСП: «В неудовлетворительной работе Союза объективно виноваты мы – правление. Если Пильняк совершил поступок, которого он совершить не хотел, все равно он должен понести общественную кару. Мы хотели выработать декларацию, но не сделали этого, – значит, мы виноваты. <…> Надо реорганизовать Союз. <…> Необходимо повести проверку наших рядов по следующим признакам: литературная квалификация, активность писателя за годы революции и его общественное лицо» (Литературная газета. 1929. № 22, 16 сентября). В итоге А.М. Эфрос был вынужден покинуть ряды нового правления Союза писателей.

[54] Возможно, имеется в виду статья В.В. Ермилова «О масках классового врага. Ответ И.А. Новикову» (Литературная газета. 1929. № 12, 8 июля) – ответ на статью И.А. Новикова «о недобросовестности критиков, которые зачастую расценивают писателей “пачками”, подгоняя материал под готовый вывод» (*Новиков И.* Для начала (в рубрике «Трибуна писателя») // Литературная газета. 1929. № 3, 7 мая). Ермилов дезавуировал «истинные» причины выступления писателя: «<…> мы видим, что Новиков <…> становится на позицию отрицания социальной полезности критики вообще. Две ясно выраженных тенденции Новикова: 1)устремление использовать хвостизм; 2) отрицание полезности и нужности литературной критики, – выражают стремление определенных писательских групп *к свободе от марксистской критики*. Так, под маской либерального “рабочелюбия”, выражаются тенденции, выгодные классовому врагу, так хвостистское “рабочелюбие” оказывается одним из видов буржуазной мимикрии!». См. также статью В.В. Ермилова «О приспособленчестве к марксистской критике» (Литературная газета. 1929. № 10, 25 июня).

[55] А.Н. Тихонов был первым директором издательства «Федерация», организованного ФОСП в 1929 г., и потому его непосредственно касались критические выпады в адрес издательства. Он также входил в руководство ФОСП. Претензии к нему были аналогичны тем, которые предъявлялись А.М. Эфросу: «<…> руководил Федерацией Союз писателей, т.е. Эфрос – Тихонов, а не левое крыло – РАПП, ВОКП, “Кузница”. Об этом нужно сказать со всей откровенностью» (*Жига И.* Как «работала» Федерация советских писателей // Литературная газета. 1929. № 25, 7 октября). В 1930 г. Тихонов вынужден был покинуть пост директора издательства.

[56] В конце 1920-х между «Кузницей» (сформировавшейся в 1920 г. как объединение пролетарских писателей, вышедших из московского Пролеткульта) и РАППом шла непрерывная борьба, победа в которой осталась за РАППом. «Кузница» пыталась защититься и перехватить инициативу, но безуспешно, и в конце 1930 г. раскололась и была поглощена РАППом. В первой половине 1930 г. уже фактически шел торг об условиях вхождения «Кузницы» в РАПП. См.: *Бахметьев В.,*

Гладков Ф., Жига И. О консолидации сил пролетарской литературы. К вопросу о работе РАПП и «Кузницы» // Литературная газета. 1930. № 5, 3 февраля; Рубрика «О консолидации сил пролетарской литературы» // Литературная газета. 1930. № 10, 10 марта; *Лаврухин Д.* Письмо ленинградских кузнецов // Литературная газета. 1930. № 16, 21 апреля. Особенно показательно обращение секретариата РАПП «Ко всем пролетарским писателям “Кузницы”» // Там же.

[57] Имеется в виду рапповский журнал «На литературном посту» (1926–1932; создан после закрытия журнала «На посту» в 1925 г.), отличавшийся особой непримиримостью в отстаивании линии партии и в борьбе с «перевальцами» и «воронщиной», «переверзевцами» и меньшевизмом в литературоведении, «попутчиками» и представителями других литературных течений. Весной 1929 г. в ходе яростной дискуссии о творческом методе пролетарской литературы «налитпостовцы» (фактически – руководство РАПП, в том числе Л.Л. Авербах, В.В. Ермилов, Ю.Н. Либединский, В.А. Сутырин и др.) были атакованы еще более радикальными членами РАППа, вскоре объединившимися в группу «Литературный фронт» (А.И. Безыменский и др.). «Налитпостовцам», помимо общих методологических и политических претензий, ставилась в вину массированная поддержка ими романа Ю.Н. Либединского «Рождение героя» (1930), тогда как их критики пропагандировали творчество А.И. Безыменского и его пьесу «Выстрел» (1929). См. многочисленные взаимные нападки и разоблачения практически в каждом номере «Литературной газеты» за март – май 1930 г. В.В. Ермилов как «налитпостовец» удостоился персональной критики в статье Т. Кострова «О реализме, “живом человеке” и стиле пролетарской литературы. Бригада товарища Ермилова по пути в Рим»: «“Живой человек”, учеба у классиков, реализм – определяют пути формирования стиля пролетарской литературы”. Мы считаем, что эта формулировка (Ермилов) наиболее точно выражает действительное направление критической и литературной работы товарищей, группирующихся вокруг журнала “На литпосту”, то есть, нынешнего рапповского руководства. <…> Нет, отвечаем мы. <…> Это проповедь эпигонства и школярства, а не творческой работы» (Литературная газета. 1930. № 13, 31 марта). См. продолжение дискуссии: *Ермилов В.* Гоголевский Осип в качестве литературного теоретика. Ответ товарищу Кострову // Литературная газета. 1930. № 14, 7 апреля; *Костров Т.* Отступление за дымовой завесой. По поводу статьи товарища Ермилова // Литературная газета. 1930. № 15, 14 апреля; *Ермилов В.* Реплика т. Кострову // Литературная газета. 1930. № 17, 28 апреля. В нападках на «налитпостовцев» Т. Кострова поддержал А. Безыменский, см. его статью «О творческой установке», направленную прежде всего против Л. Авербаха (Литературная газета. 1930. № 15, 14 апреля), и особенно – статью «Головокружение от неуспехов. Партия ли РАПП?», в которой обличались Сутырин, Ермилов, Либединский и др. за диктаторские методы управления литературой и стремление выдать собственные взгляды на литературу за позицию партии: «Литературная атмосфера накаляется. Бои за творческий метод в разгаре <…>. Однако, некоторые литературные группировки хотят вести этот спор (уже ведут) методами организационного порядка и тоном литературной команды, столь резко осужденном партией <…>. Таковой литературной группой является идейно-творческое течение внутри РАПП, имеющее своим органом журнал “На литературном посту” <…>. Заявления Сутырина, Киршона и Либединского, сводящиеся к тому, что партия утвердила их творческий метод, не пустяковые заявления. <…> Налитпостовскую литературную группу они отождествляют с РАПП, свои творческие взгляды объявляют обязательными для всей ассоциации: *они рассматривают РАПП как литературную партию.* Не пора ли разоблачить двойную бухгалтерию этой литературной группы <…> в отношении их журнала?» (Литературная газета. 1930. № 19, 12 мая). Скорее всего, именно эта статья Безыменского побудила Белого сделать данную дневниковую запись. См. также критику Сутырина в обзоре доклада П.М. Керженцева в Институте Красной профессуры: *Кальм Д.* Литературная политика. Доклад т. Керженцева // Там же.

[58] Г. Лелевич, один из идеологов ассоциации пролетарских писателей и руководителей журнала «На посту» (1923–1925), в отличие от «налитпостовцев» Сутырина и Ермилова примыкал к «левой» части РАППа. Он был отстранен от руководства РАПП еще в 1926 г. (Чрезвычайная Всесоюзная конференция ВАПП приняла резолюцию «Против “левого” ликвидаторства», в которой

признала ошибки Лелевича); в 1928 г. был уличен в троцкизме, исключен из партии и сослан; в 1930 г. досрочно вернулся в Москву, но уже не определял литературную политику. Его имя на страницах «Литературной газеты» в это время встречается очень редко. Однако в той же «Литературной газете» за 12 мая 1930 г. (№ 19) Либединский упоминает Г. Лелевича как представителя разгромленной «левой» оппозиции, подчеркивая, что «опыт пролетарского писательского движения» напостовство скопило и «укрепило <…> в борьбе с Троцким – Воронским, Родовым – Лелевичем – Горбачевым» (*Либединский Ю.* За большевизацию ЛАПП. К третьей областной конференции). Впрочем, не исключено, что Белый назвал Лелевича в этом ряду по ошибке.

[59] Подробнее о литературной группе «Перевал», возникшей в 1923–1924 гг. при возглавляемом А.К. Воронским журнале «Красная новь», см.: *Белая Г.А.* Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989 (особенно с. 336–351). Весной 1930 г. «перевальцы» пытались защищаться от критики со стороны РАПП (Литературная газета. 1930. № 10, 10 марта; № 11, 17 марта) и напечатали развернутую декларацию «“Перевал” и искусство наших дней» (1930. № 15, 14 апреля; № 16, 21 апреля), вызвавшую новую волну нападок. В том же номере «Литературной газеты», где завершалась публикация декларации (21 апреля), была помещена пространная статья «от редакции» с символическим названием «Конец “Перевала”»: «“Перевал” <…> продолжает борьбу против генеральной линии развития революционной и пролетарской литературы <…> “Перевал” клевещет на революционную и пролетарскую литературу <…> Декларация стремится прикрыть враждебность “Перевала” к политическим задачам литературы и общественной работе писателя <…> Все художественные принципы “Перевала” – антимарксистские, реакционные <…> “Перевала”, как содружества *революционных писателей*, нет. “Перевал” умер. И чем скорее революционные писатели покинут кладбище лежневщины, на котором он очутились, *явно ошибочно*, тем будет лучше для них и для всей советской литературы <…>». Под «окончательным расплевом» может подразумеваться дискуссия о «Перевале» в Комакадемии. См. подробный обзор: *Кальм Д.* Разоблачение школы Воронского. На дискуссии в Коммунистической Академии // Литературная газета. 1930. № 17, 27 апреля; *Кальм Д.* Против буржуазного либерализма в литературе. Окончание дискуссии о «Перевале» в Коммунистической Академии // Литературная газета. 1930. № 18, 5 мая; Против реакционной школы Воронского. О содружестве писателей «Перевал». Резолюция секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии // Литературная газета. 1930. № 20, 19 мая. См. также: Против буржуазного либерализма в художественной литературе. Дискуссия о «Перевале» (апрель 1930). М., 1931.

[60] «Разоблачение» теории В.Ф. Переверзева (как антимарксистской, меньшевистской, вульгарно-социологической и т.п.) и его последователей (среди них – упоминающийся Белым И.М. Беспалов) началось после выхода сб. «Литературоведение» (М.: ГАХН, 1928) и шло на протяжении 1929–1930 гг. См., напр.: *Григоренко Вл.*, *Рожков П.*, *Ситковский И.* (*И. Ипполит*). К итогам литературоведческой дискуссии // Литературная газета. 1930. № 8, 24 февраля; О литературоведческой концепции В.Ф. Переверзева. Резолюция Президиума Коммунистической Академии // Литературная газета. 1930. № 14, 7 апреля. См. также: Литературные дискуссии. Библиографический выпуск № 1. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1931.

[61] Имеются в виду прежде всего К.И. Чуковский, С.Я. Маршак и возглавляемая им детская редакция Ленииздата, а также «группировка вокруг журнала “Еж”» (Д. Хармс и др.). Все они оказались в центре дискуссии «За действительно советскую детскую книгу!», развернувшейся в «Литературной газете» в конце 1929 – начале 1930 гг. См., напр.: «<…> Гиз не только не перестает наводнять рынок детской книги массовыми изданиями Чуковского, но издает и переиздает произведения многочисленных, но менее талантливых его подражателей. В Гизе выходят собрания сочинений К. Чуковского и С. Маршака. Гиз культивирует “бессмыслинку”. Гиз выпускает непонятные, нелепые, чудовищные вещи, вроде “Во-первых” Д. Хармса, которые ни по формальным признакам, ни тем более по своему содержанию ни в какой мере неприемлемы» (*Кальм Д.* Против халтуры в детской литературе! // Литературная газета. 1929. № 35, 16 декабря). См. также: *Болотин С., Смирнова В.* Детская книга в реконструктивный период // Литературная газета. 1929.

№ 35, 16 декабря; *Флерина Е.* С ребенком надо говорить всерьез // Литературная газета. 1929. № 37, 30 декабря и др.

[62] Федерация объединений советских писателей (ФОСП) была создана в 1926 г. в результате объединения ВАПП, ВОКП, ВСП (позже в нее вошли и другие литературные группировки). Рубрика «Критикуем работу Федерации» (Литературная газета. 1929. № 24, 30 сентября) открывалась предуведомлением: «Положение на литературном фронте заставляет пересмотреть работу всех писательских организаций и Федерации объединений советских писателей в целом. Как перестроить работу ФОСП, чтобы она стала действительно литературно-общественным центром, чтобы она вела писательские массы по пути, по которому идет пролетариат и его партия? Чтобы разрешить этот важнейший вопрос, нужна открытая деловая критика Федерации и ее органов. Редакция "Литературной Газеты" открывает дискуссию статьями "Перевала" и "Кузницы"». В ней были помещены статьи: «Необходим перелом» (от Совета содружества писателей революции «Перевал») и «Новый дом на старом болоте. Об издательстве "Федерация"» (подписана Борисом Леонтьевым). Последняя статья начиналась утверждением: «Работа издательства "Федерация" неудовлетворительна» и завершалась конкретными предложениями, напр.: ликвидировать издательство «Круг», «закрыть дорогу мутному потоку "мемуаров"», «выработать крепкую идеологическую основу для своей работы, хорошенько разобравшись – с кем и как надо федерироваться». Развитие темы продолжилось в следующих номерах «Литературной газеты» (См., напр., №№ за 7, 14, 21 октября 1929 г.). Атака на ФОСП во многом была связана с кампанией травли Пильняка и Замятина, входивших в ВСП. Ср., напр., упреки Маяковского в адрес ФОСП: «Вину Пильняка разделяют многие. Кто? Об этом особо. Например, кто отдал треть Федерации союзу Пильняков?» (Наше отношение // Литературная газета. 1929. № 20, 2 сентября).

[63] Сокрушительная критика Всероссийского союза писателей, требования его оздоровления и смещения руководства начались сразу после разоблачения «антисоветского поступка Б. Пильняка», являвшегося членом правления ВСП. Этому вопросу практически полностью посвящены номера «Литературной газеты» за 9, 16, 30 сентября 1929 г. и др. Манифест нового, реорганизованного Союза, переименованного во Всероссийский Союз Советских писателей и сменившего руководство, см.: Основы декларации Всероссийского Союза Советских писателей // Литературная газета. 1929. № 36, 23 декабря.

[64] Самоубийству В.В. Маяковского (14 апреля 1930 г.) предшествовала ожесточенная критика его пьесы «Баня» (1929) и ее постановки Вс. Э. Мейерхольдом (премьера в ГОСТИМе 16 марта 1930 г.). Ленинградские постановки «Бани» (в театре Народного дома – 30 января, в филиале Большого Драматического Театра – 17 марта) также вызвали отрицательные отзывы. См.: *Катанян В.А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М., 1985. С. 481–499. Поток отрицательных рецензий на пьесу считается одной из причин самоубийства поэта.

[65] Белый, видимо, среагировал на то, что «марксистским критикам» и членам РАППа И.М. Беспалову и И.С. Гроссману-Рощину начали припоминать их прежние «грехи». Беспалову – то, что он был учеником В.Ф. Переверзева и участником сборника переверзевской школы «Литературоведение» (М., 1928). См., напр., «Ответ т. Беспалову» (на его статью «В поисках стиля (Заметки на полях)» в № 37 «Литературной газеты» от 30 декабря 1929 г.) ее ответственного редактора С.И. Канатчикова: «<...> литературоведческая теория вашего учителя В.Ф. Переверзева почти целиком списана у Маха – Авенариуса со всеми ее противоречиями и нелепостями <...> Некоторые думают, что Переверзев внес много нового в марксистскую теорию литературоведения. Это верно. Но только все то новое, что внес Переверзев, ничего общего с марксизмом не имеет: он попытался марксизмом дополнить идеализм. Вот и все» (Литературная газета. 1930. № 3, 20 января). См. аналогичные упоминания Беспалова в докладе А. Фадеева «Задачи РАПП в реконструктивный период на Первой областной конференции МАПП (Литературная газета. 1930. № 6, 10 февраля) и в статье Вл. Григоренко, П. Рожкова, И. Ситковского (И. Ипполит) «К итогам литературоведческой дискуссии» (Литературная газета. 1930. № 8, 24 февраля).

И.С. Гроссману-Рощину вменили в вину анархизм и «бергсонианство», напр., в его статье «Бакунин и Бергсон» (Заветы. 1914. № 5. С. 47–62). Как скрытый ревизионист он упомянут в резолюции Президиума Комакадемии «О литературоведческой концепции В.Ф. Переверзева»: «Необходимость непримиримой борьбы против ревизионистских взглядов Переверзева не только не снимает, но и обязательно предполагает всемерное усиление борьбы против ревизионистских течений эклектического, формалистического, идеалистического типа <…> Не прекращаются полузамаскированные попытки эклектически "сочетать" марксизм с бергсоновской эстетикой (И. Гроссман-Рощин)» (Литературная газета. 1930. № 14, 7 апреля).

[66] См., напр., статью Платона Кикодзе «Литература и искусство Советской Грузии» (Литературная газета. 1930. № 19, 12 мая) с обличением грузинских символистов, основанной П. Яшвили группы «Голубые Роги» и самого Яшвили: «Мы долго терпели аполитичность и пильняковщину среди грузинских писателей. До сих пор еще недостаточно разоблачена глубоко реакционная роль декадентов-символистов <…> Такие литературные сплетники, двурушники, пьяницы и шовинисты в немалом количестве имеются в группе и поныне называемой "Голубые роги" (напомним читателям, что в инвентаре "священных традиций" Грузии имеется дворянский обычай пить вино из рога <…> И примиренческое отношение ряда органов в Грузии к этой группе не может быть объяснено ничем иным как их политико-литературной близорукостью <…> к тому списку кандидатов для чистки, которых совершенно справедливо выставляет грузинская <…> пресса <…> мы предложили бы, ради примера, присоединить хотя бы одного символиста – в частности, поныне оставшегося дворянином и двурушником, к сожалению, не бесталантливого, но абсолютно чуждого и развращенного символизмом поэта П. Иашвили, живущего и называющегося поэтом за счет старых мистическо-символистических стихов. Этот писатель ухитрялся в продолжении ряда лет литературно молчать, а в организациях и в литературной политике играть крупную роль».

[67] В 1929 г. А.В. Луначарский был снят с поста наркома просвещения (который занимал с 1917 г.) и назначен (12 сентября) на должность председателя Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями (Ученого комитета) ЦИК СССР, формально более высокую, но на деле гораздо менее влиятельную и публичную.

[68] См.: *Кальм Д.* Разоблачение школы Воронского. На дискуссии в Коммунистической академии // Литературная газета. 1930. № 17, 28 апреля и др. Травля А.К. Воронского (как представителя троцкистской оппозиции) началась задолго до дискуссии 1930 г. В 1927 г. он был отстранен от руководства созданного им журнала «Красная Новь», в 1929 г. исключен из партии и сослан в Липецк. В 1930 г. ему позволили вернуться в Москву и восстановили в партии (вплоть до нового ареста в 1937 г. с последующим расстрелом). После возвращения Воронский работал редактором в ГИХЛе. Подробнее см. упомянутую выше книгу Г.А. Белой «"Дон-Кихоты" 20-х годов», а также: *Динерштейн Е.А.* А.К. Воронский: В поисках живой воды. М., 2001.

[69] В.П. Полонского критиковали за «неправильное понимание» классовой природы крестьянской литературы и теорию «социального детерминизма» (*Полонский В.* Проблемы литературы. Кого же наконец считать крестьянским писателем // Новый мир. 1929. № 10. С. 174–186). См. в резолюции Пленума ЦС ВОКП («<…> у отдельных критиков до сих пор существует неправильный подход к крестьянской литературе, выражающийся в том, что эти критики зачисляют кулацких писателей в ряды крестьянских» – Литературная газета. 1930. № 34, 9 декабря) и др. материалах, напр., в статье О. Бескина «Кулацкий писатель и его правозаступник Вяч. Полонский»: «В своем выступлении <…> на Пленуме ВОКП В. Полонский счел возможным обойти все поставленные вопросы (в том числе и вопрос, признает ли он *кулацкую* сущность группы писателей) и биться только за сохранение в "лоне" крестьянских писателей-кулаков» (Литературная газета. 1930. № 1, 6 января). См. также статьи В. Полонского (Товарищ Батрак и его учитель Бескин // Там же), И. Батрака (В чем мы расходимся с Полонским // Литературная газета. 1930. №№ 3-4, 20 и 27 января) и др.

[70] Созданный в 1922 г. ЛЕФ (Левый фронт искусств) прекратил существование в 1928 г. под напором агрессивной критики (см. в статье И.С. Гроссмана-Рощина «Преступление и наказание»:

«“Леф” нельзя реформировать – его нужно уничтожить» (На литературном посту. 1928. № 22. С. 23)) и в 1929 г. был реорганизован в РЕФ (Революционный фронт). См. аннотацию выступления Маяковского 8 октября на вечере в Политехническом музее «РЕФ открылся» (Литературная газета. 1929. № 26, 14 октября). Однако это преобразование не спасло литературную группу от критики, в том числе со стороны прежних соратников. См.: *Третьяков С., Перцов В., Чужак Н.* Ни Леф, ни Реф // Литературная газета. 1929. № 34, 2 декабря; а также материалы в рубрике «РЕФ отвечает» (Литературная газета. 1929. № 35, 16 декабря). В феврале 1930 г. Маяковский на Первом пленуме МАПП заявил о своем вступлении в РАПП (Литературная газета. 1930. № 6, 10 февраля). На протяжении всего этого времени на страницах «Литературной газеты» велась постоянная борьба с ЛЕФом, его рецидивами и его представителями, как вошедшими в РЕФ, так и не вошедшими (Н. Чужак и др.).

[71] Имеется в виду отречение В.Б. Шкловского от формального метода в статье «Памятник научной ошибке» (Литературная газета. 1930. № 4, 27 января) и последующая враждебная статья М. Гельфанда «Декларация царя Мидаса, или Что случилось с Виктором Шкловским» (Литературная газета. 1930. № 9, 3 марта), в которой доказывалось, что Шкловский неискренен в своем покаянии и его попытки перейти на позиции марксистского литературоведения обречены на провал: «Формальная школа с самого начала конституировалась как особый идеологический отряд буржуазной контрреволюции эпохи второго тура русской революции <…> Шкловский хочет эволюционировать как школа, хочет сохранить себя в марксизме. Безнадежное предприятие! <…> от ложных и реакционных методов не отрекаются. Их либо уничтожают, либо остаются в рабстве у них <…> Декларация его лишний раз показывает, что <…> перед марксистским литературоведением стоит необходимость идейного уничтожения <…> школы воинствующей литературоведческой реакции». Дискуссия имела продолжение: 31 марта 1930 г. в «Литературной газете» (№ 13; под рубрикой «Трибуна писателя») была опубликована саркастическая статья Шкловского «Сухоплавцы, или уравнение с одним неизвестным» с нападками на Гельфанда и «Ответ “непонятому”…» Гельфанда с очередными нападками на Шкловского. Подробно о литературном и политическом контексте этой полемики см.: *Галушкин А.* «И так, ставши на костях, будем трубить сбор...»: К истории несостоявшегося возрождения Опояза в 1928–1930 гг. // Новое литературное обозрение. 2000. № 44. С. 136–158.

[72] И А. Лежнев, и Д. Горбов как ведущие критики и теоретики «Перевала» постоянно отстаивали позиции своей группы, в том числе во время бурной дискуссии в Комакадемии, за что подверглись суровым нападкам: «О. Бескин видит в творчестве “Перевала” возрождение самых зловещих примитивных идеалистических концепций, одновременный обстрел марксизма и пролетарской литературы. Он квалифицирует “Перевал” как боевую организацию, выступающую *пока* под знаком “моцартианства”. Но уже сейчас <…> мы слышим “струю шипения”, обнаруживаем злейший пасквиль на все наше строительство» (Литературная газета. 1930. № 17, 28 апреля); «Докладчик М. Гельфанд в заключительном слове квалифицировал выступления перевальцев как синтез “идейного убожества, разнузданной обывательщины и общественно-политического твердолобия”»; «Перед закрытием собрания с кратким резюме от имени бюро секции ЛИЯ Комакадемии выступил председательствующий И. Беспалов», заявивший: «<…> пока “Перевал” будет настаивать на своих лозунгах и тезисах, коммунистическая критика будет с ним бороться. *И если “Перевал” не сумеет включиться в общественность, он будет безжалостно разгромлен*» (Литературная газета. 1930. № 18, 5 мая). О предшествовавших выступлениях Лежнева и Горбова см.: *Белая Г.А.* Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей…

[73] Возможно, имеется в виду «Московское товарищество писателей». См.: *Крупнов А.* Обреченные на гибель. Московское товарищество писателей // Литературная газета. 1929. № 25, 7 октября (рубрика «Проверим аппарат наших издательств»).

[74] См. статьи Д. Семенова «Художественная литература и издательское дело» в «Литературной газете» (1930. № 10, 10 марта) и И. Ионова «“ЗИФ” отвечает. К вопросу об издании художественной литературы» (№ 12, 24 марта).

[75] Возможно, имеется в виду выдвижение и В.Т. Кириллова, и М.П. Герасимова в новый состав правления ВСП (Союз писателей сменил свое руководство. Экстренное собрание Московского отдела Всероссийского Союза писателей // Литературная газета. 1929. № 22, 16 сентября). Ранее основатели «Кузницы» пролетарские поэты Кириллов и Герасимов критиковались за то, что в период НЭПа их лирика утратила боевой задор; в 1923 г. оба вышли из «Кузницы».

[76] Ироническая отсылка к стихотворению Н.А. Добролюбова: «Милый друг, я умираю / Оттого, что был я честен; / Но зато родному краю / Верно буду я известен. / Милый друг, я умираю, / Но спокоен я душою... / И тебя благословляю: / Шествуй тою же стезею» (1861).

[77] С этого места машинопись меняется: лента уже не черная, а лиловая, качество печати лучше (по всей видимости, это листы первого или второго экземпляра, а не третьего, как выше).

[78] Имеются в виду Государственный театр имени Вс. Мейерхольда (ГОСТИМ), Московский художественный академический театр (МХАТ), а так же Государственный оперный театр имени К.С. Станиславского, Музыкальный театр имени Вл. И. Немировича-Данченко (последние два в 1941 г. были объединены в Московский академический музыкальный театр имени К.С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко).

[79] Белый, очевидно, путает газеты «Столичное утро» (см. примеч. 496 к *РД*) и «Раннее утро» (1907–1918; редакторы-издатели Н.П. Прединский, Э.И. Панчинский). Подобная путаница встречалась уже в его записях в *РД* за декабрь 1907 г. (см. примеч. 510 к *РД*). О ненавистном «Бескине из “Раннего утра”» упоминается и в *МДР* (С. 179). В «Раннем утре» печатались все трое Бескиных, но особую ярость Белого вызывал Михаил Мартынович Бескин, нападавший на него с язвительными фельетонами и пародиями под псевдонимом «Меб.» (См. подробнее: *Наседкина Е.В.* «Стесняться с Белым кстати ль!..»: Андрей Белый – герой газетных фельетонов начала XX века // Вестник РГГУ. Серия «Журналистика. Литературная критика». 2008. № 11. С. 87–98).

[80] Членом правления Госиздата (1925–1926), заведующим отделом художественной литературы Госиздата (1926–1927) был Осип Мартынович Бескин.

[81] Известным театральным критиком был Эммануил Мартынович Бескин. Хвалебная рецензия на его «Историю русского театра» (Ч. 1. М.: ГИЗ, 1928) под названием «Марксистская история театра» (автор И. Туркельтауб) была опубликована в «Литературной газете» 25 июня 1929 г. (№ 5).

[82] О деятельности Э.М. Бескина как театрального критика см.: *Золотницкий Д.И.* Бескин – Блюм – Загорский // Театральная критика 1917–1927 годов: Проблемы развития: Сб. научных трудов ЛГИТМиК. Л., 1987. С. 116–150. Некоторые рецензии Бескина републикованы в кн.: Московский Художественный театр в русской театральной критике: 1919–1943. Ч. 1: 1919–1930 / Сост. О.А. Радищева, Е.А. Шингарева. М., 2009.

[83] Борьба с «левой» (троцкистской) оппозицией завершилась ее разгромом на XV съезде ВКП (б) в 1927 г. А.К. Воронский и К.Б. Радек были исключены из партии как троцкисты и сосланы, но после признания своих политических ошибок освобождены (соответственно в 1930 г. и в 1929 г.). Борьба с так называемым «правым уклоном» (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский) началась в 1928 г., а после апрельского (1929) Пленума ЦК ВКП (б) перешла в открытую травлю «правой оппозиции» и ее лидеров; окончательный ее разгром зафиксировал XVI съезд ВКП (б) в конце июня – начале июля 1930 г.

[84] Ставшее нарицательным имя героини пародийной оперы «Невеста африканская», написанной М.Н. Волконским (либретто опубликовано в 1900 г. под псевдонимом Анчар Манценилов); впервые опера была поставлена в 1909 г. в театре «Кривое зеркало». «Само происхождение имени героини таково. У нас бывала родственница жены, институтка, уже не первой молодости <…>. Раз Волконский рассказывал, как чествовали в Смольном институте престарелого герцога Ольденбургского и хор воспитанниц с цветами пел ему на известный мотив из “Роберта-Дьявола”: “Вам пук, вам пук, вам пук цветов подносим…”. Она его спросила: “Разве есть такое имя – Вампук?”. Сначала никто не понял. Но потом сообразили, что девица слила два слова в имя собственное. Волконский ответил ей: “Неужели вы не знаете: Вампук – это употребительное имя. И женское есть. Вампука. Очень звучные имена”. Тут его осенило. Обращаясь ко мне, он прибавил: “Эврика!

Имя для героини пародии найдено: оно будет Вампука". Так создалось это прозвище, ставшее крылатым <…>. Так создаются вековечные термины» (*Гнедич П.П.* Книга жизни. Воспоминания. 1855–1918. Л.: Прибой, 1929. С. 245).

[85] Э.М. Бескин, горячо поддерживавший послереволюционные постановки Мейерхольда, с середины 1920-х становится одним из его самых ярых критиков и обличителей. См., напр.: *Бескин Э.* «Быт» и «слезы» гоголевского «Ревизора» // Новый зритель. 1926. № 50, 15 декабря; *Он же.* «Ревизор» у Мейерхольда // Вечерняя Москва. 1926. 11 декабря и др. Мейерхольд подчеркивал, что в его театре «не могут принять всерьез ни единого замечания Бескина, Вл. Блюма, Загорского, Хр. Херсонского»: «Ведь эти критики не знают, что такое театр. А главное, не знают театра в целом, театра, в котором не могут отдельно жить два мира: мир сцены и мир зрительного зала. Эти критики пишут, болтаясь вне законов театроведения, говорят о личном вкусе, возникшем в условиях вчерашнего безразличия. Критикам мы дадим бой» (Письмо к А.А. Гвоздеву от 11 февраля 1925 г. // *Мейерхольд В.Э.* Переписка: 1896–1939 / Сост. В.П. Коршунова, М.М. Ситковецкая. М., 1976. С. 244). Именно против Бескина направлены выпады Белого в статье «Гоголь и Мейерхольд»: «Тут критик почувствовал оскорбление и *революцию* назвал *мистикой*. Безответственна эта игра со словами; и порою прямо преступна, есть предел расширению смысла слов; одно дело, когда не усвоен термин и нет досуга пробежать по краткому учебнику истории мысли перед рецензией; тогда сиди, молчи, не пиши рецензий; другое дело, когда, не желая пополнить образование или сознательно оное скрывая, начинают употреблять слова в диаметрально противоположном значении; <…> надо воскликнуть решительно: "Остановитесь! Мистика – про Фому, а вы про Ерему!" <…> Бросим пустые хлопушки: "*мистика*", не "*мистика*"; расширяя "*мистику*", можно дойти до 15.000 курьеров, виноват, писателей-мистиков, и на этом сломать себе шею, оказавшись одним из этих 15.000, и увидев "*мистику*" в углублении социальной значимости конца "*Ревизора*", выказать мистический страх перед символом революции» (Гоголь и Мейерхольд... М., 1927. С. 23–25).

[86] Возможно, имеется в виду кн.: *Бескин Эм.* Художественная политграмота: Пособие для художественных техникумов и вузов. Л.: Теакинопечать, 1930. В ней применительно к истории и теории мирового искусства обильно цитируются и К. Маркс, и Н.И. Бухарин (С. 26, 28, 48–49, 63–65, 82–83, 116–117 и др.). Однако в неправильном понимании Маркса в книге Бескина обвиняется не Бухарин, а А.А. Богданов (С. 28).

[87] Об «убывании» продуктов и промтоваров, начавшемся в 1927 г., резко усилившемся в 1930 г. и приведшем к «всесоюзной карточной системе на основные продукты питания и непродовольственные товары», см.: *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 37–89.

[88] Сравнения, типичные для того времени. Этот пассаж Белого мог привлечь внимание ОГПУ, отслеживавшего аналогичные свидетельства о росте массового недовольства и отражавшего их в своих регулярных сводках: «Раньше при военном коммунизме нас душили, а теперь очереди душат», «Ничего не стало. Наступает 1918 год» (Там же. С. 61, 82).

[89] Борьба с «уклонами» в современной литературе вообще и внутри самой Ассоциации пролетарских писателей стала темой расширенного пленума Секретариата ВОАПП, открывшегося 26 мая. См. обзор выступлений Д. Кальма «Пролетарская литература в борьбе на два фронта» (Литературная газета. 1930. № 22, 2 июня) и, в частности, установочной речи А.П. Селивановского, отметившего «основные вехи борьбы на два фронта – с правой опасностью и с "левыми" загибами», начатой РАПП с сентября 1929 г. Как пример «левой опасности» Селивановский называет пьесу А.И. Безыменского «Выстрел» (1929), а как пример правой – роман Ю.Н. Либединского «Рождение героя» (1930). Оба произведения ранее обсуждались на страницах «Литературной газеты». Более четко и прямолинейно эта мысль сформулирована в статье Б. Дайреджиева и П. Кикодзе «В борьбе за художественный метод пролетарской литературы» (Там же): «<…> художественный метод пролетарской литературы должен вырасти на основе метода диалектического материализма. Однако практически в пролетарской литературе <…> сильно укрепились два противоположных уклона. С одной стороны, мы имеем уклон в сторону воронщины, а с другой – в сторону

лефовщины. Первое течение ярче всего представлено в творчестве Либединским, в критике – Ермиловым и Сутыриным. Второе – в творчестве Безыменского, в критике блока тт. Беспалов – Горбачев <…> как методы – и метод Либединского, и метод Безыменского – являются вчерашним днем пролетарской литературы. Оба метода являются отклонениями от правильной диалектико-материалистической линии. Новое поколение пролетарских писателей должно пройти через "трупы" этих крайностей, вобрав в себя все положительное <…>». Иронию Белого вызвало то, что и Безыменский, и Либединский были членами РАППа и активно участвовали в агрессивных политических дискуссиях. В той же статье диагностировались и «уклоны» Маяковского: «<…> когда истинный лефовец встречается с сегодняшними жизненными противоречиями, он вынужден <…> разрешать эти противоречия в плане фантастики, нечто вроде <…> выдуманных каких-нибудь машин будущего ("Машина будущего" в "Бане" Маяковского или в плане интеллигентски-чацкианском надорванном крике и резонерстве (так в "Клопе" и "Выстреле")».

[90] Ср. запись в *РД* за 1 июня 1930 г. («Кончил роман "Маски", над которым работал с сентября») и за 2 июня («Написал предисловие к роману "Маски"»).

[91] Из стихотворения А.С. Пушкина «Поэту» («Поэт! Не дорожи любовию народной…»; 1830).

[92] Торичеллиева пустота – безвоздушное пространство в герметичной трубке, возникающее под воздействием атмосферного давления. Получило название по имени итальянского физика и математика, изобретателя ртутного барометра Э. Торричелли, объяснившего это явление в 1643 г. Образ «Торичеллиевой пустоты» Белый использовал неоднократно, напр., в романе «Петербург», в очерке «Почему я стал символистом…» и др.

[93] Запись сделана в первый день приезда Белого и К.Н. Васильевой на отдых в Судак; они пробыли в Крыму до 20 сентября 1930 г.

[94] Белый и К.Н. Васильева остановились в частном секторе. Белый просил писать ему по адресу: «Крым. Судак. Берег моря. Дом № 8. Дача Е.Э. Эггерт». См., напр., письмо П.Н. Зайцеву от 18 июня 1930 г. (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка / Подгот. текста и примеч. Дж. Малмстада // *Зайцев П.Н.* Воспоминания: Последние десять лет жизни Андрея Белого. Литературные встречи. М., 2008. С. 460).

[95] Категория «лишенцев» была определена Конституцией РСФСР 1918 г. и официально просуществовала до принятия Конституции 1937 г.; под нее подпадали лица, использовавшие наемный труд, жившие на нетрудовые доходы, ранее судимые; торговцы, предприниматели, священнослужители и др., а также члены их семей. Конституция предполагала лишение только избирательных прав, но в реальности представители этих социальных слоев были серьезно ограничены и в других правах. Белого в данном случае могло касаться, например, то, что лишенцам не выдавали продуктовые карточки.

[96] Суть бытовых проблем Белый изложил в письме к П.Н. Зайцеву от 18 июня 1930 г.: «Были всякие сюрпризы; два дня не знали, сможем ли урегулировать вопрос питания: хоть возвращайся назад. Единственная столовая в расстоянии версты под палящим солнцем открыта с 2 до 4, т.е. надо тащиться под палящими лучами, а никто не мог нам наладить переноску обедов; но в 2 дня постепенно урегулировали все; теперь с пищей налажено. Но смущает вопрос *папиросный* и *спичечный*; и папирос, и спичек дают минимум. И тут, милый друг, огромная просьба к Вам: Вы бы нас существенно выручили, если бы, собрав попутно, если возможно папирос, сотни 2–3 выслали нам вместе с пачкой или двумя (если возможно) спичек. Здесь выдают по 2 коробочки в 10 папирос в день (т.е. по десятку на человека) и по две коробочки спичек (неизвестно на сколько) в кооперативе, куда опять-таки надо тащиться по жаре среди голых, жарких камней. Здесь абсолютно нет печений и не выдают сладкого для приезжих; поэтому за печенья (пачки 2–3), в случае возможности за мятные пряники и конфеты (но не портящиеся в дороге) были бы Вам крайне признательны; сласти, спички и папиросы – вот уязвимая пята нашего бытия; с прочими продуктами наладилось вполне (обеды, молоко, масло, яйца). А 2 дня было круто, пока не вывернулись и не ознакомились с местными условиями» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 458–459).

[97] Имеется в виду идея «трехчленности социального организма» (духовное, экономическое, государственное), развитая Р. Штейнером в книге «Основные черты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего» (1919) и ряде статей и лекций 1919–1921 гг. По мнению Белого, «идея социальной трехчленности Штейнера» была наилучшим образом воплощена в деятельности «Вольной философской ассоциации»: «<…> эта-то трехчленность, как ритм устремления, и лежала в основе *"В. ф. а."*; <…> здесь воля, мысль и социальное чувство искали по-новому связаться с понятиями *"свобода", "философия", "ассоциация людей"*; и самое название *"Вольно-философская ассоциация"* отражало трехчленность <…>» (*Андрей Белый.* Почему я стал символистом… // *Андрей Белый.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примеч. Л.А. Сугай. М., 1994. С. 478).

[98] Из басни И.А. Крылова «Мартышка и очки» (1815).

[99] См. развитие этой идеи в брошюре Белого «Революция и культура» (М., 1917) и других работах 1920-х.

[100] Белый исходит из антропософской концепции, согласно которой человек, помимо физического тела, имеет еще эфирное и астральное. См.: *Штейнер Р.* Очерк тайноведения. М.: Духовное знание, 1916; *Штейнер Р.* Порог духовного мира. М.: Духовное знание, 1917.

[101] Имеется в виду статья А.А. Блока «Ирония» (впервые в газете «Речь» от 7 декабря 1908 г.). Ср. в мемуарах Белого: «<…> только в статье об иронии <…> написал: "*Самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой врачам. Эта болезнь… может быть названа "иронией"… все равно для них… Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба… и все мы, современные поэты, у очага страшной болезни*"» (*НВ*. С. 327).

[102] См. выше, примеч. 76.

[103] Ср. диаметрально противоположную оценку «культурного аристократизма» М.С. и О.М. Соловьевых: *МДР*. С. 339–364.

[104] Не ясно, что здесь имеется в виду; возможно, происхождение Соловьевых из духовного сословия.

[105] По воспоминаниям Белого, впечатление о зараженности семейства великого писателя «чванством ("Толстые мы!")» сложилось у него еще в юности, когда в середине 1890-х он неоднократно бывал на толстовских «субботниках» в Хамовниках (см.: *На рубеже*. С. 328–329.

[106] Возможно, такое впечатление сложилось у Белого после следующего инцидента: «2 января 1928 года в помещении МХАТ-2 в связи с годовщиной со дня смерти Сергея Есенина состоялся вечер, посвященный его памяти. Софья Андреевна Толстая-Есенина – устроительница вечера еще в декабре 1927 года обратилась ко мне с просьбой помочь ей привлечь Андрея Белого к участию в этом вечере и просила убедить его выступить с докладом или речью. В первую же поездку в Кучино я передал Борису Николаевичу просьбу С.А. Толстой. И произошло то, на что я не очень надеялся: Борис Николаевич на этот раз легко согласился. Я позвонил С.А. Толстой и сказал, что имя А. Белого можно ставить на афишу. Но тут возникло затруднение. Гублит потребовал, чтобы названные в афише участники вечера представили тезисы своих выступлений С.А. Толстой, а та – Гублиту. Андрей Белый взвился: – Не дам тезисов! Буду импровизировать! Толстая уладила щекотливое дело о тезисах» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 91). Ср. также в записях П.Н. Зайцева от 16 января 1928 г.: «Поздно вечером вдруг позвонила мне С.А. Толстая-Есенина. Ей приспела срочная нужда в кратком конспективном пересказе содержания романа "Петербург" Андрея Белого для беседы с какими-то важными гостями из-за границы. И вот, подай ей это сейчас, не переводя дыхания. А она, сидя у телефона, будет записывать все, что я наговорю ей» (Там же. С. 94).

[107] С сыном Л.Н. Толстого А.Л. Толстым Белый учился в Поливановской гимназии.

[108] Имеется в виду «Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б)», зачитанный Сталиным 27 июня 1930 г. и 29 июня опубликованный в газете «Правда». Доклад был посвящен международному экономическому кризису, который «есть кризис перепроизводства»: «Это значит, что произведено товаров больше, чем может поглотить рынок. Это значит, что про-

изведено мануфактуры, топлива, фабрично-заводских изделий, предметов питания больше, чем могут купить на наличные деньги основные потребители, т.е. народные массы <…> А так как покупательная способность народных масс в условиях капитализма остается на минимально низком уровне, то “излишек” товаров, мануфактуры, хлеба и т.д. капиталисты оставляют на складах или даже уничтожают <…>». Сталин утверждал, что «из всех стран в мире только в СССР имеет место бурный подъем крупной промышленности, причем уровень производства в первом квартале 1930 года превышает уровень 1927 года более чем вдвое, а процент прироста подымается с 17,6 в 1928 году до 23,5 в 1929 году и до 32 в первом квартале 1930 года, давая, таким образом, картину из года в год подымающейся кривой роста».

[109] Комиссия по улучшению быта учащихся при Ленoблсовете (КУБУЧ) была создана в 1923 г. для лечебно-профилактической и бытовой помощи студенчеству вузов и втузов и учащимся рабфаков и техникумов (упразднена в 1937 г.). Белый имеет в виду Дом отдыха «КУБУЧ», созданный на базе бывших усадеб и дач в 1923 г. и переданный в 1928 г. в ведение КУБУЧ (впоследствии – Дом отдыха имени А.А. Спендиарова; сейчас – Туристско-оздоровительный комплекс «Судак» – ул. Ленина, д. 89).

[110] «Ни с чем не сравнимая популярность песни в быту 1920-х гг. породила эстрадные инсценировки, экранизации и т.п., а также бесчисленное количество подражаний, перепевов и переделок, в которых “Кирпичики” сдвигались в сторону жестокого романса <…> только в фольклористической коллекции Ю.М. Соколова насчитывается около 20 вариантов “Кирпичиков”» (Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. Киев, 1997. С. 359–360). Напр.: «На окраине где-то города / Я в убогой семье родилась, / Горе мыкая, лет пятнадцати / На кирпичный завод нанялась <…>» (Там же. С. 300).

[111] Имеется в виду начатая в Судаке в июле работа над мемуарами «Начало века».

[112] Ср. «страждущие и недугующие» в Великой ектенье (поется в начале вечерни): «О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их, Господу помолимся».

[113] Белый называет писателей, умерших насильственной смертью: расстрелянного по обвинению в контрреволюционном заговоре Н.С. Гумилева, застрелившихся Андрея Соболя и В.В. Маяковского, повесившегося С.А. Есенина. К насильственно изгнанным из жизни жертвам режима Белый причислял и умершего от болезни А.А. Блока. См. пересказ М.И. Цветаевой выступления Белого в 1921 г.: «Настоящий скандал. Думали – доклад о Блоке, литературные воспоминания, оценка. И вдруг: “С голоду! С голоду! С голоду! Голодная подагра, как бывает – сытая! Душевная астма!”» (*Цветаева М.И.* Пленный дух // *Цветаева М.И.* Собр. соч. В 7 т. Т. 4. М., 1994. С. 239).

[114] Ср.: в письме Белого Иванову-Разумнику от 25–26 августа 1930 г.: «П.Н. Зайцев, которого “*вычистили*”, пишет: <…> что Ред-Совет “*Федерации*”, обнюхивая “*Маски Москвы*”, порешил: произведение цензурно приемлемо, – но, но, но: необыкновенная сложность и утонченность произведения ставит вопрос о том, принять ли его? Это <…> результат обнюхивания рукописи братьями-писателями из разных литературных групп: утонченно, ново – не-ль-зя, ни-как не-ль-зя печатать; еще не решено окончательно; но мы с Вами знаем, что значит это “*еще не*...”; а я 9 месяцев сдирал с себя шкуры и приехал в Судак, дыша на ладан: от переутомления <…> “*Маски Москвы*” не печатают: т-о-н-к-о! <…>; знаете, что значит лукавая формула “*цензурно, но тонко*”; она на языке критики значит: “Врешь, брат: мы тебя – твоим оружием; не дадим тебе венца Нецензурности, а провалим под другим флагом: ник-чем-но!”» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 662–663). Роман «Маски» вышел в московском издательстве ГИХЛ в 1932 г.

[115] Тип разового налога на сельское население для удовлетворения потребностей деревни, поселка и т.п. Заявленное первоначально как добровольное участие в решении нужд региона (ремонт, строительство и пр.), самообложение фактически стало принудительным изъятием денежных средств. Постановление ЦИК и СНК СССР от 16 августа 1930 г. «О самообложении населения» допускало увеличение размера самообложения и позволяло органам местного самоуправле-

ния доводить его до 100% сельскохозяйственного налога. Видимо, об этом и шла речь в разговоре Белого с грузчиком.

[116] Газета «Правда» за 25 сентября 1930 г. открывалась сообщением о том, что «Коллегия ОГПУ, рассмотрев <...> дело о контрреволюционной вредительской организации в области снабжения населения продуктами питания», постановила «активных участников вредительской организации и непримиримых врагов Советской власти – РАССТРЕЛЯТЬ». Там же перечислялись 48 фигурантов дела (в основном известные инженеры и экономисты), в отношении которых «приговор приведен в исполнение». Этой широко освещавшейся массовой казни предшествовало подробное освещение процесса в сентябрьской периодике. Сообщалось, что по заданию империалистических держав «вредители» стали сознательными организаторами «продовольственных затруднений» (портили сало, убивали лошадей, подмешивали в консервы зубы, губы, волосы, глазное яблоко и т.д.) и вообще делали «ставку на голод <...>, чтобы вызвать возмущение рабочего класса и свержение рабочей власти» (Правда. 1930. 22 сентября). В письмах с мест требовали «беспощадно раздавить вредительскую гадину» (Правда. 1930. 23 сентября). См. подробнее в мемуарах В.В. Чернавина «Записки “вредителя”» (*Чернавин В.В.*, *Чернавина Т.В.* Записки «вредителя». Побег из ГУЛАГа. СПб., 1999. С. 61–83).

[117] ТО ОГПУ – Транспортный отдел ОГПУ, ведавший всей «чекистской работой» на путях сообщения. Ср. в мемуарах П.Н. Зайцева: «Вернулись из Судака Борис Николаевич с Клавдией Николаевной 23 сентября <...> Они сдали в камеру хранения чемодан до вечера или до другого дня. Борис Николаевич получил квитанцию и по рассеянности выбросил ее, как ненужную бумажку <...> На другой день мы втроем ездили на вокзал выручать чемодан. Дома написали заявление. Я предложил краткую форму. Борис Николаевич расширил и дорогой настаивал на своей, распространенной редакции, считая ее более основательной. Чемодан нам выдали без больших хлопот» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 145).

[118] В Феодосии Белый и К.Н. Бугаева были 20 сентября 1930 г., по дороге из Судака в Москву.

[119] Л.В. Култашева.

[120] «Чистка» – первоначально проверка и перерегистрация членов и кандидатов в члены ВКП (б), проводимая для освобождения («вычищения») партии от «чуждых», то есть «мелкобуржуазных», «ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов». К процедуре «чистки» ВКП (б) прибегали неоднократно. «Чистка» предполагала проверку работы коммуниста специальной комиссией, его критику и самокритику на открытом собрании и была чревата исключением из партийных рядов, смещением с должности и т.д. В ходе реализации Постановления ЦИК и СНК СССР от 1 июля 1929 г. «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций» была развернута также широкая кампания по «чистке» беспартийных сотрудников государственных учреждений, в том числе издательств, школ и т.п. Результатом «чистки» могло стать понижение в должности, увольнение, лишение пенсии и пр. – в зависимости от того, по какой категории (первой, второй или третей) был «вычищен» проверяемый.

[121] И Л.В. Култашова, и А.С. Петровский работали в Румянцевском музее (с 1925 г. – в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина); А.С. Петровский был заведующим отделом комплектования. Претензии к его работе – как сообщали после ареста Петровского в 1931 г. его сослуживцы в своих показаниях – были серьезные: «читал литературу на немецком языке», «задерживал литературу (немецкие газеты) и возвращал прочитанной», «коммунистов в свой отдел не допускал», «при всем нажиме местной ячейки и месткома не могли провести в его отдел не только коммунистов, но и общественников из беспартийного актива» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[122] Имеется в виду смерть от рака подруги Бугаевых антропософки М.А. Фаворской. См. упоминание о ее болезни и операции в *РД* (запись за 21 апреля 1930 г.). О ее кончине П.Н. Зайцев сообщил Белому в Судак. В ответ Белый писал 11 июля 1930 г.: «Радость в том, что в ее светлой кончине видишь смысл самих страданий, хотя бы в том, что над последними часами ее жизни близкие ей, встретясь с ней, встретились, может быть, еще по-новому, друг с другом; она, уходя, как бы соединила <...> Десятого июля мы с К.Н. поминали ее; и радостно ощущалась сквозь свет-

лую грусть наша близость друг к другу; Вы не ошиблись: все эти дни мы были с Вами; передайте горячее спасибо тем, кто прислал нам снимки с нее, после ее кончины: вчера, 10-го, долго, долго смотрели мы на нее: и было чувство, что мы с К.Н. вместе с близкими ее провожаем ее для радостной ее встречи оттуда» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 462–463).

[123] Крупные историки член-корреспондент АН СССР Д.Н. Егоров, член-корреспондент АН СССР Ю.В. Готье, академик АН СССР М.К. Любавский и многие другие (более ста человек), были арестованы в 1930 г. по делу о контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» (так называемое «Академическое дело»), главным обвиняемым в котором стал академик С.Ф. Платонов. См.: Академическое дело 1929–1931: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. Все трое упомянутых Белым фигурантов «дела» были арестованы 8 августа 1930 г. По приговору 8 августа 1931 г. Егоров был сослан в Ташкент, где в том же году скончался, Любавский – к 5 годам ссылки в Уфу, где скончался в 1936 г. Готье сначала приговорили к 5 годам лагеря, но вскоре заменили лагерный срок ссылкой в Самару; в 1934 г. он вернулся в Москву. С.Ф. Платонов также был выслан в Самару, где в 1933 г. умер.

[124] Экономист-аграрник А.В. Чаянов был арестован 21 июля 1930 г.; обвинен в попытках реставрации капитализма, противодействии коллективизации и принадлежности к «Трудовой крестьянской партии»; приговорен в 1931 г. к ссылке в Алма-Ату, продленной в 1935 г. еще на три года. В 1937 г. вновь арестован и расстрелян.

[125] В.Г. Громан, экономист, статистик, член коллегии Центрального статистического управления СССР, член президиума Госплана СССР, в прошлом – участник революционного движения (меньшевик), и В.А. Базаров, экономист, философ, сотрудник Госплана СССР, в прошлом тоже участник революционного движения и меньшевик, были арестованы в 1930 г. по делу контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». Громан был приговорен в 1931 г. к 10 годам лишения свободы, умер в заключении; Базаров, отбыв ссылку, смог вернуться в Москву.

[126] Имеется в виду волна арестов летом 1930 г. видных специалистов в различных хозяйственных ведомствах. Чаянов, Громов и Базаров фигурировали в речи Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» на конференции аграрников-марксистов, произнесенной 27 декабря 1929 г., как противники социалистических преобразований. Чаянову вменялась в вину теория устойчивости мелкого крестьянского хозяйства: «Проводя национализацию земли, мы исходили, между прочим, из теоретических предпосылок, данных в третьем томе “Капитала”, в известной книге Маркса “Теория прибавочной стоимости” и в аграрных трудах Ленина <…> положения этих трудов блестяще подтвердились практикой нашего социалистического строительства в городе и деревне. Непонятно только, почему антинаучные теории “советских” экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати, а гениальные труды Маркса – Энгельса – Ленина <…> должны лежать под спудом?». Вредной была названа «трактовка Базарова и Громана проблемы баланса народного хозяйства», Громан также подвергся критике за «теорию о том, что Октябрьская революция дала будто бы крестьянству меньше, чем февральская революция, что Октябрьская революция, собственно говоря, ничего не дала крестьянству»: «Правда, он, этот “советский” экономист, впоследствии отказался от своей теории <…> Это – Громан. Но эта теория была подхвачена троцкистско-зиновьевской оппозицией и использована против партии. Причем нет никаких оснований утверждать, что она не имеет хождения и в настоящее время в кругах “советской” общественности» (Правда. 1929. 29 декабря).

[127] Видимо, речь идет о внебрачном сыне С.М. Кезельмана.

[128] Ни Б.А. Пильняк, ни П.С. Романов в 1930 г. арестованы не были, но оба подвергались травле: Пильняк – за публикацию в берлинском издательстве «Петрополис» (1929) повести «Красное дерево» (см. выше, примеч. 48); Романов – за роман «Товарищ Кисляков» (Недра: Лит.-худ. сборник. Кн. 18., М., 1930). Впоследствии Б.А. Пильняк был расстрелян, П.С. Романов умер своей смертью.

[129] «<...> время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7: 29–31). Ср. в письме Белого от 8 сентября 1930 г. к П.Н. Зайцеву, которого «вычистили» со службы: «<...> меня успокаивают слова: "*Имеющие, как неимеющие... Плачущие, как неплачущие*". На то нам дан упор в самосознании, чтобы "*плача не плакать*"» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 467).

[130] Е.Т. Шипова.

[131] Имеется в виду «Платежная книжка на уплату подоходного налога». В аналогичной книжке, видимо, одной из предыдущих (№ 5; 1929/1930 г.) подоходный налог рассчитан, исходя из годового дохода 5310 рублей (РГБ. Ф. 25. К. 40. Ед. хр. 4. Л. 32).

[132] Белому было важно доказать, что он принадлежит не просто к «лицам свободных профессий», а к трудовому народу, к рабочим, поскольку эта категория облагалась более низкими ставками по налогам, платила более низкую квартирную плату и лучше обеспечивалась продуктами и промтоварами. В это время писателей уже вывели из категории «лиц свободных профессий». Белый числился членом профсоюза рабочих полиграфического производства СССР (секция печати): членский билет № 00039452 был выдан ему 17 мая 1929 г. (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 101).

[133] См. отголосок борьбы с «властями на местах» в черновом заявлении Белого, адресованном (как следует из пояснения К.Н. Бугаевой) в Салтыковский сельсовет или местному фининспектору: «Мой гонорар не является гонораром от свободной профессии, а трудовым, рабочим заработком, для чего члены Союза Советских писателей по постановлению ВЦИКа, опубликованному в 1928 году (№ 27 ст. 245), приравнены к рабочим печатного производства. Такой закон ВЦИК издал ввиду ряда злоупотреблений властей на местах, вследствии малокультурности эксплуатировавших труд писателя тем, что приравнивали этот труд к категории свободных профессий. Член Союза Советских писателей, член профсоюза рабочих полиграфического производства Борис Бугаев» (РГБ. Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 25).

[134] Имеется в виду дело так называемой «Промышленной партии», объединившей, согласно обвинительному заключению, «в единую организацию все отдельные вредительские организации по различным отраслям промышленности и действовавшей не только по указаниям международных организаций бывших русских и иностранных капиталистов, но и в связи и по прямым указаниям правящих сфер и генерального штаба Франции по подготовке вооруженного вмешательства и вооруженного свержения Советской власти» (Известия. 1930. 11 ноября). См. также: Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.): Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 8). Следствием была разоблачена «преступная противогосударственная» деятельность Промпартии, которая выражалась: «а) в продолжении и усилении общего вредительства для создания расстройства хозяйственной жизни <...>; б) в специальной вредительской работе по срыву планового строительства путем создания кризисов в топливоснабжении, металлоснабжении, энергетическом хозяйстве, текстильной промышленности и других отраслях, направленной к созданию общего хозяйственного кризиса в 1930 г. – год, предназначенный для иностранной военной интервенции – в целях облегчения и помощи этой интервенции; в) в специальной шпионской работе по заданиям французского генерального штаба и находящегося во Франции "Торгпрома" <...> в целях облегчения иностранной военной интервенции; г) в военной работе, направленной к дезорганизации Красной Армии <...> в тех же целях облегчения иностранной интервенции; д) в диверсионной работе, направленной специально на разрушение производительных сил советской промышленности и тыла Красной Армии уже непосредственно в момент интервенции» (Там же. С. 43). Все материалы процесса с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. ежедневно публиковались в «Правде» и «Известиях».

[135] Имеются в виду поездки писательских бригад на стройки пятилетки в 1929–1930 г. Призыв к писателям отправляться на производство был оглашен уже в № 1 «Литературной газеты» (22 апреля 1929 г.): «На фабрики, на заводы, в шахты, на промыслы, к плотинам электростанций, в рабо-

чие поселки – для пристального и добросовестного изучения пролетариата, его работы, его культурной жизни, зовем мы писателя. Инициатива культотдела ВЦСПС не могла быть встречена Федерацией советских писателей иначе, как с одобрением и радостью». В «Рапорте первой культурной бригады писателей», работавшей на Урале, сообщалось, что за два с половиной месяца бригада (В. Казин, В. Луговской и др.) обследовала «20 заводов, пять рудников и приисков», провела «более 50 литературных выступлений», выпустила «в уральских газетах 7 литературных страниц с 40 произведениями» и собрала «большой и свежий материал <…> для очерков, статей и стихов», а также для книги о своей поездке (Литературная газета. 1929. № 18, 19 августа).

[136] Вероятно, до Белого дошел тот же слух о беседе Сталина с рапповцами, который позднее был передан в заметке «Сталин и… Шекспир» в парижских «Последних новостях» (1931. 29 сентября): «Московский корреспондент варшавских еврейских газет, Б. Смоляр, рассказывает об афронте, полученном делегацией пролетарских писателей на приеме у Сталина <…>. Явились делегаты на аудиенцию со своими новыми произведениями, чтобы преподнести их диктатору. Перелистывая одну из преподнесенных ему книг, он спросил:

– Кто автор этого произведения?

– Я – отозвался небезызвестный пролетдраматург Киршон.

– Сколько Вы работали над этой пьесой?

– Три месяца.

– Три месяца?.. Жаль потраченного времени. Вы бы лучше побольше читали, побольше думали, побольше знакомились с тем, что пишут другие. Вот был такой драматург, по имени Шекспир. Советую Вам познакомиться с его произведениями. Из советских писателей рекомендовал бы вам Пильняка. Неплохой писатель. У него можно кое-чему научиться». См. упоминание об этой заметке в связи с прекращением травли Пильняка: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 55.

[137] Герой комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» (1782).

[138] Имеется в виду период между Рождеством и Богоявлением. Согласно антропософской концепции, «<…> космические силы, которые поочередно управляют ходом года в течение его двенадцати месяцев, один раз в году, в период между 25 декабря и 6 января <…> становятся по своему духовному содержанию как бы концентрированным отображением духовных сил, формирующих из макрокосма весь годичный кругооборот. “Двенадцатью священными силами Универсума <…> которые символически представлены в двенадцати знаках Зодиака”, “двенадцатью универсальными силами космоса”, – называет их Рудольф Штайнер, а затем указывает на то, что именно для углубления в них и “поставлены Двенадцать Священных Ночей между праздником Христа (Рождеством) и <…> Богоявлением”». Ежегодно в это время перед человеком «открывается возможность единственного в своем роде прозрения в иерархический космос, в мировую деятельность ведущих нашу Землю высших иерархий» (*Прокофьев С.О.* Двенадцать Священных Ночей и духовные иерархии. Ереван, 1993. С. 8).

[139] По неясной для нас причине эта запись, датированная тем же числом, что и следующая (9 января), напечатана на отдельном листе под заглавием «Выдержка из дневника Андрея Белого за 1931 г.» и помещена после остальных «Выдержек».

[140] Имеется в виду декларация о доходах.

[141] Если это не ошибка ремингтонистки ОГПУ, то Белый обыгрывает слово «журфикс» (от фр. jour fixe – фиксированный день; день, назначенный для регулярного приема гостей).

[142] Образ из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

[143] Из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880).

[144] В сходной трактовке Белый использовал этот образ неоднократно. См., напр.: «Если мы верим в провиденциальную святость безумия Гоголя, Толстого и Достоевского, мы скажем образу России, возникающей из болезненных, как муки рождения, корч: “Буди, буди”.

“Буди” еще не значит “есть”.

Что же есть?

Невежество, хаос, немота, тьма. И этой всей немой, больной, невежественной, темной России, вместе со всем Западом, гениальным, так и не гениальным, мы скажем:

Исчезни в пространство, исчезни,
Россия, Россия моя»
(*Андрей Белый.* Трагедия творчества: Достоевский и Толстой.
М.: Мусагет, 1911. С. 35).

См. также в статье «Настоящее и будущее русской литературы» (1907), при рассуждении о Достоевском и русской интеллигенции: «<…> он был ослеплен видением религиозного будущего и устами Зосимы ответил на будущее это: “Буди, буди”. А когда повернулся к действительности, в глазах у него пошли темные круги: эти круги перенес он на лица русских интеллигентов, еще не имеющих подлинной религиозной реальности, но уже пролагающих к ней пути: этих интеллигентов назвал он “бесами”» (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 52).

[145] Фраза реконструирована по письму Белого к Иванову-Разумнику от 10 января 1931 г. (в машинописи неразборчиво и бессмысленно: «"полох!"… фининспекторов… и числы тык…»). Ср.: «Как конкретный курьез <…> приведу один факт. В позапрошлом году с меня взяли налог самообложения 27 рублей; в прошло<м> – 193 чуть не содрали, т.е. на 166 рублей увеличили. Я обратился к юрисконсульту “Федерации”; он обратился в Салтыковский Поселковый совет с просьбой мотивировать такой налог. И вот какой ответ был получен; привожу его; иные слова привожу начертанием, ибо их не разбираю. Вот ответ:

“*Sприцы* (переписываю начертание) *кто платит подоходный н-о-л-о-х у фининспекторов и ичислым тык теримодим* (привожу начертание) *селхозналоге 35% по 20 рублей ны едокы* (?!?) *с обложимои* (?!?) *сумы все члины ортелий и писытили робетиющ* (?!?) *на процытах и получимый Гонорар* (почему с большой?) *за даною книгу согласно справочник по самооб…* (не могу разобрать) *посылком московаог. округы. Подписи А.В. Клыков и С.В. Свойкин* (не ручаюсь за фамилию) *утвержден Вциком Нар. Ком…* (далее невпрочет)”. И подпись председателя финансового отдела Поселкового Совета.

Вам, как любителю Щедрина, посылаю перл, который все-таки думаю послать в “Правду”.

Но грустная сторона юмора, – 12 дней мы сидим в мраке, стоим в керосиновым хвостах <…>. А Клыков и Свойкин, который “*утвержден Вциком Нар. Ком.*”, тем временем замышляют новый набег мне, – уж не в тысячу ли рублей, ибо для них “*члины ортелий и писытили*”, робятиющ на процытах (прочитываю “*работающие на процентах*” – ?!?), очевидно – пушнина, за которой они охотятся» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 673).

[146] Речь идет о не вполне отрегулированной в нормативных актах практике обложения налогом писательского гонорара. См. жалобы Белого в письме к Иванову-Разумнику от 10 января 1931 г. (см. выше, примеч. 145).

[147] Ср. недатированную справку, взятую Белым в месткоме писателей для показа местным властям: «Местком писателей разъясняет, что при обложении литературного гонорара подоходно-имущественным налогом таковой взымается в следующем порядке. На основании циркуляра НКФ СССР № 1022 от 16 / IX–25 г. из общей суммы литер<атурного> гонорара вычитаются оргграсходы, связанные с лит<ературной> работой (бумага, переписка рукописи, разъезды за сбором материала и т.д.) в размере, установленном практикой от 25–30 % с общей суммы заработка; остающаяся за вычетом оргрaсходов сумма облагается не полностью, а лишь 50% от нее, согласно пост<ановлению> НКФ от 29/VIII–25 г. за № 115/Ф 43344» (РГБ. Ф. 25. К. 40. Ед. хр. 4. Л. 31). Очевидно, именно эту справку упоминает Белый в письме к Иванову-Разумнику от 10 января 1931 г. НКФ – Народный комиссариат финансов.

[148] См. подробнее о тусклых лампочках, отсутствии свечей, керосина и сгоревшей электростанции в письме к Иванову-Разумнику от 2 января 1931 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 672).

[149] Квартира в Москве, на Плющихе (д. 53, кв. 1).

[150] В машинописи скорее всего ошибочно – свесдина. Сайодин Белый принимал с марта 1929 г. См. примеч. 1828 к *РД.*

[151] Реутово – районный центр, в ведении которого находились Салтыковка и Кучино.

[152] Согласно принятому накануне (13 января 1931 г.) постановлению коллегии Наркомснаба СССР «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам», с 1 января 1931 г. устанавливалась «разбивка трудящегося населения для получения заборных книжек» на четыре группы. К первой группе относились рабочие (индустриальные – категория «а», и «лица физического труда» – категория «б»). Лишенцев, то есть «лишенных избирательных прав и не занимающихся общественно-полезным трудом: арендаторов, живущих на нетрудовые доходы, владельцев контор, лечебниц, бюро, частных маклеров, служителей религиозных культов всех вероисповеданий, торговцев рынков» по этому постановлению предписывалось вообще «лишить заборных книжек». Писатели в этом постановлении не указаны, но, судя по всему, они должны были принадлежать к той же второй категории, что и художники, скульпторы и т.п. (*Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». С. 89).

[153] Имеется в виду проходивший с 1 по 9 марта 1931 г. в Колонном зале Дома союзов показательный судебный процесс по делу о контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)» (см.: Меньшевистский процесс 1931 года. Сб. документов. В 2 кн. / Сост. А.Л. Литвин. М., 1999). Дело рассматривалось Специальным судебным присутствием Верховного Суда СССР, то есть было отнесено к делам чрезвычайной важности. О начале процесса и характере обвинения сообщалось заранее. См., напр., пространный текст «Обвинительного заключения по делу меньшевистской контрреволюционной организации Громана, Шера, Икова, Суханова и других» в «Известиях» за 27 февраля 1931 г. и там же, в передовице, краткий анонс процесса: «В чем обвиняет их заключение прокуратуры и что они признали на предварительном следствии? Обвинение меньшевиков, как и обвинение “Промпартии”, полностью опирается на показания самих обвиняемых, которые в ходе следствия должны были раскрыть полную картину своей контрреволюционной деятельности. Они представляли собою организацию части буржуазной интеллигенции, занимавшей довольно видные места в ряде хозяйственных органов советской власти <…> в Госплане, ВСНХ, Госбанке, Наркомторге. Почти все они бывшие меньшевики, отошедшие от меньшевистской организации в начальный период нэпа, но не порвавшие идейно с меньшевизмом. Они прекратили непосредственную партийную деятельность в начале нэпа отчасти потому, что, наученные горьким опытом, не надеялись на успех, отчасти потому, что совместно с мировой буржуазией были убеждены, что новая экономическая политика приведет к перерождению большевиков и спуску СССР на тормозах к капитализму. Когда они убедились в необоснованности этих надежд, они решили восстановить свою контрреволюционную борьбу против советской власти <…> Вредительская деятельность меньшевиков <…> должна была подготовить на случай интервенции экономический кризис в стране». Ход процесса и каждое судебное заседание подробно освещались: печатались показания самих 14 подсудимых (в основном экономистов), свидетелей, речи государственного обвинителя, многочисленные письма с мест с требованиями высшей меры наказания. Однако все обвиняемые были приговорены к тюремному заключению и поражению в правах (Правда. 1931. 10 марта).

[154] Белый упоминает В.В. Шера в *МБ* и в *РД* как посетителя студенческого кружка по изучению Вл. Соловьева (записи за сентябрь 1904 г.). Активный участник революционного движения в молодости (с 1902 г.), член РСДРП с 1905 г., в 1920-х гг. Шер работал в Центросоюзе, был членом правления Госбанка (откуда его в январе 1930 г. «вычистили» по первой категории); перед арестом был заместителем заведующего архивом Института Маркса и Энгельса. На процессе фигурировал как один из главных обвиняемых: «Завтра начнется перед Особым присутствием Верховного суда процесс “Союзного бюро” Ц.К. меньшевиков, возглавлявшегося Громаном, Сухановым, Шером и рядом их помощников. После процесса “Промпартии”, прямых приказчиков старых хозяев русской жизни, прямых организаторов шпионажа, на скамье подсудимых находятся меньшевики» (Известия. 1931. 27 февраля). Шер был приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в правах сроком на пять лет (Правда. 1931. 10 марта); в 1940 г. заключение было заменено ссылкой, в которой Шер в том же году скончался.

[155] В мемуарах Белый вспоминал о «спорах с шестиклассником, Володей Иковым, убежденным марксистом, участвующим в нелегальных кружках» (*На рубеже*. С. 374), и разговорах с ним «о Белинском и Туган-Барановском» (Там же. С. 208). См. также его упоминание в *РД* как марксиста, познакомившего Белого с М.И. Туган-Барановским и П.Б. Струве (запись за апрель 1899 г.). В.К. Иков участвовал в революционном движении с 17-летнего возраста, неоднократно арестовывался и до, и после революции. Примечательно, что в письме Белому от 7 ноября 1913 г. из ссылки в Великом Устюге Иков просил его прислать свои новые книги и вспоминал те же гимназические беседы: «В далекой от Вас глуши, в ссылке, случайно прочел в объявлении "Мусагета" <...> содержание Вашей книги о "Символизме". Она вышла давно, но я с весны 1910 до сих дней перехожу от тюрьмы к высылке, от высылки к ссылке и с трудом могу следить за литературой и за всем тем, к чему так влечет мою душу (от чего отрывает властная жизнь – действие). Так вот, дорогой мой, если Вам не будет трудно и если Вы еще помните Вашего старого собеседника, вышлите-ка мне как эту книгу о Символизме, так и другие, Вами выпущенные: Арабески, Трагедию творчества, Луг зеленый, и добавьте, если она вышла, книгу Вяч. Иванова Эллинская религия страдающего бога <...>. Ваши работы меня специально интересуют не только по теме, но и как работы человека, с которым так много в прошлом связано яркого и хорошего и которому я считаю для себя много обязанным» (Цит. по: *Шулова Я.* Узник ГУЛАГа просил «Петербург» // Нева. 2006. № 12. С. 275–278). В 1924 г. В.К. Иков был сослан на три года; в 1928 г. работал помощником редактора отдела литературы, искусства и языкознания Большой Советской Энциклопедии. По делу о «Союзном бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)» приговорен к 8 годам лишения свободы с поражением в правах сроком на три года. В 1951 г. вновь осужден на 5 лет; умер после освобождения в Москве, в 1956 г.

[156] В свежих «Известиях» (4 марта 1931 г.) была помещена фотография «подсудимого Икова», дающего признательные показания. Ранее Белый мог читать и сами показания. См., напр., показания Икова в «Известиях» за 27 февраля 1931 г.: «Политическая линия "Союзного бюро" <...> направлена была в сторону дезорганизации народнохозяйственной жизни страны, задержки и срыва ее социалистической реконструкции, всемерного снижения ее темпов. Оборотной стороной этой тактики являлась ориентация на интервенцию, как путь, единственно возможный при данной внутренней и внешней политической обстановке и при данном соотношении общественных сил, интервенцию, которая, освобождая страну от диктатуры компартии, даст вместе с тем возможность и предпосылки развертывания энергии русской демократии в ее борьбе за политическую свободу и социализм».

[157] Из молитвы «Отче наш».

[158] П.Н. Зайцев.

[159] Карточная система распределения продуктов и основных потребительских товаров начала действовать с 1931 г. «Стержнем карточной системы являлся крайний индустриальный прагматизм – порождение форсированного промышленного развития и острого товарного дефицита. Революционный лозунг "Кто не работает, тот не ест" получил индустриальный подтекст: "Кто не работает на индустриализацию, тот не ест". Карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики (промышленные предприятия, государственные, военные организации и учреждения, совхозы), а также их иждивенцам» (*Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». С. 89).

[160] Ср.: «"Где вы живете? На каком предприятии работаете?" – эти главные два вопроса следовало задать *рабочему* или *служащему*, чтобы составить представление об условиях их жизни» (Там же. С. 90).

[161] Здесь Белый все же несколько преувеличивает. Ср. в мемуарах П.Н. Зайцева за 1931 г.: «8 марта я с Клавдией Николаевной ходил в "магазин", то есть в закрытый распределитель для привилегированных и в том числе – для писателей, но далеко не для всех, а по выбору. У нас обоих возникло одинаковое чувство. Но что же делать? Надо мириться с тем, что есть» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 163).

[162] Речь идет, видимо, о том сундуке с рукописями, в котором хранился в числе прочего и сам пропавший дневник.

[163] Первая часть «Охранной грамоты» Б.Л. Пастернака была опубликована в 1928 г. в журнале «Звезда» (№ 8), вторая и третья – в 1931 г. в журнале «Красная новь» (№ 4, 5/6). Отд. изд.: Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931.

[164] В.Г. Лидин был членом Правления ВССП.

[165] Совнарком РСФСР удовлетворил ходатайство Федерации объединений советских писателей о назначении пенсий писателям. С 1 ноября 1931 г. персональная пожизненная пенсия (225 рублей ежемесячно) была назначена Андрею Белому, М.А. Волошину и Г.И. Чулкову (Известия. 1931. 21 ноября). В том же году аналогичная пенсия была назначена Н.А. Клюеву.

[166] Имеется в виду переделка для поэтического сборника «Зовы Времен» (1931).

[167] Скорее всего, собрание «Христианского кружка», в который входили все перечисленные антропософки и которым руководила К.Н. Васильева. Одно из подобных собраний фигурировало в ходе допросов по делу антропософов: «Кружок действительных членов Антропософского общества <…> назывался нами “христианским кружком”. Название этого кружка вытекало из сущности его работы: антропософия являлась здесь исходным пунктом для понимания Евангелия. Руководящая роль в этом кружке принадлежала Васильевой К.Н. Методы работы этого кружка: индивидуальная проработка по заранее указанным темам, с последующим обсуждением их на собрании кружка. Последняя тема – “Как преломлялось христианство во внутреннем опыте средневековых мистиков”, была предложена, как и предыдущие, Васильевой К.Н.» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[168] Не вполне понятно (учитывая качество машинописи), было ли в оригинале «у Татариновой», «у Татаринова» или «у Татариновых». Вся семья антропософов Татариновых – Владимир Николаевич, его жена Мария Александровна Скрябина и его сестра Надежда Николаевна Татаринова – проживала по адресу: Брюсовский пер., д. 12, кв. 15.

[169] Имеется в виду четвертая мистерия Р. Штейнера «Пробуждение душ» (Der Seelen Erwachen. Seelische und geistige Vorgaenge in scenischen Bildern von Rudolf Steiner. Berlin, 1913; *Штайнер Р.* Драмы-мистерии / Пер. с нем. Н.Н. Белоцветова. М., 2004. С. 443–565). Всего Р. Штейнер написал 4 драмы-мистерии: «Врата посвящения», «Испытание души», «Страж порога», «Пробуждение душ».

[170] Ремингтонистка ОГПУ не поняла написанного Белым. В машинописи: «Бенедикта Иогансана». Здесь имеется в виду пятая картина (сцена посвящения) из первой мистерии Р. Штейнера «Die Pforte der Einweihung» («Врата посвящения», 1910), в которой действуют и «иерофант солнечного храма» Бенедикт, и его духовный ученик Иоанн Томазий, и Ретард, предстающий «только как Дух». См.: *Штайнер Р.* Драмы-мистерии. С. 166–174. В переводе Эллиса и Белого (выполнившего в 1913 г. перевод второй картины) имя героя – Иоганнес Томазиус (см. примечания С.В. Казачкова в публикации: *Штайнер Р.* У врат посвящения: Розенкрейцерская мистерия / Пер. А. Белого // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 71; а также его статью-послесловие «… В “Весах” сентября» (С. 72–73)).

[171] Ср. в переводе Н.Н. Белоцветова слова Бенедикта об Иоанне Томазиусе, готовящемся к посвящению: «Чрез трудные прошел он испытанья, / В душевной скорби он воздвиг / Оплот для посвященья, / Что мудрым сделает его»: и далее – слова опасающегося поспешности посвящения Ретарда: «Ведь до сих пор земля / Никак не возвестила, / Что требуется ей / Сей новый посвященный. / <…> / Вот почему духовный свет / Я запираю в этом Храме, / Чтоб вместо блага / Вреда не вызвал, / В сердцах незрелых воссияв» (*Штайнер Р.* Драмы-мистерии. С. 166, 169).

[172] Ср. начальные слова монолога Люцифера в переводе Н.Н. Белоцветова («О человек, познай меня! / Почувствуй, человек, себя!») и заключительные слова его монолога из 10 главы мистерии «Врата посвящения» («Почувствуй, человек, себя! / О человек, познай меня!»). Те же слова далее произносит Ариман (*Штайнер Р.* Драмы-мистерии. С. 214).

[173] Возможно, именно об этом собрании и его продолжении в апреле допрашивали арестованных в 1931 г. антропософов: «В марте с/г. на квартире у Татариновых произошла встреча нескольких членов антропософского общества с Андреем Белым. Об этой встрече с Белым договорился Татаринов. Тогда, кроме Белого, присутствовали: я с сестрой, Васильева, Татаринов с женой и сестрой. Белый, по нашей просьбе, разъяснил нам о постановке мистерий. Так как в тот вечер он не успел закончить свои объяснения, то мы опять собрались на квартире Татаринова недели через 3, но уже без Васильевой, где Андрей Белый закончил вопрос о постановке мистерий» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[174] «По желанию антропософов предполагалось организовать занятия эвритмией с детьми антропософов», которые вызвалась вести Е.В. Невейнова (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006). Кружок детской эвритмии послужил важным поводом к ее аресту в 1931 г. и фигурировал как отягчающее обстоятельство в обвинительном заключении.

[175] Пятилетний план развития народного хозяйства на период 1929–1933 гг. был принят 1 октября 1928 г. Но уже в октябре 1929 г. в призыве рабочих завода «Красное Сормово» к борьбе за досрочное выполнение плана появился лозунг «Пятилетку в четыре года». На Первом Всесоюзном съезде ударных бригад (5–10 декабря 1929 г.) было принято обращение с аналогичным призывом ко всем рабочим СССР. Ажиотаж вокруг этой инициативы продолжался на протяжении всей пятилетки (ср. в написанном в 1930 г. «Марше ударных бригад» В.В. Маяковского: «Вперед / беспрогульным / гигантским ходом! / Не взять нас / буржуевым гончим! / Вперед! / Пятилетку / в четыре года / выполним, / вымчим, / закончим». В «Политическом отчете Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б)», зачитанным Сталиным 27 июня 1930 г., сообщалось: «<…> планируемая ВСНХ социалистическая промышленность, охватывающая все основные отрасли промышленности и всю тяжелую промышленность, добилась за три года более чем удвоения. Нельзя не признать, что ни одна страна в мире не знает таких бешеных темпов развития своей крупной промышленности. Это обстоятельство и дает нам основание говорить о пятилетке в четыре года. <…> мы можем ее выполнить по целому ряду отраслей промышленности в три и даже в два с половиной года. Это может показаться скептикам из оппортунистического лагеря невероятным. Но это факт, оспаривать который было бы глупо и смешно» (Правда. 1930. 29 июня). Именно ускоренная индустриализация вызвала обострение товарного дефицита. Это «вело к дальнейшей стратификации государственного снабжения. Прагматизм в централизованном распределении все более усиливался. Элементы социальной справедливости (привилегии детям, больным, низкооплачиваемым группам населения и пр.) существовали, но выглядели хилыми ростками на фоне мощного цветения производственного принципа – снабжать в первую очередь тех, кто делал индустриализацию» (*Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». С. 77).

ИЗ ДНЕВНИКА 1931 года

Апрель

1-ое апреля 1931 г. Кучино. Среда.

Занимаюсь чинкой «*Истории становления*»[1].

Прочел новую книгу Спасского[2]. Была Леля[3]. Уже в 10-ом вечера бурно ворвался П.Н. Зайцев. Был в Совете[4]: опять бесплодно, ибо присутствия — нет; Каплун вернулся: ждет, обещает билеты[5]. Послал телеграмму Разумнику[6]. П.Н. получил-таки карточки[7].

2-ое Апреля 31 г. Кучино. Четверг.

Весь день переписка с переделкой черновых набросков к «*Ист<ории> стан<овления>*». Чистка снега[8]. Мысль о Гибернийском просветительном центре[9]. Мы получили карточки.

3-ье Апреля 31 г. Пятница.

К.Н. уезжает сегодня. Утром укладка. В 2 дня будет Леля. Завтра я в Москву: отвожу вещи[10], зубы; вероятно, ночую у Б.Г. Каплуна[11]. Господи, помоги нам!

4 апреля. Москва. Суббота.

Сперва был у О.М. Ушаковой: с зубами благополучно; потом к Васильевым: передохнуть. Потом к Б.Г. Каплуну; встретили он, маленькая его жена (армянка)[12], мать жены — прерадушно. Вдруг сюрприз: Е.Я. Белицкий — из Нью-Йорка[13]: в американском во всем, с американской статью; рассказывает с упоением, что Рокфеллеру 93 года, а он играет в мяч и бегает, как мальчик; 70 лет он заболел; 2 года его откармливали женским молоком; с тех пор он 23 года, впав в детство, играет в мячик[14].

Рассказывал Каплуну об ужасах нашей жизни: не понимает (сытый голодного); справа висит телефонная трубка; слева висит — то же. Билет обещал; напоил, накормил, уложил спать; говорил до 4-х часов ночи.

5 апреля. Москва. Воскресенье.

Провел утро с нашими; передал [нрзб.: записку?] Каплуна (билеты) Зайцеву; вечер — с нашими; спор о Листе: мы с А.С. Петровским против К.Н. и П.Н. Васильевых; они — за; мы — против.

6 апреля. Кучино. Понедельник.

Утром в Москве: П.Н. Зайцев завез билеты; едем в четверг; угроза флюса. Попал в Кучино: всю ночь напролет работал.

П.Н. Зайцев. 1925. ГМП

Вторник. 7-го апреля. Кучино.

Приехала К.Н. Безобразие, новое, — с карточками: распределитель в Москве требует продуктовых карточек; кооператив в Салтыковке — не выдает[15]. Во-ло-ки-ти-ще. Работал.

Среда. 8 апр. Москва.

С утра — укладка; в 2 ч. приехали Леля и П.Н. Зайцев; все вместе вооруженные вещами уехали; простился со старушкой[16]; может быть, — никогда не возвращусь назад. С трамвая — к Каплуну: обед (индейка!?!). Наконец я разразился и выговорил Каплуну и Енчину все, что накопилось в душе: кричали друг на друга часов 5; остались каждый при своем; был инженер <...> — охотник, <...>* — бывший большевик.

Четверг 9 апр. Москва.

Весь день в хлопотах. Отправили заранее с П.Н. Зайцевым вещи на *такси*, а сами на трамвае сейчас едем на вокзал: Прощай — Москва, Кучино!

Пятница 10-го. Детское Село.

Великолепно проехали: в купэ (международном); на вокзале встречали Пинес и Спасский; помогли сесть в поезд. И вот — у Р.В. Разумника; великолепная комната (собственно 1½ комнаты) стиля ампир: нам![17] Дом — ампир[18], роскошный, сад, сарай, помещения; нас пятеро (трое Ивановых[19], мы) да черный пес.

Вечером мучительный разговор с милой; она: «Я не могу бросить Москву!»[20]. Я — убивался. Перспектива: во всяком случае здесь провести лето. А есть весьма вероятная возможность провести и зиму. С Р.В. и Варв<арой> Ник<олаевной> самая сердечная встреча.

Суббота 11. Детское Село.

Утром мы с Варв. Ник. покупали нам дрова (березовые и осиновые); мели, топили, устраивались.

Р.В. читал великолепную поэму Хлебникова[21]. Встретили пасху пасхой, куличом и смородинным ликером.

---

* *Две фамилии зачеркнуты К.Н. Бугаевой.*

Воскресенье 12-ое. Детское Село.

Христос Воскресе!

Долгий, оживленный разговор за утренним чаем у нас (я, Варв. Ник., Раз. Вас.[22], К.Н.); уже принялся за спешную работу. Сегодня вечером идем к Вяч. Яковл. Шишкову.

Вечером у Шишкова; живут по-царски; мы ахнули; апартаменты; мебель ампир и т.д.[23] И тут же вспомнили бедных москвичей, живущих в сырых углах. Стол сервирован пышно: неприятно видеть такую сервировку; были: А.Н. Толстой с женой[24]; знаменитый летчик Чухновский, спасший офицеров Нобиле[25], Петров-Водкин[26], П. Сухотин с женой[27], родственники Шишко[ва]. Чухновский на вид — моложавый, робкий, нервный, скромно-изысканный, очень неглупый, очень протонченный, очень культурный: «*в тихом омуте черти водятся*»; мне он* понравился; К.Н. не очень. А.Н. Толстой обрюзг, страшно переменился; истинно обрадовался Петрову-Водкину: облобызались.

Разговор о науке, о Боре. Толстой лопается от изумления; Чухновский очень скромен и едко-тонко говорит о научных вопросах. Толстой обещал позвать к себе Бонч-Бруевича, физика[28], чтобы он нам рассказал о достижениях математической физики; Бонч-Бруевич очень хочет со мной познакомиться.

Провожал от Шишкова Петров-Водкин: разговор с ним; я рассказывал ему о том, как нам открылось, что глубина (½ третьей оси) — четвертое измерение. Водкин: «Да это же — моя мысль!».

---

22 мая. Кончаю «Дневник».

8-го мая мой дневник за 6 лет (с 25 года до 31-го) вместе с сундуком рукописей[29] уехал в *ОГПУ*. Ар<естован> П.Н. Васильев[30]. Писал протестующее письмо Горькому[31].

Больше «Дневника» писать не буду: *в СССР* «*Дневники*» есть «*пожива*».

Буду отмечать лишь прочитанные книги[32].

За это время прочел:

Rousselot: 3 тома Истории средневековой философии[33]

Суворов: «Средневековые университеты»[34]

Пикавэ: Сравнит. морф. очерк систем средн. филос.[35]

Перечел Gilson (о Средних веках)[36]

2 тома «Раннее христианство» (Гарнак, Гетч и др.) из V и VII «История Культуры Европы»[37]

«История раннего Средневековья во Франции» (Лависса)[38]

Перечел. Блонский: «Философия Плотина»[39]

С.Н. Трубецкой: «Философия Логоса» I т.[40]

Книга проф. Муретова: «Филон Александрийский»[41]

---

* *Далее зачеркнуто*: чрезвычайно

30 мая. Детское Село.

Взяли мою милую[42]: Это значит — больше, чем жизнь[43]. Убит!

Кончик «Дневника», веденного с 1925-го до 1931 года

(все остальное изъято у меня и удержано в ОГПУ вопреки тому, что Горький гарантировал мне возвращение «Дневника»[44][*]).

Остаток из «Дневника» 1931 года[**]

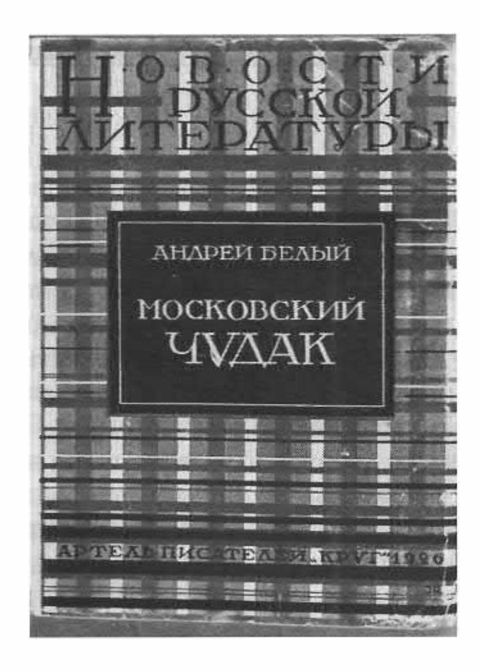
14 июля 31 года. Москва[45].

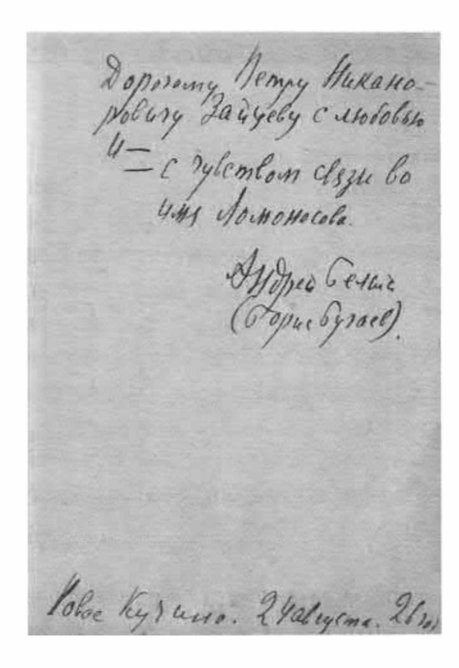
30-го мая была арестована милая: в Детском Селе; 2 июля она и Петр Николаевич вернулись домой[46]; из друзей и знакомых сидят: В.М. Моисеев, Наташа Моисеева, Татаринов, Надежда Николаевна Татаринова (в сущности далекие и мало знакомые люди); сидят: Алеша Петровский (друг с 1899 года), Лидия Вас. Каликина (друг за последний год: сблизило ее понимание нашей личной трагедии с милой, т.е. 10 лет муки[47]), О.Н. Анненкова, Леля Невейнова (добрая девочка), Маргарита Твердова (художница), Клименкова, добрейший друг и выручатель во всех земных делах П.Н. Зайцев, Михин (знал издали), Григоров (полное расхождение во всем), брат и сестра Шанько (кажется, раз в жизни видел, не помню в лицо), Краснушкина (очень далекий человек), М.А. Скрябина (артистка, недавно познакомился), Магдалина (не знаю фамилию, мало знаю)[48]; сидят какие-то девицы и юноши, знакомые Моисеевых (не знаю, кто); сидит бедненькая Е.Н. Кезельман (нежно люблю ее); конфискованы мои «Дневники»; а я опять строчу: форма жизни эти записи. Неужели — опять их будут конфиск<ыв>ать? Сколько бы ни конфисковали, — я буду писать, потому что ровно ничего не понимаю, чем нас всех связали, за что брали: все такие разные — кто в лес, кто по дрова; ужасно объяснять, что мы (я, милая, Ел. Ник., Петр. Ник.[49], Зайцев) — не «агитаторы», что слово «агитатор» для нас — бранное слово; а что некоторые по человечеству любят друг друга и тянутся друг к другу, — эта любовь будет только расти, будь мы насильственно разъединены; они не понимают, что само слово «*антропософия*» для нас — звук пустой, и что без всякого закрытия «общества»[50] само «общество» было то, что нам с милою казалось помехой для любви человека к человеку[51]; любовь же — нельзя угасить; она — «*зла не мыслит и все покрывает*»[52]. Говорят 21-го приговор[53]: общий приговор столь разным, неувязанным никак друг с другом людям; пусть этих людей разгонят, пусть им вменяют преступления, о которых они и не подозревали, что в них повинны, — зла, даже досады на приговор не должно быть, ибо «приговор» — не в приговоре; приговор — в том, что люди «*мира сего*» уже послали на распятие невиннейшего; «строи» будут меняться, а любовь человека к человеку останется.

---

[*] *Вся фраза приписана Белым сбоку карандашом.*

[**] *Вписано красным карандашом, видимо, позже.*

Андрей Белый. Московский чудак. Первая часть романа «Москва»
М.: Круг, 1926. ГМП
На шмуцтитуле дарственная надпись Андрея Белого П.Н. Зайцеву:
«Дорогому Петру Никаноровичу Зайцеву с любовью и — с чувством связи во имя Ломоносова.
Андрей Белый. (Борис Бугаев). Новое Кучино. 24 августа 26 года»

Соединяет нас, часто ничем не соединенных, лишь любовь и уважение к Доктору, который — на том свете[54]; от нее нельзя отделить ни высылкой, ни даже [нрзб.: «Копями»?].

Будем до конца людьми любви, а не людьми ненависти!

Открылось в Книге: «*Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою?*» (Деяния. Гл. 17. Ст. 20).

И не «учение»; и не «проповедь»; учение — стать поступков («*хорошо поступай*»); проповедь — сердечное биение любви; сердце, пока живо, — бьется; и нельзя этот бой заменить механизмом; милая «проповедует» мне не словами, а тем, как горят ее глаза, полные любви, и как бьется ее сердце любовью к «*страдающему человеку*».

Люблю ее, люблю ее!

«Не мерою дает Бог Духа!» (Иоан. Гл. 3. Ст. 34).

18 июля 31 года. Москва.

Сегодняшний день — водораздел жизни: милая стала женой моей перед Богом и государством. Были в Заксе. Все прошло тихо, сериозно, хорошо. Господи,

— какое строгое, сериозное успокоение; исполнилась правда: выпрямилась кривизна этих лет[*][55].

19 июля 31 года.

С 7 июня 31 года ликвидирую дела; они таковы: 1. Хлопоты о замене места временного прикрепления моей жены[56] (Детское Село, где — часть ее и вещей и ее новый дом[57]); Катанян[58] сказал Санникову, что это не сложно; и что это делается обычным порядком[59]; Санников посоветовал спросить Агранова, в чем порядок[60]; дело об узнании порядка и места подачи заявления: ловил т. Агранова 3 дня; все утра потеряны, ибо раз 15 звонил в телефон, а надо бы давно быть в эти часы в Салтык<овском> сельсовете; Агранов, выслушав, ничего не сказал о порядке заявления и месте его подачи, но просил звонить через 3–4 дня; через 4 дня повисал на телефоне; после пятой попытки добился того, что ходили в кабинет Агранова; и сказали: его не будет 3–4 дня; сегодня звонил в кабинет Агранова; сказали: его выходной день; итак, *дело № 1*: об узнании места и порядка подачи заявления-просьбы отняло 12 дней и ряд утр, ценных в том смысле, что только утром имело смысл ехать в Салт<ыковский> поселковый Совет.

2. Хлопоты о выдаче мне сундука и подаче заявления о машинке и запечатанных в комнате Зайцева документах[61]: a) Горький писал от 19 июня, что *сундук и вещи будут выданы немедленно*[62]. b) Агранов 27 июня сказал, что сундук никому не нужен и будет выдан. c) Рогожин из Обл-ОГПУ[63] сказал Санникову, что могу получить в любое время по звонку к нему[64]; но висение над телефоном Агранова отняло 3 дня, а когда повис над телефоном Рогожина, то сказали: Рогожин уехал на 5 дней в командировку; и чтобы подождал; 5 дней ждал; потом, после 10 телефонных звонков в кабинет Рогожина ответили: Рогожин вернется из командировки через 2 недели. Вчера 2 часа добивался заместителя Рогожина; или никто не отвечает, или занято; К.А. Санникова после меня дозвонилась до техн<ического> помощника Троицкого, просившего звонить по данному им гор<одскому> телефону; сегодня: 5 раз звонил по гор<одскому> телефону: не отвечают; 5 раз звонил в Обл-ОГПУ: не отвечают[65].

Итак, 12 дней потеряно в муке ожидания и телефонных звонков.

И стало быть: 12 дней не ездил в Сельсовет, где опять на меня протянулась лапа каких-то не то спекулянтов, не то головотяпов, которые требуют вторичной уплаты налога, уплоченного 3 года назад[66]; если явлюсь без защитной бумаги из *ОГПУ*[67], опять начнется *дело*[68], ибо я a) налоги платил b) денег нет.

Словом — Гордиев узел; за это время уплывает помещение в Детском Селе[69]; жить в Москве — трудно; от забот и хлопот — сердечные припадки; с Анной Алексеевной — трудности[70]; от сердечных припадков — стон, ибо *с-и-л б-о-ль-ш-е* нет; *я должен беречь нервы, ибо на них моя работа.*

Мои «Дневники» котировались следователями, как контр-революционные[71]; а они — расширение сердца (от трудной жизни).

Пора умирать!

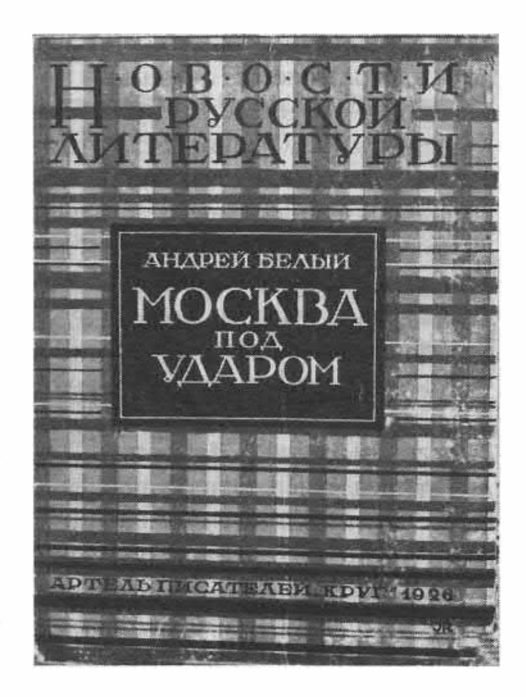
[*] *Вся запись, в отличие от остальных, сделана черными чернилами; каждое из слов в ней подчеркнуто отдельно.*

Надеюсь, что просто записанные факты не будут рассмотрены как контрреволюция, ежели будет вторичный налет на мои «*Дневники*».

Это — не ропот: я — просто старый, затерзанный* жизнью русский писатель**!

Не я*** первый, не**** я — последний.

Милая, невыразимая, — она одна поддерживает меня!

Андрей Белый. Москва под ударом
Вторая часть романа «Москва»
М.: Круг, 1926

24 июля 31 года. Москва.

С 19 июля ничто не изменилось; то же висение над телефонами; и та же — неопределенность; все дни — вразгон. Агранов обещал помочь с заменой прикрепления; просил звонить; и, конечно, я не мог дозвониться; сегодня его выходной день; авось к 30-ому дозвонюсь[72]; с сундуком — завтра, но как его выволочь — неизвестно: сил — нет; пока сундук не будет стоять на месте, все обещания кажутся журавлями в небе; самое мучительное, что теряешь время за висением над телефонной трубкой, пропуская все нужные сроки в ряде деловых мест. С делом друзей — та же неопределенность; в прокуратуре говорили, что приговор будет до 21-го, а теперь говорят: «Справьтесь недели через 2½», а может — через 2½ месяца? Никто ничего не знает; и эта повешенность жизни в воздухе при напряжении всех сил — отнимает последнюю решимость; с 9-го июля до 24-го не продвинул ни одного дела до конца.

Но не ропщу: со мной внимательны; и из ОГПУ раздаются вежливые голоса; и спасибо Агранову на обещании; вероятно — такова жизнь, что каждый, завися от всех, при усилиях двинуть что-либо, парализован!

Надо терпеть: только бы сил хватило!

Был в «Гихле»; говорил с Чагиным и В.И. Соловьевым[73], представлял план книги и его мотивировку; Соловьев сразу понял, что «*план*» — в порядке официальном, а мотивировка — *философия* и пока в неоффициальном порядке, т.е. пока между нами троими; если она убедительна, мне позволят ввести ее в план в качестве тенденции к книге. 29-го получу ответ[74]; кстати, узнал, что Соловьев

---

* *Зачеркнуто*: телефоном и

** *Зачеркнуто*: умирает от истощения

*** *Зачеркнуто*: он

**** *Зачеркнуто*: он

вдвинул вновь в «Гихл» мое «Начало века», отдав новому полит-цензору[75]; и об этом был разговор с Чагиным.

Потом — у Нилендера; потом — в дом Герцена; потом обедали в ресторане с Крученых и с Орешиным; потом были в Секублите[76]; вечером расстроились нервы у Анны Алексеевны; успокаивали; гуляли с К.Н. на Зубовском бульваре; потом опять успокаивали старушку; потом была Клавдия Александровна[77] с письмом от Г.А. Санникова[78] <...>[*]. Милый, милый: никогда не забуду его поддержки в эти трудные дни.

Завтра — трудные дни: сундук, *ОГПУ*, потом — ловля по телефону Агранова; пошли, Боже, сил и выдержки!

Милая, Невыразимая, — со мною!

24 августа 31 года. Москва.

Прошел месяц. Сундук привез[79]: без «Дневника», книги о Докторе, утяпанной части «*Истории становления самосозн<ающей> души*»; звонил Агранову безрезультатно до 7-го августа; один итог: «Позвоните через час... Через два... На склоне дня... Не будет». Так звонил с 24-го до 7-го. 8-го был у Пешковой[80]; через нее узнал от Агранова: жене хлопотать не стоит; «*дело*» кончается через 5 дней; с тех пор прошло 2 недели. «*Дело*» не кончилось. Кончится ли через 3 месяца, — никто не знает[81].

Зачем же говорить неправду и этим мучить беспомощных людей.

В другой линии: хожу в «*Гихл*» с конца июля за обещанным гонораром; был раз 8; один ответ: «Придите через 3 дня!».

Денег нет!

<...>[**] Милая подала заявление Андреенке[82] о перекреплении[83].

Результатов — никаких!

Против рожна не попрешь.

Звонились много раз с Санниковым в Обл-ОГПУ. Ни дозвониться, ни толком что-либо узнать путем звонков невозможно.

Против рожна не попрешь.

Остается больным, полуограбленным (отняли мою машинку и не отдают назад[84]), без денег, без милой возвращаться в Детское[85], чтобы хоть сохранить ей помещение.

Я, кажется, с ума сойду: чувствую, как все мешается в мозгах.

---

* *Рукой К.Н. Бугаевой зачеркнута одна строка; последнее слово в предложении:* злоключениях

** *Предложение зачеркнуто К.Н. Бугаевой.*

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. К. 39. Ед. хр. 3).

[1] Речь идет о правке трактата «История становления самосознающей души», большая часть которого была написана в 1926 г. См. об этом записи в *РД.* за соответствующий период.

[2] Возможно, это только что вышедшая повесть «Парад осужденных» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1931) – дарственная надпись С.Д. Спасского жене С.Г. Спасской на экземпляре, хранящемся в «Мемориальной квартире Андрея Белого», датирована 25 марта 1931 г. Впрочем, это могли быть и прошлогодние книги С.Д. Спасского: сборник стихов «Особые приметы» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930) или сборник рассказов «Дорога теней» (М.: Федерация, 1930).

[3] Е.В. Невейнова.

[4] Поселковый Совет в соседней с Кучиным Салтыковке. П.Н. Зайцев помогал Белому разобраться с неожиданным требованием погасить несуществующую, по мнению Белого, задолженность по налогу (самообложение) за 1928 г. Подробнее об этой истории и ее продолжении см. ниже.

[5] Б.Г. Каплун, переехавший в Москву в середине 1920-х, занимал высокие административно-хозяйственные должности и, видимо, мог достать необходимые Белому билеты из Москвы в Ленинград. Белый собирался ехать в Детское Село к Иванову-Разумнику.

[6] «Грипп билеты карточка задерживают. Собираемся уехать восьмого девятого Бугаев» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 678). Подробнее причины задержки отъезда перечислены в письме от 1 апреля: «Дорогой друг, – ехали сперва 2-го апреля; неувязка с билетами; положили 4-го; конечно, – по этому поводу грипп (как в дорогу, – заболеваю); теперь силимся вырваться, начиная с вторника: 8-го, 9-го, 10-го выезжаем» (Там же. С. 678).

[7] П.Н. Зайцеву, видимо, удалось получить только хлебные карточки, но не продуктовые. Проблема была связана с отъездом Белого в Детское Село: «Итак, в первую голову пусть Варвара Никол<аевна>, как хозяйка, а с нею и вы со всей простотой, чистосердечно скажете <…> привозить ли продукты ли, карточки ли продовольственные и т.д. *Теперь все это крайне важно знать*» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 676. Письмо от 15 марта 1931 г.). Иванов-Разумник сначала не смог помочь советом: «<…> я совершенно не в курсе дел – какие “карточки” Вам надо взять (или не взять) с собой, чтобы получить взамен их здесь?» (Там же. С. 677. Письмо от 22 марта 1931 г.); затем, после приезда Белого, определился с «карточной» стратегией: «<…> Р.В. советует приписать их к Ленинграду через Толстых (ленинградцам больше дают, и мы, как москвичи, имеем право на Ленинград)» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 480–481. Письмо от 22 апреля 1931 г.); но и этот план реализовать, похоже, не удалось (см. ниже запись от 7 апреля 1931 г.).

[8] Очисткой двора от снега на протяжении всей жизни в Кучино Белый занимался сам и с удовольствием. К.Н. Бугаева подтверждала, что он был «способен к довольно продолжительной физической работе и любил ее <…>, любил сам колоть дрова и носить их, любил сгребать снег, расчищать дорожки <…> Был способен производить такую работу в продолжении примерно часов двух» (*Спивак М.* «Мозг отправьте по адресу…»: Владимир Ленин, Владимир Маяковский, Андрей Белый, Эдуард Багрицкий в коллекции Московского института мозга. М., 2009. С. 384).

[9] См. об антропософском понимании мистерий Гибернии (Ирландии) в «Истории становления самосознающей души» Андрея Белого: «Штейнер указывает на гибернийский, древний очаг культуры, сохранивший свет в эпоху кромешного мрака на континенте; когда-то туда были принесены остатки знаний, принявшие в Гибернии культуру внутреннего, сердечного углубления, как своего рода посвящения, доходившего до обрядов, подобных мистериям; они, по словам Штейнера, заключались в том, что посвящаемый подвергался тяжелым испытаниям; до сомнений в смысле вообще; и в частности: в смысле собственного посвящения; свет знания в посвящаемом в этот период как бы меркнул; открывалась тщета наук и искусств; мрак, полный опасностей, подступал вплотную; лишь пережив эту стадию и справившись с ней, человек приобщался импульсу Христа, впервые соединявшему ему веру и знание, науку и искусство» (Т. I. Гл. 3; РГБ. Ф. 25. К. 45. Ед. хр. 1. Л. 282). Белый опирался на лекции Штейнера (7–9 декабря 1923 г.) из цикла «Формирование мистерий» (впервые изданы в 1931 г.). См.: *Steiner R.* Mysteriengestaltungen. Vierzehn Vorträge,

gehalten in Dornach vom 23 November bis 23 Dezember 1923. Dornach, 1987. S. 103–146 (В русском переводе: *Штайнер Р.* Формирование мистерий. Четырнадцать лекций, прочитанных в Дорнахе с 23 ноября по 23 декабря 1923 года / Сост. В. Коршиков. Одесса, 2003; см. также отрывки в антологии: Anthropos. Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера. В 2 т. / Сост. Г.А. Бондарев. Т. 2. М., 1999. С. 473–479; раздел «Мистерии Гибернии»).

[10] Вещи были отвезены в квартиру, где проживали П.Н. Васильев и родственники К.Н. Васильевой (мать и тетка): Москва, ул. Плющиха, д. 53, кв. 1.

[11] В 1930-х Б.Г. Каплун с семьей жил по адресу: Солянка, д. 1, кв. 83-а.

[12] Первой женой Б.Г. Каплуна была балерина Ольга Александровна Спесивцева (1895–1991); второй (с 1926 г.) – актриса М.А. Гнуни. В 1938 г. она была арестована; судя по мемуарным свидетельствам, отбывала заключение в Акмолинском отделении Карлага (см.: *Степанова-Ключникова Г.Е.* Казахстанский Алжир. М.; Астана, 2003. С. 46), однако в официальном справочнике не фигурирует (Узницы «АЛЖИРа»: Список женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003).

[13] Зарубежные поездки Е.Я. Белицкого были связаны с его служебной деятельностью. После работы в Петросовете и ленинградском отделении Гослитиздата он переехал в Москву, был назначен уполномоченным Экспортлеса в Англии, затем — начальником финансового отдела Главного управления автомобильной промышленности Наркомата тяжелого машиностроения СССР (последнее место работы перед арестом в 1939 г.). С Б.Г. Каплуном Е.Я. Белицкого связывали родственные отношения: его женой была сестра Б.Г. Каплуна Мария Гитмановна.

[14] Подобные слухи активно циркулировали. Скорее всего, они основывались на страстном увлечении Рокфеллера игрой в гольф, а также на том, что молоко всю жизнь оставалось его ежедневной и любимой пищей.

[15] Проблема не была урегулирована до отъезда Белого, и ее решение он поручил П.Н. Зайцеву. См. письмо Зайцева Белому от 14 апреля 1931 г.: «Я ездил в Салтыковку, был в Карточном бюро. Оно категорически отказало в выдаче вторичной справки. С отказной резолюцией бюро на бумажке Облснаба я вчера пошел в Облснаб, объяснил всю нелепую безысходность создавшегося положения. Сотрудница порылась в куче карточек, бумажек и молча протянула мне Вашу выписку.

— Что же теперь... Как же вы останетесь без выписки? – спросил я ее.

— Ну, ничего... Что же делать. Берите. В мае получите карточки, тогда вернете их мне. — С этим я и вышел из Облснаба. Словом, у Вас теперь будут и хлебные и продуктовые карточки. А в конце мая – начале июня (когда кончается срок для книжки в Распределителе) Вы мне передадите новые – июньские (продуктовые) карточки и я их обменяю на новую книжку.

— Вот видите, как неожиданно и просто – до глупости! – разрешилось положение!» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 475–476).

План, однако, не удался. Зайцеву пришлось «отоваривать» продуктовые карточки в Москве и отправлять Белому в Детское Село посылки с продуктами.

[16] А.А. Алексеева, мать К.Н. Васильевой.

[17] Ср. описание комнаты в письме Белого к П.Н. Зайцеву от 22 апреля 1931 г.: «<…> устроились у Раз<умника> Вас<ильевича> так, что и не представляли себе, что так можно устроиться; <…> во-первых: комнаты, верней комната с разделением на две с ширмами дает: 2 комнаты; в половине К.Н. великолепная, герметическая печка; 6 маленьких полен достаточны для отопления; в моей половине печурка, дающая тепло; огромные окна, своды, высокие потолки, меблировка (письменный стол и т.д.) – все создает уют; великолепный свет; воздух сухой; тепло <…>. После ужасов зимы – ослепительный контраст: тепло, свет, тишина, сухость, воздух <…>» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 478).

[18] Иванов-Разумник и его семья проживали по адресу: Детское Село, Октябрьский бульвар, д. 32. Ср. указания Иванова-Разумника о том, как до него добраться, в письме Белому от 22 марта 1931 г.: «Намеренно не пишу никаких подробностей, чтобы вы все увидали по приезде своими собственными глазами и порадовались бы. Единственное, что напишу, – как нас

найти. Надо ехать по бульвару <…>; когда проедете поперечную Церковную улицу, то третьим домом по правой руке, рядом с пустырем, будет одноэтажный желто-розовый “ампир” с колонками: сюда и надо держать путь» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 677).

[19] Иванов-Разумник; В.Н. Иванова, его жена; И.Р. Иванова, его дочь.

[20] Ср. описание проблемы в письме Белого П.Н. Зайцеву от 22 апреля 1933 г.: «Вся суть <…> в той тяжелой операции с переездом К.Н., т.е. о том, чтобы ее “о-т-п-у-с-т-и-л-и“ (?!?!) родные <…>; помеха лишь в К.Н. – в том, что ее, как клещами, защемили в Москве родные, не понимают, что ей “н-е-в-м-о-го-т-у“, что она т-а-е-т <…>; ей надо отдохнуть, хоть годок; у нее даже нет воли произвести операцию, чтобы вырваться из дому; неужели упор Анны Алексеевны, непонимание Елены Ник<олаевны>, огорчение П<етра> Н<иколаевича>, карточки, проблема прописки и т.д. (жилая площадь) мотивы для того, чтобы *ее сломать бесповоротно*? И с ней – сломать меня?» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 479; упоминаются А.А. Алексеева, Е.Н. Кезельман, П.Н. Васильев).

[21] В 1928 г. в «Издательстве писателей в Ленинграде» началось издание пятитомного «Собрания произведений» В. Хлебникова (Л., 1928–1933). В первый том вошли поэмы.

[22] В.Н. Иванова и Иванов-Разумник.

[23] В.Я. Шишков с третьей (с 1927 г.) женой Клавдией Михайловной (урожд. Шведовой) жил в то время в Детском Селе по адресу: Московская ул., д. 7 (сейчас – д. 9). Квартира писателя была трехкомнатной, с отдельным входом и застекленной верандой, выходящей в сад. Согласно воспоминаниям Р.Л. Когана, «в большой столовой (она же гостиная), очень светлой, с выходом на веранду, стены были оклеены оранжевыми обоями, на фоне которых очень красиво выделялась мебель красного дерева, большая ковровая тахта. Около последней стояли буфет, шкапик-радиоприемник и горка со стеклом и фарфором. У противоположной стены – фортепьяно, а на нем коллекция фарфоровых кукол – этнографических типов народностей СССР. Обеденный стол, стулья, высокое зеркало в углу – вот и вся обстановка. В кабинете Вячеслава Яковлевича было тесновато, но очень уютно. Справа от входа стоял шкаф с книгами, а вдоль стены до окна письменный стол. В углу, на подставке, – бронзовый Данте. Еще один книжный шкаф помещался в простенке между двух окон. В нем находились все издания произведений Вячеслава Яковлевича. Напротив него – шкапчик, где хранились рукописи и архив. У стены – в глубине комнаты – диван, два кресла, небольшой стол с лампой, на котором обычно лежали новые книги. На стенах развешены были любимые картины Вячеслава Яковлевича» (*Коган Р.Л.* Из воспоминаний // *Шишков В.Я.* Неопубликованные произведения. Воспоминания о В.Я. Шишкове. Письма. Л., 1956. С. 179).

[24] Женой А.Н. Толстого с 1915 по 1935 гг. была Н.В. Крандиевская-Толстая. В Детском Селе они жили в 1928–1938 гг.

[25] Б.Г. Чухновский прославился в 1928 г. участием в спасении международного экипажа дирижабля «Италия», потерпевшего крушение в Арктике. Чухновский, взлетавший на своем самолете с палубы ледохода «Красин», 10 июня сбросил в лагерь полярников припасы и теплые вещи, а на следующий день обнаружил пытавшихся выбраться самостоятельно двух штурманов дирижабля. Руководитель экспедиции Умберто Нобиле к этому времени был уже вывезен из Арктики.

[26] К.С. Петров-Водкин жил в Детском Селе в 1927–1936 гг.

[27] П.С. и М.А. Сухотины.

[28] М.А. Бонч-Бруевич.

[29] Содержимое «сундука» в общих чертах перечислено в заявлении Белого в Коллегию ОГПУ от 26 июня 1931 г.: «В ночь с 8-го на 9-ое мая 1931 года по ордеру ПП ОГПУ Московской области был произведен обыск в квартире моих ближайших друзей, доктора Петра Николаевича Васильева и его жены, Клавдии Николаевны (Плющиха, д. 53, кв. 1); в этой квартире в течении ряда лет я хранил сундук с рядом литературных материалов, без которых в работе мне не обойтись (выписки, цитаты, черновики, наброски, ряд ненапечатанных рукопи-

сей, ремингтонированных и писанных, материал моих работ по ритму, анализу словесных форм, диаграмм, схем, рукописи, приготовленные к печати, личный дневник, в котором и субъективные записи, и наброски к будущим исследованиям, набор всех моих напечатанных книг, из которых некоторые при утрате, я бы не мог достать, математические сочинения моего отца, Н.В. Бугаева, биографический материал для себя лично, часто весьма интимный и т.д.); сумма этого материала является для меня орудием производства <...>» (Из «секретных» фондов в СССР. С. 352).

[30] Об этих событиях, произошедших 8 мая 1931 г., Белый узнал от П.Н. Зайцева: «В Долгий переулок явились агенты и забрали архив Андрея Белого. Одновременно начались аресты людей, связанных с Белым и Клавдией Николаевной. Они в это время уже выехали в Детское Село и поселились у Иванова-Разумника. Я тоже мог ожидать, что за мной придут, и решил отправиться в Детское Село, чтобы предупредить Бориса Николаевича о том, что произошло в Долгом, и о другом, не менее печальном» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 166). Аресты 27 московских антропософов в апреле–мае 1931 г. проходили в рамках следственного дела о контрреволюционной организации антропософов, которое вел Секретно-политический отдел (СПО) полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Московской области. См. подробнее: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 366–422. Здесь и далее информация о судьбах арестованных в 1931 г. антропософах и предъявленных им обвинениях, а также выдержки из следственного дела № 10040 даются по: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006.

[31] Письмо, датированное 17 мая 1931 г., Белый передал в Москву через П.Н. Зайцева: «Белый тут же немедленно написал письмо А.М. Горькому. Клавдия Николаевна заставила меня выпить кофе, и я тут же отбыл в Москву. По приезде позвонил Алексею Максимовичу, но он не смог меня принять. Тогда я обратился к Всеволоду Вячеславовичу Иванову, который знал меня с 1924 года, и он согласился отвезти Горькому письмо А. Белого» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 166). См. публикацию Дж. Малмстадом черновика письма Белого Горькому: «<...> На днях, в Москве, при обыске, произведенном в квартире моего старинного друга и постоянного секретаря Клавдии Николаевны Васильевой (с которой мы бывали у Вас в 1923 году зимой), вскрыли сундук, где были собраны мои рукописи-уникумы, книги-уникумы, заметки и все наработанное за 10 лет, — агенты ГПУ, хотя на нем была надпись, сделанная моей рукой, что он принадлежит мне; весь материал увезен в ГПУ, вместе с неоконченными работами, цитатами и дневником, в котором — наброски к ряду работ; без этого материала, я, как писатель, выведен из строя, ибо в нем — компендиум 10 лет труда <...>. Сижу в Детском, куда мы с Клавдией Николаевной уехали месяца полтора назад для отдыха от неустройств подмосковной жизни; сижу и не пускаю Кл. Никол. в Москву, где вместо нее увезен в ГПУ ее муж, доктор Петр Николаевич Васильев (брат покойной жены Менжинского). Надеюсь, что Вам не безразличны факты, ставящие писателя в невозможные условия для работы. Поэтому довожу до сведения Вашего инцидент со мной и с моим секретарем К.Н. Васильевой» (Из «секретных» фондов в СССР. С. 350); это же письмо – по автографу из архива М. Горького в ИМЛИ – воспроизведено с купюрами в статье Н.Н. Примочкиной «Андрей Белый и Максим Горький в 1920–1930-е годы» (Андрей Белый в изменяющемся мире / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина, И.Б. Делекторская. М., 2008. С. 106).

[32] Круг чтения Белого связан с правкой и редактурой трактата «История становления самосознающей души». По свидетельству К.Н. Бугаевой, Белый тогда «два дня находился в “убитом” состоянии, ничего не мог делать. На третий день пересилил себя и заставил работать» (*Спивак М.* «Мозг отправьте по адресу...». С. 410).

[33] См.: *Rousselot X.* Études sur la philosophie dans le moyen-âge. Vol. 1–3. Paris, 1840–1842.

[34] *Суворов Н.С.* Средневековые университеты. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1898.

[35] Книги Ф. Пикаве (Picavet) Белый читал по-французски в начале 1926 г. См. примеч. 1491 и 1496 в *РД*.

[36] Монографию Э. Жильсона «Философия в Средние века» Белый читал в конце 1925 г., готовясь к работе над трактатом «История становления самосознающей души». См. запись в *РД* и примеч. 1480.

[37] Имеется в виду семитомная «Общая история европейской культуры» (Под ред. И.М. Гревса, Ф.Ф. Зелинского, Н.И. Кареева, М.И. Ростовцева; СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1908–1914). В том 5 («Раннее христианство. Отдел I») вошли две работы А. Гарнака: «Сущность христианства» и «Церковь и государство вплоть до установления государственной церкви», а также – «Израильско-иудейская религия» Ю. Велльгаузена, «Религия Иисуса и начала христианства до Никейского собора» А. Юлихера и «Древнейшие христианские общины. Культурно-исторические картины» Э. фон Добшюца; в том 6 («Раннее христианство. Отдел II») – работы Э. Гэтча «Эллинизм и христианство», А. Гарнака «История догматов» и Э. Ренана «Рим и христианство».

[38] Общая история европейской культуры. Т. 7: История Франции в раннее средневековье (Из «Histoire de France», выходящей под ред. E. Lavisse) / Пер. (с сокращ.) О.А. Добиаш-Рождественской. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1913. В том вошли работы Г. Блока «Независимая Галлия и Римская Галлия», Ш. Байе «Христианство в Галлии и утверждение варваров», А. Кленклоз «Каролинги» и Ш. Пфистера «Меровингский период» и «Разложение империи Карла Великого и начало феодального строя».

[39] Монографию П.П. Блонского «Философия Плотина» Белый впервые читал в начале 1926 г. во время работы над «Историей становления самосознающей души». См. запись в *РД* и примеч. 1488.

[40] Монографию С.Н. Трубецкого «Учение о Логосе в его истории» Белый впервые читал в 1900-х. См. запись за январь 1901 г. в *МБ* и примеч. 178.

[41] *Муретов М.Д.* Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о Логосе. М.: Университетская типография, 1885.

[42] К.Н.Васильева оказалась последней из арестованных антропософов. В Москву она была «направлена со спецконвоем <...> для ведения дальнейшего следствия» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006). В следственный изолятор Бутырской тюрьмы ее доставили 2 июня 1931 г.

[43] Ср. в письме к Вс. Иванову от 9 июня 1931 г.: «<...> без К.Н. я – не человек, а безрукий, безногий труп. <...> она – мой “*alter ego*” <...>» (*Котова М.* К истории дела антропософов // От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011. С. 170).

[44] Имеется в виду ответ Горького Белому от 19 июня 1931 г. «Уважаемый Борис Николаевич, я просил похлопотать по Вашему делу П.П. Крючкова, и сегодня он сообщил мне, что все рукописи будут немедленно возвращены Вам <...>» (*Крюкова А.М.* М. Горький и Андрей Белый: Из истории творческих отношений // *Проблемы творчества.* С. 303). В письме от 27 июня 1931 г. Белый благодарил его «за доброе участие в деле с моими бумагами» и рассказывал о своих проблемах и планах: «<...> моя цель – связать дело о бумагах с несчастьем, постигшем друзей; и – главное: связать это дело с самым близким мне человеком, Клавд. Никол. Васильевой, которая “*сидит*” в Бутырках. Вы сделали мне очень много: сердечное спасибо!.. Пока сижу в Москве, надеюсь к середине июля подвинуть дело о бумагах и Кл. Ник. Васильевой <...>» (Цит. по: *Примочкина Н.Н.* Андрей Белый и Максим Горький в 1920–1930-е годы // Андрей Белый в изменяющемся мире. С. 107). Часть рукописей осенью 1931 г. Белому вернули, но дневник получить обратно не удалось. По утверждению П.Н. Зайцева, «Алексей Максимович отказался хлопотать об архиве Бориса Николаевича, ввиду сложности обстановки» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 167).

[45] Белый вернулся в Москву 24 июня 1931 г. Он медлил с отъездом из Детского Села из-за того, что долгое время не знал, где находится арестованная – в Москве или Ленинграде.

[46] Ср. в письме Белого к В.Э. Мейерхольду: «<...> 3-го июля вернулись домой К.Н. и Петр Николаевич Васильев» (Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх. С. 163). По документам следственного дела их возвращение также произошло не 2 июля, а днем позже. 3 июля 1931 г. уполномоченный 4 отделения СПО ПП ОГПУ по Московской обл. Андреенко,

«рассмотрев следственное дело <…> о нелегальной контрреволюционной организации антропософов, нашел, что гр. Васильева К.Н. <…> и гр. Васильев П.Н. <…>, находясь на свободе, не могут повлиять на ход следствия» и «постановил гр. гр. Васильеву К.Н. и Васильева П.Н. из-под стражи освободить, отобрав у них подписку о невыезде из гор. Москвы», а «дело следствием продолжить» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006). Освобождению Васильевых предшествовали хлопоты Андрея Белого: его заявления в ОГПУ, аудиенция у Я.С. Агранова, письма к Горькому и Сталину (См.: Из «секретных» фондов в СССР. С. 349–361; *Струве Г.П.* К биографии Андрея Белого // Новый журнал. 1976. № 124. С. 158–161).

[47] К.Н. Васильева не решалась развестись с П.Н. Васильевым, с которым состояла в браке с 1909 г.

[48] В.М. Моисеев и его сестра Н.М. Моисеева были арестованы 27 апреля 1931 г. (приговорены к высылке на Урал сроком на три года); В.Н. Татаринов был арестован 8 мая 1931 г. (приговорен к высылке в Восточную Сибирь, в Иркутск, сроком на три года); его сестра Н.Н. Татаринова – 28 мая 1931 г. (приговорена к высылке в Казахстан сроком на три года); А.С. Петровский – 20 мая (приговорен к заключению «в концлагерь сроком на три года»); Л.В. Каликина – 28 мая (приговорена к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года»), О.Н. Анненкова – 27 мая (приговорена к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года»), Е.В. Невейнова – 8 мая (приговорена к высылке в Казахстан сроком на 3 года); М.А. Твердова – 27 мая (приговорена к высылке в Казахстан сроком на три года); Н.С. Клименкова – 27 мая (приговорена к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года»); П.Н. Зайцев – 27 мая (приговорен к высылке в Казахстан сроком на три года); Г.А. Михин – 27 мая (приговорен к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года»); Б.П. Григоров – 27 мая (приговорен к заключению «в концлагерь сроком на три года»); Е.А. Шанько и Т.Б. Шанько (мать и дочь, а не брат и сестра) – 27 мая (приговорены к высылке в Казахстан сроком на три года); Е.Н. Краснушкина – 27 мая (приговорена к высылке в Казахстан сроком на три года); М.А. Скрябина-Татаринова – 30 мая (приговорена к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года»); М.А. Иконникова (у Белого – Магдалина) – 27 мая (приговорена к высылке в Казахстан сроком на три года); Е.Н. Кезельман – 27 мая (приговорена к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года»). См.: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006.

[49] Упоминаются Е.Н. Кезельман и П.Н. Васильев.

[50] Антропософское общество прекратило свое легальное существование в 1923 г.

[51] Ср.: «С 1912 года уже начался процесс моего тайного осознания ненормальности “быта” общества <…> И наконец, после 1923 года мне стало ясным: антропософия “минус” общество равна возможности роста ассоциации духовно-свободных людей; в их усилиях к… грядущему “братству” и на физическом плане; антропософия “плюс” общество – равны одинаково для всех бессмысленному несению тяжелого... не хочу сказать “креста” (зачем унижать символ), а... надгробного камня, долженствующего раздавить несущих» (*Андрей Белый.* Почему я стал символистом… С. 467).

[52] Один из любимых и часто цитируемых Белым афоризмов из Первого Послания к коринфянам апостола Павла: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13: 4–8).

[53] Слухи не оправдались, следствие затянулось и приговор по делу от контрреволюционной организации антропософов был вынесен только 8 сентября 1931 г.

[54] Р. Штейнер умер 30 марта 1925 г.

[55] Расторжение брака Клавдии Николаевны с П.Н. Васильевым произошло одновременно с заключением в ЗАГСе ее брака с Б.Н. Бугаевым: «<…> ходили туда “втроем”: я, жена и Петр Николаевич» (*Белый – Петровский.* С. 268. Письмо от второй половины декабря 1931 г.). См. также в письме Белого к П.Н. Зайцеву: «<…> (мы с ней и с Петр<ом> Ник<олаевичем> были в *загсе* согласно уговору дружескому: он с ней развелся, а я – зарегистрировал наш “*брак*”); так выпрямилась кривизна отношений нас друг к другу в прямоту» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 486). После вступления в новый брак К.Н. Васильева сменила фамилию, став К.Н. Бугаевой.

[56] Выходу из тюрьмы сопутствовал следующий документ: «1931 года. Июля. 3 дня. Я, нижеподписавшаяся – Васильева Клавдия Николаевна даю настоящую подписку 4 Отд. СПО ПП ОГПУ МО в том, что обязуюсь не выезжать из гор. Москвы и его окрестностей до окончания следствия и суда» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[57] У Белого было множество причин стремиться как можно скорее покинуть Москву и вернуться в Детское Село: психологическая невозможность жить в одной квартире с бывшим мужем К.Н. Бугаевой и с ее матерью (от которой развод и новый брак дочери скрывали), боязнь потерять уже обустроенную квартиру по соседству с Ивановым-Разумником и т.д. Однако главной причиной панической спешки было желание вырвать К.Н. Бугаеву из круга антропософского общения. Ср. в письме к П.Н. Зайцеву от 23 июня 1931 г.: «<…> мы с К<лавдией> Н<иколаевной> самовысылаемся в Детское; и теперь эта жизнь в Детском — необходимость изменить режим жизни К<лавдии> Н<иколаевны> (не иметь большого контакта с антроп<ософской> средой); она дала такое обещание при выпуске на свободу; и я хлопочу ей изменить место прикрепления (Москву на Детское Село), после чего, в случае удачи, мы должны спешно покинуть Москву, что советуют опытные люди (Воронский, Санников и др.) <…>» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 486), или в письме к Иванову-Разумнику (между 5 и 10 июля 1931 г.): «Когда вернемся к Вам, моя роль будет ролью изолятора Кл<авдии> Ник<олаевны>, когда надо остаться с собой, отоспаться и не навлечь подозрений, что она в контакте с “антропософами” <…>» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 682).

[58] Р.П. Катанян с 1923 г. был помощником прокурора РСФСР, заведующим подотделом надзора за органами дознания и следствия ГПУ/ОГПУ (с 1933 г. до увольнения и ареста в 1938 г. – старший помощник Прокурора СССР, заведующий отделом по спецделам Прокуратуры СССР). Белый ранее уже обращался к нему с пространным письмом (от 1 июля 1931 г.), которое просил «приобщить к следствию, ведущемуся о деле моих ближайших друзей», объясняя, что Русское антропософское общество, его члены и он сам неповинны в антисоветской деятельности (См. черновик письма: Из «секретных» фондов в СССР. С. 357–361). Г.А. Санников и тогда помогал Белому в написании письма Р.П. Катаняну (см. аналогичный черновик письма в семейном архиве Санникова: Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка 1928–1933 / Сост., предисл., коммент. Д.Г. Санникова. М., 2009. С. 182–191).

[59] Ср. в письме Белого к Санникову от 17 июля 1931 г.: «<…> за 10 дней ничего не добился; последнее узнание – Ваш разговор по телефону с К<атаняном>, что вопрос о прописке в Детском для К.Н. *не сложен* и что надо добиваться разрешения обычным порядком. Но в чем обычный порядок?» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 37).

[60] Ср. в письме Белого к Г.А. Санникову от 17 июля 1931 г.: «Следуя Вашему совету, искал случая спросить у лица, с которым раз уже имел разговор; но и тут пока ничего не узнал <…>» (Там же. С. 37). С Я.С. Аграновым, в то время членом Коллегии ОГПУ и начальником Секретно-политического отдела ОГПУ, Белый лично встречался 27 июня, прося об освобождении Клавдии Николаевны и других арестованных антропософов, а также о возвращении сундука с рукописями. «27-го июня Агранов принял меня, позволил горячо, до конца высказаться, очень внимательно отнесся к моим словам, так что я вынес самое приятное впечатление от него <…>», – сообщал 4 сентября 1931 г. Белый В.Э. Мейерхольду, устроившему эту встречу (Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх. С. 163). См. также восторженный пересказ разговора с Аграновым в письмах Иванову-Разумнику от 27 июня 1931 г. (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 679) и П.Н. Зайцеву от 23 июля 1931 г. (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 486). Подробно же тема-

тика разговора с Аграновым реконструируется по письму Белого в Коллегию ОГПУ от 26 июня 1931 г. (Из «секретных» фондов в СССР. С. 352–355); можно с уверенностью утверждать, что это письмо, написанное за день до аудиенции у Агранова, было передано ему лично в руки. Белый надеялся на его помощь, так как прошлый «разговор (часовой) с А<грановым> способствовал отчасти освобождению К.Н.» (*Белый – Петровский.* С. 276. Письмо от середины марта 1932 г.).

[61] Имеется в виду заявление в ПП ОГПУ по Московской обл. от 10 июля 1931 г., в котором подробно изложены суть и история вопроса:

«<…> уезжая в Детское Село и желая предотвратить машинку от порчи, я поставил ее в комнате писателя, Петра Никаноровича Зайцева (Староконюшенный пер., д. 5, кв. 45), имевшего доверенность на ведение моих дел и хранившего мои счета и расписки от внесения налоговых взносов; но в ночь с 28-ое на 29-ое мая был обыск в квартире Зайцева; [и] машинку увезли агенты ОГПУ, а налоговые квитанции оказались, по-видимому, запечатаны в его комнате, что ставит меня в очень трудное положение в виду *неряшливого ведения счетных книг в Салтыковском Поселковом Совете* (я проживал до апреля в Салтыковке, в районе "Новое Кучино", дача № 40).

Перед самым отъездом в Детское Село я получил приглашение под угрозой немедленной пени заплатить будто бы незаплаченный в 1928 году налог самообложения, который был в свое время заплачен (квитанция об уплате 27 рублей хранилась у меня в Москве); и стоимость налога показана неверной (104 рубля); удивленный предъявлением столь запоздалого требования, я предъявил в Совет все квитанции об уплате трех налогов самообложения; и мне не сумели внятно ответить, откуда взялись фантастические 104 рубля; пять раз по моему поручению писатель Зайцев ездил в назначенные ему дни в Совет из Москвы, и члены Совета точно ускальзывали от объяснения; и никаких более требований ко мне уже не предъявляли <…>

Теперь, когда я уже ликвидировал с Кучиным, переселившись в Детское Село, я узнал от бывшей квартирной хозяйки, что опять в Совете осведомляются о каких-то 104 рублях, будто бы мной незаплаченных, вопреки распискам об уплате мной трех налогов самообложения, культурного налога за 1931 год, налога Финн-Инспектору за 1931 год, хранящимся где-то у ныне подследственного Петра Никаноровича Зайцева (вероятно, – запечатаны у него в комнате).

В виду этого прошу кроме выдачи мне сундука с книгами и бумагами 1) вернуть мне мою пишущую машинку системы SMS (№ 2070), приобретенную в 1929 году; 2) оградить меня до распечатания комнаты Зайцева от требований Салтыковского Поселкового Совета, или выдумывающего налоги вспять, через три года по уплате налогов, или не умеющего разобраться в путанице счетов, от чего страдают ни в чем неповинные люди» (Из «секретных фондов» в СССР. С. 356). Ранее, 26 июня 1931 г., Белый писал о тех же проблемах в заявлении в Коллегию ОГПУ, отданном Я.С. Агранову (Там же. С. 352–355).

[62] См. выше, примеч. 44.

[63] М.В. Рогожин, в 1931–1934 гг. – начальник 4 отделения СПО ПП ОГПУ по Московской обл., курировал следствие по делу антропософов.

[64] Разговор Г.А. Санникова с М.В. Рогожиным состоялся 7 июля. См. письмо Белого Г.А. Санникову от 17 июля 1931 г.: «Знаете ли, что последнее достижение моих стремлений — Ваш разговор по телефону 7-го <…>, когда Вам сказали, что я могу взять сундук в любое время <…>» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 36).

[65] О мучительных и безрезультатных попытках дозвониться в ОГПУ Агранову и Рогожину Белый подробно рассказывал в письмах к Г.А. Санникову (Там же. С. 35–44. Письма от 17 и 27 июля 1931 г.) и Иванову-Разумнику (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 684. Письмо от 19 июля 1931 г.).

[66] Белый имел в виду квитанцию № 118, выданную Салтыковским поселковым советом, в которой было засвидетельствовано, что «21 ноября 1928 г. <…> получено от БУГАЕВА Б.Н. самообложение двадцать семь руб. 40 коп» (ее копию см.: РГБ. Ф. 25. К. 40. Ед. хр. 4. Л. 68). Сохранилась так же копия предписания Салтыковского поселкового совета 1928 г.: «Согласно постановления общего собрания граждан от 1-го апреля с.г. с Вас исчислено самообложение в размере … па-

ев по 35 коп. за пай всего в сумме 27 руб. 40 коп., каковые предлагается Вам внести в Поссовет в следующие сроки: немедленно с 1/X 1928 г. <...>» (РГБ. Ф. 25. К. 40. Ед. хр. 4. Л. 67).

[67] Белый попытался разрешить проблему с помощью пространного и угрожающего заявления «В Салтыковский Поселковый Совет», написанного 12 июля 1931 г.: «В марте 1931 года ко мне, проживавшему в новом Кучине (Железнодорожная улица, дача № 40, Шипова), явились с предложением от Салтыковского Пос. Совета немедленно уплатить под угрозой пени будто бы неуплаченный налог самообложения за 1928 год, равный будто бы 104 рублям; удивленный тем, что лица, ведущие канцелярию по налоговым сборам, три года позволяют неплательщикам не вносить налогов и еще более удивленный тем, что таким неплательщиком явился я, в свое время уплативший налог самообложения за 1928 год в размере 27 рублей, а не ста четырех, согласно предъявленной мне бумаге, я взял у писателя Петра Никаноровича Зайцева, имеющего доверенность на ведение моих дел, свои квитанции о взносе 3-х налогов самообложения (между прочим и квитанцию о взносе налога за 1928 год) и предъявил их в Салт. Пос. Совете в присутствии председателя Совета т. Шишова, прося объяснить, откуда появилось столь странное требование вторично уплатить уже раз уплаченный налог, показанный неверной суммой.

На это мое заявление, подкрепленное тремя квитанциями о взносе трех налогов самообложения, мне не сумели ответить внятно, сознаваясь, что произошла какая-то путаница и прося явиться вторично, ибо членам Совета надо самим разобрать, в чем дело.

Но занятый спешной сдачей литературной работы и не имея времени праздно разгуливать по делам, которые непонятны ни мне, ни членам Совета, я передал это дело писателю Зайцеву, который от моего имени *до четырех раз* являлся из Москвы в Салт. Пос. Совет: и – никого там не заставал, несмотря на то, что ему назначали дни и часы.

Так прошло около месяца; и я полагал, что в Совете поняли сами нелепость требования вторичного взноса по прошествии трех лет, и взноса, означенного неверной суммой.

Тем временем я уехал из Кучина.

В мае у писателя Зайцева был в комнате обыск; она была запечатана до окончания дела Зайцева, которое в скором времени будет разрешено; но поскольку в комнате этой оказались запечатанными мне нужные ныне бумаги, счета, квитанции и т.д., ибо Зайцев вел мои литературные дела, я обратился к члену коллегии *ОГПУ*, т. Агранову, с заявлением в коллегию *ОГПУ*, излагая свое дело, ныне улаженное, и между прочим указывая на неудобства, вытекающие для меня из запечатания комнаты Зайцева; в заявлении, принятом тов. Аграновым, в коллегию *ОГПУ* между прочим стоит следующее признание *"Так что до распечатания означенных комнат даже во многом лишен своих прав..., что ставит меня в трудное положение ввиду неряшливого ведения дел членами Салт. Пос. Совета, ... требующего квитанций об уплате налогов (за старые годы); таковой случай был со мной, вследствие чего я, уезжая в Детское Село, оставил Зайцеву налоговые квитанции, просил его сноситься с Салтыковским Советом и в случае новых недоразумений жаловаться на него"* (выписка из заявления, поданного членам коллегии *ОГПУ*). И в другой бумаге, касающейся моих дел и поданной мной в Обл.-*ОГПУ*, оговорена между прочим возможность вновь потребовать с меня уплаченного в свое время налога: "Прошу ... оградить меня до распечатания комнаты Зайцева от требований Салтыковского Поселкового Совета, или выдумывающего налоги вспять, через три года по уплате налогов, или не умеющего разобраться в путанице счетов, от чего страдают ни в чем неповинные люди".

В виду уже предъявления раз Салт. Пос. Совету трех квитанций об уплате налогов самообложения, после чего Совет, грозивший мне пени, три месяца молчал и от объяснений с тов. Зайцевым, моим поверенным по делам, уклонялся, и в виду невозможности мне вторично предъявить квитанции до распечатания комнаты Зайцева, прошу за разъяснением обращаться в *ОГПУ,* куда поданы мои бумаги; копия с этой бумаги будет подана мной в *Обл.-ОГПУ* в случае продолжающихся требований об уплате уже уплаченного налога.

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев).

Москва, 12 июля.

Пост. адрес Детское Село, Октябрьский бульвар. д. 32.

Временный адрес Москва Плющиха, Долгий пер. д. 53. кв. 1 (доктора Васильева)» (РГБ. Ф. 25. Карт. 39. Л. 14–15). Об упомянутых заявлениях в ОГПУ от 26 июня и 10 июля 1931 г. см. выше и в публикации «Из “секретных фондов” в СССР» (С. 352–357).

[68] Страх Белого перед Салтыковским поселковым советом кажется оправданным, так как предписания об уплате налога самообложения заканчивались угрожающими предостережениями: «На неправильное обложение может быть подана жалоба в семидневный срок со дня получения сего. За несвоевременную уплату самообложения начисляется пеня в размере 1/3 % в день и применяются принудительные меры взыскания до описи и продажи имущества включительно. Подача жалобы не приостанавливает уплату самообложения» (Похожий вариант санкций: РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 4. Л. 66–67).

[69] Эти опасения Белого оказались напрасны; комнаты в Детском Селе удалось сохранить за Белым и К.Н. Бугаевой. См. *Белый – Иванов-Разумник*. С. 686 (Письмо В.Н. Ивановой и Иванова-Разумника от 15 августа 1931 г.).

[70] Ср.: «К.Н. стала моей женой, а должна жить в комнате с бывшим мужем, ибо деваться некуда; нам троим трудно, и мы ждем, чтобы наконец разрешилось это трудное положение нашим уездом в Детское, а уехать К.Н. – нельзя; корень трудности в старушке матери, которая вдруг так сдала и так нервна, что по обоюдному уговору Петра Никол<аевича>, Кл<авдии> Ник<олаевны> и меня от нее надо скрывать, что К.Н. стала моей женой и переменила фамилию, ибо старушка *ничего не понимает* и на границе удара или нервного заболевания; ей Петр Николаевич скажет о Загсе, лишь когда мы с К.Н. уедем, бережно подготовив ее к неизбежному; а пока живем, как на вулкане, – четверо на пространстве 10 шагов, насильственно прикованные к друг другу до момента, когда К.Н. будет разрешено ехать в Детское <...> А конца “*делу*” не видать; и без разрешения К.Н. уехать, можно месяцы просидеть в этом “*психологическом аду*”; и уже просто встает вопрос, будем ли живы» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 41–44).

[71] Белый мог узнать об этом или от Я.С. Агранова в ходе беседы с ним 27 июня 1931 г., или из рассказов К.Н. Бугаевой о ее допросах. И действительно, выдержки из дневника Белого обильно цитировались в обвинительном заключении по делу о контрреволюционной организации антропософов.

[72] Ср. в письме Белого Г.А. Санникову от 27 июля 1931 г.: «<...> второе мое ударное дело (добиться прикрепления К.Н. к Детскому) еще не окончено; и лицо, к которому Вы советовали обратиться и которое было настолько любезно и доброжелательно, что взялось это устроить, ответило по телефону, чтобы позвонил примерно тридцатого, что для меня значит: дело не так просто, ибо нет основания мне не верить в добром желании помочь» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 41).

[73] В.И. Соловьев в 1930–1932 гг. был директором ГИХЛа.

[74] Речь идет о книге «Мастерство Гоголя», выпущенной ГИХЛ в 1934 г. «Договор с ГИХЛ на книгу о творчестве Гоголя. – Начало работы» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества // РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 107. Л. 162).

[75] «Полит-цензором» был назначен И.А. Сац, работавший в ГИХЛ под руководством Е.В. Волоцкой. См. в письме Белого В.П. Полонскому от 3 ноября 1931 г. (публ. Т.В. Анчуговой): «7 месяцев рукопись лежала зарезанной цензурой, пока В.И. Соловьев ее не передал другому цензору, нашедшему, что книга вполне цензурна, но требует ретушей» (Перспектива-87: Советская литература сегодня. Сб. статей. М., 1988. С. 500). Об истории публикации воспоминаний «Начало века» см. в примечаниях А.В. Лаврова к современному изданию мемуаров Белого (*НВ*. С. 556–557) и в опубликованной Дж. Малмстадом переписке вокруг первого их издания (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 357–360). Там же – письмо Белого И.А. Сацу о внесении рекомендованной правки (С. 358–359).

[76] Секция улучшения быта литераторов при месткоме писателей. В Секублите, в частности, выдавали и продлевали документы (карточки, книжки), дававшие право на получение в спецраспределителях продуктов и промтоваров (в том числе табачных изделий).

[77] К.А. Санникова.

[78] Местонахождение этого письма неизвестно.

[79] Сундук вернули еще в прошлом месяце, между 24 июля (предыдущая дневниковая запись Белого) и 27 июля 1931 г., когда Белый написал Г.А. Санникову: «<…> получил-таки сундук, но без ряда рукописей (и то – дело)» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 41). Под «книгой о Докторе» подразумеваются «Воспоминания о Штейнере». В письме к В.Д. Бонч-Бруевичу, полученном 20 июля 1932 г., Белый уточнил список пропаж: «1) “О самосознающей душе” (ремингтон), 2) “Рудольф Штейнер”, литерат<урный> портрет, 25 печатных листов (ремингтон), 3) “Дневник 1925–<19>31-ых годов” (до 150 печатных листов, рукопись) <…>» (Цит. по: *Воронин С.Д.* Статья В.Д. Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого». С. 274–275).

[80] Об этом разговоре с Е.П. Пешковой, возглавлявшей Московский комитет помощи политическим ссыльным и заключенным (до 1922 г. – «Политический Красный крест»), Белый упоминает в середине марта 1932 г. в письме к А.С. Петровскому (*Белый – Петровский.* С. 275). Разговор касался судьбы К.Н. Бугаевой и арестованных друзей-антропософов. Его содержание можно предположить по письму Белого Пешковой от 7 августа 1931 г.: «Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, ввиду Вашей любезности откликнуться на три моих вопроса, обращенные в Политический Красный Крест, конспектирую их для памяти Вам.

1) Я хотел бы узнать результат справки о Е.Н. Кезельман (о состоянии ея здоровья) и о том, нельзя ли ввиду слабости ее здоровья похлопотать о смягчении ее участи, куда ей будет грозить высылка.

2) Если возможно, узнать о сроке приговора по делу об “антропософах”.

3) Присоединяю просьбу за К.Н. Бугаеву (бывшую подследственную Васильеву), чтобы ей переменили место прикрепления к Москве до окончания дела об антропософах местом прикрепления к Детскому Селу, иначе нам с ней грозит ряд роковых и неустранимых тягот жизни.

В заключении присоединяю списочек моих друзей, бывших членов, так называемой Ломоносовской “группы антропософов”, за политическую благонадежность которых и за далекость от всякой “западной” антропософии я ручаюсь:

Елена Николаевна Кезельман
Алексей Сергеевич Петровский
Петр Никанорович Зайцев
Ольга Николаевна Анненкова
Надежда Степановна Клименкова
Лидия Васильевна Каликина
Елена Васильевна Невейнова
Маргарита Александровна Твердова
Евгения Николаевна Краснушкина

Еще раз простите за беспокойство; и сердечное спасибо за внимание.

Борис Бугаев (А. Белый) <…>» (См. интернет-сайт «Заклейменные властью: услышь их голоса (По документам фондов Государственного Архива Российской Федерации: “Московский Политический Красный Крест” (1918–1922); “Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным” (1922–1938)»; раздел «Ходатайства за политических заключенных (политических и общественных деятелей, представителей творческой и научной интеллигенции, а также частных лиц)» – http://pkk.memo.ru/letters_doc/001848.doc).

[81] Приговор был вынесен 8 сентября 1931 г.

[82] Уполномоченный 4 отделения СПО ПП ОГПУ МО, занимавшийся делом антропософов. Именно он взял у К.Н. Бугаевой (Васильевой) подписку о невыезде из Москвы до окончания следствия. См. выше, примеч. 46 и 56.

[83] Черновик заявления от 21 августа 1931 г. сохранился в фонде Белого в РГБ:

«В ПП ОГПУ Московской области.
Клавдии Николаевны Бугаевой (б. Васильевой),
бывшей подследственной по делу об антропософах

Заявление.

3-го июля сего года я была освобождена из места заключения ОГПУ, причем с меня была взята подписка о невыезде из Москвы до окончания дела об антропософах и указано, что эта подписка простая формальность и что дело обо мне совершенно закончено.

18-го июля сего <года> в ЗАГСе был зарегистрирован мой брак с Б.Н. Бугаевым (Андреем Белым). Ввиду того, что комната моего мужа находится в Детском Селе (Октябрьск. бульв., д. 32, к. 1), [зачеркнуто: куда он должен спешно выехать для продолжения своих работ, а также для сохранения помещения, которое иначе может быть занято, прошу о разрешении мне выехать вместе с мужем в Детское Село] и я не имею в Москве твердого пристанища (живу в комн<ате> б<ывшего> мужа, в обстановке психически очень трудной), прошу заменить мне подписку о невыезде из Москвы на подписку о невыезде из Детского. Это даст мне возможность выехать вместе с мужем в Детское и тем самым разрешит этот весьма сложный и трудный вопрос для жизни и работы моего мужа – Андрея Белого – Б.Н. Бугаева.

Клавдия Николаевна Бугаева.

Временный адрес: Плющиха, д. 53, к. 1. 21/VIII–31 г.» (РГБ. Ф. 25. Карт. 39. Л. 5).

Белый сопроводил (или планировал сопроводить) это заявление К.Н. Бугаевой своим, гораздо более эмоциональным и, как ему, видимо, казалось, убедительным:

«От Бориса Николаевича Бугаева
(писательский псевдоним «Андрей Белый»)

Заявление:

Присоединяю к просьбе моей постоянной секретарши и бывшей подследственной Клавдии Николаевны Васильевой и свою мотивированную просьбу за нее: зная ослабленность здоровья К.Н. Васильевой и необходимость ей и в прежние годы в постоянных отлучках в Кучино, где я в эти года проживал, для поправления здоровья и технической помощи мне в моей литер. работе (выписки, диктовка текста, хранение и порядок бумаг, ремингтон и т.д.), вместе с тем, постоянно нуждаясь в помощи К.Н. Васильевой, я вместе с мужем ее, доктором, Петром Николаевичем Васильевым, обсуждали план переселения К.Н. Васильевой вне пределов Москвы, где она переутомлялась; нами был выбран сперва Кавказ, куда я получил командировку для собирания материала к книге "*Советская Грузия*" от "*Гихла*" (К.Н. сопровождала меня, как техническая помощница в работе); в силу ряда причин поездка не состоялась; и местом жительства было выбрано Детское Село (условия жилища, климат, уединение), где мы только что устроились до задержанья Клавдии Николаевны; доказательством этих намерений служат записи от 31-го года в моем "*Дневнике*", находившемся в сундуке, увезенном в ГПУ после обыска в квартире доктора Васильева (в ночь на 9 мая), ныне еще конфискованном, но на днях мне возвращаемом; в записях "*Дневника*" с достаточной красноречивостью изложены мотивы (невозможные условия жизни, сырость помещения и т.д.), заставившие еще с Нового Года придти к решению ликвидировать свое помещение в Кучине; шесть мною перенесенных гриппов и полная ослабленность здоровья К.Н. Васильевой и обусловили переезд в климатически благоприятное Детское Село.

В заключение скажу: заинтересованный в *"деле"* о бывших членах "Русского Антропософского общества", как бывший член общества, и кроме того косвенно виноватый в том, что не предостерег Клавдию Николаевну в ея податливости к настоянию ряда бывших членов общества общаться с ней в формах, возбуждающих подозрение в распространении антропософских идей Клавдией Николаевной (тому причина перевлеченность внимания к литер<атурной> работе), – я должен здесь подчеркнуть: и я, и К.Н. давно пришли к внутреннему убеждению в невозможности распространять антропософские идеи в условиях жизни СССР; но ея доброта и уступчивость навлекли на

нее тяжелое испытание, после которого временное, но продолжительное удаление из условий московской жизни поможет ей и технически облегчит наладить новый быт жизни, идущий навстречу и ея давнишнему желанию, и тому обещанию, которое она дала при отпуске ея домой.

Все это, вместе взятое, заставляет меня присоединить и свою просьбу к ея просьбе в глубокой надежде, что "*формальность*", т.е. временное прикрепление ея к Москве и ея окрестностям, осуществится тем, что это прикрепление будет заменено Детским Селом, где она уже устроилась с жилищем и где ею уже был налажен весь жизненный обиход.

Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый).

Временный адрес: Москва. Плющиха, д. 53. кв. 1.

Постоянный адрес: Детское Село. Октябрьский бульвар, д. 32» (РГБ. Ф. 25. Карт. 39. Л. 6–7).

[84] Сетования по поводу конфискованной пишущей машинки, которую Белый намеревался продать, звучат во многих его письмах. Однако вернуть ее не удалось. Белый, видимо, не знал и не понимал, что пишущая машинка служила важной уликой, доказывающей антисоветский характер деятельности антропософов: «Нелегальные условия работы выдвигали необходимость размножения литературы для нужд организации. С этой целью получаемая из-за границы нелегальная литература членами организации переводилась, размножалась на имевшихся специально для этой цели пишущих машинках и распространялась среди членов организации и "интересующихся"». При передаче дела в суд было возбуждено «ходатайство о конфискации всей отобранной антропософической литературы и 3-х пишущих машин, на которых производилась перепечатка нелегальной литературы». Пишущая машинка Андрея Белого отдельно фигурировала в обвинительном заключении по делу о контрреволюционной организации антропософов. См., напр., прямое упоминание о ней в показаниях А.С. Петровского: «Лично я делал переводы с немецкого языка <…> Помимо меня в Москве занималась переводом Васильева К.Н. <…> Перепечатывались эти переводы Васильевой К.Н. и Невейновой Е.В.»; и косвенное в показаниях К.Н. Васильевой: «Я знала о том, что в виду невозможности приобрести антропософическую литературу, некоторыми лицами делались переводы с немецкого языка книг Штейнера, а также эти книги перепечатывались в нескольких экземплярах» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[85] О подобной возможности Белый сообщал Иванову-Разумнику в письме от 17 августа 1931 г.: «С душевным стоном предвижу, что придется оставить К.Н. в Москве и ехать одному в Детское, – ибо надо же быть *дома*, хотя бы и для К.Н. в будущем. Проклятые формальности просто давят жизнь человеку <…> 8 лет не разлучались с К.Н., а теперь после *Загса* я вынужден для охраны ее будущего бросить ее в том месте, где ей тяжелее всего на свете. <…> Итак, до 1 сентября лишь жду ее; с первого – возвращаюсь (с ней ли, один ли, но – возвращаюсь), ибо терпению, всякому, есть предел; и нам с женой легче перемучиться вдали друг от друга <…> » (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 687). Опасения Белого не оправдались: 31 августа 1931 г. он сообщил Г.А. Санникову, что жена «свободна» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 45); 6 сентября 1931 г. Белый с К.Н. Бугаевой выехали в Детское Село.

ДНЕВНИК. 1932-ой год

Июнь

25 июня. Москва.

Возвращаюсь к прерванному «Дневнику». Бросил его после ареста К.Н. Но потребность — вернуться; цель — самопознание, самопроверка; у меня — рост мыслей; и — атрофия словесных возможностей: к их выражению; всякая подстреленная в дневнике мысль, — подстреленная и быстро пролетающая от горизонта сознанья к горизонту птица. Не всегда попадаешь в нее. Но и попав, всегда ее кривишь; живая мысль, как молоко в июле, мгновенно прокисает на бумаге; но, ведь и прокисшие продукты, — продукты; сметана и творог — не молоко; но они… от молока; так: мысль дневника, — каракули, искаженья, — мысли от Мысли. Без них ощущаешь пустоту; хочется вещественных знаков, намеков на то, что и в тебе — Жизнь: Мысль есть. Общение с людьми, кроме милой, не поджигает Мысли; наоборот: гасит ее. Люди — сущие гасильники; гася в себе следы ими не осознанной собственной Мысли, они заменяют ее суррогатами: штампами быта, сегодняшний застой, и т.д. Я устал не от людей, а от «умственной» их отрыжки; она, всегда, — вонь; от нее бежишь, как от нужника. Дневник необходим, как сводка простых отметок (пусть с ошибками), это в тебе живет превышающее тебя, это — оно обдувает тебя, как отрадным ветром; человеку нужна прогулка; нужен физич<еский> труд; и так же нужен дневник, чтобы знать, что за всеми искажениями его неполной записи есть неискажаемое, вечно живое.

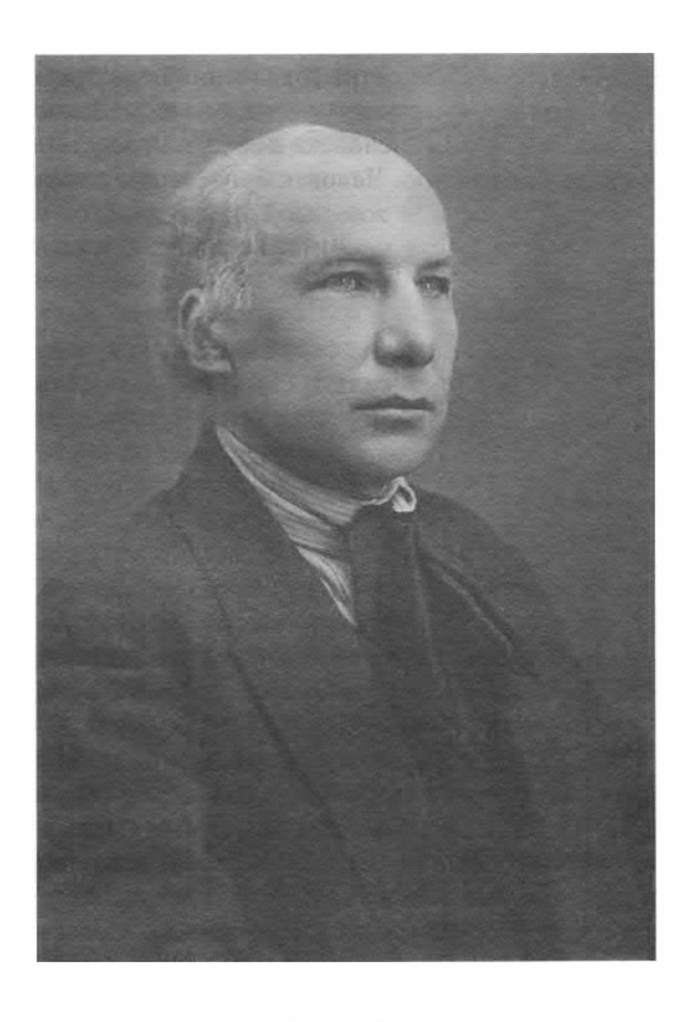
Сегодня пошел править верстку «Масок»[1] на Девичье Поле[2]; и вдруг оплеснуло меня, как живым ветром: «Ты не может исчезнуть»; сознание или чудо, не объяснимое никакими законами истории, психологии, «культуры», общественности, или оно-то и есть бытие в бытие; если сознание есть, а оно есть, наперекор всему, — то каждый миг «бытия», обычно противопоставляемого сознанию, есть бессмыслица; стало быть: бытие коренится только в сознании; верней: нет противоположенья между сознанием и бытием; есть бытийствующее сознание, а остальное — «брызнь» по слову Толстого[3]; а корень сознания-жизни только в самосознании; корень вселенского сознания прободает каждое «Я».

<…>* познании соединены: в Жизнь собственно; это Толстой раз навсегда вырубил на носу всего человечества; но человечество не видит собственного носа; не видит собственной жизни; каждого за ушко, да к зеркалу: «Посмотри на себя. Хорош, очень хорош!».

Плевательные упражнения вместо сознания — удел абстрактника, и невозможность деторождения — удел бытовика; бытие вне сознания, как змея, укусило свой хвост в Европе: в Германии, Франции, Англии — смертность превышает

---

* *Несколько строк внизу страницы отрезаны К.Н. Бугаевой.*

Андрей Белый. 1932. ГМП

рождаемость; «быт» не бытийствует; в Германии, Франции, Англии — мысли стали короче носов; их как и нет; жизнь мысли иссякает как... смысл быта. Вот к чему привела граница, поставленная между сознанием и бытием; она убивает мысль; она убивает жизнь.

Жизнь и мысль в самопознании, а самопознающий не мыслим вне «вечности»; вечная жизнь нашего «Я» с математической неизбежностью вырастает из разгляда сознания, как данного нам бытием; бытие вне сознания — мертвечина. Но в этой мертвечине копаются люди, убегая от себя и сбегаясь друг к другу; а — для чего: курить, жрать, дуть вино и переплевывать друг друга всякими «спортами».

Я несу невыносимую тяжесть при общении не только со «средними» людьми; но и при общении с «высшими». Когда хочу общаться, беру книгу; там хоть встретишься с человеком в состоянии его полета (мысль «гения»); а человек ведь — только полет; вне «полета», он — скот; человек — только «гений» в нем;

вне чувства «гения», «огениаленности» (охваченности ветром), человек — воистину мартышка. Утверждая «мартышку» в человеке, мещанин уже давно вынес за предел досягаемости для себя: человека в себе; но следствие этого: он потерял и… способность к деторождению. Человек будет жить, расти, множиться, — не как человек от быта, класса, или животной природы, а от «гения» в себе; без чувства «бессмертия» в вечности невозможно длить и ограниченную временем свою мещанскую жизнь.

Этого люди не понимают!

Вчера были с Клодей у Чулковых; сидел какой-то скульптор, какой-то ценитель стихов; Клодя с Над. Григ.[4] сели в сторонку, а я сейчас же провалился в болтовню нас четверых, ставших «мартышками»; Чулков, не видя гостей, болтал без умолку о всем «общем», «высоком» и «мудром»; не понимая, что его слова и <…>*

27 июня. Понед<ельник>. Москва.

Вчера был на заседании «Гихла» (посвященное «Красной Москве»[5]); боюсь, что композиция сборника утонет в словоговорении. Сегодня утром Ильин прислал мне художника Милашевского, который рисовал меня с 12 до 5-ти[6]; оба устали. Показывал Милашевскому свои рисунки: иные ему понравились; не понравилось ему влияние на меня де… Чурляниса. Для меня ж это — комплимент: я и не думаю, чтобы талантл<ивый> художник мог на меня влиять, ибо мои наброски считаю находящимися в стадии до художества; они идут наряду с «детскими» рисунками; не больше[7]. Говорили о Козьме Сергеевиче. Милашевский отрицает в нем монументальность, считая его очень крупным. Для меня ж Петров-Водкин не только крупен: сверх-крупен. Это, пожалуй, единственный «мастер» в живописи среди русских (в настоящее время). Милашевскому хотят дать иллюстрировать моего Гоголя[8].

Вчера горестная весть; у Сони Спасской де заражение крови (находится на испытании[9]). Была Т.Н. Ростовцева: возится со своими «попами»[10]; меня всегда охватывает испуг при ее появлении: заговорит! Прочел 2-ой том «Воспоминаний» Лундберга[11]. Очень интересен, но… очень далек. Мы с Лундбергом исключительно далеки друг другу, хотя… *уважаем* друг друга; он вспоминает о Берлине, о моем приезде к нему; силится «отдать мне справедливость»; но я странно (и неприятно, для моего сознания) отражаюсь в нем. Читаю мемуары «Гольдони»[12]; я все еще тянусь к мемуарной литературе, ибо потерял вкус читать художественные произведения (и современные, и $^2/_3$ классических); худ<ожественные> образы — «вечность во мгновении» («мгновение, остановись: ты прекрасно»[13]); я же не могу сосредоточиться ни на «мгновении *в вечности*»; ни на «вечности *в мгновении*»; лягушка никогда не додуется до вола[14]; мгновение всегда ускользнет от вечности; толстая корова никогда не влезет в тощую[15]: вечность, показанная в мгновении, — в настоящее время есть уродство.

---

* *Несколько строк внизу страницы отрезаны К.Н. Бугаевой* (возможно, из-за нелестного отзыва о Г.И. Чулкове).

Современность диктует мне в целях самозащиты вывлечь* «вечность» от всех тех обличий мгновенности; так, чтобы образ «вечности» без всяких масок стоял перед тобой, ибо я живу эмпирически лишь в хаосе мгновений; и изнемогаю в них; мне хочется все мгновения стереть, как пыль, марающую мне мой покой, и отдаться вечности, чтобы, опираясь на нее, нести бодрей власть мгновений; и оттого: трудно мне читать произведения искусства: Kinderspiel![16] Они лишь подчеркивают остроту горечи нашей жизни; и от Гете разит преснятиной; видеть в каждом «пиканье» его прообразующую глубину, — удел праздных и сытых людей; вперясь в пятно сырости на стене, можно высозерцать в нем «прекрасный образ»; очень часто мы в произведения классиков влагаем то, что нам вообразится о них: от праздного досуга. Мне недосуг «праздничать»; не «празднична» душа моя[17]; она слишком вперена в свое собственное, чтобы могли возникать у меня романы с «классиками»; мне они... не по дороге: «Я не с тобой, — с собою говорю». И считаю этот разговор с собой («до» слов и после слов) столь же значительным, как и то, чем меня желает одарить Гете. <...>**. Кстати: говорят, что юбилейная литература о Гете на Западе крайне скудна[18]. Оно и понятно. Может быть, Гете опять «просияет» в наших потомках из иных условий социальной жизни. Сейчас он до ужаса омещанен[19]. А мне нет времени заниматься «реставрацией» его мысли; мой «гетизм» кажется мне далеким прошлым (эпоха 15–16 годов)[20]; <...>***.

Андрей Белый. Мастерство Гоголя
Исследование
М.; Л.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1934
Переплет и форзацы Л.Р. Мюльгаупта

29 июня. Москва. Среда.

Вчера был П.Н. Зайцев. Сегодня был в «Гихле». Сидел у Воронского[21], который читает моего Гоголя; к 5-ому кончит[22]. От Бонча-Бруевича[23], от Цявловского[24] — ни звука[25]. От Гронского — ни звука[26]. От Елены Ник. печальные вести о лебедянской жизни[27]; цены взлетели; сомневается: стоит ли нам приезжать. Та же длительная неопределенность в делах финансовых (либо пан, либо пропал). В довершение всего вчера опять разбили нам стекло. Хвост от молочной превратился в

---

* *Зачеркнуто*: развоплотить

** *Две строки зачеркнуты К.Н. Бугаевой.*

*** *Строка зачеркнута К.Н. Бугаевой.*

яростную толпу мещан; какие ужасающие лица! Появился наряд милиции; я подошел к начальнику милиции и взмолился: «Что делать нам, жильцам подвала, живущим под хвостом; у нас спорадически бьют стекла». Нач<альник> милиции, изящного вида грузин, только развел руками: «Найдите мне выход?». И я согласился, что выхода — нет; милицейские в белых перчатках на этот раз быстро навели порядок; но их мало; и главное: стекло-то разбили![28]

Продолжается во мне тот же прицел в что-то, что мимо жизни; сквозь усталость много бодрости; и просто так, неопределенно хорошо мне с милой; живем втроем тихо; Милая стала заправской хозяюшкой; от Анны Алексеевны *великолепнейшее* письмо[29].

Постоянно ловлю себя на том, что во мне пригашены философские интересы; но процесс жизни, социальный корень ее волнует меня все более; Воронский сегодня смеялся, что у меня в «Гоголе» цитаты из Ленина[30]; но «Развитие капитализма в России» интересовало меня[31]; и я благодарен Сацу за то, что он мне принес эту книгу[32]; сейчас кончил мемуары «Гольдони».

Мысль моя все менее и менее мысль в обычном смысле; она — не абстракция; но она и не образ; скорее она — *энергия* — безымянная, безóбразная, беспонятийная; задача моя чаще всего в том, чтобы направить эту энергию в сферу слова, понятий, образов; ближе всего к энергии этой — музыкальная стихия; основа мысли моей — воля, но воля особого рода; не воля к поступку и не воля к биологическому бытию; волямыслие мое не рассудочного и не эстетического порядка; в мыслительной энергии я менее всего эгоист; мой девиз: осознать, проосознать насквозь то, что не осознано; отсюда любопытство ко всему неясному и подсознательному; скорей назвал бы я свою мыслительную энергию, энергией музыкальной морального порядка. Я крепну к старости в этой энергии к мысли за счет… мысли рассудочной, которая все более и более растворяется в пряданье мыслительных ритмов; и оттого-то: с «рассудочниками» я ощущаю себя… сплошным дураком; и чтобы не уронить себя в их глазах играю с ними в «рассудочность».

Многие видят меня «рассудочником»; и — только; но это потому, что у них нет за душой ничего, кроме рассудка. Все труднее выношу в чистом виде «интеллигента»; не оттого ли, что он так ужасно выродился за последние 15 лет?

Был вчера П.Н. Васильев; он сконфужен, взволнован, что между О.И.[33] и Клодей вышел такой пустой разговор; и был очень мил и грустен.

[Июль]

11 июля.

Разговаривал с толстовцем Гусевым.

Вчера была М.И. Тегер[34]; читала свои воспоминания (Эллис, Сизов, Киселев, Владимировы, я и т.д.); там есть фраза: «Мне сказали, что я идеалистка, а я не знала этого». Очень верно: меня тоже в свое время назвали идеалистом, а я не знал этого; а потом, когда идеалистов зачитал, то удивлялся, что общего между бескровной схоластикою Фихте, Шеллинга, Гегеля и Соловьева; и — нами; мне

думалось: мы — те, *кто зорче видят* действительность; идеалисты и материалисты никогда в моем представлении не видели зорко; у одних — крайняя дальнозоркость, от которой они спотыкались; у других — крайняя близорукость; мы же — люди *с нормальным зрением*; мы видим *лучше*. Другие — «не видят».

Идеалисты и материалисты одинаково боролись с нами; первая половина моей деятельности оплевана идеалистами, вторая — материалистами.

Полезай в свою бочку, Диоген, или хватай фонарь: ищи *че-ло-ве-ка*[35] среди живых скотов и идеальных трупов.

Андрей Белый. Маски. Роман
М.; Л.: ГИХЛ, 1932
Обложка, форзацы, иллюстрации
Н.В. Кузьмина

12 июля 1932 года.

Как хорошо мне сквозь все треволнения перекликаться каждым мигом жизни с милой; сейчас она сидит рядом со мной и играет Вебера, и я не знаю, где грань между струением жизни звуков, окрашенных прикосновением милых пальцев к клавишам рояля, и струением жизни мысли во мне; не знаю: что я мыслю; от Вебера ли, от милой ли, играющей Вебера. Ведь и без музыки жизнь мысли обычно во мне, как пронизывающая весь мой состав мелодия; я чаще всего не знаю, в чем мысль; льется, льется и поет во мне; *мне поется* — вот формула прилива мысли; чтобы понять, о чем она, чтоб замкнуть ее в ход понятий, надо лишь остановить поток звуков, отвлечься от песни и пристально рассмотреть одну лишь ноту мелодии; и ей сказать: «Я понять тебя хочу: темный твой язык учу»[36]. И — вдруг: осаждение из музыкального раствора понятий кристаллов понятий; является вместо звука мысли понятийный ход; обыкновенно он — бескорыстный, не связанный ни с чем обыденным и злободневным; так в эти дни: из-под треволнений и мароморохов «под-хвостиной жизни» (вчера вылезал из подвала скидывать с тротуара «хвостящих» старух и испытывал при этом ощущение ловли горстей мух рукою наотмашь и давление их: старухи, как мухи, мягкие, черные, жужжащие), — из-под «хвостиной» жизни, узнаешь, что думаешь о сознании, о философском спокойствии, о радости жизни: при милой; и — от милой, которая — омузыкаливает меня; и омузыкаливая, родит мысль; мысль моя — прыщущий источник; скажу парадокс: *чем богаче она, тем бедней*; чем богаче смыслом, выражением, интонацией, тем бедней понятиями и силлогизмами; от понятий и силлогизмов у меня распухала голова только в годы, бедные мелодией мысли, когда я эту мелодию брал напрокат: от Канта и Риккерта. Доктор[37] освободил от «идеалистов» меня; бледная немочь идеалистических поня-

тий отлетела; и когда она отлетала, тогдашние московские философы (Шпетт, Степпун, Булгаков, Бердяев, Сергей Гессен и Яковенко), качали головой и говорили: «Белый — погиб для мысли»[38].

Не хотят до сих пор понять, что мысль — сказка, песня, музыка и бескорыстно играющий танец; она начинается с «*ни о чем*»; но в этом «ни о чем» погребено единственное, что нужно для жизни. Образ Вечности, как играющего младенца, — гераклитовский образ, — прототип мысли, которая только о *вечном*[39], и «ни о чем» для жизни; все технические приложения мысли, полезные научные открытия, начинаются с игры, с «ни о чем»; «ни о чем» Лейбница, дифференциал, неожиданно для Лейбница выстроил человечеству мосты, башни; и продолжился в взвив слетающего с земли аэроплана[40]; практическое пыхтение полезных забот о материальном хозяйстве в конце концов приводит к развалу хозяйства; надо понять, что в самом куске насущного хлеба нам питательными дрожжами служит мысль: «Не думайте слишком о насущном хлебе, не регулируйте хлебное хозяйство; и будет всем чудо умножения хлебов»[41]. Чудо умножения хлебов — вот что есть мысль: умноженье смысла понятий в переменное многосмыслие музыкальной мелодии. Так проговорили мне звуки увертюры к «Фрейшюцу»[42], оперстненные клавиши, или — милые «персты» Милой.

Какая связь между Ней и мыслью о «*нормальном*» хозяйстве? Херр профессор Гуссерль, прошу вас, напишите «логическое исследование» по этому вопросу[43].

Милая сидит и сияет: с рук ее срываются легко, легко: звуки Вебера, две толстовки (для меня сшила), вкусные, как поэзия, обеды; и — жизнь мысли во мне; она — питает, греет, обшивает, звучит более всего тогда, когда не умствует «вопросами»; и вокруг нее — взрыв вопросов: о смысле жизни.

Сейчас она, отзвучав, «стрекочит» на швейной машинке; и это значит: мысль от «Фрейшюца» вылилась в «Дневник»; оставив пусть жалкий след этого вечера; и все «хвосты» улетели, как пыль дня.

Мысль нашей эпохи только там, где *само*-сознание; *со*-знание — последний предел рассудочной мысли; в ней «*со*», как связь понятий, — пустая форма, мыльный пузырь; в нем никакого «я» нет; и Кант был прав в утверждении «*Я*», как синтетического единства сознания, которое неправильно им названо «самосознанием»; «само» сознания: и *до* и *после* понятийно, а связь понятий по Канту, — понятие же, но абсолютно пустое; как может пустота родить содержание? Отсюда: венец содержания новой философии от Декарта или — Кант; этот венец обнаружил полную бессодержательность; а практические выводы из мысли Канта породили всемирный голод по жизни мысли, по содержанию, пока Ницше не пропел песню о своем мистическом переживании, наполнившим смыслом его: «Тогда *Само* заговорило со мной» (*«Так гов<орил> Зар<атустра>»*)[44]; «Само», — песня о мысли, и есть мысль собственно, или образ возлюбленной Вечности, встречающий на горах: «Ich schlief, ich schlief! Aus tiefem Traum bin ich erwacht! Die Welt ist tief und tiefer, als der Tag gedacht»[45]. Или: «Образ возлюбленной, Вечности, — встретил меня на горах!» (Белый)[46]. Это — играющий младенец Гераклита[47]; это — «Веселая наука» Ницше[48]; это «“если не будете детьми, не внидете в Царствие Небесное” Христа»[49]; это «12×7×3» мировоззрений Штейнера[50], как му-

зыкальная клавиатура, на которой трубадуры, философы 20 века, должны импровизировать свои мелодии «ни о чем»; это — горы инспирации[51]; это — «Само» само-со-знания.

Мысль 20-го века, мысль о мысли живой, есть *самосознание* в нас.

Вчера были у Нилендера (на новой его квартире); он читал ослепительно прекрасные свои переводы оставшихся фрагментов Архилоха (6-ой век)[52]; по ним видно, что Архилох — великан; и в умении это показать — огромная заслуга Нилендера, который трудится, как вол, над каждым кусочком; но каждый кусочек его перевода — филигранно блистает; талант — это воля: во-первых, вовторых, в-третьих.

Эти дни читал какие-то пресности из доисторической жизни; повеяло — конятиной, бездарным крохоборством, вплоть до профессора Анучина, чего испугался; и отдал книги Владимиру Николаевичу[53]; взял читать, верней перечитывать «История Земли» Неймайера[54]; читал книгу в 1920 году; теперь, после Кавказа, интересно перечитать о процессах горообразования; сейчас круг моего чтения — бесцельность: читаю не по нужде, а из лени, отдыха: бескорыстно.

13 июля 32 г. Москва.

Утром были в Горкоме[55]; внес квартирных 1100 р.; вместе с внесенными ранее это составит уже 2246 р.[56] Надеюсь, что эти взносы гарантируют нам квартиру[57]. По дороге встретил Клычкова; когда бы его ни увидел, он брызжет яростью; сжатые губы, черный, мечущих злобу блеск глаз, нервные встряхи черных полудлинных волос; и взволнованное *óканье,* как зудение шмеля; так и сегодня: «Как поживаете?» — «Благодарю вас, прекрасно». «Прекрасно» — с интонацией, со змеиным шипом; точно я его обидел вопросом; точно спрашивать его о поживании — нельзя, точно он умирает; и невольно обрывается разговор, ибо понять в каком смысле «прекрасно», — нет возможности. Между тем, только что слышал про него, что он получил 16.000 р.; и чуть ли не в 2 месяца проел и пропил; и ходит опять в ярости; но — на кого? На этот раз, вероятней всего, на себя, ибо нельзя уже винить Бескиных и прочих врагов, что сживают со свету; 16.000 не валяются на улице…

У трамвая встреча с проф. Пинкевичем. С ним у меня колеблющиеся отношения; он — то груб, то — обязателен; сегодня — обязателен: называет Пильняка «*одним из моих учеников*»; зачем-то взял мой адрес; обещается о чем-то похлопотать, узнав о моих жилищных несчастиях; на прощанье: «Мы на днях долго говорили с проф. Реформатским о ваших воспоминаниях»[58]. От проф. Реформатского я в свое время получил милое письмо по поводу «На рубеже».

В «Горкоме» же встреча с Иваном Ивановичем Поповым (старым полит. каторжанином, потом завсегдатаем Кружка)[59]; весь поседел. Сейчас жду Зайцева.

16 июля. 32 г. Москва.

Приехала Анна Алексеевна[60], поздоровевшая, крепкая; дай Бог, чтобы она совсем окрепла; сегодня все утро разговор с нею; вчера был в комиссии по жилищной перерегистрации.

Теперь можно ехать в Лебедянь (по получении 1000 р. из «Гихла» и после свидания с Бончем-Бруевичем[61]). Вчера читал Ультера Патера («Возрожденье»[62]); верней — перечитывал; это какой-то профессор Стороженко: наболтал книгу ни о чем. Вчера очищали могилу отца и матери от сорной травы[63]. Сегодня опять придет Вера Жукова: ух, — в эти дни не по дороге мне с ней; голова другим занята.

Все таки: лучшая книга по Ренессансу не Якова Бургхарта[64], а Фойгта[65]; а Бургхарт раздут.

Ренессанс — интереснейшая эпоха; но охватить ее может лишь тот, в ком есть нечто от *возрождения* (не в смысле 15-го века, а в смысле 20-го). Обычно же о ренессансе пишут те, кому нечего сказать о 17-ом и 18 веке, о Греции и древних культурах, о Средних веках, о нашем времени. Искони либеральные болтуны избрали ренессанс сферой своей болтовни; когда сказать не о чем, начинают вещать о том, как Джордано Бруно, стоя одной ногой во мгле Средневековья, другой приветствовал зорю Возрождения[66]. Неуловимо трудная тема ренессанса кажется болтунам легкой: как легко говорить о достоинстве и свободе человека и о мраке Средних веков! Тут и осел найдет, что сказать! И оттого тема ренессанса казалась мне долгое время наиболее скучной; и оттого: долгое время этому времени подставлял я спину; ренессанс прозвучал мне в Дорнахе, в 15-ом году[67]; до 15-го года я — романтик с интересами к Средним векам и к Арабизму.

У каждого человека свой возраст уразумения той или иной системы жизни, того или иного гения. Достоевский и Ибсен открылись, когда мне было 17 лет; Фет — то же; Блок — 20-ти; Лермонтов — 21-го; Тютчев — 24; Баратынский — 25; Пушкин — 26; Толстой-художник не ранее 30; Толстой-человек не ранее 39. Только Гоголь сопровождал всю жизнь: с 10 лет до 50; сорок лет увлекался Гоголем; и продолжаю увлекаться.

Иные увлечения проходили скоро; эпоха увлечения Бальмонтом 1897–1899; Гауптманом 1907–1910; Метерлинком 1897–1901; Ибсеном: 1897–1910; Брюсовым 1900–1905; Мережковским 1900–1905; Гамсуном 1900–1904; Тургеневым и Надсоном 1897 (не сильное увлечение); Шопенгауэром 1897–1903; Кантом 1904–1906; интерес к Риккерту 1906–1909. Верлэном 1907 год. Бодлера никогда не любил.

Ницше сопровождает по жизни меня с 1900 года до сего времени.

Музыкальные увлечения: Чайковский 1896–1897; Григ 1898–1902; Римский-Корсаков 1901–1902; Шопен 1886 и далее (временами); Мендельсон 1895–1896; Бетховен: детство; потом 1902–1904 (и всегда); Шуберт 1897–1898; потом 1902–1908; потом 1929–1930; Шуман 1917 — по сие время; Баха всегда любил, но не было особенно бурных увлечений; Вагнер с 1899 до 1920 годов; Метнер 1902–1904; теперь — интерес к Брамсу.

Никогда не любил — Скрябина, Дебюсси, Регера, Штрауса, Прокофьева, Равеля; всегда умеренно любил Гайдна; кроме «*Реквиэма*» не особенно задевает Моцарт, и очень — Рамо и Скарлатти.

Андрей Белый. Профессор Коробкин
Иллюстрации ко второму тому романа «Москва» («Маски»)
Фотокопии по заказу К.Н. Бугаевой. 1936, 8 февраля. ГМП

18 июля. Москва. 32 г.

Продолжаются мои антикультурные мысли. Как возможна культура? Как сознание, ибо она связь знаний: не абстрактное их единство, а как целое их; отсюда и аналогия с организмом (Шпенглер). Шпенглер подчеркивает метод сравнения и аналогий — как важный для исторического мышления; но указывает на то, что его надо сперва еще уточнить; но сам же Шпенглер не уточняет собственной аналогии культуры с организацией; его пример сравнения культур с рождением, ростом и смертию организма, замыкая культуры в непереступаемые круги, биологичны и только; между тем: понятия исторические и биологические, будучи антиномичны друг другу, у Гете разрешаются в концепции о типах; Гетевы понятия типологичны (одновременно и историчны, и естественно-научны, но — в высшем смысле). Шпенглер, замыкая культуры в роковой круг (рождения и смерти), выбрасывает из своей аналогии *род* т.е. связь родственных организмов и наследственную передачу особенностей их. Оставаясь в пределе узкобиологических аналогий (и они-то дефектны у Шпенглера), мы не имеем права замкнуть жизнь культуры в пределах жизни особи; если смертна особь, то бессмертен род; и род есть этот род, а не тот; стало быть: преемственность культур этим уже предестинирована; и стало быть: культура не есть культура этого вот народа, а культура народов, в их преемственности: культура есть культура смен «шпенглеровских» культур, как *особей в пределах того же рода*; особи различны; различны их жизни; общее их — то, что они — порождения той же все прадедовской культуры: культуры, рождающей сознания из досознания; и общее в

них их смерть, вытекающая из истощения (ускорение процесса цивилизации); цивилизация — смерть, безличие; а Шпенглер указывает на особенности и цивилизаций; нет: цивилизация — одна; цивилизация смерти; культура же есть бессмертие рода, размыкающее круги отдельных культур в спираль роста человеческого самосознания[68].

Шпенглер недостаточно «физиологичен»; он слишком еще формалист.

Почему я мои мысли о культуре называю антикультурными? Потому что культура, как осознание творческих особенностей периодов времени, в материализме — нонсенс, ибо нонсенс — сознание; сознание — высшая форма жизни высокоорганизованной материи; не вся растительная и животная жизнь сознает себя, а лишь высшие ее прослойки; но вся растительная и животная жизнь, которой $^{9}/_{10}$ еще несознательны — лишь точка, а не линейный отрезок на линии, изображающей биографию любой планеты; биография каждого небесного тела характеризуема температурными возрастами: от нескольких тысяч градусов до «-180°» мирового пространства; в этой гигантской ленте мириадов миллионов лет возможности для развития органической жизни занимают отрезок между «0°» и «70°» градусами; выше «70°» и ниже «0°» — никакая жизнь невозможна; сознание ж развилось лишь в классе теплокровных, т.е. поддерживающих собственное тепло в пределах несколько градусов: между «34°» и «42°»; ниже «34°» — смерть; и выше «42°» — смерть; эти «8°» жизни сознания и с ним связанной культуры в ленте планетного остывания от несколько 1000 градусов до «-180°», неизобразимая линией точка. Итак: культура сознанья в* вселенной, сознания не знающей, есть нечто, что действует наперекор нормальной жизни природы; сознанье ж, его существенная черта в том, что оно — *противостоит природе*, сознания не имеющей. Культура есть противостояние точки бесконечной линии лет; такое противостояние бессмысленно; природа смысла не имеет; самый смысл, привнесенный сознанием, бессмысленно противостоящим природе, бессмысленный смысл; культура в материал<истическом> мировоззрении, есть жалкая бессмыслица; бессмыслица сознанья механицистов, выработавших теорию механич<еского> прогресса — в том, что они не видят бессмыслицы себя нахождения сознания в мире (в пределах своего мировоззрения)[69].

«*Я*» противопоставленное «не-я» всей вселенной со своею проблемой осознания законов вселенной, не знающей вообще о законах и вращающейся вполне внезаконно, ибо закон — в сознании (и — только) — это «*Я*» в миге осознания, что все человечество есть беззаконность, бессмыслица в общей каше верча солнечных систем, длящаяся миг, явившаяся** лишь на очень немногих планетах, не может придти к мысли о культуре, ибо таковая в условиях бытия «*Я*», — идиотизм; всякая культура имеет историю; она волит дления; культура для «*Я*» или «Мы» (суммы «*Я*»); а таковые суммы не имеют никакой истории, никакой истории в жизни вселенной, ибо они редкие, мгновенные случайности; всякое «*Я*» — для бытия; а бытие вне хотя бы ощущения бытия — «нонсенс»; Толстой совер-

---

* *Зачеркнуто*: ленте

** *Зачеркнуто*: и существовавшая

шенно правильно определил, что жизнь вне «я» — «брызнь», а не жизнь; культура, как зависимая переменная «брызни», не есть культура, ибо культура волит дления, а всякое дление волит продления; бессмертие, — вот чего добивается самосознание, это культура культур. Если мы в жизни говорим «Не стоит устраивать мне свою комнату, если я в ней проведу только день», то во сколько же раз с бо́льшим весом всякий из нас должен сказать о культуре в рамках механического материализма: «Для чего устраивать культуру, если в помещении, где возможна культура (в пространстве вселенной) само человечество пробудет даже и не день, за каковой можно считать жизнь планеты, а секунду того дня». Вся культура дана в «секунде» планетного дня, а всякое «Я» волит «вечности» и не успокоится, если ей не дана будет вечность; осознавать мириады миллионов жизни вселенной и видеть себя в ней миголетной бессмыслицей есть «нонсенс» сознания; осознание сознанья, как случайности в игре осознанных «законов» вселенной, значит осознавать бессмыслицу такого осознания; и консеквенция из этого — если не самоубийство, то — полный неинтерес к истории; прочитывать мысль какого-то Сократа (пылинку в пылевой вселенной) и волноваться его мыслями есть уже просто бред; и такой же бред устраивать сообщества для ниспровержения несправедливостей строя; какое мне дело до госуд<арственных> «строев», если «строи» эти (все) — досадная случайность, случившаяся во времени и пространстве; не завтра, а «сегодня» еще, до окончания жизни планеты, не будет никаких «строев» (ни монархических, ни социалистических), а будет «-75°» температуры, при которой невозможна человеческая жизнь.

Н.В. Кузьмин
Портрет Андрея Белого
1932. Бумага, тушь, акварель. ГЛМ

В рамках механич<еского> материализма невозможно прийти к понятию о культуре, а диалектич<еский> материализм, — вовсе не материализм; он — непомнящий своего родства до-материализм; рост его сознания — в расширении понятия диалектики, что ведет к утрате самого понятия о материи; ибо если понятие о материи диалектично, а оно диалектично, ибо и материя в нем диалектична, то никакой материи в «материи» нет.

Эта мысль во мне подчеркнулась, как итог борьбы с «хвостом» (опять пришлось бороться с ним этой ночью); ставшие «материей» люди — не люди, а чорт знает что: они брызнь, а не жизнь; я не могу считать себя подобным им; если они — люди, я — ангел; если я «человек», они не «скоты» (зачем унижать скотов).

Милая сказала: «Разрозненно берут»; т.е. мысли; если сцепить мысли о культуре с мыслями об истории, социологии вселенной, то придется голосовать или за природу вселенной, против культуры сознания, или за сознанье вселенной, против обусловленности сознания природой, как механизмом*.

20 июля. 32 г. Москва.

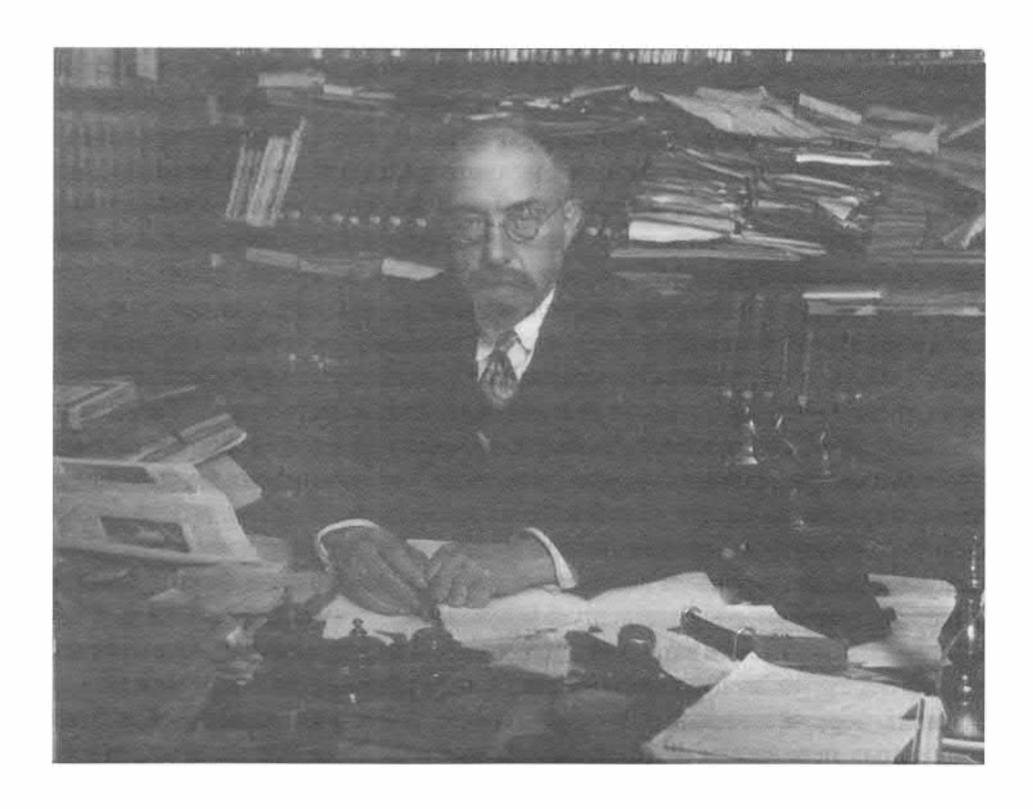
Вчера многотрудный день: пришлось разрешить ряд дел в «*Гихле*»: получение 1000 рублей при помощи ряда лиц, начиная с члена правления, т. Губерта и кончая главным бухгалт<ером> Горкуновым[70], который испуганно сунул мне деньги в руку, сказав: «Прячьте скорее: неловкое положение»: вчера деньги не выдавали; при мне отказали Горбову, пр<офессору> Бороздину и ряду других. С Бороздиным едва поздоровался: отвратительный тип; когда-то прихвостень умеренных либералов[71], потом [нрзб.] профессор; теперь «красный» профессор а ля Пиксанов[72]. Сидел с заведующим литературоведением; придет ко мне 23-ьего говорить (вероятно, — поправки к Гоголю); говорил с Горбовым о том, стоит ли мне предложить Каменеву III том воспоминаний; долго сидел у Воронского. Получил приглашение быть на докладе Накорякова о положении в «Гихле»[73] и на товарищеский ужин. Вечером отправился; конечно, доклад на 1½ часа опоздал; вместо 7½ начался в 9; это время просидел у С.А. Толстой (в доме Герцена, в комнатах Архива[74]); на докладе было до 100 писателей (среди них Олеша, Никифоров, Кириллов, Новиков-Прибой, Тарасов-Родионов, Ляшкевич и др.). После доклада Накорякова, призывавшего работать в «Гихле», попросил слово; и долго говорил на тему о революции в организации отношений между читателем, писателем, критиком («*Чит–Пис–Крит*»)[75], мои слова видимо понравились всем; и писателям, и Накорякову; и меня выбрали в Группком Оргкомитета при «Гихле» вместе с Новиковым-Прибоем, Тарасовым-Родионовым, Машбиц-Веровым, Безыменским, Финном, Никифоровым; всего — 16 человек от группы в 300 писателей[76]. <…>**.

Третьего дня был в «Федерации»; говорил с Зуевым об издании 3-ьего тома воспоминаний (писать его или не писать); Зуев, оказывается, уже переговорил об этом деле с Ципиным (заведующим)[77]; Ципин согласен; условились о деталях: 2 книги по 15 печ<атных> листов (итого 30) по 400 р. за лист. Во время переговоров к Ципину вошел В.В. Гольцев (член правления) и говорил очень сочувственные вещи по адресу этих предполагаемых воспоминаний; теперь у меня довольно спокойная и приятная работа на целый год; вздохнул облегченно. С Гольцевым у меня в отношениях пробежала легкая рябь (уже очень давно); третьего дня он был очень мил со мною; и тронул меня; поговорили о Севане, где он был, о спуске Севана, об опасностях, в связи с этим (возможность засух в районе «зеленого» Дилижана)[78], о Фортунатове, друге Гольцева (профессор Гольцев и Фортунатов дружили), сыне проф. Фортунатова, он был заведующим

---

* *Зачеркнуто*: механическими условиями природы

** *Далее значительный фрагмент текста недоступен для чтения.* Большая часть данного листа (осталось лишь 4 строки) отрезана К.Н. Бугаевой; 4 неотрезанные строки на обороте ею зачеркнуты; на следующем листе зачеркнуто еще 10 строк.

В.Д. Бонч-Бруевич. 1934. ГЛМ

ихтиологической станции на Севане (с ним познакомились в Эривани в 1929 году[79]); оказывается Фортунатов теперь работает на Камчатке[80].

Встретился в «Федерации» и с С.Д. Мстиславским (членом правления), и с А.Н. Мартиросовым, теперь принятым в «Федерацию».

У миленькой зубы: как ехать в Лебедянь? Тревожусь за нее: не воспаление ли надкостницы. Господи..., как она мне дорога всем, всем, всем: страшно от... этой близости!

28 июля 1932 г. Москва.

Сегодня был невыразимый закат; и от него мысли о памяти; самое изумительное, что в нас *есть*, что нарушает обычные законы сознания, как и бессознания, есть память; сознание есть связь восприятий, их упорядочивающая; она — центр их: сознание — связь знаний, т.е. чего-либо с чем-либо; если бы сознание было ассоциативно, если бы корень его был навык привычки, то сознание должно бы действовать только в пределах того отрезка времени, когда оно есть; там, где оно пресекается, все ассоциации, все связи *того* с *этим* нарушены; обычно сознание пресекается каждую ночь; засыпая, я ныряю точно в бездонный колодезь; все узоры, выгравированные на поверхности сознания, как узоры тросточки на песке, смыты; и нет никакого объяснения тому, что я, выныривая из сна, помню о приобретенных мною вчера и позавчера навыках; я бы должен,

проснувшись, заново выучиваться всему тому, что знал вчера; а я помню мои узнания; *память*, факт бытия ее и главным образом то, что она связывает сознание одного отрывка времени («вчера») с другим (с «сегодня»), перелетая через провал бессознания, или сна без грез, — эмпирическое доказательство того, что *память* соединяет сознание с бессознанием в то, что одновременно за порогом обычного сознания и обычного бессознания; оно и сознание высшего порядка; оно же и бессознание высшего порядка; оно и есть то бытие, о котором говорит Баратынский: «Есть бытие, но именем каким его назвать: ни сон оно, ни бденье...» И далее: «В человеке им» — т.е. — бытием — «*безумие* граничит с разуменьем»[81]. Только не граничит, а соединяет ум и без-умие в способность высшего порядка; необъяснима с точки зрения механики память о двух смежных днях, отделенных сном; еще необъяснимее то, что опыт каждого строится на памяти о переживаньях, обнимающих десятки лет, и эти воспоминания в условиях развития памяти и опыта памяти углубляют каждый день, подавая его на бездонном фоне воспоминаний; мы помним миги, отделенные друг от друга десятками лет; и в условиях развития опыта *памяти* мы связываем отбором фактов памяти разрозненные штрихи в особую высшую причинность, не имеющую ничего общего с механической, согласно которой из комплекса причин тотчас же вытекает действие, как переживание, вытекающее из цепи предшествующих; между тем: кто имеет опыт переживаний, тот знает, что есть в нас ряд внезапных и будто бы беспричинных переживаний, продиктованных памятью, внезапно подающей нам какой-нибудь факт далекого прошлого, который, восстав наперерез механической причинности, есть подлинная причина действия в нас переживания, не объяснимого никакими механическими законами психологии. В высшей причинности, которой корень — память, иногда действие отделено от причины десятками лет; иногда обратно: переживание из «сегодня» объясняет нам переживание далекого прошлого.

Кто вглублялся в рост памяти в нас, кто упражнялся в памяти, тот имеет необъяснимое ничем расширение памяти, когда получаешь совершенно точное представление, что помнишь то, чего в обычных законах сознания как бы и не было. У меня были миги, когда становилось ясно, что я помню нечто, что было до моего рождения, что до моего рождения я уже был на Земле, что с высоко развитой памятью начинаешь преодолевать «эту» свою жизнь на земле и довспоминаешься до какой-то другой своей жизни так, как в условиях обычной, короткой памяти, свободно помнишь о том, что было вчера[82].

Разительное свойство памяти, что она способна в опыте внимания к ней удлиняться до бесконечности, переходя за грань начала памяти, или первых мигов сознания, к вспоминанию своей жизни до этого сознания в каком-то ином, невообразимом в законах логики*; можно довспомнить себя, или свой корень, корень «я», до начала вселенной, и смутно переживать, как память о какой-то бывшей памяти, корень своего «я» в том, в чем он лежал в первом дне творения. Это удлинение памяти до памяти о какой-то иной памяти, постепенно вскрываемой в нас так, как обычная память вскрывается и растет в примитив-

---

* *Зачеркнуто*: сознания

ном сознании, лежит в основе внутреннего понимания христианства; внутреннее христианство есть только память, скрытая сперва в памяти обычной: «О том, что видели, о том, что осязали» (Иоанн)[83]. На пути в Дамаск Павел вдруг *вспомнил*; осиявший его свет был светом раскрывшейся вдруг, во весь рост памяти о памяти[84], второй памяти, — той, которая впечатана на дно всех мифов, начиная с ацтекских, египетских, греческих, атлантских и кончая мифов любой ежедневности, мараморохов сегодняшнего дня; Иисус* в том смысле не нарушил, а исполнил завет Евреев, что он вскрыл мифы о Иегове и показал, что было — до Иеговы; до еврейского Иеговы был закланный до создания мира, о котором помнили доисторические Египтяне (до них Атланты). Память о том, что было до рождения, не более чудесна, чем то различие, которое лежит между людьми с короткой и длинной памятью в обычном смысле; человек с короткой памятью, еще помнит о том, что было вчера, а то, что он переживал год назад, уже не помнит; и этим отрезает себя от самопознанья; человек с длинной памятью держит в своих руках десятилетия сознательной жизни, влагая их опыт в опыт сегодняшнего восприятия[85]; всякое восприятие опирается на память; человек с бесконечно удлиненной памятью бесконечно воспитанней обычного человека; внутренний христианин есть человек, воспитанный памятью; никакой догмы ему не нужно; он «*вспомнил*»; и стало быть: «Никогда не забудет»; Послание Павла, Евангелия — отчет о том, что вспомнилось в пределе удлинения обычной человеческой памяти.

Но и обычная память для вдумчивого человека есть не меньшее чудо, чем чудо воскресения, ибо разве не чудо воскресения себя вчерашнего из бессознания в «сегодня»; память о вчерашнем дне — чудо преодоления смерти, ибо смерть есть только абсолютное бессознание в сравнении с обычно нам данным (обмороком, сном без грез и т.д.).

Факт уже обычной памяти есть доказательство бессмертия сознания в самосознании, а факт роста памяти и ее удлинения в память о какой-то другой памяти (память о том, чего и не было в этой жизни) есть доказательство бессмертия самосознания в том, что было от начала века; и это то, что было от начала, мы назвали «Христос».

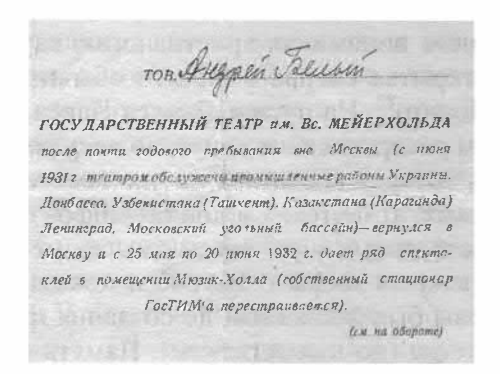
Христос есть стояние нашего «Я» в Отце всего.

Обнаружение этого не посредством лишь истории христианства, а в факте личного опыта и есть начало второго пришествия; второе пришествие начинается с «довспомнил»; а «довспомнить» может каждый, если у него удлинена память, не какая-нибудь особенная, потусторонняя, а — эта, наша.

В обычной памяти мы держимся за веревку, которая перекинута не только через бездну (сон), отделяющую сегодняшний день от вчерашнего, но и через бездну лет; как сейчас помню себя ползающим у подола нянюшки Александры, а это было тому назад сорок восемь лет; о бытии ученика ремесленной школы, племянника нянюшки, я вспомнил лишь в 15-ом году[86], ни разу не вспомнив о нем лет 30; и это есть чудо не меньшее, чем мои воспоминания о том, как кто-то

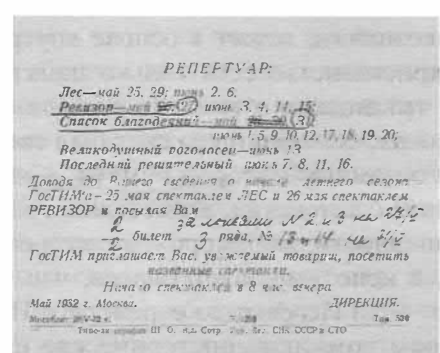
* *Зачеркнуто*: Христос

тов. Андрей Белый

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР им. Вс. МЕЙЕРХОЛЬДА после почти годового пребывания вне Москвы (с июня 1931 г. театром обслужены промышленные районы Украины, Донбасса, Узбекистана (Ташкент), Казакстана (Караганда) Ленинград, Московский угольный бассейн) — вернулся в Москву и с 25 мая по 20 июня 1932 г. дает ряд спектаклей в помещении Мюзик-Холла (собственный стационар ГосТИМ'а перестраивается).

(см. на обороте)

РЕПЕРТУАР:

Лес — май 25, 29; июнь 2, 6.
Ревизор — май [illegible] июнь 3, 4, 11, 15;
Список благодеяний — май [illegible] (31)
июнь 1, 5, 9, 10, 12, 17, 18, 19, 20;
Великодушный рогоносец — июнь 13
Последний решительный июнь 7, 8, 11, 16.

Доводя до Вашего сведения о начале летнего сезона ГосТИМ'а — 25 мая спектаклем ЛЕС и 26 мая спектаклем РЕВИЗОР и посылая Вам 2 билет 3 ряда, № [illegible] ГосТИМ приглашает Вас, уважаемый товарищ, посетить [illegible].

Начало спектаклей в 8 час. вечера

Май 1932 г. Москва. ДИРЕКЦИЯ.

Приглашение Андрею Белому от дирекции ГосТИМа
на спектакли театра 27 мая и 31 мая 1932 г. ГМП

гнался за мной, когда я еще не родился. Я убежал от «него», вероятно в утробу матери, как в дом, а «он» еще долго колотился и угрожал мне за стенами дома роем детских кошмаров[87]. Все детство я помнил о том, что было до рождения[88]; а с 1902 года вспомнил о том, что и я… знал Христа; и эта последняя память удлинилась невероятно в 1912–1915 годах.

Если бы люди почаще задумывались над фактом памяти, вся мировая история пошла бы под острым углом круто вверх, так именно, как она ныне от беспамятства под острым углом к норме жизни падает вниз, в бездну забвения (современное поколение даже не знает обычной истории; где ему знать до-историю).

До-история начинается в нас: когда мы, изучив ход истории и уткнувшись в ее горизонт, поворачиваемся на себя, мы в себе узнаем то, что было до Египта; и постепенно прочитываем все дальше и дальше: вспять[89].

30-го июля.

Достали билеты в Лебедянь (на 8-ое). Все эти дни суета; был в «Гихле»: разговоры с Воронским[90]; познакомился с молодым поэтом Васильевым; говорят, что — талант; разговор с Груздевым о романе «Германия», что не буду его писать[91]; опять разговор с Колосенко, который был у меня 27-го; и вел себя вызывающе, как полит-редактор; указывая, что у меня в «Гоголе» — переверзевщина[92]; я его осадил и сказал, что менять текста не буду, что то, что он называет «переверзевщиной», просто идея центрального образа Тэна[93], или «прототип» Гете[94]; Переверзев не причем; а если он повторяет старую, как мир, истину, так это еще не основание называть эту истину истиной Переверзева. Сам Колосенко какой то «рамоли»[95]: признается, что его любимые писатели Уайльд, Штирнер, Достоевский. Как совместить эти вкусы с замашками «полит-редактора»? Я ему предложил: «Напишите предисловие к книге». Между прочим: он дал мне прочитать толстый том Мережковского, «Атлантида»[96]. Интересно, как «*экспозé*»[97] фактов (этнографии, естествознания, мифологии, археологии и истории), устанавливающих, что бытие «Атлантиды» — научно

доказанный факт. Впрочем, это я и без него знал. Там же, где начинается Мережковский — чепуха.

Впрочем, книга симптоматична.

Прочел Олеши «Заговор чувств»[98]; талантливо, но — неприятно.

Вчера вечером были: Мария Ивановна, Нилендер; и под конец вернувшийся Г.А. Санников; последнему обрадовался от всей души. Нилендер восхитил своим разбором монолога Креонта[99], прочитанного им в интонации правила «золотого деления», которое он нашел в драме; самое изумительное в его сообщении, что сторона правильной пентаграммы, т.е. пентаграммы, вписанной в круг (пять точек ее намечены посредством транспортира), пересечена согласно правилу золотого деления; так что: AB:BC = BC:AC

Август 32 года.

3-го. Москва.

Устал ужасно. С Бончем та же неразбериха; вчера с Санниковым бродили (я, он, милая); были на Воробьевых Горах. Встреча с Олегом Бугаевым; завел к себе; очень приятное от него впечатление. Сегодня ряд людей мелькнул как-то зря: Галя, Даня, Матвеич[100], Ульяна Петровна с дочерью; и комиссия по проверке жил-площади. Мысли мышиные, суетливые, отъездные; как крысы и другие вредители уничтожают зерно, так пожирают мой внутренний мир маленькие суетные заботы; судьба насильно вырывает от сосредоточения; испытываешь впечатления, что набегают стаи голодных мышей; мыши — маленькие мысли. Создали-таки люди себе жизнь: бумажки, канцелярии, заботы о дровах; хлебе насущном, — стоило ли быть человеком, чтобы дар сознания превратить в мышью беготню[101]; зверю легче: он носит собственную шубу (шерсть); он естественно раздобывает себе пищу уничтожением более слабых зверей; а человек с высшим даром, природой лишенный шубы и не могущий уничтожать себе подобных по закону (и человеческой совести, и гражданской), вынужден все время свое употреблять на мышиные заботы, не отличающие его от зверя. Нападают минуты неугасимого оскорбления на судьбу, лишающую тебя твоего человеческого права мыслить.

Сегодня приходила Комиссия от писателей (проверять условия жизни); ужаснулись обстановке, в которой я живу: «Так живет Андрей Белый». Мое литературное имя внушало им представление, что мы с милой живем прилично.

5-ое августа.

Вчера вечер провел у Ф.В. Гладкова; было очень уютно. Гладков — любитель музыки: седой, гуманный, простой; неожиданно обнаружилось много сходства. Привел к Гладкову Санников; поздней ночью шли с Санниковым и толковали о будущем.

6-го августа. Москва.

Были вечером Нилендер и Санников. К Санникову днем заходил Гладков; и говорил, что у него осталось очень радостное впечатление от нашей общей беседы 4-го. Приняты в «Новый мир» несколько отрывков из «Начала века»[102]. Могу де в «Известиях» 8-го получить аванс[103]. Все — к восьмому; и чек[104], и аванс; а 8-го уезжаю[105]. Вероятно, скажут: «Приходите завтра». А это «завтра» — через 2 месяца; т.е. как всегда со мной: ряд ненужных осложнений там, где все могло бы быть очень просто. Что делать, — закон «*щельности*».

Читаю роман Гладкова «Энергия»[106]: очень сериозно и интересно; читал без отрыва; но все это при условии внимательного чтения; если читать быстро и глазами, то — трудно; и даже, кажется, скучным. Считаю, что этот роман очень нужен; им прорубаются какие-то новые формы.

Не пошел на заседание Группкома в «Гихл»; устал ужасно; да и боюсь Машбица-Верова, который ловит меня по коридорам «Гихла» и предлагает писать длинную статью о Безыменском, а я — не хочу; я буду писать о поэме Санникова[107] и не для Машбица, а для Гронского[108].

Устал, устал: в Москве пыль и 40° (жара);<…>* вписано в тело:

> Ты подвиг свой свершила прежде тела,
> Безумная душа[109]!!

Милая играет со мной; играя, грозит: «Знай себе место»**. И я делаюсь покорным псом, тоже играя; о до чего это не игра; я — знаю себе место: я со всею моею начитанностью и, как говорят, «талантами», несчастное, усталое, беспомощное создание; тело висит на душе, как тяжелая шубища на тонкой проволочке, которая — вот, вот, — оборвется; тело с каждым годом тяжелеет; и душе все невыносимей его тащить; а «оно» –

> бессмысленно глядит, как утро встанет,
> Без нужды ночь сменя.

И все мое развитие со всеми своими «талантами» — венец пустого дня[110] на фоне сгущающейся, воистину*** тьмы мировой катастрофы; безумие в Европе; много безумия и у нас; и не приподнять душе этого тяжелого покрова навалившихся на все коперниканских небес, — с висящими где-нибудь вверх ногами над нами мамонтами какой-нибудь из планет какого-нибудь из созвездия («Пса»[111], — может быть). Если мамонты были на земле, то, конечно, в данную минуту в неизмеримом пространстве над головой с одной из миллионов планет

---

* *Слово зачеркнуто К.Н. Бугаевой.*

** *Поясняющая приписка К.Н. Бугаевой*: «Б.Н. изменил мое выражение. “Игра” состояла в том, [что] он меня теребил, мешая переписывать. Я шутливо отмахивалась со словами: “Иди на свое место”, после чего он забирался за спину мне, на диван, и продолжал оттуда подергивать за локоть».

*** *Зачеркнуто*: апокалиптической

одной из миллионов солнечных систем свисает тяжелый, мохнатый мамонт; и тяжесть этого вот мамонта ощущает в эти «знойные, грозные» дни[112] моя душа, когда «оно», тело, — сидит бессмысленно на «*Девичьем Поле*» и созерцает прохожих; трудно поверить, что человек не произошел от обезьяны, глядя на циркулирующих «мартышек вокруг»; мы волим преодоления «личности» (и я!) в сверхличность в «Я» коллектива (и я!); но, увы, — еще и «личностей» почти нет, а «*до-личности*», механизированные цивилизацией; читаю «Сахалин» Дорошевича[113] и разглядываю лица преступников, сколько случайно не преступников видел я сейчас на Девичьем Поле; особенно поразила картина: прекрасный, грустноокий верблюд, приведенный вожатым (катать детей) — среди толпы ребят в трусиках; лица ребят — зверские; ни одного ласкового жеста к бедному зверю; кто грозит, кто строит рожу; а зверь кротко отплевывается; между тем: у представителей *homo sapiens* не лица, а «мордочки» (гадкие, искаженные только злобой к «зверю»; которого привели для увеселения их); и только у этого зверя — «лицо»: прекрасное, грустное, гордое; если верить внешности, то скажешь: не люди произошли от «зверя», а этот зверь произошел от людей, как низшей стадии жизни, ибо он достиг в своем зверином обличии сверх человеческого величия.

Ужасно много появилось «злых» детей; они хуже* взрослых.

На днях прочел «О-Кей» Пильняка[114]: Прекрасно! И прочел Клингера (одного из вождей «*Sturm und Drang*»[115]) историю д-ра Фауста[116]: скучная. Клингер умер генерал-лейтенантом русской службы (в 1831 году)[117].

<...>**.

14-е августа. Лебедянь. 32 г.

Девятого приехали. Уже шестой день в Лебедяни. Елена Николаевна превосходная: веселая, крепкая, простая; нам втроем в 2 комнатках преуютно[118], разговоры легкие.

Надо писать о поэме Санникова, а не пишется. Лень и нега. Вместо писанья разразился персидским красноречием, адресованным к маленькой: «Твои глазки, порхая, купаются, фыркают, плещут крылышками... в голубом океане моего на тебя устремленного взора».

Надо писать наметки к статье: чтоб себя не обмануть, что не работаю, а играю мыслями, буду записывать мысли о поэме «*В гостях у Египтян*» в порядке дневниковых заметок[119]:

— Итак, — с чего начать? — Начну с положения поэмы в современности[120].

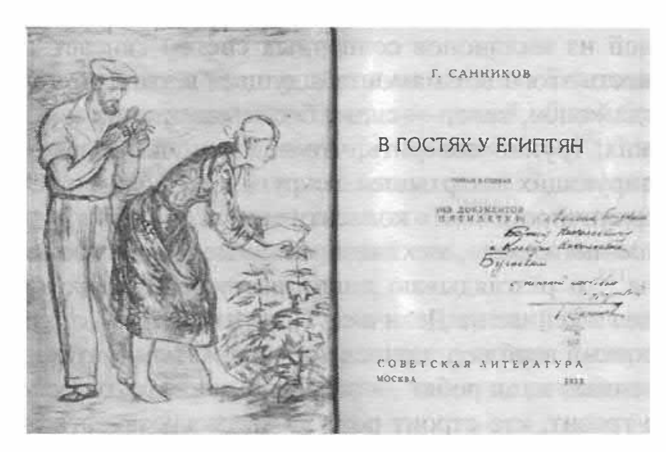
Революционный переворот по существу лиричен: неудивительно: с октябрьской революцией совпадает взрыв в русской лирике, подготовляемый с эпохи

---

* *Зачеркнуто*: ужаснее

** *Далее половина страницы (16 строк) зачеркнута К.Н. Бугаевой.*

Санников Г.А. В гостях у Египтян (из документов пятилетки). Роман в стихах
Художник Л.А. Бруни. М.: Советская литература, 1933. ГМП
На титульном листе дарственная надпись Г.А. Санникова Андрею Белому и К.Н. Бугаевой: «Милым, близким Борису Николаевичу и Клавдии Николаевне Бугаевым — с нежной любовью и дружбой. Г. Санников. 16/XI–1933»

мировой войны людьми, вышедшими из других классов общества; неудивительно, что этот взрыв несли поэты, доселе не занимавшие аванпостов поэзии; до войны аванпосты эти были заняты сперва символистами[*], потом акмеистами (с 1910 г.); и наконец футуристами (уже во время войны); символизм некогда был протестом против застылых традиций, в которых обнищала пушкинская эра поэзии; традиции[**] школы, отлившись в технические штампы,[***] постепенно раздергались. Техника стиха пала; в технике, как и в тематике, отражены условия эпохи, среды и класса; эпоха штампует общим знаком классовые особенности поэтич<еской> техники; особенности среды вносят различия в общие штампы; среда — не класс; и в технике стиха она отражается иначе, чем класс; классовое сознание дает различные реакции в различных средах; класс устойчив; среда зыбка; она — текучее и неустойчивое равновесие многих разных классовых прослоек, слагаемых: в том или ином месте, в таком, а не ином моменте времени; ее знак — поправочный коэффициент на печать класса; стих нервно реагирует на особенности среды; выходцы из народа, Кольцов и Шевченко не совпадают друг с другом, ибо среды в которые они попадают, не имеют ничего общего. Кольцов крестьянского происхождения, но растет в мещанской среде и получает поэтич<еские> указания из кружка аристократов поэзии[****], настоянной на традициях французской поэзии XVIII века; бывший крепостной Шевченко, организует свой дар в кругу левой интеллигенции, воспитывавшийся в эпоху уже снижения техники той самой дворянской поэзии, представители которой приня-

[*] *Зачеркнуто*: (с 1902-го до 1909-го)
[**] *Зачеркнуто*: некогда новой пушкинской
[***] *Зачеркнуто*: постепенно снижались; зачеркнуто: стирались
[****] *Зачеркнуто*: «дары» культуры от пушкинского кружка

ли в свой круг Кольцова. Ритм Кольцова — плавен и музыкален; не такой ритм Шевченки[121].

Печати эпохи и класса преломляемы и средой в двояком смысле, понятой как быт и как культура, или селекция этого быта; не быт, а культура осознания, или преодоления быта есть почва для отбора [нрзб.] поэтических навыков, постепенно складывающихся как школа; школы обусловлены классом и эпохой, но школьные приемы не прямо продиктованы классовым сознанием; в них оно преломлено рядом ингредиентов; одновременно существовали традиции дворянской поэзии в преломлении петербуржской и московской школы: у петербуржцев (Жуковский, Пушкин, Дельвиг, Вяземский и др.) стих имел тенденцию выгладиться и «офранцузиться» в сторону разнообразных технических трюков вплоть до тенденции* (от Парни к Ронсару) снизиться в сторону риторической гладкости его превосходительства Бенедиктова, поэта «шейки»[122], чтобы потом сразу оборваться, как живая тесьма; у москвичей этот стих в растворе немецкой философии** (Кант, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр) имел тенденцию скорей растрепаться, отяжелиться (до Каролины Павловой) и утратить свою законченность (Боратынский, Тютчев, Павлова, потом Фет); Языков, по духу москвич, остался в технике петербуржцем; но петербургская школа не имела достойного продолжения после Пушкина. Стих Некрасова складывается без достойной традиции, но в окрепшем виде он в технике являет собой уже совершенно иные традиции; стремление к реализму и народничество [нрзб.: перетворило?] в нем стихотв<орную> строчку, а растрепываемый московский стих скоро нашел выразителя в лице Фета, сильно влиявшего вместе с Тютчевым и на символистов.

После Пушкина на протяжении века шло снижение техники стиха: от Тютчева через Майкова, Полонского, Алексея Толстого, Голенищева-Кутузова, до Апухтина, до… Надсона;*** музыка ямба Пушкина [(«роняет лес багряный свой убор»)]**** (рн-рн-р) выродилась в дешевый рокот Надсона («пусть роза сорвана, аккорд еще рыдает»[123]) (рз-ср-рд-рд); и то же снижение рифмы до трафаретов: «страдал — идеал», «грезы — слезы».

Но вырождение русского академического стиха отражает закат и разорение дворянства[124]; трехдольники Некрасова, подхваченные трехдольниками позднейших символистов, явились на смену все более и более хиреющим пушкинским ямбам и хореям Языкова; он***** типичен и для народнической поэзии; у символистов он стал паузником; ямб был некоторое время****** подобен форменному сюртуку поэтов крупного дворянства; вместе с отживающим классом, он истрепался, став партикулярным платьем поэта-разночинца; явился «символом» рубахи ходившей в народ интеллигенции анапест («назови мне такую обитель»[125]), амфибрахий приподняли народники и выходцы из служилой интеллигенции.

---

* *Зачеркнуто*: хода назад

** *Зачеркнуто*: философической неметчины

*** *Зачеркнуто*: невыразимая

**** *Фраза зачеркнута, но не заменена.*

***** *Зачеркнуто*: (анапест, амфибрахий, дольник)

****** *Зачеркнуто*: размером крупного дворянства

Роль размера не пришпиливали к той или иной прослойке класса, представители разных классов ходили в несвойственных им одеждах с чужого плеча, но портной, закройщик, размеры кроивший, был портной для дворян; но в России отчасти ямб оказался в начале века орудием поэтич<еского> воздействия привилегированного дворянства; анапест, амфибрахий — отработали народники и либеральная интеллигенция (происхождение их выпечатывалось в стихе); размеры Кольцова являют собой трехдольник, желающий извне мимикрировать хорей.

Как бы то ни было ослабление ямба скорей знак эпохи, чем знак класса; эпоха ложного классицизма вспоила русский ямб; романтизм всюду выдвинул трехдольник, который у Гейне и Гете был подан и паузником; паузным трехдольником пользовался и Лермонтов, но он у него технически слаб.

Рост буржуазии* совпадает с размахом товарного кругооборота, с метаморфозой орудий производства, с подчинением многообразия форм немногим центрам; третье сословие, многослойное, от миллиардера до мелкого мещанина — пародия типов, в двадцатом веке оказывается музеем уродств; комбинация всех видов промышленности, стремление к монополизации и сложение компонентов в целое, в центре которого стоит собственник, соответствует появлению всюду «универсальных магазинов» подобных бывшему «Мюру и Мерилизу»[126]; в поэзии этому стремлению к монополизации ответствует расширение клавиатуры размеров за счет напевов всех эпох, всех народов; музей критически осознанных ритмов, перелицованных в современность, характеризует ренессанс поэзии 20 века у нас: символисты занялись скрещиванием** размеров и искусственной выгонкой из них новых*** гибридных форм; Ронсар, романтик, и**** строфа провансальского трубадура были опущены в одну реторту; и выгонка из них — эти газеллы, рондо, венки сонетов вместе с вольным стихом [нрзб.]; наряду с каноническими размерами XVIII века и размерами романтиков появились вдруг газеллы, рондели; венки сонетов, паузники «а ля Гейне» и стилизации и поздней эпохи пушкинского стиха и лицейской (у Брюсова); [нрзб.]; символисты — *****всемирная выставка чего хотите вместо бывших лавочек того или иного комплекта размеров, школьного трехдольника народников, школьного ямба классиков[127]. И в этой выставке, в овладении «всеми напевами, всех эпох» — смысл****** Бальмонта и******* Брюсова в первом десятилетии 20-го века[128]; акмеисты — наследники этой тенденции к монополизации всех напевов символизма; футуристы — наследники другой: тенденции к звучности и к сильному размеру, разбивающему грань между отдельными формами; здесь — стремлению к выставке музейных форм, «всем напевам», противопоставлено стремле-

---

* *Зачеркнуто*: в XIX–20 веках

** *Зачеркнуто*: разнообразных

*** *Зачеркнуто*: пышных

**** *Зачеркнуто*: сложная

***** *Зачеркнуто*: это какой-то Ка-дэ-ве[129] размеров.

****** *Зачеркнуто*: всенапевности

******* *Зачеркнуто*: «Всех напевов».

ние дать новый, т<ак> ск<азать> надклассовый и над-исторический напевно-речитативный стих.

Рудиментарно тенденция к такому стиху появилась уже у первых символистов, в попытках имитировать, осадить вольный стих французских поэтов*, в попытках усвоить паузник немецкой поэзии** и в попытках писать киклическим хореем и ямбом древнегреческих лириков. Но впервые футуристы, подчерпнув звук и ритм символистов, выявили вполне эту отнюдь не пассеистическую тенденцию символизма; и в результате явилась та строчка Маяковского, о которой он писал, что сам он не знает да и не желает знать, к какому школьному размеру она относима[130].

А пассеистическая тенденция символизма, тенденция «назад», к классикам вполне выявилась в «акмеизме»; у символистов эта тенденция была в пику к округгуженному, зализанному, стертому ложноклассическому стиху, отделившему стих эпохи Пушкина, сознательный, критический, стиховедчески от стиха догматического канона, согласно которому полагалось писать ямбом, хореем, анапестом, амфибрахием или дактилем, не допускающим ни пропусков слогов (пауз), практикуемых Гейне, ни замены слога равного, например, $\frac{1}{4}$ такта двумя слогами, равными $\frac{2}{8}$, $\frac{4}{16}$ и т.д.; забыв ту простую истину, что греческий метр, от части которого был взят кодекс правил стихосложения, есть прежде всего тактометр, выщербили из стиха весь принцип тактового деления, сложивший метрику древних; и этим никчемно оскопили стих; причем оскопление это считалось овладением стихом; писать гладко считалось писать правильно; между тем стих есть интонация, т.е. композиция ударов и пауз, имеющая сложную архитектонику; символисты, борясь с пустой и никчемной гладкостью, на основании изучения законов ритма, речи и истории стиха в пику этой безграмотной гладкости, считавшейся «грамотностью» по преимуществу, сознательно перегружали стих триолями, паузами и арматурой звуков (прихотливые рифмы, аллитерации и т.д.), ища интонацию, ритма, чтобы осуществить сполна метрический канон древних, а не часть лишь его, произвольно возведенный в целое безграмотными «грамотеями» уронившими русский стих в спесивой мысли, что они блюдут какие-то там пушкинские или некрасовские заветы.

В то время, как они искали осуществить весь канон античного метра, представители традиций упрекали их в том, что они ломают и рвут метр; в полемическом пылу символисты им отвечали, что они рвут лишь никчемные трафареты ложного академизма сегодняшних традиций и подчеркивали подлинные традиции антиков; отсюда и пассеистический крэн в символизме, использованный акмеистами против живой тенденции символизма; она заключалась в критическом рассмотре всего прошлого для того, чтобы вырваться в будущее; для этого отрыва надо было обобществить все напевы и их разобрать, а не только жалкий напев «сегодня», осуществленный [нрзб.: невнятными?] выродками Пушкина,

---

* *Зачеркнуто*: символистов

** *Зачеркнуто*: Гете и Гейне

Некрасова, Фета, Алексея Толстого в виде Фругов, Надсонов, Льдовых[*][131] (имя им легион); обобществление ж не для использования, не для повтора, — для критического пересмотра самых корней поэтич<еской> техники, чтобы ее сделать орудием выхода к иным, в воздухе уже чуемым ритмам; эти последние едва намечены в творчестве символистов, которые в борьбе с рутиной были повернуты к прошлому, осуществлясь футуристами в отрыве от прошлого; акмеисты же [осуществили][**] поворот к прошлому символистов как реставрацию классицизма; если не этот девиз был главным на их знамени, то в действительности их стиха он-то и осуществился, что видно на анализе стиха: стих Гумилева гибче, певучее стиха Брюсова там именно, где Брюсов поздней сам силится выглядеть «классиком»; классицизм на нем, как на корове седло; стих Гумилева непроизвольно скульптурен; стих Брюсова в его попытках выглядеть классическим неприятно напыжен; зато там, где Брюсов осуществляет интимные свои тенденции к новым формам, он «новее» Гумилева (как то в фабричных песнях, в «Палочке-выручалочке», в Сказании о рязанском князе[132]); здесь Брюсов неожиданно народен, ибо народ в языке — непроизвольный футурист; символисту Брюсову[***] не создать таких скульптурных строчек, как строки «Гондлы»[133]; в последних — непроизвольная слиянность с древним стиховым ладом[****]; но ни у одного, однако, не найдешь чудесных, неповторимых, необъяснимых, протянувших к будущему строк, подобных иным строкам из поэмы «12» Блока, или иным строкам раннего Брюсова; они проросли — в футуризме; они вкраплены в современные ритмы, чуждые акмеизму[*****].

Русский футуризм и акмеизм — две боковых ветви символизма, в первом изживает себя тенденция деклассированного буржуа уже тяготеющего к революции; во втором изживает себя стабилизация буржуазного строя уже ощетинившегося, как будущий фашизм[134].

Символизм, как школа, иссяк к 1910 году; символисты разбрелись по разным станам[******]; тенденции их расщепились между футуризмом и акмеизмом; до того, что Брюсов, одной рукой защищал Гумилева; другой — приветствовал Маяковского. Новая группа поэтов, не примыкавшая ни к акмеизму, ни к футуризму, техникой связанная с символизмом, но в тематике ему противопоставленная [нрзб.], вышла из иного соц<иального> слоя: я разумею ту группу крестьянских поэтов (Клычков, Клюев, Есенин, Ерошин, Орешин, Фомин и т.д.); Блок откликнулся в Есенине, отчасти и Городецкий — в юном Клычкове[*******]; Клюев, Есенин уже отразили в строке шум надвигающегося соц<иального> переворота и новые зовы революционной эпохи (эпоха 1916–1918 годов).

---

[*] *Зачеркнуто*: Минских

[**] *Слово зачеркнуто; заменено нрзб.*

[***] *Зачеркнуто*: далеко до Гум<илева>

[****] *Зачеркнуто*: с древним напевом

[*****] *Зачеркнуто*: пассеизму

[******] *Зачеркнуто*: отдельные символисты продолжали работать, но уже не как группа

[*******] *Зачеркнуто*: первые стихотворения Клычкова в 1910 году напомнили мне Сергея Городецкого в 1908 году, но они были свежее, подлинней Городецкого

Эти нео-народники не имели ничего общего с традициями поэзии дореволюционных народников[*]; техника стиха у последних[**] взята напрокат от стихов кающегося интеллигента (бледный, слезливый стих); в строке же крестьянских поэтов эпохи революции — ветер полей осажден техническими завоеваниями символистов и футуристов.

Поэты этой группы — крестьяне по происхождению; представители предыдущих групп — буржуазная служилая интеллигенция; сниженное дворянство; в символизме бунт против канонов был бунтом против традиции вообще; это был бунт абстрактный; позднее он вылился и в поэзию революционную, и контрреволюционную («И Господа, и Дьявола» восславлял В. Брюсов[135]); в футуризме и акмеизме этот бунт так вообще выявил себя как поэтическая революция и контр-революция: осознавались все более классовые противоречия; городской лумпен-пролетариат и средняя буржуазия (городская же), в символизме одинаково рвущие с захиревшим феодализмом,[***] были столкнуты и противопоставлены друг другу так именно, как строчка Маяковского со строчкой, например, Мандельштамма; в крестьянской поэзии революционный порыв, а потом и отход от передовых революц<ионных> тем выявились так именно, как волна крестьянских движений эпохи начала революции, часть которой впоследствии перешла в движение Зеленых[136].

И тут же в момент расцвета и определяющего влияния крестьянской поэзии складывалась та группа пролетарских поэтов, которая поздней объединилась как группа «Кузницы»; к этой группе принадлежал тогда юный поэт Санников[137], автор поэмы «В гостях у Египтян»[138].

Символисты, глухо предчувствуя ритмы грядущего, умело выявили его, сосредоточившись на критическом разборе своего поэтического наследства[****], результат которого — их «по новому» преклонение перед классиками; их дух бунта, отчетливо осознанный футуристами, и стал стихией поэзии крестьянских поэтов, которые тогда не были осознаны ими: стремление к критической переоценке прошлого, в целях извлечения из него нужных для пролетарского творчества элементов; в этом моменте (в нем лишь) сключило иные тенденции пролетарских поэтов с стиховедческой тенденцией символистов, внимавших не традициям, а голосу стиховедческой студии Ломоносова[139].

Группа «Кузнецов» по существу отнеслась правильно к заданию пролетарской поэзии: выявить свой подход к стиху не в признании, или отрицании классиков, а в критическом их пересмотре; и в превращении достижений стиха в средство нужного им воздействия на массы; в моменте критическом подхода к стиху вообще пролетарские поэты с символистами; — но только в этом; у символистов интерес к технике был самодовлеющим; у представителей про-

[*] *Зачеркнуто*: Семенов, Дрожжин и т.д.

[**] *Зачеркнуто*: , оторвавшись от народных ладов, была

[***] *Зачеркнуто*: впервые

[****] *Зачеркнуто*: [нрзб.] в этом стремлении к критическому [нрзб.] они оказались правей футуристов, провозгласивших только отрыв от культуры, забывши, что и их строки есть только результат переплава прошлого; отсюда «левый уклон» в применении техники у наследников позднейшего футуризма

лет<арской> поэзии вопрос о новой технике есть вопрос об отражении чисто классовой идеологии; лучшее в стремлении символистов к новому стиху коренилось в ощущении, что он отображает новую эру жизни; для предст<авителей> пролет<арской> поэзии недостаточно это понятие о будущем вообще; их будущее — торжество социализма; ритм, как таковой[*] для них тогда[**] ритм, когда он есть отражение ритма трудовых действий; становящихся творчеством самой жизни (и соц<иальной>, и индив<идуальной>).

Все эти предварительные замечания должно предпослать разгляду поэмы Санникова, ибо без них нельзя понять ни достижений ее, ни ее слабых сторон, ибо в каждой строчке стиха читаешь историю испытанных борений, падений и достижений становления нашей поэзии.

17-ое авг<уста>. Лебедянь.

Были на базаре. Продолжаю Санникова. Все сказанное, — лишь введение к мыслям, [нрзб.] в связи с чтением поэмы Санникова «В гостях у Египтян»[140]. Поэму читал я с глубоким чувством удовлетворения, сперва в отрывках; но от пристального разгляда поэмы удовлетворение это перешло в радость; это первое впечатление может быть и преувеличило мне яркость отдельных мест; пристальный разгляд подчеркнул яркость целого, погасив частности.

Холмы при утреннем тумане кажутся большой горой; рассеется туман, исчезает иллюзия, но целое ландшафта, а не подробности его предстают передо мной: так и впечатление от поэмы: связь деталей сюжета и увлекательной фабулы, которой социальная значимость имманентна художественной[***] [нрзб.].

Разбирая тот или иной десяток строк, укоризненно качаешь головой: «Слабо сделано!», но ведь при разгляде и горные породы, которые выглядят издали розовым воздухом, выявляют вблизи свою тусклую пыль; зато прорисовывается перспектива далей и появляется глубина огляда[141].

При более пристальном, трезво-дневном разгляде [поэмы видишь воочию всю][****] глубину и соц<иальную> значимость целого 9 глав этого «романа в стихах», в котором автор впервые разрешил не поддававшуюся разрешению проблему «пролетарского эпоса», давшего его не сырьем очерков, не официальным документом, а дерзнул на настоящую эпическую поэму[142] нашего времени, о которой давно уже тосковала критика.

Доселе в пролетарской и попутнической поэзии на эту тему есть еще только «лирика» с неразвитою тематикой и с показом действительности сквозь «розовый дым» субъективных ремарок[*****], если не дидактических.

Лирика, бесспорно нужна; и не мне ее оспоривать; но взрывом лирики отмечена уже, например, эпоха военного коммунизма; переход к эпосу в поэзии [был особенно труден][******] и в первых пролетарских поэмах, подобных «Лисьей Шу-

[*] *Зачеркнуто*: (символистов)
[**] *Зачеркнуто*: только
[***] *Вписанный вариант*: ее художественному оформлению
[****] *Слова зачеркнуты, но не заменены другим вариантом.*
[*****] *Зачеркнуто*: излияний
[******] *Слова зачеркнуты; заменены нрзб.*

бе» Казина[143], все еще перевес лирики (пусть прекрасной) в ущерб искомого эпоса; дать эпос в 9 главах, не снизить качества продукции, влив в [нрзб.: в эпос?] материал статей, очерков и цифр статистики, может только зрелый талант [нрзб.].

Поэма Санникова, по-моему, — событие, которое знаменует собой новый этап в истории нашей послеоктябрьской поэзии, которую можно делить на две эпохи: до «В гостях у Египтян» и эпохи — «после»; первая отмечена завоеваниями революционной лирики ([нрзб.] не то, что увяданием последней, а отсутстви<ем> новых завоеваний). Эпоха ее «бури и натиска» уже за плечами; не даром критика давно уже [нрзб.] надеется [на] переход чистой лирики к* эпосу в поэзии именно; но «эпос» давала, и то в условном смысле этого слова, проза; в поэзии «эпос» явно не выходил или наделялся лирической риторикой, лирическими размышлениями «О производствах» [нрзб.][144]; отсюда переключение читательских масс на производственный роман и на очерк; ни «роман», ни «очерк» не эквивалент поэмы; эпическая поэма есть незаменимая форма в поэзии и очень трудная; в ней углублен** момент жизни на фоне всей истории; глубина здесь — художественная объективность в поэме; [нрзб.]. Недаром классические эпопеи — показ образов далекого прошлого (у Гомера, Вергилия, Тасса[145]) и далеких от автора объектов, с которых слетел туман личного отношения к ним; вот почему герои поэм суть типы; доработаться до эпосу трудно поэту; если лирика отражает сознание поэта, то в ней сознание отождествлено с центром сознания, который всегда — лирический субъект, стоящий перед предметом поэт<ического> внимания; в ней предмет подан красочным восприятием его душой поэта; эпос отражает самосознание, предполагающее все поле сознания: его границы, его глубину, которая есть спрос коллектива к нему; и потому в эпосе лишь преодолевается как бы утренний розовый [нрзб.: туман?], преломляющий предмет спроса; и самый предмет (в данном случае творческо-производственная жизнь, синтетически, но не лично преображенная), а не чувства по поводу него предстают перед зрителем; если лирик — по преимуществу сознающая душа, то эпик — душа самосознающая (не в смысле рефлексии, а в смысле критической оценки действительности).

Цель*** быть органом — не только сознания, но и самосознания коллектива; можно многое сознавать и ощущать чувством; и безответственно скользить над осознанным; «самоосознать» значит найти свое место в осознанном; это — переход**** к творческой практике. Эпик ближе участвует к строительству жизни, чем лирик; эпик кажется парадоксальным, но это — так; на нем больше ответственности; то, что он отражает, не только прекрасно, но и морально (в социальном смысле).

Вот почему тоска по эпосу и именно в поэзии, этой наиболее активной категории (эпос в прозе — уже другая категория) последних лет, была законна; и за-

---

* *Зачеркнуто*: производственному

** *Зачеркнуто*: текущий

*** *Зачеркнуто*: поэзии

**** *Зачеркнуто*: от отражения

конно до некоторой степени было недовольство совр<еменной> поэзией за отсутствие в ней действит<ельных> достижений в области эпоса, ибо подаваемый поэтом «эпос» был или слишком «оффициален», т.е. непроизвольно подделан, либо под формой эпоса подавалась лирика, перелитая, так сказать, в иной сосуд. Молоко перелитое в иных сосудах легко скисается, либо эпос этот недостоин уровня тем и требований, к нему предъявляемых.

Поэтический рост сказывается в удачном эпосе; все поэты начинают с легких лирических стихотворений; и сколькие лирические мотыльки, сорвав несколько побед первыми опытами, через несколько лет трепещут около обжегшего их светоча «вдохновения» обожженными крылышками; нужно быть воистину гигантом в поэзии, т.е. обладать могучим запасом лир<ического> вдохновения, чтобы как Гете, наш Тютчев* петь до глубокой старости; или частый случай — первого «пения на заре»; и потом — умолкания, или навсегда или надолго, чтобы вторично, и уже ответственно запеть; период перерыва, самокритики, так же свойственен подлинному поэту, как и ученому; без него не крепнут крылья таланта; без поэт<ического> самосознания, т.е. осознания соц<иального> спроса к себе, нет роста ни в поэтич<еском> кружке, ни в отд<ельной> личности; лирик Фет пел на утренней своей зоре и на зоре вечерней (глубоким стариком); но его вечерние песни отличны от утренних; утренние «лирика и только»; вечерние «лирика из поэтич<еского> мировоззрения»[146]; они лиричны по форме лишь; по содержанию они скорее афоризмы от [«фетовской мудрости»]** (от того, что Фет в себе считал итогом «опыта жизни»)[147].

Переход в поэте от миловидности первых лир<ических> опытов к подлин<ным> красотам эпоса есть всегда показатель большого роста в поэте.

Роман о «египтянах», полный шероховатостей, о которых ниже, радует как огромное достижение и личное, и группы поэтов, его породившей (группа поэтов «Кузницы»); поэма серьезный ответ на читательский спрос; «Почему, товарищи, нет художественно разработанных поэм о производствах, а только лирика над ними? И почему вы из лирики с такой легкостью перепархиваете в фельетон, в статью, в очерк вместо того, чтобы дать художественный производственный сюжет; поэма*** дает**** ответ и на вопрос, в каких формах отливаема «производственная эпическая поэма» в бешенный темп нашего времени; ведь эти темпы, казалось, указывали, как помеху для худож<ественно> объективированного эпоса [нрзб.] перестраивающегося производства.

Санников не решил, а разрешил этот вопрос, ставя нас перед готовым фактом «*поэмы*»; во-первых, зрелой и с точки зрения классических канонов, во-вторых удовлетворяющей требованиям «сегодня» и в этом смысле новой (ни роман, ни очерк, ни фельетон, ни лирика, ни историческая эпопея, а — сознательно и прекрасно данный их комбинат); сложные элементы, складывающие поэму (сюжет, фабула, типаж, техника), поэтически осознаны и ведут к***** цели, чем интерфе-

---

* *Зачеркнуто*: и Фет

** *Слова зачеркнуты; заменены нрзб.*

*** *Зачеркнуто*: Санникова

**** *Зачеркнуто*: конкретный

***** *Зачеркнуто*: основной

рируются многие недостатки (слабые стихи, неудача с оформлением иных образов, синкретизм в показе размеров, имитация и явное подражание примерам техники многих поэтов (Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Гумилев и т.д.). Но победителя в главном не судят; факт впервые данной, художественно оформленной производственной поэмы выявляет оригинальность поэзии Санникова, ибо быть творцом новой монументальной формы искусства важнее, чем поновому завивать туда и сюда уже столькими пере-про-завитую лирическую трель; и тем вызывать зевок там именно, где завиватель строки считает себя за оригинала.

Поэма Санникова пробила новую брешь в поэзии; в истории*, как переход пролет<арского> авангарда впервые к эпосу-собственно: эпосу в поэзии; сколько бы ни было после Санникова произв<одственных> поэм такого типа они будут [нрзб.: истекать?] из поэмы Санникова, и она впервые показывает, что произв<одственная> поэма возможна, есть, что она, включая в себя все достижения лирики, романа, очерка и статьи, выплавляет из них *новое*, более высокое и благородное для нашей действительности качество; то, чем было для своего времени «*Горе от ума*» (не в оценке талантов и [нрзб.: форм<альной>?] силе), тем самым в наши дни явилась мне [нрзб.] «В гостях у египтян»; и я себе сказал впервые: «Да, произв<одственная> поэма возможна, как высокий худ<ожественный> эпос.

18 авг<уста>. Лебедянь 32 г.

Продолжаю о поэме Санникова.

В поэме до 3000 стихов, т.е. размером она более чем в пять раз больше «Медного всадника»**; я отмечаю размер как значение[148];*** поэма не кажется длинной, что — огромное достижение: ведь восприятие стихотворной строки, насыщенной звуком и интонацией; взывает к интонации, не к чтению глазами, а голосом, что [нрзб.] утомляет быстро; можно без утомленья прогуливаться по городу несколько часов, но попробуйте выдержать несколько часов осмотра музея и выставки; и вы закричите от раздражения [нрзб.]. Легко разглядеть орнаментику 30–40 строк; но пройти по 35000 строкам****, не шутка*****; и автор, дерзающий на большой размер, должен оправдать такие дерзания, то есть не оборвать внимания и самому выдержать марку [нрзб.].

Кроме того: квалифицированные мастера поэзии выглядят скучнее, выступая с эпосом; скучноваты поэмы Баратынского, которых стих организован прекрасно, от монотонности фабулы (не говорю о непроходимой скуке таких поэм как «Иоанн Дамаскин» или [«Дон Жуан»]****** Ал. Толстого[149]). Интересных, содержательных и одновременно выдержанных по форме поэм в русской лирике мало: они — на перечет; кроме того легко сдать экзамен по технике,

---

* *Зачеркнуто*: пролетарской поэзии

** *Вставка сверху*: ставка на размер поэмы в пятеро больше, чем «М.В.» — большая смелость

*** *Зачеркнуто*: размер имеет огромное значение в эпосе

**** *Зачеркнуто*: без утомления

***** *Зачеркнуто*: на это не многие способны [нрзб]

****** *Слова зачеркнуты, но не заменены.*

организуя 20 строк лир<ического> стихотворения; организовать 3500 строк так, чтобы избежать позорных провалов — задача нелегкая и для большого мастера.

Поэма «В гостях у египтян» читается с неослабевающим интересом; интересуют детали проработанной до мелочей фабулы и сюжета, поданного широкоохватно, и его связь с современностью (реконструктивный период), интересует неослабевающе и способ подачи материала в перебое размеров, в умелом чередовании их, в, можно сказать, параде размеров, от пушкинских до вольного стиха, пробегающих перед читателями; при этом связь их с тематикой несомненна; где вводится лирич<еское> отступление в стиле Пушкина или Байрона, там появляются традиционные ямбы, где показываются картины производственного процесса и автор ведет нас ко злобам дня хлопкового производства (его достижения, личные интриги людей, в которые вплетена интрига мирового капитализма) — словом там, где показана современность, там появляются ритмы вольного размера, классикам неизвестные, причем везде соблюдены пропорции, нигде нет пестроты и случайности; все обдумано до мелочей; умело выявленному в сценках комбинату тем соответствует умело скомпонованный комбинат размеров, где переход от одного к другому тонко подготовлен; нет нигде раздражающих слишком острых углов, или пришитых на живую нитку друг к другу отрывков, везде соблюдена пропорция между частями этого многочастного целого, переливающегося, как саламандра, темами; то дана мелкая и сегодняшняя злоба дня хлопкового производства, то подымается из нее в ней погребенная тема мирового значения; содержательность и злободневность сюжета, выявленного в [нрзб.: многогранной?], сложной, интересной и полной неожиданности фабулы, напоминающей быстрое течение реки, на многих извивах переменяющей декорацию берегов (история производства, этнография, настоящее, прошлое, будущее Туркменистана, Египет, Ташкент, техника приготовления ковров, пустыня, басмачи, ГПУ, хлопковые насаждения, похождение осла и вредителей, адат[150] и вдруг появление из Англии в Москву ученого агронома, мистера Грея[*] и где-то из-за границы зловеще встающая тень полковника сэр<а> Джона Лоурендса[151]; и этим быстрым сменам сцен соответствуют быстрые перебои размеров; но эта выставка размеров (классический[**] ямб, по парадному поданная песня о хлопчатнике, стилизованный по восточному хорей, великолепно сделанный трехстопный анапестический паузник; — выставка размеров оплетена очень удачно примененным в поэме вольным размером, которым вполне овладел поэт, который у него крепко организован смелым применением многосложных слов, завивающих, точно буклями, видоизмененный паузами обычный трехдольник; из этого комбината размеров, то вольных, то классических, приподымается автором вынашиваемый на протяжении всех 3 тысяч с лишком строк новый ритм, ритм нашей эпохи.

---

[*] *Примеч. Андрея Белого:* См. «Известия» за апрель–май 1932 г.[152].

[**] *Зачеркнуто*: четырехстопный

И в организации сюжета, и в организации словесного его оформления, автор, по-моему, поступает так, как должен поступать пролетарский поэт; он не рвет с тематическим и техническим наследством прошлого; он силится им овладеть, сдавая нам экзамен в тематике по стилю, пейзажу, орнаменту образов, умелому применению лирических отступлений и использованию лирического субъекта поэмы в качестве персонажа действия (по Байрону и Пушкину); но это дает прошлому не эклектизм, а переплавку; академические мотивы взяты автором сознательно как средство: они вправлены в своеобразную новую, совсем не академическую канву основного тона поэмы; и этот основной тон выявляет новый подход: и самое академическое своеобразие увязывает в целое; техника подачи материала по-моему избегает правого и левого уклона в стихе (пассеизма* и «лефства»);[152] применять к эпической поэме, рисующей сложные детали производства, размер Маяковского, или выхолощенный, монотонный классический ямб, или слишком рвать основную ткань поэмы немотивированными перебоями размеров, значило бы: выявить техническую неумеренность; поэме широкого стиля свойственна монументальная ширина и плавность, но не монотонная одноразмерная прямолинейность, а та именно умеренная извивность, которая достигается здесь посредством комбината лирических вставок, выграненных традиционным ямбом, и эпических внятным размером написанных картин.

Целое технической композиции столь удачно, что в ней растворяются очень многие неудачно, спешно и не самостоятельно написанные строки, даже строфы, даже иные сценки; но неудачные пятна удачно убраны в тень; по ним скользишь; освещение ударных по тематике мест падает на великолепно сделанные строчки; и от этой неослабевающий, чисто технический интерес к тому, как сделана поэма на всем протяжении ее, не заслоняющий содержания; более слабые, удачно сюжетом затененные места играют даже на руку: они дают вниманию отдых, подчеркивая содержательность.

Тема поэмы — возрождение хлопкового производства в невыносимо трудных условиях, в обстании внешних и внутренних врагов (басмачей, англичан и вредителей из инженерного центра[153]), климатических условий, в обстановке борьбы с саранчой, мертвыми традициями прошлости, косности правления Хлопкома[154]; показана роль хлопка для СССР, его история на Западе и у нас, показаны хлопковые изделия, ткацкое искусство, совершенство орнамента, связь орнамента с бытом Туркмении и т.д.; показаны и лица, ведущие героическую борьбу за хлопок, комсомол, инженерная интеллигенция, вырисованная в живых типах; дан в правилах традиционного эпоса и «герой»; но тип этого героя — новый; но зарисован не «герой» лермонтовского времени (начала прошлого века), а нашего времени: советский инженер, преодолевающий свое раздвоение и самоотверженно поднявший знамя борьбы за применение новых, советских методов культуры хлопка в союзе с комсомолкой Угуль; показан и вредитель, инженер Липет, вредитель не из идеи, а из расхлябанного легкомыслия и желания пристроиться к какому угодно строю, чтобы со всякого со-

* *Зачеркнуто*: акмеистического

рвать цветы удовольствия; на канве борьбы за хлопок мирового масштаба (конкуренция капиталистическому Египту) остроумно и живо высветлена интрига (сорвать хлопковое производство, использовав басмачей, бытовые местные пережитки коренного населения, косность «чиновников», зараженные семена и т.д.); интрига глубоко захватывает, она показана в живом сплетении личных отношений между инженерами Липетом, Кречетовым, Бертой Петровной («дамой приятной во всех отношениях»[155]), комсомолкой Угуль и влюбленным в нее комсомольцем из туземцев, использованным вредителями; трагически-грустной нотой великолепно проведена трудная тема *ГПУ*, заостряя интригу моментами до захвата дыхания, но не отвлекая от основного сюжета: производства, показанного в рамках местных условий; и это дает повод к инсценировке поэмы специфическим колоритом: поэт оказался прекрасным постановщиком сюжета, дав быт пустыни, пейзаж Туркменистана, овеяв поэму музыкой песков и ковровым орнаментом, и здесь сознательно использованы, но лишь как средство, лучшие примеры поэзии Гумилева; так, обрамленная фабула, будучи социально-содержательной [нрзб.], независимо от ее сюжета, заряженного социальной темой большой значимости, интересна как таковая; интерес к ней повышается тем, что элементы ее взяты из действительности.

Словом: автор использовал для своей поэмы средства очерка, краеведения, истории и этнографии, авантюрного романа, координировав их так, чтобы из них сложилась героическая поэма, «высокая» в традиционном смысле, но новая по содержанию (производственная поэма).

В этом, повторяю, единственная ее новизна, ее оригинальность, ее значение, как этапа завоевания всей пролетарской поэзии. (Развить!)

19 авг<уста>. Лебедянь. 1932 года

Елена Ник. была у «опекунов» (в ГПУ); там благодушны и просты с ней; сказала: «Ко мне приехали гостить зять с сестрой...» Ответ: «Вот и прекрасно». Е.Н. ни в чем не может пожаловаться: «опекуны» даже раз помогли в квартирном вопросе. Были утром на базаре; для меня эти хождения на базар — приятные и занимательные прогулки; за 10 дней жизни здесь, могу сказать: «разгладились морщины на челе»[156]. Вечером — благоухающее поле; и сухой, живительный степной ветерок. Спасибо Лебедяни; встаем в седьмом, ложимся в десятом часу[157].

Теперь о поэме (продолжение) —

— Первая глава впервые и занимательно, и стильно вылепливает рельеф темы; «На Ташкентской улице в центре города... Железобетонное, огнеупорное, монументальное зданье Хлопкома»; стены увешаны диаграммами, планами: «Широта, долгота по Сталину: догнать, перегнать Америку»[158]; и мы в центре, — хлопкоуборочной компании, показанной на фоне соц<иальной> борьбы: «Классовый враг подымает голову... В совхозе... осыпается хлопок. Дизентерия косит рабочую силу, а с семенами, полученными в Александрии, в Фергане ничего не вышло»; в седьмой главе[159] узнаем: оппортунисты правления попустительствовали вредителям; в семенах «египтянина» — розовый червь, «он покрыл бы заразой всю Среднюю Азию» согласно плану англичан,

действовавших через инженерный центр[160]; *тема Средней Азии, тема хлопка подана в обстановке мировой борьбы: чувствуешь, как отовсюду подкрадывается враг; вырисовывается фигура главагронома Сергея Александровича Кречетова, «героя нашего времени» (не лермонтовского), пятилеткой прикованного к этой окраине СССР, переутомленного интригами, переживающего семейный разлад; и высовывается автор, как действующее лицо поэмы; в рекомендации Кречетова, круге его забот, переутомление, сомнения обуревают его: «Нет ни плановости, ни ясности… Неустроенность и отсталость». Словом: «Надоела советская мельница… Выйдет ли что из этого? Социализм или секта?..». Сергей Александрович Кречетов очень обижен, очень скучает: «На Ривьеру бы, в Ниццу». А тут шепоточек из инженерного центра: «Нас много, Сергей Александрович… Вступайте же… Инженерный центр — дело: дело очень верное». А тут, как на зло, удачник во всем, инженер Липет командирован за семенами в Египет: «А что понимает он в “египтянах”?». В те же минуты корабль с автором плывет из Александрии; автор знакомится с Липетом; и линия фабулы переменяется круто; действующие лица Липет и автор; просим не смешивать «автора» с пролетарским поэтом, Григорием Санниковым; Гр. Санников — сознателен; автор — проэцированные, литературные реминисценции Григория Санникова, проэцированные им во вне, в сценарий поэмы; это — прием; и только; и автор, исколесивший полмира, и по этому поводу немного играющий советского Чайльд-Гарольда, чрезвычайно удачная фигура поэмы: у него в поэме определенная роль поэта, бегущего по миру «с тоской своей», который хотя «запоем пил из звездных рюмок ночей тропический настой», однако решил: мир весьма уныл «при всех мистериях закатов, при всех истериках луны»; позднее, попав в «Иолотанскую провинцию», он был захвачен энтузиазмом строительства и понял, что герой новой жизни «не поэт» в прежнем смысле, а «агроном и инженер» (отсюда его интерес к герою труда, Кречетову); повторяю: красочно поданный перелом в мировоззрении автора — не перелом в мировоззрении тов. Санникова, а одного из действующих лиц, чрезвычайно удачно вплетенного в поэму; этот пока пессимист гуляет «по спардэку»[161] с оптимистом, русским «янки» Липетом: «По прическе, чулкам и костюму человек иностранного типа»: бывший эсдек, потом троцкист, ныне [нрзб.: сталинец?[162]], понимающий больше всего толк «в узкобедрых и смуглолицых» женщинах[163], Липет посвящает со скуки внимающего автора в авантюрное приключение свое: похищение им семян «Маарата», высшего сорта егип<етского> хлопка; он и знакомит автора с местом своей работы и с тружеником Кречетовым, убежденным сторонником египетского хлопка; автор не понимает, почему Липет сомневается, чтобы опыт с «египтянами» удался: «Это де кустарщина»; «Пятилетка — дело великое, но смешно, если выйдет лысина»; устами Липета говорит «инженерный центр»; но автор наивен; он еще не разобрался в грозной туче, собравшейся над ему пока далеким Туркменистаном.

Так великолепно скомпоновано начало поэмы, где интрига, живой типаж, местный быт и мировые проблемы уже сплетены в историю производства; так

---

* *Зачеркнуто*: глубоко интересная

хлопок и его будущее в СССР незаметно, но властно введен в душу читателя; и он им захвачен сильно чрез интерес, который в нем возбудила интрига фабулы, хлопок — подается сперва в виде интриги; [нрзб.]; т. Санников, оставшись поэтом, здесь выступает как опытный рассказчик, но и рассказчик — «маска» агитатора на одном из секторов великой реконструкции хозяйства. Сюжет — нов, и нова подача его. И как нельзя более удачно словесное оформленье сюжета: такую широкую картину жизни нельзя нарисовать, зажимая ее в корсет ямба*, ставшего после Пушкина размером поэм, но и безвкусно зарисовать этот эпос, слишком по-новому заостривая строку, чем пользуется Маяковский для своих ультра-лирических поэм-сатир, или поэм-эпиталам; Маяковский лирик; а здесь подан эпос.

Прежде эпическая картина жизни выливалась в гекзаметре; но гекзаметр Гомера с 32 модификациями — утратил пластику сильного размера; и им он никогда не был на** русском языке (а был шестистопным дактилем)[164]; Санников оформляет, ища ему нужный ритм, видоизменяя трехдольный паузник тем, что иные из слогов трехдольной стопы, время произнесения которой равно, скажем, известной мере, он превращает в 2–3–4 слога, произносимых ускоренно; трехдольный паузник, завиваемый, так сказать, трелями, углубляет паузы межсловесного промежутка, меняет интонационный рельеф строки, сообщает ей распевочный лад.

Это уже использованный прием; оригинальность вольного стиха Санникова в характере пауз, в выборе многосложных слов и в комбинации многосложных с двух-одно и трехсложными; тут поэт выказывает много вкуса и показывает себя прекрасным техником, композитором мелодий ритма; его композиции слов позволяют ему легко и свободно излагать и научные трактаты, и конкретные случаи жизни, не снижая высокого стиля поэмы; и не стирая детали характеристик и образов; будучи нов в ритме, его стих классически скульптурен и образен даже там, где состав слов нарочно отвлеченен; способность даже из отвлеченных понятий лепить образы благодаря особенностям стихотворного ритма; богатство интонаций — главное достоинство вольного размера, господствующего в поэме; это особенно сказывается в шестой главе, озаглавленной «Соц<иальная> природа егип<етского> хлопчатника. Краткое изложение работы С. Кречетов».

Сюжет в поэзии определяет ритм: ритм — стиль, стиль — изобразительность; стиль поэмы: обстоятельный доклад какому-то Съезду Советов о событиях хлопкового производства; а отсюда специфичность образов всюду богатых у поэта, какими бы словами (конкретными или абстрактными) не оперировал он; из «канцелярской высокопарицы» Гоголь вылепил великолепие слов своей «Шинели»; Санников, взяв тему «доклад»***, вылепил из доклада глубокообразный стиль[165]:

У солнца четыре жены
Четыре родины у хлопчатника:

---

* *Зачеркнуто*: академического размера

** *Зачеркнуто*: в новых языках

*** *Зачеркнуто*: на съезде

Америка, Центральная Азия —
Индокитай и Африка[166]

Это — стиль; это — поэзия: поэзия «доклада», образы которого вылеплены интонацией, сложенной из сознательного сгущения многосложных слов, звучащих величаво:

И Барцелона становится первой
Мануфактурой парусных слов[167]

Или: шесть слогов, пауза, четыре, пауза, два, пять, пауза, три, пауза, два; многосложные, ускоряя темп, обрамлены продленной паузой; убраны, сколько можно, двухсложные и односложные за счет четырех- и более сложных; такой отбор создает мускулы ритму; он играет роль выражения лица; выразительность лица и жестов сообщает образность и безобразным, отвлеченным понятиям; так очерк, история, этнография, слитые в поэму, в ней становятся эффектами мимики; и мы безотрывно внимаем поэту на протяжении 3500 строк.

Чтобы подчеркнуть влияние основного приема (роль многосложных) на стиль поэмы Санникова, небезынтересно привести некоторые данные; еще Чернышевский интересовался соотношением многосложных и короткосложных слов в русском языке; и определил, что ось равновесия между теми и другими — трехсложные; в немецком языке — двухсложные; отсюда все различие[168], например, русского и немецкого ямбов; в русском языке более многосложных; и оттого русский стих более модуляционен, ритмичен, диалектичен; немецкий более ударен, статичен; повышая до крайности роль многосложных, Санников силится дать максимум модуляций строке; и оттого она у него так свободна.

Вот типичное соотношение немногосложных и многосложных в стихах у Некрасова (показательная порция — 138 строк)

Сумма односложных и двухсложных — 214; трехсложных — 168; четырех и более сложных — 96 (трехсложные доминируют); перевес немногосложных значителен: 214 первых и только 96 многосложных. Вот такое же соотношение в прозе Гоголя (порция взята из 8-ой главы «Тараса Бульбы» от слов «Тарас видел» до конца главы); односложных и двухсложных 270; трехсложных *157*; многосложных 209 (двух и трехсложные доминируют) [169]; у Новикова-Прибоя соотношение таково (взята порция из «Цусимы»[170] см. [нрзб.]); 34% текста занимают одно и двухсложные; 29% — трехсложные, 37% процентов — четырех, пяти и более сложные; (ось симметрии опять трехсложные).

В поэме Санникова на 138 строках показательной порции односложных и двухсложных — 127; трехсложных — 132; многосложных 186; многосложные решительно преобладают; их 44%; 27%-ами представлены первые две группы; или: у Некрасова на четыре одно и двухсложных слов приходится одно многосложное; у Новикова и Гоголя 1 многосложное на 2 одно и двухсложных; у Санникова на одно многосложное приходится одно двух или односложное слово; трехсложные преобладают всюду (таков стиль ритма русского языка). Что это значит? Что интонационный пульс напряжен до крайности[171]; оттого-то интонацией вздоха в сознании читателя с первых строк — центр производственных бурь, зданье Хлопкома.

Железобетонное, огнеупорное
Монументальное, здание Хлопкома.

Т.е. 7+6+6+2+3 слов; и между ними тревожное молчание паузы.
И далее:

1	2	1	
Это	корабль	*океанского*	плаванья
2	1	3	
Нагруженный	доверху	Интеллигентами	
4	1	1	
Диаграммами	сводками	планами[172].	

Или 2 — немногосложных, 4 — трехсложных, 4 — многосложных.
В* стихах прошлого века пропорция была бы обратна.

20 август<а>. Лебедянь. 32 г.

Продолжаю о Санникове.

Вольная строка Санникова окантована не рифмами, а созвучиями, которыми начал играть еще Валерий Брюсов на рубеже 2-х столетий, называя их «мило неверными рифмами»[173]; и в этом он отдает дань моде; против созвучия вместо рифмы не приходится возражать, ибо рифма есть один из видов созвучия, розлитого у мастеров стиха по всей строке; не даром Брик, деля созвучия на формы скрепа, конца, стыка и концовки, считает конечнострочную рифму видом концовки[174]. Можно лишь попенять поэту, что в данном случае это средство воздействия до некоторой степени ослабляет впечатление от строк Санникова тем, что он злоупотребляет созвучиями, и тем, что, по-моему, мускулистые, переполненные перебоем [нрзб.: слов?] и пауз строки его стиха взывают к точной классической рифме[175], усиливающей паузу, необходимую, чтобы ухо восприняло ритмическую композицию строки; строки Санникова волят глубокой, межстрочной паузы; и оттого ухо мое слышит твердую, оригинальную рифму, или заостренное необычностью созвучие, а не расплывчатые «хорошей — что же», «этими — времени», «Бескина — поездки», «де-*моно*-м мр-*ачн*-ость — Лер-*монто*-в неуд-*ачн*-ик», «пров-*инци*-я — пр-*инци*-пу», «факт — сельфак», «методы — некогда»; в конце концов овладевает чисто спортивное любопытство к тому, как поэт выберется из трудного положения найти созвучие к «дождик»; и надо сказать, что слово «продолжить» вполне неудачно; еще неудачнее «Ленина — пополнения», «Сталина — печалился»[176]; имена вождей на конце строки взывают к долгой паузе или к рифме («раскабалена — Сталина», например) или более громкому созвучию («перемелена — Ленина», например), или так концуй** концы строк смыслом, отказываясь даже от рифмы; я бы срифмовал: «Ленина — Сталина»; скучно, когда фамилия как никак «героя» поэмы Кречетов концуется с ничего не говорящими «лечится — отмечены — нечего — засекреченными» и даже «непосредственным»[177]; есть у поэта и удачные созвучия: «Липет — типа», «верные — времени», «Александро-

* *Зачеркнуто*: академических
** *Зачеркнуто*: рифмуй

вич — олеандрам», «Азия — одноглазые». С созвучием надо обходиться бережно: оно бьет тогда, когда, выпячиваясь из рифм, изумляет слух пуще рифмы; и этим подчеркивает интонационную паузу; а обилие созвучий, подобных «похода — погода», звучит никудышной рифмой; а это — осечка для целого двухстрочия.

Я потому останавливаюсь на концовках поэмы, что обилие «осечек» здесь именно подсекают внятный прекрасно организованный размер, который много бы выиграл, если бы поэт тут именно поработал над техникой; нельзя с налета по велению моды «пересигануть» единым махом через «буржуазное наследство» и заменить рифму более могучим эффектом; тут следовало бы Санникову поучиться у Маяковского: вот кто умел «концевать» концы строки.

Возвращаюсь к пробегу по поэме.

Первая глава удачно выдвинула всю сложность темы: заманчиво подан сюжет в сложном переплете становящийся фабулы (ясно, четко докладывает о ней ритмическая интонация); вторая глава рисует лето, пыльный Ташкент, бегство жены Кречетова, посылающего ей вслед: «Думаешь — будет Лермонтов! Ошибаешься, — неудачник!». Липет возвращается из Египта, а Кречетов в заботе о новом хлопчатнике сближается с робкой комсомолкой Угуль (пугливость «ей свойственна, как двадцать лет»); и тут — реминисценция Пушкина: в характеристике Угуль; Кречетов, который тоскует о цивилизации, находит, плененный пятилеткой в глухом углу Азии, в беседах с ней о хлопчатнике и в новых о нем заботах внутреннее освобождение от своей тоски; пара Кречетов — Угуль вызывает реминисценции из Пушкина: «Пленник — Черкешенка»[178]. И тут, отзываясь на Пушкина, стих поэта, переходит в классический ямб, к сожалению, ослабленный созвучиями, не идущими к лицу ямба (уж коли надел сюртук, надевай и крахмаль и галстук: так волит стиль):

«Луна
Была бездомна и пьяна...»

Кречетов (под окном Угуль):
«Угуль, Угуль мне очень скучно...
Мне больно, милая Угуль...»
И над луною однозвучной
Неостывающий июль
(*удачная реминисценция «Кавк<азского> пленника»*).

Через Угуль — сближение с местностью; характеристика туркменки вызывает в авторе воспоминания о Туркмении, взятой в эпоху перестройки быта; и здесь стих крепнет; мало строк выпадающих из стиля, великолепно поданных в паузнике и не идущих к классическому ямбу, как: «решить двух классов старый спор»[179] (тяжело); или «там вкладывался коллективный труд в решенную проблему орошенья»[180]; или человек «как винтик входит в коллектив» (неубедительно потому что абстрактно сказано)[181]; звучит просто ужасно:

Меня Леонов предвосхитил
Своею повестью *бесспорною* (?)
И написал, хотя не видел,
Но получилось *очень здорово* (?!?)[182]

И наряду с этим разлет ритма, [нрзб.] подкованных строк там, где рисуются, встают образы Туркменистана (этнографии):

По кишлакам смятенье сеяли
Муллы, ссылаясь на Коран.
И шистоцерка[183] где-то реяла
Угрозою тяжелых ран.

С первой строки звучит по Пушкински!

И очень удачно дактилическим паузником вклинены наперекор надеждам ямба угрозы муллы:

Суслики, крысы и прочие гады
Сроют последние наши гряды.

Мулле в ответ это — подковырк в самом ямбе, ставшим медлительным (пятистопным) — вольный размер, изображающий, *как ползет шистоцерка*:

Дорогою ветров и басмачей
Явилась «шистоцерка» по названию
Пришла, страну открыла без ключей.

Угроза шистоцерки преодолевается неудачно построенным ямбом, чтобы стать грациозною песнью о хлопчатнике, написанной народным Кольцовским размером, и мы уже знаем, что поют ее не узбечки, а «русские девушки».

Кончается глава отъездом Кречетова на фронт борьбы с шистоцеркой:

И поезд на Карши бежал[184]
И станция за ним бежала.

А в спину отъезжающим слухи о неожиданном аресте Липета[185].

Вторая глава осаждает фабулу уже в более узком смысле; в ней стремление автора к перебою размеров в соответствии с перебоем тем; размер становится лейтмотивом; современность подана — вольным; Туркмения и Угуль[186] — четырехст<опным> ямбом; угроза муллы — трехдольный паузник, уголок России в Азии — кольцовским; успехи и достижения — торжеств<енным> пятистопным ямбом. В этой главе автор проявляет много вкуса и много безвкусицы в попытке спаять ритмы с темами, технические приемы «поэм» доброго старого времени с искомой формой поэмы; эта глава одна из менее удачных.

Третья глава — пир лирики, верх овладения стихотворными ритмами классического стиха, превращенными в средства живописать Туркмению; передвижение Кречетова дает повод замкнуть в четкую форму свои воспоминания о Туркмении* в форме трех баллад, рисующих ландшафт пустыни, ветер и ткацкое искусство, поданное в виде баллады о ковре, рисующей орнамент, краски шерсти как выросшие из самой почвы; история вплетается в ковровый орнамент (повод к экскурсу в историю покорения края русскими); третья баллада рисует современность: покинутый разграбленный басмачами колхоз.

---

* *Зачеркнуто*: порадовавшей автора ландшафтом пустыни, ветрами, искусством ковра

Третья глава, будучи по существу лирической, соединяя лирику с дидактикой (лекция о современном положении, об истории, этнографии и ткацком искусстве края), она дает всей поэме тон лирико-эпический; лирическое отступление в ней весьма уместно как формула перехода группы пролетарских поэтов от лирики, уместной в период Военного Коммунизма к искомому эпосу Конструктивного периода. Без включения лирического отступления переход к чистому эпосу был бы натяжкой; оно начинается манифестом подставного автора, взывающим к перестроению струн лиры, воспевавшей некогда материи закатов и ныне посвященной показу народного творчества, хлопку, искусству ковра и описанию подвигов сраженных в битвах бойцов за советский Туркменистан.

Технически сделана глава весьма удачно; изобразительность в ней пышна по-восточному; но пышность метафор — отражает этнографию, пейзаж страны, издавна славной поэтами (древнее влияние Персии).

Третья глава — сплошной восточный ковер, удачно сотканный из строк четырехстопных ямба, хорея (баллада о ковре) и анапестов и амфибрах<иев>, паузников; ни строчки вольного размера, не идущего к стилизованной, по-восточному лирике.

Передаче местного *колорита* способствуют [нрзб.: пышные?] эпитеты Санникова: «*одногорбая* тоска», «мечети *одноглазые*», «*крепколобые* дворы» «ободок *азиатской* луны», «*дикарской* Азии лицо», «путь *олуненный*», «даль *неопалимая*»; еще более удачно использование приема арабской поэзии, опускающей само собой подразумевающееся существительное: «одногорбые» в значении «верблюдов»; бродил по «северным и южным» (разумеется, морям) и т.д.; удачное употребление местных словечек: «шистоцерка», «афганец» (в смысле южного ветра); в этой главе выставка пряных кунштюков, изыск классических составленных эпитетов, сочетается с футуристической кистью по-восточному вытягивающий всюду гиперболическую риторику:

Стучусь напевами воды
Даю лирическое зарево.

Или: «сердцебиение мотора», «тугие мускулы эпохи»; или:

Тромбоны, гобои, бубны,
На десять баллов ветер,
Песчаный джазбанд Кара-Кумов —
Афганец[187] грохочет в бубны[188].

Экспрессионизм и заостренность сравнений, сделанных по-современному, подобное введению автомобиля в пространство, напоминающее времена Тимура, и создает непреодолимую прелесть современности восточным напевам[189], вроде:

«От овец породы харчи
Он свою основу сучит.
Эта шерсть белей и ярче
Эта шерсть покровом лучше»[190].

Великолепен, музыкален здесь классический ямб:

На крепколобые дворы
За глинобитные дувалы
С недавней в Азии поры
Колхозы поселяться стали

Санников в этой главе, как и во всей поэме, сдает экзамен на овладение божественным технических вчера, не для того, чтобы подпасть под их влияние, а для того, чтобы по-новому их использовать как красочные средства в новом пролетарском эпосе; и потому не выглядят «влиянием» навеянные Пушкиным, Маяковским, Гумилевым и символистами иные строчки и строки[191], как то:

По Пушкину:

Поставим точку. Перед нами
Пустыня. Нищета отцов.
Чума детей, рожденных в яме,
Дикарской Азии лицо.

По Блоку, напр<имер>:

В те дни в глухой Иолотани[192],
Прочтя некрологи в газетах
—*До свиданья, мой друг, до свиданья.*

По Гумилеву:

«Цветом роз многоугольных» и т.д.

По Брюсову:

О, это желтое видение
Безводная, сухая ширь!
Из ночи в ночь ты шла, Туркмения
Вращая вековой чигирь[193].

По Белому:

«Нас опалял ветрами Север
И обжигал песками юг».

Ямбич<еская> строчка Санникова порой передает звуки тончайшей музыки:

Как скрипки зыбкое дрожание,
Как упоенье тонких струн,
На море лунное сияние
И колыханье стаи шхун.

Этот ямб свободно резвится хореем первой стопы (–́ *U*) («Свет предо мною потушил»), имитируя Тютчева («речь погребальную твердит»); и то по-пушкински имитирует пеон четвертый («и агроном, и инженер») и пародирует реставрированной модернистами (с благословения того же Тютчева) строкой типа *U–UUUUU–U–* (ускорение первой и второй стопы), столь частой у Ломоносова («Изво́лила Елизабе́т»[194]): «Он пу́лею невероя́тной», «поэ́зию и беллетри́стику», «и вкла́дывали в произво́дство», «Над Азиею небосвод»; его хорей упорно классичен:

В невеселом городе Тавризе,
Где сады, сады, сады,
Полюбил я лирику Хафиза
И простую мудрость Саади.

То строчки его бьют точно молотами; как завязли[195] –

И слух, и глаза, и ноги –
Ложись, помирай на месте.

То в бесшумном двустрочии [нрзб.: встает?] силуэт пустыни:

Ходит, бродит вместе с овцами
Одногорбая тоска (вставка А)*

Его строки изобилуют прямым и обращенным параллелизмом: «Полмира пройдено — довольно. Полжизни прожито — пора»; или: «вода, как свет, вода, как молодость»; или: «*Куда* теперь? На юг, иль на север? *В какой* еще водоворот»; стих его любит повтор существительных, прилаг<ательных> и глаголов: «*такой живой, такой огромный*», «*расспрашивал, читал, не верил, искал, не находил ответа*»; «пески, оазисы, кочевья»; или:

Ворсовала, собирала,
Остригала ворс умело
Вечерело. Рассветало.
Рассветало. Вечерело.
(Вставка В)**

Я не нарочно распространяюсь подробно о технике стиха Санникова при обзоре второй главы. Вторая[196] глава пестра, стильна [нрзб.], экзотична, как великолепный изразец, она инкрустирована созвучиями, она сознательно контрастирует с первыми двумя главами; особенно с четвертой, сразу начинающейся с решающего для судеб героев заявления:

Ташкентское ОГПУ —
Учреждение очень трезвое —

И как тень на все инкрустации; не до инкрустаций!

«ОГПУ» — центр главы, как центр нерва «Монументальное здание Хлопкома»; в этой главе [нрзб.] узел, связующий действующих лиц (Берту Петровну, Кречетова, Липета, и Виргинию[197]), стянут в «ОГПУ» в ряде ярких коротких сцен, великолепно рисующих, как при обыске летели «бумаги — побитыми птицами», и изумительно сработанных вольным размером, переходящим в ямб; в пятой главе с живым интересом следишь, как узел этот развязывается для оклеветанного Липетом инженера Кречетова, не забывающего и в заключении о том, что с его полей — «приливом хлещет хлопок».

Пятая глава заостряет внимание к Кречетову; она посвящена ему; вернувшись из командировки «по летнему в костюме чесучовом по лестнице главагроном поднялся»; и — что за блажь?

---

* *Вставка отсутствует.*
** *Вставка отсутствует.*

Быть может это не Хлопком:
Ни поздравлений, ни восторгов,
От всех столов каким-то горьким
И резким веет холодком.

Он — сокращен; уволенный Кречетов отходит в беседах о хлопке с Угуль:

«Ну, расскажите мне про «Маарат»
Про «Нубари», «Загора» и «Сакеля»»[198].

Вдруг — стук; повестка: «немедленно явиться в ГПУ»; в этой главе ряд мест с большим захватом, как, например, путь Кречетова в ГПУ:

— «Должно быть, Липет
Скучает...
Пойдемте вместе, проводите,
А вечером займемся чаем.
Пошаливают что-то ...нервы».
И ветер северный
Ударил им в лицо
Охапкой листьев пожелтелых.
— «Запомните, я не был подлецом»
И смело
Поднялся на крыльцо.
И за его порывистым приветом
Остались:
Улица в пыли и шуме,
Угуль — в тревоге и раздумьях
И потухающее лето

Какая лапидарность и интригующая содержательность в этих простых, лапидарных полных драматизма стихах.

Далее на ямбах картина осеннего Ташкента; о Кречетове ни звука; в порядке информации сообщает автор, который в это время жил в Ташкенте («недели две»), в порядке справки:

Сначала начатый допрос
В беседу превратился скоро[199]
И был товарищески прост
Сотрудник с утомленным взором.

И более ни звука; описана тревога Угуль; перевлекает внимание эпизод с ослом: будто бы невзначай пущенный на посевы осел едва не пожирает плоды трудов Кречетова и Угуль[200]; вольный стих докладывает, что следственная комиссия установила, что влюбленный в Угуль комсомолец-туземец, не переживший традиций мести, из ревности к Кречетову выпустил осла на посевы; эпизод с вредительством тонко детализирует фабулу поэмы; хлопок, Угуль, Кречетов, т.е. сюжет, фабула — местный край, слились в неразрывное целое; и тут вдруг, опять вперебив узнаем, что Коллегия ОГПУ постановила:

«Считать, что Кречетов ни в чем
Не виноват...
Он дал блестящие итоги...

И опрокинул старый метод,
Как раз вредителями взятый
В основу подрывных работ».

Автор, введя в фабулу ряд интриг, уже разогрел наше внимание к ней, заставил полюбить и край, так прекрасно поданный (3-я глава), и самоотверженность героя, и сеть интриг, исходящих из здания Хлопкома, тайными нитями перекинутую за границу, к англичанам, полковнику Лоуренсу, Баче-Сакао[201] и т.д.; пока в городе носился слух, что Кречетов «зимует в ГПУ» (он же уехал на работы к афганской границе), автор предлагает:

Займемся же его трудом,
Написанным в Таджикистане.

И мы, подготовленные всею фабулой поэмы, соглашаемся. И шестая глава, озаглавленная «Социальная природа египетского хлопчатника» — излагает труд Кречетова; это — великолепный, поданный вольным стихом в стиле «доклада» уже обнаженный от всех вуалей интриг и образов фабулы *сюжет* поэмы: в чистом виде; это глубоко интересный, подкрепленный статистикой очерк истории советского хлопка в Средней Азии, рисующий картину близкого будущего; без слов он говорит об огромных достижениях «*СССР*»; вместе с этим это панегирик комсомолу, партии, местному населению и героям труда из инженерной интеллигенции:

Получив боевое крещение
«Египтяне»[202] меняют Азию.
Машинизация, орошение,
Новая социальная база...
Победа нам обеспечена,
Порукой тому коллективизация
1930-ый. Декабрь. Дюшамбе.
Подпись. С. Кречетов.

Так из роскоши стиха, заманчивых, как роман, интриг фабулы, неотделимо приподымается огромной социальной значимости сюжет поэмы, заостренный заключительной тенденцией за подписью: — «Сергей Кречетов».

Седьмая глава дает* исполненную драматизма картину нападения басмачей, натравленных англичанами на наши хлопковые плантации; [нрзб.] боя; «только из города доносит ветер»:

«Кто из вас против власти Советов?»

Это говор базаров:

Она простирается на Восток и Запад —
Кто из вас против власти Советов?
Она создает равновесие между народами —
Кто из вас против власти Советов?

---

* *Зачеркнуто*: великолепную и

Басмачи отражены; но среди павших героев*:

Опытник-старик и любимец-агроном,
Лежали, спали каменным сном.
Месяц болезненный синий смотрел
В синие лица недвижных тел.

Месяц скользнул лучом по синему лицу агронома «похожего на тень Петрарки» (ведь его Лаура[203] — хлопок)

И в это же время в далеком Ташкенте «Угуль болела у окна»:

Ей было душно, ей не спалось,
И вдруг, увидя над окном
Ущербный месяц, испугалась.
Ей показалось, что на нем
Синело мертвое пятно,
Как отраженье глаз потухших

Удачная реминисценция Лермонтова: «В полдневный зной в долине Дагестана с свинцом в груди в долине *я* лежал»[204]; а вещей деве чудились: и «зной, и то, как с свинцом в груди в долине *он* лежал».

Смерть Кречетова в соединении с переживаниями Угуль и с** любовью Кречетова и Угуль друг к другу, ими самими не осознанной (как неосознана осталась для пленника его любовь к черкешенке в поэме Пушкина)[205], — все так волнует, одновременно радуя и печаля нас, в поэме Санникова; из 7-й главы встает все предыдущее не только как социальный сюжет поэмы, но и как интереснейший роман, с редко умело для многих современных романов построенным сюжетом и чисто романической фабулой.

Глава восьмая — заключение: в ней досказывается то, что мы уже знаем из умелых «недосказов» предыдущих глав; признания Виргинии (жены Кречетова) в ОГПУ выявили все планы «вредительства в хлопковом деле»:

Его история сложна…
Из тонких нитей сплетена…

«Вредители систематически срывали борьбу за независимость. Липет для связи… ехал в Египет[206]… Через мистера Роберта Грея получил доллары и кое-какие инструкции»; в результате:

Дутые планы,
Гигантомания,
Компрометация
Преданных,
Советских
Работников

Показана и судьба Угуль:

В порядке преемственности Джураеву
На место Кречетова назначили.

---

* *Зачеркнуто*: Рядом лежали плечо в плечо
** *Зачеркнуто*: тайной

И — глава девятая, или падающий над поэмой занавес: две выдержки из ташкентской хроники и «Постановление Наркомзема СССР»[207].

«Египтянин» победил[208] — не только фактом увеличения посевной площади в Туркменистане, но и в сердцах читателей поэмы Санникова, если они внимательно читали поэму; отныне участь его — наша участь; хлопковый сектор строительства стоит перед нами в сознании освещенным и согретым сердцем поэта, полюбившим его, ярко сумевшим показать его не в холодном очерке, а в куске живой жизни умело скомпонованной фабулой и ярко раскрашенной всеми красками ландшафта, быта, ковров, героической борьбы неизвестных тружеников; содержание сюжета зажило в нас *моральной* фантазией может быть потому, что оно пересказано нам такою убедительной интонацией, поданной, то как вольный размер, то строкой классических размеров, ставших средствами все той же цели: использовать *и наследство прошлого* при построении пролетарского эпоса.

Я останавливался подробно на фабуле поэмы, ибо в композиции ее автор проявил много работы и вкуса (чего нельзя сказать вообще о фабулах поэм, которые и у современников, и у наших классиков часто хромали в ущерб стиху, лирическим отступлениям и часто стихотворным сальтомортальям); очень во многом стих поэмы, взлетая высоко в одних сценах, в других хромает; но там его именно возносит деталь интриги, продуманной до мелочей и всегда умно скомпонованной; впечатление целого, впечатления роящейся, сложной и богатой жизни там, где в представлении многих лишь абстракция цифр или газетная строка петитом, смытая другими петитами.

В умении из газетного петита создать не лирическую лишь надстройку, но цельное здание, — новый этап не только поэзии Санникова, заявившего себя отныне крупным поэтом в истории нашей пролетарской поэзии. Он не только* ответил на давно ожидаемый спрос, не только показал нам, что такое «производственная поэма», но и доказал, что такая поэма — высокое, глубоко волнующее художественное произведение, стоящее десяти трактатов и сотни очерков.

31 августа. Лебедянь. 1932.

Кончил статью, ход мыслей к которой изложил выше. Та же тихая жизнь в Лебедяни; нам с милой необыкновенно уютно; встаем в 6 часов; ложимся в начале 10-го; долго сумерничаем; керосину — нет: надо экономить.

29-го приехал на два дня С.М. Кезельман (к Е<лене> Н<иколаевне>); и уже уехал. Лебедянь дала настоящий отдых; распорядок дня: в 6 начинаем вставать; мытье, бритье, прибирание комнат; в 8 за самоваром; в 8 ½ идем на базар; в 9 дома; и с десяти до 12 ½, или 1 — работа; потом — обед; потом отдых с чтением вслух Теккерея: в 5 — чай (с закуской); в 6 часов — прогулка; к 7½ — 8 дома; и — сумерничаем; и укладываемся.

---

* *Зачеркнуто*: первый

[нрзб.: Забот много?]. Переживаю этот период, как паузу; в Москве будет — рой забот, с 2-го сентября начну третий том «*Воспоминаний*»; перечел Фаррера «Человек, который убил»[209]: Люблю Фаррера: вот мастер рассказывать, умеющий сочетать тонкий, душевный штрих с интересной, ясно и просто прочерченной фабулой.

Эти дни читал Михайловского: «Литерат<урные> воспоминания и современная смута»[210]. Бездарней, никчемней книги не читал давно, перед ним и Скабичевский — звезда первой величины; человеку вспомнить нечего; «воспоминания» — разжевывание вялой канители о «бездарном» периоде русской журналистики, пожалуй, самым бездарным из этой фаланги; клевал носом от скуки, читая выращивание мыльных пузырей из мыльной слякоти: пу–пу–пу–уфф–пу–пу! И — дуется «Елисеев»; хлоп — нет мыльного пузыря; потом дуется — Благосветлов; потом — Шелгунов; пуф, пуф — ничего нет: одна слякоть! Гадкие подкалыванья Толстого; кроме того это ничтожество пишет о «господах» Чеховых так, как будто он не желает удостоить его внимания; об умнейшем из русских критиков, Страхове, перед вкусом которого трепетал Толстой, эта «тупица» пишет, будто Страхов не имел литерат<урного> вкуса; о Волынском пишет, как о «*тле*». Гаже этой книги редко что читал; Михайловский — даже не Задопятов[211]; этот — просто ничего, а Михайловский — ничто, надутое «сероводородом».

Написал Раз<умнику> В<асильевичу> письмо: не отправляю его, а прилагаю к «Дневнику». Смоленская запретила посылать[212].

Лебедянь 31 авг<уста> 1932 года*

Дорогой друг, Разумник Васильевич,

Только теперь «от»чухался от странного перегона месяцев: апрель–май–июнь–июль; могу сказать вместе с Поприщиным, что «времени — не было»; «месяца — тоже не было», было «чорт знает что»[213]: месяца — «Бонч»; [нрзб.: «времегод»] — Гихл-л; недели — Сац, Колосенков, Каменев; и — кто еще? Вместо погоды — «подхвостье» и ветер «из-под-подольный», оплескивавший не дождем и зефиром, а пылью и подподольными блохами с частым «градом» каблуков, от которых разбивались стекла; и с рядом пикантных бесед и встреч с политредакторами, обвинявшими меня в «переверзианстве»[214] — *тем не менее*, хотя Воронский все время шутил («не Вам бояться Переверзева, а Переверзеву след<ует> бояться Вас»); с Бончем рассуждали о замечательных личностях в нашем сектантстве[215]; хвосту[216] держал ежевечерние лекции о том, что «*Вы есть овцы неосмысленные*»; представляете: раз после этого из далей «хвоста» в Долгом раздались аплодисменты; и даже доходил до подвигов Микулы Селяниновича: вылезал из подвальной дыры и в 12 часов ночи сшибал старух с тротуара (оне — «мягкие, как мухи» и жужжат, как мухи, когда их ловишь горстями); тут же, как в чаду, между «хвостом», «Переверзевым», «Бончем» неожиданно произнес «критическую» речь на банкете «Гихла», в результате которой меня избрали в Группком Гихла (и даже заместителем производственного отдела[217]); и

---

* *Весь черновик письма крест-накрест перечеркнут Андреем Белым.*

все это вместе, без передышки: «хвост — архив — Бонч — банк — политредактура» и залп из трех выслушанных пушкиноведческих рефератов[218] или [нрзб.][*] с песком — единовременно; оттого и утратил всякое представление о времени; не месяцы, а *чорт знает что*, вплоть до [нрзб.][**] с Машбиц-Веровым, ставшим очень вежливым после моей речи на банкете о критике с Крита[219], вежливым до того, что он предложил мне написать крит<ическую> статью в им редакт<ируемый> сборник о… Безыменском: «Ему полезно узнать ваше мнение, как специалиста, а то — он возомнил о себе». Я же предложил ему вместо Безыменского разбор поэмы Санникова, ибо Безыменский мне, как поэт, и не известен и не интересен, а вот Санников — это *и ново, и хорошо*; но представьте, на лице Машбиц-Верова появилось выражение, будто он меня, как и вы, предупреждал: «Ничего, ничего — молчанье»[220]. Тогда я из *озорства* захотел именно наперекор моде и заказу редактора-единоличника писать не о Безыменском, а о Санникове (Санников — это де *не* интересно, не модно, не пряно, и не содержательно, ибо он не «хаит», а «героизирует» трудовую интеллигенцию);[***] и доказать, что «это» — очень хорошо и очень нам нужно (а не Безыменский, и не Сельвинский[221], и даже не «Сусальный Сусе» Клюева[222]).

Но о Санникове, дорогой друг, — ниже.

Пока о том, что из «чи-666-сла» попал в «9-ое августа» самого настоящего времени, из «чорт знает чего» подхвостья; и оказалось, что это — Лебедянь, которая — Благодань, веющая ветрами сладостными, как лебединые крылья, в лицо; и вот с той поры отдаюсь ветрам и творожным оргиям; живу под крыльями двух сестриц-Лебедей, упитанный и обласканный, раздираю рот до ушей 20 дней от восторга, чего со мной не было давно; и делаю «Ай-ай», т.е., пишу хвалебную статью о поэме Санникова, впервые вернувшего русло поэзии к «героическому эпосу» и доказавшему, что производственная поэма — *возможна* (до сих пор — не верилось); поэму перечел раз 6 и каждый раз находил в ней новые, достойные внимания штрихи; таково содержание моего «*Ай-а́я*», сегодня отвозимого в Москву, и из-за него, дорогой друг, пожалуй, мы и в самом деле станем в «разных лагерях», как вы однажды заметили мне: разумею в «*по-э-ти-ческих*»![223]

Дорогой друг, прежде чем продолжать письмо, сделаю разъяснение; если я привожу [нрзб.: «мены»?] Машбиц-Верова <…>[****]; если я сопоставляю Машбиц-Верова с Вашим «*Ай-ай*», — это потому, что мне кажется глубокосимптоматичным факт, мной наблюдаемый давно: люди самых противоположных лагерей (коммунисты, эстеты, рапповцы, пассеисты, люди ума и вкуса вместе с людьми «моды») при упоминании о Санникове морщатся; мне кажется, что

[*] *Три слова покрыты чернильным пятном.*

[**] *Слово покрыто чернильным пятном.*

[***] *Зачеркнуто*: тогда-то я и решил твердо: вопреки левым и правым модам именно написать статью о Санникове

[****] *Восемь строк зачеркнуто К.Н. Бугаевой.*

я знаю, почему это; люди *слева* на него нападают за то, что он мужественно не признавал крайностей «Раппа» (рапповцы его ругали за «байронизм») в эпоху, когда против «Раппа» нельзя было пикнуть; людей справа отталкивало, что поэзия его началась в коммунизме[224]: в 1918 году я встретился еще с юношей, с ним; и он был убежденным партийцем[225], глубоко честным, глубоко чистым человеком; в политическом отношении он был «сам собою», «вне мод»; в поэтическом отношении он, не обладая мощными «нутряными» дарами, неуклонно развивался; первые его стихи были явно слабы; но в годах, шаг за шагом, он выростал до «*Поэмы о Египтянах*», которая мне тем именно нравится, что в ней сознательно ищут новой формы, что мимо дешевого опрощенчества (в технике), мимо культа «классического» стиха; и мимо ультралевых куаферных пере-прозавиваний эдак и так строки; он не прянен, как Хлебников (никакого «*зензиверова пуза*» не встретишь в его стихах[226]); то, что некогда символисты противопоставили надсоновщине, что потом заострили футуристы, имело значение; «трелящая» по-птичьему техника выродилась в побивание рекордов; и стало почему-то считаться: если поэт не «чокает» и не «тиули-пи-фью́тит» по-птичьему, он де не поэт[227]; ритмический «чок» я люблю; но люблю и *содержание*; оригинальность же в модуляции «чока» («чик-чек-чак-чуки» эдакие!) — перестала быть оригинальной; Сельвинский давно так «обчукал» и «пере-про-чокал» чок[228], что успехи в сем соловьином искусстве пахнут глубоким провинциализмом моды «*третьего дня*»[229]; что строка Санникова не так музыкальна и красочна, как у Клюева, — да: но Клюев, неповторимый мастер в одном даже не виде, а *разновидности* поэзии, не покрывает собой поэзии; а для меня вся прелесть его ритмов опасна тем, что *моральное содержание* его поэзии — сомнительно: его Христос — не Христос, а «*Сусе-со́с*»; и этот «*Сусесос*» — объект гомосексуальной «слюнявой» патоки[230]; со стороны содержания этот несравненный музыкант стиха — только реставратор «новгородского письма»; почтенное искусство; но и оно не адекватно поэзии; и *не оно* в первую голову нужно современности. Санников технически полон рядом дефектов; но — тема его поэзии — «*новая*»: выдержать 3000 строк на «3» труднее чем, написать лир<ическое> стихотворение в 50 строк на «5»; блеснуть технической деталью в реставрации ямба по Пушкину легче, чем дать «в стиле доклада» поэтический и вместе конкретный образ хлопка (см. 6-ая глава поэмы); «вольный размер» большей части поэмы — мускулист; фабула разработана так, что я ей завидую (вспомните скучищу многих сот строк бессюжетной поэмы Гиппиуса[231], которой стих безукоризнен, — и Вы поймете, что затоскуешь по фабуле); фабула нова, этична; «оригинальному» закручиванию строк соответствует оригинальность в тематике и композиции.

Но те, кто хочет видеть в 3000 стихах лишь «чок», или видеть только «идеи», не свойственные этому честному и убежденному коммунисту, — тому поэма не понравится, конечно; и тут утонченный Воронский, стиховед, Вы — увы — совпадете не только с Сельвинским, но и увы — с Машбицем-Веровым.

И я знал наперед, что люди «*вкуса*» встретят мою оценку с «Ай-ай».

Должно быть, я в старости потерял всякий вкус к стихам! Но я и не горюю; и продолжаю утверждать: «Это — поэзия!»[232].

К.Е. Костенко. Портрет Максимилиана Волошина
Коктебель. 1927. Бумага, двухцветная линогравюра. ГМП

Сентябрь

2-го сент<ября>. Лебедянь.

Сегодня утром на базаре. Радостные вести. В.Н. Татаринов освобожден[233]; <…>* получили в подарок от нее два чудных видика Кара-Кумов; сотня пейзажей Макса (†) (скончался бедный)[234] не стоит одного такого.

В России из живых символистов, — тех, с которыми считалась пресса, остался я один; и мне предстоит кончать летопись о символизме (Вячеслав, ставший «римлянином»[235], — не в счет).

Не окончил и не отправил письма Разумнику Васильевичу, боясь, что он обидится за сравнение его с Машбиц-Веровым; но оно ответ на «*Ай, ай — молчание*!» «*Ай, ай*» — очередное жало; острота его в «политике»: я де расхваливаю «производственную» поэму; этот человек понимает, что я пишу искренне, но злится, что я не стою в его позе «оскорбленного, никчемного *величия*»; но «*ослиного*» величия я не желаю иметь.

---

* *Два слова зачеркнуты К.Н. Бугаевой.*

Перлы из Михайловского («Литературн<ые> воспоминания и соврем<енная> смута». 1905 г.)[236]. О Волынском: «*В похвалах подобных господ вижу не то, что бесчестие... для себя, — потому что, чем же я виноват? — а все-таки неприятность*» (стр. 415); о Страхове: «*Он до такой степени лишен критического чутья, что*» и т.д. (стр. 416); о Чехове: «*Раз уж г. Чехов попал в историю литературы, должны в нее попасть и... критики, которые*» — хвалят Чехова; «*Не из тучи эти громы*» (хвалений; далее: «не великие критики излагают эти мысли, но при всей... малости, они» т.е. «невеликие критики» — «*они... характернее... г. Чехова*») (127). А? Надутый пыжик! Иванов-Разумник сей источник болтовни и безвкусицы по сие время чтит: «ай, ай!» Но — «Ничего, ничего! Молчание»[237].

4-го сент<ября>. Лебедянь.

То же мирное течение жизни; радостное известие: освобождена Маргарита Твердова[238]; и вчера, и третьего дня — долгая прогулка в полях. Эти дни Малютка[239] читала вслух Теккерея. Читал 1) Фаррера «Конец аристократии» (из третьего тома его сочинений об упадке Рима)[240]; 2) воспоминания Короленко (о Чехове, Михайловском, Успенском, Чернышевском)[241]; по утрам начал потихоньку работать над III-ьим томом воспоминаний[242]. Погода ломается: теплый юго-восточный угрожает оплакать; пока же — сухометы.

6-ое сент<ября>. Лебедянь. 32 г.

Та ж тихая жизнь с теми ж прогулками; сегодня — тепло, серо, сыро; временами прикрапывает; в домике — большое волнение, вызванное словами* Зинаиды Николаевны Райх об Елене Николаевне (З.Н. была у Анны Алексеевны); сегодня пишу З.Н. [243]; очень обсуждаем ее слова: Е.Н. волнуется; волнуется — Маленькая[244]; едва ползу по воспоминаниям; еще не вписался. Прочел начало нового романа Эренбурга (о Париже[245]); Эренбург в Москве: З.Н. заезжала в Долгий, чтоб звать нас к ним на него; Эренбург очень хочет меня видеть; и я — тоже: хочу его видеть[246].

С.М. Кезельман передал Санникову мою статью о нем[247]; и он де от нее в восторге[248]; передал Дане ремингтонировать (из письма Анны Алексеевны): «Начало века» сдают в печать в октябре; «Маски» переверстывают; «Гоголь» — в цензуре; «Федерация» — не платит; «Гихл» — не платит (из письма Петр. Ник. Зайцева[249]).

13-го сентября. Лебедянь. 32 г.

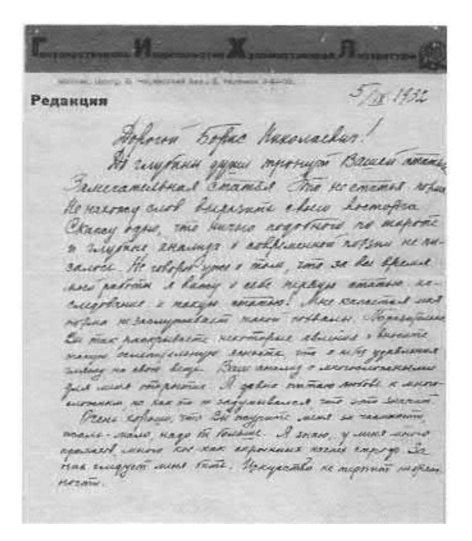
Дни так набиты работой, прогулками и чтеньем (про себя и вслух), что некогда присесть за «Дневник»; всю неделю — волнуемся; ряд слухов из Москвы и Орла: *об амнистии*[250]; но слухи — «бабья болтовня»; только портящая нам нервы; Е.Н. измучена ею; а я в ярости на** баб, чешущих языки. За это время [пришли]***

---

* *Зачеркнуто*: письмом

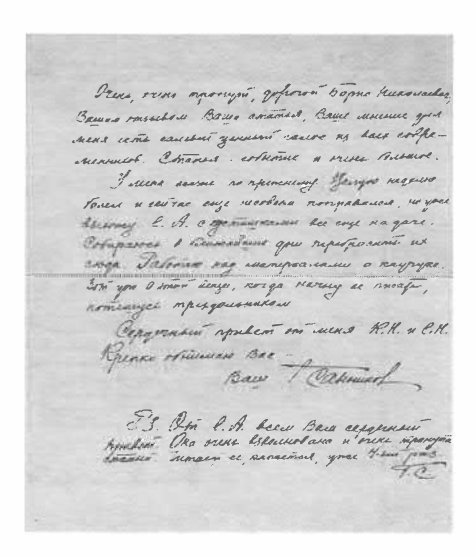
** *Зачеркнуто*: старых

*** На строке чернильное пятно, закрывающее слово; восстановлено по контексту

Редакция

5/IX 1932

Дорогой Борис Николаевич!

Санников Г.А. Письмо Андрею Белому. Москва. 1932, 5 сентября. ГМП
Благодарность за статью Андрея Белого «Поэма о хлопке» («В гостях у Египтян» Г. Санникова) в журнале «Новый мир» (1932. № 11. С. 229–248)

письма: от З.Н. Райх[251] и Г.А. Санникова[252]. Написал вчера [нрзб.]* Е.Н.; сегодня кончил его; читал толстый том [Корнилова]** «Годы странствования М. Бакунина» [253], полный семейных писем; читали и все еще читаем вслух Эркмана-де-Шатриана; прочли два тома[254].

27 сент<ября>. 32 года. Лебедянь.

Подвожу итог Лебедяни. Всего прошло полтора месяца, а ощущение полного отдыха. Погода избаловала. До конца пребывания — солнце. 15-го неожиданно вынырнула Гагенторн[255], получившая в Лебедянь геологическую командировку; она нам с Клодей прочла целую лекцию по этнографии в связи с вопросом, что есть Лебедянь с точки зрения этнографии, или *доистории*; Гагенторн прекрасно владеет своей темой; в ее изложении история костюма живет[256].

Ее приезд разрушил монотонное течение нашей жизни; все последние дни доживали в прекрасной монотонности; кончил 1-ую главу своей книги «Между двух революций»: с помощью милой, которой диктую текст.

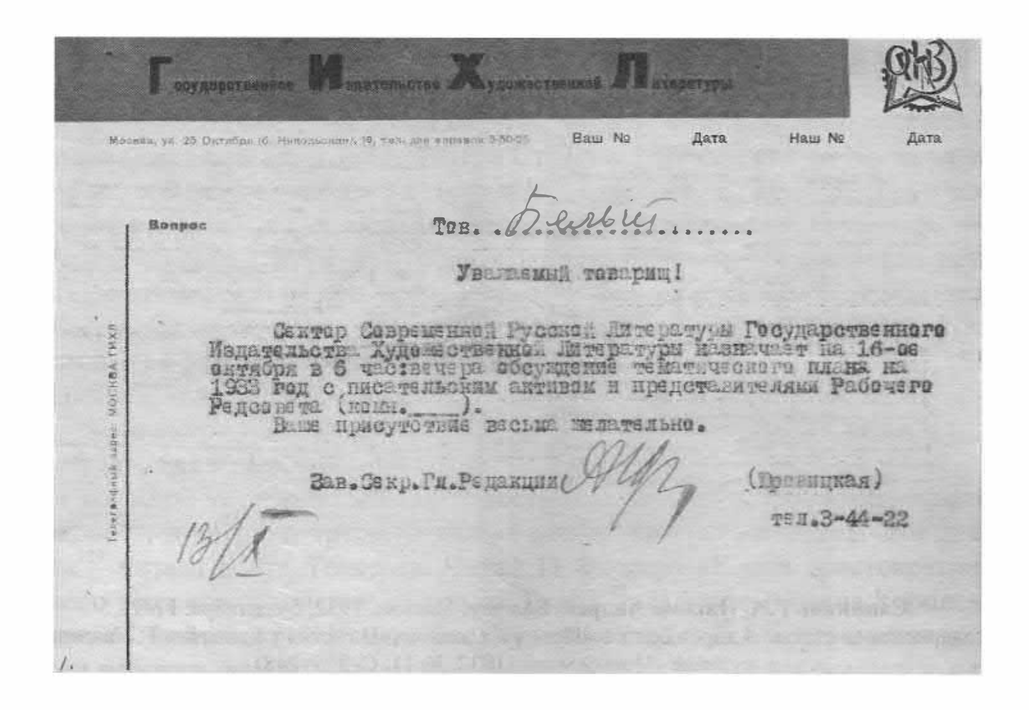
За эти полтора месяца отношения с Е.Н. были прекрасны, — впервые дружны до конца; жили втроем в двух комнатушках, а казалось, что у каждого своя келья.

Спасибо, спасибо этому прекрасному месту: светлым отдыхом останется в памяти Лебедянь.

---

* На строке чернильное пятно, закрывающее несколько слов. Судя по контексту, речь шла о работе над мемуарами «Между двух революций».

** На строке чернильное пятно, закрывающее слово: восстановлено по контексту.

Государственное Издательство Художественной Литературы

Ваш № Дата Наш № Дата

Вопрос

Тов. Белый........

Уважаемый товарищ!

Сектор Современной Русской Литературы Государственного Издательства Художественной Литературы назначает на 16-ое октября в 6 час. вечера обсуждение тематического плана на 1933 год с писательским активом и представителями Рабочего Редсовета (комн.____).

Ваше присутствие весьма желательно.

Зав. Секр. Гл. Редакции (Юровицкая)

тел. 3-44-22

13/X

Повестка Андрею Белому из сектора современной русской литературы ГИХЛ
о необходимости явиться 16 октября на обсуждение тематического плана на 1933 г.
с писательским активом и представителями рабочего редсовета. 1932, 13 октября. Москва
Подпись: заведующая секретариатом главной редакции А. Юровицкая. ГМП

Октябрь

9-ое октября. Москва. 1932 г.

29-го приехали в Москву; и сразу же — померкли солнечные дни, похолодало; все дни старался сидеть дома, чтобы кончить вторую главу «Межд<у> дв<ух> рев<олюций>». Вчера кончил. Сегодня Даня уже взяла первую главу ремингтонить. Никуда еще не выходил; пока что выяснилось: прошли по квартирному списку[257]; сегодня последнее, решающее собрание Пленума Строит<ельного> Кооператива. Но я не пошел. Пошел Г.А. Санников, обещавший завтра сообщить о результате. С деньгами плохо: «*Федерация*» не выплачивает по договору[258] (в Банке не дают денег); отсюда вывод: мне нечего дать на заем[259], ибо в месяц выходит не менее 600 рублей, а мой доход не выше 400 рублей («Гихл» платит неисправно); между тем: я должен М.А. Скрябиной 600 р.; и «Книг<оиздательству> пис<ателей> в Ленинграде» 1000 р.[260]

Все это не слишком радует.

У нас в подвале хорошо, но слишком много людей толчется в кухне (около А<нны> Алекс<еевны>) к ужасу нас с милой: кого-кого не перемелькнет. Эти дни ночует Вс. Ник. Васильев[261] (проездом к матери, в Сочи).

Завтра — в «Гихл», а с утра — диктовка: начинаю третью главу.

* * *

А Мысли?

Мыслей в собственном смысле нет; есть напевы: напевы к воспоминаниям, которые хочу оформить в стиле Давида Копперфильда[262] там, где воспоминания склоняются к биографии; больше места для характеристик общественно-политической картины, и больше места для автобиографич<еских> переживаний, *но — не слишком интимных*; меньше места характеристике писателей и деятелей искусства, чтобы не получился музей-паноптикум, как это случилось с «Нач<алом> века».

Трудная задача выдержать *тон* и гармонизировать композицию.

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 39. Ед. хр. 4).

[1] Речь идет о романе «Маски» (М.; Л.: ГИХЛ, 1932).

[2] Большой сквер в конце Плющихи.

[3] См. в трактате «О жизни»: «Или я живой и во мне есть неживые частицы, называемые клеточками, – или есть сонмище живых клеточек, а мое сознание жизни не есть жизнь, а только иллюзия. Мы ведь не говорим, что в клеточке есть что-то такое, что мы называем *брызнь*, а говорим, что есть "жизнь". Мы говорим: "жизнь", потому что под этим словом разумеем не какой-то х, а вполне определенную величину, которую мы знаем все одинаково и знаем только из самих себя, как сознание себя с своим телом единым, нераздельным с собою, и потому такое понятие неотносимо к тем клеточкам, из которых состоит мое тело» (*Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 26. Серия первая: Произведения. М.: ГИХЛ, 1936. С. 318).

[4] Н.Г. Чулкова.

[5] Ср.: «*Июня 26.* Участие в совещании писателей ГИХЛ по разработке Октябрьского сборника "Красная Москва"» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 166). Для этого сборника, «подготовляемого ГИХЛ'ом к пятнадцатилетию Октябрьской революции», Белый предоставил «монтаж из вырезок» из романа «Маски» (еще не опубликованного) «под специальным названием "16-й год в Москве"». «Работа над текстом очерка из романа "Маски"» была начата 19 мая; уже 21 мая «16-й год в Москве» был «сдан в ГИХЛ (издание сборника "Красная Москва" не осуществилось)» (Там же. Л. 165). Сборник с аналогичным названием – «Красная Москва. 1917–1920 гг.» (под ред. Л.Б. Каменева) – был выпущен в 1920 г. (М.: Издание Московского Совета Р., К. и Кр. Д.). Возможно, планировалось его продолжение.

[6] По заданию главного художника ГИХЛа Н.В. Ильина В.А. Милашевский делал портрет писателя для фронтисписа романа «Маски». Белый позировал Милашевскому с 27 июня по 4 июля (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 166). О выполненных Милашевским тогда рисунках, их судьбе и их оценке К.Н. Бугаевой см.: *Наседкина Е.В.* «Все идет по "чину"!»: В.А. Милашевский рисует Андрея Белого // Смерть Андрея Белого (1880–1934). Сб. статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкина. М., 2013. С. 883–888).

[7] Ср.: «<…> Вы знаете, для меня искусство рисунка, акварели, тоже не чуждо! Меня иногда тянет что-то порисовать. Хотите взглянуть на мои швейцарские этюды?

– О, это очень интересно! – говорю я.

Он показал мне несколько рисунков и альбомчик с зарисовками...

Робкий бестелесный рисунок, прозрачные чистые тона акварели... <…>, с уходом не то в "чистую духовность", не то в безоглядную абстракцию! Может быть, князь Мышкин так рисовал в

Швейцарии...» (*Милашевский В.* Вчера, позавчера... Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 283). В мемуарах В.А. Милашевского упомянутые Белым темы разговоров не отражены.

[8] Ср.: «Позирует художнику В.А. Милашевскому для "Масок". Беседа о рисунках к Гоголю» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 166). В итоге В.А. Милашевский не принял участия в подготовке книги «Мастерство Гоголя» (М.; Л.: ГИХЛ, 1934). Обложку и форзацы делал Л.Р. Мюльгаупт, чертежи, графики, схемы – В.К. Хлебовский.

[9] 2 июля 1932 г. Д.М. Пинес сообщал Белому: «Соня третьего дня вернулась, измученная не болезнью, а пребыванием в больнице (дикая обстановка). Предположения о сепсисе и гинекологич<еские> не подтвердились – и она на днях уезжает в деревню» (*Спивак М.Л.* Письма Д.М. Пинеса Андрею Белому // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре / Ред.-сост. В.Г. Белоус. СПб., 1996. С. 30). Госпитализация С.Г. Спасской, видимо, была связана с ее беременностью. См. намек на это в письме Белого к С.Г. и С.Д. Спасским от 27 октября 1932 г.: «Постоянно вспоминаем Соню и Вас, особенно после того, как пережили бурное волнение за Соню летом, волнение, которое разрешилось радостью, потому что время, переживаемое Соней, отдается нам, как большая, сериозная и ответственная радость жизни; помните, что мы с Вами!» (Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским / Вступ. статья и примеч. Н. Алексеева // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 655). См. также поздравление с рождением (3 февраля 1933 г.) дочери Вероники в письме от 13 марта 1933 г. (Там же. С. 657).

[10] Скорее всего, имеется в виду Татьяна Николаевна Ростовцева, сестра Марии Николаевны Ростовцевой (ум. 1925), жены В.Р. Менжинского. Была тесно связана с сосланными в Муром священниками и монахинями закрытого в 1927 г. Дивеевского монастыря; содействовала организации в Муроме тайной домашней церкви (ул. Лакина, д. 43); в апреле 1931 г. была арестована, но вскоре (в мае) отпущена. Как заступница за арестованных запомнилась художнику Алексею Петровичу Арцыбушеву (р. 1919): «А жизнь на Лакина идет по-новому. Там идут службы, утром, вечером по монастырскому уставу. Там живут с нами Татьяна Николаевна Ростовцева и Мария Фроловна. У Елизаветы Дементьевны сняла весь первый этаж Татьяна Николаевна Ростовцева, родная сестра жены Менжинского, соратника железного Феликса "рыцаря революции", льющего слезы умиления над больной, бедной птичкой. Менжинский его зам. И Ягода рядом. Целый букет палачей! У Татьяны Николаевны пропуск в Кремль, к сестре. Она хорошо знает всю эту банду по дому сестры. При встрече она не подает им руку.

— Они все у вас в крови, — как бы шутя говорит она им.

— Да что Вы, Татьяна Николаевна, — отшучиваются они, — разве это кровь, она ж у них собачья, какая жалость может быть к врагам.

— Ну, положим, не все там у вас враги. Вот батюшку недавно посадили, какой же он враг?

— А! Вам снова хочется освободить очередного батюшку? Которого? Их у нас хоть пруд пруди!

— Андрея Яковлевича Эльбсона. Дайте ссылку, что вам стоит.

— Для Вас, голубушка, чего не сделаешь. Завтра ж сошлем!

Так отец Андрей оказался в Муроме и на Лакина, 43 служит литургию О ВСЕХ И ЗА ВСЯ! К нему из Москвы едут его духовные дети, средь них и Лев Бруни» (*Арцыбушев А.П.* Милосердия двери / Предисл. С. Фомина. М., 2001. С. 44).

[11] *Лундберг Е.Г.* Записки писателя. В 2 т. Т. 2: 1920–1924. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. С. 190–191, 298 и др.

[12] См.: Мемуары Карло Гольдони, содержащие историю его жизни и его театра / Пер., введение и примеч. С.С. Мокульского. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1930. Второй том вышел в 1933 г.

[13] Отсылка к «Фаусту» И.-В. Гете.

[14] Отсылка к басне Ж. Лафонтена «Лягушка и Вол», переведенной на русский язык И.А. Крыловым.

[15] Переосмысляется библейский сон фараона, в котором семь тощих коров съели семерых тучных, но сами от этого тучными не стали (Быт. 41: 1–4).

[16] Kinderspiel (*нем.*) – детская забава.

[17] Скорее всего, имеется в виду «праздность» души. См., напр. во втором томе русского «Добротолюбия»: «Праздность почитай началом омрачения души» (Подвижнические наставления Св. Исаака Сирианина, 265).

[18] См., напр., ее критический обзор в статье С.С. Динамова «Юбилей Гете и капиталистический Запад» (*ЛН*. Т. 4/6. М., 1932. С. 39–80). См. там же обзор Ф.П. Шиллера «Гете в западной критике» (С. 773–816).

[19] Раздражение Белого, возможно, было вызвано отмечанием столетия со дня смерти Гете (умер 22 марта 1832 г.). См., напр., выпущенный к юбилею том «Литературного наследства» (Т. 4/6. М., 1932) и особенно обзор «Гетевские дни в СССР» (С. 1041–1058): «Принципиально иной смысл имело празднование юбилея в СССР – в стране строящегося социализма. Столетняя годовщина со дня смерти Гете послужила здесь поводом к критическому пересмотру жизни и творчества великого немецкого поэта с марксистско-ленинских позиций и для освоения пролетариатом классического наследства. Юбилей Гете вызвал широкий отклик по всему СССР. Общественные, литературные и научные организации Москвы, Ленинграда, Харькова, Минска и других крупных центров страны ознаменовали юбилейную дату устройством целого ряда торжественных вечеров, заседаний, памятных выставок, концертов, наконец, выпуском в свет и подготовкой к печати различного рода сборников, специальных изданий и т.п.» (С. 1041). В частности, было начато издание собрания сочинений Гете в 13 т. (М.; Л.: ГИХЛ, 1932–1949).

[20] Имеется в виду прежде всего работа в Дорнахе над книгой «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том “Размышлений о Гете”» (М.: Духовное Знание, 1917). См. записи за соответствующее время в *МкБ* и *РД*.

[21] После возвращения из ссылки (в 1930 г.) А.К. Воронский устроился работать в Гослитиздат (ГИХЛ) редактором отдела классической литературы.

[22] В письме к Иванову-Разумнику от 5 июля 1932 г. Белый высоко оценивал роль Воронского-редактора: «Помог Воронский <…> “Гоголь” был отдан на просмотр Воронскому, который наговорил мне самые большие комплименты, что он-де в восторге от него; что и решило судьбу книги; после этого “*Гихл*” настоял, чтобы я не отдавал “*Лен<инградскому> Изд<ательству> Пис<ателей>*”; а то было “Гоголя” забраковали: *де не нужен*. Произошло это случайно: Воронский захотел послушать “Гоголя”, и у Катаева (писателя) устроили чтения; я реферировал содержание книги и прочел несколько отрывков; я даже не ожидал эффекта: Воронский стал просто провозглашать мою книгу; он-де дает слово, что ее устроит <…> И сразу весь тон “Гихла” о “Гоголе” изменился; хотят даже ее иллюстрировать. Меня это ободрение очень поддержало <…> Воронский крупно поддержал с Гоголем, считая, что эта книга нужна-де каждому вузовцу <…>» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 704). Договор с ГИХЛом на исследование о Гоголе был заключен 8 августа 1931 г.; работу над книгой Белый завершил в апреле 1932 г.; окончательное решение о ее печатании было принято ГИХЛом 19 июня 1932 г. (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 162–166). Примечательно, что сам Воронский работал над той же тематикой, что и Белый. В написанной им в 1934 г. для серии «Жизнь замечательных людей» книге «Гоголь» есть ссылки на «Мастерство Гоголя».

[23] Имеются в виду начатые 23 мая 1932 г. переговоры с В.Д. Бонч-Бруевичем, организатором и первым директором создаваемого тогда Центрального литературного музея (ныне Государственный Литературный музей), о приобретении архива Андрея Белого (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 166). Подробнее см.: *Воронин С.Д.* Статья В.Д. Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого». С. 273–276; *Белый – Иванов-Разумник*. С. 700–704 (письма за май 1932 г. и примеч.).

[24] М.А. Цявловский также принимал участие в пристраивании архива Андрея Белого. По свидетельству К.П. Богаевской, летом 1932 г. «в квартире М.А. неоднократно бывал Андрей Белый (9, 11, 21 июня и 6 июля). Он продавал свои рукописи с помощью М.А. в библиотеку имени Ленина (но эта передача не состоялась; архив Белого купил <…> для Литературного музея Бонч-Бруевич)» (*Богаевская К.П.* Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 123). В Рукописном отделе Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина к тому времени уже хранился внушительный ком-

плекс материалов Белого (*Бугаева К.*, *Петровский А.*, <*Пинес Д.*>. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН.* Т. 27/28. М., 1937. С. 627), однако других сведений, подтверждающих слова К.П. Богаевской о Цявловском как о конкуренте Бонч-Бруевича, у нас нет. Напротив, именно в 1932 г. Цявловский был введен в состав Комиссии Наркомпроса РСФСР «по устройству Центрального литературного музея» (*Бонч-Бруевич Влад.* Первые шаги Центрального литературного музея // *ЛН.* Т. 3. М., 1932. С. 345) и стал помогать Бонч-Бруевичу в комплектовании фондов.

[25] По просьбе Бонч-Бруевича и Цявловского Белый составил предварительную опись своих материалов (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 701. Письмо от 30 мая 1932) и, передав ее в конце мая в Литературный музей, с нетерпением ожидал ответа. В письме к Иванову-Разумнику от 5 июля 1932 г. он сетовал: «<…> получив опись, удостоверив меня, что вопрос лишь в днях, Бонч-Бруевич вдруг исчез, собраний не собирает, держит в недоумении меня, Цявловского и других. Обнаружилось, что у него нет денег <…>» (Там же. С. 703).

[26] Знакомство Белого с И.М. Гронским произошло в феврале–марте 1932 г. (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 164). Оно было очень важно для Белого, поскольку Гронский в то время был председателем Оргкомитета Союза советских писателей (май 1932 г. – август 1933 г.), ответственным редактором газеты «Известия» (1930–1934) и журнала «Новый мир» (декабрь 1931–1937). Очевидно, Белый ожидал от Гронского приглашения печататься.

[27] Е.Н. Кезельман, арестованная в мае 1931 г. по делу антропософов, в это время находилась в ссылке в г. Лебедянь.

[28] Ср. описание сходного эпизода из жизни Белого в полуподвале на Плющихе в мемуарах В.А. Милашевского: «Тут я заметил, что вплотную к окнам стояли люди впритык друг к другу. Очередь. Нам видны в этих двух окнах были только ноги! Ноги людей из очереди. Какая-то старуха, с ногами как корни корявой ели! На ней были чулки, грязные чулки цвета "охры темной", как говорят художники. Ноги вклинились в какие-то серые опорки, сшитые из старой солдатской шинели времен Перекопа или покорения Крыма. Потом мальчишка с грязными ногами в сандалиях, далее следовал мужчина, очевидно, пожилой, судя по какой-то осадке этих ног. Черно-серые брюки, низ весь проношен и обвис на серых ботинках; обладатель их, вероятно, на "пособии". Потом какая-то бабенка с "развратными" голыми ногами, девчонка с ногами-палочками. Еще, еще и еще!

— Вы знаете, даже великому Босху не под силу было бы выдумать такие кошмарные ноги и их одеяния! Это грязный ад, без пламени, а только с подвальной сыростью! Вы знаете, иногда появляются какие-то ноги, совершенно фантастические по воплощенному в них "кошмару", "мерзкому злу" <…> Я стал рисовать… Мне показалось, что Борис Николаевич страдает от этих пробегающих теней по комнате… Страдает не за себя, а за меня! Вдруг он, не извинившись, вскочил со своего места, прыгнул на шаткую кухонную табуретку и высунул свое лицо в окошко прямо к "икрам":

— Отойдите же от окна! Прошу, умоляю вас, отойдите от окна на два шага! — истерическим, особым "визжащим" голосом кричал он, и дальше все истеричнее, истеричнее, почти в припадке. — Меня рисует художник! Художник! Художник! Вы слышали хоть раз это слово? Уйдите от окна!

— Борис Николаевич! — я вскочил со своего места, мне показалось, что табуретка покачнулась и он вот-вот упадет на пол в этой истерике (а табуреточка-то давно тут стоит! — мелькнуло у меня в голове, — не первый раз поди приходится вскакивать)» (*Милашевский В.* Вчера, позавчера... С. 283–286).

[29] А.А. Алексеева гостила в это время в Лебедяни у своей дочери Е.Н. Кезельман.

[30] См., напр.: «Толчея в комнатушках Коробочки; точно лавчонка для скупщика: тут – птичьи перья; тут – сало; и Ленин отметил зависимость от мелких хищников некрупных хозяйств той эпохи в "Развитии капитализма в России"» (*Андрей Белый.* Мастерство Гоголя. С. 104). См. также цитаты из этой работы Ленина (впервые: СПб., 1899) на стр. 110, 111.

[31] Ср.: «*Январь–апрель.* Та же напряженная работа над книгой о творчестве Гоголя. Изучение трудов Ленина: "Развитие капитализма в России", "Государство и революция" и др.» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 164).

[32] И.А. Сац также работал в ГИХЛе: «<…> мой полит-редактор Сац очень выручил с "*Началом века*", сначала заставив много мест ретушировать, а потом дав резолюцию, что книга очень-де значительная» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 704. Письмо от 5 июля 1932 г.). О его пронесенной сквозь всю жизнь увлеченности ленинскими сочинениями см. в кн. В. Войновича «Портрет на фоне мифа»: «Игорь Александрович Сац почитал многих писателей, но больше других Щедрина, Зощенко и Платонова, которых постоянно к месту и не к месту цитировал. Был, однако, еще один автор, стоявший выше всех перечисленных, он был Сацем любим особенно и мне настоятельно рекомендован.

– Читайте Ленина, – говорил мне Сац, – и вы все поймете. <…> потратьте время, прочтите внимательно полное собрание его сочинений, и вы увидите, что у него написано все про все» (М., 2002. С. 7).

[33] Ольга Ивановна, вторая жена П.Н. Васильева (с осени 1931 г.). Ср.: «Петя. Он счастлив своей встречей с О.И., – очень милая, простая девушка и очень, кажется, жизненная. <…> У Пети ожидается ребенок» (Письмо К.Н. Бугаевой к А.С. Петровскому от 14 декабря 1932 г. Цит. по: *Белый – Петровский*. С. 270).

[34] М.И. Тегер хорошо знала этот круг, так как была сестрой М.И. Сизова, студенческого друга Андрея Белого, члена кружка «Аргонавтов», сотрудника издательства «Мусагет». Подробнее о ней см. примеч. 160 в дневнике 1933 г. к записи за 26 ноября.

[35] Обыгрываются хрестоматийные исторические анекдоты о Диогене, согласно которым философ, отказавшись от имущества и богатства (ненужных для счастья), поселился в глиняной бочке и ходил по Афинам среди бела дня с фонарем, объясняя, что он ищет человека. Они восходят к книге Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (Пер. с древнегреческого М.Л. Гаспарова. М., 1986. С. 220–239).

[36] Из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» А.С. Пушкина (1830). Считается, что при публикации в 1841 г. последняя строка была вставлена В.А. Жуковским (у Пушкина – «Смысла я в тебе ищу»). Однако Белому был дорог именно этот вариант (См., напр., в статьях «Горизонты сознания» (Биржевые ведомости. 1916. 17 марта; утренний выпуск), «Жезл Аарона» (Скифы. 1918. Вып. 1. С. 182–183), в книге «Мастерстве Гоголя» (М., 1934. С. 75) и др.).

[37] Р. Штейнер.

[38] Ср. аналогичные сетования Белого в работе «Почему я стал символистом…»: «К ярчайшему моменту радости встречи со Штейнером присоединялся горчайший момент иррационально неприятного отношения ко мне всех из Москвы – за что? <…> За то, что я 1) усиленно строчил статью в *"Труды и дни"* о символизме, который выдумал от меня защитить мало что в символизме усвоивший Метнер, 2) что я в то же время усиленно писал "Петербург", который упрекавшие меня в погибели люди поздней встретили как лучшее мое произведение, 3) что я, кроме того, внимательнейше изучал антропософскую литературу, а потом и посещал лекции Штейнера, отдаваясь упорной медитативной работе <…>; художественная, философская, религиозная и буржуазная Москва постановила: "Погиб, впал в идиотизм" <…> Что меня считали не символистом и что по этому поводу сожалели люди, задавившие символизм в *"Мусагете"* (Метнер, "логосы" и т.д.), – явствовало хотя бы из того, что приехавший ко мне в Базель Вячеслав Иванов с грустью спросил меня: как быть с символизмом после моего ухода из нашей символической тройки (Я — Блок — Иванов); а я вскоре после этого в Фицнау продолжаю строчить две статьи: *"Круговое движение", "Линия, круг, спираль символизма"* <…>» (*Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 461–462).

[39] «Вечность есть дитя, играющее костями – царство дитяти» (*Гераклит.* Фрагменты / Пер. В. Нилендера. М.: Мусагет, 1910. С. 21). Ср. также трактовку Р. Штейнера, согласно которой «первородный грех человека» состоит в том, «что в своем познании он держится за преходящее» и «через это он отвращается от вечного». Но когда человек «перестает придавать жизни безусловную ценность», тогда «вновь возвращается к нему его невинность»: «Происходит как бы возврат к детству от так называемой жизни. Как многое, чем дитя играет, взрослый принимает серьезно. Знающий

становится как дитя. С точки зрения вечности “серьезные” ценности утрачивают свою цену. Тогда жизнь является *игрой*. “Вечность”, говорит поэтому Гераклит, “есть играющее дитя, – господство дитяти”. В чем же заключается первородный грех? В том, что придается величайшее значение вещам, не заслуживающим этого. Бог излился в мир вещей, и кто принимает их без Бога, принимает всерьез пустые “гробницы Бога”. Он должен был бы играть с вещами, как дитя, серьезность же свою обратить на то, чтобы извлечь из них Бога, который в них спит, зачарованный» (*Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности / Пер. с нем. О.Н. Анненковой. Ереван, 1991. С. 35 (глава «Греческие мудрецы до Платона в свете мудрости Мистерий»).

[40] Белый неоднократно обращал внимание на дифференциальное исчисление, в разработке которого Лейбниц играл определяющую роль. См. культурологическое осмысление открытий Лейбница, «начинающих после выстреливать пушками новых фасонов, иль висеть совершенно чудесно реальнейшими мостами над безднами» в трактате «История становления самосознающей души» (*Андрей Белый.* Душа самосознающая. С. 178. Глава «Кант»). См также сходные мысли в эссе Белого «Кризис жизни» (Пб.: Алконост, 1918. С. 12, 56 и др.).

[41] Мк. 6: 34–44; Ин. 6: 1–15; Мф.15: 32–38.

[42] «Der Freischütz» (нем.) – «Вольный стрелок», название оперы К.М. Вебера (1821; в русском переводе «Волшебный стрелок»).

[43] Обыгрывается название сочинения Э. Гуссерля «Логические исследования» (Разрешенный автором перевод с нем. Э.А. Берштейн; под ред. и с предисл. С.Л. Франка. Т. 1: Пролегомены к чистой логике. СПб.: Образование, 1909).

[44] «Dann sprach es ohne Stimme zu mir». В переводе с нем. Ю.М. Антоновского (1898): «Тогда заговорила беззвучно тишина ко мне» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. М., 1990. С. 128).

[45] Ср. в переводе Ю.М. Антоновского: «Глубокий сон, развеян он: / – Мир – глубина, / Глубь эта дню едва видна» (Там же. С. 281).

[46] Начальные строки стихотворения Андрея Белого «Образ Вечности» (1903).

[47] Ср. у Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки»: «<…> у Гераклита Темного мирообразующая сила сравнивается с ребенком, который, играя, расставляет шашки, насыпает кучки песку и снова рассыпает их» (Пер. Г.А. Рачинского. Цит. по: *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 155. См. также примеч. 39 выше.

[48] См. запись в *РД* за декабрь 1899 г. и примеч. 37.

[49] Мф. 18: 3. См. так же у Ницше в «Так говорил Заратустра»: «“<…> Конечно: если не будете вы как дети, то не войдете вы в это Небесное Царство” (И Заратустра показал рукою наверх)». М., 1990. С. 274).

[50] Согласно Р. Штейнеру, истинно «не одно мировоззрение, а правомерны 12+7+3+1=23 мировоззрения». Их специфика и вариативность определяются корреляцией между двенадцатью знаками Зодиака, семью планетами, Солнцем, Луной и Землей. См.: *Штайнер Р.* Человеческая и космическая мысль. Четыре лекции, прочитанные в Берлине 20–23 января 1914 г. СПб., 2011. С. 62–63. См. также в работе Белого «Основы моего мировоззрения» (1923): «Рудольф Штейнер указывает: на 22 знака мировоззрительного алфавита: 12 мировоззрений, 7 мироощущений, 3 тона, естественно допускающие “12x12x7x7x3x3” вариаций мировоззрительного ритма; возможно не одно, а 145424 нюанса мировоззрительного осмысления <…>» (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 30–31. Публ. Л.А. Сугай).

[51] Имагинация, инспирация, интуиция – ступени высшего, «надматериального» познания мира. См. подробно: *Штайнер Р.* Ступени высшего познания / Пер. с нем. И. Маханькова. М., 2008.

[52] См. стихотворения греческого поэта VII (не VI) в. до н.э. Архилоха в переводе В.О. Нилендера в кн.: Греческая литература в избранных переводах / Сост. В.О. Нилендер. М., 1939. С. 95–99.

[53] Возможно, В.Н. Алексеев, брат К.Н. Бугаевой.

[54] Правильно: Неймайр. «История земли» М. Неймайра (Т. 1: Общая геология; Т. 2: Описательная геология) переиздавалась неоднократно (СПб., 1900, 1902, 1904 и др.).

[55] Московский горком писателей – профсоюзная организация писателей; в ее ведении находилось распределение материальной помощи, продуктов, товаров, квартир и т.д.

[56] Имеется в виду обещанная Белому квартира в строившемся первом кооперативном писательском доме – Нащокинский пер. (ул. Фурманова), д. 3/5. Белый полагал, что он уже внес сумму, необходимую для получения жилплощади – «довъездный пай», но размер пая постоянно возрастал, и указанной в записи от 13 июля суммы оказалось недостаточно. См. об этом в заявлении «В контору жилищно-кооперативного товарищества» от 14 февраля 1933 г.: «Уважаемый товарищ!

Я записался в 1932 году на квартирную площадь размером в 50 метров жилой площади (3 комнаты) для себя с семейством; довъездный пай мой был исчислен в 2300 с чем-то рублей; по расценке осенней я значился в списке вторым кандидатом (внес до 4-го июля 2346 р.), исполнившим требования на 104%; по требованию переоценки я внес дополнительных (29/XII 32 года) 1475 р. и еще 148 р.; кроме того я внес еще 754 р. 21 июля. Итого я внес 105 + 146 + 1000 + 1100 + 754 + 148 + 1475 = 4728 рублей; из них на удорожание уже были взнесены 1475 р. 29 декабря 32 г. О каком удорожании идет речь? О вторичном? <…>» (РГБ. Ф. 25. Карт. 39. Ед. хр. 26).

[57] Волнение Белого было связано с тем, что «постройка дома шла медленно», а «число кандидатов на площадь в нем росло». К тому же «сам дом сдавался и заселялся частями, по мере готовности». «Беспокойство и нервозность Бориса Николаевича относительно этой квартиры <…> были обусловлены тем, что на квартиры в писательском доме было много претендентов и, при жилищной тесноте и сильном квартирном кризисе в Москве, юридические права не всегда соблюдались. Еще бытовало право наиболее юркого и проворного. Борис Николаевич опасался, что его квартиру захватят другие лица <…>» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 179). Ср. запись в дневнике В.П. Полонского за 7 апреля 1931 г.: «Союз писателей достроил дом. Ужасающие сцены при занятии квартир. Голодный получил по списку квартирку в 2 комнаты. Утром придя – он застал в ней поэта Арского. Тот вломился в его квартиру ночью со скарбом. Когда Голодный запротестовал, Арский стал грозить: убью, а не впущу. Голодный передавал, что квартиры захватывались с бою. Один размахивал кирпичом: голову раскрою всякому, кто станет отнимать от меня мою площадь» (*Полонский В.П.* «Моя борьба на литературном фронте»: Дневник. Май 1920 – январь 1932 / Подгот. текста, публ. и коммент. С.В. Шумихина // Новый мир. 2008. № 3. С. 146).

[58] А.П. Пинкевич, педагог и педолог, занимал руководящие посты в системе управления советской наукой и образованием; возглавлял КУБУЧ, состоял членом Государственного ученого совета, был ректором 2-го МГУ и др. С химиком А.Н. Реформатским он был коллегой по работе во 2-м МГУ.

[59] И.И. Попов участвовал в революционном движении со студенческих лет (был студентом Учительского института в Петербурге), входил в руководство «Народной Воли», в 1885 г. был арестован, но, как следует из автобиографии 1926 г., избежал «суда и каторги» и был «административно сослан на 4 года в Забайкалье, в Кяхту» (Энциклопедический словарь «Гранат». 7-е изд. Т. 40. М., 1926. С. 343). «С 1906 г. живу в Москве, где работал в разных газетах и журналах, преимущественно в "Русских Ведомостях". Состоял председателем "Общества деятелей периодической печати и литературы", директором Литературно-художественного кружка, председателем которого я был после В.Я. Брюсова, членом "Литературной Среды", политич<еского> "Красного Креста" и др. и всегда поддерживал связь с Сибирью и ссылкой. После Октябрьского переворота работал в о-ве потребителей "Кооперация", кооперативном клубе, издательствах, бюро краеведения и в московском областном музее. Состою членом группы народовольцев, при обществе "Политкаторжан"» (Там же).

[60] См. выше, примеч. 29.

[61] Белый ожидал от В.Д. Бонч-Бруевича выплаты денег за свой архив, приобретенный за 10 000 рублей по «Протоколу № 2 заседания Фондовой комиссии Центрального Литературного Музея» от 7 июля 1932 г. (ГЛМ). Архив был передан в музей 9–10 июля (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 167).

[62] См.: *Патер В.* Ренессанс: Очерки искусства и поэзии / Пер. С.Г. Займовского с 5-го англ. изд. М.: Проблемы эстетики, [1912].

[63] Могила Н.В. Бугаева находится внутри стен Новодевичьего монастыря. Памятник частично сохранился.

[64] *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. С. Брилианта с 8-го нем. изд., перераб. Людвигом Гейгером. Т. 1–2. СПб., 1904–1906. Белый читал эту книгу ранее. См. запись за декабрь 1905 г. в *РД*.

[65] *Фойгт Г.* Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма / Пер. И.П. Рассадина. В 2 т. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1884–1885.

[66] Ср.: «Со Стороженками память сплетает особый круг лиц, <…> гуманисты; зарей возрожденья несло от них; <…> да, заря возрождения, о которой сказал Алексей Веселовский однажды: “Джордано Бруно, стоя одною ногою во мраке средневековья”, – и далее, далее, далее (нагроможденья придаточных предложений, во время которых оратор забыл, что "ногою"), – “другою приветствовал он зарю возрождения!”» (*На рубеже.* С. 128–129). Героями этого популярного анекдота оказываются разные исторические персонажи. Ср.: «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении» (*Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций / Послесл., коммент. А.Ф. Смирнова. М., 2004. С. 439. Лекция LVI).

[67] См. запись за декабрь 1915 г. в *МБ*.

[68] О противопоставлении антропософской культурологии шпенглеровской см.: *Андрей Белый.* Основы моего мировоззрения / Публ. Л.А. Сугай // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 10–37.

[69] См. о негативном отношении Белого к механицизму в философии и методологии естествознания: *На рубеже.* С. 169–172; 201–202; ср. также анализ механистического подхода к природе: *О Штейнере.* С. 51–54.

[70] Тогда же Белый просил П.Н. Зайцева напомнить П.Г. Горкунову, чтобы ему на «текущий счет перевели за август и сентябрь по 225 рублей» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 497. Письмо датировано публикатором Дж. Малмстадом: конец июля – до 8 августа 1932 г.).

[71] Видимо, намек на близость И.Н. Бороздина к Н.И. Стороженко. По свидетельству П.А. Бороздиной, «интерес к художественной литературе пробудился у него под влиянием <…> известного русского ученого-шекспироведа Н.И. Стороженко, который познакомил его с выдающимися писателями и поэтами конца XIX – начала XX века <…> Правда, отношения с А. Белым у Ильи Николаевича были достаточно сложные <…> И.Н. Бороздин не мог простить ему его воспоминаний, где в неуважительном тоне говорилось об их общем учителе Н.И. Стороженко» (*Бороздина П.* Ценитель слова (И.Н. Бороздин – литературный критик) // Подъем (Воронеж). 2006. № 2. С. 162–164).

[72] Насколько нам известно, ни И.Н. Бороздин, ни Н.К. Пиксанов не были «красными профессорами» (то есть сотрудниками Института Красной профессуры) в строгом смысле слова, хотя оба занимали высокие административные посты. Бороздин работал в Московском педагогическом институте им. А.С. Бубнова, заведовал кафедрой (профессором Воронежского университета, где он работал после ссылки, Бороздин стал только в 1947 г.). Пиксанов был профессором 2-го МГУ, членом-корреспондентом АН ССР (с 1931 г.). Неприязнь к Пиксанову была, в частности, вызвана его критической статьей о Белом в Большой советской энциклопедии (Т. 5. М., 1927. Стб. 443).

[73] Н.Н. Накоряков был назначен директором ГИХЛа в 1932 г. и занимал эту должность до 1937 г.

[74] В 1926 г. в Доме Герцена (Тверской бульвар, 25) по инициативе С.А. Толстой был открыт «Есенинский уголок», вскоре получивший название «Музей жизни и творчества Есенина при Литературном музее Всероссийского Союза писателей». После закрытия музея в 1929 г. С.А. Толстая осталась хранительницей есенинских материалов. См.: *Зинин С.А.* Сергей Есенин и Софья Толстая. М, 2008. С. 165–178, 187 и др.).

[75] Эту идею Белый начал развивать еще в 1927 г. в тифлисской лекции «Читатель и писатель» (28 июня). См. публикацию краткого конспекта лекции в обзорной статье Т.В. Анчуговой «Выступления Андрея Белого в конце 1920-х – начале 1930-х годов (*Проблемы творчества.* С. 670–671) и подробный пересказ лекции в книге «Ветер с Кавказа» (М., 1928. С. 147–156).

[76] Ср.: «*Июля 19.* Выступление на заседании группкома писателей ГИХЛ. Избрание членом бюро группкома. Знакомство с В.М. Бахметьевым и Ф.В. Гладковым» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 168).

[77] До ареста в 1938 г. А.Н. Зуев работал редактором в издательстве «Федерация» (с 1933 г. – «Советская литература»). Договор на издание мемуаров «Между двух революций» был заключен 23 июля 1932 г. Однако в 1933 г. книга была передана в «Издательство писателей в Ленинграде»; вышла после смерти Белого (Л., 1934). См. записи в дневнике 1933 г. за 2 сентября, 30 ноября и примеч. 45, 161.

[78] Дилижан – горный курортный поселок (с 1951 г. город) в Армении, окруженный лесами с редкими видами растительности. На берегу озера Севан и в Дилижане Белый был во время своего путешествия по Армении в 1928 г. (см. запись в *РД* за 24 мая 1928 г.).

[79] См. запись в *РД* за май 1929 г. В 1928 г. Белый посетил упомянутую Севанскую озерную станцию, занимавшуюся прежде всего разведением форели, и описал свои восторженные впечатления в очерке «Армения» (Красная Новь. 1928. № 8). См.: *Андрей Белый.* Армения: очерк, письма, воспоминания / Сост., приложения и примеч. Н. Гончар. Ереван, 1985. С. 71–72.

[80] С июля 1932 г. до ареста в апреле 1933 г. М.А. Фортунатов работал заместителем директора и научным руководителем Тихоокеанского института рыбного хозяйства.

[81] Из стихотворения Е.А. Баратынского «Последняя смерть» (1828).

[82] Ср. эпиграф из «Войны мира» Л.Н. Толстого к повести «Котик Летаев»: «Знаешь, я думаю, – сказала Наташа шепотом... – что когда вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того довспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете...» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. М., 1997. С. 24).

[83] Из Первого соборного послания апостола Иоанна Богослова: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни, – ибо жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам» (1 Ин. 1: 1–2).

[84] Деян. 9: 1–9. Ср.: «Павел не видел Христа, но он знал: Христос – был; он увидел пришествие в сердце своем; и он знал: человечество стало свободно <...>» (*Андрей Белый.* Евангелие как драма. М., 1996. С. 31).

[85] Ср.: «Как бы то ни было, – память о конце первого двухлетия (длинная память) и исключительные ее объекты (фантастика бреда) резко отделяют меня от ряда детей с более короткой памятью <...>» (*На рубеже.* С. 183). См. также в предисловии к несостоявшемуся переизданию «Котика Летаева» (1928): «Природа наделила меня, – необыкновенно длинной памятью: я себя помню (в мигах), боюсь сказать, а – приходится: на рубеже 3-его года (двух лет!); и помню совсем особый мир, в котором я жил» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. С. 496).

[86] Эти воспоминания отразились в 1915 г. в повести «Котик Летаев»:

«Фундаменталиков–Чемодаников, ученик ремесленной школы, – этот был безобразник; на металлический сундучок приходил он посиживать из угла коридора; и разговаривал с нянюшкой о ремесленной школе; о воспитанниках этой школы; и о том, – сколько их...

Мне казалось, что они грохотали у нас по ночам; в лабиринте из комнат с толпами – вот таких же точно, как и они, безобразников; это были *дикие племена*, населявшие миры дальних комнат; я с волнением взирал на сидящего *безобразника*, учиняющего в ночных переходах ужасные нападения на детей <...>» (Там же. С. 59). См. там же о нянюшке Александре (С. 51–53).

[87] См. описание этих «воспоминаний» в «Котике Летаеве» и *На рубеже*.

[88] Ср. в повести «Котик Летаев»: «Впечатление – воспоминание мне; воспоминание – музыка сферы; воспоминания меня обложили; воспоминания – ракушки; вспоминая, я ракушки разбиваю; и прохожу через них в никогда не бывшее образом; вызывание образов прежде бывшего – припоминание той страны, по образу и подобию коей прежде бывшее было; припоминание – творческая способность, мне слагающая проход в иной мир; преображение памятью прежнего есть собствен-

но чтение: за прежним стоящей, не нашей вселенной; впечатления детских лет, то есть память, есть чтение ритмов сферы, припоминание гармонии сферы; она – музыка сферы: страны, где –

– я жил до рождения! Вспоминаю: возникают во мне соответствия –

– и в мимическом жесте (не в слове, не в образе) встает *память о памяти*, пересекая орнаменты мне в собственный жест мой в стране жизни ритмов: там был до рождения я. Память о памяти такова; она – ритм, где предметность отсутствует; танцы, мимика, жесты – растворение раковин памяти и свободный проход в иной мир» (*Андрей Белый.* Собр. соч.: Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака. С. 105). Про «память о памяти» см.: *Шталь-Швецер Х.* О понятии действительности. Повесть А. Белого «Котик Летаев» // Литературное обозрение, 1995. № 4/5. С. 161–167.

[89] См. описание предложенных Р. Штейнером упражнений по развитию такого рода памяти («вспять» – то есть в обратном порядке) в рассказе Андрея Белого «Иог» и их анализ в: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 186–208 (глава «Рассказ Андрея Белого “Иог”: автобиографический подтекст и эзотерический опыт»).

[90] К.Н. Бугаева в «Летописи жизни и творчества» Андрея Белого отмечает: «*1 Августа.* Беседа с редактором ГИХЛ о “Мастерстве Гоголя”» (Л. 167). Скорее всего, имеется в виду эта встреча с А.К. Воронским.

[91] И.А. Груздев был одним из организаторов (в 1927 г.) и сотрудником кооперативного «Издательства писателей в Ленинграде». 14 ноября 1931 г. Белый заключил с «Издательством Писателей в Ленинграде» договор на написание романа «Германия» (См.: *Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* Неосуществленный замысел Андрея Белого («План романа “Германия”») // *Гречишкин С.С.*, *Лавров А.В.* Символисты вблизи. СПб, 2004. С. 376–382).

[92] Белый неоднократно ссылается в «Мастерстве Гоголя» на монографию В.Ф. Переверзева «Творчество Гоголя» (М., 1914; То же: Иваново-Вознесенск, 1926; Белый использует 3-е издание: Иваново-Вознесенск, 1928). Претензии к литературоведческим концепциям и методологии В.Ф. Переверзева в 1929 г. переросли в громкую идеологическую кампанию по разоблачению «переверзевщины» (см. литературу вопроса: *Михайлов А.* Переверзев // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 8. М., 1934. Стб. 501–512). В этой связи обвинение в «переверзевщине» (вполне справедливое), проявившейся не только в цитировании, но в использовании «классового подхода» в анализе произведения, казалось Белому весьма опасным.

[93] И. Тэн в «Философии искусства» (1865; впервые на русском: 1866, впоследствии многократно переиздавалась) развивает концепцию, согласно которой искусство выражает «господствующий тип», «типичный характер», выражающий «дух времени».

[94] Имеется в виду «прафеномен» («протофеномен») – центральная категория натурфилософии Гете. См. ее трактовку Белым в работе «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (*О Штейнере.* С. 42–43) и примеч. И.Н. Лагутиной (Там же. С. 559–560).

[95] Слабоумный, страдающий размягчением мозга; от фр. ramolli – расслабленный.

[96] *Мережковский Д.С.* Тайна Запада. Атлантида – Европа. Белград, 1930.

[97] От фр. exposé – краткое изложение, экстракт.

[98] *Олеша Ю.* Заговор чувств. Пьеса в 7-ми картинах. М., 1930.

[99] Креонт, фиванский царь – персонаж трагедии Софокла «Антигона». См. ее перевод в кн: *Софокл.* Трагедии / Пер. В.О. Нилендера и С.В. Шервинского. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1936.

[100] Г.С. Киреевская (скорее всего), Д.Н. Часовитина и, возможно – С.М. Кезельман.

[101] Образ, восходящий к «Стихам, сочиненным ночью во время бессонницы» А.С. Пушкина (1830): «<…> Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня... / Что тревожишь ты меня? <…>».

[102] Ф.В. Гладков был в это время сотрудником «Нового мира». Ср.: «*Августа 5.* Предложение журнала “Новый мир” напечатать отрывки из “Начала века”» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 168).

[103] Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» была инициатором создания журнала «Новый мир» (в 1925 г.) и его издателем. Журнал печатался в типографии «Известий», а его авторы, видимо, получали гонорары через издательство «Известия».

[104] Белый ждал деньги (10 000 р.) за проданный в Литературный музей архив. См. в его письме Г.А. Санникову от 8 августа 1932 г.: «<…> удалось перевести “чек”, выданный мне Бончем-Бруевичем за подписью тов. Бубнова, т.е. переведут через несколько дней, когда будут деньги; пока же дали записку, что чек от 5 августа 32 г. принят к перечислению на текущий счет № 4928 21-го отделения Сбер-Кассы (Фрунзенского района). Пишу эту записку с просьбой ее сохранить, как вещественное доказательство, что эта операция была произведена 8 авг<уста> 32 г. в Обл. Конторе Госбанка (окно № 10) в расчетном отделении. Не обошлось без объяснения с заведующим <…>, который <…> только путал и твердил одно: “Нельзя…”, “Чек годен на 10 дней, а далее добывайте новый”» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 70–71). Упомянутая в письме записка с печатью Московской областной конторы сбербанка — в РГБ (Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 3. Л. 17). Наличие подписи наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова обусловлено тем, что в 1932 г. он возглавил Комиссию «по устройству Центрального литературного музея» (В.Д. Бонч-Бруевич был его заместителем; см.: *Бонч-Бруевич В.* Первые шаги Центрального литературного музея. С. 345). Тогда же, на всякий случай, Белый оставил Санникову доверенность: «Настоящим я, Бугаев Борис Николаевич (литер<атурный> псевдоним Андрей Белый) доверяю писателю Григорию Александровичу Санникову получить в Московской конторе Госбанка по чеку № 0807958 АП от пятого августа за приобретение Центральным Гос-Архивом архива “Андрея Белого” согласно постановлению фондовой комиссии от 7.7.32 сумму в десять тысяч рублей (10 000 р.)» (РГБ. Ф. 25. К. 40. Ед. хр. 3. Подпись Белого удостоверена печатью Домоуправления № 24 треста Фрунзенского района и неразборчивой подписью). Волнения оказались напрасны. В ответном письме от 17 августа 1932 г. Санников сообщал: «15-го я навел справку в сберкассе на Зубовской. Перевод на Вашу книжку уже получен. Теперь можете не беспокоиться. Все устроилось» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка С. 73).

[105] Аванс за публикацию отрывков из мемуаров «Начало века» пришел вовремя. 8 августа Белый сообщал Г.А. Санникову: «С “Известиями” все благополучно <…>» (Там же. С. 72).

[106] Имеется в виду первая часть (кн. 1) романа Ф.В. Гладкова «Энергия», печатавшаяся в журнале «Новый мир» (1932. №№ 1–6). Отд. изд.: М.: Федерация, 1933.

[107] Речь идет о поэме Г.А. Санникова «В гостях у Египтян», с текстом которой Белый ознакомился еще в рукописи. Была напечатана в журнале «Новый мир» (1932. № 5. С. 92–123). Отдельное издание вышло годом позже: *Санников Г.* В гостях у Египтян. Роман в стихах. (Из документов пятилетки). М.: Советская литература, 1933.

[108] Планируя написать статью о поэме Санникова, Белый сначала полагал, что она может быть напечатана в газете «Известия» (видимо, в связи с актуальностью производственной тематики). Однако в процессе работы понял, что статья скорее подойдет для журнала «Новый мир» (оба печатных органа возглавлял И.М. Гронский) или для специализированного сборника. См. в письме Белого к Г.А. Санникову от 18 августа 1932 г.: «<…> боюсь, что размер статьи не менее листа и что не для “Известий” (по размеру), хотя по языку стараюсь писать изо всех сил просто. Думаю, что статья скорее для “Нового мира”; а может быть, в сборнике, редактируемом Гладковым, если там есть место статьям, нашлось бы ей место. Вам, или Гронскому, будет виднее» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 74). В итоге статья Белого «Поэма о хлопке» вышла в «Новом мире» (1932. № 11. С. 229–248).

[109] Из стихотворения Е.А. Баратынского «На что вы, дни! Юдольный мир явленья…» (1840).

[110] Ср. там же: «Под веяньем возвратных сновидений / Ты дремлешь; а оно // Бессмысленно глядит, как утро встанет / Без нужды ночь сменя; / Как в мрак ночной бесплодный вечер канет, / Венец пустого дня!».

[111] Созвездие «Большого Пса», в котором находится самая яркая звезда ночного неба Сириус. Ср. космогонию в симфонии Белого «Возврат»: «Ребенок проснулся <…> Ему казалось, что все-

ленная заключила его в свои мировые объятия… Все опрокинулось вокруг него. Он свесился над черной бездной, в неизмеримой глубине которой совершался бег созвездий. Его тянуло в эти черные, вселенские объятия. Он боялся упасть в бездонное… <…> Старик молчал <…> Казалось – он шептал: “Созвездие Волопаса прожило сто миллионов лет. Проживет и еще столько же... А к созвездию Пса приблизилась яростная комета...”» (*Андрей Белый*. Симфонии / Сост., подгот. текста и примеч. А.В. Лаврова. Л., 1991. С. 196–197).

[112] Ср. начальные строки стихотворения В.С. Соловьева «Вновь белые колокольчики»: «В грозные, знойные / Летние дни – / Белые, стройные / Те же они» (1900).

[113] Книга очерков о нравах сахалинской каторги, написанная по впечатлениям от поездки 1897 г. См.: *Дорошевич В.М.* Сахалин (Каторга). Ч. 1–2. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1903.

[114] Книгу очерков Б.А. Пильняка «О-кэй. Американский роман», написанную по впечатлениям поездки в США, Белый читал в журнальной публикации: Новый мир. 1932. №№ 3–6. Отд. изд.: М.: Федерация, 1933; М.; Л.: ГИХЛ, 1933.

[115] Драма Ф.М. Клингера «Буря и натиск» («Sturm und Drang»; 1776) дала название направлению в немецкой литературе 1770–1780-х гг.

[116] Философский роман Ф.М. Клингера (1791) «Жизнь, деяния и гибель Фауста» (Пер. с нем. со вступ. статьей и примеч. А. Лютера. М.: К.Ф. Некрасов, 1913).

[117] Ф.М. Клингер находился на русской службе с 1780 г. до смерти в 1831 г. (в Санкт-Петербурге). Начал карьеру в России со звания лейтенанта морского батальона; в 1811 г. был произведен в генерал-лейтенанты.

[118] Е.Н. Кезельман жила в Лебедяни по адресу: ул. Свердлова, д. 36.

[119] Эти заметки легли в основу статьи Андрея Белого «Поэма о хлопке», опубликованной в журнале «Новый мир» (1932. № 11. С. 229–248).

[120] Поэма писалась по горячим следам – после возвращения Г.А. Санникова из поездки (весной 1930 г.) в Туркменистан в составе ударной бригады писателей. См. заметку «Первая ударная» в «Литературной газете» за 17 марта 1930 г. (№ 11): «Госиздатом, Наркомпросом Туркменистана и “Известиями ЦИК СССР и ВЦИК” организована первая ударная бригада писателей. В бригаду вошли: Вс. Иванов, П.А. Павленко, В.А. Луговской, Л.М. Леонов и Г.А. Санников. В ближайшие дни писательская бригада выезжает на 2 месяца в Туркменистан для ознакомления с колхозным строительством и культурно-общественной жизнью республики. По возвращении в Москву писателями будут изданы две книги – первый опыт коллективного творчества». Отчет о поездке (а также анонс дальнейших творческих планов) под заглавием «Продолжать работу первой писательской бригады» см. также в «Литературной газете»: «Члены первой писательской бригады Гиз – Вс. Иванов, Вл. Луговской, Л. Леонов, П. Павленко, Г. Санников и Н. Тихонов, выезжавшие весной в Туркменистан, постановили не распускать бригаду. Закончив обработку материалов по поездке в Туркменистан, бригада в том же составе выедет на 3 месяца в один из заводов Московской области для создания специальной книги, посвященной этому заводу. Бригада заканчивает книгу о поездке в Туркменистан. В коллективном сборнике найдут свое отражение жизнь туркменской женщины, быт кочевников, борьба туркменской деревни за хлопковые базисы, нарождение промышленности, жизнь колхозов. На последнем заседании бригады Л. Леонов прочел только что законченную повесть “Саранча”. Повесть трактует прошлогоднюю борьбу туркменского дехканства с вредителями как борьбу политическую. Вл. Луговской заканчивает книгу стихов о Туркмении. П. Павленко работает над серией очерков для “Известий ЦИК СССР” и заканчивает роман “Пустыня” – о сегодняшнем строительстве Туркменистана. Вс. Ивановым написаны несколько рассказов для книги “Рассказы бригадира Синицына”, Н. Тихонов закончил очерки о кочевниках и о Каракалинском промышленном районе для “Красной Нови” и “Известий ЦИК СССР” и работает над романом о борьбе с басмачеством. Г. Санников готовит книгу стихов. Сейчас же по окончании книги о Туркменистане бригада выедет на завод» (1930. № 31, 25 июля). Часть проектов не осуществилась, часть претерпела изменения. Так, Г.А. Санников вместо сборника стихов написал производственную поэму («роман в стихах») «В гостях у Египтян», в которой фактически «проиллюст-

рировал» работу на местах по выполнению постановления ЦК ВКП (б) «О работе Главхлопкома» от 18 июля 1929 г. о достижении «хлопковой независимости СССР» за счет расширения посевных площадей и поднятия урожайности. В поэме рассказывается, как в Туркменистане для этого начинают разводить лучшие египетские сорта хлопка.

[121] Ср. аналогичные мысли в статье А. Белого «Поэма о хлопке» (Новый мир. 1932. № 11. С. 229).

[122] Обыгрывается фривольная тематика поэзии В.Г. Бенедиктова и его словоупотребление. Ср., напр.: «Есть цветок... его на лире / Вечно славить я готов. / Есть цветок... он в грустном мире / Краше всех других цветов. / <…> / Он подъемлется так статно, / Шейка тонкая бела, / А головка ароматна, / И кудрява, и мила» («Цветок», 1848); «Бывало, я близ девы-чародейки / Горел, немел, не находя речей, / И между тем как ниже белой шейки / Не смел склонить застенчивых очей <…>» («Dahin», 1859). В статье «Поэма о хлопке» Белый отмечал также «ловкое опрощенство» в стихах Бенедиктова (Новый мир. 1932. № 11. С. 230).

[123] Из стихотворений А.С. Пушкина «19 октября» (1825) и С.Я. Надсона «Не говорите мне...» (1886).

[124] В статье «Поэма о хлопке» мысль более развита: «Вырождение русского академического стиха отражает эпоху снижения дворянства, уступающего место купцу» (Новый мир. 1932. № 11. С. 230).

[125] Из «Размышления у парадного подъезда» Н.А. Некрасова (1858).

[126] «Мюр и Мерилиз» – российский торговый дом (1857–1922), основанный шотландцами Э. Мюром и А. Мерилизом. Так же назывался знаменитый универсальный магазин на углу Петровки и Театральной площади (здание построено в 1908 г.), первый роскошный торговый центр в Москве. После национализации в 1918 г. – Мосторг, затем ЦУМ.

[127] См. изложение аналогичных мыслей в статье «Поэма о хлопке» (Новый мир. 1932. № 11. С. 230).

[128] Белый имеет в виду сб. Брюсова «Все напевы» (*Брюсов В.Я.* Пути и перепутья: Собр. стихов. Т. 1–3. М.: Скорпион, 1908–1909. Т. 3: Все напевы (1906–1909). М., 1909).Ср. в статье Д. Благого о Брюсове в «Литературной энциклопедии» (М., 1930. Т. 1. Стб. 593–606): «Русская крупная буржуазия не успела создать своей культуры, зато ее представители были ревностными собирателями культуры прошлого. Б. – типичный поэт-книжник, поэт-коллекционер <…> Б. стремится собрать в “пантеон” своей поэзии “всех богов”, отразить в своих стихах “все мечты” и “все речи”, “все напевы” “всех времен и народов”».

[129] «KaDeWe («Kaufhaus des Westens») –легендарный универсальный магазин в Берлине (открылся в 1907 г.), в то время крупнейший в Европе.

[130] См. эссе В.В. Маяковского «Как делать стихи?» (1926): «Говорю честно. Я не знаю ни ямбов, ни хореев, никогда не различал их и различать не буду. Не потому, что это трудное дело, а потому, что мне в моей поэтической работе никогда с этими штуками не приходилось иметь дело»; «Поэт должен развивать в себе именно это чувство ритма и не заучивать чужие размерчики; ямб, хорей, даже канонизированный свободный стих <…>. Из размеров я не знаю ни одного» (*Маяковский В.В.* Как делать стихи? // *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 86, 101–102).

[131] Все перечисленные поэты (и С.Г. Фруг, и С.Я. Надсон, и К.Н. Льдов, и Н.М. Минский) считались в определенных кругах типичными представителями «так наз<ываемого> “жидовского” течения русской поэзии конца века» (*Сапожков С.* Поэзия и судьба Николая Минского // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Подг. текста, сост., примеч. А. Кобринского, С. Сапожкова. СПб., 2005. С. 17 (Новая библиотека поэта)).

[132] См.: «Фабричная» («Как пойду я по бульвару...»; 1900), «Фабричная («Есть улица в нашей столице…»; 1901).; «Детская» («Палочка-выручалочка, / Вечерняя игра!...»; 1901); «О последнем рязанском князе Иване Ивановиче» (1899).

[133] «Гондла» – драматическая поэма Н.С. Гумилева (1916).

[134] См. изложение аналогичных мыслей в статье «Поэма о хлопке» (Новый мир. 1932. № 11. С. 231).

[135] Из стихотворения В.Я. Брюсова «З.Н. Гиппиус» (1901).

[136] Под «зелеными» подразумевается «третья сила» в гражданской войне: нерегулярные вооруженные формирования различной политической ориентации (анархисты, социалисты и др.); в

зависимости от обстоятельств разные группы «зеленых» тяготели то к красным (красно-зеленые), то к белым (бело-зеленые), то восставали против тех и других. Белому, видимо, здесь важна ожесточенная борьба «зеленых» против политики продразверстки.

[137] Г.А. Санников, учившийся в литературной студии Пролеткульта, в 1920 г. вошел в группу «Кузница», был редактором журнала «Кузница» и редактором одноименного издательства. В издательстве «Кузница» вышли его первые стихотворные сборники: «Лирика» (М., 1921), «Дни» (Вятка, 1921) и «Под грузом» (М, 1923).

[138] У Белого описка: вместо «поэмы» написано «группы». Ср.: Новый мир. 1932. № 11. С. 232.

[139] Ср.: «Поясню примером: село Холмогоры выслали ходоком в мир Ломоносова; Ломоносов, побывав в чужих краях и всему обучившись, не вернул селу Холмогоры ничего: уселся в Академии, учредил никому не понятную первую студию стиховедения и в ней пререкался с Сумароковым и Тредьяковским о какой-то никому непонятной стопе "Пиррихий"; при не были понятны не только в Холмогорах, но и среди тогдашних эстетов; речь шла о бытии русского стиха. Дело Ломоносова, переданное ячейке поэтов, ширилось сквозь Державина и Батюшкова, в Пушкине заказ, данный Ломоносову, впервые получил обще-понятную, обще-народную форму. В русском стихе, под формой "стишков", над которыми смеялись, перековывался язык; русские поэты выковывали русскую прозу; в ней – сложился впервые орган социального общения: обще-народный, язык, а не только "пиитический", не только "костромской", в нем и стихи (от сонетов до частушек), и проза (от ритмической до митинговой)» (*Андрей Белый*. Принцип ритма в диалектическом методе / Подгот. текста И. Волковой, М. Одесского, М. Спивак; примеч. М. Одесского, М. Спивак // Вопросы литературы. 2010. № 2. С. 276–277).

[140] См. в статье «Поэма о хлопке» (Новый мир. 1932. № 11. С. 232).

[141] См. в статье «Поэма о хлопке» (Там же).

[142] Ср. характеристику поэмы Санникова в письме Белого к П.Н. Зайцеву (Конец августа 1932 г.): «<…> новизна и оригинальность ее в том, что она впервые "*героический эпос*", а не "лирика"; и во-вторых, что она, будучи "*производственной*" поэмой – интересна, художественна и технически *весьма удовлетворительна* <…>; новизна поэмы в том, что она "*новая форма*", а не в том, что в ней "новые" по технике строки. Я за "поэму" очень стою: оригинальность ее в том, что она не "оригинальничает" в мелочах, будучи оригинальной в основном» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 503).

[143] *Казин В.* Лисья шуба и любовь. М.: Современные проблемы, 1926.

[144] Ср. точнее в статье «Поэма о хлопке»: «<…> первый период знаменует собой начало революционной лирики "бури и натиска" и постепенного снижения, перерождения (порой вырождения) "натисков" и "бурь", вызывающих тоску по эпосу и смутную неудовлетворенность тем, что между Сциллою "очеркового доклада" и Харибдою только лирических "надстроек" над жизнью производств, где-то подспудно таится и производственная "поэма" <…>» (Новый мир. 1932. № 11. С. 232–233).

[145] Имеются в виду «Одиссея» и «Илиада» Гомера, «Энеида» Вергилия, «Освобожденный Иерусалим» (1575) Торквато Тассо.

[146] Имеются в виду «Вечерние огни» А.А. Фета (четыре прижизненных и два посмертных выпуска – Вып. 1–4: 1883, 1885, 1888, 1891; Вып. 5–6: 1894, 1901).

[147] Возможно, отсылка к мемуарам А.А. Фета, который в книге «Мои воспоминания. 1848–1889» (Ч. 1–2. М., 1890) постоянно апеллирует к своему житейскому опыту. Ср., напр.: «Насколько в деле свободных искусств я мало ценю разум в сравнении с бессознательным инстинктом (вдохновением), пружины которого для нас скрыты (вечная тема наших горячих споров с Тургеневым), настолько в практической жизни требую разумных оснований, подкрепляемых опытом. Вот почему порою мне так приятно видеть, что много моих тезисов, казавшихся в свое время неосновательными и противными опыту, в настоящее время оправдались самим опытом» (С. 40). Само же выражение «опыты жизни» встречается в приведенном Фетом в мемуарах письме к нему И.С. Тургенева от 21 августа 1873 г. «Молодой эгоизм и молодое самолюбие не могут не взять

своего. Но так как он теперь уже умен и *будет* знающ, то из опытов жизни он почерпнет необходимые уроки, и выйдет из него толк» (Там же. С. 279).

[148] В статье «Поэма о хлопке» – «достижение» (Новый мир. 1932. № 11. С. 234).

[149] Поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1858), «Дон Жуан» (1859–1860).

[150] Ср. в поэме Г.А. Санникова «В гостях у Египтян»: «Адат, адат – наследье тьмы, / Законы родового права, / Железо древности, отрава, / В ночь повергавшая умы» (Новый мир. 1932. № 5. С. 113).

[151] Ср.: «Благодаря учреждению, / Стоящему на страже Советов, / Иностранное наваждение – / Вредительство – было раздето. / Оно заключалось в том, / Что вокруг плана хлопкового / Был образован единый фронт / Под руководством английского полковника» (*Санников Г.* В гостях у Египтян // Новый мир. 1932. № 5. С. 122). Имя «английского полковника» не называется ни в журнальном, ни в книжном вариантах поэмы. В статье «Поэма о хлопке» «полковник» не упомянут вовсе. Однако по контексту можно предположить, что имеется в виду Лоуренс Аравийский, полковник Томас Лоуренс (у Белого ошибочно – Джон Лоурендс), знаменитый английский разведчик, работавший на Ближнем и Среднем Востоке. Как утверждалось в СССР, он организовывал и диверсии на границах со Средней Азией (Ср.: «В 1925–29 был в Карачи, Пешаваре, на афг<анской> границе, где занимался подрывной деятельностью против Афганистана и СССР» (Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. Стб. 796). Его имя упоминалось, в частности, на судебном процессе по делу «Промпартии» в связи с организацией вредительства на производстве и подготовкой иностранной интервенции. См. «Обвинительное заключение» в кн.: Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931. С. 41. О совещании с «полк<овником> Лоуренсом» в Лондоне в 1928 г. сообщал также в своих показаниях главный обвиняемый Л.К. Рамзин: «При этой встрече мне сообщили, что английские военные круги поддерживают идею интервенции, начинают подготовку к ней, при чем на этом совещании была установлена связь через фирменные английские круги, находящиеся у нас в Москве <…>» (Там же. С. 67). См. также о связи «Промпартии» «с известным английским разведчиком полковником Лоуренсом», которая «поддерживалась через представительства некоторых английских фирм, находившихся в Москве»: *Минаев В.* Подрывная работа иностранных разведок в СССР. Ч. 1. М., 1940. С. 139–140. Однако полковника Лоуренса звали не Джон, а Томас Эдуард. Джон Лоуренс – вице-король Индии (1864–1869). Белый или перепутал, или использовал имя «Джон» как нарицательное, типичное для англичанина.

[152] Белый, видимо, хотел подтвердить актуальность поэмы Санникова свежим газетным материалом. И, действительно, в «Известиях» за 1 апреля 1932 г. наглядно, с помощью графиков демонстрировался рост посевной площади хлопка в стране с 1909 по 1913 гг., в 1929 г. и в 1931 г (в 1931 г. посевная площадь более чем вдвое превышала показатели 1929 г.) и упадок хлопководства в США, Индии и Египте. Борьбе за урожай хлопка посвящены также материалы в «Известиях» за 16 апреля, 16 мая 1932 г. и др.

[153] Словосочетание «инженерный центр» не могло восприниматься иначе как в контексте громкого процесса «Промпартии» («Союза инженерных организаций»), разоблачившего «контрреволюционную вредительскую организацию верхушки буржуазной инженерно-технической интеллигенции». По версии обвинения, эта организация до 1928 г. действовала под названием «Инженерный центр». На открытом судебном процессе (25 ноября – 7 декабря 1930 г.) все обвиняемые и, прежде всего, Л.К. Рамзин подробно рассказывали о том, как были вовлечены в эту вредительскую организацию и какую роль в ее деятельности играли (Процесс «Промпартии» (25 ноября – 7 декабря 1930 г.). С. 49–54 и др.). См. запись Белого в дневнике 1930 г. за 25 декабря и примеч. 134.

[154] Главный хлопковый комитет (Главхлопком) был учрежден в 1921 г (существовал до 1931 г.); в Средней Азии и на Кавказе были открыты его местные отделения, в том числе Хлопковый комитет Туркестанской АССР.

[155] Из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя.

[156] Отсылка к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива» (1837); у Лермонтова: «Тогда расходятся морщины на челе».

[157] Ср. описание в письме Белого к Иванову-Разумнику от 4 сентября 1932 г.: «Вот режим нашей жизни: встаем в 6 утра; вытираюсь холодной водой; потом в 7½ пьем кофе со вкусностями <...> в начале 9-го уже за работой <...> до 12 <-ти>; полчаса – пробег: до обеда; 12 ½ – обед <...>; после: валяюсь, как паша, на диване <...> В 4 ½ вечерний чай: с пиршествами; около шести – идем в поля – в не выразимо душе говорящие просторы <...>; к восьми дома: сумерничаем в тихих беседах под окнами; в 9 часов – спать» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 706). См. подробнее в воспоминаниях Е.Н. Кезельман «Жизнь в Лебедяни летом 32-го года» // *Бугаева К.Н.* Воспоминания о Белом / Ed., annotated and with an introduction by J. Malmstad. Berkeley, 1981. C. 293–310.

[158] Имеются в виду призывы Сталина, напр., в речи на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г, в которой, в частности, была упомянута и текстильная промышленность: «Нам нужны теперь большевики-специалисты по металлу, по текстилю, по топливу, по химии, по сельскому хозяйству, по транспорту, по торговле, по бухгалтерии и т.д. и т.п. Нам нужны теперь целые группы, сотни и тысячи новых кадров из большевиков, могущих быть хозяевами дела в разнообразнейших отраслях знаний. Без этого нечего и говорить о быстром темпе социалистического строительства нашей страны. Без этого нечего и говорить о том, что мы сумеем догнать и перегнать передовые капиталистические страны» (Правда. 1928. 17 мая; см. также в его речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Правда. 1928. 24 ноября). О «перегибах на местах» и, в частности, именно в том районе, где происходит действие поэмы «В гостях у Египтян», говорилось в статье Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», появившейся незадолго до отъезда Санникова в Среднюю Азию: «Известно, что в ряде районов Туркестана были уже попытки “догнать и перегнать” передовые районы СССР путем угрозы военной силой, путем угрозы лишить поливной воды и промтоваров тех крестьян, которые не хотят пока что идти в колхозы» (Правда. 1930. 2 марта).

[159] Описка Белого: правильно – в восьмой. В статье «Поэма о хлопке» исправлена самим Белым или Г.А. Санниковым (Новый мир. 1932. № 11. С. 235).

[160] Важнейшая для поэмы тема инженеров-вредителей («инженерного центра»), засевших в Хлопкоме и действующих по наущению «заграницы», была более чем актуальна. См., напр., развернутый перечень угроз «хлопковой пятилетке» в «Известиях» за 27 марта 1931 г.: «<...> правый уклон и его носители в здешних условиях являются сплошь и рядом прямой, непосредственной агентурой классового врага-кулака, бая, чиновника-колонизатора, националиста-шовиниста, торговой буржуазии, вредителя, пробравшегося в ряд решающих хозяйственных и плановых органов, и только теперь, уже после процесса “Промпартии”, вытаскиваемого за уши из недр ГХК <Государственный Хлопковый комитет>, органов Водостроя, кооперативных центров и др.» (*Актынь А.* В борьбе за хлопковую независимость). Или: «Но не только баи и кулаки вредят хлопковой пятилетке. Среди вредителей есть люди, стоящие очень близко к партии, комсомолу и советской власти» (*Савич Б.* Советское хлопководство // Смена. 1930. № 8/9. С. 14–15). См. также проясняющую ситуацию приписку к письму Сталина В.М. Молотову от 21 августа 1929 г.: «P.S. О *Хлопкоме.* По сведениям, как хлопкомовцы, так и госплановцы (особенно хлопкомовцы) *не верят* в правильность *решения* ПБ насчет расширения хлопковой пятилетки и хотят его *провалить* на практике, чтобы доказать *свою* правоту. Если это верно (я думаю, что большая доза вероятия есть в этом), надо признать, что такая “идея” хлопкомовцев есть наиболее гнусный вид вредительства, заслуживающий самого *жестокого* наказания <...>» (*Сталин И.В.* Сочинения. Т. 17. Тверь, 2004. С. 295).

[161] Верхняя палуба (от *англ.* spardeck).

[162] Ср. в журнальном варианте поэмы «В гостях у Египтян»: «Сначала он был эсдеком, / Потом убежденным троцкистом, / В троцкистах ходил полгода; / А когда изменилась погода, / Погоревал, попечалился / И повернул на товарища Сталина» (Новый мир. 1932. № 5. С. 94).

[163] Ср. в статье «Поэма о хлопке»: «<...> он, бывший меньшевик, потом троцкист, ныне ортодокс (из конспирации) <...>»(Новый мир. 1932. № 11. С. 236).

[164] См. о гекзаметре Гомера в кн.: *Андрей Белый.* Ритм как диалектика и «Медный всадник». М.: Федерация, 1929. С. 21, 25.

[165] Ср. в статье «Поэма о хлопке»: «<…> из канцелярской “высокопарицы” выткан стилевой прием гоголевской “Шинели”; из доклада партсъезду выткал Санников свой стилевой прием» (Новый мир. 1932. № 11. С. 137). Мысль о «высокопарице» как важнейшем элементе гоголевского стиля и особенно «Шинели» многократно повторена Белым в «Мастерстве Гоголя»: «Гоголь – сама эпопея прозы, поскольку в ней русский народный язык влил жизнь в “*литературу и только*”; “штиль” мелкопоместного, дворянина, сниженного в мещанстве, высокопарица канцеляриста и грубая смачность семинариста им впаяны вместе с местными народными говорами в литературную форму» (С. 6); «семинарская вычурность выражений, мещанские словечки и канцелярская высокопарица, – элементы, из которых позднее вылепливает он свой русский язык» (С. 29); «<…> для “Ш” типичны: высокопарица, фигура косноязычия, странности языка и ходы на “*ничто*”, “*никто*”» (С. 278) и др.

[166] Описка, исправленная в статье «Поэма о хлопке»: «Америка – Центральная и Южная, / Индокитай и Африка» (Новый мир. 1932. № 11. С. 237).

[167] Описка, исправленная в статье «Поэма о хлопке». Правильно: «парусных блуз» (Там же).

[168] Имеется в виду вторая статья Н.Г. Чернышевского из цикла «Сочинения А.С. Пушкина. Изд. П.В. Анненкова» (1855). См.: *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. 2. М., 1949. С. 470–472.

[169] Ср. аналогичный пассаж в «Мастерстве Гоголя»: «<…> слова отрывка 8-й главы “ТБ” (от слов “Тарас видел, как смутны стали казацкие ряды” до окончания главы) я подвел под статистику; вот цифры ее: односложных ударных слов – 32; хореев – 118; ямбов – 120 (ни хорей, ни ямб не преобладает); дактилей – 41; анапестов – 50 (ни дактиль, ни анапест не преобладает); амфибрахиев – 117; пеонических слов – 118; слов с ударением на второй половине (от двухсложных до девятисложных) – 269; слов с ударением на первой – 230; ударение падает на середину слова 157 раз» (С. 222).

[170] При жизни Белого вышла первая часть романа: *Новиков-Прибой А.С.* Цусима. М.: ГИХЛ, 1932 (Роман-газета. 1932. № 5/6); *Новиков-Прибой А.С.* Цусима. Т. 1. Поход. М.: Федерация, 1932.

[171] Ср. в статье «Поэма о хлопке»: «<…> что это значит? То, что интонационный пульс пролетарского поэта бьется в четыре раза сильнее “нормального” пульса академических стихов; силе ударов соответствует долгота паузы высекающих образы строк:

Железо-бетонное // огнеупорное ///,
Монументальное // … –
– Что? –
– После паузы:
Зданье Хлопкома» (Новый мир. 1932. № 11. С. 238).

[172] Ср.: в статье «Поэма о хлопке»:
«<…> в XX веке поэты возлюбили дактилические окончания слов:

Это – корабль, океáн-ского
плá-ванья
Нагруженный дó-верху интелли-
гéн-тами,
Диагрáм-мами, свóд-ками, плá-нами»

(Новый мир. 1932. № 11. С. 238).

[173] Из стихотворения В.Я. Брюсова «Три свидания»: «В зеркале смутно удвоены / (Словно мило-неверные рифмы), / Свечи уже догорают. / Все неподвижно застыло» (1895).

[174] См.: *Брик О.М.* Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха) // Сборники по теории поэтического языка. Вып. II. Пг., 1917. С. 24–62.

[175] Ср.: в статье «Поэма о хлопке»: «<…> можно лишь попенять поэту, что он злоупотребляет конечным созвучием, ослабляя межстрочную паузу, которая призвана выделить мускулатуру стиха; четкая рифма особенно нужна для вольного размера Санникова, чтобы не утопить его в хаосе» (Новый мир. 1932. № 11. С. 238).

[176] См. выше, примеч. 162. Очевидно, критика Белого побудила Санникова при публикации поэмы отдельной книгой заменить рифму и строку: «Чтоб не попасть в прогалину / Повернул к товарищу Сталину» (*Санников Г.* В гостях у Египтян. М., 1933. С. 16).

[177] Так в журнальном варианте (Новый мир. 1932. № 5. С. 99). В книге переделана вся подглавка XV второй главы (*Санников Г.* В гостях у Египтян. С. 38).

[178] Персонажи поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник» (1820–1821).

[179] Так в журнальном варианте (Новый мир. 1932. № 5. С. 98). В книге строка заменена (*Санников Г.* В гостях у Египтян. С. 35).

[180] Так в журнальном варианте (Новый мир. 1932. № 5. С. 99). В книге строка заменена (*Санников Г.* В гостях у Египтян. С. 36).

[181] Так в журнальном варианте: «Но человек сильней, когда по-ленински / Как винтик входит в коллектив» (Новый мир. 1932. № 5. С. 99). В книжный вариант внесена правка: «Но человек сильней, когда по-ленински / Организован в коллектив» (*Санников Г.* В гостях у Египтян. С. 37). Ср. в статье «Поэма о хлопке»: «“там вкладывался коллективный труд в решенную проблему орошенья” (точно Пегаса заставили перевозить артиллерию; бедный коняшка покрыт пеной усилий); или: человек “как винтик входит в коллектив” (надеюсь, что “не винтик”: тяжело, абстрактно)» (Новый мир. 1932. № 11. С. 240).

[182] Новый мир. 1932. № 5. С. 99. В книжном варианте поэмы Санников убрал не только раскритикованные Белым строки, но и всю подглавку.

[183] Шистоцерка – пустынная саранча.

[184] У Белого описка. И в журнальном, и в книжном вариантах поэмы: «И поезд на Карши дрожал» (*Санников Г.* В гостях у Египтян // Новый мир. 1932. № 5. С. 104; То же. М., 1933. С. 45). Карши – древний город в Кашкадарьинском районе Узбекистана, центр знаменитого плодородного оазиса.

[185] «Советский сноб, балагур и умник, / Семен Евгеньевич Липет / по прическе, чулкам и костюму / Человек иностранного типа» (Новый мир. 1932. № 5. С. 94). Согласно характеристике главного положительного героя – «не агроном, а липа» (Там же. С. 93).

[186] Комсомолка, помощница Кречетова, его платоническая возлюбленная.

[187] Афганец – название ветра, дующего с афганской границы.

[188] И в журнальной, и в книжной редакции вместо последней строки: «Вдруг гибельный крик человечий» (Новый мир. 1932. № 5. С. 106; М., 1933. С. 64). Строка «“Афганец” грохочет в бубны» – через несколько подглавок (Новый мир. 1932. № 5. С. 106; М., 1933. С. 66).

[189] Ср. в статье «Поэма о хлопке»: «Экспрессионистическая резкость, как след автомобильной шины, тотчас же, как песком, заметается традиционно-восточным сказом» (Новый мир. 1932. № 11. С. 241).

[190] Так в журнальном варианте (Новый мир. 1932. № 5. С. 103). В книжном варианте поэмы строка изменена: «Шелковистее и лучше» (*Санников Г.* В гостях у Египтян. С. 57).

[191] Ср. в статье «Поэма о хлопке»: «Санников в этой главе точно сдает экзамен на окончание стиховедческой школы, откуда выходит с дипломом первой степени за показ строчек – по Пушкину, по Маяковскому, по Гумилеву и т.д.» (Новый мир. 1932. № 11. С. 241).

[192] Иолотанский район Туркмении с центром в поселке Иолотань (ныне город Ёлётен).

[193] Чигирь – древнее и простейшее устройство для подъема воды и орошения – колесо с ковшами.

[194] Из «Оды на день восшествия на всероссийский престол Ея Величества государыни императрицы Елизаветы Петровны, 1747 года» М.В. Ломоносова.

[195] Ср. в поэме «В гостях у Египтян»: «<…> Завязли в песчаном оркестре / И слух, и глаза, и ноги…» (Новый мир. 1932. № 5. С. 106).

[196] Здесь и выше описка Белого – подразумевается третья глава.

[197] Берта Петровна – жена Липета, Виргиния – жена Кречетова, бросившая его.

[198] Сорта хлопка. В центре фабулы – борьба за разведение самого лучшего, «длинноволокнистого» египетского сорта «маарат».

199 Так в книжном варианте (*Санников Г.* В гостях у Египтян. С. 97). В журнальном: «вскоре» (Новый мир. 1932. № 5. С. 112).

200 Из высаженных одиннадцати кустов хлопчатника сорта «маарат» осел, специально выпущенный на поле ревнивым поклонником Угуль, съел шесть.

201 Баче Сакао («сын водоноса», сейчас принято написание «Бачаи Сакао») – прозвище Хабибуллы, лидера фундаменталистского восстания в Афганистане, захватившего в 1929 г. Кабул, сместив падишаха Аманулу-хана (1892–1960) и провозгласив себя эмиром. Поскольку Аманулла-хан считался дружественным советскому режиму (в 1928 г. состоялся его визит в СССР), в Бачаи Сакао видели ставленника английского империализма. Сам свергнутый осенью 1929 г., Бачаи Сакао в поэме не фигурирует, однако в ней упоминается пользовавшийся его поддержкой лидер басмаческого движения в Узбекистане и Таджикистане Ибрагим-бек (1889–1931). В бою с отрядами Ибрагим-бека, вторгшимися из Афганистана, погибает главный герой поэмы Кречетов.

202 То есть египетские сорта хлопчатника.

203 Лаура – возлюбленная Петрарки, адресат его лирики.

204 Неточно цитируются первые строки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сон» (1841). Ср.: «В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я <…>»

205 Имеется в виду поэма «Кавказский пленник».

206 Ср. подробнее в статье «Поэма о хлопке»: «Сеть вредителей покрыла Среднюю Азию; Липет от “инженерного центра” ездил в Египет для связи с мистером Греем, от которого получил и доллары, и инструкции, как использовать гигантоманию, дутые планы и как компрометировать преданных советских работников» (Новый мир. 1932. № 11. С. 248).

207 См. в финале поэмы: «Постановление Наркомзема СССР: 1. Сарай-Камарский район Таджикистана объявить Всесоюзной семеноводческой базой египетского хлопчатника. 2. В течение первой пятилетки закончить строительство Вахшской плотины и площадь посевов “египтянина” довести до ста тысяч га» (Новый мир. 1932. № 5. С. 123).

208 «“Египтянин” победил» – этой фразой поэма заканчивается (Там же).

209 Роман К. Фаррера «Человек, который убил» (1907), неоднократно издававшийся на русском. См., напр.: М.: Универсальная библиотека, 1916 (Пер. с фр. Л. Кустаревской), М.: Пучина, 1925 (Пер. с фр. Р. Калменс) и др.

210 *Михайловский Н.К.* Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1–2. СПб.: Русское богатство, 1900 (2-е изд.: 1905). Белый пользовался вторым изданием.

211 Персонаж романа «Москва».

212 Возможно, имеется в виду Смоленская икона Божьей Матери. В главном Казанском соборе Лебедяни (закрыт около 1937 г.) был придел в честь Смоленской иконы; чтимый список Смоленской находился и в московском Новодевичьем монастыре, исключительно важном для Белого.

213 Ср. в записках героя повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1834): «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое».

214 См. об этом запись в дневнике от 30 июля 1932 г. Об обвинениях в «переверзевщине» со стороны политредактора Белый не случайно, а даже с некоторым полемическим злорадством сообщал Иванову-Разумнику, поскольку тот тоже обвинял Белого в «переверзевщине», правда, с противоположных позиций. Для Иванова-Разумника «переверзевщина» в «Мастерстве Гоголя» свидетельствовала о попытке «Б<ориса> Н<иколаевича> натянуть на себя марксизм». Ср. уже после смерти Белого объяснения Иванова-Разумника в письме к К.Н. Бугаевой от 1 июля 1934 г.: «<…> о “Мастерстве Гоголя” – ничего не напишу <…> Книга изумительная <…> Но Вы помните: и в Д<етском> Селе, когда Б<орис> Н<иколаевич> писал (и читал нам) эту свою книгу, – у нас вспыхивали “дискуссии” <…> И до сих пор для меня совершенно неприемлемы две стороны этой книги: “переверзевская” и “мережковская” <…>; все такие места в книге – точно уколы иглы. Я понимаю и знаю, что Б<орис> Н<иколаевич> считал, будто нельзя провести книгу через цензурно-издательские Фермопилы, не омарксичив ее, – и в этом он очень ошибался» (Смерть Андрея Белого. С. 345–346. Публ. В.Г. Белоуса).

[215] В.Д. Бонч-Бруевич был историком сектантства. См. выпущенные под его редакцией «Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола» (Вып. 1–7. СПб., 1908 – Пг., 1916). В письме к Иванову-Разумнику от 5 июля 1932 г. Белый сообщал: «Я просидел вечер у Бонча: мы говорили о Ницше, о туризме, о сектантстве; я нарочно избегал говорить о моих бумагах» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 703).

[216] Т.е. очереди в молочную. См. запись в дневнике 1932 г. за 29 июня.

[217] См. запись в дневнике 1932 г. за 20 июля.

[218] Ср.: «Июня 21 <1932>. Участие в беседе после докладов пушкиноведов у М.А. Цявловского» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 166).

[219] Образ «критика с Крита» (как и идею «Чит–Пис–Крит» – см. выше, примеч. 75) Белый развивал ранее в лекции «Читатель и писатель», прочитанной в Тифлисе 28 июня 1927 г.: «Наш критик происходит от слова "Крит", остров в Средиземном море, на котором сидел и судил Минос, присуждая всех на ужин Минотавру. Критика узурпировала себе роль верховного судьи, гегемона, учителя и т.д.» (*А. Б.* Читатель и писатель (Лекция Андрея Белого) // Заря Востока. 1927. 30 июня; цит. по: *Белый – Иванов-Разумник*. С. 534). Белый подробно пересказал свое тифлисское выступление, направленное против тирании современной критики, Иванову-Разумнику в письме от 19–21 августа 1927 г.: «<…> октябрьская революция должна быть углублена <…> свержением монополии острова Крита; должен возникнуть "*Чит–Пис–Крит*", или "Совет читательских, писательских и критических" депутатов» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 528). См. также: *Андрей Белый*. Ветер с Кавказа. С. 155–156.

[220] Эту цитату из «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя Иванов-Разумник привел в несохранившемся письме к Белому. См. комментарий Иванова-Разумника к письму Белого от 4 сентября 1932 г.: «В разговоре с ИР в Детском Селе, в марте 1932 года, АБ очень хвалил поэму Г. Санникова (еще ненапечатанную) "В гостях у Египтян"; впоследствии он даже написал о ней хвалебную статью <…> ИР относился скептически к достоинствам этой поэмы, судя о ней лишь по тем отрывкам, которые запомнил АБ. Летом ИР прочел всю эту уже напечатанную поэму, мнения о ней не изменил – и написал в *P.S.* письма к АБ: "Поэму Санникова прочел… "Но – ничего! ничего! молчание!.."» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 707).

[221] См. оценку творчества И.Л. Сельвинского в письме Белого к С.Д. Спасскому от 13 марта 1932 г.: «<…> о Сельвинском не хочу говорить: это – циркизм, джаз-банд, а не поэзия» (Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским. С. 657).

[222] Ср., напр., «Светлый Исусе» в стихотворении Клюева «Оттого в глазах моих просинь…» (1917). См. также у самого Белого в «Серебряном голубе»: «<…> пошла в пляс Матренка: пляшет женка, приговаривает столяр: "Сусе, Сусе, стригусе: бомбарцы… Господи помилуй"» (*Андрей Белый*. Собр. соч.: Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С. 189).

[223] Ср. в письме Иванова-Разумника к А.Г. Горнфельду от 18 апреля 1934 г.: «<…> воздавать должное можно и идейному врагу <…>. Он был "никаким" критиком: мог же он (в разговорах со мной) ставить дюжинную поэму Санникова выше "Возмездия" Блока, мог же он в последний год жизни написать статью о Гладкове (которую я не читал, но довольно и заглавия), мог же он пройти мимо Пришвина и т.д. В двух первых случаях – слабость приспособленчества причиной <…>» (Смерть Андрея Белого. С. 341. Публ. В.Г. Белоуса).

[224] На эту очень обидевшую Белого реакцию Иванова-Разумника он, не называя имени обидчика, жаловался самому Г.А. Санникову в письме, датированном тем же днем, что и это неотправленное письмо – 31 августа 1932 г.: «<…> уже получил от одного "критикана" письмо с критикой Вашей поэмы, – которому ее хвалил; ведь есть персоны, которые во всех моих проявлениях ищут повода к ехидным осуждениям меня (*де* прилаживаюсь к современности); живешь под двойной цензурой (не только *слева*, но и *справа*)» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 83).

[225] Г.А. Санников вступил в ВКП (б) в 1917 г., в 1918 г. начал заниматься в литературной студии Пролеткульта, где преподавал Белый и где они познакомились.

[226] Из стихотворения В. Хлебникова «Кузнечик» (1908–1909). Иванов-Разумник в статье «“Мистерия” или “Буфф” (о футуризме)» отнес себя к тем немногим, кто сумел «почувствовать в тягостном косноязычии» Хлебникова «новую силу и правду вечно рождающегося Слова» (*Иванов-Разумник*. Творчество и критика. Статьи критические. 1908–1922. Пб.: Колос, 1922. С. 227–228). Приводя примеры этого нового «Слова» Хлебникова, Иванов-Разумник на первое место поставил то же стихотворение «Кузнечик», о котором уничижительно отозвался Белый: «И лишь немногие тогда (я помню среди них А. Блока) чувствовали это в самых обсмеянных строках В. Хлебникова: “крылышкуя золотописьмом тончайших жил, кузнечик в кузов пуза уложил прибрежных много трав и вер. Пинь, пинь, пинь! Тарарахнул зинзивер”» (*Иванов-Разумник*. Творчество и критика. С. 228).

[227] В данном случае под прицелом критики Белого, скорее всего, оказались рассуждения Иванова-Разумника (в статье «“Мистерия” или “Буфф” (о футуризме)»), возводящие современные эксперименты со словом к аналогичным опытам Аристофана в комедии «Птицы»: «И если припомнился Аристофан, то уж не футуризм ли и его знаменитый птичий язык:

Ἐποποποποποποποποποποί...
ιω ιω ιτω ιτω ιτω ιτω...
τιό τιό τιό τιό τιό τιό τίό...
τοροτοροτοροτοροτξ
κικκαβάυ κίκκαβάυ.
τοροτοροτοροτορολιλιλιξ...
(Ορνιθε 227)

Чем же этот птичий язык хуже “заумного языка” футуристов?» (*Иванов-Разумник*. Творчество и критика. С. 222). Ср. эти строки из песни Удода в переводе А.И. Пиотровского: «Э по-пой, попой, по-по-по-попой! / Ио-ио-ито-ито-ито-ито! <…> / Тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо-тьо! <…> / Торо-торо-торо-торо-торо-торо-тикс! <…> / Ки-ка-бау, ки-ка-бау! / Торо-торо-торо-торо-ли-лиликс!» (*Аристофан*. Комедии. Фрагменты. М., 2000. С. 392).

[228] Ср. в поэме-эпопее Ильи Сельвинского «Улялаевщина» (1924): «Гоп-чук-чук-чук гопапа / Поп попыне поперек пупа попал. / А попиха осердии?лася / Да попенком разре?ши-ла-ся» (*Сельвинский И.* «Из пепла, из поэм, из сновидений». М., 2004. С. 317); или варьирующийся звукоподражательный «птичий» рефрен в «Поэмии о соловье» (1920) В.В. Каменского: «Цивь-цинь-вью – / Цивь-цинь-вью – / Чок-й-чок»; «Цивь-цинь-ций – / Цивь-цинь-ций – / Чтррь-юй. Ю»; «Цивь-цьючок. / Чтррь-йю. Ю»; «Плль-плю-ций. / Ций-тюрьлью» и т.п. (Благодарю И.Е. Лощилова за консультации).

[229] См. об этом в письме Белого к П.Н. Зайцеву, отправленном в конце августа 1932 г.: «<…> пока писал статью о поэме Санникова; <…> нет спору, она полна промахов, если встать на точку зрения, на которой привыкли стоять (т.е. привыкли видеть достоинство поэт<ического> произв<едения> в зáново завитой строке); “куаферных” достоинств и всяких “экспрессионистических” à ля Сельвинский пряностей мало в поэме; новизна и оригинальность ее в том, что она впервые “героический эпос”, а не “лирика”; и во-вторых, что она, будучи “производственной” поэмой – интересна, художественна и технически весьма удовлетворительна <…>; новизна поэмы в том, что она “новая форма”, а не в том, что в ней “новые” по технике строки. Я за “поэму” очень стою: оригинальность ее в том, что она не “оригинальничает” в мелочах, будучи оригинальной в основном» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 503). Ср. также отголоски этой мысли в статье Белого «Поэма о хлопке»: «<…> факт впервые художественно оформленной производственной большой поэмы выявил оригинальность поэта как творца новой монументальной формы поэзии, а не новой стихотворной строки, что выявляет бóльшую оригинальность, чем оригинальность в завивании туда и сюда столькими пере-про-завитой лирической трели»; «<...> безвкусно заострить 3000 строк экспрессионистическими “слоями”, т.е. всовывать как попало в поэму еще “*никем неслышанные*” ритмы <...> Словом, ни старому ямбу, ни Хлебникову, ни Сельвинскому нет места!» (Новый мир. 1932. № 11. С. 234, 236).

[230] Ср. сходный отзыв о Клюеве и его поэме «Погорельщина» в письме к Иванову-Разумнику от 30 августа 1929 г.: «<…> стихи технически – изумительны, зрительно – прекрасны; морально – "*гадостны*"; красота имагинации при уродстве инспирации. <…> дух мне неприемлемого, больного, извращенного эротизма <…>» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 650).

[231] Имеется в виду эпическая поэма Владимира Васильевича Гиппиуса «Лик человеческий» (Пб.; Берлин: Эпоха, 1922); ее автор был симпатичен Иванову-Разумнику тем, что из идейных соображений публиковался мало и дружить с Советской властью не стремился (Подробнее см.: *Рыкунина Ю.А.* «Неизвестный поэт»: к проблеме литературной репутации Вл. Гиппиуса // Новый филологический вестник. 2012. №1 (20). С. 74–86). В статье «Три богатыря» (1922) Иванов-Разумник отнес поэму Гиппиуса к высочайшим достижениям «золотого века новой русской поэзии»: «<…> именно от него, поэта остро лирического, никто не ждал осуществления эпической поэмы – и какого размаха! <…> с недоверием подходили мы, слушавшие, к этой неожиданной громадной эпической поэме, с ее певуче-старомодным пятистопным ямбом и шестистрочными строфами… И после первой же песни почувствовали силу и размах, глубину и свободу. О всеоружии техники не говорю: свободные рифмы (намеренно перебиваемые простейшими, глагольными), остро ломающийся размер (иногда хореический среди ямба), прихотливо играющая цезура обо всем этом подробно расскажут когда-нибудь специалисты формального метода. Но внешняя сила соответствует здесь силе внутренней <…>. Поэма – широкого размаха <…>. Эпическая, философская, символическая поэма – ее не хватало в истории нашего символизма. Огненное "Возмездие" Блока – осталось незавершенным; "Младенчество" Вяч. Иванова едва начато; из задуманных "Трех свиданий" Андреем Белым написано пока лишь "Первое свидание". И законченная, цельная "поэма песен в двадцать пять" Влад. Гиппиуса заполняет свободное место, а самого его, мало кому известного лирического поэта, ставит в первые ряды старших поэтов символизма» (*Иванов-Разумник*. Творчество и критика. С. 217–218).

[232] Ср.: «Дорогой друг, <…> поэма Ваша – большое достижение не только в качестве образов и стиха, но и как симптом завоевания пролетарской поэзией самой трудной в поэзии формы: *героического эпоса* (да еще в условиях современности) <…>» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 79–80).

[233] В.Н. Татаринов, режиссер МХТ-2, был мужем М.А. Скрябиной, сосланной, как и Е.Н. Кезельман, в Лебедянь. Он так же в 1931 г. проходил по делу антропософов, был приговорен к высылке «в Восточную Сибирь сроком на 3 года, считая срок <…> с 8/5–31 г.» и отправлен этапом в Иркутск. В августе 1932 г. Татаринову было разрешено свободное проживание, в конце года он смог вернуться в Москву (*Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 532).

[234] М.А. Волошин умер 11 августа 1932 г.

[235] В.И. Иванов с 1924 г. жил в Италии.

[236] *Михайловский Н.К.* Литературные воспоминания и современная смута. 2-е изд. Т. 1–2. СПб.: Русское богатство, 1905. Далее следуют неточные цитаты из первого тома. См. запись за 31 августа 1932 г. и примеч. 210.

[237] Эти же «перлы из Михайловского», завершающиеся цитатой из «Записок сумасшедшего», Белый ехидно вставил в P.S. к своему последнему письму Иванову-Разумнику от 4 сентября 1932 г. (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 706). Белый, несомненно, знал, что тот высоко ценит Михайловского и намекал на работы Иванова-Разумника о нем, прежде всего – на апологетическую статью «Н.К. Михайловский (Центральный пункт его мировоззрения)» в «Русской мысли» (1904. Год 25. Кн. III. С. 156–163). Иванов-Разумник не только понял, что выпад Белого был ответом на уничижительную реплику по поводу поэмы Санникова, но и объяснил суть пикировки, завершившейся фактически разрывом отношений, в комментарии к письму: «АБ решил отплатить той же монетой – и в этом причина его цитат из Михайловского и повторения гоголевской концовки. Так фразой "Ничего! Ничего! Молчание!.." суждено было закончиться двадцатилетней переписке» (*Белый – Иванов-Разумник*. С. 707).

[238] М.А. Твердова в мае 1931 г. была арестована по делу антропософов. Особое совещание при ОГПУ постановило выслать ее «в Казахстан сроком на три года, считая срок <…> с 27/V–31 г.», однако вскоре Казахстан был заменен на другое место ссылки – Орел. Постановление о ее досрочном освобождении вышло 14 июля 1932 г. Хлопоты М.А. Твердовой о возвращении в Москву длились более года (см. запись в дневнике Белого 1933 г. за 10 сентября) и, в конце концов, увенчались успехом. Однако в апреле 1935 г. она была вновь арестована, приговорена к трем годам исправительно-трудовых лагерей и отбывала срок в Карлаге. См.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 532–533.

[239] Домашнее прозвище К.Н. Бугаевой.

[240] Имеется в виду пятитомный труд Г. Ферреро «Величие и падение Рима» (Пер. [и предисл.] А. Захарова. Т. 1–5. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1915–1923). Белый читал третий том «Конец аристократии» (М., 1920).

[241] Имеются в виду «Воспоминания о Чернышевском» (1890), «О Глебе Ивановиче Успенском: Черты из личных воспоминаний» (1902), «Антон Павлович Чехов» (1904) и др. Под одной обложкой эти мемуары печатались в собраниях сочинений писателя. См., напр.: *Короленко В.Г.* Полн. собр. соч. Т. 1–9. СПб.: Т-во А.Ф. Маркс, 1914. Т. 1.

[242] К.Н. Бугаева датирует «начало работы над 3-м томом воспоминаний “Между двух революций”» 1 сентября 1932 г. (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 167).

[243] Это письмо, видимо, не сохранилось. Упоминание о нем содержится в письме З.Н. Райх Белому от 9 сентября 1932 г.: «Ваше письмо меня ужасно ужасно огорчило. Подумайте, дорогой, и все оттого – это письмо на 7 страницах ко мне, чтоб не писать “туда”. Как маленький ребенок. Это просто умилительно. Попытаюсь сама поговорить с кем надо. Все то Вы так совсем в себя пускаете, все огорчения входят в Вас пудами и не можете Вы от них запереться и показать им кукиш. Простите, простите, можете подумать: это она от “святого благополучия”, но вспомните, и я “чашу пила”...» (См.: Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх. С. 165). Судя по невнятности изложения, «большое волнение» могло быть связано с надеждами на освобождение Е.Н. Кезельман.

[244] К.Н. Бугаева.

[245] Отдельное издание: *Эренбург И.* Мой Париж / Текст и фотографии Ильи Эренбурга. Фотомонтаж и оформление художника Эль Лисицкого. М.: ИЗОГИЗ, 1933. Отрывки печатались в журнале «Прожектор» (1931. № 23–24 (под названием «Париж»); 1932. № 5 (под названием «Бельвилль»).

[246] Желание осуществилось после возвращения в Москву. См. запись К.Н. Бугаевой за 25 октября 1932 г.: «У В.Э. Мейерхольда. Встреча с Ю.К. Балтрушайтисом, И.Г. Эренбургом и др.» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 168).

[247] С.М. Кезельман приезжал в Лебедянь «на 1–2 дня» в последних числах августа (Письмо Белого к Г.А. Санникову от 28 августа 1932 г. // Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 81). Ср. также в письме от 31 августа 1931 г.: «Спешу Вам доставить статью; отдаю ее С.М. Кезельману, который будет в Москве 1-го, если сумеет сегодня уехать из Лебедяни; стало быть: 1-го – 2-го – 3-го статья будет у Вас» (Там же. С. 82).

[248] См. восторженный отзыв Санникова о рецензии Белого в письме Белому от 5 сентября 1932 г. (Там же. С. 84–85).

[249] Ср. письмо П.Н. Зайцева Белому от 2 сентября 1932 г.: «Заходил я в ГИХЛ. Пожаловался <…>, что до сих пор Вам не перечислили денег за август, а теперь уже и за сентябрь надо перечислять. <…> “Гоголь” на политредактуре. “Начало века” назначено к сдаче в производство на октябрь м<еся>ц. “Маски” переверстаны. Я вытребовал верстку (с рисунками) и Ваш оригинал. Сейчас он у меня, я читаю корректуру. Есть опечатки, правлю их <…> “Федерация” все собирается платить. Впрочем, 1-го она собрала 300 руб. и выплатила их. Деньги я вносить в сберкассу не стану, а передам Ан<не> Ал<ексеевне> для хранения до Вашего возвращения» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 506).

[250] В ссылке в Орле находились антропософки О.Н. Анненкова, Л.В. Каликина, М.А. Твердова, Е.Н. Краснушкина.

[251] Имеется в виду письмо З.Н. Райх к Белому от 9 сентября 1932 г. См.: Из переписки А. Белого: Письма В.Э. Мейерхольду и З.Н. Райх. С. 165–166. См. примеч. 243 выше.

[252] Скорее всего, письмо от 5 сентября 1932 г. с выражением благодарности за статью Белого о поэме «В гостях у Египтян». См.: Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 84.

[253] См.: *Корнилов А.А.* Годы странствий Михаила Бакунина. М.; Л.: Государственное издательство, 1925.

[254] Под псевдонимом Эркман-Шатриан работали два плодовитых французских писателя: Эмиль Эркман (1822–1899) и Александра Шатриан (1826–1890). Не вполне понятно, о каких изданиях идет речь. Е.Н. Кезельман вспоминает, что К.Н. Бугаева «читала вслух военные рассказы Эркмана-Шатриана» (*Кезельман Е.Н.* Жизнь в Лебедяни летом 1932 г. С. 296). Судя по упоминанию о двух томах, скорее всего это: *Эркман-Шатриан.* Сочинения. В 2 т. СПб., 1898 (в т. 1 вошли «Воспоминания рекрута 1813 г.»).

[255] «Приезд Н.И. Гаген-Торн» К.Н. Бугаева датирует 15–17 сентября 1932 г. (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 167).

[256] Н.И. Гаген-Торн скрыла, что приехала в Лебедянь не в командировку, а специально для встречи с Андреем Белым. Она возвращалась из Мордовии, где собирала «материалы по мордовской одежде и орнаменту для Саранского научно-исследовательского института». Подробнее см. в ее мемуарах: *Гаген-Торн Н.И.* Андрей Белый (Б.Н. Бугаев) // *Проблемы творчества.* С. 546–556.

[257] Об этом, в частности, сообщал Белому Г.А. Санников в письме от 14 сентября 1932 г.: «<…> внесших полный пай больше, чем квартир. Но Ваше дело бесспорное <…>. Недавно на одном из заседаний Оргкомитета зачитывался список кандидатов на квартиры – Вы в числе первых кандидатов» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 88). Там же Санников заверял Белого, что уже в ноябре квартира будет получена.

[258] Речь идет о выплатах за мемуары «Между двух революций». Ср. доверенность Белого П.Н. Зайцеву, оставленную еще до отъезда в Лебедянь: «Доверяю получить Петру Никаноровичу Зайцеву в счет гонорара 25% причитающейся суммы из издательства “Федерация” за том воспоминаний. Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый). Москва. 5 августа 1932» (РГАЛИ. Ф. 1610. Оп. 1. Ед. хр. 44). Приведена в примеч. к письму Белого к П.Н. Зайцеву от «Конца июля – до 8 августа 1932 г.» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 498).

[259] Внутренние государственные займы как регулярная форма добровольно-принудительного изъятия денег у населения практиковались с конца 1920-х. Сохранились квитанции об уплате Белым «за 3-й заем индустриализации» 50-ти рублей 6 сентября 1929 г. и 100 рублей – 28 апреля 1930 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 4. Л. 25, 26). В данном случае, вероятно, имеется в виду «Заем четвертого, завершающего года пятилетки» (третий выпуск), о котором было объявлено в «Правде» 10 июня 1932 г. Подробнее см.: *Пинаев С.М.* Государственные внутренние займы СССР 1930-х годов // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире». Новосибирск, 2011. С. 72–85.

[260] Белому необходимо было вернуть полученный ранее аванс за роман «Германия», который так и не был им написан. См. его письмо С.М. Алянскому из Лебедяни от 15 сентября 1932 г.: «С прискорбием и не без стыда уведомляю Вас, что я в первый раз в жизни не по своей воле оказываюсь неисправным во взятом мной литературном обязательстве, – и тем более, что это неисполнение обязательства падает на “Издательство писателей в Ленинграде”, выручившее меня в трудную минуту авансом (1000 руб.) за предложенный роман “*Германия*”, который меня очень волновал, но до которого не позволили мне дотянуться жизненные трудности <...> мне “Федерация” должна уже больше месяца *аванс*, который надеюсь получить скоро и из которого с благодарностью тотчас же верну <...> столь выручившие меня 1000 руб.» (Андрей Белый и С.М. Алянский: Переписка / Предисл. и публ. Дж. Малмстада // Лица: Биографический альманах. Вып. 9. С. 113–114).

[261] В.Н. Васильев был родным братом первого мужа К.Н. Бугаевой, П.Н. Васильева.

[262] Роман Ч. Диккенса (1849).

ДНЕВНИК 1933 года

Дневник месяца
(август 1933 года)

Август 1933 года для меня во многом переломный месяц; до него —[*]события, которые привели меня к кризису, в результате которого окончательно рухнули нервы; и выявилось то[**] истощение организма, которое подготовлялось в годах; я стал ощущать насилие во внешней жизни: как будто некая злая рука раздавливает все мои начинания. Внешний повод[***] — солнечный перепек[1]; но он, по словам докторов Славолюбова[2] и Тарасевича[3] — лишь предлог к тому, чтобы выявилась давно подготовлявшаяся усталость.

Коктебель — вместо места отдыха оказался местом тягостнейших переживаний. Слет людей в июле превратил место отдыха в место мучений (Ермилов, проф. Десницкий, Асеев, Горбачев, Бродский и т.д.): я почувствовал себя точно в кулуарах ответственного съезда, мгновенно оброс людьми, интервьюировавшими меня о всех событиях литер<атурной> жизни.

Приехавши в мае в Коктебель, мы попали в очень милый кружок людей (гл<авным> об<разом>, служащие «Гихла» и «Огиза»); наше общество: милый, добродушный еврей, Петито (зав. «Музо» Ленинграда)[4], музык<альный> критик Исламей[5], дочь Римского-Корсакова (Штейнберг) с сыном зоологом[6] и т.д.; единственно кто нарушал <…>[****][7] вынужденно пыхтеть разговорами (за утр<енним> чаем, обедом, пяти-часовым чаем, ужином)[8]; за это время прошел перед сознанием ряд лиц: поэт Мариэнгов, оказавшийся милым[9], Ада Аркадьевна Губер[10] и т.д.

Поместили нас в отдельном домике, оказавшемся очень милым[11], наши соседи тоже оказались очень симпатичными; сперва жила с нами рядом чета Канторович (муж — художник с «Сибирякова»[12]; жена — артистка[13]); потом поселилась чета Томашевских (он — стиховед, она — тоже)[14], с которой произошло удивительное сближение: редкая, счастливая встреча, о которой вспоминаешь с благодарностью. Когда мы уехали, комнату занял академик Десницкий[15].

---

[*] *Зачеркнуто*: все те
[**] *Зачеркнуто*: нервное
[***] *Зачеркнуто*: предлог
[****] В автографе этого листа (Государственный мемориальный музей-заповедник Д.И. Менделеева и А.А. Блока) несколько строк густо зачеркнуты К.Н. Бугаевой; в сделанной ею рукописной копии дневника (Мемориальная квартира Андрея Белого) эти строки (нижняя часть листа) отрезаны.

Андрей Белый, К.Н. Бугаева и М.С. Волошина
Коктебель. 1933. ГМП

С июля начинается моя болезнь (солнечное отравление): рвота, обмороки, головные боли, жар и т.д.; и с тех пор (полтора месяца) я провожу в непрерывном лечении и в ряде страданий на нервной почве.

Но наряду с неприятностями приходится отметить* внимание ко мне со стороны писателей, издательств и ряда общ<ественных> организаций:

«Гихл» идет навстречу всем моим потребностям: переиздает «На рубеже» и берется печатать «Между двух революций»[16]; Накоряков выдвигает по-новому вопрос о квартире, обращаясь с письмом к Матэ Залка о том, чтобы мне предоставили жилплощадь не на четв<ертом> этаже[17], И.М. Гронский прикрепляет меня к Кремлевской лечебнице, оказывает гостеприимство в «Новом мире»[18] и теплейше идет навстречу всем моим планам; ряд деятелей коммунистов становятся прямо или косвенно на защиту меня от нападений Горького[19] (Гронский, Стецкий[20], как передают мне, Каганович[21] и т.д.); словом — я встречаю внимание и поддержку в партийных кругах[22].

Горький и Авербах — хмурятся на меня.

В настоящее время я продолжаю болеть, но предстоит уже ряд новых работ и заданий.

---

* *Зачеркнуто*: необычайное

Андрей Белый и К.Н. Бугаева. Коктебель. 1933. ГМП

Дневник (сентябрь 1933 г.)

1-ое сентября.

Правка последних гранок книги «Мастерство Гоголя». Письма Томашевскому[23], Елене Николаевне[24], Ефимову[25]. За это время читал* Марселя Пруста[26], Валентина Катаева «Время вперед»[27]; Тихонова «Кочевники»[28], литературу о Коктебеле, Саразини[29], Губер[30] и друг., письма Макса Волошина (к Оболенской[31] и т.д.), Гонкуров[32], Ставского[33], Кухтина[34] и т.д. (теперь читаю статьи и книги Томашевского), журнал «Красная Новь» и журнал «Новый мир» (летние №№), Анатолийские рассказы Павленко[35], Брет-Гарта «Рассказы»[36], Боборыкин «Китай-город»[37], Артем Веселый «Россия, кровью омытая»[38] и т.д.

Ставлю перед собой задание: попробовать вернуться к стихам (пойдет ли?). Вечером была Л.И. Красильщик[39].

2-ое сентября.

Вечером ждали П.Н. Зайцева, Пастернака и Паоло Яшвили; узнали, что Паоло приготовил нам помещение в Цинондалах (в Кахетии) на октябрь; но ввиду сложности режима, предписанного мне доктором, решили отказаться от поездки[40]; забота о пьявках; письмо М.А. Скрябиной[41] (из Ленинграда): она дает полезные советы о том, как обходиться с пьявками. Мысли в связи со статьей Томашевского о Пушкине[42]. И.М. Гронский обещается прикрепить меня к кремлевской аптеке ввиду болезни; «Гихл» всемерно идет на все мои предложения: печатает трилогию «На рубеже», «Начало века» и «Между двух революций»; Накоряков обращается к Матэ Залка с просьбой устроить меня в квартире ниже

* *Зачеркнуто*: в Коктебеле

Л.Р. Мюльгаупт. Форзацы книги Андрея Белого «Мастерство Гоголя»
Ксилография. Авторский оттиск. 1933. ГМП

4-го этажа. Выходит закон о жилплощади для научного работника[43] (члена Цеку-бу)[44]. П.Н. Зайцев имеет переговоры с издательством «Сов<етская> литература» (б<ывшая> «Федерация»); в результате которых последняя возвращает мне книгу «Между двух революций» для передачи Гихлу[45]. Узнаю, что циркулирует слух, будто Каганович меня ценит, как писателя (то же отчасти и Стецкий)[46]. Словом: узнаю ряд приятных, но и отчасти тревожных новостей. Между прочим: съезд сов<етских> писателей откладывается на май 1934 г[47]. Вечером был В.О. Нилендер.

3-ье сентября.

Продолжаем ждать Пастернака и П. Яшвили. Прогулка утром по Арбату. В Москве уже несколько дней гостит Эррио[48]. Подписание пакта о ненападении и дружбе Италии с СССР[49]. Мысли о Франции и Италии[50]. Все эти дни мысли о Дале и заумном языке[51]. Как и следовало ожидать, компания «поэтов» не появилась[52]; тем лучше.

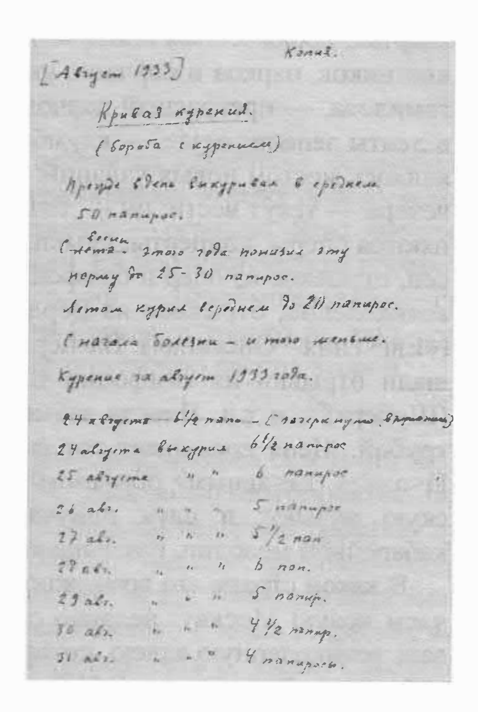
Письмо к К.П. Гусевой (в «Гихл»)[53]. Позднее пришел П.Н. Зайцев (кстати: напомнить ему о Ефимове)[54]. Длинный разговор с ним о намерении его работать в кинематографии[55]; потом появились Г.А. Санников с Еленой Аветовной[56]. Пили чай вместе. Г.А. усталый... удрученный, очень скептически относящийся к Эррио.

Между прочим: Г.А. сообщил мне, что ему передавал Гронский, что он разговаривал обо мне со Стецким — вот о чем, ускользнуло: о квартире или о прикреплении меня к кремлевской аптеке? Потом — гуляли.

4-ое сентября (понед<ельник>).

Утром Е.А. Санникова занесла оттиски статей[57]. Написал П.Н. Зайцеву открытку, чтоб его подбодрить[58]; гулял час и десять минут. Утром был П.Н. Васильев[59]; говорил, что я слишком усердствую с режимом; можно смело курить по 5 папирос в день.

Кончил, наконец, перечитывать собрание сочинений В.Г. Короленко; и стал убежденным поклонником этого писателя. Короленко читал я еще гимназистом; и к сожалению не возвращался к нему, но всегда любил. В перечтении сызнова пережил ряд худ<ожественных> наслаждений, открывших мне новые достоинства, сблизившие мне творчество этого писателя, как это ни звучит парадоксально, — с Гоголем; его воспев Украйны — чисто гоголевский; поражает утонченность звуковой метафоры; потрясает *«Слепой музыкант»*, поэма о цветном звуке; здесь показ цветного слуха утонченней абстрактных вещаний о нем и символистов, и научных трактатов. Явленья сюнэстетизма соединяют научную постановку проблемы сюнэстетизма с художественным ея показом: в деталях; поражает и краеведческая постановка всех проблем публицистики Короленко; он и публицист-художник; и художник, приподнявший знамя публицистики на недосягаемую для его времени высоту. Он в последней — не открытый своим временем Белинский; и в художестве он, в культуре образа тенденции, не открытый никем последователь тенденций Гете; в нем научная точность образа пересекается с воплощением в тенденцию; самая тенденция у него — живо действующий образ. Не забуду отныне моих вечеров, посвященных чтению этого замечательного писателя, странно забытого недавним временем.

Копия.

[Август 1933]

Кривая курения.

(борьба с курением)

Прежде в день выкуривал в среднем 50 папирос.

С ~~лета~~ весны этого года понизил эту норму до 25–30 папирос.

Летом курил в среднем до 20 папирос.

С начала болезни — и того меньше.

Курение за август 1933 года.

24 августа — 6½ папи — ([illegible])
24 августа выкурил 6½ папирос
25 августа " " 6 папирос
26 авг. " " " 5 папирос
27 авг. " " " 5½ пап.
28 авг. " " " 6 пап.
29 авг. " " " 5 папир.
30 авг. " " " 4½ папир.
31 авг. " " " 4 папиросы.

Андрей Белый. «Кривая курения»
Копия рукой К.Н. Бугаевой. ГМП

Перед Короленко для меня блекнут, например, Тургенев, Лесков и ряд других наших мастеров-классиков.

Хочется воскликнуть: «Назад от Тургенева, Гончарова, Лескова! Вперед — к Короленко!»...

Клодя[60] опять переписывает 1-ый том стихов[61].

Милая моя детка.

Этот месяц окрасился мне «Москвоведческими» интересами: незаметно выросла новая Москва, пленяя взгляд деталями* контуров; посещая тот или иной

---

* *Зачеркнуто*: новых

квартал, поражаешься вновь выросшими группами домов нового стиля; и рядом цветников, парков и парчков, украшающих недавние пустыри; так: около Дорогомилова, — прекрасный парчок; берега Москвы реки незаметно превращаются в ленты зелени; везде — клумбы; Девичье Поле для нас с Клодей неожиданно явилось местом новых узнаний: из очень недурного громкоговорителя с утра до вечера — текут вести; он — точно[*] газета; и кроме того: подчас недурно исполняются оперы, концерты, слышишь певцов; за эти две недели слушали серии песен, отрывков из опер и симфоний: слушали исполнение итальянцами, певшими великолепно, отрывков из Верди, Леонкавалло и т.<д.>; слушали Чайковского («Евг<ения> Онегина»), Вагнера («Лоэнгрин», «Моряк Скиталец»[62] и т.д.); слушали отрывки из симфонии Шуберта; слушали цикл песен из «Winterreise» (Шуберт)[63]; и т.д. Иногда забывались до того, что часами просиживали перед трубой. Меня восхищает тот факт, что случайным посетителям «Д<евичьего> П<оля>» (гл<авным> обр<азом> рабочим) систематически прививают классическую музыку; и слух приучают к «высокому стилю»[**]. Ни одной кафе-кабарейной мелодии, развращающей муз<ыкальный> слух буржуазного запада.

В какой стране это возможно? Клодя этим восхищена. Мы на прогулках изучаем новую Москву: недавно специально ходили под стены Кремля, осматривать великолепную аллею, которую разбили под нею; сейчас едем в район Садовой, ставшей, по словам В.Н.[64], за это лето — улицей-садом.

… Сейчас объездили Москву (кольцо «Б»)[65]; Садовая восхитила меня; от Кудринской площади почти до Таганки, — не улица, а зеленый бульвар; сняты заборы; выступили сады; тротуар идет порой сплошным садом[66]. Сад порой углубляется в зеленую древесную глубину.

5-ое сентября 33 г.

Утром повестка от Орг-комитета о заседании[67]; написал ответ[68], сбегал к П.Н. Зайцеву с целью узнать способы передачи ответа на повестку; говорил по телефону с В.Г. Лидиным (он лично и передаст ответ)…

Сегодня пристально слушал Моцарта (играла Клодя); и стало ясно — в который раз: бетховенская драматика вся[***] в Моцарте (Гайдн — тут не причем[****])!…

Сейчас горячий компресс… Надоел этот проклятый режим; в одном отношении по уверению докторов я-де здоров физически, а *de facto* ½ суток уходит на преодоление ряда сюрпризов, которые устраивает тебе ежедневно организм…

[*] *Зачеркнуто*: стенная

[**] *Зачеркнуто*: музыке

[***] *Зачеркнуто*: уже звучит

[****] *Зачеркнуто*: не то

Здоров, а — ложись да помирай! Того нельзя, этого нельзя. Хуже неизлечимо больного!...

Месяц назад, попавши больным в Москву, перечитал *«Мартина Чезльвита»* Диккенса (читал его раз 6); а сегодня кончил перечитывать *«Лавку древностей»** (не перечитывал с детства); впечатление от Диккенса — огромно. Ясна мне преемственность Вальтер Скотт — Диккенс — Ибсен. Ей противоположна преемственность «Шинель» и «Нос» Гоголя — Достоевский — Пшибышевский — Ремизов. Нельзя Достоевского выводить из всего Гоголя, а только из двух-трех бредовых рассказов последнего. Я всецело за первую линию против второй.

Вот уже 2 месяца, как попал в ежовые руки докторов; прошел сквозь «огонь и воду»; но результат анализа крови, мочи и т.д. — абсолютно благоприятен. Нет в организме никаких признаков почечных заболеваний, сахарной болезни, туберкулеза и т.д.; реакция Вассермана[69] гласит, что нет никаких признаков «дурной болезни»; сердце — очень недурно для моих лет[70] и т.д. Уязвимая пята лишь давление крови (приливы на почве склероза, неизбежного в моем возрасте); вся суть — ***в нервном истощении*** (почва — изнасилованность сознания). Лечили: д-р Славолюбов в Коктебеле и профессор Тарасевич лечит здесь (так же и П.Н. Васильев, которому очень верю). Проф. Тарасевич выразился: «Благодарите родителей за то, что они подарили вам такой крепкий организм»; в этом повинен, конечно, отец: (Бугаевы — **сильные люди).

6-го сентября 33 г.

Отвезли Лидину письмо...[71]

Клодя, — не могу о ней говорить! Крик восторга — спирает мне грудь. В эти дни моей болезни вместо нее вижу — два расширенных глаза: и из них — лазурная бездна огня***[72]. Она — мой *голубой цветок*[73], уводящий в небо.

Родная, милая, бесконечно близкая!

За эти три года я думал не раз: есть же предел близости, створения души с душой! И — нет: нет этого предела! Беспредельно слияние души с душой для меня. «Я», мое «я» — только отблеск ея взволнованной жизни:

Мой вешний свет,
Мой светлый цвет, —
Я полн тобой:
Тобой, — судьбой[74].

И —

---

* *Зачеркнуто*: «Крошку Дорр<ит>»
** *Зачеркнуто*: порода
*** *Зачеркнуто*: либо участия

Редеет мгла, в которой ты меня
Едва найдя, сама изнемогая,
Воссоздала влиянием огня,
Сиянием меня во мне слагая[75].

Моя милая подарила меня семьей; мне тепло с новыми родными; к Анне Алексеевне у меня чувство сына к матери; Ек<атерина> Алекс<еевна> пленяет трогательной добротой; с Влад<имиром> Ник<олаевичем>[76] уютно. Спасибо, родная, и за семью!

7-ое сент<ября> 33 года.

Три недели неизливные дожди; Москва-река[*], как в дни половодья; Минск затоплен. Всюду наводнения (в Китае и т.д.). Точно перед потопом... Циркулируют слухи: мы-де под угрозой несущегося на нас небесного тела, могущего сжечь землю.

8-ое сент<ября> 33 года.

Был Гр. Алекс. Санников; принес номер «Нового мира», где напечатан его «Каучук» и мои отрывки из «Начала века»[77]. Передавал о том, что Гронский лично просил прикрепить меня к кремлевской аптеке Стецкого; и что это будет на днях исполнено. Рассказывал о вчерашнем заседании Орг-комитета; советовал мне шутливо «вязать чулок», пока мне нужно спокойное механич<еское> времяпрепровождение; пока чулка[**] не вяжу, а опять принялся за краски; сижу и сочетаю их, как умею; и связываются неожиданные «*забавности*». Все эти дни разбита голова; и напрягаются жилы; совсем расклеился, а холодная, плаксивая, мозглая погода держит взаперти; и у меня настроение — «сплинное»; выдумываем с Клодей предлоги к прогулкам. Так: сегодня выдумали идти к Любовь Исаковне[78], чтобы было к кому спрятаться от дождя. А дождь — моросит, моросит, моросит; и у меня продолжаются[***] предпотопные настроения[****]...

Не забыть: говорить с П.Н. о худ<ожнике> Ефимове и о фотографе (горкомском)[79].

С прошлого года прошел ряд страданий и докторов; началось с гриппов (до пяти — один за другим); потом открылся сухой катар носоглотки (слушал горловик); потом бронхит, грозящий осложниться воспалением (3 недели); приехал в Коктебель полубольной; и тут — началось это все: страдание с пальцем (свернул ноготь), раздражение[*****] кожи, отказ от действия желудка, потом — солнечный перегрев с новой серией сюрпризов (голова, желудок, боли в пояснице, разд-

---

[*] *Зачеркнуто*: разлилась
[**] *Зачеркнуто*: еще
[***] *Зачеркнуто*: какие-то
[****] *Зачеркнуто*: переживания
[*****] *Зачеркнуто*: воспаление

ражительность, неугомонная повышенность всех пережив<аний> и т.д.), от которых не могу отделаться до сей поры (терапевт, невропатолог и т.д.).

Были у Любовь Исаковны: слушали Скарлатти и Баха; очень созвучны со многим в Л.И.

9-ое сентября 33 г.

Утром поставили пьявки и уложили на сутки в постель, запретив всякие занятия, чтение и т.<п.>: тяжелая, бессонная ночь. Письмо от Томашевской[80]; письмо от Спасского[81]. Был С.М. Кезельман.

10-го сентября.

Приехал Гладков; шлет мне привет... Весь день возня с последствиями пьявок; ранки все еще кровоточивы; всякие предосторожности и т.д. Была Маргарита Твердова, приехавшая из Орла лечиться от предполагаемого рака. Была у трех докторов; рака, по-видимому, никакого нет; опухоль на нервной почве от истощения, недоедания и нервной измученности; уходили ее мытарства с паспортной неудачей весною: в Москве; Пешкова взялась хлопотать за нее; уезжает обратно в Орел[82], где она получила хорошее место. Не знаю, как кончились хлопоты А.С. Петровского о разрешении ему оставаться в Москве: ведь он же ударник (работал ответственно на беломорском канале[83]);[*] все данные, чтобы ему разрешили остаться (за него хлопочет Невский[84]); в случае неудачи едет в Ясную Поляну (у него ответств<енная> работа по редактированию «*Дневников*» Толстого[85]; и какая-то работа для «Academia»).

Сорокин Г.Э. Письмо Андрею Белому
1933, 1 сентября. Ленинград. ГМП
От заведующего «Изд-ва писателей в Ленинграде» об отсрочке в предоставлении рукописи романа «Германия»

11-го сентября.

Чувствую явное облегчение после пьявок; опять закопошились эмбрионы мыслей; хотелось бы, если здоровье позволит, написать статью на тему «Социалистич<еский> реализм»[86]; придется ее диктовать милой; самому писать утомительно; процесс письма убивает всякую мысль (доказательство: убогость этих записей); стоит заходить и ходя высказываться, мысль вспыхивает; присядешь к столу; и на бумагу падают вялости, точно убитые в воздухе птицы; для вдохновения мне нужно двигать ногами; а без вдохновения, — мысли вянут; я — фило-

---

[*] *Зачеркнуто*: у него

соф-перипатетик по существу; и не только сидеть, а даже стоять не могу в процессе мысли; нет, — я не «*стойк*»: «сто́а» — не для меня[87]; я гераклитианец, переключающий энергию своей мысли в аристотелианство, вопреки Ницше, столь боявшегося, почти до ужаса, Аристотеля[88]; но это внесение Диониса в диалектику производит во мне вечный эффект перерождения восприятий[89]: «ясное» становится мне «неясным», и становится «неясное» внутренне ясным; музык<альная> мелодия мне понятней ея программного прикрепления к какому-нибудь ясно-логическому объяснению; последнее всегда — «обидная ясность»[90], припахивающая разложением; рассудочные истины — продукт разложения; они не ходят, а — «стоят». Но то, что стоит, то — остановилось; а всякая остановка, — падение «*вверх пятами*»[91] в далекое прошлое.

Пишу Машеньке Скрябиной открытку*: благодарность за «пьявочницу»[92].

12 сент<ября>.

Ужасно трудная, абсолютно бессонная ночь (в связи с состоянием желудка); опять — дурная голова; не слишком ощущаются пьявки; легкая опухоль на шее; даже досадно, до чего измельчал: внимание привлечено к телу; все время непроизвольно прислушиваешься к собств<енным> ощущениям; все — признаки страшного, нервного истощения, о котором согласно говорили и терапевт, Славолюбов, и невропатолог, Тарасевич. Кризис нервов подкрался незаметно; все сходило с рук; и вдруг — «хлоп»; и все органы и все функции организма расстроились. Организм де здоров (данные анализа); а чувствую себя умирающим. Тут все сказалось**: и двусмыслица Ермилова (не его, а нажимающего пружины «Раппа» исподтишка Авербаха[93]), и маленькие гадости «Литературки»[94], и рапповцы[95], и… «Максимыч»![96] И в результате, — слом организма. Если впредь мой искренний порыв «*советски*» работать и высказываться политически, будет встречаться злобным хихиком, скрытою ненавистью и психическим «глазом», — ложись, умирай; и хоть выходи из литературы: сколько бы ни поддерживали меня, — интриганы, действующие исподтишка, сумеют меня доканать!

Невеселые прогнозы о будущем моей литер<атурной> работы!

13-го сент<ября> (33 г.).

Был Петр Николаевич Васильев; играл Моцарта. Дал мне ряд медицинских советов (забастовал желудок); нам было очень хорошо втроем; и невольно вспоминались те уже далекие времена, когда нам было втроем невыносимо (максимум тяжести 1925 и 1926 годы); так радостно, что трагедия, длившаяся так долго, так радостно разрешилась: 1) мой разрыв с Асей[97] 2) наш антагонизм с П.Н. (из-за Клоди) 3) нерешительность К.Н. развестись***. ****Арест Клоди в 31 году и моя вынужденность говорить с Аграновым *на чистоту*[98], — шаги, определив-

---

* *Зачеркнуто*: письмо

** *Зачеркнуто*: имело значение

*** *Зачеркнуто*: с П. <Васильевым>

**** *Зачеркнуто*: Странно, но

шие развод для К.Н. и «Закс» со мною[99]; собственно, — нас навсегда соединило с Клодей ГПУ[*].

Милое письмо от Томашевского[100]; что-то радостное и сердечное протянулось от нас к чете Томашевских; [[**]точно отделению от четы «Разумников» соответствует эта обещающая встреча с Томашевскими; период дружбы с Разумником 1916 год — [нрзб.: 1921-ый?], с 23 года отношения не углубляются, а скорее с усилием поддерживаются: что не идет вперед, то падает, разлагаясь; и уже с 26-го года во мне крепнет протест против Иванова-Разумника. К 30 году я вечно про себя злюсь на «ослиное упорство» Разумника, а 4 месяца, прожитых у него в Детском в 1931 году, обернулись ужасом[***] и [нрзб.] негодованием. Все рухнуло между нами в октябре 1931 года. С 31 года он для меня «конченный» человек[101]; и жена его[102] тоже].

13-го сент <ября> (33 г.).

Вечером был П.Н. Зайцев и делился опытом этого лета по беседам о литературе, которые он вел в «Парке Культуры и Отдыха»; страшный интерес к литер<атуре> среди рабочих, красноармейцев. Частые вопросы о «Масках»; так: последний вопрос от какого-то красноармейца-мордвина[****]: «Отчего “Маски” звучат так музыкально; и есть ли последователи моей ритмической прозы?»[103]. Б.Б. Красин предлагает прислать нам билеты на любую оперу и любой концерт[104].

14-го сент<ября>.

Вечером была Л.И. <Красильщик>; разговор о Листе, в связи с книгой о Листе, которую она занесла прочесть: «Peter Raabe. Liszts Leben». 1931[105]. Когда мы воспринимаем музыку, то трудно соединить Гайдна и Листа, Керубини и Вагнера и т.д. Что общего? Между — столетие! Но[*****] Керубини, Гайдн, Шуман, Шуберт, Бетховен, Шопен, Лист пересеклись в моменте времени; каждый каждому был современник: Лист и Гайдн вместе, — звучит неправдоподобно. История в абстр<актном> восприятии и история фактическая несоизмеримы: если бы я жил в обратном порядке, не с 1880 года до 1933-го, а с 1880 года до 1827 (1880–53), то меня отделяло бы от декабр<истского> восстания два года. Время[******] субъективно. Письмо Томашевскому[106].

15-го сент<ября> 33 г.

П.Н. Зайцев читал свою статью для «Молодой гвардии»[107]. Новый сюрприз: нарывчик на руке; повязки и т.д. Прицепились-таки ко мне всякие пакости!

---

[*] *Зачеркнуто*: с ма<я> 1931 года

[**] Фрагмент в угловых скобках зачеркнут К.Н. Бугаевой и в автографе, и в сделанной ею рукописной копии, однако текст отчасти поддается прочтению.

[***] *Вписано сверху*: гневом

[****] *Зачеркнуто*: чуваша

[*****] *Зачеркнуто*: Между тем: ведь было время когда

[******] *Зачеркнуто*: Понятие о времени

16-го сент<ября> 33 г.

Был Г.А. Санников. Меня не застал. Зайдет на днях. Сегодня чистят Ермилова.

17-го сент<ября>.

Была М.А. Скрябина (условиться, когда мы к ним). 3-ьего дня был Г.А. Санников; сидя без меня с Клодей, высказывал ей очень много теплых сердечных вещей; и еще: удивлялся тому, какая мы с ней радостная, дружная сердечная пара; он намекал, что редко бывает такая любовь, как между мной и Клодей: мы во всем — одно; и нас нельзя разделять: К. живо видна во всем том, что я пишу.

18-го сент<ября>.

С упорством, достойным лучшего применения, Орг-Комитет бомбардирует меня требованиями явиться *обязательно* на то, или иное заседание, не имеющее ко мне прямого отношения; и это вопреки двум моим заявлениям о том, что на 2-3 месяца я вынужденно выключен из всякой работы; я привожу ссылки из справок докторов, запрещающих мне работать; ряд участн<иков> Орг-Комитета знают о моей болезни; Фадеев пишет: «Отдыхайте спокойно»[108]; Гронский обещает прикрепить к Кремл<евской> Аптеке. И вопреки этому, именно после 2-х моих заявок о невозможности бывать на заседаниях, — повестки с почти угрожающими требованиями: «Ваше присутствие необходимо». Бюрократизм на лицо и здесь.

А.А. подала прошение за Е.Н.[109].

Мои головные боли, вопреки лечению, пьявкам и т.д. угрожающе подчеркнуты. Если так далее будет продолжаться, то я — калека; работать и отбывать повинность при такой голове немыслимо!

20-е сент<ября> 33 г.

Была Елена Аветовна; передала от Г.А. Санникова: буду прикреплен к кремл<евской> аптеке на ближ<айшем> заседании Орг-Ком<итета>; пока: рецепты будут подписаны в Орг-Комитете. Мало кого вижу. Вчера должны были провести вечер у М.А. Скрябиной; но так занехотелось, что послали открытку с объяснением, что мне неможется (и это — правда: вчера болела голова). Начинаю продумывать 2-ую часть *«Между двух революций»*; вероятно, к мемуарам и перейду.

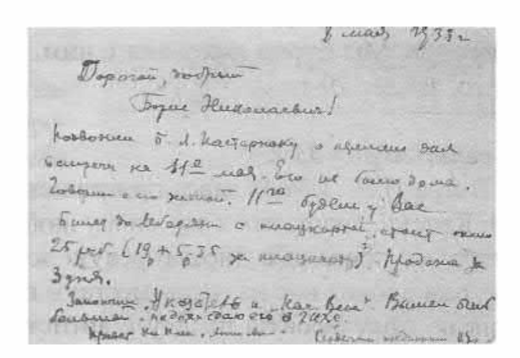
Вчера приятные слухи от Л.В.[110]: О.Н. Анненкова[111] освобождена. Будто бы Винавер[112] советует всем антропософам, отбывающим наказание, подавать прошения; сейчас де в принципе решили ликвидировать дело об антропософах. Исключение — Моисеевы[113], как виновники процесса; и это — правда: только они образовали кружок*; и подвели под процесс 20 с лишним невинных людей[114]. За Е.Н. уже подала прошение Анна Алексеевна (третьего дня).

Читаю «Большие ожидания» Диккенса (не перечитывал с детства).

---

* *Зачеркнуто*: [нрзб.] в агитацию

8 мая 1933 г.

Дорогой, хороший
Борис Николаевич!

Зайцев П.Н. Письмо Андрею Белому. Москва. 1933, 8 мая. ГМП
О переносе встречи с Б.Л. Пастернаком на 11 мая,
о билетах в Лебедянь, о завершении указателя к книге «Начало века»

23 сент<ября> 33 г.

Приглашение на собрание нашего строит<ельного> кооператива; вместо меня был П.Н. Зайцев, который сегодня доложил: по требованию Моссовета наш дом должен быть готов к середине ноября; и по заявлению Матэ Залка он готов будет[115]. Получил письмо от поэта Рождественского и снятые с нас карточки; ответил ему[116]. Вчера начал диктовать Клоде начало второй части «Между двух революций»[117]. Клодя виделась с Тарасевичем третьего дня; и он подтвердил ей: лечение мое пока — режим; и — больше ничего.

Читаю на сон грядущий Дюма.

---

24 <сентября>.

Опять мигрень. Весь день плохо себя чувствую.

25-ое сент<ября> 33 г.

Отчаянное пробуждение: дикая мигрень. Был П.Н. Васильев, осматривал. Никуда не выходили. Вечером были С.М. Кезельман и Ишеф — из Лебедяни; передавал привет от Елены Николаевны. Вечером вторая, отчаянная вспышка мигрени. Потерял всякое равновесие; представилось, что — воспаление мозга. Вспыхнула зубная боль; заполаскивал рот шалфеем.

26-ое сент<ября> 33 г.

Вчера легли в 12 ч.; и встали в 12 часов. Неожиданно для себя много спал; помогли компрессы на голову, горчишники на затылок и горячая вода к ногам. Но остатки мигрени еще угрожают вспыхнуть.

27-ое сент<ября> 33 г.

Сегодня появился радостный, поюневший А.С. Петровский: «Я теперь полноправный; вот — паспорт, для проживания в Москве». Паспорт был готов ему уже 8-го сентября, а он — томился: «Еду в Ясную, — нагуляться в лесу: тянет в

природу». Мы бурно ликовали с ним. Вечером был Г.А. Санников: посидел недолго; зайдет 29-го.

29 сент<ября> 33 г.

Вчера П.Н. Зайцев завез приглашение от Б.Б. Красина на «Пиковую даму»[118] (он, Красин, знает, как я эту оперу люблю); сегодня с Клодей явились в Большой театр; нас провели в директорскую ложу; Б.Б. встретил весьма тепло* и дружески; сам провел нас на наши места; и приходил к нам в антрактах; он приглашал меня на получасовую беседу с артистами (на тему о литературном сегодня); я дал обещание, что, когда поправлюсь, постараюсь эту беседу провести. Мы с Клодей с большим наслаждением слушали оперу. Б.Б. обещал нам в близком будущем приготовить билеты на «Псковитянку»[119]. Отправили открытки Томашевским[120]. Милый привет от Накорякова.

30 сент<ября> 33 г. Москва.

Была Нина Ив. Гагенторн[121], заехавшая по делам в Москву; очень звала нас к себе, в Ленинград. Завтра заедет к нам. Ночью опять томился (мигрень).

Октябрь 33 года

1-ое октября 33 г.

Была Н. Ив. Гагенторн[122]. Те же ужасные гол<овные> боли. Вечером был у проф. Тарасевича[123]; жаловался на головн<ые> боли. Тарасевич: «Вы поправились». Каково было это слушать, кривясь от боли! Прописал электризацию токами высокого напряжения. Вечером и ночью — адские муки.

2 окт<ября>.

Адские боли; утром П.Н.[124]; потом В.С. Марсова[125]: осматривала голову; ея резолюция: «Не электризация, а массаж». Посылает меня к доктору Хорошко[126]. Ночь — мучение.

3 окт<ября>.

Утром П.Н. Васильев; в первый раз принял пилюли от головы (рецепт Тарасевича); стало как будто лучше; боль в боке. Оказалось, что не бронхит. Был Влад<имир> Алекс<андрович> Архангельский; он устроит мое свидание с Хорошко. За последние пять дней переживал агонию; думал, что не выдержу болей, что это — конец.

4 окт<ября>.

Легче голова. Ночь — абсолютно бессонна: лег в 12 ч<асов>; до 6-ти ни минуты сна; в шесть пил кофе; с 6 до 7 ½ томился; к 8-ми — заснул; сквозь сон разговор с П. Ник.[127], встал в 12 ½ (5-го).

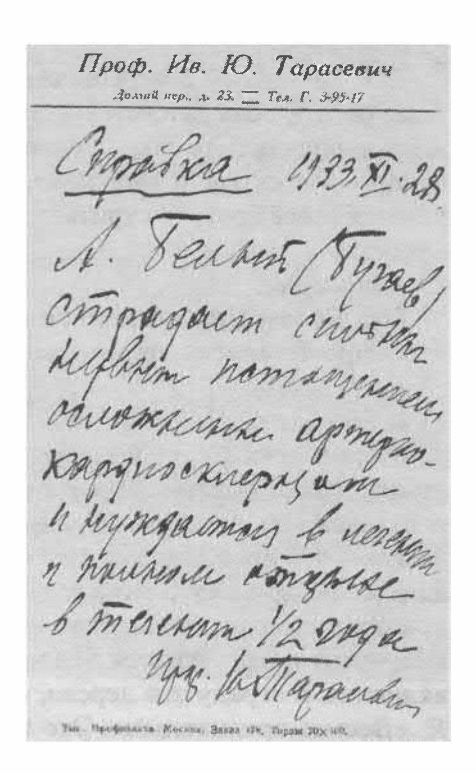
* *Зачеркнуто*: любезно

5-го октября.

Гуляя, пошел навестить Санникова; застал все семейство перед дверью: они переехали[128]; шутливо поздравил их, назвав себя делегатом от Москвы. Была Ирина Ник. Томашевская (проездом). Получил в подарок Державина и Дениса Давыдова[129].

6-го октября.

Был профессор Хорошко; любезно он сам навестил меня, вместо того, чтобы мне к нему тащиться; просидел более часу: «исследование» меня носило характер разговора; выслушал историю моей болезни, исследовал, расспрашивал о моих привычках, вкусах, быте. Относительно режима в общем не строг, но очень опечалил тем, что почти потребовал, чтобы я приучался к тому, чтоб вовсе бросить курение; электризацию отклонил, предписав массаж В.С. Марсовой. Вечером была Даня[130]; часов в 10 я пошел к Санниковым; сидели втроем страшно усталые. Чем более я устаю с людьми, тем блаженней мне с милой, которая тоже склоняется к тому, чтоб ей бросить курить.

Проф. Ив. Ю. Тарасевич
Долгий пер., д. 23. Тел. Г. 3-95-17
Справка 1933.XI.28
А. Белый (Бугаев) страдает стойким нервным истощением, осложненным артериокардиосклерозом и нуждается в лечении и полном отдыхе в течение 1/2 года.

Справка, выданная проф. И.Ю. Тарасевичем 28 ноября 1933 г.:
«А. Белый (Бугаев) страдает стойким нервным истощением, осложненным артериокардиосклерозом, и нуждается в лечении и полном отдыхе в течение ½ года». ГМП

7 окт<ября>.

Тихий день; сегодня курил 1 папиросу 11 часов (с 10-ти до 9-ти): это шаги к ликвидации курева. Заходил А.С. Петровский, тоже бросивший курить. Написал письмо Томашевскому[131].

9 окт<ября>.

Была Ирина Ник. Томашевская; сидела долго: весь вечер.

10 окт<ября>.

Была В.С. Марсова; делала впервые мне массаж головы. Вечером с Клодей сидели у Санниковых[132]: сидели вчетвером; и опять-таки: очень усталые; впечатление, что нам вчетвером нечего делать друг с другом. Е.Н. получила в Лебедяни паспорт[133].

11 окт<ября>.

Был С.М. Кезельман. От Санникова известие, что* прикрепление к кремлевской аптеке состоялось[134] (ох, уж это прикрепление: что-то неладное с ним).

---

* *Зачеркнуто*: в принципе

12 окт<ября>.

Дал Санникову доверенность на получение денег[135]; все дни пытаюсь работать; работа пока движется вяло. Был Николай Васильевич Кузьмин[136], художник: пришел просто так, — навестить. Все эти дни курю приблизительно по 1 ½ папиросы в сутки; и уже замечаю, как дыхание мое изменилось, очистилось;[*] хочется вовсе бросить курить.

13 окт<ября>.

Был Влад<имир> Алекс<андрович> Архангельский (от Марсовой): сказать, что Марсова просит отсрочить массаж. Открытку К.С. Петрову-Водкину[137].

14 окт<ября>.

Была Мария Серг. Зайцева: с запиской от П.Н.[138] Пошли в Девичий монастырь, чтобы подать бумагу с просьбой восстановить ограду на могиле отца, поставленную отделом Охраны памятн<иков>. У входа в монастырь слышу возглас: «Андрей Николаевич?» Поворачиваюсь — симпатичный юноша в очках: «Я по вопросу о могиле?» — «Я несу вам бумагу». Мы пошли к могиле; юноша рассыпался в деликатностях: «Как же, — могила известного математика и притом отца Андрея Белого. Мы поставим новую ограду, пошире: хотите включить в ограду это дерево, с которым, вероятно, связаны воспоминания?». Я: «Весьма признателен». Это был заведующий охраной могил, намеченных к сохранению, Иван Иванович Пожарский, литературовед; его товарищ, Иогансон, участвовал в прениях на моем реферате о Гоголе[139]. Я пригласил его с Иогансоном к себе. Оставил очень милое впечатление; поразила чуткость к памяти об отце; и деликатность его ко мне.

18 окт<ября> 33 г.

Были на кладбище; с могилой отца слажено; И.И. Пожарский любезно помог все оформить; а после свел нас к могиле Аллелуевой; памятник великолепен[140].

Письмо от Гагенторн, что высылает лекарство.

20–го <октября>.

Вечером были Паоло Яшвили и Пастернак; Пастернак читал свои переводы из Паоло и Тициана Табидзе[141]; делились своими впечатлениями от ужасов фашизма[142]; с поэтами была жена профессора Асмуса, у которого я был в Киеве[**][143]; потом появился П.Н. Зайцев прямо из «Гихла» (с чистки Санникова); Санников прошел победоносно; его очень тепло поддержали Гладков и Накоряков. П.Н. принес Гоголя (верстку) со статьей Каменева о книге; статья вполне приличная, приятная для меня[144].

---

[*] *Зачеркнуто*: очень

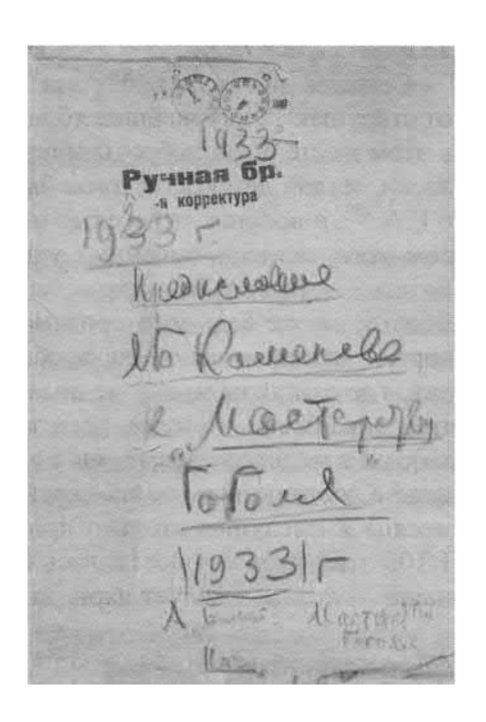
[**] *Зачеркнуто*: в эпоху, когда я жил у кузин в Киеве

21-го окт<ября>.

Сегодня был у Санникова: поздравил его. Он мне сказал: на днях Гладков, Кирпотин и еще кто-то были приняты Булганиным, председателем Моссовета, как делегация от писателей; вдруг Гладков обратился к Булганину со словами обо мне (я де значимый писатель, и живу в ужасных квартирных условиях: нельзя ли мне квартирно помочь); Булганин де очень тепло отнесся к словам Гладкова, обещал подумать обо мне. Спасибо Гладкову! От Гагенторн пришло лекарство. Извещение от Кремлевской аптеки (из «Оргкомитета»).

22-го окт<ября>.

Четвертый день боли в низу живота; ставлю грелки, пью белладонну. Сегодня Клодя написала открытку П.Н.[145] Помоему, моя болезнь не перепек, не желудок, а именно чередование болей; как утихает одна, поднимается другая; заключаю из этого, что источник болезни — скрытый. Надоело это: вся весна, все лето, вся осень — чередование болей, метаморфоза болей!

Л.Б. Каменев. Предисловие к книге Андрея Белого «Мастерство Гоголя»
Корректурный оттиск с автографом П.Н. Зайцева: «Предисловие Л.Б. Каменева к "Мастерству Гоголя"» – и его пометами. 1933, май. ГМП

23 окт<ября> 33 г.

Сегодня 5-ый массаж у Варвары Сергеевны[146]; пока что — массаж облегчает. Легче с болями в низу живота.

24 окт<ября> 33 г.

Был у Гр. Алекс. Санникова; разговор о кремлевской аптеке и о том, как «чистили» Воронского, Накорякова, условились встретиться сегодня на вечере «Оргкомитета», да мы с Клодей не пошли, чтобы не простудиться в холодных стенах;* заходил П.Н. Зайцев, которому передал набор книги «М<астерство> Г<оголя>»; он говорил, что дней через 10 выйдет «Начало века» (пробный экземпляр).

25 окт<ября> 33 г.

Был П.Н. Васильев: боли в низу живота оказались скоплением газов; есть толченый березовый уголь[147].

---

* *Зачеркнуто*: сегодня

26 окт<ября> 33 г.

Сегодня минуло мне 53 года[148]; утром в постель принесла мне милая подарок от старушек[149]: вкуснейшие яблоки и две груши. Я страшно растрогался: столько в этом жесте было доброты и нежности; и Милая — чудо, а не человек; столько ласки, милой детскости; днем была Даня: пришла поздравить. Невеселые мысли о Г.А.[150]; и вообще: невеселые мысли; у меня впечатленья: что меня под предлогом моих записок, писанных учреждениям, с указанием на запрещение мне работать, — уже сдали в архив; все очень обрадовались, что можно сбыть Андрея Белого: он же ведь уже продемонстрировал в пользу Советской власти; с него сорван магарыч; какой же вообще от него прок? Трудно отстаивать искусство там, где слишком много медных лбов; медные лбы не прошибаемы, как Кирпотин; пока бьешь по меди, ноги твои кусают ползающие ядовитые змеи (Авербахи); ни с медными лбами, ни с ехиднами мне борьба не под силу. И стало быть: надо с достоинством опять перейти на свое кучинское житие; за два с половиной месяца я выслушал столько приятных слов, мне переданных, что если бы хоть 1/100 этих слов осуществилась бы, я жил бы как у Христа за пазухой; а жизнь наша — стоны: «жалует царь, да не жалует псарь»!

27-ое <октября>.

Был Григорий Алекс. Санников, передавал, что Гладков очень поддержал мой план приготовить для «Нового Мира» отрывки воспоминаний под стиль повести, но советует мне зайти в «Известия»: переговорить с Гронским.

29-ое <октября>.

Был утром П.Н. Васильев с радостной вестью; у него вчера родилась дочь; он хочет ее назвать Ириной. Вечером был у Марсовой; спрашивал про боли в ночь на 29; она полагает, что боль еще не реакция, а просто от сырости. Хотел пойти на квартирное совещание при Оргкомитете, но побоялся погоды*.

30-ое <октября>.

31-ое <октября>.

Был на заседании, устроенном Горкомом С<оюза> П<исателей>; в нем собиралась секция научн<ых> работников, впервые организующихся под эгидой председ<ателя> Ефремина (секретарь Благой); происходили выборы головки (будущего совета); меня разглядели; из президиума послали Благого спросить, согласен ли бы я был, если бы меня выбрали в руководящую головку; я согласился; огласили кандидатов в будущий совет вместе с Ефреминым, Добрыниным, Благим, М. Шагинян, И.Н. Розановым, Усиевич и прочими (до 17 человек); меня выбрали единогласно; после чего меня пригласили в Горком; и предлагали работать там. Я дал принципиальное согласие, указавши, что сперва надо сбросить с себя болезнь[151]. Все очень внимательны ко мне. После этого был Г.А. Санников и выражал свой восторг перед «Между двух революций»;

---

* *Зачеркнуто*: сырости

он читает рукопись сейчас вместо Гладкова, шла речь о переработке ее для «Нового Мира»; по-видимому, придется о рукописи скоро говорить с Гронским.

Отметки для памяти (ноябрь 33 года)

3 ноября.

Был у Гр. Ал. Санникова: рассказывал свой разговор в «Гихле» о третьем томе моих воспоминаний: «Гихл» де должен их печатать. Накоряков не имеет ничего против, Бахметьев — очень за; лишь Фролов сомневается[152]. «Федерация» де почему-то отказывается печатать; но решающее мнение — печатать. 9-го собираемся в «Гихле» обсуждать, как должна себя вести делегация «Гихла» к Молотову; состав делегации: Накоряков, Фролов, Санников, Гладков, Бахметьев, я; разговор: эмансипировать «Гихл» от «Огиза», вмешивающегося неправомерно в деятельность «Гихла»[153]; следствием разговора может быть дальнейшее путешествие нас к Кагановичу, а может и к Сталину.

6-ое ноября.

Получил анкету о жилищных условиях от Крутикова. На каком основании? Не есть ли это следствие разговора Гладкова с Булганиным? Посоветоваться с Санниковым.

9-го — 14-го <ноября>.

Роковой день. Утром был у Санникова, ожидая автомобиля из «Гихла»; вот он: поехали за Гладковым; лютый холод, дикая мигрень, гололедица. Санников и Гладков собирались было вернуть меня домой, но чувство долга пересилило. Поехали в «Гихл». Встреча с Накоряковым, Фроловым, Пришвиным, Ляшко, Бахметьевым и другими; собралось человек 15-ть; под конец оказался Ермилов. Мучительно заседали; все согласно решили рвать с «Огизом»; выяснилось, что «Гихл» идет на революцию высвобождения от системы «Огиза». Я развил мысль, что писателю «Гихла» нужно войти в «Гихл» до дна, качественно с ним слиться; ему надо линию своих выступлений слить с деятельностью «Гихла», а «Огизы» и [нрзб. подобные?] учреждения лишь тормозят и издательство, и творчество писателей[154]. Решали принципиально, к кому идти: к Молотову, Кагановичу или Самому Сталину. Решили идти к Сталину. Кому? Пусть это решит комиссия. В 3 часа мы с Гладковым начали пробираться к автомобилю; Гихл оказался отрезанным похоронами Катаямы[155]; вместо автомобиля нас с Гладковым милиция оттеснила глубоко в Замоскворечье; и мы лишь в 5-ом часу оказались ок<оло> Преч<истенского> бульвара: но шли, опрокидывали<сь>; захлестывала гололедица; я 25 раз лежал на льду, вспотел; это был бред; думал, что схватываю воспаление; решительно отставил Гладков<а>; и, вслух крича, 1 ½ <часа> лупил и скользил до-дому; почти упал Клоде на руки со словами: «У меня дифтерит, или воспаление»[156]. 4 дня провалялся в бреду, едва сознавая, что со мною: были жары, бреды; и [нрзб.: непостижимые?] узнания: одну ночь страдал страданиями Коминтерна; две ночи постигал ужасы фашизма. За это время появились кремлевские доктора; один

О.Д. Форш. «Синтетическое лицо Андрея Белого»
Фототипия. 1934. ГМП
Напечатана в книге «Между двух революций» (М., 1934)

прописал санаторию; другой (Вальтер) стал моим постоянным доктором[157]. Санников почти не выходил от меня.

14 — 17 <ноября>.

Дни выздоровления. Тихие вечера с Клодей. Вальтер рекомендовал тихий, подмосковный санаторий около Клина (Нагорное). Вчера долгий разговор об этом с Санниковым; душа просит снежку, зорь, природы — надолго. Санников говорил, что у него был долгий разговор обо мне с Ив. Мих. Гронским, который с удивительной сердечностью обо мне отзывался («Он — наш; я верю ему» и т.<д.>). Вообще за этот период 9–17-ое произошло столько, что до сих пор не могу опомниться; впечатление, что — рубеж жизни: что зрело, мучило <с> 30 года, что разразилось мучительным кризисом, — то как будто [нрзб: перемесилось?] в вовсе новую эру.

Будущее покажет, что это: смерть, или — возрождение.

20-е ноября.

Изумительный, золотой день; не прогулка — а рай; последнее время мы переживаем с милой иногда невыразимо-тихие состояния; все нам наперекор действительности говорит о родине, весне, тишине, деревне, из которой подымается

что-то родное, забытое, милое; хочется что-то припомнить, что уходило куда; и вот теперь — возвращается с тихим позывом: «Ах, — вот я: иду к вам — снегом, цветами и днями, милые мои!». Мы сами не понимаем сути этих приходящих минут, навевающих почти что воспоминания о лицах, давно забытых, о словах родных, когда-то сказанных. И эти минуты бывают связаны с непреоборимой тягой в деревню, — в каку<ю>?, на отдых (— какой?).

А в действительности пребываем в недоумении: Кремлевские доктора предписали мне санаторий; но я в санаторий не поеду без милой. Весь вопрос в том, на каком основании нам с милой оказаться в этом «чаемом» нам санатории; для этого надо что-то сделать. А вот что сделать, в какие учреждения обратиться — вот это заповедано.

Остается факт: я больной писатель, для исцеления которого санаторий — нужен; и он — возможен.

Но могут пройти месяцы; и никто пальцем не двинет, чтобы осуществить требуемое.

Посмотрим.

Мне же никаких Орг-Комитетов не нужно: мне для исцеления нужна деревня; и — милая! Если это недостаточно и надо еще что-то выпыхтеть, то... больному Андрею Белому надо умереть, чтобы доказать свое право на отдых. Поживем, — увидим.

22-ое <ноября>.

Решили остаться в Москве и никуда не стремиться; нам лично попасть в санаторий не под силу.

23-го <ноября>.

Вышла книга «Начало века». Предисловие Каменева — хамски издевательское — произвело удручающее впечатление[158]. Долгий разговор о нем с Г.А. Санниковым (вечером).

25-го <ноября>.

Был П.Н. Зайцев[159].

26 <ноября>.

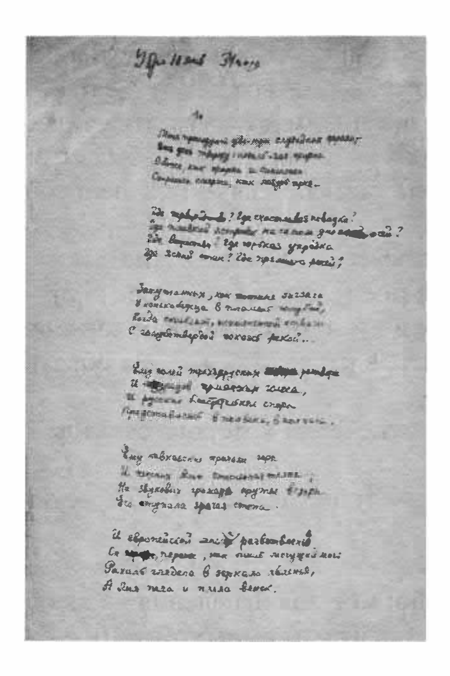
Была М.И. Сизова-Тегер[160]. Был доктор Вальтер. Опять советовал д<ом> отдыха.

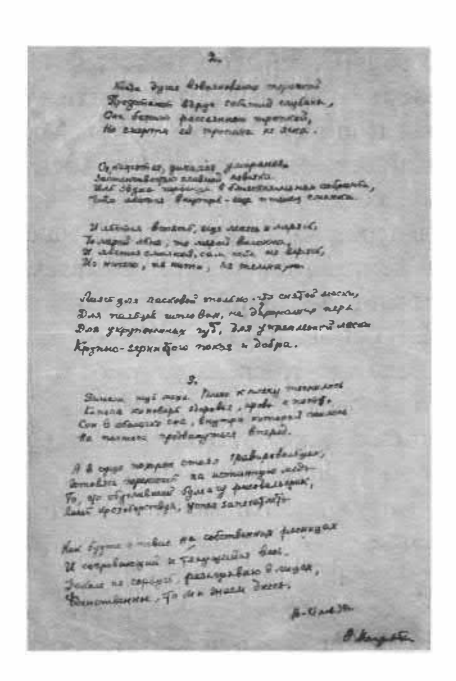
27 ноября.

Вечером зашли к Санниковым. Узнал, что в начале декабря будет решаться Булганиным вопрос о квартирах некоторым писателям (мне, Мариэтте Шагинян и т.д.). Это — полный сюрприз для меня.

30 ноября.

Предложение от «Издат<ельства> Пис<ателей> в Ленинграде» на издание 2 тома «Нач<ала> века»[161]. Веду переговоры с Гихлом об изъятии в Гихле рукописей.

О.Э. Мандельштам. Утро 10 января 34 года
Запись Н.Я. Мандельштам, название и подпись — рукой О.Э. Мандельштама. ГМП

2 декабря.

Переговоры с Гихлом разрешили вопрос о передаче рукописи. «Гихл» согласен передать рукопись «Между двух революций» «Издат<ельству> Пис<ателей> в Лен<инграде>». Вечером были Санниковы. Вчера — лютый мороз[162].

3-ье <декабря>.

Дикая затылочная боль[163].

Печатается по автографу, хранящемуся в фонде Андрея Белого в РГБ (Ф. 25. Карт. 39. Ед. хр. 4). Публиковалось по рукописной копии К.Н. Бугаевой из собрания Мемориальной квартиры Андрея Белого (отдел Государственного музея А.С. Пушкина): Последняя осень Андрея Белого: Дневник 1933 г. / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. М.Л. Спивак // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 178–215; *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. С. 437–453 (без окончания: копия обрывается на записи за 20 октября 1933 г.); по автографу: *Андрей Белый.* [Из предсмертного дневника] / Подгот. текста, примеч. и послесл. М.Л. Спивак // Смерть Андрея Белого. С. 87–133.

[1] Имеется в виду тепловой удар, случившийся у Белого в Коктебеле 15 июня и приведший его к смерти.

[2] М.С. Славолюбов приезжал в Коктебель из Феодосии. Ранее он был также врачом М.А. Волошина. Выписанная им Белому справка датирована 23 июля 1933 г.: «Настоящим удостоверяю, что т. Бугаев Борис Николаевич страдает истощением нервной системы в резкой степени.

В период его отдыха и лечения в Коктебеле наблюдался кратковременный период головных болей и обморочного состояния (гиперемия мозга).

Мною рекомендовано было больному продлить отдых до 1 августа сего года.

По возвращении его к своей основной работе считаю необходимыми значительные изменения в ней как в количественном, так и в качественном отношении: работа спокойная, в спокойной обстановке в пределах нормального рабочего дня при освобождении его от всех нагрузок» (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 5. Л. 1).

[3] Невропатолог И.Ю. Тарасевич лечил Белого после возвращения из Коктебеля в Москву. Бугаевы, видимо, обратились к нему за медицинской помощью 16 августа 1933 г., так как этим днем датирована первая из выписанных им справок: «Бугаев Борис Николаевич страдает церебропатией артериосклеротической с левосторонним гемипарезом и нуждается в полном отдыхе, систематическом лечении и соблюдении режима» (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 5. Л. 3). Обратиться к Тарасевичу посоветовал П.Н. Васильев, первый муж К.Н. Бугаевой. См. его письмо от 11 августа 1933 г.: «Дорогая Клодя <…> Б.Н. хорошо бы показаться невропатологу проф. И.Ю. Тарасевичу (живет в Долгом пер., д. 23). По тому, что ты пишешь – по-видимому, дело идет о корешковых невралгических болях, это возможно тоже нервного происхождения. Думаю, что выходить можно, но лучше не откладывая показаться специалисту, кот<орый > уже решит» (Мемориальная квартира Андрея Белого).

[4] Музыковед В.Д. Петитто был сотрудником Ленинградского отделения «Музгиза», до того – председателем правления «Общества камерной музыки». Очевидно, имея в виду его, Белый в письме к Г.А. Санникову от 27 мая 1933 г. называет в числе отдыхающих «заведующего музыкальным издательством Ленинграда» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 105).

[5] В письме к Г.А. Санникову от 27 мая 1933 г. Белый сообщает, что вместе с ними отдыхает приехавший из Ленинграда «критик музыкального издательства “Исламей”» (Н.П. Малков). (Там же).

[6] Имеется в виду энтомолог Д.М. Штейнберг, внук Н.А. Римского-Корсакова, сын композитора М.О. Штейнберга и Н.Н. Штейнберг.

[7] Контекст позволяет с уверенностью говорить о том, что в удаленном К.Н. Бугаевой фрагменте текста речь шла об О.Э. и Н.Я. Мандельштамах, отдыхавших в мае–июне 1933 г. в Коктебеле.

[8] Отношение к совместному отдыху с четой Мандельштамов Белый неоднократно высказывал в письмах. Ср.: «Все бы хорошо, если б не … Мандельштаммы (муж и жена); и дернуло же так, что они оказались с нами за общим столиком (здесь столики на 4 персоны); приходится с ними завтракать, обедать, пить чай, ужинать. Между тем: они, единственно, из 20 с лишним отдыхающих нам неприятны и чужды» (Письмо Белого к П.Н. Зайцеву от 7 июня 1933 г. // Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 523–524). Или: «<…> с Мандельштамами – трудно; нам почему–то отвели отдельный столик; и 4 раза в день (за чаем, обедом, 5-часовым чаем и ужином) они пускаются в очень “умные“, нудные, витиеватые разговоры с подмигами, с “что”, “вы понимаете”, “а”, “не правда ли”; а я – “ничего”, “не понимаю”; словом: М. мне почему-то исключительно неприятен; и мы стоим на противоположных полюсах (есть в нем, извините, что-то “жуликоватое”, отчего его ум, начитанность, “культурность” выглядят особенно неприятно); приходится порою бороться за право молчать во время наших тягостных тэт-а-тэт’ов <…>» (Письмо Белого к Ф.В. Гладкову от 17 июня 1933 г. См.: Переписка Андрея Белого и Федора Гладкова // *Проблемы творчества*. С. 769).

[9] А.Б. Мариенгоф отдыхал в 1933 г. в Коктебеле с женой, актрисой А.Б. Никритиной и сыном Кириллом.

[10] См. о ней в письме Белого к Г.А. Санникову от 28 июня 1933 г.: «<…> ходим на прогулках с тихой, милой, очень культурной дамой; <…>; это Ада Аркадьевна Губер, которая шлет Вам при-

вет <...>» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 149). В юности А.А. Губер выступала в кабаре «Бродячая собака» (сценический псевдоним – Бартенева) и была связана с Н.С. Гумилевым (в 1912–1913 гг.). 11 сентября 2010 г. на Антикварно-букинистическом аукционе № 132 «Русская поэзия, рукописи и автографы» (Центральный Дом журналиста) был выставлен сб. стихов Гумилева «Жемчуга» (М.: Скорпион, 1910) с дарственной надписью: «Золотой птице Аде Аркадьевне Бартеневой автор».

[11] Заселением в «милый» домик завершились злоключения, омрачившие первые дни пребывания Белого в Коктебеле: «“Дом отдыха” Ленин<градского> горкома писателей весь уже почти переполнен; он лишь наполовину оборудован <...>. Ну, точно насмешка. Поместили нас в сырую, холодную комнату (здесь холода), 4 койки, 4 подобия стула, без рукомойника; уборная отстояла от дома на расстоянии 200 шагов и т.д. Словом, был момент, когда мы хотели было дернуть обратно в Москву <...>. Но здешние заведующие проявили просто чудо гостеприимства <...>. Для нас *сняли специально комнату* в домике по соседству, у служащего в Доме отдыха; и этим прекрасно разрешился кризис с жилищем» (Письмо Белого к Г.А. Санникову от 21 мая 1933 г. // Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 99–100).

[12] Л.В. Канторович прославился участием в возглавляемой О.Ю. Шмидтом полярной экспедиции на ледоколе «Александр Сибиряков» (июль – октябрь 1932 г.): тогда впервые за одну навигацию был совершен переход по Северному морскому пути из Белого моря в Берингово. Переход «Сибирякова», сопровождавшийся поломками корабля и героическими усилиями экипажа по его спасению (с помощью самодельных брезентовых парусов), широко освещался в прессе. По итогам плавания Канторович был награжден орденом Трудового Красного Знамени (1932) и был издан альбом его рисунков. См.: Поход «Сибирякова» / Рис. худож. Канторовича, участника Экспедиции 1932 г.; предисл. нач. экспедиции проф. О.Ю. Шмидта. М.; Л.: ОГИЗ – ЛЕНИЗОГИЗ, 1933.

[13] В то время К.В. Пугачева переходила из ленинградского ТЮЗа в московский Театр сатиры (См.: *Пугачева К.* Прекрасные черты / Сост. А. Шестопал. М., 2009). Перед отъездом из Коктебеля Л.В. Канторович и К.В. Пугачева оставили записку: «Дорогой Борис Николаевич и Клавдия Николаевна! Мы пришли вчера слишком поздно – Вы уже спали. Оставляем Вам прощальное послание. Одним из самых приятных обстоятельств в нашем коктебельском пребывании были наши соседи. Очень хотелось бы продолжать и дальше наше знакомство с Вами. В Арктике я буду часто вспоминать Ваши “каменные коллекции”, пропитанные морем и солнцем. Клавдия Васильевна, если это будет возможно, позвонит Вам в Москве. Если будете в Ленинграде, обязательно позвоните к нам. Наш телефон – 1-4-71. Крепко жмем руки. Желаем всего хорошего. Ваши – Лев Канторович, Клавдия Пугачева» (Мемориальная квартира Андрея Белого).

[14] Об истории отношений Белого с литературоведами Б.В. Томашевским и его женой И.Н. Медведевой-Томашевской см. предисловие А.В. Лаврова к подготовленной им публикации: Б.В. Томашевский в переписке с Андреем Белым // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 224–239. Дружеские контакты, обмен книгами и интенсивная переписка Томашевских с Бугаевыми продолжались до самой смерти Белого, а теплые отношения с его вдовой сохранялись и многие годы спустя. См.: *Бугаева К.Н.* Из писем к И.Н. и Б.В. Томашевским / Подгот. текста, коммент. и послесл. Е.В. Наседкиной, М.Л. Спивак // Смерть Андрея Белого. С. 252–256.

[15] Литературовед В.А. Десницкий не был академиком и даже звание доктора филологических наук получил лишь в 1934 г.; он преподавал в Ленинградском государственном университете, работал в Институте русской литературы АН СССР и ряде других мест.

[16] В ГИХЛе готовился к печати второй том мемуаров Белого, а в начале августа из издательства пришел запрос о том, какие еще книги он хотел бы издать в 1933–1934 гг. «Спешу Вас уведомить, что я мог бы предложить ГИХЛу издать трилогию моих воспоминаний: “На рубеже двух столетий” (последнее издание разошлось в месяц), “Начало века” (когда первое издание исчерпается) и 3-й том “Между двух революций”...», – сообщал Белый в ответном письме от 15 августа 1933 г. (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. М.; СПб., 1994. С. 363). Белый очень наде-

ялся на осуществление этого проекта, однако тщетно: в ГИХЛе в ноябре 1933 г. вышла только книга мемуаров «Начало века», отданная в издательство еще в начале 1931 г.

[17] Вопрос об обещанной ему квартире в строящемся кооперативном писательском доме (РЖСКТ – рабочее жилищно-строительное кооперативное товарищество, РЖАКТ – рабочее жилищно-арендное кооперативное товарищество) сильно волновал Белого еще с 1932 г. (см. в дневнике 1932 г. записи за 13 июля, 9 октября и примеч. к ним 56, 257 и др.): денежные взносы, как он полагал, были выплачены, но предлагаемая квартира не вполне удовлетворяла по площади, и совсем не устраивал высокий этаж. На протяжении всего 1933 г. Белый пытался отстаивать свои права. Так, 14 февраля 1933 г. он обратился в контору товарищества с таким письмом: «Уважаемый товарищ! 1) Я записался в 1932 году на квартирную площадь размером 50 метров жилой площади (3 комнаты) для себя с семейством <…> 2) Мне была отведена квартира № 8 в 5-ом этаже; *и не в 50 кв. метр<ов>, а в 34 кв. метра.* Ввиду полной невозможности жить на пятом этаже мне было заявлено в ответ на заявление в Правление, что мне будет предоставлена квартира в 3-ьем этаже. Но до сих пор не имею никаких сведений по этому поводу. Прошу очень дать объяснение моей жене, ибо я болен. Не откажите передать мое заявление в Правление РЖСКТ "Советский писатель". С уважением Андрей Белый (Борис Бугаев)» (РГБ. Ф. 25. Карт. 39. Ед. хр. 26). В конце апреля, перед отъездом в Коктебель, было написано подобное же, но более пространное и резкое по тону заявление, которое, как следует из пометы К.Н. Бугаевой, в правлении кооператива принять отказались (Там же). «Квартирная» тема постоянно звучала и в летних письмах Белого в Москву. По возвращении он был вынужден искать поддержки в «высоких кругах», чтобы оказать воздействие на правление.

Председателем жилищно-строительного кооперативного товарищества «Советский писатель» был Мате Залка. Ходатаем по квартирным делам Белого выступал П.Н. Зайцев: «<…> я говорил с Накоряковым о квартирных трудностях Белого. Тут же было составлено следующее письмо Матэ Залка – председателю РЖАКТа Дома писателя:

"Писатель Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) является членом РЖАКТа писателей и внес полностью всю сумму за свою квартиру в Нащокинском переулке. Квартира ему до сих пор фактически не предоставлена.

Товарищ Б.Н. Бугаев в настоящее время серьезно болен. Ему прописан врачами строгий режим, выполнение которого невозможно из-за отсутствия у него квартиры.

Состояние здоровья Андрея Белого внушает серьезные опасения. Квартира ему нужна срочно и неотложно.

Правление ГИХЛ и Групком писателей настойчиво просят Вас оказать содействие в срочном предоставлении Б.Н. Бугаеву (Андрею Белому) квартиры в Доме писателей в Нащокинском переулке, не выше третьего этажа, так как доктора по состоянию его здоровья запретили ему подъем на более высокие этажи"» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 179).

[18] Белый активно пользовался предоставленным ему И.М. Гронским «гостеприимством в "Новом мире"» (см.: Новый мир. 1932. № 11; 1933. №№ 3, 4, 7–8, 10).

[19] Имеется в виду критика в адрес Белого в статье М. Горького «О прозе», опубликованной в первом выпуске альманаха «Год шестнадцатый» (М., 1933): «Советский читатель не нуждается в мишуре дешевеньких прикрас, ему не нужна изысканная витиеватость словесного рисунка <…>» (Цит. по: *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 26: Статьи, речи, приветствия 1931–1933. М., 1953. С. 393). В качестве первого и главного примера «засорения» литературы «словесным хламом» (Там же. С. 387) Горький выбрал роман «Маски»: «<…> в лице Андрея Белого мы имеем писателя, который совершенно лишен сознания его ответственности перед читателем» (Там же. С. 396). Атака со стороны Горького была для Белого тем более неприятна и опасна, что после отставки Гронского (фактически – в мае 1933 г., официально – в августе) Горький стал председателем Оргкомитета ССП (до этого он считался почетным председателем и в работу Оргкомитета вмешивался мало).

[20] Белый познакомился с заведующим отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) А.И. Стецким на вечере у И.М. Гронского 10 февраля 1933 г. (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни

и творчества. Л. 172). Это знакомство казалось особенно полезным, так как в состав отдела культуры и пропаганды входил и сектор художественной литературы, а Стецкий был членом Оргкомитета ССП.

[21] В тот период Л.М. Каганович активно занимался и вопросами литературной политики. В частности, он входил в комиссию Политбюро по литературным вопросам (состав: И.В. Сталин, Л.М. Каганович, П.П. Постышев, А.И. Стецкий, И.М. Гронский), образованную в апреле 1932 г. для объединения советских писателей в единый писательский союз и проведения Первого съезда Союза советских писателей. Фактически деятельность И.М. Гронского по организации Союза писателей курировал А.И. Стецкий, а самого Стецкого курировал Л.М.Каганович.

[22] Возможно, что «поддержку» и «защиту от нападений Горького» Белый усмотрел в том активном недовольстве, которое вызвал в партийном руководстве альманах «Год шестнадцатый». «Этот альманах следовало задержать, – сообщал А.И. Стецкий Л.М. Кагановичу и И.В. Сталину в докладной записке от 22 мая 1933 г. – Не сделал я этого оттого только, что он вышел как раз в день приезда Горького сюда и это было бы для него весьма неприятным сюрпризом». Однако причиной скандала, насколько известно, были отнюдь не нападки М. Горького на Белого, а помещение в альманахе «носящих издевательский характер» произведений В.З. Масса и Н.Р. Эрдмана. См.: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. Сб. документов. Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 158.

[23] В письме к Б.В. Томашевскому, датированному 2 сентября 1933 г., Белый вспоминает совместно проведенное в Коктебеле время как «радостный подарок» и благодарит за присланные материалы – оттиск статьи Томашевского «Die Puškin – Forschung seit 1914» (Zeitschrift für slawischer Philologie. Bd. 2. Doppelheft 1/2. 1925. S. 236–261) и одну из первых книг большой серии «Библиотеки поэта»: Ироикомическая поэма / Ред. и примеч. Б.В. Томашевского, вступ. статья В.А. Десницкого. Л., 1933. См.: Б.В. Томашевский в переписке с Андреем Белым. С. 231–232.

[24] Здесь, по всей видимости, имеется в виду следующее письмо к Е.Н. Кезельман в Лебедянь:

«Дорогая, милая Е.Н. —

всего несколько слов!

Москва сказалась трудностью писать; каждый день отслаивается своими заботами: как корост, трудно пробиваемый словами.

О чем писать?

О шутливом.

Остается мне покичиться успехами в курении. Эти дни доходил до трех полпапиросок в день (1½); и вдруг нутро завопило:

— “Курриить!”

Я — оскоромился: унизился до 4½ папирос (в день). Нелегки ежовые рукавицы режима: вставай — тогда-то, ложись — тогда-то; кури — столько-то, пей — столько-то с расстановками. Что ни шаг, то — методика.

Пожалейте меня, дорогая сестренка, меня бедного.

Жалующийся и слезы льющий Б. Бугаев».

В нижнем левом углу Белый изобразил себя, «жалующимся и слезы льющим» (РГБ. Ф. 25. Карт. 46. Ед. хр. 42; копия письма, сделанная К.Н. Бугаевой и хранящаяся в Мемориальной квартире Андрея Белого, датирована «сентябрь – октябрь»).

[25] И.С. Ефимов в 1917 г. организовал вместе с женой художницей Н.Я. Симонович-Ефимовой (1877–1948) театр кукол. Упоминаемое письмо – ответ Белого на приглашение И.С. Ефимова посетить знаменитый спектакль театра кукол, шекспировского «Макбета». По состоянию здоровья Белый был вынужден отказаться. Письмо датировано 2 сентября 1933 г.: «Глубокоуважаемый Иван Ефимович <так!>! Не сетуйте на мое запоздалое письмо; при всем желании посетить представление “Макбета”, это не удалось мне. Весной болел упорными гриппами; а летом лечился в Коктебеле. Оба билета были использованы нашим другом, ценительницей искусства; она – в полном восторге от тонкого мастерства исполнения. Как жаль, что я не мог присутствовать на пред-

ставлениях. Примите уверение в совершенном уважении и преданности. Б. Бугаев» (РГБ. Ф. 25. Карт. 47. Ед. хр. 2).

[26] В конце 1920-х – середине 1930-х романы М. Пруста неоднократно переводились и издавались в СССР. См., напр.: *Пруст М.* В поисках за утраченным временем. Т. 1–2. Л.: Academia, 1927–1928. В коктебельской библиотеке М.А. Волошина хранится роман М. Пруста «Под сенью девушек в цвету» (М.: Недра, 1927). Последнее издание, как следует из мемуаров П.Н. Зайцева, Белый читал еще в 1930 г.: «Привез я как-то Борису Николаевичу роман Марселя Пруста "Под сенью девушек в цвету". Помню, что в следующий мой приезд он отдал мне книгу со словами: "Это бор-машина какая-то"» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 136). В статье «О себе как писателе», написанной в марте 1933 г. (впервые опубликована на польском языке в газете «Wiadomości literackie» 29 ноября 1933 г.), Белый заявлял: «Как читатель, я тянусь к простым формам: боготворю Пушкина, Гете, люблю Шумана, Баха, Моцарта, пугаюсь психологизма Пруста <…>» (*Андрей Белый.* О себе как писателе // *Бугаева К.Н.* Воспоминания о Белом / Ed., annotated and with an introduction by J. Malmstad. Berkeley, 1981. С. 326).

[27] *Катаев В.П.* «…Время, вперед!». М.: Федерация, 1932 (переиздано в 1933 г.). См. отзыв о произведении в письме Белого к Ф.В. Гладкову (от 17 июня 1933 г.): «<…> роман восхищает мастерством иных страниц; и тема соц<иалистического> соревнования проведена с большим захватом» (*Проблемы творчества.* С. 770); ср. также в письме к П.Н. Зайцеву (от 19 июня 1933 г.): «Много читаю беллетристики. В совершенном восторге от романа В. Катаева "Время вперед"; непременно прочтите <…>» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 532).

[28] *Тихонов Н.С.* Кочевники. [Очерки Туркмении]. М.: Федерация, 1931 (переиздано в ГИХЛе в 1933 г.). См. отзыв в письме к П.Н. Зайцеву из Коктебеля (от 19 июня 1933 г.): «<…> наслаждался книгой Тихонова "Кочевники"» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 532).

[29] В библиотеке коктебельского Дома-музея М.А.Волошина имеется несколько книг И.М. Саркизова-Серазини. Белый, скорее всего, читал следующую: Крым: Путеводитель / Под общ. ред. члена президиума Московского физиотерапевтического о-ва и члена правления российского о-ва по изучению Крыма д-ра И.М. Саркизова-Серазини. М.; Л.: Земля и Фабрика, 1925. Для этого издания была написана статья М.А. Волошина «Культура, искусство, памятники Крыма».

[30] Неясно, какую работу имел в виду Белый.

[31] С художницей Ю.Л. Оболенской М.А. Волошин познакомился в 1913 г. (см. сделанные ею в 1933 г. по просьбе М.С. Волошиной выписки из дневника 1913 г. в кн.: Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С. 302–310) и состоял в многолетней переписке: сохранилось более 150 писем (1913–1930 гг.), большая часть которых хранится в ОР ИРЛИ РАН. Частично опубликованы А.В. Лавровым (*Волошин М.* Собр. соч. / Под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова при участии Р.П. Хрулевой. Т. 10: Письма 1913–1917. М., 2011; Т. 12: Письма 1918–1924. М., 2013). Подробно о ней см.: *Алексеева Л.* Цвет винограда: О Юлии Оболенской и Константине Кандаурове // Toronto Slavic Quarterly. №№ 29 (Summer 2009), 32 (Spring 2010), 35 (Winter 2011), 41 (Summer 2012), 43 (Winter 2013).

[32] На сегодняшний день в библиотеке Дома-музея М.А.Волошина имеются роман Эд. Гонкура «Элиза» (М.: Польза, 1914) и два тома из выпущенного в 1911–1912 гг. издательством «Сфинкс» собрания сочинений Ж. и Эд. Гонкуров: Т. 2. М., 1911 («Братья Земгано»); Т. 6. М., 1912 («Мадам Жервезе»).

[33] В 1930-е гг. было издано немалое количество повестей, рассказов, очерков В.П. Ставского, напр.: Станица: Кубанские очерки. Кн. 1. 4-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1931; Колхозные записки. [Северный Кавказ]. М.; Л.: ГИХЛ, 1932; Сильнее смерти: Круг рассказов. М.: Федерация, 1932 (переиздано в ГИХЛ в 1933 г.); Разбег: Очерки. М.: Федерация, 1932 (переиздано в ГИХЛ в 1933 г.) и др.

[34] Скорее всего, речь идет о публикации: *Кухтин П.* Последние казаки. Отрывки из поэмы // Звезда. 1932. № 3. С. 3–34.

[35] См: *Павленко П.А.* Анатолия. Рассказы. Изд. 3-е. [Из книг: 1. Азиатские рассказы. 2. Стамбул и Турция]. М.: Федерация, 1932. См. также отзыв Белого в письме к П.Н. Зайцеву из Коктебеля (от 19 июня 1933 г.): «<…> наслаждаюсь книгой Павленко (анатолийские рассказы)» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 533).

[36] Произведения Фрэнсиса Брет Гарта многократно издавались как в дореволюционной России (с 1873 г.), так и в СССР. См., напр.: *Брет-Гарт.* Полн. собр. соч.: В 12 т. / Вступ. статья Л. Гроссмана. Л.: Типография «Красной газеты», 1928.

[37] Роман П.Д. Боборыкина «Китай-город» (1882) многократно переиздавался.

[38] См.: *Артем Веселый.* Россия, кровью умытая. Роман в два крыла. Фрагменты. М.: Федерация, 1932 (переиздано в 1933 г.).

[39] Л.И. Красильщик была ближайшей подругой К.Н. Бугаевой (похоронена на Новодевичьем кладбище вместе с ее матерью, братом и другими родственниками) и поддерживала ее в период болезни Белого. Об этом см.: *Красильщик Л.И.* [Болезнь и смерть Андрея Белого]. Из воспоминаний / Подгот. текста, примеч. и послесл. М.Л. Спивак // Смерть Андрея Белого. С. 134–139. Красильщик принадлежала к антропософам так называемого «первого призыва», ездившим, как и Белый, за границу слушать лекции Р. Штейнера; некоторое время была женой председателя Московского Антропософского Общества Т.Г. Трапезникова: «Его жена Любовь Исааковна, урожд. Красильщик, музыкантша <…>. В молодости она училась музыке в Дрезденской консерватории. Там они и встретились, и поженились. Гармонии не получилось, слишком они были разные люди. До конца жизни (в 1960-ых гг.) она дружила с Клавдией Николаевной. Кроме антропософии их очень сближала еще и любовь к музыке» (*Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе. С. 30).

[40] Ср.: «Я в августе как-то днем на улице, возле Камерного театра встретился с Борисом Леонидовичем. Мы перекинулись с ним десятком слов. Он сообщил, что в Москве сейчас Паоло Яшвили и что грузинские поэты приготовили Борису Николаевичу не то в Кахетии, не то в Имеретии отдых и осенне-зимнее местопребывание. Я отнесся к этому скептически. Но оказывается, у Бориса Николаевича были какие-то неясные планы такой поездки. Поздней, в октябре, они с Клавдией Николаевной от них отказались. А для меня фантастичность этого замысла при тогдашнем самочувствии Бориса Николаевича была ясна с самого начала» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 181–182).

[41] М.А. Скрябина, приговоренная по делу антропософов к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года», отбывала наказание в Лебедяни; постановление о ее досрочном освобождении, «разрешив свободное проживание по СССР», вышло 13 апреля 1932 г. (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[42] См. примеч. 23 выше.

[43] Имеется в виду постановление ВЦИК и СНК от 20 августа 1933 г. «О жилищных правах научных работников», предоставляющее научным работникам целый ряд льгот, в том числе право на дополнительную комнату или 20 кв. м. жилой площади. Спустя месяц, 20 сентября, вышло аналогичное постановление «О жилищных правах писателей», согласно которому на писателей распространялись привилегии, предоставленные научным работникам. См.: Жилищный справочник: Сб. действующих законов и постановлений. М., 1936. С. 161–163.

[44] Центральная комиссия по улучшению быта ученых (Комиссия по улучшению быта ученых была учреждена в 1919 г., в 1921 г. преобразована в Центральную комиссию).

[45] Рукопись третьего тома мемуаров весной 1933 г. была отдана в издательство «Федерация» (в 1933 г. издательство «Федерация» было переименовано в издательство «Советская литература», в 1934 г. стало московским отделением издательства «Советский писатель»). Однако с выпуском книги возникли серьезные проблемы и Белый, обнадеженный расположением к нему Н.Н. Накорякова, решил передать ее в ГИХЛ. Сложность заключалась в том, что от «Федерации» был получен аванс. «Уважаемый Николай Никандрович <…>, – писал Белый Н.Н. Накорякову 15 августа 1933 г. – Чувствуя себя связанным с ГИХЛ'ом, я конечно отдал бы эту книгу Вам, уведомив "Фе-

дерацию" об этом – при условии, если сам ГИХЛ выплатит "Федерации" 3000 рублей, данные ею в прошлом году в виде аванса мне» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. С. 363). Эти проблемы были улажены, П.Н. Зайцев забрал рукопись, но ГИХЛ так и не смог ее напечатать. В ноябре 1933 г. Белый договорился о передаче книги в «Издательство писателей в Ленинграде», выпустившее ее уже после смерти писателя, в апреле 1935 г. См. комментарии А.В. Лаврова: *МДР*. С. 442–443.

[46] Трудно сказать, насколько нравился Л.М. Кагановичу и А.И. Стецкому Андрей Белый как писатель. Скорее всего, «в верхах» были довольны его идейной позицией. Весной 1933 г. И.М. Гронский в письме к И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, А.И. Стецкому сообщал: «Наметившийся на первом пленуме поворот правых писателей в сторону советской власти (заявления Андрея Белого, М.М. Пришвина <…> и др.) оказался более значительным, чем мы предполагали в начале» («Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 9).

[47] Первый съезд советских писателей состоялся в августе 1934 г., однако первоначально предполагалось провести его в середине мая 1933 г., потом в июне, потом – осенью и т.д. В августе 1933 г. было принято очередное решение о переносе съезда.

[48] Эдуард Эррио трижды становился премьер-министром Франции (1924–1925; 1926, 1932) и считался большим другом СССР, поскольку 28 октября 1924 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Францией, а 28 ноября 1932 г. состоялось подписание франко-советского пакта о ненападении. С 26 августа по 9 сентября 1933 г. Эррио совершил турне по СССР, посетив Одессу, Киев, Харьков и другие города; 1 сентября он прибыл в Москву. Информацией о поездке «французского друга», бывшего главы правительства, пестрели все газеты. Подробно освещались его визиты на стройки социализма, его встречи на высшем уровне, посещения музеев и т.п. 3 сентября в «Правде» и «Известиях» сообщалось, что Эррио был на приеме у В.М. Молотова, в Музее революции, в Мавзолее В.И. Ленина.

[49] 3 сентября 1933 г. Муссолини и полпред СССР в Италии В.П. Потемкин подписали «Пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете между Италией и СССР» («Документ крупнейшего политического значения» // Правда. 1933. 3 сентября). Текст договора был опубликован 4 сентября. См. его оценку в «Правде» за 7 сентября 1933 г.: «Если фашистская Италия, имеющая столько точек соприкосновения с гитлеровской Германией, подписала сейчас подобный договор, то это лишний раз доказывает, что Муссолини не одобряет политику, проводимую Германией по отношению к СССР».

[50] Тема советско-французских и советско-итальянских отношений поднималась в прессе в связи с угрозой со стороны нацистской Германии.

[51] Активизации мыслей о «Дале и заумном языке» мог способствовать выпущенный в 1933 г. «Издательством писателей в Ленинграде» пятый том «Собрания произведений Велимира Хлебникова», в который вошли его декларации и статьи об искусстве, в частности, о «заумном языке». Сам Белый неоднократно заявлял, что источником его словотворчества является не поэтическая заумь, а «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Однако апелляция «к Далю» не спасала Белого от претензий к его усложненному стилю и более того – от напрашивающегося сопоставления с «заумным языком» В. Хлебникова. Так, например, Пастернак во время одного из последних выступлений Белого послал ему записку следующего содержания: «Как Вы относитесь к Хлебникову? (его проза и Ваша?)» (РНБ. Ф. 60. Ед. хр. 34).

[52] «Встреча с Пастернаком и Яшвили в назначенный день не состоялась. Борис Леонидович был болен (растяжение мускулов), а Паоло Яшвили отсыпался после бессонных ночей» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 182).

[53] В письме к секретарю ГИХЛа Клавдии Павловне Гусиной (а не Гусевой) речь идет о корректуре «Мастерства Гоголя». Белый сообщает, что корректура была готова уже 1 сентября и что ввиду болезни он возвращает ее не сам, а «через посредство П.Н. Зайцева». См. публикацию Дж. Малмстада: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 15. С. 363–364.

[54] Ср. запись П.Н. Зайцева об Андрее Белом: «Вспоминал как-то Илью Семеновича Ефимова, своего товарища по университету, и написал ему письмо» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 183). По-видимому, Зайцев должен был отправить письмо Белого.

[55] Летом и осенью 1933 г. П.Н. Зайцев находился в постоянных поисках работы и денег, вел малоудачные переговоры о возможности получить место редактора и сценариста на киностудии «Мосфильм».

[56] Е.А. Санникова, жена Г.А. Санникова. См. о ней и ее трагической судьбе (покончила жизнь самоубийством после известия о смерти М.И. Цветаевой, с которой дружила): *Санников Д.* «Еще меня любите за то, что я умру...»: Марина Цветаева и Елена Назарбекян // *Санников Г.* Лирика. М., 2000. С. 115–122.

[57] Очевидно, имеются в виду оттиски статьи Белого о романе Ф.В. Гладкова «Энергия» из № 4 «Нового мира» за 1933 г. (С. 273–291). Журнал вышел, когда Белый отдыхал в Коктебеле, и писатель надеялся получить оттиски по возвращении.

[58] Письмо написано после состоявшейся 3 сентября беседы с П.Н. Зайцевым о его «намерении работать в кинематографе». В дневниках Зайцева зафиксированы обиды на невнимание Белого к этой проблеме. В письме от 4 сентября 1933 г. Белый старается загладить свою вину и поддержать начинание своего друга: «<...> очень хорошо, что Вы сосредоточились на "Кино"; работа здесь – Ваше настоящее амплуа; пишу это письмо, потому что мне показалось, будто вчерашняя наша беседа оставила у Вас впечатление каких-то сомнений во мне этого Вашего пути; <...> "Кино" – в линии Вашего творчества; и сегодня утром хочется еще раз Вам сердечно и убежденно сказать: "Бодрее, – за дело: этот путь творчества – для Вас!"» (см.: Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 542–543).

[59] П.Н. Васильев и ранее оказывал Белому медицинскую помощь. См., напр., выписанную им еще 10 мая 1933 г. справку о том, что Белый по состоянию здоровья («в связи с нервным переутомлением» и «перенесенным в апреле с.г. гриппом, осложнившимся левосторонней пневмонией») «безусловно нуждается в полном отдыхе на три месяца» (приведена в кн.: Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 103–104). С начала болезни Белого П.Н. Васильев проявлял о нем трогательную заботу: один из выписанных им рецептов датирован 19 августа 1933 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 5). См. также выше, примеч. 3 к записи за август 1933 г.

[60] К.Н. Бугаева.

[61] Имеется в виду сборник «Зовы времен» (1931). См. его публикацию и историю создания: *СП–2*. С. 167–394, 595–606. Ср. пояснение Белого (24 мая 1932 г.): «Настоящий сборник "*Зовы времен*" мною приготовлен в качестве 1-го тома посмертного издания заново переработанных стихов, а также и таких, которые появляются впервые. Ядром материала является юношеская книга стихов "*Золото в лазури*" (год издания 1904), беспомощная по технике <...>. Автором задуманы 3 тома стихов, как посмертное собрание стихотворений <...>» (Там же. С. 167). См также запись П.Н. Зайцева: «Клавдия Николаевна переписывала новый вариант "Золота в лазури". Борис Николаевич попросил у меня экземпляр этой книги, его собственный кто-то взял почитать и "зачитал"» (*Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 184).

[62] Она же «Летучий голландец» (1843).

[63] «Зимний путь» (1827) – вокальный цикл Ф. Шуберта на слова В. Мюллера.

[64] По-видимому, В.Н. Алексеев, брат К.Н. Бугаевой.

[65] Кольцом «Б» называлось Садовое кольцо; трамвай «Б» ходил по Садовому кольцу с 1912 г.

[66] Белый не знал, что заборы снимали не для того, чтобы превратить улицу в сад, а для расширения проезжей части за счет вырубки деревьев и сноса ряда построек. До ликвидации существовавших на Садовом кольце «зеленых бульваров» он не дожил.

[67] Имеется в виду заседание 7 сентября 1933 г.: оно было посвящено организации бригадных поездок литераторов на окраины страны для подготовки Первого съезда советских писателей.

[68] «В Президиум Оргкомитета.

Получив из Орг-комитета уведомление о том, что секретариат Орг-комитета считает совершенно необходимым мое присутствие на заседании, долженствующем быть 7/IX в шесть часов вечера, спешу ответить. Прошу секретариат Орг-комитета довести до сведения президиума, что я всемерно готов принимать участие в работе Орг-комитета, о чем я неоднократно уже заявлял; но не ранее, чем через 2–3 месяца, ибо состояние моего здоровья отрезает меня от этой работы в настоящее время; я имею удостоверение об этом 1) во-первых: от зав. Институтом физич<еских> методов лечения в Феодосии д-ра Славолюбова ("настоящим удостоверяю, что т. Бугаев… страдает истощением нервной системы в резкой степени… считаю необходимым… значительное изменение в работе… при освобождении от всяких нагрузок"); 2) во-вторых: имею справку от проф. Тарасевича из Москвы от 1933. VIII. 16: "Бугаев Борис Ник<олаевич> страдает… артериосклерозом… и нуждается в полном отдыхе, систем<атическом> лечении и соблюдении режима». Лишь после курса лечения (2–3 месяца) я могу вернуться к той форме работы, которая ныне мне строго запрещена".

Примите уверения в совершенном уважении. Борис Бугаев / А. Белый» (РГБ. Ф. 25. Карт. 47. Ед. хр. 2).

[69] Реакция Вассермана, разработанная в 1906 г. немецким иммунологом Августом Вассерманом для распознавания сифилиса по анализу крови, была введена в СССР в 1928 г.

[70] Упомянутые исследования проводились 19–21 августа 1933 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 5. Л. 2, 8, 10).

[71] Имеется в виду письмо в Президиум Оргкомитета ССП (см. выше, примеч. 68); к нему прилагалось письмо самому Лидину от 6 сентября 1933 г.: «Дорогой Владимир Германович, доставляю Вам письмо для передачи в секретариат Орг-комитета (на заседании 7-го сентября); сердечно благодарю за услугу. Очень хочется как-нибудь встретиться с Вами. Не приглашаю пока Вас к себе, ибо занимая чужую жил-площадь не всегда могу рассчитывать на то, что нам будет удобно побеседовать у нас, но надеюсь, что Вы скоро посетите нас с женой на нашей квартире в Нащокинском переулке. Остаюсь искренно преданный и любящий Вас. Б. Бугаев» (РГБ. Ф. 25. Карт. 47. Ед. хр. 2).

[72] Ср.: «Люблю мечты моей созданье / С глазами, полными лазурного огня» из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Как часто пестрою толпою окружен» (1840). Белый неоднократно прибегал к цитированию и «символистскому» истолкованию этих лермонтовских строк, вошедших в его обиход через посредство Вл. Соловьева. «Очами, полными лазурного огня», глядела на Вл. Соловьева в поэме «Три свидания» (1898) встреченная в египетской пустыне Лучезарная Подруга – София. Так же характеризовал Белый в поэме «Первое свидание» свою Лучезарную Подругу – М.К. Морозову: «Так из блистающих лазурей / Глазами полными огня, / Ты запевающею бурей / Забриллиантилась в меня». См. интерпретацию этого образа в статье «Священные цвета» (1903): «Если бы Лермонтов до конца осознал взаимодействие между реальным созданием мечты "с глазами полными лазурного огня", и его символом, которым становится любимое существо, он сумел бы перейти черту отделяющую земную любовь от вечной. Брак и романтическая любовь только тогда принимают надлежащий оттенок, когда являются символами иных, еще не достигнутых, сверхчеловеческих отношений» (*Андрей Белый*. Символизм как миропонимание. С. 207).

[73] Романтический и эзотерический символ вечной, идеальной любви, восходящий к роману Новалиса «Генрих фон Офтердинген».

[74] Последняя строфа стихотворения «Антропософии» («Над ливнем лет…»; 1918). В сб. «Зовы времен» (1931) оно фигурирует под названием «Вешний цвет». См.: *СП–2*. С. 182 (и примеч. на с. 598).

[75] Вторая строфа стихотворения «Сестре» («Не лепет лоз, не плеск воды печальный…»; 1926), посвященного в сборнике «Зовы времен» К.Н. Бугаевой. По ее позднейшему свидетельству, посвящение было внесено «Б.Н. осенью 1933 г., когда были переписаны эти стихи». Под «мглой» подразумеваются полные разочарований годы пребывания в Берлине (1921–1923), куда Клавдия Николаевна – согласно автобиографическому мифу Белого – приехала, чтобы «спасти» писателя и организовать его возвращение в Россию. См.: Там же. С. 183–184 (и примеч. на с. 598).

[76] А.А. Алексеева, Е.А. Королькова, В.Н. Алексеев.

[77] *Санников Г.* Каучук: Поэма (Из документов пятилетки); *Андрей Белый.* Из книги «Начало века». I. Валерий Брюсов. II. А.Блок // Новый мир. 1933. № 7–8. С. 68–86; 261–263.

[78] Л.И. Красильщик жила неподалеку от Бугаевых, в арбатских переулках.

[79] Белый хотел получить собственные фотоснимки и надеялся, что у фотографа их заберет П.Н. Зайцев. Еще летом с аналогичной просьбой он обращался в письме из Коктебеля (от 21 июня 1933 г.) к Г.А. Санникову: «И еще, милый друг, просьба: когда будете в Доме Герцена, если бываете там, зайдите к фотографу (помните, заходили вместе и он снимал) и попросите у них для меня обещанных карточек, – и тех, что снимали с меня осенью (на пленуме), и последних (тех, что снимали в мае); они обещали; а то – нет карточек; и при случае, когда необходимо карточку дать, я отвечаю отказом. Опять перегружаю Вас делами; но не думайте, что эти карточки мне нужны: просто так, если вспомнится Вам, когда будете в Доме Герцена, зайдите к фотографам» (см.: Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 138).

[80] И.Н. Медведева-Томашевская в письме от 6 сентября 1933 г. рассказывала о работе по подготовке произведений Е.А. Баратынского для большой серии «Библиотеки поэта» (*Баратынский Е.А.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Ред., коммент. и биограф. статьи Е.Н. Купреяновой и И.Н. Медведевой. Л., 1936). См.: Б.В. Томашевский в переписке с Андреем Белым. С. 233.

[81] Имеется в виду ответ С.Д. Спасского на письмо Белого от 5 сентября 1933 г. с просьбой спешно узнать «имя и отчество Сорокина (из "Изд<ательства> пис<ателей> в Лен<инграде>")» и «немедленно известить меня открыткой». В открытке от 8 сентября 1933 г. Спасский, являвшийся сотрудником «Издательства писателей в Ленинграде», сообщает необходимые сведения о Григории Эммануиловиче Сорокине (1898–1954), заведующем «Издательством писателей в Ленинграде». С «Издательством...» в 1931 г. Белым был заключен договор о сдаче рукописи романа «Германия» до ноября 1932 г. Роман написан не был, и Белый вел с Г.Э. Сорокиным письменные переговоры о предоставлении ему отсрочки. С.Д. Спасский выступал своеобразным посредником в этих переговорах. 10 сентября 1933 г. Белый через С.Д. Спасского послал Г.Э. Сорокину письмо. См.: Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским. С. 642–662.

[82] См. запись в дневнике 1932 г. за 4 сентября и примеч. 238.

[83] А.С. Петровский, приговоренный к «к заключению в концлагерь сроком на три года, считая срок с 20/ V–31 г.», отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала, осуществлявшемся силами заключенных в 1931–1933 гг. Беломорстрой был объявлен образцово-показательной стройкой, своеобразной школой-лабораторией по перековке, перевоспитанию заключенных. Тема Беломорстроя не сходила со страниц печатных изданий. Освобождающиеся с Беломорстроя считались более исправившимися, чем прочие, и пользовались в этом отношении льготами – в частности, при получении разрешения вернуться в Москву и остаться в Москве работать. Сохранился записанный рукой Белого адрес А.С. Петровского: «Мурм. ж/д. Станция Сорока (Выг. Остров) 8-ое отделение Бел.-Балт.-Лаг. 1-ый пункт. А.С. Петровскому» (Мемориальная квартира Андрея Белого). В лагерных сводках отмечалось, что Петровский «к работе относится с любовью. Работу проводит тщательно, продумано. Дисциплинирован, активное участие принимает в культработе. Поведение хорошее», потому ему «за ударную работу на Белморстрое срок сокращен на 6 месяцев». Пересмотр дела Петровского начался уже в мае 1933 г.; выходило, что «конец срока по зачету рабдней 19/ VII–33 г.». Рассмотрение дела затянулось по техническим причинам: руководство лагеря не могло «поставить дело А.С. Петровского на пересмотр, т.к. 1 и 2 тома <следственного дела – *М.С.*> кем-то получены из архива и не выданы по нашему требованию». 21 июля 1933 г. вышло постановление о том, что «по отбытии меры социальной защиты, осужденный Петровский Алексей Сергеевич подлежит освобождению» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[84] О желательности заступничества со стороны непосредственного начальника А.С. Петровского В.И. Невского, директора Библиотеки им. В.И. Ленина (с 1925 г.), Белый писал другу еще в середине марта 1932 г.: «<...> разузнавали, с какого бока хлопоты за Тебя имели б успех, и отовсюду выясняется: только *ходатайство с места службы* в теперешних условиях могло бы изме-

нить твое положение <...> Невский и Библиотека – вот единственное место, которое *сейчас* могло бы поднять дело <...>» (*Белый – Петровский.* С. 275).

[85] Имеется в виду 46-й том (Дневник. 1847–1854. М., 1937) юбилейного Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого (В 90 т. М.; Л., 1928–1958). Как отмечалось в протоколе заседания Государственной редакционной комиссии от 14 июня 1931 г., Петровский был «один из основных редакторов этого полного собрания сочинений». К подготовке упомянутого 46 тома и еще четырех «ответственнейших томов этого собрания сочинений Л.Н. Толстого» (тт. 7, 67, 68, 69) А.С. Петровский приступил еще до ареста: «редактор Петровский выверял корректуры, сличал их с текстами и делал тому подобную, совершенно необходимую и в высшей степени важную работу для этого издания». (Протокол заседания завершался обращением в Коллегию ОГПУ с просьбой «рассмотреть обстоятельства ареста А.С. Петровского как можно скорей и, буде представится возможность, освободить его из-под ареста для продолжения вышеперечисленных работ». 24 июля 1931 г. выписка из этого протокола, заверенная В.Д. Бонч-Бруевичем и сопровожденная его письмом, была отправлена зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде и приложена к следственному делу, однако смягчению приговора это ходатайство не способствовало (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006)). Впоследствии А.С. Петровский редактировал и комментировал также и другие тома (см., напр., тт. 29, 47, 48, 52 и др.).

[86] Желание написать статью на тему «Социалистический реализм» сформировалось у Белого летом 1933 г. в связи с приближением Первого съезда Союза советских писателей, на котором должны были утвердить и узаконить новый литературный метод. Статьей о социалистическом реализме Белый намеревался укрепить свои позиции и войти в mainstream советской литературы. Замысел не был осуществлен. Подробнее см.: *Спивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель С. 423–435 (глава 14: «Социалистический реализм» Андрея Белого: история ненаписанной статьи).

[87] Перипатетики, стоики – названия древнегреческих философских школ. Однако Белому в данном случае важно указать не столько на наследуемую им философскую традицию, сколько на динамичный стиль и пластику собственного философствования. В примере со стоиками Белый откровенно каламбурит, осознавая, что термин произошел от греческого «стоа» (портик) и лишь случайно оказался созвучен русскому «стоять». В примере же с перипатетиками полагает, что обыгрывает этимологию слова: согласно распространенному (ошибочному) мнению, термин, давший имя школе последователей Аристотеля, произошел от греческого «прогуливаюсь» (по легенде, Аристотель беседовал с учениками – прогуливаясь). Ср.: «<...> я – перипатетик, развиваю походя свою философию жизни» (*НВ.* С. 27).

[88] Белый подразумевает ярое неприятие в работах Ф. Ницше («Рождение трагедии из духа музыки», «Человеческое, слишком человеческое», «Ecce Homo» и др.) эстетики Аристотеля, классической для европейской культуры. Ницше формулировал собственную концепцию дионисийского происхождения трагедии как альтернативную аристотелевской теории трагедии и как родственную по духу Гераклиту. См.: *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 135, 146, 154–155, 347 и др.; Т. 2. С. 568, 730–731 и др.

[89] Ср.: «Мы, дети рубежа <...> отдаваясь текучему процессу, были скорей диалектиками <...> мы были всегда гераклитианцами, несущими бунт в царство средневекового Аристотеля» (*На рубеже.* С. 201). Или: «Почему <...> мне не разрешено в линии дионисовых культов, борющихся с Олимпом, видеть наступление на Олимп динамизма, позднее перерожденного в диалектику Аристотеля, который был в одной из фаз мысли Греции кристаллизатором зреющей научной мысли, как стал он же позднее кристаллизатором средневекового склероза» (*НВ.* С. 532).

[90] Идея антиномии и синтеза Гераклита и Аристотеля близка позднему Белому и реализуется в его творчестве в разных вариантах. Категории «неясного» и «ясного» становятся для писателя знаками-символами не только философских систем, но и типов мировидения, принципов подхода к жизни. Ср., напр.: «Взять в корне, – она, рациональная ясность, разъелась: из-под Аристотеля Ясного встал Гераклит Претемнейший: да, да, – очень дебристый мир!» (*Андрей Белый.* Москов-

ский чудак // *Андрей Белый.* Москва. М., 1990. С. 160); «Понял: отныне – никто никого не поймет: кончен век Аристотеля ясного. Встал – Гераклит» (*Андрей Белый.* Маски // Там же. С. 641). Или: «<…> отцы диалектического материализма видели в Гераклите “мистические темноты” и здоровую тенденцию будущего <…> темнота темноте – рознь; темнота от засора мысли не темнота от обилия не переваренного научно сырья» (*НВ.* С. 532).

[91] Образ, восходящий к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». См., напр., название 5 главы III книги: «Исповедь горячего сердца. “Вверх пятами”».

[92] «Милая Мария Александр<овна>! Огромное спасибо за Ваши столь тронувшие меня хлопоты, в результате которых явилась моя избавительница от мучительных мигреней и приливов, с милыми существами, ведущими свое происхождение от ласточек: “hirundo” (пьявка) – “ласточка” по–латыни, а целебное вещество, вводимое ей в организм через укус – “гирундин”. Сегодня 3-ий день после пьявок; и – явное облегчение. Милая Мария Александровна, – позвольте нам с Клодей как-нибудь Вас навестить; Вы назначьте сами, когда это возможно; шлем привет Владимиру Николаевичу (Татаринову, мужу М.А. Скрябиной – *М.С.*); хотелось бы с ним повидаться; жаль, что Вы не застали нас. Еще раз спасибо. Остаюсь искренно любящий и благодарный. Б. Бугаев» (РГБ. Ф. 25. Карт. 47. Ед. хр. 2). Копия этого письма, сделанная К.Н. Бугаевой с автографа, сопровождается ее примечанием: «*ей – употребление в подобных случаях дательного падежа вместо творительного – постоянная особенность Б.Н.» (Мемориальная квартира Андрея Белого).

[93] В.В. Ермилов с 1928 г. был одним из секретарей правления РАПП, но в 1932 г., после выхода постановления ЦК ВКП (б) о ликвидации литературных группировок, стал активно проводить в жизнь новую политику партии. По инициативе Горького В.В. Ермилов, как и ранее его соратник по РАППу Л.Л. Авербах, вошел в Оргкомитет ССП, стал занимать влиятельные посты в литературе. У Белого же имелись свои веские причины опасаться Ермилова, неоднократно выступавшего против него. См., напр.: *Ермилов В.* Театр и правда: Дополненная стенограмма речи на втором пленуме Оргкомитета Союза советских писателей // Красная новь. 1933. № 2. С. 183–184.

[94] В 1933 г. в «Литературной газете» неоднократно печатались критические выступления в адрес Белого (*Нусинов И.* «Маски» в маске: Об Андрее Белом (29 апреля); *Динамов С.* За ясность и простоту в искусстве (29 мая) и др.). Примером «маленьких гадостей» может быть публикация в «Литературной газете» (1932. 11 ноября) неавторизованной стенограммы выступления Белого на 1-м пленуме Оргкомитета Союза советских писателей 30 октября 1932 г. Это вызвало негодование писателя. На следующий же день он обратился в редакцию с возмущенным письмом: «Уваж<аемая> ред<акция>, в № 51 от 11 н<оября> сего года появилась стенограмма моего выступления по докладам тт. Гр<онского>, Кирп<отина> и Субоцкого на Пленуме Оргкомитета. Стенограмма представляет собой сплошную неразбериху (грамматическую и логическую), которую я отказался править. Пришлось ее заново переписать, возвращая грамматику и логику неверно переданной речи. Передавая исправленный, заново переписанный от руки текст, я убедительно просил заведующую стенограммами *ни в коем случае* не показывать бессмыслицу первоначальной записи, а мое исправление, возвращающее к логике и грамматике. Между тем в вашей газете появился текст стенограммы, *которую я отказался править: он кем-то* наспех исправлен грамматически, да и то не везде; смысл же многих фраз отсутствует вовсе, извращая всю речь <…>» (копия К.Н. Бугаевой с письма от 12 ноября 1932 г., Мемориальная квартира Андрея Белого).

[95] Отстранение И.М. Гронского от должности Председателя Оргкомитета ССП, предоставление властных полномочий бывшим членам Российской ассоциации пролетарских писателей (Авербаху, Ермилову и др.) приводило современников Белого к мысли о том, что «теперь в новых формах РАПП» (Письмо Ф.В. Гладкова Андрею Белому от 3 июня 1933 г. // *Проблемы творчества.* С. 764). Волнения по этому поводу одолевали Белого еще в Коктебеле: «Авербахам ничего не стоит оглушить нас треском слов о “правде” <…> Вероятно, И.М. Гронский не был организатором, вероятно, он не мог справиться со всеми минами и контрминами, закладываемыми неликвидированными группировками т.д. <…> опять будут и мордасы, и травли, с инсинуациями. И заранее уж готовлюсь к этому, нащупывая себе зимнюю квартиру, где бы можно было укрыться от хо-

лода, ибо бороться с интригами, вести мины и контрмины не хочу» (Письмо Белого к Ф.В. Гладкову от 17 июня 1933 г. // Там же. С. 768–769).

[96] А.М. Горький.

[97] Окончательный разрыв с первой женой А.А. Тургеневой произошел весной 1922 г. в Берлине.

[98] См. запись в дневнике 1931 г. за 19 июля и примеч. 60.

[99] Ср.: «<…> странный разговор, который и доселе стоит мне, как знак вопроса; еще страннее: он отчасти способствовал тому, что изменились судьбы наших отношений с К.Н. и П.Н., ибо я Агранову сказал всю правду о наших взаимоотношениях; и это способствовало, облегчило мне то, что казалось неисполнимым: Загс с К.Н». (*Белый – Петровский.* С. 276. Письмо середины марта 1932 г.).

[100] В письме рассказывается о научных планах Б.В. Томашевского (заняться темой «французская литература в восприятии Пушкина»), об очередных выпусках большой серии «Библиотеки поэта», приветствуется намерение Бугаевых приехать в гости в Ленинград. См.: Б.В. Томашевский в переписке с Андреем Белым. С. 234. (Письмо помечено в публикации 6 сентября 1933 г., однако, скорее всего оно было написано и отправлено на три-четыре дня позже: датированное 6 сентября письмо И.Н. Медведевой пришло уже 9 сентября, в нем говорится, что «Борис напишет в ближайшие дни»).

[101] Белый познакомился с Ивановым-Разумником в мае 1913 г. Дружба между писателем и критиком, возникшая после возвращения Белого в 1916 г. в Россию из Швейцарии, базировалась на общности литературных вкусов и идейных воззрений: «<…> темы народа, войны и революции были темами нашего сближения» (*Андрей Белый.* Почему я стал символистом… // *Андрей Белый.* Символизм как миропонимание. С. 474). С 1919 г. их объединяла и работа в Вольной философской ассоциации, где Белый был председателем Совета «Вольфилы», а Иванов-Разумник – товарищем председателя. В 1921 г. Белый уехал в Германию, что ослабило связь с Ивановым-Разумником, который в принципе неодобрительно относился к эмиграции, впрочем, для Белого делая исключение. После возвращения Белого в Россию в 1923 г. стала обнаруживаться разность идейных установок писателя, готового идти на компромисс с Советской властью, и критика, продолжавшего стоять на позиции «духовного максимализма». Однако в дневниковой записи Белый преувеличивает конфликтность их взаимоотношений в то время: как явствует из обширной переписки, на протяжении 1920-х Иванов-Разумник по-прежнему остается ближайшим другом и интимнейшим корреспондентом Белого. Разлад обнаружился в 1931 г.: с 10 апреля по 23 июня и с 7 сентября по 30 декабря Белый жил в Детском Селе по соседству с Ивановым-Разумником, проводя большую часть времени в беседах с ним. Причиной разлада отношений стало неприятие Ивановым-Разумником позиции Белого, проявившейся в романе «Маски» и особенно – в книге «Мастерство Гоголя», работа над которой велась на глазах у Иванова-Разумника осенью 1931 г. О разрыве отношений, спровоцированном статьей Белого «Поэма о хлопке» (о поэме Г.А. Санникова «В гостях у Египтян»), см. запись в дневнике Белого 1932 г. за 31 августа и примеч. 214 и 220. Подробно об отношениях Белого с Ивановым-Разумником см.: *Лавров А.В., Малмстад Дж.* Андрей Белый и Иванов-Разумник: Предуведомление к переписке // *Белый – Иванов-Разумник.* С. 5–28. Позиция Иванова-Разумника отражена в его письмах к В.Н. Ивановой, А.Г. Горнфельду, К.Н. Бугаевой (публ. В.Г. Белоуса) и М.М. Пришвину (публ. М.Л. Спивак) в кн.: Смерть Андрея Белого. С. 338–357; 358–364.

[102] В.Н. Иванова.

[103] Имеются в виду «литконсультации», проводимые массовым отделом и групкомом писателей ГИХЛа в «Парке Культуры и Отдыха им. М. Горького». П.Н. Зайцев был внештатным литконсультантом при ГИХЛе и занимался работой с молодежью. Отчет об этой «литконсультации» П.Н. Зайцев поместил в газете: «Парк культуры и отдыха» [Орган ячейки ВКП (б) и профорганизаций ЦПКиО им. М. Горького и Фабрики-кухни № 7] (1933. № 28 (56), 27 сентября. С. 4). Там же описан и разговор о «Масках»: «Подошедший <… > красноармеец ждет терпеливо очереди <…> Он

мордвин из глухой деревушки. Призван в Красную армию. Попал в Москву <…> В конце беседы задает вопрос о ритмической прозе и словесной инструментовке. Он прочитал роман “Маски” Андрея Белого. Мало их понял, но пленился музыкальным построением романа, его ритмом. Спрашивает, кто еще из советских писателей пишет ритмической прозой. Называю имена отдельных писателей».

[104] Б.Б. Красин, издавна почитавший Андрея Белого (в 1910-е писал романсы на стихи Белого, в 1920-е устраивал выступления Белого у себя на дому), в начале 1930-х стал заведующим оперой Большого театра.

[105] Немецкий композитор и дирижер, в 1930-е руководивший музыкальной деятельностью Третьего рейха, Питер Раабе, был также музыковедом, автором ряда работ о Ф. Листе. Здесь имеется в виду его самое известное сочинение: *Raabe P.* Franz Liszt: Leben und Schaffen. Stuttg.; Berlin, 1931. Bd. 1–2. В хранящемся в Мемориальной квартире Андрея Белого письме Е.Н. Кезельман к С.Д. Спасскому от 24 ноября 1944 г. сообщается, что К.Н. Бугаева сейчас работает «над очень трудным переводом книги о муз<ыкальной> технике Листа (для музея Скрябина)». Не исключено, что речь в письме шла об этой книге.

[106] Письмо датировано 16 сентября, а приписка К.Н. Бугаевой к письму Белого – 19 сентября. Белый пишет о своей любви к музыке и математике («у меня – “две тоски”; одна снедала меня в молодости: “Почему я не композитор?”<…> другая тоска – тоска старости: “Почему я не овладел теорией групп, теорией комплексного переменного <…>”. Для ряда моих познават<ельных> проблем нуждаюсь в понимании идей Клейна и Абеля»), делится впечатлениями от «Слепого музыканта» В.Г. Короленко и от присланных ему Томашевским книг («Продолжаю читать Ваши статьи и примечания к Ирои-комической поэме; все фактические данные о линии от В. Майкова до Шаховского поучительны и интересны весьма. Что касается до “текста” поэм, то – увольте! <…> Статьи “Французские дела” и “Фр<анцузская> литер<атура> в письмах Пушкина” – крайне мне интересны рядом деталей, с которыми я не был знаком»). См.: Б.В. Томашевский в переписке с Андреем Белым. С. 235–237.

[107] Имеется в виду статья П.Н. Зайцева «Бытописательство и проблемы нового быта (Творчество М. Платошкина)» в литературно-художественном альманахе «Молодость» (М., 1934. Альманах 1. С. 179–190), выпущенном в издательстве «Молодая гвардия».

[108] С конца мая по середину августа 1933 г. А.А. Фадеев занимал должность заместителя председателя Оргкомитета союза советских писателей, фактически возглавляя писательскую организацию, поскольку председатель Оргкомитета И.М. Гронский с мая 1932 г. был «не у дел» (официально об отставке было объявлено в середине августа). 30 июня 1933 г. Фадеев послал Белому в Коктебель запрос: «Напишите, когда можно Вас ожидать в Москве. Это нужно нам для того, чтобы знать, в какой форме мы можем привлечь Вас к работе по подготовке съезда <…>» (*Фадеев А.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1971. С. 68–69). Г.А. Санников постарался объяснить Белому, сколь политически значимы для него личные связи с новым лидером: «То, что Фадеев Вам написал письмо – это хорошо. Значит, в Оргкомитете думают о Вас и капитал, сколоченный Ив<аном> Мих<айловичем>, растрачивать не хотят <…> Фадеев, мне сдается, парень неплохой, отзывчивый, неглупый, с широким кругозором, умеет слушать <…> К тому же организатор. И как художник имеет данные. Зовут его Александр Александрович. Можно отвечать ему на Оргкомитет – ул. Воровского, д. 52» (Письмо от 28 июня 1933 г. // Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 144–145). Белый цитирует в дневнике второе письмо Фадеева, посланное 22 августа в ответ на «отчеты» Белого о состоянии здоровья: «Уважаемый Борис Николаевич! В ответ на Вашу записку от 16 августа извещаю Вас о том, что в течение лета получил от Вас две открытки, которыми был вполне удовлетворен. Очень сожалею о Вашем нездоровье – спокойно лечитесь и не волнуйтесь ни о чем. Жму Вашу руку. А. Фадеев» (Вопросы литературы. 1972. № 1. С. 186). Однако осенью 1933 г. Белый уже вряд ли мог рассчитывать на заступничество Фадеева, так как в середине августа тот лишился прежней могущественной должности и уехал в длительную командировку на Дальний Восток.

[109] Имеются в виду прошения осужденных и их родственников о пересмотре дела и сокращении срока наказания. В данном случае речь идет о прошении А.А. Алексеевой за Е.Н. Кезельман.

[110] Л.В. Каликина, приговоренная в 1931 г. по делу антропософов к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года», в это время находилась в Орле.

[111] О.Н. Анненкова, тоже лишенная «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту сроком на три года», также отбывала срок в Орле. Постановление о том, что Анненкову можно «досрочно от наказания освободить, разрешив свободное проживание по СССР», вышло 22 августа 1933 г. (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[112] М.Л. Винавер был заместителем и ближайшим помощником Е.П. Пешковой по работе в Политическом Красном Кресте.

[113] В.М. Моисеев и его сестра Н.М. Моисеева, сосланные на три года в Тобольск, как и другие приговоренные по делу антропософов, подавали прошения о досрочном освобождении (в августе 1933 г.), однако в октябре 1933 г. им было в этой просьбе отказано.

[114] После закрытия антропософского общества в 1923 г. его члены, следуя прямому указанию Р. Штейнера, приняли решение на время отказаться от какой-либо организационной, пропагандистской и другой общественной деятельности, а дух и традицию антропософии сохранять, встречаясь друг с другом частным образом и небольшими группами, не более чем по двое – по трое. Не все согласились с таким «пассивным» решением, в частности, В.М. Моисеев вел антропософский кружок для молодежи, Н.М. Моисеева занималась эвритмией с детьми. Впрочем, «нелегальную» кружковую работу вели не только они, но и другие члены общества. В результате, как отмечалось в докладе Секретно-политического отдела ОГПУ «Об антисоветской деятельности интеллигенции», в 1931 г. «в Москве была вскрыта подпольная организация антропософов, состоявшая, главным образом, из педагогов средней и низшей школы и нескольких библ<иотечных> работников» (Власть и художественная интеллигенция. С. 162). Всего по делу 1931 г. о нелегальной контрреволюционной организации антропософов проходило 27 человек. Убеждение же Белого в том, что именно В.М. и Н.М. Моисеевы являются виновниками процесса, основано, вероятно, на том, что их арестовали на месяц раньше других антропософов – в апреле, а не в мае 1931 г. Косвенно виновность Моисеевых подтверждается показаниями Л.В. Каликиной: «Среди антропософов был слух о том, что Моисеев ведет какие-то занятия с людьми, не состоявшими ранее в обществе, и как-то при встрече с ним я спросила его об этом, на что он ответил мне, что иногда в порядке личного знакомства он дает разъяснения тем, кто к нему за этим обращается» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 27006).

[115] Белый не дожил до получения желанной квартиры. К.Н. Бугаева смогла въехать в нее только в марте 1934 г.

[116] Белый виделся с В.А. Рождественским (жившим в Ленинграде) в Коктебеле летом 1930 г. и 1933 г. Письмо с коктебельскими фотографиями от 19 сентября 1933 г. было отправлено из Ленинграда:

«Дорогой Борис Николаевич!

Посылаю обещанные снимки. Они обманули мои ожидания (причина: моя неопытность и плохие пластинки), но все же они напомнят Вам коктебельские дни и нашу, так и не состоявшуюся, беседу. Когда я проезжал через Москву, у меня было большое желание повидаться с Вами, и не осуществил я его только потому, что остановка моя была слишком краткой. Я надеюсь это сделать в другой раз. А пока шлю Вам и К.Н. свои самые дружественные приветы. Всеволод Рождественский» (Мемориальная квартира Андрея Белого).

В ответ Белый писал: «Спасибо за открытки, которые страшно меня порадовали, как и за память. Я тщетно пристаю к жене вот уже два года, чтобы она для меня снялась, и не могу добиться от нее исполнения просьбы, а на одном из Ваших снимков она так удалась, что я отдаю этот снимок для репродукции. Очень скорблю, что нам не удалось поговорить и близко сойтись, несмотря

на совместную жизнь в Коктебеле <...>» (см.: О Всеволоде Рождественском: Воспоминания. Письма. Статьи. М., 1974. С. 55–56).

[117] Белый диктовал К.Н. Бугаевой вторую часть мемуаров «Между двух революций» (или – IV том Воспоминаний) до 2 декабря 1933 г. Работа осталась незавершенной; он успел надиктовать первую главу и часть второй главы. См.: Из литературного наследства Андрея Белого: Воспоминания, том Ш, часть II (1910–1912) / Публ. К. Бугаевой // *ЛН.* Т. 27–28. М., 1937. С. 413–456. См. также восстанавливающую цензурные купюры публикацию А.В. Лаврова: *МДР.* С. 365–441.

[118] Опера П.И. Чайковского (1890).

[119] Опера Н.А. Римского-Корсакова (1872).

[120] В ответ на сообщение И.Н. Медведевой-Томашевской о возможном приезде в Москву К.Н. Бугаева пишет, что они будут рады ее видеть, Белый жалуется на головные боли, которые «в последние дни очень отрезывают от писем». См.: Б.В. Томашевский в переписке с Андреем Белым. С. 237–238.

[121] Перед отъездом в Москву Н.И. Гаген-Торн отправила К.Н. Бугаевой письмо:

«Ленинград, 15 сентября 33 г.

Дорогая Клавдия Николаевна!

Недавно вернулась из Хибин, где провела около месяца, собиралась заехать в Москву, но не попала. Думаю приехать в конце сентября или в начале октября. Очень хочется повидаться с Вами и с Борисом Николаевичем. Как его здоровье?

Мне очень хочется приехать в Москву так, чтобы можно было повидаться и поговорить, но боюсь, не будет ли сейчас Борису Николаевичу вреден сколько-нибудь длинный и серьезный разговор? Помните, год назад он как-то сказал, что хотел бы послушать, как он выразился, "курс этнографии", т.е. мое этнографич<еское> credo. Мне бы очень много хотелось сказать: о символике в примитивной культуре, о переходе от магии к символу, как это видно <по> этнограф<ическим> материалам и т.д. Словом, мне бы страшно хотелось многое рассказать Вам и Борису Николаевичу, что продумалось за это время. И это – основное, для чего мне нужна сейчас Москва. [нрзб] все дела – постараюсь приноровить к этому, если только Вам обоим, дорогая Клавдия Николаевна, к месту сейчас такой разговор и если он не утомителен для Бориса Николаевича. Напишите мне, пожалуйста, удобно ли Вам это сейчас? Я смогу приехать либо 24–25, либо 28–29 сентября. Если же лучше отложить, то приеду в октябре. Простите за бесцеремонность, лапидарность письма – как-то не пишется и очень хочется увидеть Вас и Бориса Николаевича. Очень много думала о Вас и тревожилась о его здоровье. Привет сердечный Анне Алексеевне. Ваша Н. Гаген-Торн» (Мемориальная квартира Андрея Белого).

[122] Свои впечатления от последнего общения с Белым Н.И. Гаген-Торн изложила в письме к Иванову-Разумнику от 21 января 1934 г. (публ. В.Г. Белоуса) и в мемуарах «Последняя встреча: Из воспоминаний об Андрее Белом» (публ. Г.Ю. Гаген-Торн). См.: Смерть Андрея Белого. С. 348–349, 331–334.

[123] См. выписанный И.Ю. Тарасевичем после осмотра Андрея Белого 1 октября 1933 г. рецепт (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 5. Л. 5).

[124] Судя по «медицинскому» контексту, более вероятен визит П.Н. Васильева, а не П.Н. Зайцева.

[125] «Вар<вара> Сер<геевна> Марсова – прекрасно лечащая массажистка <...>, – характеризовал ее Белый в письме к Иванову-Разумнику от 24 и 25 сентября 1926 г. – Это так сказать, официальная сторона; неофициальная <...> которая – скрывается: Варвара Сергеевна – антропософка; она одновременно: работала у Корнелиуса и была ученицей доктора в Берлине (в 1912–1915 гг.) <...>» (*Белый – Иванов-Разумник.* С. 372).

[126] С 1929 г. В.К. Хорошко заведовал неврологической клиникой Института физиатрии и ортопедии.

[127] П.Н. Зайцев или П.Н. Васильев.

[128] Семья Санникова переехала в тот самый писательский дом в Нащокинском переулке, квартиры в котором так и не дождался Белый.

[129] *Державин [Г.Р.]* Стихотворения / Ред. и примеч. Г. Гуковского; вступ. статья И.А. Виноградова. Л., 1933; *Давыдов Д.* Полн. собр. стихотворений / Ред. и примеч. В.Н. Орлова; вступ. статья В.М. Саянова и Б.М. Эйхенбаума. Л., 1933. Обе книги были выпущены в большой серии «Библиотеки поэта».

[130] Д.Н. Часовитина. Как рассказывала Анастасия Александровна Баранович-Поливанова, «ближайшим другом» ее матери, Марины Казимировны Баранович «до конца жизни оставалась Дарья Николаевна Часовитина – внебрачная дочь Великого князя. Тот встретился с ее матерью в Узбекистане, когда занимался там ирригацией. В дальнейшем он следил за воспитанием дочери. Музыкальное образование она получила в Европе, ей прочили карьеру скрипачки-солистки, уговаривали не возвращаться в Россию – это было уже после октябрьского переворота, – но она вернулась. Сразу же начали таскать в ГПУ, не посадили, а какой-то следователь даже посоветовал: сидите дома и никогда не поступайте на службу. Купила машинку и всю жизнь проработала машинисткой. Печатала медленно (в отличие от мамы), но без единой опечатки, многие писатели-патриархи советской литературы ценили ее не столько за это – просто льстило, что им печатает не кто-нибудь, а дочь Великого князя. Во время гонений на антропософов – дружила с Волошиным, Белым – тоже уцелела, но всегда сплошной, как говорила про нее мама, комок нервов». См.: *Баранович-Поливанова А.А.* Оглядываясь назад. М., 2001. С. 15. «Великий князь» – Николай Константинович Романов (1850–1918).

[131] Основная тема письма от 7 октября 1933 г. – плохое самочувствие писателя: «<…> переживал вновь страдания <…> меня превращавшие почти в труп <…>. Мне хочется, как зверю, найти себе берлогу, чтобы там залечь <…>. Словом: Замыслил побег / В обитель дальнюю труда и чистых нег». См.: Б.В. Томашевский в переписке с Андреем Белым. С. 238–239.

[132] Ср.: «Октября 8–12. В связи с разговорами с Григорием Александровичем Санниковым о возможности устроиться в санатории близ Демьянова (где прошло детство) – мечты о жизни в деревне и о творческой работе» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 176).

[133] Несмотря на получение паспорта, Е.Н. Кезельман не удалось быстро вернуться в Москву. Ходатайства о ее освобождении (см. выше запись за 18 сентября 1933 г. и примеч. 109) возобновились в связи со смертью Белого. См. телеграммы Е.П. Пешковой на интернет-сайте «Заклейменные властью: услышь их голоса» (См. примеч. 80 к дневниковой записи от 24 августа 1931 г.) от 8 января 1934 г.: «Лебедянь. Свердлова 36. Кезельман Елене. Разрешение приезда Москву похороны Андрея Белого дано телеграфно справьтесь ГПУ. Пешкова») и, видимо, от 9 января 1934 г. «Лебедянь. Свердлова 36. Кезельман. Извещение разрешении приезда Москву повторено девятого телеграфно. Пешкова». Однако и эти прошения оказались безрезультатны. 15 января 1934 г. Кезельман сама подала заявление с просьбой «досрочно освободить от ограничений и разрешить свободное проживание по СССР». В итоге ей удалось ненадолго приехать в Москву в январе 1934 г. (на захоронение урны с прахом Белого), но затем пришлось вернуться в Лебедянь.

[134] Сохранилось несколько документов на бланках «Кремлевской аптеки санитарного управления Кремля при Управлении Делами С.Н.К», свидетельствующих о получении Андреем Белым лекарств; самый ранний датирован 10 октября 1933 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 5. Л. 14).

[135] Накануне, 11 октября, Белому пришло извещение из Московского городского банка на получение авторского гонорара из журнала «Новый мир». Извещение и доверенность Г.А. Санникову на получение этих денег хранятся в РНБ (Ф. 60. Ед. хр. 7).

[136] Н.В. Кузьмин общался с Белым в 1932 г., когда по заданию ГИХЛ иллюстрировал роман «Маски» (М.; Л., ГИХЛ, 1932) и писал портрет Белого для фронтисписа книги (впоследствии замененный на портрет работы В.А. Милашевского). См.: «Февраль – март. Беседы с художником Н.В. Кузьминым о рисунках к “Маскам”, характеристики персонажей»; «Мая 1. Беседа с художником Н.В. Кузьминым о художественном оформлении “Масок”»; «Июня 4 и 6. Позирует художнику Н.В. Кузьмину для портрета к “Маскам”. Набросок в trois-quarts одобряет <…>» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 164–166). В мемуарах Н.В. Кузьмина «Давно и не-

давно» (М., 1982) подробно рассказывается о знакомстве и общении с Белым (С. 281–287), но о встрече в октябре 1933 г. не упоминается.

[137] На упомянутое послание Белого К.С. Петров-Водкин ответил 27 октября 1933 г.: «Наконец-то получил Вашу открытку и успокоился ото всяких слухов о Вашем здоровье, по-московски преувеличенных. Из Абастумана вернулся <…> Не икалось ли Вам, не чертыхалось ли от всего, что с Вами проделываю: пишу Ваш портрет в группе случайно объединенных детскосельством (Вы, Федин, Толстой и Шишков). Пишу всех по памяти (не считая набросков пустяковых) и в этом трудная и интересная задача. Вот, вот приступлю (готовлюсь как на приступ) к 3-й книжке. Залихватская статья Алексея Максимовича, напоминающая лузг семечек под гармошку, еще больше подзадоривает меня к работе <…>» (опубликовано с сокращениями в кн.: *Петров-Водкин К.С.* Письма. Статьи. Выступления. Документы / Сост., вступ. статья и коммент. Е.Н. Селизаровой. М., 1991. С. 279). К.С. Петров-Водкин, как и Белый, стал объектом критики М. Горького в статье «О прозе» – за книгу «Пространство Эвклида. Моя повесть. Книга вторая» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1932). «Ал. Макс. Пешков поправляется. Вышел альманах "Год шестнадцатый" с его статьей о художественной прозе, – статьей бранчливой, сварливой и недовольной. Особенно досталось К.С. Петрову-Водкину за его пространство Евклида», – сообщал Белому в Коктебель П.Н. Зайцев 14 июня 1933 г. (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 528).

[138] «Дорогой, милый Борис Николаевич!

Вот какая незадача с Бор. Леонидовичем: он вчера слег в постель. Температура 38,2–38,4. Зин. Ник., его жена, говорит, что это вероятно простуда. Сегодня у него будет доктор. Встреча, стало быть, опять откладывается. Зайду к Вам 16-го на минуточку вечером.

Сейчас выправляю свою статью, хочу завтра сдать ее в переписку.

Вчера не успел обменять карточку ЦЕКУБУ. Пойду завтра и 16 принесу Вам ее, а также и промтоварные книжки, если они будут получены в Горкоме. Обнимаю Вас крепко. Сердечный привет Кл. Ник. Любящий Вас П. Зайцев» (Письмо от 14 октября 1933 г. См.: Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 543). Упоминается З.Н. Пастернак (урожд. Еремеева; в первом браке Нейгауз), вторая жена Б.Л. Пастернака (с 1932 г.).

[139] Имеются в виду прения по докладу Андрея Белого «Основные особенности творчества Гоголя», состоявшемуся в ГИХЛе 10 января 1933 г., или по докладу «Гоголь и "Мертвые души" в постановке Художественного театра», проходившие во Всероскомдраме 26 января 1933 г.

[140] На могиле Н.С. Аллилуевой, застрелившейся 9 ноября 1932 г., установлено надгробие работы И.Д. Шадра и И.В. Жолтовского. Ее похороны проходили без особой огласки, в прессе Сталину был выражен минимум соболезнований.

[141] Осенью 1933 г. Пастернак с увлечением занимался переводом грузинских поэтов и стремился войти в грузинскую комиссию при Оргкомитете ССП. «6 октября он посылает Б.Д. Жгенти для тифлисского журнала "Литература и Искусство Закавказья" четыре перевода – три стихотворения Табидзе ("Не я пишу стихи…", "Если ты — брат мне…", "Иду со стороны черкесской…") и одно Яшвили – "На смерть Ленина"» (*Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 784). См.: Грузинские лирики / Пер. Б. Пастернака. М., 1935; Поэты Грузии / В пер. Б.Л. Пастернака и Н.С. Тихонова; вступ. статья, ред. и словарь Н. Мицишвили. Тифлис, 1935.

[142] Для Б.Л. Пастернака эта тема был окрашена личными переживаниями: в Германии находились его ближайшие родственники. За два дня до разговора с Белым, 18 октября 1933 г., он послал О.М. Фрейденберг письмо, в котором обсуждались необходимость спасения Л.О. Пастернака с семьей и их переезда в Россию (*Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч. Т. VIII. М., 2005. С. 682). Подробнее см.: *Флейшман Л.* Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. С. 166–168.

[143] И.С. Асмус и В.Ф. Асмус жили в Киеве до 1928 г. Имелась в виду поездка в Киев в феврале – марте 1924 г. (ср. зачеркнутый фрагмент: «в эпоху, когда я жил у кузин в Киеве»). Белый тогда выступал с лекциями; останавливался у своих двоюродных сестер: Екатерины Александровны, Евгении Александровны и Веры Александровны Жуковых.

[144] Л.Б. Каменев написал резко-критические предисловия к книгам «Начало века» и «Мастерство Гоголя». «Кстати, меня беспокоит верстка “Маст<ерства> Гоголя” <…> Очень жду предисловия Каменева <…>», – писал Белый П.Н. Зайцеву 19 июня 1933 г. (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 531–532). Ср. рассказ об этом в письме П.Н. Зайцева к Л.В. Каликиной от 18 декабря 1933 г.: «Между прочим, я осенью решился показать Б.Н. предисловие к “Мастерству Гоголя”. И, против моих ожиданий, предисловие его мало задело. Он был очень спокоен и даже относительно доволен им» (Смерть Андрея Белого. С. 280. Публ. М.Л. Спивак).

[145] П.Н. Васильеву.

[146] В.С. Марсовой.

[147] Сохранился рецепт, выписанный П.Н. Васильевым Андрею Белому 26 октября 1933 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 5. Л. 12).

[148] Белый родился 14 октября 1880 г. по старому стилю.

[149] От А.А. Алексеевой и Е.А. Корольковой.

[150] Г.А. Санникове.

[151] После возвращения домой Белый попытался снова приступить к работе: «Вечером диктовал главку “Бердяев – Булгаков” из 2-й части III тома “Воспоминаний”» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 176).

[152] В.М. Бахметьев, Ф.В. Гладков и Г.А. Санников были членами Художественного совета и «качественной комиссии» ГИХЛа (см.: *Зайцев П.Н.* Последние десять лет жизни Андрея Белого. С. 172, 534). В записных книжках Г.А. Санникова Фролов упоминается как один из руководящих работников ГИХЛа: «Разговор в ноябре с Фрол<овым> и Накор<яковым> о “Между двух революций”». Отмечен им так же «разговор с Фроловым о поправках», которые желательно было бы внести в предисловие Л.Б. Каменева к мемуарам «Начало века» (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка. С. 243–244).

[153] «ОГИЗ» (Объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР») был создан при Наркомпросе РСФСР в 1930 г. для централизации, концентрации и упорядочения издательского дела. Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ) было создано тогда же как предприятие, работающее в системе ОГИЗа. Суть тяжбы ГИХЛа с ОГИЗом изложена в письме П.Н. Зайцева к Белому от 29 июня 1933 г.: «Вчера в ГИХЛе было заседание качественной комиссии группкома. Я был на этом заседании. Обсуждался план II и III кварт<алов> и предположенный план конца года и начала 34-го. В.М. Бахметьев сообщил о существующих в некоторых кругах и среди ответственных работников ОГИЗа предположениях типизировать ГИХЛ, возложив на него функции издания лишь классиков и современных писателей с “именами”. Это сообщение подверглось живому обсуждению. Комиссия единодушно признала типизацию ГИХЛа недопустимой и гибельной для издательства и ставящей ряд писателей в трудное положение. Судя по высказываниям, такая типизация едва ли встретит поддержку и в широкой среде писательской общественности.

Попутно развернулся вопрос о принципиальных позициях ГИХЛа и о его “лице”. Этому вопросу, вероятно, будет посвящен отдельный вечер. ГИХЛ нуждается в конкретной, реальной помощи и поддержке со стороны писателей и группкомов, просит ее, но… не всегда эту помощь принимает» (Андрей Белый и П.Н. Зайцев. Переписка. С. 534).

[154] У Белого были и личные причины «бунтовать» против политики «ОГИЗа», сделавшей невозможным выход в «ГИХЛе» третьего тома мемуаров (*МДР*). В письме к С.Д. Спасскому от 29 ноября 1933 г. он жаловался: «Но с осени выпускная способность “Гихла” оказалась опять под ударом ввиду препятствий, оказываемых “Огизом”, желающим, чтобы “Гихл”, сосредоточась на классиках, занимался бы минимально совр<еменной> худ<ожественной> литературой; “Гихл” вынужден отказаться от ряда намеч<енных> книг <…>, так что я волен распоряжаться “Началом Века”, как мне угодно, или опять ждать» (Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским. С. 661).

[155] Сэн Катаяма много лет прожил в России и умер в Москве 5 октября 1933 г. Его торжественные похороны (в которых принимал участие И.В. Сталин) состоялись 9 ноября, урна с прахом была захоронена у Кремлевской стены, мозг передан в Московский институт мозга.

[156] Ср.: «Ноября 9. С мигренью выехал на заседание в ГИХЛ вместе с Г.А. Санниковым. Обратно возвращался пешком с Ф.В. Гладковым» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 176). См. также описание этого события в письме П.Н. Зайцева к Л.В. Каликиной от 18 декабря 1933 г.: «9 ноября его вновь пригласили на собрание в ГИХЛ, по поводу посылки делегации писателей в Кремль на прием к т. Сталину или т. Молотову, в которую хотели включить и Б.Н. Это собрание его сразило. По случаю похорон Сен Катаяма он несколько часов блуждал по улицам, стремясь пройти сквозь милицейские цепи и пробраться домой. Вернувшись в Долгий, он слег на 10 дней в постель» (Смерть Андрея Белого. С. 280).

[157] По рецептам О.В. Вальтера Белый получал лекарства в Кремлевской аптеке 17 и 27 ноября 1933 г. (РГБ. Ф. 25. Карт. 40. Ед. хр. 5. Л. 13, 15).

[158] П.Н. Зайцев старался максимально отсрочить знакомство Белого с предисловием Каменева к «Началу века». См. его признания в письме к Л.В. Каликиной от 18 декабря 1933 г.: «Это предисловие я получил на просмотр и для отсылки Б.Н. еще летом. Оно произвело на меня ужасное впечатление. Целую неделю я ходил ошеломленный, не зная, что делать. Посоветовавшись с друзьями, решил не посылать его Б.Н., а дать прочитать по приезде. Получив его в Коктебеле, Б.Н. разволновался бы, а сделать фактически ничего не смог бы, разве приостановить выход книги и запретить ее печатать, если нельзя выпускать без предисловия. Допускаю, что Б.Н. мог бы это сделать. Но если бы он это сделал, то такой жест испортил бы отношения его как писателя с издательством <…> На расстоянии, из Коктебеля, ему трудно было мирным путем разрешить создавшееся положение. По приезде Б.Н. в Москву я также не мог дать ему прочитать предисловие. Оставалось поставить его перед фактом выхода книги с *таким именно*, а не *худшим* предисловием <…> Вернись Б.Н. здоровым в Москву 18–19 июля, как он предполагал, все могло бы сложиться иначе. Он, прочтя предисловие, поехал бы сам в И<здательст>во и, возможно, добился бы чего-нибудь. Но он вернулся в таком состоянии, что показывать ему предисловие сразу было нельзя» (Смерть Андрея Белого. С. 280).

[159] По свидетельству К.Н. Бугаевой, Белый 25 ноября 1933 г. читал Зайцеву «отрывок “Египет” из 2-й части III тома “Воспоминаний”» (*Бугаева К.Н.* Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 177). См. подробнее в письме П.Н. Зайцева к Л.В. Каликиной от 18 декабря 1933 г.: «25 ноября он захотел мне почитать из написанного. Читал куски из путешествия в Египет с Асей в 1911 г. Прочитанные главки мне очень понравились, и действительно они очень хорошо написаны, с большой силой, глубиной и в новой манере внутренней и полной правды, как и собирался Б.Н. писать этот том» (Смерть Андрея Белого. С. 180).

[160] См. также предыдущий визит М.И. Сизовой-Тегер к Бугаевым 11 июля 1932 г. Этот визит мог быть связан с ее приездом из Средней Азии и попытками добиться возвращения из ссылки мужа, Евгения Карловича Тегера (1890 – после 1942). Е.К. Тегер был в 1928 г. приговорен к 7 годам заключения в лагере, но, благодаря хлопотам жены, в 1929 г. переведен из Соловков в Казахстан (Петропавловск), а в 1930 г. в Ташкент, куда переехала к нему и М.И. Сизова. 10 октября 1933 г. Е.К. Тегер «был освобожден в Ташкенте с правом свободного проживания по СССР, однако не смог получить паспорт, чтобы закрепиться в Ленинграде или Петрозаводске, и вынужден был уехать на жительство в Киров (Вятка)» (Розенкрейцеры в Советской России: Документы 1922–1937 гг. / Публ., вступ. статья, коммент., указатель А.Л. Никитина. М., 2004. С. 81).

[161] Белый узнал об этом через С.Д. Спасского. В письме к нему от 29 ноября 1933 г. Белый благодарил «за передачу любезного приглашения “Издат<ельства> Ленингр<адских> Писателей”, пожелавшего включить в план издания 1934 г. книгу мою “Начало века” (2-ой том), называющуюся “Между двух революций”; книга эта писалась для “Изд<ательства> Федерации” в эпоху, когда “Гихл”, выпускавший 2 мои книги, не имел возможности выпустить третью. С прошлого года образовавшийся при “Гихле” Горком писателей предложил мне выпустить 2-ой том “Нач<ала> Ве-

ка", который я и взял из "Федерации" для "Гихла". Но с осени выпускная способность "Гихла" оказалась опять под ударом <...>. Итак, с охотой навстречу предложению издательства; рукопись может в любое время быть отослана. Жду уведомления об этом» (Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским. С. 661).

[162] По свидетельству К.Н. Бугаевой, «утром 2 декабря он закончил диктант последнего отрывка второй главы, вечером рассказывал, с чего нужно будет начать третью, а вечером со второго на третье начался новый приступ болезни <...>» (*Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]*. Литературное наследство Андрея Белого. С. 617)». Имеется в виду глава «Инцидент с "Петербургом"» (*МДР*. С. 437–440).

[163] В этот же день, 3 декабря 1933 г., Белый, по свидетельству К.Н. Бугаевой, «правил текст (стилистически) "Воспоминаний"» (*Бугаева К.Н*. Андрей Белый: Летопись жизни и творчества. Л. 177). Сохранилось также датированное 3 декабря письмо Белого к С.Д. Спасскому, где обсуждаются вопросы издания *МДР* и возможный гонорар. В сделанной К.Н. Бугаевой копии письма имеется ее примечание: «Написано в день начала последнего приступа, после которого Б.Н. был перевезен в клинику. Письмо не было отправлено» (Мемориальная квартира Андрея Белого).

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составитель Е.В. Наседкина

I. ПОРТРЕТЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

РИСУНОК, ГРАФИКА

В.В. Каррик. В.Я. Брюсов и Андрей Белый. 1904. Бумага, тушь, акварель. ГМП – 693
Л.С. Бакст. Портрет Андрея Белого. 1906. Бумага, цветные карандаши. ГЛМ – 14
А.А. Тургенева. Портрет Андрея Белого. 1909. Офорт. ГМП – 122
Ф.А. Головин. Андрей Белый, М.Ф. и Ф.Ф. Кокошкины. 1917, январь. Бумага, картон, тушь, карандаш. ГМП – 432
В.П. Беляев. Андрей Белый – лектор. 1924–1925. Бумага, тушь, перо. ГЛМ – 484, 488, 686
В.П. Беляев. Андрей Белый – лектор. 1925, 6 апреля. Бумага, тушь, перо, акварель. ГЛМ – 487
А.И. Костомолоцкий. Портрет Андрея Белого. 1920-е. Бумага, акварель, белила. ГЛМ – 749
Н.В. Кузьмин. Портрет Андрея Белого. 1932. Бумага, тушь, акварель. ГЛМ – 923
Б.Е. Ефимов. Андрей Белый. Литературная газета. 1932, 29 ноября. № 54 – 848
Н.Н. Вышеславцев. Портрет поэта Андрея Белого. Кучино – Москва. 1929–1933. Бумага, пастель. ГЛМ – 508
О.Д. Форш. «Синтетическое лицо Андрея Белого». 1934. Фототипия. ГМП – 1008

ФОТОГРАФИИ

Боря Бугаев. Фотография Г.В. Трунова. Москва. Не позднее 1884. ГЛМ – 31
Боря Бугаев. Фотография Р.Ю. Тиле. Москва. Около 1885. ГМП – 32
Боря Бугаев. Фотография Р.Ю. Тиле. Москва. 1888. ГМП – 34
Борис Бугаев – гимназист. Фотография П.Н. Барбашова. Москва. 1890-е. ГЛМ – 37
Андрей Белый в гостиной своей квартиры (Арбат, 55). Москва. 1900–1901. ГМП – 61
Андрей Белый – студент Московского университета. Фотография О. Ренара. Москва. 1903. ГМП – 85
Андрей Белый. Фотография на бланке открытого письма. Москва. 1904. ГМП – 111
Андрей Белый. Мюнхен. 1906. ГМП – 368
Андрей Белый. Фотоателье «Benjamin Couprie». Брюссель. 1912. ГМП – 147
Андрей Белый. Дорнах. 1915. ГМП – 199
Андрей Белый. Фотография O. Niedermaier. Флюэлен (Швейцария). 1915. ГМП – 820
Андрей Белый. 1916. ГМП – 330
Андрей Белый. «Фотография П.Г. Жукова. Петербург». 1919 (?). ГМП – 467
Андрей Белый. Берлин. 1923. ГМП – 478
Андрей Белый. Москва. 1924. ГМП – 737
Андрей Белый. Фотоателье М.С. Наппельбаума. 1926. ГМП – 698
Андрей Белый. Фотография М.С. Наппельбаума. 1929. ГМП – 21
Андрей Белый. Фотография А.М. Дроздова. Кучино. 1930. ГЛМ – 833
Андрей Белый. Фотография В.М. Носилова. Кучино. 1930, март. ГМП – 538
Андрей Белый. 1932. ГМП – 913
Андрей Белый. Москва. 1933, май. ГМП – 839

ГРУППОВЫЕ ФОТОГРАФИИ

Боря Бугаев с матерью А.Д. Бугаевой. Фотография Г.В. Трунова. Москва. 1884. ГЛМ – 33
Андрей Белый и С.М. Соловьев в подмосковном имении Дедово. 1905 (?). ГМП – 359

II. АВТОГРАФЫ АНДРЕЯ БЕЛОГО

III. РИСУНКИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

IV. ДОКУМЕНТЫ

V. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНДРЕЯ БЕЛОГО

VI. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Л.Р. Мюльгаупт. Форзацы книги Андрея Белого «Мастерство Гоголя». 1933. Ксилография. Авторский оттиск. ГМП – 992

М.И. Поляков. Сенатор Аблеухов. Иллюстрация к роману Андрея Белого «Петербург». 1934. Ксилография. Авторский оттиск. ГМП – 767

VII. СЕМЬЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО

ФОТОГРАФИИ

Н.В. Бугаев. Отец Андрея Белого. Фотография И.Г. Дьяговченко. Москва. 1876–1877. ГМП – 44

А.Д. Бугаева (урожденная Егорова). Мать Андрея Белого. Фотография Р.Ю. Тиле. Москва. 1890-е. ГМП – 40

А.Д. Бугаева и Е.Ф. Егорова, мать и бабушка Андрея Белого, в квартире на Арбате. Москва. 1894. ГМП – 335

Е.Д. Егорова, тетка Андрея Белого (тетя Дотя). ГМП – 336

К.Н. Васильева (с 1931 г. Бугаева). 1911. ГМП – 136

К.Н. Васильева (с 1931 г. Бугаева). 1914. ГМП – 400

Е.Н. Кезельман. 1930-1940-е. ГМП – 861

С.М. Кезельман. 1920-е. ГМП – 857

Сестры Тургеневы: Наташа, Таня, Ася. Фотография Ф. Опитца. Москва. 1910, 25 ноября. ГМП – 126

А.А. Тургенева. «Grohmannfoto». 1930-е (?). ГМП – 215

А.А. Тургенева за работой над стеклами Гетеанума. Дорнах. 1937. ГМП – 415

VIII. СОВРЕМЕННИКИ АНДРЕЯ БЕЛОГО

ПОРТРЕТЫ

К.К. Костенко. Портрет Максимилиана Волошина. Коктебель. 1927. Бумага, двухцветная линогравюра. ГМП – 961

К.А. Сомов. Портрет Вяч. И. Иванова. «Золотое руно». 1907. № 3. ГМП – 123

В.К. Штембер. Портрет М.К. Морозовой. 1893 (?). Холст, масло. ГМП – 339

ФОТОГРАФИИ

Ю.К. Балтрушайтис. 1920-е (?). ГЛМ – 719

К.Д. Бальмонт, С.А. Поляков, М.А. Дурнов. 1904. ГЛМ – 373

М. Бауэр. Фотография «E. Van Bomel Dlünchen» с несохранившегося портрета М.В. Сабашниковой (Волошиной). Брейтбрунн на Аммерзее. 1926. ГМП – 255

А.А. Блок. Фотография Д.С. Здобнова. Санкт-Петербург. 1907. На бланке открытого письма. ГМП – 353

Л.Д. Блок. Фотоателье А.И. Деньера. Санкт-Петербург. 1903. ГМП – 366

В.Д. Бонч-Бруевич. 1934. ГЛМ – 925

В.Я. Брюсов. Фототипия «Д. Хромов и М. Бахрах». Москва. 1914. ГЛМ – 89

В.В. Владимиров. Фотография на бланке открытого письма. Мюнхен. 1906. ГМП – 346

З.Н. Гиппиус. «Придворная фотография Отто Ренар». Москва. 1904. ГМП – 370

П.Н. Зайцев. Фотоателье М.С. Наппельбаума. 1920-е. ГМП – 506

П.Н. Зайцев. 1925. ГМП – 892

В.Ф. Коммиссаржевская. Фотограф Императорских театров. 1900-е. На бланке открытого письма. ГМП – 389

Э.К. Метнер. Цюрих. 1910-е (?). ГМП – 416

М.А. Оленина д'Альгейм. Фотография Г.В. Трунова. Москва. 1902. С дарственной надписью М.А. Олениной д'Альгейм Н.И. Очередину. ГМП – 707

IX. АВТОГРАФЫ СОВРЕМЕННИКОВ

X. ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СОВРЕМЕННИКОВ АНДРЕЯ БЕЛОГО

XI. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

XII. РАЗНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Составители А.В. Лавров, Джон Малмстад, М.Л. Спивак

*Аннотируются только имена, упоминаемые в публикуемых текстах Андрея Белого. Дополнительные сведения о ряде лиц, упоминаемых Белым, обнаружить не удалось. В скобках приводятся фамилии в том виде, в каком они встречаются в текстах Белого (другая транслитерация иностранных имен, искаженные написания).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел IV. ДНЕВНИКИ 1930-х годов

Литературное наследство / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 1931– . – ISSN 0130-3627.

Том 105: Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А.Ю. Галушкин, О.А. Коростелев; научн. ред. М.Л. Спивак; сост. А.В. Лавров, Дж. Малмстад, подг. текста А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т.В. Павловой, М.Л. Спивак; статьи и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Малмстада, М.Л. Спивак. – М.: Наука, 2016. – 1120 с., ил. – ISBN 978-5-02-039975-4.

Содержание 105 тома «Литературного наследства» составляют автобиографические своды и поздние дневники Андрея Белого, писателя, чей биографический опыт служил не только стимулом для творчества, но и непосредственным содержанием этого творчества. Факты биографии Белого – необходимая основа для представления о его жизненном пути и для истолкования большинства его произведений. Комплекс представленных автобиографических сводов и дневников имеет огромное значение для понимания как жизни и творчества Андрея Белого, так и всей эпохи первой трети XX в.

Для специалистов в области теории и истории литературы, студентов и аспирантов филологических факультетов вузов, широкого круга читателей.

Научное издание

Печатается по решению
Научно-издательского совета
Российской академии наук

Литературное наследство

Том 105

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВОДЫ

Материал к биографии
Ракурс к дневнику
Регистрационные записи
Дневники 1930-х годов

Утверждено к печати
Ученым советом
Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН

Составители
А.В. ЛАВРОВ и Дж. МАЛМСТАД

Научный редактор
М.Л. СПИВАК

Ответственные редакторы
А.Ю. ГАЛУШКИН, О.А. КОРОСТЕЛЕВ

Редакторы *В.В. Нехотин, М.А. Фролов*

Рецензенты *Н.А. Богомолов, С.И. Панов*

Подбор иллюстраций *Е.В. Наседкиной, М.Л. Спивак*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Технический редактор *В.Н. Костылев*

Подписано к печати 6.07.2016
Формат 70 × $108^1/_{16}$. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.-печ.л. 98,1. Усл. кр.-отт. 101,0. Уч.-изд. л. 105,0.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 1555

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук.

121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а.
Тел.: (495) 690-05-61, (495) 691-23-01.

ФГУП «Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

Отпечатано с готовых диапозитивов
ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISSN 0130-3627
9 770130 362002 >

ISBN 978-5-02-039975-4
9 785020 399754 >

Андрей Белый

Автобиографические своды

Материал к биографии
Ракурс к дневнику
Регистрационные записи
Дневники 1930-х годов

Андрей Белый

Автобиографические своды

Материал к биографии
Ракурс к дневнику
Регистрационные записи
Дневники 1930-х годов

ISBN 978-5-02-039975-4

Литературное наследство

105

Андрей Белый
Автобиографические своды

Литературное наследство

105

Наука

Андрей Белый

Автобиографические своды

Материал к биографии
Ракурс к дневнику
Регистрационные записи
Дневники 1930-х годов

Содержание 105 тома «Литературного наследства» составляют автобиографические своды и поздние дневники Андрея Белого, писателя, чей биографический опыт служил не только стимулом для творчества, но и непосредственным содержанием этого творчества.

Факты биографии Белого – необходимая основа не только для представления о его жизненном пути, но и для истолкования большинства его произведений.

В первом разделе представлены автобиографии 1927 г. и 1929 г. Во втором – самые масштабные – «Материал к биографии» и «Ракурс к дневнику» (оба – 1920-е гг.).

«Материал к биографии» – это опыт «внутренней», «интимной» автобиографии. В нем описаны те события личной жизни, которые в мемуарных книгах Белого либо обойдены вниманием, либо затронуты недостаточно полно и откровенно (особое внимание уделено переживаниям 1913–1915 гг.).

В «Ракурсе к дневнику» Белый осуществил опыт «внешнего» жизнеописания: предметом детального освещения становится хроника творчества, публичные выступления, прочитанные книги и т.п., тогда как жизненные обстоятельства (1899–1933 гг.) описаны лаконично.

«Малые» регистрационные своды (третий раздел) фиксируют творческую, лекционную и прочую активность писателя (доклады и выступления; занятия [illegible]; передвижения и т.д.).

Завершают книгу (четвертый раздел) сохранившиеся дневниковые записи Белого, фрагментарно охватывающие наименее изученный период его жизни и творчества (1930-е гг.). Они продолжают «Ракурс к дневнику», вводят читателя в курс переживаний, вызванных арестом антропософского окружения Белого, показывают его попытки приспособиться к советской идеологии и одновременно сохранить себя. Белый вел дневники до декабря 1933 г., до момента, когда смертельная болезнь лишила его возможности писать.

Комплекс представленных в 105 томе автобиографических сводов и дневников имеет огромное значение для понимания как жизни и творчества Андрея Белого, так и всей эпохи первой трети XX в.